

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

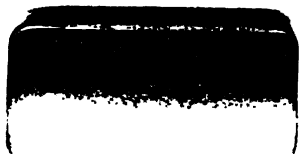
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08191323 2

*QCA

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ

ТОМЪ СТО СЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1884

14474.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМА СТО СЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАГО.

Н О Я Б Р Ъ.

	Стр.
Пермьский государственный бюджет. Кабинетные принципы и действительность. Гл. I—V. <i>Н. X. Бесселя</i>	5
Генералъ Николай Бауманъ и его дѣло. Изъ жизни Московской Ново-Иноземской слободы въ XVII вѣкѣ. <i>Д. В. Дятлова</i>	55
Бесѣда. Правдивая исторія. Часть третья. Гл. XVIII—XX. <i>Б. М. Маркевича</i>	109
Глава изъ исторіи нашей литературы. Гл. I. <i>И. К. Щегальскаго</i>	144
Жемчугъ королевы. Разказъ. <i>Д. М. Позняка</i>	167
Изъ прочитанаго. Гл. XLII—XLVI. <i>Н. И. Гулярова-Илатонова</i>	203
Изъ Прюдома. Стихотвореніе. <i>Вѣры Н.</i>	262
Грѣхъ Филарета митрополита Московскаго. <i>Н. Н. Корсунскаго</i>	267
Стихотворенія: I. *.* „Въ туманѣ утреннемъ невѣрныма снагами“. II. <i>А. А. Фету</i> , 19 октября 1884 года. <i>Р. С.</i>	308
Библиографія. I. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяцъ.—II. <i>А. Fokke. Rettungen des Alkibiades. I. Die Sicilische Expedition. Emden. W. Haynel. 1883, 8.</i> —III. <i>R. S. Jebb. Die Reden des Thukydides. Autorisirte Uebersetzung von T. Imelmann. Berlin. W. Weber. 1883, 8. 65 pp.</i>	310
Современная дѣтопись. Наши судебныя учрежденія.—При какихъ условіяхъ могла бы у насъ развиться техника, а искусные люди найти себѣ дѣло?—Открытие сессіи Германскаго рейхстага и его партія.—Африканская конференція.—Подобіе Англіи.—Голосеніе на православіе въ Россіи.— <i>Б. М. Маркевичъ</i> †	334

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Оливье Моганъ. Романъ Виктора Шербюлье. Часть третья. Гл. X—XV. Часть четвертая. Гл. XVI—XVII.

Д Е К А Б Р Ъ.

Стр.

Нормальный государственный бюджетъ. Кабинетные принципы и действительность. Окончаніе. Н. Х. <i>Весселя</i>	377
Годы ученія Рафаэля. А. В. <i>Вышеславцева</i>	446
Глава изъ исторіи нашей литературы. Гл. II. П. К. <i>Щебальскаго</i>	500
Быль сороковыхъ годовъ. <i>Ольги Н.</i>	523
Воспоминанія о Скобелевѣ и занятіи Южной Болгаріи. Окончаніе. В. В. <i>Яшерега</i>	576
Загадочныя племена. Три мѣсяца на „Голубыхъ Горахъ“ <i>Мадраса</i> . Гл. I. <i>Радда-Бай</i>	639
Сельская школа. Разказъ. П. П. <i>Гиндича</i>	674
По поводу концерта посвященнаго Бетховену. Г. А. <i>Лароша</i>	692
Изъ черноземной полосы. Стихотворенія. К. К. <i>Случевскаго</i>	720
Библиографія. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць	726
Современная лѣтопись. Нашъ уголовный кодексъ и наши суды.—Сколинскій банкъ.—Церковно-приходскія школы.—Африканскій вопросъ.—Абиссинія...	736

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Оливье Моганъ. Романъ Виктора Шербюлье. Окончаніе.

НОРМАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТЪ

КАБИНЕТНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

I.

Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ авторитетныхъ въ Европѣ органовъ по экономическимъ вопросамъ, англійская газета *Economist*, по поводу потерпѣвшей полное крушеніе нашей размѣнной операціи предпринятой Государственнымъ Банкомъ съ цѣлью возстановленія въ Россіи металлическаго денежнаго обращенія, высказала слѣдующую надежду: „Россія сознаетъ, наконецъ, что главное удручающее ее зло заключается въ ея непомерныхъ расходахъ и недостаточной производительности, и что безпрестанные займы, служа временнымъ palliативнымъ средствомъ, содѣйствуютъ только ухудшенію ея экономическаго и финансоваго положенія, и безъ того уже неудовлетворительнаго. Всѣ эти займы суть не что иное какъ затычки (stopgaps) скрывающія опасную течь и служатъ лишь къ расширенію съ каждымъ годомъ бреши въ платинѣ“. *

Неоднократныя указанія въ Божѣ почившаго Императора Александра II, выразившіяся въ его собственноручныхъ надписяхъ на отчетахъ Государственнаго Контроля; постоянныя напоминанія въ этихъ отчетахъ о бережливости въ

* *Economist*, 12 декабря 1863 года.

расходахъ; * назначеніе въ 1878 году особой Высшей Коммиссіи сокращенія государственныхъ расходовъ и особыя Высочайшія повелѣнія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ 1881 и 1882 годахъ, о соблюденіи строжайшей бережливости въ расходахъ и неуклонномъ исполненіи всѣми вѣдомствами установленныхъ закономъ смѣтныхъ правилъ; наконецъ, старанія и усилія со стороны всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ сократить свои расходы, особенно проявившееся, какъ мы видѣли, при составленіи государственной росписи на 1882 годъ;—все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ что и до послѣдней Восточной Войны Россія сознавала и теперь сознаетъ неломѣрность своихъ государственныхъ расходовъ и необходимость строжайшей бережливости. И что же? Несмотря на это сознаніе, на всѣ вышеозначенныя Высочайшія повелѣнія, на полную готовность и всѣ старанія и усилія правительственныхъ вѣдомствъ сократить свои расходы, результаты, какъ мы видѣли, оказываются все болѣе и болѣе отрицательными: государственныя расходы ежегодно возрастаютъ, существующіе налоги безпрестанно возвышаются, вводятся новыя, устанавливаются новыя правила взиманія налоговъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшніе и внутренніе займы учащаются, государственныя долги быстро и значительно увеличиваются, и при всемъ этомъ наиболѣе настоятельныя и насущныя потребности и нужды страны и народа остаются безъ удовлетворенія.

Отчего же это происходитъ?

Наша настоящая государственная финансовая политика или настоящая система государственнаго хозяйства, какъ мы видѣли, есть непрерывное продолженіе финансовой

* Такъ въ отчетѣ Государственнаго Контроля за 1878 годъ, по поводу оказавшагося въ этомъ году дефицита въ 1.198.014 руб. несмотря на продолжавшееся увеличеніе общей массы государственныхъ доходовъ, сказано: „Посему строгое ограниченіе смѣтныхъ и сверхсмѣтныхъ требованій, всегда обязательное для тѣхъ учреждений отъ коихъ зависитъ ихъ удовлетвореніе, въ настоящее время становится дѣломъ общегосударственной необходимости, которой должны подчиняться всѣ частныя, хотя бы и дѣйствительно полезныя, предположенія отдѣльныхъ распорядительныхъ управленій“.

политики установившейся въ самомъ началѣ шестидесятихъ годовъ и практиковавшейся въ теченіе всего минувшаго царствованія. Это доказываютъ и слѣдующія слова самого министра Финансовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1884 годъ относительно совершаемыхъ нынѣ преобразованій въ податной системѣ:
„Министерство Финансовъ слѣдуетъ, при исполненіи этой задачи, той финансовой политики которой правительство придерживалось начиная съ 60-хъ годовъ“.

Такимъ образомъ, наша настоящая государственная финансовая политика или настоящая система государственнаго хозяйства продолжается непрерывно почти цѣлую четверть вѣка, и если, не взирая на многократныя указанія Верховной Власти и при всѣхъ заботахъ и стараніяхъ правительства о соблюденіи бережливости въ государственныхъ расходахъ, сіи послѣдніе постоянно возрастаютъ въ такихъ размѣрахъ что для покрытія ихъ (несмотря на ежегодно увеличивающіеся, главнымъ образомъ вслѣдствіе возвышенія существующихъ и введенія новыхъ налоговъ, а не вслѣдствіе естественнаго роста, государственные доходы) требуются еще безпрестанныя новые внутренніе и внѣшніе займы, такъ что государственные долги ежегодно увеличиваются, то *такіе изъ года въ годъ возрастающіе отрицательные результаты несомнѣнно и неопровержимо доказываютъ неправильность и ошибочность государственной финансовой политики или системы государственнаго хозяйства и ея несоответствіе съ действительными жизненными потребностями и нуждами страны.* И такъ какъ эта финансовая политика продолжается непрерывно, неизмѣнно и неисправимо почти цѣлая 25 лѣтъ, то изъ этого прямо слѣдуетъ что *неправильность и ошибочность не могутъ быть объясняемы какими-нибудь случайными, временными обстоятельствами и недоразумѣніями, а должны заключаться въ основныхъ началахъ.*

Слѣдовательно, чтобы вѣрно уразумѣть неправильность и ошибочность нашей государственной финансовой политики, необходимо выяснить и съ точностью опредѣлить тѣ начала которыя, такъ сказать, выткали первую основу ея, которыми она постоянно руководилась во всемъ дальнѣйшемъ развитіи своемъ и на которыхъ она окрѣпла и прочно установилась.

Для болѣе нагляднаго и убѣдительнаго выясненія и опредѣленія этихъ началъ считаемъ необходимымъ сперва сопоставить нашу государственную финансовую политику, установившуюся послѣ Крымской войны и достигнутые ею финансовые и экономическіе результаты, съ финансовою политикою Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ по окончаніи междуусобной войны и съ достигнутыми ею финансовыми и экономическими результатами. *

II.

Россія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты по своимъ естественнымъ экономическимъ условіямъ, представляютъ много однороднаго. Оба государства—страны преимущественно земледѣльческія, производящія съ избыткомъ не только хлѣбъ и другіе жизненные припасы, но и сырые матеріалы для фабрикъ и заводовъ. Минеральныя богатства Россіи, особенно желѣзо, каменный уголь, нефть, нисколько не уступаютъ таковымъ же въ Америкѣ. Драгоценныя металлы добываются въ Россіи какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, и если въ меньшемъ количествѣ, особенно серебро, за то съ болѣе давняго времени.

Разстройство денежнаго обращенія и вообще финансовыя затрудненія какъ въ Соединенныхъ Штатахъ такъ и въ

* Для желающихъ съ болѣею подробностью ознакомиться съ этимъ вопросомъ указываемъ на замѣчательныя и основанныя на фактахъ статьи А. А. Красильникова: „О возобновленіи цѣнности бумажныхъ денегъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ“ и „Обзоръ мѣропріятій къ поднятію цѣнности нашего кредитнаго рубля“, которыя были сперва напечатаны въ журналѣ *Русская Мысль* въ 1879 и 1880 годахъ, а потомъ изданы отдѣльною книжкой, въ 1882 году, подъ заглавіемъ: *Объясненіе причинъ успѣха Америки и неуспѣха Россіи въ возобновленіи металлическаго обращенія*. Приводимыя ниже данныя мы заимствуемъ изъ этихъ статей, авторъ которыхъ съ полнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ излагаетъ и разсматриваетъ различныя мнѣнія и сужденія касающіяся самыхъ животрепещущихъ финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ, а потому заключительные выводы его, по нашему мнѣнію, вѣрны и справедливы. *Прим. автора.*

Россіи причивла война. На покрытие чрезвычайныхъ расходовъ вызванныхъ Крымскою войной, у насъ было выпущено на 400 милл. руб. кредитныхъ и на 30 милл. руб. казначейскихъ билетовъ, заключены два займа по 50 милл. руб. каждый и занято изъ прежнихъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій до 180 милл. руб., что составитъ всего 710 милл. руб.

До междуусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ не было никакихъ правительственныхъ бумажныхъ денегъ или билетовъ привилегированнаго Государственнаго Банка, какъ въ Англіи, Франціи или Германіи, а кромѣ общегосударственной звонкой монеты выпускались еще билеты разныхъ частныхъ банковъ, обращавшіеся большею частію по номинальной цѣнѣ лишь въ мѣстныхъ болѣе или менѣе значительныхъ районахъ, а внѣ оныхъ съ болѣе или менѣе значительною скидкой, и вся сумма которыхъ, вмѣстѣ съ билетами южныхъ штатовъ, не превышала 190 милл. долларовъ.

Возгорѣвшаяся въ 1861 году междуусобная война продолжалась почти три года и окончилась полнымъ торжествомъ Сѣверныхъ Штатовъ и освобожденіемъ 4½ милл. черныхъ невольниковъ. Эта война потребовала громадныхъ денежныхъ средствъ. Бюджетные расходы, составлявшіе предъ войной за финансовый годъ по 30 іюня 1861 года всего лишь 84.578.034 долларовъ (около 113 милл. руб. метала.) при 86.855.900 долл. дохода, дошли по бюджету 1865 года до 1.290.312.940 долл., изъ которыхъ 864.863.490 долл. были покрыты займами. Государственный же долгъ, составлявшій до войны всего лишь 64.769.701 долл. (около 87 милл. р. мет.) по окончаніи войны, къ 31 іюля 1865 года достигъ 2.874.092.908 долл. (около 3.850.000.000 руб. мет.), въ томъ числѣ неразмѣняемыхъ крупныхъ и мелкихъ бумажныхъ денегъ (greenbacks и fractional currency) на 430 милл. долл. Слѣдовательно, междуусобная война стоила Соединеннымъ Штатамъ въ пять разъ дороже чѣмъ Крымская война Россіи.

Какъ ни велики были для населенія Россіи вообще, а Крыма и южныхъ губерній въ частности, матеріальныя потери причиненныя войной, но онѣ далеко не могли сравниться съ потерями населенія Соединенныхъ Штатовъ, особенно южныхъ, отъ опустошеній произведенныхъ междуусобною войной.

Если окончательное покореніе Кавказа и усмиреніе Польскаго мятежа потребовали въ Россіи нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ, то и Соединенные Штаты послѣ междоусобной войны вели войну съ Мексикой и готовились къ войнѣ съ Англіей изъ-за Алабамы. Наши завоеванія въ Средней Азій, вмѣстѣ съ Хивинскимъ походомъ, едва ли стоили больше заплаченной Соединенными Штатами суммы за уступленныя нами Сѣверо-Американскія владѣнія.

Освобожденіе четырехъ съ половиной милліоновъ негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, конечно, не могло имѣть большаго вліянія на увеличеніе производительности страны чѣмъ свободный трудъ болѣе 20.000.000 крестьянъ освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи.

При такихъ непосредственныхъ и ближайшихъ послѣдствіяхъ Крымской войны для Россіи и междоусобной войны для Соединенныхъ Штатовъ, экономическіе и финансовые результаты, достигнутые въ теченіе мирнаго времени каждымъ государствомъ, были слѣдующіе:

1) Желѣзныхъ дорогъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ съ 1865 по 1877 годъ, въ теченіе 12 лѣтъ, было проложено болѣе 67.000 верстъ; въ Россіи же, съ 1856 по 1876 годъ, то-есть въ теченіе 20 лѣтъ, сооружено ихъ около 18.000 верстъ.

2) *Вывозъ* товаровъ изъ Соединенныхъ Штатовъ съ 1865 по 1878 годъ увеличился на 338.651.000 долл. или на 125%; вывозъ товаровъ изъ Россіи въ теченіе 20 лѣтъ, съ 1856 по 1876 годъ, увеличился на 207.500.000 руб. или на 115%.

3) *Привозъ* заграничныхъ товаровъ въ тоже время въ Соединенныхъ Штатахъ увеличился всего лишь на 86.245.000 доллар. или на 25%; привозъ же иностранныхъ товаровъ въ Россію съ 1856 по 1876 годъ увеличился на 352.124.000 руб. или слишкомъ на 200%.

Такимъ образомъ, *вывозъ* товаровъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ двѣнадцать лѣтъ превзошелъ въ пять разъ *привозъ* иностранныхъ товаровъ, а вывозъ товаровъ изъ Россіи въ 20 лѣтъ оказался почти въ два раза менѣе *привоза* иностранныхъ товаровъ, что должно было сильно повліять на *уменьшеніе нашего торговаго баланса и вексельныхъ курсовъ и на увеличеніе преміи на золото.*

4) *Премія* на золото въ Соединенныхъ Штатахъ доходила въ сложности за годъ до 30 июня 1865 года до 102⁰/₀; въ концѣ же 1878 года никакой преміи на золото уже не существовало, и металлическое денежное обращеніе было вполнѣ восстановлено.

Въ Россіи въ 1856 году, при среднемъ годовомъ курсѣ на Лондонъ 38¹/₄ пенс., преміи на золото не было; чрезъ 20 лѣтъ, въ 1876 году средній годовой курсъ на Лондонъ повзился до 30¹⁵/₁₆ пенс. и въ концѣ года полумперіаль стоилъ 6 р. 65 к., что равняется преміи на золото почти въ 30⁰/₀.

5) *Доходы*, по государственному бюджету Соединенныхъ Штатовъ, съ 558 милл. долл. въ финансовомъ 1865—1866 году повзились до 270 милл. долл. въ 1877—78 году; а расходы за тѣ же годы повзились съ 520 милл. долл. до 243 милл. долларовъ.

Въ Россіи государственные доходы съ 382 милл. руб. въ 1866 году увеличались до 559 милл. руб. въ 1876 году, а расходы съ 413 милл. руб. въ 1866 году увеличались до 573 милл. руб. въ 1876 году, не считая 51 милл. руб. чрезвычайныхъ расходовъ.

6) Въ Соединенныхъ Штатахъ изъ суммы *пониженія* доходовъ въ 1876 году на 288 милл. долл., на *внутренніе налоги* приходилось 248 милл. руб. и на *таможенныя пошлины* только 40 милл. долл. Въ Россіи же, изъ суммы увеличенія доходовъ на 177 милл. руб., на *внутренніе налоги* приходилось 141 милл. руб. и на *таможенный доходъ* 36 милл. руб.

7) *Расходы по системѣ государственнаго кредита*, то-есть на уплату ⁰/₀ и погашенія государственнаго долга въ Соединенныхъ Штатахъ со 144 милл. долл. въ 1865—1866 году уменьшилось до 98 милл. долл. въ 1876—77 году, то-есть сокращены на 46 милл. долл. въ годъ.

Въ Россіи же эти расходы увеличались съ 56¹/₂ милл. руб. въ 1856 году до 109 милл. руб. въ 1876 году, то-есть возрасли на 52¹/₂ милл. руб. въ годъ.

8) *Капитальная сумма* процентныхъ и безпроцентныхъ государственныхъ долговъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ 2.757 милл. долл. по 31 июля 1865 года, за вычетомъ наличныхъ денегъ въ казначействѣ, сократилась до 2.040 милл. долл. въ 1877 году, то-есть уменьшилась въ теченіе 12 лѣтъ на 717 милл. долл.

Въ Россіи *капитальная сумма* процентныхъ и безпроцентныхъ государственныхъ долговъ, за вычетомъ металлическаго

фонда кредитныхъ билетовъ, съ 1.435 милл. руб. * на 1 января 1857 года, возрасла до 1.798 милл. руб. ** къ 1 января 1877 года, то-есть увеличилась на 363 милл. руб. Въ томъ числѣ количество государственныхъ кредитныхъ билетовъ увеличилось одновременно съ 687 милл. руб. до 735 милл. руб., то-есть всего на 48 милл. руб. Такое незначительное увеличеніе безпроцентнаго государственнаго долга въ теченіе 20 лѣтъ, при увеличеніи въ то же время процентнаго государственнаго долга на 315 милл. руб., едва ли могло имѣть какое-либо вліяніе на пониженіе вексельныхъ курсовъ или поднятіе преміи на золото.

Надо еще замѣтить что изъ 109 милл. руб., израсходованныхъ въ 1876 году на проценты и погашеніе государственныхъ долговъ, только около 76 милл. руб. приходится на долги записанные въ государственную долговую книгу и на билеты Государственнаго Казначейства (всего на сумму 1.243 милл. руб.); остальные же затѣмъ 33 милл. руб. пошли на уплату процентовъ и погашенія по пяти желѣзнодорожнымъ консолидированнымъ займамъ на 69 милл. фунт. стерл. и по купонамъ Николаевской желѣзной дороги, капиталныя суммы которыхъ не были включены въ вышелоказанную общую сумму государственныхъ долговъ.

Сопоставляя всѣ эти экономическіе и финансовыя результаты достигнутые въ теченіе мирнаго времени въ Россіи съ 1856 по 1876 годъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной

* Внешнихъ долговъ.....	371.913.228	руб.
Долга сохраннымъ казнамъ и Заемному Банку.....	425.996.476	"
Казначейскихъ билетовъ.....	87.000.000	"
Кредитныхъ билетовъ.....	687.000.000	"
	<hr/>	
Итого.....	1.572.569.907	руб.
Металлическій фондъ.....	137.114.000	"
	<hr/>	
Итого по 1 января 1857 года...	1.435.455.907	руб.
** Долга: въ гульденахъ и фунт. стерл. по курсу	318.877.981	руб.
" металлическихъ рубляхъ.....	125.515.310	"
" кредитныхъ рубляхъ.....	582.671.658	"
Билетовъ Государств. Казначейства ...	216.000.000	"
Кредитныхъ билетовъ.....	735.222.025	"
	<hr/>	
Итого.....	1.978.286.274	руб.
Металлич. фондъ кредитн. билет ..	180.535.802	"
	<hr/>	
Итого къ 1 января 1877 года...	1.797.750.472	руб.

Америки съ 1865 по 1877 годъ, находимъ между ними слѣдующее рѣзкое различіе:

	Соединенные Штаты въ теченіе 12 лѣтъ:	Р о с с і я въ теченіе 20 лѣтъ:
Вывозъ товаровъ увеличился на	125 ⁰ / ₀	115 ⁰ / ₀
Привозъ увеличился на.....	25 ⁰ / ₀	200 ⁰ / ₀
Премія на золото по окончаніи войны.....	102 ⁰ / ₀	не было
Въ концѣ сравниваемыхъ періо- довъ.....	не было	почти 30 ⁰ / ₀
Государств. доходы менѣе на	285 милл. долл.	болѣе на 177 милл. руб.
" расходы "	277 " " "	160 " "
Внутренніе налоги...	248 " " "	141 " "
Государств. долги...	717 " " "	363 " "
Расходы по системѣ государств. кредита...	46 " " "	40 " "

Кромѣ того, внѣшняя задолженность Соединенныхъ Штатовъ съ 1870 года сильно уменьшилась вслѣдствіе обратнаго перехода изъ Европы ихъ государственныхъ долговыхъ обязательствъ болѣе чѣмъ на 700 милл. долл. *, между тѣмъ какъ внѣшняя задолженность Россіи какъ по государственнымъ займамъ, такъ и по частнымъ, на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, на основаніе поземельныхъ банковъ и пр., сильно увеличилась съ 1857 года. Уменьшеніе вслѣдствіе сего на 40—45 милл. долл. ежегоднаго платежа за границу процентовъ должно было сильно повліять на улучшеніе разчетнаго международнаго баланса Соединенныхъ Штатовъ и на повышеніе вексельныхъ курсовъ; напротивъ того, сильное увеличеніе суммы ежегодныхъ заграничныхъ платежей процентовъ и погашенія по государственнымъ долгамъ Россіи должно было повести къ угнетенію ея разчетнаго баланса и пониженію вексельныхъ курсовъ, а съ ними и цѣнности нашего неразмѣннаго кредитнаго билета. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно и очевидно то что подѣ какими бы благовидными предлогами и съ какими бы производительными цѣлями ни дѣлались наши внѣшніе займы, прочному поднятію нашихъ вексельныхъ курсовъ и цѣнности нашего кредитнаго рубля они отнюдь не содѣйствовали.

* Въ 1870 году государственныхъ облигацій Соединенныхъ Штатовъ за границей было на сумму свыше 1.000 милл. долл., а въ 1878 году только 250—300 м. долл.

Чѣмъ же могутъ быть объяснены такіе діаметрально противоположные финансовыя и экономическіе результаты послѣ продолжительныхъ мирныхъ періодовъ въ Россіи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ? Отчего послѣдніе, пользуясь миромъ, успѣваютъ уменьшить государственныя расходы и долги въ небывалыхъ нигдѣ размѣрахъ и поднять свою болѣе чѣмъ на 100% обезцѣвленную бумажную денежную валюту до равноцѣнности съ золотою; а Россія, несмотря на еще болѣе продолжительный періодъ мира, оказывается вынужденною сильно увеличивать свои государственныя расходы и долги, и цѣнность нашего кредитнаго рубля, въ началѣ этого періода равная цѣнности металлическаго рубля, въ концѣ періода падаетъ почти на 30%?

Въ отвѣтъ на это, у насъ обыкновенно указываютъ на то что Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты тотчасъ по окончаніи междуусобной войны могли распустить почти всю свою армію, такъ что на расходы по военному вѣдомству улотреблялась только весьма незначительная часть всего бюджета государственныхъ расходовъ; Россія же въ мирное время вынуждена содержать многочисленную армію. Это такъ; но во всякомъ случаѣ уменьшеніе численнаго состава войскъ въ Россіи, вслѣдствіе приведенія арміи на мирное положеніе по окончаніи Крымской войны, должно бы имѣть послѣдствіемъ если не значительное уменьшеніе расходовъ по военному вѣдомству, то по крайней мѣрѣ не повести къ значительному увеличенію этихъ расходовъ. Между тѣмъ у насъ именно и случилось послѣднее, какъ видно изъ слѣдующихъ официальныхъ данныхъ:

	Численность регулярныхъ войскъ къ 1 января.		
	1858 года.	1876 года.	Менѣе.
Генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ.....	35.366	24.716	на 9.650 чел.
Нижнихъ чиновъ.....	927.091	774.605	" 152.486 "
Лошадей.....	86.600	75.589	" 11.071 лощ.
Дѣйствительный расходъ Военнаго Министерства	Руб. 89.154.244	Руб. 190.301.276	Болѣе на 101.150.032 р.

Объяснить такое значительное увеличеніе обыкновенныхъ расходовъ военнаго вѣдомства въ мирное время и при значительномъ уменьшеніи личнаго состава арміи общимъ вздорожаніемъ всѣхъ продовольственныхъ и другихъ предметовъ

вслѣдствіе пониженія цѣнности нашей денежной единицы, чѣмъ у насъ обыкновенно стараются объяснить увеличеніе вообще расходовъ по государственному бюджету, рѣшительно нельзя, потому что съ 1858 по 1876- годъ включительно кредитный рубль относительно золотого повзился всего только около 30%, а расходы Военнаго Министерства за это время увеличились на 114%.

Общее увеличеніе обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ съ 1858 по 1876 годъ включительно у насъ составляетъ около 210 милл. руб., за вычетомъ же изъ нихъ 101 милл. р. увеличенія расходовъ по военному вѣдомству, остальные 109 милл. р. распределяются по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ, на увеличеніе расходовъ которыхъ, за исключеніемъ платежей процентовъ и погашенія по внѣшнимъ займамъ, пониженіе цѣнности нашего кредитнаго рубля и повышеніе премии на золото, должны были имѣть столь же мало вліянія какъ и на увеличеніе обыкновенныхъ расходовъ по Военному Министерству.

Точно также и введеніе общей воинской повинности не могло еще у насъ оказать въ 1876 году никакого вліянія на уменьшеніе производительности страны, потому что эта повинность была введена лишь съ 1874 года и дѣйствовала слѣдовательно только два года. Впрочемъ, и введенная во Франціи общеобязательная воинская повинность не помѣшала улучшенію экономическаго и финансоваго положенія этой страны послѣ несчастной войны 1870 года, несмотря даже на сильное увеличеніе государственныхъ расходовъ вслѣдствіе уплаты Германіи пяти милліардовъ военной контрибуціи.

Такимъ образомъ, для объясненія вышеизложенныхъ диаметрально-противоположныхъ экономическихъ и финансовыхъ результатовъ мирнаго времени въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи необходимо обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ коими достигнуты были такіе рѣзко-противоположные результаты въ обѣихъ странахъ, то-есть къ ихъ финансовой и экономической политикѣ.

III.

До междуусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ мы уже говорили, не было государственныхъ бумажныхъ денегъ. Во время войны правительство прибѣгло къ выпуску бумажныхъ денегъ съ обязательнымъ курсомъ, которыя, подъ названіемъ въ народѣ *гринбаковъ* (зеленыхъ сливокъ), и послужили странѣ необходимымъ мѣновымъ и платежнымъ средствомъ во всѣхъ платежахъ какъ между частными людьми и обществами, такъ и при внесеніи податей и при расходахъ Государственнаго Казначейства, за исключеніемъ таможенныхъ пошлинъ, которыя взимались золотою монетой, необходимою правительству на уплату процентовъ по его металлическимъ займамъ. Всего вылучено было гринбаковъ на сумму до 430 милл. долл. (около 575 милл. руб. по нормальному курсу) и на нѣсколько десятковъ милліоновъ долларовъ мелкихъ билетовъ (*fractional currency*). Въ 1866 году, спустя два года по окончаніи войны, когда гринбаковъ оставалось въ обращеніи еще на 400 милл. долл., конгрессомъ былъ изданъ законъ о постепенномъ извлеченіи ихъ изъ обращенія; но уже въ 1868 году, когда ихъ было погашено всего лишь на 44 милл. долл., этотъ законъ былъ отмѣненъ изъ опасенія чтобы не причинить недостатка въ мѣновомъ средствѣ, въ виду быстрого развитія производительныхъ силъ страны. Затѣмъ, закономъ 22 іюня 1874 года, количество гринбаковъ было нѣсколько увеличено, и максимумъ ихъ опредѣленъ въ 382 милл. долл. Въ видахъ же еще большаго увеличенія мѣновыхъ средствъ, по плану министра Финансовъ, Чеза (*Chase*), было основано множество національныхъ банковъ, съ правомъ выпуска собственныхъ билетовъ, подъ обезпеченіе государственными процентными облигаціями и съ обязательнымъ обмѣномъ ихъ на гринбаки. Число этихъ національныхъ банковъ съ 508 въ 1864 году дошло до 2.076 въ 1875 году, а количество вылученныхъ ими билетовъ съ 45 милл. долл. въ 1864 году до 339 милл. долл. въ 1874 году. Это принесло двоякую пользу: 1) содѣйствовало увеличенію мѣноваго средства по мѣрѣ усиленія потребности въ немъ, съ развитіемъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, въ видѣ учета векселей и ссудъ подъ торговыя обязательства

и 2) доставило правительству возможность прочно поместить въ банки на нѣсколько сотъ милл. долл. государственныхъ процентныхъ облигацій, устранивъ ихъ валяніе на фондовый рынокъ.

Количество всѣхъ такихъ бумажныхъ денегъ и премія на золото были:

	Грибаны и мел- кіе билеты.	Билеты націон. банка.	Итого.	Цѣна гриба- намъ за 100 долл. золотомъ.
Въ 1865 году	454 м. долл.	171 м. долл.	625 м. долл.	202 долл.
„ 1867 „	388 „	294 „	682 „	141 „
„ 1871 „	364 „	315 „	699 „	115 „
„ 1875 „	408 „	318 „	726 „	113 „
„ 1877 „	369 * „	316 „	685 „	103 „
„ 1878 на 31 окт.	—	—	688 „	100 ¹ / ₄ „
„ 1878 въ конц. 347 ** „	—	337 „	684 „	al pari „

Изъ этой таблицы видно что количество неразмѣняемыхъ бумажныхъ денегъ съ 1865 по 1875 годъ увеличилось съ 625 милл. долл. до 726 милл. долл., то-есть на 101 милл. долл., золото же понизилось въ цѣнѣ въ то же время съ 202 до 113 долл., то-есть на 89⁰/₁₀₀. Подобный фактъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ теоріей ученыхъ эконоомистовъ и финансистовъ относительно обращенія бумажныхъ денегъ, такъ какъ по этой теоріи размѣръ преміи на золото исключительно зависитъ лишь отъ количества неразмѣняемыхъ бумажныхъ денегъ въ обращеніи, то-есть что премія должна повышаться пропорціонально увеличенію ихъ количества и понижаться по мѣрѣ уменьшеніи числа ихъ въ обращеніи.

При восстановленіи съ 1 января 1879 года всѣхъ платежей звонкою монетою, изъ Нью-Йорка сообщали въ *Economist* что „платежи эти начались, не вызвавъ никакого возбужденія или неудобства. Всѣ банки платятъ золотомъ когда этого требуютъ, а также и правительство; впрочемъ, спросъ на золото очень незначителенъ, такъ какъ публика вообще предпочитаетъ бумажныя деньги. Грибаны принимаются теперь въ платежъ таможенныхъ пошлинъ.“

Новѣйшая финансовая исторія Франціи послѣ войны 1870 года представляетъ также доказательства что не отъ

* Не считая мелкихъ билетовъ.

** Также.

количества находящихся въ обращеніи бумажныхъ денегъ зависитъ премія на золото. На 30 іюня 1870 года, билетовъ Французскаго банка въ обращеніи находилось на сумму 1.447 милл. фр. Вслѣдствіе осуды правительству на военные расходы свыше 1.300 милл. фр. изъ 1% въ годъ и отсрочки уплаты по дисконтированнымъ векселямъ*, количество *неразменныхъ* банковыхъ билетовъ къ 13 ноября 1873 года возрасло до 3.012 милл. фр., то-есть болѣе чѣмъ удвоилось, и металлическій запасъ банка уменьшился съ 1.297 милл. фр. до 731½ милл. фр.; премія же на золото 13 ноября 1873 года не превышала 6% съ тысячи, а мѣсяць спустя, 13 декабря того года, 20 франковики предлагались съ преміей лишь 1½% съ тысячи, серебряная же пятифранковая монета обращалась по своей номинальной цѣнѣ.

Долгъ правительства банку уменьшился къ этому времени всего лишь на 150 милл. фр. Въ 1874 году, Воловскій и другіе экономическіе авторитеты, чтобы „доставить банку возможность открыть немедленно размѣвъ его билетовъ и тѣмъ избавить страну отъ вреда причиняемаго ей по ихъ мнѣнію неразмѣвными бумажными деньгами“, сильно настаивали на томъ чтобы правительство заключило заемъ для уплаты сразу всей оставшейся суммы долга банку; но правительство нашло болѣе согласнымъ съ экономическими интересами какъ страны и народа, такъ и государственнаго казначейства, уплачивать долгъ въ теченіе вѣсколькихъ лѣтъ изъ *свободныхъ средствъ государственнаго бюджета*. Изъ доклада Национальному Собранію о бюджетѣ на 1874 годъ видно что на уплату въ счетъ долга банку было назначено только 210 милл. франковъ.

Французское правительство не только не торопилось уплатить банку свой долгъ въ видахъ уменьшенія количества банковыхъ билетовъ въ обращеніи, но спустя полтора года по окончаніи войны разрешило банку, въ облегченіе реализаціи 3 миллиарднаго займа для уплаты остальной части пятимиллиардной контрибуціи, выпустить сверхъ разрешенныхъ прежде 2.800 милл. фр. еще на 400 милл. фр. банковыхъ билетовъ. Противъ

* Сумма дисконтированныхъ французскимъ банкомъ векселей съ 649.781.354 фр. къ 30 іюня 1870 года увеличилась къ 8 сентября того же года до 1.429.070, 261 фр.; но уже черезъ 4 мѣсяца по заключеніи мира, къ 29 іюня 1871 года она повысилась до 749.599.824 фр.

этого сильно возстали экономисты-теоретики, и по поводу высказаннаго Тьеромъ въ посланіи къ Национальному Собранію мнѣнія что „выпускъ на 400 милл. фр. банковыхъ билетовъ не причинитъ никакого вреда и разстройства“, *Economist* писалъ что и въ настоящемъ случаѣ, какъ и по другимъ экономическимъ вопросамъ, г. Тьеръ отрицаетъ такіа аксіомы политической экономіи что разсуждать съ нимъ нѣтъ никакой возможности. „Если человекъ говоритъ вамъ что дважды два пять, чѣмъ же вы докажете ему что онъ ошибается?“ * Послѣдствія однакоже доказали что Тьеръ лучше понималъ жизненные условія экономического положенія страны и внутренняго денежнаго рынка чѣмъ его ученые критики, и уже въ концѣ 1873 года, то-есть менѣе чѣмъ чрезъ три года по окончаніи войны, несмотря на реконсолидацію прежнихъ и на новый выпускъ неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ, они стояли, какъ уломянуто выше, наравнѣ съ металлическими деньгами и *заграничные вексельные курсы достигали своего паритета.*

Неразмѣнные билеты Англійскаго банка послѣ 1815 года дошли до равноцѣнности съ золотомъ также безо всякаго уменьшенія ихъ количества или превращенія безпроцентнаго долга въ процентный. Макъ-Куллохъ (J. R. M'Culloch), составитель известнаго *Dictionary of Commerce and Commercial Navigation* говоритъ что поднятіе цѣнности бумажныхъ денегъ послѣ 1815 года произошло вовсе не вслѣдствіе какого-либо вмѣшательства со стороны правительства (without any interference whatever on the part of Government), а было слѣдствіемъ другихъ причинъ, главною изъ коихъ было развитіе промышленности и колоніальной торговли. Поэтому смѣшно приписывать закону 1819 года, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, поднятіе цѣнности бумажныхъ денегъ со времени заключенія мира, въ виду того что банковые билеты еще за три года до изданія этого закона стояли отъ 12 $\frac{1}{2}$ до 14 $\frac{1}{2}$ % выше чѣмъ въ 1813 году, и отъ 21 до 23% выше чѣмъ въ 1814 году. Главная цѣль имѣвшаяся въ виду составителями закона 1819 года, известнаго подъ названіемъ „акта Роберта Пила“, заключалась въ *поддержаніи цѣнности денежнаго обращенія на той*

* *Economist* 1872 года ст. Extension of the note circulation of the Bank of France.

степени до какой она возвысилась сама собою, безо всякаго законодательнаго вмѣшательства“.

Слѣдующая таблица показываетъ что пониженіе преміи на золото въ Англіи также не было пропорціонально количеству неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ въ обращеніи и суммѣ неотвержденнаго долга (билетовъ казначейства, Exchequer bills, разныхъ непокрытыхъ долговъ военнаго и морскаго вѣдомства и пр.):

На 5 января.	Коллч. банков. билетовъ въ милл. фунт. стерл.		Итого.	Сумма неотвер. долга въ милл. фунт. стерл.	Средняя годовая премія на золото.		
	Англ. банка.	Провинц. банк.			Фунт.	Шилл.	Пенс.
1814 г.	28 ³ / ₄	22 ³ / ₄	51	59.264.962	25	2	6 ⁰ / ₁₀ на сто.
1815 „	27 ¹ / ₄	19	46 ¹ / ₄	68.882.979	} 16	14	3 ⁰ / ₁₀ „ „
1816 „	27	15	42	48.510.501			
1817 „	29 ¹ / ₂	16	45 ¹ / ₂	52.082.787	} 2	13	2 ⁰ / ₁₀ „ „
1818 „	26 ¹ / ₄	20 ¹ / ₄	46 ³ / ₄	66.772.364			

Отвержденный государственный долгъ Англіи достигъ своего максимума ко времени окончанія войны и составлялъ на 5 января 1816 года *816.311.938 ф. ст.* *, а къ 5 января 1821 года онъ понизился до *801.565.310 ф. ст.*, то-есть почти на 15 милл. Это уменьшеніе отвержденнаго долга служить явнымъ доказательствомъ что *никакого превращенія безпроцентнаго долга въ процентный или въ отвержденный долгъ*, ко времени открытія размѣна своихъ билетовъ Англійскимъ банкомъ 1 мая 1821 года, не было, ибо въ противномъ случаѣ неотвержденный долгъ увеличился бы, а не уменьшился бы. Размѣнъ былъ прекращенъ 26 февраля 1797 года и не былъ возобновляемъ въ теченіе болѣе 24 лѣтъ. При прекращеніи размѣна, въ Англійскомъ банкѣ оставалось въ монетахъ и слиткахъ золота и серебра всего лишь на *1.272.000 ф. ст.*; банковыхъ же билетовъ въ обращеніи было на *11 милл. ф. ст.*

Итакъ, официальные данныя изъ финансовою исторіи трехъ могущественныхъ и просвѣщенныхъ государствъ свидѣтельствуютъ что ни въ Англіи послѣ 1815 года, ни въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ послѣ

* Въ началѣ войны съ Наполеономъ I въ 1793 году національный долгъ Англіи составлялъ *239.350.148 ф. стерлинг.*

междуусобной войны, ни во Франціи послѣ 1870 года, не было *прибываемо* хотя къ сколько-нибудь значительному сокращенію количества неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ обращеніи съ цѣлью возстановленія ихъ номинальной цѣнности до уровня со звонкою монетою, и что билеты Англійскаго банка, цѣнность которыхъ въ 1814 году была ниже цѣнности золотой монеты на $25\frac{1}{2}\%$, и американскіе гранбаки, ходившіе въ 1865 году на 102% ниже золота, достигли паритета со звонкою монетою *аражде чѣмъ размытъ ихъ было открытъ.*

Несмотря, однакожъ, на такіа вѣскія и фактическіа неопровержимыа доказательства, совершенно опровергающія мнѣнія кабинетныхъ экономистовъ и финансистовъ, утверждающихъ что возстановленіе металлическаго обращенія возможно лишь консолидаціей неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, эти кабинетные ученые теоретики остаются при своемъ мнѣніи и даже не задумываются въ доказательство непогрѣшимости его, какъ это недавно сдѣлалъ г. А. Вагнеръ, сослаться на примѣры Англійи и Франціи, несмотря на то что примѣры эти доказываютъ совершенно противное.

Такой поразительный разладъ экономической теоріи съ практикой происходитъ вслѣдствіе того что наука политической экономіи отнюдь не представляетъ такихъ аксіомъ какъ математика, а продолжаетъ, по мѣрѣ экономическаго развитія разныхъ странъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій времени и мѣста, обогащаться новыми фактами, не подходящими подъ тѣ узкіа рубрики подъ которыа экономическіе писатели поторопились подвести извѣстныа имъ экономическіа явленія, придавъ своимъ выводамъ значеніе общихъ непреложныхъ экономическихъ законовъ, дѣйствующихъ вездѣ и повсюду независимо отъ времени и мѣста. Такимъ образомъ, чрезмѣрные выпуски бумажныхъ денегъ и злоупотребленіе ими во Франціи во время первой революціи, въ Россіи и Австріи во время Наполеоновскихъ войнъ, въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ во время междуусобной войны, то-есть въ такіа времена *когда промышленность и торговля находились почти въ полномъ застоѣ и на самой низкой степени развитія*, подадо поводъ экономистамъ - теоретикамъ къ постоянному заключенію о положительной непригодности и вредѣ бумажныхъ денегъ вообще, тогда какъ, при извѣстныхъ условіяхъ, онѣ могутъ

служить странѣ необходимымъ и весьма удобнымъ мѣновымъ средствомъ, вѣсколько не препятствующимъ развитію ея производительности и достиженію такихъ финансовыхъ и экономическихъ услугъ какихъ не достигало еще ни одно государство съ металлическою валютой, какъ это мы видимъ на Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ послѣ междуусобной войны.

Пушущій эти строки вовсе не сторонникъ выпусковъ бумажныхъ денегъ; но, на основаніи вышеприведенныхъ крупныхъ экономическихъ финансовыхъ явленій, мы указываемъ, во первыхъ, на то что, вылученныя по нуждѣ, на чрезвычайныя военныя расходы, бумажныя деньги не служатъ препятствіемъ къ развитію производительныхъ силъ страны и улучшенію ея финансоваго положенія по окончаніи войны; во вторыхъ, что помимо дорого стоящей и угрожающей денежнымъ кризисомъ консолидаціи неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ существуютъ и другія средства къ восстановленію ихъ цѣнности, и 3) что даже нѣкоторое увеличеніе бумажныхъ денегъ въ обращеніи въ мирное время, при обыкновенныхъ спокойныхъ политическихъ обстоятельствахъ, на удовлетвореніе потребности развивающихся торговли и промышленности въ мѣновомъ средствѣ, то-есть на производительное употребленіе подъ срочныя торговыя обязательства и изъ процентовъ, бываетъ необходимо и полезно.

Сильно ошибаются воображающіе что посредствомъ внѣшнихъ займовъ легко добыть потребное намъ количество золота для замѣны бумажнаго денежнаго обращенія металлическимъ. Значительные заграничныя займы дѣлаются успѣшно лишь въ тѣхъ случаяхъ когда получаемые по нимъ капиталы предназначаются для израсходованія за границей же, какъ на примѣръ на покупку иностранныхъ издѣлій, желѣзнодорожныхъ принадлежностей, военныхъ предметовъ и т. п. или на уплату процентовъ и погашенія по прежнимъ внѣшнимъ займамъ. И если ссужаютъ по нимъ иногда золото, то лишь при увѣренности скорого обратнаго его полученія. Подтверженіемъ этого и хорошою характеристикой нашихъ внѣшнихъ займовъ можетъ служить заключенный у Ротшильда въ 1862 году 7½% заемъ на 15 м. ф. ст. (около 94.000.000 р.) для подкрѣпленія металлическаго фонда кредитныхъ билетовъ, въ виду предпринимавшейся размѣнной операціи. Прежде чѣмъ согласиться на

заемъ Ротшильдъ пожелалъ узнать, съ какою именно цѣною онъ дѣлался. Если заемъ дѣлался для крестьянской выкупной операціи, то, по его мнѣнію, для этого не было никакой необходимости въ звонкой монетѣ, потому что помѣщикамъ достаточно было выдать процентныя облигаціи. Узнавъ же настоящую цѣну займа, Ротшильдъ немедленно согласился, легко сообразивъ что сужаемое золото, при хорошо извѣстномъ ему невыгодномъ положеніи торговаго баланса Россіи, котораго наши финансисты не принимали въ расчетъ, не только не останется долго въ ней, но послужитъ къ извлеченію изъ нея еще бѣльшаго количества золота въ прямой ущербъ металлическаго фонда кредитныхъ билетовъ, что дѣйствительно и случилось: занятое золото не только сплона ушло обратно за границу въ теченіе полугодоваго размѣна, но сверхъ того и металлическій фондъ кредитныхъ билетовъ уменьшился на 24.000.000 руб.

Германія представляетъ разительное доказательство что золота не только пріобрѣтеннаго займами, но и добытаго насильственною военною контрибуціей, невозможно удержать въ странѣ при *неблагоприятномъ торговымъ балансѣ*. Пяти-миллиардная контрибуція еще не была сплона уплачена, а золото уже возвращалось во Францію вслѣдствіе *невыгоднаго для Германіи торговаго баланса*.

Что даже страна производящая золото и имѣющая одну только золотую монету въ обращеніи можетъ подвергнуться денежному кризису вслѣдствіе сильнаго вывоза изъ нея золота, то-есть что и чисто металлическое обращеніе не можетъ гарантировать странѣ необходимое количество мѣноваго средства, доказываетъ денежный кризисъ и паника въ Калифорніи въ 1865 году. *Вслѣдствіе сильнаго вывоза изъ нея золота въ штаты съ неразмѣнною бумажною валютой, оказался такой недостатокъ въ монетѣ что банки были вынуждены остановить платежи.*

Подобный фактъ ухода золота изъ штата съ металлическою валютой въ штаты съ неразмѣнною бумажною валютой, по теоріи кабинетныхъ экономистовъ и финансистовъ, совершенно *нелогиченъ*, потому что по теоріи ихъ, „золото изъ страны съ неразмѣнными бумажными деньгами должно непремѣнно вытѣсняться ими изъ обращенія и уходить въ страну имѣющую металлическую валюту“, а никакъ не наоборотъ.

Вышеизложенное показываетъ что государственные люди Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи и Англіи были совершенно правы когда, вопреки совѣтамъ кабинетныхъ ученыхъ экономистовъ и ихъ застрачиваньямъ самыми губельными для страны послѣдствіями отъ нарушенія quasi-всеобщихъ научныхъ экономическихъ аксіомъ, сочли болѣе согласнымъ съ интересами народа и государственной казны не обращать вылуценныхъ для войны неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ отверженный государственный долгъ. Они руководились при этомъ двумя практическими соображеніями: 1) что извлеченіе изъ обращенія неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, лишая страну ея единственнаго мѣноваго средства, можетъ породить денежный кризисъ и остановить развитіе промышленности и торговли, тогда какъ *въ возможно большемъ увеличеніи производительности страны и заключается единственное вѣрное средство для прочнаго улучшенія ея экономическаго и финансоваго положенія, а влѣсть съ этимъ и возстановленія металлическаго обращенія,* и 2) что искусственно созданною нуждой въ многоволь средствъ невозможно привлечь въ страну и удержать въ ней драгоценные металлы, когда они, какъ товаръ, вывозятся за границу на уплату внѣшнихъ долговъ и другихъ расходовъ при невыгодномъ торговомъ балансѣ. Кроме того, необычайно быстрымъ и сильнымъ развитіемъ своей внутренней мануфактурной промышленности Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты обязаны установленному ими высокому таможенному тарифу, несмотря на всѣ предсказанія ученыхъ экономистовъ проповѣдывающихъ теорію свободной торговли, что такую мѣрой они въ конецъ разорятъ свою страну.

Приводимъ слѣдующія данныя о вывозѣ товаровъ, количествѣ привезенныхъ пошлинныхъ и беспошлинныхъ товаровъ, постулившихъ таможенныхъ пошлинъ, процентномъ отношеніи пошлинъ къ цѣности товаровъ, привозъ и вывозъ драгоценныхъ металловъ и о преміи на золото въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ съ 1869—70 по 1877—1878 годы:

Г о д ы.	Цѣнность товаровъ въ милл. долларовъ.		Итого пр-везе-но.	Пом-ниъ посту-пало. Милл. долл.	°/о отно-шеніе къ цѣнн. товар.	Драгоценн. металловъ.		Цѣнность бумажн. долларъ въ золотой монетѣ.
	Вывозъ.	Привозъ.				При-возъ.	Вы-возъ.	
Въ 1869—70	393	20 416	436	178	43°/о	26 ¹ / ₂	58	85, цент
„ 1870—71	448	30 ³ / ₂ 483 ¹ / ₂	520	206	43°/о	21	98	85, „
„ 1871—72	444	47 579 ¹ / ₂	626 ¹ / ₂	216	37°/о	14	80	80 „
„ 1872—73	522 ¹ / ₂	145 497	642	188	38°/о	21 ¹ / ₂	84 ¹ / ₂	87, „ (*)
„ 1873—74	586	151 ¹ / ₂ 415 ¹ / ₂	567	163	39°/о	28 ¹ / ₂	66 ¹ / ₂	86, „
„ 1874—75	513 ¹ / ₂	146 387	533	157	41°/о	21	92	87, „
„ 1875—76	540	140 321	461	148	46°/о	16	56 ¹ / ₂	89, „
„ 1876—77	602	135 315	451	146	48°/о	41	56	94, „
„ 1877—78	696	124 313	437	145	50°/о	29	33	99, „
								Въ ноябрь 1878 года 100 „
								Добыто золота и серебра: въ 1869 году на 61 ¹ / ₂ милл. долл.
								„ 1878 „ „ 91 „ „

Изъ этихъ данныхъ видно что:

1) Въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ цѣнность привоза постоянно превышала цѣнность вывоза товаровъ; особенно же значительнъ былъ перевѣсъ привоза въ 1871—72 годахъ, достигшій 182 мил. долл. Въ 1873—75 годахъ привозъ, въ сложности, почти равняется вывозу. Но съ 1875—76 года вывозъ уже начинаетъ постоянно превышать ввозъ товаровъ, и въ 1877—78 году превышеніе это составляетъ 258 милл. долл.

* Въ 1873 году въ Соединенныхъ Штатахъ воздѣйствіе сильныхъ жеманеорожкихъ спекуляцій произвелъ денежный кризисъ, повмившій на пониженіе курса. *Economist* попытался провозгласить что „малкія цѣны, недостатокъ въ деньгахъ и угнетеніе торговли суть достойное наказаніе за чрезмѣрное количество марамивныхъ бумажныхъ денегъ въ обращеніи и за вызванное ими искусственное поднятіе цѣнъ на всѣ предметы (inflation)“. Но правительство Соединенныхъ Штатовъ выпустило новыхъ гринбаковъ на 26.000.000 долл., и денежный кризисъ прекратился, и уже въ 1874 году цѣна бумажнаго доллара стала опять подниматься. *Economist* окончательно изумился и писалъ: „лезя не удивляться что такія незначительныхъ и такихъ несовершенныхъ средствъ было достаточно для легкаго устраненія паники, какъ, повидимому, это случилось въ дѣйствительности“.

При этомъ цѣнность вывезенныхъ товаровъ возвысилась на 302 м. долл. въ теченіе десяти лѣтъ *.

2) По мѣрѣ увеличенія вывоза туземныхъ товаровъ и сокращенія привоза иностранныхъ, вывозъ драгоценныхъ металловъ изъ Соединенныхъ Штатовъ уменьшался, а привозъ увеличивался; естественнымъ послѣдствіемъ этого было *улучшеніе торговаго баланса, накопленіе драгоценныхъ металловъ въ странѣ и постепенное пониженіе прѣмїи на золото или возвышеніе цѣнности бумажнаго доллара*, такъ что къ концу 1878 года гримбаки достигли паритета съ золотомъ монетой.

3) Въ новомъ тарифѣ 1872 года нѣкоторыя пошлины были понижены, а другія (особенно на жизненные продукты, чай, кофе и т. п.) совсѣмъ отменены; по этому въ этомъ году, какъ показываютъ выше приведенныя цифры, привозъ беспошлинныхъ товаровъ увеличился болѣе чѣмъ втрое противъ предшествовавшаго года. Такое сильное увеличеніе привоза беспошлинныхъ товаровъ естественно должно было повліять на уменьшеніе суммы пошлинныхъ товаровъ; но въ общей сложности привозъ тѣхъ и другихъ представляетъ сильное уменьшеніе въ послѣдніе три года.

Таможенный доходъ хотя также понизился съ 216 милл. долл. около 290 милл. руб. зол.) въ 1872 году до 145 милл. долл. (около 200 милл. р. зол.) въ 1878 году, но все-таки составлялъ почти *половину* всѣхъ бюджетныхъ доходовъ. Процентное же отношеніе суммы пошлинъ къ цѣнности пошлинныхъ товаровъ, несмотря на пониженіе нѣкоторыхъ пошлинъ, осталось почти безъ измѣненія, а въ послѣдніе годы даже увеличилось вслѣдствіе значительнаго паденія цѣмъ почти на всѣ товары.

Въ сравненіи съ таможеннымъ доходомъ Соединенныхъ Штатовъ, таможенный доходъ Россіи за послѣдніе три года до Восточной войны былъ *четверо* менше; процентное отношеніе таможенныхъ пошлинъ къ цѣнности привезенныхъ товаровъ составляло 16%, то-есть было почти втрое ниже

* Наибольшее увеличеніе вывоза было въ слѣдующихъ продуктахъ:

	1869—70	1877—78	Болѣе на
	Д о л л а р о в ѣ		
Хлѣбъ и хлѣбные припасы.....	68.980.997	181.771.507	112.793.510
Жизненные припасы (provisions)	30.278.253	123.549.986	93.271.733
Каменный уголь, керосинъ и масло	21.810.676	46.574.974	24.764.298

чѣмъ въ Америкѣ; въ отношеніи же ко всему бюджету доходовъ таможенный доходъ въ Россіи составлялъ въ означенное трехлѣтіе около $\frac{1}{11}$ части.

Благодаря такому таможенному, покровительству, туземная фабричная и заводская промышленность въ Соединенныхъ Штатахъ въ разсматриваемое время сильно развилась, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

1) Потребленіе хлопка съ 1.097.000 киль въ 1871—72 году дошло до 1.546.000 киль въ 1877—78 году, то-есть увеличилось въ шесть лѣтъ на 449.000 киль или 41%. Количество веретенъ на бумагопрядильныхъ съ 6.621.000 въ 1870 году дошло, чрезъ пять лѣтъ, до 9.539.000.

2) Хлопчато-бумажныхъ товаровъ въ 1873 году было вывезено 16.655 жѣсть, а въ 1877 году—104.507 жѣсть.

3) Привозъ главныхъ иностранныхъ товаровъ съ 273 милл. долл. въ 1872—73 году уменьшился до 124 милл. долл., то-есть въ пять лѣтъ почти на 149 милл. долл. или болѣе чѣмъ на половину. Въ числѣ этихъ товаровъ привозъ мануфактурныхъ издѣлій изъ хлопка уменьшился со 159 милл. долл. до 84 милл. долл. или на 74 милл. долл., а привозъ желѣза, стали и издѣлій изъ нихъ—съ 59 милл. долл. до 9 милл. долл., то-есть на 50 милл. долларовъ!

Особенно замѣчательно быстрое и сильное развитіе въ Соединенныхъ Штатахъ туземнаго производства рельсовъ, паровозовъ, вагоновъ и другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей, что много способствовало къ болѣе экономическому сооруженію желѣзныхъ дорогъ, этихъ важныхъ факторовъ въ развитіи производительности страны. Производство желѣзныхъ и стальныхъ рельсовъ въ Соединенныхъ Штатахъ увеличилось съ 462.000 тоннъ (по 2.000 фунт.) въ 1867 году до 1.000.000 тоннъ въ 1872 году, то-есть болѣе чѣмъ удвоилось въ пять лѣтъ. Конечно, съ окончаніемъ постройки главныхъ линій, особенно Тихоокеанской желѣзной дороги, отъ одного океана до другаго на протяженіи 5.000 миль (7.500 верстъ), это производство уменьшилось, но все-таки въ 1877 году оно оставалось около 765.000 тоннъ. Привозъ же иностранныхъ рельсовъ, составлявшій въ 1867 году 151.097 тоннъ и достигшій въ 1871 году до 539.321 тонны, въ 1876 году ограничился 33 тоннами, а въ 1877 году былъ всего лишь въ 12 тоннъ, такъ что *Economist* забилъ тревогу, ибо Соединенные Штаты не только перестали нуждаться въ англійскихъ

реальсатъ, но и являлись уже опасными конкуррентами по сбыту ихъ въ Канаду.

Насколько выиграли потребители отъ такого развитія туземнаго производства желѣза и реальсовъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ 1873 году, средняя цѣна чугуна была $42\frac{3}{4}$ долл., а стальнымъ реальсамъ $120\frac{1}{2}$ долл. за тонну; въ декабрь же 1878 года чугунъ продавался 16—19 долл., а стальные реальсы по 42 долл. за тонну.

Впрочемъ, привозъ иностранныхъ реальсовъ не былъ воспрепятствъ, а только со 100фунтовыхъ желѣзныхъ иностранныхъ реальсовъ ввозилась постоянно и неуклонно не особенно высокая пошлина—70 центовъ (около 33 коп. золот.) съ пуда.

Результатомъ такого сильнаго развитія туземнаго производства реальсовъ, а пропорціонально ему и другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей, оказалось что Северо-Американскіе Соединенные Штаты, по окончаніи междуусобной войны, въ теченіе 12 лѣтъ построили болѣе 45.000 миль (свыше 67.000 верстъ) желѣзныхъ дорогъ. И это громадное приращеніе совершилось при *неразмѣнной бумажной валютѣ*, при которой, по кабинетнымъ экономическимъ теоріямъ, невозможно никакое развитіе промышленности и удешевленіе производимыхъ издѣлій.

Филадельфійская Всемирная Выставка 1876 года наглядно показала какихъ блестящихъ успѣховъ достигла мануфактурная промышленность Соединенныхъ Штатовъ, въ чемъ вынужденъ былъ сознаться и *Economist*, предсказывавшій что неразмѣнная гринбаки и высокій покровительственный тарифъ разорятъ страну и вынудятъ ея мануфактуру перенестись въ Канаду. По поводу же отчета капитана Галтона (Galton) о выставкѣ, *Economist* (1876, стр. 1.062) писалъ: „Капитанъ Галтонъ утверждаетъ, и его свидѣтельство вполне подтверждается другими достоверными очевидцами, что достигнутые Соединенными Штатами успѣхи, сравнительно съ тѣмъ что было возможно до перехода правительственной власти въ руки республиканской партіи и до признанія *покровительственной системы правительственной доктриной*, превосходятъ всякое вѣроятіе. Капитанъ Галтонъ полагаетъ даже что британскія мануфактурныя издѣлія безнадежно утратили свой постоянный сбытъ на рынкахъ Соединенныхъ Штатовъ.“

Это невольное признание громадныхъ мануфактурныхъ успѣховъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ подъ покровительствомъ высокаго таможеннаго тарифа со стороны столь авторитетнаго политико-экономическаго органа, ратующаго за систему свободной торговли какъ наиболѣе отвѣчающую промышленнымъ и торговымъ интересамъ Великобританіи, служить лучшимъ доказательствомъ несостоятельности экономической ученія будто при покровительственной системѣ немислимы ни усовершенствованіе, ни удешевленіе издѣлій за отсутствіемъ *внѣшней* конкуренціи; возможность же существованія *внутренней* конкуренціи съ однородными послѣдствіями для потребителей совершенно отвергается этимъ ученіемъ.

Впрочемъ, когда приходится обращаться съ застрачиваемыми къ такимъ энергическимъ дѣловымъ и практическимъ людямъ какъ князь Бисмаркъ, то появляется и внутренняя конкуренція, и ей приписывается такая сила въ удешевленіи издѣлій какою даже не обладаетъ и внѣшняя конкуренція. Такъ, по поводу проекта князя Бисмарка ввести покровительственный тарифъ въ Германіи, *Economist* въ статьѣ „Prince Bismark's Protectionism“ (1879 года, ст. 2) утверждалъ что „со введеніемъ покровительственной системы появится *внутренняя конкуренція, гораздо болѣе сильная чѣмъ внѣшняя конкуренція иностранныхъ государствъ, и что въ слѣдствіе ея положеніе рабочихъ классовъ еще болѣе ухудшится.*“

Слѣдствіе не безусловно, но неуклонно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ гдѣ того требовали промышленные интересы страны покровительственной системѣ, правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ не только побуждало этимъ туземныхъ капиталистовъ и промышленниковъ заняться производствомъ требующихся предметовъ, но въ то же время привлекало въ страну еще *иностранные капиталы и иностранное искусство* для той же цѣли. Пока продолжаютъ покушать у иностранцевъ ихъ произведенія, имъ нѣтъ побужденія перевозить производство этихъ предметовъ въ страну потребляющую; но лишь только достаточно значительная покровительственная пошлина начинаетъ чувствительно вліять на сокращеніе барыша иностранныхъ производителей и уменьшать количество сбыта ихъ произведеній, у нихъ является сильное побужденіе къ перенесенію своей дѣятельности туда гдѣ

представляется получение большихъ выгодъ. Такимъ путемъ привлечены были въ Соединенные Штаты значительные иностранные капиталы даже на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, и Соединенные Штаты избѣжали необходимости заключать для сего дорого обходящіяся значительные внѣшніе займы въ металлической валютѣ. Между тѣмъ *Economist* постоянно твердилъ и доказывалъ что Америкѣ, какъ странѣ нуждающейся въ капиталахъ для развитія своей промышленности, слѣдовало *допомогаться*, а не *избѣгать* заграничныхъ догаговъ (*She ought not to fear foreign debt but to covet it*). Россія же слѣдовала и до сихъ поръ слѣдуетъ этому квази-научному правилу, какъ доказываетъ недавно сдѣланный седьмой выпускъ 5% консолидированныхъ облигацій россійскихъ желѣзныхъ дорогъ; она строила и строитъ свои желѣзные пути на внѣшніе металлическіе займы. Сильное пониженіе *внутреннихъ* налоговъ въ пользу туземной промышленности, вмѣсто пониженія тарифныхъ пошлинъ, считалось учеными экономистами Манчестерской школы грубою ошибкой со стороны государственныхъ финансистовъ Соединенныхъ Штатовъ. Даже получавшіеся громадные излишки доходовъ противъ расходовъ подвергались рѣзкому порицанію англійскихъ экономистовъ. Такъ по поводу излишка доходовъ въ 83 милл. долларовъ, оказавшагося въ бюджетѣ за финансовый 1869—1870 годъ, *Economist* писалъ: „Такіе излишки доходовъ объясняются лишь *финансовымъ невѣжествомъ* и *отсутствіемъ* правильной бюджетной системы. Значительную часть послѣдняго излишка доходовъ слѣдуетъ приписать единственно лишь энергіи новой администраціи взявшей въ свои руки податную систему, не дѣйствовавшую до этого надеждающимъ образомъ. А потому эти большіе излишки доходовъ служатъ *доказательствомъ* не то что прочности положенія американскихъ финансовъ, а скорѣе *противнаго*.“ *

* *Economist* 1871 года, стр. 1.547. Такую рѣчь можно было бы приписать по поводу излишковъ доходовъ надъ расходами въ Россіи въ „блестящее“ послѣднее пятилѣтіе нашихъ финансовъ до Восточной войны. Но тогда *Economist* прославлялъ наши излишки и выставлялъ ихъ нагадыми и неопровержимыми доказательствами правильности финансовой политики нашихъ государственныхъ финансистовъ слѣдовавшихъ, какъ увидимъ ниже, свободными экономическими принципами Манчестерской школы, особенно выгодными для Англій.

Съ 1873—74 годъ началось, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, сильное уменьшеніе привоза иностранныхъ товаровъ въ Соединенные Штаты, и *Economist* послѣдшилъ объяснить это уменьшеніе *объединеніемъ потребителей* вслѣдствіе бывшаго въ 1873 году въ Америкѣ денежнаго кризиса (о которомъ мы уже упоминали), говоря что „покупная сила народа была сильно подорвана этимъ кризисомъ, и что Американцы были вынуждены обходиться безо многихъ иностранныхъ общепотребительныхъ товаровъ, такъ какъ не были въ состояніи пріобрѣтать ихъ.“ (*Economist*, 1877 года, стр. 1.068). Но какимъ же образомъ, при такомъ объединеніи, Американцы оказались въ состояніи перекупить изъ Европы своихъ государственныхъ облигацій на сумму свыше 700 милліоновъ долларовъ? Дѣло объяснилось очень просто: собственныя мануфактуры Соединенныхъ Штатовъ уже были въ состояніи удовлетворять потребностямъ населенія въ мануфактурныхъ издѣліяхъ и потому ихъ не зачѣмъ было привозить изъ-за границы. Это наглядно доказывали цифры приведенныя въ вышеупомянутомъ *Отчетѣ* капитана Галтона о всемірной Филадельфійской выставкѣ 1876 года, вѣрность котораго вынужденъ былъ признать, какъ мы видѣли, и самъ *Economist*.

Итакъ, все вышеизложенное показываетъ что государственные люди Сѣверо-Американскихъ Штатовъ управлявшіе ихъ финансами, особенно министры *Chase* и *Boutwell* которые, по мнѣнію *Economist*, не имѣли никакого понятія о самыхъ простыхъ основаніяхъ науки политической экономіи, руководясь простымъ здравымъ смысломъ и пониманіемъ что только возможно большее развитіе промышленности и торговли, при помощи покровительственнаго таможеннаго тарифа, можетъ сократить потребленіе иностранныхъ товаровъ и склонить торговый балансъ въ пользу страны, а вслѣдствіе сего, уменьшивъ заграничныя платежи, остановитъ постоянно увеличивавшійся вывозъ драгоценныхъ металловъ, усилитъ привозъ шовъ и этимъ подниметъ utility бумажной денежной валюты до паритета съ золотомъ и возстановитъ металлическое денежное обращеніе въ страну, отнюдь не ошиблись въ своихъ расчетахъ и достигли въ теченіи двѣнадцати лѣтъ по окончанію междуусобной войны самыхъ блестящихъ экономическихъ и финансовыхъ результатовъ, какихъ никогда не достигала въ такое короткое время ни одна изъ великихъ европейскихъ державъ.

Посмотримъ теперь какъ поступали наши финансисты и какими принципами руководились они при преобразованіи нашей прежней и установленіи новой государственной финансовой политики или новой системы государственнаго хозяйства, прогрессивно развивавшейся въ Россіи, какъ мы видѣли, до послѣдняго времени.

IV.

Установленіе новой государственной финансовой политики въ Россіи, выразилось главнымъ образомъ въ ликвидаціи прежнихъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій, съ замѣной ихъ Государственнымъ Банкомъ и различными общественными и частными банками, въ разныхъ мѣрахъ принимавшихся и принимаемыхъ до сихъ поръ дабы поднять дѣятельность нашего кредитнаго рубля и возстановить металлическое денежное обращеніе, и въ способахъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ.

Наше денежное обращеніе со времени превращенія графомъ Канкриннымъ ассигнацій въ кредитные билеты, то-есть съ 1841 по 1853 годъ включительно, состояло изъ *звонкой монеты, изъ кредитныхъ билетовъ и билетовъ разныхъ кредитныхъ учрежденій*. Количество ассигнацій, доходившее въ 1817 году до 836.000.000 руб., вслѣдствіе консолидаціи части ихъ съ 1817 по 1820 годъ превращеніемъ въ 6% долгъ, къ 1 января 1824 года уменьшилось до 595.776.310 руб.* и оставалось въ этой суммѣ безъ измѣненія въ теченіе семнадцати лѣтъ до 1 июля 1841 года, когда, будучи переложено на кредитные билеты по 3½ руб. ассигнаціями за одинъ кредитный, составило 170.221.803 руб. кредитныхъ. Выпускъ кредитныхъ билетовъ начался съ половины августа 1841 года и продолжался до 1851 года. Не предъявлено было ассигнацій послѣдняго образца выпущеннаго въ 1820 году на 14.753.431 руб., которые истребились въ теченіе тридцатилѣтняго своего обращенія. Въ 1839 году, въ виду предполагавшейся замѣны бумажнаго денежнаго обращенія металлическимъ, то-есть переложенія ассигнацій въ серебряные рубли, были выпущены *депозитные* билеты (денежитки), для

* Отчетъ Госуд. Кред. Установленій за 1821 годъ и рѣчь министра Финансовъ 13 июля 1826 года.

опыта чтобъ удостовѣриться въ возможности извлечь изъ обращенія золотую и серебряную монету, дабы образовать разнѣвый фондъ кредитныхъ билетовъ. Мѣра эта удалась, такъ какъ въ странѣ накопилось большое количество золотой и серебряной монеты не только русской, но и иностранной: ефимковъ, талеровъ, гульденовъ, франковъ и пр., вслѣдствіе многолѣтнаго выгоднаго торговаго балавса. * Къ 1 января 1847 года, въ металлическомъ фондѣ находилось на 147.165.593 руб. золотомъ и серебряною монетою, слитками и иностранными фондами, ** при 289.585.621 руб. кредитными билетами и 60.886.999 руб. прежними ассигнаціями въ обращеніи; а къ 1 января 1858 года металлическій фондъ увеличился до 161.362.272 руб., въ томъ числѣ фондами 23.838.979 руб., при кредитныхъ билетахъ въ обращеніи на сумму 333.448.000 рублей.

Кромѣ кредитныхъ билетовъ и звонкой монеты, мѣновымъ средствомъ служили также *вкладные билеты* банковъ Коммерческаго и Заемнаго, учрежденій, Сохранной Казны и Приказовъ Общественнаго Прізнанія. Билеты этихъ учрежденій, уплачиваемые по *востребованію*, представляли какъ бы процентныя чеки и, кромѣ процентнаго помѣщенія въ нихъ сбереженій и капиталовъ, оказались весьма удобными мѣновымъ средствомъ. Въ торговыхъ оборотахъ особенно охотно прижимались билеты Коммерческаго Банка, и за срочныя такіе билеты, то-есть пролежавшіе болѣе шести мѣсяцевъ, платили не рѣдко проценты за нѣсколько дней впередъ. Къ 1 января 1847 года сумма вкладовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ составляла около 651 милл. руб., къ 1 января 1853 года до 848 милл. руб. и къ 1 января 1857 года до 1.013 милл. руб.

Капиталы вносимые въ банки выдавались въ ссуду подъ залогъ недвижимостей и процентныхъ бумагъ, а Коммер-

* Въ теченіе шестнадцати лѣтъ, съ 1821 по 1839 годъ включительно, привезено было драгоценныхъ металловъ въ Россію на 90.400.000 руб. сер. болѣе чѣмъ вывезено. Кромѣ того, съ 1842—1853 года включительно добыто золота въ Россіи до 17.138 пудовъ, на сумму около 226.750.100 руб. сер. (таблицы Ф. Рассела).

** Иностранныхъ фондовъ было на 29 милл. руб. сер. Они были куплены у Французскаго банка въ видахъ оказанія ему содѣйствія къ подкрѣпленію его металлическаго запаса.

чекскимъ Банкомъ подъ учетъ векселей и товаровъ. * Государственное Казначейство занимало постоянно въ банкахъ на свои текущіе расходы. 1 января 1830 года банковые проценты были повыжены: получаемые банками съ 6% на 5%, а выдаваемые съ 5% на 4%, и оставались въ этомъ размѣрѣ до 1 июля 1857 года. Довѣріе къ казеннымъ банкамъ было такъ велико что когда, въ 1840 году, при огромномъ востребованіи вкладовъ по случаю неурожая, особенно по капиталу продовольствія, Московская Сохранная Казна, вслѣдствіе непредусмотрительности, была вынуждена отказывать въ выдачѣ денегъ, въ то же время въ ея приходную кассу продолжали приносить деньги для взятія билетовъ. Ничего подобнаго, конечно, никогда не случалось ни съ однимъ акціонернымъ или частнымъ банкомъ.

Итакъ, денежное обращеніе въ Россіи, до ликвидаціи прежнихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, состояло изъ звонкой монеты, государственныхъ кредитныхъ билетовъ и банковыхъ билетовъ, которые, по словамъ министра Финансовъ Княжевича, „при легкости передачи ихъ изъ рукъ въ руки, ходили наравнѣ съ денежными знаками, уменьшая тѣмъ потребность въ кредитныхъ билетахъ.“ ** Этимъ вполне объясняется почему, какъ при постоянно возрастающей такъ и, временно, особенно проявлявшейся потребности въ увеличеніи мѣшовыхъ знаковъ, не было необходимости увеличивать количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, и до 1853 года

* Къ 1 января 1859 года, ссуды выдаваемыя изъ всѣхъ казенныхъ банковъ, за исключеніемъ приказовъ общественнаго призрѣнія, составляли 1.038.199.531 руб. Изъ нихъ долгосрочныхъ ссудъ было выдано на 968.959.665 руб., подъ залогъ: а) 47.000 населенныхъ помѣщичьихъ имѣній, при коихъ числилось 7.183.626 ревизскихъ душъ; б) 1.496 поземельныхъ дачъ (пустопорожныхъ мѣстъ), въ количествѣ 1.509.896 десятинъ; в) 1.749 каменныхъ домовъ въ столицахъ и въ значительныхъ провинціальныхъ городахъ, и 4) 84 значительнѣйшихъ фабрикъ и заводовъ. Остальные 69.239.866 руб. составляли краткосрочныя ссуды подъ обезпеченіе движимостью, именно: купеческими векселями, товарами, золотомъ, серебромъ и т. п. Изъ этого видно что наши прежнія государственный кредитныя установленія имѣли въ виду, главнымъ образомъ, обезпеченіе земельного государственнаго кредита въ Россіи.

** Рѣчь министра Финансовъ 13 сентября 1860 года при Отчетѣ государственныхъ кредитныхъ установленій за 1859 годъ.

Оно увеличивалось только лишь на сумму поступающей в разный фонд звонкой монеты. Прежние казенные кредитные учреждения не могли причиною оласаться внезапного сильного востребования капиталов и необходимости выпуска, в замѣвъ ихъ, новыхъ кредитныхъ билетовъ. „Замѣчательно“, говоритъ Канкринъ въ своемъ отчетѣ за двадцать лѣтъ управления финансами, „что когда большая масса лубаки сохранила къ банкамъ прежнее довѣріе, въ нѣкоторыхъ членахъ правительства возникали на сей счетъ чрезмѣрные опасенія, коихъ министръ Финансовъ не раздѣлялъ и былъ оправданъ послѣдствіями“.*

Если прибавить къ вышеозначеннымъ новымъ средствамъ еще серіи или казначейскіе билеты, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ они принимались казною въ уплату, то окажется что для удовлетворенія потребности страны въ множествѣ средствъ къ 1 января 1853 года имѣлось въ обращеніи, кромѣ звонкой монеты:

Кредитныхъ билетовъ на	333.443.000 р.
Казначейскихъ „ „	57.000.000 „
Банковыхъ „ „	848.420.459 „
<hr/>	
Итого на	1.238.863.458 „

Несмотря на такое обиліе жѣноваго средства, привозъ драгоценныхъ металловъ съ 1839 года по 1853 годъ включительно въ общей сложности превышалъ ихъ вывозъ, и вексельные курсы на Лондонъ на Петербургской биржѣ не падали ниже $37\frac{1}{4}$ пенса, но доходили и до $40\frac{7}{8}$ пенса, то-есть выше лари, за исключеніемъ 1848 и 1849 годовъ—времени революціоннаго движенія во Франціи и Германіи и нашей Венгерской войны, когда наши вексельные курсы временно понижались до $34\frac{1}{2}$ и $37\frac{15}{16}$ и до $35\frac{5}{8}$ и $37\frac{13}{16}$. По таможенной оцѣнкѣ на серебро, съ 1840 по 1853 годъ включительно, въ теченіе четырнадцати лѣтъ, вывозъ товаровъ по европейской торговлѣ простирается до 1.211 милл. руб., а привозъ только до 1.031 милл. руб. Привозъ драгоценныхъ металловъ за тѣ же годы по европейскимъ границамъ превышалъ ихъ вывозъ на 75 милл. руб., а по азіятскимъ границамъ вывозъ превышалъ

* „Обзоръ примѣчательнѣйшихъ дѣйствій по финансовой части въ теченіе двадцати послѣднихъ лѣтъ съ 1823 года графа Канкринъ“. (Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по еподомству Министерства Финансовъ, т. II, 1865 года.)

привозъ ихъ на $39\frac{1}{2}$ милл. руб. Слѣдовательно, въ общей сложности привозъ драгоценныхъ металловъ въ Россію въ означенный періодъ превысилъ вывозъ ихъ на $35\frac{1}{2}$ милл. руб.

Займовъ въ теченіе тѣхъ же четырнадцати лѣтъ было сдѣлано на 102 милл. руб. серебр., въ томъ числѣ на 25 милл. руб. въ 1840 году для подкрѣпленія Государственнаго Казначейства, затѣмъ съ 1842 по 1849 годъ—2й, 3й, 4й и 5й 4% Штиглица займы на 42 милл. руб., и наконецъ 1й $4\frac{1}{2}$ % заемъ въ $5\frac{1}{2}$ милл. фунт. стерл. на сооруженіе Николаевской желѣзной дороги.

Вышеприведенныя данныя показываютъ что несмотря на обиліе бумажныхъ денегъ, сильныя неурожаи, постоянную Кавказскую войну, Венгерскую кампанію и сооруженіе Николаевской желѣзной дороги, въ теченіе четырнадцати лѣтъ со времени переложенія ассигнацій на кредитные билеты, благодаря *выгодному торговому балансу*, нашъ кредитный рубль держался наравнѣ съ металлическимъ, иногда даже стоялъ выше его, и въ размнѣнъ его не представлялось никакого затрудненія.

Въ концѣ 1853 года началась Крымская война. Въ 1854 и 1855 годахъ наша вѣшняя торговля, производившаяся только сухопутно чрезъ прусскую границу, сильно уменьшилась, * и привозъ иностранныхъ товаровъ, въ сложности этихъ двухъ лѣтъ, превысилъ вывозъ на 30 милл. руб. Несмотря однакожь на такой невыгодный торговый балансъ, средній годовоі курсъ на Лондонъ былъ въ 1854 году $36\frac{7}{16}$ пенс. и въ 1855 году— $36\frac{1}{16}$ пенс. Самый же низкій мѣсячный курсъ былъ въ мартѣ 1854 года— $33\frac{27}{32}$ и въ апрѣлѣ того же года— $34\frac{21}{32}$ пенс.

На покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ вызванныхъ войной было сдѣлано два займа: въ іюнѣ 1854 5й 5% въ кредитныхъ рубляхъ на 50 милл. руб., реализованный по $89\frac{7}{100}$ %, и въ ноябрѣ 1855 года 6й 5% на 50 милл. руб. металл., реализованный по $91\frac{24}{100}$ %. Кроме того, выпущено было въ обращеніе на 30 милл. руб. серій и на 400 милл. р. кредитныхъ билетовъ и занято въ кредитныхъ установленіяхъ около 190 милл. руб.

По заключеніи мира спросъ на наши продукты сильно увеличился, и ихъ было вывезено въ 1856 году на 146.771.894 р.

* Въ 1854 году вывезено товаровъ на $53\frac{1}{2}$ милл. руб., а въ 1855 году— $27\frac{1}{2}$ милл. руб., противъ 107 милл. руб. средняго отпуски предшествовавшихъ трехъ лѣтъ. Привозъ иностранныхъ товаровъ въ 1854 году составлялъ $54\frac{1}{2}$ милл. руб. и въ 1855 году—56 милл. руб.

и въ 1857 году на 153.419.973 р.; иностранныхъ же товаровъ было привезено въ 1856 году только на 104.995.425 р., а въ 1857 году—на 131.775.578 р. Драгоценныхъ металловъ въ 1856 году было привезено болѣе чѣмъ вывезено на 15.141.908 р., а въ 1857 году привезено менѣе чѣмъ вывезено на 9.346.073 р. Вексельный курсъ на Лондонъ въ 1856 году съ 35⁵/₁₆ въ началѣ января дошелъ до 39¹/₄ пенс. въ октябрѣ; въ годовой же сложности составляя 38¹/₄ пенсовъ за рубль, такъ что преміи на золото не было. Въ 1857 году, медленно понижаясь, онъ съ 38¹¹/₁₆ пенс. въ январѣ дошелъ до 34 пенс. въ ноябрѣ, но въ годовой сложности все еще составляя 37¹/₄ пенс. за рубль.

Пониженіе нашего вексельнаго курса со второй половины 1857 года прежде всего объясняли сильнымъ денежнымъ и торговымъ кризисомъ, разразившимся въ послѣдніе мѣсяцы 1857 года въ Англии, Гамбургѣ и другихъ мѣстахъ Европы, который причинилъ множество банкротствъ и могъ конечно повліять и на пониженіе нашего вексельнаго курса. Но во всякомъ случаѣ это была лишь временная причина, дѣйствовавшая недолго. Причины же болѣе всего содѣйствовавшія съ того времени хроническому разстройству нашего торговаго баланса и сильному постоянному пониженію нашихъ вексельныхъ курсовъ были преимущественно внутренняго происхожденія, то-есть были порождены собственно нашими финансовыми и экономическими мѣропріятіями. Канкринская финансовая политика вполнѣ сознавала *необходимость сокращать внѣшніе расходы страны съ ея платежными средствами, такъ какъ только при этомъ условіи* и могли быть поддержаны и вексельные курсы, и металлическое обращеніе въ странѣ. А. М. Княжевичъ, ученикъ Канкринъ, бывшій министромъ Финансовъ съ 1857 по 1861 годъ, какъ доказываютъ его рѣчи, былъ того же мнѣнія, но подъ напоромъ проявившихся весьма вліятельныхъ новыхъ экономическихъ воззрѣній онъ былъ не въ состояніи предотвратить разстройство торговаго баланса. Заступившіе его финансовыя дѣятели, подъ вліяніемъ идей свободной торговли, не признавали вліянія торговаго баланса на экономическое и финансовое положеніе страны, и уладокъ вексельныхъ курсовъ приписывали исключительно *неправильности устройства тогдашнихъ кредитныхъ учрежденій и избытку кредитныхъ билетовъ въ обращеніи.*

Главными причинами увеличенія нашихъ вѣдшихъ расходовъ несообразно съ платежными силами страны уже съ 1856 года были: *чрезвычайно усилившийся безпошлинный провозъ разныхъ машинъ, паровозовъ, рельсовъ и другихъ принадлежностей желѣзныхъ дорогъ; перевозъ за границу большихъ суммъ нашими путешественниками и эмигрантами; пониженіе тарифа 1857 года; ликвидація прежнихъ кредитныхъ установлений; искусственная поддержка иностранныхъ курсовъ; разлѣнная операція предпринятая при невыгодномъ торговомъ балансе; сильное увеличеніе внешней задолженности вѣдствію сооруженія желѣзныхъ дорогъ на вѣдшіе металлическіе займы и изъ иностранныхъ матеріаловъ, развитіе биржевой фондовой игры и т. п.*

Для основаннаго въ 1856 году Русскаго Общества Пароходства и Торговли съ капиталомъ въ 9 миллионъ рублей и громадною казенною субсидіей всѣ суда пріобрѣтены были за границей; военное и морское вѣдство также значительно увеличили свои заграничные заказы на оружіе и суда. Въ 1857 году было основано Главное Общество Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ, при содѣйствіи иностранныхъ банкировъ, съ акціонернымъ капиталомъ въ 75 милл. руб. металл.; большую часть этой суммы оставили русскіе капиталы; рельсы же, подвижной составъ, мосты и всѣ прочія принадлежности желѣзныхъ дорогъ были куплены за границей. Въмѣсто устройства въ Россіи машиностроительныхъ заводовъ, французскіе строители начали свою дѣятельность съ уничтоженія прекраснаго завода герцога Лейхтенбергскаго изготовлявшаго отличные паровозы и т. д.

Пониженіе нашего тарифа въ 1857 году имѣло сильное вліяніе на увеличеніе привоза къ намъ *иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій*, такъ какъ самое значительное пониженіе пошлинъ было сдѣлано именно на эти издѣлія. Въ теченіе трехъ лѣтъ, 1856—1858 годовъ, сравнительно съ тремя годами до войны, привозъ этихъ издѣлій увеличился на 63%, тогда какъ привозъ другихъ иностранныхъ продуктовъ, какъ-то сырыхъ матеріаловъ для нашихъ фабрикъ и заводовъ, съѣстныхъ припасовъ и т. л., увеличился только на 24%. Столь сильное увеличеніе привоза иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій, дорого стоящихъ предметовъ роскоши, увеличивало наши заграничные платежи и вредно вліяло на внутреннее производство однородныхъ предметовъ.

V.

Но самую обильною по своимъ послѣдствіямъ для нашего финансоваго и экономическаго положенія мѣрой было пониженіе банковыхъ процентовъ съ 4 на 3%, объявленное въ іюлѣ 1857 года и начавшееся съ 1 сентября этого года въ Коммерческомъ Банкѣ и съ 1 января 1878 года въ другихъ банкахъ. Вызвана эта мѣра была тѣмъ что въ іюлѣ 1857 года въ банкахъ скопилось до 150.000.000 р. наличными деньгами не находившихъ себѣ употребленія. Такъ какъ на войну было выпущено кредитныхъ билетовъ на 400.000.000 р., то скопленіе ихъ въ банкахъ на 150.000.000 р. было весьма ловятво; но почему не воспользовались наши государственные финансисты этимъ удобнымъ случаемъ для консолидаціи оказавшагося излишка кредитныхъ билетовъ, тѣмъ болѣе что тогда наша публика, ища болѣе выгоднаго для своихъ капиталовъ помѣщенія, платила за перепродаваемые намъ изъ-за границы наши облигаціи 5го 5% займа до 112%, 6го 5% займа до 117% и за 4% заемъ до 98%. Отвѣтъ на это заключается въ томъ что пониженіе банковыхъ процентовъ было рѣшено съ цѣлю поудительною выемкой капиталовъ изъ банковъ повліять на распространеніе въ Россіи частныхъ промышленныхъ предпріятій. Главнымъ виновникомъ этой мѣры называли тогдашняго главноуправляющаго Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями, К. В. Чевкина, который разчитывалъ воспользоваться скопившимися въ банкахъ частными капиталами для образованія Главнаго Общества Россійскихъ Железныхъ Дорогъ. Это пониженіе банковыхъ процентовъ породило учредительскую горячку всевозможныхъ акціонерныхъ предпріятій, изъ которыхъ многія просуществовали очень недолго и, какъ на примѣръ общество „Сельскій Хозяинъ“, „Амурская Компания“ и т. л., потеряли безвозвратно многіе милліоны рублей. Стремленіе къ покупкѣ акцій и фондовъ еще усилило востребованіе капиталовъ изъ банковъ до того что перевѣсъ возврата вкладовъ предъ взносами съ августа 1857 года по іюнь 1879 года, въ теченіе 22 мѣсяцевъ, достигъ 148.000.000 р. Наличие же банковъ со 150 милліоновъ рублей въ іюлѣ 1857 года понизилась до 20 милліоновъ рублей въ іюлѣ 1859 года.

Искусственно возбужденное, столь сильное востребованіе капиталовъ изъ банковъ и затрудненіе удовлетворить ему безъ выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ явились побудительными причинами къ ликвидаціи прежнихъ казенныхъ кредитныхъ установленій и замѣнѣ ихъ Государственнымъ Банкомъ и разными частными кредитными учрежденіями.

Въ статьѣ г. Ламанскаго: *Вклады въ банкахъ или билеты непрерывнаго довода*, появившейся въ мартѣ 1859 года, и въ послѣдовавшемъ Высочайшемъ указѣ 1 сентября 1859 года о преобразованіи государственныхъ банковыхъ установленій главными недостатками ихъ выставлялись: 1) *несоответствіе между условіями вкладовъ и сроками ссудъ*, то-есть что вклады принимались до востребованія, а ссуды выдавались на извѣстные сроки, отчего банки будто бы постоянно подвергались опасности отъ могущаго появиться сильнаго востребованія капиталовъ; 2) *обязанность платить по вкладамъ слабые проценты*, и 3) что при этихъ условіяхъ банки были понуждаемы расширять свои операціи дабы выручить проценты нужные для уплаты вкладчикамъ, а съ другой стороны, обязаны были сохранять постоянно въ запасъ значительную сумму наличныхъ денегъ, дабы удовлетворить внезапному востребованію капиталовъ. Кроме того, полагали будто банковые вклады *удерживали частные капиталы отъ производительнаго употребленія* и что „этой причинѣ надлежало, между прочимъ, приписать медленное развитіе нашихъ производительныхъ силъ“. Наконецъ, говорили что правительство, имѣя возможность занимать въ банкахъ во всякое время на текущіе расходы, вслѣдствіе этого не допускало развитія частной предпримчивости.

По этимъ соображеніямъ и было рѣшено приступить къ консолидаціи банковыхъ вкладовъ и ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ учрежденій. По поводу этого рѣшенія въ выше названной статьѣ Е. И. Ламанскаго говорилось: „Въ рукахъ правительства отличный случай открыть теперь новую эру кредитной системы, *не потрясая ничего кромя предразсудковъ, и обезпечить на вѣка блистательное развитіе промышленности*. Средство это и есть та самая *консолидація вкладовъ* которая одна въ состояніи доставить банкамъ и частнымъ вкладчикамъ обоюдныя выгоды. Кроме этого сред-

ства, мы не знаемъ другаго. Къ счастью Россіи, правительство рѣшилось на эту спасительную мѣру отверженія вкладовъ. Цѣль ея заключается въ устройствѣ нашихъ банковъ на *такихъ же принципахъ началахъ какъ они существуютъ за границей*“. Статья оканчивается выраженіемъ радостной надежды на совершеніе дѣла котораго „отоль долго ждали въ Россіи вопіяшіе въ пустыи финансисты“.

Теперь прошла уже цѣлая четверть вѣка съ тѣхъ поръ какъ были высказаны эти радужныя ожиданія отъ ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ учрежденій съ цѣлю улучшенія нашей кредитной системы и приведенія въ порядокъ нашего денежнаго обращенія. Мы пережили формацию Государственнаго Банка и различныхъ частныхъ банковъ, замѣнившихъ прежнія государственныя кредитныя учрежденія, и множество другихъ финансовыхъ мѣропріятій все съ тою же цѣлю исправленія нашей денежной системы, и видимъ теперь насколько въ дѣйствительности улучшилась наша кредитная система и пришло въ порядокъ наше денежное обращеніе: широко обезпеченный прежними государственными кредитными учрежденіями, дешевый государственный земельный кредитъ въ Россіи былъ разрушенъ наканунѣ великой крестьянской реформы и замѣнился спустя нѣсколько лѣтъ земельнымъ кредитомъ частныхъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ, непомерно дорогимъ для сельскохозяйственныхъ и земледѣльческихъ предпріятій; денежное обращеніе въ Россіи пришло въ такой порядокъ что курсъ на Лондонъ съ 35¼ пенса въ 1860 году повысился до 28 пенса въ 1883 году, а цѣнность металлическаго рубля повысилась въ то же время съ 1 р. 7 к. до 1 р. 61 к. кредит.

Главнымъ недостаткомъ нашихъ прежнихъ государственныхъ банковыхъ установленій выставлялось *неоотѣтственность условій востребованія вкладовъ со сроками ссудъ*, вслѣдствіе чего банки могли не въ состояніи удовлетворить востребованію вкладовъ. Но при этомъ забывали что вкладные билеты, обращаясь въ публикѣ наравнѣ съ наличными деньгами и замѣняя собою кредитные билеты, представляли для прежнихъ банковъ несравненно меньше опасности чѣмъ, напримѣръ, вклады по текущимъ счетамъ въ современныхъ депозитныхъ банкахъ. При внезапномъ востребованіи вкладовъ, ни одинъ современный національный

банкъ, даже Англійскій, * какъ бы ни были краткосрочны его ссуды, не въ состоянн удовлетворить всѣмъ своимъ вкладчиковъ безъ посторонней помощи и усилешныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, не говоря уже о частныхъ банкахъ. ** Да и нашъ Государственный Банкъ,—которымъ съ самаго основанн и до 1882 года фактически управлялъ авторъ вышеприведенной статьи, Е. И. Ламаевскій, бывший сначала помощникомъ управляющаго барона Штигаица, а потомъ и самъ управляющимъ,—постоянно находился въ необходимости *выпускать кредитные билеты на подкрѣпленн кассъ своихъ кассовъ и отдѣленн сверхъ количества показываемаго въ отдѣлѣ кредитныхъ билетовъ и вове не на нужды Государственнаго Казначейства, хотя по уставу своему Государственный Банкъ и не былъ уполномоченъ выпускать кредитные билеты даже въ ссуду Государственному Казначейству.* Для денежнаго рынка, впрочемъ, совершенно все равно, Государственный ли Банкъ выпускаетъ кредитные билеты или Государственное Казначейство снабжаетъ его такими, лишь бы только въ обращенн находилось достаточное количество мѣноваго средства для удовлетворенн потребностей рынка. Замѣчательно что указывая на опасность для прежнихъ банковъ отъ внезапнаго требованн вкладовъ, наши финансисты не обратили вниманн на тотъ фактъ, или можетъ-быть и не знали того факта что въ теченн многихъ десятковъ лѣтъ своего существованн прежнн кредитнн учрежденн ни разу не подвергались и тѣмъ подобной опасности.

Что касается *сложности банковыхъ процентовъ*, то-есть прнближн ихъ къ капиталу въ концѣ года самими банками, то суть дѣла измѣнилась лишь въ томъ что по правиламъ новаго Государственнаго Банка вкладчики должны подавать Банку въ концѣ года особое заявленн о такомъ желанн ихъ; прежнн же банки сами исполняли это вполнѣ естественное и несомнѣнное желанн, безо всякаго напоминанн со стороны вкладчиковъ.

* Въ теченн послѣднихъ 35 лѣтъ, съ 1847 года, Англійскій банкъ уже три года вынуждаемъ былъ нарушать свой уставъ, то-есть увеличивать выпускъ банковыхъ билетовъ непокрытыхъ золотомъ чтобъ удовлетворить требованн въ мѣновомъ средствѣ и тѣмъ положить конецъ паникѣ вызванной стѣсненнмъ денежнаго рынка.

** „При общемъ набѣгѣ (run) на англійскн частные банки, говорить *Economist*, ихъ вкладчики едва ли получили бы болѣе одного шиллинга за фунтъ стерлинга.“

Что правительство занимало в банках деньги на текущие расходы, сооружение шоссе, дорог, крепостей, на чрезвычайные военные расходы и т. п., это едва ли справедливо было считать недостатком прежних государственных банков, потому что все национальные циркуляционные банки обязаны оказывать денежное содействие правительству как во время мира так и во время войны. Такъ Французскій банк открываетъ государственному казначейству кредитъ до 140 милл. фр. изъ 1% въ годъ, и на послѣднюю войну съ Германіей ссудилъ правительству до 1.530 милл. фр.

Совершенно неосновательно также утверждение будто бы правительство, занимая в банкахъ деньги, не допускало развитія частной предприимчивости и что вклады удерживали частные капиталы отъ производительнаго употребленія, такъ какъ наша мануфактурная промышленность создавалась и сильно развилась при прежнихъ банкахъ, и при нихъ же возникли первыя акціонерныя общества: страховыя (отъ огня и пожизненныя доходы), транспортныя, пароходныя, бумагопрядильныя, газовыя и т. д., которыя существуютъ до сихъ поръ и оказываются самыми солидными, хотя и не получаютъ субсидій отъ казны. Наша вывозная торговля съ 72 милл. руб. въ 1842 году увеличилась до 153 милл. руб. въ 1857 году, а привозная одновременно съ 69 милл. руб. до 132 милл. руб.; то-есть объ удвоились въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Въ тотъ же періодъ времени, въ Англіи, по официальной оцѣнкѣ, привозъ увеличился съ 65 милл. ф. ст. до 136 милл. ф. ст., а вывозъ, считая и вывозъ колоніальныхъ и иностранныхъ товаровъ, такъ какъ Англія служитъ складочнымъ мѣстомъ транзитной торговли, увеличился со 114 милл. ф. ст. до 286 милл. ф. ст. Итакъ, относительно увеличенія внешней торговли различіе между наиболее богатою и самою торговою страной въ мірѣ, съ одной стороны, и Россіей, съ другой стороны, не особенно велико.

Владѣльцы вкладныхъ банковыхъ билетовъ раздѣлялись на двѣ категоріи: одна помѣщала свои сбереженія и капиталы чтобы жить на полученные проценты, а для другихъ банковые билеты представляли процентные чеки, весьма удобные для помѣщенія въ нихъ оборотныхъ капиталовъ, требовавшихся для торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ.

Слѣдовательно говорить что *вкладные билеты удерживали капиталы от производительнаго употребленія, значило утверждать совершенно противное дѣйствительности.*

Считать владѣльцевъ прежнихъ банковыхъ билетовъ, дававшихъ сложныя проценты, за вредныхъ туземцевъ, а вышедшихъ фондовыхъ владѣльцевъ, спекулирующихъ на биржѣ, за полезныхъ экономическихъ дѣятелей, было бы просто безправственно и совершенно несогласно со здоровыми экономическими понятіями.

Утвержденіе что прежніе банки дѣйствовали въ убытокъ, также несогласно съ истиной. Еслибъ они работали въ убытокъ, то какимъ же образомъ они могли не только существовать многіе десятки лѣтъ, но еще составить значительныя капиталы и содержать такія громадныя благотворительныя учрежденія какъ воспитательныя дома?

Чрезвычайно любопытны слѣдующіе аргументы автора означенной статьи касательно превращенія банковыхъ вкладовъ въ непрерывно доходныя билеты какъ образчикъ того какъ оправдываются на практикѣ самыя очевидному рациональнѣя кабинетныя соображенія:

„Консолидація, говоритъ Е. И. Ламанскій, произошла бы безо всякаго *обремененія* рынка, потому что сумма новыхъ бумагъ равнялась бы существующей суммѣ билетовъ. Для частыхъ капиталовъ подобныя облигаціи или билеты непрерывнаго дохода представлять *болѣе удобствъ* нежели вышедшіе билеты на вклады. Цѣна облигацій должна быть скорѣе выше чѣмъ ниже лари, такъ какъ *тиражъ не дозволитъ*, по всѣмъ вѣроятіямъ, упасть 4% обязательствамъ ниже лари“.

Дѣйствительность однакожь не замедлила доказать всю кабинетность этой логической аргументаціи, убѣждающей въ большей выгодности для публики непрерывно доходныхъ билетовъ сравнительно со вкладными билетами прежнихъ банковъ. Когда эти послѣдніе, даже при послѣдовавшемъ сокращеніи съ 3 на 2%, продолжали обращаться по *своей нарицательной цѣнѣ*, не только 4% непрерывно доходныя билеты сбывались съ трудомъ по 70% за сто, но даже 5% банковые билеты доходили до 77% своей номинальной стоимости.

Авторъ, кромѣ того, съ особенною увѣренностью доказывалъ еще что ликвидація прежнихъ кредитныхъ учрежденій

будетъ необыкновенно благотворна для облегченія крестьянамъ покупки земли, а землевладельцамъ для полученія дешовыхъ займовъ подъ залогъ ихъ земельной собственности. Да, это дѣйствительно доказали акціонерные земельные банки доставляя 10% земельный кредитъ! Какъ бы охотно выѣшшіе землевладельцы промѣняли свои долги этимъ новымъ поземельнымъ банкамъ на долги прежнимъ „нерегиональнымъ“ правительственнымъ кредитнымъ учреждениямъ! Да и само правительство наше за послѣдніе годы убѣдилось наконецъ въ необходимости восстановленія государственнаго земельного кредита, и Министерство Финансовъ уже занято составленіемъ проекта государственнаго земельного банка для землевладельцевъ; но устроить вновь такое государственное кредитное учрежденіе въ настоящее время—дѣло не легкое и пожалуй потребуетъ новыхъ займовъ не на одну сотню милліоновъ рублей, въ виду того что въ акціонерныхъ земельныхъ банкахъ уже заложено имѣній почти на 500 милліоновъ рублей.

А. М. Кляжевичъ, воспитанный въ школѣ Канкринъ, бывшій во время ликвидаціи прежнихъ банковыхъ установленій министромъ Финансовъ, хотя и былъ вынужденъ исполнить желаніе „долго волявшихъ въ пустынь“ нашихъ кабинетныхъ финансистовъ-реформаторовъ, но вполне сознавалъ совершенную непригодность и несостоятельность этой мѣры для поднятія нашего вексельнаго курса и возможности открыть размѣвъ. Въ рѣчи своей 13 сентября 1860 года при представленіи отчета кредитныхъ учрежденій за 1859 годъ, онъ совершенно ясно и правильно высказался на счетъ этого: „Нельзя однакожь не обратить здѣсь вниманія на то что балансъ этотъ (торговой) едва ли возстановится въ желаемой степени пока будутъ вывозимы изъ государства огромныя суммы за границу, какъ на выпуску оттуда рельсовъ и разныхъ принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, машинъ, паровозовъ и т. д., такъ и въ особенности на проживаніе тамъ нашихъ соотечественниковъ, въ послѣднее время чрезмерно усилившееся. Переводъ же денегъ туда на покрытіе расходовъ по такимъ предметамъ должно считать одною изъ главныхъ причинъ склоняющихъ балансъ въ денежныя обороты Россіи съ иностранными государствами въ ея невыгоду, причѣмъ не можетъ упрочиться и возвышеніе вексельнаго курса. А пока сей послѣдній не поднимется въ надлежащемъ размѣрѣ,

свободный размѣтъ кредитныхъ билетовъ не можетъ быть возстановленъ, и всѣ попытки возстановить его повели бы только къ истощенію разныиой кассы въ самое непродолжительное время". Но подобныя опыты и совершенно вѣрные соображенія считались нашими кабинетными финансистами-реформаторами, уже получившими въ Россіи въ то время рѣшающее вліяніе въ практическихъ жизненныхъ экономическихъ и финансовыхъ вопросахъ, „подусонными бреднями и гаулыиыми вѣрваніями въ устарѣваю и отжившую теорію о торговомъ балансѣ“.

Княжевичъ представилъ 26 ноября 1860 года особую записку въ которой, считая невозможнымъ устройство денежной системы до сокращенія заграничныхъ затратъ, предлагалъ для сего слѣдующія мѣры:

1) усилить разработку желѣзныхъ рудъ на каменномъ углѣ и развитіе въ Россіи машиннаго и рельсового производства при помощи возвышенія таможенныхъ пошлинъ на эти предметы;

2) раздачей казенныхъ земель, вызовомъ колонистовъ и разными льготами содѣйствовать туземному производству наиболѣе необходимыхъ для насъ иностранныхъ продуктовъ;

3) для облегченія передвиженій и сбыта своихъ произведеній уауанить пути сообщенія въ Россіи и для этого допустить употребленіе на работы войскъ, отчего потребуетса менше иностранныхъ капиталовъ, ибо сооруженіе путей обойдется гораздо дешевле;

4) усилить добычу золота, предоставивъ частнымъ лицамъ развѣдки во всѣхъ частяхъ Сибири и Урала;

5) ограничить хотя временно заграничные расходы на казенные заказы, командировки и т. л.;

6) возвысить таможенные пошлины на всѣ предметы роскоши безъ исключенія, ограничить безпошлинное ихъ водвореніе подъ видомъ пассажирскихъ вещей и усугубить мѣры противъ контрабанды, и

7) умѣрнить стремленіе къ заграничнымъ путешествіямъ.

Но теперь „волиять въ пустынь“ пришлось уже опытному старому министру Финансовъ, ибо и въ высшихъ рѣшающихъ правительственныхъ сферахъ внимали только громкимъ рѣчамъ молодыхъ реформаторовъ. Изъ всѣхъ указанныхъ Княжевичемъ мѣръ была осуществлена постройка желѣзныхъ дорогъ, но почти исключительно на

заняты за границей капитала, изъ иностранныхъ матерiаловъ, съ правительственною гарантiей чистаго дохода, то есть самымъ выгоднымъ для страны и для государственной казны способомъ.

Но будемъ продолжать цифровое изложенiе кредитной реформы. Сумма банковыхъ вкладовъ, составлявшая къ 1 января 1858 года *1.012.871.192 руб.*, уменьшилась къ 1 января 1859 года до *967.107.000 руб.* Въ теченiе 1859 года было ликвидировано вкладовъ на *638.555.023 руб.*; оставшая же затѣмъ сумма была ликвидирована уже чрезъ новый Государственный Банкъ, учрежденiе коего состоялось 30 мая 1860 года. Ликвидация была произведена слѣдующимъ образомъ: обращено вѣчныхъ или неприкосновенныхъ вкладовъ въ билеты 4% *непрерывнаго дохода*, съ 13 марта 1859 года по 1 октября 1861 года:

Казенныхъ, общественныхъ и сословныхъ на.....	104.740.206 р.
Частыхъ лицъ.....	<u>88.933.184 „</u>
Итого.....	193.673.390 р.
Обращено вкладовъ въ 5% банковыя билеты.....	277.800.000 „
Возвращено вкладчикамъ съ 1 января 1859 года по 1 ноября 1860 года наличными деньгами.....	197.412.761 „!
Изъ казенныхъ капиталовъ, обращавшихся въ банкахъ, передано въ Государственное Казначейство на	<u>90.892.902 „</u>
Итого.....	688.779.993 р.

Для покрытiя вышеозначенной суммы 197.412.761 р. выданной наличными деньгами и для консолидацiи остальныхъ *328 милл. руб.* было продано процентныхъ бумагъ, принадлежавшихъ заемному и коммерческому банкамъ, на *25.912.200 р.*, заключающъ 3% заемъ на *7 милл. фунт. стерл.*, давшiй около *28 милл. руб.*, большая часть коихъ употреблена была также на возвратъ капиталовъ изъ банковъ, разрѣшенъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на *100.000.000 руб.* (уже противъ всѣхъ правилъ нашихъ кабинетсъ-финансистовъ, да дѣлать-то нечего было иначе, денегъ для ликвидации не хватило!), вылучено казначейскихъ билетовъ на *84 милл. руб.*, металлическихъ 4% на *72 милл. руб.*, изъ Iго лотерейнаго займа употреблено *80 милл. руб.*, зачтено казенныхъ капиталовъ на *16 милл. руб.* и уплачено изъ свободныхъ суммъ Государственнаго Казначейства около *90 милл. руб.*, и того *497.912.200 руб.!!*

Въ обращеніи находилось къ 1 января:

	1858 года.	1861 года.	1864 года.
Билетовъ кред. учрежд.	1.012.871.192 р.	237.061.004 р.	87.208.761 р.
Кредитныхъ билетовъ...	735.297.006 „	712.976.569 „	636.525.857 „
Казначейскихъ билетовъ	98.000.000 „	108.000.000 „	177.000.000 „
40/10 металлическихъ.....			47.145.000 „
Итого рублей.....	1.841.168.198	1.058.067.673	947.979.618

Изъ этихъ данныхъ видно что мѣновое средство страны съ 1858 по 1861 годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, сократилось почти на 80 милл. руб. и было почти на 200 милл. руб. меньше чѣмъ даже въ 1858 году (1.238.863.459 р.), когда кредитныхъ билетовъ въ обращеніи находилось всего лишь на 333 милл. руб. Слѣдовательно пригнѣвая упадокъ денежнаго курса увеличенію денежнаго обращенія на 400 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, вылученныхъ во время Крымской войны, поусердствовали и сократили мѣновое средство на двойную сумму, то-есть на 800 милл. руб. Какіе же оказались результаты въ дѣйствительности? Совершенно противоположные, отрицательные: средній годовоі курсъ на Лондонъ, бывшій въ 1857 году 37¹/₂ пенс., въ 1861 году повзрасла до 33¹/₂ пенс., а въ 1864 году, когда денежное обращеніе, какъ увидимъ ниже, было еще болѣе уменьшено размѣною операціей, средній курсъ равнялся лишь 32¹/₂ пенс. *

* Что удивленіе кабинетныхъ экономистовъ будто неразвѣяны бумажныя деньги обезцѣживаются, премія на звонкую монету повышается и вексельные курсы поднимаются въ строгой соотвѣстственности съ увеличеніемъ выпуска бумажныхъ денегъ, совершенно ошибочно, доказываютъ слѣдующіе факты: выпускъ кредитныхъ билетовъ на 400 милл. руб. во время Крымской войны, болѣе чѣмъ удвоившій ихъ количество—съ 333 милл. р. въ 1858 году до 735 милл. руб. къ 1 января 1857 года—при бывшихъ тогда въ обращеніи болѣе чѣмъ на миллиардъ рублей вкладныхъ билетахъ прежнихъ банковъ не имѣлъ сколько-нибудь значительнаго вліянія (при незначительности въ то время нашихъ иностранныхъ долговъ и расходовъ) на положеніе вексельныхъ курсовъ, потому что они въ годовоі сложности во время войны не падали въ 1854 году ниже 36⁷/₁₆ пенс. и въ 1855 году ниже 36¹/₁₆ пенс., по заключеніи же мира въ 1856 году курсы доходили до 39 пенс., а въ годовоі сложности за этотъ годъ составляли 38¹/₂ пенс. и за 1857 годъ—37¹/₂ пенс.

Въ апрѣлѣ 1862 года, вслѣдствіе консолидаціи вкладныхъ билетовъ прежнихъ банковъ, общее количество мѣноваго средства было

Такой наглядный и такъ сказать осязательно отрицательный результатъ, казалось, долженъ былъ бы дать понять что не излишекъ въ 400 милл. руб. кредитныхъ билетовъ былъ причиною паденія курсовъ и увеличенія преміи на золото.

сокращено почти на 800 милл. руб. противъ бывшаго въ 1858 году, и въ обращеніи оставалось кредитныхъ билетовъ на 707.000.000 руб., курсъ на Лондонъ былъ $35\frac{1}{2}$ пенс., а въ концѣ ноября 1863 года, по уменьшеніи числа ихъ разнѣнною операціей до 635 милл. руб., то-есть на 72 милл. руб., курсъ упалъ до $33\frac{1}{2}$ пенс., а на слѣдующій годъ, при 643 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, онъ понизился до 31 пенс. за рубль.

Въ 1866 году, при одномъ и томъ же количествѣ кредитныхъ билетовъ въ обращеніи—650 милл. руб.—курсы упали съ $29\frac{1}{2}$ пенс. въ апрѣлѣ до $25\frac{1}{4}$ п. въ іюль.

Напротивъ того, при, увеличеніи количества кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, вексельные курсы повышались. Такъ въ 1870 году, при 722 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, средній годовоі курсъ на Лондонъ былъ $29\frac{1}{16}$ пенс., а въ 1874 году при 792 милл. руб. кредитныхъ билетовъ средній годовоі курсъ былъ $33\frac{3}{16}$ пенс.

Во Франціи прекращеніе разнѣна билетовъ Французскаго банка и увеличеніе ихъ количества болѣе чѣмъ вдвое по случаю войны съ Германіей имѣли лишь временное и самое незначительное вліяніе на положеніе курсовъ и повышеніе преміи на золото. По заключеніи же мира, курсы вскорѣ дошли до своего паритета, и несмотря на отсутствіе разнѣна и громадное увеличеніе банковыхъ билетовъ въ обращеніи, притивъ драгоцѣнныхъ металловъ во Францію былъ постоянный.

Когда Англійскій банкъ, по приказу правительства (Order in council) 20 февраля 1797 года, прекратилъ разнѣнъ своихъ билетовъ на звонкую монету, въ кассѣ его оставалось золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ всего лишь на 1.272.000 фунт стерл. противъ 8.661.964 фунт. стерл. банковыхъ билетовъ въ обращеніи, и несмотря на то что количество послѣднихъ, при отсутствіи разнѣна въ теченіе четырехъ лѣтъ, дошло къ 25 февраля 1800 года до 15.236.676 фунт. стерл., они обращались по своей номинальной цѣнѣ и даже на золото не было. Самый высокій лажъ на золото, $25\frac{1}{8}\%$, былъ въ 1814 году при 25.095.415 фунт. стерл. банковыхъ билетовъ, а въ 1817 году, когда этихъ билетовъ въ обращеніи было на 30.099.808 фунт. стерл., лажъ на золото понизился до $2\frac{1}{8}\%$.

Всѣ эти дѣйствительные факты конечно будутъ достаточно доказательны и убѣдительно для всѣхъ, только не для нашихъ кабинетныхъ финансистовъ и экономистовъ.

Тѣмъ не менѣе было пристулено у насъ *прежде всего къ исправленію денежнаго обращенія* сокращеніемъ количества кредитныхъ билетовъ до прежней цифры 333 милліоновъ рублей, и въ три года, съ 1858 по 1861, какъ видно изъ выше приведенныхъ цифръ, сократили ихъ только съ небольшимъ на 22 милліона рублей, уменьшивъ вмѣстѣ съ тѣмъ посредствомъ ликвидаціи прежнихъ банковыхъ установленій мѣновое средство почти на 800 милл. рублей!!

Столь сильное и быстрое уменьшеніе мѣноваго средства и при томъ въ такое время когда явилась большая потребность въ немъ не могло не причинить сильнаго стѣсненія денежному рынку со всѣми разорительными оттого послѣдствіями для торговли и промышленности.

Освобожденіе крестьянъ, замѣна крѣпостнаго труда вольнонаемнымъ, обращеніе натуральныхъ повинностей въ денежные, консолидація банковыхъ вкладныхъ билетовъ замѣнявшихъ наличныя деньги, созданіе на много милліоновъ новыхъ бумажныхъ цѣнностей: промышленныхъ акцій, облигацій и пр., расширеніе предѣловъ Россіи въ Азію, увеличеніе народонаселенія, возвышеніе цѣнъ на земли и продукты вслѣдствіе сооруженія желѣзныхъ дорогъ, вольнонаемнаго труда, увеличенія налоговъ и другихъ причинъ, развитіе торговыхъ оборотовъ и т. д., все это совершенно естественно увеличивало въ сильной степени потребность страны въ мѣновомъ средствѣ. Государственный же Банкъ, замѣнившій прежнія правительственныя кредитныя учрежденія, былъ лишенъ возможности увеличивать мѣновое средство страны по мѣрѣ возрастанія потребности въ немъ, такъ какъ его вкладные билеты не могли служить мѣновымъ средствомъ. А потому удовлетворять увеличивавшейся потребности страны въ мѣновомъ средствѣ Государственный Банкъ не могъ иначе какъ выпускомъ новыхъ кредитныхъ билетовъ подъ видомъ подкрѣпленія своихъ кассъ, хотя и не имѣлъ на это права по свѣдому уставу. А между тѣмъ въ уменьшеніи количества этихъ билетовъ и заключалась, по мнѣнію нашихъ финансистовъ-реформаторовъ, вся суть исправленія нашей денежной системы. Такимъ образомъ мы попали въ какой-то заколдованный кругъ.

„Я бы хотѣлъ возразить, говорилъ г. Ламанскій въ засѣданіи Политико-Экономическаго Комитета, на обвиненія направленные противъ банковыхъ реформъ и

преимущественно консолидаціи вкладовъ (въ 5% фонды). Обь этой операціи говорятъ какъ будто она отягала у промышленности капиталы въ которыхъ промышленность теперь и чувствуетъ недостатокъ; но эти капиталы, въ формѣ вкладныхъ безсрочныхъ билетовъ, были *фиктивные*, а *дѣйствительные капиталы*, которые они представляли, были уже давно истрачены землевладѣльцами - должниками банковъ. Чтобъ явиться вновь на рынокъ, они должны быть возвращены заемщикамъ; консолидація вкладовъ и дала этимъ капиталамъ форму соответствующую ихъ сущности *долгосрочныхъ обязательствъ, постепенно выкупаемыхъ по мѣрѣ поступленія платежей отъ землевладѣльцевъ*. Стало-быть эта операція не лишила народное хозяйство никакихъ капиталовъ, а только показала что разсчетъ на капиталы несуществующіе былъ *фальшивый*; показала осязательно что нѣтъ тѣхъ капиталовъ которые существовали въ воображеніи вследствие *неправильнаго обращенія вкладныхъ билетовъ*."

Подобное возраженіе на обвиненіе что консолидація вкладовъ *сильно сократила мѣновое средство страны*, во первыхъ, *нисколько не оправдало факта сокращенія мѣноваго средства*. Въ вторыхъ, вкладные билеты прежнихъ банковъ представляли для ихъ обладателей *дѣйствительные*, а не *фиктивные* капиталы. Это были процентные чеки на одного общаго банкира—государство, передававшіеся по бланковой надписи и замѣнявшіе вполнѣ кредитные билеты. Публика вполнѣ довѣрляла прежнимъ банкамъ, и ей не было никакой надобности знать куда они затрачивали свои капиталы. Утверждать что превращеніемъ обязательства одного и того же дебитора изъ *бумаги - денегъ* въ *бумагу - товаръ*, то-есть изъ обязательства по предъявленію въ обязательства долгосрочныя самые капиталы превращаются изъ *фиктивныхъ* или *несуществующихъ* въ *дѣйствительные*, значитъ говорить то что совершенно противно *здравому смыслу*. Что банковые вкладные билеты пользовались полнѣйшимъ довѣріемъ публики и представляли вовсе не фиктивные капиталы, лучшимъ доказательствомъ служило, то что несмотря даже на пониженіе по нимъ процентовъ до 2%, билеты эти обращались по своей *номинальной цѣнѣ*, тогда какъ выпущенные въ замѣвъ ихъ банковые билеты, приносившіе 5%, охотно продавались съ уступкой 23%,... Следовательно, прежніе банковые билеты представляли для публики *de facto* капиталамъ

вовсе не *воображаемые*, а вполнѣ дѣйствительныя, и расчетъ на нихъ былъ вовсе не *фальшивый*. А потому и консолидація ихъ, придуманная и сотворенная главнымъ образомъ г. Ламанскимъ, сильно сократила мѣновое средство страны въ такое время когда потребность въ немъ увеличилась, и, лишивъ промышленность потребныхъ ей дѣйствительныхъ капиталовъ, причинила сильное безденежье. А такъ какъ одновременно были приостановлены и ссуды подъ недвижимыя имѣнія, то явилось вообще стѣсненіе денежнаго кредита. Не только учетный процентъ самыхъ вѣрныхъ торговыхъ векселей дошелъ до громадныхъ размѣровъ, но явилась положительная невозможность доставать деньги подъ учетъ векселей или подъ самые вѣрные залого, когда это требовалось. Жалобы на безденежье раздавались отовсюду, и на собраніяхъ Политико - Экономическаго Комитета, причѣмъ присутствовавшіе на этихъ собраніяхъ эксперты-практики изъ финансоваго и торговаго міра указывали прямо на консолидацію вкладныхъ билетовъ прежнихъ банковъ какъ на главную причину оказавшагося небывалаго безденежья. Но на все это наши финансисты-реформаторы-заправила отвѣчали: *non possumus!* Полное фіаско сокращенія мѣноваго средства посредствомъ ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ учрежденій ихъ нисколько не сконфузило, и въ денежномъ кризисѣ, вызванномъ консолидаціей вкладныхъ билетовъ прежнихъ банковъ, со всеми разорительными отъ этого послѣдствіями для торговли и промышленности, они видѣли лишь *переломъ болѣзни и переплѣту къ лучшему*. * *На экономическіяхъ же объѣздахъ* отшучивались отъ жалобъ на стѣсненіе дисконта и ссудъ Государственнаго Банка, говоря что *la plus belle fille ne peut donner que ce qu'elle a*.

Утвержденіе финансистовъ-реформаторовъ что *нуждой въ деньгахъ и высокими биржевыми дисконтами привлекутся денежные капиталы изъ-за границы* было также совершенно ошибочно. Въ иностранныхъ государствахъ дисконтъ привилегированныхъ циркуляционныхъ банковъ стоитъ обыкновенно *выше* частнаго биржеваго; у насъ же, напротивъ, частный дисконтъ почти всегда *бываетъ выше* дисконта Государственнаго Банка. Въ то время какъ Государственный

* Рѣчь Е. И. Ламанскаго въ засѣданіи Политико-Экономическаго Комитета 18 декабря 1861 года.

Банкъ учитывалъ векселя по 6⁰/₀, но лишь на весьма незначительныя суммы, вслѣдствіе сильнаго ограниченія кредита торгующихъ, на биржѣ за дисконтъ такихъ же точно векселей платили 9, 10 и болѣе процентовъ. Появляю что такое положеніе нашего денежнаго рынка не могло внушить довѣрія иностраннымъ капиталистамъ, такъ какъ, по ихъ помятіямъ, невозможно было чтобы Государственный Банкъ отказывалъ въ учетъ влодыя благонадежныхъ векселей не возвышая своего дисконта при сильномъ требованіи на деньги. А потому тогдашній высокій частный дисконтъ, какъ прямое слѣдствіе сильнаго сокращенія мѣноваго средства, не могъ внушить иностраннымъ капиталистамъ довѣрія, и доброкачественность учитывавшихся по немъ векселей должна была казаться имъ весьма сомнительною.

Теперь уже забыли то критическое положеніе въ какде были поставлены наша торговая и промышленность, бывшіе ломѣщики и вообще публика, ликвидаціей прежнихъ кредитныхъ учрежденій и приостановкой ссудъ подъ недвижимо-сти, послѣ возбужденной въ 1858 году пониженіемъ банковыхъ процентовъ акціонерной горячки, поглотившей безсѣдно сотни милліоновъ частныхъ капиталовъ, и при отсутствіи всякихъ другихъ банковыхъ учрежденій за исключеніемъ только что начинавшаго свою дѣятельность Государственнаго Банка. Въмѣсто того чтобы начать съ открытія новыхъ учрежденій для удовлетворенія потребностей въ поземельномъ и личномъ промышленномъ и торговомъ кредитѣ и потомъ лишь постепенно упразднять прежнія еслибы они дѣйствительно оказались неудовлетворительными, въ Россіи начали прямо съ огульнаго уничтоженія имѣвшихся государственныхъ кредитныхъ учрежденій не замѣнивъ еще ихъ новыми.

Вліаніе безденежья выказалось и сильнымъ паденіемъ всѣхъ русскихъ процентныхъ бумагъ, въ особенности выпущенныхъ государственныхъ фондовъ взамѣнъ прежнихъ банковыхъ вкладныхъ билетовъ.

Полное фіаско *сокращенія количества денежнаго обращенія* посредствомъ ликвидаціи прежнихъ банковыхъ установленій, въ видахъ правильнаго устройства нашей денежной системы и восстановленія въ Россіи металлическаго денежнаго обращенія, висколько не убѣдило кабинетныя головы нашихъ финансистовъ-реформаторовъ въ томъ что причина

паденія цѣнности нашего кредитнаго рубля и исчезновенія звонкой монеты заключалась вовсе не въ излишество бу-мажныхъ денегъ, а въ постоянномъ невыгодномъ для Россіи торговомъ балансѣ, вследствие постоянно и сильно возрастающихъ нашихъ заграничныхъ расходовъ, и что только сокращеніемъ этихъ расходовъ посредствомъ развитія, при помощи достаточно высокаго покровительственнаго тарифа, туземнаго внутренняго производства необходимыхъ для страны иностранныхъ произведеній, можно привести торговый балансъ въ выгодное положеніе, уменьшить заграничныя платежи, ограничить вывозъ и усилить привозъ драгоценныхъ металловъ, и такимъ образомъ увеличить разлѣнный металлическій фондъ до надлежащихъ размѣровъ, постепенно достигнуть свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ и возстановленія металлическаго денежнаго обращенія. Напротивъ, наши финансовыя заправилы упорно стояли на своемъ и придумывали дальнѣйшія искусственныя мѣры съ такою же цѣлью. Изъ этихъ мѣръ главными были:

Вексельныя операціи 1861—76 годовъ; разлѣнная операція.

Разлѣнная операція.

Металлическія обязательства.

Приведеніе въ равновѣсіе государственнаго бюджета.

Пересмотръ таможеннаго тарифа.

Сооруженіе стѣи желѣзныхъ дорогъ.

Основаніе различныхъ частныхъ банковыхъ учрежденій и развитіе фондовой биржи.

Постараемся возможно короче изложить эти мѣропріятія съ ихъ послѣдствіями.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Н. ВЕСЕЛЬ.

ГЕНЕРАЛЪ НИКОЛАЙ БАУМАНЪ

И ЕГО ДѢЛО.

ИЗЪ ЖИЗНИ МОСКОВСКОЙ НОВО-ИНОЗЕМСКОЙ
СЛОБОДЫ ВЪ XVII ВѢКѢ.

Тамъ гдѣ теперь въ Москвѣ Нѣмецкая улица и прилежащія къ ней кварталы, два вѣка тому назадъ стояло селеніе рѣзко отличавшееся отъ другихъ русскихъ селеній. Улицы въ немъ были прямыя, широкія, дома, хотя большею частію и деревянные, но западно-европейской архитектуры, обрамлены садами и палисадниками. Жили въ немъ одни иноземцы: Французы, Испанцы, Италіявцы, Австріявцы, Англичане, Голландцы, Датчане, Шведы, Ливонцы, Нѣмцы, Поляки, словомъ, едва ли въ Европѣ существовала какая-нибудь національность у которой не было бы здѣсь своего представителя; но численный перевѣсъ постоянно былъ на сторонѣ Нѣмцевъ, такъ, что другіе иностранцы, для удобства взаимныхъ сношеній, должны были изучать нѣмецкую рѣчь („Hooskduijts“). По вѣроисловіданію это были почти одни протестанты, по роду занятій преимущественно мастеровые, художники, торговцы, военные, то-есть люди или состоявшіе на государственной службѣ и добывавшіеся ея, или искавшіе заработка и прибыли. Правительство, понимая ихъ пользу для своихъ практическихъ цѣлей и потому покровительствуя имъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ,

истощивъ всѣ мѣры для борьбы противъ ихъ эксплуатаціи и соблазновъ мѣстнаго населенія, не видѣло иного средства какъ совершенно отдѣлать ихъ отъ Русскихъ, выселивъ ихъ за городъ, за Покровскія ворота, къ Яузѣ, на ручеекъ Кукуй. Указомъ 1652 года имъ отведены были здѣсь участки земли сообразно съ ихъ званіемъ и состояніемъ: отъ 40 до 8 сажень вдоль и отъ 20 до 6 сажень поперекъ*. Сюда они и должны были переселиться; кто медлилъ и улирался, тѣхъ выпроваживали насильно; оставаться въ городѣ могли только принявшіе и принимающіе православіе; вскорѣ было дозволено жить тамъ однако и еще нѣкоторымъ врачамъ и наиболѣе крупнымъ негоціантамъ. Вновь устроенное селеніе получило официальное имя „Ново-Иноземской Слободы“, на обыкновенномъ же языкѣ оно называлось „Ново-Нѣмецкою Слободой“ или, еще чаще, „Кокуемъ“. Последнее названіе было бравное, и оно очень оскорбляло слободчанъ.

Благодаря простору мѣстности и сравнительной безопасности отъ пожаровъ, въ своей Слободѣ иноземцы могли обстроиться еще удобнѣе чѣмъ въ городѣ. Вмѣстѣ съ жилищемъ они спокойно переносили сюда и свои кирки, или создавали новыя. Кирки строились на участкахъ отведенныхъ пасторамъ. Этихъ

* Изъ „служилыхъ Нѣмцевъ“ одни—генералы и штабъ-офицеры—получили по 40 сажень вдоль и 20 поперекъ, другіе—оберъ-офицеры—вдоль по 30 и поперекъ по 15 сажень, третьи—офицеры—вдоль по 15 сажень, поперекъ по 10; врачи приравнены съ первыми; аптекари, золотого, серебрянаго, каменнаго и кружевнаго дѣла мастера сравнены со вторыми; мелкимъ чинамъ—капраламъ, сержантамъ, полковымъ обозничимъ и т. п.—отведено по 10 сажень вдоль и по 8 поперекъ; торговымъ людямъ и вдовамъ даны такіе же участки какіе занимали ихъ прежніе дворы въ Москвѣ, а прочіе у кого своихъ домовъ не было получили вдоль по 8, поперекъ по 6 сажень (*Полн. Собр. Закон.* 1, № 85). Пасторамъ отмежеваны участки не одинаковыя: изъ лютеранскихъ пасторовъ одинъ получалъ 40 сажень вдоль и 19 поперекъ, близъ Нѣмецкаго кладбища, другой—около 30 сажень вдоль и 22 поперекъ; пасторъ реформатскій приобрѣлъ 40 сажень вдоль и поперекъ 20 (*Гл. Моск. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла иностранныхъ исповѣданій 1652 и 1690 годовъ; Собран. Госуд. грам. и договор.* IV, № 207; *Fechner, Chronik der Evangel. Gem. in Moskau.* Moskau 1876, I, 281—283). Последніе получили такіа значительныя доли, потому что на ихъ участкахъ должны были строить са и кирки.

было трое, два лютеранскіе и одиъ реформатскій. Гдѣ поселился старшій изъ нихъ, пасторъ Валтасаръ Фадемрехтъ, туда была перенесена его, такъ-называемая, старая лютеранская кирка; на участкѣ пастора Іоакима Якоби воскресла вторая лютеранская; на мѣстѣ голландскаго пастора Кравишкеля—реформатская церковь. Въ нихъ совершалось богослуженіе свободно, безъ препятствій только, если вѣрять Олеарію, * на первыхъ порахъ были непріятности вслѣдствіе самоуправства жены полковника Лесли. Она позволила себѣ крайне жестокое и безразсудное обращеніе съ крестьянами въ помѣстьѣ своего мужа: до того отягощала ихъ непослѣдственною работою что у нихъ не было времени молиться по утру и въ праздничные дни ходить въ церковь, постами заставляла ихъ ѣсть мясо, побросала въ огонь образа русскихъ святыхъ и т. п. Крестьяне пожаловались царю. Пока шли судъ да дѣло, оскорбленная въ своихъ національно-религиозныхъ чувствахъ толпа Москвичей бросилась въ Слободу, напала на кирки, сорвала съ нихъ крыши, выбросила изъ нихъ алтари и проповѣдническія кафедръ. Построить новыя крыши было потомъ разрѣшено, но „не дозволялось воздвигать кафедръ и алтарей“ (?).

Въ исторіи московскихъ кирокъ это было послѣднее на нихъ нападеніе; разгрома ихъ болѣе не повторялось. Протестанты сами подмѣтили что удаленіе отъ русскихъ жилищъ имъ принесло много спокойствія, и шутили между собою что имъ отъ того стало такъ же плохо какъ раку когда его лустятъ въ воду.

Тѣмъ не менѣе скопленіе такой разнохарактерной и жаждущей прибытковъ компактной массы должно было сильно отразиться на взаимныхъ отношеніяхъ ивоземцевъ. Слушкомъ не велико было между ними число лицъ которыя въ устройствѣ своего положенія могли опираться на свои несомнѣнные достоинства. Знаніями отличались лейбъ-медики и т. п. люди приглашенные въ Россію за крайне высокую цѣну; масса же не могла похвалиться ни умственными, ни нравственными качествами. Еще въ 1647 году, Ферберъ, ** шведскій повѣренный

* A. Olearii *Colligite und viel vermehrte Reise - Beschreibungen in der Nusskau und Persien*. Hamburg. 1696. 167. О разказываемомъ имъ случаѣ разгрома другаго указація мы не нашли нигдѣ.

** Письма одного Шведа изъ Москвы въ 1647 году. *Сверн. Архивъ*, 1822, I, 154.

при Русскомъ дворѣ, отмѣтилъ тотъ фактъ что „находящіеся тамъ (въ Москвѣ) Лифляндцы и другіе тамошніе уроженцы, употребляемые для присауги, такъ лѣнны и глулы что ни къ чему не годятся“; что же касается „нѣмецкихъ офицеровъ“, состоявшихъ на русской службѣ, то „большая часть ихъ негодные люди которые не надѣялись достигнуть значительныхъ мѣстъ въ другихъ государствахъ“. Такого рода люди главнымъ образомъ и составили населеніе Слободы. У самихъ иностранцевъ возникъ взглядъ что „старые Нѣмцы“, то-есть тѣ которые вели свой родъ отъ лѣнныхъ влохи Грознаго и вообще поселившіеся въ Россіи давно, были весьма неукусны и невѣжественны, лучше ихъ „Нѣмцы новые“, только что прибывающіе въ Россію. Наше правительство также не чуждо было этой мысли. У него было почти правиломъ: лейбъ-медиковъ держать недолго и замѣнять ихъ новыми, нарочно призываемыми на смѣну прежнихъ. До нѣкоторой степени это видно и въ замѣщеніи высшихъ военныхъ должностей. Захваты выгодныхъ мѣстъ и почета новопріѣзжими возбуждали зависть и ревность въ старыхъ иноземцахъ; не обходилось безъ пререканій и даже открытой борьбы. Совмѣстная жизнь, частая встрѣча враговъ и друзей въ замкнутой Слободѣ открывали подобнымъ дѣйствіямъ широкій просторъ. Здѣсь они знали другъ друга наперечетъ; такъ-сказать родословные счеты имъ вести здѣсь было легко, партіи составлялись быстро, какъ бы сами собой.

На почвѣ взаимно-враждебныхъ отношеній между старыми и новыми собственно военно-служилыми иноземцами и возникаетъ необыкновенно драматическое дѣло сосредоточившееся около личности новопріѣзжаго и счастливаго по службѣ Николая Баумана. Оно значительно приподнимаетъ завѣсу съ темнаго до сихъ поръ въ нашей исторической наукѣ внутренняго быта Нѣмецкой Слободы; оно поясняетъ какими интересами были заняты ея члены, въ какихъ связяхъ они находились съ Западомъ и что это были за люди въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Уже одинъ тотъ фактъ что среди участвовавшихъ въ дѣлѣ Баумана находились такіе офицеры которые не умѣли подписать подъ своими кляузными челобитными своего имени, слыш-комъ много говорить и объясняетъ почему около Петра такъ чувствовался недостатокъ въ дѣйствительно знающихъ военныхъ иноземцахъ, пока онъ въ своемъ выборѣ

ограничивался только постоянными жителями Нѣмецкой Слободы. Дѣло Баумана совпадаетъ съ рожденіемъ Петра. Что же касается собственно церковно-религіозной стороны жизни и нравственности обитавшихъ въ Слободѣ протестантовъ, то нѣтъ болѣе богатаго фактами дѣла какъ данное.*

* Главнымъ источникомъ для насъ служить хранящееся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, среди духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій 1670 года, Дѣло генерала Николая Боулана съ товарищи о построеніи въ Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ кирки. Оно состоитъ изъ 192 листовъ въ формѣ столбца, листы въ немъ не перебѣчены и мѣстами крайне перепутаны. Существенное изъ него издаю нами въ *Памятникахъ къ исторіи протестантства въ Россіи*, ч. I, № 1. Изъ ученыхъ воспользовался имъ одинъ пасторъ Fesner въ своей *Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau*, Moskau, 1876, I. Собственно русскіе изслѣдователи еще не пользовались имъ. Правда, авторъ *Отношенія протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ* (М., 1880), Соколовъ, касается (стр. 18—20) разказываемыхъ въ Дѣлѣ событій и ссылается (прим. стр. 9—10) на самый первоисточникъ, но очевидно оный не видѣлъ документа: тѣ немногіе факты которые приведены у него находятъ у Фехнера, и самый документъ оный цитуетъ такъ какъ иногда цитуетъ его Фехнеръ, а именно: „Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. *Akten über Bauman*, 70“. На подлинникѣ надпись русская; Фехнеру, какъ писавшему по-нѣмецки и для иностранныхъ читателей, было перевести ее естественно, но конечно не для чего было переводить ее писателю русскому. Еще неудобнѣе рабское заимствованіе имъ у Фехнера цифры 70. На языкѣ Фехнера, который не разъ ссылается на этотъ документъ, она означаетъ: „Духовныя дѣла иностранныхъ исповѣданій 1670 года“; у Соколова же безъ этихъ оговорокъ цифра совершенно непонятна: по ней найти Дѣла въ Архивѣ нельзя. Кромѣ этого Дѣла, въ Архивѣ находятся относящіяся сюда документы въ отдѣлахъ: Выѣзды въ Россію (1667, № 3; 1670, № 41, 46; 1673, № 6; 1679, № 3; 1692, № 16). Подлинныя саксонскія грамоты (1562—1684, изданныя нами въ *Памятникахъ*, I, №№ IX—XIV), Саксонскія дѣла (1662—1684), Датскія дѣла (1663, № 1; 1666, № 1; 1670, № 2) и Портфель Миллера, № 199. Значительная доля ихъ доселѣ не была известна. Другая группа документовъ хранится въ Готѣ, въ Камеръ-архивѣ и Герцогской библіотекѣ, и извлечена въ *Ecclesia militans*, въ обширной біографіи Beck'a *Herzog Ernst d. Fromme*, Weimar, 1865, I—II, и въ *Relation du voyage en Russie fait en 1684 par L. Rinhuber*, Berlin, 1883. Нельзя не пожалѣть что издатель послѣдняго сборника взялъ документы съ

Въ виду назрѣвавшаго Малороссійскаго вопроса, князь Данилъ Ммышецкій, нашъ посоль (1657 года) къ Датскому двору, имѣлъ порученіе приглашать на службу въ Россію полезныхъ офицеровъ. Въ Копенгагенѣ онъ встрѣтилъ полковника Николая Баумана и пригласилъ его на русскую службу. Бауманъ согласился, * какъ равно и подполковникъ Альбрехтъ Шневичъ, одинъ майоръ и 8 капитановъ. Въ списокъ принятыхъ Бауманъ былъ означенъ „Датскія земли полковникъ, и инженеръ, и граватный мастеръ Миколай Бовманъ“. Узнавъ отъ состоявшаго при посольствѣ переводчика, иноземца Федора Мейера, что московскій пасторъ Якоби померъ, Бауманъ, съ согласія остальныхъ отправлявшихся въ Россію офицеровъ, предложилъ Ивану Дитрику Фокероту (родомъ изъ Мюльгаузена въ Тюрингіи) вѣхать вмѣстѣ съ нами въ Москву и занять мѣсто умершаго пастора.

„Послѣ того какъ по неотвратимому изволенію Божію, читаемъ въ письмѣ его изъ Копенгагена къ Фокероту отъ 15 сентября 1657 года, у духовной общины въ Москвѣ пасторъ и духовникъ Н. Н. взятъ временною смертію, и ей на это мѣсто опять надобно подходящее лицо которое бы могло пасти ее и служить ей проповѣдываніемъ спасительнаго слова и

рукописи только Библіотеки и не смесся съ трудами его предшественниковъ, почему допустилъ весьма важныя недосмотры. Напримѣръ, о № V, одномъ изъ содержательнѣйшихъ писемъ Рингубера, онъ замѣчаетъ что за несуществованіемъ подлинника напечаталъ его съ копій написанной различными почерками. Между тѣмъ у Векъ'a, I, стр. 599, прим. 881, прямо указывается что подлинникъ этого письма находится въ Камеръ-архивѣ, Сар. IX, Tit, III, № 10, то-есть въ томъ же городѣ, только въ другомъ хранящѣ. Вообще сборникъ издамъ не съ тою осторожностію и эрудиціей какія мы привыкли встрѣчать въ нѣмецкихъ изданіяхъ документовъ.

* Сблизись въ выпискахъ Фехнера, Соколовъ (прим. 76. стр. 9), по обычаю ссылаясь на *Akten über Bauman*, пишетъ: „Генералъ Бауманъ поступилъ въ русскую службу въ 1654 году; въ 1657 году былъ въ Копенгагенѣ для приглашенія въ Россію воинскихъ людей“. Не Бауманъ въ 1657 году, въ качествѣ прибывшаго изъ Россіи нарочнаго агента, приглашалъ другихъ на русскую службу, а самого его тогда пригласили сюда; какъ же онъ никогда и не былъ въ Россіи. См. издав. нами *Памятники*, № 1, стр. 13, 25—26, а также справку о пріѣздѣ Баумана въ Москву въ Моск. Га. Арх. М. Им. Д., Выѣзды въ Россію 1692 года, № 16.

должнымъ совершеиемъ высокихъ таинствъ, и будучи прошенъ и уполномоченъ отыскать такое лицо, я, нижеупомянутый, признаю и свидѣтельствую симъ моимъ открытымъ лисьмомъ что Божиимъ Провидѣиемъ, по совершеию молитвы Св. Троицы, призвалъ и этимъ лисьмомъ, на мѣсто прежняго проповѣдника, во имя Св. Троицы призываю достопочтеннаго и высокоученаго Ивана Дитрика Фокерота нѣмецкимъ пасторомъ Московской общины, который обѣщавъ что какъ только установленнымъ порядкомъ будетъ поставленъ, онъ вступитъ въ должность и будетъ, подобно предшественнику, служить общинѣ въ дѣлахъ ея душевнаго спасенія, уча чистому неизмѣнному слову Божию, и должнымъ образомъ совершая Св. Таинства, а также будетъ наставлять въ христіанствѣ изъ катихизиса и другими поученіями любезное юншество и слугъ, посѣщать бѣдныхъ и больныхъ, поучать и утѣшать ихъ словомъ Божиимъ и во всей своей жизни держаться такъ какъ подобаетъ истинному служителю Божию, безлорочно во всѣхъ дѣлахъ. За это онъ долженъ пользоваться, какъ и его предшественникъ, всеми правами и всеми доходами, безъ малѣйшаго исключенія. Потому я и прошу препочтеннаго, многоуважаемаго, высокоученаго г. Ивана Сванингія, доктора и профессора богословія королевскаго Коллегианскаго университета и суперъ-интендента въ Зеландскомъ округѣ, вышеупомянутаго г. Ивана Дитрика Фокерота посвятить и поставить въ должность проповѣдника, если онъ найдетъ его годнымъ по ученію и способностямъ.“ Для большаго удостовѣренія къ этой „призывной грамотѣ“ Бауманъ приложилъ свою руку и именную печать.

Получивъ (18 сентября) ординацію отъ Сванингія, Фокеротъ на счетъ Баумана прибылъ (въ февралѣ 1658 года) въ Москву. Офицеры были приняты въ Посольскомъ приказѣ милостиво, щедро награждены * и скоро назначены въ войско отправлявшееся подъ начальствомъ боярина князя

* „Великаго государя жалованье дано имъ на прѣздѣ: Подковнику Миколою Бовману кубокъ золоченъ съ кровлею въ 4 гривенки, кошъ серебрянъ въ 7 гривенки, 6 бархата, 6 камки, сукно, 10 саболей въ 150 рублей, денегъ 500 рублей“ и проч. Моск. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію 1692 года № 16, св. 14: „Справка“ въ „Дѣлъ по челобитью генерала Франца Лефорта о пропускѣ въ Россію пловца Христиана Ригеля и о награжденіи его за выѣздъ.“

Алексія Никитича Трубецкаго въ Малороссію противъ гетмана Выговскаго и Крымскаго хана. * Туда они взяли съ собой и Фокерота. При осадѣ Конотола (19 апрѣля—27 юня 1659 года) Бауманъ отличился и, за то что тамъ „съ неприятелю Татары и Черкасы бился не щадя головы своея“, былъ произведенъ въ генераль-поручики. ** Обезлеченный болѣе другихъ сослуживцевъ, Бауманъ содержалъ на свой счетъ Фокерота, и по возвращеніи въ Москву вмѣштался въ церковныя дѣла, домогаясь вліянія на нихъ соотвѣтственно своему служебному положенію. Впрочемъ, церковныя дѣла какъ бы сами вызывали вмѣшательство въ нихъ.

Вдова прежняго пастора, Сара, вышла замужъ за подполковника [драгунскаго строя, Ивана Юкмана. Церковное мѣсто, гдѣ жилъ пасторъ, Юкманъ присвоилъ себѣ въ качествѣ женинаго приданаго и выправилъ (29 марта 1660 года) на то изъ Земскаго Приказа данную. Церковь которая стояла здѣсь и о коей теперь никто не заботился ветшала; чтобы безпрелатственнѣе владѣть мѣстомъ, Юкманъ, быть-можетъ и нарочно, приводилъ въ уладокъ прежнюю стройку. Всѣ лютеране ходили въ церковь Фадемрехта. Вернувшись Бауманъ долженъ былъ ходить туда же. Между тѣмъ военнымъ чинамъ которые служили въ Россіи давно крайне было непріятно что въ служебной іерархіи выдвинулся новый человекъ; самъ Бауманъ, произведенный въ генералы, требовалъ въ свою пользу различныхъ уступокъ. Возникли пререканія. Бауманъ пересталъ ходить въ храмъ и открылъ агитацію въ пользу восстановленія Второй церкви. Тѣмъ легче было это сдѣлать что ея приходъ состоялъ по преимуществу изъ „Нѣмцевъ новыхъ“, главнымъ образомъ военныхъ, которые съ прекращеніемъ войны возвращались въ Москву теперь въ большомъ числѣ. Въ пасторы Бауманъ прочилъ своего Фокерота. Члены прихода откликнулись ему сочувственно и рѣшились хлопотать о возвращеніи неправильно захваченнаго у нихъ мужемъ Сары,

* Объ этомъ походѣ см. у Соловьева, изд. 1861, XI, 62 и слѣд. и въ монографіи Костомарова о Богданѣ Хмельницкомъ.

** Моск. Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Датскія дѣла, карт. 31, 1670 года, № 2: „Отпускъ изъ Москвы въ Данію бывшихъ въ російской службѣ генерала Николая Боумана и полковниковъ Корнелиуса и Вилгелма фонъ-Пасбергговъ со служителями ихъ“.

Юкманомъ. Ссылаясь на то что прежде въ Новой Нѣмецкой Слободѣ было дано пастору Якоби мѣсто для богомолья его прихожанъ, и они построили тамъ на свои деньги „богомольныя хоромы и дворъ пастору“, и указывая что телерь „полковникъ Николай Бауманъ вывезъ изъ Нѣмецкой земли шного пастора для ихъ богомолья и вѣры“, „иноземцы полковники, подполковники, майоры, капитаны и всякихъ чиновъ служалые люди“ просили (осенью того же 1660 года) государя пожаловать ихъ, велѣть „дать имъ на богомольное мѣсто данную, противъ прежняго своего государскаго указа, чтобы на немъ впредь жить пасторамъ ихъ для богомолья и вѣры, а Ивана Юкмана съ его женой оттуда сослать“. Не дождавшись рѣшенія, община приступила къ возобновленію церкви. Сынъ пастора, прапорщикъ Генрихъ Якоби, подавъ челобитную въ пользу своего отчима, прося выданную на его имя данную оставить въ силѣ и воспретить Бауману и начальнымъ людямъ насильно строить богомольную хоромину.

Изъ Земскаго Приказа было наряжено саѣдствіе. Мѣра двороваго мѣста сошлась съ прежнею дачей и въ длину и въ поперечникѣ; на дворѣ оказалась „богомольная хоромина двойна съ сѣньми; кругомъ двора заборы, ворота“. Свидѣтели, 16 человекъ, въ томъ числѣ голландскій пасторъ, показали что то мѣсто дано пастору Якоби не подъ дворъ, а подъ богомольныя хоромы которыя и были выстроены приходомъ, что пасторы всегда живутъ у нихъ на мѣстахъ отведенныхъ подъ богомолье, и что по смерти пасторовъ тѣми мѣстами владѣють не жены, а вновь избранные общиною пасторы.

Судъ склонился на сторону церковной партіи. Было приговорено (12 ноября 1660 года) дворъ со всею городьбой и богомольною хороминою отдать прихожанамъ для ихъ богомолья и ихъ новому пастору Фокероту и на владѣніе имъ выдать данную; Юкману же и Генриху Якоби приискать себѣ въ Слободѣ другое свободное мѣсто.

Устраививъ прелатствія, члены общины выстроили церковь заново. Главнымъ вкладчикомъ былъ Бауманъ, истратившій на то нѣсколько сотъ рублей; часть издержекъ была покрыта пожертвованіями прихожанъ, собранными по сборной книгѣ. По количеству прихожанъ изъ высихъ военныхъ, она получила названіе Офицерской церкви. Богослуженіе въ ней совершалъ Фокеротъ.

У рѣчки Сосновки, за Конотоломъ, мы потеряли (въ концѣ

іюня 1659 года) цвѣтъ конницы, между тѣмъ какъ война изъ-за Малороссіи готовилась превратиться въ войну не только съ Крымомъ, но и съ Польшей, и потребность въ „рейтарахъ“ и другихъ военныхъ иноземцахъ съ каждымъ днемъ возрастала. Ихъ принимали теперь большими партіями и безъ разбора. „Въ послѣдніе два года (1661—1662), писалъ Гордонъ въ 1663 году, * прибыло въ Россію очень много иноземныхъ офицеровъ, нѣкоторые съ женами и дѣтьми, другіе безъ того и другаго. Большая часть ихъ низкіе и дрянные люди (niederträchtige und schlechte Leute). Многіе изъ нихъ никогда не служили въ офицерскихъ чинахъ, но въ родины выдавали себя въ этомъ достоинствѣ“. При накопленіи подобной массы иноземцевъ справляться съ дѣлами пастору Офицерской церкви Фокероту было труднѣе; къ тому же, Бауманъ охладѣлъ къ нему. Генералу болѣе нравился учитель нѣмецкой школы въ Слободѣ, Грегори, котораго онъ и пожелалъ имѣть пасторомъ.

Иванъ Готфридъ Грегори былъ сынъ марбургскаго врача Виктора Грегори; мать его, по смерти мужа, вышла за другаго врача, извѣстнаго въ послѣдствіи Лаврентія Баюментроста. Переселившись (октября 1658 года) въ Россію, Грегори опредѣлился учителемъ школы въ приходѣ Фадемрехта. Смѣтливость, начитанность и краснорѣчіе доставили ему къ тому времени нѣкоторую извѣстность. Не терпѣвшій противорѣчій, но и не знавшій удержу въ своихъ привязанностяхъ, Бауманъ, которому понравился Грегори, настоялъ чтобъ онъ получалъ за границей ординацію и воротился пасторомъ. **

* C. Gordon. *Tagebuch*, 1, 319.

** Объ этомъ фактѣ русскіе и нѣмецкіе источники значительно разногласятъ между собой. На допросѣ 12 сентября 1668 года въ Посольскомъ Приказѣ Грегори разказывалъ: „просили его генералъ Бовманъ съ начальными людьми и дали ему писмо чтобъ онъ ѣхалъ въ Цесарскую земяю и сталъ въ пасторы, а ставъ въ пасторы, пріѣхалъ въ Москву“. *Памятники*, 15. Опустя нѣсколько лѣтъ (10 марта 1673) Рязгуберъ представлялъ это въ Саксонію въ такомъ видѣ: „Грегориа, какъ выдающагося оратора, сильно желалъ имѣть проповѣдникомъ генералъ. Когда онъ, для продолженія своихъ ученыхъ занятій, уѣхалъ изъ Москвы, генералъ послалъ въ догоню стрѣльцовъ и взялъ съ него клятву что онъ вернется въ Москву пасторомъ“. *Relation*, № X. По первому документу, Грегори просили и Бауманъ и старшины и снабдили его рекомендательнымъ письмомъ; по второму, Бауманъ одинъ насильно принудилъ его къ тому.

Въ Лейпъ оныъ получилъ магистерство; въ Дрезденѣ, въ присутствіи курфюрста и сановниковъ, былъ рукоположенъ въ пастора.

По Саксоніи Грегори распространялъ о положеніи протестантовъ въ Россіи и объ отношеніи къ нимъ Русскаго правительства лестную славу и заинтересовалъ московскими лютеранами обоихъ правителей Саксоніи, курфюрста Іоанна Георга II и герцога Христіана. Оглуская его въ Москву, тотъ и другой послали съ нимъ по грамотѣ, въ которыхъ рекомендовали его государю и ходатайствовали за лютеранъ.

„Извѣстившись мы, писалъ (16 апрѣля 1662 года) первый, объ отмѣнномъ благоволеніи вашей пресвѣтаости къ Германскому народу, и особенно къ исповѣдающимъ христіанскую вѣру по Августанскому уставу, и пасторъ Иванъ Грегори, уроженецъ нашей земли и нашъ подданный, посланный къ вамъ для священныхъ нуждъ исповѣдниковъ нашей церкви, весьма разсказывалъ и хвалилъ, съ какимъ милостивымъ свисхожденіемъ разрѣшаете вы имъ въ предѣлахъ своего царства справлять общественное богослуженіе и имѣть церкви. Это ваше свойство наипристойно скипетру и державѣ вашей пресвѣтаости, и какъ угодно Господу такъ и намъ сладко чувствовать его на себѣ. Возлагая надежду на взаимное благоволеніе, которое всегда литаали наши предки и ваши предшественники, и движимые присущею намъ любовію къ живущимъ подъ вашимъ владычествомъ исповѣдникамъ вѣры, мы не усумнились возобновить старыя добротныя отношенія и смѣло увѣдомить вашу пресвѣтаость о нашемъ къ вамъ расположеніи. Прося о томъ же самомъ, мы ходатайствуемъ чтобы вы сохранили ваше добротство и къ намъ и къ нашимъ единовѣрцамъ, какіе тамъ найдутся, впредь милостиво дозволяли имъ открытое и свободное исправленіе священнодѣйствія и держаніе для него храма въ обширнѣйшихъ владѣніяхъ данныхъ вамъ Богомъ, и какъ вѣрнымъ сынамъ церкви Христовой и вѣрнымъ подданнымъ вашего царства, оказывали бы всякую помощь, милость и благоволеніе; и если они въ нуждѣ стануть подавать вашей пресвѣтаости какія-либо просьбы по дѣламъ религіи, то ради насъ мы просимъ выслушивать ихъ благосклонно. Этимъ самымъ не только по всѣмъ концамъ вашего царства болеѣ и болеѣ будетъ возвеличиваться честь и слава Пресвятой Троицы,

но и ваша пресвѣтлость будетъ имѣть служителей Божиихъ которые станутъ открыто возносить моленія за вашу жизнь, здоровье, умноженіе вашего могущества“ и т. д. Герцогъ Саксонскій, въ своей еще болѣе напыщенной грамотѣ (отъ 23 мая того же 1662 года), въ сущности повторилъ то же самое: выражая благодарное удивленіе предъ милостивымъ отношеніемъ государя къ *Нѣмцамъ и по преимуществу къ евангеликамъ, онъ ходатайствовалъ какъ за всѣхъ вообще жившихъ въ Россіи Нѣмцевъ, такъ и въ особенности за пастора Грегори, „который добровольно подвергъ себя изгнанію, отказавшись ото всего имуществва, оставилъ отчину, отеческій дворъ, племянниковъ и всѣхъ родныхъ, на своемъ пути подвергался въ жизни многимъ опасностямъ, и все это не для чего иного, но какъ послушный призванію отъ Бога“.

Грамоты были въ Москвѣ переведены и прочтены (въ концѣ октября) на Верху, во дворцѣ.

Лество аттестованный саксонскими государями и какъ получившій ученую степень, Грегори сдѣлался предметомъ зависти старыхъ пасторовъ. Неудовольствіе возбуждалось и другими причинами. Краснорѣчивыя проповѣди Грегори привлекали къ нему массу слушателей. У Старой церкви убавилось число прихожанъ и доходовъ; это сердило Фадемрехта и оставшуюся при немъ лавству. Еще болѣе вооружился противъ Грегори его сослуживецъ по киркѣ. Не отличаясь краснорѣчіемъ и потому имѣя ограниченное число слушателей и вынужденный дѣлить теперь доходы пополамъ, самолюбивый Фокеротъ желалъ бы какъ-нибудь отдѣлаться отъ соперника. Онъ устраивалъ ему сцены и на сторонѣ очень дурно отзывался о немъ. Для проповѣди Бауманъ приглашалъ Грегори къ себѣ на домъ и старался унять неспокойнаго пастора. Представителями общины было взято (8 января 1663 года) съ Фокерота письменное обязательство не оглашать Грегори никакими позорными словами, ни тайно, ни явно, ни въ лицо, ни заочно, и почитать его какъ честнаго человека и достойнаго пастыря своей общины. Въ томъ что онъ сдержитъ слово, за него поручились четверо: два полковника, фонъ-Подборхъ и Кригеръ, подполковникъ Дрейеръ и майоръ Бодвинъ.

Видимое примиреніе между пасторами состоялось, и Бауманъ спокойно продолжалъ устройство церкви. Къ 1665 году въ ней были хорошо обдѣланные стулья, скамьи, крещальня,

каедрa и алтарь. Но церковныхъ доходовъ не доставало на то чтобы содержать ее и заведенную при ней школу въ томъ видѣ какъ бы желалось Бауману. Много потративъ на ея постройку, онъ разчитывалъ теперь на вспоможеніе прихожанъ, надѣясь тѣмъ вернуть свои израсходованныя средства и вылатить кулцамъ заимообразно ссужавшимъ деньги на ея постройку и украшеніе. Надежды однако не оправдывались. Жертвованія стекались слабо. Не только нечѣмъ было вылатить лежавшій на церкви долгъ, но нерѣдко задерживалась выдача жалованья пасторамъ, начальнику школы и кантору. Бауманъ, съ группой лицъ сочувствующихъ его намѣреніямъ, пришелъ къ мысли обратиться за пособіемъ въ Германію, для чего и былъ посланъ туда Грегори, вмѣстѣ съ длиннымъ просительнымъ письмомъ (отъ 12 марта 1667 года) и сборною книгой.

Какъ нѣкогда грамоты саксонскихъ государей, письмо отличалось необыкновенно высокопарною двѣтостію выраженій и заискивающимъ тономъ, и было составлено если не самимъ Грегори, то во всякомъ случаѣ при его участіи. Обращено оно было къ королямъ, курфюрстамъ, князьямъ, графамъ, дворянамъ, рыцарямъ, начальствамъ, имперскимъ и приморскимъ городамъ, вообще ко всемъ представителямъ и покровителямъ евангелическаго аугсбургскаго вѣроисповѣданія, и адресовано отъ имени „правителей, старшинъ и старостъ Нѣмецкой аугсбургско-евангелической офицерской общины въ Нѣмецкой Слободѣ подъ Москвою“. Упомянувъ что ихъ „Нѣмецкая аугсбургская евангелическая московская кирка“, которая предъ всеми другими можетъ, по слову пророка Исаи (XLIV, 11), быть названа бѣдствующею и безутѣшною, должна теперь прибѣгнуть къ помощи заграничныхъ господъ и сообщивъ что благодаря покровительству государя, особенно послѣ ходатайствъ (1662 года) курфюрста Саксонскаго чрезъ Грегори, московскіе офицеры пользуются теперь привилегіей свободно отправлять богослуженіе и имѣютъ вполнѣ благоустроенную церковь, старшины продолжали: ихъ церковное зданіе, при всемъ своемъ благолѣпціи, должно устами своихъ служителей волять и жаловаться всему свѣту о томъ что не только еще не выплачено ссуженныхъ на его постройку денегъ ни генералъ-лейтенанту Бауману, ни тѣмъ кулцамъ чьимъ содѣйствіемъ пользовался генералъ, но не можетъ улаживаться жалованье служащимъ при зданіи и при

школь. Хотя представители этой „теперь жалующейся общины“ и не могутъ лѣнзять на щедрость ея братьевъ по вѣрѣ, но такъ какъ эти послѣдніе разсыяны по обширному пространству Россіи и, вслѣдствіе настоящихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, едва содержатъ себя, причемъ ихъ жалованье часто задерживается болѣе чѣмъ на годъ, то годового дохода церкви недостаетъ на покрытіе долговъ ея кредиторамъ, которые требуютъ свои долги все настойчивѣе. Куда же они должны прибѣгнуть чтобы спасти ее? Обратиться снова къ трону царя значило бы дерзко злоупотребить прежнею милостью какъ будто они не хотятъ удовлетвориться ею: потому слѣдуетъ прибѣгнуть къ начальству и собратьямъ по вѣрѣ на ихъ родинѣ, какъ опорѣ и столпамъ ихъ религіи, чтобы тѣмъ отразить презрѣніе здѣшнихъ соотечественниковъ и ихъ укору будто община не можетъ найти себѣ ни патროновъ, ни благотворителей. Поистинѣ какъ магнитъ ищетъ себѣ локоя подъ полярною звѣздой, по тайному и неизвѣстному сродству, такъ и эта зыблемая на чужбинѣ церковь ищетъ удовлетворенія у свѣтилъ и звѣздъ ея родственниковъ по вѣрѣ, по тайному, быть-можетъ, и Божию изволенію. Это и побудило ихъ, послѣ долгаго обсужденія, снарядить кого-нибудь изъ болѣе почетныхъ единовѣрцевъ. Въ виду того что государь никого не отпуститъ изъ лицъ военныхъ, порѣшили отправить „вѣрнаго духовнаго отца и заслуженнаго пастора теперь плачущей Нѣмецкой евангелической офицерской церкви, господина магистра Ивана Готфрида Грегори“, вмѣсто котораго дѣла общины будетъ править его товарищъ, пасторъ Фокерстъ, съ порученіемъ молить о помощи всѣхъ ихъ соотечественниковъ и братьевъ по вѣрѣ, свѣтскихъ и духовныхъ властей, и собрать и добросовѣстно доставить подаванія на ихъ церковь. „Итакъ, всемилостивѣйшія и милостивѣйшія королевскія, курфюрстскія и княжескія главы христіанскаго міра и вы, благосклонные послѣдователи и члены Аугсбургскаго исповѣданія, которымъ нашъ посланный вѣрный духовникъ и пасторъ, г. магистръ Иванъ Готфридъ Грегори, вмѣстѣ съ этою просительною грамотой отдастъ нашъ низайшій и вселоданныйшій поклонъ, въ ваши всемилостивѣйшія, милостивѣйшія и высокоблагосклонныя объятія вручаемъ мы нашу еще не обезлеченную церковь и всю нашу надежду возлагаемъ, послѣ Бога, на ваше милосердное и любящее отеческое локо, ради

Господа прося васъ чтобы вы на милостиво и благосклонно соизволили принять на себя все милостивѣйшую защиту, олеку и заботу о нашемъ храмѣ и богослуженіи и пролить потокъ вашей всѣмъ міромъ прославленной благотворительности, милости и христіанской любви и досюда, до Москвы, и помогли бы своими щедрыми подаваніями и подарками обезлечить и содержать нашъ бѣдный приходъ, и такимъ образомъ не только здѣшнимъ странамъ, но и всему міру доказать что у васъ еще почитаются честь Божія и распространеніе вашей истинной религіи. Мы съ удивленіемъ смотримъ на счастье здѣшней реформатской церкви о которой издали блюдутъ высокопочные господа Голландскіе штаты такъ тщательно какъ бы она стояла въ Амстердамѣ, и это придаетъ намъ большую надежду на подобное счастье которое могутъ оказать также и наши ревнители по вѣрѣ. Подумайте же вы, королевскія, курфюрстскія и княжескія главы, вы, высшіе начальники города, духовныя и свѣтскія правительства, что нынѣ изъ чужбины къ вамъ является Христосъ и пламенно желаетъ быть принятымъ, возвеличьте же вашу временную славу въ вѣчную которую вы услышите изъ устъ Христа: „Я былъ чуждъ и страненъ, и вы Меня приняли“ (Мате. XXV, 35). Мы же своими воздыханіями будемъ нашу благодарность здѣсь возсылать до небесъ, и всегда во время богослуженія поминать также и васъ въ молитвахъ къ Господу чтобъ Онъ здѣсь, на землѣ, подалъ вамъ счастливое и мирное правленіе въ вашихъ государствахъ и земляхъ, богатое благословеніе вамъ въ правленіи, торговлѣ и во всѣхъ другихъ вашихъ дѣлахъ, тамъ же, на небѣ, даровалъ бы вѣчный вѣнецъ и блаженную награду“.

Посланіе было скрѣплено большою церковною печатью, подписями и фамиліальными печатями старшинъ, именно: Баумана и полковниковъ: Густава фонъ - Камлена, Фридриха Мейера, Фридриха Гершау и Христіана Либенау фонъ-Лиліенклау. Копія съ посланія была внесена въ сборную книгу, гдѣ къ ней, кромѣ помянутыхъ лицъ, подписались еще полковники: Эрихъ Андерсонъ Луксъ и Иванъ фонъ-Гове; но три полковника: Германъ и Николай фонъ-Штаденъ * и

* Въ нѣмецкомъ оригиналѣ, впрочемъ, упомянутъ одинъ Германъ Штаденъ (Век., II, 169; *Памятки*, 1, 27), но въ русскомъ переводѣ, который имѣется въ „Дѣлѣ Баумана“, означены оба.

Артемій Росформъ, отъ имени коихъ также писалось оно, своихъ рукъ не приложили.

Снаряженіе Грегори общиной совпало со временемъ когда у насъ хотѣли пригласить изъ-за границы нѣсколькихъ рудознатцевъ, ювелировъ и лицъ знающихъ суконное и красивое мастерство. Поѣздка пастора въ Саксонію представляла удобную для того оказію; припомнили что Грегори былъ прежде рекомендованъ саксонскими государями. Весьма вѣроятно что возложить на него порученіе къ саксонскимъ государямъ наше правительство побудили сами члены общины. Это во многомъ могло облегчить исполненіе магистромъ ихъ собственнаго порученія о денежной суммѣ, о которомъ однако они правительству ничего не сообщали, такъ что послѣднее совершенно не знало о настоящей цѣли поѣздки пастора, за что года чрезъ полтора, когда раскрылось дѣло, Бауманъ получилъ отъ правительства строгій выговоръ. Пока готовили грамоту курфюрсту Іоанну-Георгію II объ этихъ „знатцахъ,“ * случилось что царю понадобился хорошій лейбъ-медикъ. Чрезъ своего покровителя, Баумана, Грегори началъ добиваться этого мѣста для своего отчима, Лаврентіа Блюментроста. Бауманъ вошелъ (4 марта) о томъ съ письменнымъ представленіемъ въ Пушкарскій приказъ, къ боярину кн. Юрію Ивановичу Ромодановскому. Ромодановскій принялъ его ходатайство, ** и чрезъ восемь дней (12 марта) были готовы

* Царскій указъ Ордынь-Нащокину о заготовленіи и посылкѣ такой грамоты съ Грегори помѣченъ 26 февраля 1667 года.

** Въ архивномъ дѣлѣ объ отпускѣ Грегори (М. Г. Арх. Мин. Ив. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію 1667 годъ № 3) говорится: „Въ нынѣшнемъ въ рѣѣ году марта въ 4 день въ Пушкарскій приказъ генералъ-поручикъ Николай Бовманъ прислалъ съ капиталомъ зъ Болдвинымъ Фикомъ нѣмецкое писмо. А по переводу капитала Болдвина въ томъ де генераловѣ писмѣ написано имя Цысарской земли дохтура Лаврентіуса Баумантройста, а тотъ де дохтуръ у Саксонскаго курфюрста, да Вимера, да у Голта, да у Ейзинокта надо всѣмъ дохтуры начальной челоуѣкъ и судья города Миллингузена.“ Рунгуберъ писалъ потомъ (15 апрѣля 1673 года): „Въ то время у царя не было лейбъ-медика, почему Ромодановскій могъ дать призывную грамоту, кому ему было угодно. М. Грегори выпросилъ чрезъ Баумана эту грамоту для своего отчима Блюментроста“ (*Relation*, № X). Отсюда ясны неточности Рихтера (*Истор. Медицины въ Россіи*, II, 242—243) и Чистовича (*Истор. перв. медиц. школы въ Россіи*, 1883, XCI) въ передачѣ обстоятельствъ призванія въ Россію Блюментроста.

двѣ царскія грамоты: одна Блюментросту, „опасная“, съ приглашеніемъ его на службу; другая къ курфюрсту, съ просьбой, объ отпускѣ изъ своихъ владѣній съ ласторомъ Грегори мастеровъ которые „умѣли бы дѣлать всякія добрыя сукна и тѣ сукна красить всякими красками, да двухъ человекъ которые бы дѣлали золотую, серебряную, мѣдную, оловянную, свинцовую и желѣзную руды, умѣли бы ее находить, плавить и въ дѣло поставить, такихъ людей которые бы знали и умѣли находить каменьа, алмазы, ахонты, изумруды и всякіе узорочные каменьа, въ какихъ мѣстахъ тѣ каменьа рождаются и по какимъ признакамъ ихъ находятъ.“ О Блюментростѣ въ грамотѣ было сказано: „Да намъ же, великому государю, вѣдомо учинилось что есть у васъ въ державѣ Цесарскія земли дохтуръ, Лавреятій Баумантростъ: и есть ли того дохтурова воля до страны нашей ѣхать, или прежде съ обѣщаніемъ о себѣ прибыти?“ За исполненіе этого государь обѣщалъ курфюрсту „не умалять“ его будущихъ прошеній, воздавать ему тѣми же мѣрами.

Благодаря царскимъ грамотамъ, Грегори явился въ Саксонію какъ бы нарочнымъ правительственнымъ агентомъ, чуть не посломъ, что очень годилось ему для его прямой цѣли. Онъ побывалъ въ Дрезденѣ, Готѣ, Аугсбургѣ и другихъ городахъ и всюду былъ принимаемъ съ почетомъ. Его сборная книга покрывалась подписями очень крупныхъ жертвователей: Саксонскій курфюрстъ Іоаннь-Георгъ II обѣщалъ 1.000 талеровъ, Саксонскій герцогъ Эрнстъ 200, герцогъ Вюртембергскій Эбергардъ 600, маркграфъ Баденскій 100, города Регенсбургъ 266, Аугсбургъ 500 талеровъ, Нюрнбергъ 389 талеровъ и 46 крейцеровъ, Страсбургъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ и Ульмъ по 50, Эслингенъ 100 и Ритлингенъ 30 гульденовъ. Изъ государей наиболѣе дѣятельное участіе приняли саксонскіе. Курфюрстъ далъ Грегори свое письмо (3 іюля 1667 года) ко ваястамъ и городамъ всего Римскаго государства, въ которомъ просилъ ихъ оказать свое содѣйствіе какъ „Общинѣ Аугсбургскаго исповѣданія въ великомъ княжествѣ Московскомъ“, такъ и самому Грегори. Жертвуя свои 200 талеровъ въ пользу этой общины, герцогъ Саксенъ-Готскій Эрнстъ, за свою ревность о лютеранствѣ и благотворительность прозванный Благочестивымъ, выразилъ желаніе не оставлять общину и въ будущемъ. Для ея процвѣтанія онъ счелъ необходимымъ имѣть

при ней хорошую школу. „Если вы, говорилъ онъ Грегори, не обучите юношество христіанству, то все христіанское у васъ потеряно. Подумайте только какъ трудно потомъ старому человѣку представить вѣчное благо котораго онъ никогда не видалъ и въ юности о немъ ни разу не слышалъ.“

Отъ Грегори герцогъ думалъ обстоятельно разузнать о положеніи лютеранъ въ Московскомъ государствѣ и о современномъ состояніи самого государства. Объ этомъ кто-то уже представилъ небольшую записку. Въ ней между прочимъ было сказано что царь не только дозволялъ свободное отправленіе евангелическаго исповѣданія, но еще въ 1660 году, приблизительно въ іюль, пожаловалъ Офицерской церкви то преимущество чтобы никто изъ подданныхъ, какъ бы ни былъ силенъ, не могъ мѣшать богослуженію евангеликовъ въ ихъ церкви, подъ страхомъ потери имущества и ссылки въ Сибирь, со всѣмъ семействомъ. Очевидно, здѣсь разумѣлась уже извѣстная намъ „данная“ Фокероту отъ 12 ноября 1660 года, въ которой ничего не заключалось кромѣ обычно предоставляемаго у насъ права владѣть церковнымъ участкомъ и зданіемъ. * Запись для просмотра и поправокъ была передана Грегори. Нельзя не подивиться что Грегори еще болѣе подтвердилъ это преувеличенное сообщеніе своимъ авторитетомъ. Онъ написалъ: „Его царское величество не только всемилостивѣйше дозволилъ такую большую свободу нѣмецкимъ евангелическимъ христіанамъ въ Московіи, именно въ Слободѣ, но еще пожаловалъ дарственное письмо которое хранится въ нашемъ новоустроенномъ домѣ Божіемъ, называемомъ Саксонскою церковью, и въ которомъ стоятъ такія сильныя слова: „мы завѣщаемъ чтобъ эта свобода, данная нашимъ нѣмецкимъ христіанамъ, сохранилась ненарушимо и всѣми нашими преемниками и полагаемъ на нихъ этимъ письмомъ, какъ духовнымъ завѣщаніемъ, проклятіе и благословеніе—проклятіе если они нарушатъ что-нибудь въ предоставленной свободѣ, благословеніе если они будутъ поддерживать и хранить телерешную свободу Нѣмцевъ, за ихъ болѣе чѣмъ столѣтнюю службу странѣ“**. ** Трудно объяснить

* Она издана нами въ *Памятникахъ*, I, № 1, стр. 4—6.

** Векъ, I, 585, относитъ эту небывающую привилегію и самое извѣстіе къ 1662 году. Въ отвѣтъ Грегори, который былъ ему извѣстель, года дѣйствительно не означено, но въ запискѣ прямо названъ

чѣмъ собственно руководился Грегори въ этомъ преувеличеніи, если не желаніемъ показать значеніе своей церкви, очевидно въ угоду покровительствующему ей герцогу названной имъ „Саксонскою“, и тѣмъ еще болѣе заинтересовать его въ ея судьбѣ.

Дѣйствительно, герцогъ написалъ Бауману теплое письмо (отъ 9 января 1668 года), въ коемъ убѣждалъ и ободрялъ его содѣйствовать общинѣ и чрезъ то „помогать распространенію божественной славы и ученія“. Продолжая съ прежнимъ достославнымъ усердіемъ свои заботы и поощряя своихъ единовѣрцевъ, генераль можетъ де быть увѣренъ что „всесильный и великій Богъ такое доброе дѣло, служащее къ Его славіи и распространенію истинной религіи, благословить и не оставить безъ награды“, какъ и въ томъ что герцогъ будетъ ходатайствовать за общину у курфюрста и другихъ князей и вообще не оставитъ ея безъ своей помощи. Въ приглашеніи Блюментроста, который состоялъ у него на службѣ, герцогъ увидѣлъ чуть не прямую волю Божию чтобъ этотъ врачъ могъ сдѣлаться орудіемъ распространенія лютеранскаго ученія въ такой отдаленной странѣ, и герцогъ не только выдалъ ему почетное свидѣтельство (3 января), но и побудилъ курфюрста Іоанна-Георга II рекомендовать его царю какъ необыкновенно опытнаго и искуснаго врача.

Отговариваясь что пока не могъ найти въ своемъ государствѣ искусныхъ мастеровъ, курфюрстъ Іоаннъ-Георгъ II въ своей грамотѣ (22 января) рекомендовалъ Алексію Михайловичу Блюментроста и снова повторилъ прежнее свое ходатайство о Московской лютеранской общинѣ и о Грегори. „Весьма пріятно намъ слышать, писалъ онъ, что ваша пресвѣтлость, во имя нашей взаимной дружбы и по своему государскому жалованью къ Нѣмецкому народу, до сихъ поръ милостиво держать изволили Общину евангелической нѣмецкой церкви, также надѣемся что и впредь ущедрите вашу милость и вольность живущимъ въ вашихъ пространнѣйшихъ государствахъ, во всемъ вамъ покорнымъ нашимъ единовѣрцамъ христіанской вѣры и особенно возвращающемуся къ вашему скипетру пастору Ивану Готфриду Грегори, на

1660 годъ; къ тому же, въ томъ и другомъ документѣ передается о нѣкоторыхъ событіяхъ бывшихъ значительно позднѣе. Оба документа издамы въ *Relation*, №№ I и II.

вѣчную славу вашего прехвальнаго державства, на благо всего государства и на умноженіе хвалы Божіей въ будущіе вѣка“.

Въ благодарность за участіе Бауманъ отвѣчалъ (1 іюля 1668) герцогу: „Мы не въ состояніи принести благодарности болѣе высокой нежели наша благоговѣнная молитва; но мы, по ученію Евангелія, должны, какъ прежде такъ и въ будущемъ, возносить въ нашихъ общественныхъ собраніяхъ тысячи вздоховъ къ небу, и Богъ услышитъ ихъ на небесахъ и будетъ милостивъ здѣсь, на землѣ, къ вашей княжеской свѣтлости и всему княжескому дому. Высокія и милостивыя обѣщанія которыя ваша свѣтлость, по высочайшему совершенству вашей христіанской любви, выразили чрезъ нашего посланнаго, сильно побуждаютъ меня и моихъ собратьевъ по церковному управленію заботиться объ устройствѣ церкви и школы съ еще болѣе ревностнымъ постоянствомъ, хотя я, какъ мало важный членъ, не могу похвалиться чтобы въ томъ что могло служить ко славѣ Бога, а лично для упомянутой церкви, въ ея многихъ превратностяхъ, дѣлалъ по христіанскому долгу; только одно могу сказать съ чистою совѣстью что тайная любовь къ ея процвѣтанію, подобно магнетизму, привязываетъ меня къ этой странѣ, когда различные почетные, даже короля датскаго милостивые призывы могли бы поднять меня до высшаго счастья и въ этой странѣ.“

Бауману вторили его сторонники. „Вашей великокняжеской свѣтлости, писали они герцогу отъ имени всей общины, мы, страждущіе въ здѣшнемъ мѣстѣ христіане, отъ глубины нашихъ сердець желаемъ Божьей милости и благословенія, счастливаго, мирнаго и долгаго царствованія изъ рода въ родъ, чтобы въ вашемъ великокняжескомъ домѣ не только ваши благочестивые подданные, но и наше христіанское общество могли имѣть главу, утѣшителя и защитника къ которому могли бы прибѣгать, и отца который бы о нихъ заботился. Самъ Богъ повидимому даровалъ христіанскому міру вашу свѣтлость съ тѣмъ чтобы вы, высокорожденный князь, истинная богобоязнь коего поддержала и сохранила почти улавшее христіанство, могъ, подобно утренней звѣздѣ свѣтащей между темными христіанами, бросать лучи вашей христіанской любви оттуда до Москвы. Намъ утѣшаютъ не столько милостивыя подаянія, какъ посланные

вашею свѣтлостью 200 талеровъ съ вашимъ вѣрнымъ по-
печителемъ душъ и пасторомъ магистромъ Иваномъ Гот-
фридомъ Грегори для постройки и содержанія нашей церкви
и школы, сколько удивительный примѣръ которому могутъ
сдѣлать съ великою безсмертною славой всѣ другіе хри-
стіанскіе государи, князья и господа; еще болѣе утѣша-
етъ насъ высокая и душевная радость вашей свѣтлости о
возрастаніи нашей еще молодой и нѣжной церкви и мило-
стивѣйшаго обѣщанія ваши касательно будущихъ полеченій
о воспитаніи новорожденной невѣсты Христа, о которыхъ
мы узнали чрезъ упомянутаго пастора. Милостивѣйшій
князь и господинъ, мы отъ души желаемъ чтобы ваша свѣт-
лость только представилъ въ своемъ воображеніи, съ ка-
кими слезами наши любезные аугсбургскіе евангелическіе
нѣмецкіе христіане радостно приняли здѣсь такіа нечаян-
ныя милостивыя предложенія, когда имъ возвѣстилъ это
въ своей вступительной проповѣди такъ часто называемый
любезный проповѣдникъ, и у вашей свѣтлости, быть-можетъ,
вызоветъ это слезы радости. Никакъ не иначе! Вѣдь до сихъ
поръ здѣсь считается большимъ чудомъ что Богъ высоко-
хвальное христіанское сердце ихъ царскаго величества, все-
милостивѣйшаго государя нашего, обратилъ къ удивленію
всего христіанскаго міра, до того что онъ насъ, низменныхъ
христіанъ, со всею нашею свободой религіи и богослуженія
держитъ на своемъ милостивомъ лонѣ такъ же какъ бы мы
сааивались въ своемъ отечествѣ. Не малое также чудо, по-
славное съ неба, что Богъ побудилъ столько господъ и кня-
зей, изъ такой дали, утѣшить, точно сироту, нашу взды-
хающую церковь.“

Было бы однако ошибочно принимать эти „единодушныя“
увѣренія за чистую монету и придавать имъ широкое зна-
ченіе. Послѣдовавшее около этого времени новое возвыше-
ніе Баумана на служебной лѣстницѣ зажгло старыя между-
усобія еще въ несравненно болѣе сильной степени чѣмъ
прежде, а заграничныя пожертвованія, будто бы вызвавшія
такія всеобщія слезы благодарности, подливали, что назы-
вается, масла въ огонь и послужили поводомъ или по край-
ней мѣрѣ внѣшнимъ предлогомъ снова перенести распрю
изъ частной жизни въ сферу жизни церковной.

Ссылаясь на то что урочные три года службы Баумана
въ Россіи давно миновали, Датскій король Фридрихъ ходя-

тайствовалъ (12 апрѣля 1662) объ отпускѣ его въ Данію. На королевскую грамоту наши вздумали отвѣтить лишь черезъ нѣсколько лѣтъ (9 октября 1666). „Мы, великій государь, вамъ, брату нашему, объявляемъ: генераль-поручика Николая Бовмана неволею держати не велимъ, а что противъ его вымыслу какія дѣла къ нашего царскаго величества полковому дѣлу начаты и въ совершенье не приведены, и по нашему указу ему, генераль-поручику, побыть у насъ на Москвѣ до тѣхъ поръ покамѣсть у него тѣ вымышленныя имъ для полковаго строенья дѣла въ совершенье будутъ приведены; и какъ они учинятся, мы его велимъ отпустить.“ Задержанный и оставшійся Бауманъ постоянно пользовался разными милостями и наконецъ даже получилъ (въ февралѣ 1668) полное генеральство. Последнее производство мотивировано тѣмъ что онъ на службѣ въ полку князя Черкаскаго „въ 1664 году подъ литовскими городами на приступлахъ и на полевыхъ бояхъ многихъ неприятели любилъ и всякіе промыслы чинилъ.“ * Раздраженные его счастьемъ и завосчивостью, обойденные его товарищи по службѣ начали мстить ему. При встрѣчѣ (въ октябрѣ 1667) польскихъ пословъ, Бауману надобно было командовать служилыми пивовенцами, но многіе изъ начальниковъ прямо встали отъ него по правую руку, полковникъ Иванъ Гастъ еще и обругалъ его, утверждая чтобъ онъ и не думалъ ими командовать, никто де не жадеетъ подчиняться ему. Безпорядокъ былъ прекращенъ только благодаря посредничеству Дементія Минича, который уговорилъ Гаста и остальныхъ начальниковъ вѣхать за Бауманомъ со своими ротами. Другой солдерикъ, подполковникъ Юрій фонъ-Менгденъ, обругалъ Баумана при пасторѣ Старой лютеранской кирки, Валтасаръ Фадемрехтъ, при полковникахъ и другихъ, называя его обманщикомъ, воромъ; третій, полковникъ Андрей Эгератъ, строилъ ему козни постоянно. Рьянѣе ихъ дѣйствовалъ противъ него полковникъ Германъ фонъ-Штаденъ который даже вызвалъ его на дуэль, но удовлетворенія не получилъ, потому что отъ него, какъ отъ личнаго, Бауманъ вызова не принялъ. Бауманъ не разъ приносилъ на нихъ жалобы, но правительство держалось въ сторонѣ; жалобы оставались безъ послѣдствій, что придавало противникамъ еще болѣе смѣлости.

* Гл. Архивъ М. И. Дѣлъ, Датск. дѣла 1663, № 1, карт. 30: 1666. № 1, карт. 31; 1670, № 2,

Бауманъ былъ произведенъ въ полные генералы когда Грегоръ находился въ Германіи. Такъ какъ поѣздка туда магистра была предпринята по инициативѣ Баумана, то его противника задумали повредить Бауману залодозривъ въ глазахъ правительства и личность Грегоръ, и мотивы его путешествія. Про Грегоръ была имъ распущена молва будто онъ служилъ прежде въ Польшѣ, въ Ганчевскомъ полку, откуда убѣжалъ, и его имя, какъ челоуѣка безчестнаго, было прибито къ висѣлицѣ. Нѣкоторымъ русскимъ вельможамъ они напештывали будто Грегоръ отправился къ германскимъ князьямъ снабженный отъ Ромодановскаго тайными письмами и дарами, будто онъ измѣнникъ и собираетъ на кирку, какъ будто не достаточно было того чѣмъ она пользовалась при покровительствѣ государя, и т. л. Ихъ козни, которыя они вели тайно, втихомолку, возымѣли свое дѣйствіе. Приглашенный чрезъ Грегоръ, Баюменстротъ прибылъ въ Россію (въ маѣ 1668 года) вмѣстѣ съ сыномъ, двумя дочерьми и прислугой; на подѣемъ ото Пскова до Москвы ему выдано было 20 казенныхъ подводъ; тѣмъ не менѣе мѣсто главнаго царскаго врача было предоставлено только что пріѣхавшему шведскому лейбъ-медику Ивану Костеру фонъ-Розенбургъ, хотя этотъ прибылъ и безъ предварительныхъ ему призывныхъ царскихъ грамотъ. О Баюменстротѣ же говорили что онъ не докторъ и не говорить по-латыни. Хотя потомъ, въ присутствіи Газскаго митрополита Паусія Лигарида, онъ доказалъ свою ученость, и вскорѣ получилъ царское жалованье, однако, если только вѣрить Рингуберу, * каветы протестантовъ сдѣлали то что ему очень долгое время, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не дозволялось не только завѣдывать царскою аптекой, но и заниматься практикой; даже аптекари не готовили лѣкарствъ по его рецептамъ.

Все это было на руку Фокероту, для котораго личность Грегоръ, послѣ удачнаго исполненія магистромъ порученій какъ отъ царя такъ и отъ общины, стала рѣшительно ненавистною. Его личные интересы и амбиціи влодѣя совлали теперь съ настроеніемъ и дѣйствіями враговъ Баумана, и онъ рѣшительно перешелъ на ихъ сторону. Въ свою очередь, они взялись поддерживать его. Образовались два враждебные, какъ бы организованные лагеря. Фокеротъ

* Relation, № V.

старался пользоваться каждымъ случаемъ чтобы придратъся къ своему противнику и уронить его. Вскорѣ по возвращеніи, Грегори, во время богослуженія (31 мая 1668 года), вслѣдъ за своею вступительною проповѣдью, произнесъ молитву сначала за Саксонскаго курфюрста и другихъ западныхъ государей, потомъ за Московскаго царя. Это хотѣлъ поставить ему Фокеротъ въ вину, но поднимать судъ да дѣло по такому поводу Нѣмцамъ казалось пока неудобнымъ. Составилось (5 іюня) обычное собраніе Церковнаго Совѣта. Подъ предлогомъ что деньги собраны за границей для пасторовъ и что ему недоплачено жалованье, Фокеротъ вдругъ потребовалъ отъ Грегори для себя 1.200 талеровъ, между тѣмъ какъ по условію ему слѣдовало всего 100 талеровъ. Грегори возразилъ что деньги пожертвованы князьями и городами на улучшение богослуженія, и изъ нихъ отнимать что-нибудь незаконно, что онъ отдастъ отчетъ въ собранныхъ деньгахъ лишь тѣмъ прихожанамъ которые командировали его; при этомъ онъ, повидимому, какъ-то двусмысленно выразился относительно того прислааны ли съ нимъ дѣйствительно наличныя деньги, или однѣ лишь записи пожертвованій. Фокеротъ укорилъ его въ утайкѣ суммъ. На дѣла своей церкви Бауманъ еще имѣлъ значительное вліяніе, церковный совѣтъ состоялъ еще большею частію изъ тѣхъ членовъ которые посылалъ Грегори за сборомъ, и Фокеротъ былъ унять: представители общины замаяли ссору, стараясь усмирить зачинщика; * вслѣдъ затѣмъ, подъ различными благовидными предлогами, были удалены изъ состава совѣта относившіеся къ Фокероту съ сочувствіемъ. Послѣдняя мѣра, впрочемъ, только усилила вражду и доставила Фокероту сторонниковъ лично заинтересованныхъ въ его распрѣ. И Фокеротъ, не довольствуясь тѣмъ что въ интимныхъ бесѣдахъ со врагами Баумана продолжалъ чернить своего соперника, разъ (23 августа) у себя на дому, въ присутствіи этихъ

* Rinhuber (S. 46) прибавляетъ: „Главы церкви успокоиваютъ противниковъ угрозами удалить перваго кто возобновитъ ссору. Фокеротъ былъ отставленъ, обвиненный въ 1) въ томъ что въначалъ лицъ женатыхъ, 2) что крестилъ дѣтей неизвестныхъ отцовъ и 3) много дѣлалъ странностей какъ человекъ не въ своемъ умѣ“. Русскіе источники не подтверждаютъ этого: въ нихъ говорится только о временномъ замречіи пасторовъ и о томъ что Бауманъ желалъ замѣнить Фокерота. См. изданн. нами *Памятники*, I, стр. 19, 21—22.

единомышленниковъ; прочелъ прямой ласквиль, гдѣ говорилось будто бы Грегори былъ лишенъ въ Австріи чина, чести и права голоса, а Бауманъ и его пріятель подковникъ Отто Росформъ—палежники.

Слухи объ этомъ разносились по Слободѣ, и Бауманъ, услышавъ о ласквилѣ который могъ окончательно подорвать его нравственное положеніе среди протестантовъ, не стерпѣвъ и 26 августа подалъ на Фокерота челобитную въ свой Пушкарскій приказъ. Сюда былъ позванъ Фокероть, который однако, считая себя въ подчиненіи не Пушкарскому, а Иноземскому приказу, „учинился силенъ“, въ приказъ не пошелъ, ни по первому (27 августа), ни по второму требованію (28 августа). Изъ Пушкарскаго приказа, гдѣ вѣдалъ князь Юрій Ивановичъ Ромодановскій, послали (29 августа) въ Иноземскій приказъ, къ Никитѣ Ивановичу Одоевскому, отношеніе съ требованіемъ о доставленіи Фокерота.

Когда дѣло приняло такой серьезный оборотъ, приверженцы Фокерота, желая предотвратить отъ него оласность, послѣдшии (28 августа) въ Иноземскій приказъ со своею челобитной. „Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, писалось въ ней, бьютъ челомъ холоди твои подковники, подполковники, майоры и всякихъ чиновъ начальныя люди. Приходилъ къ пастору нашему Ивану Фокероту генерала Николая Баумана полку поручикъ Керстенъ Метцъ со многими людьми, и того нашего пастора они таскали по двору, и жену его бранили всякою неподобною бранью и били; 28 августа тотъ же поручикъ снова прѣзжалъ со многими людьми къ пастору, когда этого не было дома. Эта ссора, государь, чинится отъ генерала Николая Баумана, отъ того что онъ хочетъ нашего пастора отогнать и поставить на его мѣсто Ивана Готфрида Грегори. Между тѣмъ Грегори, по прибытіи изъ Нѣмецкой земли, въ киркѣ молилъ Бога сначала о здоровьѣ Римскаго цесаря и курфюрстовъ и князей Цесарской земли, за твое же царское пресвѣтлое, нашего милостиваго государя, здоровье онъ молился послѣ. Это онъ сдѣлалъ потому что въ Цесарской землѣ онъ собиралъ деньги; онъ же называлъ Русскихъ варварами. Нехорошо его и давнее прошлое. Въ Москвѣ онъ былъ судимъ въ Рейтарскомъ приказѣ, еще ранѣе того убѣжалъ изъ Швеціи, изъ полку генераль-майора Беткера, въ Польшу, въ Ганчевскій полкъ, но сбѣжалъ и отсюда. Сама кирка не

принадлежитъ Бауману. Въ 1660 году, по твоему великаго государя указу и по сыску, дана данная пастору нашему Ивану Фокероту, и та кирка построена всѣмъ приходомъ. Милосердый государь, пожалуй насъ, холопей твоихъ, вели про то сыскать по валавымъ обыскомъ всякими людьми и учинить свой государскій указъ по прежнему своему указу и быть у насъ пастору Ивану Фокероту.“ Подъ челобитною подписались тридцать человекъ: двѣнадцать полковниковъ: Германъ фонъ - Штаденъ, Петръ Фрелихъ, Яковъ Бильсъ, Николай Балкъ и др.; пять подполковниковъ: Юрій фонъ-Менгденъ, Шульцъ и друг.; остальные: майоры и капитаны и одинъ прапорщикъ; капитаны Шарпфъ и Иванъ Менденъ и прапорщикъ Андерсонъ подписать своего имени не умѣли, за нихъ подписались ихъ товарищи. На поручика Керстена Метца въ тотъ же Приказъ подалъ (30 августа) жалобу и пасторъ Фокеротъ („нѣмецкой пастуръ Егано Дидрихъ Фократъ“). „Въ вышнемъ, государь, году августа въ 27 день, писалъ пасторъ, приходилъ Керстенъ ко мнѣ, твоему богомольцу, на дворшко насильствомъ съ какими-то многими людьми, неизвестно за что меня и жену мою бил, бранили всякою скаредною бранью и впредь похвалялись всякимъ дурномъ. Вели, государь, про все то сыскать и по сыску свой государской милостивый указъ учинить.“

Хотя прямыя обвиненія направлены были противъ поручика Метца, но всякому ясно было что онъ былъ только предлогомъ, что обвинители хотѣли достать Баумана и Грегори, изъ коихъ на послѣдняго взведено было вѣчто въ родѣ государева слова и дѣла. Тѣмъ что Грегори по прїѣздѣ изъ Германіи въ общественной церковной молитвѣ, вслѣдъ за вступительною проповѣдью, молился прежде за курфюрста Саксонскаго и другихъ князей, потомъ за царя, онъ обвинялся въ униженіи царскаго достоинства; тѣмъ что онъ называлъ страну варварскою—въ униженіи Московскаго государства. Честь того и другаго у насъ берегли ревниво, не давались договоры самые неотложные если въ договорныхъ грамотахъ царскому титулу не отводили перваго мѣста. Оставить безъ разслѣдованія такіа обвиненія было нельзя, и царь повелѣлъ произвести судъ въ Посольскомъ приказѣ. Сюда и потребованы были (9 сентября) Бауманъ и Грегори, а также подававшіе на нихъ и на Метца просьбу.

Чтобы предупредить рѣшеніе, Бауманъ представилъ (10 сентября) сюда пространную челобитную въ которой вѣхъ челобитчиковъ выставляя своими врагами, разоблачая ихъ задія дѣла и козни, молилъ допросить ихъ подъ присягой предъ пасторомъ Старой кирки Валтасаромъ Фадемрехтомъ на слѣдующіе пункты. „Во первыхъ, каждый изъ челобитчиковъ какой церкви прихожанинъ? И вскорѣ обнаружится (писалъ Бауманъ) что изъ нихъ прихожанъ нашей церкви не болѣе двухъ или трехъ человѣкъ, остальные съ давнихъ лѣтъ въ приходѣ у пастора Валтасара, и слѣдовательно съ лукавствомъ и обманомъ мѣшаются въ дѣла нашей церкви и пристаютъ сюда противъ правды. Во вторыхъ, подписавшіе челобитную знаютъ ли ея содержаніе, читали ли или слушали ли ее и всѣ ли хотятъ и могутъ облечить и доказать по ней? Тогда будетъ ясно что нѣкоторые подписались только изъ угодничества другимъ и желая унижить его. Втретьихъ, во всемъ ли они согласны съ Фокеротомъ, особенно съ его ласквильемъ, и поручали ли ему писать и читать это ругательное письмо? Вчетвертыхъ, на какомъ основаніи они говорятъ что Фокероть ихъ пасторъ, а не мой и не мнѣ подчиненный, когда я его призвалъ изъ Коленгагена и привезъ на свои издержки, а они мнѣ ничего не заплатили и его не призвали, потому что у нихъ былъ свой пасторъ, Фадемрехтъ? Не безъ причины же, когда однажды Фокероть обратился съ жалобой къ покойному боярину Ильѣ Давиловичу (Милославскому), тотъ ему прямо отказалъ, замѣтивъ: „ты подъ генераломъ Бауманомъ, и вѣдомъ и судимъ у князя Юрія Ивановича“ (Ромодановскаго). Какъ же теперь они хотятъ отвязать его у меня силой? Одновременно съ тѣмъ Бауманъ подалъ другую челобитную на полковника Олафа. Этотъ утверждалъ что въ Москвѣ находится капитанъ Николай Сильвертонъ, который извѣщалъ будто бы онъ служилъ съ Грегори въ одной ротѣ, откуда послѣдній сбѣжалъ а его имя было прибито къ висѣлицѣ. Сильвертонъ собирался ѣхать на родину, за границу, и Бауманъ просилъ задержать и допросить его.

Въ Посольскомъ Приказѣ начинается рядъ допросовъ и очныхъ ставокъ. Первымъ подвергся допросу (12 сентября) пасторъ Грегори.

Спустя дней десять по пріѣздѣ изъ Саксоніи вмѣстѣ съ докторомъ Бюментростомъ, показывалъ пасторъ, именно

31 мая, въ своей новой киркѣ, которая была построена Бауманомъ, послѣ проповѣди читалъ онъ, какъ было въ обычаѣ, печатную молитву за здоровье цесаря и иныхъ христіанскихъ государей, потомъ отъ своего ума молилъ Бога за здоровье великаго государя и за весь его государскій домъ, поименно, и цесаря, курфюрстовъ и князей уже не поминалъ. И то онъ сдѣлалъ безо всякой хитрости и лишь потому что читалъ молитву по печатной книгѣ. Русскихъ онъ варварами и безчестными людьми не называлъ, въ чемъ по совѣсти клянется Евангеліемъ и ссылается на многихъ лицъ, кромѣ тѣхъ которые къ челобитной руки приложили и написали на него свой извѣтъ. Совѣмъ не статочно дѣло безчестить ему Русскихъ: въ Московское государство онъ пріѣхалъ добровольно, оставивъ на родинѣ отца и другихъ сродниковъ. Быть-можетъ они вмѣняють въ безчестье для Россіи сдѣлающее. Какъ на третій день послѣ проповѣди было въ киркѣ собраніе изъ старшинъ шести и на ихъ волость: „что говорить въ Цесарской землѣ о великой государской милости къ Нѣмецкому народу, что позволялъ не только кирку ставить, но и отпустилъ его собирать на нее въ другихъ государствахъ?“—онъ отвѣтилъ: „князи и иные многіе честные люди говорятъ такъ: весьма удивительно для нихъ что въ той землѣ въ которой народъ прежде называли варварами нынѣ царствуетъ такой милостивой государь что позволено ему, Грегори, ѣхать въ иное государство и собирать на кирку деньги.“ До какой степени онъ хвалилъ Московскій народъ о томъ писано въ присланныхъ съ нимъ къ государю трехъ грамотахъ отъ курфюрста и герцога Саксонскихъ и можетъ представить въ свидѣтели доктора Блюментроста, призваннаго имъ на государеву службу. Еслибы въ самомъ дѣлѣ онъ чѣмъ поносилъ и укорялъ Русскихъ или бы неправо прочелъ молитву о государѣ, то начальствующие, какъ вѣрные царскаго величества слуги, тогда же бы обличили его и донесли, теперь же прошло мѣсяца съ три; написана челобитная, какъ учинилась нынѣшняя соора, и подписали ее все лица которымъ онъ возбранялъ отстать отъ ихъ злыхъ дѣлъ.

Такъ оправдывался Грегори, по даннымъ хранящагося въ Архивѣ слѣдственнаго дѣла; въ нѣмецкихъ извѣстіяхъ есть нѣкоторыя поясяющія дополненія. По нимъ, Грегори, не отрицая того что въ своей молитвѣ впереди поставилъ курфюрста и

иныхъ князей, однако показывалъ что за государя молился въ такихъ выраженiяхъ: „въ особенноти и прежде всего за его царское величество, какъ наше высшее начальство, подъ защигу котораго Ты, о Боже, по Твоей божественной милости и благоволенiю оставилъ“ и т. д. Слѣдовательно, царь ставился выше всѣхъ западныхъ государей. Второе обвиненiе Грегори объяснилъ искаженiемъ его сообщенiя о томъ какъ присутствовавшiе за столомъ герцога Эбергардта въ Виртембергѣ князья и графы, обращаясь другъ къ другу, говорили: „мы такъ долго и постоянно считали Московскую землю варварскою, а теперь слышимъ отъ пастора совсѣмъ иное.“

На очной съ нимъ ставкѣ (17, 19 и 21 сентября) изъ двадцати пяти лицъ девять показали что 31 мая они, бывъ въ церкви, слышали какъ магистръ молилъ о здоровьѣ сначала цесаря, курфюрста и князей, потомъ уже государя; а трое, полковникъ Германъ фонъ-Штаденъ, подполковники Шульцъ и Яковъ Гильсманъ, заявили что 5 июня въ собранiи старшинъ въ той же церкви въ ихъ присутствiи Фокероть спросилъ у магистра заслуженныхъ денегъ изъ суммы собранной магистромъ у курфюрстовъ и князей, и магистръ выразился: „цль ты думаешь что курфюрсты въ такую варварскую землю пошлютъ деньги?“ Остальные отговаривались тѣмъ что о проступкахъ Грегори слышали или отъ Фокерота, или отъ указанныхъ выше лицъ; двое добавили: что написано въ челобитной того они не знаютъ и отъ магистра ничего не слышали, приложили же къ ней руку желая чтобъ у нихъ попрежнему оставался пасторомъ Фокероть.

Магистръ потребовалъ допросить Германа фонъ-Штадена съ двумя его товарищами: кромѣ ихъ кто былъ въ собранiи и слышалъ что Грегори будто бы называлъ Русскихъ варварами? Эти отвѣтили: „Въ то время въ киркѣ были подполковникъ Циммерманъ, полковники Артемiй Росформъ и братъ Германа, Николай Штаденъ, также полковникъ Гершау и подполковникъ Иванъ Рель.“ Последнiе двое не были допрошены потому что одинъ уѣхалъ въ свое отечество, а другой находился внѣ Москвы на государственной военной службѣ; первые же трое, когда ихъ привлекли къ допросу, показали въ пользу Грегори, утверждая что такихъ рѣчей, будто онъ называлъ Русскихъ вирварами, они отъ него не слышали. Ихъ отреченiе ставило Фокерота и Германа съ

ихъ двумя единомышленниками въ очень невыгодное положеніе, и они начали добиваться чтобъ отрехшихся подвергли допросу врознь, подъ присягой у пастора Фадемрехта и Кравинкеля. Къ присягѣ ихъ приводилъ Фадемрехтъ; однако они не отступились отъ прежняго и добавили что „въ томъ клянутся они по своей вѣрѣ клятвой.“

Искусно запутывая своихъ обвинителей, Грегори приставалъ къ нимъ: если они считали его неправымъ, почему же, служа великому государю и по долгу своей присяги, они не донесли на него своевременно? Обвинители очутились въ роля какъ бы обвиняемыхъ, такъ что имъ понадобилось защищаться. Германъ съ товарищами объясняли: ранѣе они не извѣщали потому что имъ удалось тогда примирить Грегори съ Фокеротомъ, но замиренные разсорились снова, пасторъ привезъ имъ на магистра жалобу, почему теперь они на магистра челобитчики. Другіе отговаривались различными предлогами: кто тѣмъ что былъ боленъ, иной что поджидалъ когда подадутъ товарищи чтобъ ему не одному быть челобитчикомъ, третьи невѣдѣніемъ русскихъ обычаевъ и предположеніемъ что про то извѣстятъ старшіе которые, родясь въ Москвѣ, хорошо знаютъ мѣстные обычаи. Всѣмъ ихъ доводамъ Грегори цѣны не придавалъ и мотивы ихъ жалобъ отыскивалъ въ другомъ. Главные донощики, по его словамъ,—его прямые непріатели, за свои безчинства исключенные, по его настоянію, изъ совѣта церковныхъ старшихъ (Kirchenältesten) и изъ числа членовъ общины, между ними Гильсманъ за то что приходилъ въ церковь пьянъ и чинилъ всякое неистовство. На это Шудльцъ возразилъ что отъ церкви онъ не отставленъ, а не ходилъ въ нее изъ-за того что слышалъ отъ магистра непристойныя слова. Болѣе другихъ счелъ себя оскорбленнымъ Гильсманъ. Чтобъ онъ въ кирку приходилъ пьянымъ, это онъ назвалъ ложнымъ клеветомъ, и свою отставку объяснялъ опасеніемъ магистра какъ бы не послѣдовало на него со стороны Гильсмана правдиваго доношенія. Помимо устнаго отвѣта, онъ подалъ (26 сентября) челобитную съ просьбой разыскать ложность обвиненія на него Грегори въ пьянствѣ чрезъ разспросъ военныхъ начальниковъ и всей Нѣмецкой Слободы. Въ Приказѣ ограничили тѣмъ что ее приобщили къ слѣдственнымъ бумагамъ.

Быть-можетъ понявъ характеръ слѣдствія, капитанъ Николай Сильвертонъ, который ранѣе распространялъ о Грегори плохую

славу, на допросъ (19 сентября) вдругъ перемѣнилъ тонъ и сообщилъ: съ магистромъ въ Польшѣ въ одной ротѣ рейтаромъ онъ служилъ, но оттуда магистръ не сбѣгалъ, служилъ какъ прилично честному человѣку и его имя къ висѣлицѣ не было прибито; такое обвиненіе на магистра сказано ложно и онъ, Николай, про то впервые и слышитъ. Такимъ образомъ онъ очутился прямымъ защитникомъ Грегори. Показанія (4 октября) Метца въ свою очередь должны были крайне пошатнуть правдивость жалобъ Фокерота и его партіи на насильственныя надъ ними дѣйствія. Когда его спросили: 27 августа приходилъ ли онъ на дворъ Фокерота и билъ ли и бранилъ ли тамъ пастора и его жену, Метцъ объяснилъ: въ прошломъ августѣ, по челобитью генерала Баумана, былъ посланъ изъ Пушкарскаго Приказа подъячій Иванъ Чулышевъ съ двумя человѣками за пасторомъ Фокеротомъ; подъячій дома пасторова не зналъ, и генералъ велѣлъ ему, поручику, указать гдѣ находится дворъ; онъ указалъ дворъ и пастора, но никого не бранилъ и не бивалъ, и со двора вышелъ вмѣстѣ съ подъячимъ.

Соплисъ (21 сентября) и главные соперники: Фокеротъ и Грегори. Фокеротъ утверждалъ: послѣ того какъ магистръ 31 мая молилъ прежде за курфюрста и князей, а затѣмъ за государское здоровье, онъ ничего отъ него не слышалъ потому что въ кирку не хаживалъ; а 5 іюня, когда въ церковномъ совѣтѣ спросилъ у магистра заслуженныхъ денегъ, магистръ ему сказалъ: „иль ты думаешь что курфюрсты въ варварскую землю деньги пошлютъ?“ Устное показаніе Фокеротъ повторилъ письменно гдѣ привелъ и имена присутствовавшихъ на совѣтѣ лицъ. „Въ томъ что магистръ Иванъ Готфридъ Грегори, значилось здѣсь, 5 іюня 1668 года по спасительномъ Рождествѣ Христовомъ, въ публичномъ церковномъ совѣтѣ, когда я потребовалъ свое заслуженное при настоящей киркѣ годичное жалованье и плату за построенный мной самимъ домъ, высококомѣрно и ясно, въ присутствіи полковниковъ: Германа фонъ - Штадена, Николая фонъ - Штадена, Фридриха Гершау, Отто Росформа и подполковниковъ: Ивана Шульца, Ивана Реля, Ивана Гильсмана, Ивана Валентина Циммермана, сказалъ: „Не думаешь ли ты что курфюрстъ пошлетъ деньги въ такую варварскую землю?“ что я отчетливо и съ большимъ смущеніемъ и ужасомъ слышалъ эти слова изъ устъ магистра Ивана Готфрида Грегори,

свидѣтельству своюю чистою совѣстью и собственноручнымъ подписомъ, въ чемъ помоги мнѣ Богъ и Его святое слово.”

Судьи нашли не понятнымъ почему онъ, слыша такіа рѣчи отъ магистра, ему не возбранялъ и до сихъ поръ не извѣщалъ о нихъ. Фокеротъ извинялся тѣмъ что онъ тогда же просилъ старшину Германа фонъ-Штадена съ товарищами вслушаться въ тѣ слова и извѣстить на магистра, а послѣ убѣждалъ не молчать и тѣхъ коихъ не было въ церкви.

Всѣ обвиненія Фокерота Грегори объявилъ ложными, и въ подтвержденіе сослался на прежнее (8 января 1663 года) письменное обязательство Фокерота не чинить ему неприяностей. „Это письмо, отвѣтилъ Фокеротъ, нарушено тѣмъ что генераль Бауманъ хочетъ у кирки имѣть пасторомъ магистра, а его, Фокерота, отгѣснить.“ Эта замѣтка, брошенная случайно и какъ бы вскользь, проливаетъ яркій свѣтъ на мотивы спора.

При показаніяхъ на Грегори, на очной съ намъ ставкѣ (17 сентября), полковникъ Бильсъ обратился съ просьбой о допросѣ магистру касательно безчестія нанесеннаго имъ всѣмъ служившимъ въ Россіи иноземцамъ: бывъ у цесаря и курфюрстовъ, Грегори называлъ ихъ бѣдными людьми, такъ что будто бы у нихъ нѣтъ средствъ построить и кирки, почему и собиралъ тамъ деньги на построеніе церкви, между тѣмъ какъ они по государевой милости пожалованы, можно имъ построить кирку и на свои средства, безъ сбору въ другихъ государствахъ. Оправданіе себѣ магистръ находилъ въ томъ что онъ собиралъ деньги совсѣмъ не такъ какъ говорилъ Бильсъ. Произвести сборы ему поручили Бауманъ и другіе старшины, и по возвращеніи онъ представилъ имъ сборную книгу, гдѣ курфюрсты и другіе князья лишь написали свои имена и цифры пожертвованій, обѣщая заплатить если означенныя ими суммы будутъ собраны въ Москвѣ. На построеніе Бауманъ издержалъ до 700 рублей, но сколько было собрано потому въ Москвѣ и ему возвращено, того онъ не знаетъ. „Магистръ сказываетъ, изобличалъ его Бильсъ, будто бы онъ собиралъ деньги на построеніе кирки: она была выстроена еще до его отъѣзда изъ Москвы, на деньги общины, а не одного Баумана“. „Кирка, объяснялъ Грегори, была построена когда онъ былъ въ Москвѣ; посылали же его старшины для сбору денегъ на ея поддержку въ хорошемъ состояніи и на школу“. Бильсъ: „заботиться Бауману и Грегори объ этой киркѣ не

къ чему: на мѣсто для нея дана давная пастору¹ Фокероту, который былъ призванъ не для Баумана, но по ихъ мірскому прошенію и для всей общины.“

Обвиненіе Вильса поддержали и развили нѣкоторые изъ сторонниковъ Фокерота, требуя чтобы Бауманъ представлялъ въ Приказъ тотъ счетъ съ коимъ онъ посылалъ магистра къ Саксонскому курфюрсту и въ которомъ, какъ имъ казалось, они обезпечены. Бауманъ отвѣчалъ на это: подлинное прошеніе, посланное имъ и старшинами, за ихъ подписомъ и печатами, къ курфюрсту Саксонскому съ магистромъ, оставлено тамъ, потому что ни въ какомъ государствѣ не водится чтобы листы или грамоты, писанные къ государямъ, отсылались назадъ; но копія съ просьбы была занесена въ сборную книгу, которую курфюрстъ и другіа лица, записавъ въ ней свои пожертвованія и приложивъ свои печати, прислали съ магистромъ къ нему, генералу и старшинамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ курфюрстъ прислалъ и свою грамоту которую онъ писалъ къ другимъ князьямъ и вольнымъ городамъ о вспоможеніи киркѣ.

Курфюрстова грамота, сборная и кассовая книги о строеніи кирки наконецъ были принесены (25 сентября) Бауманомъ. По итогу стоимости постройки, выведенному въ кассовой книгѣ, значилось: всего издержано 820 рублей, 11 алтынъ, 4 деньги; начальныя, служилыя и торговые иноземцы внесли 213 рублей, 3 алтына; остальные 606 рублей, 7 алтынъ, 4 деньги слѣдуетъ Бауману доплатить. Въ сборной книгѣ, послѣ просительнаго письма Баумана со старшинами, было 11 подписей извѣстныхъ уже жертвователей: Саксонскаго курфюрста Іоанна Георга, герцога Саксонскаго Эрнста и др.

Въ просительномъ письмѣ къ курфюрсту, какъ оно ни было униженно, выраженій прямо оскорбительныхъ для чести московскихъ иноземцевъ, къ счастью партіи Баумана, не было отыскано. Отъ Баумана сылался рядъ челобитныхъ, въ которыхъ онъ, или повторяя свои прежнія обвиненія, или развивая ихъ и дополняя новыми, домогался управы надъ своими и Грегори соперниками. Доносители на магистра, изобличалъ онъ теперь, когда ихъ допросили порознь, все сваливалъ на троихъ, а иные прямо сказали что они подписали челобитную не читая и лишь потому что были подговорены. Несправедливо обвиняя Грегори, они называютъ своимъ

пасторомъ Фокерота, который однако былъ призванъ и содержанъ прежде имъ, Бауманомъ, и который теперь не достоинъ того чтобы быть въ Слободѣ пасторомъ у иноземцевъ. Почти всѣ эти доносители принадлежатъ къ Старой киркѣ пастора Фадемрехта, мѣшаются въ дѣла чужаго прихода, стараются очернить магистра, а его, Баумана, осмѣвать и поругать; изъ нихъ Германъ Штаденъ явно попрекалъ его при другихъ будто бы всѣ неурядицы выходить отъ него, называлъ его главнымъ ссорщикомъ.

Вопросъ о томъ въ какомъ отношеніи находилась Фокероть къ Бауману дѣйствительно оставался еще не выясненнымъ, и вѣрно было узнать отъ генерала: было ли къ нему объ этомъ пасторѣ порученіе отъ другихъ начальныхъ людей, когда онъ приглашалъ его въ Москву, и если было, почему нѣтъ ихъ рукъ въ пригласительномъ письмѣ. Онъ сообщилъ: когда онъ, получивъ въ Давіи приглашеніе отъ царскаго посланника, князя Давида Мышецкаго, отправиться въ Москву, собирався въ путь, переводчикъ Мышецкаго, иноземецъ Фодоръ Мейеръ, передалъ ему о смерти пастора въ Москвѣ, и онъ, безо всякаго порученія со стороны московскихъ начальныхъ иноземцевъ, пригласилъ съ собою Фокерота, выхлопоталъ для него ставленную грамоту и на свои протори привезъ въ Москву. Если же въ пригласительномъ письмѣ написано: „просили его, генерала, и полную мочь дали“, то здѣсь нужно разумѣть тѣхъ иноземцевъ которые съ нимъ ѣхали вмѣстѣ на службу къ великому государю, своихъ рукъ они не приложили потому что все полномочіе передали ему. И этихъ лицъ онъ представилъ именной списокъ. Всѣхъ ихъ было 14 человекъ, изъ нихъ въ Москвѣ оказалось всего двое, они подтвердили слова Баумана; остальные находились внѣ Москвы, на государственной службѣ, или были отлучены въ свою землю.

Какъ ни искусно вели борьбу и свою защиту Грегори и Бауманъ, однако вполнѣ обвѣлить себя имъ не удалось. По близости и многосторонности своихъ сношеній съ иноземцами, судьи имѣли возможность собрать вѣрныя свѣдѣнія и официальнымъ, и частнымъ путемъ. Свѣдѣній имъ казалось достаточно, и они приступили къ вершенію дѣла; къ тому же приближалось праздничное время, Святки. Была составлена большая докладная выписка, и судьи выслушавъ ее рѣшили (22 декабря): „Въ Нѣмецкой слободѣ, при богомольной

хороминъ, быть по прежнему пасторомъ Ягану Фокероту; потому что въ прошломъ 1660 году, по указу великаго государя и по челобитью полковниковъ, подполковниковъ, майоровъ, капитановъ и всякихъ служащихъ людей, дана данная на дворъ бывшаго нѣмецкаго пастора Ягана Якуби, съ тѣмъ чтобы быть тамъ у нихъ богомольной хороминъ и жить пастору, ему, Ягану Фокероту. Магистру же отъ той богомольной хоромины отказать: потому что онъ прїѣхалъ въ Московское государство по призыванью (?) одного генерала Николая Баумана, и потому что онъ, прїѣхавъ въ прошломъ 1678 году въ маѣ мѣсяцѣ въ Москву, бывши въ богомольной хороминѣ, послѣ проповѣди, по обычаю читалъ по печатной книгѣ молитву и молилъ Бога прежде за здоровье Римскаго цесаря и курфюрстовъ, а за здоровье великаго государя Бога молилъ послѣ; да онъ же, безчестя Русскихъ людей, называлъ ихъ варварами. Бауманъ можетъ имѣть его у себя, на своемъ содержаніи, но не у богомольной хоромины. А что доведется генералу дожать за постройне богомольной хоромины съ полковникомъ и иныхъ начальныхъ людей, въ томъ ему съ ними учинить счетъ; убытки и протори за перевозъ Фокерота изъ Даніи искать ему еудомъ. За посылку магистра для сбора денегъ въ Саксонію, не испрося напередъ на то царскаго разрѣшенія, сдѣлать ему выговоръ. Пославши, ему во всякомъ случаѣ слѣдовало наказать накрѣпко магистру: если курфюрстъ Саксонскій или иные курфирсты и князья начнутъ писать свои грамоты къ какимъ-нибудь государямъ и случится въ тѣхъ грамотахъ писать именованье великаго государя, и онъ бы смотрѣлъ чтобы въ нихъ именованье и титулы были написаны сполна, по его царскому достоинству и какъ самъ государь въ своихъ царскаго величества грамотахъ аттестуетъ, но магистръ того не остерегалъ: въ листѣ Саксонскаго курфюрста къ инымъ курфюрстамъ и владѣтелямъ о вспоможеньи имя великаго государя написано просто: „въ великомъ княжествѣ Московскомъ“, хотя именованье и титулы государя курфюроту Саксонскому и извѣстны.“

Рѣшеніе было объявлено не тотчасъ. Предполагая что, судя по характеру хода дѣла, Фокеротъ могъ проиграть, сторонники его ко времени рѣшенія поддали самую жаркую агитацию. Въ его пользу они составили коллективную челобитную. „Царю государю и великому князю Алексію Михайловичу,

писали они, быють челомъ холопи твои полковники, подполковники, майоры, ротмистры, капитаны, поручики, прапорщики и всякихъ чиновъ начальныя люди. Въ прошлыхъ годахъ былъ пасторъ Иванъ Якоби, и какъ только его въ живыхъ не стало, на его мѣсто приговорили быть пастору Ивану Дитриху Фокероту, и по твоему, государь, указу и по сыску, въ прошломъ 1660 году была выдана изъ Земскаго Приказа ему данная на мѣсто въ Новой Нѣмецкой слободѣ коимъ владѣлъ прежде пасторъ Якоби. Когда мы бываемъ на твоихъ государевыхъ службахъ, онъ, пасторъ Фокеротъ, къ намъ въ локи прѣзжаетъ для нашихъ душевныхъ потребъ. Милосердый государь, пожалуй насъ, холопей твоихъ, вели, по прежнему своему указу и по прежней данной, на мѣстѣ бывшего пастора Ивана Якоби быть ему, Ивану Дитриху Фокероту.“ Всѣхъ подписей подъ челобитной было до 92; за Ефима Францбекова, Антона Робкова, Михаила Ливтцке, капитановъ Ивана Греля, Бориса Бевловка и еще нѣкоторыхъ подписались другіе.

Представить въ Приказъ челобитную вовремя, до рѣшенія тяжбы, они не успѣли, и быть-можетъ не зная еще какъ рѣшено дѣло, они подали ее на другой день (23 декабря), послѣ того какъ состоялось опредѣленіе. Подвергать какимъ-нибудь измѣненіямъ рѣшеніе было не для чего: оно и безъ того клонилось въ пользу Фокерота; сдѣлано лишь небольшое прибавленіе въ концѣ его: „Да и потому приговорили пастору Фокероту попрежнему быть у той богомольной хоромины что объ немъ били челомъ великому государю полковники, подполковники, майоры, ротмистры, капитаны, поручики, прапорщики и всякихъ чиновъ начальныя люди“.

Тяжущихся собрали (31 декабря) въ Посольскій Приказъ для выслушанія указа. Какъ ни былъ умѣренъ посѣдній, примиренія онъ не произвелъ. Всѣхъ болѣе остался недоволенъ имъ Бауманъ. Онъ тотчасъ же началъ просить чтобы государь велѣлъ полковникамъ доплатить ему оставшіяся за ними деньги какія значатся по находящейся въ Приказѣ строильной книгѣ, заявляя что пока они ему денегъ не залавятъ, онъ имъ ключей отъ кирки не выдастъ и пастора въ кирку не пуститъ. При этомъ онъ говорилъ какъ бы про себя, однако такъ что всѣ его слышали, что изъ его прихода били челомъ всего только четыре человѣка, остальные изъ

приложившихъ руки принадлежать къ приходу другой кирки, и потому всѣ челобитчики—лжецы, и все ихъ челобитье—ложное. Главными ходатаями противъ Баумана теперь были Бильсъ, Кегелкинъ, Юрій фонъ-Менгденъ и Гастъ. Какъ желалъ того Бауманъ, счестся въ платежѣ долговыхъ денегъ они соглашались если только онъ скажетъ сколько осталось за ними денегъ, и просили чтобы государь или повелѣль оцѣнить хоромину со всею стройкой и по оцѣнкѣ заллатить деньги, или же приказалъ бы Бауману снести ее вмѣстѣ съ домомъ выстроеннымъ для Грегори, а деньги которыя ими были жертвованы имъ возвратити назадъ. А за то что Бауманъ безчестилъ челобитчиковъ лжецами, всѣ эти иноземцы просили на него управы.

Пререканія и ссору они вынесли и за стѣны Приказа. Бильсъ и Гастъ съ товарищами приставали къ Бауману и не разъ били челомъ государю объ отдачѣ имъ кирки для Фокерота. Бауманъ упирался. Улучивъ удобную минуту, когда государь шелъ на Иорданъ (6 января 1669), онъ подалъ ему челобитную. Указывая на то что кирку онъ построилъ на свои деньги, что челобитчики принадлежать къ иному приходу и что объ этой киркѣ ходатайствовалъ предъ государемъ курфюрстъ Саксонскій, Бауманъ молилъ о защитѣ отъ этихъ враговъ которые хотять у него отнять кирку насильно, и объ избавленіи его тѣмъ самымъ отъ позора и безчестья. На другой же день государь пожаловалъ его, велѣлъ ему свезти свою кирку куда хочеть, мѣсто очистить и вылатить полковникамъ деньги которыя они давали ему.

Кирку Бауманъ немедленно сломалъ и перевезъ въ свой садъ, а въ Приказъ прислалъ 213 рублей, съ поясненіемъ что эти деньги давали на постройку кирки всякихъ чиновъ служилые люди и торговые иноземцы и въ нихъ его дачи 40 рублей. Иноземцы были приглашены за полученіемъ своихъ прежнихъ пожертвованій, лишь бы прилагали росписъ кто изъ нихъ сколько жертвовалъ.

Въ суммѣ внесенной Бауманомъ его противники не досчитывали многого. Бауманъ, жаловался (22 января) полковникъ Бильсъ съ товарищами, по постройкѣ кирки на мѣстѣ пожалованномъ Фокероту, сбиралъ съ нихъ и торговыхъ людей по особой сборной книгѣ, гдѣ они собственноручно записывали свои дачи; между тѣмъ онъ сломалъ церковь, не возвративъ имъ денегъ противъ сборной книги; равнымъ образомъ, ничего

не выдѣлилъ имъ изъ собраннаго чрезъ Грегори за границей. Поэтому просили они: „веди, государь, ту сборную книгу въ Приказъ положить и выдать по ней всѣ деньги на которыя бы мы могли построить кирку за тебя, государя, Бога молить; а въ деньгахъ собранныхъ въ Нѣмецкой землѣ учини свой государевъ указъ чтобы генералъ не завладѣлъ ими одинъ“. „Та книга, отвѣчалъ (29 января) Бауманъ, когда потребовали отъ него книгу, находится у подполковника Реля, который и собиралъ съ иноземцевъ деньги; до денегъ собранныхъ въ Саксоніи челобитчикамъ и Фокероту нѣтъ никакого дѣла: курфюрсты и иные владѣтели подписывали деньги на челобитной его и другихъ лицъ, приходяжь одной съ нимъ кирки; челобитчики рукъ къ ней не прикладывали, они принадлежать къ другой киркѣ, Старой, гдѣ пасторомъ Фадемрехтъ.“

Предполагая что дѣло не обойдется безъ новыхъ ставокъ съ Фокеротомъ, его сторонники начали хлопотать объ отпразднѣніи его къ бѣлгородскимъ начальнымъ служилымъ иноземцамъ, которые будто бы просили его прибыть къ нимъ для духовныхъ потребъ. Ихъ умыселъ былъ лопяты, и Бауманъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ соприхожанъ, Николаемъ фонъ - Штаденомъ, Отто Росформомъ, Фридрихомъ Мейеромъ и другими, подалъ въ одинъ день съ предыдущею своею челобитною другую о задержаніи Фокерота и очной имъ съ нимъ ставкѣ. „О пріѣздѣ Фокерота въ Бѣлгородъ ему, пастору, отъ начальныхъ людей не писано, но писано генералу Бауману что этотъ пасторъ имъ не надобенъ за его непристойства: пасторъ нашего магистра Ивана Готфрида Грегори обезчестилъ, про него прочиталъ у себя на дому послѣ обѣдни при многихъ людяхъ поругательный листъ въ которомъ обезчещены и выборные старшины нашей церкви. Приглашеніе вымышлено, чтобъ Фокерота съ Москвы спровадить и отбить насъ проволочкой.“ Фокеротъ отпущень не былъ.

Изъ опрошенныхъ относительно количества пожертвованій только полковникъ Яковъ Билъсъ и Петръ Фредихъ сказали что они дали на строенье кирки по пяти рублей, которыхъ однако порознь отъ другихъ брать не хотѣли; двое: Иванъ Кегелкинъ и Иванъ Гастъ сообщили что они, когда строилась Бауманомъ кирка, въ Москвѣ не были и на постройку ничего не жертвовали; остальные не несли про дачу никакихъ сказокъ.

Подполковникъ Реля, на котораго сослался Бауманъ, находился въ иноземскомъ полку въ Бѣлгородѣ, и отъ сѣвскаго воёводы князя Семёна Андреевича Хованскаго было потребовано допросить Реля по его „евангельской заповѣди“, отдавалъ ли ему Бауманъ сборную книгу и у кого оны, отправляясь на государеву службу, оставилъ ее. Отвѣта изъ Сѣвска получено не было. Тогда допросили жену Реля, жившую въ Москвѣ; къ присягѣ приводилъ ее пасторъ Фадемрехтъ. Она показала: сборную книгу мужъ ея предъ своимъ отъѣздомъ оставилъ выборнымъ при его киркѣ, подполковникамъ Ягану Шульцу и Якову Гильсману, у которыхъ и надобно спросить ее; въ той книгѣ былъ записанъ сборъ на кирку, школу и раздачу нищимъ. Изъ этихъ лицъ Шульцъ имѣлъ случай дать показаніе о сборной книгѣ еще на очной ставкѣ (19 сентября 1668) съ Грегори. Магистръ укорялъ его что оны были отставлены отъ управленія въ киркѣ за неправду, и что когда прислали къ нему старшіе за книгой оны отвѣтилъ имъ будто бы отдалъ ее въ Приказъ. На это Шульцъ сказалъ ему: оны отъ кирки не отставлены, и старшіе къ нему по книгу не присылывали. Другой разъ допрашивать его о книгѣ въ Приказѣ не стали, не спрашивали о ней и Гильсмана. Такъ и затерялся ея слѣдъ.

Между тѣмъ Бауманъ хлопоталъ о восстановленіи сломанной имъ кирки. Выдѣлать для нея мѣсто изъ своего участка ему казалось недостаточно. Рядомъ съ нимъ, по переулку къ Яузѣ, лежали участки капитана Буларта и живописца Голландца Петра Инглиса. При размежеваніи земли Буларту было выдѣлено вдоль двадцать сажень, но оны обгородилъ и присвоилъ еще двадцать восемь сажень по сосѣдству, изъ свободной земли. Весь этотъ участокъ теперь и пріобрѣлъ Бауманъ, взявъ отъ Буларта кулчюю данную, и еще шесть сажень изъ участка Инглиса. Здѣсь, вблизи своего сада, Бауманъ и построилъ свою церковь. 2 февраля она была торжественно освящена. * Служилъ въ ней Грегори, приходъ набрался изъ сочувствовавшихъ Бауману военныхъ

* Объ освященіи ея 2 февраля говоритъ Миллеръ (М. Гл. Архивъ М. И. Д., Портфель Миллера № 199, изд. нами въ *Памятникахъ*, I, № XVIII), но Grot (*Bemerk. über die Religionsfreiheit d. Ausländer in Russisch. Reiche*, St-Peterb. u. Leipzig. 1797, I, 258) относитъ это къ 1 февраля.

начальныхъ людей, бывшихъ до того ея прихожанами, когда она стояла еще на дворѣ Якоби. Садъ былъ разширенъ, такъ что церковь очутилась среди растений, и это свое дѣтище Бауманъ называлъ тюльпаномъ.

Оставшись безъ церкви, сторонники Фокерота вынуждены были какъ-нибудь поправить дѣло. Вскорѣ на прежнемъ мѣстѣ у нихъ было построено новое церковное зданіе.

Такъ, совершенно неожиданно, въ Нѣмецкой Слободѣ оказались три лютеранскія церкви, каждая со своимъ пасторомъ и приходомъ: Старая лютеранская, съ пасторомъ Валтасаромъ Фадемрехтомъ, Офицерская, съ пасторомъ Фокеротомъ, и Новая или Баумановская, съ пасторомъ Грегори.

Завистливые враги Баумана не успокоивались и не давали ему прохода. Какимъ-то образомъ они вовлекли въ свои интересы царскаго духовника. При встрѣчѣ съ Бауманомъ они поносили его и даже однажды (3 мая) прямо похвалились что ему съ ними не сладить, и не пройдетъ де трехъ дней какъ они получатъ положенныя имъ въ Приказъ деньги, потому что упросить государя обѣщавъ имъ самъ духовникъ государевъ. Бауманъ рѣшился на послѣднее средство: или еще разъ обратиться къ воровавшему дѣлами въ Посольскомъ Приказѣ думному дяку [Дохтурову за защитой, или же чрезъ начальника Рейтарскаго приказа, Ромодановскаго, просить объ отпускѣ за границу. „Нахожусь теперь, писалъ (4 мая 1669) онъ къ Дохтурову, въ страшной скорби что честь свою здѣсь въ государствѣ полученную болѣе нести не могу и, если изволить Богъ, завтра же намѣренъ ѣхать къ господину моему боярину князю Ю. И. Ромодановскому и просить его доложить его царскому величеству объ отпускѣ: потому что отъ тѣхъ полковниковъ и меньшихъ начальныхъ людей до того поношенъ что невозможно мнѣ послѣ того служить государю, не только что съ такими непокойными врагами идти противъ царскихъ непріятелей. И униженно прошу тебя, изволь мнѣ такую милость оказать, доложи въ удобное время мое дѣло его царскому величеству чтобъ деньги были выданы изъ Приказа не имъ, а мнѣ. Тебѣ извѣстно какъ эти мои противники во всемъ ищутъ фальшивыми средствами и хотятъ овладѣть этими деньгами, куда одни изъ нихъ ничего не клали, другіе клали слѣшкомъ мало. Если жъ не сбудется, то жалобу свою мнѣ Богу и всему свѣту предложить что я, вольный человекъ породы Германской, нынѣ утѣшеніе

принимаю отъ подданныхъ его царскаго величества, обезчещенъ, въ своемъ правдивомъ дѣлѣ терплю притѣсненіе отъ силы своихъ непріятелей.“

Враги добивали его. Они искусно истолковали въ свою пользу ссылку Баумана на Рель и показаніе жены послѣдняго. Рель, утверждали они, находится въ Кіевѣ, его жена допрошенная подъ присягой показала что „сборной книги мужу ея генералъ не отдаывалъ“: ясно, если Бауманъ не кадетъ книги, то значить онъ хочетъ самовольно овладѣть киркой и деньгами. Въ Приказѣ требуютъ отъ нихъ записей, кто что далъ на строеніе кирки; но безъ сборной книги имъ этого сдѣлать нельзя, такъ какъ многіе изъ жертвователей находятся въ Москвѣ, на государевой службѣ, другіе отпущены на родину, третьи померли. Изложивъ все это въ новой челобитной, они просили выдать имъ 213 рублей пока подъ расписку, а въ остальныхъ деньгахъ дозволить имъ счастья съ генераломъ когда онъ положитъ сборную книгу.

Деньги дѣйствительно рѣшено было (7 мая 1669) выдать „изъ челобитчиковъ лучшимъ людямъ“, съ условіемъ чтобъ они возвращали ихъ жертвователямъ по принадлежности, беря отъ нихъ расписки. „Лучшими людьми“ были полковники: Яковъ Бильсъ, Иванъ Кегелкинъ, Мартинъ Гурихъ и Петръ Фрель, все рьяные враги Баумана.

Около года потомъ о тяжбѣ ничего не слышно. Увнженый Бауманъ не поднималъ голоса, пока еще разъ онъ не захотѣлъ попробовать счастія. Въ мартѣ 1670 года онъ подалъ жалобу * на то что челобитная по которой изъ Приказа

* Въ *Палатникахъ*, стр. 40, нами сказано: „Подлинника этой челобитной въ дѣлѣ не сохранилось; приводимъ ее по извлеченію въ „Докладной выпускѣ“. Намъ потомъ удалось найти ея подлинникъ въ совершенно иномъ дѣлѣ Архива и положить ее на свое мѣсто. Вотъ ея текстъ: „Царю государю и великому князю Алексію Михайловичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой енаралъ Микулайко Бовманъ. Въ прошломъ, государь, рѣз—мѣ году били челомъ тебѣ, великому государю, полковники Гѣрманъ фонъ-Стаденъ (?) съ товарищи составнымъ ложнымъ челобитьемъ и написали въ своей челобитной, чтобъ имъ тѣ денги выдать изъ Посольскаго приказа коня я, холопъ твой, положилъ для спору въ Посольскомъ приказѣ, двѣсти тринадцать рублей, и написали въ своемъ челобитѣ будто они всѣ бьютъ челомъ коня тѣ денги здавали къ кирки на строенье, и тѣмъ своимъ

выданы деньги, ложная; въ ней написано будто бы она составлена отъ лица всѣхъ кто жертвовалъ деньги, между тѣмъ какъ она составлена немногими. О присылкѣ взявшихъ деньги послано было требованіе въ Иноземскій Приказъ; требованіе было повторено, и однако оттуда никакихъ вѣстей не присылали *. Посольскій Приказъ не настаивалъ.

Очевидно правительство было утомлено этимъ дѣломъ, и Бауману ничего не оставалось какъ добиваться отлука. Теперь его удерживать не думали. Жена его, Маргарита, была отпущена еще 13 сентября 1669 года, близился конецъ и его у насъ службъ. Предъ отъѣздомъ ему хотѣлось обезпечить судьбу своей церкви. Она не была утверждена никакимъ юридическимъ актомъ. И вотъ ея прихожане, „иноземцы всякихъ чиновъ“, обратились (17 декабря 1669 года) къ государю съ челобитной: „Въ нынѣшнемъ году учинилась споръ между нами о мѣстѣ на которомъ стояла прежде сего кирка, и съ того мѣста они свою кирку свезли и поставили на иное мѣсто, которое уступилъ имъ генераль Николай Бауманъ и живописецъ Петръ Иаглицъ: и великій государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ то мѣсто подъ ту кирку справить и дать имъ данную“. Хотя по справкѣ выяснилось что Бауманъ уступилъ ту землю не по закону, такъ какъ половина ея была захвачена Булартомъ, отъ котораго оны принялъ ее, самовольно, однако наше правительство взглянуло милостиво. „Въ 1670 (7178) году января въ 18 день

ложнымъ челобитьемъ тебя, великаго государя, обогнали, безъ розыску и безъ подписной челобитной имъ тѣ денги изъ Посольскаго приказу выданы. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, про то разыскать чтобъ у меня тѣ денги напрасно не пропали, и по смыслу свой царской милостивой указъ учинить. Царь государь, смилуйся, пожалуй“. *На оборотѣ полята:* „рѣи—го марта въ ѣд день государь пожаловалъ велѣлъ про то разыскать и указъ учинить боярину Аео-насью Лаврентьевичю Ордину-Нащекину.“ *Затѣмъ другою рукою:* „Учинить по указу великаго государя“. *Далѣе идетъ Докладная свѣдѣніе изъ Дѣла.*

* Двумя требованіями въ іюнь 1670 года собственно и прекращается сплошная масса документовъ въ „Дѣлѣ Баумана“; въ немъ есть еще два документа, но о нихъ рѣчь будетъ впереди.

думный дворянинъ Прокофей Кузмичъ Елизаровъ, Семень Васильевичъ Ларионовъ, дьяки Федоръ Протопоповъ и Иванъ Рагозинъ, выписку слушавъ, велѣли... тому мѣсту быть подъ киркой и дать имъ на то мѣсто данную“. На другой день она, по государеву указу, была выдана ими „иноземцамъ полковникамъ, подполковникамъ, майорамъ, ротмистрамъ, капитанамъ, поручикамъ и прапорщикамъ, которые приходятъ въ кирку что построилъ генералъ Бауманъ“. *

При церкви была заведена школа. Чтобъ обученіе въ ней не мѣшало богослуженію, для Грегори выписали помощника, ректора Нарвской школы, Герарда Линау. По одному письму (28 января 1670 года) изъ Москвы, община, при помощи щедрого герцога Эрвста, сдѣлала ее безплатною, куда брали богатыхъ и бѣдныхъ, юношей, служанокъ, лѣтнихъ или кулачныхъ Турокъ, Татаръ, Поляковъ, холоповъ и холопокъ, и учили религіи, нѣмецкому и латинскому языкамъ, музыкѣ, счету и письму. Школа такъ быстро возрасла что надо было подумать о ея расширеніи.

Приготовили просьбу къ герцогу объ ея поддержкѣ. „Наша церковь лосымаеть, какъ мать свое новорожденное дитя, существующую при ней теперь школу ко всѣмъ прославленному христіанскому рвенію и благочестивой добротѣ вашей великокняжеской свѣтлости чтобъ она со смиреннымъ, покорнымъ челобитьемъ испытала у вашей великокняжеской свѣтлости счастье, не удастся ли ово ей такъ же хорошо какъ два года тому назадъ удалось ово ея матери-церкви. Милостивѣйшій князь и господинъ! Съ грустью и смиреніемъ вопіють теперь столь многихъ различныхъ націй дѣти, изъ устъ которыхъ Богъ хочетъ уготовать себѣ хвалу, и вопіють прежде всего къ вашей свѣтлости потому что надѣются что они скорѣе всего будутъ услышаны вами. Безподобная любовь ваша къ слову Божію, всепрославленное усердіе къ распространенію богослуженія, преудивительная любовь къ воспитанію нѣжнаго юношества, вселяютъ въ насъ такую увѣренность. И какъ же иначе вы, ваша свѣтлость, можете больше увеличить вашу славу, какъ

* Копія этой данной хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣла протестантскія, 1670, № 1, и Портфель Миллера № 199, и помѣчены 14 января 1670 (7178) года; напечатана она въ *Собраніи гос. грамотъ и договоровъ*, IV, № 69.

не при настоящемъ превосходномъ случаѣ, который вашему высочеству Господь посылаетъ изъ столь отдаленнаго мѣста? По вашей истинно христіанской щедрости возросшая въ страхъ Божию молодежь будетъ достигши полнаго возраста и разума, благодарить прахъ вашей свѣтлости за свои знанія и, съ нескончаемыми вздохами, приписывать герцогу Саксонскому Эрнсту свое христіанство. Мы такъ мало сомнѣваемся въ милостивѣйшемъ вниманіи что, напротивъ, уже представляемъ себѣ какъ ваша высококняжеская свѣтлость читаете это письмо съ христіанскими слезами радости и огорчаетесь что не можете сами своимъ милостивѣйшимъ окомъ видѣть какъ постоянно возрастаетъ и процвѣтаетъ ваше благословеніе надъ христіанскимъ юношествомъ.“

Просьба не осталась неслышанною. Эрнстъ подарилъ опять 200 талеровъ (25 апрѣля 1670 года) изъ своей собственной кассы. Онъ выразилъ притомъ желаніе получить подробное сообщеніе о томъ какимъ образомъ будутъ употреблены пожертвованныя имъ деньги, особенно въ виду слуховъ что онѣ употреблялись Бауманомъ не на церковь и не на школу.

Бауманъ отвѣтилъ (12 сентября) герцогу указаніемъ на бѣдственное матеріальное положеніе служившихъ въ Россіи военныхъ иноземцевъ, вслѣдствіе задержки и сокращенія жалованья и бунта Стеньки Разина, и просилъ не прекращать изливанія его щедротъ на Нѣмецкую націю. Герцогъ успокоился, прислалъ милостивое письмо, и община писала ему: „Признаемся что только теперь мы учимся понимать смыслъ изреченій мудраго Соломона когда онъ сказалъ въ своихъ *Притчахъ* (XIX, 12): Милость царя какъ роса на траву. Какъ прохладная роса утоляетъ жаждущую травку, питаетъ и даетъ ей ростъ, такъ и ваша великокняжеская свѣтлость посылаетъ высокую милость жаждущимъ благословенія, которое, послѣ Бога, можетъ нашему любезному юношеству подать ростъ и зелень и привести его въ цвѣтъ страха Божія, добродѣтели и знаній. Мы, приставленные воспитатели и настоятели дорогаго юношества и школы, сердечно благодаримъ за такое благословеніе, но все же мы не въ силахъ такъ благодарить какъ бы слѣдовало и лишь просимъ всеподданнѣйше чтобы вы, ваша великокняжеская свѣтлость, по своему всепрославленному благочестію, представили себѣ предъ

своими очами какъ нашимъ нѣмецкимъ школьнымъ юношествомъ вмѣстѣ съ подроставшими Татарами, Турками и другими, когда они достигнутъ зрѣлаго разума и пониманія христіанства, будетъ съ благодарностью прославлять ся почтенная память вашей великокняжеской свѣтлости, за то что вы при своей благочестивой жизни и славномъ правленіи издали простерли имъ столь могущественную руку для возрастанія въ христіанствѣ и спасеніи. Иисусъ Христосъ весьма высоко оцѣнитъ сіе въ тотъ великій день когда Онъ предъ всѣми избранными и святыми скажетъ вашей великокняжеской свѣтлости: „Я былъ страненъ и ты Меня принялъ“.

Дары герцога были употреблены на содержаніе школы, и именно на жалованье учителямъ. Герцогъ вполне одобрилъ это, потому что, какъ писалъ (5 января 1671 года) онъ по этому поводу, „истинный путь—не только уже обращенныхъ дѣтей удерживать въ душеспасительномъ познаніи Трїединаго Бога и Его откровеннаго святаго слова, но возвыщать эту высокую тайну и другимъ, еще не обращеннымъ, и такъ внушить ее тѣмъ и другимъ съ самаго ихъ дѣтства, чтобы потомъ, по милости Святаго Духа, оставаясь неизмѣнными сами, служили они къ обращенію другихъ находящихся во мракѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ повторилъ обѣщаніе помогать доброму дѣлу и впредь, приложилъ еще 200 талеровъ, въ увѣренности что эти деньги будутъ употреблены „для увеличенія славы Вышняго и распространенія Его святаго слова“, и обѣщалъ ходатайствовать за общину даже предъ другими евангелическими общинами, особенно если она сообщитъ о себѣ болѣе точныя свѣдѣнія. Ему хотѣлось знать: прочно ли общество, сколько въ школѣ учится дѣтей, къ какимъ принадлежатъ націямъ, сколько природныхъ евангеликовъ и сколько изъ другихъ націй и вѣроисповѣданій, по какой методѣ обучаются христіанскому ученію и латинскому языку и какія книги служатъ основаніемъ, сколько учителей, какое каждый получаетъ жалованье и откуда берутъ его, и пр.

Такъ какъ извѣстія подобнаго рода могли быть вредны для общины или невыгодны для Русскихъ, то герцогъ предоставилъ на волю прихода сообщить ли ихъ письменно, или еще лучше устно, съ выѣзжающими изъ Россіи.

Ни письмо, ни деньги герцогскія уже не застали въ Москвѣ Баумана, на имя котораго они были посланы: незадолго предъ тѣмъ онъ выѣхалъ за границу.

30 декабря 1670 года, государь указалъ Ордынъ-Нащокину отлучить генерала въ Данию, снабдивъ его изъ Посольскаго Приказа царскою грамотой и пасомъ, обычными въ такого рода отлучкахъ. Изъ Посольскаго Приказа наведи справку въ Пушкарскомъ о томъ когда и за что Бауманъ получалъ ловышеніе по службѣ. Свѣдѣнія эти были доставлены и изъ Пушкарскаго Приказа, и самимъ Бауманомъ, который, кромѣ того, просилъ отлучить съ нимъ до шести человѣкъ, мотивируя что всѣ они—лютеране, въ православную вѣру не крещены, на государевой службѣ не были, а служили у него добровольно, дѣтъ по пяти и больше. Просьба его была удовлетворена. На основаніи добытыхъ свѣдѣній, составлены были двѣ грамоты: одна (22 февраля 1671 года) на имя короля Христіана V, извѣщающая его о почетномъ отлучкѣ Баумана; другая (28 февраля), опасная, какъ бы въ родѣ рескрипта. Поводомъ къ отлучку выставлялось то что Бауманъ исполнялъ тѣ дѣла которыя онъ обѣщалъ устроить и до исполненія коихъ его задерживали прежде, несмотря на ходатайство покойнаго короля Фридриха. Во второй грамотѣ значилось: „Привѣщалъ къ нашему царскому величеству въ службу полковникъ Николай Бауманъ и, будучи у нашего царскаго величества въ нашемъ государствѣ, намъ, великому государю, служилъ, противъ нашихъ недруговъ стоялъ и бился мужественно, своихъ полковыхъ людей, которые у него были въ regimentъ, управлялъ, къ бою и справѣ приводилъ, и все строилъ и дѣлалъ вѣрно какъ годно шляхетному начальному человѣку. За это мы его пожаловали изъ полковника въ генералъ-поручики и изъ генералъ-поручика въ генералы, и наградили великимъ кормовымъ и денежнымъ жалованьемъ, по его достоинству. Нынѣ, по его челобитью, онъ отлученъ за море, въ Датскую земаю; и буде впредь похочетъ служить, велѣли дать ему для выѣзда въ наше царство опасную грамоту.“

Съ выѣздомъ Баумана, какъ самаго выдающагося лица противъ котораго велась борьба, ссоры нѣсколько поутихли, но не прекратились. Подобно тому какъ прежде вѣтхимъ поводомъ служили присылаемые изъ Германіи денежные пособія, такъ теперь возбудили споръ присылаемые Эрнстомъ двѣсти талеровъ. За отсутствіемъ главы общины, Баумана, кулцы, безъ предварительнаго указанія, не хотѣли выдать денегъ оставшимся ея представителямъ.

Впрочемъ, тѣ же споры, во время которыхъ протестанты такъ часто обращались за содѣйствіемъ правительства, ближе ознакомили съ иноземцами нѣкоторыхъ нашихъ наиболее вліятельныхъ лицъ. Они по необходимости присмотрѣлись къ населенію Слободы и ея внутреннему быту; изъ иноземцевъ стали извѣстны не одни кулцы и служилые люди, но и ласторы, школьные учителя. Особенно должны были выдвигаться люди Баумановской партіи, какъ наиболее смысловые, и изъ нихъ по преимуществу личность служившая правою рукой Бауману, ласторъ Грегори и его цвѣтущая школа. Въ Германіи было въ обычаѣ чтобы въ школахъ дѣти разыгрывали какія-нибудь піесы; быть-можетъ, что-нибудь подобное было и въ школѣ при Баумановской киркѣ. Самъ Грегори былъ хорошо знакомъ съ современнымъ ему положеніемъ драмы въ Германіи. * Не довольствуясь различными домашними играми драматическаго характера, „отецъ и другъ Нѣмцевъ“, всецѣльный Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ думалъ тогда объ устройствѣ у себя и при Дворѣ театра на европейскій образецъ. Сторонникъ Баумана, полковникъ Николай фонъ-Штаденъ, былъ посланъ (15 мая 1672) имъ за границу для найма годныхъ для того лицъ: музыкантовъ, танцовщиковъ и комедіантовъ; но вѣтерлѣивый вельможа, не дожидаясь его пріѣзда, поручилъ Грегори написать комедію и разучить ее въ его школѣ. Грегори исполнилъ его желаніе, написалъ траги-комедію *Юдишь и Олофернъ*. Шестьдесятъ четыре мальчика, частью русскіе, но большинство иностранцы, дѣти офицеровъ и кулцовъ, нѣсколько мѣсяцевъ разучивали ее, по-нѣмецки и по-русски. Труды Грегори раздѣляли его помощникъ по обученію въ школѣ, учитель Лаврентій Рингуберъ, русскому языку обучалъ Юрій Михайловъ, кулисы рисовалъ извѣстный намъ живописецъ Петръ Инглисъ, уступившій часть своего участка подъ Баумановскую церковь. Вотъ какъ очевидецъ Рингуберъ описываетъ впечатлѣніе произведенное на государя первымъ представленіемъ. „Представленіе состоялось 17 октября 1672 года (въ Преображенскѣ). Пораженный имъ царь проглядѣлъ цѣлыхъ десять часовъ, не вставая съ мѣста. Навѣрное, это будетъ началомъ

* Н. С. Тихонравовъ, *Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра*. М. 1873.

нашего счастья. * Царь выразилъ свою милость автору и сыну Блюментроста, лучше всѣхъ другихъ исполнившему свою первую роль. Въ тотъ же день царскій посолъ Петръ Менезіусъ пригласилъ меня быть ему солутникомъ, и я получилъ отъ Артамона Сергѣича отлускъ.“

За границей Рингуберъ сталъ лицомъ отъ котораго получали свѣдѣнія о заинтересовавшихъ тамъ при Бауманѣ дѣлахъ Московской общины. Желаніе герцога Эрнста подробнѣе знать объ общинѣ, выраженное имъ въ указанномъ выше письмѣ (5 января 1671), удовлетворено пока не было. Въ благодарственномъ письмѣ (31 іюля 1671 года) было обѣщано ему окончательный отвѣтъ сообщать чрезъ уѣзжающихъ купцовъ; но объ этомъ сохранилось лишь случайное упоминаніе что письма которыя Грегори написалъ къ герцогу и въ коихъ изобразилъ состояніе евангелической школы въ Слободѣ попали въ руки враговъ. Провѣдомъ Рингубера чрезъ Саксонію Эрнстъ и пожелалъ воспользоваться для исполненія недостающихъ ему свѣдѣній. Самъ Рингуберъ, находясь въ Дрезденѣ, написалъ герцогу письмо (10 марта 1673 года), въ которомъ, сообщивъ нѣсколько данныхъ о положеніи дѣлъ въ государствѣ и случаевъ изъ жизни Блюментроста, Грегори и своей, и между прочимъ о первомъ представленіи *Юдиои и Олоферна*, просилъ сложить недоимку съ небольшого имѣнница его вдовы-матери, жившей въ мѣстечкѣ Лукасъ, близъ Альтенбурга. Охотно согласившись на это, герцогъ поручилъ (въ письмѣ изъ Фриденштейна, 18 марта) своему секретарю и председателю Альтенбургской консисторіи Іогану Томѣ, находившемуся тогда въ Дрезденѣ, не только передать объ этомъ Рингуберу, но и предложить ему не возьмется ли онъ исполнять желательныя герцогу различныя порученія касающіяся Московской лютеранской общины. Тома предложить Рингуберу не успѣлъ, потому что тотъ уѣхалъ вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ въ Вѣну ранѣе чѣмъ было получено герцогское письмо. Тогда герцогъ написалъ (Фриденштейнъ, 28 марта) къ своему вѣнскому агенту Прауну. Этотъ переговорилъ съ Рингуберомъ и предложилъ

* Прежде рѣчь шла о бѣдственномъ положеніи Лаврентія Блюментроста, которому все еще не дозволялась медицинская практика, о Грегори и о самомъ Рингуберѣ, не получавшемъ обѣщаннаго ему Грегори за обученіе въ школѣ жалованья.

ему для отвѣта присланные отъ герцога вопросы; послѣдніе были составлены Рудольфомъ, авторомъ извѣстнаго тогда сочиненія объ Абиссиніи, проектировавшимъ устройство пути въ Абиссинію чрезъ Россію. Рингуберъ охотно согласился исполнить порученіе.

Вопросы герцога Эрнста и отвѣты на нихъ Рингубера характеризуютъ не только то чѣмъ собственно интересовались тогда въ Саксоніи, но и довольно многосторонне хотя и не безпристрастно обрисовываютъ тогдашнее состояніе жившихъ въ Россіи протестантовъ.

1) „Ковчались ли споры евангелическаго духовенства и настоятелей церкви?“ спрашивали Рингубера. Онъ отвѣтилъ: Хотя спорное ихъ дѣло давно уже порѣшено въ Царской тайной канцеляріи (то-есть въ Посольскомъ приказѣ), однако старая вражда еще осталась, почему они всѣ очень дурно одинъ про другаго говорятъ и клеветуютъ.“

2) „Исполняетъ ли магистръ Грегори опять свою должность безъ противодѣйствія?“—Онъ отправляетъ богослуженіе въ своей церкви, какъ и слѣдуетъ ревностному духовному отцу, и до сихъ поръ прилежно старается водворить дружбу между евангелическими пасторами, однако его не слушаютъ, каждый живетъ по себѣ и не ищетъ его дружбы.

3) „Есть ли у реформатовъ своя церковь?“—Есть, и уже очень давно, также и свой старый пасторъ Кравинкель съ двумя другими; живутъ они мирно, богослуженіе у нихъ процвѣтаетъ, въ Царскую канцелярію ходятъ рѣдко, не то что евангелики, которые въ продолженіе шести лѣтъ вели много большихъ споровъ.

4) „Исправно ли получается въ Москвѣ subsidia charitativa его княжеской свѣтлости, которыя онъ не разъ посылалъ туда въ помощь евангелическимъ церквамъ?“—Насколько мнѣ извѣстно, они никогда не достигали Москвы, но постоянно давалось знать что она оставалась въ Гамбургѣ; такъ начальникъ школы лишь недавно получилъ въ Гамбургѣ свои деньги за три года.

5) „Въ хорошемъ ли состояніи находятся школы и обученіе дѣтей?“—Послѣ того какъ генералъ Бауманъ ушелъ въ Германію, два полечителя, подполковникъ Циммерманъ и г. Христіанъ Эйхлеръ, сложили съ себя должность и г. Багерахъ, лучшій человекъ, померъ, а остальные старшины, подполковники Росформъ, Мейеръ и Либенау, о школахъ заботятся

мало. По просьбѣ Грегори я поддерживалъ ее, иначе дѣти разбѣжались бы. Съ мая 1672 года до октября я, по приказу его царскаго величества, долженъ былъ приготовить къ представленію комедіи. Но кто теперь обучаетъ, не знаю.

6. „Обращаются ли въ нашу евангелическую вѣру нѣкоторые иностранцы изъ язычниковъ или другихъ націй?“—Иногда нѣмецкими господами посылаются для святаго крещенія татарскія или калмыцкія дѣти привезенныя офицерами въ Москву въ качествѣ плѣнниковъ; такихъ я знаю пять или шесть. Нѣмецкіе господа посылаютъ въ школу также разнаго рода рабовъ.

7. „Сколько евангелическихъ церквей находится теперь въ Россіи?“—Иностранныхъ кирокъ нѣтъ въ Россіи нигдѣ кромѣ Московскои Нѣмецкой Слободы. Теперь тамъ три евангелическія: 1) Старонѣмецкая церковь, при которой г. Фадемрехтъ и еще проповѣдникъ Александръ Юнгъ; 2) церковь магистра Грегори, въ которой онъ служитъ одинъ, и 3) церковь пастора Фокерота гдѣ иногда служитъ Александръ Юнгъ.

Вмѣстѣ съ отвѣтомъ на эти вопросы Рингуберъ написалъ (15/25 апрѣля 1673 года) изъ Вѣны другое письмо на имя Іоганна Оомы. Въ этомъ письмѣ, указавъ на дѣла Баумана * и число лютеранскихъ церквей, причемъ церковь Грегори названа имъ Новонѣмецкою, онъ добавляетъ: „Реформаты, Англичане, Шотландцы и Голландцы имѣютъ свой храмъ, съ пасторомъ Кравинкелемъ. Всѣ эти пасторы ненавидятъ другъ друга. Магистръ Грегори предлагалъ имъ собраться на совѣщаніе для рѣшенія церковныхъ дѣлъ чтобы не вселять недоверія къ своей религіи рѣшая дѣла въ русскихъ канцеляріяхъ. Онъ однако ничего не добился. Нѣкоторые провинциальные люди опасаются что отправление религиозныхъ обязанностей будетъ нѣкогда у иностранцевъ отнято и храмы будутъ разрушены. Боже милостивый! Сколько убійствъ, прелюбодѣяній съ замужними и незамужними женщинами доходитъ до суда и рассматривается въ канцеляріяхъ и судахъ русскихъ, и тѣмъ отвращается отъ иностранцевъ расположеніе вельможъ. Я укажу на нѣсколько такихъ случаевъ, по которымъ можно судить и объ остальныхъ. Нѣкій Датчанинъ или житель

* О немъ онъ отзывался: „Это позорное дѣло я не рѣшаюсь передать ни на словахъ, ни на бумагѣ“.

Гамбурга, евангелическаго вѣроисповѣданія, былъ женатъ на молодой сестрѣ какого-то полковника и въ то же время прижилъ дѣтей со сволочницей, которая, какъ незамужняя, жила въ его домѣ... Еще одинъ держалъ на жалованьѣ разбойниковъ слугами, у многихъ несчастныхъ они отняли жизнь и имущество; благодаря взяткамъ этотъ разбойникъ оказался невиннымъ, и это одинъ изъ именитыхъ Германцевъ. Упоминаемые случаи самые новые. Магистръ Грегори указывалъ на все безобразіе этихъ фактовъ, настаивалъ что такихъ лицъ не садуетъ терпѣть въ приходѣ, и что надобно устроить церковный совѣтъ. „Нужно оставить по старому“, отвѣчали старѣйшіе; другіе: „вѣдь не всѣ такіе“; виновные: „что мнѣ смѣютъ сказать пасторы?“ * Остальные проповѣдники не обращали вниманія. Вотъ что происходитъ въ Россіи. Обстоятельства тяжелыя“. Въ заключеніе Рингуберъ просилъ „ради Бога“ не разглашать о сообщенномъ, иначе ему нельзя будетъ жить въ Россіи, и обѣщалъ перевести „Уложеніе“ и написать подробное сочиненіе о церковномъ и политическомъ состояніи Россіи.

На возвратномъ пути Рингуберъ былъ въ Готѣ, у герцога Эриста. Герцогъ лично убѣдился насколько Рингуберъ могъ удовлетворять его любознательности относительно Россіи и жившихъ въ ней лютеранъ, и послалъ съ нимъ грамоту къ царю и письма боярину А. С. Матвѣеву и лютеранской общинѣ. Предъ Алексѣемъ Михайловичемъ онъ повторилъ прежнее ходатайство о религіозномъ покровительствѣ своимъ жившимъ въ Россіи единовѣрцамъ; Матвѣева убѣдительно просилъ воспользоваться своимъ вліяніемъ на царя чтобы царская милость къ Германцамъ не прекращалась и чтобы они на дѣлѣ пользовались ладами герцогскаго заступничества; лютеранъ убѣждалъ прекратить ихъ споры и установить общій христіанскій домашній, школьный и церковный порядокъ.

Послѣднее письмо было прочтено (5 іюля 1674) московскими лютеранами въ присутствіи трехъ ихъ пасторовъ, причемъ Рингуберъ сообщилъ что герцогъ обѣщаетъ не только пожертвовать неприсланныя имъ за послѣдніе три года деньги, но и ходатайствовать о пособіи и у другихъ нѣмецкихъ владѣ-

* Responsum fert a senioribus: Wir mötens bin olden blifen laten!, et ab aliis: D'is nie met all, et a delinquentibus: wat hefft mi de pape tho seggen? S. 48.

телей и что въ Бранденбургѣ уже собраны 1.000 рейхста-леровъ. Такое участіе лицъ постороннихъ, по извѣстію Рингубера, произвело на присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе: у многихъ навернулись слезы, иные выразили раскаяніе въ томъ что были виновниками соблазна. Положили обсудить дѣла на общемъ собраніи, но на послѣдовавшихъ по этому поводу трехъ засѣданіяхъ не пришли ни къ какому рѣшенію, кромѣ того чтобы каждый пасторъ описалъ герцогу состояніе своей церкви. Лютеране скоро опять обратились къ своимъ счетамъ, такъ что курфюрстъ и герцогъ Саксонскіе считали полезнымъ ходатайствовать за нихъ предъ нашимъ правительствомъ и значительно лодѣше; послѣдній разъ въ XVII вѣкѣ они ходатайствовали чрезъ того же Рингубера въ 1688—1684 годахъ. Слоры значительно поулеглись лишь послѣ смерти Грегори и Фадемерхта, когда Фокероть былъ приглашенъ къ Старой лютеранской киркѣ, а его собственный приходъ не взявъ себѣ новаго пастора и распался, частію послѣдовавъ за своимъ прежнимъ пасторомъ, частію примкнувъ къ церкви Баумана, какъ лучше обставленной. Одна церковь такимъ образомъ осталась безъ прихода и закрылась; къ другой, Баумановской, на мѣсто умершаго Грегори былъ призванъ въ пасторы Петръ Ранъ. Съ этого времени эти двѣ кирки постоянно носили названіе Старой и Новой, и въ концѣ вѣка были перестроены въ каменные. Въ нихъ бывалъ Петръ.

Ранъ отличался краснорѣчіемъ и заслужилъ благоволеніе слушателей. Неудивительно поэтому что Фокероть перенесъ свою неприязнь къ Грегори и на его преемника и постоянно противодействовалъ его церкви. Приобрѣтшій важное вліяніе на дѣла общины, Блюментростъ выступилъ было со своимъ проектомъ (11 мая 1677 года) о церковномъ устройствѣ. * Его проектъ повидимому принять не былъ, но и Фокероть не находилъ уже прежней жаркой поддержки. Укрѣплявшіяся связи правительства, при Θεодорѣ и Софіи, съ католиками и усиливавшіяся репрессіи относительно „Нѣмцевъ“ побудили протестантовъ быть слаочевающе.

Наломивъ о себѣ и Бауманъ. Путешествіе Менезіуса, въ свитѣ котораго находился Рингуберъ, было вызвано желаніемъ

* См. изд. нами *Памятники къ исторіи протестантства въ Россіи*, I, № IX и *Предисловіе* къ нимъ.

Алекси́я Михайловича организовать союзъ противъ Турціи. Съ этою цѣлью Менезіусъ былъ посланъ въ Германію и Италію, Вивіусъ въ Англію и Францію и Украинцевъ въ Скандинавію. Какъ только послѣдній достигъ Копенгагена, Бауманъ тотчасъ же послѣдовалъ пріѣхать сюда изъ Любека чтобы видѣться съ нимъ. Украинцевъ обѣщала побывать у него въ Любекѣ и оставить тамъ у него часть своихъ вещей. Давнымъ случаемъ и воспользовался Бауманъ какъ поводомъ для своего письма (изъ Копенгагена отъ 4 апрѣля 1673 года) къ А. С. Матвѣеву. Увѣдомляя его о томъ, онъ передавалъ о пріятномъ впечатлѣніи произведенномъ Украинцевымъ при Датскомъ дворѣ и, въ виду подготавливаемой войны Россіей, предлагалъ свои услуги. Онъ увѣрялъ что готовъ служить царю, несмотря на весьма лестныя ему приглашенія отъ другихъ государей, и притомъ желаетъ служить ему несравненно охотнѣе чѣмъ всѣмъ другимъ, исполняя все что на потребу отъ высшихъ и низшихъ офицеровъ, и просилъ благосклоннаго отвѣта. Датскій резидентъ передалъ (10 мая) письмо по назначенію; но посланъ ли на него какой отвѣтъ неизвѣстно; по видимому, нѣтъ. * Прошло болѣе года, какъ Матвѣевъ почему-то пожелалъ навести справку о прежнемъ Баумановомъ дѣлѣ; быть-можетъ, на то побудилъ его возвратившійся изъ-за границы Украинцевъ. Изъ Посольскаго Приказа была послана въ Пушкарскій Приказъ память: „Указалъ в. г. ц. и в. кн. Алексѣй Михайловичъ отлосать въ Посольскій Приказъ къ боярину къ Артамоу Матвѣвичу, да дякамъ: къ думному къ Григорію Богданову, Василью Бобинину и Емельяну Украинцеву, челобитье генерала Николая Бовмана о кирочномъ строеньи, что въ Ново-Нѣмецкой Слободѣ, въ которомъ году, одново ли или съ иными его братьями иноземцами было и каковъ великаго государя указъ на то его генералово челобитье о томъ кирочномъ строеньи“. Такъ какъ дѣло разбиралось собственно не въ Пушкарскомъ, а Посольскомъ Приказѣ, то естественно что оттуда было отлосано **: „Въ Пушкарскомъ Приказѣ о кирочномъ

* Нѣмецкій подлинникъ письма хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію, 1673, № 6, безъ перевода и безе всякихъ замѣтокъ, кромѣ одной: „Рѣн мая въ 1 день листъ подалъ датской резидентъ; писалъ отъ Николая Бовмана къ Артамоу Сергѣевичу Матвѣеву“.

** Эти „Память“ и „Отписка“ лежатъ въ дѣлѣ Баумана.

строены въ Ново-Нѣмецкой Слободѣ челобитья генерала Николая Бовмана и иныхъ иностранцевъ ничего не бывало.“

Свою попытку Бауманъ возобновилъ послѣ паденія Матвѣева, отправивъ (изъ Гамбурга 27 марта 1679 года) длинную просьбу * къ царю Федору Алексѣевичу. Такъ какъ, писалъ онъ, между Римскимъ цесаремъ и королемъ Французскимъ заключенъ миръ, то наступило царю самое удобное время набрать въ свою службу искусныхъ нѣмецкихъ начальныхъ людей вмѣстѣ съ нѣсколькими тысячами, и еслибы государь потребовалъ и его, Баумана, для устройства войска въ полѣ, то онъ готовъ служить ему. „А какія славныя службы я совершилъ въ пятнадцать лѣтъ, на службѣ вашего царскаго величества достойнѣйшаго отца, про то еще всякому извѣстно; я охотно бы продолжилъ ихъ, но три года мнѣ не давали жалованья (?), и я принужденъ былъ покорнѣйше искать и воспріять свое освобожденіе. Однако за учиненную милость (?) неизмѣнно пребываю я при вѣрномъ моемъ обѣщаніи и отъ сердца желаю чтобы, при настоящемъ тревожномъ положеніи, могъ служить вашему царскому величеству и государству вашему совѣтомъ, дѣломъ и кровію своею, потому что имѣю великое хотѣніе исполнить славной воинской походъ противъ Турокъ.“

Результатъ былъ, повидимому, тотъ же. Баумановская партія сошлась ближе съ Матвѣевымъ, и если Бауману не удалось получить право на возвращеніе тогда, при Матвѣевѣ, то теперь, по паденіи всецарскаго боярина, это было еще труднѣе. Баумана могли считать также приверженцемъ Матвѣева; между тѣмъ если и на всѣхъ вообще „Нѣмцевъ“ стали смотрѣть въ правительственныхъ сферахъ менѣе благосклонно, то пользовавшіеся благоволеніемъ Матвѣева, по словамъ Рингубера (23 мая 1678 года), были въ прямомъ загонѣ. Къ тому же Бауманъ уже слишкомъ постарѣлъ чтобы можно было ожидать отъ него большой пользы. Поднявшаяся изъ-за него буря въ Слободѣ еще не улеглась, и не въ интересахъ правительства было снова раздувать страсти ея жителей. Въ самомъ приѣмѣ просившихся на государеву службу иностранцевъ наблюдалась бѣлая сдержанность. Люди Баумановской партіи возвратили себѣ силу уже при Петрѣ.

ДМ. ЦВѢТАЕВЪ.

* Моск. Гл. Архивъ Мин. Ив. Дѣлъ, Выѣзды въ Россію 1679 года, № 3, свитокъ 11.

БЕЗДНА*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Размановой

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

XVIII

Въ ней были всецѣльныя чары,
Была непомятая власть.

Лермонтовъ.

— Какое у этой барыни тамъ „доброе дѣло“ о которомъ вы должны передать мнѣ? спросилъ Борисъ Васильевичъ своего спутника, когда коляска ихъ выѣхала изъ Сидкаго.

— Она, говорила мнѣ, желаетъ учредить въ городѣ школу для дѣвочекъ, отвѣталъ со слабою усмѣшкой Гриша.

— Вотъ какъ! Которою сама она будетъ руководить? съ невеселою усмѣшкой примолвилъ Троекуровъ.

Гриша насмелованно усмѣхнулся тоже:

— Она дѣйствительно хочетъ быть тамъ попечительницей и лучшимъ изъ выходящихъ думать давать приданое.

— Поздравляю тѣхъ кому достались бы въ жены эти воспитанницы госпожи Сусальцевой... Но полагаю что изъ ея

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 3, 4, 7, 9 и 11 1863 года и №№ 5, 6, 7, 8, 9 и 10 1864 года.

намѣренія ничего не выйдетъ и что на счастье нашихъ мѣщанокъ она забудетъ объ ихъ *цивилизаци*... А вы тутъ причеми? спросилъ онъ чрезъ мигъ.

— Ей представилось что я ей необходимъ какъ исправляющій должность предводителя, для содѣйствія ея плану, какъ-то особенно торопливо успѣшилъ сказать молодой человекъ.

Собесѣдникъ его примолкъ на минуту:

— Вы слышали или нѣтъ, началъ онъ опять,—что говорилъ этотъ Knobъ-губернаторъ за столомъ относительно экстреннаго собранія дворянства для выбора предводителя вмѣсто Павла Григорьевича?

— Слышалъ, какъ же; онъ говорилъ достаточно громко для этого.

— И поняли для чего это было сказано?

— Какъ не понять, Борисъ Васильевичъ: известной парти, которой этотъ господинъ видимо покровительствуетъ, хочется устранить меня скорѣе отъ исправленія этой должности и затѣмъ не допустить чтобы меня выбрали. Интрига по увѣзду ведется очень бойко въ пользу ея кандидата.

— Луландина?

— Да; имъ руководить, какъ говорилъ мнѣ всезнающій Николай Ивановичъ, наглецъ этотъ Свищовъ...

— Знаю.

— Съ губернаторомъ они знакомы были еще въ Петербургѣ, служили вмѣстѣ, и Николай Ивановичъ увѣряетъ что тотъ изъ Сицкаго долженъ проѣхать къ этому графу въ усадьбу, провести тамъ нѣсколько дней.... Все это, главное, ведется въ виду известной вамъ желѣзной дороги, противъ которой батюшка и вы высказались прямо, между тѣмъ какъ для весьма многихъ въ увѣздѣ она представляется источникомъ великихъ выгодъ.

— Да, единомыслие со мною въ настоящую пору вообще не разчетливо, пролическимъ тономъ промолвилъ на это Трокурровъ и не раскрывалъ рта болѣе во всю дорогу.

Въѣзжая на широкій дворъ Всѣхсвятскаго, они увидѣли Машу, сидѣвшую на крыльцѣ съ Анфисой Дмитриевной Фирсовой. Она видимо поджидала ихъ, кинулась съ мѣста обвинять отца, едва успѣвъ онъ выйти изъ коляски, крикнувъ ему: „Мама гораздо лучше, она сидитъ у себя съ Васей и Вячеславомъ Хлодоміровичемъ“,—и тутъ же быстро обернувшись

на Юшкова, влилась глазами въ его лицо и спросила, стараясь выговорить это какъ можно „проще“ и беззаботнѣе:

— Что, весело вамъ было тамъ въ княжскихъ палатахъ *madame de Soussaltzeff*?

— Очень, чрезвычайно! насмѣшливо напиралъ онъ, пожимая и не выпуская ея руки изъ своей, между тѣмъ какъ отецъ ея направился въ покои Александры Павловны.

— Пиръ былъ на весь мѣръ, воображаю, *les petits pots dans les grands*, говорила она тѣмъ же тономъ, продолжая долбитываться въ его лицѣ того „настоящаго“ впечатлѣнія какое онъ могъ вывести изъ Суцкаго.

Но онъ, „что бы тамъ ни произошло съ нимъ“, онъ—„она читала это теперь на лицѣ его какъ въ книгѣ“—былъ такимъ „какимъ она всегда желала его видѣть.“ счастливый, оживленный, веселый. И у самой у нея на душѣ стало вдругъ такъ свѣтло, такъ лучисто свѣтло... Но не показывать же это ему прямо, „еще *засмается* пожалуй“..

— Посмотрите на него, обернулась она къ Фирсовой,—какимъ онъ глядитъ именинникомъ.

— Радъ что вернулся, засмѣялась та.

— Совсѣмъ нѣтъ; радъ что былъ тамъ, что видѣлъ, что слышалъ райскій голосъ.

— Ну ужъ „райскій“ совсѣмъ тутъ не къ предмету, Машенька, замѣтила Анфиса Дмитриевна.

— А онъ находить... Не правда ли, вѣдь вы находите, Гриша?..

— Что нахожу?

— Что „лучше Олимпиады Самсоновны барышни на свѣтѣ нѣтъ“, какъ говорится въ этой пѣснѣ Островскаго которую я видѣла въ Москвѣ, хотѣла Маша.—О чемъ у васъ съ нею были разговоры, говорите сейчасъ, приставаала она къ нему.

— Она перецеголять васъ намѣревается по части науки, смѣялась она тоже:—школу женскую хочетъ завести въ городѣ, съ приданнымъ вмѣсто похвального листа за успѣхи ученицъ.

— И васъ приглашаетъ быть у нея помощникомъ? живо выговорила дѣвушка безо всякаго уже смѣха веселости.

— Почему вы знаете? вскрикнулъ онъ съ удивленіемъ.

— Какъ трудно догадаться!.. Вотъ видите! обернулась она еще разъ къ Фирсовой,—я знала напередъ что она непремѣнно ужъ что-нибудь выдумаетъ.

— Такъ мало ли что!

И Анфиса Дмитріевна пожала плечами:—Съ тѣмъ и остается.

Гриша взялъ опять обѣ руки Мати въ свои.

— Ну что, скажите, могла бы она „выдумать“ о чемъ бы стоило вамъ безлокоуться?

Но она перебила его и даже ножкой толкнула.

— Нисколько я не безлокоюсь, и не воображайте пожалуйста! Но я знаю что она будетъ дѣлать все чтобы привлечь васъ въ свой „cercle d'attraction“, comme on dit, и отвести отъ насъ, отъ лала. Имъ это теперь нужно... Вотъ тутъ сейчасъ Николай Ивановичъ былъ и мы говорили съ нимъ... Противъ лала поднимають всѣхъ въ уздѣхъ теперь, противъ его вліянія.

— Такъ что же вы думаете, вскрикнулъ Гриша морща брови,—что я поддамся на эту интригу!

— Еще бы вы поддались! Но вы... вы... Я не знаю, но ужъ она навѣрно не безъ какой-нибудь таинваіе аггіеге - pensée ищеть теперь... дружбы съ вами, подчеркнула Мата съ какою-то особенною, тревожно звучащею интонаціей.

— И конечно, сказалъ Гриша,—если допустить что она дѣйствительно ищеть этого, а не просто, безо всякой хорошей или дурной задней мысли, минутнаго расхіянія отъ все той же, какъ я могъ замѣтить, снѣдающей ее внутренно скуки и тоски... Нѣтъ, Мата, вскрикнулъ онъ въ какомъ-то мгновенномъ восторженномъ порывѣ и глаза его нѣжно устремились на дѣвушку,—а провелъ тамъ три часа точно подъ душою ледяной воды, падавшей мнѣ капля за каплей на голову и отъ которой всѣ нервы мои приходили въ судорожное содроганіе. И вотъ вижу васъ опять, и снова мнѣ легко и сладко дышать, и опять чувствую себя бодрымъ, здоровымъ, вѣрующимъ...

Онъ говорилъ искренно, ото всей души, забывая въ эту минуту, подъ лучами этихъ дѣвственныхъ, любовно и тревожно глядѣвшихъ на него глазъ, что тамъ, къ тѣмъ „ледянымъ“ каплямъ падавшимъ ему на голову примѣшивалась еще иная струя, струя соблазна, и шелтали внутри его презрительные звуки о его „ничего не испытывшемъ до сихъ поръ улиточною существованіемъ“.

— Богъ съ ней, не нужно мнѣ ихъ никого, горячо продолжалъ онъ,—лишь бы мы попрежнему были друзьями, моя честная, чистая Мата!

Прелестное лицо ея все разцвѣло опять.

— *Ворона и лисица*, басня Крылова. Ворона выхожу я, вѣдь такъ, Анфиса Дмитриевна, а онъ лисица.

Какія перышки, какой воскъ,
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!

— Ну ужъ на лису-то вовсе не похожъ, закачала смѣясь головой Фирсова.

— Нѣтъ, нѣтъ, не похожъ, я шучу, Гриша! воскликнула Маша вскидывая вверхъ свои бѣлыя, нѣсколько большія и длинныя руки и роняя ихъ на плечи молодого человѣка, — вы у насъ бѣленькій, добренькій, мягонькій какъ овечка Божія!

Антонина Дмитриевна Сусальцева между тѣмъ, вопреки чаянiю Троекурова, была повидимому рѣшительно намѣрена заняться „цивилизацией“ женскаго населенiя города ***. Для четырехъ послѣ известнаго намъ обѣда въ Сицкомъ, Гриша Юшковъ получилъ отъ нея записку на изящномъ, цвѣта „verre d'eau“, листкѣ, съ изображенiемъ на заголовкѣ его бѣлосмѣжной голубки съ письмомъ въ клювѣ и девизомъ „Vole et reviens vite“, въ которой говорилось на изысканно шутливомъ французскомъ языкѣ что „замокъ ея опустѣлъ послѣ отъѣзда разлетѣвшихся изъ него гостей и что она, свободная теперь духомъ и *движенiемъ* (libre d'esprit et de mouvement), желаетъ облечь въ плоть (donner corps) то зародившееся у нея въ идеѣ предположенiе о которомъ она говорила ему при послѣднемъ ихъ свиданiи, вслѣдствiе чего просить его прибыть къ ней безъ отговорокъ и не откладывая (sans faute ni retard) для необходимыхъ объ этомъ переговоровъ“. Гриша прочелъ эту записку медленно, строку за строкой, перечелъ ее еще разъ, словно желая удержать каждое изъ выраженiй ея въ памяти, но вдругъ затѣмъ нервно порвалъ ее въ мелкiе куски и вышвырнулъ ихъ въ открытое окно, а посланному красивой барыни велѣлъ передать на словахъ что „очень извиняется не имѣя возможности отвѣчать ей письменно, такъ какъ сейчасъ ѣдетъ въ городъ и никакъ не можетъ общать быть въ скоромъ времени въ Сицкомъ вслѣдствiе занятiй по должности, требующихъ постояннаго присутствiя его въ городѣ“... „Пусть называетъ меня неучемъ“, сказалъ себѣ при этомъ Гриша, „а такъ по крайней мѣрѣ разомъ конецъ будетъ!“ Антонина Дмитриевна, получивъ

этотъ словесный отвѣтъ, не назвала его никакъ; губы ея только слегка дрогнули и сложились въ недобрую усмѣшку.

Прошло еще нѣсколько дней. Гриша сидѣлъ однажды часу въ третьемъ полудни на городской квартирѣ, издавна занимавшейся отцомъ его въ домѣ гдѣ помѣщалась и дворянская опека, съ секретаремъ которой временный предводитель въ эту минуту занимался бумагами. Они сидѣли другъ противъ друга за письменнымъ столомъ помѣщавшимся между двухъ оконъ выходящихъ на улицу. День былъ чудесный, солнце лежало, и на половину спущенныя въ огражденіе отъ лучей его темныя зеленыя шторы надувались и шелестили подъ взрывами набѣгавшаго въ открытыя окна отъ времени до времени вѣтра.

Легкій грохотъ подѣхавшаго экипажа отвлекъ вниманіе обоихъ отъ лежавшихъ предъ ними *отпусковъ* и *отношеній*.

Секретарь опеки, молодой человекъ со взерошенною „чортотъ“ шевелюрой, какія только встрѣчаются въ провинціи, быстро откинулся съ мѣста головой къ окну, подсунулъ ее подъ стору и выглянулъ на улицу.

— Барыня какая-то, великолѣпная! объявилъ онъ шепотливо и послѣшно, такъ же быстро оборачиваясь ликующимъ лицомъ къ своему начальнику.

И въ то же время донесся до Гриши женскій голосъ, спрашивавшій громко:— Григорій Павлычъ Юшковъ здѣсь живетъ?

Нервная дрожь пробѣжала у него по спинѣ. Онъ трепетною рукой поднялъ стору на своемъ окнѣ, выглядывая изъ него въ свою очередь.

Антонина Дмитріевна Сусальцева въ низенькомъ, обитомъ внутри темно-малиновымъ атласомъ соломенномъ портшезѣ, залраженномъ ларою пони модной *соловой* масти, съ коротко остриженными гривами и букетами свѣжихъ розъ подъ ушами, держа въ одной рукѣ вожжи, а въ другой длинный бичъ съ высокою рѣзною рукояткой изъ слоновой кости, между тѣмъ какъ чуть видный отъ земли грумъ въ подобающей ливреѣ соскакивалъ съ задняго сидѣнья и ухватывалъ досквившихся какъ зеркало лошадокъ ея подъ узды,— Антонина Дмитріевна, въ круглой шляпкѣ съ лѣтчимъ леромъ на боку, въ *джерси* тѣсно охватывавшемъ роскошныя очертанія ея бюста, вся зарумянившаяся отъ вѣды и воздуха, предстала предъ нимъ во всемъ очарованіи своей вызывающей и самонадѣянной красоты. Она подняла глаза и увидѣла его:

— Вы знаете что сказал Магометъ, когда гора отказалась двинуться на его зовъ, крикнула она ему со смѣхомъ снизу:— вотъ я и сама явилась, пожалуйста.

„Господи!“ досадливымъ взрывомъ сказалось внутри молодого человѣка, между тѣмъ какъ гораздо болѣе юный секретарь его спрашивалъ черезъ столъ все тѣмъ же шелотомъ и восторженно сіяя широко раскрытыми глазами:

— Кто эта богиня, Григорій Павлычъ?

Онъ не отвѣчалъ ему, нахлобучилъ сердитымъ движеніемъ шляпу на голову и вышелъ на крыльцо.

— Что угодно вамъ, Антонина Дмитриевна? спросилъ онъ, подходя къ ней и кланяясь съ холодною учтивостью.

Она отодвинулась къ другому углу портшеза, и указавъ кивкомъ на опроставшееся подлѣ себя мѣсто:

— Садитесь! сказала она.

— Куда это? спросилъ онъ недоумѣвая.

— Развѣ объ этомъ спрашиваютъ quand une jolie femme vous fait l'honneur de vouloir vous enlever? засмѣялась она;— садитесь!

— Извините, сказалъ онъ нѣсколько раздраженнымъ тономъ,— я занятъ, мнѣ рѣшительно невозможно...

Секретарь олеки, прислушивавшійся къ этому разговору изъ окна и котораго видъ „великолѣпной барыни“ приводилъ все въ большее и большее восхищеніе, провелъ послѣднюю рукой по растрепаннымъ своимъ вихрамъ и стараясь придать какъ можно болѣе развязности и „свѣтскаго тона“ выраженію лица своего и рѣчи, крикнулъ ему сверху:

— Не безпокойтесь, Григорій Павлычъ, остальную *корреспонденцію* мы можемъ отложить до завтра, не къ спѣху.

Сусальцева подняла на мигъ глаза на говорившаго, чуть-чуть кивнула ему, какъ бы благодаря, и обернулась, сдвинувъ брови, на Юшкова:

— Вы видите! Ne faites donc pas l'enfant, примолвила она влогодоса,— c'est ridicule!

Онъ повиновался угрюмо и безмолвно.

— На мѣсто! скомандовала красивая барыня груму, собирая вожжи.

Мальчикъ послѣднюю любѣжалъ къ своему сидѣнью.

Лошадки тронули и любѣжали крупною *разбѣжистой* рысью, какой, казалось, никакъ нельзя было ожидать отъ ихъ крохотнаго роста. Антонина Дмитриевна, натягивая

сильно вожди, правила ими со всѣмъ мастерствомъ опытной наѣздницы. Утромъ шелъ круливый дождь, и недавняя пыль обратилась въ ивухъ мѣстахъ въ жидкую кашу черной грязи, но она ловко и смѣло обѣзжала ихъ, свободно vorочая свою упряжкой то вправо, то вѣво, поглощенная, повидимому, этимъ занятіемъ и какъ бы находя въ немъ какое-то особое увлекательное удовольствіе.

Такъ проѣхали они городъ, не обмѣнявшись словомъ другъ съ другомъ.

За заставой пошла торная, услѣвшая уже обѣзраться дорога, обсаженная старыми березами Екатерининскихъ временъ. Сусальцева стала мало-по-малу умѣрять ходъ разбѣжавшихся лони, и вдругъ обернулась на своего слутника:

— Скажите, начала она по-французски,—вы почитаете нужнымъ избѣгать меня?

Онъ не отвѣчалъ.

— Потому что, продолжала она съ оживленіемъ,—эти ваши чрезмѣрные занятія о которыхъ вы говорили мнѣ въ Сидкомѣ и въ нѣсколько неучтивомъ, позвольте это сказать кстати, словесномъ отвѣтѣ вашему на мою записку, оказываются, какъ это сейчасъ доказано было, вздоромъ! Но есть положенія, понимаю, почти обязывающія на неучтивость. Почитаете ли вы себя въ такомъ положеніи относительно меня, Григорій Павлычъ?

— Позвольте... началъ было онъ.

Но она не дала ему времени договорить:

— Нѣтъ, прошу васъ сперва отвѣчать прямо на мой вопросъ: вы рѣшили что я такая женщина которой лучше не видать?

Бодѣзненное чувство сказалось на мигъ въ лицѣ Гриши:

— Да, Antonina Дмитриевна, вымолвилъ онъ съ усиленіемъ,—вы не ошиблись, я рѣшилъ что такъ лучше.

Она повела на него искоса проницательнымъ взглядомъ:

— Сами вы, медленно роняя слова проговорила она,—или по чьему-нибудь приказанію?

Онъ вспыхнулъ весь, готовый отвѣтить жесткимъ словомъ, но тутъ же сдержался улыбаясь насильственной улыбкой:

— Вы ошибаетесь, Antonina Дмитриевна, сказалъ онъ,—если предполагаете уязвить самолюбіе мое вашимъ намекомъ. Я вижу въ этомъ только желаніе ваше доказать мнѣ лишній разъ что вы ненавидите тѣхъ на кого намекаете, но я смѣю

думать что вамъ... что вообще лучше не говорить о томъ къ чему мы не можемъ относиться безпристрастно.

Она презрительнымъ движеніемъ шевалявуда своими великодушными плечами.

— Ненавижу, это для нихъ слишкомъ много чести; а просто не люблю тупыхъ людей... Но яощажу деликатность вашихъ благодарныхъ чувствъ, а знаю что вы тамъ на испытаніи.

— На какомъ испытаніи, чтѣ вы говорите!

— То чтѣ есть. Я все знаю, а чего не знаю, угадываю такъ же вѣрно какъ еслибы слышала собственными ушами: относительно васъ тамъ существуетъ то чтѣ оказывается въ известной пословицѣ: *и хочется и колется и бабушка не слышитъ*. Вы намѣченный женихъ несравненной Маріи Борисовны чуть ли не съ самаго дня ея рожденія. Это совсѣмъ по традиціи, какъ въ благонамѣренныхъ старыхъ романахъ: друзья родители предназначаютъ съ колыбели дѣтей своихъ къ будущимъ узамъ Гименей et autres exercices patriarcaux et touchants. Прелестно! Но вышло такъ что въ ожиданіи той счастливой минуты нарѣченный будущій обладатель нашей Машеньки чуть-чуть свихнулся и залутался было въ свѣтахъ одной жалкой особы, дочери разореннаго и пьянаго отца, которую мы поэтому имѣли полное основаніе презирать и не пускать къ себѣ въ домъ. Особа эта, отдадимъ ей справедливость, была со своей стороны горда и не хотѣла способствовать своимъ поощреніемъ этого вѣроломнаго суженаго нашей Машеньки къ окончательному разрыву съ нам и въсѣмъ нашимъ міромъ: она предпочла, во избѣжаніе соблазна, выйти замужъ за человека не равнаго ей ни по рожденію, ни по воспитанію...

Судорожное движеніе пробѣжало по губамъ Юшкова, но онъ не шевалявудася, не взглянулъ на нее.

— Вы этимъ огорчились тогда, Григорій Павловичъ, продолжала она—и голосъ ея слегка будто дрогнулъ при этомъ, показалось ему;—или я ошибаюсь?

— Нѣтъ, сказалъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

Подъ вѣками ея блеснулъ быстрѣе чѣмъ молнія какой-то лучъ самодовольнаго торжества.

— Мы это само собою замѣтили, начала она олять язвительнымъ тономъ говорить отъ имени Троекуровыхъ, — и лоятно, сильно за это вознегодовали. Машеньку мы увезли

за границу, гдѣ встрѣчалась съ незнакомкою намъ кулчиной едва удостоиваая ее поклона... въ то время, примолвила съ высокомерною улыбкой Сусальцева,—когда принцы крови et tout ce que l'Europe possède de grands noms почитали себя счастливыми быть принятыми въ ея гостиной... Злополучнаго суженаго послали въ сыску въ петербургскія тундры, изнывая тамъ отъ тоски вдали отъ нашего рая. Гдѣвѣ нашъ на него предложили мы на милость только недавно, и то съ оговорками и на кондиціяхъ. Онъ у насъ теперь не то женихъ, не то монастырскій послушникъ, на искусство поставленъ: будетъ ланькой ходить въ нашихъ шорахъ, не глядя ни вправо, ни влѣво, впряжемъ пожалуй въ одну пару съ Машенькой; вздумаетъ увлечься опять свободнымъ чувствомъ, укажемъ ему дверь и величественно возгласимъ какъ тотъ комическій beau-père въ *Le charbon de paille d'Italie*: „Mon gendre, tout est rompu.“

Гриша поднял олуцленную голову съ какимъ-то, поразившимъ Сусальцеву, „знавшую его такъ близко“, взмахомъ душевной бодрости:

— Вы забываете здѣсь одно, Антолина Дмитриевна: мою личную волю. Вы очень остроумно смѣтаетесь надъ „традиціями старыхъ романовъ“, надъ какими-то „оговорками“ и „кондиціями“. Но ничего этого въ дѣйствительности нѣтъ и не нужно: я просто люблю Марію Борисовну Троекурову.

— „Любите?“ страдальчимъ тономъ повторила она.

Она опустила вожжи, обернулась еще разъ на него.

— А меня?..

— Васъ?.. былъ онъ въ силахъ только пролететь въ первую минуту.

— Меня, да,—на лицѣ ея заиграа какая-то неотразимая улыбка,—помните подчеркнутые вами однажды стихи въ томикѣ Alfred de Musset котораго давала я вамъ читать:

Quand un coeur vous a contenue,
Juana, la place est devenue
Trop vaste pour un autre amour.

Развѣ послѣ меня можно полюбить другую? Allons donc!.. „Что же это такое, чего она хочетъ отъ меня?“ спрашивая себя въ смятеніи Гриша. Сердце его усилебно билось, предъ глазами стоялъ какой-то туманъ... Но ему надо было „выбиться изъ такого состоянія“, чувствовалъ онъ, надо

было „не дать себя одолѣть этому призраку“. Онъ вызвалъ опять улыбку на уста:

— Къ чему вы это говорите, Антолина Дмитриевна, на что я вамъ теперь нуженъ, на что? повторилъ онъ невольно дрогнувшимъ голосомъ.

Она полридержала лошадей:

— А если мнѣ тяжело видѣть въ васъ теперь врага, Григорій Павлычъ! воскликнула она, какъ бы одоливаемая какимъ-то неотразимымъ желаніемъ высказаться,—если я не перепошу мысли что вы можете меня презирать!..

— „Презирать“, „врагъ“, онъ тихо закачалъ головой,—ничего подобнаго нѣтъ въ душѣ моей къ вамъ.

— Ну да, какъ бы съ горечью отозвалась она,—безграничное равнодушіе, не такъ ли?

Онъ не отвѣчалъ, устремивъ прищуренные глаза въ бѣжавшую предъ ними даль... А сердце его все такъ же усиленно билось и въ ушахъ „невыносимымъ звономъ“, казалось ему въ эту минуту, звенѣли „предательскіе“ звуки ея провинцающаго гортаннаго голоса.

Она еще разъ повела на него изъ бока взглядомъ, и губы ея побѣлѣли:

— Наша бѣда съ вами, Григорій Павлычъ, состоитъ въ томъ что вы слишкомъ, какъ говорится, прямолинейны, *gestiligne*. Въ теоріи это можетъ-быть прелестно и во всякомъ случаѣ очень почетно, за это во Франціи даютъ даже людямъ *le prix Monthyon*, * но дѣло въ томъ что вашей прямой линіи въ природѣ не существуетъ вовсе, *il n'y a que des courbes*, а вы этого допустить до сихъ поръ не хотѣли. Я всегда была виновна въ вашихъ глазахъ тѣмъ что не подходила подъ тотъ казенный шаблонъ подъ который привыкли вообще люди подводить извѣстную категорію человеческихъ существъ къ которымъ, по видовымъ признакамъ, должна была принадлежать и я. Оказывалось что видовые признаки одно, а въ дѣйствительности выходило нѣчто совсѣмъ иное. Все это лицемеріе дѣвичьей скромности, въ которую никто давно не вѣритъ и которой всѣ между тѣмъ

* Премія за добродѣтель, учрежденная еще въ 1782 году филантропомъ имя котораго она носитъ и выдаваемая полымъ ежегодно лицамъ отличившимся какимъ-нибудь особеннымъ подвигомъ на пользу ближняго.

продолжаютъ требовать—несомнѣнный будто бы признакъ d'une „jeune personne comte il faut“, все это во мнѣ отсутствовало. Было существо ненавидящее фальшь и условность, свободное умомъ и разумѣющее жизнь такую какова она въ действительности, а не въ „нравственныхъ“ книжкахъ англійскихъ старыхъ или безобразныхъ blue stockings, которыми никто въ жизни не рѣшился дать случая согрѣшить... Я вамъ правила не смотря на это, быть-можетъ даже именно *поэтому*, но вы все же почитали обязанностью своею „протестовать“ словомъ и мыслью противъ моей *разнузданности*... Правда?

— Я не протестовалъ, мнѣ было больно, невольно вырвалось на это у Юшкова.

— Да, потому что... я не знаю какъ это выразить *мужикъ*, усмѣхнулась она будто извиняясь за то что хотѣла сказать ему,—у васъ нѣтъ широкаго захвата въ мысаи, l'envergure vous manque, вы слишкомъ, повторяю, прямолинейны, вы не допускаете что большому кораблю, какъ говоритъ пословица, требуется просторъ океана, а не лужа деревенскаго пруда. А я всегда, *sans me flatter*, чувствовала себя большимъ кораблемъ, Григорій Павловичъ; я не могла довольствоваться малымъ, не могла переносить нищенскаго существованія въ Юрьевѣ; мнѣ нужно было все что можетъ только дать жизнь тому кто сознаетъ себя способнымъ стать надъ нею владыкой... Я вышла замужъ; мнѣ нуженъ былъ прочный фундаментъ для моего будущаго зданія; а и взяла для него первый материалъ какой давался мнѣ въ руки. Выбора у меня въ тогдѣшнемъ моемъ положеніи не было... Вы, промолвила она тутъ же со смѣхомъ,—вы, принцъ, какъ говоритъ Беатриса у Шекспира, * годитесь только для праздниковъ“, а мнѣ нуженъ былъ мужъ для будней... Но вы ничего, ничего этого не хотѣли, не въ состояніи были понять, вскрикнула она словно съ отчаяніемъ,—вы перечеркнули меня и память обо мнѣ большимъ крестомъ съ той минуты когда я рѣшилась, по вашему, „продать себя“ выходя за monsieur Сусальцева.

Онъ все такъ же сосредоточенно молчалъ, уставившись машинально глазами въ ея державшую вожжи лѣвую руку въ шведской по локоть перчаткѣ застегнутой на двѣнад-

* *Much ado about nothing.*

цать луговицъ. „Въ какомъ романѣ, проносилось у него въ головѣ, читалъ я что-то совершенно похожее на эти слова?“...

— По вашему, говорила она межъ тѣмъ съ возрастающимъ жаромъ,—я хотѣла богатства для богатства, а я въ немъ видѣла лишь двигательную силу...

— Она у васъ въ рукахъ теперь: счастливыѣ ли вы стали? подымаъ на нее строгіе глаза ея спутникъ.

— „Счастливыѣ!“ повторила она чуть не плачущимъ голосомъ;—развѣ я въ такомъ случаѣ сидѣла бы здѣсь съ вами, увезя васъ *насилъно* отъ вашихъ „занятій“, добываясь отъ васъ тщетно хоть одного слова прежней...—она какъ бы искала надлежащаго выраженія,—прежней... *дружбы!* Счастливые забываютъ, а я ничего не забыла, какъ видите. Въ душѣ моей все та же жажда и та же мучительная, смертельная неудовлетворенность.

— Я это угадалъ, прошепталъ Гриша,—когда вы такъ весело, ловидкому, такъ цинично,—извините меня за выраженіе!—разказывали намъ въ тотъ разъ всѣ эти невѣроятныя парижскія исторіи.

— „Цинично?“ повторила она олять,—пожалуй, если ухо ваше не дослушалось той горечи которая говорила за этими *циническими* словами моими. Вамъ никогда не приходило въ голову, Григорій Павлычъ, какое иногда хорошее чувство скрывается подъ грубымъ ругательствомъ и что смѣхъ иной разъ надрываетъ душу хуже самыхъ горячихъ слезъ?.. Я смѣюсь и проклинаю потому что благословить ничего не могу, поймите это!

Онъ внималъ ей, прислушиваясь со странною смѣсью изумленія и жалости къ этимъ ея слышимымъ, горячимъ, такъ мало обычнымъ ей рѣчамъ... „Или это ложь?“ говорилъ онъ себѣ,—„но она *прежде* никогда не лгала“...

Она неожиданно засмѣялась.

— Вообразите себѣ простаго русскаго мужика котораго кака-нибудь волшебница перенесла бы въ роскошный дворецъ подъ южнымъ небомъ и стала бы кормить каждый день самыми изысканными гастрономическими блюдами. Онъ нашелъ бы тутъ что можетъ удовлетворить самый прихотливый вкусъ, отъ ласточкиныхъ гнѣздъ до соловьиныхъ языковъ римскаго лира, все кромѣ одного—своего роднаго ржанаго хлѣба. Какъ вы думаете, не зачахъ ли бы онъ подъ конецъ отъ этого режима? Сравненіе мое не эlegantно, а

между тѣмъ voilà mon cas! Я измываю среди моей роскоши, среди всѣхъ этихъ hommages, вздоховъ и признаній которыхъ навидѣлась, слышалась я до оскомины, до отвращенія въ эти два года моего замужества... Я не даромъ практична, не даромъ *реальна*, Григорій Павловичъ, ухо мое не пропуститъ ни одной фальшивой ноты, а тутъ всѣ ноты фальшивы.

Она примокла на мигъ. Пышная грудь ея высоко и учащенно подымалась подъ тѣсно облегающимъ ее *джерси*...

— Да, глухо зазвучала ея голосъ олять,—быть любимую—мечта каждой женщины, будь она чиста какъ Гретхенъ, преступна какъ леди-Макбетъ или продажна какъ Манон Лескаутъ, любимую исключительно, самоотверженно, безумно... *безъ ума*, подчеркнула она въ объясненіе.

Гриша старался не глядѣть на нее, старался улыбнуться равнодушно и насмѣшливо.

— Есть женщины холодныя, сказалъ онъ,—для которыхъ ничего этого не нужно.

Она засмѣялась олять.

— Какъ я, разумеется, un être froid et immaculé, оставшаяся до сихъ поръ глухою ко всякому слову прельщенія, изъ какихъ бы устъ оно ни исходило: мнѣ при васъ говорилъ этотъ молодой человекъ, Гордыничъ?

— Да, при мнѣ.

— А вы что же, вѣрите или не вѣрите?

И она взглянула на него не то надменнымъ, не то вызывающимъ взглядомъ.

Онъ какъ бы не слышалъ вопроса, и обѣжавъ безпокойными глазами окружающее ихъ пространство:

— Куда же мы ѣдемъ, однако, Антолина Дмитриевна? спросилъ онъ послѣшно.

— На край свѣта!..

Она хлестнула бичемъ по досившимся кругамъ своихъ лошадей, и легкой экипажъ помесся по дорогѣ чуть не съ быстротой локомотива уносимаго паромъ.

— Антолина Дмитриевна, съ невольною тревогой проговорилъ Юшковъ,—я васъ очень прошу или отвезти меня обратно въ городъ, или вылустить здѣсь на дорогѣ, я лѣшкомъ дойду.

— Къ чему! Это крукъ, а я васъ прямо во Всѣхсвятское доставлю.

— Не нужно этого, не нужно! воскликнул он испуганно. Она захохотала олять своимъ замысломъ:

— Кого боитесь вы компрометтировать, меня или себя самого? Обо мнѣ не беспокойтесь, репутація моя сдѣлана, ея не подорветъ сентиментальное путешествіе мое съ вами по проселкамъ ***скаго уѣзда.

Гриша внезапнымъ движеніемъ поднялся на скаку со своего мѣста въ портшезъ:

— Я сейчасъ соскочу, если вамъ угодно продолжать эту шутку...

— Перестаньте, вы ногу себѣ сломите! воскликнула она, и откинулась вслѣдъ тѣломъ назадъ сдерживая разомчавшихся лошадокъ.

Она перевела ихъ на рысь и поворотила по направленію къ городу.

— Библейскій Іосифъ, Ипполитъ Расина *—не знаю ужъ на кого вы болѣе походите,—довольны ли вы?

— Вы себя однако не щадите, давая мнѣ такія лестныя названія, замѣтилъ Гриша не удерживаясь болѣе отъ желанія сказать ей въ свою очередь что-нибудь колкое.

Но она только пожала плечами на это и уронила съ какою-то величавою небрежностью:

— Да, у женщинъ бываютъ иногда самые бессмысленные и глупые капризы...

— Проходящіе, къ счастью, такъ же скоро какъ и приходятъ, сказано на это Юшкову какъ-то совершенно безвольно.

— И къ большому еще ихъ счастью, преимущественно къ тѣмъ кто этимъ пользоваться не умѣетъ, добавила она въ свою очередь. И тутъ же, перемѣняя вдругъ эту беззащитную насмѣшливость рѣчи на тонъ дружескаго, заботливаго участія:

— Вы меня сейчасъ спросили, счастлива ли я, я отвѣтила вамъ какъ чувствовала. А votre tour maintenant, mon ex-ami, подчеркнула она:—счастливы ли вы, скажите?

— Сколько это можетъ быть дано человѣку на землѣ, съ какою-то намѣреннымъ преувеличенностью выраженія отвѣтилъ онъ ей.

— Примите всѣ мои поздравленія по этому случаю... И того же счастья ждете впереди?

* Въ Федру.

Она глядѣла на него не смѣющимся и проникающимъ взглядомъ. Ему было неловко отъ этого взгляда, онъ отвелъ отъ него глаза свои:

— Имѣю къ этому полное основаніе... если только ничего не переѣмнится въ моемъ настоящемъ положеніи, неопредѣленно выговорилъ онъ.

— И никакихъ черныхъ точекъ не предвидите на этомъ свѣтломъ горизонтѣ вашего будущаго? спрашивала она мягко, чуть не вѣжно.

Гришу начинало коробить:

— Какія тутъ могутъ быть точки!..

— Мало ли! Разница дѣтъ, напимѣръ, крава... Вѣдь Марья Борисовна, кажется, по пальчикъ пошла, командиршей смотреть... Или вы уже такъ привыкли вѣчно жить подъ чьимъ-нибудь гнетомъ, мой бѣдный Григорій Павлычъ, что васъ эта перспектива не страшитъ?

Его окончательно взорвало:

— Подчиняться тѣмъ въ кого глубоко вѣришь, кого безпредѣльно уважаешь—не гнетъ, а счастье, Антонина Дмитриевна! резко промолвилъ онъ:—„страшиться“ дѣйствительно пришлось бы мнѣ лишь въ томъ случаѣ еслибы рѣчи ваши были въ состояніи меня смутить.

Она выслушала эту суровую отповѣдь не моргнувъ бровью; только уголки рта ея подергивало чуть замѣтное судорожное движеніе.

Такъ прошло нѣсколько минутъ въ натянутомъ съ обѣихъ сторонъ молчаніи. Гришѣ становилось неловко: „грубо это вышло, грубо“, проносилось у него въ головѣ.

— Вотъ и городъ, промолвила его слугница,—мнѣ нечего тамъ дѣлать, а вы хотѣли кажется лѣшкомъ пройтись... Возвращаю вамъ вашу свободу, кивнула она ему, останавливая лошадей.

Онъ быстро выскочилъ изъ портшеза, снялъ шляпу, и робко протянулъ ей руку.

Она подала ему свою и слабо сжала его пальцы.

— Прощайте, Григорій Павлычъ, не знаю гдѣ и какъ увидимся мы опять... Но помните одно—и въ голосѣ ея зазвучала не то страстная, не то надрывающая нота:—вы раскаетесь рано или поздно въ томъ что такъ безпричинно... и безразсудно, промолвила она вѣско,—отвергли искреннее участіе къ себѣ особы для которой вы были единственнымъ

свѣтаымъ воспоминаніемъ въ ея темномъ прошломъ. Вы сочли нужнымъ и это отвѣтъ у нея—да будетъ по вашему!

Онъ хотѣлъ отвѣтить, объяснить, извиниться... Но она послѣшно ударила вожжей, и портшезъ, описавъ большой полукругъ по дорогѣ, быстро покотилъ въ сторону Сидкаго, маленькая на солнцѣ мѣдными ободками своихъ фонарей и втулками быстро обрацавшихся колесъ.

XIX

Гриша и не замѣтилъ какъ дошелъ до своей городской квартиры, такъ поглощенъ онъ былъ по пути къ ней одолевшими его ощущениями самаго разнорѣчиваго свойства. Внутри его было въ то же время и смутно, и бурно, и какаютостомъ, будто послѣ усиленной мозговой работы. Онъ имѣлъ какъ бы полное основаніе быть довольнымъ собою, своею „неподатливостью“, своею „твердостью противъ искушенія“. Но онъ мучился уже тѣмъ что *было* это искушеніе, что онъ *долженъ былъ* бороться противъ него и что борьба эта, сознавалъ онъ, была для него не легка. „Другому бы это было только смѣшно, говорилъ онъ себѣ,— а я страдаю, страдаю все время; этотъ голосъ со своимъ какимъ-то мѣдно-звонящимъ отливомъ, эти аквамаринные глаза, холоднымъ лучемъ своимъ проникающіе до самой глубины души твоей, они волновали меня какъ и прежде своею непокаяною, проклятою властью. Я не далъ себя побороть ей, но еще одна такая бѣда, и я...“ Онъ не договаривалъ и болѣзненно сжималъ брови и стискивалъ зубы. Какъ всѣ слабые люди, онъ сознавалъ свою слабость и мучился ею даже въ тѣхъ случаяхъ когда, какъ теперь, выходилъ ловидимому торжествующимъ изъ испытанія. Но онъ не признавалъ себя торжествующимъ, такъ какъ коварныя рѣчи противъ которыхъ протестовалъ онъ сейчасъ успѣли тѣмъ же менѣе,—онъ это чувствовалъ,—влить не мало своего остраго яда ему въ душу. Онъ опять въ немъ опять не разѣ смущавшія его мысли „подначальномъ“, о *подначальномъ* положеніи своемъ по отношенію къ семьѣ Троекуровыхъ. И самолюбіе его опять смущалось противъ этой *подначальности*, и опять мучило сознание того *устричнаго* образа жизни, который онъ „прожилъ онъ цѣлыя лѣтъ лажитяхъ“

тридцать пять лѣтъ, не выдавъ еще себя никогда на полную свою волюшку“, такъ какъ и самыя нечастыя поѣздки его въ Москву или Петербургъ имѣли всегда характеръ дѣловой, почти обязательный, а не вызывались просто, „какъ у всѣхъ“, желаніемъ развлечения, свободнаго пользованія жизнью... И при этомъ бессознательно, помимо его воли, проносила въ его воображеніи рой соблазнительныхъ образовъ какъ бы вызванныхъ однимъ видомъ этой женщины дышащей ослепительнымъ, но проницающимъ обаяніемъ той иной, невѣдомой ему области жизни, и ему казалось порой что ему не совладать никогда противъ этого „наважденія“ ея лукавства, ея прелести...

Придя къ себѣ, онъ велѣлъ сейчасъ же закладывать, сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ во Всѣхсвятское.

Верстахъ въ двухъ отъ усадьбы нагнала его повернувшая съ проселка четверка подобранныхъ рысаковъ и коляска въ которой сидѣла Александра Павловна Троекурова.

Увидавъ его, она крикнула кучеру своему остановиться и подозвала знакомъ молодого человѣка къ себѣ.

Онъ послѣдовалъ выпрыгнуть изъ экипажа и подбѣжалъ къ ней.

— Садитесь со мною, Гриша, одной такъ скучно ѣхать, за-смѣялась она.

— Откуда это вы? спросилъ онъ, повинувшись.

— Изъ Сацкаго, визитъ ѣздилъ отдавать, вмѣстѣ съ Настенькой Буйносовой, она собирается въ Москву и хотѣла проститься съ сестрой. Но мы ея не застали, чему я au fond была очень рада, весело подмигнула Александра Павловна:— она уѣхала въ городъ, сказалъ мнѣ ея мужъ. Вы не видѣли ее тамъ?

Гриша никакъ не ожидалъ этого вопроса:

— Н-нѣтъ, какъ-то совершенно безвольно отвѣтилъ онъ....

„Зачѣмъ, зачѣмъ я вру!“ молвилъ онъ тутъ же внутренно, готовый взять сейчасъ же свое слово назадъ, сказать что онъ обмолвился, что онъ не только ее видѣлъ, а даже... Но какъ же это сказать, объяснить почему, выдержать пока онъ будетъ это объяснять пристальный взглядъ этихъ большихъ, честныхъ и печальныхъ,—„непремѣнно ужъ будутъ печальны“, предвидѣлъ онъ,—глазъ „Машинной матери“... „И Мама въ этомъ случаѣ сейчасъ же узнаетъ и ей придется объяснять опять...“

— А Настасья Дмитриевна тамъ осталась? послѣдовалъ онъ спросить вмѣсто объясненія.

— Тамъ, да; beau frère упросилъ ее остаться у нихъ два два... Онъ ее гораздо болѣе любить чѣмъ родная сестра.... C'est un très brave homme, этотъ Сусальцевъ, а она....

И Александра Павловна, не договоривъ, съ укорительнымъ какъ бы выраженіемъ закачала головой.

— Я ей отдала визитъ; сказала она чрезъ мигъ,—и надѣюсь этимъ между нами кончится. Общаго между нами вѣдь очень мало, неправда ли, Гриша?... Вы хоть и были въ нее влюблены, засмѣялась она съ добродушнымъ лукавствомъ,—но вѣдь и вы съ этимъ согласитесь?

Гриша подумалъ что звукъ его голоса выдастъ не улегшееся еще внутри его смятеніе; онъ вмѣсто отвѣта наклонился къ рукѣ милой женщины и поднесъ ее къ губамъ.

Александра Павловна ошиблась, впрочемъ, разчитывая на то что послѣ ея визита въ Сидкое между блестящею его хозяйкой и обитателями Всѣхсватскаго „все будетъ кончено“. Ровно черезъ двое сутокъ послѣ этого ея визита знакомый намъ портшезъ и соловые лопы остановился у крыльца на которомъ Маша съ нѣкотораго времени приняла привычку усаживаться съ какою-нибудь ручною работою, рядомъ съ приходившею тутъ же Анфисой Дмитріевной Фурсовой, въ известные часы дня, именно тѣ когда исправлявшій должность предводителя депутатъ дворянства возвращался покончивъ свои занятія въ городѣ домой; тутъ обыкновенно съ первой минуты когда онъ выскакивалъ изъ тарантаса и почти вплоть до самаго обѣда велись у нея съ нимъ бесконечные, живые, веселые разговоры.

И теперь на шумъ колесъ экипажа, не виднаго еще ей за кустами большого сквера, расположеннаго посреди двора, она быстро оторвала глаза отъ работы и направила ихъ въ лихорадочномъ ожиданіи въ сторону откуда долженъ былъ появиться онъ.

Вѣки ея тутъ же дрогнули подъ ощущеніемъ недочета и досады которое она не могла скрыть.

Она увидала въ этомъ подѣзжавшемъ щегольскомъ экипажѣ, рядомъ съ Настасьей Дмитріевной Буйносовой, сестру ея—женщину „противнѣе“ которой ничего для нея не было въ мірѣ“.

А та, завидѣвъ ее въ свою очередь, закивала ей еще издалека съ очаровательнѣйшею изъ своихъ улыбокъ.

— Bonjour, chère mademoiselle, je vous ramène ma soeur, говорила она, подѣзжая подъ самое крыльцо:—она у васъ

чувствуетъ себя гораздо счастливѣе чѣмъ въ Цуцкомъ и я не въ силахъ была удержать ее дольше. Je vous la rends....

Мама, отвѣтивъ на это холоднымъ поклономъ, обѣжала со ступенекъ къ вышедшей изъ портшеза Настасьѣ Дмитріевнѣ.

Онѣ нѣжно обнялась подъ прищуреннымъ на нихъ, „недоброжелательнымъ и насмѣшливымъ“, чужаа Мама, взглядомъ Сусальцевой. Она все такъ же сидѣла на своемъ мѣстѣ съ вожжами и бичемъ въ рукахъ, видимо не намѣреваясь выходить изъ экипажа—или, что быть-можетъ было вѣрнѣе, ожидая чтобы молодая хозяйка пригласила ее „войти въ домъ“.

Мама, со своей стороны, знала что это была ея „прямая обязанность“ и что отъ матери „ей будетъ непремѣнно замѣчаніе за то что она этого не сдѣлала“—но нѣтъ, это было „просто сверхъ ея силъ!“

— Ты когда же думаешь рѣшительно въ Москву? спросила сестру красивая барыня, — а бы могла пріѣхать проводить тебя на желѣзную дорогу.

— Ахъ нѣтъ, ложауста, живо возразила Ларина, — ты вдругъ пріѣдешь, а меня нѣтъ, я еще сама навѣрно не могу сказать...

— Какъ знаешь, равнодушно уронила та.—Желаю тебѣ всякаго успѣха!... Madame Фирсовъ, здравствуйте! милостиво кивнула она, только теперь будто замѣтивъ скромную докторшу бывшую у нея посаженою матерью.

Та молча поклонулась ей съ высоты крыльца.

Сусальцева натянула вожжи, какъ бы собираясь сейчасъ уѣхать, но вдругъ словно вломанна:

— Григорій Павлычъ Юшковъ здѣсь или въ городѣ? спросила она, глядя черезъ головы дамъ на вышедшаго изъ передней на шумъ экипажа саугу.

Но за него послѣдшнею, съ загорѣвшимися глазами, отвѣтила Мама:

— Онъ въ городѣ... А вамъ нужно его видѣть?

— Да, небрежно выговорила Антонина Дмитріевна, — въ тотъ разъ когда мы ѣздили съ нимъ я, не успѣла все ему сказать...

„Вы ѣздили съ нимъ, когда, зачѣмъ?“ чуть не крикнула Мама—у нея лопутилось въ глазахъ, но она удержалась всѣмъ напряженіемъ воли, всею проснувшеюся мгновенно въ душѣ ея гордостью. Она даже нашла силу усмѣхнуться

и проговорить насколько была въ состояніи равнодушнымъ тономъ:

— Я ему скажу что вамъ нужно его видѣть; онъ вѣроятно послѣшитъ сдѣлать все что вамъ угодно.

— Merci, vous êtes charmante! очаровательно улыбнулась ей еще разъ Сусальцева,—передайте ему пожалуйста, потому что сегодня я въ городѣ не буду, не увижу его.

Она тронула лошадокъ своихъ и укатила, между тѣмъ какъ Ларина направлялась къ лавальёну въ саду, гдѣ жила она во Всѣхсвятскомъ.

— Машенька, что съ вами! вскрикнула услуганно Анфиса Дмитріевна, оставшись на крыльцѣ вдводемъ съ дѣвучкой и глядявываясь въ ея побѣднѣвшее какъ холстъ лицо.

— Вы слышали, онъ съ нею куда-то ѣздилъ... И ничего не сказалъ, пропустивъ Маша сквозь нервно стиснутые зубы.

— Такъ вѣдь и вретъ, можетъ-быть, ничего ей не стоить, старалась усложнить ее Фирсова.

— Нѣтъ, погодите.... Это было въ четвергъ, когда мама ѣздила къ ней съ визитомъ въ Суцкое, ей тамъ сказали что она уѣхала въ городъ... Я сейчасъ узнаю!

Она вскинулась съ мѣста какъ слугнутая съ вѣтки птица и побѣжала въ покои матери.

Александра Павловна сидѣла за письменнымъ столомъ и своимъ дивнымъ и крупнымъ англійскимъ почеркомъ писала въ Москву пріятельницѣ своей, Лизаветѣ Ивановнѣ Срѣтенской, съ которою состояла въ вѣчной перелискѣ по разнымъ дѣламъ благотворенія, на что сердобольная мамелькая особа постоянно выпрашивала у нея денегъ. Предъ нею лежало нѣсколько крупныхъ, только что вытребованныхъ ею изъ конторы ассигнацій, имѣвшихъ сопровождать письмо; но заслышавъ шумъ дочернихъ шаговъ, она торопливо подсувала ихъ подъ бюваръ (никто и никогда, по ея правиламъ, не долженъ былъ знать кому и какъ она помогаетъ).

— Мама, вскрикнула съ онаика Мама, влетая къ ней въ кабинетъ,—два дня тому назадъ, въ четвергъ, когда ты возвращалась отъ этой... отъ Сусальцевыхъ, ты съѣхалась съ Григоріемъ Павлычемъ, какъ бы невольно подчеркнула она это необычайное ей обозначеніе Юшкова именемъ его и отчествомъ,—онъ ѣхалъ изъ города и ты пересадила его къ себѣ въ коляску и привезла?

— Да, конечно, отвѣтила Троекурова глядя на дочь во всё глаза.

— Онъ не говорилъ тебѣ что видѣлся тамъ съ *этой госпо- жей* и что они даже ѣздили куда-то вмѣстѣ?

У Александры Павловны отъ тревожнаго изумленія даже вспыхнула краска на лицѣ:

— Нѣтъ, Маша, не говорилъ.... Я даже, помню, спросила его, не встрѣтился ли онъ съ нею въ городѣ, потому что мнѣ въ Сидкомѣ сказали что она туда уѣхала, и онъ отвѣчалъ что нѣтъ.

— Значить онъ солгалъ.... Солгалъ! съ какимъ-то неодолимымъ выраженіемъ омерзѣнія выговорила дѣвушка и олустилась разомъ, будто подкошенная, на кресло противъ матери.

— Другъ мой, что это ты, почему ты знаешь! пролетела та, стараясь сохранить все свое хладнокровіе и все сильнѣе волнуясь между тѣмъ.

— Она была здѣсь сейчасъ, Настасью Дмитревну привезла обратно, и говорила прямо при ней и при Анфисѣ Дмитриевнѣ что „въ тотъ разъ“, въ четвергъ, то-есть непременно, она куда-то съ нимъ ѣздила и не успѣла всего сказать ему что хотѣла. Такъ нельзя при всѣхъ лгать.... Она говорила правду! И даже спросила еще, дома ли онъ.... чтобъ опять съ нимъ куда-нибудь ѣхать, вѣрно! со взрывомъ негодованія домо- вила Маша.

Александра Павловна растерянно глядѣла на дочь, не находя ни единого слова въ отвѣтъ ей, въ утѣшеніе. Прошло нѣсколько минутъ въ какомъ-то оцѣвленномъ съ обѣихъ сторонъ молчаніи. Маша недвижнымъ взлѣдомъ уставилась въ противоположающую стѣну на которой висѣлъ въ большой золотой рамѣ портретъ бабушки ея, Лукьяновой, и словно такъ и замерла на немъ.

Но вотъ она внезапно оторвалась отъ него и обернувшись къ матери чуть-чуть примигивавшими глазами (она ужасно напомнила отца своего въ эту минуту), заговорила совершенно спокойнымъ и ровнымъ голосомъ:

— Вотъ видишь, мама, тутъ можетъ-быть ничего нѣтъ дурнаго; она можетъ-быть пригласила его поѣхать съ нею въ лавки, или куда-нибудь, все равно.... Но онъ солгалъ, мама, понимаешь ты, солгалъ, и я этого перенести не могу.... Ты

объяснись съ нимъ, или не объяснись, это какъ знаешь, а я не могу, не могу, а не хочу его видѣть!...

— Мама, какъ же это, вскрикнула Александра Павловна, — ты сама говоришь что тутъ можетъ-быть ничего нѣтъ дурнаго и какое-нибудь недоразумѣнiе вышло, а онъ можетъ-быть въ разсѣянности отвѣчалъ мнѣ „нѣтъ“ вмѣсто „да“... И какъ же это ты сдѣлаешь чтобы не „видать“ его когда живемъ мы въ одномъ домѣ, и онъ обѣдаетъ съ нами, и все....

— Мама, какъ хочешь, и голосъ Маши зазвучалъ тѣмъ металлическимъ отгвѣкомъ который еще разъ наломилъ Троекуровой ея мужа въ тѣ рѣдкія мгновенія когда не въ силахъ бывалъ онъ сдержать пронимавшаго его возбужденія мысли или чувства, — но я сказала какъ *есть*: видѣть его теперь я не могу. Пусти меня уѣхать отсюда!

— Куда это, куда? совсѣмъ перелугалась Александра Павловна.

— Вася давно уже просился у тебя ѣхать въ Саровскую пустынь съ Вячеславомъ Хлодоміровичемъ и ты обѣщала ему, только все не рѣшаешься спросить лала, боясь что это ему не понравится. Я сейчасъ къ лала схожу и скажу что и мнѣ хочется туда и что съ нами поѣдетъ Анфиса Дмитриевна, — она конечно не откажетъ если я попрошу ее.... А не то отпусти меня къ тетускѣ Бородиной; она тебѣ еще на прошлой недѣлѣ писала, прося чтобы я пріѣхала погостить на недѣлю. Это даже лучше, потому что лала ее любить и къ ней отсюда по желѣзной дорогѣ всего два часа ѣзды.

Но бѣдная мать все еще не въ состоянiи была „сообразить“, уяснить себѣ насколько „серioзны“ были побужденія вызывавшія это неожиданное рѣшеніе дочери.

— Мама, заговорила она слегка заикаясь, — въ какое же думаешь ты теперь стать положеніе съ... Грешней?.. Est-ce que tu voudrais gouter avec lui? сама словно ислугавшись своей мысли досказала она шепотомъ.

— Не знаю, мама, ничего не знаю! пылко возразила дѣвушка, — только мнѣ надо усложниться, а не то я Богъ знаетъ что сдѣлаю, чувствую!... Лала не нужно объ этомъ говорить, будто слыхивалась она тутъ же, — онъ не какъ ты, онъ *страше* смотреть.... Сходи къ нему сейчасъ, мамашечка, и скажи просто что мнѣ очень хочется къ тетускѣ Бородиной. Поездъ отходить на *** въ 6 часовъ 5 минутъ, я знаю, а

у него сегодня въ городѣ присутствіе, и онъ раньше семи отсюда не вернется. Такъ и прекрасно будетъ, мы съ нимъ не встрѣтимся.

„Пожалуй такъ лучше: она такая *улымая*, tout d'une piéce, пусть усложнится, а не то и въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ на первыхъ порахъ что готова сдѣлать“, рѣшила Александра Павловна послѣ видимаго долгаго колебанія, и закрыла свой бюварь съ начатымъ письмомъ.

— Хорошо, сказала она, — я пойду къ твоему отцу. А ты пойди сюда, tête folle, а тебя поцѣлую.

Мама прыгнула съ мѣста, перебѣжала мимо стола къ матери, лапа предъ нею на кофѣи и со внезапнымъ рыданіемъ уронила ей голову на грудь.

Слезы ручьемъ брызнули на это въ отвѣтъ и у Александры Павловны. Она стремительно захватила обѣими руками эту бѣлокурую головку, прижимая ее къ себѣ и цѣлуя эти заплаканные глаза.

— Ну ладно, Машутка, ладно, сумашедшая, шептала она, — все объяснится, все хорошо будетъ; грѣхъ такъ отчаиваться... и стыдъ, Мама.

Мама не даромъ была дочь своего отца: она вся какъ-то разомъ *собралась*, припала въ себя; по свѣжимъ губамъ ея скользнула улыбка:

— Правда твоя, мамашенька, грѣшно и стыдно; вотъ я и тебя, мою святую, довела до слезъ...

Она вырвала платокъ изъ рукъ матери и стала въ свою очередь отирать имъ глаза ей и страстно цѣловать ихъ:

— Дай я благословлю тебя, голубка моя мамаша, чтобы тебѣ легче идти было предъ грознаго судію, уже смѣлась она, насилая себя на веселость, — а я тебя тутъ подожду... И въ твои секреты заглядывать не буду, добавила она кивнувъ на бюварь.

Александра Павловна невольно усмѣхнулась, покачала въ видѣ шутиваго улрека головой и отправилась на половину мужа.

Онъ сидѣлъ въ библіотекѣ и читалъ, низко, по обыкновенію, склонившись надъ книгой, со слегка прищуренными глазами.

Онъ поднималъ ихъ на входившую жену и тотчасъ же замѣтилъ, какъ ни старалась казаться она спокойною, слѣды только что испытаннаго ею волненія...

— Что такое? вырвалось у него съ невольною тревогой.

Она торопливо усмѣхнулась:

— Ничего, Борисъ, рѣшительно ничего... Отчего ты думаешь?

— Мнѣ показалось что ты...

— „Тебѣ показалось“ именно, ничего нѣтъ... Я хотѣла тебѣ только сказать что la cousine Borodine очень просила отпустить къ ней Машу погостить на нѣсколько дней...

— Да, знаю; ты мнѣ, кажется, еще на прошлой недѣлѣ говорила?

— Да... и Машѣ очень хочется къ ней ѣхать, не совсѣмъ твердымъ голосомъ произнесла Александра Павловна.

Онъ внимательно глянулъ ей въ лицо:

— Давно ли это? Она тогда говорила что ей „не зачѣмъ къ чужимъ когда и дома хорошо.“

Она слегка покраснѣла и отвѣтила съ видомъ беззаботности, плохо ей удававшейся:

— *Carrice de jeune fille*, ты знаешь...

— Этого до сихъ поръ въ ней не было замѣтно, возражалъ онъ какъ бы про себя, задумался, и чрезъ мигъ спросилъ олять:—когда же хочешь она ѣхать?

— Сегодня же, Борисъ; поѣздъ изъ города отходить въ 6 часовъ 5 минутъ, она прѣдетъ къ Бородинымъ какъ разъ къ вечернему чаю... Анфиса Дмитриевна отвезетъ ее и вернется съ ночнымъ поѣздомъ.

— Когда же она объявила тебѣ о своемъ желаніи ѣхать?

— Сейчасъ вотъ приходила ко мнѣ.

Брови Троекурова сжались; онъ задумался олять, взглядывая отъ времени до времени на жену, какъ бы вызывая ее этимъ нѣмымъ вопросомъ на дальнѣйшее объясненіе. Но Александра Павловна молчала, и только краска, то сбѣгая, то покрывая олять ея щеки, свидѣтельствовала о томъ волненіи которое снова охватывало ее всю.

— Это не проста, не изъ „каприза“, проговорилъ наконецъ Борисъ Васильевичъ;—но я не спрашиваю, живо промолвилъ онъ, останавливая движеніемъ руки чаемый имъ отвѣтъ жены,—если ты не находишь нужнымъ сказать мнѣ, мнѣ и знать не нужно.

— Борисъ, милый, воскликнула встревоженно она,—повѣрь что есабы было что-нибудь важное...

Онъ остановилъ ее еще разъ:

— Развѣ я этого не знаю, другъ мой! онъ протянулъ ей руку и нѣжно пожалъ ей заходящія пальцы:—ты должна

помнить что я всегда и во всемъ вѣрю болѣе инстинктамъ твоего сердца чѣмъ самымъ мудрымъ соображеніямъ... Да и дочери твоей инстинкту вѣрю, добавилъ онъ какъ-то особенно вѣско,—скажи ей чтобъ она вѣхала съ Богомъ коли расудила что ей такъ надо.

Онъ усмѣхнулся и прибавилъ:

— И даже можетъ не приходить прощаться со мною если думаетъ что почему-нибудь ей будетъ при этомъ *неловко*.

Александра Павловна схватила его шею рукой и вѣжливо прижалась губами къ его лбу:

— Лучше тебя человекъ вѣтъ на свѣтѣ, Борисъ!

XX.

Гриша вернулся во Всѣхсвятское часу въ восьмомъ—онъ пообедалъ въ городѣ—и пошелъ прямо къ отцу: состояніе его здоровья съ нѣкоторыхъ поръ, какъ замѣчалъ Гриша, заставляло задумываться Николая Ивановича Фирсова. Онъ засталъ у него толстака доктора, видимо старѣвшагося разсѣять больного какими-то смѣхотворными разказами отъ чего-то (сынъ это сейчасъ же прочелъ на лицѣ отца) явно тревожившаго старика.

Объясненіе этого чего-то не замедлило:

— А ты знаешь, едва вошелъ онъ въ комнату, обратился къ нему Павелъ Григорычъ,—„райская-то птичка наша“, какъ называлъ ее покойный Василий..

— Марья Борисовна! вскрикнулъ съ какимъ-то внезапнымъ предчувствіемъ „несчастія“ Гриша.

— Да.

— Чтѣ же... она...? не былъ въ силахъ договорить онъ.

— Улетѣла.

— Какъ улетѣла?..

Докторъ насильственно (Гриша это чутьемъ почувалъ) расхохотался:

— Какъ взлетаютъ вообще пернатые—взмахнутъ крыльями и прр...! Пристала къ Александрѣ Павловнѣ графиня Бородина: пришли да пришли твою красавицу погостить ко мнѣ. Той и не хотѣлось, и откладывала... а тутъ вдругъ рѣшилась, какъ это у нихъ всегда бываетъ, возьму молъ и поѣду. И поѣхала съ женой моею на нѣсколько дней. Очень просто.

— Нѣтъ, недовѣрчиво закачалъ головой старый морякъ, пытаясь и съ новою тревогой вглядываясь изъ-подлобья въ лицо сына,—не такъ просто какъ вы говорите. Прибѣжала она ко мнѣ проститься, и пяти минутъ посидѣть не хотѣла. „Спѣшу“, говоритъ, „ѣхать надо“, разцѣловала въ обѣ щеки, и вонъ! Только лицо ея темнѣе тучи и сдерживается, вижу, наслушавшись чтобы не расплакаться... Вышло у тебя что-нибудь съ нею, суровымъ тономъ вырвалось у него вдругъ.

— Чтò же могло выйти, батюшка? трелетно возразилъ Гриша:—мы у васъ всѣ вмѣстѣ вечеромъ сидѣли и вы видѣли сами какъ она была весела и, по обыкновенію... *дружелюбна со мною*. А сегодня я уѣхалъ въ городъ до завтрака и не видѣлъ ее.

— Не знаю, протянулъ неопредѣленно старикъ и опустил голову опять.—Ну, а ты чтò же такъ поздно вернулся сегодня, спросилъ онъ чрезъ мигъ, стараясь видимо отвлечься отъ волновавшихъ его мыслей,—особенное что-нибудь было, новое?

— Н-нѣтъ, ничего особеннаго, пролепеталъ Гриша насколько могъ твердо.

„Особенное“ и „новое“ было, напротивъ, имъ получено въ этотъ день, а именно—официальное письмо на его имя отъ губернскаго предводителя, съ предложеніемъ созвать экстраординарное собраніе ***скаго дворянства для выбора преемника выбывшему изъ должности Павлу Григорьевичу (новый, очевидно враждебный ему, губернаторъ не терялъ времени, какъ могъ изъ этого убѣдиться Гриша). Но сообщить объ этомъ отцу въ эту минуту онъ не почелъ возможнымъ; это значило бы еще болѣе растрожить старика. „Переговорю лучше прежде съ Борисомъ Васильевичемъ“, рѣшилъ онъ внутренно... Его къ тому же разбирало самого мучительное волненіе, хотѣлось скорѣе разузнать чтò могло дѣйствительно побудить Машу къ этому ея внезапному, „невѣроятному“ отъѣзду „безъ слова объясненія, безъ намека на него. Она еще вчера рѣшительно не хотѣла ѣхать“, вспоминалъ онъ—и „вдругъ“...

Глаза его безпокойно перебѣгали отъ отца къ доктору. „Онъ все знаетъ, Николай Ивановичъ“, чуялъ онъ—„и скрываетъ, и нарочно отварачиваетъ глаза отъ меня. Чтò же случилось, Господи!.. Неужели“... И сердце его нестерпимо забилось теперь въ груди: о прогулкѣ его съ Сусальцевой,

сказалось ему совершенно ясно, тѣмъ или другимъ путемъ дошло до нея...

— Я еще никого изъ нашихъ не видалъ сегодня, сказалъ онъ громко съ притворнымъ равнодушіемъ и въ то же время стараясь еще разъ уловить видимо избѣгавшій его взглядъ взгляда доктора.

— Стулай, стулай, послѣшно промолвилъ Павелъ Григорьевичъ, — да скажи, коли спросать, что я ихъ опять жду чай пить ко мнѣ сегодня.

— А я вамъ не совѣтую, воскликнулъ на это Фирсовъ, — вы нынче утомлены, спать вамъ лечь раньше слѣдуетъ.

— Ну, тамъ увидимъ! Сами вы сегодня соломенный вдовецъ, останетесь у меня чаевать, тамъ, коли что, скажете въ свое время, а я пока чувствую себя ничего.

Гриша поцѣловалъ руку отца и вышелъ со спокойнымъ видомъ изъ комнаты. Но съ лѣстницы слетѣлъ онъ со стремительностью двадцатилѣтняго юноши.

Онъ быстро пошелъ чрезъ садъ по направленію покоевъ Бориса Васильевича.

Въ большой аллеѣ кинулся ему въ глаза обликъ Лариной, въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, сидѣвшей на скамьѣ съ книгой въ рукѣ.

— Настасья Дмитриевна! проговорилъ онъ, невольно оставиваясь.

— Ахъ, это вы, Григорій Павлычъ, произнесла она въ свою очередь съ необычайною ей живостью, — вы только что вернулись?

— Да, сказалъ онъ подходя, — только что...

— И знаете?...

Голосъ ея чуть чуть дрогнулъ.

— Объ отъѣздѣ Марьи Борисовны? необинуясь договорилъ онъ за нее, — знаю... Что побудило ее къ этому, скажите ради Бога, если это вамъ извѣстно! вскрикнулъ онъ неудержимо.

Она медленно повела головой ввизъ.

— Да, и могу вамъ сказать, потому что, полагаю, это вамъ нужно знать, медленно выговорила она. — Садитесь сюда, Григорій Павлычъ!

И она кинула на мѣсто подлѣ себя на скамьѣ.

Онъ ловиновался.

Въ первый еще разъ съ тѣхъ поръ какъ гостила она во Всѣхсвятскомъ очутились они наединѣ. Они до этой минуты

словно по какому-то иному соглашенію избѣгали другъ друга. Въ присутствіи ея Гриша чувствовалъ какую-то странную неловкость, которую и онъ едва былъ въ силахъ скрывать, и на первыхъ же порахъ подмѣтила все видѣвшіе глаза Маша, не разъ подсмѣивавшейся надъ нимъ по этому поводу. „Не похожа на старшую сестрицу, такъ и не имѣетъ счастья вамъ нравиться“, говорила она ему... Что сказывалось въ сердцѣ Лариной при видѣ челоуѣка, перваго, „единственнаго“, о которомъ въ мучительные дни многострадальной жизни своей въ Юрьевѣ думала она съ размягченнымъ, полнымъ невидомой ей до тѣхъ поръ сладостной тревоги чувствомъ, мы не знаемъ. Но дни эти были уже далеки, и ничего не хотѣла теперь болѣе любить Настасья Дмитриевна, ничего кромѣ своего искусства... Ничто и въ настоящую минуту не говорило въ ней кромѣ горячаго желанія „помочь“ ему, „помирить“ съ *мной*—съ этимъ „преествнымъ“ молодымъ созданіемъ“ къ которому влеклась она какимъ-то двойнымъ чувствомъ сердечнаго сочувствія и артистическаго восхищенія.

— Сестра была здѣсь сегодня, начала она прямо.

— Сестра ваша! повторилъ, замирая, Гриша.

— Да... и спрашивала про васъ, говоря что не услѣла сказать вамъ все что хотѣла когда вы—она не сказала когда именно—вздали куда-то вѣсть, и что ей надобно поэтому опять васъ видѣть...

— При Марьѣ Борисовнѣ говорила? съ судорожною послѣшностью спросилъ онъ.

— Она ее именно просила передать вамъ.

Онъ схватился за голову:

— Что же сказала на это... Маша?...

— Что она исполнить ея порученіе.

— А потомъ?..

— Я тутъ ушла къ себѣ переодѣться послѣ дороги, а затѣмъ зашла къ Александрѣ Павловнѣ и узнала отъ нея что Марья Борисовна сегодня же ѣдетъ къ теткѣ...

— Какъ же, какъ же говорила она вамъ объ этомъ, спрашивалъ онъ самъ не свой:—не говорила, не намекала ни на что?

— Я не могла не замѣтить что на душѣ у нея было не хорошо, и мнѣ тутъ же пришло въ голову что этотъ внезапный отъѣздъ имѣлъ причиной то что сказала сестра. Но сама Александра Павловна ни словомъ не намекнула на это, а я конечно не рѣшилась спросить.

— А, Маша?.. Марья Борисовна что? Видѣли вы ее предъ отъѣздомъ?

— Она забѣгала ко мнѣ проститься, извинялась, милая, за „неучтивость“, говоря что „должна, непременно должна уѣхать“.

— И не объяснила почему?..

— Объяснила, Григорій Павлычъ, отвѣтила не сейчасъ Ларина и вздохнула: — я спросила ее, отчего же такъ внезапно, такъ неожиданно рѣшилась она на этотъ отъѣздъ. „Спросите вашу сестрицу“, отвѣтила она и тутъ же убѣждала стремглавъ, видимо не желая ни слова сказать больше.

— Ахъ, эта ваша „сестрица“! вырвалось у Гриши стовомъ. Онъ схватилъ обѣ ея руки, сжалъ до боли.

— Такъ слушайте же, слушайте что она со мной сдѣлала, я считаю себя въ полномъ правѣ разказать это вамъ!

Онъ передалъ ей слѣшно, горячо, стараясь не забыть ни малѣйшей подробности и постоянно лутаясь въ словахъ отъ волненія, весь эпизодъ „нежданной, негаданной“ прогулки своей съ Антониной Дмитріевной, этой „проклятой прогулки“, говорилъ онъ, бессильный уже умѣрять свои выраженія.

Ларина слушала его глубоко внимательно и печально; горькая улыбка ловодила то и дѣло углы ея сжатыхъ губъ. Она „узнавала сестру“ въ этомъ холодномъ, въ этомъ лукавомъ прельщеніи...

— Да, протянула она когда онъ кончилъ, — Томя не переѣхалась, она все та же, безсердечная, безпощадная... Берегитесь ея, Григорій Павлычъ, вырвалось у Настасьи Дмитріевны какимъ-то глухимъ взрывомъ, — она сама несчастная въ душѣ и не переноситъ счастья другихъ... Я понимаю теперь, она нарочно захотѣла сама отвезти меня сегодня сюда чтобъ имѣть случай сказать Марьѣ Борисовнѣ то что сказала, зная что встревожитъ этимъ пылакое молодое сердце.

— Вѣдь это просто изъ одного желанія зла, безо всякаго сколько-нибудь уважительнаго побужденія! вскакнулъ Гриша.

Ларина покачала головой.

— Не совсѣмъ такъ! Уязвить, нанести сердечную рану она намѣрена была, это само собою; но при этомъ, повѣрьте, и сама она страдаетъ. Любить она едва ли кого въ состояніи, но едва ли кѣмъ, я убѣждена, дорожить она въ эту

минуту болѣе чѣмъ вами, потому именно что вы ушли изъ-подъ ея власти и отдали сердце другой.

— Она въ этомъ сомнѣвается, сказалъ онъ съ горечью,— она прямо говоритъ что послѣ ея нельзя полюбить другую.

— И говорить это вполне въ этомъ увѣренная, я знаю, и въ то же время терзается не то ревностью, не то досадою; душа ея темный лабиринтъ изъ котораго сама она не знаетъ какъ выйти на свѣтъ солнечный... Берегитесь ея, Григорій Павлычъ! горячо произнесла Ларина.

— Я надѣюсь никогда болѣе не имѣть случая встрѣтиться съ нею! чуть не закричалъ въ возбужденіи своемъ Гриша,—она поступила со мною какъ злѣйшій врагъ, предательски, постыдно... но это должно разъясниться для всѣхъ, для Маши, и вы, именно вы можете это сдѣлать. Она, Марья Борисовна, полюбила васъ, Настасья Дмитревна, я знаю, и очень уважаетъ; она повѣритъ вамъ если вы ей напишете есе, какъ я вамъ разказалъ, и узнаетъ почему въ первую минуту я ничего не сказалъ объ этой прогулкѣ Александръ Павловичъ, не придавая этому значенія и смущаясь въ то же время... ну да, смущаясь передавать объ этой попыткѣ сестры вашей... *искусить* меня что ли... не знаю ужъ право какъ сказать, но вы понимаете меня, надѣюсь?

Она слабо усмѣхнулась.

— Понимаю, Григорій Павлычъ, и объясню Марьѣ Борисовнѣ какъ сумѣю. Я напишу ей сегодня же чтобъ она завтра утромъ получила письмо.

— Спасибо вамъ отъ души!

Онъ встряхнулъ ей руку крѣпкимъ дружескимъ пожатіемъ и поднялся съ мѣста.

— Я еще никого не видѣлъ сегодня; иду къ Борису Васильевичу... ни онъ, ни Александра Павловна, это напередъ можно сказать, ни словомъ ни взглядомъ не намекнуть мнѣ обо всемъ этомъ; я со своей стороны никакого объясненія вызывать не стану, надѣясь на благотворную силу вашего письма, договорилъ Гриша съ умоляющимъ отгѣвкомъ въ голосъ, — которое избавить меня, надо полагать, отъ тяжелаго... и гаулаго положенія какого-то подсудимаго на скамьѣ обвиняемыхъ.

— Я сейчасъ же пойду писать, отвѣтила она ему на это, подымаясь съ мѣста въ свою очередь.

У Бориса Васильевича Гриша засталъ бывшего исправника

Ипатьева, гостившаго уже третью сутки во Всѣхсвятскомъ и постулавшаго, по предложенію Троекурова, главноуправляющимъ его малорусскими имѣніями. Они были заняты разсмотрѣніемъ всевозможныхъ документовъ по этимъ имѣніямъ, которые хозяинъ вынималъ одинъ за другимъ изъ особаго большаго портфеля и, окинувъ ихъ взглядомъ, передавалъ затѣмъ Ипатьеву, дѣлавшему по нимъ какія-то отмѣтки въ своемъ бумажникѣ.

— Вы заняты? сказалъ Юшковъ, входя и раскланиваясь.

— Сейчасъ кончаемъ... Вы не мѣшаете, Гриша, и знакомы со всѣмъ этимъ, примолвилъ Троекуровъ (молодой человекъ дѣйствительно былъ досконально знакомъ со всѣми дѣлами Бориса Васильевича и ревизовалъ даже два раза на мѣсто, по его порученію, управляющихъ этими его имѣніями въ Малороссіи).

Гриша пристѣлъ. Борисъ Васильевичъ передалъ послѣдній документъ изъ лежавшихъ въ портфель Ипатьеву и обернулся къ нему:

— Засидѣлись сегодня въ городѣ! произнесъ онъ своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ, но въ которомъ Гришѣ, въ его душевной тревогѣ, почувалось будто что-то холодно намѣшляное.

— Бумагу получилъ отъ губернскаго предводителя, послѣдшилъ онъ отвѣтить, — съ предложеніемъ созвать дворянство для новыхъ выборовъ на мѣсто батюшки.

— А, услѣли ужь!

Ипатьевъ записалъ въ бумажникъ номеръ переданнаго ему документа и поднялъ голову:

— Объ этомъ самомъ должно-быть и писалось господиномъ губернаторомъ предводителю въ губернію изъ Дунавдинской усадьбы когда онъ тамъ былъ. Въ пакетѣ съ бумагами доставленномъ мнѣ оттуда отъ него было и это письмо для отправки по почтѣ.

— А тотъ, само собою, послѣдшилъ исполнить желаніе его превосходительства, презрительно уронилъ Троекуровъ.

— И не совсѣмъ законно, замѣтилъ Юшковъ: — по 247 статьѣ тома IX о дворянствѣ, „если кандидатъ уѣзднаго предводителя, имѣющій замѣнять его въ случаѣ отсутствія или болѣзни, не можетъ по той или другой причинѣ исправлять эту должность, то она поручается депутату дворянства, а

если и этого не можетъ, то въ должность вступаетъ старшій застѣдатель опеки—до новыхъ выборовъ, разумеется.

— Да, но въ предыдущей статьѣ, взгляните—и Борисъ Васильевичъ кивнулъ на одну изъ полокъ библіотеки, на которой разставлена была вся многотомная коллекція Свода Законовъ,—сказано что „когда откроется вакансія уѣзднаго предводителя дворянства, и для замѣщенія ея не будетъ кандидата, или онъ занять ее не можетъ, то она замѣщается во *всякомъ случаѣ* по выборамъ дворянства, подъ руководствомъ депутата, хотя бы и до общей баллотировки оставалось менѣе года“. Назначить новые выборы со стороны губернскаго предводителя совершенно законно, какъ и со стороны губернатора имѣется законное основаніе наломить ему объ этомъ... Само собою, еслибы тутъ не было задвѣй мысли, они оставили бы *status quo* до общихъ выборовъ въ ноябрѣ, но отступленія отъ закона тутъ нѣтъ никакого.

Гриша снялъ съ полки IX томъ, перечелъ указанную статью и послѣднія, не приведенныя Троекуровымъ, строки ея редакціи:

„При семъ дворянству предоставляется избирать предводителя или только до общихъ выборовъ, или вмѣстѣ съ съ тѣмъ и на слѣдующее трехлѣтіе.“

— Да, въ этомъ весь фортель, сказалъ Ипатьевъ, — имъ требуется скорѣе выбрать своего человѣка, и они, разумеется, потребуютъ избрать его на трехлѣтіе. Онъ же у нихъ готовъ въ лицѣ этого *protégé* губернатора. Въ уѣздѣ большая агитація идетъ въ пользу его.

Троекуровъ молчалъ, медленно проводя рукой по усамъ.

— Что же, какъ-то невольно вскрикнулъ Гриша,—пусть его и выбираютъ, я баллотироваться не стану.

— Это почему же? поднялъ на него холодно вопросительные глаза Борисъ Васильевичъ.

— Что же за охота проѣхаться на вороныхъ.

— А еслибы и такъ, убудетъ васъ, что ли, отъ этого.

— Для чего же идти прямо на увѣженіе, Борисъ Васильевичъ.

— Пастъ въ правомъ бою почиталось прежде всегда подвигомъ; не знаю какъ на это смотрится теперь, у васъ... А впрочемъ какъ знаете.

Бывшій исправникъ заговорилъ снова:

— Для чего имъ такъ и уступать безъ борьбы, Григорій Павловичъ! На то конечно разчитывать нечего чтобы вамъ безъ баллотировки поднесли ящикъ съ бѣлыми шарами, но возьмутъ ли они верхъ, это еще бабушка на двое сказала. Батюшка вашъ такимъ общимъ уваженіемъ пользовался что изъ-за одного этого многіе не рѣшались положить вамъ на лѣво; да притомъ и тѣ-то господа не особенно много почтенія къ себѣ внушаютъ. Хоть бы самый этотъ господинъ Свищевъ, который всю эту интригу ведетъ, со своею желѣзною дорогой...

— И таинственною особой въ Петербургъ, отъ имени которой будто бы работаетъ овъ... Поворотъ это все! съ неудержимымъ негодованіемъ вырвалось у Бориса Васильевича.

— Я батюшкѣ ничего еще не говорилъ о предложеніи предводителя, какъ бы робко сказалъ взглянувъ на него Гриша, — боялся его встревожить...

— Да, овъ не хорошъ въ эти послѣдніе дни, и брови Бориса Васильевича озабоченно сдвинулись. — Что же вы, распоруженія сдѣлали по этому предложенію? коротко спросилъ овъ чрезъ мигъ.

— Да, сегодня же повѣстки послалъ и прочее.

Разговоръ какъ-то разомъ замолокъ.

Гриша чувствовалъ что ему нужно, „необходимо“ коснуться „такъ или иначе“ отъѣзда Маши. Это былъ слѣшкомъ вѣскій фактъ въ интимной жизни Всѣхсвятскаго и нельзя было „пройти его молчаніемъ“. Овъ нѣсколько разъ подымалъ глаза на погружившагося въ новое молчаніе Бориса Васильевича и снова опускалъ ихъ, ловода въ сторону Ипатьева сидѣвшаго у стола съ карандашемъ въ рукѣ, которымъ выводилъ на клочкѣ бумаги какія-то цифровыя вычисленія, и наконецъ рѣшился:

— А Марья Борисовна уѣхала? произнесъ овъ насколько могъ спокойноѣ.

— Да... Къ двоюродной сестрѣ моей Бородиной, объяснилъ „тономъ какого-то официального отчета“, показалось Гришѣ, отецъ ея.

— И надолго?...

— Не знаю.

Разговоръ опять упалъ, словно отъ собственной тяжести.

— Это такъ неожиданно... пролетѣлъ Юшковъ.

— Да.

„Что же еще, что спросить?“ мучительно томясь говорил себѣ Гриша.

— Съ Лисьяго Дола, началъ въ эту минуту Ипатьевъ обращаясь къ новому своему патрону,—по существующей арендной цѣнѣ, полагая даже крайнее по шести рублей съ десятины, меньше 18.000 рублей, по моему разчету, нельзя получить, и безобидно будетъ для народа, Борисъ Васильевичъ.

— Можно было бы конечно и до половины спустить, возразилъ тотъ,—но вѣдь это значило бы прямо посягнуть на доходы всѣхъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ.

— Само собою, ваше превосходительство.

Гриша подвинулся съ мѣста и ушелъ въ садъ.

Б. МАРКЕВИЧЪ.

Г Л А В А

ИЗЪ ИСТОРИИ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ началъ совершаться въ нашей литературѣ поворотъ въ направленіи которому она съ тѣхъ поръ слѣдовала неуклонно, которому отчасти слѣдуетъ и донынѣ. Въ этомъ направленіи совершилось, а отчасти еще совершается дѣятельность дѣлаго полковника беллетристовъ, критиковъ, публицистовъ, литературныхъ дѣятелей всякаго рода. Люди воспринявшіе извѣстную теорію изъ устъ самихъ первоучителей, Бѣлинскаго и Герцена, эти *послѣдніе изъ людей сороковыхъ годовъ*, перебирали или перебираютъ все написанное и сказанное ихъ кумирами, заботливо записываютъ оброненныя ими слова и междометія, * и сооружаютъ или сооружали теорію изъ ихъ импровизацій, другіе производили и производятъ изслѣдованія въ области литературы и исторіи на основаніи этихъ теорій, третьи примѣняли и

* Покойный Тургеневъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* рассказываетъ какъ онъ знакомилъ Бѣлинскаго съ Парижемъ. „Я привелъ его на площадь Согласія, пишетъ Тургеневъ, и замѣтилъ что на самой этой площади во время революціи стояла гильотина и что тутъ отрубана голова Лудовику XVI; онъ посмотрѣлъ вокругъ, сказалъ: а! и вспомнилъ сцену“... (Соч. Тургенева т. I, 60).

принималъ эти теоріи къ произведеніямъ беллетристики, отрицая все не подходящее подъ шаблонъ этихъ теорій.

Что *люди сороковыхъ годовъ* и ихъ послѣдователи отрицаютъ и даже предаютъ анаемѣ все не подходящее подъ ихъ шаблонъ, что они называютъ тулицей или поддежомъ всякаго осмѣливающагося „свое сужденіе имѣть“—этому мы не должны удивляться. Это—*alte Geschichte, doch immer neu*. Это повтореніе *людьми сороковыхъ годовъ* того самаго что производилось вѣкогда въ отношеніи къ нимъ поклонниками Державина и послѣдователями Карамзина, это то самое противъ чего *люди сороковыхъ годовъ* протестовали въ свое время, надъ чѣмъ смѣялись какъ надъ бессмысленною рутиной, что клемили печатью позора... Но не въ этомъ дѣло, и не это занимаетъ насъ теперь. Намъ хотѣлось бы обратить вниманіе людей съ независимыми убѣжденіями на то что въ теоріяхъ возобладавшихъ у насъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ изслѣдованіяхъ сдѣланныхъ подъ ихъ вліяніемъ, а также и въ беллетристикѣ руководившейся этими теоріями, ужасно много лжи сознательной и бессознательной. Намъ хотѣлось бы чтобы люди безпристрастные и независимые по своему образу мыслей занялись наконецъ провѣркой этихъ теорій и этихъ изслѣдованій, чтобы они занялись самостоятельно, на ново сдѣланною оцѣнкой беллетристическихъ произведеній, какъ тѣхъ которыя въ сороковыхъ и послѣдующихъ годахъ признаны негодными, такъ и тѣхъ которыя поставлены были въ образецъ. Ибо, повторяемъ, много, очень много нагапо въ нашей литературѣ за послѣднія 40—45 лѣтъ. Нужны ли доказательства? Извольте. Разрушая литературные авторитеты, Вѣлицкій, какъ извѣстно, нанесъ руку и на Державина, а въ 1843 году посвятилъ ему большую отдѣльную статью. Въ главныхъ чертахъ оцѣнка его, по нашему мнѣнію, справедлива. Но тѣмъ удивительнѣе что говоря довольно подробно о многихъ одахъ Державина, посвятивъ, напри- мѣръ, *Водопаду* семь страницъ, онъ посвящаетъ одѣ *Боез* всего десять строкъ. И что же говорить онъ о ней? Что она „считалась“ лучшею изъ всѣхъ одъ Державина и что въ сущности это ода изъ замѣчательнѣйшихъ между ними. Больше ничего. Казалось бы, какъ не привести нѣсколько строкъ, ну хоть нѣсколько стиховъ изъ этой оды, когда цѣлая страница статьи Вѣлицкаго занята перепечатками изъ *Водопада*, *Видѣнія Мурзы*, *Фелицы* и пр.? Вѣдь на чемъ-нибудь же

основанъ былъ приговоръ современниковъ оды *Богъ*, признавшій ее лучшимъ перломъ Державина. Вѣдь что-нибудь же побудило перевести ее на всѣ или почти всѣ европейскіе языки, вѣдь не даромъ же сложилась приводимая самимъ Бѣлинскимъ легенда, будто эта ода переведена и на китайскій языкъ и вышита шелками и золотомъ. Послѣдователи Бѣлинскаго пошли дальше. Одинъ изъ нихъ, авторъ весьма серьезной и весьма пространной исторіи нашей литературы, вовсе обходитъ молчаніемъ знаменитую оду Державина; другой авторъ вовсе обходитъ Державина молчаніемъ; третій обвиняетъ его „въ моральничаньѣ“. Третій изображаетъ его не только моралистомъ, но просто полемистомъ уснащающимся „представить твердые доводы для подкрѣпленія убѣжденій которыя колебались“ въ данную эпоху. При этомъ онъ замѣчаетъ что одѣ лишь сатирическія черты удавались Державину... Назвать Державина сатирикомъ, показать слѣдовательно что и въ оныя времена порядочные люди не были довольны, что „славный Екатерининскій вѣкъ“ есть фикція выдуманная подаю угодицостью и низкопоклонствомъ, это было и ортодоксально и ловко. Такимъ образомъ, если Державинъ не былъ вовсе исключенъ изъ учебниковъ, то представляенъ былъ тамъ въ какомъ-то фантастическомъ видѣ, даже не сатирикомъ, а какимъ-то не то весельчакомъ, не то льстецомъ и зубоскаломъ. Изъ всѣхъ сочиненій Державина признано было полезнымъ знакомить молодыя поколѣнія лишь съ *Фелицей* и *Видѣніемъ Мурзы*, и можно вообразить себѣ какъ рисуются на его счетъ „развитые“ учителя предъ своими учениками! А Карамзинъ, а Жуковскій? Развѣ можетъ говорить о нихъ безъ свисходительно-презрительной улыбки человекъ воспитанный на сочиненіяхъ Бѣлинскаго, покланяющійся Чернышевскому, Добролюбову и Писареву? Въ глазахъ такого человѣка и Пушкинъ въ сущности не болѣе какъ пошлякъ, крѣпостникъ и (о ужасъ!) камеръ-юнкеръ, а Базаровъ—образецъ для молодыхъ поколѣній. Еще недавно, въ книжкѣ изданной въ 1883 году и предназначенной для руководства учителямъ сказано: „...убѣжденія Базарова, очевидно, кромѣ взглядовъ его на искусство и поэзію... не могутъ не вызвать въ насъ сочувствія“, — мысль высказанная впрочемъ еще прежде Тургеневымъ въ его *Воспоминаніяхъ*. Изучать Базарова въ качествѣ „воспитательнаго

васмента“ признанъ полезнымъ въ прямомъ, не отрицательномъ смыслѣ.

Пересмотръ теорій, изслѣдованій, вообще мыслей лущенныхъ въ оборотъ *людьми сороковыхъ годовъ* и ихъ продажателями, повторяемъ, представляется крайне нужнымъ. Но это работа многихъ годовъ и многихъ рукъ. Тѣмъ безотложнѣе за нее надо приниматься; одѣмъ изъ этихъ мыслей сабдуоть отдать полную справедливость, противъ другихъ возражать, а главное—обличать ложь, фальшь, тенденцію. Мы со своей стороны приводимъ два случая заставляющіе съ прискорбіемъ и горестью повторять: *et voilà comme on écrit l'histoire!*

Въ 1836 году въ московскомъ журналѣ *Телескопъ* напечатано было одно изъ *Философическихъ Писемъ* Чаадаева *. Объ этомъ *Письмѣ*, а также и о его авторѣ было много писано въ послѣднія двадцать лѣтъ, но едва ли и оны, и оно представляемы въ надлежащемъ освѣщеніи. Такъ, наприимѣръ, г. Пылинъ, во многочисленныхъ своихъ изслѣдованіяхъ, изображаетъ Чаадаева прежде всего и по преимуществу скептикомъ; третья глава его *Характеристикъ литературныхъ мнѣній*, посвященная Чаадаеву. По мнѣнію г. Пылина, Чаадаевъ былъ великій скептикъ и родоначальникъ скептицизма въ Россіи. Въ этомъ мѣтѣ и тѣни правды. Надѣемся подкрѣпить это заявленіе вѣскими доказательствами, изъ коихъ первое—самое содержаніе статьи Чаадаева.

Философическія Писемъ написано было Чаадаевымъ не менѣе трехъ. Въ *Телескопѣ* же напечатано только первое, появленіе коего не только повлекло за собою запрещеніе продолжать печатаніе *Писемъ*, но прекращенъ былъ и самый журналъ. Письмо Чаадаева адресовано къ какой-то дамѣ жаждущей духовной истины. Чаадаевъ совѣтуетъ ей обратить прежде всего вниманіе на вѣтшность религіи, на обрядъ. „Кажется, пишетъ оны, я говорилъ вамъ однажды что религіозное чувство поддерживается лучше всего исполненіемъ постановленій церкви. Это упражненіе въ локорности которое заключаетъ въ себя гораздо болѣе нежели предполагають, которое

* Оно перепечатано in extenso, кажется, единственно въ *Полярной Звездѣ* Герцена.

налагаю на себя величайшіе умы по явленію разсужденію, съ полнымъ сознаниемъ, есть настоящее существованіе Бога“... Кажется это не языкъ и не мыслъ скептика. Авторъ настаиваетъ на этой мысли и заявляетъ что она можетъ показаться новою только у насъ. Но, говоритъ онъ, одна изъ нашихъ жалкихъ особенностей состоитъ въ томъ „что истинны давно извѣстныя въ другихъ странахъ и даже у народовъ во многихъ отношеніяхъ меньше насъ образованныкъ, у насъ только-что открываются. И это отъ того что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами“...

Послѣдняя мысль составляетъ основу содержанія всего письма Чаадаева, и къ развитію ея онъ приступаетъ немедленно. „Мы, говоритъ онъ, не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человечества—ни къ Западу, ни къ Востоку—и не имѣемъ преданій ни того ни другаго. Мы существуемъ какъ бы вѣкъ времени, и всемірное развитіе человѣческаго образованія не коснулось насъ“. Оттого все у насъ неустойчиво, шатко, смутно; „нѣтъ добрыхъ обычаевъ, нѣтъ даже семейнаго средоточія“... „Дома мы будто на постоя, въ семействахъ какъ чужіе, въ городахъ какъ будто кочуемъ“. Такими созидала насъ исторія. „Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унижительное владычество завоевателей, владычество слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладилась соловымъ и донымѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности! Мы соловымъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни соответствующая этому возрасту наполнена существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силъ, безъ энергіи. Нѣтъ въ ламатѣ чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ, наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ“. „Чтобы сравняться съ прочими образованными народами намъ надобно переначать для себя все воспитаніе человѣческаго рода. Для этого предъ нами исторія народовъ и плоды движенія вѣковъ“.

„Мы, продолжаетъ Чаадаевъ, явились въ міръ какъ незаконнорожденныя дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми которые намъ предшествовали, не усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго“. „Это есть сѣдствіе образованія совершенно призрачнаго, подражательнаго. У насъ нѣтъ развитія собственнаго, самобытнаго, совершен-

ствозанія логическаго. Старыя идеи уничтожаются новыи потому что послѣднія не истекають изъ первыхъ, а заладають къ намъ Богъ знаетъ откуда“. „Мы растемъ, но не зрѣемъ“. „Мы подобны дѣтямъ которыхъ не заставляли разсуждать; возмужавъ они не имѣють ничего соботвеннаго; все ихъ знаніе во внѣшности ихъ существованія, во внѣшности вся дума ихъ“. Возвращаясь къ мысли о западѣ (Рима и Греціи) романскихъ и германскихъ народовъ и о ихъ между собою солидарности, Чаадаевъ называетъ это „атмосферой Запада“ въ которой „каждое частное лицо безъ утомленія, безъ труда собираетъ на жизненномъ пути свѣдѣнія разблѣяныя въ обществѣ и употребляетъ ихъ въ свою пользу“. Такимъ образомъ, незамѣтно и неотразимо человекъ Запада воспринимаетъ „идеи долга, закона, правды, порядка“. У насъ этого нѣтъ, и вотъ одна изъ причинъ нашего прилиженнаго положенія въ человѣческой семьѣ, выражающагося въ самой даже внѣшности нашей: „въ нашемъ взглядѣ я нахожу что-то чрезвычайно неопредѣленное, холодное, нѣсколько сходное съ физиономіей народовъ стоящихъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы“.

„Массы сами не думаютъ; посреди ихъ есть мыслители которые думаютъ за нихъ, возбуждаютъ собирательное разумѣніе націи и заставляютъ ее двигаться впередъ. Такіе двигатели были у западныхъ народовъ даже въ варварскія времена: Кельты, Скандинавы, Германцы имѣли Друидовъ, Скальдовъ, Бардовъ; это были сильныя мыслители, разумѣется, въ своемъ родѣ“. „Теперь спрашиваю васъ, гдѣ наши мудрецы, наши мыслители?“ „Отшельники въ мѣрѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не приобщили ни одной идеи къ массѣ идей человечества, ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все что сообщало намъ это совершенствованіе“. Мало того: „въ крови у насъ есть что-то отталкивающее, враждебное просвѣщенію“...

„Ведомые злою судьбой, мы заимствовали лервыя сѣмена нравственнаго и умственнаго просвѣщенія у растлѣнной, презираемой всѣми народами Византіи. Мелкая суетность только что оторвала ее отъ всемірнаго братства, и мы приняли отъ нея идею искаженную человѣческою страстію. Что же вышло? Вся исторія Запада развилась изъ христіанскаго начала, она прокикута стремленіемъ къ объединенію человѣческой

мысли; „всякое побужденіе проявлялось могучею потребностью отыскать одну всемірную идею“... „Характеръ новѣйшаго общества былъ уже опредѣленъ; міру христіанскому недоставало только формъ прекраснаго, и онъ отыскалъ ихъ обративъ взоры на древности азычества... Уединившись въ свои пустыняхъ, мы не видали ничего происходившаго въ Европѣ. Мы не вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы остались чужды высокимъ доблестямъ которыми религія оарила новѣйшія поколѣнія и которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышаютъ ихъ надъ древними народами“... „Въ насъ не развились эти новыя силы... эта кротость нравовъ потерявшихъ свое первобытное звѣрство отъ покорности власти безоружной. Несмотря на названіе христіанъ мы не тронулись съ мѣста, тогда какъ западное христіанство величественно шло по пути начертанному его Божественнымъ Основателемъ. Міръ пересоздавался, а мы прозабали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и соломы“... „Вспомните что въ продолженіе пятнадцати вѣковъ они (люди Запада) молились Богу на одномъ языкѣ, покорялись одной нравственной власти, имѣли одно убѣжденіе; вспомните что въ продолженіе пятнадцати вѣковъ каждый годъ въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ, одними и тѣми же словами, всѣ вдругъ они возносили хвалебныя гимны Всевышнему, торжествуя величайшее изъ Его благодѣланій“...

И если, говоритъ Чаадаевъ, „эта сфера въ которой живутъ Европейцы—сфера единственная гдѣ человѣчскій родъ можетъ достигнуть своего конечнаго предначначенія—есть плодъ религіи; если, напротивъ, враждебныя обстоятельства отстранили насъ отъ общаго движенія въ которомъ общественная идея христіанства развилась и приняла извѣстныя формы; если всѣ эти причины отбросили насъ въ категорію народовъ которые не могли воспользоваться всѣмъ вліяніемъ христіанства,—то не очевидно ли что должно стараться оживить въ насъ вѣру всеми возможными способами? Вотъ что я хотѣлъ сказать, говоря что у насъ должно переначать все воспитаніе человѣческаго рода“. Въ заключеніе авторъ еще разъ старается доказать что вся исторія, все развитіе Европы были результатомъ христіанства и совершались въ сферѣ онаго. Въ ходѣ этого развитія можно указать на примѣры фанатизма и суевѣрій, это правда; но „нужь поверх-
мостная философія волиеть что хочеть противъ войскъ за

вѣру, противъ костровъ зажженныхъ нетерпимостью: мы можемъ только завидовать народамъ которые въ этой ошибкѣ мнѣній, въ этой кровопролитной борьбѣ за истину создали себѣ цѣлый міръ идей“...

Таково содержаніе пресловутаго „Чаадаевского Письма“, надѣлавшаго столько шума въ свое время и которому и теперь еще стараются навязать характеръ политическаго лампаса. Какъ бы мы ни рассматривали этотъ документъ, какъ бы ни поворачивали и ни комментировали, въ немъ нѣтъ ни скептицизма, находимаго г. Пылинымъ, ни фроддерства, которое усматриваетъ въ немъ Герценъ. Чаадаевъ вовсе даже не касается современнаго положенія Россіи, а что касается скептицизма въ обыкновенномъ значеніи этого слова, то мы готовы повторить съ однимъ изъ современниковъ Чаадаева что онъ въ *Письмѣ* своемъ сострадавалъ акакией лалѣ.* Будь подъ этимъ *Письмомъ* подписано имя заграничнаго, особенно католическаго и французскаго мыслителя, въ родѣ напримеръ Монтеалембера, мы не нашли бы въ его воззрѣніяхъ ничего неожиданнаго, ничего много разъ уже не высказаннаго. Во всемъ вышеприведенномъ, Чаадаевъ не только не скептикъ, но исполненъ сѣвлой вѣры въ приватныя имъ отъ чужихъ мыслителей воззрѣнія. Чтѣ въ самомъ дѣлѣ говорить Чаадаевъ? Онъ говоритъ что историческія и географическія условія не дали намъ принять участія въ ходѣ всемірной исторіи, въ развитіи всемірной культуры: развѣ это не говорили намъ сто разъ? Развѣ не конфузился Бланинскій что мы де ничего не совершили для человѣчества? Развѣ одинъ изъ героевъ Тургенева не сказалъ что мы сумѣли дать міру только самоваръ, да и то будто бы не наше изобрѣтеніе? ** А изъ этого

* *Воспоминанія объ А. Н. Герценѣ*, Свербева, *Русскій Архивъ*, 1870 года, 679.

** „Характеристика литературныхъ мнѣній“, Пыпина. *Вѣстникъ Европы*, 1871 №12, стр. 499. Эта идея,—возвзвѣтъ Чаадаеву ли принадлежащая, преобразовалась среди славянофиловъ и народниковъ *правой стороны* въ помятiе о „всечеловѣчности“ Русскаго народа,—любимую идею Достоевскаго, а крайнимъ западникамъ подала поводъ утверждать, а можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ полагать что въ Россіи легче чѣмъ гдѣ-нибудь произвести революцію не только политическую, но и социальную. Это постоянно провозглашалъ Герценъ, и вотъ единственная точка соприкосновенія съ нимъ Чаадаева.

Чаадаевъ очень послѣдовательно со своей точки зрѣнія выводитъ заключеніе что намъ надо какъ можно скорѣе примкнуть къ движенію Западной Европы, но возможности сдѣлаться съ нею, — мысль тоже не новая, напротивъ, весьма обща среди мыслителей и политиковъ Запада, мысль которая послѣ Наполеоновскихъ войнъ начала проникать въ русскіе культурные слои, а въ тридцатыхъ годахъ вырабатываться въ теорію такъ-называемаго *западничества*. Вотъ основныя воззрѣнія Чаадаева (за исключеніемъ религиозныхъ, о коихъ послѣ): что же въ нихъ оппозиціоннаго, скептическаго и особенно революціоннаго? Но печать космополитизма приложена очень сильно, это неоспоримо. Это *Письмо* было написано въ двадцатыхъ еще годахъ, очевидно подъ вліяніемъ заграничныхъ западныхъ воззрѣній. Позднѣе, въ тридцатыхъ годахъ, благодаря можетъ-быть обмѣну мыслей съ возникшею тогда школою славянофиловъ, Чаадаевъ, не отказываясь вообще отъ своихъ воззрѣній на минушія судьбы Россіи, выражалъ вѣру въ ея будущее: „Исторія (то-есть прошедшее) не принадлежитъ намъ болѣе, писалъ онъ, но будущее наше“. И на такія угованія, по словамъ Чаадаева, даетъ право именно исторія, прошедшее Россіи, ничево прочнаго и твердаго не выработавшей. Чаадаевъ съ негодованіемъ отрицаетъ взведенное на него нареканіе будто онъ желалъ бы „уничтожить всѣ наши воспоминанія“. Къ дорогимъ воспоминаніямъ онъ относилъ налрѣмѣръ 1612 годъ, — моментъ когда народъ, послѣ смуты междоусобствъ, самостоятельнымъ порывомъ своихъ силъ вновь основалъ порядокъ и возвелъ на престолъ новую династію“... *

Династію.. Мы думаемъ что тотъ кто ознакомился бы съ Чаадаевымъ чрезъ посредство воспоминаній о немъ Герцена и изслѣдованій г. Пыпина, очень удивился бы тому что этотъ будто бы „родоначальникъ русской политической оппозиціи“, что этотъ будто бы „патріархъ русскаго скептицизма“ говорить о династіи и притомъ вовсе безъ желчи, безъ „благороднаго гнѣва“, хотя приведенныя строки извлечены изъ рукописи и не подвергались сѣдовательно цензурѣ. Чаадаевъ говорить о новой династіи даже какъ о чемъ-то спаситель-

* *Du développement des idées révolutionnaires en Russie. 1853, стр. 94.*

номъ для Россіи, онъ связываетъ представленіе о ней съ представленіемъ о возстановленіи порядка. Какимъ же образомъ попалъ Чаадаевъ въ число крутившихся дѣятелей по предмету развитія революціонныхъ идей въ Россіи? А Герценъ именно представляетъ его такимъ. Въ брошюрѣ озаглавленной *De développement des idées révolutionnaires en Russie* Герценъ, описывая орудіиہ интеллигентныхъ силъ, послѣдовавшее за погромомъ декабристовъ, восклицаетъ: „Enfin il vint un homme dont l'âme débordait d'amertume... Sévère et froid, l'auteur demande compte à la Russie de toutes les souffrances dont elle abreuve un homme qui ose sortir de l'état de brute... Чаадаевъ ли это? Тотъ ли это Чаадаевъ котораго мы старались характеризовать собственными его словами? Чаадаевъ, котораго знала вся Москва,—этотъ элитный, безукоризненно опрятный джентльменъ съ доскающею во всю голову лысеной, стройный и изящный до самой смерти своей, охотникъ и мастеръ говорить, привыкшій чтобы все безмолвствовало когда онъ говоритъ, неблагодарный, самодушный до болѣзненности, капризный, дерзавшійся въ свѣтѣ съ достоинствомъ, человѣкъ умный и чрезвычайно разносторонне образованный, вообще надюжинный и очень независимо смотрѣвшій на фетишей той партіи къ которой его хотѣли причислить и къ которой мнѣ всего онъ можетъ быть причисленъ. Читатели знаютъ что пресловутая *Перемѣна* Гоголя была обругана, ослысана, проклята присамами этой партіи; они знаютъ можетъ-быть по черниламъ, а жемчю написанное по поводу этой книги письмо Вяземскаго къ Гоголю, которое Герценъ послѣдовалъ тиснуть тотчасъ по смерти автора въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ изданій какъ образецъ „благороднаго образа мыслей“. Такъ вотъ по поводу этой описанной лекціонки Герцена книга Чаадаева писалъ одному изъ своихъ петербургскихъ друзей: * „И все-таки онъ (Гоголь) и въ томъ болѣзненномъ состояніи души и тѣла въ которомъ находится сто Крестъ выше всѣхъ своихъ почитателей и, когда захочетъ, то сокрушить ихъ однимъ словомъ и размететь какъ быліе потребное...“ А біографъ Чаадаева г. Жихаревъ **

* „Неизданныя рукописи Чаадаева“, *Вѣстникъ Европы* 1871 года, № 11, стр. 337.

** *Вѣстникъ Европы* 1871 года, № 9, стр. 50.

очень вѣроятно что и посвященный въ своемъ безграничномъ самолюбіи доведеніемъ своимъ на пьедесталъ упоминаемъ о намъ въ такихъ модныхъ издаваніяхъ какими начинали быть изданія Герцена,—весьма вѣроятно, говорятъ, что Чаадаевъ былъ однако недоволенъ тѣмъ что на этомъ пьедесталѣ написано: „революціонеръ“ или по крайней мѣрѣ другъ, пособникъ революціи, распространитель революціонныхъ понятій. Это отнюдь не было почетнымъ названіемъ въ томъ кругу къ которому принадлежалъ Чаадаевъ, да и ни въ какомъ кругу тогдашней Россіи; это притомъ не зналось съ его дѣлами, съ его общественнымъ положеніемъ, съ самымъ строемъ его мыслей, вполнѣ уже раскрывшимся въ наше время благодаря обнародованію переписки Чаадаева и извлеченій изъ его неопубликованныхъ литературныхъ трудовъ. Смотрѣть пессимистически на вѣкоторыя вещи не значитъ еще быть революціонеромъ, то-есть сторонникомъ крутыхъ, кровавыхъ потрясеній.

Но Герцену было выгодно заручиться именемъ Чаадаева, человека во всякомъ случаѣ не дюжинаго и котораго притомъ можно было поставить на пьедесталъ. Герценъ былъ человекъ практической и зналъ возбуждающую, притягивающую силу имени. Въ 1855 году, начиная свою *Политическую Землю*, онъ, обращаясь „къ Нашимъ“, напечаталъ крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ: „Викторъ Гюго, I. Мадзини, И. Митле, Луи Бланъ, П. Прудонъ съ нами“. Точно также онъ воспользовался—конечно не безъ *маленькой* ватажки—именами Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Гоголя и Чаадаева. Притомъ всѣ они были уже въ могилѣ, кромѣ Чаадаева, который и собирался, какъ сказано, протестовать. Герценъ надѣялся революціонными полномочіями и литературные типы созданные этими писателями, какъ напримѣръ Чацкого и Онегина. О послѣднемъ онъ говоритъ: „какъ всѣ мы, онъ ожидалъ чего-то, потому что человекъ не дозволено жегауль чтобы вѣрить долговѣрности современной Россіи.“ * Не безъ революціонной закваски, по взгляду Герцена, и герой *Тарантаса* совершающій „путешествіе изъ Казани въ Мордасы“. Да не чужды ея и самъ Левскій Пушкина. Онъ только для отвода глазъ „поетъ“ о Шиллерѣ, о дѣлѣ, о лулѣ; въ дѣйствительности это трагическая личность „которая не

* *Du développement etc.* стр. 72, 74 и 96.

можетъ утѣшиться въ мрачной средѣ (не гнѣше сабдотатель-но что оны собирався тѣмже свазать себя съ этою средой бракомъ съ Ольгой Лариной), но не можетъ принять ничего отъ этой мрачной среды (du sol immonde) кромѣ только смерти“.. Что же касается *Философическихъ Писемъ*, оказано: „la lettre de Tchadaeff résonna comme une trompette d'appel: le signal fut donné, et de tous cotés partirent de nouvelles voix“... Читатель всадъ за симъ полагаемъ будетъ въ возможность увидѣть самъ каковы были тѣ гдоса которые откакинулись на воззваніе Чаадаева.

По слѣдамъ Герцена нустились и наши иссѣдователи „общественныхъ явленій“. Они, правда, не называютъ Чаадаева революционеромъ, но выставляютъ его подъ усленнымъ оппозиционнымъ освѣщеніемъ и въ качествѣ врага „официальной Россіи“, то - есть правительства, если не ошибаемся. Однако этимъ иссѣдователямъ извѣстно что въ 1839 году Чаадаевъ перевелъ на французскій языкъ * отиѣченное тоже штемелемъ офаціальности и доселѣ еще не прощенное Пушкину стихотвореніе его *Классикамъ Россіи* **, а лѣтъ десять спустя, во время Венгерской кампаніи (тоже неважистой локаоникамъ Герцена), Чаадаевъ, препровождая къ Хомякову письмо какого-то очень важнаго въ служебной іерархіи лица, писалъ: „Не менѣе его (я) убѣжденъ что будущее принадлежитъ *молодежкѣ* (слышите! И терминъ наломивающій реаліацію!) насмени, котораго оны заслуженный, достойный предводитель, котораго отличительная черта—благородство безъ хвастовства въ любді, — черта столь явно выразившаяся въ настоящую минуту“, и дагѣ, говоря что теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь намъ необходимо заниматься Европой, Чаадаевъ прибавляетъ: „Такъ вѣроятно думалъ и тотъ который убѣждалъ насъ новою славною любдой... Еслибы мы не занимались Европой, *то насъ не было бы въ Венеріи, то лателъ не было въ укромѣ* (sic), *то Венерія не была бы у насъ Русскаго Царя...*“ Спрашиваемъ, это ли языкъ, это ли понятіа революціонера, врага „официальной Россіи“, единомышленника Герцена съ его заграившими *illustres amis*? А вѣдь нашимъ иссѣдователямъ извѣстны письма Чаадаева, и между прочими то изъ котораго

* Точнѣе передѣлалъ.

** П. А. Чаадаевъ (*Вѣстн. Евр.* 1871, № 9, 153).

известны только что приведенная нами выдержки; эти письма печатались въ томъ самомъ журналѣ какъ и послѣдованія г. Пыпина, рядомъ, бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ.

Посмотримъ теперь какія основанія имѣеть г. Пыпинъ выставить Чаадаева скептикомъ. Можно быть скептикомъ по некоторымъ частнымъ вопросамъ; можно сомнѣваться въ основательности теоріи Дарвина, и особенно въ томъ чтобъ ее отсюда провозглашать съ торжествомъ, какъ великое для человечества благо; можно скептически относиться къ сатирѣ г. Щедрина и критикѣ Писарева; но когда говорится о скептицизмѣ вообще, не спеціализуя его сферы, то обыкновенно подразумѣвается скептицизмъ въ дѣлѣ религіи. Но можно ли это отнести къ автору *Философическаго Письма*, содержаніе коего выше изложено? Можно ли назвать скептикомъ того кто, по словамъ Свербеева, написалъ академическую статью и кто въ самомъ дѣлѣ считаетъ папскую власть и римскій католицизмъ самымъ полезнымъ, самымъ благотворительнымъ историческимъ фактомъ? Можно и, по нашему мнѣнію, должно находить одностороннимъ взглядъ Чаадаева; можно и должно сказать вмѣстѣ съ Пушкинымъ что онъ видѣлъ (когда писалъ свое письмо) религію единственно въ католицизмѣ.* Но гдѣ же тутъ скептицизмъ? Развѣ г. Пыпинъ не видѣлъ въ біографіи Чаадаева, что ему приписывается обращеніе въ католичество кое-кого изъ нашихъ юныхъ аристократовъ прежняго времени?... Вѣдь эта біографія, равно какъ и переписка Чаадаева, печаталась рядомъ съ *Характеристиками Пыпина*, все въ томъ же журналѣ въ которомъ Пыпинъ печатается ежемѣсячно... **

Но, скажутъ мнѣ, если въ напечатанномъ *Философическомъ письмѣ* не обнаруживается скептицизмъ Чаадаева, онъ обнаруживается можетъ быть въ остальныхъ, въ тѣхъ которые не проходили сквозь фурункулы предварительной цензуры. Хоть и совершенно немисливо чтобы цензура слабѣла *Письма* Чаадаева католическимъ духомъ взаимнѣй скептицизма, посмотримъ однако и остальные *Письма*, покуда раскрыты ихъ содержаніе г. Пыпинъ въ своихъ *Характеристикахъ*.

Мы видѣли что Чаадаевъ, согласно воззрѣніямъ католическихъ богослововъ, считаетъ что не римскій епископъ

* Письмо Пушкина къ Чаадаеву въ *Поллярной Звѣздѣ* 1861 года.

** П. А. Чаадаевъ Жихарева (*Вѣстникъ Европы* 1871, № 9, 53).

отдѣлился отъ вселенской церкви, а восточные патріархи. Отдѣленіе же это, утверждаетъ Чаадаевъ, было причиною что „мы остались чуждыми высокимъ доблестямъ озарившимъ новѣйшія поколѣнія“, что такимъ образомъ мы не приняли участія въ общемъ движеніи „въ которомъ общественная идея христіанства развилась“, и что единственное спасеніе наше— въ возможно скоромъ и полномъ вступленіи въ обще-христіанскую струю которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть и обще-историческая. Идея эта руководила дѣятельностью папы Григорія VII, она господствовала надъ Европой много вѣковъ и выражена съ замѣчательною образностью Викторомъ Гюго въ извѣстномъ монологе Карла V предъ избраніемъ его въ императоры (*Ernani*). Но не сущность римско-католической идеи занимаетъ насъ теперь, а то, какъ относится Чаадаевъ къ ней или къ идеѣ религіозной вообще. Во второмъ изъ *Философическихъ Писемъ*, бывшемъ въ распоряженіи г. Пылина, мы находимъ дальнѣйшее развитіе воззрѣній Чаадаева на значеніе христіанства и вообще религіи. Въ умѣ человѣка, говоритъ онъ, „нѣтъ другой истины кромѣ той которая была вложена въ него въ началѣ вещей самимъ Богомъ.“ * „Провидѣніе или вполнѣ мудрый разумъ управляетъ не только теченіемъ событій, но оказываетъ прямое и постоянное дѣйствіе на умъ человѣка“, причемъ однако „разумъ человѣка остается совершенно свободнымъ“. Въ историческихъ судьбахъ своихъ „человѣкъ всегда шелъ по указанному ему пути только при свѣтѣ истинъ открытыхъ ему высшимъ разумомъ.“ Современная наука старается проложить иные пути; но она не достигла „ни единства, ни той высокой нравственности которая пристокала бы изъ яснаго пониманія универсальнаго закона.“ ** Руководящей мысли недостаетъ слѣдовательно нашему знанію. „Историческій матеріалъ теперь почти истощенъ; исторіи остается только размышлять (*méditer*).“

Вотъ эта-то руководящая мысль и принадлежитъ, говоритъ Чаадаевъ, христіанству. „Новое общество было создано христіанствомъ, и созданіе (это) не было дѣломъ человѣческимъ.“

* *Характеристики*, стр. 480 и слѣд.

** „La féconde et sublime idée d'universalité“, выражается Чаадаевъ въ одномъ мѣстѣ.

Моментъ этого общаго отиѣченія возманилъ умомъ которые стали „желать потины и способны были принимать ее въ какомъ бы они ни были состояніи (намекъ на общественное положеніе апостоловъ?)—все это отиѣчаетъ то время поразительнымъ характеромъ провидѣнія и высшаго разума. Христіанская цивилизація, не взирая ни на какія препятствія, растетъ и расширяется: то отиѣсная народы (Арабовъ, Турокъ, Татаръ?), то обнимая ихъ въ свою окружность (Русскихъ?); этотъ кругъ постоянно расширяется и приближаетъ насъ къ возвышеннымъ временамъ. Сила христіанскаго общества заключается именно въ томъ что оно дѣйствительно одушевляется интересомъ мысли, и это самое составляетъ усовершенствость новѣйшихъ народовъ, въ которой находится тайна ихъ цивилизаціи.“

Въ третьемъ письмѣ своемъ, тоже извѣтномъ намъ лишь въ изложеніи г. Пыпина, Чаадаевъ еще болѣе выдвигаетъ значеніе христіанства въ судьбахъ человѣчества. Напротивъ того, пользу цивилизаціи эллинской, ея искусства и литературы онъ совершенно отрицаетъ: „Эта (греческая) поэзія замѣнила собою другую поэзію (индійскую? еврейскую?), болѣе высокую, болѣе чистую.“ Что же до христіанъ, то „для насъ Гомеръ остается только Тифономъ или Ариманомъ настоящаго міра. Гибельный героизмъ страстей, грязный идеалъ красоты, необузданная любовь къ земному, все это идетъ къ намъ отъ него... Въ другихъ цивилизованныхъ обществахъ міра (индійскомъ, египетскомъ?) никогда не было ничего подобнаго (!?). Только Греки вздумали идеализовать и обоготворять порокъ. Такимъ образомъ поэзія зла была только у нихъ и у народовъ насѣдовавшихъ ихъ цивилизацію. Въ Средніе Вѣка можно ясно видѣть какое направленіе приняла бы мысль христіанскихъ народовъ есаибъ она вполнѣ отдалась той рукѣ которая вела ее.“ Что это за рука—кажется объяснять не надо.

Нѣтъ надобности намъ входить въ разсмотрѣніе философіи Чаадаева. Однако нельзя и не сказать о ней нѣсколько словъ.

Можетъ ли, хотѣлось бы намъ спросить, выдержать даже самую поверхностную критику мысль Чаадаева, будто самостоятельной, саморазвивающагося жизнью живутъ только западно-европейскіе народы, тѣ которые находятся или хотя

нѣкогда находились подъ духовнымъ правленіемъ папы, которые совершили Крестовые Походы, пережили феодализмъ, Карла Великаго и Карла V, эпоху Возрожденія, псевдокалоницизмъ, религиозныя и крестьянскія войны и пр.? Точно ли въ этотъ grand monde исторіи могутъ быть допусканы народы лабейскаго происхожденія лишь подъ условіемъ обезличиться?... Если у Русскаго могъ повернуться языкъ чтобы высказать такую мысль по отношенію къ Россіи, то, казалось бы, единственною подлостью неострашимыхъ дьяволовъ. Но развѣ ихъ имѣлъ Чаадаевъ? Развѣ можно сказать не въ видѣ зубоскальства что Россія ничего не дала міру кромѣ самовара? Если Испанія и Карлу Мартеллу отводится почетное мѣсто во всѣхъ даже учебникахъ за спасеніе Европы отъ Мавровъ, то какъ же Россіи и Димитрію Донскому отказано въ томъ же за спасеніе Европы отъ Татаръ? А освобожденіе опять той же Европы отъ Наполеона I, о чемъ менѣе всего позволительно забывать Чаадаеву, современнику великой эпохи? Не по милости ли Россіи для цивилизованнаго міра открылось Черное Море? Не она ли обратила пустыни вышшаго Новороссійскаго края и Кавказскіе и Крымскіе невольничьи рынки въ житницы Западной Европы? Не ея ли кровью куплена независимость христіанъ Балканскаго полуострова? Вѣдь въ 1896 году, когда Чаадаевъ напечаталъ свое пресловутое *Письмо*, Греція была уже совершенно освобождена отъ Турецкаго ига, Румынія—на половину, Сербія отчасти—и все это благодаря Россіи. Въ эпоху обнародованія *Философскаго Письма* нельзя было, положимъ, предугадать какое мѣсто займетъ русское искусство въ области искусства всемірнаго; но имѣла уже Пушкина и образцы стариннаго зодчества можно все-таки было съ меньшимъ пессимизмомъ взирать на культурныя силы Россіи.

Но оставимъ Россію въ сторонѣ. Неужели можно допустить что Турки, Китайцы, Египтяне, Японцы, войдя въ сношенія съ Европой и вступивъ въ сферу выработанной ею культуры, совершенно теряютъ свою національную индивидуальность? Вѣдь и народы франко-романской и англо-германской расы не колія же одинъ съ другаго,—не по одному же они сработаны. Чаадаевъ полагалъ что народы не пережившіе извѣстныхъ историческихъ событій и эпохъ теряютъ способность къ культурной жизни и могутъ сдѣлаться народами историческими не иначе какъ подъ условіемъ отреченія

отъ своей національности. Но вѣдь Римляне не пережили Эллинской цивилизаціи, однако они приняли ея плоды не обратившись притомъ въ Грековъ. Точно также народы Западной Европы приняли цивилизацію древняго міра не лишившись однако своей національной индивидуальности. Почему же именно съ Россіи долженъ начаться новый, небывалый историческій законъ? Не вѣрите ли будетъ допустить что сама провозглашенная Чаадаевымъ теорія есть не что иное какъ доказательство иного, непреложнаго историческаго закона, — а именно что народы вступающіе въ сферу всемірной цивилизаціи должны неизбежно пережить періодъ подражательности, заимствованій и духовнаго подчиненія своимъ образцамъ, чтобы затѣмъ, переживъ этотъ періодъ и ставъ такъ-сказать на ноги, идти своимъ путемъ. Подчиненіе Римлянъ Эллинской цивилизаціи было еще сильнѣе чѣмъ наше западно-европейской: оно коснулось не только модъ, образа жизни, искусства науки, но и религіи (миѳологіи). И однако жизнь Римлянъ выработала вполнѣ самостоятельныя юридическія и политическія начала. Франціи подражали съ половины XVIII вѣка въ Англіи и Германіи, но во второй половинѣ и въ концѣ этого вѣка конституціонализмъ Англіи и философія Германіи начали въ свою очередь вліять на Францію. Вотъ соображенія которыя могли бы кажется представиться Чаадаеву; онъ могъ бы, полагаясь, задаться вопросомъ: не эту ли именно эпоху подражательности переживаетъ Россія? А. если онъ не сдѣлалъ этого вопроса, то безъ сомнѣнія потому что самъ принадлежалъ къ ней.

На этомъ мы могли бы заключить наши изслѣдованія о ложномъ освѣщеніи подъ коимъ выведенъ Чаадаевъ въ исторіи нашей литературы. Но не излишне будетъ, мы думаемъ, обратить вниманіе на то, какъ отнеслись къ *Философическому Письму* и заключающимся въ немъ воззрѣніямъ въ различныхъ сферахъ тогдашняго нашего общества какъ отнеслось къ нему наше духовенство. Ибо даже откидывая второе и третье *Письма*, одно первое должно было бы повидимому вызвать споры и опроверженія въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ. Вѣдь Чаадаевъ, въ закрытыхъ конечно выраженіяхъ, провозглашалъ Русскую и всю Восточную церковь схизматическою, мертвенною, лишенною всякой дѣйственной силы, не способною воспитать въ народѣ наше

ни религіи, ни нравственности. Онъ объявлялъ ей смертный приговоръ и поглощеніе ея лализмомъ, полагая при томъ что чѣмъ скорѣе это случится тѣмъ счастливѣе будетъ Россія... И однако мы не имѣемъ никакихъ данныхъ чтобы заключить о томъ что Чаадаеву данъ былъ или хотя готовился отпоръ со стороны наиболѣе заинтересованной. Не то чтобы духовенство наше было равнодушно къ тому что говорится о нашей церкви: тогдашній Петербургскій митрополитъ немедленно обратился къ защитѣ Верховной Власти какъ локуровительницѣ православія, какъ только узналъ о направленныхъ противъ онаго обвиненіяхъ. Но онъ узналъ о статьѣ Чаадаева уже изъ вторыхъ рукъ, и притомъ отъ человѣка свѣтскаго (Вигеля). А это наводитъ насъ на нѣкоторыя размышленія. Это снова ватакиваетъ насъ на мысль уже высказанную нами недавно. * Что между нашею духовною и нашею свѣтскою литературой все меньше и меньше, къ сожалѣнію, становилось общаго начиная съ конца XVIII вѣка. Каждая изъ нихъ имѣла свою отдѣльную сферу дѣятельности, своихъ особыхъ дѣятелей, свои спеціальныя мотивы, свою особливую публику. Не даромъ преосвященный Евгеній составилъ особый *Словарь свѣтскихъ писателей* и особый „писателей духовнаго чина“, причемъ, не мѣшаетъ замѣтить, въ послѣднемъ не было дано мѣста Лазину, издателю *Сіонскаго Вѣстника* и постоянному глашатаю религіозной идеи... Такимъ образомъ, у насъ образовались два отдѣльных русла идей, стремленій, духовныхъ потребностей, два стана отчасти враждебные другъ другу, а еще больше—одинъ другому чуждые. Можетъ-быть ни одно лицо духовнаго званія не прочло бы статьи Чаадаева еслибъ она не вызвала извѣстной катастрофы. А можетъ-быть, скажутъ, какой-нибудь чернецъ или священникъ-богословъ очинилъ уже перо, подобно Хомякову, чтобъ опровергнуть Чаадаева...—Но отчего же намъ извѣстно это о Хомяковѣ, а неизвѣстно о чернецѣ или священникѣ? Чтò жь это за невѣдомый хоть и на глазахъ нашихъ находящійся міръ! Какъ ни поворачивай, все печально! Не менѣе печально и то что духовенство, въ лицѣ Петербургскаго митрополита, обратилось для защиты православной церкви къ свѣтской власти, къ мѣрамъ карательнымъ вмѣсто того чтобы дѣйствовать лутемъ убѣжденія и

* Искусство, религія, народность (*Русск. Вѣстн.* 1883, № 4).

черпать силы изъ собственнаго лона... Или можетъ-быть этихъ силъ дѣйствительно не существовало? Но довольно назвать Филарета Московскаго и Иннокентія Херсонскаго, бывшихъ въ то время въ полномъ развитіи своихъ силъ, чтобъ устранить сомнѣніе будто не кому было выступить со стороны нашей церкви противъ Чаадаева.

Но такъ или иначе, по той или по другой причинѣ, духовенство наше прошло молчаніемъ *Письмо* Чаадаева. А свѣтское общество? Оно было страшно взволновано этимъ *Письмомъ*, въ Москвѣ по крайней мѣрѣ. Около половины октября (1836), говорить въ пролическомъ тоиѣ Москвичь-современникъ, * „разнесся съ необыкновенною быстротою слухъ... о непонятной, неизъяснимой статьѣ помѣщенной въ *Теле-скопъ*, извергавшей страшную хулу на Россію, отрицавшей въ ней какую бы то ни было историческую жизнь, какое бы то ни было разумное существованіе, именовавшей ея прошедшее ничтожнымъ, ея настоящее презрѣннымъ, ея будущее не существующимъ, не мыслимымъ. Дерзновенный философъ-историкъ, отступникъ вѣры праотцевъ и отечества, другъ за другомъ перебравъ всѣ проявленія русской исторической жизни, не нашелъ въ нихъ ни одного достойнаго благословенія или сочувствія и съ отвращеніемъ и ужасомъ отворотился отъ протекашаго бытія своего народа, неумолимо признавая всю *цѣлость* его существованія чудовищнымъ, вещественнымъ фактомъ безъ внутренняго содержанія, огромною аномаліей, ничѣмъ другимъ какъ отрицательнымъ поученіемъ человечеству, животнымъ прозябаніемъ“... Причиной же этого, по свидѣтельству тогдашнихъ „строгихъ цѣнителей и судей“, говорить г. Жихаревъ, авторъ выставлялъ „недостаточность религіознаго направленія и развитія, несправду и раставніе греческаго православія“... Раздраженіе было всеобщее. „Безусловно сочувствующихъ и совершенно согласныхъ не было ни одного человѣка.“ Никогда „никакое литературное или ученое событіе ни послѣ, ни прежде этого (не исключая даже смерти Пушкина) не производило такого огромнаго вліянія“. Почти то же говорить Герценъ. По его словамъ, „послѣ *Горя отъ ума* не было литературнаго

* Жихаревъ, въ вышеупомянутой статьѣ, стр. 30. Въ *Рукописныхъ* мы находимъ письмо Чаадаева въ коемъ говорится: „Пораженіе мое произошло 23 октября“ (стр. 326).

произведенія которое сдѣлало бы такое впечатлѣніе какъ *Письмо Чаадаева*... „Всѣ были изумлены, большинство оскорблено; человѣкъ десять громко и горячо рукоплескал автору. Толки въ гостиныхъ предупредили мѣры правительства.“ *

Очевидно что изъ сказаннаго Жихаревымъ надо откинуть по крайней мѣрѣ десять процентовъ. Надавать было нужно биографу Чаадаева чтобы ярче выставить недостатки либерализма тогдашней Москвы: „тулоумные, невѣжественные, полупомѣшанные святоши, изуверы или ханжи, послѣдныя или одичалые въ пьянствѣ, молодые отчизнолюбцы и старые патріоты, — все соединилось“, говоритъ Жихаревъ, „въ одномъ общемъ воплѣ проклятія и презрѣнія человѣку дерзнувшему оскорбить Россію“... И точно, скажемъ мы въ свою очередь, какъ могла Россія не поднести благодарственный адресъ человѣку дерзнувшему оскорбить ее! Въ послѣдствіи это и дѣлалось, но въ половинѣ тридцатыхъ годовъ Россія жила еще подъ вліяніемъ возвышающую душу воспоминаній Двѣнадцатаго Года. Вліяніе Герцена тогда еще не существовало. Никто притомъ не думалъ тогда чтобы написавшаго очень вздорное во многихъ отношеніяхъ *Философическое Письмо* можно было приравнивать къ Нибуру и давать ему названіе творца критическаго взгляда на русскую исторію. Безъ сомнѣнія, его имѣлъ въ виду лютъ Языковъ, характеризуя въ извѣстномъ стихотвореніи своемъ *Не наши тѣхъ* „которые отрекались отъ Россіи и отъ которыхъ отрекается Россія“. Поэтому, становясь на точку зрѣнія людей 1836 года, Жихаревъ говоритъ: „мѣра придуманная правительствомъ не заключала ** въ себѣ ничего особенно жестокаго и свирѣлаго; она даже могла быть сочтена за кроткую и милостивую и сверхъ того должна была казаться въ высокой степени популярною для

* „Былое и думы“ въ *Полярной Звѣздѣ*, 185, 2, 103.

** Издатель *Телескопа* Надеждинъ былъ сосланъ въ Вологодскую губернію на время, а цензоръ (Бодыревъ) отставленъ, журналъ прекращенъ, авторитетно статьи Чаадаева было признано что написать ее могъ лишь не находящійся въ здоровомъ умѣ Русскій; поэтому сдѣлано было распоряженіе чтобы Чаадаева ежедневно посѣщала врачъ, что продолжалось примѣрно мѣсяць. См. „Биографія Чаадаева и его „Рукописи“, *Вѣстникъ Европы*, 1871 года, № 9, стр. 36—39 и № 11, стр. 327.)

того (потому) что—какъ соглашался въ томъ и самъ Чаадаевъ,—не только не превзошла ожиданій и гнѣва большинства публики, но и не совсѣмъ имъ удовлетворила“. Хомяковъ уже обмакнулъ было перо въ чернила чтобъ отвѣчать Чаадаеву и разобрать его *Письмо*, но чувство деликатности остановило его когда его противника постигла административная кара.

Итакъ, вотъ какъ отвеслось къ философіи Чаадаева московское общество, и мы едва ли ошибемся если вмѣсто московскаго скажемъ русское, всероссійское общество. Порицаніе и негодованіе были общія; рукоприкладии какихъ-нибудь десять человекъ во всей Москвѣ, а слѣдовательно никакъ не больше сотни во всей Россіи. А если такъ, то, оставляя въ сторонѣ вопросъ о достоинствахъ и несовершенствахъ этой философіи, мы спрашиваемъ, имѣла ли она органическую связь съ нашимъ обществомъ (не говоримъ *народомъ*)? Духомъ ли этого общества она вызвана? Его ли потребностямъ удовлетворить стремилась? Мы отчасти уже касались этихъ вопросовъ, и отвѣчали на нихъ отрицательно. Мы говорили и повторяемъ что *Философическія Письма* суть въ сущности компиляція по отношенію къ сочиненіямъ тогдашнихъ мыслителей-клерикаловъ Западной Европы, перефразировка ихъ возрѣній. Но тамъ, въ Западной Европѣ, эти возрѣнія сложились самостоятельно какъ результатъ дѣйствительныхъ, жизненныхъ явленій, какъ выраженіе стремленій и потребностей народныхъ. Налугавные, сбитые съ толку провешшимся надъ ними революціоннымъ ураганомъ и истребительными войнами, народы Западной Европы готовы были припасть съ плачемъ покаянія къ столамъ папы и поклониться идеаламъ Среднихъ Вѣковъ. Но въ совершенно иномъ положеніи была Россія въ половинѣ тридцатыхъ годовъ. Настроеніе ея было *мажорное*; воспоминанія Двѣнадцатаго Года и роль которую играла Россія въ эпоху конгрессовъ не были еще забыты, а затѣмъ слѣдовало участіе наше въ освобожденіи Греціи, возстановленіе Сербіи и Дунайскихъ княжествъ, походъ за Балканы и взятіе Варшавы... и вдругъ этому *мажорно* настроенному обществу, гордому своимъ государственнымъ величіемъ, говорятъ что все прошлое этого государства презрѣнно и ничтожно и что для него нѣтъ будущности! Допустимъ что сказать это было нужно, что сказанное было страхъ какъ умно, но все-таки

очевидно что сказанное высижено гдѣ-то на сторонѣ, а никакъ не среди этого мажорно настроеннаго общества. Это подтверждается и приведенными нами свидѣтельствами о впечатлѣніи произведенномъ *Письмомъ* Чаадаева; поэтому поэтъ Языковъ былъ несомнѣнно правъ включая въ число *Не нашихъ* и Чаадаева.

Такимъ образомъ, это *Письмо* представляется намъ рѣзкимъ диссонансомъ между нашею литературой и нашимъ обществомъ, первымъ рѣшительнымъ шагомъ этой литературы въ область отвлеченій и не для насъ составленныхъ теорій, въ область призраковъ, космополитизма и духовнаго порабощенія Западу. Но, какъ мы видѣли, Чаадаевъ-человѣкъ обнаруживалъ чисто-русскія понятія и симпатіи которыхъ не видимъ у Чаадаева-писателя: далѣе увидимъ мы что и литература наша не вся подверглась духовному порабощенію, не вся отрекалась отъ національности.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

П. ПЕБАЛЬСКІЙ

ЖЕМЧУТЬ КОРОЛЕВЫ

РАЗКАЗЪ

Безсмысленный! Ты обладалъ
Душою чистой, откровенной,
Всеобщимъ зломъ незараженной—
И этотъ кладъ ты потерялъ!

Дерломатовъ.

Въ кружкѣ университетскихъ товарищей мы всѣ очень любили Сашу Мглинскаго. Казалось, трудно было сыскать болѣе прямую и честную натуру. Обаяніе его дѣйствовало не только на людей сродныхъ ему по воспитанію и средѣ, но распространялось даже на самыхъ непримиримыхъ „радикаловъ“. Они почти прощали ему и свѣжее бѣлье, и хорошій покрой платья, и кровныхъ рысаковъ подвозившихъ его порой къ университетскому подъѣзду, словомъ, всѣ осязательные признаки богатства. Правда что сама природа словно озаботилась надѣлать этого счастливчика всеми свойствами способными вызывать людскія симпатіи. Высокій, стройный, сложенный по образцу античнаго *Дискобола*, онъ въ двадцать лѣтъ являлся живымъ воплощеніемъ той заманчивой красоты, смѣси несокрушимой мощи и дѣвственной нелочатости, какою народное преданіе привыкло облекать своихъ любимыхъ витязей. Да и душа-то въ немъ жила чисто русская,

любящая, но гордая, неподатливая на кривду и ложь въ какія бы краски онъ не окрашивался. Этимъ-то свойствамъ можетъ-быть еще болѣе чѣмъ вѣншей привлекательности онъ былъ обязанъ общимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Когда стали подготавливаться студенческіе беспорядки по поводу введенія матрикулъ, онъ неумоимо ратовалъ на сходкахъ противъ коноводовъ увлекшихъ толпу, не взирая на сарказмы и угрозы. Съ краснорѣчіемъ истиннаго убѣжденія молилъ онъ ретивыхъ товарищей не губить своей будущности, а затѣмъ, когда дѣло свершилось, бѣгалъ безъ устали по всѣмъ концамъ города, изъ участка въ участокъ, ободряя слабыхъ, помогая нуждающимся, напрягая всѣ лучшыя силы, всѣ семейныя связи и отношенія лишь бы выручить, сласти, а коль не удавалось такъ насколько было возможно облегчить послѣдствія неразумнаго увлеченія. Никогда не гонялся онъ за дешевою популярностью, не поддакивалъ мелкимъ страстишкамъ большинства или какой бы то ни было партіи, какъ дѣлали многіе подъ вліяніемъ народившихся и входившихъ въ моду „либеральныхъ“ вѣяній. Онъ даже пересталъ подавать руку и кланяться нѣсколькимъ баричамъ съ громкими фамиліями увлекшимися черезчуръ въ этомъ направленіи, уличивъ ихъ предварительно въ малодушія и неискренности. Еще менѣе довѣрялъ онъ чистосердечію университетскихъ демагоговъ изъ меньшей братіи. Ихъ себялюбивые, завистливые инстинкты сквозили для него въ громъ трескучихъ фразъ и шаблонныхъ теорій всеобщаго блага. Значительная начитанность и серьезное образованіе давали ему возможность успѣшно уличать невѣжество и неподготовленность этихъ непривычныхъ апостоловъ общественнаго обновленія, не вѣдавшихъ порою грамматическихъ правилъ. Художественныя дарованія его были поистинѣ замѣчательны, хотя онъ самъ не довѣрялъ имъ серьезно и смотрѣлъ на нихъ лишь какъ на пріятныя забавы. Его игра на фортепіано лоразала своею легкостью и вкусомъ даже серьезныхъ артистовъ; акварель и карандашъ одинаково удачно подчинялись его фантазіи и юмору. Однажды я засталъ его за совершенно новымъ занятіемъ. Онъ вздумалъ скопировать изъ розоваго воска небольшую статуэтку Психеи находившуюся въ его кабинетѣ. Этотъ первый опытъ дѣлки былъ до того изященъ и сходенъ съ античнымъ подлинникомъ что я присталъ къ нему съ просьбой подарить

его мяѣ. „Ни за что на свѣтѣ“, отвѣчалъ онъ на мои настоянія, „развѣ возможно сохранять подобное безобразіе; я не имѣю еще никакого понятія въ этомъ дѣлѣ!“ и тутъ же деревянною лопаткой, къ великому моему горю, послѣдно смазалъ въ безобразную глыбу свое изящное произведеніе.

Мглинскіе жили въ собственномъ домѣ, на Поварской, и слыли за людей весьма богатыхъ. Вся внѣшняя обстановка жизни вполнѣ соотвѣтствовала установившемуся о нихъ мнѣнію. Кромѣ обширныхъ помѣстій въ двухъ хлѣбородныхъ губерніяхъ съ довольно извѣстнымъ конскимъ заводомъ, Иванъ Александровичъ, отецъ Саша, какъ утверждали, владѣлъ значительными капиталами прибрѣтенными негласнымъ товариществомъ въ откупахъ. Онъ проживалъ въ Москвѣ больше налетами, вѣчно занятый развѣздами, по какимъ-то дѣламъ и предпріятіямъ, сулившимъ, по его словамъ, милліонныя барыши. Человѣкъ не гаулый отъ природы, но совершенно лишенный всякой научной подготовки, Мглинскій, подобно многимъ удачно сколотившимъ колѣвку, возмнилъ себя финансовымъ гениемъ, призваннымъ къ открытію новыхъ началъ экономической жизни государства. Онъ усердно осаждалъ департаменты и канцеляріи всевозможными проектами и предложеніями заканчивавшими свое существованіе въ архивной пыли, хватался лихорадочно за всѣ предпріятія сулившія возможность быстрой наживы. Духъ неудержимой предпріимчивости возрасталъ въ немъ все сильнѣе съ каждою новою потерей. Обжегшись на пароходствѣ, онъ бросился на разработку каменнаго угля, затѣмъ перешелъ къ сахарному производству, непромокаемымъ тканямъ, покупке земель въ Закавказьѣ. Эта спекулятивная манія составила ему не совсѣмъ выгодную репутацію въ кругу тогдашняго московскаго высшаго общества. На рубежѣ только что отошедшей въ исторію старой дворянской эры, большинство уважавшихъ себя людей относилось весьма недружелюбно къ такимъ стремленіямъ. „Не дворянское дѣло!“ отзывались присяжные авторитеты англійскаго клуба и гостяныхъ. Кличка *le financier touche à tout* не замедлила упрочиться за неутомимымъ предпринимателемъ. При столь неблагоприятныхъ условіяхъ органическая связь Мглинскихъ съ высшимъ столичнымъ обществомъ естественно должна была ослабѣть и можетъ-быть въ концѣ концовъ совершенно расторглась елибы не охранялась

старательно женой финансиста, Маріей Никитишной. Бѣдная дѣвушка, взятая имъ за необыкновенную красоту и отчасти по честолюбивымъ замысламъ, она происходила отъ знаменитаго рода князей Щетининыхъ-Суздаальскихъ, прекратившагося въ мужскомъ колѣнѣ. Ея родственныя связи съ лучшими представителями стараго барства открыли Самѣ двери въсѣхъ московскихъ гостиныхъ еще на первомъ курсѣ студенчества. Марья Никитишна, не стѣняя сына въ выборѣ пріятелей и образа жизни, требовала отъ него если не усерднаго, то тѣмъ не менѣе регулярнаго исполненія свѣтскихъ ловиностей.

— Пока Тесси подростеть, твердила она ему съ обворожительною, несмотря на исполнившіеся сорокъ два года, улыбкой,—я хочу тебя вывозить и любоваться твоими услѣхами.

Къ вѣщему огорченію многихъ молодившихся маменежъ изъ своихъ сверстницъ, радившихъ восемнадцатилѣтнихъ дочерей въ короткія лалтыца, Марья Никитишна постоянно кокетничала своимъ взрослымъ сыномъ:

— Посмотрите, какой онъ у меня большой и статный, не сегодня завтра женихъ, отшучивалась она на балахъ отъ немилосердно пристававшихъ къ ней танцоровъ,—развѣ старухамъ подобаетъ пускаться въ плясъ!

И свѣтскіе львы отходили понуривъ головы, толкуя между собой про роскошный станъ и скульптурныя плечи неутомимой отшельницы, выстулавшія въ ослабительномъ блескѣ нетронутой временемъ прелести изъ неизмѣннаго темнаго бархата ея туалетовъ. Такой преждевременный аскетизмъ еще блестящей красавицы былъ тѣмъ болѣе непонятенъ молодежи что Иванъ Александровичъ, по общему мнѣнію, несмотря на почтенные годы,—онъ на десятокъ лѣтъ былъ старше жены,—далеко не отличался супружескою вѣрностью. Его ночныя походы у Цыганъ не составляли особенной тайны, а назжавшіе изъ Петербурга братцы и кузены зачастую повѣствовало о его щедротахъ къ разнымъ „Нинишамъ“ и „Розамъ“. Параллельно съ проектами въ родѣ „способы превращенія номинальныхъ цѣнностей въ дѣйствительныя“, онъ весьма исправно примѣнялъ на практикѣ законъ „распределенія богатствъ“ и „ses dames“ ставила „le petit Mglinsky“ въ примѣръ „d'un parfait galant homme“. Вѣдала ли Марья Никитишна о легкомысленныхъ увлеченіяхъ своего супруга, а если они ей были не безызвѣстны, то почему она такъ спокойно и повидимому охотно примирялась со своимъ

преждевременнымъ вдовствомъ, оставалось тайной. Кромѣ Саши, въ домѣ подрастала черноокая, чернокудрая рѣзвушка, двѣнадцатилѣтняя Тесси, вылитый портретъ матери. Этихъ двухъ изящныхъ существъ повидимому было достаточно для наполненія существованія Марьи Никитишны. Сама боготворила свою мать. Въ его преклоненіи ея проглядывало порою нѣчто суевѣрное. Пріѣхавъ въ Москву для поступленія въ университетъ изъ далекой провинціальной глуши, я страшно боялся на первыхъ порахъ великосвятскихъ гостиныхъ, полагая въ ребяческомъ хростодушіи что въ нихъ необходимо и говорить, и держать себя „какъ-то особенно“, иначе чемъ въ повседневной жизни. Съ Сашей я познакомился въ аудиторіи. Мы случайно уѣлись рядомъ въ началѣ учебнаго сезона и стали обмѣниваться замѣтками, дополняя одинъ другаго. Вскорѣ между нами установилась одна изъ тѣхъ неопредѣляемыхъ, но искреннихъ симпатій на которыя таровата лишь ранняя молодость. Тѣмъ не менѣе мѣсяца два-три наши отношенія ограничивались исключительно университетскими стѣнами. Мое юношеское самолюбіе невольно дичилось богатаго барича, „аристократа“, какимъ не замедлили отрекомендовать мнѣ Мглицкаго нѣкоторые „либеральные“ товарищи. Онъ былъ на „ты“ почти со всеми князьями и графами, и мнѣ казалось что мое достоинство „требуешь“ непременно какихъ-либо „авансовъ“ съ его стороны. Додумавшись до такого мудраго принципа, я старался держать себя возможно высокомерно и неуязвимо въ своемъ демократическомъ величіи. Однажды мнѣ показалось что я совершилъ необычайный подвигъ довольно невѣжливо отказавшись прокатиться въ пріѣхавшихъ за нимъ саняхъ, запряженныхъ парой кровныхъ рысаковъ.

— Какой вы страшный, замѣтилъ онъ мнѣ послѣ нѣсколькихъ подобныхъ выходокъ, — къ чему вы такъ поступаете? Вѣдь я знаю что лично я вамъ не противенъ, кому и что хотите вы „этимъ“ доказать?

Я сконфузилась и разилась какими-то туманными разсужденіями на пресловутую тему о чугуномъ и глиняномъ горшкахъ.

— Стало-быть вы цѣните и берете людей только по вѣншему ихъ положенію, а не по тому чего они стоять. Это ужъ вовсе не демократическій принципъ; коль вы непременно желаете оставаться послѣдовательнымъ. Я не считаю себя

лучше оттого только что родилась въ довольствѣ, въ чемъ конечно съ моей стороны нѣтъ никакой заслуги; но, съ другой стороны, не вижу логической необходимости считать себя именно только по этому хуже другихъ. Если вы мнѣ это докажете, то я готовъ съ вами согласиться.

Разумѣется доказывать было нечего, и рѣшившись посѣтить Мглайскаго, я не могъ не подчиниться его желанію представить мѣня своей матери. „Вы увидите какаѧ она добрая и разумная“, увѣщевалъ онъ меня, „если она васъ полюбитъ это вамъ непрѣменно принесетъ счастье.“ Гораздо позднѣе, когда мы съ нимъ совершенно сдружились, онъ чистосердечно мнѣ сознался что не безъ цѣли подвергалъ меня и вообще всѣхъ своихъ новыхъ пріятелей осмотру Марьи Никитишны. „У мамы удивительная способность распознавать людей“, пояснялъ онъ убѣдительно, „я ни за что бы не сошелся съ человѣкомъ о которомъ она отозвалась невыгодно; ты ей съ перваго же разу понравилась“. Я хотѣлъ было возразить ему что лучшимъ регуляторомъ нашихъ отношеній къ людямъ является наше собственное нравственное чувство, но воздержался изъ опасенія его оскорбить.

Затрудняюсь передать въ точности впечатлѣніе произведенное на меня Мглаискою. Теперь, когда десятки лѣтъ отдѣляютъ меня отъ этой равней эпохи жизни, тонкіе штрихи юношескихъ ощущеній ступшевались и утратили свою яркость. Помню что я питалъ къ ней восторженное уваженіе, нечуждое нѣкотораго страха, и другое, болѣе нѣжное, но не менѣе тревожное чувство. Ничто конечно со стороны этой женщины, ровестницы по годамъ моей матери, не могло подать мнѣ повода относиться къ ней иначе нежели того требовала взаимная разннца нашихъ лѣтъ и жизненныхъ положеній. Она обращалась ко мнѣ постоянно съ тою покровительственною благосклонностію на которую давала ей право интимность отношеній установившихся между мною и ея сыномъ. Тѣмъ не менѣе сквозь ея величественно-сложную улыбку, сквозь ясный, глубокій взглядъ безмятежныхъ глазъ, внезапно проглядывала порою не то насмѣшка, не то отблескъ какого-то далекаго пламени, шевелившія въ моемъ юношескомъ сердцѣ смутный міръ невѣдомыхъ, но горячихъ порывовъ. Помню однажды, въ отсутствіи Саши, котораго я поджидалъ сидя въ ея кабинетѣ, она навела разговоръ на любовь и чувства, предостерегая меня отъ неразумныхъ

увлеченій страсти, оставляющихъ подчасъ въ душѣ неизгладимые сожалѣнія и упреки. „Вы еще такъ молоды, впечатлительны, говорила она своимъ чарующимъ контраalto, что должны остерегаться преждевременной растраты сердца. Не довѣряйте своему южному темпераменту, вы вѣдь кажетса Малороссіянинъ. Скажите, были вы уже влюблены? Немного, да, une idylle d'écolier en vacances? Не конфузьтесь, вѣдь я старуха, гожусь вамъ въ матери, и если позволяю себѣ говорить о такихъ предметахъ, то единственно съ цѣлюю предостеречь васъ отъ соблазновъ!“

Я краснѣлъ и, немилосердно мучая свою выносливую фуражку съ синимъ околышкомъ, поглядывалъ украдкой то на шитый золотомъ кончикъ микроскопической туфли, то на тонкія изящныя руки, увязанныя драгоценными кольцами. Мало-по-малу мои отношенія ко Мглаицкимъ перешли въ область совершенной интимности. Сама нерѣдко захватывала меня къ себѣ прямо изъ университета. Онъ занималъ цѣлый мезонинъ, имѣлъ особую присаугу и выѣздъ. Къ обѣду мы спускались въ великолѣпную, обшитую рѣзнымъ дубомъ столовую, освѣщаемую сверху стекляннымъ потокомъ, гдѣ неизмѣнно пріѣтствовала насъ милая улыбка и добродушная веселость Марья Никитишвы. Ея обращеніе со мною скоро стало мало разниться отъ обращенія съ сыномъ, если исключить звучный подѣлауи которымъ онъ обыкновенно надѣлалъ ее при встрѣчѣ. Я подходилъ по старому обычаю „къ ручкѣ“ и отдавался невольному блаженству чувствовать на своемъ подборѣ, или почти у самой щеки прикосновеніе ея теплыхъ, влажныхъ губъ. Послѣ обѣда нерѣдко устраивались такъ-называемыя soirées d'adolescents на которыя приглашались нѣкоторые избранные товарищи Саша вмѣстѣ съ цѣлымъ разсадиномъ будущихъ свѣтскихъ дебютантокъ. Онѣ пріѣзжали безъ маменокъ, сопровождаемыя скучными Англичанками или услужливыми „бѣдными родственницами“, что конечно служило не въ ущербъ общему веселью. Играли въ такъ-называемые petits jeux: Secrétaire, Sellette и другія благопристойныя забавы; катались съ деревянныхъ горъ устроенныхъ въ залѣ. Марья Никитишна обладала замѣчательною способностью одушевлять всю эту молодежь, предупреждая своею изобрѣтательностью и оживленіемъ нерѣдко закрадывающіяся среди подобныхъ забавъ утомленіе и монотонность. Между молодыми дѣвушками

посѣщавшими эти вечеринки симпатичнѣе всѣхъ показала мнѣ Lizzy Батищева. Она держала себя уже совершенно „большою“, такъ какъ уже около года разсталась съ короткими платьями и должна была „дебютировать“ чрезъ сезонъ. Это было прелестное воздушное существо одаренное всеми свойствами неподдаваемой, чарующей женственности; тиль Маргариты или Шарлотты дополненный жизненною энергіей славянской натуры. Мы сошлись какъ сходятся въ двадцать лѣтъ: безъ сомнѣній, безъ пытливыхъ догадокъ. Она интересовалась „новой жизнью“, мнѣ тогда казалось что источники этой жизни неисчерпаемы и всемогущи какъ и разверзавшая ихъ рука. Наши „серіозные разговоры“ не замедлили сдѣлаться предметомъ шутокъ шаловливой компаніи. Устраняясь, насколько позволяли приличія и возможность, отъ общихъ забавъ, мы совершенно довольствовались другъ другомъ, имѣя всегда наготовѣ богатый запасъ впечатлѣній и надеждъ которыми торопились обмѣниваться. Присутствіе Lizzy Батищевой не замедлило сдѣлаться для меня главною приманкой этихъ собраній. Тѣмъ чувствительнѣе показалось мнѣ ея внезапное исчезновеніе которое, послѣ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ повтореній, я никакъ не могъ объяснить себѣ одною случайностію. На робкій мой вопросъ о его причинахъ, Саша, не безъ нѣкотораго замѣшательства, пояснилъ мнѣ что Марья Никитишна признала полезнымъ исключить Lizzy изъ обычнаго состава приглашаемыхъ въ виду нѣкоторой развязности и подмѣчнаго кокетства, способныхъ дурно отразиться на Тессѣ.

— Et puis c'est une trop grande demoiselle, заключилъ онъ очевидно словами своей матушки, — pour notre petit monde, почти невѣста, а мы вѣдь съ тобой сашкомъ молоды чтобы помышлять о женитьбѣ!

Въ домѣ у Батищевыхъ я не бывалъ, и мнѣ пришлось такимъ образомъ совершенно лишиться на время возможности встрѣчаться съ этимъ прелестнымъ существомъ. Объясненія Саши меня почти удовлетворили. Если приговоръ Марья Никитишна и оказался мнѣ съ перваго раза нѣсколько жестокимъ, то по размысленіи онъ оправдывался ея материнскою заботливостію и тѣми строгими правилами которыя она устанавливала собственнымъ примѣромъ. Можетъ-быть совершенно неволью я самъ вызвалъ его отвлекая молодую

дѣвущку отъ установленной программы ребяческаго веселья. Эта мысль долго меня мучила, но пособить горю было невозможно. Вступать въ какія-либо объясненія съ Мглинскою я не рѣшался, понимая что они были бы совершенно неумѣстны, такъ какъ она не только въ качествѣ хозяйки дома, но и матери была вольна составлять общество Тесси, для которой давались эти вечеринки, изъ тѣхъ кто ей нравился.

Такимъ образомъ мое „поклоненіе“ Марьѣ Никитишнѣ, поклоненіе робкое и старательно затаенное, какъ смѣшная и дерзкая затѣя, отнюдь не умалилось отъ приведеннаго обстоятельства. Независимо самаго обаянія ея чарующей прелести, родственныи пріемъ постоянно находимый въ этомъ домѣ не могъ не связать меня съ ними узами самой теплой признательности. Семья моя проживала далеко, въ гауши Малороссіи, родственниковъ и близкихъ въ Москвѣ у меня не было; Мглинскіе создали мнѣ, бездомному, новый міръ душевныхъ привязанностей, облегчили утрату покинутаго.

Въ концѣ втораго курса неожиданное и совершенно случайное обстоятельство произвело внезапный переворотъ въ моихъ мысляхъ, поколебавъ прежнюю безусловную вѣру въ недосягаемую чистоту Марьи Никитишны. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Въ Дрезденѣ проживалъ двоюродный дядя моей матушки, богатый, причудливый холостякъ, покинувшій службу и родину лѣтъ латвадцать тому назадъ вслѣдствіе какого-то лустаго замѣчанія своего начальника, показавшагося ему оскорбительнымъ. Черезъ каждые три года онъ испытывалъ, какъ онъ выражался, „la nostalgie de la sage patrie“ и пріѣзжалъ проводить лѣтніе мѣсяцы въ великолѣпной усадьбѣ родоваго имѣнія въ одной изъ-за московскихъ губерній. Эммануилъ Сергѣевичъ Подольскій, такъ звали этого родича, славился въ свое время успѣхами въ свѣтѣ и знал наперечетъ все общество обихъ столицъ. Онъ былъ моимъ крестнымъ отцемъ, и независимо ото всякихъ постороннихъ соображеній, долгъ вѣжливости вынуждалъ мнѣ въ обязанность посѣтить его тотчасъ послѣ того какъ артельщикъ отъ Варгина, гдѣ онъ имѣлъ привычку останавливаться, явился меня оповѣстить о его пріѣздѣ. Послѣ обычныхъ разспросовъ о родѣ и семейныхъ дѣлахъ разговоръ перешелъ на болѣе личную почву. Я разумѣется не замедлилъ упомянуть о Мглинскихъ какъ самыхъ близкихъ мнѣ людяхъ. Это имя внезапно пробудило въ немъ какія-то отдаленныя воспоминанія.

„Постой“, прервалъ онъ меня, — „какіе же это Мглинскіе? Мглинскихъ, сколько помню, уже давно нѣтъ, ихъ родъ прекратился въ мужскомъ колѣнѣ со смертію князя Матвѣя, se ravuзе Matthias qui a été emporté si jeune; я его отлично зналъ, мы были вмѣстѣ въ лейбъ-гусарахъ, а единственная сестра его вышла за Сколина, „le banca!“, впрочемъ весьма милого малюго...“ Я послѣдшилъ пояснить ему „какіе“ именно „мои Мглинскіе“, присовокупляя не безъ нѣкотораго эффекта что Марья Никитишна рожденная Щетинина-Суздальская. „А-а-а!“ протянулъ Эммануэль Сергѣевичъ „m'y voila! Ты такъ бы и сказалъ; sag il y a Mglinsky et Mglinsky comme fagots et fagots: „этихъ“ я не знавала, то-есть его. Marie я отлично помню еще въ дѣвущихъ; мы ее прозвали „la Venus brune“ за необыкновенную красоту. Она могла претендовать на лучшія партіи; принцъ Карлъ, часто бывавшій тогда при нашемъ Дворѣ, былъ отъ нея просто безъ ума. Ея исторія съ Igène Сугорскою въ свое время надѣлала много шума: представъ себѣ, вѣдь онъ дрались на пистолетахъ изъ-за Léon Мстиславцева, ни дать ни взять какъ нѣкогда Mesdames de Polignac et de Noailles изъ-за Лозѣна, или Ринельдѣ, хорошо не припомню! Несчастнѣйшій Федя Сугорскій послѣ этого скадала совершенно рехнулся; правда, онъ и до того былъ недалеко; а Marie Суздальская какъ-то исчезла, ступевалась. Помню въ послѣдствіи говорили будто она вышла замужъ за какого-то афериста, сдѣлала что называютъ une mésalliance. Ну, поклонись ей отъ меня при случаѣ.“

Этотъ разказъ, въ достовѣрности котораго я не имѣлъ никакихъ основаній сомнѣваться, создалъ въ моемъ представленіи совершенно новый образъ Марьи Никитишны. Безлаотная мадонна преобразилась въ кающуюся Магдалину, очищенную, но все-таки привлекательную грѣшницу, и должень сознаться, правды ради, такая перемѣна повятіи свершилась безъ ущерба для моего робкаго поклоненія. Вскорѣ затѣмъ обстоятельства положили конецъ моей привольной жизни. Разстройство семейныхъ дѣлъ понудило меня сократитъ пребываніе въ университетѣ. Въ началѣ третьяго курса я выльсаался въ сторонніе слушатели чтобы держать экзаменъ на кандидата и почти прервалъ всѣ общественныя отношенія. Слѣдующею осенью, приведа въ возможный порядокъ дѣла, я поступилъ на службу въ Петербургъ, куда годъ спустя прибылъ и Саша, избравшій дипломатическую карьеру.

II

Наша дружескія отношенія нисколько не охладѣли. Память о пережитомъ отрадномъ прошломъ была еще настолько свѣжа что не могла изгладиться за нѣсколько мѣсяцевъ разлуки. Я жилъ въ скромныхъ меблированныхъ комнатахъ близъ Полицейскаго моста, на пятомъ этажѣ. Саша приискалъ уютную квартиру особнякъ на одной изъ эlegantныхъ улицъ, съ сараемъ и конюшней для собственнаго вѣзда. Онъ почти ежедневно заходилъ ко мнѣ возвращаясь изъ министерства и пробѣгалъ кошкой сто десять ступонокъ отдѣлявшихъ меня отъ земли. Первые мѣсяцы своего поступления на службу были имъ всецѣло посвящены приготовлениямъ къ только что установленному предъ тѣмъ дипломатическому экзамену, опредѣлявшему переходъ въ канцелярію и право на получение штатныхъ должностей при посольствахъ. Онъ ужасно волновался, опасаясь неудачи, возился съ объемистыми томами Гардена, Генца, дѣлалъ выписки изъ трактатовъ, изучалъ въ подлинникъ Гуго Гроція, словоомъ, относился къ дѣлу съ отаичавшими его добросовѣстностью и усердіемъ. Въ половинѣ декабря труды его увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ; испытаніе, къ которому большинство являлось съ запасомъ тощихъ свѣдѣній перехваченныхъ изъ забытой книжки Байданова *Трактаты Россійскаго государства* съ придачей статистическихъ данныхъ почерпнутыхъ въ *Готскомъ Альманакѣ*, оказалось, разумѣется, блестящимъ, и мой другъ весьма скоро былъ удостоенъ завиднаго права возсѣдать за зелеными ширмочками, играть въ домино и курить палироски въ завѣтномъ расадаикѣ надѣлавшимъ Россію Парижскимъ и Берлинскимъ договорами. Даже на умныхъ и развитыхъ людей постоянное обращеніе въ извѣстной средѣ, помимо личной воли, налагаетъ нѣкоторый наружный отпечатокъ господствующихъ въ ней нравовъ и обычаевъ. Саша былъ еще такъ молодъ что не могъ избѣжать этого. Годъ спустя послѣ своего зачисленія въ „статскую гвардію“ онъ довольно удачно достигъ того наружнаго обезличенія, налускнаго безразличія и скучающаго достоинства какими отаичались его сверстники. Только вѣлость и надменная кислота, составлявшія послѣднее слово изящества въ этомъ направленіи, не привились къ его здоровой, бодрой

натурѣ. Саша сталъ посѣщать весьма усердно большой свѣтъ. Имя матери, рожденной Щетининой-Суздальской, вмѣстѣ со вѣднѣею привлекательностью и изяществомъ, облегчили ему доступъ во многіе дома. Отыскались и кое-какія родственныя связи въ видѣ двухъ важныхъ тетокъ и дяди-министра, правда „троюродныхъ“, но тѣмъ не менѣе признавшихъ Сашу послѣ того какъ убѣдился что онъ просить у нихъ ни денегъ, ни покровительства не намѣренъ и достаточно одаренъ во всѣхъ отношеніяхъ „*rouge passer tout seul*“. Не бывая что принято называть въ свѣтѣ, я тѣмъ не менѣе имѣлъ случай отчасти соприкасаться съ нимъ въ двухъ-трехъ домахъ гдѣ старыя семейныя связи вмѣняли мнѣ въ обязанность появляться хотя изрѣдка. Къ числу таковыхъ относился домъ княгини Мстиславской, воспитывавшейся нѣкогда вмѣстѣ съ матушкой и сохранившей затѣмъ къ ней самыя нѣжныя, искреннія чувства въ теченіе цѣлой жизни. Нашъ небольшой родовой хуторъ въ Черниговской губерніи почти приграничивалъ къ роскошной усадьбѣ, постройки Растрелли, гдѣ княгиня имѣла обыкновеніе проводить лять мѣсяцевъ ежегодно. Она была вдова, бездѣтна и приняла на воспитаніе племянницу, братнюю дочь, графиню „Мисси“ Матюшкину, блѣдное, анемическое существо, доброе и молчаливое, ради которой затѣвались повременамъ небольшіе танцевальныя вечера подъ фортепиано. На одномъ изъ таковыхъ волею-неволею я поставленъ былъ въ необходимость служить кавалеромъ княжнѣ Зинѣ Сугорской, оставшейся какими-то судьбами безъ танцора на кадрили.

— Я съ вами уже отчасти знакома, улыбулась она, притѣливо протягивая мнѣ руку, когда Мисси меня представила.

Удивленіе изобразившееся на моемъ лицѣ было вѣроятно весьма комично, такъ какъ княжна разразилась чистосердечѣйшимъ смѣхомъ.

— Да, знакома, подтвердила она,—и даже настолько обстоятельно что могу если хотите очертить нѣкоторыя особенности вашего характера, вкусы, наклонности.

— Въ такомъ случаѣ, княжна, отвѣчалъ я, неволью уваченный ея обятеальною веселостью,—мнѣ остается только съ мѣста обратиться въ бѣгство чтобы не слышать тѣхъ ужасныхъ истинъ которыя вы мнѣ можете высказать.

— Напротивъ, замѣтила она серьезно, останавливая на мнѣ свои большіе черные глаза,—вамъ не слѣдуетъ бояться правды: вы человекъ хорошій.

Ея тонъ звучалъ какою-то теплою задушевною, совершенно не подходившею подъ мѣрку обыкновенной бальной болтовни свѣтскихъ дѣвушекъ. Въ немъ слышались неподдѣльное добродушіе и искренности, вызывавшія невольное сочувствіе.

Поразившая меня загадка объяснилась очень просто; лишь тогда мы усадились въ кругъ танцующихъ. Княжна часто встрѣчалась въ свѣтѣ съ Сашей Мгаицкимъ, и онъ, какъ слѣдовало заключить изъ ея словъ, отрекомендовалъ меня въ лучшемъ видѣ. Усматривая въ этомъ обстоятельствѣ новое подтвержденіе его привязанности ко мнѣ, я все-таки не вполнѣ себя уяснилъ: ради чего понадобилось ему избрать меня темой для своихъ разговоровъ съ совершенно постороннею и не знавшею меня дѣвушкой. Очевидно имя мое появилось въ связи съ воспоминаніями ранней молодости и университетской жизни. Не допуская возможности самостоятельнаго интереса въ своей особѣ, я естественно долженъ былъ придти къ убѣжденію что подробности сообщенныя мнѣ княжною опредѣлялись цѣлымъ рядомъ разговоровъ Саши о прошломъ, разговоровъ повидимому не лишешныхъ для нея значенія, если среди разсѣянно-свѣтской жизни она такъ хорошо сохраняла о нихъ память. Меня удивило вмѣстѣ съ тѣмъ почему Саша никогда не упоминала мнѣ даже вскользь о своей новой знакомой, и невольное любопытство подталкивало меня заглянуть поглубже въ сердце прелестной княжны. Плохо изощренный въ искусствѣ скрывать свои мысли, я не задумался обратиться къ ней прямо съ вопросомъ: какъ ей нравится Саша. Она ничуть не смутилась, не рассердилась на мою наивную нескромность, и глубоко убѣжденнымъ тономъ не то отвѣтила, не то сама спросила: „Да развѣ онъ можетъ не нравиться?“ Я воспользовался случаемъ не оставаться въ догаду предъ Мгаицкимъ, и примѣчая видимый интересъ возбуждаемый въ княжнѣ моимъ повѣствованіемъ, старательно выставлялъ личность моего пріятеля въ томъ симпатичномъ свѣтѣ въ какомъ дѣйствительно онъ мнѣ тогда являлся. Княжна отказалась отъ заключительнаго „шеса“, и кадрили давно была окончена, а мы все продолжали бесѣдовать въ своемъ уголкѣ. Постепенное опустѣніе бальной залы внезапно возвратило княжну къ требованіямъ условеннаго приличія. Она медленно, словно нехота, покинула свое мѣсто и протягивая мнѣ руку добавила:

„мы еще вѣрно не разъ будемъ имѣть случай бесѣдовать о нашемъ общемъ другѣ; если увидите его раньше чѣмъ я, передайте о подробностяхъ нашей сегодняшней встрѣчи... Отчего вы не бываете въ свѣтѣ? мнѣ бы такъ хотѣлось видѣться съ вами почаще...“ и отказавшись отъ предложенной руки, она порхнула какъ птичка въ одну изъ смежныхъ гостиныхъ.

— Vous avez fait la conquête de Zina! говорила мнѣ нѣсколько дней спустя Мисси Матушкина.—Она просила меня доставить ей случай поближе познакомиться съ вами; пріѣзжайте, я ее позову; тетюшка поручила передать вамъ приглашеніе.

Представлялся удобный случай разспросить про княжну; я слышалъ имъ воспользоваться.

— Зина предобрѣйшее существо, пояснила мнѣ молодая графиня.—Въ свѣтѣ многіе ее не долюбиваютъ и осуждаютъ потому что завидуютъ. Вы можетъ-быть замѣтили извѣстную оригинальность и независимость въ ея обращеніи и манерѣ себя держать. Она, можно сказать, слишкомъ безыскусственна и проста, что на сердцѣ, то и на языкѣ: вотъ это именно и порицаютъ въ ней, называя излишнею вольностью, недостаткомъ выдержки. Помоему, такіа качества скорѣе свидѣтельствуютъ въ пользу ея ума и сердца нежели напротивъ. Притомъ обстоятельства ея жизни и воспитанія сложились совершенно исключительно. Отецъ ея, князь Федоръ Сугорскій, разошелся съ женой вслѣдствіе какой-то семейной драмы и вскорѣ затѣмъ сошелъ съ ума. Княгиня почти одновременно приняла католицизмъ и экзальтировалась. Зина такимъ образомъ осталась съ малолѣтства хуже чѣмъ сиротой и выросла въ домѣ у своей прабабки графини Бестужевой. Графиня была слишкомъ стара чтобы лично слѣдить за ея воспитаніемъ, и помимо этого все ея время посвящалось свѣту, который она любила до того что въ восемьдесятъ лѣтъ не пропускала ни одного бала. Ни дать ни взять какъ старуха въ *Пиковой дамѣ* Пушкина, ломайте, съ тою лишь разницею что эта была худая и сморщенная, настоящая консерва, и права весьма обходительнаго. Je dois mourir à mon poste, повторила она неизмѣнно когда ей представляли объ утомительности выѣздовъ и пріемовъ. За день до смерти она страшно волновалась по поводу „концертнаго бала“, на которомъ доктора не дозво-

или ей присутствовать. Такихъ теперь уже осталось немного, но я отвлеклась отъ предмета, дѣло не въ ней. Зина при этихъ условіяхъ разумѣется рано приучалась творить свою волю. Со смертью графини она очутилась совершенно одинокою въ мірѣ и, несмотря на свои средства, не знала бы гдѣ пріютиться еслибы добрая принцесса ...ская не взяла ее къ себѣ фрейлимою. Теперь она живетъ у нея во дворцѣ, но повидному тяготится обязанностями и въ некоторымъ стѣсненіемъ налагаемымъ условіями придворной жизни. Въ женихахъ конечно недостатка не будетъ, такъ какъ кромѣ своего родового состоянія Бестужева завѣщала ей болѣе двухсотъ тысячъ съ прибавкой всѣхъ своихъ брилліантовъ, не исключая и знаменитаго „collier de la reine“.

— Какъ collier de la reine? спросилъ я недоумѣвая.

— Да, колье принадлежавшаго Маріи-Антуанетѣ.

— Но позвольте, замѣтилъ я недоувѣрчиво, — вѣдь знаменитое „ожерелье королевы“ было, какъ извѣстно, украдено госпожею Ламотъ и распродано по частямъ въ Англіи.

— Я и не утверждаю что это именно „знаменитое“ колье принца Рогана, улыбулась Мисси, видимо довольная своею начитанностью, — вопервыхъ, по той причинѣ что „то“ было брилліантовое, а принадлежащее Зинѣ жемчужное, но во всякомъ случаѣ полагаю что Марія-Антуанета могла позволить себѣ имѣть ихъ и нѣсколько.

— Но какимъ образомъ очутилось оно въ Россіи, продолжалъ я допрашивать, — можетъ-быть только одно предположеніе что этотъ жемчугъ принадлежалъ королевѣ.

— Право, не могу вамъ подробно объяснить; если это васъ интересуетъ, лучше всего спросите Зину: ей извѣстна вся исторія этой драгоценности по какимъ-то семейнымъ бумагамъ. Люди свѣдущіе утверждаютъ что историческая подлинность не подлежитъ сомнѣнію.

Какъ разъ въ это время я читалъ только-что появившееся сочиненіе Эдгара Кине о революціи, и разказъ Мисси Матюшкиной заинтересовалъ меня до крайности. Кровавая эпопея великихъ самолюбій и ничтожныхъ дѣлъ волновала мое юношеское воображеніе. Не знакомый еще ни съ Лувромъ, ни музеемъ Кляузи, я ощущалъ тревожное любопытство, желая видѣть во очію, осязая случайный остатокъ нѣкогда соприкасавшійся съ великою жертвой, словно этотъ бездушный пережившій ее предметъ возымѣетъ силу вызвать предо

мною изъ праха ея дѣтски-шаловливый, величественно-трагическій призракъ.

Сама была отчасти сконфуженъ моими сообщеніями касательно встрѣчи и разговоръ съ княжною Зиною. Послѣ легкихъ отговорокъ и колебаній дѣлъ сознался мнѣ что она уже давно ему нравится.

— Это дѣвушка съ умомъ и съ характеромъ, пояснилъ онъ, — не бездушная куколка ломышляющая только о балахъ и туалетахъ какихъ встрѣчаешь десятками на паркетѣ; въ ней все искренно, все правдиво, она способна составить счастье порядочнаго человѣка.

— Зачѣмъ же дѣло стало? спросилъ я его. — Княжна, сколько я могъ примѣтить, раздѣляетъ твое чувство. Она вполнѣ независима, ты слава Богу уже на ногахъ: объяснитесь окончательно и зови меня въ шафера.

Сама слегка засмѣялась.

— Это не такъ просто какъ тебѣ представляется, продолжалъ онъ; — вопервыхъ, я еще не выдѣленъ, и хотя пала назначилъ мнѣ пока по восьми тысячъ въ годъ, но все это весьма неопредѣленно при его постоянныхъ рискованныхъ оборотахъ; разчитывать только на состояніе Зины при такихъ условіяхъ было бы крайне неблагоприятно и не совмѣстно съ моими правилами.

— Ты могъ бы откровенно переговорить объ этомъ съ княжною, возразилъ я лобуждаемый невольнымъ желаніемъ видѣть ее вполнѣ счастливою, — и порѣшить вопросъ въ принципѣ если дѣйствительно любишь ее какъ она тебя. Не нужно быть особенно наблюдательнымъ чтобы подмѣтить какъ сильно она къ тебѣ привязалась.

— Да, ты правъ! заключилъ онъ рѣшительно послѣ минутнаго раздумья. — Зина полюбила меня искренно, тебѣ я могу въ этомъ сознаться безъ опасенія прослыть за фата; я не долженъ оставлять ее долѣе въ неизвѣстности, ей могутъ представиться другія, болѣе блестящія партіи.

— Бѣда не въ томъ, Сама, прервалъ я его, — что она ихъ отвергнетъ ради тебя, а въ томъ что ты можешь занять, самъ того не желая, столь широкое мѣсто въ ея сердцѣ что никто иной не въ силахъ будетъ до него добраться и вся жизнь ея выбьется изъ колеи; это натура цѣлвая.

— Да, да, ты сто разъ правъ...

Отъ дерзкаго взора
 Въ ней страсти не вспыхнуть пожаромъ,
 Полюбить не скоро,
 За то не разлюбить ужь даромъ.

Продекламировалъ съ увлеченіемъ Саша, забывая свою дипломатическую „reserve“.—Отъ счастья глупо сторовиться, не такъ ли, когда оно проходитъ подъ рукою.

Я совершенно съ нимъ согласилась. Во вторникъ у княгини Мстиславской я встрѣтилъ княжну Зину сіяющею отъ счастья. Наканунѣ, на балѣ въ австрійскомъ посольствѣ, Саша во время котильйона сдѣлалъ ей формальное предложеніе.

— Я, по правдѣ, уже давно предчувствовала что этому не миновать, но все какъ-то не вѣрилось! добродушно пояснила она, объявляя мнѣ о своей радости.

Принцесса не возбудила никакихъ затрудненій и обѣщала выхлопотать къ свадьбѣ юному дипломату камеръ-юнкерство. Формальное оглашеніе, какъ сообщила мнѣ княжна, должно было послѣдовать съ полученіемъ благословенія Сашиныхъ родителей, которымъ онъ немедленно сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ.

— Я ужасно боюсь предстать предъ моею будущею belle mère, тревожилась Зина, — такъ какъ Саша надѣется что она лично пожелаетъ со мною познакомиться и по всей вѣроятности на дняхъ же пріѣдетъ сюда. Онъ просто ее боготворить; чтѣ если я не сумѣю ей понравиться?!.. Скажите, вѣдь вы хорошо знаете все семейство, какого рода женщина Марья Никитишна?

Я характеризовалъ какъ умѣлъ Мглинскую, стараясь чтобы личныя симпатіи не были слѣшкомъ въ ущербъ правдѣ.

Княжна внимательно меня выслушала.

— Изъ вашихъ словъ, замѣтила она,—я вывожу заключеніе что вѣншая обходительность и мягкость не исключаютъ въ ней строгаго отношенія къ жизни и людямъ. Тѣмъ лучше, я предстану на ея судъ какая есть, и можетъ-быть она проститъ мнѣ мои недостатки когда замѣтитъ что сердце во мнѣ не совсѣмъ дурное, а главное что оно искренно и все принадлежитъ ея сыну. Хоть Саша и увѣренъ что она встрѣтитъ меня какъ родную дочь, но все-таки страшно!.. Вы не повѣрите какая я стала трусиха со вчерашняго вечера: мнѣ все кажется что такое счастье мнѣ не по плечу!..

Что будетъ если онъ вдругъ умретъ до свадьбы! Вѣдь бывали же такіе страшные случаи?..

— Это тревога возбужденныхъ нервовъ, слишкомъ сильный притокъ жизни и счастья, спѣшилъ я ее успокоить.

Затѣмъ пошли длинные разговоры, неизмѣнною темой которыхъ былъ все тотъ же счастливецъ Сапа; милые наброски будущаго, освѣщенные молодымъ счастьемъ, радужные переливы свѣтлыхъ надеждъ, вызванные яркими лучами сердечной полноты. Княжна доврчиво обдавала меня волной своего выстулавшаго изъ береговъ счастья, словно чувствуя потребность подѣлиться его избыткомъ. Мнѣ было любо чистосердечное простодушіе съ какимъ она дѣлала меня участникомъ своихъ радостей, какъ будто и не могло быть иначе. Можетъ-быть ея женственная чуткость подсказывала ей въ эти минуты что и я самъ любилъ ее искренно, горячо, тою „хорошею любовью“, которая спускается иногда въ грѣшную душу человѣка подъ обаяніемъ чистоты и непорочности.

Мисси оставила насъ вдвоемъ и выдѣлывала замысловатые эскерпсы на роялѣ въ соседней комнатѣ. Княжна имѣла обыкновеніе удаляться на послѣобѣденный отдыхъ во внутренніе локои, помѣщавшіеся въ другомъ этажѣ. Въ большой гостиной, гдѣ мы пріютились, царствовалъ полумракъ. Лампы не были еще зажжены, и только одинъ рефлекторъ съ темною ширмой освѣщалъ огромный портретъ „en pied“ хозяйки дома, работы Винтергальтера. Княжна выступала на немъ изъ цѣлаго моря газовыхъ волановъ, съ волосами перевитыми жемчугомъ. Я нечаянно взглянулъ на него и вспомнилъ про знаменитое ожерелье. Моментъ былъ удобный заговорить объ интересовавшемъ меня предметѣ, такъ какъ Зина умолкла и въ раздумьи перекладывала шарики „солитера“.

— Скажите, княжна, не рѣшительно началъ я,— правда ли что въ числѣ вашихъ драгоценностей находится жемчужное кольцо, принадлежавшее будто бы Маріи-Антуанеттѣ?

— Совершенно вѣрно, отвѣчала она очнувшись,— а что?

Мнѣ показалось словно въ цитонаціи ея голоса прозвучала какая-то тревожная нотка, и я нѣсколько растерялся при мысли что мой вопросъ показался ей почему-либо нескромнымъ.

— Последнее время я много перечиталъ о такъ-называемой „великой революціи“, и все относящееся къ этой эпохѣ

особенно меня интересуетъ. Вотъ почему я осмѣлилась бы, если только въ томъ нѣтъ нескромности, просить васъ сообщить мнѣ легенду вашей исторической драгоценности и при случаѣ доставить возможность на нее взглянуть.

— Съ удовольствіемъ, сказала она, — я вамъ какъ-нибудь ее привезу сюда; что же касается, какъ вы выразились, легенды, то это вполнѣ точно въ примѣненіи къ моему колье. Этотъ жемчугъ несомнѣнно принадлежалъ несчастной королеви и былъ ей подаренъ ея пріятельницей принцессой Ламбалль, кажется, по случаю рожденія дофина. Мой дѣдъ, князь Андрей Кирилловичъ, будучи посломъ въ Лондонъ, имѣлъ случай приобрести его вскорѣ послѣ смерти королевы чрезъ посредство извѣстнаго Бомера, придворнаго ювелира, знавшаго наперечетъ всѣ драгоценности королевы. Нѣсколько лѣтъ спустя, желая вполнѣ убѣдиться въ исторической подлинности своего приобретенія, дѣдъ, находясь въ экстраординарной миссіи въ Стокгольмѣ, показалъ колье графу Ферзену, тому самому который такъ усердно содѣйствовалъ неудачному бѣгству въ Варенъ, и графъ не только узналъ ожерелье, но даже припомнилъ время и обстоятельства при которыхъ оно было подарено королеви, такъ какъ въ то время онъ проживалъ при Версальскомъ дворѣ. Въ футлярѣ находится подробная записка за его подписью, набросанная имъ по просьбѣ дѣда.

— Вы никогда не носите этого жемчуга?

— Нѣтъ, до сихъ поръ не приходилось. Такое украшеніе слишкомъ богато для дѣвушки. Правда, съ придворнымъ нарядомъ я могла бы его надѣвать, но мнѣ почему-то становится страшно каждый разъ какъ я собираюсь это сдѣлать. Кажется, я нѣсколько суевѣрна. Еще въ дѣтствѣ мнѣ натаolkовали будто этотъ жемчугъ приноситъ несчастье, и съ тѣхъ поръ я не могу отдѣлаться отъ этого гаулага чувства!

— Но вѣдь такое преданіе ни на чемъ не основано, замѣтилъ я, — и по всей вѣроятности унаслѣдовано изъ разказовъ какой-нибудь старой нянюшки, подслушавшей что этотъ жемчугъ принадлежалъ казненной королеви.

Грустная тѣнь скользнула по оживленному лицу Зины.

— Нѣтъ, если хотите, заговорила она послѣ минутнаго раздумья, — это предположеніе отчасти и оправдывается, хотя смѣшно устанавливать какую-либо таинственную связь между прошлыми событіями и моимъ ожерельемъ.

Нужно вамъ сказать что покойный дѣдъ подарилъ его своей невѣсткѣ, моей матери, въ видѣ свадебнаго подарка, предъ тѣмъ какъ ей вѣхать въ церковь. Она въ немъ вѣнчалась и, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, не была особенно счастлива. Въ послѣдствіи, когда она разошлась съ моимъ отцомъ, этотъ жемчугъ, какъ историческое достояніе Сугорскихъ, былъ ею возвращенъ и достался мнѣ. Прабабушка Бестужева во время моего малолѣтства нерѣдко его наминала чтобъ онъ не обезцвѣнился, такъ какъ утверждаютъ будто жемчугъ утрачиваетъ свой блескъ и красоту отъ продолжительнаго лежанья, умираетъ. Мнѣ уже не разъ на это указывали, и нужно будетъ поборотъ свой смѣшной предрасудокъ. Позвольте, припомнила она,—въ будущій четвергъ, если не ошибаюсь, долженъ быть маленькій выходъ по случаю принесенія присяги Великимъ Княземъ. Мы будемъ въ русскихъ платьяхъ, и я воспользуюсь случаемъ провѣтрить мой жемчугъ. Принцесса по всей вѣроятности останется завтракать во дворцѣ и отпустить меня. Я воспользуюсь случаемъ провѣдать Мисси. Если вы можете заглянуть сюда около двухъ, то навѣрно меня застанете и будете имѣть случай осмотрѣть въ подробностяхъ занимающій васъ предметъ.

III.

Я отъ души поздравилъ Сашу при первомъ же свиданіи, такъ какъ сама княжна уполномочила меня на то своею откровенностью. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку обнимая меня, но вкорѣ я могъ убѣдиться безъ особеннаго труда что испытываемая имъ радость не была чужда какой-то посторонней, докучливой мысли, отравлявшей полноту или вѣрнѣе спокойную гармонию его счастья. Не желая напрашиваться на откровенность, я до времени воздерживался отъ разспросовъ, увѣренный заранѣе что онъ самъ не замедлитъ подѣлиться со мною своими заботами. Въ концѣ мѣсяца онъ дѣйствительно высказался относительно той тревоги въ которую повергаю его молчаніе матери.

— Вотъ уже латый день какъ я ей писалъ, рассчитывалъ онъ,—и до сей поры ни слова отвѣта. Я надѣялся на слѣдующій же день получить телеграмму. Можетъ-быть она недовольна что я лично не пріѣхалъ въ Москву переговорить

съ немъ? Пожалуй оно и сдѣдало бы... Какъ ты думаешь, не двинуться ли мнѣ завтра?

— Я полагаю что въ настоящее время оно или поздно, или преждевременно; обожди лучше отвѣта который по всей вѣроятности не замедлитъ, и потомъ сообразишь какъ поступить, отвѣтилъ я.—Во всякомъ случаѣ, не вижу особенныхъ основаній тревожиться. Княжна, независимо своихъ личныхъ качествъ и достоинствъ, во всѣхъ отношеніяхъ одна изъ тѣхъ партій противъ коихъ самые требовательные родители врядъ ли что могутъ возразить. Вѣдь ты, надѣюсь, упомянулъ матушкѣ что любишь ее и женишься не изъ расчета?

— Конечно, да объ этомъ не можетъ быть и рѣчи; матушка слишкомъ хорошо меня знаетъ чтобы допустить подобную мысль.

— И слишкомъ любить чтобы пойти наперекоръ твоему счастью, добавилъ я,—тѣмъ болѣе что къ этому не представляется повидимому никакихъ основаній.

Послѣдовавшіе за этимъ разговоромъ три дня я не видалъ Сашу. Противъ обыкновенія онъ не заглядывалъ ко мнѣ въ урочное время. Предполагая что онъ занемогъ, я отправился его навѣстить и къ крайнему удивленію узналъ о его внезапномъ отъѣздѣ въ Москву. Не вытерпѣвъ таки, подумавъ я,—захотѣвъ ускорить событія. Княжна безъ сомнѣнія была имъ предувѣдомлена и не замедлитъ мнѣ сообщить о времени его возвращенія. Кстати на слѣдующій же день мнѣ предстояло съ ней встрѣтиться согласно условію у княгини Мстиславской. Въ половинѣ втораго я отправилась. Зины еще не было. Мы сидѣли за завтракомъ когда она появилась, веселая и нарядная, придерживая рукою длинный тренъ своего сянго бархатнаго, вышитаго золотыми пальмами, придворнаго платья. Бѣлая лопляка, обхватывавшая ея черные волосы, была украшена рядомъ великолѣпныхъ сафировъ. Три ряда крупнаго жемчуга обвивались вокругъ нѣжной, нѣскольکو удлиненной шеи, перемѣшиваясь съ тяжелыми локонами падавшими изъ-за ушей. Она сдержала свое слово, подумавъ я, окинувъ ее взглядомъ,—рѣшилась надѣть знаменитое ожерелье. Послѣ завтрака мы пошли пить чай на половину Мисси. Княгиня слышала въ засѣданіе какого-то благотворительнаго комитета и, поручивъ насъ молодой хозяйкѣ, ушла одѣваться.

— Видите какая я храбрая, разсмѣялась Зина лишь только

мы остались втроемъ, показывая на свое кольцо, — сдѣлаа такъ починъ!

— Въ добрый часъ, улыбнулся я,—это жемчугъ королевы?

— Овъ самый, отвѣчала княжна,—и такъ какъ я вижу что вы горите нетерпѣніемъ ближе съ нимъ познакомиться, спѣшу удовлетворить ваше любопытство.

И обратившись къ Мисси, хлопотавшей у чайнаго столика, она попросила ее отстегнуть фермуаръ, чего сама не могла сдѣлать подъ даннымиъ вуалемъ и буклами покрывавшими затылокъ и шею.

— Voilà, проговорила она, передавая мнѣ святое графиней со всевозможными предосторожностями ожерелье.

Это были, какъ я упоминалъ, три ряда отборнаго крупнаго жемчуга съ прелестнымъ голубовато-розовымъ оттѣнкомъ. Съ невольнымъ благоговѣніемъ взирааь я на эти блестящія, драгоценныя шарики украшавшіе можетъ-быть много лѣтъ подъ радъ лебединую шею дочери Маріи-Терезіи въ веселые дни Трианона. Мое воображеніе невольно приурочивало къ нимъ какую-то невидимую, но словно осязательную частицу тѣхъ неизмѣримыхъ величій и горестей коихъ они были безучастными свидѣтелями. Въ раздумьи я молча перебиралъ жемчужныя вѣты, любясь ихъ мягкими перепадами.

— Обратите вниманіе на фермуаръ, замѣтила княжна,—въ немъ сосредоточенъ главный интересъ.

Всѣмъ поглощенный своими размышленіями надъ ожерельемъ, я дѣйствительно не обратилъ вниманія на висѣвшій сбоку медальонъ, полагая что овъ принадлежалъ случайно для красоты либо удобства, но не имѣетъ никакого историческаго значенія. Замѣчаніе княжны возбуждало мое любопытство, я внимательно сталъ его разсматривать. Въ овальной рамкѣ, необыкновенно тонкой эмалевой работы, украшенной по выстуламъ довольно крупными брилліантами, подъ толстою пластинкой отшлифованнаго горнаго хрустала или толза видѣлось на бѣломъ фонѣ не то нарисованное, не то наложенное миниатюрное изображеніе лортика съ расположеннымъ посрединѣ жертвенникомъ. Два микроскопическія сердца покопась на немъ подъ едва примѣтною надписью „à l'amitié“. На оборотной сторонѣ въ такомъ же медальонѣ изображены были буквы: M. T. S. C.

— Что это означаетъ? обратилася я къ княжнѣ.

— Эмблема не требуетъ объясненій, отвѣчала она,—это

ожерелье, какъ я уже вамъ говорила, даръ нѣжной дружбы связывавшей двухъ несчастныхъ страдалицъ. Инципалы означаютъ Marie-Therese Savoie-Carignan, такъ какъ принцесса Ламбалль происходила изъ этого владѣтельнаго дома. Рисунокъ и монограмма составлены изъ ея волосъ, согласно сентиментальной модѣ установившейся въ концѣ прошлаго столѣтїя и продолжавшейся до первой четверти настоящаго.

Я возвратилъ ожерелье княжнѣ, поблагодаривъ ее за обязательное ознакомленіе съ этою драгоценною реликвіей.

— Вы не знаете, спросила она меня, — будетъ сегодня Саша у Острожскихъ?

Я съ удивленіемъ на нее посмотрѣлъ, но сообразивъ тотчасъ же что не имѣю права выдавать своего прїятеля, признавшаго повидимому нужнымъ умолчать о своемъ отъѣздѣ, отвѣтилъ принявъ самый обыкновенный видъ что навѣрное не знаю, такъ какъ послѣдніе два дня съ нимъ не видался.

— Васъ нѣсколько удивилъ кажется мой вопросъ, отозвалась княжна, подмѣтившая мое минутное недоумѣвіе, — что дѣлать, я хотя и невѣста, а принуждена подчасъ собирать справки о суженомъ отъ постороннихъ. Принимать Сашу у себя, во дворцѣ, я не могу, это несогласно съ условными приличїями, а встрѣчаться съ нимъ въ покояхъ гофмейстерины, въ ея присутствїи, тяжело и стѣснительно. Мы порѣшили скрѣпя сердце довольствоваться однѣми случайными, хотя и довольно частными встрѣчами въ свѣтѣ, пока о нашей помолвкѣ не будетъ формально объявлено. Что дѣлать, нужно подчиняться обстоятельствамъ если не можешь ими повелѣвать!

Образъ дѣйствїи Саши показался мнѣ нѣсколько страннымъ. Внесалный отъѣздъ едва ли могъ оправдываться единственно тревожнымъ настроенїемъ его мыслей вслѣдствїе замедленїа отвѣта Марьи Никитишны. Оставалось предположить что она или вызвала сына, не довольствуясь письменными сообщенїями, или внезапно возникли непредвидѣнные усложненїа потребовавшїя его личнаго присутствїа. Во всякомъ случаѣ я не могъ себя дать отчета: для какой дѣли призналъ онъ нужнымъ скрывать свой отъѣздъ отъ княжны, рискуя подвергнуть ее въ случаѣ проводочки мучительному безпокойству. Разгадка послѣдовала раньше чѣмъ я могъ ожидать. Въ ту же ночь, едва я погасилъ свѣчу и началъ погружаться въ дремоту, быстрые шаги по корридору и

последовавшій затѣмъ легкій стукъ въ дверь моей комнаты заставили меня внезапно очнуться.

— Это я, отопри, мнѣ необходимо тебя видѣть! послышался знакомый голосъ Саши.

Мигу спуста онъ сидѣлъ на моей кровати, блѣдный, слегка осунувшійся, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, повидимому завернувшій съ какого-нибудь вечера.

— Что случилось? спросилъ я его, опасаясь какого-либо несчастія, либо неприятнаго столкновенія, побудившихъ его немедленно обратиться къ моимъ услугамъ не стѣсняясь позднимъ часомъ,—откуда тебя Богъ привезъ, когда вернулся?

Былъ на балѣ у Острожскихъ, вернулся съ вечернимъ поѣздомъ... Матужка не даетъ согласія на бракъ съ Зиной.

Онъ проговорилъ все это отрывисто, глубоко переводя дыханіе, словно непосильный гнетъ лежалъ у него на груди.

— Не можетъ быть, это было бы слишкомъ жестоко! вырвалось у меня невольно,—какія же причины?

— Я самъ не въ состояніи ихъ уяснить, грустно вздохнулъ Мглацкій,—матужка умоляла меня не настаивать и вѣрить что она не пошла бы наперекоръ моему счастью безъ серьезныхъ мотивовъ. „Женись если хочешь“, отвѣчала она на всѣ мои мольбы и представленія, „ты совершеннѣйшій и волею поступать какъ знаешь, но благословенія моего не проси, я его не дамъ и дочерью Сугорскую никогда не признаю. Я убѣждена что ты не найдешь съ нею счастья,“ добавила матужка: „мать вѣроотступница, отецъ сумасшедшій, c'est une engeance qui porte malheur!

— Да чѣмъ же виновата во всемъ этомъ княжна! возразилъ я,—твой отказъ ее убьетъ, не говоря уже объ огласкѣ которую вашъ разрывъ неминуемо произведетъ въ свѣтѣ, гдѣ по всей вѣроятности уже многіе провѣдали о твоихъ намѣреніяхъ...

— Ты думаешь что все это не приходило мнѣ въ голову, умѣхнулся онъ какъ-то болязненно; — но что же мнѣ дѣлать? жениться безъ благословенія и противъ воли матужки я никогда не рѣшусь!

— Стало-быть остается только помириться со своимъ горемъ.... А княжна, какъ отнеслась она къ этому извѣстію, или ты еще не собрался съ силами объявить ей прискорбную новость? полюбопытствовалъ я.

— Мы сейчасъ видѣлись у Острожскихъ. Взять обратно свое слово я разумѣется не могу, это вопросъ слишкомъ щекот-

таивый, и нужно обставить его возможно выгодно для ея самолюбія. Необходимо чтобы въ свѣтъ подумали что наша свадьба разстроилась вслѣдствіе ея желанія. Простая деликатность вмѣняетъ мнѣ въ обязанность предупредить всякіе невыгодные для нея толки и пересуды. Я не посвящалъ ея, разумѣется, въ мои разговоры съ матушкой, довольствуясь пока неопредѣленнымъ намекомъ на домашнія затрудненія относительно моего выдѣла, не позволяющія самолюбію родителей согласиться на мою жительство на богатой наслѣдницѣ раньше нежели я получу соответственное отъ нихъ обезпеченіе. Зина надѣется упротить принцессу написать нѣсколько словъ матушкѣ, полагая что это сразу устранивъ всякія затрудненія. Я самъ думаю что такая мѣра можетъ повліять на счастливый исходъ.

— Дай Богъ! Только если хочешь знать мое мнѣніе, не увлекайся слишкомъ этою надеждою и обдумай все обстоятельно. Можетъ-быть рѣшеніе твоей матушки опредѣляется не однимъ предчувствіемъ, а болѣе серіозными побужденіями которыми она не поступится ни при какихъ условіяхъ.

Мнѣ внезапно припомнилась разказъ дядюшки про бурную молодость Марьи Никитишны и дуэль ея съ какою-то свѣтскою львицею минувшаго поколѣнія. Память подсказала мнѣ имя Ігѣне и невольно навела мысль на возможную связь этого отдаленнаго событія съ настоящими затрудненіями угрожавшими милой княжнѣ.

— Какъ звали матушку княжны? обратился я къ Самѣ, объясняя свой внезапный вопросъ слоромъ возникшимъ будто бы по этому поводу съ однимъ знакомымъ.

— Ириной Николаевной, сколько припомню, отвѣтилъ онъ подымаясь, такъ какъ былъ уже пятый часъ утра.

Сомнѣнія мои разрѣшились: старая ненависть оскорбленнаго самолюбія или чувства, дремавшая въ гордой, непреклонной душѣ Мглинской, воскресла при одномъ имени солерницы и заглушила материнскую нѣжность. „Бѣдная княжна, бѣдная Зина!“ подумалъ я, засылая послѣ всѣхъ тревогъ этого обильнаго впечатлѣніями дня.

Скорбныя предчувствія мои, къ сожалѣнію, скоро оправдались. Комбинація влюбленныхъ не только не имѣла успѣха, но послужила источникомъ новаго горя для княжны. Марья Никитишна отвѣтила почтительно-холоднымъ тономъ на письмо принцессы. Подъ изліяніями наружной признатель-

ности за участіе къ ея сыну слишкомъ ясно проглядывало высокомерное желаніе не допускать посторонняго вмешательства и давленія въ семейномъ дѣлѣ. Это не могло понравиться, и вся тяжесть недовѣкаго поступка обрушилась на Зину, вызвавшую его своими усердными просьбами. Послѣдовавшая холодность принцессы, къ которой Зина серьезно привязалась, болѣе чѣмъ тяжелая для самолюбія огласка терзала ея и безъ того надломленную душу. Она вернула Сашѣ его слово безъ упрековъ, безъ горечи, словно преклоняясь предъ роковою силою событій совершенно ей неопытныхъ. Вскорѣ я узналъ отъ Мисси Матюшкиной что она захворала довольно серьезно и оправившись совершенно перестала показываться не только въ свѣтѣ, но даже у близкихъ знакомыхъ. Благодаря пущеннымъ въ ходъ вліяніямъ, Саша мѣсяцъ спустя назначенъ былъ секретаремъ при одномъ изъ небольшихъ посольствъ. Послѣдовавшее за разрывомъ время я мало съ нимъ видѣлся. Онъ словно избѣгалъ меня, опасаясь, вѣроятно, нескромныхъ вопросовъ или обидныхъ сожалѣній. Можетъ-быть ему просто стало тяжело общество человѣка слишкомъ напоминавшаго только-что пережитое невеселое время, или недовольная собою совѣсть боялась встрѣтить въ моихъ взглядахъ молчаливый укоръ. Мы оба словно чувствовали что между нами сразу залегло нѣчто новое, постороннее, претившее прежней искренности нашихъ многолѣтнихъ, почти братскихъ отношеній, и разошлись молча, незамѣтно, сохраняя наружные приемы интимности при случайныхъ встрѣчахъ. Имя княжны не было даже произнесено между нами. Мы горячо обнялись на желѣзной дорогѣ, куда я пріѣхалъ его проводить, словно поджидавшій паровозъ долженъ былъ унести съ собою въ какую-то неопредѣленную даль свѣтлые годы нашей молодости. Обоимъ было тяжело; жизнь еще не научила веселіямъ разлуки.

На Оминной, на обратномъ пути изъ Москвы, гдѣ я проводилъ праздники въ знакомомъ семействѣ, мнѣ пришлось помѣститься въ вагонѣ противъ довольно некрасиваго юноши въ адъютантской формѣ. Это былъ средняго роста блѣсоватый блондинъ, лимфатическаго сложенія, съ наружностью и замашками матюшкина сына „средней руки“, разыгрывающаго большаго барина. Онъ, повидимому, весьма старательно копировалъ тилъ „военнаго кокодеса“, занесенный въ

то время нѣкоторыми гвардейцами посѣтившими Парижъ и Тюильри. Тщательно расчесанный до самаго позвоночнаго хребта проборъ, подфабреныя, вытянутые въ струнку усы и заботливо выхоленныя руки, украшенныя цѣлою коллекціей дорогихъ бирюзовыхъ колець, какъ-то странно прилаживались къ аксельбантамъ и огромнымъ шпорамъ кирасирскаго образца.

Мало-по-малу мы разговорились, и мой спутникъ, несмотря на свое напускное изящество, оказался просто-на-просто однимъ изъ тѣхъ „добрыхъ малыхъ“ какіе водятся тысячами на Руси и въ военныхъ, и въ гражданскихъ одеждахъ. Подѣзжая къ Твери, я уже зналъ почти всю его біографію, не исключая и того что онъ торолится въ Петербургъ изъ ***ой губерніи, куда уѣзжалъ всего на нѣсколько дней чтобъ обручиться съ „прелестнѣйшею дѣвушкой“.

— Представьте себѣ, добавилъ онъ самодовольно улыбаясь,—что все это дѣло устроилось и окончательно рѣшилось въ какія-нибудь двѣ недѣли. Я, правду сказать, не гадалъ *m'enrôler de sitôt dans le clan des maris*, но моя нареченная такъ прелестна и всѣ условія этой партіи настолько *bien assortis* что я, какъ видите, рѣшился *et je m'en félicite!* Впрочемъ мы навѣрно встрѣчали мою невѣсту если бывали въ свѣтѣ.

Съ этими словами онъ досталъ изъ бокового кармана лапскаго портфельчикъ изъ *cuir de Russie* и раскрывъ его подалъ мнѣ, вмѣстѣ со вложенными съ каждой стороны двумя фотографіями.

— Да это княжна Сугорская!... вырвалось у меня такъ громко и порывисто что нѣкоторые изъ пассажировъ оглянулись въ нашу сторону.

Адъютантъ поморщился.

— Совершенно вѣрно, замѣтилъ онъ словно обиженный,—что же это васъ такъ поразило?

— Я имѣлъ честь не разъ встрѣчаться съ княжной, отвѣтилъ я насколько возможно спокойно, возвращая ему портфельчикъ съ портретами,—и мое невольное удивленіе объясняется оригинальнымъ капризомъ судьбы доставившимъ мнѣ случайно возможность познакомиться съ вами и узнать про участь княжны.

— *N'est ce pas qu'elle est charmante?* проговорилъ онъ, прищуриваясь какъ котъ и охорашиваясь.

— Мало того, насколько смѣю выразить свое сужденіе, княжна представляетъ собою одно изъ тѣхъ рѣдкихъ и свѣтлыхъ явленій которыя какъ-то выдѣляются изъ окружающей среды.

Адъютантъ ловидимому остался совершенно доволенъ, и плотно поужинавъ въ Бологовѣ, захрапѣвъ самымъ не поэтическимъ образомъ.

„Что бы это могло значить!“ думалъ я между тѣмъ, всматриваясь неволью въ его одутловатое, растянувшееся ото сна лицо, съ широко разинутымъ ртомъ, безъ малѣйшаго оттѣнка мысли и даже вишней привлекательности, одно изъ тѣхъ вульгарно-приличныхъ лицъ которыя природа выдѣлываетъ словно по заготовленному шаблону. „Неужели этотъ альбиносъ могъ настолько прельстить Зину что она рѣшается довѣрить ему свою судьбу!“ Мы обмѣнялись визитными карточками на иностранный манеръ, и я успѣлъ убѣдиться по его незначащей, почти неизвѣстной фамиліи, что о какомъ-либо „разчетѣ“ съ ея стороны не могло быть и рѣчи. Слѣдовательно она его любитъ, или эта рѣшимость не что иное какъ отчаянный *coup de tête*, навѣянный по всей вѣроятности горечью обманутой надежды, тулою злобой оскорбленнаго чувства. Это предположеніе въ связи съ предшедшими обстоятельствами было вѣроятно. Я только никакъ не могъ сообразить почему она не могла подыскать кого-нибудь лучше, полприглядѣе, имѣя возможность и полную свободу выбора. Чѣмъ объяснялась эта непостижимая торопливость отдаться первому встрѣчному? Не знаю насколько непристрастна была въ эту минуту моя оцѣнка распростертаго предо мною адъютанта, но я почему-то былъ убѣжденъ что выхода за Антоновскаго—такъ звали моего новаго знакомаго—княжна готовилась совершить отчаянное сальтомортале, и удержать ее лежало на моей совѣсти. Какъ ни щекотливъ былъ этотъ вопросъ, я твердо рѣшился затронуть его при первомъ же свиданіи съ нею, намѣреваясь пустить въ ходъ весь запасъ дипломатическихъ способностей отпущенныхъ мнѣ судьбой. Къ сожалѣнію, такому благому намѣренію не суждено было осуществиться. Княжна, озабоченная приготовленіями къ предстоявшей чрезъ нѣсколько дней свадьбѣ, не показывалась у княгини Мстиславской, въ единственномъ домѣ гдѣ я имѣлъ возможность съ нею свободно встрѣчаться. Мисси Матюшкина на мои настоятельные разспросы могла только

пояснить что Зина повидимому влоливъ счастлива и выходить замужъ по любви, безо всякаго съ чьей бы ни было стороны давленія. Убѣдительноѣшимъ, по ея мнѣнію, доводомъ въ пользу подобнаго предположенія являлся самый выборъ Антошевскаго, личности безъ имени, безъ виднаго положенія и съ весьма незначительнымъ состояніемъ.

— Elle est gaie comme pinson, добавила графиня, — и носится со своимъ женихомъ словно Америку открыла, du reste elle était toujours un peu fantasque! заключила она о своей пріятельницѣ.

Такъ мнѣ и не удалось видѣть княжну. Послѣ свадьбы, происходившей, какъ я узналъ, въ самомъ тѣсномъ кружкѣ нѣсколькихъ родныхъ и близкихъ, она уѣхала куда-то на югъ, гдѣ мужъ получалъ назначеніе начальникомъ штаба въ одной изъ кавалерійскихъ дивизій. Я самъ годъ спустя распротился съ Петербургомъ и, заброшенный судьбой на трудовую службу въ далекую окраину, совершенно потерялъ изъ виду свѣтае существо промелькнувшее предо мною отраднымъ, но кратковременнымъ видѣніемъ.

IV

Въ 1875 году, во время служебныхъ разъѣздовъ раннею весной, я захватилъ сильное воспаленіе дыхательныхъ органовъ, такъ что, въ предупреденіе возможнаго развитія чахотки, доктора посоветовали немедленно по выздоровленіи отправиться въ Соедѣнъ. Какъ ни мало привлекательна казалась мнѣ перспектива шестинедѣльнаго глотанія солянкой влаги въ скучномъ мѣстечкѣ переполненномъ больными и умирающими со всѣхъ концовъ міра, оставалось подчиниться подъ оласеніемъ худшаго. Въ половинѣ іюля я уже былъ на мѣстѣ. Сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ, и погода стояла великолѣпная. Маленькій городокъ буквально утопалъ въ цѣломъ морѣ цвѣтовъ, преимущественно розъ всевозможныхъ видовъ и оттѣнковъ. Онѣ наполняли не только цвѣтники и куртины, но застилали мѣстами самыя стѣны домовъ, словно прикрывая своею свѣжею прелестью таившіяся нерѣдко за ними страданія и смерть. Русскихъ, кромѣ серьезно больныхъ, было, въ видѣ искаженія, немного, и въ числѣ ихъ я не нашелъ никого изъ знакомыхъ.

Примираясь поневоля со своимъ одиночествомъ, я спасалась отъ неизбежной скуки методическимъ исполненіемъ „водяного режима“ и усердными прогулками по очаровательнымъ окрестностямъ. Направляясь однажды, послѣ равнаго обѣда, на обычную экскурсію въ горы, я повстрѣчалъ на „променадѣ“, въ это время обыкновенно пустынномъ, молодую женщину, видъ которой вызвалъ во мнѣ живѣйшее участіе. Она медленно двигалась мнѣ на встрѣчу въ уютномъ механическомъ креслѣ, осторожно направляемомъ дюжимо „дивстманомъ“. Не взирая на изрядную жару и полное безвѣтріе, тяжелый шотландскій пледъ окутывалъ ее ноги; телая вишневая накидка, сверкавшая на солнцѣ богатыми вышивками входившаго въ большую моду стекаларуса, тщательно прикрывала плечи и станъ. Маленькое, исхудалое личико незнакомки совершенно исчезало подъ соломенною шляпой въ формѣ опрокинутой корзинки, защищавшей его отъ солнечныхъ лучей. Пристально взглянули на меня изъ полутьны этой шляпки ее большіе черные глаза, сверкнувшіе, какъ мнѣ показалось, злобнымъ дихорадочнымъ блескомъ; неволью смущенный ихъ непривѣтливимъ выраженіемъ, я слышалъ отвернуться, полагая что выраженіе участія, неволью отразившееся на моемъ лицѣ, непрятно подѣйствовало на больную. Права ея на это печальное званіе казались мнѣ несомнѣнными. Кромѣ самаго способа передвиженія, обличавшаго крайній упадокъ силъ, достаточно было одного взгляда на ее олутившуюся, словно надломленную фигуру, на мертвенные тоны исхудалаго лица, просвѣчивавшіе даже сквозь розоватый оттѣнокъ, набрасываемый подбоемъ шляпы, чтобъ убѣдиться отъ какого ужаснаго недуга пріѣхала она сюда искать чаемаго цѣленія. Пожилая, но еще бодрая женщина несомнѣнно британскаго типа мѣрно выступала подлѣ кресла, прикрываясь большимъ зонтомъ. Проходя мимо, я услышалъ отрывокъ англійской рѣчи, установившій окончательно мое предположеніе о національности незнакомки. Съ этого дня я сталъ довольно часто встрѣчать больную, преимущественно въ болѣе тихіе часы послѣобѣденнаго времени, и каждый разъ видъ ея почему-то возбуждалъ во мнѣ живѣйшее участіе. Не знаю, угадывала ли она во мнѣ это чувство и почему оно казалось ей столь обиднымъ, только каждый разъ какъ мнѣ приходилось встрѣтить

ея взглядъ, въ немъ свѣтился тотъ же холодный, почти заоб-
 ный отблескъ, подмѣченный мною при первой нашей встрѣ-
 чѣ. Я сталъ относить его къ невольной, безсознательной
 можетъ-быть тоскѣ по жизни, ускользавшей съ каждымъ
 днемъ отъ этого молодого еще существа. Однажды я повстрѣ-
 чалъ ее въ сопровожденіи „моего“ врача. Добродушный Нѣ-
 мецъ стоялъ у колясочки и что-то убѣдительно излагалъ
 своей пациенткѣ, похлопывая ее маленькую прозрачную руку
 своими красными, пухлыми пальцами. Больная тихо улыба-
 лась, недоувѣрчиво покачивая головой. Нѣсколько минутъ
 спустя я услышалъ за собою тяжелые шаги водянаго Эскулапа.

— Кто эта Англичанка съ которою вы сейчасъ бесѣдо-
 вали? спросилъ я его когда мы поровнялись.

Онъ съ удивленіемъ на меня посмотрѣлъ.

— Sie ist keine Engländerin, sondern eine vornehme russische
 Dame! внушительно отвѣтилъ докторъ, называя какое-то
 невозможное, совершенно незнакомое мнѣ имя.

— Что она серьезно больна? продолжалъ я допытываться.

— Sie steht mit einem Fusse im Grabe! недовольнымъ то-
 номъ отозвался Немецъ, торопливо разставаясь со мною у
 поворота аллеи. Качество соотечественницы могло толь-
 ко усилить мои симпатіи къ бѣдной страдалицѣ. Я про-
 щалъ ей охотно ея непривѣтливые взгляды, зная какъ
 тяжелъ удручающій ее недугъ. Хотя фамилія назван-
 ная докторомъ не прилаживалась сколько-нибудь подхо-
 щимъ образомъ ни къ одному изъ общеизвѣстныхъ зватныхъ
 имевъ, тѣмъ не менѣе вѣчто неудовимое, но оцутительное,
 проглядывавшее въ наружности и мелкихъ деталяхъ обста-
 новки и туалета незнакомки облачали ея принадлежность къ
 такъ-называемому лучшему обществу. Мнѣ лочему-то пришло
 на мысль что я можетъ-быть съ нею когда-либо встрѣчался
 и тоаько упрямая память отказывается приложить забытое
 имя къ измѣвившимся, но знакомымъ чертамъ. Оставался
 вѣрный способъ провѣрить свои сомнѣнія — просмотрѣть
 списки прѣзжихъ, „курлисты“, за послѣдній мѣсяцъ. Не от-
 кадывая дальѣ, я отправилась въ „кургаузъ“, гдѣ таковыя
 имѣлись въ полномъ комплектѣ со дня отъкрытія сезона. Не
 стану описывать охватившаго меня изумленія когда подъ
 рубрикой 15 іюня я прочелъ: Frau Zenaida Antonewska
 geborene Fürstin Sougorsky aus Meran. Такъ вотъ объ-
 ясеніе той симпатіи которая зашевелилась во мнѣ при

первой же встрѣчѣ! подумалъ я, отдаваясь эгоистической радости перенестись внезапно за десять лѣтъ назадъ къ лучшей порѣ жизни, и забывалъ совершенно, что“ эти десять лѣтъ сдѣлали изъ переполненной жизнью и молодостью прелестной дѣвушки. Цѣлый мѣсяцъ догадокъ и предположеній не замедлил пробудиться во мнѣ вслѣдъ за этимъ первымъ душевнымъ движеніемъ. Очевидно, разсуждалъ я, она признала меня тотчасъ же, и ей было досадно видѣть что ведутъ услѣдъ сдѣлать ее неузнаваемою. Въ ея непривѣтливыхъ взглядахъ сказывалась не только мнительность большой, но и оскорбленное чувство прирожденного женскаго кокетства. Вѣднѣе прочла можетъ-быть въ моемъ безучастномъ, молчаливомъ проходѣ преждевременный приговоръ, жестокое предупрежденіе судьбы. Приподыми я шалау, и кто знаетъ, можетъ-быть ея рука дружески протянулась бы ко мнѣ и глубокіе глаза освѣтились бы тихой радостью воспоминанія.

Я долго раздумывалъ какимъ бы образомъ при встрѣчѣ съ Зинаидой Григорьевной поправить свою олаошность. Обращаться съ извиненіями мнѣ казалось неумѣстнымъ и безтактнымъ. Какъ объяснить молодой женщинѣ съ которою нѣкогда ежедневно встрѣчался что она сдѣлалась неузнаваема? Независимо отъ внѣшнихъ приличій, малѣйшій намекъ на подобное обстоятельство былъ бы жестокъ и безчеловѣченъ въ виду ея психическаго настроенія подъ вліяніемъ болѣзни. Я порѣшилъ ограничиться сперва простымъ поклономъ, а затѣмъ, если она поощритъ меня какимъ-либо знакомъ, приблизиться и вступить въ разговоръ, оправдать мою первоначальную олаошность ллохимъ зрѣніемъ и модными шалаками. Слѣдующій же день въ обычное время я повстрѣчалъ ее отправляясь на прогулку. „Променадъ“ былъ почти лустъ, если не считать рѣдкихъ горолаивыхъ прохожихъ изъ мѣстнаго люда. Она сидѣла на солнцѣ, словно черная источникъ жизни въ обливавшихъ ея лучахъ. Компаньйонка-Англичанка расположилась нѣсколько въ сторонѣ, въ тѣни, погруженная въ чтеніе небольшого томика; за поворотомъ въ кустахъ подремывалъ „дивистманъ“ въ синей блузѣ. Видъ этой умирающей на чужбинѣ молодой женщины межъ двухъ наемниковъ, по всей вѣроятности одинаково равнодушныхъ къ ея судьбѣ, произвелъ на меня тяжкое впечатлѣніе. Съ тревожнымъ замираніемъ сердца приближался я къ рѣзко выдѣлявшейся на густой зелени

грулилъ, въ надеждѣ что мой почтительный привѣтъ принесетъ большой минутный отголосокъ дорогой, отдаленной родины. Зинаида Григорьевна сидѣла откинувшись на стеганую настилку механическихъ креселъ; опущенныя вѣки, скрывая лихорадочный блескъ ея глазъ, сообщали чертамъ лица выраженіе торжественнаго, неземнаго спокойствія. Обманчивый румянецъ, игравшій на влажныхъ щекахъ, придавалъ оттѣнокъ жизни и юности бѣдной страдалицѣ. Она дремала, повидимому объятая непосильною истомой могучаго ликовапія природы въ жаркій июльскій день. Богъ вѣсть какіе свѣтлыя сны или лучезарные образы прошлаго пронеслись предъ нею въ эти мгновенія. Я было думалъ уже свернуть въ одну изъ боковыхъ дорожекъ, представлявшихся по лугу, какъ вдругъ Зинаида Григорьевна открыла глаза. Звукъ моихъ шаговъ по хрусткому песку заставилъ больную очнуться. Взглядъ ея, сперва безсознательный и усталый, остановившись на мнѣ загорѣлся попрежнему безпокойствомъ и словно испугомъ. Поворачивать было смѣшно, я прошелъ мимо, почтительно приподнявъ шляпу. Мнѣ показалось что при этомъ движеніи румянецъ ея вспыхнулъ еще ярче, оттѣняя зловѣщія пятна мгновенно выступившія на ея щекахъ. Охватившее меня смущеніе было настолько сильно что я даже не примѣтилъ, отвѣтила ли она на мой поклонъ. Помню только что не услѣлъ я пройти нѣсколькихъ шаговъ какъ глубокій, надрывающій душу кашель, одинъ изъ тѣхъ кашлей съ каждымъ звукомъ коихъ словно отлетаетъ клочекъ человеческой жизни, разразился позади меня. Я не имѣлъ силъ обернуться, и притаившись за поворотомъ, прислушивался съ мучительною скорбью. Минуты двѣ, три слуста до меня донесся легкій скрипъ механическаго кресла поворачиваемаго на пескѣ аллеи...

Было уже совсѣмъ темно когда я возвращался съ прогулки. Самъ того не примѣчая я пробродилъ болѣе пяти часовъ.

Ни на другой, ни въ слѣдовавшіе затѣмъ дни я, къ немалому моему изумленію, не встрѣчалъ болѣе въ урочное время Зинаиды Григорьевны. Измѣнила ли она время своей обычной прогулки, или силы настолько ослабли что даже передвиженіе въ механическомъ креслѣ стало слишкомъ утомительнымъ — оставалось для меня пока тайной. Зато нѣсколько лонятнѣе являлись теперь какъ враждебность, неизмѣнно проглядывавшая въ ея взглядѣ съ первой нашей

встрѣчи, такъ равно и волненіе обнаруженное при несчастномъ поклонѣ которымъ я желалъ поправить свой прежній промахъ. По всей вѣроятности, большое воображеніе, вызывая образы прошлаго, подозрѣвало во мнѣ участника печальныхъ событій, опредѣлившихъ несчастный поворотъ въ ея жизни. Это было разумѣется догадки, но догадки не лишеныя нѣкотораго правдоподобія. Очевидно, она была не въ ладу, можетъ-быть даже въ совершенномъ разрывѣ съ мужемъ, если въ столь безнадежномъ состояніи путешествовала одинокою въ солутствіи лишь наемной компаньонки. Въ просмотрѣнномъ мною „кураиствѣ“ значилось: „Gemahlin Kaiserlichen russischen General Major“, следовательно она не вдова.

Послѣ нѣсколькихъ дней раздумья, тяготясь дальнѣйшимъ невѣдѣніемъ я рѣшился, подъ благовиднымъ предлогомъ совѣщанія о собственномъ здоровіи, отправиться къ доктору и развѣдать у него о Зинаидѣ Григорьевнѣ.

— Совсѣмъ плохо, отвѣчалъ онъ сердито на первый же мой вопросъ,—ноги стали не на шутку лухнуть; бѣдняжка едва ли протянетъ до осени! Не знаю зачѣмъ прислала ее сюда; я съ перваго осмотра убѣдился что всякое лѣченіе бесполезно и старался отправить ее на Мадеру пока еще былъ остатокъ силъ, но она заупрямилась. Тамъ пожалуй она могла бы протянуть нѣсколько мѣсяцевъ лишнихъ.

— Скажите, спросилъ я его,—вѣдь она вѣроятно, подобно большинству чахоточныхъ, даже и не догадывается о своемъ настоящемъ положеніи?

— Къ сожалѣнію, напротивъ, возразилъ мой собесѣдникъ,—не знаю къ чему это отнести, но только оно повидимому, несмотря на всю мою осторожность, вовсе не составляетъ для нея тайны. Не далѣе какъ вчера, когда я сталъ утѣшать ее мыслью о выздоровленіи, она назвала меня шутникомъ и добавила что я самъ отлично знаю что ей не дожить до конца будущаго мѣсяца.

— Она не уломилада при этомъ о какихъ-либо распоряженіяхъ? полюбопытствовалъ я;—вѣдь у нея здѣсь нѣтъ никого близкихъ, мужъ, семья остались въ Россіи.

— Рѣшительно ничего не говорила. Изъ профессиональныхъ разспросовъ я знаю что дѣтей она никогда не имѣла. Что касается мужа, то я въ первый разъ о немъ слышу отъ васъ. Однажды я какъ-то намекнулъ ей на удобство имѣть

подать себя кого-либо изъ близкихъ, но она отозвалась молчаніемъ, и я считала ее вдовой.

Я припомнилъ мою первую и единственную встрѣчу съ Антоновскимъ въ вагонѣ между Москвой и Петербургомъ, и отчасти понималъ что истекшія десять лѣтъ даже съ придачею генеральскаго чина не въ состояніи были примирить изящную натуру молодой женщины съ неподходящимъ спутникомъ жизни, опрометчиво ею избраннымъ въ минуты нервнаго возбужденія, подъ давленіемъ оскорбленнаго самолюбія и обманутаго истиннаго чувства.

Лѣченіе мое между тѣмъ незамѣтно приближалось къ концу. Еще недѣля, дней десять, и приходилось распротиться съ милымъ уголкомъ возвратившимъ мнѣ здоровье и силы. Какъ „накуръ“ мнѣ было предписано ѣхать подышать недѣлю двѣ горнымъ воздухомъ въ Интерлакенъ. Уѣхать изъ Содена не привѣтствовавъ хотя бы взглядомъ ту которую по всей вѣроятности не придется болѣе увидеть въ жизни, это печалило меня словно неисполненный долгъ. Тѣмъ болѣе былъ я обрадованъ, хотя признаюсь и не мало озадаченъ, лаконическою запиской написанною четкимъ, но видимо уже не твердымъ почеркомъ. „Не откажите зайти ко мнѣ завтра предъ обѣдомъ, я имѣю къ вамъ просьбу“, писала мнѣ Зинаида Григорьевна. Адресъ и номеръ дома были точно обозначены вслѣдъ за подписью. Трудно было обманываться относительно побужденія заставившаго больную просить у меня этого нечаяннаго свиданія, да и она сама обнаруживала его своимъ прямодушіемъ. Ея настоящее обращеніе ко мнѣ очевидно вызывалось крайнею необходимостью, по всей вѣроятности приближеніемъ окончательной неизбѣжной развязки. Не имѣя вокругъ себя ни одного близкаго существа, она весьма естественно вспомнила обо мнѣ, какъ человѣкъ нѣкогда не совсѣмъ ей чуждомъ, для передачи какихъ-либо послѣднихъ распоряженій; можетъ быть просто требовался лишній свидѣтель для подписи духовнаго завѣщанія. Перебирая эти соображенія, я въ раздумьи направилась въ урочное время къ Антоновской. Маленькая вилла-особнякъ, занимаемая ею, была окутана фестонами люцера и шпалерныхъ розъ. Благообразная, среднихъ лѣтъ горничная, отворившая мнѣ двери, на мой нѣмецкій вопросъ отвѣтила русскимъ „пожалуйте-съ“. Во второй комнатѣ (повидимому нѣчто въ родѣ кабинета), уютно обставленной

умѣлою рукой свѣтской женщины, дорожащей своими привычками и удобствами даже среди кочевой, походной жизни, я нашелъ Зинаиду Григорьевну. Она лежала на длинной кушеткѣ, миниатюрная, худенькая, едва приметная подъ наброшенными шалью и атласнымъ „couvert-pieds“ съ вышитой посредию огромною монограммой подъ княжескою короной. Бѣдно-розовая фланелевая кофточка, богато украшенная русскими кружевами, и коллачекъ „Angôt“ съ такого же цвѣта лентами составляли всю видимую часть ея наряда. При моемъ появленіи больная сдѣлала усиліе чтобы приподняться, но не смогла, и только тихую улыбку отвѣтила на мой глубокій поклонъ.

— Тама, приподымите меня, проговорила она какимъ-то страннымъ, хотя довольно внятнымъ полупелотомъ, обращаясь къ горничной придвинувшей мнѣ кресло.— Видите какъ-имъ я сдѣлалась инвалидомъ, шутливымъ тономъ начала Зинаида Григорьевна когда я усѣлся,—впрочемъ, не на долго, скоро конецъ.

Это было сказано такъ просто и естественно что при всемъ желаніи нельзя было залодозрить намѣренія порисоваться „своею скорбью“.

Я почему-то считалъ необходимымъ преподнести ей условленное для такихъ случаевъ банальное утѣшеніе, въ которое разумѣется самъ не вѣрилъ. Она выслушала терпѣливо, ничего не возражая, словно сознавая что должна „вывести“ мою „вѣжливость“.

— У меня къ вамъ просьба, дайте мнѣ слово что не откажете ее исполнить по возвращеніи въ Россію, и я умру спокойно, медленно заговорила она когда я умолялъ, останавливая на мнѣ пристальный глубокій взглядъ своихъ влажныхъ глазъ, свѣтившійся теперь добротой и прощеніемъ.

— Вѣрьте что я буду вполнѣ счастливъ служить вамъ чѣмъ бы то ни было, отвѣчалъ я, едва не прибавивъ по старой привычкѣ „княжна“, но по счастью вовремя оломился.

Зинаида Григорьевна лоскала рукой подъ подушками и достала полукруглый, довольно большой, старинный футляръ изъ краснаго сафьяна съ узорчатыми вытисненными золотомъ кантами, и слабымъ движеніемъ протянула его мнѣ.

Въ полномъ недоумѣніи я спѣшилъ освободить ее отъ этого предмета, ожидая дальнѣйшихъ указаній.

— Тутъ знакомый вамъ жемчугъ Маріи-Антуанеты, проговорила она, опуская усталую руку,— у меня нѣтъ дѣтей, и

все состояніе послѣ моей смерти пойдетъ въ боковую линію, мало извѣстнымъ мнѣ родственникамъ. Мнѣ нежелательно чтобы послѣ моей смерти кто-либо носилъ это ожерелье, и я даю обѣтъ привести его Утѣшительницѣ людскихъ печалей. Въ —ской губерніи, въ пяти верстахъ отъ города давшаго прозваніе нашему роду, расположена Свято-Спасская обитель. Она основана моимъ предкомъ, княземъ Григоріемъ Юрьевичемъ, какъ гласитъ преданіе, въ память чудеснаго избавленія въ Ордѣ. У лѣваго клироса, въ особомъ киотѣ, тамъ помѣщается икона Всѣхъ Скорбящихъ Божіей Матери, солутствовавшая князю въ этой повѣздкѣ. Она особенно чтима окрестнымъ населеніемъ, какъ чудотворная. Еще ребенкомъ я часто и усердно предъ нею молилась.

Голосъ ея дрогнулъ и словно оборвался. Мнѣ показалось что слеза навернулась на рѣсницѣ.

— Успокойтесь, ради Бога, вамъ вредно говорить такъ много, я вѣкуда не слѣшу, могу обождать, отозвался я, серьезно встревоженный лихорадочною испариной выступившею у нея на лбу и зловѣщимъ румянцемъ щекъ, — не нужно ли вамъ чего, я позову горничную.

Она протянула руку къ коробочкѣ съ порошками. Я помогъ ей развернуть воценую бумажку и подалъ тутъ же находившійся стаканъ съ сахарною или минеральною водою. Минуты три спустя ей стало словно легче. Мнѣ показалось что легкій запахъ мускуса остался на моихъ пальцахъ.

— Дайте мнѣ слово, снова продолжала Зинаида Григорьевна, — что вы лично свезете и повѣсите мой жемчугъ на указавшую икону, по занесеніи его настоятелемъ въ опись неотчуждаемаго монастырскаго имущества. Вы передадите ему на словахъ мою неизмѣнную волю чтобы это ожерелье на вѣчныя времена оставалось нераздѣльною принадлежностью иконы; только съ этимъ условіемъ я его и жертвую. Пять тысячъ на вѣчное поминованіе моей души и нужды обители, отписанныя мною по духовному завѣщанію оставленному въ Россіи, будутъ доставлены своевременно душелюбиками... Вы обѣщаете мнѣ, не правда ли, исполнить все это въ точности? заключила она, видимо вновь изнеможенная продолжительною рѣчью.

— Клянусь вамъ всѣмъ что имѣю святаго неуклонно исполнить вашу волю, стараясь подавить охватившее меня волненіе.

— Спасибо вамъ, проговорила Зинаида Григорьевна. — Я была увѣрена что вы не откажетесь. Но это еще не все, продолжала она, — я знаю, вы не богаты, а потому считаю себя не въ правѣ вводить васъ въ непосильныя издержки. Поѣздка въ Сугорскъ, расположенный на другомъ концѣ Россіи отъ мѣста вашего постоянного пребыванія, будетъ сопряжена съ немалыми издержками. Тутъ, она протянула мнѣ небольшой конвертикъ, — пятьсотъ рублей на расходы; вы глубоко оскорбите меня отказомъ ихъ принять. Если что окажется лишнимъ, раздайте бѣднымъ по своему усмотрѣнію. Прошу васъ, не откажите мнѣ и въ этомъ!

Взглядъ ея молилъ убѣдительное чѣмъ уста. Я сумѣлъ понять что щелетильность и мелочная гордость неумѣстны и молча принялъ пакетъ съ деньгами.

— Благодарствуйте! вымолвила Зинаида Григорьевна, и выраженіе слокоствія легло на ея черты. — Теперь прощайте, я больше не въ силахъ говорить, улынулась она устало. — *Je ne suis plus bonne à faire salon!*

Подымаясь, я выразилъ надежду свидѣться съ нею еще разъ предъ моимъ отъѣздомъ изъ Содена.

— Нѣтъ, зачѣмъ! словно чего-то испугавшись произнесла умирающая, останавливая на мнѣ съ укоромъ свои расширенные черные глаза: — сегодня я ложила свои счеты съ людьми... тогда можетъ-быть я васъ ужъ не узнаю...

Я наклонился чтобы поцѣловать протянутую мнѣ исхудалую руку, которая чуть слышно пожала мою.

— Я вамъ еще „тогда“ говорила, шепнула она чуть слышно, словно въ забытці, — что жемчугъ королевы-мученицы не принесетъ мнѣ счастья...

Я слѣшилъ удасться чтобы не разрыдаться подлѣ нея.

ДМИТРІЙ ПОЗНЯКЪ.

Шаван, апрѣль 1884.

ИЗЪ ПРОЖИТАГО*

XLII. Ближайшее окружающее.

Лавровъ былъ мнѣ не товарищъ. Приличнѣй, почтительнѣй къ старшимъ, цѣломудреннѣй, вина не пилъ; но души а съ нимъ отводить не могъ. Подобія даже какихъ-нибудь идеальныхъ залросовъ не зарождалось въ душѣ у него. Достать урокъ, сходить на урокъ, достать лекціи для перелиски, раздать лекціи перелищикамъ и собрать обратно, заплатить дань поклоновъ многочисленной, видной роднѣ, не опускаая ничьихъ именинъ и рожденій, вотъ чѣмъ исчерпывались его интересы. Вѣроятно свѣтилась ему въ отдаленіи мысль: залучить при помощи всесильнаго родственника Александра Петровича діаконское мѣсто въ Москвѣ по окончаніи курса, залжить домкомъ, а тамъ присматривать не подойдетъ ли случай со временемъ даже и священническое мѣсто получить при той же помощи. Но даже до этихъ мечтаний въ разговорѣ со мною у него не доходило: счастливая природа—довольствоваться окружающимъ, не забираясь ни въ глубь, ни въ даль! Я же могъ только подлаживая свои душевныя струны въ тонъ моему собесѣднику, разспрашивать о подробностяхъ передаваемого имъ случая или объ обстоятельствахъ упоминаемаго имъ родственника, сообщать

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 5, 6, 7, 8, 9 и 10.

ему собственные мелочные случаи. Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ, въ качествѣ родственника, былъ для Лаврова *случай* добывать лекціи для переписки; а для меня былъ Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ—первый студентъ университета, вышедшій изъ нашей семинаріи первымъ же студентомъ, параллель Иваану Алексѣевичу Смирнову-Платонову, первому студенту Виенской семинаріи, окончившему первымъ въ Академіи. Моя мысль неслась на сравненіе ихъ познаній и способностей, на то какъ и чѣмъ они достигли своихъ успѣховъ. Завидовалъ въ частности что вотъ Лавровъ можетъ дсязять Кудрявцева; мечталось, сколько бы я могъ вырости и обогатиться умственно чрезъ общеніе съ такою знаменитостью. А Петръ Николаевичъ—будущая знаменитость среди профессоръ и литераторовъ—былъ знаменитостью и для семинаріи ранѣе своей славы въ университетѣ. Въ семинаріи, какъ и въ училищѣ, извѣстные воспитавники и цѣлые даже курсы оставляли предакіе. Петръ Николаевичъ выдавался и сохранился въ памяти. Мои взгляды, мои мечты не могли ожидать отзывчивости отъ Лаврова, и я могъ ихъ держать только при себѣ.

Лавровъ меня не навѣщалъ. Да вообще я не принималъ никого и принимать не могъ. Нужно было бы испрашивать позволеніе у брата и выслушивать долпросы: кто, какъ, почему, подвергнуть гостя можетъ-быть высокому, пренебрежительному обращенію. А Лавровъ и тѣмъ паче не смѣлъ бы переступить порогъ. Онъ былъ омыъ дьячка; а дьячокъ есть „ты“ для священника и для дьякова. Его употребляютъ на посыаки, причеыъ за исполненіе награждаютъ подвесеніемъ рюмки. Дьячокъ не сидитъ въ присутствіи священнослужителя и не влускается далѣе передней. Пусть Егоръ, отецъ Лаврова, и пользовался нѣкоторымъ уваженіемъ по своимъ лѣтамъ и влодѣ благопристойному поведенію; обращаясь къ нему употребляли и отчество иногда, имъ не ломыкали; но все дьячокъ, и сынъ его, пока не кончалъ курса, все сынъ дьячка, не болѣе.

Я въ свою очередь не часто посѣщалъ Лаврова, при всей близости мѣстоожительства. Я захаживалъ къ нему предъ классомъ чтобы вмѣстѣ отправиться въ семинарію. „Захаживалъ“, это значитъ совершалъ болѣе полуверсты крйку: шелъ назадъ отъ семинаріи до Лаврова и затѣмъ проходилъ обратно тотъ же луть съ Лавровымъ.

Очень рѣдко заходилъ я днёмъ. Кромѣ *Деметія* никого мы вѣдѣть не посѣщали и разъ только совершили вавоемъ прогулку на Воробьевы Горы, къ отцу Доброврова, обыкновеннаго нашего сотоварища по *Деметію*; отецъ Доброврова, болѣе извѣстный въ тогдашнемъ московскомъ духовенствѣ подъ именемъ Тарабара, былъ въ Воробьевѣ діаконъ; онъ оказался очень живымъ, веселымъ и необыкновенно разговорчивымъ человѣкомъ и далъ мнѣ изъ своего обращенія понять почему его прозвали Тарабаромъ. Раза два ходили мы въ садъ Чижова (прежде Милуковой, а теперь Гавешина), гуляли по лабиринту между прочимъ описанному въ одномъ изъ романовъ Загоскина, катались на лодкѣ по пруду. Но и туда прогулку я предпочиталъ послѣ того совершать въ одиночествѣ.

Садъ былъ въ частномъ владѣніи, однако я и Лавровъ и всякій входилъ въ него свободно. Суживалъ я тамъ по цѣлымъ часамъ, по получасамъ катался на лодкѣ, всегда свободной; она была на привязи и никогда не залерта. Ни разу ни отъ кого замѣчанія. Въ тѣ времена мнѣ и въ голову не приходило что я самовольно распоряжаюсь въ чужомъ владѣніи, и милліоны русскихъ людей пребываютъ до смерти при этомъ неразвитомъ понятіи о собственности. Двадцать лѣтъ минуло и нужно было произойти особенному случаю чтобы вопросъ о законности права, которымъ я пользовался безпрекословно въ Чижовскомъ садѣ, потребовалъ отъ меня размышленій. Я нанималъ дачу въ Останкинѣ. Вотчинная контора распорядилась между прочимъ загородить ходъ въ нѣкоторыя мѣста сада и парка. Дачники взволновались, забунтовали, и мнѣ пришлось по крайней мѣрѣ съ полудюжиной тратить время на препирательства.

— Да позвольте, возражалъ я, — контора вольна запретить намъ садъ совсѣмъ. Вы нанимаете у крестьянина, въ число договорныхъ условій не входило обязательство пускать васъ въ садъ, да и не въ волѣ вашего хозяина это.

— Да я съ тѣмъ нанималъ. Я гдѣ хотите въ другомъ мѣстѣ провелъ бы лѣто. Согласитесь что это свинство, никогда этого не было. Насъ нѣсколько сотъ, какъ можно такъ съ вами обращаться!

— Но можетъ-быть у васъ въ городѣ, обращаясь я къ нѣкоторымъ, — есть и домъ и садъ. Вы позволите всякому постороннему ходить тамъ и проводить время по цѣлымъ днямъ?

— Это совсѣмъ другое, горячится собесѣдникъ. — То городъ, а то деревня. Тамъ придетъ воръ какой-нибудь, еще обокрадетъ. Помните, графъ еще, огромное состояніе: что у него испортятъ дорогу, что ли, когда дачники, приличные люди, пройдутъ по ней? А извольте теперь, отправляйтесь кругомъ черезъ грязь.

И такъ даѣе. Меня занимали эти пренія тѣмъ что происходили вскорѣ послѣ манифеста 19 февраля 1861 года когда о правахъ собственности исписаны были по поводу реформы цѣлые томы; и притомъ слоръ приходилось вести съ людьми которые въ мигъ перемѣняли точку зрѣнія, когда повертывалъ я разговоръ на отношенія ихъ съ бывшими крѣпостными. Неуваженіе крестьянина къ принципу частной поземельной собственности ихъ возмущало, они негодовали; а здѣсь наоборотъ становились сами на осуждаемую ими точку зрѣнія и приходили въ негодованіе, когда я уличалъ ихъ. Здѣсь, по ихъ мнѣнію, въ Остакинѣ совсѣмъ другіе отношенія.

То былъ первый случай соприкосновенія моего со сбивчивыми, противорѣчивыми представленіями о поземельномъ правѣ, не чуждыми даже образованному классу. Послѣ же приходилось десятки и даже сотни разъ встрѣчаться съ бессознательными коммунистами, очень ретиво однако оберегающими личное право когда бы дѣло дошло до покушенія на ихъ собственность. Одинъ случай особенно характеренъ. Я жилъ близъ Петровскаго-Разумовскаго. Само Петровское-Разумовское съ садомъ и паркомъ принадлежало тогда П. А. Шульцу. Общество моихъ знакомыхъ отправилось въ садъ гулять, и одинъ изъ кавалеровъ, желая услужить дамамъ, нарвалъ цвѣтовъ съ куртины расположенной предъ самымъ домомъ владѣльца, который въ добавокъ сидѣлъ на ту пору предъ цвѣтникомъ съ семействомъ и гостями. Черезъ садовника послѣдовало замѣчаніе и просьба не трогать цвѣтовъ; а услужливый кавалеръ выбиралъ что ни есть лучшіе чтобы собрать букеты повеликолѣбно. Послѣдовалъ крупный разговоръ. Потокъ негодованія лился когда виновники происшествія передавали мнѣ о грубости владѣльца. „Помните, если ужъ ему такъ жалко, могъ лично подойти и вѣжливо попросить. Видите вѣдь что дамы тутъ, и вдругъ садовника: не смѣй трогать! Видите, разорили! Ему оказываютъ честь что гуляютъ по его саду, а онъ..“

Убѣжденный опытомъ въ безплодности, я уже не усиливала особенно разувѣрять, довольствуясь замѣчаніемъ что нужно спасибо сказать когда и гулять-то пускаютъ. Правда, не чувствомъ какого-нибудь нравственнаго долга внушается большею частію это вниманіе и владѣльцевъ къ любящихъ. Русскій просторъ и затрудненіе держать сторожей и устраивать изгороди, затѣмъ преданіе, вотъ главная причина кажущагося великодушія, и если нельзя похвалить кавалеровъ собирающихъ букеты въ чужихъ дорогахъ цвѣтникахъ, то стоить посмѣяться и надъ тѣми владѣльцами которые обставляютъ свои парки и дѣла шестами съ надписью: „входить строго воспрещается“. Меня всегда забавляетъ эта непремѣнная прибавочка нарѣчія „строго“. Почему не просто „воспрещается“? не все ли одно? А тутъ сказывается досада на сознаваемое безсиліе, и она вымещается словомъ „строго“. Нельзя помѣшать, пройдутъ все равно, не обращая вниманія на надпись; такъ хоть усилить выраженіе. Забавно! А этимъ господамъ, сердитымъ, но не сильнымъ, можно напомнить общепринятое международное правило что „блокада тогда только признается, когда объявляющій блокаду обладаетъ средствами поддержать ее“. Такъ и владѣлецъ объявляющій свое поземельное владѣніе въ блокадѣ обязанъ проколотъ рвы, воздвигнуть изгороди поставить сторожей. А безъ того нельзя гнѣваться когда прохожіе не трогаются надписями „воспрещается“, хотя бы воспрещалось не просто, а „строго“. Обязанъ ли прохожіи читать эти надписи и умѣть ли даже прочесть каждый?

Кромѣ Чижовскаго сада навѣщала я Нескучный, съ которымъ было легкое сообщеніе чрезъ перевозъ; казались тогда очень недалекими нѣсколько верстъ отдѣлявшія Новодѣвичій отъ рѣки; входъ же въ Нескучный свободенъ былъ не только съ Калужской улицы, но и съ берега. Удалялся я на размышленія и въ садъ Ступина, большой, залуценный, расположенный между огородами, съ повалившимся ло мѣстамъ заборомъ и со старымъ барскимъ домомъ отъ котораго вѣяло лѣсенью. Сказывали что нѣкогда помѣщался тутъ какой-то клубъ. Но къ моему времени даже памяти о человѣческомъ жильѣ не сказывалось ни домомъ, ни садомъ съ заросшими дорогами и бурьяномъ и съ грачами каркавшими вокругъ. Я любилъ это уныніе и легче сосредоточивался, диктуя себѣ

собственныя сочиненія или возносясь въ другой міръ на фантастическихъ крыльяхъ. Изъ любознательности, которую можно назвать тоже фантастическою, я отправилась разъ на измѣреніе Вавилона-колодца, за монастырь, въ направленіи къ Воробьевымъ горамъ. Что это былъ за колодезь? Туда совершался крестный ходъ изъ монастыря въ урочный день года; шатеръ надъ нимъ въ родѣ часовни; преданіе какое-то есть о немъ; говорятъ, онъ бездонный. Какъ бездонный? И я вооружилась большимъ клубкомъ бичевки, привязала къ ней камень и стала спускаться. Я два дѣйствительно не достала, по крайней мѣрѣ такъ мнѣ показалось. Физики тогда не зналъ еще, и могло случиться что развертывала клубокъ сама бичевка, а не камень, давнымъ-давно быть-можетъ лежавшій уже на днѣ.

Но вообще я не зналъ куда дѣвать время когда не было ни чтенія дома, ни письменной работы. Такое несчастье въ особенности постигало въ каникулярные періоды, Святки, Масляницу, Свѣтлую Недѣлю и вакацію, если оставался въ Москвѣ; а Масляницу и Свѣтлую Недѣлю я всѣ четыре года жизни у брата проводилъ въ Москвѣ, не уѣзжая въ Коломну. Братъ, при всей природной словоохотливости, вступалъ теперь лишь изрѣдка въ разговоры; невѣстка была со всѣмъ изъ молчаливыхъ. Оставались дѣти, изъ которыхъ старшій былъ моложе меня на шесть лѣтъ. Посторонніе бывали рѣдко. Семью вообще можно было назвать читающею, но не говорящею. До нѣкоторой степени каломиналась даже коломенская семья, съ тѣмъ различіемъ что тамъ отецъ и я читали непрерывно, а сестра иногда. Здѣсь непрерывно читали невѣстка и дѣти (двое старшихъ), а братъ рѣже. Старшіе племянникъ и племянница забавлялись между собою иногда, экзаменуя себя взаимно. Я отъ нечего дѣлать принимала участіе въ этой самоизобрѣтенной игрѣ, которая при благоразумномъ руководствѣ могла бы приносить дѣтямъ и положительную пользу. Дѣти читали въ журналахъ повѣсти и потомъ обращались другъ къ другу съ вопросами:

— Ладно, сказалъ онъ, завертывая покулку въ грязную бумагу. Гдѣ это сказано?

Собесѣдникъ большею частію угадывалъ и предлагалъ свой вопросъ въ видѣ цитаты изъ прочтенной повѣсти или романа.

Особенно тоскливо тянулись Масляница и Свѣтлая недѣля. Чтобы дѣвать время, я отправлялася бродить по Москвѣ

и наблюдать веселящихся по улицамъ и подъ Новинскимъ. Полагаю, съ тѣхъ поръ идетъ что цѣлодневные звоны производятъ на меня крайне удручающее впечатлѣніе всегда. „У всякаго есть радость, есть забвеніе себя“, думалъ я, шагая по улицамъ. „Ну чему они рады? Какъ это досадно!“

Подъ Новинскимъ разъ я сдѣлалъ наблюденіе надъ процессомъ кражи, оказавшейся для виновника забавно неудачною, а для потерптѣвшаго неприятною не въ смыслъ потери имущества. Уже разъ двадцать можетъ-быть прошагалъ я отъ Кудрина до Смоленскаго и назадъ: та же глазбующая толпа, тѣ же вклячи съ лубликой мало интересною, тѣ же лаясы. Поворачиваю для разнообразія на заднюю сторону гулянья, она пуста совершенно; только извошки жмутся кое-гдѣ у тротуаровъ и нѣкоторые изъ любознательныхъ мастеровыхъ и крестьянъ уткнули носы въ стѣны балагановъ въ успіи увидѣть что-нибудь. Вниманіе напряжено, и карманникъ этимъ воспользовался. Вижу: около крестьянина въ полушубкѣ, приставившаго глаза къ щели балагана, помѣстилась чуйка и осторожно вытаскиваетъ торчавшій изъ кармана у крестьянина ремешекъ. Медленно тянулъ кажущійся мастеровой, тоже смотря ловидимому въ щель. Довольно долго продолжавшаяся операція завлекла меня. Тащилъ, тащилъ и наконецъ вытащилъ. Добыча оказалась не кошелькомъ, какъ воображалъ вѣроятно жуликъ, а только длиннымъ ремнемъ.

— Ахъ, ты!... вскрикнулъ воръ въ негодованіи, стегая мужика вытащеннымъ ремнемъ.—Таскаешь такую дрянь!

Оглянулся мужичокъ; оглянулись и прочіе участвики контрабанднаго зрѣлища чрезъ щелку. Хохотъ, остроты; участіе приняли и извошки жавшіеся у тротуаровъ, и предметомъ шутокъ были оба равновѣрно, и жертва и виновникъ проступка. А жуликъ остался тутъ же, лишь нѣсколько перемѣстившись.

— Не выудилъ! Поди, полытай еще, говорили ему въ слѣдъ добродушно.

Товарищей въ первые годы, да и во весь семинарскій курсъ не было такихъ которыхъ бы я навѣщалъ; да и развѣзжались къ кому бы еще могъ зайти. Но въ числѣ слутниковъ по дорогѣ изъ семинаріи былъ сынъ дьякона съ Воздвиженья на Овражкахъ. Я былъ уже въ философскомъ классѣ, онъ въ риторическомъ. Онъ вышелъ первымъ изъ училища. Это обстоятельство меня къ нему потянуло. Я ожидалъ въ немъ

найти подобіе и часть себя, заговаривалъ съ нимъ дорогой, а разъ, именно во время Масляницы, зашелъ къ нему. Онъ былъ единственный сынъ у отца-вдовца. Я надѣялся встрѣтить однозвучную мнѣ тоску, умъ томящійся удивленіемъ и бездѣйствіемъ. Я нашелъ юношу болѣе хозяиномъ нежели любознательнымъ ученикомъ. Онъ разливалъ чай и вообще носилъ на себѣ прозаическій видъ хозяйки, немного возвышающейся надъ кухаркой. Мертвый разговоръ, а послѣ чая, такъ какъ я оказался третьимъ, мнѣ предложено играть въ горку. Я отозвался незнаніемъ. Меня обучили и тѣмъ легче убѣдили что игра была не на деньги. Идъ нѣтъ, на деньги, только на особенныя. Палаша-дьяконъ досталъ изъ шкафа мѣшочекъ весь наполненный полупками стараго чекана, но не изношенными, раздѣлилъ между нами лоровку и началась игра. По окончаніи игры поужинали, и я вышелъ разочарованный, очень благодарный за гостепріимство, но вынесшій хуже нежели пустоту, какое-то засореніе въ головѣ. Я бѣжалъ отъ уединенія, не зная чѣмъ избавить себя отъ подающей меня внутренней работы логическихъ ли построеній или фантастическихъ сооруженій, а нашелъ убиваніе времени, послѣ чего голова не освѣжалась, а тяжѣла. Придешь къ Лаврову; тамъ по крайней мѣрѣ у отца его, дьячка, вытеребишь объ его молодости. Онъ родомъ изъ барскаго села, и бариномъ у нихъ былъ сочинитель. Слово сочинитель произносилось съ почтеніемъ, и изъ разказовъ видно что и тогда когда „сочинитель“ здравствовалъ, онъ пользовался почтеніемъ отъ окружающихъ за свое сочинительство.

„Кто же это такой? думалъ я. Не Державинъ ли? Ужъ не Карамзинъ ли? Изъ разказовъ оказалось что это былъ Николевъ. Николевъ! Я до того времени о немъ и не слышалъ, а на дьячкѣ Егорѣ сохранилось обаяніе, и онъ съ видомъ почти благоговѣнія перечислялъ мнѣ творенія этого, совершенно забытаго теперь писателя, не пользовавшагося особенно славой кажется и въ свое время. Какая противоположность съ однимъ офицеромъ съ которымъ я познакомился лѣтъ чрезъ десятокъ, родственникомъ по женѣ! Познакомившись я полюбилъ знать о его службѣ: заставный офицеръ; а прежде гдѣ служилъ? Онъ перечислялъ полки и корпуса и затруднялся припомнить фамилію главнокомандующаго при которомъ началъ службу.

— Вотъ не помню, какъ его...

Я пытался ему помочь, перечислая нѣкоторыя фамиліи извѣстныхъ мнѣ второстепенныхъ генераловъ стараго времени. Наконецъ онъ вспомнилъ:

— Ну, Суворовъ. Вотъ, вспомнилъ.

Предоставляю читателю судить о моемъ не то что удивленіи, а остолебѣнни. Я началъ допытываться, не смѣшалъ ли онъ, не перепрала ли; нѣтъ, оказалось что онъ забылъ именно фамилію знаменитаго полководца, перешедшаго Чортовъ мость, князя Италійскаго, графа Суворова - Римникскаго. Вотъ и судите: одинъ съ благоговѣніемъ чтить память знаменитаго, по его мнѣнію, сочинителя Николаева; другой не вспомнитъ фамилію главнокомандующаго, который однако былъ Суворовъ.

Досказать ли о Лавровѣ? Діаконскаго мѣста въ Москвѣ онъ не успѣлъ получить. Просидѣвъ въ риторикѣ шесть лѣтъ, онъ равно шесть лѣтъ просидѣлъ и въ философiи. Я уже поступилъ въ академію, а онъ все еще сидѣлъ на ученической скамьѣ средняго отдѣленія. Я уже потерялъ его изъ вида совсѣмъ, года три почти не встрѣчался, какъ получаю въ Академіи письмо съ просьбой написать сочиненіе. Бѣднѣй, что съ нимъ сталося?

XLII. Свѣтскій послушникъ.

Прерываю теченіе разказа чтобы познакомить читателя съ однимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, упомянутымъ въ предшествовавшей главѣ. Онъ не имѣлъ отношенія ни къ семинаріи, ни ко мнѣ въ частности, но заслуживаетъ памяти какъ самъ по себѣ, такъ и потому что судьба его и положеніе даютъ дополненіе къ нравственному облику знаменитаго всероссійскаго іерарха Филарета.

Я упомянулъ что Николай Лавровъ, мой слугникъ и кліентъ, могъ мечтать о полученіи діаконскаго мѣста въ Москвѣ со временемъ, при помощи „всесильнаго Александра Петровича“, своего родственника. Кто этотъ всесильный родственникъ? Это былъ Александръ Петровичъ Святославскій, домашній секретарь митрополита Филарета. Его считали всесильнымъ потому что онъ успѣвалъ устраивать своихъ родныхъ на епархіальныя мѣста помимо болѣе достойныхъ кандидатовъ. Да и вообще проситель, обладаемый помощью

„Александра Петровича“, подъ этимъ именемъ извѣстнаго всей епархіи, могъ быть увѣренъ въ услѣхъ; его протекція, для того кто услѣвалъ ее пріобрѣсти, была вѣрнѣе протекціи всякаго сановника, но на дѣлѣ онъ былъ отнюдь не всемогъ и не брался за то что ему прямо не подлежало. Читатель ошибется если въ образѣ Святославскаго представитъ себѣ архіерейскаго секретаря, подобнаго тому секретарю Орловскаго епископа которому вмѣстѣ съ его патрономъ сочиненъ былъ въ пятидесятыхъ годахъ сатирической академіи, разошедшійся въ рукописи по духовенству всей Россіи. Ничего похожаго, потому что и самъ Филаретъ былъ не Смарагда.

По поступленіи на Московскую епархію, Филаретъ потребовалъ отъ консисторіи чтобъ она прислала ему для домашней его канцеляріи писца. Консисторія прислала Святославскаго; * онъ и былъ писецъ, не болѣе, хотя и получилъ семинарское образованіе; писцомъ онъ и остался до смерти, послѣдовавшей чрезъ тридцать слишкомъ лѣтъ его службы. Во все это время Святославскій былъ неизмѣнною тѣнью митрополита повсюду его сопровождавшею, ни на сутки, почти ни на часъ отъ него не отлучавшеюся, не потому однако и не затѣмъ почему и зачѣмъ неотлучно состоятъ секретари иногда при другихъ архіереяхъ и правителяхъ дѣлъ вообще у сановниковъ, затрудняющихся иногда ступить шагъ безъ „правой руки“. Митрополитъ не поручалъ никакихъ дѣлъ секретарю; каждое дѣло обсуживалъ самъ и самъ составлялъ каждую бумагу. Онъ не возлагалъ на секретаря никакихъ и докладовъ, а тѣмъ менѣе позволялъ ему подавать какія-нибудь мнѣнія. Докладывали vikарные, секретари консисторіи, ректоры, благочинные, каждый по кругу своихъ обязанностей; просители каждый лично объясняли, когда помимо письменной просьбы требовалось личное объясненіе. Домашнему секретарю оставалось докладывать не о дѣлахъ, а только о лицахъ являющихся съ докладами или просьбами,

* Святославскій былъ сынъ извѣстнаго по исторіи протоіерея Серокосвятской церкви Веніамінова, убитаго въ 1812 году Французами на палерти за отказъ отдать имъ ключи отъ церкви. У троихъ сымоветъ убиеннаго протоіерея были три разныхъ фамиліи: Веніаміновъ, Святославскій и Григоровичъ. Въ духовенствѣ была не рѣдкою такая прихотливость: родные братья, а фамиліи разные.

и то въ ограниченныхъ случаяхъ. Первою его обязанностию была регистратура официальной переписки митрополита. Затѣмъ онъ былъ переписчикъ и чтець. Читалъ онъ митрополиту иногда входящія бумаги (когда онъ бывали очень обширны), а чаще книги, и притомъ свѣтскія когда любопытствовалъ владыка о ихъ содержаніи; переписывалъ бумаги исходящія отъ митрополита. Писецъ и чтець только, писецъ и чтець неотступный въ теченіе тридцати лѣтъ, писецъ и чтець составлявшій всю канцелярію сановника, управлявшаго не только епархіальными дѣлами, но дѣлами духовно-учебнымъ округомъ, участвовавшаго во всѣхъ синодальныхъ дѣлахъ сколько-нибудь важныхъ, входившаго въ постоянное должностное соприкосновеніе съ генерал-губернаторомъ и съ министрами,—Александръ Петровичъ былъ показателемъ между прочимъ всей умственной мощи, всей невѣроятно обширной личной дѣятельности знаменитаго іерарха. Заурядная личность не должна бы выдержать и своего скромнаго значенія тѣмъ; дюжинныхъ человѣческихъ силъ не должно бы хватить и на то чтобы быть планетой столь большаго свѣтила. Но Святославскій выдержалъ, и въ теченіе тридцати лѣтъ не отходилъ отъ владыки, не искалъ повышеній или лишняго вознагражденія, кромѣ помощника себѣ, такого же писца. Онъ носилъ миниатюрный портретъ митрополита вмѣстѣ съ крестомъ на шеѣ, вынималъ его иногда и величественно цѣловалъ наравнѣ съ крестомъ какъ икону. Александръ Петровичъ былъ не только писецъ и чтець, но былъ подвижникъ, послушникъ, только одѣтый въ длиннополый сюртукъ вмѣсто подрясника; подвигъ иноческаго послушанія онъ несъ исправнѣе и ревностнѣе любого монаха. Онъ не былъ женатъ, и викауда, за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ, не выходилъ изъ своихъ двухъ комнатъ, которыми пользовался въ митрополичьихъ покояхъ. Единственными прихотями его были хорошій чай и трубка съ табакомъ. Хотя куренье табаку не одобрялось митрополитомъ, но онъ не насиловалъ въ этомъ своего секретаря.

Въ теченіе тридцати лѣтъ авва-митрополитъ ни разу не посадилъ своего писца-послушника въ своемъ присутствіи; только въ послѣдніе годы или даже въ одинъ, предсмертный годъ, когда Александръ Петровичъ, изнуренный, уже носилъ въ себѣ роковой исходъ, митрополитъ указывалъ ему на стулъ, съ позволеніемъ сѣдя продолжать чтеніе табувшееся

нѣсколько часовъ. Обращеніе владыки не переходило никогда въ подобіе близости. „Если святитель призоветъ да скажетъ ласковымъ, почти просительнымъ тономъ: „вотъ поторолись, перелиши *пожалуста*“—я ужъ ловимаю. Это значитъ какаа-нибудь длинная записка, за которою надобно сидѣть и день и ночь на пролетъ, да и не одну. Безъ того отдастъ молча или прикажетъ сухо: перелиши.“ Суровость обращенія впрочемъ вообще смягчилась послѣ того какъ за три года до смерти * со Святославскимъ послѣдовалъ ударъ. Начали дѣлаться приладки, и когда доводимо было о нихъ до свѣдѣнія владыки, онъ входилъ къ больному, благословлялъ его; какъ родные увѣрають, Александръ Петровичъ немедленно подѣйствиємъ благословенія приходилъ въ себя, раскрывалъ глаза и улыбался.

Александръ Петровичъ былъ почтенъ вниманіемъ и уваженіемъ не только епархіальнаго духовенства, но всѣхъ кому приходилось имѣть постоянныя дѣла съ митрополитомъ. Старосты и храмоздатели осылали его подарками и не предпринимали ничего безъ его совѣта, а державшіе расказывались послѣ въ своей самонадѣянности. Митрополитъ не бралъ денегъ за освященіе храмовъ; онъ признавалъ совершеніе этого обряда обязанностію своего пастырскаго служенія. Александръ Петровичъ предупредилъ объ этомъ одного Тита Титыча, который удостоился того что самъ владыка освятилъ созданный имъ храмъ.

— Ну, да мы знаемъ. Небось, не посрамлюсь.

Ввадился Титъ Титычъ ко владыкѣ благодарить за посвѣщеніе котораго удостоилось сооруженіе. Принять. Благодарить.

— Вотъ, владыка, примите отъ моего усердія, кланяется храмоздатель и предлагаетъ митрополиту лачку.

Благословилъ митрополитъ и говоритъ:—Я не принимаю платы за освященіе храмовъ.

— Да ваше высокопреосвященство, вы пересчитайте, вѣдь тутъ тысяча рублей, съ необыкновеннымъ самодовольствомъ настаиваетъ Титъ Титычъ.

— Вонъ стулай! воскликнулъ раздраженный митрополитъ.

— Я васъ предупреждалъ, замѣчаетъ потомъ Святославскій ошлареванному ктитору, который уже предвкушалъ на

* Умеръ Святославскій въ 1856 году, какъ говорили, отъ размягченія мозга.

своей груди медаль.—Охъ, то-то вотъ и есть; не общаюсь, но попытаюсь умолить владыку, продолжалъ Александръ Петровичъ.—Вы только не показывайтесь на глаза, пока я васъ не увижусь.

Выбираетъ случай и докладываетъ владыкѣ Святославскій что староста сокрушается, проситъ прощенія и не смѣетъ явиться.

— Да, представь себѣ, онъ мнѣ предлагалъ деньги.

— Онъ не умѣлъ объяснить, владыка. Онъ деньги приносилъ не вамъ, а на Горихвостовское заведеніе для бѣдныхъ духовнаго званія. Хочетъ ознаменовать освященіе храма пожертвованіемъ на бѣдныхъ.

— Это дѣло другое, сказалъ митрополитъ смягчившись.— Пусть внесетъ.

— Но онъ проситъ вашего благословенія.

— Пусть явится.

Отъ совѣщанія съ Александромъ Петровичемъ не уклонились и болѣе значительныя лица имѣвшія нужду въ митрополитѣ, свѣтскія особы и духовныя, даже архіереи. Попастъ въ часъ, угодить вкусу, оберечься отъ безтактности,—кто же могъ наставить въ этомъ вѣрнѣе неизмѣнной тѣни митрополита, его неизмѣннаго слуги?

Просилъ я не разъ Александра Петровича къ себѣ, передавалъ мнѣ одинъ изъ московскихъ настоятелей, поддерживавшій добрыя сношенія со столь необходимымъ лицомъ какъ секретарь владыки.

— Вы знаете мое время, когда же мнѣ выбрать часъ? А вотъ развѣ: владыка будетъ освящать церковь въ Вишнякахъ; послѣ того онъ навѣрное зайдетъ къ Семену Логиновичу (Лелешкину, старостѣ) на чашку чая. Тогда часочекъ урву и пріѣду пожалуй къ вамъ.

Наступилъ условленный день; владыка проѣхалъ; слѣдомъ за нимъ Александръ Петровичъ и на перелутьи заворачиваетъ къ пріятелю-батюшкѣ.

— Съѣли мы за чай съ ромкомъ. Я залася самымъ лучшимъ, тѣмъ и другимъ. Приласъ и сигаръ самыхъ дорогихъ какія могъ найти. Но только что мы было разошлись, продолжалъ разказывать іерей,—какъ послышался звонъ въ одной церкви, и въ другой, и въ третьей. Освященіе кончилось и владыка возвращается. Стало-быть онъ не заѣхалъ къ старостѣ, можетъ-быть почувствовалъ нездоровье. Проскакала мимо оконъ

шестерня. Александръ Петровичъ послѣдно оставилъ недопитый стаканъ и бросился въ коляску, въ которой прѣхалъ. Тщетно старался онъ перегаать митрополитій экипажъ. Только слѣдомъ за нимъ могла послѣть наемная коляска на подворье.

Когда митрополитъ возвращался откуда-нибудь, его большею частію дожидались уже нуждающіеся во вспоможеніи и Святославскій былъ обыкновеннымъ раздавателемъ милостыни. И онъ зналъ кому сколько дать; хотя митрополитъ никогда не назначалъ цифры, но достаточно было тона и выраженія.

— Святославскій, скажетъ митрополитъ:—подай нищимъ.

Это значило что обыкновенныхъ нищихъ, толпящихся на крыльцѣ, нужно одѣлать по гривенничку, по пятнадцатинничку.

— Святославскій, бѣдные ждутся.

Это значить что въ передней стоятъ просители и просительницы, не принадлежащія къ уличнымъ нищимъ, которымъ нужно помочь рубликомъ или тремя.

— Святославскій, помоги, скажетъ тономъ ниже и болѣе тихимъ голосомъ.

Значить, какой-нибудь чрезвычайный случай; чрезвычайный проситель или просительница объясняли митрополиту свое положеніе.

— Попросишь повторить изложенныя владыкѣ обстоятельства и видишь что нужно выложить сотенку, пожалуй и три чтобы выручить изъ нужды.

Когда олоздавшій нѣсколькими минутами Александръ Петровичъ явился, владыка вскинулся:

— Что это! Нельзя отлучиться, и тебя ужь нѣтъ. Тутъ бѣдные, нуждающіеся въ помощи; они ждали, я долженъ имъ помочь, а по твоей милости я не могу исполнить христіанской и пастырской обязанности.

И пошелъ, и пошелъ горячась все болѣе и болѣе.

— Владыка, отвѣчалъ наконецъ доведенный до слезъ Святославскій. — Во всѣ тридцать лѣтъ какъ служу я вамъ, одинъ только этотъ разъ случилась со мною олодность. Простите, не вывайте въ вину.

Смягчился митрополитъ.

— Такъ помоги, сказалъ онъ уже мягкимъ тономъ,—ждутся.

Таковы были отношенія. Митрополитъ не считалъ своихъ личныхъ денегъ и до нихъ не касался. Имъ завѣдывали частію Лавра, частію эконома, частію секретаря. Только разъ во все пребываніе на Московской кафедрѣ, по словамъ того же Святославскаго, митрополитъ обратился къ нему съ вопросомъ: „Святославскій, сколько у насъ денегъ?“ Это было во время олады, въ 1824 году, когда предстояла опасность быть переведеннымъ въ Грузію и объ этомъ ходилъ слухъ.

Безотчетное распоряженіе частію митрополичьей казны давало Святославскому случай нажитися. Экономы митрополичьяго дома, которыхъ перебывало нѣсколько, успѣвали собирать въ короткое время до нѣсколькихъ сотъ тысячъ. У одного изъ нихъ, по оставленіи службы въ митрополичьемъ домѣ, обнаружена кража полутораста тысячъ, да и кромѣ того осталось. Это богатство объяснялось бывшею службой на архіерейскомъ подворьѣ. Но Святославскій не оставилъ послѣ себя ровно ничего денегъ, а только картины и разныя вещи (дареныя), и похороненъ онъ былъ родными на ихъ счетъ. Поэтому я рѣшительно отклоняю всякое подозрѣніе о томъ чтобы Святославскій злоупотреблялъ довѣріемъ митрополита или оказывалъ кому-нибудь протекцію за деньги. Да и не дослужилъ бы онъ до конца жизни на подворьѣ, при лихоимствѣ, какъ не дослуживали экономы. Мнѣ кажется напротивъ что Святославскій проникся принципами самого митрополита, котораго боготворилъ.

За такую преданность, за такую безпримѣрную и непрестанную, неуслынную службу не могъ же и митрополитъ не чувствовать признательности, и потому личныя ходатайства секретаря, приносимыя притомъ въ благопріятное время, принимались во вниманіе. Отсюда молва о всесильности. При всемъ великомъ умѣ и осторожной внимательности, митрополитъ давалъ собою пользоваться людямъ изучившимъ его. Кромѣ Святославскаго, къ числу такихъ принадлежали лаврскій намѣстникъ Антоній и между прочимъ Алексій, сначала инспекторъ, потомъ ректоръ Московской семинаріи, затѣмъ ректоръ Академіи и викарій. Живо помню какъ, во время службы моей у Троицы, нужно было предотвратить ли посѣщеніе митрополита или вообще отвести его глаза отъ чего-то, ревизія чего могла навлечь непріятныя послѣдствія. Алексій съ улыбкой передавалъ что онъ отпраивался къ митрополиту съ недоумѣніемъ о какой-то лустой

бумажонкѣ. Митрополитъ былъ жадевь къ дѣлу: стоило только подсунуть ему корма; возвращаясь изъ отдаленныхъ поѣздокъ, онъ, шатаясь иногда отъ усталости, прежде всего бросался на бумагу его дожидавшіяся, и потомъ уже отдыхалъ. „Ну, этого старцу хватить, завялся очень внимательно“, съ улыбкой передавалъ Алексій о своей хитрости. Святославскому ли не изучить было митрополита, и ему ли было не умѣть пользоваться своимъ знаніемъ? И должно отдать ему справедливость: онъ пользовался не на зло, а на добро, хотя иными незаслуженное.

Не оставилъ митрополитъ своего вѣрнаго лица-чтеца и безъ официальной награды. Онъ его представилъ къ ордену, и помнится по указанію синодальнаго оберъ-прокурора. Самъ бы онъ на это не дерзнулъ. Официальное положеніе Святославскаго, не занимавшаго классной должности, значившагося едва ли не лицомъ консисторіи, не давало ему правъ на служебную награду. А митрополитъ былъ строгій законникъ, не позволялъ себѣ никогда превысить мѣру полномочій закономъ данныхъ и тѣмъ болѣе просить чего-нибудь изъ уваженія къ себѣ лично, къ своимъ архіерейскимъ заслугамъ. Итакъ, въ силу посторонняго указанія, чуть не понужденія, послѣдовало представленіе.

— Чтò же это вы, владыка, ничѣмъ не наградите Александра Петровича: такъ воспроизвожу себѣ слова другаго Александра Петровича, графа Толстаго, который зналъ Святославскаго и обращался къ его посредничеству еще ранѣе чѣмъ получилъ званіе синодальнаго оберъ-прокурора.

— Да чѣмъ же я могу наградить, вѣроятно отвѣчалъ съ недоумѣніемъ смиренный митрополитъ.—Онъ служить усердно, правда, но онъ не занимаетъ штатной должности.

Оберъ-прокуреръ успокоилъ, и митрополитъ представилъ едва ли не къ Аннѣ 3й степені, и несомнѣнно радовался дѣтски что успѣлъ обломать такую штуку, выхлопотать своему слугѣ такую неслыханную награду!

Нѣчто подобное потомъ было съ А. В. Горскимъ. Когда поручено было Горскому съ Невоструевымъ составить описаніе рукописей Синодальной библіотеки и когда совершена была ими первая часть этого безпримѣрнаго труда, съ которымъ по ловотѣ, основательности, глубинѣ, подробности не могутъ быть даже сравниваемы знаменитѣйшія описанія знаменитѣйшихъ библіотекъ, составленныя знаменитѣйшими

учеными Европы, митрополитъ представилъ Горскаго къ ордену Владиміра 4й степени. Награда, правда, небывающая: Горскій не имѣлъ священнаго сана, но и не переходилъ въ свѣтское званіе. Онъ оставался, подобно многимъ, на степені амфибіи, точнѣе, на степені эмбриона, зародыша, изъ котораго одинаково можетъ выйти и водное и земное существо. Такія лица стояли внѣ обычной служебной лѣстницы и не имѣли права ни на какія награды кромѣ прибавки жалованья, квартирнаго пособія или перемѣщенія на высшую кафедру. Высшая администрація петербургская, по крайней мѣрѣ по словамъ директора духовно-учебнаго управленія, сдѣлала даже вопросъ изъ представленія о награжденіи Горскаго. Ходатайство однако было уважено, митрополитъ утѣшилъ и съ видомъ необыкновенно полного удовлетворенія сказалъ Горскому, подавая орденъ: „За твою усердную службу царь жалуетъ тебя дворяниномъ“. А ученики и ученики учениковъ Александра Васильевича, изъ тѣхъ что облеклись въ мундиръ или расу, дюжинами уже получили такимъ путемъ дворянство и давно обогнали учителя, возвышаясь по служебной лѣстницѣ за труды, и количественно и качественно меньшіе труды Горскаго, при заурядной службѣ которая своею государственною пользой даже въ отдаленное сравненіе не могла идти съ заслугами и педагогическими и писательскими знаменитаго профессора.

— А у насъ не такъ, сказалъ мнѣ покойный графъ Д. Н. Блудовъ съ огорченіемъ:— лишнюю бумагу составить, требуетъ особою награды.

Произнесено было это замѣчаніе въ 1853 году. Мнѣ поручено было тогда разобрать, описать и распределить по учебнымъ заведеніямъ раскольническія книги и рукописи, въ числѣ не одной тысячи экземпляровъ хранившіяся въ Синодальной бібліотекѣ. На вопросъ: „что же вы за это получите?“ — „Ничего“, отвѣчалъ я, удививъ графа своимъ отвѣтомъ и въ свою очередь удивившись вопросу. Но послѣ я уже не удивлялся когда дозналъ порядки гражданской службы. Не удивился когда услышалъ чрезъ немного лѣтъ какъ и самъ графъ подвергся наградной эксплуатаціи, несслыханной даже на гражданской службѣ.

— Какъ это досадно, что это онъ надѣлалъ! говорилъ мнѣ А. Н. Поповъ, извѣстный ученый, объ одномъ своемъ товарищѣ по службѣ во II Отдѣленіи Собственной Канцеляріи Его Величества.

Графъ Блудовъ былъ тогда главноуправляющимъ II Отдѣленія, и А. Н. Половъ состоялъ при немъ и управлялъ его домашнею канцеляріей.

— Мнѣ нужно было съѣздить въ деревню, продолжалъ Половъ:—онъ (называя другаго чиновника) долженъ былъ знать что нельзя же графа здѣсь одного въ Москвѣ оставить. И вообразите, лисецъ, кантонистъ К., воспользовався добротой графа, составилъ о себѣ представленіе, да какое! о производствѣ себя прямо въ коллежскіе совѣтники, да и орденъ на шею (кажется даже—*Владимира*), и наконецъ пенсія. Государь изъ уваженія къ графу конечно утвердилъ. Но можно ли было допустить до этого, зная безконечную доброту графа и неспособность его отказывать просьбамъ?

И долго негодовалъ Александръ Николаевичъ, и долго не могъ уходитья. А я слушалъ его и вспоминалъ о Горскомъ и Святославскомъ. Вотъ одинъ со Владиміромъ 4й, другой съ Анной 3й степени, представлявшіеся митрополиту удостоенными наградъ прѣвыше самыхъ смѣлыхъ мечтаній. Вспоминалъ и объ А. Θ. Кирьяковѣ, между прочимъ содѣйствовавшемъ мнѣ въ описаніи раскольниковскихъ рукописей. Онъ зналъ исправно не только древній, но и новогреческій языкъ, и это послужило ему если не въ несчастіе, то въ значительное бремя. При каждомъ сношеніи съ восточными патріархами, когда приходилось справляться съ древними актами, его запрягали рыться въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, извлекать изъ документовъ свѣдѣнія и переводить ихъ. Ему поручено было и перевести толкованіе Іоанна Златоуста на цѣлую книгу Новаго Завѣта (*Посланіе къ Галатамъ*). Все это онъ исполнялъ, разумѣется, безпрекословно, хотя ни переводы, ни архивныя разысканія не входили въ обязанность профессора семинаріи. И за всѣ свои заботы и труды, иногда очень не малые и продолжительные, долженъ былъ онъ довольствоваться ласковымъ словомъ и благословеніемъ митрополита. Но такъ насъ воспитывали; этотъ духъ Фаларета крѣпокъ былъ тогда. Уклоаяться отъ труда когда предложеніе его есть честь оказываемая, тѣмъ болѣе—торговаться о трудѣ обнаруживало бы безчестный образъ мыслей. Спрашивай о томъ полезенъ ли трудъ, и старайся о томъ чтобъ онъ принесъ пользу; находи себѣ и утѣшеніе и награду въ приносимой тобою пользѣ. Разсуждая иначе, ты негодный наемникъ и не заслуживаешь

ни довѣрія, ни уваженія, да и пользы принести не можешь, потому что не служишь и не способенъ служить дѣлу. Съ тѣмъ же А. Ф. Кирьяковымъ былъ случай даже нѣсколько забавный. Его переводъ *Посланія къ Галатамъ* былъ напечатанъ на синодскій счетъ, а ему, переводчику, даже экземпляра не подарилъ. Этой черствой невнимательности тоже нельзя одобрить. Но забавно что переводчикъ, чтобы поднести митрополиту свой трудъ въ печатномъ экземплярѣ, вынужденъ былъ его купить и на свой счетъ переплести!

Лично я узналъ А. П. Святославскаго только шалочно и притомъ когда уже состоялъ на кафедрѣ. Гладко выбритый, съ вѣжливо ласковымъ выраженіемъ, онъ низко кланялся всѣмъ намъ, и старымъ и молодымъ педагогамъ Академіи, былъ предупредителенъ. Онъ держалъ себя не по своему дѣйствительному значенію, а по табели о рангахъ и внѣшнему положенію въ архіерейскомъ штатѣ.

XLIII. Товарищи.

Еще чуть ли не въ первый мѣсяцъ пребыванія моего въ семинаріи завязалось у меня самымъ оригинальнымъ образомъ знакомство съ однимъ соученикомъ поступившимъ изъ другаго училища. Съ полперечной скамьи на которую первоначально былъ посаженъ, задумалъ я пересѣсть куда-нибудь и выбралъ вторую скамью на той же лѣвой сторонѣ. Почему ее, а не другую? На правую переходить далеко, а первая на лѣвой была занята старыми. Во всѣ два года я и не оставлялъ лѣвой стороны, садясь то на второй, то на третьей скамьѣ. На первыхъ садится, выставляться, находилъ недовкимъ.

Сиджу. Съ обѣихъ сторонъ незнакомыя лица. Во время лекціи, чувствую, чья-то рука съ правой отъ меня стороны лодъ люлитромъ тянется къ моей, щипеть, и кладеть въ нее бумажку. Поднимаю изъ-подъ люлитра руку, развертываю бумажку и вижу: совершенно пустая. Сидѣвшій направо сосѣдъ моего сосѣда хихикнулъ; его сосѣдъ, сидѣвшій лѣвѣе, тоже засмѣялся. Въ наступившій свободный часъ послѣ лекціи шутникъ сталъ отлускать насчетъ меня остроты, впрочемъ безобидныя, задирать меня, обращаясь и лично, безъ дерзостей и оскорбленій однако. Сколько понимаю теперь, это былъ бурсацкій способъ рекомендовать себя въ

знакомство. Болѣе умнаго и болѣе приличнаго оспособа малый не придумалъ. Онъ былъ Перервенецъ, сдѣдовательно круглый сирота и никакаго общества кромѣ бурсачнаго не видалъ. Пришлось мнѣ познакомиться неволью; я долженъ былъ отзываться, а затѣмъ и самъ задавать вопросы. Знакомство такъ оригинально начавшееся продолжалось затѣмъ во весь семинарскій курсъ. Только Академія насъ разлучила; пріятель мой и туда за мною послѣдовалъ, но не выдержалъ вступительнаго экзамена.

Да, это былъ пріятель; изъ всѣхъ соучащихся онъ былъ единственный съ которымъ у меня дошло на „ты“. Болѣе ни къ кому я не обращался въ единственномъ числѣ за всѣ десять лѣтъ въ семинаріи и въ академіи. Отчего, самъ не постигаю. Были потомъ истинные друзья, любимые и уважаемые, единомысленные, друзья неразлучные въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ; насъ было трое, и мы сами сознавали странность вѣжливо-холоднаго обращенія при нашей душевной близости; даже давали другъ другу слово обратиться къ единственному числу. Но нѣтъ, не выходило, и мы бросали возвращаясь къ чинному „вы“. А съ Перервенецъ, навязавшимся мнѣ въ знакомство, сошло на „ты“ очень скоро; вышло наоборотъ очень недовко держаться на множественномъ числѣ.

Пріязнь наступила не вдругъ и никогда не была обоюдно подвою. Потребовалось болѣе двухъ лѣтъ чтобъ отношенія стали тѣснѣе. Въ первые два года я не помню даже ни одного случая гдѣ бы сказалась наша общность; не припомню даже гдѣ онъ жилъ учась въ высшемъ отдѣленіи. Только не въ „казнѣ“, не въ монастыряхъ и не въ Остермановомъ домѣ, и это меня удивляетъ теперь: въ качествѣ круглаго сироты онъ долженъ былъ состоять на казенномъ коштѣ; не получалъ ли онъ пособіе деньгами?

Близость трудно завязывалась, потому что мы замѣшаны были на разномъ тѣствѣ. Сирота съ ранняго дѣтства, сынъ сельскаго священника, пьянаго и буйнаго, сведшаго еще ранѣе мать въ могилу, Перервенецъ не имѣлъ и родныхъ близкихъ, а въ тѣхъ которыхъ имѣлъ не возбуждалъ родственной вѣжности. Ни память отца, ни личныя качества сироты, не трогали сердце у двоюроднаго дяди или двоюродной сестры. У тѣхъ свои семьи; въ пору на нихъ расходовать чувства. Отданы ребята въ бурсу. Ихъ

было четверо; старшій скоро вывалился и поступилъ лицомъ не то въ Сиротскій Судъ, не то въ Управу Благочинія, но и тамъ не удержался. Второй къ моему времени дошелъ до средняго отдѣленія семинаріи, поступилъ отсюда въ Медицинскую Академію, но почти тотчасъ жевался на швеѣ, мѣщанкѣ какой-то во всякомъ случаѣ, да еще съ семьей, которая свѣла на шею зятю, или оны ей—кто разбереть? Но нищета вынудила бросить Академію и поступить на службу тоже лицомъ куда-то. Третій, лѣнливый и неспособный къ ученью малый, засидѣлся въ училищѣ, давъ обогнать себя четвертому, моему пріятелю. Пріятель мой былъ изъ первыхъ на Перервѣ, не выходилъ изъ числа лучшихъ и въ семинаріи. Но самопомощь въ которую бросила его судьба при столь неблагоприятной обстановкѣ не могла воспитать въ немъ идеаловъ. Привычки и потребности были грубы. Рюмка и даже публичный домъ рано были ему знакомы, не возбуждая отвращенія; напротивъ, въ томъ и другомъ видѣлась ему, со многими другими, удаля которую оны хвалился. Безъ отвращенія, напротивъ съ восхищеніемъ объ изворотливости, передавалъ оны о слышанныхъ имъ какихъ-нибудь небывалыхъ продѣлкахъ мошенничества. Чтò общаго могло быть съ нимъ у меня? На ряду со всѣми я выслушивалъ его рассказы о походахъ, часто очень грязныхъ, въ которыхъ оны былъ иногда главнымъ, иногда второстепеннымъ участникомъ. Оны умѣлъ рассказывать живо, не лишены былъ остроумія и лицедѣйственной способности; какъ душу общества его приглашали нѣкоторые изъ соучениковъ къ себѣ даже въ домъ къ родителямъ; у нѣкоторыхъ оны гащивалъ.

Но оны учился, оны и читалъ; тѣ же обстоятельства ограничили однако чтеніе его Поль де-Кокомъ и литературой Толкучки. Когда мы бывали въ трактирѣ, оны не бросался подобно мнѣ на журналы; любознательность его въ этомъ отношеніи была ниже даже нежели у Добронравова, моего кліента, и чуть не ниже нежели у Лаврова. Оны охотнѣе отправлялся, пока я читаю книгу, въ биллиардную посмотрѣть тамошній бой игроковъ. Но о содержаніи классныхъ уроковъ мы иногда разговаривали, передавали другъ другу недомѣнія и разрѣшали ихъ. Больше впрочемъ наши отношенія вращались въ практической сферѣ: кушать гдѣ чтò, гдѣ чего достать, на это оны былъ хорошій совѣтникъ.

При казенномъ пособіи Перервенець такъ буду называть его, литался перелиской лекціи; проживалъ на урокъ сначала у своего родственника діакона, а потомъ у посторонняго протоіерея. Живалъ и на квартирахъ, и между прочимъ у своего брата, который колотясь придумывалъ разные способы прокормить семью, въ томъ числѣ пускаяе нахлѣбниковъ. Перервенець приглашалъ меня къ себѣ въ гости, между прочимъ и посмотрѣть Наташу, свояченицу (жену брата), за которою онъ ухаживалъ и которая будто бы тоже была равнодушна къ нему, а она красавица. И былъ я, и видѣлъ; дѣйствительно пышная, красивая женщина, и сердце мое сжалось. Цѣль ухаживанія, понятно, была самая грязная; у пріятеля былъ низкій замыселъ, между прочимъ, поймать свояченицу въ расплахъ, даже подлостить ее. Я пытался представить ему всю гадость поступка, но говорилъ стѣнѣ. „Не я, такъ другой“, отвѣчалъ онъ. Вліянія не имѣлъ я на него; онъ былъ и старше меня и олытнѣе во всемъ. Во взаимномъ положеніи нашемъ мужескій элементъ, дѣятельный, былъ за нимъ; за мною—женственный, лассивный. Еслибъ я не предохраненъ былъ всѣмъ вѣшнимъ прошлымъ и внутреннимъ самовоспитаніемъ, скорѣе могло бы случиться что я бы низвергся въ бездну увлеченный пріателемъ.

Охотнѣе навѣщалъ я его когда онъ квартировалъ у общаго нашего товарища въ домѣ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, на Тверской (домъ Малкіела теперь). Во флигелѣ жилъ управляющій домомъ, дворовый человекъ; Розановъ, товарищъ нашъ—сынъ священника изъ села принадлежавшаго Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, получалъ отъ управляющаго комнату, въ которой одно время жилъ и Перервенець. Съ восторгомъ передавалъ онъ мнѣ о спокойномъ, уютномъ, соершевно отдѣльномъ уголкѣ на который онъ попалъ, объ удобствѣ заниматься, о независимости положенія: не то что на людяхъ, въ чужомъ домѣ на урокъ. А главное—предлагалъ онъ мнѣ послушать игрока на гитарѣ, необыкновенно искуснаго, по его словамъ, приводящаго въ восторгъ; онъ самъ ради этого началъ учиться на гитарѣ и даже купилъ подержанный инструментъ, заллативъ съ чѣмъ-то рубль. Отправился я, былъ и разъ, и два, и больше: просиживалъ по часамъ. Комната дѣйствительно особенная, хотя не отдѣльная, менѣе грязная нежели въ Коломенской бурсѣ иль Богоявленскомъ общежитіи,

удушавшая однако до нестерлимости. За то была гитара, на которой я и самъ началъ учиться. Знаменитый игрокъ оказался исключенный изъ семинаріи прохвость, лѣтъ двадцати, прокармавившійся игрой на бильярдѣ въ трактирахъ, а можетъ-быть чѣмъ и еще хуже. Игралъ онъ не дурно дѣйствительно, сколько могу помнить. Въ ходу была тогда *Аскольдова Могила*, и Перервенецъ перенялъ отъ него, а я отъ Перервенца, *Ахъ, подруженьки, Ухъ какъ стѣтъ стѣтерокъ* и *Близко города Славянска*. Душа моя питалась нѣскольکو, но впечатлѣвіе все-таки омрачилось. Для игрока-учителя требовалось угощеніе; бутылки съ пивомъ, даже полштофъ съ зеленымъ являлись къ услугамъ. Участвія въ лолойкахъ я не принималъ; положеніе бывало стѣснительно, и я уходилъ, предпочитая визиты которые не вели ни ко встрѣчѣ съ бильярдною знаменитостью, ни къ полштофамъ.

Уроки на гитарѣ и смотрѣ Наташѣ относились ко времени пребыванія моего въ среднемъ отдѣленіи семинаріи. Къ тому же времени относится и начало знакомства съ Алексѣемъ Алексѣвичемъ Остроумовымъ. Впрочемъ, этимъ классомъ близкое знакомство и кончилось, а установилось оно чрезъ сосѣдство по ученической скамьѣ: мы сидѣли рядомъ, уже на первой скамьѣ теперь, которой въ среднемъ отдѣленіи я не обѣгалъ. А. А. Остроумовъ вмѣстѣ съ братомъ Василиемъ Алексѣвичемъ былъ тоже круглый сирота. Когда еще былъ я въ низшемъ отдѣленіи, два эти брата поражали меня своимъ сходствомъ; я ихъ не отличалъ, хотя они были не близнецы; В. А. былъ старше, должно-быть, однимъ годомъ, и былъ уже въ среднемъ отдѣленіи, когда Алексѣй былъ въ низшемъ, только не въ томъ гдѣ я учился, а въ параллельномъ. Присмотрѣвшись послѣ, по переходѣ въ среднее отдѣленіе, я даже удивлялся что принималъ ихъ за двойниковъ. Но было что-то, дававшее смѣшивать ихъ, или точнѣе—не было чего-нибудь, по чему посторонній глазъ, и мой въ частности, на первый разъ отличаетъ одну фигуру отъ другой. Японцы и Китайцы Европейцу на первый разъ представляются всѣ на одно лицо; вѣроятно и Европейцы тоже Японцу или Китайцу, если не выдаетъ ростъ или рѣзко отличный цвѣтъ волосъ. Глазомъ, по крайней мѣрѣ моимъ, должно-быть схватывается прежде всего общій тиль, а къ подробнымъ чертамъ вниманіе обращается позднѣе.

А. А. Остроумовъ былъ юноша влодѣтъ приличнѣй и въ одеждѣ и въ пріемахъ; на лицѣ не лежало ни лошаости, ни той печати, отличающей семинарскіе подонки которая по первому взгляду внушаетъ сомнѣніе, полливая или мастерская чаще всего выдаетъ носителя физиономіи. Въ цилиндрѣ, въ опрятномъ сюртукѣ, въ столь же опрятной шивели, онъ имѣлъ видъ джентльмена. Какъ много значить общество среди котораго вырастаетъ дитя! Оба брата жили у олекува, московскаго священника, и у того же священника проживалъ студентъ или кандидатъ перваго курса Московской Академіи, одинъ изъ неудачниковъ, почему-то не нашедшій должности и пріютившійся у товарища-священника. Должно-быть зелено-вино разстроило карьеру ученаго мужа, фамиліи котораго не помню. Но простое треніе о развитую личность положило совсѣмъ другую отъ товарищей печать и на братьевъ-литомцевъ. Не Поль-де-Кокъ и литература Толкучки были чтеніемъ Остроумова; онъ зналъ русскихъ поэтовъ, ощущалъ ихъ красоты, и многое изъ нихъ изучалъ наизусть. Выдающимся его мастерствомъ было умѣнье читать, чему помогалъ, между прочимъ, и прекрасный баритонъ, способный къ самымъ нѣжнымъ перебивкамъ. Онъ такъ мастерски читалъ, такъ осмысленно, что записанъ былъ первымъ по исторіи въ среднемъ отдѣленіи, подобно Солнцеву въ низшемъ. Это не диво, но диво то что я, не чувствительный къ стихамъ вообще и неспособный ихъ заучивать, знаю нѣкоторыя стихотворенія наизусть доселѣ, послѣ того какъ прослушалъ чтеніе Остроумова. Можно отсюда видѣть что это былъ огромный талантъ и конечно пропавшій; почтенный Алексѣй Алексѣевичъ теперь священствуетъ, да и притомъ въ такомъ приходѣ гдѣ живой декламация прямо смерть—въ единовѣрческомъ. А я мѣлъ, заслушивался и другіе, когда онъ читывалъ, наизусть разумѣется, Пушкина, мелкія стихотворенія и цѣлыя главы. Такую силу дать каждому слову, такъ глубоко захватить каждый оттѣнокъ, каждую мелкую черту! Разъ чѣмъ-то возбудилъ неудовольствіе цѣлаго класса и Остроумова въ частности одинъ поступокъ воспитанника, прозваннаго Шишигой; не помню поступка, но онъ признавъ былъ неблагороднымъ. Остроумовъ сказалъ экспромптомъ рѣчь Шишигѣ. Я таялъ отъ восторга: это истинное краснорѣчіе, достойное Демосеена. Откуда взялись

выраженія, сравненія и при всемъ этомъ удивительная декламация, въ самую душу влѣзающая! Такую декламацию я слышалъ только два раза въ жизни; подобное впечатлѣніе я испыталъ еще когда слушалъ Щелкина, читавшаго сцены изъ *Скупаго Рыцаря*.

Въ старыя, Платоновскія времена, къ декламации приучали въ семинаріяхъ. Самъ Платонъ былъ мастеръ въ произношеніи; таковымъ же былъ Августинъ; заботились о силѣ произношенія вообще вышедшіе изъ Платоновой школы. Съ поступленіемъ Филарета декламация кончилась. Самъ онъ былъ безголосый; читалъ онъ прекрасно, давалъ силу словамъ, но слабо и ровно. Платоновскіе питомцы, правда, владели въ преувеличеніе и за вѣшнимъ эффектомъ гонялись иногда въ ущербъ внутренней силѣ. Пареній (скончавшійся архіепископомъ Воронежскимъ) служилъ образцомъ этой погони за шумихой. Его проповѣди бѣдны мыслями и чувствами, но богаты восклицаніями; видишь что проповѣдникъ бьетъ на произношеніе и на немъ основываетъ успѣхъ. Филаретъ былъ врагъ шумихи и лишннихъ словъ; вѣшній эффектъ и подобіе сцены въ церкви тѣмъ болѣе возмущали его. Отсюда преувеличеніе въ противоположную сторону. Какъ Платоновы питомцы служили и проповѣдывали громогласно, такъ Филаретовскіе стали служить подъ-носъ, читкомъ произносить проповѣди и при томъ до того тихо что около стоящіе не могли слышать. А возстановленіе декламации и обученіе ей необходимы; стоило бы особенные уроки назначить для того. Въ Платоновскія времена посылали академикомъ къ лучшимъ театральнымъ артистамъ на обученіе; до моего времени сохранился діаконъ, другъ Мочалова, сведшій дружбу со знаменитымъ артистомъ именно ради проповѣдей и проповѣдями потрясавшій слушателей, собиравшій лубляку въ церковь. Проловѣдами, увы, чужими, изъ которыхъ выбиралъ онъ олять тѣ которыя были потеатральнѣе; но изъ того не слѣдуетъ чтобы собственныя проповѣди произносились въ подголоса и читкомъ.

Искусство чтенія есть искусство не малое и не легкое, а чтеніе въ церкви, тѣмъ лаче проповѣданіе, требуетъ и тѣмъ болѣе искусства что двѣ опасности предстоятъ одинаково—безсмысленности и профанаціи. Бывали декламаторы и въ послѣднія, Филаретовскія времена, но я уходилъ изъ церкви смущенный.

Чтеніе священныѣхъ книгъ въ церкви должно передать смыслъ читателю, предоставляя возбужденіе чувствъ настроенію самихъ слушателей, которое можетъ быть скорбное и радостное, просительное и благодарственное, смотря по обстоятельствамъ. А произношеніемъ проповѣди не довольно отчеканить смыслъ, потому что проповѣдь не есть ни священный текстъ, ни диссертация. Это различіе не только должны знать священнослужители, но и должны умѣть соблюдать. А умѣнье можетъ быть дано только наукой и упражненіемъ.

Разъ А. А. Остроумовъ зазвалъ меня къ себѣ для того чтобы познакомить со своимъ ученымъ сожителемъ. Былъ я, отобѣдалъ и побесѣдовалъ. Передавалъ потомъ Остроумовъ что и я оставилъ недурное впечатлѣніе. А меня такъ просто приподняло; это былъ первый случай что съ лицомъ академическаго образованія я говорилъ какъ съ равнымъ. Разговоръ вертѣлся болѣе на историческихъ темахъ; я излагалъ свои догадки, онъ подтверждалъ ихъ или исправлялъ. Касались литературы; обмѣны мыслей и по этой отрасли знаній освѣжилъ меня. Пріостановка карьеры ученаго мужа оказалась для меня на этотъ разъ счастьемъ. Епархіальная служба обыкновенно затираетъ въ магистрахъ и кандидатахъ печать образованія. Много вылетаетъ, ко многому сердце охлаждаетъ; практическія заботы, механическое требоисправление, механическое законоучительство вытрясаютъ живыя сѣмена. Краснорѣчиво признаніе одного магистра-священника: „ду, батюшка, я даже и читать почти разучился; книги не было въ рукахъ двадцать лѣтъ“. Но сожитель Остроумова, хотя и въ лѣтахъ человекъ, былъ какъ сейчасъ со школьной скамьи; умственные интересы сохранились, и тѣмъ живѣе ощущались чѣмъ менѣе было постороннихъ развлеченій и чѣмъ болѣе могъ онъ поддерживать ихъ продолжающимся чтеніемъ. „Вотъ откуда, подумалъ я, идя изъ-за Сухаревой башни подъ Девичій, у Алексѣя Алексѣевича такая любовь къ Пушкину и такое чутье къ его красотамъ!“

Въ богословскомъ классѣ мы разошлись съ Остроумовымъ оттого что сѣли на разныхъ скамьяхъ. Здѣсь другой товарищесствѣ сталъ ближайшимъ, Николай Алексѣевичъ Р. Живъ ли онъ? Въ одной залѣ мы слушали съ нимъ и лекціи философскаго класса, но въ два года другъ другу даже не поклонились.

Сидѣлъ онъ на противоположной сторонѣ, и встрѣтиться поближе случая не приходило. Какое-то несчастное происшествіе было причиной что его оставили въ философскомъ классѣ на повторительный курсъ, такъ что при переходѣ моемъ въ среднее отдѣленіе я нашелъ его тамъ „старымъ“. Но онъ былъ не изъ малоуслѣвшихъ; происшествіе оставившее его старымъ относилось къ поведенію, а не къ успѣхамъ. Чтò такое натворилъ онъ? Никогда я его не спрашивалъ, и онъ не упоминалъ. Виною было непременно недоразумѣніе; это былъ молодой человекъ серьезный и съ самообладаніемъ. Вышло почему-то что я облюбовалъ по переходѣ въ богословскій классъ мѣсто на второй скамейкѣ между нимъ и И. П. Сокольскимъ, басомъ и солистомъ семинарскаго хора. Соколовскій былъ добрый малый, исправный ученикъ, но не хватавшій звѣздъ и не порывавшійся далеко. Но у Р. мыслительная машина была въ усиленномъ ходу, и я съ нимъ по сердцу бесѣдовалъ, передавая ему свои недоумѣнія и духовныя боли при слушаніи богословскаго курса и получая отъ него таковыя же. Сообща мы обсуживали, спорили, успокоивались; вмѣстѣ обыкновенно готовились и къ экзамену. О существѣ нашихъ недоумѣній и совѣщаній сказать будетъ время; ограничусь пока только высшими отношеніями.

Николай Алексѣевичъ былъ старшимъ Богоявленскаго общежитія, и я навѣщалъ его, предъ экзаменомъ даже ночевалъ. Онъ былъ старше меня лѣтами вѣроятно года на три. Старшинство возраста вмѣстѣ со старшинствомъ по общежитію придавало ему сановитость. Онъ держалъ себя не только какъ взрослый, но какъ пожилой человекъ. Дурачества ни себѣ не позволялъ, ни въ другихъ ими не любовался. Удаля не была для него идеаломъ, какъ для Перервенца. Онъ не прочь былъ выпить рюмку, но не для того чтобы наливаться, и кутежъ былъ не по его природѣ. Поэтому мы съ нимъ въ трактиръ не хаживали; чай онъ пилъ у себя дома, въ комнаткѣ, которую въ качествѣ старшаго занималъ въ общежитіи отдѣльно отъ подвластныхъ ребятъ. Но былъ случай, онъ звалъ меня, и притомъ въ грязный трактиръ, для того чтобы посвятить меня во „взрослаго“. Это былъ трактиръ на Трубнои площади, помню, Соколовскаго. Мы вошли, игралъ органъ; кромѣ посвѣтителей мужскаго пола сидѣли и расхаживали

дѣвицы. Николай Алексѣевичъ провелъ меня въ особенную комнату и здѣсь, пока мы сидѣли за чаемъ, велѣлъ позвать „Пелагею“, представилъ ей меня и мнѣ ее, поручая насъ взаимному вниманію. Это былъ первый разъ въ жизни, но онъ же былъ и послѣдній что я видѣлъ вблизи особу такого сорта. Р. рекомендовалъ ее какъ выдающуюся изъ другихъ своею степенностью; изъ его словъ я понялъ что онъ смотрѣлъ на нее какъ на ремесленницу, не отащая ремесла ея отъ другихъ ремеселъ. Меня это поразило, и въ степенномъ Николаѣ Алексѣевичѣ удивляетъ до сихъ поръ. Но вотъ чего я не могу себѣ простить до сихъ поръ — малодушія, съ которымъ я отговорился отъ предлагаемаго знакомства приведа не ломаю какую причину, но не отвращеніе, которое въ дѣйствительности отталкивало меня. И въ отношеніи къ Р. я все-таки оставался женственнымъ элементомъ, несмотря на свое умственное превосходство, котораго вдобавокъ Р. во мнѣ и не отрицалъ. Можетъ-быть впрочемъ и онъ далъ бы мнѣ то же объясненіе что Переревецъ о Наташѣ?

Мужественный и женственный элементъ! Съ кѣмъ я ни соприкасался въ жизни, вездѣ за мною оставалась женственная, пассивная роль. Я занималъ каяедру и пользовался рѣдкимъ вниманіемъ слушателей; я увлекалъ; зативъ дыханіе мнѣ вникали. (Надѣюсь, бывшіе слушатели мои не отвергнуть этого и не уличать въ неосновательномъ самохвальствѣ.) Но я не породилъ и не воспиталъ учениковъ. На какихъ дальнѣйшихъ полприщахъ я ни стоялъ, никогда, почти никогда не давалось мнѣ руководительство, на которое впрочемъ никогда не хватало у меня и дерзновенія. Препятствія не останавливали моей дѣятельности, но вгоняли внутрь. Чѣмъ порождена не отступавшая ни на минуту галетовщина, недоувѣріе къ своей силѣ, сомнѣніе въ своемъ нравственномъ правѣ, вѣчное опасеніе переступить предѣлъ чужой свободы? Не безплодно ли послѣ того можетъ-быть и пройдена жизнь?

Были у меня и еще товарищи наиболѣе близкіе, наиболѣе родственные по духу. Насъ было трое, объ этомъ сказалъ я выше. Но та близость была другаго строя, не семинарская, и сошались мы, строго говоря, не въ семинаріи. Богословскій классъ послужилъ только началомъ, хотя съ однимъ изъ

троихъ, В. М. Сперанскимъ, началось знакомство еще съ реторики, и сидѣлъ онъ въ томъ же второмъ отдѣленіи реторическаго класса что и я. Его уже и нѣтъ теперь на свѣтѣ, и его высокій и чистый образъ заслуживалъ бы подробнаго изложенія въ особенномъ обстоятельномъ очеркѣ. Дойдетъ ли однако до него когда-нибудь перо въ этихъ наброскахъ?

XLIV. Составъ учащихся.

Лавровъ, Переревенецъ, Остроумовъ, Николай Алексѣевичъ, это не всѣ тилы семинаристовъ моего времени. Остроумовъ даже не тиль, онъ случайность. У каждаго изъ поименованныхъ была своя особенность, выдвигавшая его туда или сюда. Большинство было безличнѣе: вели себя исправно, неупустительно посѣщали классы, держали въ порядкѣ тетрадки, учили уроки, подавали письменныя упражненія, вдалъ не заносились. Перейдя въ богословскій классъ, подумывали о мѣстахъ. Къ чести московскихъ семинаристовъ, водка не считалась повсѣидъ жизни какъ въ другихъ семинаріяхъ. Бурсацкая удаля Переревенца, граничащая съ развратомъ въ одну сторону, мошенничествомъ въ другую, шла отъ закрытаго училища въ которомъ онъ получилъ воспитаніе и отъ сиротства которое оставило его безъ добрыхъ примѣровъ. Главный контингентъ семинаристовъ, если не по числу то по вѣсу, растворенъ былъ въ обществѣ, сидѣлъ корнями въ семьѣ. Нравственная воспитательная сила сосредоточивалась въ священнослужительскомъ мірѣ, и притомъ столичномъ. Пеловичи задавали тонъ, приучали къ благопристойности, въ которой дома воспитаны, и къ чувству нравственнаго достоинства. Повѣствованіе о грязныхъ похожденияхъ которыя въ другихъ семинаріяхъ составили бы эпопею, здѣсь или не находило слушателей, или выслушивалось съ пренебрежительнымъ смѣхомъ какимъ награждаютъ лаяцовъ. Небольшой кружокъ собирался около разкащика, да и тотъ состоялъ изъ отребья: знаменательная черта, которую не мѣшаетъ имѣть въ виду при сужденіяхъ о сравнительномъ достоинствѣ закрытаго и открытаго воспитанія, именно въ духовноучебныхъ заведеніяхъ! Важенъ фактъ не самъ по себѣ, закрытое или

открытое заведеніе, важно то каковъ духъ въ немъ, откуда онъ идетъ и чѣмъ питается. Московская семинарія отличалась среди всѣхъ духомъ порядочности и относительнаго благородства. Разумію всѣ семинаріи великороссійскія и малороссійскія, не исключая Петербургской; петербургское столичное духовенство малочисленнѣе московскаго и отъ себя мало вливало въ семинарію, раслихивая дѣтей болѣе по другимъ заведеніямъ. О семинаріяхъ Западнаго края не говорю; сколько видѣлъ я тамошнихъ воспитанниковъ, они болѣе всѣхъ другихъ приближались къ московскимъ и менѣе прочихъ носили бурсацкую печать.

Превосходство Московской семинаріи, сейчасъ уломянутое, отзывалось потомъ даже въ Академіи. „Москвичъ“, это былъ особый типъ среди академическихъ студентовъ, отличный отъ общаго бурсачнаго и, замѣчательная вещь, онъ не ограничивался наружностію или поведеніемъ, а оставлялъ свой слѣдъ въ учебныхъ успѣхахъ. Во всѣ тридцать лѣтъ отъ начала Академіи и до того времени какъ я поступилъ въ нее и ее прошелъ, первенство по успѣхамъ оставалось преимущественно за Москвичами, иногда за Вицеанцами и рѣдко за студентами другихъ семинарій. Не помню твердо первыхъ четырехъ курсовъ; изъ перваго, во всякомъ случаѣ, вышелъ первенцемъ Москвичъ, Делащынъ; начиная же съ V курса до XVII Москвичи были первенцами въ семи, въ трехъ Вицеанцы и только въ трехъ воспитанники всѣхъ остальныхъ семинарій; а вплоть до XV курса къ Московской Академіи приписаны были цѣлые два учебныхъ округа со своими семинаріями! Это умственное превозможеніе не ограничивалось поставкой первыхъ магистровъ. Въ XIII курсѣ и первый, и второй, и третій магистры были Москвичи, въ XVI первый и второй; не знаю, былъ ли хотя одинъ курсъ въ которомъ бы не оканчивало одного или даже двоихъ Москвичей въ первомъ ляткѣ, хотя бы первый магистръ былъ и не изъ московскихъ. Откуда это? Не отъ пристрастія; слиски студентовъ составлялись, за весьма немногими исключеніями, строго. Не отъ семинарскаго преподаванія. Хотя въ Московскую семинарію и назначали профессоровъ изъ лучшихъ студентсвъ, но я показывалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ каковъ былъ уровень преподаванія. Успѣхъ условливался приготовительнымъ

развитіемъ во всякомъ случаѣ. Безспорно, изъ другихъ семинарій постулади дарованія, можетъ-быть даже болѣе сильныя; климатъ не могъ имѣть своимъ послѣдствіемъ чтобы въ московскомъ духовенствѣ родились болѣе способныя дѣти нежели въ остальныхъ двадцати слишкомъ губерніяхъ. Постулади изъ другихъ губерній безспорно даже лучше подготовленные въ школьномъ смыслѣ; вѣдь отовсюду присылаемы были первые, а курсъ учебный повсюду былъ тотъ же. Но кромѣ школьной подготовки была другая, жизненная; кромѣ умственной выправки—другая, духовная; кромѣ образованія—культура. Академія и семья, вотъ два дѣятеля, близость которыхъ давала Москвичу и Виѣанцу (одному въ болѣе сильной, другому въ слабѣйшей степени) высшую культуру сравнительно съ Калужцемъ или Пензенцемъ. Точки зрѣнія шире, кругозоръ шире, нравственный подъемъ и выше, и глубже; а все это не могло не отзываться и на прохожденіи курса семинарскаго и академическаго. Были дѣятели не дюжинные и въ наукѣ, и въ литературѣ изъ воспитанниковъ Московской Академіи, не удостоенные отъ нея магистерской степени; назову нѣкоторые: Биларскій, Иринархъ Введенскій, Вуколъ Ундольскій. Академію казалось бы можно упрекать за несправедливость, невнимательность. Я иначе объясняю: то развитіе, та культура, которая на студенческой скамьѣ вручали первенство другимъ, приобрѣтены поименованными поздно, а задатки были богаче нежели у ихъ сверстниковъ-магистровъ, которыхъ развитіе можетъ быть даже и остановилось съ окончаніемъ академическаго курса когда у тѣхъ напротивъ продолжалось и расло.

Въ грязныхъ кутежахъ, сказалъ я, московскій семинаристъ не находилъ поэзіи; большинство за то не искало и никакой поэзіи; какъ бы только перейти въ слѣдующій классъ, а затѣмъ кончить курсъ, вѣкъ же класса—добыть кусокъ, если нѣтъ готоваго въ казѣ или въ родительскомъ домѣ. Посторонними средствами пропитанія были: 1) уроки, 2) переписка и 3) работа голосомъ. Немногіе были столь счастливы чтобы находить, подобно Лаврову, амбулаторные уроки и получать поурочную плату. Большею частію садялись въ домъ на хлѣбы у какого-нибудь священника или даже дьячка, съ обязанностью проходить съ ларнишкой училищный курсъ или помогать при прохожденіи риторическаго; плата, кромѣ стола и помѣщенія,

простиралась отъ пяти до десяти рублей въ мѣсяцъ (ассигнаціями). Переписка производилась въ обширныхъ размѣрахъ. Однихъ агентовъ въ родѣ Лаврова было, думаю, до десятка; матеріалами снабжалъ университетъ (переписывались и лекціи, и диссертациі), снабжали и присутственныя мѣста. Цѣны были равныя, соображенныя и съ количествомъ, и съ качествомъ работы. Перервенецъ получалъ лишній противъ другихъ заработокъ за красивый почеркъ; ему давали и матеріалъ болѣе цѣнный, въ родѣ докладныхъ записокъ. Бывали работы хотя соединенныя съ перепиской, но требовавшія не одного механическаго труда; тотъ же Перервенецъ трудился въ Архивѣ надъ извлеченіемъ матеріаловъ для Гастева, издававшаго историческія и статистическія свѣдѣнія о Москвѣ.

Голосомъ работавшіе большею частію были отлѣтый народъ; зачислялись въ частный хоръ и шаялись по халтурамъ смотрѣвшіе вонъ изъ семинаріи. Ради похоронъ и свадебъ пропускаясь и классы. Исключеніе составляли лѣвчіе семинарскаго хора; у нихъ тоже были халтуры, нанимали ихъ и на обѣды, и на всенощныя, и на свадьбы, хоръ имѣлъ и годовыя залодраженныя мѣста; но лѣвчіе не принадлежали къ отбросу, по крайней мѣрѣ не всѣ принадлежали. Вообще же лѣвчій слылъ льявицей: если не всѣ пристраивались къ налиткамъ, то не было ни одного не льющаго, по странному антигигіеническому предрасудку что лѣвчему неизбѣжно „прочистать голосъ“, особенно басу. Откуда взялось это глупое преданіе и въ силу чего укрѣпилось?

Голосъ для семинариста былъ капиталъ, и именно басъ. Хорошіе тенора вообще рѣдки, да ими и не дорожили; кромѣ лѣвческаго хора куда же съ нимъ? Другое дѣло басъ; съ нимъ при посредственномъ аттестатѣ можно получить діаконское мѣсто въ самой Москвѣ или даже протодіаконское; даже курса не нужно оканчивать чтобы получить мѣсто, въ соборѣ, на примѣръ. Оттого шестнадцатилѣтніе и даже пятнадцатилѣтніе мальчуганы старались „накриковать“ себѣ басы. Если для развлечения философъ или даже риторъ возглашаетъ Апостола (это случалось иногда даже въ классной залѣ въ свободные часы), подражая чтенію въ церкви, то возглашаетъ непремѣнно басомъ, и чаще всего свадебный Апостолъ, чтобы дать почувствовать силу окончательныхъ словъ:

„а жена да боится своего мужа“; „своего мужа“ есть динамометръ горла.

Учился со мною сынъ успенскаго протодіакона, знаменитаго Александра Антоновича. Учился хотя посредственно, но не такъ, однако, чтобъ угодить на исключеніе. Голоса не было у него никакого; рѣчь глухая, беззвучная, горло будто обложено бархатомъ. Нѣкоторые удивлялись что у голосистаго отца такой безголосый сынъ, и самъ Зиновьевъ видимо скорбѣлъ объ отсутствіи отцовскаго дара. „А мнѣ кажется, возражалъ я, наоборотъ; эта безголосица и предвѣщаетъ голосъ; смотрите, откроется басина не хуже отцовскаго“. „—Нѣтъ, ужъ этого не будетъ“, отозвался съ отчаяніемъ протодіаконскій сынъ; „горло у меня должно - быть застужено“. Предсказаніе мое сбылось. По переводѣ въ среднее отдѣленіе голосъ у Зиновьева, по народному выраженію, сталъ „ломаться“; рѣчь начала издавать двоящіеся и троющіеся звуки, въ которыхъ безтонная силота соперничала съ тонами низкими и высокими, выходившими въ перемежку и даже одновременно. Голосъ очистился и затѣмъ образовался бастъ,—не берусь судить, равный ли отцовскому,—но сильный и пріятный. Ожилъ ларень. Онъ носился со своимъ кладомъ; съ такимъ лицомъ, воображаю, ходять въ первые дни выигравшіе 200.000 по лотерейному билету. Куда тутъ уроки, куда обдумыванье темъ на письменныя упражненія? Въ рекреационныя часы между классами то и дѣло слышишь или густое „Благочестивѣйшему, самодержавнѣйшему“... или громогласное „Да боится своего мужа“, а не то „Иисусъ Христомъ бысть“. Последняя фраза есть конецъ пасхальнаго евангелія, и Зиновьевъ объяснялъ что она есть труднѣйшее изъ всѣхъ окончаній во всѣхъ евангельскихъ чтеніяхъ, сверхъестественнымъ искусствомъ нужно обладать чтобы подыавъ голосъ на высшую ноту діазона произнести *бысть*, а не *бастъ*. Чтѣ же? Зиновьевъ и исчезъ скоро, исчезъ и погибъ; погибъ между прочимъ именно отъ этого дьявольскаго предразсудка что необходимо прочитывать голосъ.

Есть однако, были по крайней мѣрѣ, элементы для разумаго лѣвческаго воспитанія, котораго до сихъ поръ не достаетъ Россіи, въ частности духовенству. Можно было бы воспользоваться самымъ этимъ басолюбіемъ, взять его въ руки, подыавъ цѣну другимъ голосамъ, возбудить соревнованіе, развитъ вкусъ и искусство.

Настъ окончило курсъ девяносто человѣкъ ровно или съ небольшимъ, а въ низшемъ отдѣленіи было до трехсотъ если не болѣе; двѣ трети отошло. Отваливались или особенно бойкіе, или совсѣмъ негодные, невозможные. Впрочемъ со мною окончилъ курсъ и совсѣмъ невозможный. Аттестованный семинарскимъ начальствомъ „со странностями въ характерѣ“, Иванъ Михайловичъ былъ по вышнему вѣжливому выраженію душевно-больной человѣкъ. Онъ былъ казеннокоштный. Съ наружностью орангъ - утанга, не высокій ростомъ, онъ держалъ себя и расхваливалъ важно въ длинномъ казенномъ сюртукѣ синяго сукна, съ чувствомъ самодовольной увѣренности размахивая руками. Онъ приносилъ въ классъ и прочитывалъ въ слухъ товарищамъ свои литературныя произведенія, повѣсти и драмы, которыя лекъ какъ баяны. Что это были за произведенія! Въ нихъ было все кромѣ смысла. Былъ и смыслъ, но только грамматическій, а далѣе никакая пиеса не разобрала бы; слова безо всякой, даже кажущейся связи; дѣйствія невозможныя, имена не слышанныя. И однако дотянулъ и окончилъ курсъ! Товарищи надъ нимъ издѣвались, приставали къ нему, дразнили, расхваливали на смѣхъ его писанія, поощряли къ нимъ, и онъ не шутя сердился и не шутя гордился. Дергали его за лоды во время чтенія, поставивъ его предварительно на столъ. Онъ оборачивался туда и сюда къ пристававшимъ, огрызался, но и усложнялся тотчасъ, когда дразнившіе выражали удивленіе необыкновеннымъ творческимъ способностямъ автора. Это было гадкое зрѣлище, и мы удалились съ Николаемъ Алексѣевичемъ, жалѣя несчастнаго и негодуя на безсердечность издѣвавшихся. Но аттестать о полномъ окончаніи курса въ рукахъ субъекта съ такими „странностями въ характерѣ“ остается фактомъ характеризующимъ семинарское воспитаніе. Куда дѣлся Иванъ Михайловичъ? Какой несчастный приходъ получилъ его въ пастыри? И нашлась невѣста, и народились конечно дѣти... Мы съ Николаемъ Алексѣевичемъ разсуждали что единственная дорога ему была бы въ послушники.

Въ обоихъ младшихъ отдѣленіяхъ, низшемъ и среднемъ, скоро означался отстой. Онъ рано повадился ходить по полливнымъ и биллиарднымъ, уроковъ не училъ; когда спрашивали, пробивался подсказами; на экзаменахъ предлагалъ вмѣсто

отвѣта молчаніе. Иногда олухъ не довольствовался этимъ, но возвращаясь отъ экзаминаціоннаго стола, дѣлалъ рожу въ направленіи къ экзаминаторамъ, хотя и невидимо для нихъ, какъ бы говоря: „что, много взяли?“ Ахъ, помню я сцену глубоко потрясшую классъ! Экзаменовавшій ректоръ (Иосифъ) замѣтилъ это нахальное движеніе. Ученикъ былъ казенно-коштный. Ректоръ позвалъ его къ столу и произнесъ ему рѣчь, начинавшуюся словами: „чему ты смѣешься? надъ чѣмъ ты смѣешься?“ Напомнилъ ему о потрачиваемыхъ на него деньгахъ, о заботахъ на него простираемыхъ и о его неблагодарности, сопровождаемой притомъ такою оскорбительною нелючтительностью къ присутствующимъ, и къ началству, и къ товарищамъ. Олицетворилъ ему настроеніе товарищей, съ какимъ они должны смотрѣть на его кривлянье, только ему кажущееся забавнымъ и ничего ни отъ кого для него не влекущее кромѣ тѣмъ болѣе усиленнаго презрѣнія къ нему же самому отъ всѣхъ. Ректоръ говорилъ долго, говорилъ мягко, говорилъ съ дрожаніемъ въ голосъ. Еще немного, и классъ бы расплакался. А получавшій внушеніе стоялъ нагнувъ голову. нѣсколько на бокъ съ глулѣйшимъ видомъ, желавшимъ изобразить раскаяніе, но не выражавшимъ ничего кромѣ досады что такъ долго держать у стола.

Эти подонки семинарскіе большею частію были изъ сельскихъ захребетниковъ, иногда же дѣти и московскихъ дьячковъ, не видавшіе добраго примѣра и въ семействѣ, принимаемыя къ собутыльничеству самими родителями. Семейная жизнь съ хозяйственными заботами можетъ-быть исправляла въ некоторыхъ по поступленіи во дьячки; вырабатывалась практической челоувѣкъ; семинарская безпорядочность оказывалась временнымъ угаромъ молодости.

Не весь отстой однако шелъ во дьячки. Часть поступала на гражданскую службу, умножая собою крапивоное сѣмя, именно дѣти священниковъ и дьяконовъ; не знаю даже случая чтобы кто-нибудь изъ привилегированныхъ по рожденію, каковыми были священнослужительскія дѣти, добровольно обращался въ безправное состояніе причетниковъ. Сыновья даже причетниковъ только при безысходной нуждѣ и совершенной неспособности къ наукѣ рѣшались надѣть причетнической стихарь. Не говоря о философскомъ классѣ, откуда исключенному, хотя бы сыну дьячка, открывалась

дорога въ сельскіе и уѣздные діаконы, даже для уволенныхъ изъ реторики былъ выходъ помимо причетничества: ветеринарный институтъ. Экзаменъ былъ легкій, свѣдѣній особыхъ не требовалось. Я знаю нѣсколькихъ исключенныхъ изъ реторики дячковскихъ дѣтей которыя такимъ путемъ вышли изъ распутія, оставлявшаго имъ на выборъ идти или въ мѣщане, или по примѣру отца въ причетники.

Рѣзко выдѣлялась изъ безликой массы другая половина, состоявшая преимущественно изъ поповичей. Не всѣ могли похвалиться успѣхами и прилежаніемъ; были балбесы, но всѣ отличались одеждой и обращеніемъ; всѣ читали болѣе или менѣе, посѣщали театръ, ѣздили въ каубы на балы. Сравнительно немногіе готовятъ себя къ духовному званію; борода имъ претитъ какъ и большинству ихъ сестрицъ. Если не въ университетъ, то въ гражданскую службу. У меня былъ товарищъ который еще съ низшаго отдѣленія носилъ цилиндръ и перчатки; лѣтомъ являлся въ гарусномъ сюртукѣ, а зимой въ норковой шубѣ, надѣтой на одно плечо; онъ сбрасывалъ съ себя шубу съ видомъ господина, который увѣренъ что за нимъ стоитъ лакей. Его батюшка вѣроятно любовался изящными манерами сына, ловко колпировавшаго прикащиковъ Кузнецкаго Моста и даже отвѣчавшаго на вопросъ гдѣ купилъ перчатки или помаду безукоризненнымъ французскимъ выговоромъ: au Pont des Maréchaux. Щеголь скрылся изъ средняго отдѣленія, пріютившись въ какой-то изъ гурбернскихъ палатъ.

Въ университетъ начинали выбывать съ перваго года философіи предъ переходомъ на второй. Въ мое время вышли такъ рано, помнится, только двое, дѣти тоже московскихъ священниковъ, не замедлившіе осемью явиться къ намъ показать себя въ синемъ воротникѣ.

Неохота московскихъ поповичей идти въ духовное званіе шла послѣ меня все въ гору, начавшись еще ранѣе. Въ мое время не брезгали по крайней мѣрѣ семинаріей. Примѣръ С. М. Соловьева, котораго отецъ, законоучитель Коммерческаго Училища, отдалъ съ самаго начала въ гимназію, передаваемъ былъ какъ соблазнительная новость, какъ ересь. Но потомъ, особенно въ послѣднее время, дѣти-гимназисты отца-священника стали не рѣдкостью. Прибѣгаютъ къ за-благовременному изверженію дѣтей изъ духовнаго званія

главнымъ, если не единственнымъ образомъ, священники столичные; а со введеніемъ гимназій по уѣзднымъ городамъ будутъ туда отавать и дѣти уѣзднаго духовенства, между прочимъ по тому разчету что воспитаніе производится на родительскихъ глазахъ, притомъ не потребуетъ лишнихъ издержекъ на квартиру, неизбежныхъ при отдачѣ сына въ столичную семинарію.

Будущихъ студентовъ университета и медиковъ можно было узнать заранѣе; чаще другихъ видишь ихъ съ книгой въ рукахъ не учебнаго содержанія, преимущественно съ журналомъ. Они интересуются литературными новостями. Театральный раекъ видитъ ихъ въ числѣ частыхъ посѣтителей; они говорятъ о Мочаловѣ и Санковской. А иной сидитъ съ учебникомъ математики, этимъ наиболѣе опаснымъ подводнымъ камнемъ для семинариста.

Умолчу ли объ отпрыскахъ семинаріи въ артистическомъ и литературномъ мірѣ? Владиславлевъ, извѣстный оперный пѣвецъ, былъ сынъ московскаго священника, выскочившій изъ семинаріи до окончанія курса. Неостатный отецъ пострадалъ за него: Филаретъ поставилъ родителю въ вину что сынъ поступилъ на сцену. Другаго помню тоже вышедшаго на сцену изъ средняго отдѣленія (Славина), но то былъ не пѣвецъ, а трагикъ (разумѣется только воображалъ себя трагикомъ). Далѣе дебюта овъ, кажется, не пошелъ, но полисьвалъ за то повѣсточки, узрѣвавшія свѣтъ на Тоакучкѣ. Овъ были градусомъ выше повѣстей Александра Анфимовича Орлова, извѣстаго тогда кропателя по заказу Никольскихъ издателей, но между семинаристами, товарищами автора по школѣ, производили эффектъ: писатель хрипъ, не даѣе какъ вчера сидѣвшій на этой скамьѣ, обратился въ сочинителя котораго произведенія печатаются! Надобно отдать справедливость, лучшіе изъ семинаристовъ посмѣивались надъ этимъ бумагомараніемъ, не придавая ему цѣны.

Не будемъ слѣдить за дальнѣйшею судьбой выходцевъ изъ сословія, какаю окончательная судьба постигла скорослѣваго литератора или на чемъ оканчивали вырнувшіе въ гражданскую службу. Доходили до столоначальника, экзекутора, а благословить Богъ и до приходорасходчика. Сколотить деньженокъ доходами болѣе грѣшными нежели безгрѣшными; иной женится, купить домокъ и будутъ коротать вѣкъ досиживая геморрой послѣ канцелярскаго стола за карточнымъ

столомъ. Отсѣдъ, постулавшій во дьячки, иногда выживался, какъ я уже сказалъ; но замѣчательна черта: наружная цивилизація чрезъ семинарію и тутъ оказывала дѣйствіе. Если половичъ, гаушаясь бородой, бѣжалъ изъ духовнаго званія, то причетнической снѣдь, постулая въ причетники, просто не заращивалъ бороды, продолжая бриться. Почти на моихъ глазахъ совершился у дьячковъ постелеванный переходъ отъ лучковъ на головѣ до щегольской прически и отъ длиннаго сюртука безъ разрѣза назади до фрака. Въ мое малолѣтство лучекъ былъ почти общію принадлежностью причетника, именно лучекъ, а не коса. Священникъ и дьяконъ распускали косу, а причетникъ и въ церкви оставался съ залетавною, свернутою лучкомъ. Благочиннымъ одно время былъ въ Коломнѣ протоіерей Петръ Софровычъ (Горскій) который строго слѣдилъ за соблюденіемъ прадѣдовскаго обычая. Онъ будетъ таскать за вихры, морить на кофѣнахъ въ церкви, замучить земными поклонами еслибы напелся дерзкій, брѣвущій бороду, стригущій волосы, да притомъ въ сюртукѣ только до кофѣвъ. Въ силу какого указа такъ дѣйствовали старые благочинные? Не вмѣшается ли имъ инструкціей слѣдить за дьячковскими волосами и длинными сюртуками? Въ такомъ случаѣ благочинные скоро развратились. Придираться къ волосамъ и одеждѣ стало постыднымъ. Уводили себя благочинные и еще отъ обязанности которая однако несомнѣнно предписывается имъ инструкціей. Инструкція велитъ благочинному при посвященіи церкви экзаменовывать причетниковъ изъ чтенія, пѣнія, Катихизиса и Церковнаго Устава, и въ малолѣтство мое тотъ же Петръ Софровычъ свято исполнялъ эту обязанность. Подходить бывало время визитаціи; смотришь, сидитъ дьячекъ Федотъ или пономарь Андрейвъ, одинъ за Катихизисомъ, долбитъ, другой за Октоихомъ. Несчастный именно долбитъ Катихизисъ. Заслуженный, почти старикъ, имѣющій взрослыхъ сыновей, становится на время двойникомъ своего малолѣтняго Ванюшки или Петрушки и воспроизводитъ на колокольнѣ то самое чтѣ его сынишка за партой. Этотъ обычай вывелся самъ собою вмѣстѣ съ распространеніемъ болѣе человѣческаго обращенія вообще съ дьячками; свой братъ-благочинный засмѣветъ не въ мѣру точнаго исполнителя инструкціи. Познанія дьячковъ, правда, одновременно

съ тѣмъ не ловысились, если не считать такъ-называемыхъ псаломщиковъ, то-есть причетниковъ изъ окончившихъ курсъ.

Попадаются однако и до сихъ поръ изъ благочинныхъ охотники производить экзамень. Въ Нижегородской епархіи по крайней мѣрѣ, я слышалъ, былъ въ самое послѣднее время, если не подвизается доселѣ, экзаминаторъ-благочинный котораго трепещуть причетники. Впрочемъ у ревностнаго благочиннаго умыселъ другой: отъ экзамена можно откупиться; духъ вѣка коснулся и инструкцій благочиннымъ! Но одишь причетникъ, говорятъ, умудрися освободиться отъ экзамена и болѣе дешевымъ способомъ. Не давъ еще отцу благочинному предложить вопроса, хитрецъ самъ предлагаетъ ему свое недоумѣніе.

— Не знаю какъ править въ такомъ-то случаѣ, по Благочиннаго ли или по Храмовой главѣ. Не оставьте, ваше высокопреподобіе, научите.

А его высокопреподобіе самъ не твердо знаетъ уставъ. Приходится отгравляться въ книгу и справками разрѣшать недоумѣніе, не безъ возраженій со стороны причетника. За экзаменами уже не логалася строгій благочинный. Петръ Софронычъ въ Коломнѣ поступалъ проще: овъ и экзаменовалъ-то держа книгу (*Катихизисъ*) въ рукахъ и сѣдилъ пальцемъ върво ли вызубрено. Противъ того всякое недоумѣніе было бы безсильно.

Ночто этозановыя лица являющіяся въ семинарію неизмѣнно предъ каждымъ экзаменомъ? Никто ихъ не видалъ до того и не видитъ послѣ. А, это пѣвчіе Синодальнаго и архіерейскаго хора; они значатся въ семинарскихъ спискахъ и переходятъ изъ класса въ классъ, ничему не учась, ни разу не посѣщая ни одной лекціи и не подавъ ни одного письменнаго упражненія. Служба въ хорѣ замѣняетъ имъ всѣ семинарскіе труды. Для прохожденія училищнаго курса къ малолѣтнимъ изъ нихъ еще приставлены особые инспекторы, числящіеся при хорѣ, но болѣе состоящіе для мебели; назначали ихъ для очистки совѣсти. А на преподаваніе семинарскихъ наукъ даже никого не значилось. Жалкая была судьба пѣвчихъ; не даромъ бѣгали и хоронились ребята въ училищѣ и въ риторическомъ классѣ когда являлся регентъ за отысканіемъ голосовъ. Благо если альта или дискантъ перейдутъ лотомъ въ теноръ или басъ. Воспитавшій ихъ хоръ оставить ихъ при себѣ;

пропитаніе обезлечено. Нѣкоторые получали потомъ и діаконскія мѣста за свой голосъ. Но горе когда съ прежняго голоса спалъ, а новаго не нараждается; негоднаго члена выбрасываютъ изъ хора. Куда онъ пойдетъ, и кто за него заступится? Вотъ въ виду этого-то и позволяли имъ числиться въ семинарскихъ спискахъ; ихъ переводили изъ класса въ классъ безъ испытанія; хотя они являлись на экзамены, ихъ не спрашивали; давали имъ кончить даже курсъ, выпуская въ третьемъ разрядѣ. Но льгота простиралась все-таки на дѣйствительныхъ членовъ хора, а къ выброшенному возвращались всѣ семинарскія обязанности, за чѣмъ слѣдовало, помято, исключеніе, съ его послѣдствіями, тѣмъ болѣе безотрадными что пребываніе въ хорѣ оторвало его не только отъ семинаріи, но и отъ семьи и отъ родныхъ; для лѣтчаго нѣтъ отпусковъ и нѣтъ вакаціи.

XLV. Р а з д у м ь е.

„Куда я пойду?“ Мысль объ этомъ начала меня тревожить еще съ низшаго отдѣленія. Куда я пойду? Въ благополучномъ окончаніи курса я былъ увѣренъ, но дотагивать ли семинарію? Само собою разумѣется, меня ни на минуту не увлекала мысль чтобы воспользоваться преждевременнымъ выходомъ изъ семинаріи для поступленія куда-нибудь „младшимъ помощникомъ столоначальника“, попросту—лицомъ, хотя я и находилъ основательными расчеты тѣхъ кто, не имѣя склонности къ духовному званію, оставлялъ семинарію среди курса. Права для священнослужительскихъ дѣтей одинаковы, выйдетъ ли кто изъ философскаго, риторическаго класса, даже изъ училища, или же окончить курсъ во второмъ и третьемъ разрядѣ: каждому изъ нихъ до класснаго чина нужно служить то же число лѣтъ. Для кончившаго курсъ въ первомъ разрядѣ перспектива повидимому измѣнялась: онъ прямо переименовывался въ классный чинъ. Но риторъ, поступая на гражданскую службу, достигалъ того же ранге, да кромѣ того запасался приказною опытностью.

Приказная карьера не занимала меня сама по себѣ: неизбѣжное лобиршество мелкаго чина, тѣмъ болѣе лица, въ моихъ глазахъ равнялось съ лобиршествомъ дьячковъ. Какъ

тѣ съ поклономъ подносятъ на тарелкѣ просфору богатому прихожанину, въ ожиданіи получить гривенникъ, или и безъ просфоры подходятъ послѣ службы и кланяются поздравляя съ пріятіемъ таинства или другимъ чѣмъ, въ ожиданіи того же гривенника, такъ и приказный собираетъ тѣ же гривенники такими же поздравленіями или прижимками, что не лучше. Помимо того, любознательность, духовное стремленіе здаль были такъ сильны что вдругъ залереть машину на всемъ ходу, объ этомъ и представленія не возникало. Но не перервать ли семинарію для университета? Вотъ что меня занимало. Окончу семинарскій курсъ, безъ сомнѣнія, въ первомъ разрядѣ. Куда же двинусь потомъ? Предстоили четыре дороги: та же гражданская служба, волервыхъ, и тѣ же противъ нея возраженія; вторыхъ, діаконское мѣсто въ Москвѣ или учительское мѣсто въ училищѣ, зачѣмъ слѣдовало опять то же діаконское мѣсто; или же духовная академія со слѣдующимъ за нею учительствомъ въ семинаріи и далѣе—священническимъ мѣстомъ въ Москвѣ; или наконецъ—университетъ. Духовное званіе меня не манило и болѣе всего по связанной съ нимъ необходимости жениться. Семейная жизнь казалась мнѣ скучнѣйшею прозой, среди которой должны погаснуть всѣ идеалы. Я приходилъ въ содроганіе воображая себя женатымъ молодымъ человѣкомъ съ кучей мелкихъ обязанностей и заботъ, и сердечно сочувствовалъ своему старшему зятю когда онъ сѣтовалъ на прозу своей жизни. Онъ былъ пламенная, восторженная душа; его мысль и духъ всегда парили; онъ всегда былъ лирикъ, всю жизнь былъ идеалистъ. Отлично учился и отлично кончалъ курсъ въ семинаріи (Рязанской); вмѣсто академіи, куда бы ему поступить было пристойнѣе, онъ попалъ на священническое мѣсто въ село. Отецъ умеръ, оставивъ жеву съ тремя непристроенными дѣтьми сверхъ самого Федора Васильевича (такъ звали моего зятя). Мать съ сиротами осталась на его плечахъ, и онъ принялъ отцовское мѣсто для исполненія обязанностей къ сиротамъ. Но огонь горѣлъ въ немъ и продолжалъ горѣть. Село съ трудами хлѣбопашества и съ мужиками кругомъ, и забытыми барщиной, и пьяными, и невѣжественными, не смали его. Онъ былъ вѣчно бодръ, юнъ, живъ. „Никогда не женись, братъ“, сказалъ онъ мнѣ, полусмѣясь, среди пировъ на свадьбѣ средней сестры (это было въ дѣтнюю

вакацію 1839 года). „Ты читаешь что-нибудь; вотъ мѣсто которое тебя восторгаетъ; ты возносишься, потокъ мыслей кипитъ, чувство тебя захватываетъ, ты хочешь излиться, чувствуешь въ себѣ Пиндара, хочешь пѣть. „Мама, скажешь послушай“. Читаешь съ жаромъ, она выслушаетъ и потомъ скажетъ: „а знаешь ли, буренку нужно бы свести къ пастуху“. Пиндаръ и буренка! Нѣтъ, братъ, никогда не женись“. Безъ негодовамя, даже безъ досады, говорилъ это Федоръ Васильевичъ; онъ очень любилъ и цѣнилъ жену какъ и она его. Шутливымъ тономъ давалъ онъ этотъ совѣтъ и вмѣстѣ меланхолическимъ. Разказъ его былъ необыкновенно живъ; онъ читалъ наизусть тѣ самыя мѣста которыя приводили его въ восторгъ, подробно воспроизводилъ мысли и фантазію въ немъ возбуждавшіяся, декламировалъ стихи при этомъ поэта какого-нибудь, или свои собственные, врезалю въ немъ складывавшіяся. Онъ былъ всегда вдохновенъ и не говорилъ иначе какъ вдохновенно. И съ тою же живостію и подробностію изображалъ тотчасъ картину мелочныхъ заботъ и еще болѣе мелочныхъ дрызгъ, врезалю низводившихъ его съ высотъ, въ которыхъ онъ парилъ, въ грязный хлѣвъ, въ расчеты съ работникомъ который крадетъ овесъ и относитъ въ кабакъ, въ расчеты съ торговцами, божась обывающими платину за рубль.

Заговоривъ о старшемъ зятѣ, не могу уже не кончить. Дойдутъ ли до васъ эти строки, дорогой, высокоуважаемый Федоръ Васильевичъ, теперь уже маститый старецъ, доживающій свои дни въ печальной болѣзни на рукахъ внучатъ? По моему разказу читатель вообразитъ въ немъ пожаауі прайднаго мечтателя, другой экземпляръ Манилова. Напротивъ, Федоръ Васильевичъ былъ величайшій практикъ и безпримѣрный хозяинъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, тотъ идеальный пастырь, какихъ развѣ только десятки наберутся въ Россіи. Никогда прайднаго слова, весь въ трудѣ, образцово воздержный, строгій къ себѣ, онъ переродилъ прихожанъ. Когда мнѣ говорятъ что сельскому батюшкѣ невозможно не пить, потому что прихожане угощаютъ; что угождать невѣжеству неизбѣжно потому что иначе безъ хлѣба насидишься; что нравственное дѣйствіе на грубую массу поселянъ, погрязшую въ суетвѣріяхъ и порокахъ, невозможно: я воспроизвожу между прочимъ образъ Федора Васильевича. Онъ не пилъ ничего,

замѣстивъ однако родителя придерживавшагося чарочки и лавибратствовавшаго съ мужиками, а онъ напротивъ былъ строгъ. Онъ поступилъ на мѣсто залущенное, въ домъ разоренный. Туго сначала пришлось. Онъ занялся хозяйствомъ. Помимо хлѣбопашества завелъ при домѣ садъ и огородъ. Съ рѣдкою дальновидностью, засадилъ границу своей усадьбы ветловыми кольями, сказавъ себѣ: черезъ десятки лѣтъ это будетъ богатство. Колья были изъ породы ветель, такъ-называемыхъ „красныхъ“, изъ которыхъ гнутъ дуги, и дѣйствительно, колья оказались потомъ богатствомъ, когда выросшія ветлы продавались на аршины не дешево сосноваго балачного лѣса. На десятокъ верстъ у него одного былъ свой овощъ, и со своею обычною меланхоліей, шутиво жалобнымъ тономъ, а сестра съ негодованіемъ передавая что лучшіе качаны калусты у нихъ срѣзывали, морковь и прочіе корнеплоды выдергивали. „И нѣтъ того чтобы завести самимъ, прибавляла съ желчью сестра; Ѳедоръ Васильевичъ долбитъ, долбитъ имъ: заведите, и примѣръ показываешь, но, братецъ, ужъ такой мужикъ силъ; улоревъ, лѣнявъ льявъ.“ А Ѳедоръ Васильевичъ, слушая рѣчь жены, меланхолически прибавляетъ: „Мнѣ больше всего жаль моей елочки. Вышла изъ сѣмени, самъ посадилъ; здѣсь хвоя, какъ вы знаете, совсѣмъ не растетъ. Толчетъ гдулый, идетъ не смотря подъ ноги. Я останавливаю. Подумай, вотъ я посѣялъ, выходилъ, вотъ малятка выросла, и ты толчешь, за что? Ты мнѣ хочешь зло сдѣлать?—Нѣтъ, батюшка.—А зло дѣлаешь. Ты затопталъ елочку, ты загубилъ мой трудъ; ей было уже два года, и два года пропали, а твой сынъ вырастетъ, былъ бы благодаренъ за елочку какъ вы благодарны за ветлу; а тоже вытаскивали ихъ когда сажалъ я колышками.“

„Полю“ было ругательное имя; при видѣ поля крестьянинъ сворачивалъ съ дороги, вида дурное предзнаменованіе. Склернословіе было въ полемъ ходу и служило приправой въ разговорѣ. Таковъ былъ приходъ когда Ѳедоръ Васильевичъ вступилъ. А послѣ воть какой порядокъ завелся. Выѣзжаетъ съ требой батюшка въ какую-нибудь изъ пятнадцати своихъ деревень — все населеніе которое не въ полѣ высылаютъ на улицу, а дѣти становятся въ рядъ чтобы батюшка всѣхъ ихъ благословилъ. Крестьянинъ, завидя батюшку, сталъ снимать шапку издалека, дальше нежели снималъ предъ управляющимъ.

— Какъ же это сталося? спрашиваю у сестры.

— Да что, отвѣчаетъ она махнувъ рукой, приложивъ докучливыя сцены, въ свое время досадныя ей, но отдавая теперь справедливость поведенію которое казалось ей тяжелымъ.— Бывало ѣдемъ въ городъ; слышитъ, мужикъ выругаеся. Остановить лошадь, попросить и мужика остановиться, да и начнетъ пѣть, поетъ, поетъ. Тутъ, думаешь, опоздаемъ на базаръ, а онъ поетъ. Такъ и отучилъ, и всѣ стали почтительны.

Кончаково, куда отдана была сестра, посѣтилъ я въ первый разъ еще мальчикомъ, въ 1833 году. Шелъ еще второй годъ ея замужества. Помню страхъ свой когда проѣзжалъ боромъ; темъ, безконечная колонада обнаженныхъ сосенъ, которыхъ только верхушки зеленѣли. На землѣ ни травинки, только грибы по мѣстамъ махали къ себѣ; красная отъна деревъ облегала съ обѣихъ сторонъ; разказъ о разбойникахъ которые будто тутъ укрываются. Братъ Иванъ Васильевичъ, насъ сопровождавшій, осматриваетъ зараженное ружье. Извожикъ идетъ поодаль отъ лошадей, держа конецъ вожжей на разстояніи аршинъ четырехъ отъ лошади. Мы съ сестрой Аляшккой вдругъ вскрикиваемъ: „грибъ, грибъ!“ или „брусника, брусника!“ Но ступить шагъ въ лѣсъ боимся, вида ружье, слыша разказы. Развалины какого-то завода на Черной рѣчкѣ, и названіе такое страшное. Пріѣхали въ Кончаково: убого и голо, хотя риги и поляны снопами.

Пріѣхалъ я туда же чрезъ тридцать лѣтъ, въ 1863 году. Нѣтъ бора, новая дорога, и притомъ шоссеиная, пролегаетъ по другому мѣсту. Бойко отхваталъ ямщикъ недалекое пространство тридцати верстъ. Вотъ Кончаково. Сопровождавшій меня другой зять говорить, указывая на видѣвшуюся телегу: „смотрите, это вѣдь Федоръ Васильевичъ ѣдетъ“.

Онъ. Давно я его не видалъ, лѣтъ лятнадцать. Думаю, постарѣлъ, живость прежняя прошла; ему уже подъ шестьдесятъ. Встрѣчаемъ: тотъ же, ни сѣдики, такіе же быстрые глаза. Сначала онъ меня не узналъ, а поздоровавшись тотчасъ же заговорилъ: „я васъ спрошу, ученый мужъ, вотъ о чемъ: почему у васъ налаждаютъ на лану когда и пр.“, и началъ сыпать, перебирая явленія въ іерархіи, гдѣ сказывается тоже дилистское начало, хотя и въ неразвитомъ зародышѣ. Сестра до смерти рада, лаеманница предлагаетъ яблоки своего сада, подаетъ чай, а хозяинъ сыплетъ свое. „Ну, вотъ, пошелъ!

ворчить сестра. Ты не дашь братцу осмотрѣться“. Не я осмотрѣлся. Какъ и тогда, тридцать лѣтъ назадъ, переночеваль. На другой день утромъ колоколъ, звонившій къ обѣдѣ, разбудилъ меня. Всталъ я и вижу толпу окружившую домъ и около нея Федора Васильевича. „Это что?“ я спросилъ.—„Мужъ жему избилъ; да вѣдь это почти каждый праздникъ ходять къ Федору Васильевичу разбираться съ каждымъ дѣломъ“.—„Кто же это завелъ?“—„Да завелось само собою; мужики очень любятъ; ужь какъ положить батюшка, такъ тому и быть; ужь очень онъ, братецъ, справедливъ и внимателенъ“, поясняетъ сестра.

Выхожу на задворки. Гдѣ была голая луговина спускавшаяся къ ручью, тамъ теперь густой садъ съ отборнѣйшими сортами ябловъ; вѣтви ломились отъ плодовъ, подпертыя лѣсками. Пилю въ саду чай при оригинальной музыкѣ: то тамъ, то здѣсь шаяль, шаяль, падали яблоки на землю. Спускаюсь къ ручью: высокія ветлы на прежнемъ лустомъ пространствѣ, а въ серединѣ нижней луговинки высочайшій осокорь, сажень въ 20 по крайней мѣрѣ, смотрѣть на верхъ надо заламя голову, чистый, ровный, прямой какъ стрѣла. „Федоръ Васильевичъ вырослилъ и всегда за нимъ ухаживаль, общиваль“.

Когда пресвященный Алексій вступилъ въ управленіе Рязанскою епархіей въ концѣ шестидесятихъ годовъ, и Федоръ Васильевичъ представлялся ему въ качествѣ благочиннаго, съ неудовольствіемъ пресвященный вскинулъ на него взоръ. „Что это, какого молодого сдѣлали у васъ благочиннымъ! За что это? Сколько тебѣ лѣтъ?“ И когда малый юноша объявилъ о своихъ шестидесяти годахъ, можно представить изумленіе архіерея. Моложавость шестидесятилѣтнему старцу придавали небольшой ростъ, худощавость, быстрыя движенія съ подпрыгивающею походкой, живые глаза и совершенное отсутствіе сѣдинъ.

Итакъ „не женись, братъ, никогда“, вспоминалось мнѣ, и я не могъ не убѣждаться въѣми видѣнными примѣрами въ прозѣ семейной жизни. Но проза не въ семейной только жизни, а въ духовенствѣ вообще. На кого ни посмотримъ, всякій, лоступая на священнослужительское мѣсто, олуускается, начинается растительную жизнь, наращиваетъ брюшко, засыпаетъ умственно. При довольномъ доходѣ лѣнится, при маломъ доходѣ приходитъ въ движеніе, но изощряясь въ

одномъ—добыть матеріальныхъ средства. Я не давалъ себѣ отчета, но чутьемъ слышалъ что изъ всѣхъ званій духовное есть самое ложное, хотя самое высоекое по идеѣ, и именно потому ложное что слишкомъ высоко. Солдаты, крестьянинъ, купецъ, врачъ, профессоръ—каждый есть то что онъ есть, воиеть, лашеть, торгуетъ, дѣлать, учительствуетъ. А пастырь о которомъ извѣствуется въ Пастырскомъ Богословіи, и батюшка въ дѣйствительности—двѣ разныя сущности; послѣдній есть футляръ, оболочка, скорлупа, видъ, механизмъ безъ души. Отсюда пустота жизни. Федоры Васильевичи—единицы изъ десятковъ тысячъ. То о чемъ зазубривалось въ Пастырскомъ Богословіи, умомъ принято и сердцемъ пожалуй, но въ практику не переходит и при данной обстановкѣ перейти не можетъ. На практикѣ онъ—обыкновенный, подобострастный всѣмъ человекъ, съ тѣмъ различіемъ однако что у другихъ профессиональная практика и профессиональная теорія не расходятся, и не расходятся потому что требованіе теоріи не поднимается выше механики дѣйствія; а отъ пастыря по богословію требуется не механика.

Ближайшимъ, но мало утѣшительнымъ примѣромъ былъ братъ. Онъ служилъ добросовѣство, добросовѣстиѣ сотенъ; онъ проповѣдывалъ. Но его проповѣди были литературнымъ произведеніемъ. Написанное послѣ предварительнаго обдумыванія и потомъ прочтенное, или же вылившееся изъ души, сказанное и потомъ записанное, это два отдѣльные рода, и чуть мнѣ сказывало что братъ занимается хотя почтеннымъ, но правдымъ и даже ложнымъ дѣломъ: онъ считалъ себя проповѣдникомъ когда былъ въ сущности сочинитель.

Если тогда и мелькало впереди духовное званіе для меня, то единственно въ видѣ монашества. Здѣсь покрайней мѣрѣ не будетъ затагивающей прозы: такъ мнѣ казалось, и если я найду въ себѣ достаточно силъ на подвигъ, думаю я, то я его приму. Въ этомъ смыслѣ мечтали мы вдвоемъ даже съ братомъ. Никогда и онъ не мавилъ меня во священство. Если заходила рѣчь о возможности мнѣ поступить въ академію, то въ общихъ размышленіяхъ о моемъ будущемъ конечною точкой мы оба единогласно полагали монашество, и слѣдовательно архіерейство, какъ естественное послѣдствіе, потому что монаха-магистра не останавливаютъ на полпути если только не совершилъ онъ чего нибудь зазорнаго. Братъ высчитывалъ года когда я долженъ получить архіерейскую митру

если даже и не выдвигусь ничѣмъ. Въ академію поступить съ тѣмъ чтобы потомъ вернуться въ епархіальное вѣдомство и занять рядовое мѣсто приходскаго іерея послѣ профессорской должности, этого, у меня по крайней мѣрѣ, и въ головѣ не укладывалось. Къ чему же, думалъ я, вся наука послѣ того? И въ частности удивлялся я добровольному отреченію отъ гражданскихъ правъ, на которое шли профессора принимая священство. По порядкамъ гражданской службы, профессоръ семинаріи чрезъ шесть, а бакалавръ академіи чрезъ четыре года приобреталъ право на переименованіе въ VIII классъ, и слѣдовательно право на потомственное дворянство, которое соединено было тогда съ VIII классомъ. Въ смыслѣ карьеры уже и продолжать бы имъ дорогу на которую вступили вычислившись изъ епархіальнаго вѣдомства при поступленіи въ академію. Отказаться отъ правъ, жертвовать независимостью, обращаться въ крѣпостное состояніе епархіальнаго вѣдомства, бросать книги и науку для того чтобы гдѣ-нибудь въ Замоскворѣчьи или Залузьи кланяться невѣжественнымъ кулцамъ, а дома обзаводиться кучей ребятъ, да женой которая, сама кулебяка, ничѣмъ кромѣ кулебяки и утѣшить не можетъ: я этого не постигалъ. Затѣмъ вѣчное стѣсненіе, вѣчная обязанность держать себя, невозможность жить на распашку, сюда нельзя идти, при этомъ неприлично быть и т. д.

Итакъ, или академія, и притомъ безъ возвращенія въ епархіальное вѣдомство, или университетъ: вотъ представлявшіеся виды. А если рѣшиться на университетъ, то не будетъ ли потерей времени пребываніе въ семинаріи, начиная со втораго года философіи? Изъ опередившихъ меня на одинъ курсъ нѣкоторые перешли въ университетъ изъ средняго отдѣленія. Былъ бы и я теперь съ ними, размышлялъ я когда бы не оставался въ училищѣ лишніе два года. Отсталость меня мучила, тѣмъ болѣе что въ семинаріи я не ожидалъ впереди узнать ничего кромѣ повтореній болѣе или менѣе известнаго. Въ университетѣ наука свѣжѣе и обильнѣе. Безъ доступа къ учебной литературѣ всѣ мои приготовленія по языкованію пропадутъ даромъ, а доступъ къ наукамъ видится только чрезъ университетъ.

Разъ заикнулся я о своемъ желаніи брату (это было еще въ низшемъ отдѣленіи); тотъ не отрывулъ моего намѣренія рѣшительно, но возсталъ противъ намѣренія бросить

семинарію среди курса. „Сперва надобно кончить курсъ здѣсь; а затѣмъ вольная дорога, иди куда влечетъ. Положимъ, поступишь въ университетъ, а ну, тамъ тоже не кончишь курса? Мало ли какія могутъ случиться неожиданныя обстоятельства! Помимо всего можешь заболѣть, и болѣзнь вынудить бросить университетъ прежде времени. Что тогда? Останешься получеловѣкомъ на всю жизнь.“ Совѣтъ брата подѣйствовалъ глубже нежели онъ могъ ожидать. Я усомнился не только въ благополучномъ окончаніи университетскаго курса, но даже въ томъ выдержу ли вступительный экзамень. Примеры повидимому должны были меня успокоить; въ университетъ поступили же если не изъ посредственныхъ, то во всякомъ случаѣ не изъ отаичнѣйшихъ, даже не изъ лучшихъ семинаристовъ. Но я приписывалъ успѣхъ ихъ случайности; себя цѣнилъ я очень низко. Свое первенство среди сверстниковъ я склонялся объяснять тоже случайностью или недоразумѣніемъ профессоровъ, тѣмъ болѣе что братъ меня не баловалъ отзывами. На „дурака“ онъ не скулился въ привѣтствіяхъ мнѣ; когда попадалось ему сочиненіе не читанное имъ и не правленое, онъ усиленно, по виточкѣ разбиралъ его, клеймилъ сарказмами и мысли и выраженія. Иногда же выставлялъ въ такомъ выхоломъ свѣтѣ университетскую науку и познанія университетскихъ и въ такомъ презрительномъ видѣ семинарію и даже академію что я терялся и со страхомъ думалъ: куда жь мнѣ до университета и его науки? Толи дѣло старыя времена, горевалъ я; бывало можно было держать экзамень не представляя увольнительнаго изъ семинаріи свидѣтельства. Между прочимъ, братъ Иванъ Васильевичъ не только допущенъ былъ до экзамена, но нѣсколько недѣль даже посѣщалъ лекціи Медико-Хирургической Академіи, не бывъ уволенъ изъ духовнаго званія, и потомъ ушелъ. Можетъ-быть несмотря на совѣты брата я попытался бы по крайней мѣрѣ держать экзамень когда бы старыя порядки продолжались; но бросить все, оторваться отъ одного берега и пожалуй не пристать къ другому, мнѣ, страшно!

Робость моя еще тѣмъ усиливалась что ближайшихъ свѣдѣній объ университетѣ мнѣ не откуда было получить. У другихъ были у кого родной братъ, у другаго какой-нибудь родственникъ въ университетѣ; студенты знакомы, бываютъ въ домѣ; университетскія новости извѣстны въ тотъ же день;

студенческіе интересы принимаются къ сердцу семинаристомъ-братомъ или родственникомъ; разговоры о профессорахъ и лекціяхъ сашаются съ участіемъ, какъ бы о своихъ семинаристахъ. А я объ университетѣ слышалъ хотя довольно, но изъ третьихъ рукъ, отъ В. М. Сперанскаго, у котораго два брата были студентами: на медицинскомъ факультетѣ одинъ, на словесномъ другой. Лично же ни съ однимъ студентомъ въ четыре года не пришлось сказать ни слова. Все знакомство ограничивалось лицезрѣніемъ посетителей Великобританіи (трактира) и лицезрѣніемъ еще студента-сосѣда, жившаго на урокъ въ домъ протопопа, наискось отъ братниаго дома. Но кто такой этотъ студентъ? Чѣмъ онъ занимается? Что читаетъ, какъ судить? Напрасно было любопытство; я видѣлъ и слышалъ что возбуждавшій мое любопытство сивій воротникъ игралъ иногда на гитарѣ, а это единственное свидѣніе не говорило конечно ничего.

Былъ и еще студентъ; раза два, три онъ даже прѣзжалъ въ домъ брата, близкій его родственникъ, родной ему племянникъ по женѣ. Но я сидѣлъ въ своемъ углу при этихъ визитахъ; никто меня не вызывалъ, никто не представлялъ гостю, и тость едва ли вѣдалъ о моемъ существованіи, хотя я сильно имъ интересовался. Я зналъ что онъ кончилъ курсъ съ отличіемъ въ гимназіи; слышалъ что онъ въ гимназіи читалъ Софокла. Но что онъ теперь? Дѣвочка-племянница сказала мнѣ разъ что гость-студентъ привезъ между прочимъ ноты и сидитъ теперь ихъ читаетъ. Это извѣстіе окончательно повергло меня въ ничтожество: читаетъ ноты какъ книгу!

Этотъ гость-студентъ, племянникъ моей невѣстки, былъ А. Н. Островскій, столь извѣстный теперь драматургъ. Черезъ шестнадцать лѣтъ потомъ мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться и познакомиться, но при другихъ обстоятельствахъ. Для *Русской Бесѣды* въ одну изъ начальныхъ ея книжекъ назначалась ліеса Александра Николаевича, и авторъ долженъ былъ прочесть ее въ кругу ближайшихъ къ редакціи лицъ, къ которымъ и я принадлежалъ. Кромѣ Кошелева и Филлипова, тутъ были Хомяковъ и Константинъ Аксаковъ. Кто былъ еще и гдѣ это происходило? У Кошелева и Хомякова? Нѣтъ. У Елагиныхъ, у Аксаковыхъ? Не помню. Но это было въ 1856 году, и событіе запечатлѣлось во мнѣ можетъ-быть именно по воспоминанію о студентѣ читавшемъ про себя

ноты въ томъ домѣ гдѣ другой юноша, ему незнаемый, такъ сильно имъ интересовался между прочимъ изъ желанія знать поближе, какіе-такіе бываютъ студенты кончившіе курсъ съ отличіемъ въ гимназіи.

XLVI. Чужой хлѣбъ.

Я послушалъ брата и бросилъ на время помышленіе объ университетѣ. Но я не могъ безъ горечи вспоминать объ этомъ до самаго богословскаго класса; я сидѣлъ на чужихъ рукахъ, когда могъ бы самъ добывать хлѣбъ. Горекъ чужой хлѣбъ, особенно когда и попрекнуть имъ подчасъ. Завидовалъ я Лаврову, достававшему нелостижимымъ путемъ уроки; завидовалъ имѣвшимъ дочеркъ, что могли добывать деньги хотя перепиской. Единственный заработокъ, стряпанье сочиненій для неспособныхъ и лѣнивыхъ, доставалъ мнѣ всего по нѣскольку гривенъ. Кромѣ книжекъ, я въ силахъ оказался пріобрѣсти на свои трудовыя только шляпу, купилъ ее за 70 коп. у кухаркина мужа, служившаго гдѣ-то дворникомъ. Шляпа была изящная, французскаго люшона, но помятая, брошенная очевидно за негодностію. Я отдалъ ее поправить, и она смотрѣла какъ новая, лосвилась, блестяла, и воображалъ какъ странно смотрѣло это парижское издѣліе при потертомъ сюртукѣ съ полупродранными локтями и порыжѣвшихъ брюкахъ.

Читатель знаетъ о моей казньетовой чуйкѣ и мухоярвомъ ватномъ сюртукѣ въ которыхъ я выѣхалъ изъ Коломны. Сюртукъ служилъ мнѣ около двухъ лѣтъ, чуйка около трехъ. Обыкновенныхъ сюртуковъ съ живымъ платьемъ я перемѣнилъ три въ теченіе четырехъ лѣтъ. Я росъ сильно и къ восемнадцатилѣтнему возрасту почти остановился: платье, даже недавно купленное, становилось коротко, а чуйка считая на ведръ ростъ, чрезъ два года имѣла видъ те-першняго пальто, только съ укороченными рукавами. Братъ Сергій, пріѣхавъ зимой въ Москву, сжалился и купилъ мнѣ шинель; это было на первомъ году средняго отдѣленія. Шинель куплена была, какъ и все мнѣ покупалось, на такъ-называемой Площади близъ Толакучки, пошешная. Голубой ея цвѣтъ и короткій стоячій воротникъ внушалъ догадку что когда-то она принадлежала жандармскому

офицеру, а вата съ зеленымъ узорочнымъ флорбоемъ изъ фланели показывала что послѣ жандарма шивель была на плечахъ у какого-нибудь статскаго и уже отъ него перешла въ лавку. Въ шивели я казался себѣ почти уже щеголемъ. А до того стыдилася даже выходить днемъ въ своей чуйкѣ, которая кстати и поразодралась; меня въ ней видѣли только раннее утро на пути въ семинарію и темный вечеръ на обратномъ пути домой.

Сюртуки покупались тоже изъ подержанныхъ, однако перешитые заново, и одинъ былъ даже изъ разныхъ суконъ, лоды одного, а рукава другаго сукна; на первый взглядъ это впрочемъ было незамѣтно. Брюки доставались всегда новые, но зато суконныхъ и не покупалось: отвѣчала нанка и равныя леньковыя матеріи. Изъ числа сюртуковъ одинъ былъ однако новый, по заказу сшитый, казачетовый, голубаго цвѣта; я любилъ его болѣе всѣхъ, потому между прочимъ что онъ былъ единственный сшитый по моей мѣркѣ и сѣдовѣтельно сидѣвшій складно. Готовое не могло быть по мнѣ, тѣмъ болѣе при особенностяхъ моего стана: я вытянувшись до 2½ аршинъ былъ тонокъ и узкоплечъ, высокая быдла; готовый сюртукъ оказывался либо широкъ, либо коротокъ, либо то и другое. Обыкновенно мы долго бродили по Площади съ двоюроднымъ братомъ, дячкомъ отъ Николая Большаго Креста, прежде чѣмъ находили желаемое. Какъ мѣстному жителю, Василию Васильевичу лавочкики были знакомы и пріатели, и онъ сразу осаживалъ ихъ, когда они пускали въ ходъ привычный себѣ пріемъ надувательства. Онъ швырялъ иногда первую показываемую партію, требовалъ „настоящаго“, и дѣло улаживалось. Я отдавался волю и вкусу моего покровителя и только саушалъ диссертациі о сравнительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ показываемаго сюртука или сюртучной пары. „Смотри, не заощено ли гдѣ, или не закрашено ли?“— „Нѣтъ, Василій Васильевичъ, предъ вами мы этого не смѣемъ; вотъ извольте посмотрѣть, этого мы вамъ, и не подаемъ. Извольте видѣть, вотъ закрашено: сюртукъ до перваго дождя. А вотъ у этого рукавъ, видите, вывороченъ и начесанъ, я этого не подаю. А здѣсь рукава изъ другаго сукна, разные, за новое я и не продаю; но сюртукъ хорошій, видный.“

Было разъ, мы ходили съ Васильемъ Васильевичемъ въ Лоскутный Рядъ, бывшій на мѣстѣ теперешней Лоскутной

гостиницы, очень темный, со множествомъ лавокъ. Мой патруль по костюмерной части объявилъ мнѣ что здѣсь торгуютъ всеми возможными тканями и мѣхами, но только не цѣльными кусками... Откуда же берутъ? Откуда набирается такъ много? Любопытствовалъ я.—Да изъ лавокъ продаютъ остатки, но оттуда мало; для лавокъ есть другіе покупатели, портные и картузники, а сюда больше несутъ краденое. Портной, портниха, скорнякъ принесетъ сгашенное у хозяина или у закащика, а то и прямо жуликъ; попадаетса и имъ иногда новое. Старого, пошлаго здѣсь не берутъ; старье идетъ на Площадь. Цѣльные штуки если принесутъ сюда, ихъ рѣжутъ на куски, чтобъ обокраденные хозяева не признали ихъ въ случаѣ обыска. Зато здѣсь уже есть все; вѣтъ матеріи, какого бы сорта и цвѣта ни было, чтобы нельзя было подобрать. А бываетъ нужно, вотъ какъ намъ съ вами теперь: у фрака рукавъ чѣмъ-нибудь полорчемъ, у дамскаго платья спинка; и фракъ и платье совсѣмъ новыя; портной вставитъ другое подолнище на мѣсто испорченнаго; а здѣсь подгонять матерію и сорть такъ что не отличишь. Мы однако не нашли тогда чего искали. А намъ нужно было, рукавъ ли или что другое, вставить въ приторгованный сюртукъ, во всѣхъ другихъ частяхъ выдержавшій испытаніе строгаго знатока, Василія Васильевича.

Невзрачность одежды меня угнетала. Зная что лю платью не только „встрѣчаютъ“, но часто и провожаютъ, кѣмъ, думаю малъ я, долженъ представляться постороннему; на какое обращеніе уломошчивается каждый встрѣчный моею наружностію? Да и помимо плаття, что я такое—продолжалъ я размышлять—ученикъ послѣдняго класса семинаріи, такого заведенія котораго не уважаютъ, надъ которымъ смѣются, о которомъ не услышишь отзыва, не только почтительнаго, но даже снисходительнаго. Предъ незнакомымъ, кого встрѣчалъ въ первый разъ и о комъ имѣлъ основаніе предположить что снова не встрѣчусь, я въ разговорѣ скрывалъ свое званіе и положеніе, даже агаалъ когда спрашивали, ловышалъ себя на классъ если признавалъ себя ученикомъ семинаріи, или же придумывалъ другое званіе. Прилипалъ языкъ, я не смѣлъ принять участія въ разговорѣ когда предполагалъ собесѣдника знающимъ кто я.

Вѣхалъ я на лобывку въ Коломну зимой, въ сопровожденіи брата Сергія. Ночевали на постояломъ дворѣ. Братъ

прелегъ уснуть; мнѣ спать не хотѣлось; не спалъ и еще одинъ неизвѣстный, изъ „господъ“, расположившійся въ той же или сосѣдней комнатѣ. Не помню какъ завязался у насъ разговоръ и съ чего начался, но онъ скоро перешелъ на умныя матеріи и на общественные вопросы. Собесѣдникъ, оказалось, былъ учитель уѣзднаго училища. Какъ относится Коломна и вообще кулевскій классъ къ образованію, какое ложное положеніе слытываютъ учителя, какъ гибнутъ, не развѣтлая, дарованія! Есть необыкновенно даровитый мальчикъ, Тарусинъ (я даже фамилію запомнилъ); помимо всего у него талантъ къ рисованію, изъ ряда выходящій; но завтра возьмутъ его таскать кули, не дадутъ и курса кончить родители; курсъ оканчиваютъ лишь дѣти приказныхъ. Бесѣдовали мы долго, причемъ и я вступалъ въ сужденія, сообщая свои замѣчанія и наблюденія. Я говорилъ смѣло; дѣло ночное; кто я, почему можетъ знать мой собесѣдникъ? Предубѣжденія у него не должно быть. Я говорилъ смѣло, судилъ свободно, оспаривалъ своего собесѣдника въ нѣкоторыхъ пунктахъ.

Но былъ свидѣтель нашего разговора. Братъ, котораго я предполагалъ спать, не спалъ; можетъ-быть проснулся, нами разбуженный, но продолжалъ молчать. Онъ былъ пораженъ. Вѣчно молчащій, никогда своего сужденія никуда не вставляющій, а только выслушивающій и изрѣдка лишь обращающійся съ вопросами и просьбами о поясненіи, младшій братишка не только разсуждаетъ, вступая въ пренія со взрослыми, но разсуждаетъ о такихъ предметахъ и такъ что приходится только соглашаться съ нимъ человеку не запасшемуся особенными свѣдѣніями! Я произвелъ очевидно впечатлѣніе Иванушки дурачка, преобразившагося предъ королевскимъ дворцомъ. Заключаю такъ изъ нѣсколькихъ словъ брата Александра, мнѣ ли брошенныхъ потомъ въ видѣ упрёка, или другимъ при мнѣ съ выраженіемъ удивленія. Черезъ нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ даже можетъ-быть не былъ Сергѣй передать Александру о подслушанномъ разговорѣ: столь сильное произведено было на него впечатлѣніе!

Задумываюсь объ этой двойственности, даже тройственности, въ которой я держалъ себя тогда. Она не ограничилась тогдашнимъ временемъ; преслѣдовала она меня долго, до самаго выхода изъ духовнаго вѣдомства и даже даѣе. Я занималъ уже каѣдру; въ одинъ изъ каникулярныхъ періодовъ

гостилъ въ Москвѣ; отправилась разъ въ Кремль, былъ какой-то праздникъ; въ Чудовѣ архіерейское служеніе. Направляюсь въ церковь, пробираюсь сквозь ряды богомольцевъ тѣснящихся на ступеняхъ высокаго крыльца. На верху стоитъ стражъ благочинія, квартальный. „Долой, пошла! Назадъ, назадъ!“ кричитъ онъ столь извѣстнымъ Россіи полицейскимъ голосомъ, отлихивая тѣснящихся въ церковь. Попадаю подъ его властную длавь и я; онъ толкаетъ меня съ такою силою что я кувыркомъ лечу съ дѣстицы. Поднялась я и размышляю послѣ первой секунды негодованія. „Развѣ написано на мнѣ кто я? Да положимъ, онъ и зналъ бы мое общественное положеніе. Правда, онъ оказалъ бы мнѣ вѣжливость, даже внимательность можетъ-быть. Ну, а эта сотня желающихъ молиться? Я буду избавленъ отъ толчковъ ради своего соціальнаго положенія, а ихъ будутъ бить такъ же какъ бьютъ сейчасъ, какъ бьютъ вездѣ. Правъ ли я буду нравственно воспользовавшись привилегіею своего вѣшняго положенія, получу ради его доступъ въ соборъ, куда вступить изъ сотни этихъ богомольцевъ половина достоинствъ меня? Ихъ влечетъ желаніе молиться, а меня можетъ-быть болѣе любопытство нежели молитвенное расположеніе. Квартальный не исправится если я пожалуюсь; да и винить его нельзя, его должность такая; даванье зуботычинъ входитъ въ его прерогативы, безъ которыхъ по общему мнѣнію, пусть ложному, нельзя обойтись. Да и кому я пойду жаловаться, чѣмъ докажу фактъ грубаго обращенія? Производить ли скандалъ здѣсь на паперти, требовать составленія акта? Это комично наконецъ, и что я выиграю? Выговоръ квартальному, по совѣсти имъ даже незаслуженный, извиненіе предо мною, которое для меня никакой цѣны не имѣетъ когда стелень культуры моего оскорбителя мнѣ извѣстна. Да, Игнатій Алексѣевичъ вотъ сердится, когда слотыкнется на камень попадающійся подъ ногу. Не довольствуясь тѣмъ что отлихнеть неожиданное препятствіе, онъ сердится; онъ гонится за камнемъ, отбрасывая все далѣе и далѣе съ гнѣвнымъ восклицаніемъ: „а, негодный!“ То же дѣлаетъ и съ прутомъ нечаянно хлестнувшимъ его въ лѣсу; съ гнѣвомъ ломаетъ его, бросаетъ и толчетъ. Не то же ли повторяю и я требуя извиненій отъ квартальнаго?— Низверженіе мое и слѣдовавшія за нимъ размышленія столь сильно на меня подѣйствовали что въ послѣдствіи я, собираясь на какую-нибудь церемонію... читатель

ожидаетъ—надѣвалъ мундиръ?... Нѣтъ; наоборотъ, я накидывалъ самое невзрачное изъ своихъ одѣяній, и помню, въ овчинномъ тулупчикѣ слушалъ въ Успенскомъ соборѣ литургію и манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Стократъ счастливымъ счелъ я себя тогда что и рубище не закрыло первопрестольнаго собора для меня въ этотъ знаменательный для Россіи день. Мысленно я пародировалъ себѣ въ подобныхъ случаяхъ слова Библейской Исторіи Филарета о Моисеѣ что онъ „предпочелъ страдать съ народомъ Божиимъ нежели раздѣлять временную грѣха сладость“; удержусь отъ пользованія случайными внѣшними преимуществами, когда дѣло идетъ о доступѣ къ такому благу на которое всѣ имѣютъ равное право человѣка ли вообще, русскаго ли человѣка въ частности.

Сказанная сейчасъ черта выразилась во мнѣ можетъ-быть даже преувеличенно. Долгое, очень долгое время я не рѣшался выступать съ личными сужденіями и въ печати, и въ разговорахъ. До самыхъ послѣднихъ временъ я не допускалъ своей полной подписи подъ статьями; въ разговорахъ, и притомъ когда занималъ уже положеніе въ обществѣ, я долго не рѣшался употреблять выраженія: „я полагаю или мое мнѣніе таково“; высказывалъ свое мнѣніе не иначе какъ въ выраженіяхъ: „есть мнѣніе“ или „есть люди которые полагаютъ, напротивъ“... Эта несмѣлость выраженія, это отвращеніе къ выставочности, эта вѣчная боязнь злоупотребить авторитетомъ, хотя бы иногда былъ онъ даже законный, или встрѣтить возраженіе основанное не на существѣ мысли, а на личномъ противъ меня предубѣжденіи, эта сдержанность коренилась съ тѣхъ молодыхъ лѣтъ когда я былъ еще въ семинаріи, когда каждое полуположеніе выступить заграждалось встававшимъ тотчасъ же недоумѣніемъ: „а скажутъ тебѣ: что ты суешься? Кто ты такой? Знай сверчокъ свой шестокъ; ты семинаристъ, не больше“.

Рѣзкое обращеніе брата довершило эту пригнетенность духа. „Глупо! Совсѣмъ не такъ!“ Братъ не замѣтилъ моего внутренняго роста; безоглядность и опрометчивость были вообще въ его природѣ. Были пункты въ которыхъ я переросъ даже его, а онъ продолжалъ обращаться ко мнѣ съ тою же авторитетностью, не допускавшею возраженій, какъ было два, три года назадъ. Я замолчалъ. Я только слушалъ и изрѣдка спрашивалъ. Въ классѣ же среди сверстниковъ

рѣчь моя напротивъ шла; я сыпалъ замѣчанія, веселые разказы и отличался даромъ живаго изложенія, пересыланнаго остроуміемъ. Это была тоже натяжка, я лицемерилъ; я не находилъ отрады въ пересмѣшничествѣ; я ему предавался за недостаткомъ болѣе развитыхъ собесѣдниковъ и болѣе серьезныхъ предметовъ для бесѣды. Своимъ балагурствомъ я примѣнялся къ окружающимъ, съ которыми, чувствовалъ я, другаго, болѣе литательнаго разговора нельзя вести. Я даже иногда лгалъ на себя, изображая себя въ положеніяхъ которыхъ на дѣлѣ не принималъ, но которыя, еслибы водились за мною, уравнивали бы меня съ товарищами.

Проходя ежедневно Дѣвичьимъ Полемъ, я вскидывалъ иногда взоръ на сторону откуда высматривалъ задумчиво домъ съ большимъ садомъ, бывшій нѣкогда князя Щербатова, историка, недавно пріобрѣтенный Погодинымъ. Съ тоской думалъ я: вотъ какъ близко отъ извѣстнаго профессора и публициста, а не подойдешь! Еслибы брать, познакомившійся послѣ съ Погодинымъ, сошелся съ нимъ еще когда я жилъ на Дѣвичьемъ Полѣ, дальнѣйшая судьба моя несомнѣнно пошла бы разнымъ путемъ; мнѣ бы открылся кругъ въ который я введенъ былъ уже тринадцать лѣтъ спустя; и развитіе и вышнее положеніе опредѣлились бы иначе. Университетъ не былъ бы мнѣ страшенъ, и въ семинаріи навѣрное бы я не остался. Мнѣ открылись бы уроки, и я былъ бы избавленъ отъ необходимости вѣсть чужой хлѣбъ. Прибавилось бы и бодрости; не приходило бы надобности въ превращеніяхъ Иванушки дурачка; все пошло бы ровнѣе и отъ сколькихъ дальнѣйшихъ противорѣчій въ жизни я былъ бы спасенъ!

Два раза однако наворачивались было уроки. Зять Лаврова, діаконъ, женатый на его сестрѣ, рекомендовалъ меня своему прихожанину, купцу въ Таганкѣ, искавшему преподавателя началъ французскаго языка. Явился я. Встрѣчаетъ хозяинъ-бородачъ. Потолковали. „Такъ-то все такъ, заключаю бесѣду хозяинъ, но видите, у меня дочка на возрастъ, вы человекъ молодой; что это діаконъ-то вздумалъ васъ прислать?“ Выраженія едва ли не были даже грубѣе по направленію отца діакона. Я ушелъ ни съ чѣмъ, олеваный; между тѣмъ учить-то приходилось совсѣмъ не дочку на возрастъ, а сына-ка лѣтъ одинадцати.

Другой урокъ былъ релетиторство со внукомъ священника Пятницы на Божедомкѣ, того самаго который пріѣзжалъ

къ родителю въ Коломну сплсаясь отъ Французовъ. Это было мнѣ по дорогѣ изъ семинаріи въ Дѣвичій, и я вечерами изъ класса заходилъ къ своему ученику. Увы! я нашелъ мало не только плохо учившагося, но и не желавшаго учиться. Въ другихъ выраженіяхъ, но онъ повторялъ Митрофаново „не хочу учиться, хочу жениться“; заговаривалъ, вмѣсто сдачи урока, о бульварныхъ дѣвицахъ, о сравнительномъ достоинствѣ полливныхъ. Походивъ недѣлю или двѣ, я бросилъ; было тошно заниматься, да и недобросовѣстно брать деньги даромъ. И деньги-то впрочемъ ничтожныя, едва ли не полтора рубля за мѣсяць.

Откуда-то Лавровъ досталъ мнѣ работу — переводить съ французскаго какое-то руководство къ земледѣлію ли вообще или къ огородничеству въ частности. Полнаго заглавія не знаю, мнѣ данъ былъ только отрывокъ „Объ устройствѣ и обдѣлкѣ грядъ“. Однако и этотъ способъ добытки средствъ только поманилъ меня: листъ или два переведены были мною за цѣну почти не превышавшую цѣны переписки; болѣе у моего пріятеля не оказалось оригинала. Я не зналъ къмъ этотъ трудъ былъ и заказанъ. Да зналъ ли и самъ Лавровъ? Бъ нему перешелъ оригиналъ вѣроятно изъ третьихъ рукъ въ четвертыя.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. ГИЛЯРОВЪ-ПЛАТОНОВЪ.

ИЗЪ ПРЮДОМА

І. Прoшедшее.

Прoшедшее мое, мнѣ что-то грустно стало,
Поговори со мной о свѣтлыхъ, юныхъ дняхъ!
Дрема, съ лѣнивою усмѣшкой на устахъ,
Прoшедшее меня не слушало сначала;

Но вдругъ былой огонь сверкнулъ въ его чертахъ,
Влечетъ меня оно въ безумный вихорь бала;
Я слышу легкій звонъ разбитаго бокала,
Головки женскія мелькаютъ всѣ въ цвѣтахъ.

Въ гондолѣ я лыву межъ слящими дворцами,
Одни съ прoшедшимъ мы въ волшебной тишинѣ,
Лишь мѣсяцъ смотрится въ серебряной волнѣ...

Я къ слугника лицу хочу прильнуть устами...
Вглядѣлся пристально, и ясно стало мнѣ
Что слугникъ мой — мертвецъ съ недвижными очами...

II.

Стояли мы вдвоемъ на берегу морскомъ
 И, внемля шуму волнъ, на мигъ закрыли очи.
 — „То ликовствуетъ рай въ восторгѣ неземномъ“...
 — „Нѣтъ, то бушуетъ адъ во мракѣ вѣчной ночи.“
 Такъ каждому изъ насъ въ матажномъ плескѣ волнъ
 Иное слышится: то дѣло настроенья...
 И оный для одного угрозы дикой полнъ,
 Другому слышатся въ немъ клики упоенья.

III.

Не надолго сирень разцвѣтаетъ въ садахъ,
 Соловьи расплывають не долго въ лѣсахъ;
 Мнѣ бь хотѣлось чтобъ пахли сирени всегда,
 Чтобы вешній лѣвецъ не смолкалъ никогда.
 Ахъ! земной поцѣлуй только мигъ лишь звучить
 И остываетъ на яркомъ румянце дянить,
 Никакихъ по себѣ не оставя слѣдовъ;
 Я жь хочу чтобъ оный давался во вѣки вѣковъ.
 На землѣ только слезы и горе кругомъ,
 Развѣ стѣдуетъ любить чтобъ разстаться потомъ?
 Я бь желалъ чтобы не было счастьемъ конца,
 Чтобъ сливались на вѣки людскія сердца.

IV. Корабли.

У тихой пристани качаясь, корабли
 О дивной красотѣ чужихъ небесъ мечтають,
 Не думая совсѣмъ о колыбеляхъ тѣхъ
 Что руки матерей заботливо качають.
 Мушину въ даль влечетъ тревожная мечта,
 А доля женщины—сносить разлуку горе.
 И вотъ, для кораблей настала желанный часъ:
 Изъ тихой пристани они уходятъ въ море;
 Но отчего же вдругъ не хочется имъ лыть,
 И жаль съ родимыми разстаться берегами?
 О колыбеляхъ тѣхъ, зная, всломнили они
 Что женскими телерь орошены слезами.

V. Сходство.

Ты хочешь знать за что тебя люблю я страстно?
 Дитя, твои прелестныя черты
 Напоминаютъ мнѣ знакомый милый образъ:
 На молодость мою похожа ты.

Ты такъ задумчива всегда и молчалива,
 Не на земаѣ живуть твои мечты;
 Въ твоихъ большихъ глазахъ я часто вижу слезы:
 На молодость мою похожа ты.

Ты хороша, твоя головка молодая
 Полна античной, строгой красоты;
 Невинной прелестью твоей дышетъ тонкій облакъ:
 На молодость мою похожа ты.

Проя твой любви, я плачу предъ тобою;
 Но не смутить мнѣ дѣтской чистоты,
 И, равнодушная къ моимъ мольбамъ страстнымъ,
 Какъ молодость моя уходишь ты.

VI. Разбитая ваза.

Случайно вѣеромъ была задѣта ваза,
 Гдѣ вянуть сталъ теперь вербены лышый цвѣтъ;
 Въ ней ранка сдѣлалась, чуть видная для глаза,
 Ударъ хоть легокъ былъ, оставилъ вѣчный слѣдъ.
 И ранка все растетъ на матовомъ фарфорѣ,
 По каплѣ изъ нея уходитъ прочь вода;
 Вербена бѣдная должна увянуть вскорѣ:
 Лишь выйдетъ влага вся, цвѣтокъ погибъ тогда.
 Но поврежденія никто не замѣчаетъ,
 И ваза проживетъ еще не мало дней;
 А влага медленно какъ слезы вытекаетъ...
 Разбита ваза та, не прикасайтесь къ ней!
 И въ сердцѣ такъ иномъ таится рана злая,
 Слезами тихими все изощао оно;
 Въ немъ вянетъ какъ цвѣтокъ его любовь былая,
 И радость чистая изсякла въ немъ давно.
 Но сердце слезы тѣ умѣетъ скрыть отъ свѣта,
 Не выдаетъ оно страданья своего
 И гибнетъ медленно... Разбито сердце это,
 Разбито навсегда, не трогайте его!

VII. Сонъ.

Я умеръ и сошелъ подъ своды той гробницы
 Гдѣ предки всѣ мои въ холодной тьмѣ лежатъ,
 Вдали мелькаетъ свѣтъ... „Ужель то блескъ денницы?“
 Я слышу, мертвецы другъ другу говорятъ:
 — „Быть-можетъ, этотъ лучъ, пронзившій мракъ унылый,
 Намъ возвѣщаетъ сна могильнаго конецъ?“
 — „О нѣтъ, ошибаись вы, то сынъ идетъ мой милый,
 Чтобъ вмѣстѣ съ нами лечь“, промолвилъ мой отецъ.
 „Оставилъ я его ребенкомъ въ колыбели,
 Не знаю, молодъ онъ иль постарѣвъ уснулъ.
 Сынъ, волосы мои какъ смоль черны доселъ,
 А ты, дитя, уже быть-можетъ посѣдѣлъ?“
 — „Нѣтъ, дорогой отецъ, еще я очень молодъ,
 И длинный рядъ годовъ лежалъ передо мной;
 Въ могилу свелъ меня суровый жизни холодъ,
 Съ неправдою людскою не выдержалъ я бой.“
 — „Какъ мать живетъ твоя? Ахъ, часто надо мною
 Рыдаетъ здѣсь она, склонившись у креста,
 Я слышу плачь ея подъ крышкой гробовою,
 И слезы горькія кропать мои уста...
 Такъ нѣжно, пламенно она меня любила,
 Мы были счастливы, смерть разлучила насъ,
 Но скоро ужь опять соединить могла;
 Я знаю, недалеко желанный этотъ часъ.
 А что сестра твоя? Ей хорошо ль на свѣтѣ,
 Давно ли замужемъ, имѣетъ ли дѣтей?
 Красивы и умны ея навѣрно дѣти;
 Про маленькихъ звучать мнѣ разкажи скорѣй!“
 — „Одинъ лишь у тебя, отецъ, есть внучекъ...“ — „Что же
 Ты былъ ли самъ женатъ, скажи, мой милый, мнѣ?
 О комъ, кто былъ тебѣ на свѣтѣ всѣхъ дороже,
 Ты будешь тосковать въ подземной глубинѣ?“
 — „На свѣтѣ только мать одна меня любила;
 Мнѣ очень жальъ еще любимыхъ книгъ моихъ,
 Невѣсту я имѣлъ: она мнѣ измѣнила,
 Я гордо снесъ ударъ, не выдавъ мукъ своихъ...“
 — „Телерь отъ предковъ всѣхъ прими, дитя, лобзанье
 И мѣсто избери средь тѣсныхъ ихъ рядовъ;

Потомъ сомкну глаза и погрузись въ молчанье,
 Да будетъ тихъ твой сонъ межъ дѣдовскихъ гробовъ!
 О, не тоскуй, не плачь, къ своей привычки долѣ
 И мирно почивай до Божьяго суда...“
 — „Ахъ, страшно, мой отецъ, въ подземной жить неволя
 И больше не видать ужъ солнца никогда...“

VIII.

Кто милую свою въ могилу опускаетъ,
 Тотъ знаетъ что ее утратилъ навсегда;
 Цѣлуя блѣдный ликъ и сомкнутыя очи,
 Онъ вѣчно „прости“ проговоритъ тогда.
 Но я не пересталъ возлюбленную видѣть,
 Хоть умерла она тому ужъ много лѣтъ;
 Всегда передо мной прекрасный ликъ усопшей,
 Моимъ прощаньямъ съ ней конца доселѣ нѣтъ.
 Нѣтъ, милую забыть мнѣ вѣрно не удастся,
 Не такъ какъ слѣдуетъ она погребена,
 Знать очи мертвыя закрыть ей позабыли,
 Что съ моего лица не сводить ихъ она...

ВЪРА Н.

ЛИРА ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО

Весьма многіе считали и считаютъ святителя Московскаго Филарета человѣкомъ одного лишь холоднаго, хотя и великаго ума и разсудка, подавлявшимъ въ себѣ самолюбившія движенія чувства, а тѣмъ болѣе воображенія и фантазіи. Правда что съ самаго ранняго дѣтства Филаретъ поставленъ былъ въ условія которыя способствовали развитію въ немъ болѣе мыслительной, напряженноумственной дѣятельности нежели дѣятельности воображенія и фантазіи. Извѣстно что родитель Филарета (въ мѣрѣ Василія Дроздова) Михаилъ Θεодоровичъ, вскорѣ послѣ рожденія сына поставленный изъ діаконовъ во священника, долгое время потому терпѣлъ большой недостатокъ въ матеріальномъ обезпеченіи вслѣдствіе нерасположенія къ нему прихожанъ, желавшихъ чтобы не онъ, а другой нѣкто былъ священникомъ ихъ приходской церкви. И только послѣ многихъ лѣтъ честнаго, благоговѣйнаго, добродѣтельнаго служенія Михаила Θεодоровича въ санѣ священника прихожане оцѣнили и полюбили его, а съ тѣмъ вмѣстѣ улучшилось и матеріальное положеніе пастыря *. Но продолжительное время испытанія не осталось безъ послѣдствій для отрока

* Н. В. Сутковъ. *Записки о жизни и времени Филарета, митрополита Московскаго*. Стр. 30. Москва, 1868.

Василія. Оно воспитывало въ немъ сознание необходимости лишь усиленнымъ трудомъ пробивать себѣ дорогу, отлагая въ сторону всякія безплодныя мечты воображенія. Постановка школьнаго воспитанія того времени поддерживала въ сущности то же настроеніе духа въ воспитываемыхъ. Такъ и дѣйствительно протекали для Василія Дроздова годы школьнаго обученія его сперва въ Коломенской (1791—1799), а потомъ въ Троицкой Лаврской (1800—1803) семинаріяхъ. Не особенно завидна была и доля учителя семинаріи, на которую В. М. Дроздовъ назначенъ былъ прямо по окончаніи курса, 22 ноября 1803 года, и въ коей провелъ среди непрерывнаго труда самыя лучшіе, самыя поэтическия, можно сказать, годы своей жизни (1803—1808), будучи 21—26 лѣтъ. До поэзіи ли, въ самомъ дѣлѣ, было человѣку которому, по назначеніи въ учителя, положено было жалованья по 160 руб. (асс.) въ годъ? * Не даромъ этотъ учитель писалъ при семь родителю своему о себѣ: „вы видите новаго учителя зимою въ лѣтнемъ платьѣ. Представьте трудности новаго сего состоянія: постель, теплое платье и, если сѣдовать товарищамъ, для случаевъ чай съ принадлежностями—вотъ нужды“. ** До поэзіи ли было человѣку обремененному множествомъ занятій и мелкихъ хлопотъ по классамъ, учителемъ въ коихъ онъ состоялъ, при обстановкѣ далеко не поэтической? *** Духовно-учебная служба въ Петербургѣ, на которую поступилъ В. М. Дроздовъ съ 1809 года уже по постриженіи въ монашество съ именемъ Филарета, правда, болѣе обезличивала его со стороны матеріальной; но трудъ и умственное напряженіе при этомъ удвоились, если не утроились. Еще болѣе возрасли трудъ и умственное напряженіе Филарета съ того времени когда онъ, продолжая нести обязанности по духовно-учебной службѣ, хиротонисанъ былъ во епископа, бывъ сперва викарнымъ при Новгородской митрополіи (1817—1819), а потомъ и самостоятельнымъ іерархомъ въ епархіяхъ: Тверской (1819—1820), Ярославской (1820—1821) и наконецъ Московской

* 150рублевый окладъ жалованья, указываемый въ *Письмахъ Филарета къ роднымъ* (стр. 45, Москва, 1882), былъ опредѣленъ по штату семинарскимъ правленіемъ В. М. Дроздову; а митрополитъ Платонъ своею резолюціей назначилъ ему 160 рублей въ годъ. См. № 52 дѣлъ архива Троицкой Лавры Семинаріи за 1803 годъ.

** *Письма Филарета къ роднымъ*, стр. 44—45.

*** Срав. тѣ же письма, стр. 45 - 46, 48, 56—57, 65 и др.

(1821—1867). До поэзіи ли, до лирическихъ ли изліяній было за все это время Филарету, кромѣ елархіальныхъ и учебно-административныхъ заботъ отягченному, еще заботами по рѣшенію и устройству дѣлъ обще-церковныхъ, государственныхъ и пр.?

И однако что же? Несмотря на все это мы имѣемъ разнородныя и несомнѣныя данныя, свидѣтельствующія не только о томъ что Филаретъ былъ не чуждъ поэзіи, интересовался ею, зорко слѣдилъ за поэтическими произведеніями своего времени вообще и лирическими въ частности, а заслуживавшее въ нихъ особеннаго вниманія усвоивалъ даже на память, но и о томъ что его самого по временамъ ослѣняло истинно-поэтическое вдохновеніе, и не только въ годы юности, но и глубокой старости. Данныя эти заключаются въ письмахъ, резолюціяхъ, донесеніяхъ, дошедшихъ до насъ стихотвореніяхъ Филарета и пр. и пр. А все это показываетъ что въ складѣ духовной природы святителя, въ его жизни, дѣятельности, отношеніяхъ были и другія условія которыя способствовали развитію въ немъ поэтическаго дара. Исторически раскрыть эти условія, опираясь на помянутыя данныя, обрисовать самый характеръ лиры Филарета въ связи съ этими условіями и есть задача нашего изслѣдованія. А неполнота, иногда даже невѣрности доселѣ сдѣланныхъ въ нашей литературѣ сообщеній объ этомъ * и прямо побуждаютъ насъ предложить читателямъ *Русскаго Вѣстника* свои скромныя изслѣдованія по интересующему насъ, но думаемъ и для другихъ не безынтересному предмету.

Всматриваясь въ характеръ лирической поэзіи Филарета, мы видимъ три неравномѣрные періода внутренняго развитія ея, стоящіе въ тѣснѣйшей связи съ общимъ его образованіемъ, а именно: 1) періодъ семейнаго воспитанія въ Коломнѣ, продолжавшійся до 1800 года, то-есть до 17лѣтняго

* Боле подробное, хотя и не совсѣмъ полное и не во всемъ вѣрное сообщеніе сдѣлано въ *Христіанскомъ Чтеніи* за 1877 годъ, №№ 9—10 и 11—12, г. Рамушевскимъ, съ дополненіемъ со стороны редакціи и въ вышепомянутомъ сочиненіи Н. В. Сушкова (стр. 125—130). См. также краткія сообщенія въ *Душеполезномъ Чтеніи* за 1867 годъ, ч. III, стр. 34—35, 1868 годъ, ч. I, стр. 42; въ *Духовной Блгудѣ* за 1868, ч. I, стр. 22—24; въ *Православномъ Обзорніи* за 1877, № 7 (изъ *Тульскихъ Епарх. Вѣдом.*) и др.

возраста; 2) періодъ воспитанія въ школахъ митрополита Платона, въ Троицкой Лаврской семинаріи, съ марта 1800 и до конца 1808 года и 3) періодъ самовоспитанія Филарета въ чинѣ ангельскомъ, въ монашествѣ, съ послѣдней половины ноября 1808 года и до блаженной кончины въ 1867 году. По этимъ тремъ періодамъ, весьма характернымъ для лиры Филарета, мы и будемъ располагать наше изслѣдованіе.

I.

Несмотря на ограниченность матеріальныхъ средствъ родной семьи будущаго святителя, въ ней далеко не было недостатка въ стихіяхъ условиявавшихъ развитіе и чисто поэтическаго чувства. Родительская любовь, согрѣвавшая это чувство, окружала отрока Василія съ самой колыбели, не иссякнувъ и до кончины его родителей, послѣдовавшей тогда когда онъ самъ былъ уже воспитанъ ими въ мужа совершеннаго. Глубокая набожность, религіозность, составлявшая отличительную черту характера его родителей, питала и въ его впечатлительной душѣ тѣ же самыя чувства; а эти чувства, какъ извѣстно, всегда были неиссякаемымъ источникомъ поэтическаго вдохновенія и лирическихъ изліяній при созерцаніи дѣлъ Божіихъ въ природѣ и человѣкѣ. Поступленіе отрока съ 1791 года, на девятомъ году возраста, въ семинарію не измѣняло въ сущности этихъ условій, такъ какъ самая семинарія была на его родинѣ въ Коломенѣ и онъ былъ однимъ изъ приходящихъ учениковъ. Мало того, ученіе въ семинаріи даже способствовало развитію въ немъ поэтическаго дара: представляло ему образцы поэтическихъ произведеній, наставляло и утверждало его въ технику лиры и т. д. Общее образованіе было однимъ изъ необходимыхъ условій правильности развитія его поэческаго дара. Въ 1799 году Коломенская семинарія была упразднена; Дроздовъ же рекомендованъ былъ при выпускѣ какъ ученикъ „дарованій, прилежанія и услѣховъ похвальныхъ“. * Намъ неизвѣстно ничего изъ опытовъ лирической поэзіи Дроздова за этотъ періодъ его воспитанія.

* См. справку при дѣлахъ архива Троицкой Лаврской семинаріи за 1808 годъ, № 50.

Но мы имѣемъ свидѣтельство изъ времени, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшаго, прямо относящееся къ этому періоду. Разумѣемъ письмо Дроздова къ родителю, писанное въ послѣдней половинѣ октября 1804 года изъ Троицкой Лаврской семинаріи. Въ этомъ письмѣ своемъ В. М. Дроздовъ между прочимъ пишетъ: „честь имѣю поздравить съ приближающимся днемъ вашего ангела, * хотя и надѣюсь еще вперёдъ писать о семь:

Я и не во-время кричу
 Что многогѣства вамъ хочу:
 Что въ сердцѣ вѣчно обитаетъ,
 Законовъ времени не знаетъ.

Затѣмъ Дроздовъ къ сему тотчасъ же добавляетъ: „когда въ 8 слѣдующаго мѣсяца будутъ у васъ наши родственники прочтите имъ общій отъ меня визитъ (sic):

Любезнѣйшимъ роднымъ,
 И малымъ и большимъ,
 Всѣхъ благъ прямыхъ желаю;
 И также посылаю
 Кому *агу!* кому *визиты!*
 Пусть сами межъ собой дѣлаютъ“. **

Каждый годъ Дроздовъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ привѣтствовать родителей своихъ со днемъ ихъ ангела, но ни разу еще не выражалъ этого привѣта въ стихотворной формѣ кромѣ настоящаго 1804 года. Удалившись изъ родной Коломны въ Троицкую семинарію для продолженія образованія, Дроздовъ естественно чувствовалъ какъ много терялъ онъ съ этимъ удаленіемъ отъ роднаго очага. И тѣмъ сильнѣе должны были у него выходить наружу тѣ чувстваванія которыми полно было сердце его во времена пребыванія въ родной семьѣ, теперь отъ него удаленной.

Такъ уже въ 1800 году отъ 8 ноября Дроздовъ пишетъ своему родителю: „Чувствія которыя изліются изъ души моей можетъ-быть остались бы въ ней когда бы я сообразовался только съ обычаями свѣта. Они велятъ намъ предъ

* День ангела Михаила Ѳеодоровича, родителя Дроздова, 8 ноября.

** Письма Филарета къ роднымъ, стр. 58—59. Трудно было бы въ этихъ первыхъ опытахъ провидѣть будущаго автора замѣчательныхъ лирическихъ произведеній, но тѣмъ интереснѣе они для насъ.

тѣми къ которымъ привержены мы открывать усердіе въ день ихъ ангела. Но я хочу исполнить сіе пропустивъ уже пристойное время; потому что слѣдую въ семь случаевъ одному собственному сердцу. Итакъ, хотя я смѣю надѣяться что вы увѣрены о моей къ вамъ сыновней любви, однако не могу не сказать что я, поздравляя васъ съ прошедшимъ днемъ вашего ангела, желаю вамъ увидѣть его многократно, и притомъ озаряемый солнцемъ веселія, какъ на васъ, такъ и на ближайшихъ къ вамъ лучи простирающаго. Съ симъ всегдашнимъ желаніемъ всегда есмь* и яр. Въ тотъ же (1800) годъ и въ то же время Дроздовъ приготовилъ уже греческое четверостіхіе въ честь Паатона, митрополита Московскаго, которое мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ.

А вотъ привѣтъ Дроздова матери ко дню ея ангела, 1 марта**, въ 1802 году: „Завтра начало весны—и начало жизни вашей. Дай Богъ чтобы жизнь ваша цвѣла радостями весны и наконецъ премѣнилась въ весну вѣчную!“*** А вотъ какъ за тотъ же 1802 годъ нашъ поэтъ выражаетъ свои чувства предъ родителемъ съ приближеніемъ дня его ангела: „Вы начинаете новый годъ; а я еще не знаю какъ оканчиваете предыдущій. Однако я не останавливаюсь на семъ; но съ моими желаніями, съ моими надеждами предупреждаю время, и воображаю васъ еще многократно встрѣчающихъ новый годъ свой въ спокойствіи. Сія мысль усаждаетъ меня и составляетъ мою радость. Желанія, надежды! еслибы вы имѣли право требовать у судьбы своего удовлетворенія! Такъ! Благій Промыслъ исполнить чистыя желанія и надежды чувствительнаго сердца, рожденнаго любовію, благодарностью, почтеніемъ. Простите симъ восклицаніямъ, которыя излились изъ полнаго сердца вашего покорнѣйшаго сына †.“

II

Въ мартѣ 1800 года ученикъ философіи Василій Дроздовъ изъ Коломенской семинаріи перешелъ въ Троицкую Лаврскую, находившуюся подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ и покров-

* Письма Филарета къ роднымъ, стр. 8.

** Мать Дроздова звали Евдокіей Никитиной.

*** Письма Филарета къ роднымъ, стр. 16.

† Тамъ же, стр. 28—29.

вительствомъ митрополита Платона, котораго не даромъ величали Фебомъ-Аполлономъ и „отцемъ“ *. Вскорѣ послѣ поступленія сюда Дроздовъ, какъ даровитый и прилежный ученикъ, былъ замѣченъ и отличенъ Платономъ, такъ какъ въ концѣ того же 1800 года Дроздовъ воспѣлъ Платона четверостишемъ, о которомъ мы упоминали выше. Далѣе, той же извѣстности способствовали учительскія рекомендаціи по разнымъ предметамъ, каковы за 1801 годъ: „прекрасно успѣваетъ“; „преимущественно успѣваетъ“, „отлично остръ, прилеженъ и успѣшенъ“ и т. д., а равно и хорошія рекомендаціи инспекторскаго персонала касательно поведенія его **. Въ началѣ 1802 года въ Москвѣ Дроздовъ былъ даже представленъ митрополиту Платону, „принятъ хорошо и получилъ латинскую рѣчь, говоренную по коронаціи его величеству“ ***. Въ томъ же году Дроздовъ по переходѣ въ богословскій классъ былъ назначенъ „старшимъ“ надъ семинарскою больницей, а такъ какъ митрополитъ Платонъ часто посѣщалъ больницу, то часто видѣлъ здѣсь и Дроздова, удостоивалъ его милостиваго вниманія своего и бесѣдовалъ съ нимъ †. Не удивительно что по окончаніи курса въ 1803 году В. М. Дроздовъ предпочтительно предъ другимъ своимъ товарищемъ, представленнымъ вмѣстѣ съ нимъ въ кандидаты на должность учителя греческаго и еврейскаго языковъ, былъ опредѣленъ на эту должность резолюціей митрополита Платона; †* видно, Платонъ зналъ кого опредѣлялъ въ учителя. Послѣ опредѣленія на учительскую должность еще менѣе могъ затеряться В. М. Дроздовъ для митрополита Платона. Какъ далеко не зауряднаго и по дарованіямъ, и по усердію въ исполненіи учительскихъ обязанностей, и по высоко-нравственной жизни, митрополитъ Платонъ отличалъ Дроздова особеннымъ своимъ

* См. сборники гратуляцій Платону отъ Троицкой Лаврской семинаріи, равно какъ и отъ другихъ духовно-учебныхъ заведеній Московской епархіи.

** См. списки учениковъ въ дѣлахъ архива Троицкой Лаврской семинаріи 1801.

*** Письма Филарета къ роднымъ, стр. 15. Рѣчь митрополита Платона по коронаціи императора Александра I была переведена между другими языками и на латинскій.

† См. письма Филарета къ роднымъ, стр. 18, 21, 30.

†* См. № 52 дѣлъ архива Троицкой Лаврской семинаріи за 1803 годъ.

вниманіемъ*; а когда въ началѣ 1806 года Дроздовъ, по долгу учительства, произнесъ свою первую замѣчательную проповѣдь, то Платонъ еще болѣе привикъ къ нему своимъ отеческимъ вниманіемъ и тутъ же рѣшилъ склонить его къ принятію сана монашескаго, дабы приготовить въ немъ себѣ преемника по проповѣдничеству и архипастырству**. 1806—1808 годы протекли для В. М. Дроздова въ Лаврѣ среди самаго вѣжнаго отеческаго вниманія къ нему со стороны митрополита***. Платонъ видѣлъ въ В. М. Дроздовѣ любимаго сына, опоры своей старости †; В. М. Дроздовъ видѣлъ въ Платонѣ отца, благодѣтеля и наставника †*. Какъ бы въ соответствии отношеніямъ Платона къ В. М. Дроздову, семейный же характеръ имѣли отношенія къ нему и другихъ лицъ изъ состава Троицкой семинаріи. Намъ несомнѣнно извѣстны искренне добрыя, братскія отношенія къ нашему повту Евграфа Музалевскаго-Платонова, сперва (до 1802 года) префекта и (до 1804 года) іеромонаха, а потомъ ректора и архимандрита, также Сергія Крылова-Платонова, учителя и затѣмъ (до 1804 года) префекта семинаріи, и нѣкоторыхъ другихъ изъ личнаго состава семинаріи. Только подъ конецъ пребыванія его въ семинаріи, когда особенное вниманіе митрополита Платона къ нему было уже слишкомъ для всѣхъ замѣтно, начала проглядывать въ нѣкоторыхъ зависть къ Дроздову †**. Но и при этомъ уже рѣшившій вмѣстѣ съ принятіемъ монашества утвердиться и въ исполненіи обѣта смиренія В. М. Дроздовъ чувствовалъ себя спокойнымъ подъ *кроткою тѣнію* †*** отеческой любви митрополита Платона. Такимъ образомъ и чрезъ это семейный характеръ отношеній, въ которыхъ жилъ В. М. Дроздовъ за 1800—1808 годы, не нарушался въ своей сущности. И если любовь и дружба, узы товарищества и другія подобныя отношенія играютъ вообще весьма

* См. *Письма Филарета къ роднымъ* стр. 49, 56 и др.

** Подробнѣе объ этомъ см. статьи наши въ журналѣ *Вѣра и Разумъ* за 1884 годъ, №№ 3 и 4.

*** См. тамъ же, особенно № 4.

† См. тамъ же, сравн. также отношеніе митрополита Платона въ Св. Синодѣ у И. А. Чистовича въ исторіи С.-Петербур. Дух. Академіи стр. 183 примѣч. Спб. 1857.

†* См. *Письма Филарета къ роднымъ* стр. 79, 87, 106, 107 и др.

†** Сравн. тамъ же, стр. 56, 60, 129 и др.

†*** Тамъ же стр. 100.

важную роль въ раскрытіи поэтическихъ талантовъ, если эти отношенія, подобно отношеніямъ въ родной семьѣ, отзываются въ душѣ поэта тѣми или другими лирическими изліяніями, то пребываніе Дроздова въ Троицкой семинаріи обставлено было съ этой стороны благопріятнѣйшими условіями. Но, разумѣется, насколько для другихъ поэтовъ пребываніе въ воспитательной средѣ между школьниками товарищами нерѣдко имѣетъ послѣдствія далеко неблагопріятныя для святости ихъ чувствованій и лирическихъ изліяній, настолько же пребываніе В. М. Дроздова въ Троицкой семинаріи, при тѣхъ условіяхъ которыя охарактеризованы выше, могло быть благотворно для его лиры. Если другіе поэты нерѣдко отдавали дань своему пребыванію въ школахъ лѣсными въ честь Бахуса, Венеры (Пушкинъ, Языковъ), то не такого характера могла быть лира В. М. Дроздова подъ впечатлѣніями пребыванія его въ Троицкой Лаврской семинаріи. И такъ какъ главнымъ лицомъ, связующимъ всѣ семейныя отношенія въ семинаріи Лаврской, былъ, конечно, митрополитъ Платонъ, то къ нему преимущественно и обращаемы были звуки лиры какъ воспитателей такъ и воспитанниковъ семинаріи имѣвшихъ хотя въ какой-либо мѣрѣ поэтическій даръ. Каждый годъ къ 18 ноября, то-есть ко дню тезоименитства Платона, а иногда и къ другимъ праздничнымъ днямъ года, въ семинаріи Троицкой какъ и въ другихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Московской епархіи, готовились такъ-называемыя гратуляціи, то-есть стихи или прозой писанныя привѣтствія митрополиту, которыя обыкновенно соединяемы были въ особый, роскошно переплетаемый сборникъ и подносины были ему въ самый день его тезоименитства. Мало этого, 18 ноября въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ было даже какъ бы средоточіемъ умственного напряженія за цѣлый годъ. „Вся премудрость,—писалъ въ 1827 году иронически самъ Филаретъ о характерѣ обученія въ Троицкой Лаврской семинаріи,—состояла въ томъ чтобы написать стихи къ 18 ноября“.* Благодаря этому главнымъ образомъ и составлялись упомянутые сборники. Правда, въ этихъ сборникахъ много бывало стихотвореній состав-

* *Чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв.* за 1871 годъ. Письмо Филарета къ Гавріилу архіеп. Тверскому, стр. 48.

ленныхъ съ великою, какъ замѣтно, натугой, тяжелыхъ по формѣ, не всегда естественныхъ со стороны содержанія или логическаго настроенія; но относительно раскрытiя логическихъ талантовъ въ Троицкой семинаріи были условія наилучшія. Самъ Платонъ любилъ поэзію, всячески способствовалъ ея развитію и процвѣтанію въ подвѣдомыхъ ему учебныхъ заведеніяхъ и поощрялъ проявлявшіяся логическія дарованія среди учащихся или учащихся въ нихъ. Онъ озабочивался и пріисканіемъ лучшихъ „преподавателей поэзіи“, ибо въ тѣ времена еще полагали возможнымъ преподавать ее. Такъ именно въ Троицкой семинаріи, благодаря его заботливости, преподаваніе поэзіи велось извѣстнымъ авторомъ *Правилъ пѣмическихкихъ о стихотвореніи россійскомъ и латинскомъ* (Изд. 3е. М. 1785), повмы: *Гесбай* и др., Аллоломъ Байбаковымъ, скончавшимся въ санѣ епископа Архангельскаго (1801), который въ свое время имѣлъ весьма близкое отношеніе, по учено-литературной дѣятельности своей, не только къ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, но и къ Московскому Университету. Его *Правила пѣмическія* вмѣстѣ съ *Риторикой* Ломоносова были учебникомъ по классу поэзіи въ Троицкой семинаріи; его методы держались и преемники его по преподаванію въ ней того же предмета. Изъ этихъ преемниковъ мы должны въ особенности упомянуть знакомаго уже намъ Евграфа Музалевскаго-Платонова, который былъ самъ далеко не чуждъ логическаго дара, и предшественника В. М. Дроздова въ должности учителя поэзіи, старшаго товарища его по учительской службѣ, Кирилла Руднева.

Въ сборникахъ гратуляцій Платону отъ Троицкой семинаріи одно изъ значительныхъ мѣстъ занимали стихи на греческомъ языкѣ. Поступивъ въ эту послѣднюю семинарію безъ знанія греческаго языка, Дроздовъ прежде всего долженъ былъ заняться имъ подъ руководствомъ учителя Стефана Залольскаго-Платонова (въ послѣдствіи Самуила, епископа Костромскаго). Изученіе шло такъ быстро и успѣшно что уже къ концу перваго года въ семинаріи, то-есть 1800 года, мы видимъ помѣщеннымъ въ *Сборникъ* гратуляцій отъ Троицкой семинаріи Платону за этотъ годъ греческое четверостишіе въ честь Платона, подписанное: ἐποίησεν ὁ τῆς φιλοσοφ. φλομ. Βασίλειος Δροσδῶβ.

Вотъ это четверостишіе:

Ἦρωας μεγάλους μελέεσσι ἀείδε, Ὀμηρε,
 Αὐτάρ μὴδ' ἄδειν Πλάτωνος ἔργα πόθει.
 Ποιητῶν ἔστι μερόπων τὰ γάρ ὄντα ἀΐζειν,
 Πῶς δὲ ἀεῖῃσαι τ' ἔργα Πατρὸς δύνασαι; *

Это четверостишіе въ позднѣйшее время самъ Филаретъ довольно удачно переложилъ по-русски, въ виду желанія близкаго знакомаго своего Н. В. Сушкова, въ такой формѣ:

„Пой въ пѣсняхъ великихъ героевъ Омуръ!
 „Дѣла же Платона ты лѣтъ не дерзай; **
 „Поэты *** наклоны и правду превыситъ —
 „А какъ превозвыситъ † дѣянья отца? †“

Это четверостишіе, въ самомъ существованіи коего сомнѣвался авторъ послѣдняго по времени изслѣдованія о стихотвореніяхъ Филарета, г. Рамушевскій †** есть самое раннее по времени происхожденія стихотвореніе Дроздова. Въ греческомъ текстѣ его, правда, не достаесть полной правильности со стороны формы стихотворной, какъ это ясно для знающихъ законы греческаго стихосложенія: первый стихъ представляетъ собою совершенно правильный, сплошными дактилями написанный гекзаметръ, стихъ третій, состоящій изъ спондеевъ и дактилей, представляетъ собою также правильный гекзаметръ, между тѣмъ какъ стихи второй и четвертый не совсѣмъ правильные пентаметры. Но чего же требовать отъ только что начинающаго ученика, когда и самъ учитель его, упомянутый Стефанъ Платоновъ, также и въ томъ же *Сборникѣ* представилъ далеко не безукоризненный со стороны формы образецъ греческаго стихотворенія? Впрочемъ, мы отнюдь не думаемъ чтобы поэтому именно ни то ни другое стихотвореніе не было одобрено Платономъ къ печати †***. Учителя также

* *Рукоп. Москов. Дух. Акад.* № 136 л. 14.

** Съ подлинника было бы точнѣе: „не желай“.

*** Въ подлинникѣ еще къ сему эпитетъ: „смертные“.

† Подлинникъ продолжаетъ обращеніе къ Омису:

†* Сушковъ. *Записки о жизни и времени Филарета*, стр. 125.

†** Хр. Чт. 1877 №№ 9—10, стр. 489.

†*** Изъ всѣхъ греческихъ стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній за 1800 годъ одобрено Платономъ къ печати только одно подъ заглавіемъ: Ἄβτοσ.

нельзя винить какъ и ученика. Если даже въ русскихъ стихотвореніяхъ того времени, притомъ печатныхъ, мы встрѣчаемъ много ошибокъ противъ стихотворной техники, то чего же требовать отъ авторовъ которые учились греческому языку, какъ говорится, на мѣдныхъ деньги? Хорошо и то что учились, а не оставляли этотъ языкъ въ забвеніи, какъ то дѣлалось въ большинствѣ учебныхъ заведеній того и послѣдующаго времени. А между тѣмъ, оставляя въ сторонѣ форму четверостишія Дроздова и обращаясь къ содержанію его, мы не можемъ не указать на это беззавѣтное сыновнее чувство автора къ Платону, сразу охватывавшее всякаго вступившаго въ кругъ ближайшихъ къ нему отношеній, эту глубину чувства и мысли въ столь немногихъ словахъ выражающуюся особенно въ томъ что поэтъ вѣмѣетъ предъ величіемъ дѣла Платона-отца и сразу обрываетъ свою рѣчь; все это въ 18лѣтнемъ юношѣ, какимъ былъ въ 1800 году Дроздовъ, показываетъ что онъ былъ далеко не чуждъ поэтическаго дара. И послѣ этого перваго опыта, несмотря на то что онъ не удостоенъ былъ напечатанія, несмотря на то что Дроздовъ былъ въ тѣхъ классахъ гдѣ поэзія уже не „преподавалась“, онъ не оставлялъ заниматься поэзіей вообще и греческимъ стихосложеніемъ въ частности. Въ январѣ 1802 года, когда Дроздовъ былъ въ богословскомъ классѣ, ему поручено было написать поздравленіе (вѣроятно также стихами) новому ректору семинаріи, вышеупомянутому Евграфу. Это поздравленіе до насъ не дошло. Но не его ли имѣетъ въ виду Дроздовъ, когда въ письмѣ къ родителю отъ 4 мая сего 1802 года дѣлаетъ такую приписку: „посылаю Барда. Послушайте его грому, какъ онъ ладитъ лыжами одними?“ Такой провнической отзывъ Дроздова о произведеніяхъ своего пера весьма не рѣдокъ. Затѣмъ въ концѣ того же года Дроздовъ писалъ къ празднику Рождества Христова „греческое“, а къ Новому Году русское „поздравленіе“ митрополиту Платону. Къ сожалѣнію, ни то ни другое до насъ также не дошло. Вообще же занятія Дроздова поэзіей въ Троицкой семинаріи были такъ усильны, при усидчивомъ впрочемъ занятіи и другими учебными предметами, что въ 1803 году, при окончаніи имъ семинарскаго курса, ректоръ Евграфъ, рекомендовалъ его вмѣстѣ съ другимъ его товарищемъ, Матвѣемъ Знаменскимъ, такъ: „tum diligentia,

tum ingenii acie, tum in aliis litterarum studiis, tum *in posse maxime* facile primi sunt omnium“.*

Дальнѣйшія занятія Дроздова по преподаванію греческаго и еврейскаго языковъ (1803—1806) усиливали любовь его къ поэзіи. По еврейскому языку онъ, кромѣ грамматическихъ занятій съ учениками, переводилъ и разбиралъ съ ними преимущественно Псалтирь, согласно особой резолюціи митрополита Платона.** А кто не знаетъ какъ много поэтическаго содержитъ въ себѣ и вызываетъ въ душѣ читающаго Псалтирь? По греческому языку В. М. Дроздовъ, между другими писателями греческими, съ особенною любовію останавливался на изученіи твореній Св. Григорія Богослова. „Творенія Св. Григорія Богослова, говоритъ близко знавшій Филарета ректоръ Московской Духовной Академіи протоіерей А. В. Горскій, — съ такою любовію были имъ изучаемы что нѣкоторыя стихотворенія Григорія на греческомъ языкѣ сохранились у него въ свѣжей памяти до позднихъ лѣтъ жизни.*** Припомнимъ что и вышеприведенные привѣтственные стихи В. М. Дроздова родителю и роднымъ относятся именно къ періоду его учительства по предмету греческаго и еврейскаго языковъ. При этомъ ему нѣрѣдко, а къ 18 ноября каждаго года и непременно, приходилось также и рецензовать греческія и еврейскія гратуляціи, входившія вмѣстѣ съ русскими, латинскими и другими въ составъ вышеупомянутыхъ сборниковъ. Когда же съ августа 1806 года В. М. Дроздовъ назначенъ былъ на мѣсто Кирилла Руднева учителемъ поэзіи, а затѣмъ съ начала 1808 года вмѣстѣ съ тѣмъ и учителемъ высшаго краснорѣчія и риторики, то долженъ былъ теперь не только самъ глубже изучать и преподавать ученикамъ лингвистическія правила, руководить ихъ въ составленіи разнаго рода стихотвореній, но и служить имъ

* № 31 дѣлъ архива Троицкой Лаврской семинаріи за 1803 годъ.

** См. донесеніе В. М. Дроздова по своему предмету въ правленіе за мѣсяцы апрѣль и май 1806 года въ дѣлахъ архива Троицкой Лаврской семинаріи за этотъ годъ, №№ 138 и 156. Срав. С. К. Смирнова *Ист. Троицк. Лавр. сел.*, стр. 346. М. 1867.

*** Изъ слова А. В. Горскаго сказаннаго по кончинѣ Филарета митрополита Московскаго и напечатаннаго въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* за 1867 годъ, № 270. Срав. донесеніе В. М. Дроздова въ правленіе за май мѣсяцы 1805 года, № 138, дѣлъ архива Троицко-Лавр. семинаріи.

примѣромъ, подобно предшественникамъ своимъ. Свидѣтельствомъ перваго рода дѣятельности В. М. Дроздова служатъ его ежемѣсячныя донесенія въ правленіе, изъ которыхъ видно какъ разнообразны были его занятія классныя.* Плодомъ того же рода дѣятельности являются стихотворенія помѣщенные въ сборникъ гратуляцій Платону отъ Троицкой семинаріи за 1806 годъ,** изъ коихъ особенное вниманіе обращаетъ на себя стихотвореніе латинское: *Jenectus* ученика риторики Ивана Платонова. Плодомъ же втораго рода дѣятельности является собственное стихотвореніе Дроздова, помѣщенное въ концѣ сборника гратуляцій Платону отъ той же семинаріи за 1807 годъ. Это стихотвореніе озаглавлено: „Старость“. Вотъ текстъ его:

1. Ты, кой свѣта власть вручаетъ
Еще не развращенный Римъ,
Котору Спарта обожаетъ,
5. Спасительныхъ совѣтовъ мать,
Сестра премудрости священной,
О старость! О тебѣ вѣщать
Дерзаетъ отрокъ вдохновенный,
Простри мою настройте лиру
10. Седмидесятилѣтню дадь:
Не славы аичному кумиру
Я принести готовую дадь,
Не чувства нѣжить страстью томной,
Не воспалить продажный жаръ.
15. Что нужды колы сердечный даръ
Рукою привесу холодной?
Пускай неопытные персты
Въ златыя струны робко бьютъ,
Уста безмолвствуютъ отверсты,
20. Иль гласъ прерывистый дають,
Каковъ твой иногда бываетъ.
О, если тѣнь хотя твою
Найдутъ внимающа пѣсь мою,
Меня Шеридъ хоръ вѣнчаетъ.
25. Въ тѣ дни какъ только распурааса

* Къ сожалѣнію, изъ числа этихъ донесеній въ архивѣ Троицкой Лаврской семинаріи осталось слишкомъ мало чтобы по нимъ судить вполнѣ вѣрно объ общемъ характерѣ преподаванія Дроздова по предмету поэзіи.

** Рукопись Моск. Дух. Акад. № 136.

- Родъ смертныхъ по лицу земли,
Трудъ съ воздержаньемъ сочетается
И старость въ свѣтъ произведи.
Дщерь вѣрна родшихъ не оставишь,
30. До вымѣ слѣдомъ ихъ идти.
Гдѣ нѣга съ роскошью живетъ,
Ноги тамъ старость не поставишь.
Когда вы зрѣть ее хотите,
Въ чертогъ кадменной суеты,
35. Ни въ градъ стовратный не ходите:
Ея тамъ рѣдки красоты,
Или—увы! ихъ сокрываютъ
Безмолвныя сѣни мудрецовъ.
Поля пль мирный сельскій кровъ
40. Жилищемъ чаще ей бывають.
Она не любитъ сердца чувства
Уборомъ мертвымъ подавлять,
Ни у коварнаго искусства
Пустаго блеска занимать.
45. Ей украшеніе—природа,
Ея искусство—въ простотѣ,
Великолѣпіе—въ умѣ.
Пріятность въ ней—души доброта.
Пусть блещутъ радуги прелестны
50. Вокругъ тщеславія: что въ томъ
Коль дождь предвозвѣщаютъ слезный
И гордый на несчастныхъ громъ?
Хотя лучами золотыми
Оно взоръ черни ослабитъ:
55. Что есая грудь отъ звѣздъ горитъ,
А мрачна ночь въ душѣ подъ нами?
Не правъ, кто счастья личину,
Какъ истуканъ—язычникъ, чтить;
Душѣ великой, а не чину,
60. Величіе принадлежитъ.
Нищъ кто молву богатствомъ числитъ;
Блаженство есть—благотворить;
А слава—славу позабыть.
Такъ старость опытная мыслить.
65. Такъ мыслить, такъ и поступаетъ.
Водима истиной самой,
Языкъ гдѣ хитрый лести слетаеъ,
Она износитъ судъ прямой;
И предъ очами цѣла міра,

70. Вѣковъ ко изумленью всѣхъ,
 Амвросіи обличаетъ грѣхъ,
 Не вида что на немъ порфира!
 Кто старцу право далъ высоко
 Такъ мало свѣтомъ уважать?
75. Не Тотъ ли, чье и земаю око,
 И время мѣритъ яко лядь?
 Чья десница печатаетъ
 Лѣтъ многихъ на челѣ слѣды,
 И—образъ сердца чистоты—
80. Свѣтъ на главѣ сребристый свѣтъ?
 Не Царь ли вѣчности безмѣрной
 Согбенну старость положилъ
 Вѣнцомъ, хвалою жизни бремною,
 Предъ нею крѣпость преклонилъ
85. И, чтобъ кичливый не отрекся
 Ей славу дать, поверхъ небесъ
 Земное имя превознесъ,
 И *встайи дельми* Самъ нарекса?
 О легкомысленная младость!
90. И ты ей смѣешь пререкать?
 И находить безумну радость
 Природѣ ею упрекать?
 Ты совершенству вѣка зрѣла
 Предпочитаешь тѣмный цвѣтъ...
95. Внемши! Я юнь—и дамъ отвѣтъ:
 А старость бы тебя презрѣла.
 Ты слабость чувствъ въ ней презираешь:
 Но ухо-ль, око-ль—человѣкъ?
 Гдѣ съ чувствомъ свѣжимъ ты блуждаешь:
100. Прямой путь видить старый вѣкъ,—
 Взоръ удрученный внутрь прозаетъ.
 Мечтою острой ослабляемъ,
 Слухъ тонкій—лѣтне сиренъ,
 Слухъ тяжкій—голосъ сердца знаетъ.
105. Ты мнѣшь: „во дняхъ преклонныхъ жара
 И пылкости недостаетъ“.
 Тѣмъ далъ ужасы пожара
 Когда огню гдѣ пища нѣтъ.
 Колькратю юность распламенну
110. Огнь страсти въ пепелъ обращалъ!
 Кто хладенъ, льдянь разсудкомъ,
 Тотъ угасилъ свою геенну.
 И все-ль однако простываетъ
 Въ тѣхъ въ концѣ простываетъ кровь?

115. О какъ средь сей зимы пылаеть
 Горѣ возженная любви!
 Коснись кто только мыслью наглою
 Сихъ хладныхъ къ суетѣ людей
 И вѣчныхъ, милыхъ имъ, вещей:
120. Изъ льдовъ изыдетъ пламень ярый.
 „Но немощи?“—Мечта лустая.
 Скажите, кто мощнѣй изъ двухъ:
 Тотъ кто, тяжело обращая
 Оковы такъ, какъ легкой пухъ,
125. Играеть, всюду носить смѣло,
 Иль кто, уже претерпи ихъ,
 Заклеповъ слабость зреть своихъ?
 Нашъ духъ есть узникъ, узы—тѣло.
 Гордись, рабъ буй, что темница,
130. Въ которой ты живешь, крѣпка:
 Тѣмъ болѣе душа—царица—
 Отъ края плѣна далека.
 Но ветхость храмины тѣлесной—
 Къ свободѣ близкая стезя;
135. И разрушенья видъ ея
 Есть торжество души небесной.
 — „И близость смерти не ужасна?“
 Иль мѣтъ, или—равно всегда!
 Тубительна коса опасна
140. Для травки, цвѣта и плода.
 Дрожи предъ грозною судьбиной
 Тотъ, кто жаелетъ только жить;
 Тому не время робкимъ быть,
 Кто жилъ и умеръ половиной.
145. Къ землѣ ужъ поздно приклоняться
 Тому кто смотритъ въ небеса:
 Но рано и отчаяваться
 Еще открытъ на свѣтъ глаза,
 Хотя бы дневное свѣтло,
150. Свершивъ надъ чьею головой
 Стократно кругъ свой годовой,
 Теперь въ послѣдній заходило.
 Другимъ есть возрастамъ границы,—
 Они не преступаютъ ихъ:
155. А область возрастовъ царицы
 Не заключается въ однихъ,
 Въ порядкѣ жизни постоянство,
 Любовь и къ людямъ и людей
 И важныя мольбы дѣтей

160. Трикратно умножать ихъ пространство.
 Повѣдать ли еще упреки
 „Въ спокойствіи старости отъ дѣвъ?“—
 Неблагодарныи челоуѣки!
 Кто не наказанно радѣлъ
165. Когда-нибудь о нашемъ счастьѣ?
 Смутитъ вечерній тихій часъ
 Тому хотите кто для васъ
 Терпѣлъ днемъ бурю и менасть!!
 Что рекъ я?.. О свѣтила скромны,
170. Пришедшія на западъ свой!
 Простите, не хотѣлъ я позднѣй
 Вашъ праздностью назвать покой,
 Ни трудъ для васъ полезный—скукой.
 Вашъ и покой не безъ плодовъ:
175. Онь намъ даетъ урокъ трудовъ
 И служить за успѣхъ порукой.
 Не ваши ль мудры полеченья
 Связали первый обществъ узлы?
 Не ваши ль зрѣны наставляенья
180. Крѣпять и кыкъ ихъ союзъ?
 Мысль главъ надменныхъ вѣтръ развѣтъ:
 Къ землѣ склоненная глава
 Въ ней насаждаетъ дерева,
 Плодъ коихъ для потомства зрѣтъ.
185. Колико подвиговъ бессмертныхъ,
 Подъ коими бѣ мужъ силы палъ,
 Мыщъ напряженьемъ изможденныхъ
 Вѣкъ дряхлый, какъ Атлантъ, подъялъ?
 Коль часто слаба длань держала
190. Вѣсы, мечъ, скиптръ или перо,
 И оскѣженное чело
 Зеленымъ лавромъ покрывала!
 Взойди, кто хочеть, на грозащю
 Паденьемъ тучамъ Альпъ хребты,
195. Воззри на царства вкругъ лежащю
 И на кровавыи войскъ слѣды:
 Смотри, какъ юный обращаетъ
 Тамъ ратникъ тылъ врагу, а тамъ
 Привыкшіи древнійи вождь къ бѣдамъ
200. Пѣль и побѣду похищаетъ!
 Или чрезъ бурныи стремнины
 Смиреныи въ долину свидъ;
 Видъ красящю алтарь сѣдины,
 Героевъ безоружныхъ видъ.

206. Здѣсь Гермогемъ, Филиппъ, Иона, —
Ихъ грудь метафизикъ правды щитъ;
Здѣсь въ узлахъ Филаретъ стоитъ
Подлорой выбаемаго трона.
Или брось даалъ взоры смѣлы
210. Промедшаго во глубину;
Вступилъ въ вечерни тамъ предѣлы,
Прострился въ утреннюю страну;
И, если лъзя, насыти очи
Сияньемъ сребропласыхъ звѣздъ,
215. На тверди церкви съ разныхъ мѣстъ
Люющихъ вѣковой свѣтъ ноци.
Или... но что, вдаалъ мысль бѣгущу,
Какъ бразды, востагаеть вспять?
Что быстро выспрь струя текущу
220. Земля влечеть къ себѣ опять?
Что взоръ и душу поражаетъ
И поглатаетъ слабый умъ?
Какой отвучный рѣветъ шумъ
И плѣсь младенца заглушаетъ?..
225. О слава! гласъ твой, гласъ чудесный,
Здѣсь близъ себя я познаю.
Не тѣнь, живой твой зракъ небесный,
Божественная старость, зрю.
Горю, мятусь, благоговѣю
230. Отъ струи персть премошу къ устамъ,
Бросаю лиру ко стопамъ
Твоимъ, Платонъ! Паду, вѣмѣю. *

Предъ нами пространное стихотвореніе, написанное четырехстопнымъ ямбомъ, который далеко менѣе легокъ нежели стихи пяти-и шести-стопные, такъ часто встрѣчающіеся въ сборникахъ гратуляцій Платону. Предметъ стихотворенія не есть какое-либо явленіе природы видимой, легче поддающейся поэтическому изображенію нежели явленія міра нравственнаго, притомъ явленія изъ области психофизической, во многомъ несоотвѣтствовавшей психофизическому строю автора въ моментъ вдохновенія: 25лѣтній

* См. *Тулскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1877, № 15. Отсюда стихотвореніе это было перепечатано въ *Православномъ Обзорѣнїи* (юль 1877) и *Христ. Чтенїи* (за тотъ же годъ №№ 9—10). Срав. также *Чтенїя въ Общ. Люб. Дух. Просв.* за 1877 годъ, т. III, стр. 83—89.

В. М. Дроздовъ былъ конечно далеко не то что 70лѣтній митрополитъ Платонъ котораго онъ вослѣдовалъ. Приведенное стихотвореніе не лишено многихъ шероховатостей со стороны техники, не особо привлекательныхъ для взора суди воспитаннаго на стихахъ Пушкина. Въ иныхъ мѣстахъ оно даетъ ясно понять что уже не столько вдохновеніе минуты сколько долгое размышленіе, нелегкая работа выковывала стихъ автора. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается въ немъ даже и неестественность. Но и при всемъ томъ, оно въ общемъ несомнѣнно есть плодъ чистаго *вдохновенія* поэта, который не даромъ въ самомъ началѣ стихотворенія восклицаетъ:

О старосты! о тебѣ вѣщать
Держаетъ отрокъ вдохновенный.

Мы замѣтили выше что съ самаго начала 1806 года, то есть со времени произнесенія В. М. Дроздовымъ его знаменитой проповѣди на 12 января (въ воспоминаніе избавленія Сергіевой Лавры отъ осады Поляками въ 1610 году), митрополитъ Платонъ рѣшилъ сдѣлать юнаго проповѣдника оплорю своей старости. А испытавъ его другою, не менѣе, если не болѣе знаменитою проповѣдью въ Великій Пятокъ того же 1806 года, еще болѣе утвердился въ этомъ рѣшеніи. Проловѣдь Платона, на новый 1807 годъ, была заключительною проповѣдью его 50лѣтняго витійствованія, какъ онъ самъ заявилъ въ концѣ этой своей проповѣди, и съ тѣхъ поръ взоры его обратились уже исключительно на юнаго лаврскаго проповѣдника, учителя поэзіи В. М. Дроздова. Вѣроятно, онъ уже и высказался ему объ этомъ такъ или иначе, будучи откровеннымъ какъ всегда. Вниманіе Платона къ Дроздову усиливается съ тѣхъ поръ, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ. Дроздовъ, будучи еще свѣтскимъ, исправляетъ при митрополитѣ въ его служеніяхъ должность плодіакона *; залросто является къ старцу въ его Визанское уединеніе и пользуется его бесѣдою **; получаетъ отъ Платона разные болѣе или менѣе цѣнные подарки *** и пр. Чтѣ же удивительнаго если и душа юнаго „отрока“, какъ душа мягкая, нѣжно воспитанная съ самаго семейнаго очага, пылала къ старцу взаимною любовію?

* *Письма Филарета къ роднымъ*, стр. 87, 89 и др.

** Тамъ же, стр. 87, 89—90, 93, 94 и др.

*** Тамъ же, стр. 87, 89—90.

Какова любовь, такова и лѣсънь. Любовь была возвышенная; возвышенною должна была быть и лѣсънь. Такова она и дѣйствительно.

Не воспалая продажный жаръ,

рѣшился нашъ поэтъ, а восплѣтъ неуывдаемый въ своихъ силахъ и проявленіяхъ, при увывающихъ тѣлесныхъ силахъ въ старости, духъ Платона.

Это-то качество, которое уже успѣлъ изучить въ Платонѣ нашъ поэтъ, и навѣвало на него мысли и представленія. Посмотримъ какъ въ стихотвореніи исполнены отдѣльныя требованія лирики. Лирическое произведеніе, какъ плодъ вдохновенія, не обязано слѣдовать строго требованіямъ логическаго расположенія мыслей и представленій навѣваемыхъ поэту предметомъ имъ восплѣваемымъ. Но „безпорядокъ лирической есть безпорядокъ правильный. Между періодовъ или строфъ находится тайная связь какъ между видимыхъ, прерывистыхъ колѣвъ перуна неудобозримая нить горячей матеріи. Лирикъ въ пространнымъ кругу своего свѣтлаго воображенія видитъ вдругъ тысячи мѣстъ чрезъ которыя можно достичь ему предметъ имъ преслѣдуемый; но ихъ нарочно пропускаетъ поэтъ или, такъ-сказать, совмѣщаетъ въ одну совокулность чтобы скорѣе долетѣть до своего предмета. При всемъ томъ, если не предводитъ его разумъ, то хотя препровождать долженъ.“ * Это мы и видимъ въ стихотвореніи В. М. Дроздова. Все стихотвореніе его состоитъ изъ пристула (стихъ 1—24), изображенія достоинствъ старости (ст. 25—88), опроверженія возможныхъ возраженій противъ высокаго значенія и достоинствъ старости (ст. 89—216) и наконецъ заключенія (217—232). „Приступъ“ можно было бы назвать „смѣлымъ“, какъ говорится у Державина; ** но это было бы недостаточнымъ обозначеніемъ. Это — приступъ образцовый для лирическаго произведенія и по смѣлости, и по возвышенности, и по широтѣ мыслей и представленій, въ немъ заключающихся: мысль прямо устремляющаяся въ одну изъ свѣтлыхъ страницъ исторіи древняго міра, учрежденія сената въ Римѣ и герузій въ Спартѣ, основанныхъ на

* Державинъ, *Разсужденіе о лирической поэзии*. стр. 350.

** Тамъ же, стр. 348.

глубокомъ уваженіи къ старости. И этого мало. Старость есть —

Сестра премудрости священной,
Спасительныхъ совѣтовъ мать.

Кто не видитъ въ этихъ стихахъ отображенія мыслей заключающихся въ книгѣ книгъ, Библии: *сѣдина есть мудрость челоѣковъ и возрастъ старости житіе не скверное* (прем. 49)?

Самое изображеніе старости начинаетъ поэтъ нашъ съ первыхъ временъ исторіи рода челоѣческаго и вѣрными чертами описываетъ ее сперва вообще (ст. 25—74), а потомъ и въ частности примѣнительно къ Платону, который, какъ извѣстно, не устрасался и лорфиры царской, обличая неправду и износя на свѣтъ истину и правду (ст. 65—72): такъ было, напримѣръ, въ отношеніи къ императору Павлу Петровичу. Путь восхожденія (*via eminentiae*), которымъ идетъ изображеніе старости у нашего поэта, выдержанъ съ замѣчательною послѣдовательностію. Изобразивъ безбоязненность старца Платона въ заявленіи правды предъ вѣщеносцемъ, поэтъ говоритъ что это право далъ ему Тотъ Кто „ветхій дѣньми Самъ нарекъся“ (Дав. 7, 9). Чтѣ можетъ быть лучше и выше этого изображенія старости самой въ себѣ?

Первое возраженіе—противъ упрека въ недостаткѣ свѣжести и силы дѣйствія вѣншихъ чувствъ въ старости,—въ отношеніи собственно къ Платону было тѣмъ естественнѣе что его въ 1805 году поразилъ нервный ударъ, оставившій неизгладимые слѣды на дѣятельности нѣкоторыхъ изъ вѣншихъ чувствъ его, хотя старецъ и очень скоро оправился отъ удара. * Но гдѣ немоществуетъ плоть тамъ часто тѣмъ возвышеннѣе становится духъ. Такъ было и съ Платономъ.

Еще нагляднѣе живописуются черты превосходства честной старости предъ легкомысленною молодостью при опроверженіи упрековъ въ недостаткѣ „жара и пылкости“ въ старости (ст. 105—120), въ отягощеніи ея „немощами“ (121—136), въ удручающемъ чувствѣ приближенія смерти (137 и дал.) и др. Затѣмъ блестящъ переходъ отъ опроверженій къ заключенію состоящей въ историческомъ обзорѣнн живой, энергической дѣятельности старцевъ на пользу челоѣчества, причемъ

* Объ этомъ см. примѣчаніе С. К. Смирнова на стр. 109 издаваемыхъ имъ писемъ митр. Платона къ Августину, архіепископу Московскому.

авторъ, какъ прежде, отъ общихъ чертъ мало-по-малу переходитъ къ болѣе частнымъ, отъ древнихъ Римлянъ къ новымъ народамъ, отъ иноплеменныхъ къ нашимъ отечественнымъ, приводя на память дорогія имена старцевъ святителей: Ионы, Филиппа, Гермогена, Филарета. Отъ родныхъ свѣтилъ восторженный лѣвецъ устремляетъ „смѣлый взоръ“ опять „во глубину прошедшаго“, въ исторію церкви христіанской, къ великимъ свѣтиламъ церкви: отцамъ и учителямъ ея, и наконецъ неожиданно устремляется мыслію прямо къ своему ближайшему предмету, старцу Платону, поставляя его такимъ образомъ на ряду съ отцами и учителями церкви и тѣмъ заключая свою лѣснь.

Эта лѣснь была блестящимъ заключеніемъ и всего сборника гратуляцій Платону отъ Троицкой семинаріи за 1807 годъ. Не даромъ старецъ-митрополитъ не въ началѣ *Сборника*, какъ обычно дѣлалъ прежде, а прямо вслѣдъ за подписью „позіи учителя Василія Дроздова“, подъ стихотвореніемъ: „Старость“, подписалъ отъ себя слѣдующее: „quo additae sunt versiones de variis materiis, eo, ut plurimum, me oblectarint; maxime dissertatio Ciceronis de senectute et meae conveniens, et ad meam aetatem proxime accedens“, то есть „тѣмъ что сюда (въ *Сборникъ*) внесены взгляды на разные предметы, я весьма услажденъ; особенно же разсужденіемъ Цицерона о старости, и съ моею согласнымъ и къ моему возрасту весьма близко подходящимъ“. Ясно что Платонъ называетъ здѣсь Цицерономъ, уже прославившагося на полрощѣ ораторскаго краснорѣчія церковнаго, учителя В. М. Дроздова. Но тѣмъ самымъ онъ указываетъ и на связь стихотворенія Дроздова: „Старость“ съ извѣстнымъ разсужденіемъ Цицерона: *Satis major sive De senectute*.

Дѣйствительно, стихотвореніе Дроздова имѣетъ несомнѣнную связь съ разсужденіемъ Цицерона о старости. Особенно видна эта связь въ рѣшеніи возраженій противъ достоинствъ и значенія старости. Какъ извѣстно, въ разсужденіи Цицерона о старости рѣшаются также эти возраженія, и именно выставляются и рѣшаются четыре такіа возраженія: 1) что старость отвлекаетъ отъ исполненія обязанностей; 2) что въ старости память и вообще силы ослабѣваютъ; 3) что старость лишена возможности наслаждаться удовольствіями, и 4) что старость угрожается чувствомъ близости смерти. Мы видѣли, что тѣ же возраженія, съ нѣкоторою лишь перестановкой

ихъ, выставляются и рѣшаются въ стихотвореніи В. М. Дроздова. Мало этого, и самыя опроверженія возраженій у Дроздова во многомъ сходствуютъ съ опроверженіями ихъ у Цицерона. Но, съ другой стороны, и въ постановкѣ возраженій и въ опроверженіи ихъ Дроздовымъ, не говоря о другихъ частяхъ содержанія стихотворенія его, ясна для всякаго, саичающаго стихотвореніе съ разсужденіемъ, и большая разность. Трактатъ Цицерона о старости есть холодное разсужденіе сторонника стоической философіи, а стихотвореніе Дроздова есть логическое произведеніе; тамъ старость разсматривается исключительно съ физиологически-философской точки зрѣнія, а здѣсь главнымъ образомъ съ христіански-богословской; тамъ и помину нѣтъ о столь возвышенномъ вступленіи и предварительномъ изложеніи какое находимъ въ стихотвореніи Дроздова, и т. д. Связь стихотворенія Дроздова съ разсужденіемъ Цицерона указываетъ на классическое образованіе автора стихотворенія: „Старость“. Цицеронъ для него все равно что русскій авторъ. Даже эти мнѣологическія, историческія и другія свѣдѣнія коими такъ изобилуетъ стихотвореніе служатъ яснымъ свидѣтельствомъ того же. И при томъ, если мы посмотримъ въ мнѣологическій словарь приложенный къ „Литическимъ правиламъ“ Аполлоса и специально предназначенный для Троицкой семинаріи, то увидимъ что тамъ вовсе нѣтъ словъ уломяемыхъ въ стихотвореніи: „Старость“. Ясно что Дроздовъ не сѣбло руководился литикой Аполлоса, а достигалъ классическаго образованія самостоятельными трудами; то же видно было и въ его четверостишіи 1800 года. А классическое образованіе Дроздова, въ свою очередь, обуславливало достоинства лиры его, наряду съ религіозно-нравственнымъ характеромъ воспитанія и отношеній его, при необыкновенныхъ дарованіяхъ. „Глубокое классическое образованіе, достигнутое имъ, при дарахъ необыкновенно щедрой къ нему природы, собственными усиліями и трудами всей жизни, естественно развило въ немъ чувство изящнаго и живое сочувствіе къ истинной поэзіи,“ говоритъ о Дроздовѣ біографъ его Н. В. Сушковъ (стр. 128). Только возвышенное, высоко-нравственное, истинно-классическое выходило изъ-подъ пера его, также какъ и любезно было чистой душѣ его.

Пѣснь о старости была послѣднею пѣснію В. М. Дроздова въ честь благодѣтеля, наставника и духовнаго отца его —

Платона. Въ свидующемъ 1808 году, въ то время когда обыкновенно приготовлялись Платону поздравленія отъ семинаріи къ 18 ноября, Дроздовъ уже писалъ родителю своему. „Батюшка! *Василья* скоро не будетъ“, указывая на близость постриженія своего въ монашество. * Постриженіе и послѣдовало 16 ноября, и учитель поэзіи привѣтствовалъ Платона 18 ноября уже какъ Филаретъ, а не какъ В. М. Дроздовъ. И конечно не до стихотворнаго привѣтствія было новопостриженному иноку. Новая жизнь требовала иного настроенія. А затѣмъ вскорѣ послѣдовалъ вызовъ Филарета въ Петербургъ, съ дальнѣйшими послѣдствіями на поприщѣ служенія церкви и государству, все болѣе и болѣе расширявшемся. Впрочемъ, внутренняя жизнь, внутреннее настроеніе молодого инока не особенно измѣнились отъ принятія чина иноческаго, потому что онъ былъ истиннымъ инокомъ и до того чина. „Вы желаете вѣдать обстоятельства моего новаго состоянія,“ писалъ онъ родителю черезъ мѣсяць послѣ постриженія своего. „Но я почти не вижу около себя новаго. Тотъ же образъ жизни; тѣ же упражненія, та же должность, то же спокойствіе, кромѣ того что прежде съ нѣкотораго времени я иногда думалъ: *что-то будетъ, что-то выйдетъ?* А теперь и этого не думаю“ **. Мы видѣли, что и ли́ра Филарета когда онъ былъ еще В. М. Дроздовымъ уже отличалась настроеніемъ вполнѣ причастующимъ иноку. Это уже и тогда была священная ли́ра. Тѣмъ болѣе священныя звуки должна была она издавать теперь. Если въ самомъ началѣ изъ нея исходили лѣсныя въ честь того кто былъ для поэта отцомъ по плоти; если въ только что разсмотрѣнный періодъ она вослѣвала отца по духу, но все же земнаго, то теперь ей предстояло направлять свои звуки уже прямо къ Небу и единому Отцу Небесному. Такова и дѣйствительно была ли́ра нашего поэта за весь періодъ къ разсмотрѣнію котораго мы теперь переходимъ.

III.

Вслѣдъ за принятіемъ монашескаго сана и до конца жизни Филаретъ былъ поставленъ въ такія условія которыя менѣе всего благопріятствовали свободѣ лириче-

* *Письма Филарета къ роднымъ*, стр. 106.

** Тамъ же. стр. 106—107.

скихъ изліяній души его. Должности инспектора Петербургской семинаріи и наставника философскихъ наукъ въ ней (съ 1 марта 1809' года), ректора Александровскаго училища, бакалавра богословскихъ наукъ, ректора и профессора сихъ наукъ въ духовной академіи, викарнаго и епархіальнаго архіерея, при множествѣ стороннихъ занятій, далеко не представляли удобства къ такимъ изліяніямъ. Тѣмъ не менѣе и въ это время, и среди этихъ занятій Филаретъ находилъ время не только слѣдить внимательно за литературой, но и бряцать, хотя изрѣдка, по струнамъ своей лиры. Въ теченіе всей почти шестидесятилѣтней многосторонней, многообразной и напряженной дѣятельности Филарета по исполненію всевозможныхъ обязанностей, порученій и пр. мы встрѣчаемъ, строго говоря, только четыре болѣе или менѣе значительныя по объему стихотворенія его. Но что это за стихотворенія? Сдѣлавшись изъ свѣтскаго духовнымъ лицомъ, и при томъ по совѣсти и по убѣжденію, Филаретъ и стихотворенія могъ писать и писалъ только чисто духовныя. Что же такое духовныя стихотворенія? спросимъ мы напередъ, чтобъ опредѣлить точку зрѣнія съ которой слѣдуетъ разсматривать духовныя стихотворенія Филарета. Отвѣтимъ на этотъ вопросъ словами одного изъ гениальнѣйшихъ поэтовъ нашихъ, написанными имъ когда въ немъ самомъ духъ явно уже преобладалъ надъ плотію. Разумѣемъ Гоголя въ послѣдній періодъ его жизни. Именно, въ наставленіе современнику своему, лирическому поэту Н. М. Языкову, также перестроившему свою лиру не болѣе возвышенный тонъ, онъ пишетъ изъ Дармштадта въ 1845 году: „вообще *духовное стихотвореніе* (какой бы формы оно ни было) можетъ быть вынѣ значительно только тогда когда оно двигнуто которою - нибудь изъ слѣдующихъ возбуждающихъ силъ: или силой гнѣва, почерпнутаго отъ самаго гнѣва Божія, стало - быть нелицемѣрнаго гнѣва, не въ мысляхъ, но уже въ сердцѣ обитающаго, гнѣва противъ всего презрѣннаго и нечистаго, въ какомъ бы ни заключалось оно сосудѣ... (Само собою разумѣется что гнѣвъ не къ самимъ сосудамъ заключившимъ въ себѣ презрѣнное, но къ презрѣнному заключенному въ сосудахъ: противъ самихъ сосудовъ гнѣвъ можетъ быть только за то что они отворили двери презрѣнному или заключили его въ себѣ). Итакъ, или силой полапающаго

Боляго гѣва должно проникаться духовное стихотвореніе, и это пусть будетъ волевыхъ; или же, восторыхъ, оно должно быть проникнуто и подвигнуто силою любви къ человѣку, зажженною также отъ небесной любви Божіей къ человѣку, любви измѣрившей всю страшную участь тѣхъ которые воздвигаютъ противъ себя гѣвъ Божій. Содрагаясь отъ ужаса за нихъ и подвигнувшись небеснымъ ангельскимъ состраданіемъ, она уже не поражаетъ ихъ, а молить, какъ братъ умоляетъ брата, какъ несчастная и безотрадная мать умоляетъ сына идущаго на явную гибель, умоляетъ его такими воплями и стопами отъ которыхъ и безчувственный камень содрогнется, и сею силою нѣжнаго моленія можетъ быть подвигнуто значительное духовное стихотвореніе, восторыхъ. Или же, наконецъ, третьихъ, духовное стихотвореніе можетъ быть подвигнуто силою внутренняго собственнаго изліанія — умягченнымъ и утопающимъ въ блаженствѣ вознесеніемъ сердца своего къ Богу, внутреннимъ гѣвомъ противъ собственныхъ своихъ недостатковъ, увынья, малодушья и беспілля своего, умоляющимъ и горячимъ моленіемъ о испосланіи въ душу того чего еще нѣтъ въ ней и что достается такъ трудно нашей черствой и не размягченной природѣ. Въ послѣднемъ случаѣ духовное стихотвореніе пріемлетъ форму молитвы и можетъ разнообразиться безконечно, смотря по различію и разнообразію состояній душевныхъ. Но само собою разумѣется что здѣсь ничего не должно быть вымышленнаго или воображаемаго только умомъ. Что не было добыто слезами и душевнымъ внутреннимъ сокрушеніемъ, то не должно облечься и въ стихи; иначе, при всѣхъ достоинствахъ поэты, на мѣсто жара холодъ пробудетъ въ стихотвореніи, оно останется никому не роднымъ и круглымъ сиротой. Итакъ, сими только тремя побуждающими силами, мнѣ кажется, должно быть подвигнуто духовное стихотвореніе, дабы соответствовать высокому значенію своему. А что самыя сіи побуждающія силы пробуждаются въ человѣкѣ не иначе какъ отъ соприкосновенія съ живыми, текущими, настоящими современными обстоятельствами, его окружающими, объ этомъ и говорить нечего. Любви къ прошедшему не получишь какъ ни помогаетъ поэту воображеніе. Любовь возгорается къ тому что видишь и стало-быть къ предстоящему, прошедшее же и отдаленное возлюбляется по мѣрѣ его надобности и

потребности въ настоящемъ. Словомъ, вообще удача духовнаго стихотворенія зависитъ оттого когда оно предпріимается какъ подвигъ во имя Божіе, какъ искреннѣйшее дѣло, какъ то дѣланіе по которому будетъ судить насъ Богъ въ пришествіи своемъ. Вотъ почему такъ холодны попытки всѣхъ прелатгателей псалмовъ: они ихъ брали, просто какъ предметъ для поэзіи, какъ повѣстическія игрушки.“

Стихотворенія Филарета разсматриваемаго теперь періода, когда мы вникнемъ ближе въ ихъ содержаніе, окажутся соответствующими глубокой характеристикѣ начертанной Гоголемъ. Первое изъ нихъ относится къ 1820 году, когда Филаретъ былъ архіепископомъ Тверскимъ и членомъ Синода; второе—къ 1828—1829, а третье и четвертое къ 1866 году, когда онъ былъ уже митрополитомъ Московскимъ. Въ августѣ 1820 года, ѣдучи въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ, Филаретъ на одномъ ночлегѣ освѣненъ былъ вдохновеніемъ, которое и излилъ въ стихотвореніи *Вечерняя пѣснь путешественника* *. Въ основу содержанія стихотворенія онъ взялъ, какъ дѣлается въ проповѣди, или какъ иногда дѣлалось въ духовныхъ стихотвореніяхъ и писателей свѣтскихъ, напимѣръ Державина, два изреченія Св. Писанія, имѣющія между собою внутреннее соотношеніе, но въ то же время и различныя одно отъ другаго, чѣмъ и самое стихотвореніе дѣлится на двѣ неравныя части. Первая изъ нихъ соответствуетъ первому изреченію Св. Писанія взятому въ основу стихотворенія, именно: *Отъца же Петръ рече: Господи, аще Ты еси, повели ми прийти къ Тебѣ по водамъ* и проч. (Матѣ. XIV, 28 и дал.) и читается такъ:

Къ Тебѣ, о путь не преткновенный,
Къ Тебѣ, путь истинный, живой,
Взываетъ путникъ утомленный:
Пути его во тьмѣ не скрой.
Ты волны кѣкогда высоки
Въ путь гладкій уравнивалъ лавцамъ;

* Объ этихъ обстоятельствахъ написанія стихотворенія, отыскавшаго въ бумагахъ покойнаго владыки митрополита ректоромъ Московской Духовной Академіи протоіереемъ А. В. Горскимъ, сообщилъ самъ же Горскій. См. *Душеполезное Чтеніе* за 1867 годъ, ч. III, стр. 34—35; срав. 1868 годъ, ч. I, стр. 42, и *Христ. Чт.* №№ 11—12 стр. 763—764; срав. также *Странникъ* 1868, т. II, стр. 41.

Ты воды нѣкогда глубоки
 Въ путь безопасный даль столпамъ;
 Сей путь мой не въ водахъ и въ морѣ,
 Но волны есть въ душѣ моей...
 Явись, водахъ Укротитель, вскорѣ,
 И бури запрети страстей!
 По зыблемой водѣ текущей
 Ничтожныхъ временныхъ вещей,
 Къ странѣ живыхъ прислощивушей
 Дажь твердый путь душѣ моей!
 Увы! изнемогаетъ вѣра:
 Твой легкой грудь я труднымъ чту;
 Плоть извлекаетъ маговѣра,
 И погружаетъ въ суету.
 Спаси, Наставникъ! гибну, гибну!
 Умилосердись, ускори...
 Но съ гласомъ грознымъ руку миру
 Извлечь погрязшаго простри.

Вторая часть стихотворенія соответствуетъ другому евангельскому повѣствованію объ эммаусскихъ путникахъ: *и рекоста къ себѣ: не сердце ли наше горя бы въ насъ, егда глаголаше нама на пути* и пр. (Лук. XXIV, 32) и читается такъ:

Не познаваемый своими,
 Съ своими былъ ты на пути;
 Бесѣдовалъ до ночи съ ними,
 Чтобъ ихъ ко свѣту привести.
 Тебя ихъ око не узнало,
 Но духъ, не зная, ощущалъ;
 Тобою сердце ихъ пылало,
 Когда ты ужъ ихъ просвѣщалъ.
 Явись, свѣте вождеаемый,
 Явись и на семъ пути!
 Душѣ моей въ тѣни вечерней
 Бродить одной не попусти!
 Не щеть око дерзновенно
 Лица здѣсь славу Твоего;
 Но сердце ждетъ окаменѣло,
 Не къскеться ли Ты его.
 Коснись—и крѣпостью Твоею
 Изъ камня искру извѣки;
 Коснись—и благостью Твоею
 Изъ смерти жизнь мнѣ прореки.
 Восяди, вечеряй со мною,

И хлѣбъ мой преломи мнѣ Самъ;
 Насыщенъ, услаждемъ Тобою,
 Я живъ, блаженъ, и здѣсь, и тамъ...
 Тамъ, гдѣ пути всѣ совершатся,
 Гдѣ безднѣ и бурѣ и мраковъ вѣтъ,
 Гдѣ жизни отъ Тебя родятся,
 Гдѣ истина въ Тебѣ живеть.
 Дажь, да во правдѣ и святынѣ
 И сквозѣ мракъ во свѣтъ зрю Твой;
 Да восхваляю Тебя отмынѣ
 Во вѣки чистою хвалою!

Ф.

Августа 24 1820 года.

На Т... дорогѣ.

Возвышенность, полнота чувства, глубина мысли, вѣрность пониманія взятыхъ въ основаніе стихотворенія изреченій, нелюдѣльность лирическаго изліянія, мѣткость повѣстическихъ образовъ, облакающихъ мысли поэта, не оставляють желать ничего лучшаго и далеко возвышають это стихотвореніе надъ духовными стихотвореніями Ломоносова, Державина, Глинки и другихъ. Это по истинѣ духовное стихотвореніе съ тѣми качествами которыхъ требовалъ отъ него Гоголь. Вышняя отдѣлка стиха, техника его далеко позади оставляетъ за собою разсмотрѣнное раньше стихотвореніе, „Старость“. Ясно что жизнь протекшая съ 1807 до 1820 года не была для Филарета безплодною и въ этомъ отношеніи. Не говоря уже о совершенствованіи въ духовной жизни съ принятіемъ чина ангельскаго, въ Петербургѣ Филаретъ уже не могъ оставаться въ такомъ замкнутомъ кругу мысли и развитія стила своей рѣчи въ какомъ вращался въ узкой сферѣ дѣятельности учителя Троицкой Лаврской семинаріи. Въ Петербургѣ общество было взыкательнѣе, если не въ отношеніи къ мыслямъ, то въ отношеніи къ изложенію ихъ въ рѣчи устной и письменной. Тамъ были литературныя знаменитости, какъ Державинъ, Дмитриевъ и др. Не мало было тамъ приверженцевъ и новаго литературнаго слога, созданнаго Карамзинымъ, несмотря на упорное противодѣйствіе Шшкова съ его партией введенію этого слога въ литературу. Тамъ Филаретъ уже съ 1810 года, послѣ первой своей знаменитой проповѣди въ день Благовѣщенія, вступилъ въ разнообразнѣйшія отношенія едва не со

всѣми литературными знаменитостями того времени. Шишкова самъ онъ называетъ своимъ „приятнымъ знакомцемъ“ *. Державинъ былъ близко знакомъ съ Филаретомъ и самъ просилъ быть посредникомъ между имъ и духовною цензурою въ редакціи оды своей: *Христосъ* **. Карамзинъ, бывши въ Петербургѣ, также познакомился съ Филаретомъ ***. Сперанскій даже прямо ставилъ слогъ Филарета наравнѣ со слогомъ Карамзина †. Уже въ началѣ 1813 года Филаретъ состоялъ членомъ Бесѣды Любителей Русскаго Слова †*. Къ 1820 году была уже весьма извѣстна лира Жуковскаго, Пушкина и другихъ зиждителей русскаго стиха. Этого мало. Филаретъ въ теченіе времени до 1820 года является отчасти и самъ въ ряду зиждителей русскаго поэзіи вообще и лиры въ особенности. Кромѣ упомянутаго отношенія Филарета къ одѣ Державина: *Христосъ*, укажемъ еще на нѣкоторые случаи. Еще въ 1811 году началось дѣло по изданію *Эстетическихъ разсужденій* Ансильона въ русскомъ переводѣ подъ редакціей Теофилакта Русакова, архіепископа Рязанскаго. Изъ семи разсужденій при этомъ цѣлыя три посвящены спеціально поэзіи. По разнымъ причинамъ Филаретъ долженъ былъ писать критику на эти *Разсужденія*, и велъ ее такъ успѣшно что въ 1813 году Теофилактъ съ безславіемъ былъ удаленъ изъ Петербурга, а *Эстетическія разсужденія* подверглись запрещенію. Бритическія замѣчанія Филарета на эту книгу напечатаны въ *Православномъ Обозрѣніи* за 1868 годъ, ч. XXVI. Въ 3й части *Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ* за 1812 годъ появилась статья Гаврилова: „Разборъ и объясненіе псалма XLI“, съ краткимъ примѣчаніемъ о характерѣ Давида какъ творца псалмовъ. При этомъ авторъ разсматривалъ Давида не какъ богодухновеннаго писателя, а какъ обыкновеннаго народнаго поэта, составителя буклическихъ, элегическихъ и пр. стихотвореній. Министръ

* *Письма Филарета къ роднымъ*, стр. 161. Письмо относится къ апрѣлю 1812 года.

** См. объ этомъ въ III и V томахъ сочиненій Державина, изд. Грота, особенно же въ VI томѣ, стр. 234 и 236. Спб. 1871.

*** *Письма Карамзина къ Дмитріеву*, стр. 206 и 208. Спб. 1866.

† Корфа. *Жизнь графа Сперанскаго*, ч. 2, стр. 78. Спб. 1861.

†* См. *Смысл Отечества* за 1813 годъ, т. VI, стр. 122.

Народнаго Просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій, просилъ Филарета дать мѣнѣе объ этой статьѣ, и Филаретъ написалъ обстоятельную рецензію на нее, помѣщенную въ VII книгѣ *Чтеній въ Общ. Люб. Дух. Пров.* за 1869 годъ. Какъ человекъ живо интересовавшійся всѣми болѣе или менѣе замѣчательными явленіями въ отечественной литературѣ, Филаретъ не могъ не наблюдать и усовершенствованія техники русскаго стиха, доказавъ безплодность такого наблюденія и самымъ дѣломъ, въ приведенномъ стихотвореніи *Вечерняя пѣснь путешественника*. Но какъ прежде, такъ и теперь, какъ въ отношеніи къ своимъ стихотвореніямъ, такъ и къ чужимъ, для Филарета не столько важна была техника стиха сколько внутреннее достоинство его.

Не говоря о превосходныхъ деталяхъ выраженія мыслей и чувствъ, обратимъ вниманіе на важнѣйшее въ его собственномъ стихотвореніи выше приведенномъ. Эти глубокіе молитвенные вздохи и воззванія человека высоко стоявшаго въ духовной жизни, однако молившагося со смиреннѣйшимъ чувствомъ великаго грѣшника, то смиренное отреченіе отъ священнаго права чистыхъ зрѣть Бога, все это, при глубокомъ смиреніи поэта, не выражаетъ однакоже волею отчаянія удрученной грѣхами души, но свидѣтельствуетъ о крѣпкой вѣрѣ его въ спасающую грѣшника благодать Божию и о непоколебимой надеждѣ получить вѣчное спасеніе и блаженство тамъ

Гдѣ безднъ, и бурь, и мраковъ нѣтъ и пр.

И это потому что поэтъ зналъ гдѣ источникъ жизни, вѣры и улованія для христіанина. Онъ умѣлъ почерпать и почерпалъ изъ этого источника полною чашей утѣшеніе въ скорбяхъ отъ золь. Онъ не терялся въ безотрадномъ состояніи отчаянія, которому въ извѣстныя минуты духовной жизни подвергались даже люди великіе умомъ и сердцемъ, но не обыкшіе прибѣгать къ тому глубокому и приснотекущему источнику живой воды чтобы напоить себя изъ него и получать отъ сего подкрѣпленіе, оживленіе своихъ духовныхъ силъ и своей дѣятельности. Такія именно минуты испыталъ въ 1828 году великій поэтъ нашъ Пушкинъ, въ самый день рожденія своего (26 мая) палившій давнишее его при этомъ безотрадное чувство въ слѣдующихъ стихахъ, обозначенныхъ общимъ названіемъ стансовъ:

Даръ напрасный, даръ случайный
 Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дала?
 Иль зачѣмъ судьбою тайной
 Ты на казнь осуждена?
 Кто меня враждебной властью
 Изъ ничтожества воззвалъ,
 Душу мнѣ наполнилъ страстью,
 Умъ сомнѣваемъ взволновалъ?...
 Цѣли нѣтъ передо мною:
 Сердце пусто, празденъ умъ,
 И томить меня тоскою
 Однозвучный жизни шумъ. *

Стансы были напечатаны въ *Сѣверныхъ Дѣлкахъ* на 1830 годъ и, какъ все выходявшее изъ-подъ пера Пушкина, читались въ публикѣ съ увлеченіемъ. Дочь знаменитаго героя Отечественной Войны 1812 года М. И. Кутузова-Смоленскаго, Елена Михайловна Хитрова, съ восторгомъ отзывалась о нихъ и въ присутствіи Филарета, митрополита Московскаго. Хорошо знавшій и высоко цѣнившій талантъ и личность Пушкина, Филаретъ не могъ быть равнодушнымъ къ тому что вышло изъ души поэта въ замѣнательный для него день его жизни, и что не вполнѣ осмысленно восхвалялось почитателями его таланта. Онъ видѣлъ въ стихахъ Пушкина „словъ потерявшейся души, ропотъ самопожирющаго отчаянія“ **, и какъ духовный отецъ, архипастырь, не могъ не подать руку помощи нравственному страдальцу, равно какъ и не могъ не указать почитателямъ его таланта, каковъ долженъ быть истинный взглядъ на жизнь. На стансы Пушкина вскорѣ послѣдовалъ безыменный (съ подписью буквы Θ) отвѣтъ, напечатанный въ одномъ изъ тогдашнихъ періодическихкихъ изданій ***, также въ стихахъ:

Не напрасно, не случайно
 Жизнь отъ Бога мнѣ дала;
 Не безъ воли Бога тайной
 И на казнь осуждена.

* Соч. Пушкина, изд. Геммади, т. I, стр. 379, Слб., 1870.

** *Моск. Вѣд.* за 1867, № 262.

*** Тамъ же; срав. *Дух. Вѣст.* за 1868, т. I, стр. 23. Послѣ этотъ отвѣтъ перепечатанъ былъ въ журналѣ *Земледѣлка* за 1848 годы, № 10. См. примѣч. къ изданіямъ сочиненій Пушкина: Алленкова, т. II, стр. 535. Москва, 1856 и Геммади, т. I, стр. XLI. С.-Петербург., 1870.

Самъ я своею властью
 Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ;
 Самъ наполнялъ душу страстью,
 Умъ сомнѣьемъ взволновалъ.
 Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
 Проси́й сквозь сумракъ думъ,
 И созиждется Тобою
 Сердце чисто, свѣтелъ умъ.

Въ обществѣ ходили слухи что стихотвореніе это написалъ Филаретъ, а для самого Пушкина въ этомъ не было и сомнѣнія. Его чуткая душа угадала „ex ungue leonem“, и на это слово назидующей любви отозвалась въ слѣдующихъ стихахъ помѣченныхъ 19мъ января 1830 года въ Петербургѣ и названныхъ попрежнему стансами:

Въ часы забавъ иль празднои скуки,
 Бывало, лиръ я моею
 Вѣбралъ измѣженные звуки
 Безумства, лѣни и страстей.
 Но и тогда струны лукавой
 Невольно звонъ я прерывалъ,
 Когда твой голосъ величавый
 Меня внезапно поражалъ.
 Я лилъ потоки слезъ нежданыхъ,
 И ранамъ совѣсти моею
 Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
 Отраденъ чистый былъ елей.
 И кыя съ высоты духовной
 Мнѣ руку простираешь ты
 И силой кроткой и любовной
 Смиряешь буйныя мечты.
 Твоимъ огнемъ душа лапыма
 Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
 И внемлетъ арфѣ серафима

Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Эти стансы были напечатаны въ *Литературной Газетѣ* за 1830 годъ, № 12. Последняя строфа ихъ въ рукописи читалась такъ:

Твоимъ огнемъ душа согрѣта
 Отвергла баескъ земныхъ суетъ,
 И внемлетъ арфѣ Филарета
 Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

„Но слышкомъ прямое указаніе на дѣйствительность за- ставило Пушкина укрыть истинное значеніе стихотворенія и дать ему характеръ чисто поэтическаго образа.“ * Издатели сочиненій Пушкина называютъ стихотвореніе Филарета „поучительною передѣлкою“ первыхъ стансовъ Пушкина. ** Самъ Филаретъ, по обычной скромности своей, называлъ отвѣтъ Пушкину „переименованнымъ стихотвореніемъ Пушкина, пародіей.“ *** По формѣ такъ; но по мысли, по содержа- нію, отнюдь нѣтъ. Стихи Филарета были отвѣтомъ на запросы безпокойнаго духа. Мудрый наставникъ ясно показываетъ поэту гдѣ истинная причина того безотраднaго состоянія въ которомъ находится жизнь человѣческая въ подобныя минуты:

Самъ я своею властью и пр.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на глубочайшій источ- никъ изъ котораго можно почерпнуть исцѣленіе отъ такого болѣзненнаго состоянія. Какъ прежде, такъ и теперь этотъ источникъ Филаретъ указываетъ въ Богѣ и вседѣйствующей благодати Его:

Вспомнись мнѣ, забвенный мною и пр.

Самъ Пушкинъ мѣтко характеризуетъ отличительныя чер- ты своего и Филаретова стихотвореній. Именно, между тѣмъ какъ въ стансахъ Пушкина (1828 года) выразились его „бу- дьяныя мечты“, въ стихахъ Филарета видится отеческая внима- тельность къ обуеваемому этими мечтами, усмиреніе послѣд- нихъ „силою кроткой и любовной“.

Но совсѣмъ другимъ тономъ звучала рѣчь Филарета когда онъ въ современной ему дѣлѣ отечественной видѣлъ намѣрен- ное униженіе ея первоначальнаго и истиннаго значенія и пред- назначенія, намѣренное поправленіе ея святыни. Огонь любви тог- да въ его рѣчи смѣнялся огнемъ ревности, неумолимой стро- гости. Такъ, напримѣръ, было въ 1834 году. Въ то время, въ *Телескопѣ* появились стихи Деларю, переведенные изъ Виктора Гюго, въ которыхъ завравшійся фразеръ восклица- етъ что что еслибъ онъ былъ Богъ, то отдавъ бы весь

* В. В. Никольскаго, *Идеалы Пушкина*. Актовая рѣчь въ С.-Пе- тербургской Дух. Акад. за 1882, стр. 11; ср. *Русск. Арх.* за 1881 кн. I, стр. 206—206.

** См. цит. мѣста прим. къ изд. Анненкова и Геммади.

*** Сумцова, цит. соч. стр. 125.

міръ за одинъ поцѣлуй. Объ этихъ стихахъ, вмѣстѣ съ другими богохульными и вольнодумными произведеніями литературы того времени, Петербургскій митрополитъ Серафимъ донесъ государю, и государь приказалъ посадить Делярю подъ арестъ. Между тѣмъ издателяю *Телескопа* казалось что въ арестѣ его сотрудника виноватъ былъ митрополитъ Московскій, и онъ жаловался на эту строгость въ Москвѣ. По этому случаю Филаретъ и пишетъ изъ Москвы въ Петербургъ къ А. Н. Муравьеву отъ 4 февраля 1855 года слѣдующее: „О стихахъ Делярю здѣсь жаловался издатель *Телескопа* будто я донесъ на нихъ. Незнавъ ихъ до сей жалобы и прочитавъ когда услышалъ, я нашелъ что жалоба мнѣ не обидна, хотя и несправедлива. Они стоили дома; и благословенъ тотъ кто обратилъ на нихъ справедливыи взоръ“. * Будучи самъ классически образованъ и высоко нравственно воспитанъ, непрестанно бодрствуя надъ чистотою собственныхъ помысловъ, Филаретъ естественно не могъ быть равнодушенъ къ безнравственнымъ произведеніямъ. „Особенно же былъ строгъ къ неклассическимъ комедіямъ, къ безнравственнымъ операмъ, къ неисторическимъ романамъ, къ кровавымъ драмамъ, благодаря которымъ, по его выраженію, зрѣлица — мѣста казни. О повѣстяхъ, водевиляхъ, эротическихъ, мисологическихъ и всякихъ стихахъ безъ внутренняго содержанія, безъ мысли, безъ чувства, нечего и упоминать“. ** „Но онъ не пренебрегалъ сатирой и элиграммой лишь бы онѣ были написаны благородно, благопристойно, а не грубо и не ругательно. Словомъ, какъ классикъ онъ любилъ аттическую соль, употребляя впрочемъ и самъ иногда тонкое орудіе ироніи: выраженія не буквой, а духомъ слегка укорительно наставительныя“. *** Такъ въ 1859 году, по поводу появленія нѣкоторыхъ книгъ въ защиту правосавія, святитель пишетъ къ епископу Тульскому Алексію (Ржанецкому): „Православіе требуетъ защиты, но надобно остерегаться чтобы защита не оказалась такою о которой написана слѣдующая элиграмма:

Религія отъ всѣхъ страдаетъ:

Воатеръ бравитъ ее, Кутузозъ защищаетъ.

* Письма Филарета къ А. Н. Муравьеву, стр. 16. Кіевъ, 1869.

** Сумковъ, цит. соч., стр. 129.

*** Сумкова, цит. соч., стр. 129--130.

Но къ сему тотчасъ же добавляетъ: „простите мнѣ празднословіе“. *

Впрочемъ, обращая вниманіе на внутреннія достоинства стихотвореній, своихъ и чужихъ: на содержаніе, направленіе, мысль и чувство, нашъ поэтъ не упускалъ изъ виду и внѣшнія достоинства ихъ, но и здѣсь опять не столько технику стиха, сколько стиль или слогу рѣчи стихотворной, народность языка и т. д., о чемъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій случай, бывшій въ 1856 году. Въ началѣ этого года въ Петербургскій Комитетъ для цензуры духовныхъ книгъ поступило на разсмотрѣніе стихотвореніе Мея, подъ заглавіемъ: *Монастырское преданіе*, въ которомъ излагалось записанное авторомъ со слуха сказаніе въ Саввиномъ Сторожевскомъ Звенигородскомъ монастырѣ Московской епархіи. Сказаніе имѣло предметомъ своимъ чудо совершенное прелодобнымъ Саввою съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Мей изложилъ это сказаніе съ поэтическими прикрасами, допустилъ много сомнительнаго относительно исторической достоверности, переименовалъ многое и т. д. Цензурный комитетъ, не желая брать на себя отвѣтственность за пропускъ стихотворенія съ такими особенностями, передалъ дѣло на усмотрѣніе Синода. А такъ какъ дѣло касалось Московской епархіи, то Синодъ и препроводилъ стихотвореніе въ корректурномъ листѣ къ Филарету, при указѣ за № 8, съ тѣмъ чтобы по собраніи надлежащихъ мѣстныхъ свѣдѣній, святитель Московскій донесъ Синоду, дѣйствительно ли описанное въ стихотвореніи преданіе сохраняется между иноками Саввиной обители, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ по сему предмету свое личное заключеніе. Исполнивъ въ точности порученіе Синода, Филаретъ въ заключеніи своемъ писалъ между прочимъ слѣдующее: „Стихотвореніе написано слогами сказки или лѣсни. Еслибъ и крестьянинъ сталъ разказывать о чудесномъ дѣйствіи святаго мужа, то употреблялъ бы рѣчь болѣе скромную и степенную.“ ** Писатель стихотворенія неудачно поддѣлывается подъ простонародный языкъ. Напримѣръ, вмѣсто того чтобы сказать, это

* *Письма Филарета къ Алексію, архіепископу Тверскому*, стр. 192. Москва, 1883.

** Было написано, а потомъ зачеркнуто: „слогу болѣе скромный и степенный“.

было въ день преподобнаго Герасима, онъ говорить: о Грачевникѣ. Крестьянинъ для значенія времени, скажетъ: о постѣ, объ масланицѣ; но не скажетъ: о Златоустѣ, о Крестителѣ, о Грачевникѣ. Въ стихотвореніи царь *улыбается*. Писатель не дозналъ что сіе слово употребляется собственно о безсловесныхъ; а есть ли прилагается къ человѣку, то въ насмѣшку,“ и т. д. * Само собою разумѣется что въ собственныхъ стихотвореніяхъ Филаретъ заботился и объ этой внѣшней сторонѣ. Вездѣ въ нихъ слогъ вполнѣ соотвѣтствуетъ достоинству содержанія; всюду видна близость къ церковно-славянскому складу рѣчи, столь драгоценному въ духовныхъ стихотвореніяхъ; всюду употребляется рѣчь чисто русская, безъ малѣйшей примѣси къ ней словъ или оборотовъ рѣчи иностранной, хотя въ то же время и не простонародная, которая была бы неумѣстна въ такого рода стихотвореніяхъ.

Послѣ отвѣта Пушкину наступаетъ длинный промежутокъ времени, въ который мы не встрѣчаемся съ лирическими произведеніями Филарета. Въ 1841 году Филаретъ высказываетъ даже мысль что ему „уже поздно стихотворствовать“. ** Тѣмъ не менѣе, на закатѣ дней жизни своей онъ написалъ еще два стихотворенія которыя относятся къ предпоследнему году жизни нашего поэта (1866) и принадлежатъ къ роду стихотворныхъ переложеній. Именно въ августѣ 1866 года ректоромъ Московской Духовной Академіи, протоіереемъ А. В. Горскимъ, представлено было Филарету стихотворное переложеніе кондака на день Преображенія Господня, сдѣланное однимъ изъ воспитанниковъ Академіи къ годовичному экзамену. Восемидесятичетырехлѣтній старецъ, прочтя стихотвореніе, взялъ бумагу и перо, тутъ же написалъ свое переложеніе и, передавая его ректору, молвилъ: „не будетъ ли такъ ближе къ подлиннику?“ На бумагѣ значилось слѣдующее:

* См. № 15 дѣлъ архива Московскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета за 1866 годъ. При этомъ съ благодарностію отмѣтимъ что дѣлами сего архива мы пользовались благодаря любезности секретаря Комитета, инспектора и профессора Московскаго Духовнаго Академіи П. И. Горскаго.

** Чтен. съ Общ. Люб. Дух. Просв. за 1872 годъ, стр. 81 матеріаловъ для исторіи Русской Церкви. Мысль эта высказана по поводу поправки, которая святитель-поэтъ началъ было дѣлать въ стихотвореніяхъ нѣкоего Смирнова.

Преобразилась днесь Ты на горѣ, Христе,
И славу тамъ Твою ученики узрѣли,
Дабы, когда Тебя увидать на крестѣ,
Страданье вольное Твое уразумѣли,
И проповѣдали всеземной до конца,
Что Ты—сіяніе Отца.

Ф. М. М. *.

Въ августѣ 1866 года.

Дѣйствительно, переложеніе очень близко къ подлиннику, въ которомъ читаемъ: „На горѣ преобразилась еси, и якоже вѣщаху ученицы Твои, славу Твою Христе Боже видѣша: да егда Тя узрять распинаема, страданіе убо уразумѣютъ вольное, мірови же проповѣдаютъ, яко Ты еси воистину Отчее сіяніе“. Считаю излишнимъ говорить о томъ насколько переложеніе безукоризненно со стороны чисто-литературной. Мы обратимъ вниманіе еще лишь на ту характерную черту съ какою легкостію стихотвореніе написано Филаретомъ. Не показываетъ ли это въ немъ того поэтическаго дарованія которое однако же многіе отрицаютъ въ немъ? Въ подтвержденіе этого нашего сужденія о святителѣ-поэтѣ мы приведемъ еще одинъ случай отношенія его къ литературнымъ движеніямъ своего времени. Въ 1834 году извѣстный духовный писатель и близкій знакомецъ Филарета А. Н. Муравьевъ, переводя поэму Клопштока *Messiasda* на русскій языкъ, привлекъ къ участию въ редакціи перевода и Филарета, хотя послѣдній и долго не соглашался на это въ виду множества дѣлъ болѣе серьезныхъ чѣмъ то которое предлагалъ ему Муравьевъ, а также и въ виду незнанія нѣмецкаго языка. А когда согласился и сдѣлалъ опытъ редакціи перевода, что же оказалось?—„Несмотря на свое незнаніе нѣмецкаго языка,—говоритъ о немъ самъ Муравьевъ,—онъ именно замѣтилъ мнѣ тѣ мѣста, гдѣ я отступилъ отъ подлинника и даже исправилъ нѣкоторые ближе къ тексту. Столько въ немъ было гениальности! **

* *Русск. Стар.* за 1878 годъ т. XXIII. стр. 156. Сообщеніе объ обстоятельстве написанія стихотворнаго переложенія, со словъ самаго отца-протоіерея А. В. Горскаго, дѣлаетъ г. Семеловъ, который только въ томъ ошибся что называлъ переложенное тропаремъ; между тѣмъ какъ это есть именно кондакъ. Тропарь на Преображеніе, какъ извѣстно, читается иначе.

** *Письма Филарета къ А. Н. Муравьеву*, стр. 4—5.

Последнимъ произведеніемъ Филарера, лебединою пѣснью его было стихотворное переложеніе *Утѣцательной пѣсни Григорія Богослова*. „Нашъ Богословъ переложилъ ее,—говоритъ биографъ его Н. В. Сущковъ,—въ своемъ любезномъ скиту на русскій самымъ правильнымъ гекзаметромъ и пентаметромъ. Въ октябрѣ 1866 года перевелась эта пѣсня въ часы раздумья о быломъ и грядущемъ, о земномъ и загробномъ. Мнѣ тогда же была она сообщена. Рѣдко кому я показывалъ ее. Но узнали про нее, разнеслась она и дошла до императрицы. Князь П. А. Вяземскій сказалъ старцу-переводчику что онъ видѣлъ его стихотвореніе на столѣ ея величества, и что оно понравилось государынѣ... и поэтъ-проповѣдникъ слегка покраснѣлъ!.. Такъ похвалы смущали его смиреніе, можно сказать, отроческую въ старости стыдливость!“ Вотъ самое переложеніе *Утѣцательной Пѣсни Св. Григорія Богослова*, сдѣланное Филаретомъ:

Близокъ послѣдній трудъ жизни: Плаванье злое кончаю.
Я уже вижу вдали казни горькаго зла:
Тартаръ, яращійся пламень огня, глубину вѣчной ночи,
Скрытое нынѣ во тьмѣ явное тамъ въ срамотѣ.
Но, Блаженне, помилуй и, хотя поздно, мнѣ даруй
Жизни остатокъ моей доброй по волѣ Твоей.
Много страдалъ я, о Боже Царю, и духъ мой страшится
Такихъ судныхъ вѣсовъ, не низвели бы меня....
Жребій мой понесу на себѣ, преселяясь отсюда —
Жертвой себя предаю скорбямъ свидѣющимъ духъ.
Вамъ же, грядущіе, вотъ завѣтное слово: нѣтъ пользы
Жизнь земную любить. Жизнь разрѣшается въ прахъ.*

Въ печати высказана была мысль что и не это одно стихотвореніе Св. Григорія Богослова было переложено русскими стихами рукою Филарета. ** И въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго, если имѣть въ виду особенную и давнюю любовь Филарета къ твореніямъ Св. Григорія; но, къ сожалѣнію, кромѣ приведеннаго сейчасъ, мы не обладаемъ ни однимъ стихотвореніемъ Филарета въ томъ же родѣ. За то ничего не могло быть лучше этого стихотворнаго переложенія чтобы имъ заключить звуки лиры Филарета. Это обращеніе лиры къ Богу, который и даровалъ ее человѣку.

* Сущкова, цит. соч. стр. 127—128; срав. *Дух. Бес.* за 1868 г., т. I стр. 22; *Христ. чт.* за 1877 г., №№ 9—10, стр. 501—502 и др.

** *Страники* за 1868 годъ, т. II, стр. 41.

Было время когда онъ вослѣдовалъ отца своего по плоти; было другое время когда онъ вослѣдовалъ отца по духу (митрополита Платона); было, наконецъ, время когда онъ являлся руководителемъ лиры на пути восхожденія ея къ Отцу Небесному. Настала пора, въ виду приближенія конца земной жизни, и ему самому, какъ духовному отцу, оставлять завѣщаніе духовнымъ чадамъ своимъ. Въ чемъ же состоитъ это завѣщаніе? „*Нтъ пользы жизнь земную любить. Жизнь разрѣшается въ прахъ.*“ Не это ли возвѣщала и вся многолѣтняя жизнь нашего поэта? Не о томъ ли свидѣтельствовали всѣ звуки лиры его? Ибо что приноситъ съ собою въ концѣ концовъ любовь къ земной жизни, какъ не полное разочарованіе въ ней,—ту душевную муку, то омраченіе ума, которыя самъ испыталъ, столь яркими красками изобразилъ потомъ Пушкинъ въ своихъ стихахъ 1828 года? *Жизнь разрѣшается въ прахъ*, и наоборотъ, благоуханіе небесное сопровождаетъ любовь къ жизни небесной. Въ свою очередь полнота благодатнаго утѣшенія объемлющая душу поэта не можетъ не сообщаться, хотя отчасти, и тѣмъ къ кому относится слово поэта. Заслышавъ небесные звуки „арфы серафима“, человекъ начинаетъ чувствовать то что Пушкинъ выразилъ въ немногихъ словахъ обращенія къ Филарету:

Я лилъ потоки слезъ междуныхъ,
И рамамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраделъ чистый былъ слей.
.....

Такъ много и въ немногомъ оставилъ намъ въ наслѣдіе нашъ лирическій поэтъ-святитель, по завѣщанію своему.

ИВАНЪ КОРСУНСКІЙ.

* Adv. gentes apolog. cap. XVII.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

* * *

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны—и схваченная снами
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

* * *

Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду все къ тѣмъ же берегамъ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око
Что труденъ горный путь, что цѣль еще далеко,
Что обманули сны,—и я не вѣрю снамъ.

* * *

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами,
Весь пламенѣющій побѣдными огнями
Меня дождется мой заветный храмъ.

В. С.

II.

А. А. ФЕТУ, 19 ОКТЯБРЯ 1884 ГОДА

Перелетѣвъ на крыльяхъ лебединыхъ
Двойную грань пространства и вѣковъ,
Подслушалъ ты на царственныхъ вершинахъ
Живую лѣснь умокнувшихъ лѣвцовъ.

И примавилъ твой сладкозвучный геній
Чужихъ боговъ на наши берега,
И подъ лучемъ воскресшихъ лѣснолѣтній
Растаяли сарматскіе снѣга.

И лышный завръ средь стѣли нелюдимой
На лѣснь твою расцвѣлъ и зашумѣлъ,
И самъ орелъ поэзіи родимой
Къ тебѣ съ высотъ невидимыхъ слетѣлъ.

В. С.

БИБЛЮГРАФІЯ.

I.

Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць.

Въ С.-Петербургѣ:

Нѣсколько словъ на память о въ Бозѣ почивающей Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ и о вѣдомствѣ ея учрежденій. 30 стр. 8 д. л.

Гр. И. И. Толстой. *Русская до-Петровская нумизматика.* Выпускъ первый. Монеты великаго Новгорода. XI+148+VII стр. 4 д. л.

Очеркъ морскихъ сношеній и войнъ Европейцевъ съ Китаемъ по 1860 годѣ. Съ четырнадцатью главами и картами. Д. Мертваго. VI+655 стр. 8 д. л.

Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ Русско-Турецкую войну 1877—78 годовъ. Ловча и Плевна. Съ картой и планами. Генеральнаго Штаба генераль-майора Куролаткина. Ч. I. III+375 стр. Ч. II. III+376—678 стр. 8 д. л.

Описание дѣлъ Архива Морскаго Министерства за время съ половины XVII до начала XIX столѣтій. Томъ IV. II+982 стр. 4 д. л.

Счетная палата и система государственной отчетности Италіанскаго королевства. Н. В. Пясецкаго 118+156 стр. 8 д. л.

Записки историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Томъ четырнадцатый. XVI+619+43 стр. 8 д. л.

Исторія XIX вѣка. До Ватерлоо. Мишле. Томъ III. Переводъ О. Половой и М. Цебриковой. 342 стр. 8 д. л.

Краткій указатель русской литературы по вопросу о воздугоплаваніи. Составилъ Л. Л. Л. 8 стр. 8 д. л.

А. Аксаковъ. *Позитивизмъ въ области спиритуализма.* По поводу книги А. Дассье. „О посмертномъ человечествѣ“. 228 стр. 8 д. л.

Употребляютъ ли Евреи христіанскую кровь? Алоизія Миллера. Переводъ съ нѣмецкаго. Ф. Нежданова. 19 стр. 8 д. л.

Литературная дѣятельность Тургенева. Критическій этюдъ В. Буренина. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Изданіе второе. 264 стр. 8 д. л.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Томъ шестой. 408 стр. 8 д. л.

Княжна Владимірская (Тараканова) или Заульминскіе капиталы. Историческій романъ въ четырехъ частяхъ. Сочиненіе А. Шардина. Второе изданіе 534 стр. 8 д. л.

Недоконченныя бесѣды. (Между дѣломъ.) Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). 206 стр. 8 д. л.

Эпизоды изъ Кавказской войны. Три илама. Сочиненіе Льва Гаврилова. 32 стр. 8 д. л.

Архипелагъ въ огнѣ. Романъ Жюль Верна. 147 стр. 8 д. л.

Жидовка. Опера въ пяти дѣйствіяхъ. Слова Э. Скриба. Музыка Галеви. Вольный переводъ съ италіянскаго Н. П. Овсянникова. 58 стр. 12 д. л.

Последніе матеріалы для библиографіи или описаніе книгъ, брошюръ, художественныхъ изданій, гравюръ и портретовъ русскихъ и иностранныхъ, находящихся въ библиотекѣ любителя Н. Н. Составилъ владѣлецъ означенной библиотеки Яковъ Березинъ-Ширяевъ. VII+566 стр. 8 д. л.

Русская Христолатія съ примѣчаніями. Составилъ А. Филоновъ. Часть вторая. Изданіе пятое, исправленное. V+458+X стр. 8 д. л.

Учебная книга русскаго языка въ школѣ и дома. Составилъ С. Ильменевъ. VIII+III 320 стр. 8 д. л.

Родина. Сборникъ для класснаго чтенія. Составилъ А. Радовежскій. Изданіе десятое. VI+324 стр. 8 д. л.

Александръ Цвѣтковъ. *Сборникъ произведеній русской народной словесности.* Съ примѣчаніями и словаремъ. 260 стр. 8 д. л.

Vade-mecum linguae Latinae Curabant V. Famm, R. Lande, A. Fruchmann. In usum scholarum. Editio secunda. II+347 p. in 12.

Практическое руководство къ обученію ремесламъ въ народнѣхъ школахъ. Составилъ А. Столаревскій. 363 стр. 8 д. л.

Учебный атласъ по древней исторіи съ рисунками памятниковъ искусства древнихъ народовъ. Составилъ А. В. Добряковъ. 4 д. л.

Учебникъ минералогіи вѣнскаго профессора доктора Густава Чермака. Переводъ Г. Лебедева. 379 стр. 8 д. л.

Руководство къ методическому обученію неорганической химіи Dr. Ф. Вильбранда. Перевелъ съ 4 нѣмецкаго изданія. Д. Елусафовъ. 282 стр. 8 д. л.

Курсъ астрономіи. Томъ 2й. Доктора А. Савича. VI + 605 стр. 8 д. л.

Элементы общей физиологіи. Кратко и общедоступно изложенные В. Прейсеромъ. Переводъ проф. И. Р. Тарханова. 263 стр. 8 д. л.

Краткая бухгалтерія по простой и двойной системѣ. Составилъ П. И. Рейнбольтъ. 78 стр. 8 д. л.

Адресъ С.-Петербургскихъ врачей и лѣчебницъ съ обозначеніемъ часовъ пріема и специальностей. 82 стр. 12 д. л.

Нотная азбука для пѣвческихъ хорозъ. А. Рожнова. Восьмое изданіе. 16 стр. 8 д. л.

Сборникъ правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу въ губерніяхъ Царства Польскаго. Т. IV. 16 + IX + 244 стр. 8 д. л.

Горнозаводская производительность Россіи въ 1882 году. По официальнымъ источникамъ составилъ Л. А. Карпинскій 1й. 592 стр. 8 д. л.

Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Выпускъ XII. 8 д. л.

Настоящее положеніе питейно-акцизнаго дѣла въ Россіи. 171 стр. 8 д. л.

Головные боли, ихъ сущность, причины и лѣченіе. Сочиненіе Уильяма Дѣя. Переводъ Dr. Трусевича. X + 198 стр. 8 д. л.

Учебникъ патологической анатоміи. Проф. Н. П. Ивановскаго. Выпускъ IV. 481—672 стр. 8 д. л.

Справочная книжка по тактикѣ. Составилъ Н. Левицкій. Изданіе 7е. Съ чертежами. Издавъ В. Березовскій. X + 329 стр. 12 д. л.

Руководство по общему курсу мимнаго искусства. Составилъ лейтенантъ Э. Щеленовичъ. Выпускъ I. II + 172 стр. 8 д. л.

Приложєнія механики къ живому тѣлу. Курсъ минааго офицерскаго класса. Составилъ В. Купріяновъ. XI+182 стр. 8 д. л.

Полный учебникъ для кавалерійскихъ полковыхъ учебныхъ командъ. Составилъ В. Крестовскій. IV+336 стр. 8 д. л.

Русскій карманный календарь для вѣсть. 1885. 100 стр. 12 д. л.

Народный вѣсегодникъ на 1885 годъ. 160 стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ:

Journal tenu par la princesse Tourkestanow (1818) et lettres de Christin à une dame de sa connaissance (1830—1831). 164 p. in 8.

Возрожденіе классической древности или первый стѣкъ гуманизма. Соч. Георга Фойхта. Перевелъ И. П. Рассадинъ. Т. II. V+455+XXV стр. 8 д. л.

Римскія древности. Описаніе общественной и частной жизни древнихъ Римлянъ. А. Зиновьева. II+208 стр. 8 д. л.

А. С. Пушкинъ. Новонайденныя его сочиненія. Его черновыя письма. Письма къ нему разныхъ лицъ. Біографическія и критическія статьи о немъ. II. 200 стр. 8 д. л.

Стихотворенія И. З. Сурикова. 1863—1880. Полное собраніе. Съ портретомъ автора гравированнымъ въ Лейпцигѣ, факсимиле, фотографическимъ снимкомъ памятника съ могилы покойнаго поэта и біографическимъ очеркомъ жизни его. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Изданіе четвертое посмертное К. Т. Солдатенкова. СХС×396 стр: 8 д. л.

Пѣсни о Сибири. В. Михеева. XII+197 стр. 8 д. л.

И. Я. Мясницкій. Смѣшная публика. Юмористическіе рассказы, наброски и картинки. 321 стр. 8 д. л.

Король Лиръ. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ В. Шекспира. Переводъ С. Юрьева, 4 д. л.

Чарльзъ Диккенсъ. Очерки и рассказы. Переводъ съ англійскаго И. В. Майкова. 445 стр. 8 д. л.

Очерки и картины изъ географіи Европы. Географическая хрестоматія для учащихся. Составилъ Н. Малининъ. 392 стр. 8 д. л.

Курсъ общей ботаники. Н. Е. Цабель. XVII+130 стр. 8 д. л.

Задачи по начертательной геометріи. Составилъ В. А. Немолодымовъ. IV+40 стр. 8 д. л.

Дг. Адольфа Штрюмпеля. *Руководство къ частной патологiи и терапiи внутреннихъ болѣзней для врачей и студентовъ*. Т. II, часть I. Болѣзни нервной системы, 421 стр. 8 д. л.

Въ Одессѣ:

Собраніе душевспасительныхъ разказовъ. Изданіе русскихъ общежительныхъ скитовъ на Св. Аеонѣ. 8 д. л.

Г. Ф. Блюменфельдъ. *О формахъ землевадѣнія въ древней Россіи*. 346 стр. 8 д. л.

Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Южной Россіи. III. Археологія. А. Б. Матвѣевъ. 100 стр. 8 д. л.

Г. Е. Аевасевъ. *Главные моменты министерской дѣятельности Тюрео*. X+289+XXI стр. 8 д. л.

Приключенія и путешествія Гулливера. Передѣлаво для ювощества Францомъ Гофманомъ. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Вейнбергъ. Изданіе второе. 152 стр. 8 д. л.

Письма изъ Новороссійскаго края. А. Н. Молчанова. 48 стр. 8 д. л.

Альбомъ замѣчательныхъ видовъ Константинополя съ планами и приложеніемъ портрета основателя. 20 стр. 8 д. л.

Нѣмецкая аристоматія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній съ приложеніемъ алфавитнаго словаря. Составилъ К. Я. Бѣлицкій. Изданіе второе. VIII+558+208 стр. 8 д. л.

Приближенное исчисленіе. Составилъ Антовъ Мануйловъ: 99 стр. 8 д. л.

Какой вредъ приноситъ человеку табакъ? 32 стр. 8 д. л.

Одесскій Куальниукій лиманъ. Наблюденія и замѣтки бывшаго паціента. 30 стр. 8 д. л.

Отчетъ филлоксерной коммисіи при Императорскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства Южной Россіи по изслѣдованію виноградниковъ Бессарабской, Херсонской и части Подольской губерній въ 1883 году. XXXIII+327 стр. 8 д. л.

Въ Кіевѣ:

Архивъ югозападной Россіи издаваемый временною коммисіей для разбора древнихъ актовъ Высочайше утвержденною при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генераль-губернаторѣ. Часть первая. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ югозападной Руси. (1322—1648 годы). Томъ VI. 182+938 стр. 8 д. л.

Опытъ практическаго хлѣвководства. Ф. А. Г. 49 стр. 8 д. л.

Въ Варшавѣ:

Курсъ грамматики А. Фишера-фонъ-Вальдгейма. Часть I. Съ 300 рисунковъ въ текоть. VII+198 стр. 8 д. л.

Сравнительная грамматика польскаго языка съ русскимъ, составленная Михаиломъ Грубецкимъ. Четвертое изданіе. 102 стр. 8 д. л.

Отчета по опытной фермѣ института сельскаго хозяйства и львоводства въ Новой Александріи. Доцента Будрика. 91 стр. 8 д. л.

Въ Ригѣ:

Первая дорожка къ грамотѣ. Новая съ прирастающими буквами русская азбука въ связи съ пролісями, ариметическими задачами и числовыми примѣрами. Составилъ А. Ивантеръ. 107 стр. 8 д. л.

Въ Гроднѣ:

Уставы о воинской повинности, положеніе о государственномъ ополченіи и инструкціи о военно-конской повинности. Третье изданіе. Составилъ К. Ушаковъ. 258 стр. 8 д. л.

Въ Вильнѣ:

Западно-русскій лѣсловоуказъ на 1885 годъ. 58 стр. 8 д. л.

Въ Тифлисѣ:

Пособіе для первоначальнаго обученія латинскому языку. Курсъ перваго и втораго классовъ. Составилъ І. Дрбоглавъ. 175 стр. 8 д. л.

Въ Новочеркасскѣ:

Статистическое описаніе Области Войска Донскаго. Составилъ Семья Номиносовъ. 761+XV стр. 8 д. л.

Въ Омскѣ:

Историческій очеркъ образованія и развитія Сибирскаго Кадетскаго Корпуса. 1826—1876. Составленъ по официальнымъ источникамъ. 129 стр. 8 д. л.

Въ Екатеринбургѣ:

Азбука составленная коммиссіей учителей Екатеринбургскаго уѣзда. 20 стр. 8 д. л.

Въ Николаевѣ:

Первоначальныя правила чтенія и краткая грамматика французскаго языка. Курсъ IV. Составилъ Генрихъ Гиньяръ.

Въ Θεодосіи:

Θεодосія (историческій очеркъ). Составилъ В. К. Виноградовъ. 151 стр. 8 д. л.

II.

A. Fokke. *Rettungen des Alkibiades.* I Die sicilische Expedition. Emden. W. Haunel. 1833. 8.

Къ числу наиболее интересныхъ характеровъ встрѣчаемыхъ нами въ исторіи принадлежить, безъ сомнѣнія, Алкивиадъ. Уже древніе историки, начиная съ Θυκιδιда, пытались объяснить и привести ко внутреннему единству тѣ противорѣчія которыми на первый взглядъ изобиловалъ характеръ этого даровитаго государственнаго человѣка. Эти попытки не привели пока къ удовлетворительному результату, не только потому что предметъ изслѣдованія представлялъ значительныя трудности, но и потому въ особенности что самое изслѣдованіе не всегда было свободно отъ тенденціознаго пристрастія. Тѣмъ не менѣе, съ теченіемъ времени плодомъ этихъ неудачныхъ характеристикъ Алкивиада явилась общая формула принятая съ незначительными вариациями почти всѣми учеными и популяризаторами исторіи, которымъ въ своихъ работахъ приходилось говорить объ Алкивиадѣ. По ихъ словамъ, Алкивиадъ принадлежитъ къ тѣмъ „демоническимъ натурамъ“ (Веберъ) которыя рѣшаютъ судьбы цѣлыхъ странъ и народовъ, не подчиняются существующимъ законамъ и преданіямъ государства, а избираютъ себѣ собственною властью путь произвола, сабло вѣрять въ свое неизмѣримое превосходство надъ прочими людьми и находятъ удовольствіе въ осласныхъ предпріятіяхъ и критическихъ положеніяхъ. Патріотизмъ Алкивиада, по ихъ мнѣнію, былъ великъ, но выше патріотизма были его эгоизмъ и властолюбіе вслѣдствіе которыхъ Александръ, презирая нравственныя

и государственные законы и заглушая голосъ собственной совѣсти, стремилась лишь къ тому чтобы разрушить демократическое государственное устройство, при которомъ де Афиняне такъ долго и такъ счастливо жили, дабы самому стать неограниченнымъ властителемъ надъ порабощеннымъ народомъ.

Нѣмецкій ученый А. Фокке поставилъ себѣ цѣлью провѣрить основательность этого общепринятаго мнѣнія объ Алкивиадѣ. Онъ подвергъ строгому и тщательному анализу все дошедшіе до насъ памятники исторической литературы касающіеся Алкивиада и его времени, и пришелъ къ тому результату что Алкивиадъ стремился къ болѣе высокой и идеальной цѣли нежели та которую ему обыкновенно приписываютъ ученые выставляяющие его властолюбивымъ эгоистомъ. „Алкивиадъ“, говоритъ Фокке, „былъ главнымъ носителемъ идеи единства Эллады; онъ не останавливался ни предъ какими средствами для того чтобы доставить первенство въ Элладѣ Афинскому государству и чрезъ это способствовать созданію того единства которое являлось необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго процвѣтанія Эллинскаго народа“.

Трудъ г. Фокке разчитавъ на нѣсколько частей; пока появилась только первая, посвященная знаменитой, предпринятой по настоянію Алкивиада экспедиціи Афинявъ въ Сицилію, послужившей одною изъ главныхъ причинъ послѣдовавшаго затѣмъ паденія Афинъ въ борьбѣ со Спартой.

Неудача этой экспедиціи, такъ сильно отразившаяся на дальнѣйшей судьбѣ Афинскаго государства, подаваетъ конечно поводъ лоризателямъ Алкивиада приписать ему главную вину въ этомъ тяжкомъ несчастіи. Г. Фокке совершенно основательно указываетъ на то что обвиненіе это далеко не справедливо. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ упрекать Алкивиада въ томъ что состоявшійся по его настоянію и начавшійся подъ его водительство походъ Афинявъ въ Сицилію кончился пораженіемъ афинскихъ войскъ когда Алкивиадъ въ самомъ же началѣ похода былъ отстраненъ отъ водительства. Еслибъ осуществленіе завѣтной мечты Алкивиада было предоставлено ему самому, то легко можетъ быть что она дѣйствительно и осуществилась бы и дала бы возможность Алкивиладу, уничтоживъ спартанское могущество въ

Сициліи, собрать всю Элладу подъ прочно установленную гегемонію Аѳинъ. Ясно сѣдовательно что независимый отъ Алкивіада исходъ Сицилійской экспедиціи не можетъ по справедливости быть поставленъ ему въ вину. Единственное участіе Алкивіада въ этомъ дѣлѣ, по свидѣтельству Фукидида, заключалось въ томъ что онъ не щадилъ усилій для того чтобы побудить Аѳинянъ къ снаряженію того громаднаго морскаго и сухопутнаго войска которое должно было разъ навсегда положить прочное основаніе аѳинскаго могущества въ Сициліи. Поэтому вопросъ о виновности Алкивіада по отношенію къ Сицилійской экспедиціи сводится лишь къ тому, дѣйствовалъ ли Алкивіадъ въ интересахъ Аѳинскаго государства въ то время когда онъ такъ усиленно настаивалъ на отправленіи аѳинскихъ войскъ въ Сицилію, предполагая что это предпріятіе увѣнчается успѣхомъ.

Извѣстный англійскій историкъ Гротъ, считающійся доселѣ однимъ изъ лучшихъ научныхъ авторитетовъ во всѣхъ вопросахъ касающихся Пелопоннесской войны, отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно. Восторженный поклонникъ Перикла и его политики, Гротъ, упрекаетъ Алкивіада въ томъ что онъ своимъ легкомысленнымъ совѣтомъ преступилъ благоразумные предѣлы осторожной политики своего великаго предшественника и этимъ вовлекъ свое отечество въ неминуемую гибель.

Г. Фокке, возражая Гроту, доказываетъ что политика Перикла, направленная къ устраненію недостатковъ аѳинскаго демократическаго правленія, а также къ развитію научнаго и художественнаго процвѣтанія Аѳинъ, дѣйствительно занимала весьма осторожное, скорѣе выжидательное положеніе въ отношеніи къ усиливавшейся предпріимчивости Спарты; но эта выжидательная политика могла быть полезна государственнымъ интересамъ Аѳинъ только въ то время когда жилъ Периклъ, то-есть въ самомъ началѣ Пелопоннесской войны; нѣтъ сомнѣнія что при измѣнившихся обстоятельствахъ и Периклъ, такъ тонко ловившій интересы своего отечества и всецѣло имъ преданный, измѣнилъ бы свою политику, расширивъ ея предѣлы подобно тому какъ это сдѣлалъ Алкивіадъ, еслибъ его не похитила преждевременная смерть. Но еслибы даже допустить что Периклъ и въ среднѣ, и въ концѣ Пелопоннесской войны не рѣшился бы въ интересахъ государства отказаться отъ своей выжидательной

политики, несмотря на то что она вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ утратила первоначальную свою полезность, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ что и Алкивиадъ долженъ былъ слѣло слѣдовать авторитету своего великаго предшественника. При шаткихъ основахъ демократической системы внутри Аѣинскаго государства и при быстро мѣнявшихся политическихъ комбинаціяхъ внѣ его, государственнымъ людямъ того времени нужно было быть не узкими рутинерами, а дальновидными, ловкими *оппортунистами* не улускавшими представлявшихся имъ случаевъ для достиженія намѣченной ими цѣли. Къ тому же, политика Перикла была обусловлена самою личностью Перикла и должна была прекратиться съ его смертію. Это мы ясно видимъ на примѣрѣ Никія, который хотѣлъ было принять на себя государственную роль Перикла и оказался лишь жалкимъ подражателемъ.

Къ тому же оборонительная система веденія войны которой придерживался Периклъ и которая силой самихъ вещей должна была уступить при дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ событій системѣ наступательной, вовсе не соответствовала характеру Аѣинскаго народа. Энергическое и цѣлесообразное противодѣйствіе Спартѣ Аѣиняне считали своею обязанностью какъ по отношенію къ самимъ себѣ, такъ и по отношенію ко всей прочей Элладѣ. Стремленіе ихъ къ расширенію своей гегемоніи надъ всею Элладой было только логическимъ слѣдствіемъ всего предшешаго политическаго развитія Аѣинскаго государства. Поэтому политика ставшая во главѣ этого великаго стремленія была самою естественною, правильною и цѣлесообразною и соответствовала не только дѣйствительнымъ интересамъ самихъ Аѣинъ и прочей Эллады, но и интересамъ всей древней цивилизаціи, интересамъ всего человѣчества, насколько эти интересы соприкасаются съ блестящимъ расцвѣтомъ аѣинскихъ наукъ и искусствъ, которыя при первенствующемъ положеніи Аѣинъ послѣ Персидской войны такъ быстро достигли своего апогея и столь же быстро пришли въ упадокъ, лишь только Аѣины должны были отказаться отъ идеи гегемоніи надъ объединенною Элладой вслѣдствіе несчастнаго для нихъ исхода Пелопоннесской войны.

Никто изъ Аѣинянъ не былъ такъ всецѣло преданъ этой грандіозной идеѣ, никто такъ искренне и горячо не вѣрилъ въ возможность ея осуществленія и никто съ

такою энергіей не боролся со всѣми препятствіями мѣшавшими этому осуществленію какъ тотъ человѣкъ котораго ученая рутиня привыкла представлять лишь честолюбивымъ эгоистомъ. Мало того, можно даже прямо утверждать что одинъ только Алкивіадъ и могъ осуществить эту идею. Это заключеніе мы выводимъ изъ той выдающейся роли которую онъ игралъ въ смутное время между Никіевымъ миромъ и Сицилійскою экспедиціей, когда онъ имѣлъ случай выказать свои дѣйствительно блестящія политическія дарованія; эти дарованія навѣрное наши бы себѣ еще болѣе широкое и плодотворное примѣненіе еслицъ Алкивіаду было суждено привести въ исполненіе задуманный имъ обширный планъ объединенія Элады, первымъ шагомъ къ которому была столь горячо имъ рекомендованная экспедиція въ Сицилію.

Фукидидъ сохранилъ намъ рѣчь которую Алкивіадъ произнесъ въ Аѣнскомъ народномъ собраніи въ отвѣтъ на рѣчь Никія, протестовавшаго противъ смѣлаго предпріятія Алкивіада. Такъ какъ рѣчь Алкивіада содержитъ въ себѣ всѣ доводы въ пользу экспедиціи и своею убѣдительною увлекла Аѣнчанъ къ одобренію предлагавшагося Алкивіадомъ похода, то весьма естественно что порицатели Алкивіада на этой именно рѣчи главнѣйшимъ образомъ сосредоточиваютъ свои нападенія, въ виду чего и г. Фокке со своей стороны на ней преимущественно останавливаетъ вниманіе своихъ читателей.

Сравнивая обширный политическій горизонтъ открывающійся съ высоты Алкивіадовой политики, насколько она выражена въ его рѣчи, съ узкимъ кругозоромъ боязливой и мелочной политики Никія, блѣдная рѣчь котораго получала нѣкоторое значеніе лишь вслѣдствіе неудавшейся Сицилійской экспедиціи, г. Фокке весьма основательно доказываетъ что вообще оцѣнка политики государственныхъ людей съ точки зрѣнія конечнаго ея успѣха, не зависѣвшаго отъ воли самихъ политиковъ, не можетъ считаться правильною, и что въ особенности въ данномъ случаѣ предпочтеніе отдаваемое Гротомъ Никію предъ Алкивіадомъ совершенно неосновательно, такъ какъ въ этомъ случаѣ пришлось бы и политику Перикла считать „легкомысленною“ въ виду того что она въ концѣ концовъ привела къ Пелопоннесской войнѣ и исходъ этой войны былъ несчастенъ для Аѣнъ; на это можно было бы возразить что исходъ этой войны не можетъ быть

поставленъ въ вину Периклу такъ какъ онъ умеръ въ самомъ началѣ войны; но въ такомъ случаѣ и исходъ Сицилійской экспедиціи не можетъ быть поставленъ въ вину Алкивиаду, такъ какъ онъ въ самомъ началѣ ея, до открытія военныхъ дѣйствій, былъ отстраненъ отъ командованія экспедиціонными войсками перешедшаго затѣмъ въ руки того самаго Никія который такъ сильно противился всякой мысли объ этой экспедиціи!

Порицатели Алкивиада идутъ однако далѣе и утверждаютъ что еслибы даже Сицилійская экспедиція удалась, она не принесла бы никакой пользы Греціи, такъ какъ де „Греки не способны были къ политическому единству“. Г. Фокке доказываетъ неосновательность подобнаго утвержденія и предостерегаетъ отъ обычной въ некоторыхъ ученыхъ опредѣлять характеръ цѣлаго народа и навязывать ему особую роль въ исторіи на основаніи нѣсколькихъ остроумныхъ выводовъ изъ нѣкоторыхъ поверхностно изслѣдованныхъ фактовъ. Сколько краснорѣчія, на примѣръ, было потрачено на то чтобы доказать что Нѣмцамъ принадлежитъ исключительно только „сфера идей и метафизической спекуляціи“ и лишь нашему времени суждено было убѣдиться въ неосновательности этой исторической „истины“. Точно также изъ того факта что Греки не имѣли времени дожить до политическаго единства невозможно вывести положеніе что они вообще не были способны къ этому единству, а затѣмъ на основаніи этой мнимой истины порицать тѣхъ государственныхъ людей которые вѣрили въ это единство и всѣми силами къ нему стремились.

Не считая политическое единство противорѣчающимъ національному характеру Эллиновъ, г. Фокке открываетъ предъ нами перспективу событій которыя, по человѣческому расчету, могли бы явиться слѣдствіемъ благополучнаго исхода Сицилійской экспедиціи, еслибы веденіе этого предпріятія находилось въ рукахъ Алкивиада и не было бы искажено ошибками близорукаго и нерѣшительнаго Никія.

Прежде всего Эллада не сдѣлалась бы жертвой грубаго и неадаптивнаго деспотизма Спарты, такъ сильно содѣйствовавшая ея политическому и нравственному разложенію и подготовившая этимъ путь къ еще болѣе грубому владычеству Македонскому и Римскому. Затѣмъ рѣшительная побѣда Аѳинянъ надъ Спартанцами въ Сициліи избавила бы Элладу отъ пагуб-

наго и лозорнаго для нея вмѣшательства Персовъ въ Пелопоннесскую войну и спасла бы малоазіатскія колоніи отъ новаго Персидскаго ига. Наконецъ не подлежитъ сомнѣнію что, такъ какъ политическіе интересы Аѳинянъ всегда шли объ руку съ ихъ торговыми интересами, то они извлекали бы изъ своей Сицилійской побѣды такіа блестящія выгоды и для себя и для всей Греціи о которыхъ Спартанцы никогда и думать не могли и которые для Коринѳянъ, единственныхъ серьезныхъ соперниковъ Аѳинянъ въ морской торговлѣ, не были достижимы вслѣдствіе незначительной ихъ политической роли.

Но г. Фокке не останавливается на этихъ несомнѣнныхъ послѣдствіяхъ предполагаемой побѣды Аѳинянъ подъ руководствомъ Алкивіада въ Сициліи. Онъ идетъ далѣе и рисуетъ намъ, правда, не точную въ научномъ отношеніи, но весьма правдоподобную картину судьбы Эллады подъ благотворнымъ вліяніемъ Аѳинской прочно установившейся гегемоніи, которая во всѣхъ населенныхъ Греками городахъ и странахъ побѣдоносно подняла бы знамя Элладской свободы и цивилизаціи, и всюду пробудила бы новую и плодотворную жизненную энергію. Государственное устройство самихъ Аѳинянъ должно было бы конечно при этихъ условіяхъ измѣниться и демократія должна была бы уступить мѣсто просвѣщенной и благотворной абсолютной монархіи или чему-либо въ родѣ Цезаревой диктатуры. При такой политической организаціи единая монархическая Эллада могла бы выйти побѣдительницей изъ борьбы съ Македонскими царями и не такъ скоро подчинилась бы обезличивавшему вліянію Рима. Конечно, замѣна демократической формы правленія въ Аѳинахъ монархическою могла осуществиться лишь какъ логическая необходимость двумя, тремя поколѣніями позже Алкивіада, самъ же онъ въ свое время едва ли и вѣрилъ въ возможность подобнаго государственнаго переворота, такъ что тѣ обвиненія которыя возводились на него врагами, упрекавшими его въ тайномъ желаніи сдѣлаться Аѳинскимъ тираномъ, едва ли могутъ считаться основательными. Это доказывается уже тѣмъ что въ 408 году, когда самъ народъ въ порывѣ всоудушевленія предложилъ ему неограниченную государственную власть, Алкивіадъ отъ нея отказался.

Таково содержаніе въ высшей степени интересной книги г. Фокке. Доводы свои авторъ основываетъ на весьма удачномъ и остроумномъ толкованіи всѣхъ сопоставленныхъ имъ

съ необыкновенною полнотой историческихъ источниковъ касающихся Алкивиада, а потому доводы эти отличаются почти всегда убѣдительностью. Съ вѣтеряннѣею ожидаемъ мы появленія второй части *Реабилитации Алкивиада*, въ которой г. Фокке обѣщаетъ намъ защитить Алкивиада отъ вводимого на него обвиненія въ измѣнѣ отечеству, такъ какъ отъ успѣха этой защиты до нѣкоторой степени зависитъ и реабилитация Алкивиада въ дѣлѣ Сицилійской экспедиціи. Лишь тогда когда мы убѣдимся въ бескорыстїи и патріотизмѣ Алкивиада перешедшаго на сторону Спартанцевъ и боровшагося противъ своего отечества, мы вполнѣ повѣримъ и тому что побуждая Афинявъ къ экспедиціи въ Сицилію Алкивиадъ имѣлъ въ виду не личную свою выгоду подобно Наполеону I предпринявшему свою экспедицію въ Египеть, а исключительно пользу Афинъ и всей Эллады.

В. Г.

III.

(R. C. Jebb. *Die Reden des Thukydides*. Autorisirte Uebersetzung von T. Imelmann. Berlin. W. Weber. 1883. 8. 65 pp.).

Вопросъ объ исторической подлинности рѣчей встрѣчающихся въ исторїи Фукидида давно уже занимаетъ филологовъ.

Еще въ тридцатыхъ годахъ появились монографїи Геймайна, Пфау и Фишера (W. Vischer) посвященная разбору этого вопроса, изъ коихъ работа послѣдняго *Объ историческомъ элементѣ въ рѣчахъ Фукидида* отличалась тонкимъ знанїемъ дѣла и правильною постановкой самаго вопроса. Въ пятидесятыхъ годахъ этотъ вопросъ подвергся новому изученїю со стороны нѣмецкихъ ученыхъ Лангрейтера и Тизлера, къ которымъ въ шестидесятыхъ годахъ присоединилась Уригъ и французскїй ученый Дени (S. Denis. *Thucydide. Valeur historique de ses discours*). Но наибольшее оживленїе въ филологической литературѣ рѣчи Фукидида вызвали въ семидесятыхъ годахъ когда появились изслѣдованїя Гюлле, Михаэлера, Клейста, Дрефке, Зѣргеля и въ особенности диссертация Лемманна (Johannes Lehmann): *Thucydidem in orationibus suis vere habitas minus*

respicere demonstratur), въ которой высказывались довольно вѣские на первый взглядъ доводы противъ исторической достовѣрности Фукидидовыхъ рѣчей. Но и не въ однихъ только монографіяхъ разсматривался вопросъ объ этихъ рѣчахъ; онъ подвергся всестороннему обсужденію и во многихъ другихъ ученыхъ трудахъ касавшихся Фукидиды вообще какъ историка, а также въ различныхъ комментаріяхъ къ тексту самихъ рѣчей. Мы уломяемъ только о чрезвычайно интересной и поучительной книгѣ французскаго ученаго Жирара (J. Girard. *Essai sur Thucydide*. Paris. 1860) и въ особенности о трудѣ мюнхенскаго ученаго Вельдгофера (H. Welzhofer. *Thukydides und sein Geschichtswerk*. München. 1878), въ которомъ въ противоположность Леманну и другимъ скептикамъ не допускается ни малѣйшаго сомнѣнія въ исторической подлинности общаго содержанія тѣхъ рѣчей которыя Фукидидъ влагаетъ въ уста главнымъ дѣятелямъ эпохи Пелопоннесской войны.

Новѣйшее изслѣдованіе вопроса о Фукидидовыхъ рѣчахъ принадлежитъ англійскому ученому Джеббу и появилось еще въ 1880 году вмѣстѣ съ другими восемью изслѣдованіями изъ области греческой древности, вошедшими въ изданный Абботомъ сборникъ подъ общимъ заглавіемъ: *Hellenica. A collection of essays on Greek poetry, philosophy, history and religion*. Въ прошломъ году обратившій на себя вниманіе трудъ Джебба появился въ прекрасномъ нѣмецкомъ переводѣ Имельмана и былъ весьма сочувственно встрѣченъ нѣмецкою филологическою критикою, признавшею въ немъ новый шагъ къ рѣшенію вышеозначеннаго спорнаго вопроса.

Одинъ уже тотъ фактъ что этотъ вопросъ вызвалъ цѣлую литературу указываетъ на его важность для правильной оцѣнки характера какъ самого историка такъ и главныхъ дѣятелей описанной имъ эпохи Пелопоннесской войны.

Фукидидъ съ полною справедливостію всѣми признается однимъ изъ самыхъ объективныхъ и безпристрастныхъ историковъ всѣхъ временъ и народовъ. Всѣ единогласно восхваляютъ его добросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу и строгую критическую провѣрку тѣхъ источниковъ изъ коихъ онъ черпалъ матеріалъ для своей исторіи. Въ этомъ отношеніи онъ является не только творцемъ исторической науки, но и первокласснымъ, почти идеальнымъ образцомъ историка. Между тѣмъ многие изъ самыхъ искреннихъ поклонниковъ

Θυκιδίδα почти совершенно отвергаютъ историческую подлинность значительной части Θυκιδидова творенія. Сомнѣнія ихъ относятся именно къ тѣмъ *рѣчамъ*, которыя Θυκιδидъ въ такомъ изобиліи приводитъ въ своей исторіи что онѣ составляютъ не менѣе четвертой части всего его труда. Въ первыхъ семи книгахъ мы насчитываемъ не менѣе *сорока пяти рѣчей* передаваемыхъ историкомъ въ дословномъ ихъ содержаніи. Но если Θυκιδидъ въ цѣлой четверти своей исторіи отступилъ отъ своихъ принциповъ правдивости, безпристрастія и точности и вернулся къ столь презираемому имъ самимъ методу своихъ предшественниковъ, такъ-называемыхъ *логографовъ*, то можно ли его вообще считать достовернѣйшимъ изъ историковъ и гениальнымъ творцемъ критической и объективной исторической науки? Такимъ образомъ *рѣчи* Θυκιδиды являются пробнымъ камнемъ для достоверности всей Θυκιδидовой исторіи.

Теорія ученыхъ сомнѣвающихся въ подлинности названныхъ *рѣчей* заключается въ слѣдующемъ:

„Эти *рѣчи*, говорятъ они, явились плодомъ свободнаго творчества риторически образованнаго историка; въ дѣйствительности ихъ никто никогда не произносилъ, а изобрѣлъ ихъ Θυκιδидъ для того чтобы высказать въ нихъ свои политическія убѣжденія и выразить свое личное мнѣніе о жившихъ при немъ историческихъ дѣятеляхъ и совершавшихся вокругъ него событіяхъ. Такимъ образомъ онъ выразилъ въ этихъ *рѣчахъ* какъ бы „философію Пелопоннесской войны“, изображая въ нихъ внутреннюю духовную связь событій и характеристику борющихся государствъ, партій и лицъ и облекая эту борьбу въ болѣе живую драматическую форму. *Рѣчи* Θυκιδиды исполняютъ слѣдовательно какъ бы роль *лора* въ древней трагедіи, противопоставляющаго дѣйствительнымъ событіямъ субъективныя разсужденія автора или предполагаемыхъ зрителей. То что новѣйшіе историки говорятъ въ своихъ трудахъ отъ своего лица, то Θυκιδидъ влагаетъ въ уста своимъ героямъ. Отъ этого, правда, пострадало научное достоинство его творенія, но за то оно приобрѣло высокое художественное значеніе.“

Вся эта теорія старается отыскать себѣ основаніе въ собственныхъ словахъ Θυκιδиды, которыя однако какъ разъ опровергаютъ ее. Дѣло въ томъ что великій историкъ, относясь ко всему съ величайшею добросовѣстностію, самъ

въ предисловіи къ своей исторіи весьма опредѣленно высказался о значеніи встрѣчающихся въ ней рѣчей, какъ бы предвидя тѣ нареканія которыя противъ нихъ возбуждаютъ ученые XIX столѣтія. Вотъ его слова: „Все что лица принимавшія участіе въ войнѣ говорили въ видѣ рѣчей какъ до войны такъ и во время оной, все это дословно удержать въ памяти было бы чрезвычайно трудно какъ мнѣ самому, лично слышавшему нѣкоторыхъ изъ этихъ рѣчей, такъ и тѣмъ которые мнѣ сообщали изъ другихъ мѣстъ остальныхъ рѣчи. Я поэтому привелъ тѣ слова которыя представлялись мнѣ наиболее подходящими къ даннымъ обстоятельствамъ, *придерживаясь однако какъ можно ближе къ общему смыслу дѣйствительно произнесенныхъ словъ.*“

Можно ли изъ этихъ словъ самого историка вывести заключеніе что рѣчи встрѣчающіяся въ его твореніи являются плодомъ его фантазіи и имѣютъ лишь художественное, драматическое или философское значеніе, выражая лишь субъективныя воззрѣнія самого писателя? Не выразилъ ли напротивъ Фукидидъ въ этихъ словахъ своей основной принципъ, состоящій въ томъ что историкъ долженъ употреблять всѣ зависящія отъ него средства для отысканія и изображенія дѣйствительной истины, тамъ же гдѣ это по существу самаго дѣла оказывается невозможнымъ, онъ долженъ стремиться къ *наибольшей строгости*? Это тотъ самый основной принципъ, котораго и въ настоящее время придерживается всякій изслѣдователь на какомъ бы то ни было научномъ полприщѣ.

А что Фукидидъ при своей добросовѣстности долженъ былъ относиться къ *словамъ* изображенныхъ имъ дѣятелей съ такою же строгою тщательностію съ какою онъ относился къ *дѣламъ* ихъ, это болѣе чѣмъ вѣроятно въ виду того что при демократическомъ строѣ древнихъ греческихъ государствъ и при отсутствіи какого бы то ни было вида печати, отодвинувшей въ послѣдствіи живое слово на второй планъ исторической сцены, рѣчи произносившіяся въ народныхъ собраніяхъ выдающимися государственными дѣтелями имѣли столь же важное значеніе какъ и дѣла ихъ; можно даже прямо сказать что въ то время каждая рѣчь была *дѣломъ*, такъ какъ государства управлялись рѣчами болѣе или менѣе талантливыхъ ораторовъ. Рѣчи эти весьма часто были исходными точками новыхъ политическихъ измѣненій и событій и искусный

ораторъ могъ своимъ словомъ дать всѣмъ дѣламъ совершенно иное направленіе. Всякій даже заурядный историкъ того времени долженъ былъ поэтому дорожить подлинными словами государственныхъ дѣателей и во всякомъ случаѣ подлиннымъ содержаніемъ произнесенныхъ ими наиболее важныхъ историческихъ рѣчей; тѣмъ болѣе долженъ былъ знать ихъ цѣну такой историкъ какъ Фукидидъ. Еслибъ онъ позволялъ себѣ замѣнить эти рѣчи произведеніями своего поэтическаго или философскаго воображенія, то его современники, для которыхъ онъ между прочимъ составилъ свою исторію, не узнали бы въ его изображеніи пережитыхъ ими великихъ событій Пелопоннесской войны, такъ какъ въ этомъ изображеніи были бы искажены неразрывно связанныя съ этими событіями рѣчи выдававшихся дѣателей этой эпохи. Никто не могъ бы себѣ представить событій описанныхъ Фукидидомъ не вызывая при этомъ въ своей памяти знаменитыхъ рѣчей напримѣръ Перикла или Алкивиада, такъ какъ эти рѣчи составляли такую же существенную, неотъемлемую часть Пелопоннесской войны какъ и происходившія во время нея сраженія и заключенные въ разное время договоры. Ясно поэтому что Фукидидъ не могъ замѣнить этихъ рѣчей въ своей исторіи рядомъ произвольно вымышленныхъ риторическихъ или философскихъ фразъ.

Такимъ образомъ, какъ характеръ нашего историка такъ и собственныя его слова противорѣчатъ приведенной выше теоріи фантастическаго происхожденія его рѣчей. На чемъ же въ такомъ случаѣ теорія эта основывается? Одинъ изъ главныхъ ея доводовъ заключается въ томъ что Фукидидъ намъ не говоритъ откуда онъ могъ достать подлинный текстъ приводимыхъ имъ рѣчей. Вопросъ тутъ конечно сводится къ тому, записывались ли въ эпоху Пелопоннесской войны политическія рѣчи или нѣтъ. Этотъ именно вопросъ былъ подвергнутъ подробному разсмотрѣнію въ вышеозначенной работѣ Вельцгофера, и мы здѣсь можемъ ограничиться сообщеніемъ тѣхъ результатовъ къ которымъ пришелъ мюнхенскій ученый.

Если принять въ соображеніе, говоритъ г. Вельцгоферъ, ту первостепенную важность которую живая рѣчь имѣла въ вѣкъ Перикла, то едва ли можно повѣрить чтобы величавыя и сильныя рѣчи, приводившія слушателей въ неописанное, восторженное волненіе и рѣшавшія судьбу цѣлыхъ госу-

дарствѣ, тотчасъ по произнесеніи ихъ предавались полному забвенію и уничтоженію и чтобы не принималось никакихъ мѣръ къ ознакомленію съ ними не слышавшихъ ихъ современниковъ и потомковъ. Если, какъ намъ извѣстно, наиболѣе замѣчательныя гражданскія и уголовныя судебныя рѣчи уже въ то время записывались, сохранялись и издавались въ свѣтъ, то можно почти навѣрное предположить что еще съ большою заботливостью относились къ сохраненію несравненно болѣе важныхъ политическихъ рѣчей. Паутархъ намъ говоритъ что Периклъ всходилъ на ораторскую трибуну не иначе какъ тщательно обработавъ ту рѣчь которую онъ готовился произнести предъ народомъ; точно также навѣрное поступали и другіе великіе ораторы; такимъ образомъ болышинство политическихъ рѣчей были записаны еще раньше чѣмъ ихъ произносили сами ораторы, которые конечно всего болѣе были заинтересованы. какъ въ томъ чтобъ ихъ рѣчи находили себѣ наибольшее распространеніе такъ и въ томъ чтобъ онѣ при этомъ распространеніи по возможности менѣе подвергались искаженіямъ. Фукидидъ, правда, нигдѣ не говоритъ что онъ пользовался для своихъ рѣчей подобными письменными источниками, но онъ и вообще нигдѣ не упоминаетъ о свойствахъ тѣхъ источниковъ которыми онъ пользовался, даже въ тѣхъ случаяхъ когда эти источники несомнѣнно были письменные.

Всего болѣе скелтики подвергаютъ сомнѣнію рѣчи произнесенныя въ Фукидидовой исторіи Перикломъ. Но Вельдгоферъ доказалъ что именно эти рѣчи всего менѣе заслуживаютъ подобнаго нареканія. Въ особенности же знаменитая *Надеробная рѣчь* Перикла отличается всеми признаками несомнѣнной подлинности.

Рѣчь эта занимаетъ въ твореніи Фукидида совершенно особое мѣсто. Нельзя сказать чтобъ она имѣла какое-либо выдающееся политическое значеніе, которое оправдывало бы воспроизведеніе ея въ исторіи Пелопоннесской войны. Мы не замѣтили бы въ исторіи Фукидида пробѣла еслибъ онъ вовсе о ней не упомянулъ, такъ какъ она не имѣла большаго вліянія на дѣйствительный ходъ событій чѣмъ многія другія надгробныя рѣчи, текста которыхъ Фукидидъ не приводитъ. Всѣ прочія приводимыя Фукидидомъ рѣчи служатъ какъ бы введеніемъ къ событіямъ или какъ бы ихъ дополненіемъ, тогда какъ только *Надеробная рѣчь* Перикла отличается

такимъ общимъ содержаніемъ что мы, при чтеніи ея, почти даже забываемъ о Пелопоннесской войнѣ. Между тѣмъ, рѣчь эта представляетъ собою образцовое произведение краснорѣчія въ самомъ возвышенномъ и благородномъ значеніи этого слова и вся разчитана на то чтобъ очаровать слушателя глубиной мыслей и изяществомъ формы. *Произнести* эту рѣчь, прославляющую великое значеніе аѣинскаго духа, въ началѣ Пелопоннесской войны было дѣломъ весьма естественнымъ для такого великаго государственнаго человѣка какимъ былъ Периклъ, такъ какъ ему необходимо было уяснить своимъ соотечественникамъ во имя какой великой идеи они должны принести тяжкія жертвы налагаемыя на нихъ войной; но *сочинить* эту рѣчь долгое время спустя послѣ тѣхъ событій среди которыхъ она была умѣстна и притомъ сочинить ее такому безпристрастному, строго объективному историку какимъ былъ Фукидидъ—дѣло совершенно невысказанное. Если Фукидидъ отвелъ ей мѣсто въ своей исторіи, то его къ этому должны были побудить важныя причины. Въ этой рѣчи Периклъ вѣроятно достигъ апогея своего краснорѣчія, и она безъ сомнѣнія сдѣлалась извѣстною во всей Элладѣ, а потому Фукидидъ, включивъ ее въ свою исторію, исполнилъ этимъ ожиданія своихъ современниковъ. „Знаменитая рѣчь перваго греческаго государственнаго человѣка, говоритъ г. Вельцгоферъ, должна была увѣковѣчиться въ памяти современниковъ и потомковъ, хотя она и не имѣла вліянія на ходъ военныхъ событій: она должна была оглашать всю Элладу какъ пророческая лебединая пѣснь великаго человѣка, который въ послѣдній разъ въ несравненномъ блескѣ красокъ изобразилъ свободное, гордое и благородное развитіе аѣинской культуры; она вмѣстѣ съ тѣмъ была и лебединою пѣсней великаго Аѣинскаго духа, который среди военныхъ смуть и страданій быстро приближался къ своему ладенію. Эта рѣчь является для насъ самымъ величавымъ памятникомъ Аѣинской культуры, памятникомъ болѣе краснорѣчивымъ и прочнымъ чѣмъ всѣ развалины храмовъ и обломки статуй древней столицы Аттики.“

Трудъ Вельцгофера, появившійся, какъ мы сказали, въ 1878 году, изобилуетъ весьма тонкими наблюденіями и остроумными доводами, основанными на строгой филологической критикѣ, доказывающими историческую подлинность какъ рѣчей Перикла, такъ и рѣчей другихъ дѣятелей Пелопоннес-

ской войны приводимыхъ Фукидидомъ, и приходитъ къ тому результату что' эти рѣчи отнюдь не явились плодомъ фантазіи историка, но что, напротивъ того, онѣ представляютъ наиболее близкое и точное воспроизведеніе дѣйствительно произнесенныхъ рѣчей, уклоняющееся отъ нихъ можетъ-быть въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, но никакъ не въ общемъ смыслѣ какъ всей рѣчи, такъ и отдѣльныхъ частей ея.

Изданное нынѣ въ вѣмецкомъ переводѣ изслѣдованіе англійскаго ученаго Джебба приходитъ приблизительно къ тому же результату, хотя и другимъ, совершенно самостоятельнымъ путемъ.

Г. Джеббъ сравниваетъ рѣчи встрѣчающіяся въ исторіи Фукидида съ рѣчами находящимися въ твореніяхъ другихъ историковъ, преимущественно же Геродота. Изъ этого сравненія довольно ясно опредѣляются признаки по которымъ можно отличить подлинную историческую рѣчь отъ сочиненной, риторической. Прилагая этотъ критическій методъ къ историкамъ классической древности г. Джеббъ приходитъ къ тому заключенію что къ числу историковъ произвольно сочинявшихъ рѣчи для своихъ героев принадлежатъ прежде всего Геродотъ и Ливій, а за ними и цѣлая фаланга второстепенныхъ историческихъ писателей, тогда какъ наибольшую добросовѣстностью въ воспроизведеніи дѣйствительно произнесенныхъ рѣчей отличается только Фукидидъ, съ которымъ въ этомъ отношеніи можно сравнить развѣ только Поливій, Саллюстія и Тацита.

Далѣе г. Джеббъ подробно разсматриваетъ и тотъ вопросъ, слегка лишь затронутый Вельдгоферомъ, почему Фукидидъ не ограничился простымъ изложеніемъ содержанія рѣчей, а придавъ имъ законченную форму живой рѣчи. При этой переработкѣ дѣйствительно могла попасть въ рѣчи нѣкоторыя особенности Фукидидова стила и могло даже отразиться его субъективное отношеніе къ даннымъ личностямъ и событіямъ, что повидимому противорѣчитъ общепризнаваемой объективности нашего историка. Г. Джеббъ совершенно основательно объясняетъ избранный Фукидидомъ методъ передачи рѣчей тѣмъ особеннымъ стремленіемъ къ конкретному, наглядному и осязательному, которое составляетъ одну изъ наиболее выдающихся чертъ греческаго національнаго характера. Однимъ изъ результатовъ этого общаго стремленія являлось стараніе представить и силу человѣческаго духа въ

формъ живой, конкретной рѣчи, какъ мы это, напимѣръ, уже видимъ въ Гомеровскомъ эпосѣ. Но для Фукидида важно было не только представить въ осязательной законченной формѣ рѣчи великихъ дѣятелей Пелопоннесской войны, но и сдѣлать понятнымъ для читателей то глубокое, неотразимое впечатлѣніе которое эти рѣчи производили на слушающую ихъ народную массу, а это впечатлѣніе было бы для насъ необъяснимымъ еслибы мы не имѣли предъ собою дѣйствительный текстъ этихъ рѣчей или по крайней мѣрѣ наиболее близкое и точное его изображеніе. Такое именно изображеніе намъ и представляютъ рѣчи передаваемые Фукидидомъ. Еслибы мы вмѣсто нихъ имѣли лишь сухіе конспекты съ безцвѣтнымъ изложеніемъ содержанія этихъ рѣчей, мы никогда не могли бы себѣ составить яснаго понятія о сущности политическаго краснорѣчія, игравшаго такую первостепенную роль во времена Пелопоннесской войны, и мы имѣли бы основаніе упрекать Фукидида въ томъ что онъ намъ не далъ полной картины изображенной имъ исторической эпохи.

Наконецъ, сомнѣнія высказываемыя относительно подлинности Фукидидовыхъ рѣчей опровергаются г. Джеббомъ еще слѣдующимъ путемъ: онъ дѣлаетъ предположеніе что дошедшія до насъ несомнѣнно подлинныя государственныя рѣчи Демосфена были бы намъ переданы въ томъ самомъ видѣ въ которомъ мы ихъ теперь имѣемъ, но только включенными въ какую-нибудь исторію Македонской войны; въ такомъ случаѣ всѣ приводимые теперь доводы филологической и исторической критики противъ подлинности Фукидидовыхъ рѣчей могли бы съ такою же мнимою основательностью быть приведены и противъ рѣчей Демосфена, а между тѣмъ въ подлинности ихъ сомнѣваться нельзя.

Но если результаты изслѣдованія г. Джебба въ общихъ чертахъ совершенно тождественны съ результатами къ которымъ двумя годами ранѣе другимъ путемъ пришелъ г. Вельцгоферъ, то нельзя то же самое сказать о частностяхъ: здѣсь мы находимъ что г. Джеббъ иногда высказываетъ мнѣніе противоположное не только мнѣнію всегда строго послѣдовательнаго г. Вельцгофера, но и своей собственной теоріи. Дѣло въ томъ что г. Джеббъ несмотря на приведенные имъ убѣдительные доводы въ пользу точной и добросовѣстной передачи рѣчей Фукидидомъ, все-таки допускаетъ что нашъ

историкъ въ трехъ случаяхъ отступалъ отъ своей добросовѣстности: во первыхъ, когда онъ хотѣлъ рельефнѣе выставить характеръ говорящаго лица посредствомъ какого-нибудь подходящаго къ этому характеру выраженія; во вторыхъ, когда онъ старался оживить драматическій интересъ передаваемыхъ имъ публичныхъ прейсъ, впадая въ уста спорившихъ слова дѣйствительнаго характера или личныхъ намековъ или пророческихъ указаній на предстоящія извѣстныя лишь историку, а не оратору, событія и наконецъ, третьихъ, когда Фукидидъ включалъ въ рѣчи своихъ героевъ общія политическія и нравственныя сентенціи, вытекавшія изъ собственнаго его міросозерцанія.

Этотъ мнимый, искусственный, драматическій и философскій элементъ въ рѣчахъ Фукидида, допускемый Жеббомъ въ угоду прежней и въ противоположность собственной, новой теоріи, уже былъ подвергнутъ точному разбору Вельдгоферомъ, доказавшимъ съ полною убѣдительною что Фукидидъ исключительно былъ строгимъ поклонникомъ научной истины и чуждъ всякой искусственной художественности и моральнаго резонерства. Если характеры и рѣчи героевъ Пелопоннесской войны дѣйствительно драматичны, то это, оттого только что эти герои въ дѣйствительности обладали цѣлостными рельефными характерами, выражавшимися какъ въ дѣлахъ ихъ, такъ и въ ихъ словахъ, и вса заслуга Фукидида заключается тутъ только въ томъ что онъ драматическіе характеры своихъ героевъ изобразилъ столь же близкими къ дѣйствительности какъ и не менѣе драматическія событія Пелопоннесской войны.

Что же касается изреченій встрѣчающихся въ рѣчахъ этихъ великихъ государственныхъ людей и свидѣтельствующихъ о ихъ дѣйствительно глубокой политической мудрости въ которой никто вѣдь и не сомнѣвается, то нѣтъ рѣшительно никакого основанія приписывать эти изреченія Фукидиду. Напротивъ того, еслибъ мы изъ всѣхъ сентенцій находящихся въ приведенныхъ имъ рѣчахъ хотѣли вывести основныя черты его собственнаго міросозерцанія, то мы встрѣтили бы при исполненіи этой задачи непреодолимые затрудненія, такъ какъ изреченія, имѣвшія прекрасный и весьма опредѣленный смыслъ въ устахъ ораторовъ произносившихъ ихъ въ виду данныхъ, не менѣе опредѣленныхъ обстоятельствъ, утратили бы этотъ смыслъ и превратились

бы въ безцвѣтныя, туманныя фразы, коль скоро мы захотѣли бы придать имъ общее, отвлеченное значеніе. Но этого мало: изреченія эти, собранныя изъ рѣчей различныхъ ораторовъ, говорившихъ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, оказались бы до такой степени противорѣчащими другъ другу, что о восстановленіи изъ нихъ какого-нибудь единого міросозерцанія самого автора нельзя было бы и думать. Достаточный матеріалъ для опредѣленія субъективныхъ воззрѣній Фукидида мы находимъ въ его прекрасномъ введеніи къ исторіи Пелопоннесской войны; во съ той главы первой его книги въ которой онъ начинаетъ описывать причины вызвавшія эту войну, субъективный историкъ совершенно исчезаетъ, уступая мѣсто строгому, безпристрастному и добросовѣстному научному дѣятелю, дорожившему только истиной какъ въ изображеніи событій такъ и въ передачѣ рѣчей которыми ознаменовалась великая борьба Спарты съ Афинами.

Это послѣднее обстоятельство можно въ настоящее время считать вполне доказаннымъ благодаря труду г. Вельцгофера и основной части изслѣдованія г. Джебба.

В. Г.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Наши судебныя учрежденія.—При какихъ условіяхъ могла бы у насъ развиться техника, а искусные люди найти себѣ дѣло? — Открытіе сессіи Германскаго рейхстага и Африканская конференція. — Положеніе Англіи.—Гониміе на православіе въ Россіи.—Б. М. Маркевичъ †.

I.

Моск. Вѣд. № 313.

Провинціальная печать и усердіе корреспондентовъ *Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства* то и дѣло сообщали свѣдѣнія о путешествіи министра Юстиціи, объ его остановкахъ въ судебныхъ городахъ, о его посѣщеніяхъ залы судебныхъ засѣданій. Было ли это путешествіе простымъ путешествіемъ и посѣщенія судебныхъ учрежденій дорожною случайностію, или это было то что называется объѣздомъ, официально и нарочито предпріятымъ съ ревизіонною цѣлію? Можно скорѣе думать что это была простая поѣздка, причемъ весьма естественно что, проѣзжая мимо, министръ не могъ не заглянуть въ учрежденія своего вѣдомства, гдѣ ему готовились встрѣчи и гдѣ онъ могъ сказать привѣтственное слово. Судя по краткости пребыванія его на мѣстахъ остановки, нельзя заключать о ревизіонномъ объѣздѣ. Министръ присутствовалъ при судебныхъ засѣданіяхъ въ качествѣ одного изъ публики, и ничего для себя новаго, никакихъ имѣющихъ значеніе наблюденій вынести изъ засѣданій не могъ. Разумѣется, имѣя въ числѣ публики почетнаго гостя, и прокуроры и адвокаты старались ему понравиться.

Но чтобъ узнать на дѣлѣ игру нашихъ судебныхъ учрежденій, и въ чемъ пороки ихъ устройства, въ чемъ неясности ихъ устава, и что требуется для ихъ исправленія дабы они могли соответствовать своему назначенію въ благоустроенномъ государствѣ, для этого нѣтъ надобности въ объѣздахъ; все это можно узнать на мѣстѣ, и въ Петербургѣ еще лучше чѣмъ гдѣ бы то ни было. Что же касается личнаго состава той или другой судебной палаты и окружныхъ судовъ, то ознакомиться съ ними можно не на легучемъ объѣздѣ, а при постоянномъ и зоркомъ наблюденіи за ходомъ дѣла.

Мы находили неудобнымъ воспроизводить изъ мѣстной печати разныя сообщенія и толки по поводу посѣщеній министромъ судебныхъ установленій въ разныхъ городахъ, точно также какъ и передавать ходачія въ публикѣ апокрифическія сказанія о томъ что было говорено имъ въ Москвѣ. У насъ еще остается на памяти объѣздъ статсъ-секретаремъ Сабуровымъ Московскаго Учебнаго Округа. Мы помнимъ какое значеніе старались придать этому объѣзду газетные вѣстовщики, какія страшныя рѣчи ваягали они управлявшему Министерствомъ, будто бы сказанныя имъ въ учебныхъ заведеніяхъ и въ земскихъ управахъ. Мы опасались повторенія подобнаго скандала и оставляли безъ вниманія что писалось и говорилось по этому поводу. Государственный человѣкъ познается по своимъ дѣйствіямъ, по своему управленію, по разуму принимаемыхъ имъ мѣръ, а не по словамъ которыя передаются репортерами газетъ. Отмѣтимъ только что въ итогѣ всѣхъ сообщеній о заявленіяхъ министра значитса будто онъ остался всѣмъ и всѣми доволенъ и вынесъ убѣжденіе будто наши судебныя установленія не оставляютъ желать ничего лучшаго кромѣ нѣкоторыхъ мелочей, и что слѣдовательно всѣ неблагопріятные отзывы о нашихъ судебныхъ порядкахъ, которые приходится все чаще и чаще слышать въ публикѣ, лишены основанія. Не явное ли это доказательство безтактности газетныхъ репортеровъ, которые въ такомъ смыслѣ передаютъ кое-что въ разныхъ мѣстахъ сказанное и можетъ-быть не совсѣмъ хорошо слышанное и долаженное собственною фантазійей вѣстовщиковъ? Неужели министру требовалось проѣхаться по округамъ для повѣрки сужденій о судахъ? Неужели посидѣть на дѣлѣ Свиридова въ Киевѣ, послушать рѣчи прокурора и за-

щитника, посмотрѣть какъ сидятъ на своихъ мѣстахъ присяжные заседатели и какъ они выносятъ свой мистическій приговоръ, внушенный имъ совѣстію по счету голосовъ, значитъ въ чемъ-либо убѣдиться или разубѣдиться?

Хорошо однако что все вездѣ обстоитъ благополучно и что всѣми министръ остался доволенъ. А что еслибы онъ остался кѣмъ-нибудь недоволенъ? Еслибы лаче чаянія кто-нибудь изъ судебныхъ чиновъ оказался не на высотѣ своего призванія, или, по просту сказать, негоднымъ судебнымъ чиновомъ, то министръ, скрѣпя сердце, долженъ былъ бы и такому судебному субъекту поклониться,—или развѣ представить его въ сенаторы чтобъ избавить отъ негоднаго судьи ни въ чемъ неловинную мѣстность. Такъ по крайней мѣрѣ объясняется разумъ нашихъ судебныхъ уставовъ ихъ ревнителями, и ничего доселѣ не сдѣлано для разъясненія этого вопроса, хотя для этого вовсе не требуется ѣздить въ Кіевъ или заѣзжать въ Харьковъ.

Въ нашихъ судебныхъ установленіяхъ всего неправильнѣе и всего болѣе требуетъ исправленія самое положеніе министра Юстиціи. Онъ, по доктринѣ, считается не столько органомъ верховной государственной власти для наблюденія за правосудіемъ сколько органомъ корпораціи мнящей себя независимомъ отъ государства и стоящемъ внѣ всякаго контроля. Эту волюющую неправильность министръ можетъ ощущать не сходя съ мѣста. Ясно также безо всякаго объѣзда и то что въ государствѣ которое хочетъ жить не можетъ быть двухъ самодержавій.

Моск. Вѣд. № 315.

Рѣчь министра Юстиціи, сказанная въ Москвѣ судебнымъ чинамъ, появилась въ Петербургѣ въ одинъ день въ двухъ версіяхъ. Одна въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, другая въ сообщеніи Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства, которая дважды, *во отношеніяхъ знакахъ* и съ комментариемъ, напечатана въ газетѣ *Новости*, старающейся прислужиться къ судебному вѣдомству. Всякому такимъ образомъ предоставляется, несмотря на разницу между двумя версіями, принимать ихъ—обѣ за подлинныя.

Вотъ версія *Правительственнаго Вѣстника*:

При осмотрѣ записокъ судебныхъ установленій въ Москвѣ, министръ Юстиціи, статсъ-секретарь Набоковъ, обратясь къ собравшимся въ

Екатерининской залѣ лицамъ судебного вѣдомства, въ теплыхъ выраженіяхъ поблагодарилъ ихъ за поднесенный ему особенно-ценный экземпляръ издавна Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II и затѣмъ прибавилъ приблизительно слѣдующее: „Въ продолженіе заканчиваемаго мною служебнаго путешествія, я посѣтилъ многія судебныя учрежденія, обозрѣвалъ въ нихъ дѣлопроизводство, присутствовалъ на судебныхъ засѣданіяхъ и долженъ сказать что въ общемъ вынесъ самыя пріятныя впечатлѣнія. Несомнѣнно что въ относительномъ положеніи судебныхъ учрежденій, въ способностяхъ и знаніи дѣла отдѣльныхъ лицъ, въ степени успѣшности ихъ дѣятельности, представляются отѣнки иногда весьма существенныя. Но для меня было особенно важно удостовѣриться въ томъ что общее направленіе дѣятельности подобныхъ отѣнковъ не представляетъ, что оно выражается въ общемъ, глубокомъ сознаніи долга, въ общемъ единомышленномъ стремленіи поддерживать власть во всѣхъ проявленіяхъ ея призванія и дѣятельности, оказывать ей полное должное содѣйствіе. Мнѣ отрадно имѣть возможность заявить вамъ что такое убѣжденіе, расходящееся съ нѣрѣдко возникающими нападками и общими нареканіями на судебное вѣдомство, почеркнуто мною не только изъ общаго обозрѣнія важнѣйшихъ сторонъ дѣятельности подвергнутыхъ мною обозрѣнію учрежденій, но и изъ отзывовъ и засвидѣтельствованій начальниковъ и главныхъ начальниковъ посѣщаемыхъ мною губерній, и я сочту своимъ долгомъ доложить о томъ Его Императорскому Величеству.“ Указавъ затѣмъ на чрезвычайную трудность судебного дѣла, на исключительность условій при которыхъ оно отправляется—гласность и публичность суда,—сославшись на особыя требованія которыя подобная сложная, требующая значительнаго труда и непрерывнаго вниманія, дѣятельность предъявляетъ,—министръ Юстиціи заявилъ что, направляясь къ мѣсту служенія гдѣ его ожидаетъ продолженіе труда по послѣдовательному осуществленію необходимыхъ усовершенствованій, которыхъ требуетъ наше судебное дѣло, онъ возвратится къ этому труду спокойно и съ бодростью въ сознаніи той увѣренности съ которою онъ можетъ относиться къ общему направленію судебной дѣятельности и при полной надеждѣ что добросовѣстный, внимательный трудъ и дружныя усилія всѣхъ призванныхъ къ участию въ этой дѣятельности, предупреждая ошибки въ будущемъ, дадутъ возможность достигать желаемыхъ улучшеній въ дѣлѣ отправленія правосудія.

Вотъ другая версія:

„Я объѣхалъ многія судебныя мѣста Россіи, обозрѣвалъ дѣлопроизводство, присутствовалъ въ публичныхъ засѣданіяхъ судовъ и вынесъ самое отрадное впечатлѣніе какъ изъ самаго суда, такъ и отъ тѣхъ лицъ съ которыми познакомился лично и по отзывамъ о нихъ. Я убѣдился,

насколько есть для дела суда относятся честно, съ глубокимъ сознаниемъ долга къ своему делу. Нѣтъ сомнѣнiя что въ громадномъ судебномъ вѣдомствѣ могутъ встрѣтиться лица на высотѣ своего призванiя. Особенно понравилось мнѣ что *вездѣ судебная власть идетъ рука объ руку съ административною властью*. Адвокатура также помогаетъ правильному теченiю дѣлъ. *Нареканiя на судѣ, раздѣляясь въ последнее время, не имѣютъ основанiя. По возвращенiи въ Петербургъ сочту за счастье обо всемъ доложить Его Императорскому Величеству*. Каждое движенiе и слово лицъ судебного вѣдомства находятся постоянно на виду у всѣхъ и контроль общества надъ судомъ непрерывенъ. Дѣятельность суда представляеть особенныя трудности, такъ какъ вся эта дѣятельность происходитъ гласно, не такъ какъ въ другихъ учрежденiяхъ. Можно сказать что судебныя учрежденiя находятся какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ, сквозь который всякій желающiй можетъ рассмотреть дѣйствiя и движенiя каждой частицы громадной машины. Такъ какъ судебныя учрежденiя еще новы, то замѣчаемый недостатокъ въ техникѣ со временемъ уничтожится. Предстоятъ незначительныя реформы, *не подрывающiя*, впрочемъ, *основы Судебныхъ Уставовъ*. Всеобщiя, дружныя усилiя всѣхъ создадутъ полную гармонию въ судебномъ дѣлѣ“.

Сочинилъ ли корреспондентъ выраженiя, которыхъ министръ не употреблялъ, или *Правительственный Вѣстникъ* счелъ нужнымъ придать импровизацiи болѣе соответственный правительственному органу тонъ? Впрочемъ, изъ обѣихъ версiй одинаково явствуетъ что министръ остался вполне доволенъ осмотрѣнными имъ судебными учрежденiями, гдѣ онъ, какъ сказано въ передачѣ *Правительственнаго Вѣстника*, „обозрѣвалъ дѣлопроизводство и присутствовалъ на судебныхъ засѣданiяхъ“ и вынесъ „убѣжденiе расходящееся съ нѣрѣдко возникающими нападками и общими нареканiями на судебное вѣдомство“, причемъ министръ сослался на отзывы „начальниковъ и главныхъ начальниковъ“ посѣщенныхъ имъ губернiй.

Но, сколько намъ извѣстно, никогда въ печати не поднимался вопросъ о достоинствахъ или недостаткахъ въ томъ или другомъ судебномъ округѣ. Никогда голословно и огуломъ не подвергался нареканiю персоналъ ни цѣлаго судебного вѣдомства, ни котораго - либо изъ мѣстныхъ судебныхъ учрежденiй. Въ нашей газетѣ, напримѣръ, не разъ приходилось раскрывать безобразiя разныхъ судебныхъ дѣлъ, но всегда

на основаніи фактовъ. Мы не голословныя наладки чинили, но излагали самыя дѣла, на основаніи точныхъ отчетовъ и подлинныхъ документовъ. Развѣ кто - нибудь выдумалъ, напримѣръ, процессъ Вѣры Засулицъ, или дѣло Зографа, или дѣло Пейча? Мы съ величайшимъ тщаніемъ, входя во всѣ подробности, не улускаая ни одной черты, разбирали эти и подобныя дѣла и предоставляли всякому провѣрять точными данными наши заключенія. Дѣло Зографа, напримѣръ, такъ какъ оно было изложено и разобрано въ нашей газетѣ, составило бы цѣлый томъ. А какая масса дѣлъ, изъ которыхъ воры, грабители, убійцы выходили обѣдленными, а пострадавшіе осрамленными? Отчеты объ этихъ дѣлахъ печатались во всѣхъ газетахъ; приговоры эти, возмущавшіе общественную совѣсть—фактъ почти ежедневно повторявшійся, а не изобрѣтенія ради баладокъ. Что до насъ, мы только настаивали,—и нѣтъ мыслящаго и добросовѣстнаго человѣка въ Россіи который бы съ нами не согласился,—что многое въ нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ требуетъ измѣненія, дополненія, разъясненія. А прежде всего, по нашему убѣжденію, требуется освобожденіе ихъ отъ засѣвшей въ нихъ недѣльной доктрины о ихъ самодержавіи и абсолютной несмѣняемости ихъ чиновъ, которая извращаетъ ихъ смыслъ и глубоко вредитъ столь важной и благотворной, по намѣренію Законодателя, реформѣ. Никакая ревизія той или другой судебной палаты не разубѣдитъ насъ въ томъ чтобы генераль-прокуроръ (съ подчиненными ему прокурорами), по самому разуму своей должности и по силѣ ея происхожденія у насъ, не былъ обязанъ служить „окомъ Царевымъ“ въ дѣлѣ правосудія, чтобы на немъ не должна была лежать закономъ установленная отвѣтственность за судебныя рѣшенія, чтобъ онъ не долженъ былъ слѣдить за ходомъ судебныхъ дѣлъ по существу и давать свои заключенія, а въ случаѣ несогласія съ высшею судебною инстанціей возводить дѣла, не апелляціоннымъ конечно, но законодательнымъ порядкомъ, какъ было прежде, чрезъ Государственный Совѣтъ, на рѣшеніе Верховной Власти. Мы не повѣримъ чтобы русскіе подданные были вовсе лишены права искать прибѣжища у Престола въ крайнихъ случаяхъ неправосудія... Этимъ ничего не отнимается отъ судебныхъ установленій, напротивъ этимъ они дополняются и увѣнчиваются, чрезъ это пріобрѣтаютъ правильное положеніе въ государственномъ составѣ.

Моск. Вѣд. № 316.

Министръ Юстиціи заявилъ въ Москвѣ что въ продолженіе своего „служебнаго путешествія“ онъ относительно судебныхъ дѣателей удостовѣрился (по версіи *Правительственнаго Вѣстника*) „въ общемъ глубокомъ сознаніи долга, въ общемъ единодушномъ стремленіи поддерживать власть во всѣхъ проявленіяхъ ея призванія и дѣятельности, оказывать ей должное содѣйствіе“, присовокупивъ: „мнѣ отъ радно имѣть возможность заявить вамъ что такое убѣжденіе, расходящееся съ верѣдко возникающими нападками и общими нареканіями на судебное вѣдомство, почерпнуто мною не только изъ общаго обозрѣнія важнѣйшихъ сторонъ дѣятельности подвергнутыхъ мною обозрѣнію учреждений, но изъ отзывовъ и засвидѣтельствований начальниковъ и главныхъ начальниковъ посѣщенныхъ мною губерній, и я сочту своимъ долгомъ доложить о томъ Его Императорскому Величеству.“

Вышеприведенныя слова возбуждаютъ нѣкоторое недоумѣніе. Какой же отзывъ могли бы дать губернаторы и даже генералъ-губернаторы о судебныхъ чинахъ? Только прокуроры бываютъ съ ними въ соприкосновеніи въ своей служебной дѣятельности, на примѣръ при производствѣ слѣдствій по политическимъ преступленіямъ. Притомъ прокуроры собственно не принадлежатъ къ судебному сословію. Они должны быть представителями администраціи въ судахъ, хотя по доктринѣ, вслѣдствіе неправильнаго, ассигнованнаго ею, положенія самаго генералъ-прокурора, они дѣйствительно болѣе считаются органами судебной корпораціи нежели государственной власти. Но рѣчь шла не о лицахъ прокурорскаго надзора, а вообще о судебныхъ чинахъ. Спрашивается, какое же отношеніе имѣютъ губернаторы къ дѣламъ производящимся въ судахъ, чтобы свидѣтельствовать о достоинствахъ судебного персонала? Министръ говорилъ о содѣйствіи какое судебныя чины оказываютъ власти: какое же содѣйствіе могли оказывать председатели, товарищи председателей и члены судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ губернскимъ властямъ, и въ чемъ губернскія власти могли бы въ такой силѣ аттестовать ихъ чтобы министру, на основаніи ихъ отзывовъ, можно было свидѣтельствовать

предъ Государемъ Императоромъ? Доктрина тцится по-
ставить дѣло правосудія въ полную независимость даже отъ
Императорскаго Величества: какимъ же образомъ губер-
наторы, въ настоящее время почти лишеныя власти даже
въ средѣ своихъ прямыхъ обязанностей, могли бы свидѣ-
тельствовать съ нѣкоторою отвѣтственностью о веденіи
дѣлъ въ судахъ, и какимъ образомъ судебныя чины могли
бы, при исполненіи своихъ обязанностей, то-есть при ве-
деніи судебныхъ дѣлъ, угодить губернскимъ властямъ? Судьи
должны судить по закону и справедливости, а ведутъ ли они
дѣла по закону и справедливости, объ этомъ вообще трудно
судить губернаторамъ, которые и не призваны контролиро-
вать рѣшенія судовъ. Такъ о чемъ же, касательно судебныхъ
чиновъ, могли бы отозваться въ благопріятномъ или не-
благопріятномъ смыслѣ губерскія власти? Развѣ о ихъ по-
веденіи съ полицейской точки зрѣнія? Но и тутъ, при сложив-
шемся порядкѣ вещей, губернатору свидѣтельствовать не-
удобно. Иной пожалуй оласается подвергнуться участи быв-
шаго казанскаго губернатора Окарятина, который, какъ
слышно, былъ не совсѣмъ скроменъ въ своихъ отзывахъ о
чинахъ судебного вѣдомства. Въ самомъ дѣлѣ, губернато-
рамъ, при ихъ пререканіяхъ съ земскими собраніями и
городскими думами, приходится нерѣдко получать отъ Пра-
вительствующаго Сената чувствительныя *анимадерсии* за
некстати вѣрное исполненіе своихъ обязанностей, чему
было столько примѣровъ въ послѣднее время. Не споримъ,
было бы, въ самомъ дѣлѣ, и полезно и правильно чтобы выс-
шій органъ правительства въ той или другой мѣстности
имѣлъ право доводить до свѣдѣнія своего министра о за-
мѣчаемыхъ имъ несоотвѣтствіяхъ поведенія или образа
мыслей судебныхъ дѣателей съ ихъ званіемъ, дабы ми-
нистръ Внутреннихъ Дѣлъ, признавъ отзывы уважительны-
ми, передавалъ ихъ на усмотрѣніе министра Юстиціи. Но
ничего подобнаго теперь не водится, и едва ли какой губер-
наторъ рѣшится со всею откровенностью давать откро-
венные отзывы о чинахъ судебного вѣдомства.

Въ тотъ самый день, 9 ноября, когда министръ Юстиціи въ
Екатерининской залѣ, предъ полнымъ составомъ Судебной
Палаты и Окружнаго Суда, заявлялъ о вождедѣнномъ состо-
яніи правосудія въ нашемъ отечествѣ, въ чемъ оны убѣ-
дился послѣ произведенной имъ во время своего путешествія

реви́зию судебныхъ учрежденій — въ этотъ самый моментъ, по волѣ рока, въ соседней залѣ, такъ - называемой *Митрофанинской*, Змъ отвлеченіемъ Московскаго Окружнаго Суда начато было слушаніемъ дѣла о подѣлкахъ и сбытѣ купоновъ Московскаго Земельнаго Банка, которое свидѣтельствуеъ что практика въ нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ, если всмотрѣться въ нее глубже, не производитъ такого пріятнаго впечатлѣнія какъ видъ парадно убранныхъ къ пріѣзду генераль-прокурора залъ и мундиры надѣтые по этому случаю судебными чиновниками. Министръ Юстиціи самъ присутствовалъ около получаса въ качествѣ слушателя при разбирательствѣ этого дѣла. Но въ эти тридцать безъ малаго минутъ происходила лишь процедура проверки и привода къ присягѣ дѣльнаго ряда свидѣтелей, изъ коихъ только одинъ успѣлъ начать свое показаніе. Дѣло же это замѣчательно особенно тѣмъ что въ немъ раскрывались не столько преступленія подсудимыхъ сколько прикрытыя легальной обстановкой судебнаго злоупотребленія. Судилось пять человекъ: одинъ (Барулинъ) обвиняемый въ сбытѣ фальшивыхъ купоновъ, другіе какъ пособники и соучастники его въ этомъ дѣлѣ. Слѣдствіе надъ ними началось въ мартѣ 1878 года, а вмѣстѣ началось, со стороны слѣдователя, вымогательства, торги между обвиняемыми и слѣдователемъ, взятки для освобожденія изъ - подъ ареста, подложные протоколы. Слѣдователь потомъ, за другія преступленія, самъ попалъ подъ судъ, но болѣе тяжкіе подлоги его, о которыхъ было заявлено однимъ изъ подсудимыхъ по дѣлу о купонахъ, были скрыты и слѣдственное заявленіе было замано. Но особенно худо то что дѣло начавшееся слѣдствіемъ въ 1878 году дошло до суда только 9 ноября 1884 года. Въ продолженіе шести слишкомъ, почти семи лѣтъ, главный изъ обвиняемыхъ, Барулинъ, сидѣлъ безвыходно въ тюрьмѣ; мѣщанинъ Ларинъ, сначала освобожденный благодаря взяткѣ отъ слѣдствія, но послѣ опять привлеченный, сидѣлъ въ заключеніи три года, равно какъ и крестьянинъ Тюринъ. Тѣ же шесть лѣтъ пробылъ подъ слѣдствіемъ съ подмосковной невыѣздъ Сороковановъ. Но хуже всего то что Сороковановъ, точно также какъ и Тюринъ, оказались ни въ чемъ невиновными! Нельзя сказать что судъ у насъ скорый. Кстати слѣдуетъ замѣтить что обычную экспертизу почерка Сорокованова производили, во время слѣдствія, секретари

Окружного Суда, которые, при другихъ экспертахъ, на судѣ должны были отречься отъ своего прежняго показанія. Такія дѣла у насъ не рѣдкость, и едва ли можно особенно радоваться положенію въ какомъ находится наша юстиція...

Съ другой стороны, мы не можемъ не засвидѣтельствовать, на основаніи свидѣній полученныхъ отъ вѣрныхъ корреспондентовъ, о дѣйствительно парадныхъ приемахъ которые дѣлались министру во всѣхъ посѣщенныхъ имъ судебныхъ учрежденіяхъ. Впрочемъ, подобающія почести и гостепріимство оказывались почетному гостю не одними судебными чинами. Въ наше смутное время, когда престижъ власти меркнетъ и дѣйствіе ея ослабѣло, хорошо по крайней мѣрѣ то что еще умѣютъ чествовать ея высокіхъ представителей.

Моск. Вѣд. № 331.

Юбилейными годовщинами считаются двадцатилѣтія, пятидесятилѣтія, и такъ далѣе. Въ торжественные дни подводятся итоги плодотворной дѣятельности юбиляровъ; ихъ чествуютъ, ихъ поздравляютъ, и они въ свою очередь свидѣтельствуютъ о духѣ вынесенномъ ими изъ своего прошлаго. Въ нынѣшнемъ году, 20 ноября, исполнилось двадцать лѣтъ со времени введенія у насъ новыхъ судебныхъ установленій. Двадцатый годъ не есть годъ юбилейный и ничѣмъ въ этомъ отношеніи не разнится отъ минувшаго девятнадцатаго и отъ наступившаго двадцать перваго. Тѣмъ не менѣе, къ 20 ноября нынѣшняго года, г. министръ Юстиціи получилъ, какъ сказано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* изъ многихъ округовъ телеграммы отъ представителей судебного вѣдомства которые не только отъ себя, но и „отъ имени *всѣхъ* лицъ принадлежащихъ къ составу мѣстныхъ судебныхъ установленій, просили повергнуть къ стопамъ возлюбленнаго Монарха выраженія безпредѣльныхъ вѣроподданническихъ чувствъ и полной преданности долгу и закону.“

Кто изъ подданныхъ Россійской Имперіи не обязанъ быть вѣроподданнымъ? И не только *многіе* за *всѣмъ*, но и *каждый* можетъ въ этомъ отношеніи свидѣтельствовать за *всѣмъ* Русскій народъ. Можно ли сомнѣваться въ томъ что слуги Русскаго Государя, дѣйствующіе Его Именемъ и Его властію, должны быть Его вѣрными слугами, согласно присягѣ? Это не нуждается въ удостовѣреніяхъ чрезвычайнымъ путемъ. Но въ

эпохи переходныя и смутныя, заявленія и напоминанія о долгахъ всегда бываютъ благовременны. Въ подобныя эпохи тѣмъ полезнѣе эти заявленія что люди не рѣдко видятъ себя въ неправильныхъ условіяхъ. Каждый отвѣтствуетъ за свой личный образъ мыслей и дѣйствій; но лица бываютъ часто подъ гнетомъ общаго строя организаціи несогласенной должнымъ образомъ съ основными законами государства, и потому чувствуютъ потребность въ изъясненіи своихъ личныхъ чувствъ.

Государь Императоръ, Всемилостивѣйше принимая выраженія преданности чиновъ судебного вѣдомства, изволилъ начертать, на всеподданнѣйшемъ о семь докладѣ министра Юстиціи, достопамятныя и равно для всѣхъ, отъ министра до послѣдняго чина, обязательныя слова: „Увѣренъ что они это докажутъ на дѣлѣ и службѣ государству.“

Итакъ, вся сила въ ожидаемыхъ Монархомъ доказательствѣхъ „на дѣлѣ и службѣ государству.“

А для этого служащимъ государству лицамъ мало не нарушать, ни явно ни тайно, законовъ преступными дѣйствіями, но требуется мыслить и дѣйствовать въ духѣ долга государственной службы, радѣть и споспособствовать, по мѣрѣ возможности каждаго чина, установленію въ своей средѣ правильныхъ, согласныхъ съ духомъ долга возрѣвній. Судебныя установленія, въ противность ходячимъ и отпечатѣвшимся въ ихъ организаціи фальшивымъ доктринамъ, не только не должны мнить себя независимую, непокрытую властію, но состоять, по слову Государя, „на службѣ государству“, въ подчиненіи ему, и не на словахъ только, а на „дѣлѣ“, какъ въ частности, такъ и всею совокупностію своей организаціи.

Моск. Вѣд. № 332.

На дняхъ, въ Кіевѣ, разбиралось на судѣ дѣло, исходъ котораго показываетъ какъ благополучно все обстоитъ въ нашихъ судахъ.

Кіевскій священникъ, отецъ Успенскій, имѣлъ несчастье выиграть на принадлежавшей ему билетъ внутренняго займа 75.000 руб. Его начали осаждать шантажными письмами, распускать на его счетъ гнуснѣйшую клевету; въ заключеніе, газета *Заря* пустила замѣтку лживую будто заполучилъ билетъ, на который паль выигрываетъ въ 75.000 руб., священникъ приобрѣлъ путемъ *подлога*; билетъ этотъ былъ де

собственностью церкви, сохранялся де въ церковномъ денежномъ ящикѣ, откуда былъ де взятъ священникомъ и замѣненъ другимъ; а для сокрытія этой замѣны, онъ будто бы произвелъ въ реестрѣ церковнаго имущества *подчистку*. Этому обвиненію газета предпослала басню о томъ будто тотъ же отецъ Успенскій вымогалъ у умирающаго человѣка рубль за священную потребу.

Съ появленіемъ этого мерзкаго ласквила въ печати, чаша долготерпѣнія отца Успенскаго переполнилась?

Во всей этой мерзости не было ни одного слова близкаго къ правдѣ. Не только никакой подчистки въ церковныхъ книгахъ не было, но и никакихъ выигрышныхъ билетовъ въ церковномъ имуществѣ никогда не обрѣталось. Но гнусная, не имѣвшая никакого повода ложь была задумана такъ чтобы бросить тѣнь и вообще на православное духовенство, противъ котораго негодная газета агитируетъ систематически.

Отецъ Успенскій рѣшился, скрѣпя сердце, прибѣгнуть къ защитѣ суда „скораго, праваго и милостиваго“, къ чему его обязывала честь его сана и духовенства которое огуломъ безчестится клеветниками.

„Скорый“ судъ протянулъ дѣло въ стадіи судебного свѣдѣствія *десять* мѣсяцевъ. Наконецъ, разборъ состоялся.

Въ качествѣ обвиняемыхъ фигурировали отвѣтственный редакторъ *Зари* Андреевскій (присяжный повѣренный) и ея негласный редакторъ Кулишеръ.

На судѣ Андреевскій, взваливая отвѣтственность замѣтки позорящей отца Успенскаго на Кулишера, для объясненія напечатанія ея представляетъ анонимное письмо; на основаніи коего была де помѣщена замѣтка объ отцѣ Успенскомъ.

Письмо это, какъ обнаружилось на судѣ, состряпано ради судебного разбирательства; при этомъ такъ неупускно что подложность его тотчасъ же объявилась. Въ немъ упоминается о повѣсти *Ангель*, которая началась печатаніемъ въ *Зарѣ* уже *послѣ* появленія въ этой газетѣ клеветы на отца Успенскаго.

Тотъ же Андреевскій, въ глумленіи надъ отцомъ Успенскимъ, позволяетъ себѣ, на судебномъ разбирательствѣ, повидимому не основанномъ председателемъ, укорять священника „что тотъ не желаетъ слѣдовать примѣру апостола Павла, который заловѣдывалъ 77 разъ въ день прощать оскорбившихъ“...

Другой обвиняемый, Кулишеръ, стараясь вывернуться, даетъ *ложное* показаніе указывая какъ на автора разказа объ отцѣ Успенскомъ, на г. Піотровскаго, бывшаго репортера по желѣзнодорожнымъ извѣстіямъ *Заря*. Піотровскій энергично отрицаетъ это, заявляя что уже не разъ ему приходилось брать, по настоянію этихъ честныхъ редакторовъ, на свои плечи авторство разныхъ позорящихъ слуховъ.

„Правый“ судъ,—замѣтьте безъ участія присяжныхъ заседателей, такъ что вся слава достается королевскому суду,—вынесъ обвиняемымъ оправдательный приговоръ, оказавшись „милостивымъ“ къ уличеннымъ клеветникамъ и „правымъ“ къ невинно пострадавшему, подтвердивъ клевету оправданіемъ *завѣдомо* виновныхъ.

Моск. Вѣд. № 323.

Еще въ 1869 году снаряжена была по Высочайшему повелѣнію коммиссія, подъ предсѣдательствомъ сенатора Петерса, для ревизіи дѣлъ и производства во всѣхъ слѣдственныхъ участкахъ дѣйствовавшихъ на основаніи уставовъ 20 ноября 1864 года. Коммиссію эту вызвали вопіющія несправильности появившіяся повсемѣстно въ слѣдственныхъ дѣлахъ производившихся на *новыхъ* началахъ, и, какъ слышно, она собрала обильный матеріалъ для сужденія о причинахъ этихъ несправильностей. Что стало съ этимъ матеріаломъ, неизвестно; но слѣдователи и донынѣ руководствуются Вторымъ раздѣломъ Устава Уголовнаго Судопроизводства, ни въ чемъ неизмѣненнымъ. Дурныя послѣдствія рѣзко обнаружилась поспеху, сражать нашу юстицію, гнетутъ общество, а между тѣмъ для устраненія ихъ ничего не предпринимается; по крайней мѣрѣ, ничего объ этомъ не слышно. Даже вопіющее дѣло петербургскаго судебного слѣдователя Федорова, которое должно было наконецъ открыть всѣмъ глаза, осталось лишь куріозомъ.

Нельзя сказать чтобы были различныя мнѣнія о достоинствахъ нашего предварительнаго слѣдствія; напротивъ, всѣ, даже присяжные защитники нашихъ судебныхъ учреждений, не отрицаютъ ихъ и согласны въ томъ что такъ далѣе продолжаться не можетъ, и что пора приступить ко врачеванію зла.

Вся бѣда, говорятъ иные, въ томъ что судебные слѣдователи еще слишкомъ зависимы отъ администраціи, то-есть отъ прокуратуры. Но, во-первыхъ, прокуратура съ генераль-проку-

поромъ включительно теперь считается органомъ не столько правительства сколько самой судебной корпораціи. А вотъ-рыхъ, въ чемъ же собственно заключается зависимость слѣдователей отъ прокуратуры? По уставу, предварительное слѣдствіе производится слѣдователемъ при участіи прокурора или его товарища, а по заключеніи слѣдствія все производство отсылается къ прокурору, который имѣетъ право возвратитъ его слѣдователю съ требованіемъ дополнитъ его; то же право принадлежитъ прокуратурѣ и во время производства слѣдствія. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ слѣдователь вовсе не обязанъ абсолютно подчиняться указаніямъ и требованіямъ прокурора; въ извѣстныхъ случаяхъ онъ можетъ и не соглашаться съ нимъ и представлять свой споръ на разрѣшеніе суда. Въ этихъ постановленіяхъ закона трудно, мы полагаемъ, усмотрѣть подчиненіе слѣдственной власти прокурорскому надзору. Коль скоро прокуратурѣ предоставлено направлять слѣдствія для преданія кого-либо суду или для прекращенія производства, не можетъ же быть у ней отнято право сужденія о правильности хода слѣдствія; иначе прокуратура сама была бы въ подчиненіи у судебныхъ слѣдователей. Оберегатели „славы“ судебной реформы недовольны что слѣдователи большею частью не прямо утверждаются въ должности, а командированы лишь къ исправленію оной Министерствомъ Юстиціи, которое можетъ не всегда отозвать командированнаго. Эта-то мѣра, практикующаяся у насъ съ конца 1869 года, безпокоитъ нашихъ ревнителей судебской независимости, полагающихъ что все шло бы хорошо еслибы сотни молодыхъ людей, назначающихся чуть ли не со школьной скамьи на должности слѣдователей, съ перваго момента облакались въ бровю *несмѣяемости*. Неаѣло уже то что судебные чины вообще считаются несмѣяемыми, хотя и по здравому смыслу и по закону, безо всякаго сомнѣнія, судьи всегда могутъ быть устранимы по рѣшенію Верховнаго Суда и Законодателя. А наконецъ, почему министръ долженъ назначать окончательно слѣдователями людей не доказавшихъ на дѣлѣ свою благонадежность и способность. Дѣйствія нѣкоторыхъ изъ нашихъ якобы *несмѣяемыхъ* слѣдователей достаточно могли убѣдить въ томъ что мистическое качество несмѣяемости ничего не гарантируетъ. Недавно осужденный слѣдователь Федоровъ болѣе десяти лѣтъ несмѣяемо завѣдывалъ слѣдственнымъ участкомъ, и на дѣлѣ

наглядно показавъ къ чему ведетъ независимость чиновника при полной безконтрольности его дѣйствій. Онъ совершалъ преступленіе за преступленіемъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, нахально не признавая никакого надзора надъ собою, въ чемъ и не ошибался: никакого надзора надъ нимъ, дѣйствительно, не было. Его дѣла открылись случайно, только по настоятельной жалобѣ частнаго лица.

Но, скажутъ, и многіе такъ говорятъ, можно жаловаться на сѣддователя, и въ этомъ де гарантія противъ своеволія, превышенія власти и незаконныхъ дѣйствій. Жалоба де должна быть направляема въ судъ съ надлежащимъ объясненіемъ *въ теченіе трехъ дней*, а судъ обязанъ де разрѣшить жалобу *въ первый* присутственный день послѣ ея поступленія (499 и 501 стт. Уст. Угол. Суд.), какъ доказало дѣло Федорова.

Право жалобы выражено въ одной 491 ст. Устава въ сѣдствующей законической формѣ: „Участвующія въ дѣлѣ лица могутъ приносить жалобы на всякое сѣдственное дѣйствіе нарушающее или стѣсняющее ихъ права.“ Здѣсь сказано и очень много и ничего, смотря потому какъ разумѣть стѣсненіе и нарушеніе права. При доктринѣ же господствующей въ нашихъ судахъ, ревниво оберегающихъ лишь свои державныя прерогативы, всякая жалоба на дѣйствіе лица судебного вѣдомства представляется какъ бы бунтомъ. Суды отучили публичку жаловаться, и беззащитность приведенныхъ къ сѣдствію и привлекаемыхъ къ суду лицъ у насъ почти узаконилась.

Статья 783 Устав. Уголовн. Судопр. допускаетъ взысканіе убытковъ причиненныхъ неправильнымъ привлеченіемъ къ суду. Но хорошо если привлеченный къ суду удостоился суда,—а если дѣло о немъ не дойдетъ до суда? Дѣло обыкновенно прекращается по частному опредѣленію суда до разсмотрѣнія по существу и до преданія суду; а между тѣмъ противъ лица привлеченнаго, хотя бы и безъ основанія къ сѣдствію, могутъ быть приняты какія угодно мѣры, даже заключеніе подъ стражу, не говоря о полицейскомъ надзорѣ. Въ такомъ же положеніи находится безвѣнно привлекаемый и въ томъ случаѣ когда привлекается не по жалобѣ частнаго лица или вслѣдствіе сообщенія полицейской и иной власти, а по собственному усмотрѣнію судебного сѣддователя по 5 л. 297 и 334 стт. Уст. Угол. Суд. Подать жалобу на дѣйствія сѣддователя и просить о взысканіи съ него? Но какъ жалоб-

щикъ докажетъ что противъ него „безъ достаточныхъ данныхъ“ возбуждено было преслѣдованіе? Да, скажетъ сѣдovатель, въ то время когда возбуждено было сѣдovствіе, данныя эти были настолько для меня основательны что я иваче не могъ поступить, а потомъ, при дальнѣйшемъ ходѣ сѣдovствія, они оказались недостаточными. Не явно ли что такими отговорками можетъ прикрываться волющій произволъ. И вотъ, безконтрольность такого произвола, его независимость и безответственность, считается чѣмъ-то либеральнымъ, даже гарантіей!

Говорятъ еще что противъ произвола сѣдovателя могла бы служить наилучшею гарантіей публичность предварительнаго сѣдovствія. Но всякое ли дѣло начинающееся у сѣдovателя можетъ подлежать публичности? Всякое ли, по своему существу, можетъ выдержать ее? Впрочемъ, проба публичности уже сдѣлана въ широкихъ размѣрахъ. Развѣ публичность нашихъ судовъ гарантируетъ ихъ отъ несправедлія и произвола?

Моск. Вѣд. № 319.

Недавно праздновалось возрожденіе нашего Черноморскаго флота. Нѣсколько позднеѣ, въ концѣ октября (см. № 202 *Моск. Вѣд.*), прошелъ слухъ что кораблестроительное отдѣленіе Морскаго Техническаго Комитета предполагаетъ командировать нѣсколько корабельныхъ инженеровъ и механиковъ „внутрь Россіи“ для собиранія данныхъ, по которымъ можно было бы судить о томъ на какія заводскія средства, въ случаѣ надобности, Морское Министертво можетъ разчитывать для постройки судовъ и механизмовъ для военнаго флота. Нельзя не порадоваться что морское вѣдомство намѣрено отказаться отъ системы заграничныхъ заказовъ. Въ этомъ отношеніи предъ нимъ богатый опытъ нашего сосѣда, Германіи. Въ 1866 году, когда началась постройка Сѣверо-Германскаго флота, нѣмецкія казенныя верфи можно сказать не существовали, а частныя были на степеніи далеко не высокой; приходилось многое выписывать изъ Англіи. Нѣкоторыхъ сортовъ кораблестроительнаго желѣза въ Германіи вовсе не было. Но Германское правительство твердо рѣшилось обходиться своими средствами, прибѣгая къ заграничному заказу только временно и лишь въ крайнемъ случаѣ. Еще настойчивѣе проводилась эта система со времени возстановленія имперіи, и вотъ, въ какихъ-нибудь

пятнадцать лѣтъ, германскія судостроительныя средства достигая высокой степени совершенства; всѣ прежніе дефекты поправлены, и Германія не только не имѣетъ надобности заказывать что-либо для своего флота за границей, но сама начинаетъ строить суда для иностранныхъ правительствъ да еще и по цѣнамъ далеко болѣе дешевымъ чѣмъ Англія. Этого мало. Съ небольшимъ четырнадцать лѣтъ Германія создала у себя военный флотъ, какъ утверждаютъ спеціалисты, по силѣ занимающій теперь третье мѣсто въ Европѣ. Германія обогнала насъ и въ силѣ флота, и въ развитіи кораблестроительныхъ средствъ. Она съ гордостью смотритъ на свои частныя заводы и верфи, многія издѣлія коихъ стоятъ теперь даже выше англійскихъ, а намъ приходится снаряжать „внутрь Россіи“, точно въ страны невѣдомыя, ученую экспедицію чтобы выяснитъ, наконецъ, средства какими мы располагаемъ. Могла ли при такихъ условіяхъ развиваться у насъ промышленность? Говорятъ что заграничныя заводы работаютъ лучше нашихъ, что у насъ многого будто бы даже и сдѣлать не сумѣютъ. Но развѣ иностранныя заводы такъ-таки и родились какъ Минерва изъ головы Юпитера? И у нихъ былъ періодъ начинаній, и ихъ издѣлія оставали желать многого. Но иностранцы этого не пугались и не бѣжали въ люди. Правда, имъ и бѣгать было некуда. У насъ есть все чтобы средства морской и сухопутной обороны готовить дома: есть неисчерпаемая богатства жѣлѣза, изготовляется сталь, есть громады лѣсныхъ полосы, залегаютъ неисчислимыя пласты каменнаго угля. Намъ ли обращаться за чужою помощью? У насъ были и есть способности, есть и познанія; нѣтъ только доброй воли отказать отъ иностранной помощи. Заводъ Крулла въ Эссенѣ пользуется теперь всемірною славою, но можетъ-быть никто не содѣйствовалъ въ такой мѣрѣ его развитію какъ мы и не только большими заказами, но и умственной помощью. Вотъ, напримѣръ, что писалъ въ *Военномъ Сборникѣ* въ 1870 году г. Камивскій, признанный спеціалистъ въ этомъ дѣлѣ: „У насъ называютъ пушками Крулла тѣ стальные нарѣзные береговые орудія которыя заводъ сталъ готовить въ послѣднее время по чертежамъ русскаго артиллериста, составленнымъ на основаніи теоретическихъ изысканій также русскаго артиллериста. Круллъ признаетъ, да и не можетъ не признавать что онъ вполнѣ обязанъ нашимъ артиллеристамъ

стойкостью изготовляемыхъ имъ нарѣзныхъ береговыхъ орудій большого калибра; но это не мѣшаетъ пушкамъ, изготовляемымъ, *по нашимъ чертежамъ*, для Пруссіи, Бельгіи и другихъ государствъ называться пушками Круппа безо всякаго прилагательнаго, могущаго намекнуть на заслуги другихъ. (Военн. Сборн. 1870 года, № 12, стр. 375). То же самое можно сказать и по отношенію къ Бердану и Гатаицу. Ружье перваго и картечница втораго своимъ совершенствомъ, давшимъ имъ ходъ, обязаны трудамъ нашихъ специалистовъ.

Почему эти силы и свѣдѣнія не могли быть употреблены въ дѣло у себя дома и дать толчекъ не чужимъ, а своимъ заводамъ? Если наши фабрики, заводы и мастерскія отстаютъ отъ иностранныхъ, то причина тому заключается въ недостаткѣ не способностей и познаній, а навыка и опытности, которыхъ сила безъ дѣлъ пріобрѣсти нельзя. У насъ часто говорятъ о необходимости „развитія техническихъ знаній“, объ умноженіи числа равнаго рода техническихъ школъ. Но нужно чтобы техникамъ находилось и мѣсто, и дѣло. Еслибы всѣ наши средства военной и морской обороны готовились дома, техническое наше усовершенствованіе двигалось бы гораздо быстрѣ нежели теперь. Потребности арміи и флота широки: та или другая система ихъ удовлетворенія несомнѣнно оказываютъ дѣйствіе на всѣ отрасли промышленности, отъ изготовленія стальныхъ вещей до шелковой ткани и самыхъ тонкихъ химическихъ препаратовъ.

Говорятъ что нашъ коммерческій флотъ слабъ, что онъ находится въ младенческомъ состояніи. Но такъ все и будетъ пока мы не дадимъ серьезнаго толчка нашему судостроенію; а для этого требуется чтобъ и военный флотъ обходился домашними средствами. Пока для надобностей военнаго флота мы будемъ обращаться къ иномезной помощи, у насъ не можетъ развиваться и частное судостроеніе. Лишенное крупныхъ заказовъ, оно будетъ плестись точно также въ хвостѣ технического развитія какъ прежде, до военнаго флота, плелось и германское судостроеніе, хотя Германія уже давно располагала значительнымъ торговымъ флотомъ.

Года полтора или два назадъ, когда шла рѣчь о новомъ заказѣ Круппу стальныхъ бронепробивающихъ снарядовъ, вполнѣ выяснилось что снаряды эти могли бы изготовляться и на нашихъ заводахъ еслибы имъ дали возможность наладить это дѣло. Сторонники заграничнаго заказа возра-

жали что налаживание потребуетъ времени и денежныхъ затратъ, такъ что „заграничный заказъ обойдется дешевле“. Забывалось при этомъ что за иностранное издѣаніе придется, во первыхъ, платитъ золотомъ, а во вторыхъ, за временную услугу пожертвовать усовершенствованіемъ своихъ заводовъ. Забывалось что своя промышленность только въ началѣ потребовала бы пожертвованій, которыя въ послѣдствіи, и очень скоро, окупились бы сторицей. Намъ необходимо, во что бы то ни стало, разъ навсегда отказаться отъ иностранныхъ заказовъ: наши добывающая и обрабатывающая промышленности уже достаточно развиты чтобъ удовлетворить всѣмъ нашимъ нуждамъ. У насъ, повторяемъ, недостаетъ не столько познаній сколько примѣненія ихъ, не столько рукъ сколько дѣла чтобы приложить ихъ. Выходитъ такъ что мы постоянно переплачиваемъ иностранцамъ большія деньги и содѣйствуемъ росту ихъ промышленности только потому что не знаемъ своей и не хотимъ дать ей дѣла. Не будетъ конца такъ-называемой „отсталости“ нашихъ заводовъ если систематически продолжать ту же систему держать ихъ не у дѣла и не замѣчать того вреда который чрезъ это причиняется нашимъ финансамъ, промышленности, мореходству, государственной оборонѣ. Пора положить конецъ системѣ несовмѣстной съ національными интересами и достоинствомъ.

Самая лучшая школа—это практика. Собственно школа служить только подготовкой къ практикѣ и не можетъ давать обильныхъ, вполне удовлетворительныхъ результатовъ если не выходитъ въ широкую и мощную практику. Только дѣлая дѣло мы можемъ овладѣть имъ. Надо чтобы таланты и познанія находили себѣ плодотворное примѣненіе; надо чтобъ эти тысячи молодыхъ людей которые вяло учатся въ школахъ оживились увидя предъ собою перспективу плодотворной дѣятельности. Что еслибы дѣйствительно въ нашемъ великомъ отечествѣ, съ его неисчерпаемыми и разнообразными богатствами, закупилъ вездѣ полезный трудъ, требующій умственныхъ силъ и познаній! Какъ измѣнилось бы лицо нашей земли, сколько прибыло бы намъ силъ, какъ поднялось бы и наше благосостояніе и наше образованіе, и какъ мало осталось бы мѣста для вигилизма и анархизма, которые овладѣваютъ умами отъ нечего-дѣлать.

III.

Моск. Вѣд. № 316.

„Открытие рейхстага, замѣчаютъ берлинскія газеты, послѣдовадо съ такою торжественностью и такимъ блескомъ какихъ, досказываетъ *Post*, мы не zapomнимъ со времени возстановленія имперіи.“ Эта торжественность и блескъ обусловлены исключительностью политической обстановки настоящаго года. Открытіе первой сессіи новаго законодательнаго періода какъ разъ почти совпадо съ началомъ занятій международной Африканской конференціи, къ участию въ которой, говоря языкомъ тронной рѣчи, „приглашена бѣольшая часть мореходныхъ націй“ не только Европы, но и Америки. Тронная рѣчь почти влодвѣ посвящена иностранной политикѣ; о внутреннихъ дѣлахъ и реформахъ говорится лишь вскользь; вмѣсто обычнаго перечня цѣлаго ряда проектовъ, упоминаются только начатая еще въ 1881 году социальная реформа и законъ о субсидіяхъ почтовому океанскому пароходству, тѣсно связанный съ новою фазой иностранной политики Германіи. Императоръ, очевидно, воспользовался церемоніей открытія рейхстага и формою тронной рѣчи чтобы „съ поразительною сжатостью, ясностью и простотой изложенія“ высказаться относительно новаго положенія Европы которое окончательно образовалось и упрочилось, очевидно, благодаря дружеской встрѣчѣ трехъ Императоровъ въ Скерневицахъ, разсѣявшей всѣ недоразумѣнія между тремя великими сосѣдними державами и освободившей ихъ политику отъ взаимныхъ оласеній. Мاستитый Императоръ съ особенною силой, въ заключеніе своей рѣчи, выразился о Скерневицкомъ свиданіи: „Радуюсь въ особенности тому что дружба съ монархами Австріи и Россіи, особенно мнѣ близкими по традиціямъ предковъ, по родству царствующихъ домовъ и по сосѣдству народовъ могла быть залечатѣвна нашимъ свиданіемъ въ Скерневицахъ, такъ что я могу считать нерушимость ея обезпеченною на долгое время. Благодаря Всемогущаго за эту увѣренность и за таящійся въ ней крѣпкій залогъ міра.“

Два или даже полтора года назадъ многимъ казалось что миръ Европы не проченъ. Толковали о лигѣ міра собиравшейся подъ знаменемъ Австро-Германскаго соглашенія; была рѣчь о томъ что этотъ „союзъ центральной Европы“,

Германіи, Австріи, Италиі, съ приставшею къ нимъ Испаніей, направленъ противъ Франціи, даже будто бы и противъ Россіи. Что же вышло? Германія не только въ тѣсной дружбѣ съ Россіей, но сблизилась и съ Франціей, которую считали ея непримиримымъ врагомъ, ищущимъ только удобнаго случая къ отместкѣ. Тронная рѣчь съ особымъ удареніемъ указываетъ на „единомысліе съ Французскимъ правительствомъ“. „Самое мѣсто этой фразы въ тронной рѣчи, замѣчаетъ *Post*, показываетъ намѣреніе выдвинуть, подчеркнуть ее“. На почвѣ европейской политики сблизеніе Германіи съ Франціей казалось немыслимымъ. Отвѣтственный руководитель германской политики сумѣлъ, однако, расширить политическій горизонтъ и въ Европѣ найти общіе *европейскіе* интересы, огражденіе которыхъ связало теперь всѣ державы. Образовалось новое, неожиданное политическое созвѣздіе, въ которомъ Германія находится вмѣстѣ съ Франціей; „союзъ центральной Европы обратился теперь въ союзъ всѣхъ континентальныхъ державъ“; осталась изолированной Англія. Надъ политическимъ положеніемъ Европы вдругъ возобладали интересы колониальной политики. Всѣ другіе счеты между державами забыты. Европа и Америка сядутъ теперь за подковообразнымъ столомъ въ Берлинѣ, улаживая свои отношенія къ Англіи въ той части свѣта которую четверть вѣка назадъ считали менѣе извѣстною чѣмъ поверхность луны. Два года назадъ о Конго и Нигерѣ никто не думалъ въ Европѣ. Для дипломатіи они не существовали. А теперь это вопросъ который группируютъ державы. Международная конференція въ Берлинѣ хлопочетъ установить свободу торговли и плаванія по Нигеру и Конго и создать тамъ правильныя политическія отношенія. Поднять вопросъ объ опредѣленіи общихъ правилъ кои должны соблюдаться на случай пріобрѣтенія кѣмъ бы то ни было колоній. Россія, по видимому, не имѣетъ своихъ интересовъ въ Африкѣ, но только по видимому: для великой державы всемірнаго значенія вездѣ есть свои интересы, которые непременно въ чемъ-нибудь окажутся.

Африканская конференція, и по своему происхожденію и по сущности тѣхъ вопросовъ которые ей предстоитъ рѣшить, очевидно, направлена противъ Англіи, которая привыкла считать своею собственностью не только моря, но и всякій *ничей* клочекъ земли въ Европѣ. Что принадле-

жить дикимъ то есть англійская собственность: таковъ принципъ еще недавно заявленный Англiей при ея дипломатическихъ переговорахъ съ Германiей по поводу приобрѣтенiя этою послѣднею колонiй въ юго-западной Африкѣ. Съ этимъ взглядомъ не могутъ и не хотятъ мириться заинтересованныя колонiальная политикой и океанскою торговлею континентальныя державы. Ихъ интересы идутъ въ разрѣзъ съ англійскими, и „владычица морей“ оказалась теперь изолированной, что уже и отзывается на ея дѣлахъ въ Египтѣ и въ Азiи, на важнѣйшемъ пути изъ Англiи въ Индiю. Англичане начинаютъ даже бояться за этотъ „обставленный хорошо укрѣпленными этапами путь“ и косятся на то что Турцiя пропускаетъ чрезъ проливы „русскiя суда съ арестантами подъ военнымъ конвоемъ“, отправляющiяся къ берегамъ Великаго Океана. „Если проливы будутъ открыты для русскихъ военныхъ судовъ, то окажется что Россiя обладаетъ болѣе короткимъ путемъ въ Индiю нежели Англiя“, замѣчаютъ лондонскiя газеты. Страхъ предъ призраками свидѣтельствуетъ только о томъ что въ судьбахъ Англiи наступилъ моментъ поворота, что ея морскому всемогуществу приближается конецъ. Слѣдуетъ отмѣтить что этотъ поворотъ наступилъ въ тотъ самый моментъ когда ловкая политика повела къ восстановленiю старой континентальной системы. „Если континентальная система не удалась въ прошломъ, замѣтила не такъ давно *Крестовая Газета*, то причиной тому былъ разладъ между Германiей и Францiей“ и сверхъ того отсутствiе интересовъ которые могли бы связать всѣ государства Европы. Такимъ цементомъ оказалась теперь колонiальная политика, долженствующая „путемъ развитiя торговыхъ сношенiй и духа предпримчивости развитъ сбытъ“ продуктовъ европейской промышленности, увеличить ея доходность и этимъ, улучшивъ положенiе рабочихъ классовъ, содѣйствовать рѣшенiю тѣхъ социальныхъ вопросовъ о которыхъ забота составляетъ сущность внутреннихъ реформъ почти всѣхъ государствъ Европы и Германiи въ особенности.

Моск. Вид. № 309.

Составъ новаго рейхстага гораздо болѣе чѣмъ прежняго соответствуетъ видамъ имперскаго канцлера: оппозиционная партiя, постоянно и непримиримо противившаяся и социальнымъ реформамъ и колонiальной политикѣ, „провалилась“ на

выборахъ. Это признаютъ теперь даже ея органы. *Кенигсбергская Гартунгова Газета*, напริมѣръ, заявляетъ что центр тяжести въ парламентѣ передвинулся вправо на 37 голосовъ, что изъ этого числа двадцать голосовъ достались консервативамъ, а остальные „національ-либераламъ поддерживающимъ правительственную программу“. Потеряли такъ-называемые „вольномыслящіе“, партія образовавшаяся изъ сліянія прогрессистовъ и отщепенцевъ національной либеральной партіи, такъ-называемыхъ сецессіонистовъ. Со 108 голосовъ, коими партія эта располагала въ рейхстагѣ въ концѣ прошлой сессіи, она утратила до 65 голосовъ. Эта та самая партія которая на выборахъ 1881 года выступила съ девизомъ *fort mit Bismark*. и которая добивалась всяческими интригами этой цѣли. Доходило до того что подыскивался даже премникъ князю Бисмарку въ лицѣ бывшего морскаго министра фонъ-Стоша. Таможенная и колониальная политика князя Бисмарка были предметомъ постоянныхъ нападковъ со стороны этихъ вольномыслящихъ, и именно эти нападки, обострившіяся въ концѣ весны, и были причиной паденія партіи. Подъемъ торговли и промышленности вызванный возвышеніемъ пошлинъ и заключеніемъ цѣлаго ряда торговыхъ трактатовъ; неожиданное для большинства населенія блестящее приобрѣтеніе разомъ нѣсколькихъ крупныхъ колоній въ Африкѣ; еще болѣе неожиданное сближеніе по этому поводу съ Франціей, во очю всѣмъ показали несостоятельность сужденій либеральныхъ доктринеровъ наименовавшихъ себя „нѣмецкими вольномыслящими“. Избиратели отшатнулись отъ нихъ. „Если паденіе, замѣчаетъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, было не такъ велико какъ можно было ожидать, то вольномыслящіе обязаны этимъ только поддержкѣ партіи центра, имѣющей въ этомъ свой расчетъ. Вольномыслящіе стали теперь прихвостнями центра, милостію котораго они существуютъ.“ Наоборотъ, національ-либералы, войдя въ виды правительственной программы, снова приобрѣли въ рейхстагѣ положеніе утраченное ими во дни „оппозиціи во что бы то ни стало“. Любопытную сторону выборовъ этого года составляетъ нѣкоторое усиленіе социаль-демократовъ; они приобрѣли нѣсколько новыхъ мѣстъ, и притомъ на счетъ вольномыслящихъ. Причина тому отношеніе этой послѣдней партіи къ социальнымъ реформамъ. Вольномыслящіе стремились задержать ихъ ходъ. Толкуя безпрестанно „о бѣдномъ

человѣкъ“, „о благѣ рабочаго“, „о трубкаѣ бѣднаго человѣка“, вольномыслящіе заботились, какъ вѣрно замѣтили консервативные органы, только о томъ чтобы раздражать страсти и препятствовать во всемъ правительству. „Вольномыслящіе, сказалъ въ прошломъ году въ парламентѣ одинъ изъ министровъ, партія революціонная, ея цѣль безплодное отрицаніе; эта партія вреднѣе социаль-демократовъ“. Въ самомъ дѣлѣ, между социаль-демократами есть существенные отгѣнки. Одни изъ нихъ, правда, стремятся къ disproверженію существующаго порядка и граничатъ съ анархистами. Противъ этой фракціи принимаются мѣры: на это въ Германіи есть законъ о социалистахъ. Но есть и другіе социалисты которые чужды политики и заинтересованы только обезпеченіемъ рабочаго люда путемъ реформъ. Съ этими людьми для правительства вступившаго на путь такихъ реформъ возможны соглашенія. „Избирательная программа ихъ, по свидѣтельству правительственныхъ органовъ, своею умѣренностью заставляетъ ожидать что они во многихъ случаяхъ будутъ даже прямо поддерживать правительственныя предложенія.“ „Во всякомъ случаѣ, досказалъ органъ консервативовъ, *Крестовая Газета*, не большое усиленіе социаль-демократовъ въ рейхстагѣ вовсе не есть такое зло съ которымъ было бы нельзя помириться, въ виду того факта что это усиленіе все-таки ослабляетъ прогрессистовъ, потерявшихъ въ безплодной оппозиціи всякому положительному дѣлу. Усиленіе социаль-демократовъ въ парламентѣ пожалуй даже выгодно: или они будутъ поддерживать правительственныя социальныя реформы, или же противодействие ихъ покажетъ избирателямъ настоящую цѣну этихъ радѣтелей о народномъ благѣ“. Если чѣмъ недовольны въ правительственныхъ сферахъ Берлина по поводу выборовъ этого года, то во всякомъ случаѣ не ничтожнымъ усиленіемъ социаль-демократовъ, а тѣмъ что центръ, состоящій изъ клерикаловъ и партикуляристовъ, сохранилъ свою прежнюю силу. Располагая болѣе нежели сотней голосовъ, эта партія всегда можетъ стать ядромъ оппозиціи и, присоединивъ свои голоса къ разрозненнымъ группамъ крайней лѣвой, образовать оппозиціонное большинство чуть не въ двѣ трети голосовъ.

Въ прошлую сессію правительство искало даже примиренія съ этою партіей, или точнѣе, съ одною частью ея. Шлепфъ о прекращеніи „культурной борьбы“, о примиреніи съ

лалой. Правительство готово было даже на нѣкоторыя уступки сколько онѣ возможны безъ униженія достоинства Германіи и безъ ослабленія государственной власти. Что же вышло? Призракъ возможности добиться этихъ уступокъ поднялъ только притязанія Куріи. Германскому дипломату въ Ватиканѣ были предъявлены требованія такого рода что Прусское правительство прервало переговоры, предпочитая открытую борьбу фальшивому миру.

Покойный канцлеръ, князь Горчаковъ, очень заботился объ интересахъ папы и, чтобы не повредить имъ, не хотѣлъ даже въ виду Восточнаго вопроса и готовившейся войны вступать въ какія-либо соглашенія съ Германіей гдѣ килѣва тогда „культурная борьба“. И вотъ вскорѣ начались у насъ мирные переговоры съ палскимъ престоломъ. Очень вѣроятно что „культурная борьба“ въ Германіи и ослабѣла именно вслѣдствіе такого неожиданнаго поворота въ русской политикѣ. Россія, дѣйствительно, поддержала Ватиканскаго владыку въ этой борьбѣ. Россія прекратила свою культурную борьбу въ то время когда она достигала крайней напряженности въ Германіи, хотя русскіе интересы въ этой борьбѣ были солидарны съ германскими, и нѣтъ сомнѣнія что, при ясномъ сознаніи смысла этой борьбы и солидарно продолжая ее, какъ русская такъ и германская политика вышла бы изъ нея съ успѣхомъ. Да и Римская церковь не потеряла бы ничего существеннаго; напротивъ, она выиграла бы освободившись отъ связи съ измѣническими партіями какъ въ Россіи такъ и въ Германіи и возвратившись на чисто церковную почву.

IV.

Моск. Вѣд. № 310.

Едва ли когда престижъ Англіи въ Европѣ и вообще по бѣлому свѣту падалъ такъ низко какъ повидимому теперь. Англія не имѣетъ союзниковъ. Это обнаружилось особенно рѣзко на послѣдней конференціи по дѣламъ Египта. Съ той поры держава эта безъ отдыха находилась въ погонѣ за союзами, но безъ успѣха если не считать серьезнымъ обдиженіемъ обмѣна любезностей съ Италіей. Дружить съ Англіей для Италіи нѣтъ повода. Вслѣдъ за неблагоприятнымъ перерывомъ Лондонской конференціи, Гладстонъ и Гран-

вила хвалились, какъ извѣстно, въ парламентѣ поддержкой Италіи и Турціи. Но Порта, дрожащая нѣкогда предъ лордомъ Дѣффериномъ, уничтожила своимъ поведеніемъ въ послѣднее время англійскія иллюзіи на ея счетъ. Она отвѣчала на рядъ англійскихъ предложеній относительно Египта съ высокоуміемъ какое Англія не привыкла встрѣчать съ ея стороны. Порта раскусила чтѣ значитъ дружба Англіи и начинаетъ понимать выгоду добрыхъ отношеній къ Россіи, чему мы не можемъ не порадоваться. Порта испробовала всѣ виды вражды къ Россіи и испытала дружбу всѣхъ своихъ мнимыхъ благопріятелей. Теперь ей остается испробовать путь дружественныхъ отношеній къ Россіи. Положеніе Россіи на Востокѣ, вопреки лущенному въ ходъ заострому и фальшивому мнѣнію, не сопряжено ни съ какими своекорыстными интересами. Ея интересъ, разумно понятый, не только не враждебенъ султану въ разумно-понятомъ значеніи его верховной власти, но согласенъ съ нимъ, точно также какъ и съ пользами православныхъ населеній, которыхъ Россія есть естественная покровительница.

Но возвратимся къ Англіи. Князю Бисмарку удалось заключить съ Франціей враждебный Англіи союзъ на почвѣ колониальной политики. Австрія имѣетъ основаніе быть недовольною насильственнымъ нарушеніемъ договора о ликвидаціи египетскихъ финансовъ. Россія не можетъ равнодушно относиться къ наволаивости Англійскаго правительства въ разграниченіи русскихъ владѣній съ Афганистаномъ...

Въ Каирѣ столько скопилось за послѣднее время разнаго рода взаимныхъ неудовольствій между туземными и англійскими властями что великому комиссару, лорду Нортбруку, пришлось лоторолиться отъѣздомъ. Бесѣды съ шейхами Арабовъ и Феллаховъ, въ коихъ великій комиссаръ искалъ поддержки противъ давленія Европы, дали весьма неудовлетворительные результаты. На вопросы, довольны ли они англійскою администраціей, простодушные земледѣльцы отвѣчали что готовы не обижать англійскихъ чиновниковъ, только бы съ ихъ стороны не было обиды, а если бы де возможно было удавить ихъ, то и того бы лучше... Къ иному взгляду не могли склонить египетскихъ поселянъ даже бесѣды *наединѣ* съ великимъ комиссаромъ. Въ

окрестностяхъ Суакима, такъ-называемыя дружескія племена завѣдомо поддерживаются въ англофильскихъ намѣреніяхъ ежедневными раздачами по столыку-то на брата. Между тѣмъ смерть Стюарта послѣдовала, какъ слышно, тоже отъ дружескихъ рукъ и въ отплату за подарки. Въ Каирѣ извѣстіе объ этомъ плачевномъ событіи встрѣчено было, по свѣдѣніямъ *Standard*, съ нескрываемымъ заорядствомъ. Тамошній промышленный классъ раздраженъ противъ Ингузовъ за прекращеніе суданской торговли.

Еще недавно Буры (что по голландски значитъ „крестьяне“), голландскіе колонисты въ Южной Африкѣ, вторгаясь въ земли англійскаго вассала, Бечуанскаго вождя Монсиоа, приглашали англійскихъ чиновниковъ выбираться вонъ изъ края, грозя имъ летьми. „Вы не стоите зарядовъ“, заявляли они. Съ тѣхъ поръ, какъ было возвыщено въ парламентѣ, Трансваалъ далъ британскому имперскому правительству надлежащую сатисфакцію. И тѣмъ не менѣе кабинетъ почему-то требуетъ отъ страны чрезвычайнаго кредита на усмиреніе Буровъ посредствомъ военной экспедиціи. Бѣдственныя перипетіи такъ-называемаго „Бечуанскаго вопроса“ отзывались въ Калской колоніи рядомъ митинговъ, коими выражалась преданность королевѣ и крайнее неодобреніе вѣлости ея правительства. Голландскій элементъ въ населеніи, а отчасти и въ административныхъ сферахъ колоніи, забираетъ, по слухамъ, опасную силу. Говорятъ что дѣло не обходится при этомъ безъ „нравственной“ поддержки со стороны патрона африканскихъ Голландцевъ, князя Бисмарка. О линіи голландскихъ поселеній отъ устьевъ Оранской рѣки до Трансваала (враждебный Ангаіи планъ проведенія такой линіи приписывали въ Лондонѣ германскому канцлеру) теперь нѣтъ уже и рѣчи. Начинаютъ поговаривать о возможномъ отложеніи Калской колоніи отъ Англій.

Органъ двора, *St.-James Gazette*, представлялъ недавно на видъ кабинету о необходимости постройки по всей Индіи укрѣпленныхъ мѣстъ убѣжища для англійскихъ женщинъ и дѣтей, куда бы они могли скрыться при первыхъ предвѣстіяхъ военнаго или народнаго возстанія. Газета присовокупляла что времени терять нельзя и умоляла правительство приступить къ дѣлу пока еще не позно, такъ какъ никто де не знаетъ когда именно разразится гроза...

Итакъ, не на чѣмъ теперь успокоить своего взора и отдохнуть мыслью англійскому патриоту, тѣмъ болѣе что и у себя дома его лугаютъ зловѣщіе признаки ладенія. Нынѣшнее положеніе Англійи можно бы сравнить съ положеніемъ высоко и широко разросшагося дерева, корни коего локоятся въ неглубокой толщѣ плодородной почвы прикрывающей голую скалу. Дерево росло пока для корней его находилось питаніе. Но ростъ его становится подъ конецъ причиною его гибели. Оно начинаетъ мертвѣть и вѣтвями, и сердцевиной.

Положеніе Англійи существенно ложно. Она считается европейскою державою и почти не имѣетъ территоріи въ Европѣ. Она называетъ себя имперіей, но владѣетъ своими колоніями, или по крайней мѣрѣ болшею частію своихъ колоній, лишь фиктивно. Слособности ея къ оборонѣ, по сравненію съ протяженіемъ береговой линіи ея владѣній, ненадежны. Вотъ что писалъ недавно въ *Pall-Mall-Gazette* адмиралъ Саймондъ, одинъ изъ старшихъ чиновъ англійскаго флота: „Мы не можемъ, въ случаѣ надобности, опредѣлить по три быстроходныхъ крейсера на оборону каждой изъ нашихъ угольныхъ станцій на морѣ.“ (Этихъ станцій значитъ всего 17). „19.000 торговыхъ людей англійскаго происхожденія требуютъ въ разныхъ частяхъ свѣта нашей защиты, а мы имѣемъ для этой цѣли не болѣе 24 неброненосныхъ судовъ съ быстротою хода выше 14 узловъ въ часъ. Одинъ неприятельскій крейсеръ могъ бы завтра же разрушить любую изъ слѣдующихъ, принадлежащихъ намъ, морскихъ стоянокъ, какъ-то: Гонконгъ, Сингапуръ, Бомбей, Келтаунъ, острова Вознесенія, Св. Елены, Св. Маврікія, Фиджи, Ванъ-Кувера и проливъ Св. Георгія. Всѣ эти склады угля почти не защищены... Даже Соединенное Королевство располагаетъ не болѣе какъ двумя удовлетворительно защищенными гаванями. Нѣкоторые же важные торговые порты не имѣютъ для своей обороны хотя бы и одной мины...“

Но истинное бѣдствіе Британской имперіи заключается не въ недостаточности силъ ея флота для насильственного подержанія связи между ея раскинутыми по свѣту частями. Она страдаетъ главнымъ образомъ отъ невозможности пропитать мѣстными средствами 26 милліоновъ населяющихъ историческое ядро ея владѣній, the mother country. „Питаюсь,

говоритъ *Pall Mall Gazette*, что дая въ день привозною пищей, мы улодобляемся громадною естественною крѣпости, не снабженною продовольствіемъ, двѣ трети коего приходится добывать изъ такого базиса который, въ случаѣ осады, оказался бы за чертой непріятельскаго обложенія. Когда Англія была способна сама себя прокормить, то утрата владѣній морями не была для нея гибелью. Лишаясь морской гегемоніи въ теченіе одного мѣсяца, она могла отвоевать ее въ продолженіе другаго. Но теперь, когда мы получаемъ нашъ насущный хлѣбъ изъ-за моря, мы не можемъ помыслить безъ трепета даже и о временномъ перерывѣ нашихъ сообщеній съ остальнымъ міромъ...“

Владѣніе морями и торговля, или вѣрнѣе, владѣніе морями ради торговли, вотъ въ чемъ искони заключалась сила Англіи и на что она всегда претендовала. Теперь предлагаютъ ей добровольно сложить съ себя званіе „владычицы морей“ и пользоваться отселѣ водою наравнѣ съ прочими государствами свѣта. Вода, говорятъ ей, есть даръ Божій, естественное благо принадлежащее всемъ такъ же какъ и воздухъ... „Мы обременены“, отозвался недавно въ печати сэръ-Джонъ Гей (Hay), адмиралъ Британской эскадры въ Средиземномъ Морѣ, „безконечными заботами объ Индіи и прочихъ нашихъ колоніяхъ, гдѣ мы вынуждены держать безъ пользы свои суда. Если Франція вздумала бы сосредоточить свои силы на Средиземномъ Морѣ, то мы не въ состояніи оказались бы противолоставить ей равныхъ силъ, не лишая защиты своихъ дальнихъ морскихъ станцій. Соединенные же флоты Франціи и Италіи или Франціи и Германіи могутъ осилить насъ всегда и вездѣ“. Средства домашней промышленности другихъ странъ возрасли равномѣрно и обезпечили ихъ отъ *крайней* нужды въ англійскихъ продуктахъ.

А вотъ результаты новаго склада обстоятельствъ: Лордъ Дэнравенъ (Denraven) дѣлалъ на дняхъ докладъ парламенту о положеніи британской промышленности и торговли. Съ 1874 года, по словамъ его, торговля Англіи не переставала ухудшаться... Главныя отрасли промышленности ея въ застоѣ. Такъ хлопчатобумажное производство грозитъ сойти на нѣтъ. Желѣзное дѣло тоже въ упадкѣ. Въ 1882 году были де на полномъ ходу до 566 горновъ, а уже въ 1883 ихъ оставалось 543, такъ какъ 23 горна перестали дѣйствовать за одинъ годъ.

Обработка шерсти тоже пострадала, но эта отрасль промышленности находится еще въ сравнительно благоприятныхъ условіяхъ. Каменно-угольный промыселъ не избѣгъ общей участи. Что касается судостроительства, то всякому извѣстно де до какой степени пладо это дѣло. Извѣстія изъ судостроительныхъ округовъ раздражаютъ душу... Правительственные доки еще работаютъ кое-гдѣ исподволь, но на частныхъ работы окончательно прекратились и семьи мастеровыхъ смотрятъ въ глаза голодной смерти. Вотъ въ дополненіе что разказываетъ нѣкто посѣтившій такой докъ въ Эльдербъ: „Отлученные вами люди“, спросилъ я хозяина, „ловидмому не въ завидномъ положеніи?“ „О! положеніе ихъ ужасно; я не могу помыслить о немъ безъ содраганія“. „Не разрѣшите ли вы кому-либо изъ вашихъ служащихъ проводить меня къ ихъ жилищамъ?“ „Позвольте отсѣлговать вамъ ходить туда. Я увѣрю васъ что состояніе этихъ людей сашкомъ нехорошо. Я никогда не знавалъ такого бѣдствія. Скажу вамъ напрямки: вы заболѣете, физически заболѣете, разумью я.“ Посѣтитель дока рѣшился однако совершить подвигъ гуманности и встрѣтитъ зло лицомъ къ лицу. Вотъ какъ передаетъ онъ вынесенное имъ впечатлѣніе: „женщины тощія, оборванныя, съ рѣзкими охрипыми голосами подобными крику гадокъ въ непогоду, угрюмые, одеревенѣлые въ работѣ мушны и вѣчная томительная лѣсна о голодѣ, безплодномъ ожиданіи, отчаяніи... Ирландцы плачутъ, Шотландцы—нѣтъ; много различія не видно“.

На фабрикахъ и въ каменноугольныхъ колахъ невыгодность помѣщенія капитала подѣ промышленное производство заставляетъ хозяевъ раслускать народъ, плада нищету сотнями тысячъ. Нищее населеніе громадныхъ торговыхъ городовъ, какъ-то: Лондона, Манчестера, Бѣрминггана, Ливерпула отбиваетъ (страшно сказать!) кормъ у свиней, питаются выбросками помойныхъ ямъ, зернами изъ лошадиного помета и пр., какъ лишетъ съ мѣста нашъ корреспондентъ.

Вотъ положеніе дѣлъ въ странѣ такъ-называемой *политической свободы*, каковую на материкѣ возвели въ доктрину, не зная чѣмъ она до сихъ поръ покупалась, какъ она дѣлалась и что подѣ исподомъ ея находится.

V.

Моск. Вѣд. № 306.

Дѣятельность православныхъ миссіонеровъ, особенно на окраинахъ Россіи и въ Сибири, имѣетъ великое значеніе не только церковное, но и *государственное*. Россія есть носительница православія, и вселенское православіе исповѣдуется въ Россіи какъ *русская terra*. Эту тѣсную связь между православіемъ и русскою національностью признаютъ и сами инородцы. „Принять православіе, по воззрѣнію Бурята, говорить высокопреосвященный Веніаминъ, архіелісколь Иркутскій, значитъ сдѣлаться Русскимъ не только по вѣрѣ, но и по языку и по всей обстановкѣ русской жизни, и крещеный Бурятъ, какъ бы плохо ни говорилъ по-русски, непрѣменно старается говорить по-русски, и за великое оскорбленіе почитетъ для себя если его назовутъ Бурятомъ, а не Русскимъ“.

Считая себя по крещенію вполне Русскими, Буряты изъ кочеваго быта переходятъ въ осѣдлый и отъ скотоводства къ земледѣлію. Для этого, особенно гдѣ общество языческое и ведетъ кочевую жизнь, новокрещенные ищутъ водворенія у Русскихъ, одни просто въ качествѣ работниковъ, другіе съ перепиской въ общества крестьянъ и мѣщанъ, хотя это сопровождается для нихъ потерей нѣкоторыхъ льготъ и правъ и обложеніемъ лишними повинностями.

Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Иркутска имѣются воспитанники и воспитанницы изъ крещеныхъ инородцевъ, а язычниковъ нѣтъ. Стремясь къ образованію, крещеные инородцы сами ищутъ саяться съ Русскимъ народомъ. Были попытки искусственно привить язычникамъ образованіе помимо христіанства, но отъ этого, кромѣ вреда, ничего не происходило. Отставъ отъ одного берега и не приставъ къ другому, они только губили нравственно не принося никому пользы. Мало этого. Развивъ въ себѣ національное самонѣніе отъ разныхъ поблажекъ имъ какъ инородцамъ и инородцамъ, они прямо являлись проповѣдниками сепаратизма среди своихъ соплеменниковъ. Таковы были извѣстные въ Иркутскѣ воспитанники университетовъ Банзаровъ и нѣкто Б. Послѣдній уличенъ былъ въ распространеніи среди Бурятъ прокламаціи съ призывомъ соединиться съ братьями-Монголами для возстановленія Чингисъ-Ханова царства. Буряты однако такъ были далеки отъ подобныхъ затѣй что сами представили начальству его прокламаціи. Но этотъ самый

Б. и послѣ того путешествовалъ въ Петербургъ во главѣ бурятскихъ депутацій, въ видахъ утвержденія самостоятельной Бурятской національности.

Тамъ гдѣ между инородцами начальники христіане, въ руководство въ управленіи принимается Сводъ Законовъ, общій для всѣхъ подданныхъ Россійской Имперіи, а гдѣ начальство языческое тамъ держатся стелныхъ обычаевъ.

Слѣдовало бы ожидать что наши государственные мужи употребятъ всѣ справедливыя мѣры къ распространенію между инородцами христіанской вѣры, тѣмъ болѣе что *ест инородцы*, какъ свидѣтельствуется высокопреосвященный Вениаминъ, *охотно раздѣляютъ христіанскую молитву съ Русскими*, въ извѣстные праздники наполняютъ христіанскіе храмы, ставятъ свѣчи, служатъ молебны, съ радостію подходятъ къ цѣлованію Креста и окропленію святою водою, дѣлаютъ вклады въ церкви утварью церковною, подсвѣчниками, колоколами, жертвуютъ на постройку церквей и т. п. Когда въ 1881 году всѣ инородцы должны были принимать присягу на вѣроподданство Его Императорскому Величеству, то язычники сами просили приводить ихъ къ присягѣ по общей христіанской формѣ съ цѣлованіемъ Креста и Евангелія. Напротивъ, когда при производствѣ слѣдствій заставляютъ ихъ давать установленную для нихъ языческую присягу съ цѣлованіемъ дула ружья, они смѣются надъ такою присягой. Признавая всѣ вѣры равно происшедшими отъ Бога, они православную вѣру считаютъ вышею всѣхъ другихъ вѣръ. „Русская (православная) вѣра, говорятъ они, первая вѣра, всѣмъ вѣрамъ вѣра“.

Вмѣсто того чтобы поддержать и укрѣпить инородцевъ въ такомъ взглядѣ на православную вѣру и облегчить имъ самый переходъ въ православную церковь, наше законодательство было увлечено на ошибочныя луты. По смыслу основныхъ законовъ Русскаго Государства, религіи нехристіанскія только терпимы, а между тѣмъ частныя постановленія о тѣхъ или другихъ инородцахъ берутъ ихъ религію подъ прямое покровительство законовъ. Выходитъ что законодательство относится къ этимъ религіямъ не съ терпимостію только, что требуется и государственными соображеніями и правомъ свободы совѣсти, но и *положительно, регламентируя ихъ обычаи*, сообщая имъ власть и примѣняя къ нимъ понятія свойственныя только христіанской религіи.

Напримѣръ ни у іудеевъ, ни у магометанъ, ни у язычниковъ нѣтъ духовенства, а имѣются только у первыхъ учителя (раввины и мудлы) не обязанные никакими требамн, а у вторыхъ аскеты (ламы), не имѣющие никакихъ религіозныхъ отношеній къ мірянамъ; а между тѣмъ въ нашемъ законодательствѣ тѣ и другія приравнены ко христіанскому духовенству, причемъ имъ предоставлена власть надъ единоверцами и права какихъ православное духовенство не имѣтъ. Введеніемъ Положенія о ламайскомъ духовенствѣ наше правительство приняло на себя обязанность содержать все ламайское сословіе въ такомъ довольствѣ какого не имѣтъ православное духовенство. Хамбо-ламѣ дано на содержаніе 500 десятинъ земли и закономъ обезпечена десятая часть доходовъ ото всѣхъ 34 дацановъ; ширетуй (настоятель дацана) получаетъ 200 десятинъ земли и пятую часть доходовъ отъ своего дацана; каждый лама получаетъ по 60 десятинъ земли и извѣстную часть доходовъ; бандіи (въ родѣ нашихъ пономарей) по 30 дес. и свою часть изъ доходовъ, и даже ховараки (ученики) по 15 дес. земли. А что и въ Сибири земля имѣтъ цѣну, доказательствомъ служить надѣлъ второклассныхъ православныхъ монастырей не превъщающій шестидесяти десятинъ и длинная переписка о надѣлѣ православныхъ причтовъ пятидесятью пятью десятинами. Въ силу Положенія о ламайскомъ духовенствѣ, ламы освобождены ото всѣхъ повинностей, пользуются приношеніями мірянъ и доходами отъ продажи бурхановъ, образовъ, молитвъ, посоховъ и другихъ предметовъ церковныхъ (такъ и сказано). Сверхъ того, ламѣ стали награждать золотыми и серебряными медалями и даже орденами не за какія-либо гражданскія заслуги, а единственно за исполненіе своихъ идоолужевныхъ обязанностей, или, какъ объясняли высокопреосвященному Веніамину сами ламы, за „твердость въ вѣрѣ“.

Далѣе, Положеніемъ о ламайскомъ духовенствѣ, на христіанское правительство возложена забота о поддержаніи языческихъ капищъ со всѣми находящимися въ нихъ идолами и идоолужевными принадлежностями и даны средства къ приношенію идоламъ ежедневныхъ жертвъ по ламскому уставу. Чтобы все капищное имущество хранилось цѣло и вѣрно, военный губернаторъ Забайкальской области обязанъ ежегодно требовать въ томъ надлежащей отчетности.

Наконецъ и самое учене и правила идоолоклонническаго суевѣрія не оставлены въ Положеніи безъ утвержденія авторитетомъ правительства съ опредѣленіемъ наказанія непослушнымъ. Такъ по правиламъ своей вѣры ламы не должны имѣть отдѣльной собственности. Это даетъ ламамъ поводъ шарлатанствомъ вытѣгивать послѣднее достояніе у бѣднаго Бурята, несущаго за ламъ всѣ повинности. Правительство нашло нужнымъ подтвердить это правило, какъ бы правило исповѣдуемой имъ самимъ вѣры: ламамъ предписывается, подъ опасеніемъ наказанія, отдать недвижимое имущество котораго нѣтъ у кочевыхъ инокорцевъ въ пользу общества, а все движимое, то-есть дѣйствительное имущество въ пользу калищъ. Равнымъ образомъ предписывается ламамъ вести безбрачную жизнь, хотя послѣдствіемъ того оказывается развратъ между инокорцами и распространеніе любострастной заразы. Наконецъ, предписавъ содержать при Гусиноозерскомъ дацанѣ 35 хавараковъ (учениковъ) съ отводомъ на содержаніе каждаго по 15 дес. земли, Положеніе вмѣвило имъ въ обязанность обучаться *преимущественно* догматамъ суевѣрія чтобъ и на будущее время калища не остались безъ своихъ служителей-ламы. Въ № 305 *Московскихъ Вѣдомостей* помѣщена замѣтка о присягѣ бандидо-хамбо-ламы Монголо-Бурятъ Восточной Сибири. Самое важное въ этой присягѣ, придающее ей особенное значеніе, есть обязательство *по закону Бога и Царя стараться о распространеніи вѣры въ Гурбанъ-Эрдени*, повторяемое нѣсколько разъ. Помѣстивъ полный текстъ этой присяги, *Иркутскія Епарціальныя Вѣдомости* вполнѣ основательно замѣчаютъ: „Помѣщаемъ присягу бандидо-хамбы-ламы, какъ документъ съ поразительною очевидностію свидѣтельствующій до чего слуганы были помятія правителей Восточной Сибири объ отношеніи православнаго Царя и Русскаго правительства къ языческому суевѣрію. Таковую присягу хамбо-лама могъ давать только корпорація ламъ, но отнюдь не православному Русскому Царю“.

Удивляться ли послѣ этого что сами ламы теперь смотрятъ на себя не только какъ на жрецовъ, но и какъ на чиновниковъ поставленныхъ отъ правительства и требуютъ повинности себѣ и въ дѣлахъ вѣры, и въ дѣлахъ гражданскихъ, какъ *законнаго, долга, и чинамъ правительства*. До самаго высшаго начальства доходили извѣстія о распространеніи ламами вредныхъ для спокойствія народнаго слуховъ име-

немъ правительства, такъ что оно находило нужнымъ дѣлать противныя лубкаціи между народомъ чрезъ стелныя думы. Помянуто что ничего подобнаго никогда бы не было еслибы ламы не выведены были изъ подчиненія стелнымъ думамъ и не введены въ непосредственныя сношенія съ властями. Шаманы не имѣющіе особыхъ отношеній къ начальству никогда не распространяють подобныхъ слуховъ, потому что имъ никто и не повѣрилъ бы какъ частнымъ людямъ. И вообще послѣдніе гораздо меньше вредили чѣмъ ламы и для общества гражданскаго, и для распространенія христіанства, несмотря на приписываемую имъ по преимуществу силу сноситься со злыми духами и творить чудеса. Наконецъ, учрежденіе должности хамбо-ламы, возвысивъ ламаизмъ въ глазахъ народа на стелень христіанской іерархіи, дало этой корпораціи единство и силу коихъ не имѣетъ она ни въ Китаѣ, ни въ Тибетѣ (и тамъ всякій даданъ имѣетъ свое отдѣльное административное значеніе, а не объединяются подъ общою властью).

До чего простирается самоувѣренность ламъ, видно изъ того что они даже высокопреосвященному Веніамину и всѣмъ миссіонерамъ прямо объявляютъ что ихъ вѣра утверждена Государемъ Императоромъ и съ гордостію указываютъ на дарованныя имъ преимущества. И къ сожалѣнію, говоритъ высокопреосвященный Веніаминъ, судя по содержанію Положенія, трудно опровергнуть ихъ предъявленія. На мои указанія на желаніе Государя Императора, неоднократно выразившееся въ Высочайшихъ резолюціяхъ по духовному вѣдомству, о богае успѣшномъ распространеніи христіанства между язычниками, мнѣ отвѣчали что объ этомъ они не получали никакихъ предписаній отъ своего начальства, а знаютъ только что ихъ вѣра утверждена Государемъ, и что потому ни сами они не примутъ и *другимъ всегда будутъ запрещать принимать христіанство.* Нѣкоторые даже съ угрозой объявляли миссіонерамъ чтобы впередъ не являлись къ нимъ и другимъ бы запретили. А въ народѣ они постоянно распространяють слухи о полученныхъ ими будто бы отъ высшаго начальства предписаніяхъ запрещать принятіе крещенія, потому что ихъ собственная вѣра утверждена Государемъ, а кто де приметъ христіанство, обращенъ будетъ въ казаки или посланъ на Амуръ, куда дѣйствительно посылались только христіане.“

И эти угрозы не ограничиваются одними словами. „Гдѣ господствуетъ ламство покровительствуемое языческимъ начальствомъ, свидѣтельствуется архіепископъ Иркутскій, тамъ на христіанъ воздвигается положительное гоненіе. Одинъ миссіонеръ доносилъ мнѣ о жалобѣ новокрещеннаго что ламы запретили прочимъ Бурятамъ не только принимать его въ свои юрты, но даже говорить съ нимъ, такъ что жизнь его до того стала невыносима что онъ готовъ былъ наложить на себя руки. Типично выраженіе Бурятъ: прежде начальства и ламъ креститься, все равно что удавиться. Затрутъ, замнутъ на смерть. Какія бы ни терпѣлъ обиды крещеный ивородецъ, онъ не найдетъ правосудія въ своемъ ближайшемъ начальствѣ. Въ Баргузинскомъ вѣдомствѣ новокрещенный Стефанъ былъ подвергнутъ пыткамъ на морозѣ, кромѣ повешеннаго жестокаго тѣлеснаго наказанія, отморозилъ руки и ноги и едва живой взятъ былъ для ухода миссіонеромъ. По сообщенію объ этой жестокости начальникомъ Забайкальской миссіи, преосвященнымъ Мелетіемъ, губернаторомъ наряжено было слѣдствіе. Жестокость язычниковъ поразила врача который свидѣтельствовалъ изувѣченнаго: но изувѣченіе нельзя было поправить, а между тѣмъ живонныя языческія власти доселѣ остаются на своихъ мѣстахъ по бесилію страдальца найти удовлетвореніе. Верхояленскій тайша язычникъ, въ первый день праздника Рождества Христова, истязалъ крещеныхъ ивородцевъ своего вѣдомства. Дѣло объ этомъ восходило до главнаго управленія восточной Сибири и доселѣ кажется находится на разсмотрѣніи. Не привожу, говоритъ высокопреосвященный Веніаминъ, другихъ фактовъ, не засвидѣтельствованныхъ офиціально, хотя также несомнѣваемыхъ, напримѣръ о растягиваніи на расплахъ одного новокрещеннаго въ Агинской степной думѣ.

Противодѣйствіе со стороны языческаго начальства распространенію христіанства среди ивородцевъ кромѣ того состоитъ въ востраиваніи желающихъ креститься, такъ что и обѣщавшіеся креститься потомъ отказывались: были случаи что такихъ насильно увозили изъ улуса когда пріѣзжалъ туда миссіонеръ, отнимали дѣтей у крещенаго отца и отдавали некрещеной матери, и наоборотъ отъ крещеной матери отбирали дѣтя и отдавали некрещеному отцу; грозили по крещеніи поселить крещеныхъ ивородцевъ въ такое селе-

ніе гдѣ мало земли; нарочно распространяли слухи объ отдачѣ всѣхъ крещеныхъ въ солдаты и т. п. Одинъ Бурятъ входилъ въ купель крещенія весь въ синихъ пятнахъ отъ лобоевъ полученныхъ имъ отъ своихъ единополемениковъ язычниковъ за желаніе принять христіанство. Все это печально и ужасно, но еще печальнѣе слѣдующія, очевидно смягченныя строки: „Кромѣ боязни предъ своимъ начальствомъ и некрещенымъ большинствомъ, инокородцы не утѣрены что и русское начальство поддержитъ ихъ въ случаѣ крещенія. Поведеніе нѣкоторыхъ либеральныхъ (хороши либералы!) чиновниковъ по отношенію къ язычникамъ и христіанамъ оправдываетъ эту неизвѣстность, а язычникамъ даетъ поводъ говорить даже миссіонерамъ что начальство стоитъ не за русскую вѣру, а за ихъ бурятскую.“

Не возмутительно ли, не противно ли всякому смыслу, что въ христіанскомъ государствѣ язычники могутъ угнетать христіанъ и презрительно относиться къ христіанскому имени въ увѣренности что за ними сила и власть благодаря поддержкѣ со стороны правительственныхъ лицъ?

Главное управленіе Западной Сибири боится де привилегированнаго положенія христіанъ среди язычниковъ и считаетъ полезнымъ поддерживать степные обычаи инокородцевъ и право большинства. Боясь привилегированнаго положенія христіанъ среди язычниковъ, которое само по себѣ не представляло бы ничего страннаго въ христіанскомъ государствѣ, главное управленіе Западной Сибири будто не замѣчаетъ что за то теперь язычники занимаютъ привилегированное положеніе по отношенію къ христіанамъ и пользуются имъ съ нетерпимостію которой вовсе нѣтъ у христіанъ-инокородцевъ. Во всѣхъ вѣдомствахъ гдѣ христіане составляютъ большинство (въ Тукинскомъ, Аларскомъ, Балаганскомъ и Идинскомъ въ Иркутской губерніи и въ Урульганскомъ и Кударинскомъ Забайкальской области), при христіанахъ начальникахъ, допускаются въ начальники язычники; но гдѣ большинство на сторонѣ язычниковъ, тамъ христіане совсѣмъ не допускаются къ начальственнымъ должностямъ, кромѣ одного выборнаго въ степныя думы. Если большинство во всякомъ случаѣ должно властвовать, тогда не нужны были бы ни законы, ни правительство, тогда просто господствовало бы только право сильнаго. Но законы и правительство для того и существуютъ чтобы поддерживать слабого про-

тивъ сильнаго когдѣ справедливость на его сторонѣ. Что касается мирнаго и будто бы болѣе усиленнаго распространенія православія между инородцами при языческомъ начальствѣ, то о силѣ и значеніи подобныхъ странныхъ представленій ясно говорятъ прямыя говенія воздвигаемыя языческимъ начальствомъ на инородцевъ-христіанъ. О томъ же свидѣтельствуетъ и совершенное *безземелье* новокрещеныхъ инородцевъ при языческомъ начальствѣ. Архіепископъ Иркутскій, послѣ обозрѣнія церквей и миссіонерскихъ становъ въ Забайкальской области въ іюнѣ 1882 года, лично объясняя генералъ-губернатору съ какими слезами умоляли его тугайскіе новокрещеные Хоринскаго вѣдомства ходатайствовать предъ нимъ о надѣлѣ ихъ земель, и все-таки новокрещеные доселѣ остаются безъ земли, потому что некому о нихъ заботиться когдѣ всѣ власти язычники. Спросите, говоритъ высокопреосвященный Веніаминъ, любаго изъ Бурятъ тѣхъ вѣдомствъ гдѣ все начальство языческое, почему онъ не крестится, и каждый изъ нихъ прямо скажетъ: потому что тайша и родовые старосты некрещеные. Пусть крестятся тайша и старосты, тогда и мы будемъ креститься, а безъ нихъ страшно креститься. Эта ссылка на тайшей и старость подтверждается опытомъ. Большинство Тувкинцевъ крестилось вслѣдъ за тайшей Хомаковымъ; аларскіе Буряты крестились когдѣ крестился тайша Батуровъ и родовой староста Косомовъ; балаганскіе Буряты крестились за тайшей Андреевымъ, идинскіе за Пирожковымъ. За Байкаломъ кударинскіе Буряты стали креститься когдѣ удаленъ былъ отъ должности открытый гонитель христіанъ тайша Заяханъ Хамагановъ и на его мѣсто опредѣленъ христіанинъ. Князе-Урульгинское тунгусское вѣдомство почти все давно исповѣдуетъ православіе и обрусѣло, благодаря тому что управляющіе имъ князья Гантимуровы давно христіане. Не ясно ли что главное управление Западной Сибири боится *страха ить же не бѣ страхъ?*

Если Русское правительство на первое время допустило особое управленіе у инородцевъ, то задачей его во всякомъ случаѣ должно быть постепенное сближеніе ихъ съ господствующею націей и подчиненіе общимъ законамъ Имперіи.

Въ видахъ не только болѣе успѣшнаго распространенія христіанства, но и *успѣховъ гражданственности среди инородцевъ* и сближенія ихъ съ Русскими, не представляется бо-

лѣе надежнаго средства какъ назначеніе главныхъ родона-
чальниковъ, головъ инородныхъ управъ и родовыхъ старостъ
изъ христіанъ знающихъ русскій языкъ. Главное управленіе
Западной Сибири и Иркутскій губернскій совѣтъ находятъ
препятствіе въ томъ что въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ чи-
сло крещеныхъ будто бы слишкомъ ничтожно и тѣ слиш-
комъ бѣдны чтобы нести какую-либо общественную долж-
ность. Но если въ настоящее время въ нѣкоторыхъ вѣдом-
ствахъ мало крещеныхъ инородцевъ и тѣ большею частію бѣд-
ны, то причина этого и заключается въ томъ что доселѣ они
остаются безправными въ своихъ обществахъ. Но мы думаемъ,
говоритъ высокопреосвященный Веніаминъ, что и Западно-
Сибирское главное управленіе и иркутскій и забайкальскій
губернаторы упустили изъ виду осѣдлыхъ инородцевъ, со-
вершенно обрусѣвшихъ и однако же находящихся въ вѣдѣ-
ніи степныхъ думъ и инородныхъ управъ. Почему же ихъ
не избирать на начальнческія должности въ собственныхъ
инородческихъ обществахъ гдѣ они несутъ повинности? Во
всякомъ случаѣ, почему лишать христіанъ-инород-
цевъ этого права въ своемъ обществѣ, а не предоставить
имъ самимъ отказаться отъ него въ случаѣ какихъ-либо за-
трудненій? Только когда христіанскіе начальники будутъ
имѣть вліятельный голосъ въ рѣшеніяхъ степныхъ думъ,
инородныхъ управъ, родовыхъ управленій, они могутъ при-
нести дѣйствительную пользу и христіанамъ-инородцамъ, и
всему инородческому обществу; а если оставить ихъ въ томъ
положеніи безсилія въ какомъ находятся теперь предста-
вители христіанъ въ степныхъ думахъ, то это нисколько
не подвинетъ инородцевъ ни въ гражданскомъ развитіи, ни
въ свободномъ обращеніи ко христіанству. Подумѣры не при-
несутъ пользы, и темное царство останется въ прежней силѣ.

БОЛЕСЛАВЪ МИХАЙЛОВИЧЪ МАРКЕВИЧЪ †

Моск. Вѣд. 20 ноября.

Въ жизни, какъ въ битвѣ, то одинъ близъ тебя уладеть, то другой, пока самъ не свалился. Но битвы кончаются, а жизнь безконечная битва, изъ которой никто живъ не выидеть...

Невыразимо жаль нашего бѣднаго Маркевича, хотя вѣсть о его кончинѣ не была для насъ неожиданностию. Онъ уже умиралъ за годъ предъ симъ, и только Божиимъ милосердіемъ, при своемъ крѣпкомъ сложеніи и неутомимомъ уходѣ родныхъ и врачей, кончина его была отсрочена до вчерашняго дня. Въ это льготное время онъ былъ уже не жидецъ, онъ былъ уже одною ногой въ гробу, хотя душа его бодрствовала, нравственныя силы его не падали, но поднимались, и никогда литературный талантъ его не проявлялся такъ жизненно и ярко, никогда трудъ его такъ не спорился, взглядъ его не отличался такою наблюдательностию и зоркостию, никогда слово его не было такъ тщательно обработано. Редакція *Русскаго Вѣстника*, за три дня до его смерти, получила предназначенныя для слѣдующей книжки главы его романа, отличающіяся особенною виртуозностию обработки.

Онъ умеръ 18 ноября, въ 9 часу вечера, послѣ двухчасовой агоніи, въ припадкѣ грудной жабы.

Намъ тѣмъ болѣе жаль его что въ тяжкую минуту его жизни, за десять лѣтъ предъ симъ, когда сыпались на него удары за одинъ неловкій шагъ который люди менѣе его добродушные и менѣе честные могли бы какъ нельзя лучше оформить, даже возвести въ добродѣтель и заслугу—что въ это время тяжкаго для него испытанія мы, друзья его, отнеслись къ нему съ излишнимъ, напраснымъ, ничѣмъ потомъ не оправдавшимся ригоризмомъ. Нравственно онъ уцѣлѣлъ подъ тяжестью испытанія, оно быть можетъ подняло и очистило его духъ, подъ ударами быть-можетъ созрѣлъ и талантъ его; но оно не могло не потрясти его организма, при всей крѣпости его атлетическаго сложенія.

Въ Маркевичѣ понесли прискорбную утрату не только

близкіе къ нему люди, но и русская литература. Это былъ человѣкъ съ душой отзывчивою, сердцемъ незабывимымъ, твердаго образа мыслей, несомнѣнно даровитый, обладавшій въ высокой степенѣ чувствомъ изящнаго и образованнымъ вкусомъ. При своемъ польскомъ имени, это былъ глубоко русскій человѣкъ, всею душой, всѣми своими помыслами преданный Россіи, ни разу не колебавшійся въ своемъ патріотизмѣ среди смутныхъ временъ которыя мы пережили. Съ литературнымъ талантомъ соединялъ онъ образованный умъ и политическій смыслъ. Съ самаго начала нашей общественной дѣятельности онъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ заботившихъ насъ вопросахъ. Съ полнымъ сочувствіемъ и преданностію слѣдилъ онъ, съ нашей точки зрѣнія, за ходомъ дѣлъ, мнѣній и толковъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ, при помощи своего общественнаго положенія и личнаго, болѣе или менѣе близкаго, знакомства съ правительственными и вообще выдававшимися лицами. Въ исполненное событій время, въ шестидесятыхъ годахъ, онъ велъ почти изо дня въ день живую хронику въ своихъ интимныхъ письмахъ къ намъ, которымъ теперь еще рано увидѣть свѣтъ, но которыя въ послѣдствіи послужатъ не лишнимъ значенія историческимъ матеріаломъ.

Болеславъ Михайловичъ скончался 62 лѣтъ отъ роду. Родился онъ какъ и умеръ въ Петербургѣ, но дѣтство и юность провелъ въ Одессѣ, гдѣ воспитывался въ Ришельевскомъ Лицеѣ.

Грустно подумать что мы уже никогда не увидимъ этого даровитаго, добраго, симпатическаго человѣка... Тѣло его предано землѣ въ Александро-Невской Лаврѣ. Царство ему небесное!

Болеславъ Михайловичъ былъ постояннымъ сотрудникомъ, *Русскаго Вѣстника* въ теченіе семнадцатилѣтней своей литературной дѣятельности. Начавъ ее въ 1867 году романомъ *Типы прошлаго*, подъ псевдонимомъ *Б. Лъшицкій*, онъ чрезъ пять лѣтъ выступилъ уже подъ своимъ именемъ съ новымъ романомъ—*Забитый вопросъ*, за которымъ послѣдовали въ 1873 году *Марина изъ Алаго Рога*, въ 1874 *Дѣтѣ маски* и наконецъ съ 1878 года началось печатаніе обширнаго произведенія, коему авторъ далъ названіе *Правдивой исторіи*. Мы

говоримъ о трилогіи *Четверть вѣка назадъ*, *Переломъ*, *Бездна*, въ которой творческія силы автора годъ отъ году зрѣли на глазахъ читателя до полнаго ихъ развитія, безвременно прерваннаго смертью... Это поистинѣ правдивая исторія нашего быта за послѣднюю четверть вѣка. Троекуровы, Юшковы, князя Шастуновы, Буйвосовы, Ранцевы, Сусальцевы, Овцыны, Троженковы и многое множество не менѣ типичныхъ лицъ, это вся современная Россія въ трехъ поколѣніяхъ, лѣтопись ея жизни доведенная до нынѣшняго дня... и какая лѣтопись!.. Не сухой перечень событій, а сама жизнь во всемъ ея животрепещущемъ многообразіи и до мельчайшихъ проявленій въ общественномъ и частномъ бытѣ.

Надъ *Бездной* Болеславъ Михайловичъ работалъ до послѣдняго дня, и быть-можетъ въ черновыхъ наброскахъ уже намѣченъ былъ конецъ этого произведенія, но сколько оно, посвященное текущей жизни, могло быть совершенно окончено.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ, составленный по современнымъ латинскимъ словарямъ Анасьевымъ, Ясневскимъ и Лебедевскимъ и издаваемый П. Леонтьевымъ. Ц. 4 р., пересылака за 5 фунтовъ.

СОКРАЩЕННЫЙ ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ АНАТЬЕВА, издаваемый П. М. Леонтьевымъ. Изданіе второе пересмотрѣнное. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 25 к.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78) ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учебническихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно и для городскихъ уѣздныхъ училищъ. 1878. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ТУРЕЦКІЕ АНЕКДОТЫ. Изъ тридцатилѣтнихъ воспоминаній Михаила Чайковскаго (Садыкъ-лаши). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ИЗЪ ПЕЩЕРЪ И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА. Письма на родину Радда-Бай. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

НЮМА РУМЕТАНЪ. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

САФО. Парижскіе нравы. Романъ Альфонса Додэ. Цѣна 1 р., съ перес. 1 руб. 25 коп.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ Чарлза Диккенса. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы. Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЙ ВКЛАДЪ. Статьи, записки, чтенія, замѣтки Н. А. Любимова, профессора Московскаго Университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва. 1881. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ. Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей. Варвара Кочнева. Цѣна: выпускъ первый 75 коп., выпускъ второй 75 к., I и II выпуски вмѣстѣ 1 р. 50 к., за пересылаку прилагать 25 коп.

НАБАБЪ. Французскіе нравы Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ въ четырехъ частяхъ Ю. В. Жадовской. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

МОГАРЪ МЛАДШІЙ. Романъ Андрея Тѣріе. Переводъ съ французскаго. 1880. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

КУРСКІЕ ПОРУБЕЖНИКИ. Историческій романъ, соч. Влад. Маркова. Въ 3хъ частяхъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

РУЖЕЙНЫЙ ОГОНЬ ВЪ БОЮ (обработка боевыхъ наблюденій) соч. Н. Волоцкаго. 1881. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

КАКЪ МЫ ТЕПЕРЬ ЖИВЕМЪ. Романъ Антона Троллопа, въ четырехъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антона Троллопа. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго. Изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. Ц. 1 р., съ перес. 1 руб. 25 коп.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ. Романъ Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Второе изданіе. 1881. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВЪРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сень-Жамъ“. Переводъ съ англійскаго. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албана Фонбланка. Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ВОКРУГЪ ЛУНЫ. Разказъ Жюль Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:
ЛЕКЦІИ ФИЛОСОФІИ

профессора Московской Духовной Академіи

Ө. А. Голубинскаго.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

Цѣна 1го и 2го выпусковъ 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 руб.
50 к., 3го 75 к., съ пересылкою 1 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ ФИЛАРЕТА

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Съ требованіями обращаться ВЪ КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: Суворина, Мамонтова, Салаева, Фералонтова, Ступина, Васильева, и ВЪ СКЛАДЫ: типографіи Московскаго Университета и Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Высоколетровскомъ монастырѣ. К. 11.127.

СЪ 1 ЯНВАРЯ 1885 ГОДА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ,

издаваемый Д. В. АВЕРКІЕВЫМЪ.

ДНЕВНИКЪ будетъ заключать въ себѣ, кромѣ статей беллетристическаго содержанія (ДРАМЫ, ПОВѢСТИ, СТИХИ и пр.), отчетъ о видѣнномъ, слышанномъ и прочитанномъ авторомъ; между прочимъ, авторъ будетъ вести сравнительную хронику ПЕТЕРБУРГСКИХЪ и МОСКОВСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

ДНЕВНИКЪ будетъ выходить въ первое число каждаго мѣсяца; каждый выпускъ будетъ содержать въ себѣ отъ полутора до двухъ листовъ, въ форматѣ *Revue des Deux Mondes*. Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ *Новаго Времени* (А. С. Суворина), въ С.-Петербургѣ, Невскій, 38—4 и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, домъ Третьяковыхъ, а равно въ магазинѣ А. Л. Васильева, на Страстномъ бульварѣ. Иногородные благоволятъ обращаться къ автору по слѣдующему адресу: ДМИТРИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ АВЕРКІЕВУ, С.-Петербургъ, Николаевская, 65—А.

Цѣна за годовое изданіе съ пересылкой и доставкой ТРИ РУБЛЯ. Отдѣльные выпуски будутъ продаваться въ книжномъ магазинѣ *Новаго Времени* и у газетныхъ разнощиковъ по 30 коп.

10.050.—1.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1885.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

1885.

Редакторъ-издатель П. Н. Полевой.

Въ 1885 году годовые поднищники „Живописнаго Обозрѣнія“ получить:

- I. 52 еженедѣльные иллюстрированные номера, каждый не менѣе двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рис. въ текстѣ.
- II. 12 еженесячныхъ книжечекъ, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убористаго шрифта.
- III. 12 еженесячныхъ номеровъ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ».
- IV. Бесплатную премію — художественно-исполненную омеографію, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одинъ пейзажъ и два жанра; подробности въ № 1).
- Желающіе получить всѣ три картины оплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 руб.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою и пересылкою:		Безъ доставки и пересылки:
За годъ..... 8 р. — к.		За годъ..... 6 р. 80 к.
„ полгода..... 4 „ 50 „		„ полгода..... 4 „ — .
Подписка за границею: за годъ — 12 р., за полгода — 6 р.		

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе слѣдующіе литераторы:

Н. А. Ашиарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Василевскій (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенская, И. Э. Горбуновъ, Г. С. Дестунисъ (профессоръ), Л. Зюнаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, Н. И. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Лисковъ, С. В. Максимовъ, М. Н. Молозовъ, Е. Л. Марковъ, Д. Л. Минаевъ, А. П. Митуричъ, Д. Л. Михаловскій, Д. Н. Острооскій, А. Н. Плещеевъ, Е. П. Пономаревъ, Л. Рускинъ, А. Соколовъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северинъ, Л. Х. Симонова, К. И. Сборный (псевдонимъ), С. Н. Терпигоревъ (Сергій Атава), П. Тройницкій, М. К. Цибрикова, Дм. Чертковъ, В. В. Чудакъ, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шишонко, В. Ю. Юрьевъ, А. Н. Яхонтовъ и мн. др.

К. 10.111.—3.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1885 ГОДУ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ).

Историческій Вѣстникъ будетъ издаваться въ 1885 году на тѣхъ же условіяхъ и по той же программѣ какъ и въ предшествовавшія пять лѣтъ (1880—1884).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всеми приложениями) **ДЕСЯТЬ** рублей съ пересылкою и доставкою на домъ.

Для первыхъ книжекъ *Историческаго Вѣстника* 1885 года въ распоряженіи редакціи уже имѣются, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Двѣ упраздненныя автономіи. Отрывокъ изъ воспоминаній *К. А. Бороздина* (съ портретами и иллюстраціями). — Путешествіе Екатерины II въ Крымъ въ 1787 году. *А. Г. Брикнера* (съ портретами и иллюстраціями). — Нерокъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. *В. П. Буренина* (съ иллюстраціями). — Солдатскій бытъ въ поговоркахъ и пословицахъ. *И. Д. Бѣлова*. — Исторіи прошлаго вѣка. *Е. М. Гаршина* (съ портретами). — Записки Казановы и императрица Екатерина II. Исслѣдованіе по вновь открытымъ документамъ г. *Шарля Генри*, бібліотекаря Парижскаго университета (статья, написанная исключительно для *Историческаго Вѣстника*) (съ портретами). — Ливенскіе святители. *М. И. Городецкаго* (съ иллюстраціями). — Исторія Краснаго Кабачка. *Г. В. Есипова*. — Два эпизода изъ дѣтства императора Александра II. *И. Н. Захарьина*. — Отрывки изъ литературныхъ воспоминаній *В. Р. Зотова*. — Культурныя очерки Директоріи. *Его же* (съ иллюстраціями). — Цензура временъ императора Павла I. *П. П. Каратыгина*. — Переломъ въ Петербургѣ. Историческая повѣсть. *Е. П. Карновича*. — Бѣлая дама. *Его же* (съ иллюстраціями). — Забытыя знаменитости русской литературы. *А. И. Курпичникова* (съ портретами). Воспоминанія о селѣ Сласскомъ и его обитателяхъ.

В. Н. Колонтаевой. — *С. И. Шенковскій.* Биографическій очеркъ. *А. Н. Корсакова.* — Отрывки изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта *В. Д. Кренке.* — Суды старые и новые. *В. С. Кроткова.* — Поѣздка въ Переяславль. *Н. И. Костомарова.* — Одинъ изъ трехъ праведниковъ. *Н. С. Дѣскова* (съ портретомъ). — Изъ воспоминаній о прошломъ. *А. А. Малышева.* — Отрывки изъ воспоминаній *А. П. Милюкова.* — Разказы объ архимандритѣ Фотіи. *И. Г. Мизереукаго.* — Авантюристы. Историческая повѣсть. *Д. Л. Мордочева.* — Семейство Скавронскихъ. Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. *В. О. Мухоморова.* — Средне-Колымскъ и его округъ. *А. В. Оксенова* (съ иллюстраціями). — Эпоха каруселей и маскарадовъ въ Россіи. *М. И. Пылева.* — Сумашедшій художникъ. *К. К. Случевскаго* (съ иллюстраціями). — Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянь-Шаня. Путевыя записки (професс.) *Н. В. Сорочкина* (съ иллюстраціями). — Отрывки изъ воспоминаній стараго редактора. *А. В. Старчевскаго.* — Педагогическія задачи Пирогова. *В. Я. Стоюнина.* — Очеркъ изъ литературы прошлаго времени. *М. И. Сухожильнова.* — Воспоминанія о *Ф. М. Достоевскомъ.* *З. А. Сытиной* (съ портретомъ). — Проkonsуль Кавказа. *Ф. М. Уманца* (съ портретами). — Мировой судъ въ Петербургѣ въ 1869—1872 годахъ. Отрывокъ изъ автобіографіи *Ф. Н. Устрялова.* — Среди скитальцевъ. Отрывокъ изъ лутевыхъ записокъ *П. С. Усова* (съ иллюстраціями). — Арматоръ прошлаго вѣка. *Его же.* — Воспоминанія лазутчика русской арміи въ войну 1877—1878 годовъ. *К. Н. Фаврикодорова.* — Авлачане въ Камчаткѣ въ 1779 году *С. Н. Шубинскаго* (съ иллюстраціями). — Алтай и его ивородческое царство. *Н. М. Ядринцева* (съ иллюстраціями).

Для приложеній къ *Историческому Вѣстнику* 1885 года редакція приобрѣла слѣдующія иллюстрированныя сочиненія:

1) Во льдахъ и снѣгахъ. Путешествіе въ Сибирь для поисковъ экспедиціи капитана Делонга; *Уильяма Гильдера*, корреспондента газеты *Нью-Йоркъ Геральдъ* (съ 40 иллюстраціями). Переводъ съ англійскаго *В. Н. Майнова.*

2) Мои темницы; воспоминанія *Сильвіо Пеллико да-Салуцци* (съ 18 иллюстраціями). Новый переводъ съ италіянскаго подлинника *А. Н. Дьяконова.*

Главная контора *Историческаго Вѣстника*, въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ *Новаго Времени*, Невскій Проспектъ, домъ № 38. Отдѣленіе конторы въ Москвѣ, при московскомъ книжномъ магазинѣ *Новаго Времени*, Кузнечкій Мостъ, домъ Третьякова.

К. 10.299.

„НОВОСТИ ДНЯ“

(ГОДЪ ТРЕТІЙ)

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ, ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА.

ВЪ 1885 ГОДУ

будеть заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. Правительственныя распоряженія, движеніе по государственной службѣ, награды и назначенія, придворныя извѣстія. II. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и телеграфныхъ агентствъ. III. Корреспонденціи изъ Петербурга, изъ-за границы и внутреннихъ городовъ Россіи. IV. Политическія извѣстія. V. Городскія дѣла, отчеты о засѣданіяхъ думы, ученыхъ обществъ и сословныхъ учрежденій и дневникъ городскихъ происшествій. VI. Подмосковныя вѣсти. VII. Театральныя и музыкальныя рецензіи и извѣстія. VIII. Судебная хроника: а) отчеты окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и Кассационныхъ Департаментовъ Сената; б) коммерческихъ судовъ; в) мировыхъ судовъ и съѣздовъ, причемъ всѣ выдающіяся дѣла будутъ излагаться *стенографически* и IX. „У столба и за флагомъ“, гдѣ будутъ помѣщаться подробные отчеты о скачкахъ и бѣгахъ.

Кромѣ перечисленнаго, въ каждомъ номерѣ газеты будутъ помѣщаться руководящія статьи по разнымъ внутреннимъ и вѣшнимъ вопросамъ, дневникъ печати и фельетоны. Каждый выдающійся фактъ, касающійся общественной жизни, по мѣрѣ возможности, не будетъ оставленъ редакціей безъ должнаго вниманія и будетъ освѣщенъ ею вполне безпристрастно. Въ „дневникѣ печати“ читатели найдутъ въ существенныхъ чертахъ руководящія статьи другихъ газетъ, такъ что отдѣлъ этотъ будетъ зеркаломъ всей нашей литературно-общественной и политической жизни.

Отдѣлъ литературный: фельетоны, посвященный обзоръ московской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, романы, оригинальныя и переводныя, повѣсти, разказы, сцены, касающіяся заобы дня, стихотворенія, анекдоты, шутки, казусы, курьезы и пр.

Кромѣ того, въ справочномъ отдѣлѣ газеты будутъ постоянно печататься торговля телеграммы и извѣстія, мѣсяцесловъ, судебный указатель назначенныхъ къ слушанію дѣлъ въ сѣздѣ, коммерческомъ судѣ, окружномъ судѣ, судебной палатѣ Московскаго судебного округа и сенатскій указатель дѣлъ назначенныхъ къ слушанію въ Кассационномъ Департаментѣ Сената, списокъ недоставающихъ телеграммъ, объявленія и рекламы.

Газета *Новости Дня*, кромѣ общей газетной программы, на страницахъ своихъ даетъ своимъ читателямъ рядъ портретовъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ ученыхъ, писателей, артистовъ, адвокатовъ и вообще лицъ составляющихъ интересъ дня.

Въ 1885 году будутъ напечатаны оригинальные и переводные романы съ азыковъ: французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и польскаго.

Мы задались не одною только мыслью давать матеріалъ для читателей столичныхъ, быстро схватывая на лету злобу и интересъ насущнаго столичнаго дня; мы не забыли и иногороднихъ читателей, которые въ отдѣлѣ беллетристики найдутъ для себя всегда интересное чтеніе въ минуту досуга и однообразной провинціальной жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на 1 м.		на 2 м.		на 3 м.		на 4 м.		на 5 м.		на 6 м.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Безъ доставки.....	—	90	1	80	2	50	3	—	3	50	4	—
Съ дост. въ Москвѣ	1	—	1	90	2	90	3	70	4	50	5	—
Съ перес. на города	1	—	2	—	3	—	4	—	5	—	5	50
Съ перес. за границу	1	60	3	—	4	70	5	60	6	70	7	90
	на 7 м.		на 8 м.		на 9 м.		на 10 м.		на 11 м.		на 12 м.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Безъ доставки.....	4	50	5	—	5	50	6	—	6	50	7	20
Съ дост. въ Москвѣ	5	50	6	—	6	50	7	—	7	50	8	—
Съ перес. на города	6	—	6	50	7	—	8	—	8	50	9	—
Съ перес. за границу	8	80	9	70	10	90	12	—	12	90	13	80

Объявленія принимаются по 20 коп. за строку петита на первой страницѣ и по 10 к. на послѣдней.

Иногородніе адресуются: въ Москву, въ редакцію газеты *Новости Дня*.

К. 11.102.

Редакторъ-издатель А. Я. ДИПСКЕРОВЪ.

НОРМАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТЪ

КАБИНЕТНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ *

VI.

Вексельныя операціи 1861 и 1876 годовъ имѣли цѣлю: выдачей переводныхъ векселей на границу поддержать наши курсы выше нормальныхъ и придать имъ бѣольшую устойчивость. Для покрытія выдававшихся траттъ на граничныхъ банкировъ имъ высылалось золото изъ металлическаго фонда кредитныхъ билетовъ или покупались на биржѣ переводные торговые векселя.

Еще въ 1832 году лондонская банковая коммиссія обращалась къ Н. М. Ротшильду съ вопросомъ: *могутъ ли вексельные курсы быть управляемы (ruled) какимиъ лицомъ или ассоціаціей лицъ? Основатель всесвѣтнаго банкирскаго дома отвѣчалъ: ни англійскій банкъ, ни какой-либо капиталистъ или консорціумъ не въ состояніи управлять вексельными курсами долѣе двухъ мѣсяцевъ. Единственный факторъ отъ котораго зависитъ положеніе вексельныхъ курсовъ, есть балансъ платежей по вѣнчинному счету страны. Англійскій же банкъ можетъ причинить недостатокъ въ деньгахъ (make the money scarce), но управлять курсами не можетъ.*

Лондонская банковая коммиссія приняла къ руководству это мнѣніе столь компетентнаго судьи-практика; наши же

* См. Русскій Вѣстникъ 1884, № 11.

кабинетные финансисты-реформаторы, еслибы даже оно и было извѣстно имъ, по всей вѣроятности только пожали бы плечами, сказали бы: „ну, что за финансистъ былъ Ротшильдъ!“ и съ полнымъ презрѣніемъ отнеслись бы къ подобнымъ старымъ бреднямъ о значеніи разчетнаго баланса.

Вексельная операція первоначально принадлежала къ *коммерческимъ операціямъ* Государственнаго Банка. Въ отчетѣ за 1861 годъ, въ отдѣлѣ коммерческихъ операцій подъ рубрикой: *Выдача траттъ на иностранные города*, сказано: „Въ теченіе 1861 года, для поддержанія вѣнскихъ торговыхъ переводовъ при сильныхъ колебаніяхъ вексельнаго курса, Государственный Банкъ считалъ полезнымъ уравнивать, безъ чрезмѣрныхъ усилій къ восстановленію или поднятію курса, цѣны на рубль въ денежныхъ курсахъ на иностранные города. Съ этою цѣлью ему поручено было производить всѣ правительственные платежи за границей по разнымъ потребностямъ министерствъ и управленій и вмѣстѣ съ тѣмъ *удовлетворять потребностямъ торговли въ производствѣ платежей, предложеніемъ ей траттъ на иностранные корреспондентовъ банка по умѣренному и болѣе постоянному курсу.* Обороты по заграничнымъ вексельнымъ операціямъ простирались по кассовымъ движеніямъ до слѣдующихъ значительныхъ суммъ:

Всего съ марта по конецъ года принято денегъ	
и другихъ цѣнностей.....	46.936.763 р. 26 к.
Выдано и употреблено.....	38.792.296 „ 47 „
И къ 1 января 1862 года оставалось въ кредитъ этого счета.....	8.144.466 „ 79 „

„Изъ этихъ суммъ поступило на производство платежей по разнымъ правительственнымъ, административнымъ надобностямъ и выдано Банкомъ траттъ на 3.695.088 р.; продаю траттъ частнымъ лицамъ на 36.882.808 р.

„Въ отношеніи къ общимъ операціямъ Банка должно замѣтить что продажа траттъ на иностранные города, привлекающая въ банкъ значительныя суммы, усиливала средства банка и доставляла этимъ суммамъ процентное помѣщеніе въ коммерческихъ операціяхъ. Свода результаты этихъ оборотовъ, по которымъ банкъ пользовался нѣкоторою комиссіей и особенно средствами къ покрытію своихъ долговъ, оказывается что вексельная операція доставила значительныя прибыли въ своемъ результатѣ. Прибыли эти, подробности коихъ

найдутъ себѣ мѣсто въ отчетѣ за нынѣшній 1862 годъ, превышаютъ 793.361 р. Сумма эта перейдетъ на счетъ прибылей за текущій годъ.

„Операциі по выдачѣ тратъ на иностранные города не существовало до учрежденія Государственнаго Банка.“

Общанвыхъ подробностей о прибыляхъ пограничной вексельной операциі въ 1861 году въ отчетѣ Государственнаго Банка за 1862 годъ показано, однакожь, не было, и только въ концѣ отчета (стр. 31) сказано что за *продажною по вексельной и иностранной операциі золото съ преміей выручено въ пользу казны 793.361 р. 33 к.*

Итакъ, вся прибыль отъ новой многообъщавшей граничной вексельной операциі ограничилась полученною преміей отъ продажи золота принадлежавшаго казнѣ. Курсы же, въ средней мѣсячной сложности, понизились въ 1861 году съ $35\frac{1}{16}$ левс. въ январѣ до $33\frac{1}{16}$ въ декабрѣ.

Изъ отчетовъ Государственнаго Банка за слѣдующіе годы видно что иностранная вексельная операциа изъ отдѣла *коммерческихъ операций* была перенесена въ отдѣлъ *текущихъ расчетовъ съ Государственнымъ Казначействомъ*, и что причитавшаяся по ней въ долгу за Государственнымъ Казначействомъ сумма 30.589.517 р. 55 к. была въ теченіе 1867 года уплачена Банку, при разчетѣ за металлическіе билеты. * Слѣдовательно, эта сумма должна представлять *чистый убытокъ Государственнаго Казначейства* отъ иностранной вексельной операциі, предпринятой Государственнымъ Банкомъ съ цѣлью удовлетворенія потребностямъ торговли въ траттахъ за границу „*по утврѣнному и болѣе постоянному курсу*“. Этотъ убытокъ подтверждается и по отчетамъ Государственнаго Банка съ 1861 по 1867 годъ включительно, въ которыхъ показано что *выдано и списано по счету курсовой операциі 258.391.578 р. 65 к.*, а *поступило въ уплату всего лишь 227.802.061 р. 10 к.*, слѣдовательно менѣе на вышеозначенную сумму 30.569.517 р. 55 к., что и составляетъ около 12% потерн на курсъ **.

* Отчетъ Госуд. Банка за 1861 годъ, стр. 48 и 57.

** Вексельная операциа велась весьма своеобразно: Государственный Банкъ не имѣлъ своего представителя на биржѣ, хотя практические люди считали это совершенно необходимымъ для того чтобы Банкъ могъ соображаться въ своихъ дѣйствіяхъ съ общимъ ходомъ торговыхъ дѣлъ, ибо по ихъ справедливому мнѣнію „*курсъ долуженъ*“

Вторая попытка была сдѣлана въ 1876 году и отличалась отъ первой тѣмъ что тратты выдавались не прямо самимъ Государственнымъ Банкомъ, а по его порученію однимъ частнымъ акціонернымъ банкомъ; Государственный же Банкъ только выдавалъ для покрытія траттъ золото изъ металлическаго фонда кредитныхъ билетовъ.

Результатомъ этой вторичной поддержки курсовъ Банкомъ оказалось *уменьшеніе металлическаго фонда кредитныхъ билетовъ* съ 229.398.372 р. на 1 января 1876 года до 148.985.490 р. къ 1 января 1877 года, то-есть болѣе чѣмъ на 80 милл. руб. *металлическихъ*, тогда какъ количество кредитныхъ билетовъ уменьшилось одновременно съ 797.313.480 р. до 790.022.025 р., то-есть всего лишь на 7¼ милл. руб. *кредитныхъ* (!).

Въ томъ же 1876 году драгоценныхъ металловъ изъ Россіи было вывезено по европейскимъ границамъ болѣе чѣмъ привезено на 98.036.605 руб. *металлическихъ*, такъ что сверхъ 80.000.000 руб. изъ металлическаго фонда кредитныхъ

зависеть отъ торговыхъ дѣлъ, а не дѣла отъ курса“. Но руководители вексельной операціи Банка думали по-своему, и курсъ и сумма банковыхъ траттъ объявлялись курсовымъ макаеромъ надому, то-есть въ банкѣ. Черезъ кого и какъ покрывалъ Банкъ свои тратты было неизвѣстно. Вдругъ 17 ноября разнесся на биржѣ слухъ что отъ Банка курсъ не объявленъ, но что его представитель явится на биржу. Это неожиданное извѣстіе заставило ожидать чего-то необыкновеннаго, и дѣйствительно произошло нѣчто небывалое въ коммерческомъ мірѣ. Объявивъ курсъ и вытрасировавъ по немъ значительную сумму, представитель Государственнаго Банка, не встрѣчая поддержки со стороны другихъ трасентовъ, остановился трасировать. Курсы немедленно тутъ же упали отъ 1½ до 2%, то-есть въ одну и ту же биржу *частная бумага была продана нѣсколько выгоднѣе чѣмъ бумага Государственнаго Банка*. То же самое повторилось и на слѣдующій курсовой день. Коммерческой людъ, присутствовавшій на биржѣ, рѣшительно недоумѣвалъ почему Государственный Банкъ такъ настойчиво желаетъ продавать свой товаръ ниже рыночной или биржевой цѣны. На третій день Банкъ вовсе не объявлялъ своего курса, а только обѣщалъ давать тратты по среднему курсу какой состоится на биржѣ. Такимъ образомъ Банкъ убѣдился что онъ не можетъ руководить биржевыми курсами и что слѣдуетъ безпрекословно подчиниться ходу торговыхъ дѣлъ. Тамъ и закончилась первая попытка Государственнаго Банка къ поддержанію и упроченію курсовъ посредствомъ вексельной операціи!.

билетовъ было вывезено еще и все количество золота добытаго въ Россіи въ теченіе года. Вексельные курсы на Лондонъ въ теченіе девятимѣсячной ихъ поддержки, съ января по октябрь, доходили въ сложности до $31\frac{3}{8}$ пенс., а въ ноябрѣ и декабрѣ средній мѣсячный курсъ былъ $29\frac{3}{8}$ и $28\frac{15}{32}$.

Вслѣдствіе какихъ соображеній и побужденій была принята въ 1876 году вторая вексельная операція, стоившая такъ дорого металлическому фонду, положительныхъ свѣдѣній не имѣется, такъ какъ ни въ отчетъ Государственнаго Банка, ни въ рѣчи министра Финансовъ, ни въ отчетъ Государственнаго Контроля никакихъ объясненій относительно уменьшенія металлическаго фонда на 80 милл. руб. не заключается и объ операціи поддержки курсовъ траттами покрывавшимися золотомъ изъ металлическаго фонда ничего не упоминается. * Между тѣмъ, уменьшеніе металлическаго фонда на 80 милл. руб. металлическиихъ предъ самымъ наступленіемъ Восточной войны должно было имѣть прямымъ слѣдствіемъ значительное ухудшеніе нашего финансоваго положенія, а съ нимъ конечно и политическаго. Не будь эта сумма растрчена на безплодную и даже убыточную временную поддержку вексельныхъ курсовъ, не было бы необходимости дѣлать въ 1877 году вѣшній 5% заемъ на 94.000.000 руб. металл. по 74 за сто, на проценты и погашеніе котораго въ теченіе 37 лѣтъ потребуется около 200 милл. руб. металлическихъ.

VII.

Размѣнная операція. Когда послѣ сокращенія бумажнаго денежнаго обращенія ликвидаціей прежнихъ банковъ и послѣ первой вексельной операціи цѣнность кредитнаго рубля и вексельные курсы наши нисколько не поднялись и премія

* Такъ какъ по счету суммъ состоявшихъ въ распоряженіи министра Финансовъ у граничныхъ банкировъ состояло къ 1 января 1876 года 81.044.172 р., а къ 1 января 1877 года 79.319.231 р., то очевидно что сумма 80 милл. руб., взятая изъ металлическаго фонда кредитныхъ билетовъ, не могла быть выслана за границу въ 1876 году на какіе-либо государственные расходы, которые, какъ бюджетные, были покрыты изъ другихъ источниковъ.

на золото не понижалась, * то, признавая что *избытка въ кредитныхъ билетахъ уже не было*, наши финансисты стали объяснять премію на звонкую монету *недовѣріемъ народа къ кредитнымъ билетамъ* и для устранения этого недовѣрія самую дѣйствительною мѣрой признавали *открытие размѣна*.

Кромѣ того, они продолжали утверждать что „главная обязанность правительства должна заключаться въ уравненіи курса кредитныхъ билетовъ, въ приведеніи ихъ къ настоящему характеру размѣнныхъ знаковъ, что „размѣнъ представлялъ единственное средство точно опредѣлить, есть ли еще излишекъ въ кредитныхъ билетахъ“ и что эта мѣра была необходима чтобы *предупредить прерваніе нашихъ торговыхъ сношеній съ иностранцею, чѣмъ грозилъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ нашихъ экономистовъ, дальнѣйшій упадокъ вексельныхъ курсовъ*.

Размѣнная операція должна была также, какъ полагаютъ, *привлечь въ Россію иностранные капиталы въ звонкой монетѣ*, такъ какъ представлялась возможность ихъ обратнаго вывоза во всякое время звонкою же монетою.

Размѣнъ былъ открытъ при Государственномъ Банкѣ съ 1 мая 1862 года и продолжался ровно *полтора года*, до 1 ноября 1863 года. Онъ былъ открытъ по цѣнѣ *5 р. 70 к.* за полуимперіалъ, цѣна которому, будучи понижается въ извѣстные заранее объявляемые сроки, была доведена въ октябрѣ 1863 года до *5 р. 15 к.*, то-есть кредитный рубль былъ доведенъ до равноцѣнности съ металлическимъ. Вслѣдствіе этого и *вексельный курсъ на Лондонъ за кредитный рубль съ 34⁷/₁₆ пенс.* въ маѣ 1862 года дошелъ до *37¹⁵/₁₆ пенс.* въ сентябрѣ 1863 года, а на Парижъ съ *362 сант.* до *398¹/₂ сант.* Предъ открытіемъ же размѣна въ апрѣлѣ 1862 года цѣна полуимперіалу была *5 р. 60 к.*, а средній мѣсячный курсъ былъ *34⁵/₁₆ пенс.*

Драгоценныхъ металловъ при открытіи размѣна въ металлическомъ фондѣ кредитныхъ билетовъ имѣлось около *79¹/₂ милл. руб. метала*. Для подкрѣпленія металлическаго фонда

* Цѣна полуимперіала въ Петербургѣ:

	Высшая.	Низшая.
Въ 1858 году	5 р. 52 к.	5 р. 32 к.
„ 1859 „	6 „ 15 „	5 „ 30 „
„ 1860 „	5 „ 62 „	5 „ 35 „
„ 1861 „	5 „ 88 „	5 „ 49 „
„ 1862 „	5 „ 90 „	5 „ 60 „

въ виду предпринимаемаго размѣна былъ заключенъ у Ротшильда 7½ 5% заемъ на 15 милл. ф. ст. (около 96 милл. руб. металл.), и изъ этой суммы болѣе половины поступило въ металлическій фондъ, который при прекращеніи размѣна оказался уменьшившимся до 55 милл. руб. металл. Слѣдовательно, во время размѣнной операціи было взято изъ металлическаго фонда около 72.000.000 руб. металл., а если къ этой суммѣ прибавить проценты съ банкирскою комиссіею на сумму поступившую въ металлическій фондъ по 1882 годъ, когда должно начаться погашеніе займа, что составитъ за 20 лѣтъ около 50.000.000 руб., то выйдетъ что размѣнная операція обошлась Государственному Казначейству свыше 120.000.000 руб. металл.; если же къ этой суммѣ прибавить и проценты съ 1882 года по срокъ погашенія, то при погашеніи его въ 37 лѣтъ ее придется увеличить еще слѣшкомъ на 50.000.000 руб. металл.

Увѣренность нашихъ кабинетныхъ финансистовъ-реформаторовъ въ успѣхъ была до того сильна что на экономическомъ обѣдѣ въ іюнѣ 1863 года, то-есть всего за четыре мѣсяца до прекращенія размѣна, они смѣло увѣряли что *скорѣе не достанетъ у публики кредитныхъ билетовъ чѣмъ золота въ размѣнной кассѣ*. Но трудно предположить чтобъ они сами не предчувствовали уже въ то время близкаго конца ея, если судить по той торопливости съ какою усиливались *доставить кредитный рубль до равноуцѣнности съ металлическимъ*, что, какъ тогда говорили, было постановлено непремѣннымъ условіемъ Ротшильдами при заключеніи 7½ 5% займа, съ очевидною цѣлью чтобы суженое на размѣнную операцію золото могло тѣмъ скорѣе и сполна возвратиться за границу.

Количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, вслѣдствіе размѣнной операціи, съ 707.000.000 р. на 1 мая 1862 года уменьшилось до 635 милл. р. къ 1 ноября 1863 года, то-есть почти на 72.000.000 р. кредитныхъ противъ уменьшенія металлическаго фонда, какъ выше показано, на 72.000.000 р. металл. Вексельные курсы, немедленно по прекращеніи размѣна, въ концѣ 1863 года упали на 10%, то-есть до размѣровъ бывшихъ въ апрѣлѣ 1862 года предъ открытіемъ размѣна, а соотвѣтственно этому повысилась и премія на золото.

Въ слѣдующемъ 1864 году вексельные курсы понизились еще значительно и съ тѣхъ поръ, въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ мира, то-есть по 1876 годъ включительно, ни средніе

годовые, ни средніе лѣтъныя вексельныя курсы не достигали уже тѣхъ размѣровъ въ какія они держались въ теченіе шести лѣтъ предшествовавшихъ размѣнной операціи.

Вмѣсто ожидавшагося, вслѣдствіе открытія размѣна, прилива къ намъ изъ-за границы драгоцѣнныхъ металловъ, изъ было вывезено изъ Россіи, по европейской границѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ размѣнной операціи, 1862 и 1863 годовъ, на 82 милл. руб. металл. болѣе чѣмъ привезено. Искусственное поднятіе курсовъ въ 1863 году невыгодно повлияло и на отпускъ нашихъ продуктовъ за границу. Ихъ было вывезено въ 1863 году менѣе чѣмъ въ которомъ-либо году по окончаніи Крымской войны, именно на 135 милл. р. противъ отпуску 160 милл. руб. въ 1862 и 1861 годахъ и 165 милл. р. въ 1860 году, и т. д.

Послѣдствія полного крушенія размѣнной операціи крайне вредно повлияли и на нашъ внѣшній кредитъ. Тогда какъ 7й 5⁰/₁₀₀ заемъ для этой операціи былъ заключенъ въ 1862 году по 91¹/₂ за сто, два послѣдующіе 8й и 9й англо-голландскіе 5⁰/₁₀₀ займы въ 1864 и 1866 годахъ на гораздо меньшія суммы были заключены по 85 и 86 за 100; а 4⁰/₁₀₀ облигаціи подъ Николаевскую желѣзную дорогу вылучены были въ 1867 году по 61¹/₂ и въ 1869 году по 63¹/₂ за сто, тогда какъ въ 1859 году 3⁰/₁₀₀ заемъ на 700.000 фув. ст. былъ сдѣланъ по 67 за сто.

Между тѣмъ извѣстный экономистъ В. П. Безобразовъ въ статьѣ: *О некоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи*, въ началѣ 1863 года писалъ: „во всей Европѣ мѣра эта (размѣнная операція) была оцѣнена по всей справедливости, и главные органы финансовой литературы тотчасъ взвѣсили важныя послѣдствія ея для нашего государственнаго кредита и народнаго хозяйства.“

Предпринявъ же лѣтомъ того же года поѣздку по Россіи между прочимъ съ цѣлію узнать какое вліяніе открытіе размѣна имѣло на внутренніе рынки, онъ потомъ писалъ объ этомъ: „Когда же мы въ разныхъ посвященныхъ нами мѣстахъ начинали спрашивать: *какія замѣчаются послѣдствія въ нашемъ денежномъ обращеніи отъ открывшагося размѣна?*—то мы ото всѣхъ, даже отъ прямыхъ участниковъ въ нашихъ торговыхъ оборотахъ и ежечасныхъ свидѣтелей разныхъ денежныхъ операцій, получали одинъ и тотъ же неизмѣнный отвѣтъ: *никакихъ послѣдствій*. За этимъ отвѣтомъ тотчасъ слѣдовали жалобы на застои въ торговлѣ, безденежье и исчез-

новение звонкой монеты неизменно повторяющаяся на всех концах Россіи въ последнее время. *

Итакъ, разнѣнная операція, предпринятая для прочнаго возстановленія цѣнности кредитнаго рубля и вексельныхъ курсовъ, послужила лишь къ большому ихъ угнетенію и будетъ стоить Россіи около 170.000.000 руб. металла. Если къ этой суммѣ прибавимъ 80 м. р. металла, употребленныхъ на вторую вексельную операцію имѣвшую такой же отрицательный результатъ, то выйдетъ что Государственный Банкъ истратилъ на обѣ операціи около 250.000.000 руб. металла, для того чтобъ упрочить пониженіе цѣнности нашего кредитнаго рубля и паденіе вексельныхъ курсовъ!..

VIII.

Металлическія обязательства. 20 декабря 1860 года состояся указъ о выпускѣ на сумму 100 милл. р. 4% металлических билетовъ Государственнаго Банка для доставленія ему денежныя средства на производство операцій за счетъ казны по удовлетворенію вкладчиковъ бывшихъ банковыхъ уставовъ, причемъ на Государственный Банкъ возлагалась обязанность на сумму выпущенныхъ 4% лет. билетовъ извлекать по мѣрѣ его средствъ изъ обращенія кредитные билеты. Металлическимъ билетамъ присвоивалось во всехъ казенныхъ кассахъ, въ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ хожденіе наравнѣ съ наличными деньгами по номинальной цѣнѣ и съ зачетомъ процентовъ по 3½ к. въ день на каждый билетъ въ 300 руб. Государственное же Казначейство обязано было улаживать Государственному Банку по этимъ билетамъ 4% и 1% погашенія ежегодно въ теченіе 41 года звонкою монетою.

Къ 1 января 1865 года 4% металл. билетовъ находилось въ обращеніи на 70.387.000 р. Затѣмъ дальнѣйшій выпускъ

* Открывая разнѣнъ, Государственный Банкъ объявилъ цѣну полумперіала въ 5 р. 70 к., тогда какъ онъ ходилъ въ публикѣ по 5 р. 60 к. Въ день открытія разнѣна, 1 мая 1863 года, былъ „экономическій обѣдъ“. Офиціантъ, собиравшій за обѣдъ деньги, никакъ не соглашался принять отъ Е. И. Ламанскаго полумперіалъ по 5 р. 70 к., утверждая что онъ болѣе 5 р. 60 к. не стоить, что вызвало не малую веселость среди присутствовавшихъ экономистовъ и финансистовъ. Этотъ куріозный случай весьма характеристиченъ и показываетъ, насколько обдуманно была начата разнѣнная операція!..

ихъ былъ прекращенъ, и вся оставшаяся за погашеніемъ сумма 60.000.000 р. была переведена, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 23 іюля 1867 года, въ государственные долги. Ежегодный платежъ на эту сумму 4% интереса и 1% погашенія составлялъ 3 милл. р. *золотомъ* въ годъ.

Какъ извѣстно, металлическіе билеты, несмотря на свое названіе металлическихъ и платежъ по нимъ процентовъ и погашенія *звонкою монетою*, съ самаго выпуска ихъ обращались по своей номинальной цѣнѣ, но не на *звонкую монету*, а на *кредитные билеты*, подобно билетамъ Государственнаго Казначейства (серіямъ), и на нихъ только платили за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ премію, что бываетъ и съ казначейскими билетами. Между тѣмъ Казна по купонамъ и вышедшимъ въ тиражъ билетамъ улачиваетъ номинальную сумму *звонкою монетою*, а по серіямъ—*кредитными билетами*. Следовательно платежъ капитала и процентовъ по металлическимъ 4% билетамъ *звонкою монетою*, не придавая имъ большей стоимости сравнительно съ казначейскими и кредитными билетами, только бесполезно обременяетъ казну.

Что касается обязанности Государственнаго Банка извлекать, по мѣрѣ средствъ его, на сумму вылуценныхъ 4% металла билетовъ изъ обращенія кредитные билеты, то, по отчетамъ Банка, кредитныхъ билетовъ было извлечено лишь на 12 милл. руб.

Такимъ образомъ и металлические 4% билеты вовсе не достигли тѣхъ цѣлей ради коихъ были выпущены.

Еще невыгоднѣе и убыточнѣе оказались *металлическія обязательства* для частныхъ лицъ чѣмъ выпускъ металлическихъ банковыхъ билетовъ для Государственной Казны.

Наша кабинетные финансисты-реформаторы и ученые экономисты, не признававшіе вліянія торговаго баланса на курсы и премію на золото, придумали еще что, при неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ, *звонкая монета уводила за границу отъ того что въ Россіи не ощущалось въ ней никакой потребности, такъ какъ казна не принимала ее въ платежи по дѣйствительной ея стоимости и сдѣлки на монету были запрещены. А потому необходимо было предоставить писать частныя обязательства, по желанію договаривающихся сторонъ, или на кредитные рубли, или, по существующему курсу, на серебро и золото.*

Горькій опытъ заемщиковъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита и акціонеровъ Центральнаго Банка Русскаго

Поземельнаго Кредита ясно доказалъ всю рискованность и убыточность обязательствъ на звонкую монету.

Можно было, конечно, *желать* привлеченія иностранныхъ капиталовъ въ Россію, подъ залогъ ли поземельной собственности или на другія какія-либо предпріятія, посредствомъ выдачи металлическихъ обязательствъ, но *утверждать* что подобные займы могли оказать какое-либо существенное вліяніе на прочное поднятiе и устойчивость вексельныхъ курсовъ и на дѣйствительное привлеченіе иностраннаго золота, было *какъ нельзя болѣе ошибочно*. По вѣщимъ займамъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ весьма доказательныхъ примѣровъ, *капиталы никогда не уплачиваются драгоценными металлами въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ*, а уплата въ дѣйствительности обыкновенно дѣлается въ видѣ усиленнаго сбыта заграничныхъ издѣлій въ занимающую страну, или консолидаціей ея заграничнаго текущаго долга (à découvert), накопившагося за проценты и погашенія по вѣщимъ долгамъ и отъ другихъ разныхъ заграничныхъ расходовъ. Послѣдствіемъ же каждаго новаго вѣшняго займа является неизбежное увеличеніе обязательныхъ заграничныхъ ежегодныхъ платежей за проценты и погашеніе, что можетъ служить лишь къ большому угнетенію вексельныхъ курсовъ. Слѣдовательно, отсюда неудивительно что выпускъ вышеназванными двумя земельными банками металлическихъ облигацій на сумму свыше 170 мил. руб. не содѣйствовалъ ни поднятію нашихъ вексельныхъ курсовъ, ни большей устойчивости ихъ, осуществленіе чего такъ положительно предсказывалось при основаніи означенныхъ банковъ и выставлялось одною изъ ихъ raisons d'être.

Драгоценные металлы только тогда прочно удерживаются въ странѣ когда они накапливаются въ ней постепенно, вследствие выгоднаго торговаго и вообще разчетнаго баланса. Эта основная практическая истина подтверждается, какъ мы видѣли, неудачами всѣхъ вышеприведенныхъ искусственныхъ кредитныхъ операцій, измышленныхъ нашими кабинетными финансистами-реформаторами для поднятiя и упроченія нашихъ вексельныхъ курсовъ и цѣнности нашего кредитнаго рубля.

Ошибочность предположенія что у насъ не было свободныхъ капиталовъ для ссудъ подъ поземельную недвижимую

собственность, что для этого необходимо было привлечь иностранные капиталы выпускомъ металлическихъ обязательствъ, было безспорно доказано выпускомъ нашими городскими кредитными обществами и земельными акціонерными банками облигацій въ *кредитныхъ рубляхъ* на сумму свыше 500 милл. руб. и заграничнымъ обращеніемъ билетовъ займовъ съ выигрышами и облигацій восточныхъ займовъ, лисанныхъ также на *кредитную валюту*.

Обязательства на звонкую монету, кромѣ ущерба выдающихъ ихъ частныхъ лицъ и обществъ, при сильномъ паденіи курсовъ, къ поддержанію которыхъ они нисколько служить не могутъ, *въ то же время наносятъ еще и сильный нравственный ущербъ кредиту неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ государства, представляющихъ единственное льновое средство страны.*

IX.

Равновѣсіе государственнаго бюджета содѣйствуетъ несомнѣнно укрѣпленію внѣшняго государственнаго кредита страны, тѣмъ болѣе что чрезъ это должна бы устраняться и самая потребность въ заключеніи какихъ-либо займовъ. Видѣть съ этимъ, повидимому, должно было бы упрочиваться и поднятіе вексельныхъ курсовъ и повышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ. Но, волервыхъ, у насъ никогда не достигалось полное безусловное равновѣсіе государственнаго бюджета, а только равновѣсіе обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ и доходовъ. Вотъорыхъ, въ дѣйствительности оказывается что не всякое такое равновѣсіе государственнаго бюджета, даже при довольно значительномъ превышеніи обыкновенныхъ доходовъ сравнительно съ расходами приводитъ къ поднятію вексельныхъ курсовъ и повышенію цѣнности бумажныхъ денегъ, а напротивъ того, вексельные курсы и цѣнность бумажныхъ денегъ могутъ при этомъ даже падать. Все здѣсь зависитъ отъ тѣхъ причинъ вслѣдствіе коихъ произошло равновѣсіе государственнаго бюджета и отъ тѣхъ средствъ которыми оно достигнуто. Если, напримѣръ, какъ мы видѣли, у насъ въ Россіи, при постоянномъ непроизводительномъ возрастаніи обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, равновѣсіе въ бюджетѣ достигается не естественнымъ ростомъ, въ той же степени, обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ (то-есть

увеличеніемъ производства и потребленія обложимыхъ налогомъ предметовъ и вообще развитіемъ промышленности и торговли), а постояннымъ повышеніемъ размѣра существующихъ и введеніемъ новыхъ налоговъ на предметы внутренняго производства, то послѣдствіемъ достигнутаго такими средствами равновѣсія государственнаго бюджета или даже превышенія обыкновенныхъ доходовъ сравнительно съ расходами, можетъ быть пониженіе, а не повышеніе вексельныхъ курсовъ и цѣнности бумажныхъ денегъ; ибо *положеніе вексельныхъ курсовъ страны, какъ мы видѣли, зависитъ прежде всего отъ положенія ея торговаго баланса, а съ повышеніемъ существующихъ и введеніемъ новыхъ налоговъ на предметы внутренняго производства должна увеличиться и цѣнность этихъ произведеній и затруднятся ихъ конкуренція съ однородными произведеніями другихъ странъ, какъ на вѣшнихъ такъ и на внутреннихъ рынкахъ, особенно при отсутствіи въ то же время достаточнаго покровительственнаго таможеннаго тарифа. Все же это вмѣстѣ должно неизбѣжно оказывать невыгодное вліяніе на торговый балансъ страны, такъ какъ при такихъ условіяхъ вывозъ туземныхъ произведеній за границу долженъ непременно уменьшаться, а ввозъ иностранныхъ товаровъ—увеличиваться. При невыгодномъ же торговомъ балансѣ, странѣ приходится больше приплачивать золотомъ по своимъ вѣшнимъ иностраннымъ расходамъ, вслѣдствіе чего усиливается вывозъ изъ страны драгоценныхъ металловъ, а привозъ ихъ уменьшается. Если такое невыгодное положеніе продолжается въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то естественнымъ результатомъ его обыкновенно бываетъ паденіе вексельныхъ курсовъ и пониженіе цѣнности бумажныхъ денегъ, но уже никакъ не можетъ произойти прочнаго повышенія и тѣхъ и другихъ, несмотря на все равновѣсіе государственнаго бюджета и даже на превышеніе въ немъ обыкновенныхъ доходовъ сравнительно съ расходами.*

Такъ мы видѣли что государственные бюджетные доходы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки съ 558 милл. долл. въ 1865—66 году повизались до 270 милл. долл. въ 1876—77 году, а расходы за тѣ же годы повизались съ 520 милл. долл. до 243 милл. долл. При этомъ, изъ суммы пониженія доходовъ на 288 милл. долл., на налоги приходилось 248 милл. долл., а на таможенныя пошлины только 40 милл. долл. Изъ суммы же уменьшенія государственныхъ расходовъ 46 милл.

долл. приходилось на сокращеніе самыхъ непроеизводительныхъ государственныхъ расходовъ по уплатѣ долговъ.

Въ Россіи бюджетные доходы съ 1866 по 1876 годъ увеличились съ 382 милл. руб. до 559 милл. руб., а расходы съ 413 милл. рублей до 573 милл. руб. При этомъ изъ суммы увеличенія доходовъ на 177 милл. руб. приходилось на *внутренніе* налоги 141 милл. руб., а на таможенный доходъ только 36 милл. руб. Изъ суммы же увеличенія государственныхъ расходовъ на 160 милл. руб., расходы по уплатѣ долговъ увеличились съ 60 милл. въ 1866 году до 109 милл. руб. въ 1876 году, то-есть на 49 милл. руб. въ 11 лѣтъ.

Вывозъ товаровъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ годовой средней сложности трехъ лѣтъ, въ 1865—67 годахъ составляла 269 милл. долл., а въ 1876—1878 годахъ—608 милл. долл.; *привозъ* товаровъ за тѣ же трехлѣтія въ среднемъ составляла 356 милл. долл. и 445 милл. долл. Слѣдовательно *привозъ* товаровъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ первое трехлѣтіе превышалъ *вывозъ* на 89 милл. долл., а въ послѣднее трехлѣтіе *вывозъ* туземныхъ товаровъ превышалъ *привозъ* иностранныхъ на 163 милл. долл.

Въ Россіи было наоборотъ: *вывозъ* товаровъ въ средней сложности за трехлѣтіе 1856—1858 годовъ составляла 160 милл. руб., а *привозъ* только 141 милл. руб., то-есть *вывозъ* превышалъ *привозъ* на 19 милл. руб. въ годъ; за трехлѣтіе же 1873—1875 годовъ *вывозъ* составляла 405 милл. руб., а *привозъ*—493 милл. руб., то-есть *привозъ* превышалъ *вывозъ* на 88 милл. руб. въ годъ. Слѣдовательно *торговый балансъ* былъ для Россіи въ 1873—75 годахъ постоянно *невыгоденъ*.

Драгоценныя металлы было вывезено изъ Соединенныхъ Штатовъ, въ сложности трехъ лѣтъ, въ 1865—1867 годахъ, на 151 милл. долл. болѣе противъ *привоза*, а въ трехлѣтіе 1875—1877 годовъ только на 127 милл. долл. болѣе, причемъ въ 1877 году всего лишь на 15 милл. долл. Слѣдовательно *привозъ* драгоценныхъ металловъ въ Соединенные Штаты *увеличился*, а *вывозъ* *уменьшился*.

Въ Россіи опять было наоборотъ; именно: въ 1856—1858 годахъ вывезено было драгоценныхъ металловъ только на 14 милл. руб. болѣе чѣмъ *привезено*, а въ 1873—75 годахъ на 118 милл. руб. болѣе чѣмъ *привезено*.

Вслѣдствіе вышешприведенныхъ, совершенно различныхъ причинъ и средствъ уменьшенія бюджетныхъ доходовъ и

расходовъ въ Соединенныхъ Штатахъ и увеличенія тѣхъ и другихъ въ Россіи, и совершенно противоположныхъ результатовъ въ отношеніи торговаго баланса, достигнутыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1865 по 1876 годъ, а въ Россіи съ 1856 по 1876 годъ, и послѣдствія для вексельныхъ курсовъ и цѣнности неразмѣняемыхъ бумажныхъ денегъ были въ обоихъ государствахъ также совершенно противоположныя. Въ Соединенныхъ Штатахъ цѣна гринбека со 102% ниже золота, въ 1865 году, дошла до *al pari* въ 1878 году и размѣнъ возстановилась самъ собою. Въ Россіи кредитный рубль въ 1856 году ходилъ *al pari*, по курсу 38¼ л. на Лондонъ, а въ 1876 году онъ равнялся по цѣнѣ только 77 коп. металла, и курсъ на Лондонъ былъ 30¹⁵/₁₆ пенса., то-есть понизился почти на 30%. При этомъ нашъ государственный бюджетъ съ 1856 по 1871 годъ представлялъ почти постоянный дефицитъ, а съ 1871 года по 1876 годъ дефицитъ былъ только въ 1877 году, остальные же четыре года съ 1871 по 1875 давали постоянное превышеніе обыкновенныхъ доходовъ сравнительно съ расходами, которое въ 1875 году составляло 83.271.631 руб. Средній же вексельный курсъ на Лондонъ съ 33⁵/₁₆ пенса. въ 1874 году понизился въ 1875 году до 32²⁵/₃₂ пенса., хотя въ 1874 году излишекъ бюджетныхъ доходовъ сравнительно съ расходами составлялъ только 14.416.557 руб. Въ 1871 году, при излишкѣ доходовъ около 8½ милл. руб., средній курсъ на Лондонъ былъ 32¹/₃₂ пенса., а въ 1873 году при бюджетномъ дефицитѣ около 1.200.000 руб., курсъ повысился до 32⁷/₁₆ пенса.

Изъ всего этого видно что приведеніе въ равновѣсіе нашего государственнаго бюджета въ 1871—1875 годахъ, даже съ излишкомъ обыкновенныхъ доходовъ сравнительно съ расходами, не могло повліять на улучшеніе нашихъ вексельныхъ курсовъ и на повышеніе цѣнности нашего кредитнаго рубля.

X.

Пересмотръ таможеннаго тарифа. Исторія экономическаго развитія всѣхъ промышленныхъ странъ доказываетъ что *таможенная покровительственная система* есть самое дѣйствительное средство для развитія въ странѣ извѣстной мануфактурной промышленности, когда въ ея произведеніяхъ состоитъ внутри страны значительная потребность, и когда въ странѣ имѣются благопріятныя естественныя условія для

ихъ производства. Цѣнность же сырыхъ матеріаловъ, какъ извѣстно, мануфактурною ихъ обработкой увеличивается въ нѣсколько разъ. А потому увеличеніе туземнаго мануфактурнаго производства въ какой-либо странѣ служитъ очевиднымъ доказательствомъ того что страна богатѣетъ.

Есть двѣ системы или два вида покровительства туземному производству, которое А. А. Красильниковъ весьма характерно называетъ—одно *дѣйствительнымъ*, а другое *фиктивнымъ*.*

Дѣйствительное покровительство состоитъ въ наложеніи на иностранныя произведенія таможенныхъ пошлинъ достаточно высокихъ для поощренія и огражденія туземнаго производства требующихся издѣлій, при непремѣнномъ условіи, *conditio sine qua non*, *непониженія установленныхъ пошлинъ въ теченіе десяти и болѣе лѣтъ и недопущенія безпошлиннаго привоза однородныхъ иностранныхъ издѣлій подъ какими бы то ни было предлогами и для кого бы то ни было*. Примеръ Англіи, Франціи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и другихъ странъ вполнѣ подтверждаютъ благотворное вліяніе такого таможеннаго покровительства на развитіе туземной мануфактурной промышленности. Развитіемъ хлопчатобумажной и свекло-сахарной промышленности, занимающихъ весьма важное мѣсто въ производствѣ потребныхъ намъ продуктовъ и оберегающихъ ежегодно многіе десятки милліоновъ рублей отъ ухода за границу, Россія обязана строгому многолѣтнему тарифному покровительству.

Фиктивное покровительство, при которомъ, вопреки установленнымъ таможеннымъ тарифомъ пошлинамъ, допускается привозъ иностранныхъ издѣлій *безпошлинно, заключается въ даваемыя казною туземнымъ заводчикамъ заказы и субсидіи*. Подобное фиктивное покровительство оказывалось у насъ почти до послѣдняго времени туземному производству рельсовъ, паровозовъ, вагоновъ и другихъ принадлежностей желѣзныхъ дорогъ; естественно что оно и не могло служить прочному развитію туземнаго производства этихъ предметовъ. Казна, дѣлая заказы заводчикамъ на рельсы, локомотивы, вагоны и другія желѣзнодорожныя принадлежности, которыя она потомъ сама распределяетъ

* Объясненіе причинъ успѣха Америки и неуспѣха Россіи въ возстановленіи металлическаго обращенія. А. Красильникова. С.-Петербургъ. 1882 года. Стр. 58 и слѣдующія.

обязательно между желѣзнодорожными обществами, является посредникомъ между производителями и потребителями желѣзнодорожныхъ предметовъ. А подобное внимательство въ отношеніи спроса и предложенія сопряжено съ большою экономической невыгодой, такъ какъ устраненіе потребителя отъ ярамаго участія въ заказѣ и пріемѣ издѣлій отъ производителя должно прежде всего невыгодно вліять на *доброкачественность* издѣлій. Кроме того, предпринимающій производство желѣзнодорожныхъ принадлежностей и обезпеченный на первое время казеннымъ заказомъ по необходимости долженъ имѣть въ виду окупить этимъ заказомъ все дорого стоющее устройство завода, такъ какъ онъ не можетъ вполнѣ быть увѣренъ что, по исполненіи имъ одного заказа, получить новый по выгодной цѣнѣ, и что ему не придется работать въ убытокъ, выдерживая конкуренцію *безпошлннно* пропускемыхъ однородныхъ иностранныхъ издѣлій. Кроме того, полученіе заказовъ отъ казны неизбѣжно сопряжено съ различными ходатайствами и хлопотами, требующими не мало времени и расходовъ. То же самое бываетъ и при полученіи казенныхъ *субсидій*, выдача коихъ, при рискованности дѣла не огражденныхъ достаточнымъ тарифомъ отъ иностранной конкуренціи, представляетъ и для казны опасность безвозвратно потерять деньги, что у насъ уже неоднократно и случалось. Мы не говоримъ уже о весьма возможныхъ при выдачѣ казенныхъ субсидій и заказовъ различныхъ несправедливостяхъ, взяткахъ и т. д. *При строгомъ же тарифномъ покровительствѣ* въ одинаково пользуются имъ, и каждый дѣйствуетъ самостоятельно.

Самымъ сильнымъ аргументомъ, по мнѣнію приверженцевъ свободной торговли, противъ покровительственныхъ поощреній служить, какъ извѣстно, предположеніе что *они наносятъ ущербъ потребителямъ* и что, *благодаря имъ, интересы большинства приносятся въ жертву ради доставленія выгоды немногимъ производителямъ*. Но этотъ аргументъ противъ поощренія въ Россіи туземнаго производства желѣзнодорожныхъ принадлежностей не могъ имѣть никакого значенія, такъ какъ единственнымъ ихъ потребителемъ являлась казна, на средства и за гарантіей которой сооружены почти всѣ наши желѣзные дороги, и въ пользу коей поступали

бы получаемыя съ иностранныхъ желѣзнодорожныхъ предметовъ таможенныя пошлины. Следовательно, въ такомъ случаѣ горевать о потребителяхъ вовсе не приходилось. Но наши кабинетные финансисты-реформаторы вообще считали взиманіе значительныхъ пошлинъ съ предметовъ въ привозѣ которыхъ настояла сильная потребность какимъ-то ни съ чѣмъ несообразнымъ *экономическимъ абсурдомъ*, какъ они выражались. Но практика Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ разителью доказала что они сами были экономическими абсурдистами.

Только нежеланіемъ оказать *дѣйствительное* покровительство туземному производству желѣзнодорожныхъ принадлежностей и машинъ, помимо ихъ *безпошлиннаго* провоза, возможно объяснить такія несообразности нашего тарифа какъ, напримѣръ, обложеніе желѣза 35 и 50 коп. съ пуда, а частей и всякаго рода принадлежностей машинъ (кромя мѣдныхъ) только 30 к. съ пуда, или то что съ вагонныхъ колесъ взималась болѣе высокая пошлина чѣмъ съ цѣлаго вагона, то-есть что цѣлое было обложено ниже чѣмъ одна изъ его частей. Только при явномъ нежеланіи содѣйствовать развитію у насъ горнозаводскаго дѣла могла имѣть мѣсто такая вопіющая несправедливость какъ взиманіе горной подати съ добываемаго у насъ чугуна и желѣза, тогда какъ иностранный чугунъ и желѣзо допускались *безпошлинно* подѣ предлогомъ поощренія туземнаго машиностроительнаго производства, * или что горная подать съ туземной мѣди и свинца была выше чѣмъ пошлина съ иностранной мѣди и свинца **.

Вотъ примѣръ нашихъ кабинетныхъ экономическихъ абсурдовъ. Въмѣсто того чтобъ обязать иностранныхъ концессионеровъ желѣзныхъ дорогъ устроить въ Россіи новые машиностроительные заводы, было дозволено Главному Обществу Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ начать свою дѣятельность уничтоженіемъ нашего единственнаго въ то время, превосходнаго завода герцога Лейхтенбергскаго.

* Разрѣшеніе отъ 8 мая 1861 года.

** По тарифу 1869 года пошлина на иностранную мѣдь была 40 к. съ пуда, а на свинецъ 5 к. съ пуда. Горная же подать съ нашей мѣди взималась отъ 50 к. до 1 р., а со свинца—до 45 коп. съ пуда.

До чего незначительно, при отсутствіи *дѣйствительнаго покровительства*, оказалось вліяніе сооруженія цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи на развитіе туземнаго производства рельсовъ, ясно видно изъ слѣдующихъ данныхъ, приведенныхъ въ докладѣ П. А. Юсса, читанномъ въ Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ въ концѣ 1878 года:

За весь періодъ сооруженія нашихъ желѣзныхъ дорогъ по 1876 годъ включительно, на устройство 18.500 верстъ употреблено рельсовъ всего *134 милл. пудовъ*, въ томъ числѣ заграничныхъ *107 милл. пудовъ*, изъ которыхъ только *4³/₄ милл. пудовъ* были оплачены пошлиной. Русскихъ же рельсовъ употреблено было лишь *23¹/₂ милл. пудовъ*, считая въ томъ числѣ около *15 милл.* приготовленныхъ на петербургскихъ заводахъ перекаткой изъ старыхъ заграничныхъ рельсовъ.

Засимъ уже оставалось только одно: *построить самое по-лотно желѣзные дороги изъ заграничныхъ матеріаловъ.*

Сколько Россія переплатила и переплачиваетъ за границу за чугунъ, желѣзо, сталь и издѣлія изъ нихъ, за части машинъ, паровозы, локомобили, вагоны, сельскохозяйственныя машины и т. д., не считая другихъ металловъ: мѣди, свинца, цинка, олова и т. д. и издѣлій изъ нихъ,—показываютъ слѣдующія таможенныя данныя за восемь лѣтъ, съ 1868 по 1876 годъ включительно:

Ц ѣ н н о с т ь

	всего привоза:	вышеозначенн. предметовъ:
Въ 1869 году	319.375.282 руб.	96.362.900 руб.
” 1870 ”	309.129.960 ”	84.854.377 ”
” 1871 ”	344.570.551 ”	66.147.857 ”
” 1872 ”	407.657.122 ”	71.136.783 ”
” 1873 ”	412.475.884 ”	85.824.863 ”
” 1874 ”	440.153.181 ”	86.775.187 ”
” 1875 ”	498.886.301 ”	114.216.188 ”
” 1876 ”	442.789.080 ”	92.713.578 ”

Изъ вышеозначенныхъ предметовъ по тарифу 1869 года допускались *безпошлинно* лишь машины сельскохозяйственныя и для обработки волокнистыхъ веществъ, берды ткальныя и суда морскія и рѣчныя съ ихъ такелажемъ (§§ 34—36); прочіе же предметы были обложены пошлиной. Изъ слѣдующей

таблицы видно сколько причиталось съ нихъ по тарифу пошлинъ и сколько поступило дѣйствительно:

П о ш л и н ь			
	причиталось:	взято:	недоборъ:
Въ 1869 году.....	14.153.418 р.	2.215.253 р.	11.938.165 р.
„ 1870 „	12.236.819 „	3.115.467 „	9.121.352 „
„ 1871 „	9.463.395 „	3.957.292 „	5.506.103 „
„ 1872 „	7.468.770 „	3.887.807 „	3.580.963 „
„ 1873 „	11.634.860 „	5.047.386 „	6.587.474 „
„ 1874 „	12.388.471 „	6.254.125 „	6.134.346 „
„ 1875 „	13.893.161 „	6.030.820 „	7.862.341 „
„ 1876 „	13.462.825 „	7.003.501 „	6.459.324 „
Итого.....	94.701.719 р.	37.511.651 р.	57.190.068 р.

Раздѣливъ общую сумму недобора на восемь лѣтъ, получимъ свыше 7.000.000 руб. въ годъ, лишь на 2 милл. руб. менѣе дохода доставлявшагося акцизомъ съ соли *, громадный вредъ котораго для народнаго здравія, сельскохозяйственной промышленности и фабричнаго производства былъ признанъ всѣми, но несмотря на то, въ виду потребностей государственнаго бюджета, акцизъ не отменялся до 1881 года. А между тѣмъ добровольно жертвовались изъ таможеннаго дохода, въ пользу иностранной промышленности и въ ущербъ своей, среднимъ числомъ болѣе 7 милл. руб. въ годъ.

Впрочемъ, въ виду той легкости съ какою указомъ 10 ноября 1876 года была отменена процентная подать съ золота (до 2 милл. р. въ годъ)**, несмотря на потребности государственнаго бюджета предъ самымъ началомъ Восточной войны и на громадные барыши доставляемые золотопромышленникамъ существующею у насъ высокою преміей на золото, невольно подумаешь что дѣйствительная причина неотмены акциза съ соли заключалась вовсе не въ потребностяхъ государственнаго бюджета, а въ томъ что отъ отмены этого акциза могли значительно пострадать интересы не имѣющіе ничего общаго съ интересами государственной казны и народа.

* Соляной акцизъ доставлялъ съ 1872 по 1876 годъ вѣсколько болѣе 9½ милл. руб. въ годъ.

** Эта подать вновь взимается съ 1 мая 1882 года, на основаніи Высочайше утвержденнаго постановленія Государственнаго Совѣта 19 мая 1881 года.

Нельзя однакоже не обратить особеннаго вниманія на практиковавшееся у насъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, въ весьма значительныхъ размѣрахъ, *невзиманіе даже установленныхъ закономъ тарифныхъ пошлинъ*. Ничего подобнаго не встрѣчается ни въ одномъ другомъ государствѣ съ правильно организованною финансовою системою. Если законодательная власть, по всестороннему обсужденію вопроса, признала необходимымъ, въ видахъ ли покровительства туземной промышленности или полученія фискальнаго дохода, установить известную пошлину съ иностранныхъ продуктовъ и издѣлій, то, до новаго пересмотра тарифа въ законодательномъ порядкѣ, исполнительная власть не предоставляется взимать или не взимать пошлины по своему усмотрѣнію.

Приводимъ еще два интересныя примѣра невзиманія пошлинъ съ обложенныхъ закономъ пошлиной иностранныхъ предметовъ, по благоусмотрѣнію исполнительныхъ органовъ.

Высочайше утвержденнымъ 5 іюля 1868 года и вступившимъ въ дѣйствіе съ 1 января 1869 года тарифомъ, *пошлина со всякихъ туалетныхъ принадлежностей и тканей была назначена по ст. 219 въ 35% съ цѣны*. Эта пошлина на предметы роскоши не понравилась, конечно, иностраннымъ производителямъ этихъ предметовъ, такъ какъ она могла повліять на уменьшеніе ихъ сбыта въ Россіи и сократить ихъ барыщи; а потому ихъ дѣльщики коммиссіонеры, на основаніи того что подобные предметы и безъ того обходятся дорого потребителямъ, тотчасъ же вошли съ ходатайствомъ объ освобожденіи разнаго рода тюлевыхъ и кружевныхъ туалетныхъ принадлежностей, какъ-то: *мантиль, ретондъ и всякаго рода сорти-де-балъ*, отъ платежа 35% съ цѣны и о причисленіи таковыхъ къ статьямъ тарифа по которымъ пошлина взимается лишь отъ 40 к. до 2 и 3 руб. съ фунта. Результатомъ этого ходатайства явился, напечатанный въ *Указателѣ таможенныхъ распоряженій* за 1869 годъ, циркуляръ Департамента Таможенныхъ Сборовъ за № 4.510, которымъ давалось знать таможенному вѣдомству, для надежнаго исполненія, что „различнаго рода тюлевая и кружевная принадлежности, какъ-то: мантильи, наколки, пелеринки и т. п. подлежатъ пропуску съ пошлиной по статьѣ тарифа 219, по 35% съ цѣны, *въ такихъ лишь случаяхъ когда есть таковыя*

*предметы и жьютъ признаки швейной работы, а также всякаго рода обшивки и тришки; всѣ же означенныя туалетныя принадлежности, безъ признаковъ швейной работы, обшивокъ и пришивокъ, должны быть пропусканы по статьямъ 214 и 215^а (т. е. съ пошлиной отъ 40 к. до 2 и 3 р. съ фунта). Подобное истолкованіе, исполнителнымъ органомъ, 219 статьи Высочайше утвержденнаго тарифа, ставящее оплату пошлиной въ 35% съ цѣны дорогихъ предметовъ роскоши въ зависимость отъ вѣсколькихъ стежковъ итѣкой, не могущихъ придать имъ большей цѣнности, не только противорѣчитъ буквальному смыслу 219 статьи, въ которой ясно сказано что пошлина 35% съ цѣны подлежатъ „всякія туалетныя принадлежности изъ тканей и тюля, обшитыя или необшитыя кружевами,“ но и самому принципу облагать предметы роскоши пропорціонально ихъ цѣнности. **

Въ Указатель распоряженій Министерства Путей Сообщенія за 1881 годъ былъ напечатанъ особый циркуляръ министра, запрещающій желѣзнодорожнымъ обществамъ не имѣющимъ по уставу права выписывать изъ-за границы безпошлинно подвижные составы, получать таковыя безъ платы изъ пошлиной, подъ видомъ найма ихъ, что слѣдовательно практиковалось безъ вѣдома Министерства Путей Сообщенія, но едва ли безъ вѣдома таможеннаго вѣдомства.

Подобныя послабленія при взиманіи таможенныхъ пошлинъ, наносяція ущербъ экономическому развитію страны и государственнымъ доходамъ, представляютъ странный контрастъ съ немилосердною строгостью съ какою взимается у насъ подушная подать.

Самымъ вѣскимъ оправдательнымъ аргументомъ заграничной покупки рельсовъ и всякихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей и непокровительства туземному производству этихъ предметовъ наши кабинетные финансисты-залравимы выставляли извѣстное фритредерское правило „покупать гдѣ дешево“. Но наша покупка дешевыхъ иностранныхъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей въ долгъ, подъ долгосрочныя

* По тарифу 1889 года, пошлина съ цѣны предметовъ установлена только по двумъ статьямъ: 189—полотно, батистъ и льно, 30% съ цѣны, и 219—платье шитое и всякія туалетныя принадлежности изъ тканей и тюля—35% съ цѣны.

металлическія обязательства, въ концѣ концов обходилась государству несравненно дороже чѣмъ обошлась бы покупка *дорогихъ туземныхъ*. При продажѣ какого-либо товара въ кредитъ состоятельному покупателю, обыкновенно къ наличной рыночной цѣнѣ прибавляютъ лишь процентъ за время, пропорціонально дисконту денежнаго рынка. При продажѣ же намъ иностранныхъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей по ихъ полной рыночной цѣнѣ брали съ насъ долгосрочныя обязательства по разчету 90, 80 и даже 62 за сто (облигація Николаевской желѣзной дороги), что равняется прибавкѣ къ цѣнѣ товара еще 10, 20 и 38%. Кроме того, до окончательнаго погашенія долга приходится платить въ теченіе 81 года отъ 4 до 5% съ *номинальной* суммы займа. А такъ какъ самыя доброкачественныя желѣзные рельсы служатъ лишь около десяти лѣтъ и ихъ приходится замѣнять чрезъ каждое десятилѣтіе новыми, то къ покупной цѣнѣ ихъ и приписанной къ долговому обязательству части капитала слѣдуетъ прибавить еще процентъ за 30 лѣтъ до срока погашенія, если средній срокъ погашенія положить въ 40 лѣтъ. Предположимъ что при цѣнѣ русскихъ рельсовъ 1 р. 50 к. за пудъ иностранныя стоять по 1 руб. за пудъ; прибавя къ 1 руб. 20% приписанныхъ къ капиталу по облигаціямъ, то есть 20 коп. на пудъ, да проценты за 30 лѣтъ которые по 5% въ годъ на 1 р. 20 к. составятъ въ 30 лѣтъ еще 1 руб. 80 коп., окажется что *дѣйствительная* цѣна дешево купленныхъ иностранныхъ рельсовъ обойдется: 1 р.+20 к.+1 р. 80 к.=3 руб. за пудъ, которые и придется уплатить за границу звонкою монетою по курсу. * Эти платежи, увеличиваясь

* Во время заключенія пяти консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ (въ 1869—1873 годахъ) на сумму 69 милл. фунт. ст. цѣны на чугунъ, а слѣдовательно и на рельсы и другія желѣзныя издѣлія доходили до небывалыхъ прежде размѣровъ. Такъ средняя годовая цѣна на шотландскій чугунъ была:

Въ 1872 году—	104 ш.	9 пенс.	за тонну.
" 1873 "	—123 "	1 "	" " "
" 1874 "	—90 "	3 "	" " "
" 1875 "	—67 "	3 "	" " "

А въ 1878 году цѣна упала до 48 ш. 5 п. Среднія цѣны съ 1858 по 1870 годъ были отъ 49 ш. до 50 ш. 11 п., и только въ 1866 году 66 ш. 3 п. за тонну.

съ каждымъ годомъ, естественно должны были все болѣе и болѣе угнетать нашъ торговый балансъ и вексельные курсы. А такъ какъ займы, въ особенности желѣзнодорожные, дѣлаются для удовлетворенія потребности государства въ извѣстныхъ предметахъ, то при туземномъ производствѣ этихъ предметовъ представляется полная возможность вмѣсто дорого обходящихся *внѣшнихъ* займовъ дѣлать *внутренние*, которые для государственнаго хозяйства оказываются несравненно выгоднѣе, такъ какъ *уплачиваемые за предметы деньги и проценты по внутреннимъ займамъ остаются въ самой странѣ, а барыши получаемые отъ производства образуютъ новые капиталы.* Удобозаключаемость же внутреннихъ займовъ бываетъ пропорціональна развитію туземнаго производства требующихся предметовъ. При вышеизложенныхъ рѣзко-отрицательныхъ основныхъ возрѣвнiяхъ на таможенное покровительство развитію туземнаго производства наиболѣе необходимыхъ для страны предметовъ, — возрѣвнiяхъ коими упорно руководились наши кабинетные финансисты и экономисты, заправлявшіе всею финансовою политикою государства въ прошлое царствованіе до послѣдней Восточной войны, — частныя измѣненія въ нашемъ таможенномъ тарифѣ послѣ Крымской войны и двукратный пересмотръ его въ 1857 и 1867 годахъ не могли конечно имѣть никакого благотворнаго вліянія на возстановленіе равновѣсія въ нашемъ торговомъ балансѣ и повышеніе вексельныхъ курсовъ. Главнымъ результатомъ обоихъ этихъ общихъ пересмотровъ таможеннаго тарифа было *пониженіе пошлинъ преимущественно на иностранныя мануфактурныя издѣлія,* что имѣло послѣдствіемъ значительное усиленіе ихъ привоза. Такъ въ теченіе трехлѣтія, 1851—1853 годовъ, *иностранныхъ мануфактурныхъ* товаровъ было привезено на 91.221.000 рублей и въ теченіе трехлѣтія 1856 — 1858 годовъ привозъ ихъ дошелъ уже до 148.791.000 рублей, то-есть увеличился на 57½ милл. рублей или на 63%, тогда какъ привозъ *иностранныхъ сырыхъ продуктовъ* за тѣ же трехлѣтія увеличился лишь со 157.378.000 рублей до 195.495.000 рублей, то-есть на 35.117.000 р. или не болѣе 24%. Съ 1857 года, кромѣ того, какъ мы видѣли, начался сильный *безпошлинный* привозъ въ Россію иностранныхъ рельсовъ и всѣхъ другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей, а также машинъ, пароходовъ и разныхъ

предметовъ по заказамъ военнаго и морскаго вѣдомствъ и для разныхъ учреждавшихся частныхъ акціонерныхъ промышленныхъ предприятий. Къ сожалѣнію, количество и цѣнность всѣхъ этихъ беспошлинно ввезенныхъ въ Россію предметовъ остались совершенно неизвѣстными, такъ какъ они, до 1865 года, не показывались въ издававшихся Таможеннымъ Департаментомъ *Выдажъ Выпущенной Торговли*.

Тарифъ 1869 года также не мало повліялъ на усиленіе привоза иностранныхъ товаровъ, но не въ такой степени какъ можно было заключить, судя по значительному возрастанію таможеннаго дохода съ 1870 года, такъ какъ главное увеличеніе этого дохода послѣдовало съ *сырыхъ продуктовъ потребления*, пошлины на которые не подверглись почти никакому измѣненію. Повтому значительное увеличеніе таможеннаго дохода слѣдуетъ приписать установленному съ 1870 года болѣе строгому контролю и надзору за контрабандой, а съ 1877 года—взиманію пошлины *золотою монетою* и ограниченію *беспошлиннаго* привоза чугуна, желѣза и разныхъ желѣзнодорожныхъ предметовъ.

Отмѣна пошлины съ нашихъ отпускныхъ продуктовъ не могла имѣть никакого существеннаго вліянія на увеличеніе ихъ сбыта за границу по незначительности этихъ пошлинъ (7 коп. съ четверти пшеницы, 3 коп. съ четверти ржи, 15 коп. съ пуда щетины и т. д.). Въ послѣднемъ 1863 году, предъ отмѣной этихъ пошлинъ, было получено ихъ съ вывозныхъ товаровъ всего лишь 1.803.467 руб. 17 коп.

Трудно опредѣлить насколько отмѣна пошлинъ съ лѣса повліяла на увеличеніе его отпуска съ 7¹/₂ милл. руб. въ 1864 году до 33¹/₂ милл. р. въ 1874 году. Но что это громадное увеличеніе вывоза изъ Россіи лѣса сильно содѣйствовало обезлѣсенію многихъ мѣстностей въ прямой ущербъ нашему земледѣлію, едва ли подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ наибольшее увеличеніе вывоза лѣснаго товара было по *сухопутной* границѣ, именно съ 3¹/₄ милл. р. въ 1864 году до 15 милл. р. въ 1874 году, и чрезъ Рижскій портъ — съ 2¹/₄ милл. р. до 11¹/₄ милл. р. Это ясно доказываетъ обезлѣсеніе не сѣверныхъ, изобилующихъ лѣсами мѣстностей, а юго- и сѣверо-западныхъ, не особенно богатыхъ лѣсами. Послѣдствіями же огульной вырубки лѣсовъ, какъ извѣстно, бываютъ засухи, а отъ нихъ неурожай, жалобы на которые у насъ постоянно увеличиваются.

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ что сдѣланныя въ 1857 и 1868 годахъ *измѣненія въ нашемъ прѣзѣмѣ таможеннонъ тарифѣ и способъ его примѣненія на практикѣ* не только не могли содѣйствовать возстановленію равновѣсія въ нашемъ международномъ обмѣнѣ произведеніями, но, напротивъ того, имѣли сильное вліяніе на *ухудшеніе нашего торговаго баланса, а съ нимъ и на дальнѣйшее паденіе нашихъ вексельныхъ курсовъ.*

XI.

Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Никто, конечно, не станетъ отвергать что распространеніе желѣзныхъ дорогъ есть одна изъ настоятельныхъ государственныхъ потребностей, такъ какъ, облегчая и ускоряя передвиженіе грузовъ и пассажировъ, онѣ сильно содѣйствуютъ развитію производительныхъ силъ страны, не говоря уже объ ихъ важномъ значеніи въ административномъ, стратегическомъ и другихъ отношеніяхъ.

Еще въ сороковыхъ годахъ Гакстгаузенъ писалъ что бездорожная Россія подобна богатырю связанному по рукамъ и по ногамъ. Въ 1857 году желѣзныхъ дорогъ въ Россіи было всего *1.092 версты*, тогда какъ въ западно-европейскихъ государствахъ ихъ было болѣе *22.000 версты* *.

* Мы имѣемъ подъ рукою слѣдующія данныя о протяженіи желѣзныхъ дорогъ въ европейскихъ государствахъ въ 1860 году.

Въ Англіи	15.739	версты.
„ Германіи	10.395	„
„ Франціи	8.840	„
„ Австріи	4.838	„
„ Италіи	1.687	„
„ Испаніи и Португаліи.....	1.608	„
„ Бельгіи	1.599	„
„ Россіи	1.490	„
„ Швейцаріи.....	1.028	„
„ Швеціи и Норвегіи	561	„
„ Голландіи	364	„
„ Даніи.....	104	„
„ Греціи и Турціи.....	62	„

На одну квадратную милю поверхности приходилось *желѣзнымъ дорогъ:*

Въ Бельгіи.....	3	версты.
„ Англіи	2,	„

Слѣдовательно, сооруженіе сѣти желѣзныхъ путей было особенно необходимо для Россіи и должно было бы имѣть самое производительное вліяніе на развитіе нашей промышленности, увеличеніе вывоза, склоненіе торговаго баланса въ нашу пользу, а вслѣдствіе всего этого и на поднятіе нашихъ вексельныхъ курсовъ и повышеніе цѣнности кредитнаго рубля. Если же въ дѣйствительности постройка 18.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, съ 1857 по 1876 годъ включительно, не только не имѣла этихъ благотворныхъ послѣдствій, а напротивъ того, привела къ отрицательнымъ результатамъ въ означенныхъ отношеніяхъ, то на это должны были быть особыя причины, изъ коихъ болѣе крупными, по нашему мнѣнію, были слѣдующія:

1) Сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ въ прошлое царствованіе началось основаніемъ въ 1857 году *Французскаго Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ*, съ французскими инженерами (наши инженеры путей сообщенія, построившіе лучшую въ Европѣ Николаевскую 600верстную желѣзную дорогу отъ Петербурга до Москвы, почему-то были забракованы, можетъ-быть потому что считались слишкомъ дорогими) при содѣйствіи иностранныхъ банкировъ съ акціонернымъ капиталомъ въ *75 милл. руб. металл.*, значительно большая часть коего была, однакожь, внесена *русскими* акціонерами, о чемъ заявилъ самъ Перейра въ Парижѣ.

„ Швейцаріи.....	1,5	„
„ Германіи.....	1,3	„
„ Франціи.....	0,8	„
„ Голландіи.....	0,7	„
„ Австріи.....	0,4	„
„ Италіи.....	0,28	„
„ Испаніи и Португаліи.....	0,18	„
„ Даніи.....	0,18	„
„ Швеціи и Норвегіи.....	0,04	„
„ Россіи (европ.).....	0,015	„
„ Греціи и Турціи (европ.).....	0,009	„

Изъ этихъ данныхъ видно что въ 1860 году Россія, по числу верстъ желѣзныхъ дорогъ, занимала *девятое*, а по отношенію къ занимаемому пространству—*девятнадцатое* мѣсто между европейскими государствами, такъ что ниже Россіи стояла только европейская Турція вмѣстѣ съ Греціей.

Слѣдовательно русскіе милліоны рублей металлическихъ были отданы въ распоряженіе французской компаніи. При этомъ, вмѣсто устройства въ Россіи машино-строительныхъ и рельсовыхъ заводовъ, французскимъ строителямъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ дозволено было, какъ было уже сказано, уничтожить существовавшій въ Россіи единственный и прекрасный заводъ герцога Лейхтенбергскаго, приготовлявшій отличные паровозы и т. п., и приобретать рельсы, паровозы, вагоны и вообще всѣ желѣзнодорожныя принадлежности на русскія деньги за границей и привозить ихъ безлошадно. Сверхъ всего этого, правительство гарантировало обществу 5% чистаго дохода. Несмотря, однакоже, на всѣ такія кажутся уже выгодныя условія, французскіе строители, нахваставшіе въ Россію со своими метресами и роскошными домашними для себя и для метресъ обстановками, конечно также безлошадно пролуценными, оказались вскорѣ несостоятельными въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, еще болѣе дорогими чѣмъ наши инженеры путей сообщенія, обобрали насъ, ушли во свояси съ знаменитымъ г. Колинъиономъ во главѣ и прокричали и расписали по всей Европѣ и на всѣ лады невѣжество и неблагодарность варваровъ Русскихъ... Чтò же дѣлать: первый блинъ пришелся комомъ!..

Главное Общество Россійскихъ Желѣзныхъ дорогъ, однакожь, осталось и здравствуетъ еще и въ настоящее время. Ему уступлена была правительствомъ на весьма льготныхъ условіяхъ Николаевская желѣзная дорога, которая какъ-то очутилась въ рукахъ смазчика колесъ Американца Уайненса. Заразившись, вѣроятно, отъ своихъ основателей и первыхъ руководителей, Главное Общество, какъ оказалось, продолжало благополучно хозяйничать въ ихъ духѣ и направленіи до самаго послѣдняго времени; но теперь съ нимъ случилось что-то неладное. Повалился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить.

2) Въ силу какой-то, будто бы научной, экономической аксіомы что *страна по преимуществу земледѣльческая какъ Россія, нуждающаяся въ капиталахъ для развитія своихъ производительныхъ силъ, должна домогаться, а не избѣгать вѣнчанныхъ займовъ*,* мы пришли къ тому убѣжденію что не только

* Практическіе, здравомыслящіе государственные люди Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, страны также земледѣльческой,

невозможно строить желѣзные дороги на обыкновенные государственные доходы, но что вообще внутри страны нельзя достать необходимых для этого денежных средств, а потому надо занимать капиталы за границей. И вотъ, въ 1867 году у насъ былъ образованъ особый желѣзнодорожный фондъ, въ который поступили не только суммы вырученныя посредствомъ выпуска консолидированныхъ облигацій Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, но также и изъ другихъ источниковъ, всего по 1 января 1882 года—885.826.870 р. 56 к. * Расходы

какъ мы уже видали, не признали этой аксіомы, хотя *Economist* грозилъ имъ за такое дерзкое невѣжество разореніемъ, и поступили совершенно наоборотъ: въѣзжихъ займовъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ не дѣлали, а наложили высокія пошліны на чугуны, рельсы и другія желѣзнодорожныя принадлежности, и этою мѣрой, безо всякихъ гарантій, привлекли иностранныя капиталы, развили въ громадныхъ размѣрахъ внутреннее производство рельсовъ и всѣхъ желѣзнодорожныхъ предметовъ и въ 12 лѣтъ выстроили 60.000 верстъ желѣзныхъ путей.

* Именю:

1) По облигаціямъ Николаевской желѣзн. дор.:	
1го выпуска	49.699.116 р. 56 к.
2го "	56.167.818 " 36 "
2) По консолидированн. облигац. Россійск. желѣзныхъ дорогъ:	
1го выпуска	73.371.146 " 44 "
2го "	67.466.071 " 83 "
3го "	96.177.178 " 65 "
4го "	90.116.530 " 15 "
5го "	103.427.966 " 37 "
6го "	158.540.865 " 33 "
3) Суммъ поступившихъ отъ Сѣверо-Американскаго правительства за уступаемыя Русскія Сѣверо-Американскія владѣнія.....	
	11.510.125 " 42 "
4) Отъ продажи принадлежавшихъ правительству акцій и облигацій желѣзныхъ дорогъ.....	
	61.498.196 " 47 "
5) Отъ Обществъ желѣзныхъ дорогъ и частныхъ лицъ, въ возвратъ выданныхъ имъ авансовъ и ссудъ и въ уплату за передаваемыя имъ азныя желѣзнодорожныя принадлежности.....	
	28.621.030 " 44 "
	<hr/>
Итого.....	799.596.049 " 2 "
6) Сверхъ сего, изъ суммъ Государственнаго азначейства.....	
	86.230.821 " 54 "
	<hr/>
Всего.....	885.826.870 " 56 "

изъ этого фонда, какъ и вообще всѣ милліонныя ассигнованія и выдачи по сооруженію желѣзныхъ дорогъ, съ самаго начала производились внѣ общаго законодательнаго порядка, безъ предварительнаго рассмотрѣнія ихъ въ Государственномъ Советѣ, и только съ 1883 года Высочайше было повелѣно вносить ихъ въ роспись, по предварительномъ рассмотрѣніи въ Департаментъ Государственной Экономіи предстоящихъ въ теченіе года затратъ. „Отъ установленія сего порядка, сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1883 годъ, выиграетъ въ простотѣ и ясности государственное счетоводство, а главное—чрезвычайные расходы на желѣзныя дороги войдутъ въ опредѣленные границы, соотвѣтственно съ финансовымъ положеніемъ страны“*. Дѣйствительно, въ назначеніи суммъ на расходы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ господствовалъ у насъ полный произволъ,

За счетъ желѣзнодорожнаго фонда выдано по 1 января 1882 года:

1) На образованіе облигаціонн. капитала желѣзныхъ дорогъ	675.200.217	„ 97	„
2) На усиленіе перевозочныхъ средствъ жел.дор.	38.510.829	„ 67	„
3) На изготовленіе желѣзно-дорожныхъ принадлежностей	144.912.326	„ 74	„
4) На устройство портовъ къ которымъ примыкаютъ желѣзныя дороги.....	13.615.221	„ 61	„
5) Расходы на восполненіе желѣзн. дорогамъ: на изысканія, командировки, развѣдки, опыты и т. п.....	13.558.271	„ 57	„
Итого.....	885.826.867	„ 56	„

Изъ этихъ данныхъ видно что на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ правительство не только израсходовало всѣ суммы вырученныя по консолидированнымъ облигаціямъ шести выпусковъ (около 594 милліона руб.), но выдало еще значительныя суммы изъ другихъ ресурсовъ Государственнаго Казначейства (*Правительственное Сообщеніе* 8 января 1882 года).

* Въ 1884 году 28 марта разрѣшенъ VII выпускъ 5% консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій на 15 милл. ф. стерл. Соотвѣтственно ли это съ „финансовымъ положеніемъ страны“, которое, по словамъ самого всеподданнѣйшаго доклада о росписи на 1884 годъ, не можетъ быть признано особенно благопріятнымъ?

почти безо всякаго фактическаго правительственнаго контроля, а въ отчетахъ объ этихъ расходахъ была страшная путаница, и оказалось что „по источенію заключающагося въ сѣбѣ фондъ средствъ, послѣ 1877 года онъ не могъ уже существовать самостоятельно и поддерживался средствами казны, которой задолжалъ 95 милліоновъ рублей“*. Вслѣдствіе сего Высочайше повелѣно желѣзнодорожный фондъ закрыть, а относившіеся на него расходы, съ 1884 года, производить изъ Государственнаго Казначейства установленнымъ порядкомъ, по Высочайшемъ утвержденіи одобренныхъ Государственнымъ Совѣтомъ предложеній. „Мѣра сія“, говоритъ повторительно во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1884 годъ, „послужитъ къ установленію большей ясности въ государственномъ счетоводствѣ.“

Къ 1 января 1881 года, въ теченіе коего возобновлена была постройка желѣзныхъ дорогъ на средства Государственнаго Казначейства, приостановившаяся съ 1877 года по причинѣ Восточной войны, открытыхъ для движенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи было 21.262 версты, въ томъ числѣ принадлежащихъ правительству 896 версть и предоставленныхъ частнымъ обществамъ 20.366 версть. Кромѣ того, разрѣшенныхъ къ постройкѣ 1.744 версты. *Основныя капиталы* всѣхъ желѣзныхъ дорогъ составляли 1.205.458.144 р. металла, и 173.774.778 р. кред., а по переводѣ металлическихъ рублей въ кредитныя, по тогдашнему курсу, 2.114.280.273 р. кред. *Долги* желѣзнодорожныхъ обществъ правительству составляли:

- 1) По гарантіи 14.580.844. р. мет. и 190.353.156 р. кред.
- 2) По недоимкамъ на облигаціи, оставаемыя правительствомъ за собою 111.549.126 р. мет. и 3.511.423 р. кред.
- 3) По займамъ, ссудамъ, за передаемыя дороги и т. д. 57.453.322 р. мет. и 124.360.026 р. кред.

По переводѣ же металлическихъ рублей въ кредитныя, всѣ эти долги составляли около 593¹/₂ р. ** Къ 1 января 1871 года долги желѣзнодорожныхъ обществъ правительству составляли около 113 милл. р.

* Всеподданнѣйшій докладъ о росписи на 1884 годъ.

** *Сборн. Мин. Пут. Сообщ.* Кн. VI и VII, Спб. 1882 года. Отчетъ Государственнаго Контроля за 1881 годъ.

Такимъ образомъ, выходитъ что наши желѣзныя дороги строились на иностранныя капиталы занимаемые щедрымъ и великодушнымъ правительствомъ за счетъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Казна платила по этимъ вѣшнимъ займамъ ежегодно милліоны рублей процентовъ и погашенія, терпѣливо выжидая что ихъ возвратятъ ей желѣзнодорожныя общества; прилачивала обществамъ ежегодно десятки милліоновъ рублей по гарантіи чистаго дохода, выдавала имъ кромѣ того еще различныя ссуды и субсидіи, вынуждена была принимать на себя несостоятельныя желѣзныя дороги съ ихъ неоплатными долгами и т. д., а желѣзнодорожныя общества тѣмъ временемъ благодумствовали и возвращали свои долги правительству въ такихъ размѣрахъ что въ теченіе десяти лѣтъ они увеличилась слѣшкомъ на 480 м. р. Вотъ такъ хозяйство!...

Вмѣстѣ съ этимъ постоянно продолжался почти безпошлинный ввозъ иностранныхъ рельсовъ, паровозовъ, вообще подвижнаго желѣзнодорожнаго состава и проч., и потому туземное производство всѣхъ этихъ предметовъ не могло развиваться, несмотря на громадную потребность въ нихъ, на природное богатство чугуна и желѣза въ Россіи и на неоднократно изъясненную Высочайшую волю относительно поощренія туземнаго производства желѣзнодорожныхъ принадлежностей и машинъ. Правда, въ 1875 году, когда уже было построено болѣе 17.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, былъ созванъ въ Петербургѣ съѣздъ машиностроителей и горнозаводчиковъ „для обсужденія, какія слѣдуетъ принять мѣры для развитія туземнаго производствъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей и машинъ, въ которыхъ Россія такъ сильно нуждается“.

Конечно, лучше поздно чѣмъ никогда.. Но съѣздъ не принесъ никакой существенной пользы дѣлу. По какой-то непостижимой игрѣ случая, официальнымъ предсѣдателемъ съѣзда оказался человекъ давно извѣстный за рѣшительнаго противника всякой покровительственной системы, такъ какъ, по его убѣжденію, *свободная торговля составляетъ идеалъ къ которому слѣдуетъ стремиться*, а потому введеніе какихъ-либо охранительныхъ пошлинъ немислимо; напротивъ того, необходимо заботиться о постепенномъ пониженіи всѣхъ пошлинъ. Результатомъ съѣзда оказалось что всѣ заявленія

представителей интересов нашей горнозаводской и машинной промышленности на съездѣ не имѣли никакихъ существенно-благоприятныхъ послѣдствій.

3) При послѣдственности и быстротѣ сооруженія нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ не было обращено должнаго вниманія на то чтобы направление ихъ и устройство ихъ подвижнаго состава и складочныхъ товарныхъ пунктовъ соответствовали указаніямъ и потребностямъ нашей главной, земледѣльческой промышленности, а также и на улучшение существовавшихъ и продолженіе новыхъ удобныхъ питательныхъ и подвижныхъ посейныхъ и грунтовыхъ дорогъ. * Такое цѣлесообразное направленіе и устройство главныхъ желѣзнодорожныхъ линій и соединительныхъ и питательныхъ путей значительно понизило бы плату за провозъ нашихъ главныхъ хлѣбныхъ грузовъ, сократило бы время провоза и оберегло бы хлѣбные грузы отъ различной порчи и потераты, подмочки, усыпки и т. п. Словомъ, всѣ расходы по перевозкѣ этихъ грузовъ отъ мѣстъ отправленія до конечныхъ пунктовъ назначенія уменьшилось бы почти на половину противъ нынѣшнихъ. Это одно уже имѣло бы самое благотворное вліяніе какъ на развитіе нашего земледѣлія, такъ и на нашу отпускную хлѣбную торговлю, слѣдовательно и на нашъ торговый балансъ.

4) При сооруженіи желѣзнодорожной сѣти улучшены были изъ виду наши *горнозаводскія и богатія каменноугольныя мѣстности*, которыя начали соединять желѣзными дорогами съ главными линіями только въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Вслѣдствіе этого, наши желѣзныя дороги не могли содѣйствовать развитію горнозаводскаго дѣла и добыванію каменнаго угля, а потому и сами не могли пользоваться *минеральными топливами*, что имѣло прямымъ послѣдствіемъ страшное истребленіе лѣсовъ. ** Совершенное же обезлѣсеніе и оголеніе цѣлыхъ громадныхъ пространствъ повліяло

* Въ какомъ ужасномъ состояніи находятся подвозныя дороги даже къ такимъ станціямъ, какъ Елецъ, Орелъ, Рязань, Моршанскъ и др. было указано нами въ 1й части этой статьи.

** На быстрое истребленіе цѣлыхъ миллионовъ десятинъ лѣсныхъ дачъ въ сѣверо-и юго-западныхъ и центральныхъ губерніяхъ было также указано въ первой части статьи.

самымъ вреднымъ образомъ на плодородіе почвы, а слѣдовательно и на земледѣльческую производительность.

5) Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ концессионнымъ способомъ, какъ оказалось, стоило весьма дорого, ибо сопровождалось сильными злоупотребленіями, подкупами, взятками даже въ высшихъ официальныхъ сферахъ и общественныхъ кружкахъ имѣвшихъ вліяніе на выдачу концессій. Кроме того, концессіи создали у насъ особыхъ желѣзнодорожныхъ богачей, изъ которыхъ многіе наши болѣе приятнымъ тратить нажитые и полученные ими отъ желѣзныхъ дорогъ милліоны за границей, строя тамъ себѣ дворцы и виллы и удивляя туземцевъ шальной роскошью.

6) Облегчивъ и удешевивъ заграничныя поѣздки, желѣзныя дороги сильно содѣйствовали увеличенію числа нашихъ путешественниковъ въ иностранныхъ краяхъ, а вмѣстѣ съ этимъ и суммы нашихъ ежегодныхъ заграничныхъ расходовъ. До сооруженія въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, число Русскихъ ѣздившихъ за границу было очень невелико: въ настоящее же время чуть ли не каждый, кому мало-мальски позволяютъ средства, считаетъ своимъ долгомъ побывать за границей. И какъ извѣстно, не столько ѣздить за границу по дѣламъ люди торговые и промышленные, сколько состоящіе на государственной службѣ и получающіе содержаніе изъ государственнаго бюджета. Указывая на это мы вовсе не имѣемъ въ виду упрекать кого-либо или прелятствовать удовольствію чьей-либо потребности въ заграничныхъ экскурсіяхъ, а выставляемъ на видъ этотъ фактъ лишь какъ одинъ изъ результатовъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, содѣйствующихъ къ увеличенію нашихъ внѣшнихъ расходовъ, для покрытія коихъ усиливается спросъ на вещественные капиталы къ вѣщему угнетенію нашего торговаго баланса и вексельныхъ курсовъ. Число же пріѣзжающихъ въ Россію иностранныхъ путешественниковъ далеко уступаетъ числу ѣздящихъ за границу Русскихъ, да притомъ большинство иностранцевъ пріѣзжаетъ къ намъ для наживы, тогда какъ наши путешественники ѣздить за границу лишь прожить русскія деньги.

7) Облегчивъ, конечно, сбытъ за границу нашихъ *грозоздыкъ и дешевыхъ сырыхъ продуктовъ*, желѣзныя дороги, при отсутствіи у насъ дѣйствительныхъ покровительственныхъ

пошлины, еще въ большей степени облегчили привозъ къ намъ иностранныхъ продуктовъ и издѣлій, которые, будучи гораздо дешевле нашихъ, могутъ легче выдерживать высокіе фрахты и другія анти-экономическія условія присущія эксплуатаціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Кроме того, желѣзныя дороги сами собою не могутъ еще усиливать сбыта продуктовъ за границу, такъ какъ это зависитъ: 1) отъ заграничнаго спроса и 2) отъ достаточнаго количества ихъ въ самой странѣ, на что при вывозѣ изъ Россіи болѣе всего хлѣбныхъ и другихъ продуктовъ растительнаго царства имѣютъ сильное вліяніе урожаи ихъ какъ у насъ, такъ и за границей, а въ послѣднее время и конкуренція Сѣверной Америки и даже Канады и Остѣ-Индіи. Такъ, на примѣръ, въ 1871 году при эксплуатаціи 12.722 верстъ желѣзныхъ дорогъ было вывезено изъ Россіи пшевицы 11.526.000 четвертей, а въ 1873 году, при эксплуатаціи 15.196 верстъ, всего лишь 6.957.000 четвертей; льна, въ 1860 году, при эксплуатаціи 9.688 верстъ, было вывезено 11.500.000 пудовъ, а въ 1872 году, при 13.217 верстахъ, только 8.014.000 пудовъ.

8) При сооруженіи и эксплуатаціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ, по какимъ-то невѣдомымъ причинамъ, у насъ будто нарочно заботились о томъ чтобы сдѣлать Пруссію и ея балтійскіе порты передаточными станціями и посредниками товарнаго движенія между Россіей и Западною Европой какъ по привозу, такъ еще болѣе по вывозу изъ Россіи товаровъ, въ прямой ущербъ нашимъ собственнымъ портамъ. Вслѣдствіи этого, масса нашихъ товаровъ провозится по прусскимъ желѣзнымъ дорогамъ, сильно увеличивая ихъ доходность; всѣ портовые, портовые, коммиссіонные и т. л. расходы на транзитные товары идутъ въ пользу Пруссіи, а не Россіи; прямыя торговыя связи наши съ главными потребителями нашихъ продуктовъ ослабляются и когда Пруссія чачинаетъ воевать, отлускъ нашихъ товаровъ задерживается и наши вексельные курсы сильно понижаются, какъ намъ пришлось испытать это въ 1861 и 1870 годахъ во время войны Пруссіи съ Австріей и Франціей. Изъ этого видно что не все равно, какъ утверждали у насъ нѣкоторые финансисты, чрезъ свои или чужіе порты вывозятся наши продукты, лишь бы только они вывозились.

Новый германскій таможенный тарифъ можетъ служить еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ совершенной

ошибочности подобнаго мнѣнія. Полагая что вывозъ изъ Россіи товаровъ по прусскимъ желѣзнымъ дорогамъ и чрезъ прусскіе балтійскіе порты уже вполнѣ закрѣпленъ за ними и что въ новые расходы у насъ для измѣненія направленія желѣзныхъ дорогъ и улучшенія водяныхъ сообщеній къ русскимъ портамъ, при настоящемъ финансовомъ положеніи Россіи, входить не станутъ, князь Бисмаркъ порѣшилъ обложить нашу отпускную торговаю извѣстнымъ налогомъ въ пользу германской государственной казны; это было совершенно неожиданнымъ сюрпризомъ для нашихъ благодушныхъ послѣдователей ученія свободной торговли. На то щука въ морѣ чтобы карась не дремалъ...

9) Наконецъ, на восточной границѣ наши желѣзныя дороги упираются въ лустынные степныя страны, такъ что и съ этой стороны эксплуатація желѣзныхъ дорогъ не можетъ быть выгодна, пока будутъ существовать такія неблагоприятныя естественныя условія для измѣненія которыхъ потребовались бы громадныя денежныя капиталы и многіе годы. Впрочемъ, объ этомъ мы еще будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Изъ всего вышеизложеннаго достаточно ясно слѣдуетъ что сколь бы ни были полезны желѣзныя дороги для такой обширной и столь сильно нуждающейся въ хорошихъ путяхъ сообщенія страны какъ Россія, и сколько бы пользы онѣ ей приносили въ другихъ отношеніяхъ, сооруженіе желѣзнодорожныхъ линій у насъ, по выше приведеннымъ главнымъ и еще многимъ другимъ причинамъ, не только не могло повліять благотворно на улучшеніе нашего торговаго баланса и поднятія вексельныхъ курсовъ, но, напротивъ, должно было сильно содѣйствовать къ ухудшенію ихъ.

XII.

Учрежденіе частныхъ акціонерныхъ банковъ и общества взаимнаго кредита сильно облегчило денежныя обороты и операціи съ процентными бумагами, но въ отношеніи торговаго баланса и вексельныхъ курсовъ содѣйствовало до сихъ поръ болѣе угнетенію ихъ чѣмъ улучшенію. За

немногими исключениями, наши акціонерные банки и общества взаимнаго кредита затрачиваютъ доверенные имъ вкладчиками капиталы болѣе всего на *ссуды подѣ фонды* и разныя такъ-называемыя *финансовыя операціи* (financing business) *чѣмъ на учетъ торговыхъ и промышленныхъ векселей*. * Этимъ банки оказываютъ сильную поддержку спекулянтамъ фондами, особенно играющимъ на повышение. Поднимая цѣны спекулятивныхъ бумагъ и закладывая ихъ въ банкахъ, по мѣрѣ пріобрѣтенія, спекулянтамъ нашей фондовой биржи не разъ удавалось, безо всякаго рациональнаго основанія, доводить ихъ цѣны до несообразныхъ размѣровъ, чѣмъ никогда не улускали пользоваться иностранные капиталисты для сбыта этихъ бумагъ въ Россію съ большимъ барышомъ. Когда наступала реакція и цѣны падали еще быстрѣе и сильнѣе чѣмъ повышались, иностранные капиталисты вновь скупали ихъ по цѣнамъ на нѣсколько десятковъ процентовъ *ниже* тѣхъ по какимъ сами продали ихъ. При этомъ вся разница въ цѣнѣ, то-есть барышъ иностранныхъ капиталистовъ, долженъ былъ ложиться на нашъ торговый балансъ и служить къ большому угнетенію его и вексельныхъ курсовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1869 году спекулянтамъ à la hausse (на повышение) удалось при щедрой поддержкѣ ихъ банками (особенно же Петербургскимъ Обществомъ Взаимнаго Кредита, которое будучи само поддерживаемо Государственнымъ

* Почему наши частные банки *предпочитаютъ ссудныя операціи подѣ процентныя бумаги учетной операціи торговыхъ векселей*, это можно объяснить главнымъ образомъ слѣдующими двумя обстоятельствами: 1) весьма малымъ знакомствомъ управляющихъ банками съ положеніемъ и ходомъ нашихъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, а слѣдовательно и со средствами и степенью состоятельности нашихъ торговцевъ, фабрикантовъ и заводчиковъ. Чтобы безошибочно судить о кредитѣ торговыхъ и промышленныхъ лицъ, необходимо постоянно и внимательно слѣдить за ихъ дѣлами и причинами вліяющими на ихъ благосостояніе, а это несравненно труднѣе и хлопотливѣе чѣмъ слѣдить по биржевымъ бюллетенямъ за фондовыми и курсовыми измѣненіями; 2) никакое солидное торговое или мануфактурное дѣло не въ состояніи выносить тѣхъ процентовъ и расходовъ какіе весьма часто платятъ банкамъ спекулянты нашей фондовой биржи за ссуды подѣ залогъ процентныхъ бумагъ, а также перезалогъ бумагъ и возвышеніе размѣра ссудъ подѣ нихъ. Есть конечно и другія причины.

Банкомъ, ссужало по 150 руб. подъ сторублевые билеты выигрышныхъ займовъ)—поднять цѣны этихъ билетовъ въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ мѣсяцевъ со 138 р. до 180 р., то-есть на 30%, а цѣну акціи Главнаго Общества Россійскихъ Железныхъ Дорогъ съ 120 руб. до 163 руб. Результатомъ такой поддержки было увеличеніе банковыхъ ссудъ подъ фонды въ 1869 году съ 59½ милл. руб., къ 1 марта, до 101 милл. руб., къ 1 сентября, то-есть на 41½ милл. руб. въ полгода или на 70%. При этомъ ссуды Петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита съ 16.000.000 руб., при цѣнѣ выигрышныхъ билетовъ по 136 руб., возрасаи къ 1 сентября до 37¼ милл. руб., когда цѣна этихъ билетовъ достигала 170 и 178 руб.; но вотъ спекулятивный пузырь лопнулъ, и непомерно вздутыя цѣны спекулятивныхъ бумагъ упали на 20—30%, и иностранные капиталисты стали вновь покупать ихъ, причемъ паденіе вексельныхъ курсовъ съ 32¼% на Лондонъ въ январѣ, до 29⅝ и 3⅞% въ сентябрѣ и декабрѣ 1869 года еще болѣе удешевило покулку нашихъ бумажныхъ цѣнностей. Вместе съ этимъ отливомъ ихъ за границу сократились и ссуды подъ фонды въ нашихъ банкахъ со 101.000.000 руб. на 1 сентября, до 82.000.000 руб. на 31 декабря 1869 года. Въ 1875 году повторилось то же самое: спекуляція, воспользовавшись временною дешевизной денегъ вслѣдствіе пониженія Государственнымъ Банкомъ процентовъ по текущимъ счетамъ, успѣла въ короткое время поднять цѣну выигрышныхъ билетовъ съ 206 и 200 руб. въ началѣ мая, до 266 руб. въ концѣ юня, то-есть менѣе чѣмъ въ два мѣсяца на 30%. Этимъ конечно воспользовались опять заграничные капиталисты для выгодной перепродажи означенныхъ билетовъ въ Россію, причемъ платежъ за нихъ долженъ былъ невыгодно отозваться на нашемъ торговомъ балансѣ.

Наши *поземельные банки*, вопреки ожиданіямъ и предсказаніямъ ихъ учредителей, также не оказали никакого благотворнаго вліянія на улучшеніе нашего торговаго баланса и поднятіе вексельныхъ курсовъ.

При учрежденіи *Обществъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита* и *Земельныхъ Акціонерныхъ Банковъ* имѣлось въ виду, во-первыхъ, доставить землевладѣльцамъ необходимые оборотные капиталы на усиленіе производства хлѣбныхъ и другихъ земледѣльческихъ и сельскохозяйственныхъ продуктовъ, и повто-

рыхъ, привлечь на нѣсколько сотъ милліоновъ рублей иностранныхъ денежныхъ капиталовъ въ Россію подъ залогъ нашей земельной собственности. Исключительно для привлеченія иностранныхъ капиталовъ подъ закладные листы поземельныхъ акціонерныхъ банковъ, вылученные въ кредитной валютѣ, былъ основанъ Центральныи Банкъ Русскаго Поземельнаго Кредита. Несмотря, однако, на то что ссуды подъ поземельную собственность, со времени основанія перваго земскаго банка Херсонской губерніи въ 1864 году, достигли въ 1880 году уже до суммы свыше 320 милл. руб. (въ томъ числѣ около 160 милл. руб. *металлическихъ облигацій*, большая часть которыхъ находится въ рукахъ заграничныхъ капиталистовъ), на улучшение нашего торговаго баланса и вексельныхъ курсовъ это не имѣло никакого вліянія, потому что большаи часть капиталовъ вырученныхъ за сбытые за границу металлическіе закладные листы и облигаціи Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита и Центральнаго Банка Русскаго Поземельнаго Кредита, была израсходована за границей же на разные предметы неизвѣстнаго отношенія къ потребностямъ сельскаго хозяйства, за исключеніемъ развѣ незначительной, относительно, суммы употребленной на приобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій и машинъ. Между тѣмъ ежегодная уплата процентовъ и погашенія по находящимся за границей металлическимъ закладнымъ листамъ и облигаціямъ земельныхъ банковъ должна была значительно повліять на угнетеніе нашего торговаго баланса и вексельныхъ курсовъ.

Какая часть изъ полученныхъ землевладѣльцами, подъ залогъ ихъ имѣній, капиталовъ пошла собственно на улучшение и развитіе производительности земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства, опредѣлить трудно. Но во всякомъ случаѣ, проценты по ссудамъ выдаваемымъ земельными банками и курсовая реализація ихъ закладныхъ листовъ, составлявшіе вмѣстѣ отъ 9 до 10%, дѣлали такой земельный кредитъ почти невозможнымъ для сельскаго хозяйства, доставляющаго только въ исключительныхъ счастливыхъ случаяхъ столь значительные проценты. Поэтому можно съ увѣренностію сказать что только незначительная часть занятыхъ капиталовъ у земельныхъ банковъ употреблена была дѣйствительно на нужды сельскаго хозяйства; большаи же часть потрачена на уплату долговъ, прожитіе, на различныя акці-

оверныя предпріятія, биржевыя спекуляціи, лутешества за границу и т. д. Весьма значительное число имѣній ежегодно продаваемыхъ съ публичныхъ торговъ за неплатежъ долговъ земельнымъ банкамъ, несмотря на всѣ льготныя ероки, прямо показываетъ что доходовъ съ имѣній не достаетъ на уплату % и погашенія по сдѣланнымъ займамъ. Особливо же тяжело оказывается положеніе заемщиковъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита заключившихъ займы на металлическую валюту. Само правительство признало, наконецъ, невозможность столь высокаго поземельнаго кредита и крайне трудное положеніе задолжавшихъ землевладѣльцевъ, и въ Министерствѣ Финансовъ, какъ извѣстно, составляется въ настоящее время проектъ „Государственнаго учрежденія для оказанія помѣщикамъ долгосрочнаго земельного кредита на болѣе выгодныхъ условіяхъ“ *. Искренно желаемъ скорѣйшаго и успѣшнаго практическаго осуществленія этому учрежденію, чтобы въ данномъ случаѣ не оправдалась пословица: спустя лѣто по малину...

Изъ вышеизложеннаго видно что акціонерныя земельныя банки едва ли оказали хорошее содѣйствіе нашему сельскому хозяйству; отягощеніе же громаднымъ вѣншимъ долгомъ нашей поземельной собственности отнюдь не оправдало радужныхъ надеждъ учредителей земельныхъ банковъ съ обязательствами на металлическую валюту...

XIII.

Основаніе фондовыхъ биржъ. Наши кабинетные финансисты-реформаторы полагаютъ также что спекуляціи процентными бумагами обогатятъ насъ потребными капиталами, наивно забывая что биржевая игра, подобно картежной, *не создаетъ новыхъ капиталовъ*, а только служитъ къ перемѣщенію уже существующихъ изъ однихъ рукъ въ другія, а потому и не можетъ вовсе содѣйствовать обогащенію страны. Напротивъ, отвлекая капиталы отъ производительнаго употребленія, а людей — отъ трудовыхъ промышленныхъ занятій, надеждой легкаго и скорого обогащенія не постояннымъ упорнымъ трудомъ, а счастливою азартною игрой, биржевая

* Всеподданнѣйшій докладъ о государственной росписи на 1884 годъ

спекуляція ведетъ лишь къ подрыву производительности страны и къ сильной деморализаціи общества.

Для прочнаго, долговременнаго помѣщенія народныхъ сбереженій въ солидныя процентныя бумаги нѣтъ никакой надобности въ лоощреніи фондовыхъ спекуляцій, потому что подобныя спекуляціи препятствуютъ накопленію капиталовъ, отвлекая сбереженіе на покулку игорныхъ бумагъ, сильно измѣняющихся въ цѣнѣ и приносящихъ весьма ничтожный процентъ. Такъ у насъ, при помѣщеніи мелкихъ сбереженій, первое мѣсто занимаютъ выигрышные займы, сторублевые билеты которыхъ, при цѣнѣ свыше 200 руб., за вычетомъ двухъ страхованій отъ тиража, не приносятъ въ годъ и $1\frac{1}{2}\%$, тогда какъ наши другія государственныя бумаги даютъ отъ 5 до 6%.

Мы видѣли уже какъ сильно содѣйствуетъ невыгодной для Россіи перепродажѣ иностранными капиталистами нашихъ процентныхъ бумагъ по самымъ высокимъ цѣнамъ и обратному сбыту ихъ за границу по самымъ низкимъ поддержка банковыми ссудами подъ процентныя бумаги. Относительно же нашей полной несостоятельности воспользоваться благоприятнымъ случаемъ для дешевой покулки за границей нашихъ фондовъ, припомнимъ сильное паденіе ихъ въ Берлинѣ предъ началомъ войны между Германіей и Франціей въ 1870 году. Наши билеты выигрышныхъ займовъ лади тогда на Берлинской биржѣ со 119 и 116 талеровъ 26 іюня (6 іюля) до 88 талеровъ 20 (8) іюля. Мы не могли однакожь воспользоваться этимъ случаемъ для дешевой покулки ихъ, потому что хотя Россіи война ни съ кѣмъ не угрожала, но цѣны выигрышныхъ билетовъ одновременно упали и на Петербургской биржѣ со 150 р. на 124 р. вслѣдствіе ихъ заграничнаго паденія и требованія банками пропорціональной пониженію ихъ цѣнъ долланта по выданнымъ подъ нихъ ссудамъ или ихъ выкула подъ угрозой продажи à tout prix. Нето бывало въ прежнее время, когда наша внѣшняя задолженность была незначительна и торговый балансъ былъ въ нашу пользу; такъ, напримѣръ, въ 1848 году, когда вслѣдствіе революціонныхъ безпорядковъ въ Берлинѣ, Германіи и Франціи, фонды за границей значительно понизились, многіе русскіе капиталисты и наше Государственное Казначейство воспользовались благоприятнымъ случаемъ для покулки за границей нашихъ фондовъ по болѣе низкимъ цѣнамъ чѣмъ бывшя тогда на Петербургской биржѣ.

Попадавшія въ затруднительное положеніе, вслѣдствіе поддержекъ фондовыхъ спекуляцій слишкомъ щедрыми ссудами подъ игорныя бумаги, пропорціонально искусственному поднятію ихъ цѣвъ, наши частныя кредитныя учрежденія обыкновенно приходилось выручать Государственному Банку.

Наконецъ, обуявшая столь сильно наше общество страсть къ легкой наживѣ какими бы то ни было дозволительными и недозволительными способами, по словамъ всей нашей печати, есть прямое слѣдствіе разившейся въ послѣднія двадцать лѣтъ биржевой игры.

Вотъ несомнѣнные фактическіе результаты основанія у насъ фондовыхъ биржъ какъ въ отношеніи къ развитію нашей производительности такъ и къ улучшенію общественной нравственности. При такихъ результатахъ конечно и на нашъ торговый балансъ и на вексельные курсы развитіе въ Россіи не бывало сильной биржевой игры могло имѣть лишь угнетающее вліяніе.

XIV.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами мѣръ для возстановленія въ Россіи металлическаго обращенія, предлагались, но къ счастью не были приведены въ исполненіе, еще слѣдующія двѣ мѣры: *отмена обязательнаго курса кредитныхъ билетовъ и девальвація кредитнаго рубля.*

Отмена обязательнаго курса кредитныхъ билетовъ рекомендовалась нѣкоторыми нашими экономистами какъ самое вѣрное и дѣйствительное средство для превращенія нашей бумажной валюты въ металлическую. Для осуществленія этого, по ихъ мнѣнію, достаточно было чтобы *„все условія были заключаемы на звонкую монету, а расплата бы производилась бумажными рублями по курсу ежесельскому объявляемому правительствомъ“* и чтобы *„все счеты велись на звонкую монету“*. Такимъ способомъ въ Россіи возстановилась бы неизмѣнная монетная единица и вексельные курсы были бы удержаны отъ паденія. Это съ особеннымъ рвеніемъ доказывалъ покойный Ю. А. Гогемейстеръ въ статьяхъ печатавшихся въ Дни 1864 года. Другой экономической писатель, утверждая что въ Россіи частныя банки не могли быть основаны потому что у насъ не было прочной разчетной

единицы, считать необходимымъ отплатить для нихъ обязательный курсъ кредитнаго рубля *.

Едва ли нужно приводить какія-нибудь доказательства полной несостоятельности этой мѣры для удержанія у насъ звонкой монеты отъ ухода ея за границу, а вексельныхъ курсовъ отъ паденія, и для восстановленія металлическаго обращенія въ Россіи. Ежемѣсячное назначеніе правительствомъ курса кредитному билету произвело бы страшную путаницу во всѣхъ торговыхъ и частныхъ сдѣлкахъ и въ казенныхъ платежахъ и расчетахъ по всему необъятному Русскому царству. При совершенной же отплатѣ обязательнаго курса кредитныхъ билетовъ произошелъ бы полнѣйшій хаосъ на денежномъ рынкѣ. Что же касается частныхъ банковъ, то они возникли и даже можетъ-быть уже слишкомъ расплодился и при обязательномъ курсѣ неразвѣннаго кредитнаго рубля; слѣдовательно утвержденія и опасенія нѣкоторыхъ нашихъ экономистовъ въ этомъ отношеніи оказались совершенно ошибочными.

Девальюація кредитнаго рубля или признаніе и официальное объявленіе правительствомъ номинальной цѣнности кредитныхъ билетовъ недействительною. Признавая избытокъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніи за единственную причину ихъ обезцѣненія относительно золотой и серебряной монеты, и видя неудачу въ консолидаціи, то-есть въ превращеніи ихъ въ % долгъ, нѣкоторые изъ нашихъ катедеръ-финансистовъ, внимая указаніямъ и наставленіямъ своихъ собратьевъ,—заграничныхъ университетскихъ финансовыхъ профессоровъ,—болѣющихъ будто бы о печальномъ финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи, усердно заявляли свое убѣжденіе что уменьшеніе излишняго количества кредитныхъ билетовъ въ обращеніи можетъ-быть быстро достигнуто пониженіемъ номинальной цѣнности кредитнаго рубля, для чего правительству стоило бы только официально заявить что кредитный рубль слѣдуетъ считать не за 100 коп., а напиримръ только за 70, 60 или 50 коп. Вслѣдствіе сего общая сумма кредитныхъ билетовъ, доходившая въ то время до 700.000.000 руб., сразу бы понизилась до 490, 420 или 350 милл. руб., то-есть до той

* Рѣчь А. А. Головачева въ засѣданіи Политико-Экономическаго Комитета 18 февраля 1861 года (была напечатана въ *Экономическомъ Указателѣ*).

суммы при которой, какъ полагалось, вывозъ драгоценныхъ металловъ изъ Россіи за границу сдѣлался бы невозможнымъ, и металлическое денежное обращеніе возстановилось бы само собою. Не говоря уже о томъ что подобная мѣра была бы крайне неблагоприятна и предосудительна для правительства и вредна для государственнаго кредита вообще (вѣдь въ сущности она *выставила бы Россію неплатнымъ должникомъ-банкротомъ, предлагающимъ своимъ кредиторамъ известное число копѣекъ за рубль, съ тою только разницей что такое предложеніе обанкротившагося обыкновеннаго должника кредиторы могутъ и не принять по своему усмотрѣнію и посадить должника въ кутузку, а предъ несостоятельнымъ должникомъ-государствомъ подданнымъ его конечно пришлось бы смириться и преклониться), мѣра эта была бы и совершенно бесполезна, ибо отнюдь не достигла бы своей цѣли: возстановленія металлическаго обращенія въ странѣ. Неизбѣжными послѣдствіями пониженія нарицательной цѣнности кредитнаго рубля явилась бы: *пропорціональное возвышеніе вѣсъъ податей и налоговъ и сильное стѣсненіе денежнаго рынка.* А при такихъ условіяхъ невозможно развитіе производительныхъ силъ страны, невозможно не только удешевленіе, но и сохраненіе прежней цѣнности производимыхъ продуктовъ. А между тѣмъ, какъ мы видѣли, только возможно большимъ развитіемъ туземнаго производства необходимыхъ для внутренняго потребленія и требующихся для заграничнаго вывоза продуктовъ и издѣлій возможно возстановить равновѣсіе въ международномъ обмѣнѣ цѣнностями, то есть въ торговомъ балансѣ. *Безъ возстановленія же равновѣсія въ торговомъ и вообще въ разчетномъ балансѣ нѣтъ никакой возможности удержатъ драгоценныя металлы отъ ухода за границу; а при уходѣ ихъ за границу, нѣтъ, очевидно, возможности и возстановить металлическое обращеніе въ странѣ.* Sapienti sat!...*

XV.

Мы изложили *sine ira et studio*, строго, на основаніи фактическихъ данныхъ, главныя проявленія нашей новой финансовой политики, въ которыхъ выразились наиболѣе характеристическія черты отличающія ее отъ нашей прежней Калкриновской финансовой политики. Перечислимъ теперь

эти проявленія съ ихъ результатами въ видѣ послѣдственныхъ положеній, для болѣе удобнаго нагляднаго обозрѣнія ихъ въ общей совокупности.

1. *Ликвидация прежнихъ банковыхъ установленій* (обеспечивавшихъ, главнымъ образомъ, дешевый земельный кредитъ въ Россіи, какъ странѣ преимущественно земледѣльческой), вмѣстѣ съ которою началась такъ-сказать и ликвидация Канкриновской финансовой политики, дала слѣдующіе результаты:

а) Ссуды подъ залогъ недвижимыхъ цмуществъ и именно подъ залогъ земельной собственности были прекращены почти наканунѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Эта мѣра разомъ подрѣзала *земельный кредитъ* въ Россіи, такъ какъ никакого другаго земельного кредита у насъ тогда еще не было, и такъ-сказать *подрѣзала въ самомъ корнѣ плодотворное осуществленіе великой крестьянской реформы въ жизни освобожденнаго народа.*

Прямымъ послѣдствіемъ такой мѣры было съ одной стороны быстрое и крайне низкое паденіе цѣнъ на земли, совершенное обнищаніе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и *образованіе полупичьяго пролетаріата въ Россіи.*

Съ другой стороны, крестьянскіе прямые и косвенные налоги увеличились; крестьянамъ пришлось платить выкупныя деньги, нанимать луга, выгоны для скота, покупать дрова, лѣсъ, уплачивать различныя новыя земскія повинности, и въ то же время они не могли уже разчитывать ни на какую помощь отъ своихъ прежнихъ помѣщиковъ въ случаяхъ неурожая, скотскихъ падежей, пожаровъ и т. л. И при всемъ этомъ ни земельного и никакого другаго крестьянскаго кредита въ Россіи тогда не было.

б) Сокращеніе банковыхъ процентовъ съ 4 на 3 и потомъ съ 3 на 2 вызвало громадное востребованіе банковыхъ вкладовъ и породило акціонерную горячку, поглотившую безслѣдно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сотни милліоновъ рублей трудовыхъ общественныхъ и народныхъ сбереженій разорившую въ конецъ десятки тысячъ людей.

в) Консолидація или превращеніе банковыхъ вкладовъ въ 4% непрерывно-доходные и 5% банковые билеты оказалась весьма убыточною для вкладчиковъ, ибо тогда какъ вкладные билеты прежнихъ банковъ, принося 3 и даже 2%, продолжали ходить по своей нарицательной цѣнѣ, не только 4% непрерывно-доходные билеты сбывались съ трудомъ по 70% за сто, во и 5% банковые билеты доходили до 77% за сто.

г) Сокративъ мѣновое средство страны почти на 800 милл. рублей именно въ то время когда вслѣдствіе совершавшихся великихъ реформъ потребность въ немъ въ Россіи особенно увеличилась и разстроивъ прежнюю систему нашего денежнаго обращенія, обладавшую именно необходимымъ свойствомъ увеличивать мѣновое средство (сиггенсу) по мѣрѣ увеличенія потребности въ немъ, ликвидація прежнихъ кредитныхъ учрежденій породила сильное безденежье, очень стѣснила этимъ торговлю и промышленность, и не только не достигла своей главной цѣли — поднятія цѣнности нашего кредитнаго рубля и уничтоженія даже на золото, но непосредственное вліяніе ея выразилось сильнымъ паденіемъ нашихъ вексельныхъ курсовъ и всѣхъ процентныхъ бумагъ, особенно же выпущенныхъ въ замѣнъ вкладныхъ билетовъ прежнихъ банковъ.

2. *Вексельная операція*, предпринятая Государственнымъ Банкомъ въ 1861 и 1876 годахъ, съ цѣлю выдачей переводныхъ векселей за границу поддержать наши курсы выше нормальныхъ и придать имъ бѣольшую устойчивость, причинила казнѣ большіе убытки — первая 30¹/₂ милліоновъ рублей, а вторая уменьшеніемъ металлическаго размѣннаго фонда на 80 милл. рублей предъ самымъ наступленіемъ Восточной войны, вслѣдствіе чего пришлось въ 1877 году дѣлать вышній 5% заемъ въ 94 милл. рублей металлическихъ по 74 за сто, на % и погашеніе коего въ теченіе 37 лѣтъ потребуетса около 200 милл. рублей металлическихъ. Вексельные же курсы наши не только не поднялись, а понизились.

3. *Размѣнная операція*, предпринятая для поднятія цѣнности нашего кредитнаго рубля и восстановленія металлическаго обращенія въ Россіи, уже обошлась государству во 120 милл. рублей металлическихъ и обойдется еще въ 50 милл. рублей металлическихъ, достигнувъ также однихъ отрицательныхъ результатовъ — новаго паденія вексельныхъ курсовъ и пониженія цѣнности кредитнаго рубля.

4. *Металлическія обязательства*, придуманныя съ цѣлю привлеченія иностранныхъ капиталовъ въ Россію и поднятія вексельныхъ курсовъ, вмѣстѣ со значительнымъ убыткомъ причиненнымъ и причиняемымъ ими казнѣ и особенно частнымъ лицамъ — заемщикамъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита и акціонерамъ Центрального Банка Русскаго Поземельнаго Кредита, — нисколько не содѣйство-

вали ни поднятію нашихъ вексельныхъ курсовъ, ни большею устойчивости ихъ, а нанесли еще нравственный ущербъ кредиту неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ государства, представляющихъ единственное мѣновое средство страны.

5. *Равновѣсіе государственнаго бюджета*, даже милліонные излишки бюджетныхъ доходовъ сравнительно съ расходами въ 1871, 1872, 1874 и 1875 годахъ также не оказали никакого благотворнаго вліянія на улучшеніе нашихъ вексельныхъ курсовъ и повышеніе цѣнности кредитнаго рубля, такъ какъ это равновѣсіе и эти излишки были достигнуты не уменьшеніемъ или производительнымъ употребленіемъ увеличивавшихся государственныхъ расходовъ и не естественнымъ ростомъ доходовъ, а искусственнымъ увеличеніемъ сихъ послѣднихъ посредствомъ возвышенія существовавшихъ и введенія новыхъ внутреннихъ налоговъ.

6. *Двукратный пересмотръ таможеннаго тарифа въ 1857 и 1867 годахъ*, главнымъ результатомъ котораго было пониженіе пошлинъ преимущественно на иностранныя мануфактурныя издѣлія, могъ только содѣйствовать усиленію ввоза въ Россію этихъ произведеній, слѣдовательно еще большому угнетенію нашего торговаго баланса, а никакъ уже не спасенію его въ нашу сторону.

7. *Сооруженіе стѣи желѣзныхъ дорогъ на 18.000 верстъ*, главнымъ образомъ на занятые иностранныя капиталы, при несуществованіи у насъ покровительственнаго таможеннаго тарифа и при совершенно почти беспошлинномъ ввозѣ иностранныхъ рельсовъ, паровозовъ, вагоновъ и всѣхъ другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей, не могло оказать благотворнаго вліянія на развитіе туземнаго производства этихъ требовавшихся въ огромномъ количествѣ предметовъ, а значительно увеличило наши внѣшніе государственныя долги и, слѣдовательно, содѣйствовало угнетенію нашего торговаго и вообще разчетнаго баланса.

8. *Учрежденіе частныхъ акціонерныхъ банковъ вмѣстѣ съ основаніемъ фондовыхъ биржъ* содѣйствовало, главнымъ образомъ, распространенію въ Россіи сильной биржевой игры спекулятивными процентными бумагами, а не удешевленію и не упроченію у насъ правительственнаго торговаго и промышленнаго кредита, необходимаго для развитія солидныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій.

Земельные же акціонерные банки, непомерно высокими для земледѣлія кредитомъ, особенно Общество Взаимнаго

Поземельнаго Кредита и Центральнаго Банка Русскаго Поземельнаго Кредита своими металлическими закладными листами и облигаціями отяготивъ громаднымъ неоплатнымъ внутреннимъ и вѣшнимъ долгомъ нашу поземельную собственность, развѣ только въ самой незначительной степени могли содѣйствовать усиленію нашей земледѣльческой производительности, но несомнѣнно оказали весьма невыгодное вліяніе на нашъ торговый балансъ и вексельный курсъ.

Всѣ эти прискорбныя, тяжелыя экономическія и финансовыя послѣдствія главныхъ проявленій установившейся въ Россіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ новой государственной финансовой политики вполнѣ объясняютъ и дѣлаютъ совершенно понятными постоянно возраставшіе до самаго послѣдняго времени общіе отрицательные результаты всего нашего государственнаго хозяйства, которые приведены въ концѣ первой части нашей статьи.

XVI.

Мы начали вторую часть этой статьи сопоставленіемъ экономическихъ и финансовыхъ результатовъ достигнутыхъ Северо-Американскими Соединенными Штатами въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, съ 1865 по 1876 годъ, послѣ окончанія междуусобной войны, и Россіей въ теченіе двадцати лѣтъ, съ 1856 по 1876 годъ, послѣ окончанія Крымской войны. Эти результаты оказались діаметрально противоположными во всѣхъ отношеніяхъ. Теперь мы можемъ сопоставить и вытекающія изъ всего вышеизложеннаго финансовыя и экономическія мѣры, кои были употреблены въ Америкѣ и у насъ въ Россіи и которыя привели въ обѣихъ странахъ къ такимъ совершенно противоположнымъ результатамъ. Главнѣйшія изъ этихъ мѣропріятій были слѣдующія:

1) Американцы, признавая единственнымъ вѣрнымъ средствомъ для поправленія своего разстроеннаго междуусобной войной экономического и финансоваго положенія *возможно большее развитіе промышленныя силъ страны и стря въ существованіе торговаго баланса*, устремили всѣ свои усилія на развитіе туземной производительности во всѣхъ видахъ ея, и не дѣлали ничего для насильственнаго и искусственнаго

поднятія цѣнности своихъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ; у насъ, наоборотъ, тратились значительныя суммы именно на искусственное поднятіе цѣнности кредитнаго рубля и ничего не дѣлали для развитія туземной промышленности.

2) Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ видахъ поощренія внутреннего производства и увеличенія государственныхъ доходовъ, устанавливали *высокій таможенный тарифъ*; въ Россіи не только *понижали* его, но и допускали *безпошлинно* въ громадныхъ количествахъ ввозъ иностранныхъ товаровъ даже *обязательныхъ законами пошлиной*.

3) Въ Америкѣ для доставленія правительству необходимаго на уплату по металлическимъ займамъ золота *таможенные пошлины взымались золотомъ*; въ Россіи эти пошлины взымались *кредитными билетами*, вслѣдствіе чего потеря на курсѣ, при необходимости платить золотомъ по вѣшнымъ займамъ, покрывалась изъ общихъ государственныхъ доходовъ, и не падала исключительно на потребителей иностранныхъ товаровъ, какъ наиболѣе содѣйствующихъ ухудшенію торговаго баланса и пониженію вексельныхъ курсовъ. Взымать таможенные пошлины золотомъ съ 1877 года насъ вынудили только военныя обстоятельства.

4) Въ Америкѣ, согласно здравому смыслу, въ видахъ облегченія и удешевленія внутреннего производства, *отменяли и понижали внутренние налоги, сохраняя высокія таможенные пошлины*; въ Россіи, напротивъ того, согласно теоріи свободной торговли, *понижали таможенные пошлины и повышали внутренние налоги*, вслѣдствіе чего стоимость издѣлій внутреннего производства должна была, конечно, увеличиваться, а конкуренція съ ними однородныхъ иностранныхъ издѣлій облегчаться.

5) Въ Америкѣ, для сокращенія государственныхъ расходовъ, старались *уменьшить процентные долги*; въ Россіи усиленно заботились о *превращеніи безпроцентныхъ долговъ въ процентные*, къ вѣщему отягощенію государственнаго бюджета.

6) Въ Америкѣ, изъ опасенія лишиться необходимаго мѣноваго средства, не только не *консолидировали неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ*, но еще основали, въ замѣну закрывшихся со времѣн войны банковъ, значительное число *національныхъ банковъ съ правомъ выпуска билетовъ подѣ обеспеченіе государственныхъ фондовъ*; въ Россіи не только дѣлали все

возможное къ сокращенію мѣноваго средства, нисколько не заботясь о потребностяхъ въ немъ торговли и промышленности, а: *единственно съ недостижимомъ ульью, посредствомъ искусственно вызванной нужды въ деньгахъ привлечь въ страну иностранное золото*; но еще приступили съ ничѣмъ невызывавшеюся послѣдностію, такъ сказать слома голову, къ *ликвидации прежнихъ кредитныхъ учрежденій*, вкладные билеты коихъ служили платежнымъ средствомъ наравнѣ съ государственными кредитными билетами, и всегда по нарицательной цѣнѣ. Результатами такихъ совершенно противоположныхъ мѣропріятій было то что тогда какъ въ Америкѣ обиліе мѣноваго средства соотвѣтствовало потребности въ немъ, и правительство нашло возможность *погѣстить въ банки на нѣсколько сотъ милліоновъ долларовъ своихъ облигацій*, въ Россіи явилась небывалая нужда въ деньгахъ, и правительство вынуждено было *дорого консолидировать свои займы изъ бывшихъ кредитныхъ учрежденій*.

7) Въ Америкѣ, для сооруженія желѣзныхъ дорогъ наиболее выгоднымъ для страны способомъ, *поощряли внутреннее производство всѣхъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей*; въ Россіи, наоборотъ, *предпочитали приобретать таковыя за границей въ долгъ на сотни милліоновъ рублей, не только ничѣмъ не поощряя изъ внутренняго производства, а скорее противодѣйствуя ему*.

Наконецъ, 8) въ Америкѣ старались *избѣгать внешнихъ займовъ и заботились всѣми средствами объ уменьшеніи внешней задолженности*; въ Россіи, согласно какому-то научному правилу что *страна по преимуществу земледѣльческая, нуждающаяся въ капиталахъ для развитія своихъ производительныхъ силъ, должна постоянно домогаться, а не избѣгать внешнихъ займовъ*, такъ сказать старались сколько могли *увеличить внешнюю задолженность государства, занимая на кредитъ или подъ залогъ недвижимаго земельной собственности*.

Вотъ главныя финансовыя и экономическія мѣропріятія которыя были употреблены въ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и у насъ въ Россіи для достиженія одной и той же цѣли: для поправленія разстроеннаго въ обоихъ государствахъ военными обстоятельствами экономического и финансоваго положенія. *Эти мѣропріятія, какъ мы видимъ, противоположны въ такой степени что они взаимно исключаютъ и уничтожаютъ другъ друга*.

Главная, основная причина такой рѣзкой противоположности американскихъ и нашихъ мѣропріятій, имѣвшихъ одну и ту же цѣль, заключается въ слѣдующемъ.

Государственные финансы Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, руководясь прежде всего здравымъ смысломъ, при глубокомъ знаніи и вѣрномъ пониманіи естественныхъ экономическихъ условій своей страны, для поправленія сильно разстроеннаго междуусобною войною ея финансоваго и экономическаго положенія приняли и настойчиво проводили разумныя практическія мѣры, вполне соответствовавшія естественнымъ экономическимъ условіямъ страны, всегда и вездѣ опредѣляющимъ главный характеръ и направленіе всей туземной промышленности и торговли. Наши же финансисты-реформаторы, не зная и не понимая, или по крайней мѣрѣ не принимая въ соображеніе естественныхъ экономическихъ условій Россіи, руководились одними отвлеченными, теоретическими принципами экономической науки, притомъ еще невѣрно понятыми, потому что они придавали этимъ теоретическимъ принципамъ безусловное, всеобщее и повсемѣстно одинаковое значеніе, словно математическимъ аксіомамъ, не зависящимъ отъ пространства и времени, тогда какъ сама наука ставила практическое значеніе и примѣненіе своихъ принциповъ въ данной странѣ въ полную зависимость именно отъ ея естественныхъ экономическихъ условій и отъ состоянія туземной промышленности и торговли въ данное время. Изъ такихъ теоретическихъ и неправильно понятыхъ принциповъ экономической науки наши финансисты-реформаторы вывели всѣ свои мѣропріятія для поправленія разстроеннаго Крымскою войною экономическаго и финансоваго положенія Россіи и, plus catholiques que le papé, упрямо проводили ихъ на практикѣ, не обращая никакого вниманія на то что осуществленіе каждой такой мѣры давало явные отрицательные результаты и каждый разъ ухудшало разстроенное финансовое и экономическое положеніе страны.

Отчего же это произошло? Какимъ образомъ могло случиться что, при нашемъ обычно крайне недовѣрчивомъ отношеніи даже къ несомнѣннымъ и безусловно вѣрнымъ теоретическимъ научнымъ положеніямъ, наши финансисты-реформаторы ухватились за такіе условные теоретическіе

принципы экономической науки которые вовсе не соответствовали самымъ жизненнымъ экономическимъ условіямъ и промышленнымъ и торговымъ потребностямъ и нуждамъ Россіи? Какимъ образомъ принципы эти до того окрѣпли и глубоко засѣли въ головахъ реформаторовъ что сами головы какъ бы лишились всякой способности ясно видѣть и здравъ понимать совершавшіяся предъ ихъ глазами столь вредныя для благосостоянія родной страны экономическія и финансовыя явленія, которыя были самыми непосредственными и прямыми послѣдствіями мѣръ употребленныхъ именно съ цѣлю поправленія разстроеннаго финансоваго и экономическаго положенія Россіи? Увы!

Мы всё учились по кемпогу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

То было самое кипучее, живое время подготовленія и осуществленія въ Россіи громаднѣхъ социальныхъ и экономическихъ реформъ. А извѣстно что въ періоды сильныхъ и крутыхъ переворотовъ во внутреннемъ строѣ страны люди наиболѣе талантливые находятся въ какомъ-то нервно-возбужденномъ состояніи и дѣлаются особенно восприимчивыми къ усвоенію самыхъ крайнихъ и несостоятельныхъ религиозныхъ, социальныхъ и экономическихъ ученій. Поэтому весьма естественно что во время такихъ крупныхъ реформъ какъ освобожденіе болѣе двадцати милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостной неволи, введеніе земскаго и городского самоуправления, гласнаго суда, свободы печати и т. д. экономическая теорія, извѣстная подъ названіемъ *свободной торговли* и представлявшая въ то время, такъ сказать, *чистѣе и самое модное слово экономической науки* — наша масса многихъ послѣдователей и поборниковъ какъ между учеными спеціалистами по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, такъ и между молодыми представителями интеллигенціи и органами печати. Къ тому же, при собственномъ намъ не особенномъ расположеніи къ серьезному самостоятельному научному труду, и при нашей склонности *хватать верхи наукъ*, — какъ совершенно естественныя послѣдствія всего нашего школьнаго ученія „чему-нибудь и какъ-нибудь,“ — экономическая теорія свободной торговли должна была представляться намъ особенно *заманчивою*, какъ наука которой собственно и учиться-то нечего. Въ самомъ

дѣлѣ, стоило только заломить нѣсколько ходячихъ правилъ, или такъ называемыхъ научныхъ аксіомъ и принциповъ, въ родѣ: *laissez faire, laissez passer*; ни во что не вѣшивайтесь; спросъ вызываетъ предложение; покупайте здѣ дешево; привозъ поощряетъ вывозъ; торговаго баланса не существуетъ, такъ какъ даромъ ничего не дается, и кто покупаетъ, тотъ и платитъ, находя покупку для себя выгодною; покровительство туземной промышленности есть непозволительное вмешательство въ экономическое развитіе страны; таможенныя пошлины на иностранныя произведенія суть посягательство на естественныя права свободнаго обмѣна; при дурныхъ деньгахъ никакое промышленное развитіе страны невозможно, и потому прежде всего надлежитъ озаботиться исправленіемъ дурнаго денежнаго обращенія; земледѣльческая страна, нуждающаяся для развитія своихъ производительныхъ силъ въ денежныя капиталы, должна домогаться иностранныхъ займовъ, а не избегать ихъ, и т. д., и можно было вообразить себя вполнѣ постигшимъ всю суть и всю премудрость экономической науки, и смѣло братья за безапелляціонное рѣшеніе всевозможныхъ, самыхъ жизненныхъ государственно-экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ.

Развѣ всѣ вышеизложенныя и рассмотрѣнныя нами экономическія и финансовыя мѣропріятія въ видахъ поправленія разстроенаго экономическаго и финансоваго положенія Россіи не представляютъ самаго тщательнаго и усерднаго проведенія на практикѣ этихъ „принциповъ“ или „научныхъ аксіомъ“, въ поверхностномъ усвоеніи которыхъ (ибо даже эти принципы, какъ мы видѣли, были невѣрно поняты) наши финансисты-реформаторы узрѣли свое достиженіе всей сути и всей премудрости экономической науки.

Далѣе, въ концѣ пятидесятыхъ и въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда наши финансисты-реформаторы ликвидаціей прежнихъ государственныхъ банковыхъ установленій начали свои экономическія и финансовыя эксперименты,—еще не имѣлось ни громаднаго и блистательнаго, по экономическимъ и финансовымъ результатамъ, опыта Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, наглядно и неопровержимо доказавшаго всю несостоятельность теоріи свободной торговли въ безусловномъ примѣненіи ко всѣмъ странамъ, несмотря на все различіе естественныхъ экономическихъ

условіи и промышленнымъ и торговымъ потребностямъ ихъ, ни убѣдительнаго подтвержденія этого опыта во Франціи, послѣ несчастной войны ея съ Германіей; напротивъ, въ то время теорія эта проповѣдывалась именно во Франціи и въ Англіи самыми модными авторитетными экономистами, между этими передовыми, наиболѣе цивилизованными и богатыми промышленными и торговыми европейскими державами былъ только-что (въ 1860 году) заключенъ торговый договоръ на началахъ свободной торговли, причемъ главными дѣтелями были: со стороны Франціи—Мишель Шевалье, знаменитый экономическій писатель и членъ академіи, глава французскихъ фритредеровъ, а со стороны Англіи—Кобденъ, основатель Манчестерскаго фритредерскаго клуба.

Какъ же нашимъ-то финансистамъ-реформаторамъ было не увлечься теоріей свободной торговли вообще и всеми вытекавшими изъ нея вышерассказанными частными экономическими принципами въ особенности? И позволительно ли было усумниться въ безусловной непогрѣшимости и всеобщей приложимости этой экономической теоріи и ея частныхъ принциповъ, а потому поглубже вникнуть въ нихъ и самостоятельно разсмотрѣть и выяснитъ себѣ настоящее строго научное значеніе ихъ дабы правильно рѣшить приложимы ли они къ естественнымъ экономическимъ условіямъ и промышленнымъ и торговымъ потребностямъ Россіи?

Наконецъ, всѣ предшлагаго царствованія порядки, послѣ неудачной Крымской войны, признавались у насъ совершенно несостоятельными и никуда негодными, и мы принялись разрушать ихъ съ особеннымъ рвеніемъ и поспѣшностью. Могли ли же внушить хотя какое-нибудь довѣріе къ себѣ и убѣдѣть Канкриновскія и Мордвиновскія экономическія понятія, которыя главнымъ образомъ руководили нашею государственною финансовою политикою въ царствованіе императора Николая I и совершенно шли въ разрѣзъ съ экономическими принципами теоріи свободной торговли? Правда что эти Канкриновскія и Мордвиновскія экономическія понятія оказались совершенно тождественными съ экономическими и финансовыми мѣропріятіями Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, которыми послѣдніе достигли въ теченіе всего двѣнадцати лѣтъ самыхъ блистательныхъ экономическихъ и финансовыхъ результатовъ. Но вѣдь это оказалось уже гораздо позже, лѣтъ пятнадцать послѣ того какъ въ Россіи

уже установилась новая государственная финансовая политика...

Всѣ приведенныя обстоятельства вполне объясняютъ почему наши финансисты-реформаторы такъ крѣпко ухватились именно за теорію свободной торговли со всеми ея экономическими принципами, хотя она вовсе не соответствовала естественнымъ экономическимъ условіямъ Россіи и тогдашнему состоянію ея промышленности и торговли, и на отвлеченныхъ и притомъ невѣрно понятыхъ принципахъ этой теоріи основали и построили всю свою финансовую государственную политику...

XVII.

Итакъ, основное, исходное начало нашей новой государственной финансовой политики, установившейся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и дѣйствующей въ настоящее время, было чисто отвлеченное, теоретическое. Оно вовсе не вытекало изъ естественныхъ экономическихъ условій страны и совершенно не соответствовало этимъ условіямъ и дѣйствительнымъ жизненнымъ промышленнымъ и торговымъ потребностямъ. Кроме того, начало это было ошибочно само по себѣ, потому что состояло въ совершенно невѣрно понятой нашими финансистами-реформаторами научной экономической теоріи свободной торговли,—теоріи коей, какъ и выше приведеннымъ частнымъ принципамъ ея, они придали значеніе безусловныхъ всеобщихъ истинъ, независящихъ отъ пространства и времени, а потому примѣнимыхъ всегда и вездѣ.*

* Въ послѣдніе годы, въ самой Англіи, въ виду ея неблагоприятнаго экономического положенія какъ относительно мануфактурной промышленности, такъ и селскаго хозяйства и торговли вообще, вѣра въ непогрѣшимость ученія свободной торговли сильно пошатнулась. Не только возбужденъ вопросъ о предпріятіи официального изслѣдованія—насколько система свободной торговли содѣйствовала ухудшенію экономического положенія страны, но высказывалось сомнѣніе даже въ состоятельности науки политической экономіи, если она дѣйствительно заключаетъ подобныя безусловно-непогрѣшимыя ученія, какъ можно судить по статьѣ: *Наука ли политическая экономія?* напечатанной въ извѣстномъ и солидномъ журналѣ *Quarterly Review* въ январѣ 1882 года.

Можетъ ли государственная финансовая политика быть хоть сколько-нибудь состоятельна и производительна вообще, и въ примѣненіи къ данной странѣ въ особенности, когда основное исходное общее начало ея и всѣ частныя принципы руководившіе всѣмъ развитіемъ ея, волеверныхъ, ложны сами по себѣ, и восторныхъ, вовсе не пригодны для страны? Что на такой вопросъ можетъ послѣдовать лишь одинъ, вполнѣ отрицательный отвѣтъ, въ этомъ кажется нельзя сомнѣваться: такая государственная финансовая политика всегда и вездѣ была и будетъ совершенно несостоятельна, и можетъ только угнетать естественное экономическое развитіе и преуслываніе страны.

Весьма искусно и прочно вылетенная изъ невѣрно-поятой и совершенно не соответствующей естественнымъ экономическимъ условіямъ Россіи—*теоріи свободной торговли и вытекающихъ изъ нея вывѣказанныхъ частныхъ принциповъ*, наша новая государственная финансовая политика, словно частою сѣтью, олутала и все еще продолжаетъ олутывать экономическую жизнь Россіи, особенно въ ея главномъ естественномъ проявленіи—въ земледѣліи и вообще сельскомъ хозяйствѣ. Могучая и богатая естественными производительными силами, родная страна до сихъ поръ еще не можетъ прорвать эту сѣть настолько чтобы выйти изъ нея на свободу, хотя главные финансисты-реформаторы, вылетавшіе сѣть, большею частію уже сошли со сцены управленія государственными финансами Россіи и если еще играютъ въ немъ какую-нибудь роль, то развѣ изъ-за кулисъ.

Эта финансовая сѣть тѣмъ замѣчательнѣе что какъ первая основа, такъ и всѣ петли ея вылетены не изъ реальныхъ жизненныхъ фактовъ, а изъ тонкихъ отвлеченно-теоретическихъ кабинетныхъ соображеній и умозаключеній, совершенно несоответствующихъ дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, первый актъ нашей новой государственной финансовой политики—*ликвидация прежнихъ банковыхъ установленій*, уничтожившая дешевый государственный земельный кредитъ въ Россіи, странѣ земледѣльческой по преимуществу, и наваявъ отъѣвы крѣпостнаго права, и совершенно разстроившая прежнюю систему нашего денежнаго обращенія, обладавшую именно необходимымъ свойствомъ увеличивать мѣновое средство, по мѣрѣ увеличенія потребности въ немъ,—вызвана была, какъ мы видѣли, приписанными прежнимъ

кредитнымъ учреждениямъ существенными недостатками, коихъ вовсе не было въ дѣйствительности и которые существовали только въ головахъ финансистовъ-реформаторовъ, какъ плодъ ихъ весьма остроумныхъ, правда, но часто-кабинетныхъ измышлений и соображеній. Прежніе банки, видите ли, подвергались постоянной опасности оказаться несостоятельными при внезапномъ востребованіи вкладовъ, вслѣдствіе несоотвѣтствія условій востребованія вкладовъ со сроками ссудъ. Но этого ни разу не случилось въ теченіе всего болѣе чѣмъ полуцѣнаго существованія прежнихъ банковъ, да и полное постоянное довѣріе къ нимъ общества и самые вкладные билеты ихъ, обращавшіеся въ лубачкѣ наравнѣ съ наличными деньгами, замѣняя собой кредитные билеты, уничтожали всякую необходимость внезапнаго востребованія вкладовъ; такъ что въ дѣйствительности, въ этомъ отношеніи, вклады по текущимъ счетамъ представляютъ несравненно болѣшую опасность для нашихъ современныхъ банковъ, созданныхъ самими же финансистами-реформаторами взамѣнъ прежнихъ, чѣмъ не разъ уже и случилось.

Далѣе, консолидація или превращеніе прежнихъ вкладныхъ банковыхъ билетовъ въ 4% непрерывно-доходные, а потомъ въ 5% билеты Государственнаго Банка, по кабинетнымъ принципамъ и теоретическимъ соображеніямъ и умозаключеніямъ финансистовъ-реформаторовъ, отнюдь не могла стѣснить или обременить денежнаго рынка, *потому что по ихъ цифирнымъ выкладкамъ сумма новыхъ бумагъ равнялась прежней суммѣ билетовъ*; для частныхъ же капиталистовъ 4 и 5% облигаціи должны были представлять гораздо болѣе выгодное помѣщеніе, тѣмъ болѣе что *тарифъ не дозволитъ имъ упасть ниже пари*. На дѣлѣ же оказалось совершенно противное: консолидація сократила денежное обращеніе на 800 м. р. и этимъ причинила страшное безденежье и стѣсненіе промышленности и торговли; а новые 4% непрерывно-доходные и 5% банковые билеты съ трудомъ сбывались, первые по 70%, а послѣдніе по 77% за сто; тогда какъ вкладные билеты прежнихъ банковъ, приносившіе уже только 2%, продолжали обращаться по своей нарицательной цѣнѣ.

И несмотря на это, финансисты-реформаторы продолжали утверждать и доказывать что вкладные билеты прежнихъ банковъ представляли *фиктивные*, а новые 4% и 5% билеты—

дѣйствительные денежные капиталы. Какое имъ было дѣло что дѣйствительная жизнь показывала совершенно противное, когда такъ должно было быть по ихъ нелогичнымъ кабинетнымъ принципамъ и теоріямъ! Non possumus — и конечно...

Но кромѣ воѣхъ вышериведенныхъ, чисто кабинетныхъ, теоретическихъ мѣропріятій нашихъ финансистовъ-реформаторовъ, въ видѣ исправленія „дурныхъ бумажныхъ денегъ“ и вообще поправленія разстроеннаго войной экономическаго и финансоваго положенія Россіи,—тотъ же самый кабинетно-теоретическій отпечатокъ представляютъ и другія, весьма крупныя проявленія новой государственной финансовай политики, которая, такъ-сказать, совершенно чужда дѣйствительной экономической жизни Россіи и не желаетъ вовсе знать ея дѣйствительныхъ, насущныхъ нуждъ и потребностей. Указываемъ на замѣтившую прежнее пагубное для народа винныя откупа, *новую литейную акцизную систему.* Развѣ при составленіи ея были основательно изсаѣдованы и приняты въ соображеніе существенныя жизненныя потребности нашего земледѣлія и сельскаго хозяйства, составляющихъ главные источники народнаго благосостоянія и всего государственнаго богатства Россіи? Войсе нѣтъ; иначе эта новая литейная акцизная система не привела бы къ прекращенію домашняго сельско-хозяйственнаго винокурения, а съ нимъ и домашняго производства барды—самаго литейнаго корма для рабочаго скота, прамымъ послѣдствіемъ чего были участившіеся и усилившіеся скотскіе падежи, причивившіе страшный вредъ земледѣлію и вообще сельскому хозяйству. При этомъ и народное льяство не сколько не уменьшилось... Такимъ образомъ очевидно что при составленіи литейной акцизной системы руководились лишь бумажными *цифирными* выкладками и расчетами, въ видахъ обезличенія и увеличенія государственнаго литейнаго дохода, а какъ отразится это обезличеніе и увеличеніе на благосостояніи страны и народа, объ этомъ и не подумали. Точно также поступали и при возвышеніи солянаго акциза, сдѣлаваго невозможнымъ употребленіе соли въ лицу для скота. Солоставьте установленіе этого столь пагубнаго для земледѣлія и сельскаго хозяйства налога съ отѣвной лошаины на добываніе въ Россіи золота, доставлявшее и безъ того огромныя барыши нашимъ золотопромышленникамъ, и съ безлос-

ливымъ пропускомъ цѣлой массы различныхъ иностранныхъ продуктовъ и издѣлій; развѣ были бы возможны подобныя волющія несообразности, существовавшія у насъ въ теченіе многихъ лѣтъ, еслибы наша государственная финансовая политика не руководилась только отвлеченными теоретическими и притомъ невѣрно понятыми принципами экономической науки, а выводила бы свои мѣропріятія изъ дѣйствительныхъ жизненныхъ экономическихъ потребностей и нуждъ родной страны и народа? А столь прославленные у насъ и дѣйствительно кажущіяся съ перваго взгляда вполне благотворными для народа мѣры какъ уменьшеніе выкупныхъ платежей на 12 милл. р. въ годъ и постепенная отмена подушной подати, рѣшенные въ концѣ 1880 года и теперь уже осуществляемыя? Развѣ при сложномъ обстоятельномъ разсмотрѣніи эти благотворныя мѣры не оказываются плодомъ чисто кабинетныхъ соображеній, и притомъ самыхъ послѣднихъ и мало обдуманыхъ, совершенно упустившихъ изъ вида практическія послѣдствія ихъ для народа, при неизбежной необходимости для покрытія государственныхъ расходовъ замѣнить ихъ другими налогами? Общій итогъ уменьшенія разныхъ податей и сборовъ, достигнутаго этими мѣрами, кулю съ отменою въ томъ же году акциза съ соли, составляетъ съ 1880 по 1884 годъ около 43 милл. руб. * Для возмѣщенія этихъ сложений, облегчающихъ податные и другіе платежи въ среднемъ не болѣе какъ на 2 руб. въ годъ для cadaго плательщика, были введены новые и возвышены разныя прежніе налоги, въ томъ числѣ *нитный акцизъ* увеличенъ на 25 милл. руб. Все это двадцатилетимилліонное увеличеніе падаетъ преимущественно на податное сословіе и главнымъ образомъ на *сельское рабочее населеніе* въ видѣ косвеннаго налога за потребление вина, и для уплаты его крестьянамъ придется пропить по крайней мѣрѣ двойную сумму, то-есть 50 милл. руб. Да еще увеличенъ прямой государственный поземельный налогъ до 4 милл. руб., изъ котораго больше половины приходится опять на крестьянъ. Не говоримъ уже объ увеличеніи гербоваго сбора (около 4 милл. руб.), пошлинъ за право торговли и процентнаго сбора съ промышленности и торговли

* Вселодованійшій докладъ о государственной росписи на 1884 годъ.

(около 11 милл. руб.) и пр. *, уплата не малой части коихъ падаетъ въ дѣйствительности также на сельское рабочее населеніе, ибо оно составляетъ въ Россіи главнаго покупателя и потребителя. Какой же оказывается въ дѣйствительности, на практикѣ, результатъ для народа ото всѣхъ означенныхъ сложений на 43 милл. руб. *Отрицательное облегченіе въ податныхъ и другихъ казенныхъ платежахъ на нѣсколько миллионновъ рублей въ годъ!*.. Особенно должно это „способствовать въ значительной степени подъему народнаго благосостоянія“ именно въ послѣднее время, при паденіи цѣны на хлѣбъ и при застоѣ въ хлѣбной торговлѣ, вслѣдствіе конкуренціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Канады и Остъ-Индіи...

При этомъ нельзя не замѣтить еще что введеніе новыхъ и возвышеніе прежнихъ налоговъ на промышленность и торговлю, а также и увеличеніе налога на недвижимыя городскія имуществва и государственнаго поземельнаго налога, — нисколько не отяготительныя въ другое время, — при застоѣ въ послѣдніе годы почти во всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ и при обремененіи почти неоплатными долгами значительной части городскихъ недвижимыхъ имуществъ и поземельной собственности, могутъ быть конечно оправдываемы кабинетными теоретическими соображеніями, въ видахъ государственной *бюджетной* необходимости достать, какъ бы то ни было и откуда бы то ни было, необходимыя денежныя средства для покрытія государственныхъ расходовъ; но едва ли можно признать такія мѣры своевременными и едва ли онѣ окажутся производительными для государства на *практикѣ* по своимъ финансовымъ и экономическимъ послѣдствіямъ.

Въ 1881 году была возобновлена постройка желѣзныхъ дорогъ на средства Государственнаго Казначейства, сперва по прежнему, желѣзнодорожными обществами, а потомъ и Министерствами Военнымъ и Путей Сообщенія, причемъ между этими правительственными вѣдомствами произошла извѣстная, весьма непріятная пререканія. Это, видите ли, производились по кабинетнымъ соображеніямъ новыя олыты для выясненія кто можетъ строить дешевле желѣзныя дороги, частныя ли общества или правительственныя вѣдомства. Но

* Тамъ же.

опыты ничего не выяснили, а обошлись казнѣ должно-быть не дешево, такъ какъ на покрытие произведенныхъ по сооруженію желѣзныхъ дорогъ расходовъ пришлось употребить часть золотой ренты вылуценной 11 ноября прошлаго 1883 года по нарицательной цѣнѣ на 50 милл. руб. золотомъ, а въ текущемъ году послѣдовалъ новый, уже спеціально желѣзнодорожный металлическій заемъ, — VII выпускъ 5% консолидированныхъ облигацій Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ на 15 милл. фунт. стерл., которые за упраздненіемъ съ 1884 года особаго желѣзнодорожнаго фонда запишутся въ государственную долговую книгу, что „послужить къ установленію большей ясности счетоводства по государственнымъ долгамъ“. И то хорошо.

Съ 1881 года началось и новое испытаніе нашего во истину многострадальнаго кредитнаго рубля, и опять въ видахъ подвѣтія его цѣнности, посредствомъ изытія изъ обращенія и преданія, по мѣрѣ возможности безъ стѣсненія рынка, сожженію временно вылуценныхъ Государственнымъ Банкомъ кредитныхъ билетовъ на сумму 417 милл. руб. (выпускать которые, по уставу своему, Банкъ не былъ уполномоченъ). Эти 417 милл. кредитн. рублей считаются почему-то долгомъ Государственнаго Казначейства Государственному Банку (то-есть выходитъ что одинъ государственный карманъ долженъ другому государственному карману, это по всей вѣроятности необходимо также для большей ясности государственнаго счетоводства), и Государственное Казначейство обязано съ 1881 года, по единовременной уплатѣ 17 милл. руб., погашать остальные 400 милл. руб. ежегодными уплатами Государственному Банку по 50 милл. руб. Главнымъ образомъ съ цѣлю доставленія Государственному Казначейству необходимыхъ для сего средствъ и была вылуцена въ прошломъ году вышеозначенная золотая рента, а въ текущемъ году 8 июня послѣдовалъ новый Высочайшій указъ на имя министра Финансовъ, предоставляющій его ближайшему усмотрѣнію „при ежегодномъ погашеніи упомянутаго долга уплатой 50 милл. руб. кредитн. производить таковую уплату 5% золотою рентой или же наличными кредитными билетами“ (ст. I), причемъ выпускаемая для сего „государственные золотыя ренты вносятся въ государственную долговую книгу“ (ст. III, л. а) и „правительство оставляетъ за

собой право выкупа реентъ уплатой владѣльцамъ ихъ нарицательнаго капитала, но лишь по истеченіи 20 лѣтъ со времени выпуска реентъ“ (ст. III, п. д). Эти условія въ сущности одинаковы съ условіями на которыхъ выпущены государственныя золотыя реенты въ прошломъ году, съ тою только разницею что эти послѣднія правительство можетъ выкупать по истеченіи только 10 лѣтъ со времени ихъ выпуска.

Такимъ образомъ, выходитъ что *ежегодное увеличеніе государственныхъ долговъ Россіи новыми 5% золотыми обязательствами на десятки миллионныхъ рублей металлическихъ* (сколько придется по курсу для уплаты 50 м. р. кредитн. въ годъ Государственному Банку) *обезпечено на нѣсколько лѣтъ, до окончательнаго погашенія долга Государственнаго Казначейства за временно выпущенные кредитные билеты.* Очень вѣроятно что выпускъ обязательствъ въ золотой валютѣ для уплаты этого долга дѣлается *еще и съ цѣлью достиженія скорѣйшаго возстановленія металлическаго обращенія въ Россіи.* Будетъ ли эта цѣль дѣйствительно достигнута такою мѣрой, не знаемъ; а пока вѣрно знаемъ только то что *средній годовоі курсъ нашъ на Лондонъ понизился съ 25⁷/₁₂ п. въ 1881 году (первая уплата 50 м. р. Государственному Банку была произведена въ самомъ концѣ этого года и слѣдовательно могла оказать вліяніе только на курсъ слѣдующаго года), до 24²/₁₂ п. въ 1882 году и до 23²/₄ п. въ 1883 году, когда Государственному Банку уже было уплачено 117 м. руб.* Это можетъ служить новымъ очевиднымъ фактическимъ доказательствомъ для всѣхъ кто только имѣетъ зрячіе глаза и здравый разумъ и желаетъ видѣть и понимать совершающіяся предъ глазами явленія, что *уѣнность кредитнаго рубля не зависитъ отъ количества неразмѣнныхъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, и что уменьшеніемъ этого количества не только не достигается поднятіе уѣнности кредитнаго рубля, а напротивъ того, она еще падаетъ.* Слѣдовательно, и при новомъ ея повтореніи въ настоящее время, *эта мѣра, какъ и прежде, приводитъ лишь къ ежегодному обремененію государства новыми и значительными долгами и, алтъстъ съ тѣмъ, оказывается опять вовсе непригодною для той цѣли съ кою она предпринимается.* И странно, какія обстоятельства могли заставить такъ настойчиво продолжать въ настоящее время столь несостоятельную искусственную мѣру въ видахъ поднятія цѣнности кредитнаго рубля, когда самъ министръ Финан-

совъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ о государственной росписи на 1883 годъ, обращая вниманіе на колебанія нашего вексельнаго курса и отсутствіе монеты во внутреннемъ обращеніи, совершенно ясно и опредѣленно высказалъ въ высшей степени здравое и вѣрное мнѣніе что „упроченіе курса кредитнаго рубля и возстановленіе его цѣнности могутъ быть достигнуты лишь постепенно, мѣрами способствующими укрѣпленію внутренняго и внѣшняго кредита государства, при превышеніи въ теченіе многихъ лѣтъ доходовъ надъ расходами, при развитіи внутренняго производства и уменьшенія заграничныхъ платежей. Всякая же попытка сразу поднять курсъ кредитнаго рубля могла бы имѣть только минутный успѣхъ и окончилась бы непремѣнно неудачей, послуживъ лишь къ наживѣ въ биржевой игрѣ“.

По поводу вышеозначенныхъ мѣръ — возобновленія постройки желѣзныхъ дорогъ и уплаты долга Государственному Банку по 50 м. руб. въ годъ за временно выпущенные кредитные билеты, считаемъ необходимымъ припомнить еще слѣдующее: объ эти мѣры были представлены на Высочайшее утвержденіе въ Бозѣ почившаго императора Александра II министромъ Финансовъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ А. А. Абазой, основателемъ и первымъ предсѣдателемъ особой высшей комиссіи сокращенія государственныхъ расходовъ*, въ концѣ 1880 года, когда уже была составлена государственная роспись на 1881 годъ, по смѣтнымъ исчислениямъ которой уже предполагалось превышеніе расходовъ сравнительно съ доходами слѣшкомъ на 50 милл. руб.; дѣйствительно же оказавшійся въ этомъ году дефицитъ составилъ 80¹/₂ милл. руб. **. Не знаемъ могли ли найтись даже какія-либо кабинетныя теоретическія основанія къ принятію вышеозначенныхъ мѣръ при такомъ удрученномъ положеніи государственнаго бюджета!

* Что сдѣлалось съ этою комиссіей по кончинѣ втораго предсѣдателя ея, графа Э. Т. Баранова, сколько намъ извѣстно, объявлено еще не было.

** По росписи 1881 года обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ предполагалось 678.725.640 р., а доходовъ только 628.368.975 р.; дѣйствительно же было израсходовано 732.413.150 р. 8 к., а доходовъ поступило 651.754.009 р. 50 к. (Ежегодн. Мин. Фин. Вып. XII, стр. 82, и вып. XIII, стр. 101.)

Уильямъ Питтъ называлъ подобныя государственныя финансовыя политики или системы государственнаго хозяйства, основывающіяся въ своихъ мѣропріятіяхъ не на глубокомъ изученіи и вѣрномъ пониманіи естественныхъ экономическихъ условій и жизненныхъ потребностей страны и народа, а на отвлеченныхъ теоретическихъ кабинетныхъ соображеніяхъ заимствованныхъ ли откуда или случайно пришедшихъ въ голову,—*цифирными*.

Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ подробно изложенныя въ первой части этой статьи за всѣ семь лѣтъ послѣ Восточной войны съ 1878 по 1884 годъ включительно, и за 1875 годъ самый „бластательный“ въ „блестящемъ“ финансовомъ періодѣ (1871—1876 годовъ) предъ Восточною войной, различныя ежегодныя увеличенія и уменьшенія расходовъ и доходовъ по всѣмъ вѣдомствамъ и статьямъ: развѣ всѣ такія измѣненія въ государственныхъ расходахъ и доходахъ не представляются въ сущности только цифирными выкладками, приписываніями и отписываніями или перечисленіями бѣльшаго или меньшаго числа милліоновъ, сотенъ и десятковъ тысячъ рублей изъ одного вѣдомства въ другое, или изъ расходныхъ статей въ доходныя и наоборотъ? Вѣдь само финансовое управленіе придаетъ, напримѣръ, такой существенной и важной государственной финансовой мѣрѣ, какъ закрытіе съ нынѣшняго года желѣзнодорожнаго фонда (который съ 1877 года не могъ уже существовать самостоятельно, а содержался на средства казны и задолжалъ ей 95 милл. руб.), только то значеніе что она „*послужитъ къ установленію большей ясности въ государственномъ счетоводствѣ*“ *.

XVIII.

Всѣ изложенныя и рассмотрѣнныя въ этой второй части нашей статьи финансовыя и экономическія мѣропріятія нашей новой государственной финансовой политики, въ видахъ исправленія дурной системы денежнаго обращенія въ Россіи и вообще поправленія ея разстроенаго экономическаго и финансоваго положенія, съ самаго начала прошлаго царство-

* Всеподданн. докладъ о государственной росписи на 1884 годъ.

ванія и до самаго послѣдняго времени включительно, своими постоянно отрицательными и только еще болѣе ухудшающими такое положеніе послѣдствіями, неопровержимо доказываютъ и ярко выставляютъ *ошибочность и неправильность этой новой государственной финансовой политики и полное несоответствіе ея естественнымъ экономическимъ условиямъ и жизненнымъ потребностямъ и нуждамъ родной страны и народа*, а также и то что главныя причины такой полной несостоятельности нашей новой финансовой политики *не временныя и случайныя, а заключаются именно въ ошибочномъ исходномъ экономическомъ началѣ ея и въ неверно понятыхъ частныхъ экономическихъ принципахъ руководившихъ ея развитіемъ*. Это исходное начало и всѣ эти частныя принципы также выяснены и точно сформулированы нами, а вмѣстѣ съ ними, какъ прямыя естественныя противоположенія имъ, выяснились и опредѣлились и главныя финансовыя и экономическія мѣры осуществленіемъ коихъ дѣйствительно можно было бы въ теченіе немногихъ лѣтъ прочно поправить наше не столь сильно разстроенное, какъ крайне запутанное всѣми кабинетными теоретическими наважденіями, и потому весьма опасное экономическое и финансовое положеніе.

Вотъ эти главныя мѣры:

1) *Прежде всего надо оставить нашъ злосчастный кредитный рубль въ покоѣ и, такъ-сказать, перестать лѣчить его разными снадобьями, въ родѣ изыятія изъ обращенія какого-го воображаемаго излишка кредитныхъ билетовъ посредствомъ консолидаціи или обращенія его въ процентный и притомъ еще металлическій долгъ или другими способами, или въ родѣ вексельныхъ и размѣнныхъ операцій, или отмены обязательнаго курса кредитныхъ билетовъ и девальваціи ихъ и другихъ подобныхъ мѣръ въ видахъ восстановленія металлическаго обращенія въ Россіи. Въ подобныя искусственныя мѣры никогда и нигдѣ не достигали и не достигнутъ предположенныя цѣли; но положительно и неизбѣжно приводятъ только къ обремененію Россіи новыми миллионными долгами, а нашъ кредитный рубль еще больше захирѣетъ и вексельные курсы придутъ въ еще сильнѣйшее понижительное колебаніе. Имѣяй уши слышати, да слышитъ!...*

2) *Окончивъ постройку начатыхъ, приостановить дальнѣйшее сооруженіе желѣзныхъ дорогъ да же разрѣшенныхъ, но еще*

не начатыя, пока не будутъ изысканы и опредѣлены болѣе выгодныя способы постройки и эксплуатаціи этихъ дорогъ, потому что почти всѣ сооруженныя и сооружаемыя и эксплуатируемыя испытанными донынѣ способами желѣзныя дороги становятся *государственными содержанками*; а извѣстно что содержанки могутъ только разорять.

3) *Прекратить внѣшніе займы и вообще не выпускать никакихъ долговыхъ обязательствъ въ металлической валютѣ*, съ явною или скрытою цѣлью привлечь иностранныя металлическія капиталы, все въ надеждѣ возстановленія металлическаго обращенія. Всѣ наши прежніе опыты съ металлическими обязательствами вполнѣ доказали что они приносятъ только сильныя убытки казнѣ и частнымъ лицамъ, вовсе не привлекая въ страну иностранныхъ капиталовъ, а подрывая только довѣріе къ государственнымъ кредитнымъ билетамъ.

4) *Обратить все вниманіе и устремить всѣ усилія на возможно большее развитіе промышленныхъ силъ страны*, какъ единственное вѣрное положительное средство для прочнаго поправленія разстроеннаго экономическаго и фивансоваго положенія ея; а особенно на развитіе земледѣльческой и сельско-хозяйственной производительности, составляющихъ главные природные источники народнаго благосостоянія и всего государственнаго богатства Россіи. Для сего:

5) *Учредить по возможности безотлагательно государственной, земледѣльческой и сельско-хозяйственной банкъ съ мѣстными отдѣленіями и конторами*, открываемыми по мѣрѣ надобности, про всѣ дѣйствительныя земледѣльческія и сельско-хозяйственныя нужды, соединить въ этомъ кредитномъ государственномъ учрежденіи земельный и вообще земледѣльческій и сельскохозяйственный кредитъ долгосрочный и краткосрочный, какъ для землевладѣльцевъ такъ и для крестьянъ, на возможно упрощенныхъ и льготныхъ условіяхъ. Въ настоящее время однакожъ трудно задаваться достиженіемъ 5% кредита, который существовалъ при дореформенныхъ государственныхъ банковыхъ установленіяхъ; но осудный % вмѣстѣ съ погашеніемъ не долженъ превышать 6½ и 7% въ годъ, ибо наше земледѣліе и вообще сельское хозяйство только въ исключительныхъ случаяхъ могутъ приносить болѣе 8½%.

При учрежденіи государственнаго земледѣльческаго и сельско-хозяйственнаго банка, конечно, необходимо имѣть

въ виду заложность нашей земельной собственности въ частныхъ акціонерныхъ земельныхъ банкахъ и обществахъ взаимнаго кредита почти на 500 милл. руб. кред.

6) Учредить школы начальной грамотности и Закона Божья при всѣхъ сельскихъ приходскихъ церквяхъ въ Имперіи, назначивъ отъ казны опредѣленное ежегодное пособіе на содержаніе этихъ школъ.

7) Улучшить безотлагательно матеріальное положеніе бѣднаго сельскаго приходскаго духовенства и облечь приходскими священниками вообще религіозно-нравственное поученіе прихожанъ, предоставивъ имъ большую свободу въ дѣлѣ проповѣди.

Этимъ обѣимъ мѣрамъ мы придаемъ самое существенное экономическое значеніе, ибо считаемъ безъ осуществленія ихъ прочное поправленіе скуднаго экономическаго положенія народа невозможнымъ. Объ этомъ мы подробно говорили въ прошлогодней статьѣ о положеніи нашихъ финансовъ.

8) Открыто и искренно установить твердую покровительственную таможенную систему, особенно относительно фабричныхъ и заводскихъ иностранныхъ издѣлій и продуктовъ, и неуклонно исполнять ее безо всякихъ изъятій.

9) Ограничить казенные заграничные заказы.

10) Возвысить до презншихъ дореформенныхъ размѣровъ наложъ на заграничные паспорта нашихъ отечественныхъ заграничныхъ путешественниковъ, за исключеніемъ лицъ ѣдущихъ за границу для излѣченія болѣзней и по правительственнымъ порученіямъ.

11) Установить однообразный и возможно меньшій желѣзнодорожный тарифъ за провозъ нашихъ главныхъ грузовъ, какъ-то: хлѣбъ, ленъ, шерсть, кожу, сельско-хозяйственные продукты, соль, каменный уголь, чугунъ, желѣзо, сельско-хозяйственные машины и орудія туземнаго производства и т. п.

12) Тщательно пересмотрѣть и обдумать всю нашу сильно запутанную податную и налоговую систему въ совокупности ея и во взаимныхъ отношеніяхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, дабы установить ее на справедливыхъ началахъ соразмѣрнаго обложенія доходовъ, имѣя въ виду если не полную отмену, то возможное пониженіе налоговъ на предметы внутреннего производства.

13) Поощрять всѣми способами и оказывать возможное

денежное пособіе отъ казны улучшенію существующихъ и продолженію новыхъ мѣстныхъ провозныхъ питательныхъ путей, грунтовыхъ и шоссеиныхъ дорогъ.

14) *Содѣйствовать учрежденію и распространенію въ Россіи недорогихъ мѣстныхъ профессиональныхъ школъ, съ пособіемъ отъ казны.*

15) Съ перваго взгляда можетъ показаться что осуществленіе предлагаемыхъ мѣръ потребуетъ новыхъ громадныхъ денежныхъ затратъ. Но если разсмотрѣть эти мѣры попристальнѣе, то окажется что: 1) только для осуществленія пяти предложенныхъ мѣръ (именно 5, 6, 7, 13 и 14) потребуются дѣйствительно новыя и не малыя денежные средства, особенно на учрежденіе государственнаго земледѣльческаго банка, если пришлось бы при этомъ выкупить заложенные въ акціонерныхъ земельныхъ банкахъ имѣнія; но во всякомъ случаѣ такая затрата весьма значительныхъ новыхъ суммъ будетъ вполнѣ производительною, жизненною, а не *цифирною*, и вернется въ послѣдствіи сторицей. 2) Осуществленіе же всѣхъ прочихъ предлагаемыхъ девяти мѣръ поведетъ: а) къ прямому сбереженію значительныхъ суммъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей металлическихъ, затрачиваемыхъ нынѣ не только совершенно непроизводительно, но и въ прямой ущербъ для казны и всего государства; б) къ значительному сокращенію платежей по значительнымъ затратамъ, составляющимъ ежегодно также милліонныя суммы; в) къ прямому и не малому ежегодному увеличенію обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, не только безо всякаго отягощенія народа возвышеніемъ существующихъ и введеніемъ новыхъ внутреннихъ налоговъ, а напротивъ того съ самыми благотворными послѣдствіями для развитія туземной промышленности, для увеличенія вывоза туземныхъ и уменьшенія привоза иностранныхъ товаровъ, слѣдовательно и для прочнаго и значительнаго склоненія торговаго и вообще разчетнаго международнаго баланса въ нашу пользу. Выгодный же торговый и вообще разчетный балансъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ было доказано и какъ признаетъ и само наше финансовое управленіе, представляетъ самое дѣйствительное средство для прочнаго управленія бумажныхъ денегъ и возстановленія металлическаго обращенія въ странѣ.

Такимъ образомъ, за всѣми указанными значительными сбереженіями денежныхъ средствъ и сокращеніемъ съ одной стороны непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ, а съ другой — значительнымъ приращеніемъ государственныхъ доходовъ, въ дѣйствительности потребуется совсѣмъ не такъ много новыхъ денежныхъ средствъ для осуществленія означенныхъ пяти мѣръ; да и эти средства тотчасъ явились бы и вполнѣ достаточныя на первое время еслибы въ Россіи былъ установленъ *нормальный государственный бюджетъ*, которому, главнымъ образомъ, и посвящается послѣдняя часть нашей статьи.

Н. ВЕСЕЛЬ.

Сестрорѣцкъ.
Сентябрь 1884.

ГОДЫ УЧЕНИЯ РАФАЭЛЯ*

Рафаэль въ изображеніе своихъ флорентійскихъ Мадоннъ идетъ отъ иконописи прежнихъ мастеровъ, какъ умбрійскихъ такъ флорентійскихъ, въ изображеніе *Мадоннъ предлагающихъ спрующимъ Младенца-Христа для поклоненія*. Но Рафаэль не останавливается на этой темѣ. Онъ изображаетъ спокойное-душевное общеніе Матери и Младенца, которые, забывая все окружающее, вполнѣ удовлетворяютъ другъ друга наслаждаясь блаженствомъ беззаветной любви. Мадонна то стоя, то сидя держитъ на рукахъ Младенца или помогаетъ Ему взобраться къ ней на колѣни, или вѣжно поддерживаетъ Его когда онъ тянется къ Ея груди. Такимъ образомъ религиозная тема превращается въ чисто житейскую сцену. Духовносредственная группа сохранившихся рисунковъ и картинъ вполнѣ исчерпываетъ эту симпатическую сцену.

Вѣроятно первую картиной написанною Рафаэлемъ во Флоренціи была *Мадонна Грандука* (*Madonna del Granduca*). Въ настоящее время она находится въ галереѣ Питти. Купленная Фердинандомъ III, герцогомъ Тосканскимъ, она и названіе свое получила отъ этого герцога, который такъ любилъ ее что никогда съ нею не разставался даже въ путешествіяхъ. **

* Окончаніе. См. № 8 *Русскаго Вѣстника*.

** *Madonna del Granduca*. Флоренція, галерея Питти. На деревѣ. Высот. 2'3 $\frac{1}{2}$," шир. 1'9 $\frac{1}{8}$ ". Принадлежала сперва *Карло Долче*.

Рисуя эту Мадонну, Рафаэль как бы отривался от прежде дорогих ему образов Тимотео дельла-Вите и Перуджино; уже от подготовительных къ ней этюдов вѣетъ флорентійскимъ духомъ. Покомльный рисунокъ дѣвочки (въ Уффицияхъ) повернувшей голову болѣе нежели это изображено въ картинѣ видимо нарисованъ съ живой модели не выдавшей никогда Умбріи. Въ уголкахъ ея рта и глазахъ чувствуется, но еще не видится Леонардовская улыбка. На другой сторонѣ того же рисунка та же дѣвочка, но уже изображающая Мадонну; на рукахъ ея Младенецъ ко абу котораго она любовно прижимается своею щекой. Такимъ образомъ въ этомъ рисункѣ мы видимъ начатки двухъ Мадоннъ, *Грандука* и *Темпи*.

На другомъ рисункѣ (Оксфордъ) изображена Мадонна съ Младенцемъ на колыскахъ; полулежа онъ таяется къ Матери, придерживаясь ручкой за ея грудь и въ то же время оглаживаясь, какъ будто что-то привлекло его вниманіе; на тотъ же невидимый предметъ обращено и вниманіе Матери. Всѣ эти и другіе наброски впечатлѣній и сценъ, видѣнныхъ и зарисованныхъ на память или съ натуры, Рафаэль совокупляетъ въ болѣе законченномъ рисункѣ, перенося его потомъ на картину. При исполненіи самой картины, онъ еще далѣе развиваетъ ея содержаніе, придавая Мадоннѣ болѣе возвышенное выраженіе любви, соединенное съ дѣвственною цѣломудренностью, а Младенцу ту глубину мысли во взглядѣ которую Рафаэль возносилъ въ идеальную область, но почерпнулъ изъ наблюденій дѣйствительной жизни.

Разсматривая *Мадонну Грандука*, мы видимъ что многое въ ней еще напоминаетъ Умбрію; въ складкахъ одежды видна прежняя манера, но все-таки стиль Перуджино какъ бы растворяется въ стиль флорентійскомъ. Какъ легко и свободно помѣстился Младенецъ на рукахъ Матери, какъ нѣжно брошена облекающая его станъ повязка! Видно что ему хорошо и уютно у Матери, и какъ ясна и радостна сама Мать, олутившая свой полный любви взоръ на дорогое ей существо! Она какъ бы смущается своею радостію—держатъ на рукахъ своихъ божественное сокровище! Въ изображеніи высокихъ отношеній Матери къ Младенцу кажется достигнуть высшій идеаль, а выдающаяся техническая законченность исполненія проявляется въ блескѣ правильнаго,

овальнаго лица Мадонны (напоминающаго еще типы Тамотео делла-Вите), рисующагося на темно-зеленомъ фонѣ картины.

Въ слѣдующей написанной Рафаэлемъ Мадоннѣ, находящейся въ настоящее время въ Англіи, въ замкѣ Panshanger у лорда Купера и известной подъ названіемъ *Мадонны лорда Купера*, величіе концепціи и идеальная красота *Мадонны Грандука* замѣняются болѣе умѣреннымъ, домашнимъ, семейнымъ настроеніемъ. Съ этой Мадонны можно считать начало флорентійскаго періода дѣятельности Рафаэля, начало его натуралистическаго искуса. Въ ней уже нѣтъ и слѣда умбрійскихъ воспоминаній. Она изображена сидящею на чистомъ воздухѣ; солнце ярко освѣщаетъ горы и долины пейзажа, въ которомъ справа виденъ холмъ, а на немъ бѣлѣтъ фасадъ церкви съ колокольней; видъ напоминаетъ окрестности Флоренціи, а церковь—базиліку S. Miniato. Голова Мадонны прикрыта вышитымъ золотомъ покрываломъ, завязаннымъ съ затылка и спускающимся на шею; другое, столь же прозрачное покрывало обвязываетъ ея грудь и плечи. Голый младенецъ обнимаетъ мать своими ручками, упираясь ножкой о ея руку. Какъ ни закончено исполненіе этой картины, но оно не можетъ сравниться съ исполненіемъ *Мадонны Грандука*; картина нѣсколько холодна; правда, что причина этой холодности много зависитъ отъ дурной сохранности картины*.

Мотивъ разработанный Рафаэлемъ въ описанныхъ нами двухъ картинахъ является неисчерпаемымъ источникомъ для выраженія разнообразныхъ положеній и движеній вызываемыхъ союзомъ Матери и Младенца. Много разъ Рафаэль возвращался какъ въ своихъ рисункахъ, такъ и въ картинахъ, къ этой темѣ, вѣроятно полюбившейся и его друзьямъ и покровителямъ.

Предъ нами рисунокъ сохраняющійся въ Альбертинѣ. На немъ бѣгло, но выразительно набросано перомъ нѣсколько сценъ: то младенецъ берется за грудь матери, то мать сама ее предлагаетъ ему, то младенецъ, уже насытившись, нѣжно обнимаетъ мать и возвращается къ своимъ играмъ. Тутъ безъ особыхъ усилій видишь зародыши написанныхъ Рафаэлемъ

* *Panshanger*. На деревѣ. Выс. 2', шир. 1', 5".

картинъ; удивляешься разнообразному развитію столь ограниченной темы, удивляешься творческой силѣ художника, постоянно находящаго новыя черты въ дополненіи къ основной идеѣ; но еще болѣе удивляешься силѣ выраженія... Тутъ ни разу не замѣчаешь утомленія, столь понятнаго при частомъ повтореніи одной и той же темы. Все вышесказанное относится къ дошедшимъ до насъ картинамъ: *Мадонна Темпи*, *Мадонна Орлеанская*, *Мадонна Бриджватерская*, *Мадонна Колонна*, *Мадонна Никколини* и *Мадонна Miss Burdett Coutts*. Онѣ исполнены въ различное время, но принадлежать по содержанію къ одной группѣ.

1) *Мадонна Темпи* (*Mad. di Casa Tempi*) *. Постепенно совершалось у Рафаэля перерожденіе умбрійскаго стиля въ флорентійскій. Въ поименованной картинѣ мы видимъ окончательно это перерожденіе, но, къ сожалѣнію, не знаемъ когда эта Мадонна была написана. За то едва ли какая другая картина достойна большаго вниманія, благодаря своему ясно выраженному флорентійскому и исключительно Леонардовскому характеру. Въ типѣ Мадонны, въ формахъ ея лица, въ драпировкахъ одеждъ, Рафаэль является совершеннымъ Флорентійцемъ. Въ Младенцѣ уже виденъ тотъ геній который проявится въ послѣдствіи въ *Madonna della Sedia* и *Сикстинской*. Какъ проста и художественна эта группа состоящая только изъ двухъ лицъ! Богоматерь изображена стоя; лицо ея обращено влѣво и видимо болѣе нежели въ профиль; одною рукой она поддерживаетъ Младенца, другою прижимаетъ его къ своей груди. Младенецъ всѣмъ тѣльцемъ своимъ прижнулся къ ней; рука его покоится на груди Матери, а ножки свободно повисли на воздухѣ. Лица ихъ сблизились и Мать цѣлуетъ Его, а Онъ, какъ бы не замѣчая ласки Матери, повернулъ голову и во что-то всматривается. Голубое покрывало, надѣтое сверхъ прозрачнаго покрывала, ниспадаетъ съ головы Мадонны и собирается у рукавовъ въ богатые складки. Тонкое покрывало охватываетъ чресла Младенца, другое такое же на плечахъ Матери, и оба, вмѣстѣ съ краснымъ платьемъ и голубымъ покрываломъ,

* *M. di Casa Tempi* находится въ Мюнхенской Пинакотекѣ. Куплена Лудвигомъ Баварскимъ въ 1829 году во Флоренціи, въ *Casa Tempi*, гдѣ находилась съ 1677 года (*Cinelli. Bellezza di Firenze*). На деревѣ. Выс. 2' 4", шир. 1' 7".

составляютъ гармоническій колоритный аккордъ безъ рѣзкихъ контрастовъ, дѣлающій пріятное впечатлѣніе сильною и сочною окраской. Неописанная любовь и нѣжность выражаются всею позою Дѣвственницы, въ ея улыбкѣ, въ ея собранныхъ для лопцѣвля губахъ и въ ея полузакрытомъ, мѣлющею въ своемъ цѣломудренномъ блаженствѣ зорѣ. Въ движеніи Младенца съ его озареннымъ радостью личикомъ воспроизведена сама природа. Эта небольшая картина, въ которой случайно соединились выраженіе съ исполненіемъ, валоминаетъ поздыѣ написанныя Рафаэлемъ *Вѣру, Надежду и Благотворительность* на пределѣ иконы *Положеніе во Гробъ*, съ тою только разницею что *Мадонна Телпи* исполнена еще особаго очарованія, благодаря прозрачному, ясному колориту съ его теплыми тѣнями и нѣжными переходами отъ нихъ къ здоровому румянцу возбужденныхъ счастьемъ лицъ. Предела иконы *Положеніе во Гробъ* написана, какъ извѣстно, сѣрою краской по сѣрому.

Можетъ-быть, при видѣ *Мадонны Грандука* насъ охватываетъ болѣе возвышенное чувство, но любясь *Мадонной Телпи*, этимъ благороднѣйшимъ изображеніемъ материнской любви, врядъ ли кто останется равнодушнымъ.

Кто бы подумалъ что прибывшій изъ Умбріи ученикъ Перуджино, рисовавшій по образцамъ конвенціональныхъ иконъ, могъ воспроизвести столь натуралистическіе мотивы и до такой степени идеализовать натуру, какъ на примѣръ въ рукѣ Матери охватившей Младенца, или въ столь совершенной моделировкѣ всего тѣла самого Младенца съ его висащими на свободѣ ножками, и все это исполнить съ такимъ совершенствомъ и ясностью, при этомъ нѣсколько затуманенномъ по совѣту Леонарда освѣщеніи? Теперь молодому художнику уже легко поддавалось всякое изображеніе! Сохранившіеся подготовительные рисунки для этой Мадонны заключаютъ въ себѣ болѣе двѣнадцати эскизовъ, никогда неисполненныхъ въ картинахъ, но ясно указывающихъ какъ Рафаэль постепенно шелъ къ болѣе совершенной выработкѣ окончательной группы. Сохранился и картонъ этой картины въ Монпелье, но онъ до того разрушенъ что нельзя судить о его подлинности.

Еще замѣтнѣе измѣненіе стиля Рафаэля въ *Мадоннѣ Орлеанской*. * До сихъ поръ колорить картинъ Рафаэля былъ

* *Мадонна Орлеанская* находится въ замкѣ Шантильи у герцога

блестящъ и роскошнѣ; теперь онъ старается достигнъ болѣе ровныхъ, сплошныхъ тоновъ постеленными, тонкими переходами. Дѣвственница сидитъ на стулѣ въ небольшой комнатѣ, словно молодая хозяйка; на задней стѣнѣ ея комнаты полка уставленная различною посудой. Ея белокурые вьющіеся волосы, на которые накинута легкій вуаль, и красное, вырѣзанное на груди платье, узкіе рукава неопредѣленнаго краснаго цвѣта, зеленый поясъ и голубой плащъ съ выказывающеюся коричневою подкладкой и сѣро-красноватый цвѣтъ занавѣски сливаются въ нейтральныхъ тонахъ спокойнаго колорита. Измѣненія въ техническихъ приѣмахъ художника замѣчательны: свѣтъ настолько прозраченъ что они едва прикрываютъ загримовку, въ тѣняхъ болѣе широкою кистью достигнута непривычная доселѣ сочность и полнота.

Поставивъ лѣвую ногу на скамью, а другую немного вытянувъ, молодая Мать устроила на своихъ колѣнахъ покойное мѣстечко Младенцу. Онъ же, придерживаясь руками за край вырѣзаннаго на груди Матери корсажа, оглядывается на зрителя; Мать придерживаетъ его одною рукой за плечико, а другою за ножку, кротко любуясь имъ. Эта группа Матери и Младенца никогда не была тоньше изображена въ краскахъ, и самъ Рафаэль рѣдко воспроизводилъ болѣе вѣжные, болѣе симпатичные мотивы; очаровательны эта молодость и вѣжность, именно то что составляетъ такую прелесть его первой Мадонны, *Мадонны Конестабиле*; но здѣсь мы видимъ что-то еще болѣе глубокое, какъ будто чудится таинственное предчувствіе тѣхъ страданій которыя предстоятъ Матери и Сыну; мы видимъ выраженіе поднаго подчиненія высшей волѣ и рѣшимость перенести безропотно эти страданія. Грустная нота, едва-едва замѣтная, тихо звучитъ и исчезаетъ въ общемъ тонѣ этого очаровательнаго произведенія.

Къ тому же времени когда была исполнена *Мадонна Орлеанская*, относятся *Мадонна съ безбородымъ Іосифомъ* и *Мадонна подъ пальмой*. Но такъ какъ эти картины по своему содержанію принадлежатъ къ другой группѣ Мадоннъ

Омальскаго. Сохранилась превосходно. На деревѣ. Высота 11 $\frac{1}{2}$ "", ширина 14 $\frac{1}{4}$ ". Вѣроятно она упоминается въ описаніи инвентаря герцога Урбинскаго: *Quadretto d'una Madonna con un Christo in braccio, in legno, che viene da Raffaello.*

написанныхъ Рафаэлемъ во Флоренціи, то о нихъ мы скажемъ на своемъ мѣстѣ, а теперь будемъ продолжать описаніе первой группы.

Мадонна Бриджватерская и *Мадонна Колонна* относятся къ одному времени; но Бриджватерскую Рафаэль окончилъ самъ, а для *Мадонны Колонна* только изготовилъ картоны. Исполненіе ея вѣроятно было поручено Рафаэлемъ *Доменико Альфани*.

Мадонна Бриджватерская *. Эта картина, состоящая изъ двухъ фигуръ, стоила не малаго труда Рафаэлю. Въ композиціи видно стремленіе дать группѣ наиболѣе замкнутое въ самой себѣ построеніе, какъ этого требовали правила Леонарда, причемъ новое проявляется во взаимномъ отношеніи позъ Матери и Младенца. Послѣдній лежитъ почти горизонтально на колѣнахъ Матери; закинувъ руку назадъ и хватаясь за ея плащъ, онъ личикомъ обращается къ ней; его поза почти та же, какую даетъ въ послѣдствіи Рафаэль лаввущему Амуру въ *Галатей*. Тилъ Мадонны чисто флорентійскій. Выраженное отношеніе Матери ко Младенцу естественно и очаровательно. Никто имъ не мѣшаетъ въ этой комнатѣ куда они удалились; оба даютъ полную волю проявленіямъ своихъ ощущеній. Тѣло Младенца вполнѣ получило уже тѣ формы которыя характеризуютъ послѣднюю фазу флорентійскаго стиля у Рафаэля.

Вѣроятно художникъ употребилъ много труда чтобы довести это произведеніе до такого совершенства. Эта картина полюбилась современникамъ, что доказываютъ многочисленныя сохранившіяся съ нея копіи.

Рисунокъ Альбертины знакомитъ насъ съ первоначальнымъ эскизомъ этой композиціи; на немъ Младенецъ представляется играющимъ дѣтскими, которые Мать держитъ въ рукѣ; въ другой сторонѣ этого рисунка наброски *Мадонны Колонна*, *Темпи* и др. Рисунокъ сохраняющійся въ Британскомъ музеѣ интересенъ тѣмъ что указываетъ на появленіе новой модели въ мастерской художника. На немъ, рядомъ съ эскизомъ *Бриджватерской Мадонны*, нарисованъ эскизъ *Мадонны Колонна*, а вокругъ бѣглые наброски перомъ, вальминующіе другія композиціи Мадонны и двѣ дѣтскія головки. Стоитъ

* Эта Мадонна находится въ Лондонѣ у графа Элисмюра. Наскальная на деревѣ, переведена на полотно. Выс. 2', 2 7/8", шир. 1' 10 1/4". Куплена при распродажѣ Орлеанской галлерей.

съ этимъ рисунокъ находится въ Уффицияхъ. Во всѣхъ этихъ трехъ рисункахъ одно общее—головное убранство модели съ которой рисованы Мадонны; ея волосы убраны локонами перевитыми вуалемъ; лицо, хотя и намѣченное въ общихъ чертахъ, выказываетъ своеобразную оживленность и прелесть, отступая отъ того правильнаго овала который присущъ прежнимъ эскизамъ Рафаэля. Кромѣ этихъ эскизовъ, на описанныхъ нами рисункахъ набросаны двѣ группы Св. Семейства, никогда не исполненныя въ картинѣ, а на рисунокъ въ Уффицияхъ эскизъ совершенно другаго сюжета: модель скинула свои одежды, и Рафаэль слѣдуетъ набросать съ нея Венеру-Анадиомену, плывущую въ своей раковинѣ. Тутъ же торсъ сильно сложеннаго мужчины.

Геній Рафаэля выказался во всемъ блескѣ и въ композиціи *Мадонны Колонна*. * Ребенокъ сидя на колѣнахъ Матери усиливается подняться выше, ухватившись одною рукою за ея плечо, а другою за край вырѣзанной на груди ея одежды; онъ добирается до ея груди, но въ то же время оглядывается на зрителя. Мать читала книгу; теперь она далеко ее отстранила отъ себя, весело любясь усиліями своего ребенка. Къ сожалѣнію, въ исполненіи самой картины мы не находимъ знакомой намъ очаровательной кисти Рафаэля. Безъ сомнѣнія, она написана по превосходно-выполненному картону болѣе слабою рукою Доменико Альфани; вѣроятно ему же надо приписать и нѣкоторую жеманность лица Мадонны и наклона ея головы. Нельзя не пожалѣть что эта одна изъ лучшихъ композицій Рафаэля не дошла до насъ въ оригиналѣ.

Въ композиціи *Мадонны Колонна* Рафаэль воспользовался мотивомъ *книги*. Этотъ мотивъ былъ однимъ изъ раннихъ, привлекавшій на себя вниманіе Рафаэля. Еще въ Средніе Вѣка любили изображать Богоматерь углубившеюся въ чтеніе Св. Писанія; такъ изображали Ее какъ примѣръ благочестія. Любовь ко чтенію и наслажденіе молитвой она сообщаетъ и Младенцу. Въ *Мадоннѣ Коместабиле*, написанной еще въ Перуджіи, Рафаэль въ первый разъ обработалъ мотивъ *Мадонны съ книгой* (*Madonna del libro*). Вспомнимъ что это было его первое самостоятельное произведеніе, въ которомъ ярко выразился его геній и что этою чудною

* *Mad. Colonna* находится въ Берлинѣ; она куплена Буазеномъ у Марці Колонна. На деревѣ выс. 0,775 м., шир. 0,565 м.

картиной онъ началъ славный рядъ изображеній своихъ Мадоннъ.

По прибытіи во Флоренцію, подчиняясь новымъ впечатлѣніямъ, онъ часто возвращается къ этому мотиву, что доказываютъ его рисунки. Два рисунка (одинъ въ Луврѣ, другой въ Оксфордѣ) повторяютъ этотъ мотивъ съ нѣкоторыми модуляциями. На рисункѣ Лувра, Младенецъ, сидя на колѣнахъ Матери, заглядываетъ въ книгу, которую та читаетъ. Въ Оксфордскомъ рисункѣ изображена Мадонна среди пейзажа; одною рукой она обняла Младенца, въ другой держитъ книгу, листки которой перевортываетъ Младенецъ; приподнятый взоръ его указываетъ на благочестивое настроеніе. Этотъ, нѣсколько мистическій мотивъ смѣняется въ другихъ рисункахъ болѣе натуралистическимъ. Флорентійское возрѣніе требовало изображенія болѣе дѣтскихъ и болѣе материнскихъ ощущеній. Такъ въ Лиллѣ мы находимъ на одномъ листѣ нѣсколько набросковъ *читающей Мадонны*. Младенецъ естественный; онъ смотритъ не на небо, а вопросительно на мать, какъ бы ожидая отъ нея объясненія и выказываетъ нетерпѣніе, скоро ли она кончитъ. Цѣль—наглядно передать чисто-человѣческія отношенія, отмѣтить душевное общеніе между Матерью и Младенцемъ—становится очевидною.

Дальнѣйшіи шагъ въ этомъ направленіи представляютъ рисунки Альбертины и Оксфорда. Мадонна углубилась въ чтеніе книги; она не хочетъ отъ нея оторваться, но это не нравится Младенцу; Онъ тянется къ книгѣ, хватая ее и всячески старается привлечь вниманіе Матери на себя. Рафаэль, набрасывая эти рисунки въ легкихъ очеркахъ, долго воздерживался отъ разработки этого сюжета въ картинахъ. Въ *Мадоннѣ Колонна* онъ наконецъ рѣшился воспользоваться имъ.

Отъ *Мадонны Грандука*, на которой еще пребывалъ впечатокъ умбрійскихъ вліяній, до человѣчески-очастаивыхъ Мадоннъ *Темпи* и *Бридежватерской*, дега огромное пространство, пройденное художникомъ въ его натуралистическомъ искусствѣ. Крайнимъ предѣломъ Рафаэлевскаго натурализма является *Мадонна Никколини* *, относящаяся, по сохра-

* *Мадонна Никколини* находится въ Panshanger, замкѣ графа Купера. Принадлежала прежде Флорентійской семьѣ Никколини. Выс. 2' 3", шир. 1' 6".

шейся на ней надписи, къ 1508 году, то-есть году послѣдняго пребыванія Рафаэля во Флоренціи.

Въ этой картинѣ болѣе нежели въ какомъ другомъ произведеніи Рафаэля отразился величественный реализмъ Флорентійской школы; ни въ какой другой періодъ своей художественной дѣятельности Рафаэль не рѣшился бы такъ безусловно изображать красоту неприкрашенной натуры. Никогда свободнѣе не передавалъ онъ внѣшнихъ формъ въ ихъ ежедневныхъ проявленіяхъ. Картина не олицетворяетъ идеи божественнаго, но изображала самую обыкновенную мать и капризнаго ребенка; ребенокъ уже не въ томъ возрастѣ чтобы кормить его грудью, но онъ вслонилъ вѣроятно тѣ наслажденія которыя находилъ прежде у этой груди и шаловливо хватается рукой за край корсажа матери. Мать защищаетъ грудь свою, и ея кроткій жестъ совпадаетъ совершенно съ тѣмъ лѣжнымъ взглядомъ которымъ она смотритъ на расплачившагося мальчика. Мать изображена въ профиль; волнистые волосы ея зачесаны за уши; красивыя складки вуала падаютъ за спину и однимъ концомъ охватываютъ тѣло мальчика. Легкая, прозрачная шемизетка виднѣется изъ-за розоваго корсажа ея платья съ широкими рукавами, буфами нависшими на сѣровато-желтые, узкіе подрукавники; колѣна ея прикрыты широкими складками голубаго плаща. Поза мальчика довольно спокойна, но усиліе его лѣвой руки, тянущейся схватить край платья матери, красивый наклонъ его головы, открытый ротъ, ямочки на щекахъ, приподнятыя брови и полулрищуренный, шаловливый взглядъ, все это указываетъ на его капризное желаніе. Вся эта группа взята прямо изъ дѣйствительной жизни. Мать—сильная, молодая женщина; красота ея не подавлена великолѣпнымъ убранствомъ; ребенокъ—здоровый, сильный мальчикъ, вполне разившійся; но обемъ недостаетъ того благородства выраженія которое видится въ другихъ подобныхъ композиціяхъ Рафаэля, какъ на примѣръ въ *Мадоннѣ Орлеанской*. Рафаэль придавъ *Мадоннѣ Никколини* сильно выраженную жизненность и такую реальность до которой никогда не доходилъ, усиливъ ее еще яркимъ освѣщеніемъ, пластическою моделировкой и гармоническимъ колоритомъ при большой прозрачности глубокихъ тѣней.

Этотъ моментъ увлеченія реализмомъ былъ бы губителенъ для менѣе одареннаго художника; для Рафаэля онъ былъ

не опасень, да и притомъ не былъ продолжителенъ. Безъ особыхъ усилій онъ покидаетъ этотъ путь, почувствовать что преступаетъ границы. Онъ умѣлъ сдерживать себя, и это умѣнье охраняло его отъ опасныхъ заблужденій.

Къ разсматриваемой нами группѣ принадлежить и совершенно разрушенная Мадонна, перешедшая изъ галлерей герцоговъ Орлеанскихъ къ англійскому поэту Роджерсу, а теперь принадлежащая miss Burdett Coutts. Она вѣроятно была написана въ одно время съ Бриджватерскою.

Окончивъ описаніе первой группы мадоннъ Рафаэля, мы можемъ теперь сказать что видѣли какъ въ нихъ умбрійскіе церковные идеалы постепенно замѣнялись чисто человѣческими. Развитие художника совершается не рѣзкими переходами, но постепеннымъ восхожденіемъ, причемъ на пройденныхъ имъ ступеняхъ не ложится ни малѣйшей тѣни. Вѣчная юность присуща любящимъ, неразрывно связаннымъ со своимъ Младенцемъ, Мадоннамъ. Именно этимъ путемъ создавались типы греческихъ боговъ Фидіемъ и Праксительемъ. Пониманіе античнаго міра пребывало въ Рафаэлѣ, какъ мы замѣтили выше, въ скрытномъ состояніи. На этомъ пути у Рафаэля во Флоренціи были предшественники. Слѣдуя примѣру Донателло и другихъ скульпторовъ-кватрочентистовъ, Филиппо и Филиппино Липпи, Сандро Ботичелли и Верроккіо воззвали къ жизни любящую, юношески прекрасную молодую мать. Они рисовали также младенца уютно умѣстившагося на ея колѣнахъ; они рисовали ее предлагающею ему цвѣты или плодъ или просто любовно его ласкающею. Но главнымъ мотивомъ у нихъ оставалось *Поклоненіе Матери Младенцу-Христу*. Младенецъ нигдѣ не поступаетъ своимъ божественнымъ происхожденіемъ. У Ботичелли, въ его извѣстной *Мадоннѣ del Libro*, ангелы держатъ книгу; Младенецъ, исполненный благоговѣнія и въ то же время сознанія своей божественности, смотритъ на небо, а Мать любитъ младенцемъ не своимъ, а именно Тѣмъ Кто „сотресть главу змія“. У Рафаэля же устанавливаются во всей силѣ чисто человѣческія отношенія Матери къ Младенцу.

Славой Флорентійской школы было то что она перенесла въ область живаго художественнаго творчества благотворное взаимодѣйствіе пластики и живописи. Пластическія изображенія предшествовали живописнымъ, и живописцы воспринимали уже отъ нихъ сознательное отношеніе къ

дѣйствительности. Пизанская Школа скульпторовъ подготовила появленіе Джотто; въ слѣдующемъ столѣтіи Донателло, Брунеллески и Гиберти дали основной тонъ всему движенію ранняго возрожденія, указавъ мѣроположныя правила какъ относиться къ антику и дѣйствительности. Пластическій характеръ придавался изображеніямъ Мадоннъ и Св. Семейства. Ничто не способствовало такъ выработкѣ правильной группировки, позволявшей вмѣщать не только Богоматерь съ Младенцемъ, но и другихъ лицъ, какъ, напримѣръ, маленькаго Крестителя, Иосифа, Анну, въ ограниченномъ пространствѣ овала или круга, какъ мраморные рельефы Донателло, Дезидеріо да - Сетиньяно, Луки делла - Роббіа и др. Этотъ идеальный способъ группировки флорентійскіе мастера перенесли на свои картины, и Рафаэль, являя неосчерпаемую силу творчества въ разработкѣ простаго мотива отношеній Матери къ своему Младенцу, въ то же время создаетъ цѣлый циклъ Мадоннъ въ которыхъ, кромѣ ихъ внутренняго психологическаго значенія, онъ занялъ условіями художественнаго построенія композицій. Въ эти композиціи онъ вводитъ маленькаго Крестителя, Иосифа, Анну и даже обширный пейзажъ, такъ какъ эти композиціи онъ помѣщаетъ обыкновенно на вольномъ воздухѣ, при ясномъ освѣщеніи, среди цвѣтовъ и зелени. Мадонна изображается сидящею на возвышеніи; между ея колѣнъ и прижимаясь къ ней стоитъ нагой Христосъ, наступивъ ножкой на Ея ногу; къ нему приближается маленькій Креститель, слегка прикрытый звѣриною шкурою, или вызывая его на игру, или благоговѣнно склоняя предъ нимъ свое колѣно. Широкій плащъ Мадонны, прикрывавшій прежде ея голову, теперь спустился на ея колѣна, обернувъ ихъ своими широкими складками, такъ что формы ея бюста, одѣтаго въ узкое платье, обозначены ясно. Дѣти, помѣщающіяся у ея ногъ, образуютъ такимъ образомъ основаніе для широкой композиціи, завершающейся спокойно и безпрелютственно въ воздымающемся образѣ Мадонны.

Въ этомъ родѣ Рафаэль нарисовалъ три картины, родственныя по замыслу: *Мадонна со щегленкомъ*, *Мадонна въ зелени* и *Луврская Прекрасная Садовница*. Названія подъ которыми известны эти картины рисуютъ намъ тотъ идеальный міръ среди котораго изображены на нихъ созданныя поэтическимъ воображеніемъ Рафаэля сцены.

Нѣсколько отклоняясь отъ этой схемы и видоизмѣняя отношенія помѣщенныхъ на картинѣ лицъ исполнилъ Рафаэль *Мадонну Эстергази*, *Мадонну съ безбородымъ Иосифомъ*, *Мадонну подъ пальмой*. Въ послѣднихъ двухъ мѣсто маленькаго Крестителя занимаетъ Иосифъ. Это уже не Мадонны, а изображение Св. Семейства.

Въ разнообразныхъ поискахъ комбинацій для создаваемыхъ воображеніемъ группъ Рафаэль не могъ не увлечься чисто теоретическими, болѣе архитектурными, нежели живописными построениями. Въ этомъ онъ шелъ рука въ руку съ флорентійскими художниками, часто смотрѣвшими на живопись боже какъ на дополненіе архитектуры нежели какъ на воспроизведеніе окружающей ихъ дѣйствительности. Свои большія композиціи они приурочивали къ свободнымъ пространствамъ стѣнъ; въ нихъ группировка подчинялась архитектурнымъ линіямъ и плоскостямъ; иногда она принимала правильную геометрическую форму, какъ напримѣръ трехугольника. Рафаэль, слѣдуя этому направленію, создаетъ нѣсколько композицій въ которыхъ главное вниманіе обращается на это искусственное геометрическое построеніе группы. Хотя онъ и стремится скрыть тонко обдуманную схему подъ свободой движеній и позъ, подъ жизненностью выраженія и красотой лицъ, но все-таки въ картинахъ написанныхъ имъ подъ вліяніемъ этихъ теоретическихъ увлеченій очень замѣтно что геометрическая схема была его главною цѣлю. Въ этомъ родѣ написаны имъ — *Мадридская Мадонна съ ягненкомъ* и *Мадонна Каниджани*. Въ послѣдней архитектурное построеніе главной группы проведено съ такою строгостью что даже внутреннее содержаніе подчинено ему. На эти теоретическія увлеченія Рафаэля конечно повліяло совмѣстное его занятіе съ Фра-Бартоломео, отличававшегося имевяо искусствомъ группировать свои композиціи. Мы знаемъ что композицію Мадонны *Каниджани* Фра-Бартоломео повторить въ своихъ двухъ картинахъ (*Св. Семейство* въ Галлерей Патти и *Св. Семейство* въ Palazzo Corsini). Совершенно въ духѣ Фра-Бартоломео, Рафаэль, въ концѣ своего пребыванія во Флоренціи, написалъ единственную исполненную имъ въ эти четыре года своего пребыванія въ этомъ городѣ алтарную икону извѣстную по названіемъ *Мадонны подъ балдахиномъ*.

Теперь приступимъ къ подробному описанію этихъ намѣченныхъ нами трехъ группъ Мадоннъ или, точнѣе опредѣляя ихъ содержаніе—*Святыхъ Семействъ*.

Мадонна со щегленкомъ * нарисована была вскорѣ послѣ *Мадонны Грандука* и *Мадонны лорда Купера*, следовательно относится къ первому времени пребывания Рафаэля во Флоренціи. По свидѣтельству Вазари, она написана по случаю свадьбы Лоренцо Нази.

Среди цвѣтущаго луга, на земляномъ возвышеніи, сидитъ Дѣва; у ногъ Ея стоитъ Христосъ; онъ отвелъ взоръ свой отъ книги, которую Мать держитъ въ рукѣ; вниманіе его привлечено щегленкомъ, котораго поймалъ юный Іоаннъ Креститель и, захватившись, прибѣжалъ показать его своему товарищу. Благодарная Мать нѣжно кладетъ на плечо Крестителя свою руку. Младенецъ-Христосъ, наступивъ ножкой на ногу Матери, тихо поворачиваетъ лицо чтобы взглянуть на пойманную птичку. Вся тонкость пониманія Рафаэля выразилась въ совокупленіи различныхъ положеній изображенныхъ здѣсь лицъ. Богоматерь помѣщена такъ что можетъ свободно взирать какъ на помѣстившагося между колѣнь ея Младенца, такъ и на курчавую головку прибѣжавшаго Іоанна. Много надо было искусства чтобы выдѣлать лицо Богоматери на которомъ сосредоточенъ сильный свѣтъ, лицо образующее въ то же время вершину пирамидальной формы всей группы. Вся группа легко отдѣляется какъ отъ теплаго коричневатаго тона земли, такъ и отъ холоднаго тона дали и воздуха. Дети ясно рисуются на цвѣтномъ фонѣ одежды Маріи. Поза Христа своимъ классическимъ спокойствіемъ противопоставлена оживленной позѣ Крестителя, быстро прибѣжавшаго и счастливаго своею находкой; его оживленные глаза, покраснѣвшіяся щеки, открытый ротъ, все это показываетъ что онъ слышалъ и теперь еще не можетъ отдышаться.

Сохранившіеся рисунки представляютъ намъ полную картину того какъ складывалась эта превосходная композиція. Они находятся въ Оксфордѣ. Въ *Мадоннѣ со щегленкомъ* разработаны два мотива—мотивъ *Мадонны съ книгой* и игра дѣтей съ птичкой. По рисункамъ можно думать что Рафаэль

* *Madonna del Cardellino* находится въ Уффицияхъ. На деревѣ выс. 3'1", шир. 2'5".

въ началѣ думалъ остановиться на мотивѣ *книги* и только позднѣе выступилъ другой мотивъ. Такъ на одномъ эскизѣ мы видимъ Мадонну читающую внимательно книгу и поддерживающую въ то же время стоящаго около нея Христа; Крестителя нѣтъ еще на этомъ рисункѣ. Затѣмъ идутъ многочисленныя эскизы маленькаго Крестителя; видно что Рафаэль задается мыслию ввести его въ назрѣвающую въ его воображеніи композицію. То онъ рисуетъ его подходящимъ къ Христу со скрещенными на груди руками, то что-то держащимъ въ рукахъ. Элементы композиціи были налицо, оставалось только собрать ихъ въ органическое цѣлое. Одинъ изъ оксфордскихъ рисунковъ указываетъ намъ на этотъ моментъ. Въ немъ тождественны съ картиной какъ общія черты такъ и частности, какъ напримѣръ *наступающій ножкою Христосъ на ногу Матери*; но все еще дѣятельность изображенныхъ лицъ сосредоточена на чтеніи и слушаніи; только книгу, которую Мадонна держала сначала поднятою, теперь она опустила чтобы Христу было удобнѣе смотрѣть въ нее, словно урокъ чтенія за которымъ Мать и Креститель слѣдятъ внимательно. Вѣроятно это занятіе показалось Рафаэлю слишкомъ серьезнымъ или поза Крестителя слишкомъ натянутаю, и онъ, прежде нежели приступить къ картинѣ, снова передѣлываетъ всю композицію. Мадонна переноситъ книгу изъ лѣвой руки въ правую; Креститель, на плечо котораго положила теперь свою свободную руку Богоматерь, примыкаетъ къ главной группѣ и входитъ со Христомъ, показывая ему поймавшаго щегленка, въ непосредственное сношеніе. Такимъ образомъ создавалась *Мадонна со щегленкомъ*, какъ объяснили Руландъ и Робинзонъ, изучавшіе значеніе оксфордскихъ рисунковъ.

Обратимся снова къ картинѣ; все умбрійское уступаетъ въ ней мѣсто чему-то болѣе широкому, свѣтлому, радостному и лучшему. Черты лица Мадонны оживлены, выразительны и дышатъ нѣжностью. Правильный рисунокъ и моделировка указываютъ на подготовительныя этюды съ натуры и антика. Окружающій пейзажъ придаетъ всей сценѣ особую прелесть и такъ выдержанъ въ тонахъ что подчиняетъ себѣ общее впечатлѣніе картины. Бѣлые цвѣты, усылающіе первый планъ, разбросаны по зеленому дугу со вкусомъ и какъ нельзя болѣе кстати, ибо картина предназначалась въ

свадебный подарокъ. Не случайно помѣщены и Джоттовская кампаніла и кулоаъ S. Maria del Fiore видныя въ дади. Легкія облачка и туманъ, бѣлѣющій по мѣрѣ приближенія къ горизонту, легки тожкимъ флеромъ между солнцемъ и изображенными фигурами (видимое примѣненіе правилъ Леонардо), и на свѣтлой полосѣ горизонта рисуются отдаленныя горы и тонкіе стволы граціозныхъ деревьевъ. Краски свѣтлыя, и тѣни, особенно у Христа, постепенно исчезаютъ въ sfumato Леонардо.

Въ *Мадоннѣ со щегленкомъ* можно насчитать до двадцати кусковъ на которые была разбита доска картины при разрушеніи Palazzo Nasi въ 1547 году, и нельзя достаточно восхвалять искусство съ какимъ эти куски были собраны и склеены. Картина реставрирована такъ что даетъ намъ полную возможность наслаждаться ея красотой.

Рядомъ съ описанною можетъ стать сходная съ нею, какъ по исполненію такъ и по содержанію, *Мадонна въ зелени*. * Она была нарисована Рафаэлемъ въ 1506 году для своего друга Таддео Таддеи.

Въ построеніи композиціи этой картины болѣе симметріи нежели въ *Мадоннѣ со щегленкомъ*. Богоматерь корпусомъ обращена болѣе въ профиль, чѣмъ дано широкое основаніе для пирамидальной формы группы. Маленькій Креститель, стоя на колѣнахъ, предлагаетъ Христу тростниковый крестъ; Христосъ идетъ къ нему на встрѣчу. И тутъ Богоматерь сидитъ на земляномъ возвышеніи, среди прелестнаго пейзажа (благодаря которому эта Мадонна получила свое адриатическое названіе). Обращенная всѣмъ корпусомъ въ одну сторону, лицо свое она повернула въ другую, поддерживая Младенца-Христа, еще невѣрными шажками направляющагося ко Крестителю.

И эта композиція иллюстрируется цѣлымъ рядомъ сохранившихся рисунковъ. Въ началѣ Рафаэль находитъ подходящую позу Богоматери; затѣмъ, послѣ многихъ пробъ, останавливается на положеніяхъ дѣтей. Въ Альбертинѣ находится три рисунка съ эскизами описываемой нами Мадонны; на нихъ Христосъ то смотритъ на Мать, то на зрителя. * На

* *Madonna im Grünen* находится въ Вѣвскомъ Бельведерѣ. На лѣвѣйш. По бордюру платья Мадонны видна надпись: MDV...1 (1506?).

рисункѣ въ Уффицияхъ Креститель изображенъ преклонившимъ колѣно и съ тростниковымъ крестомъ въ рукахъ. Кромѣ того, въ Оксфордѣ есть этюдъ нарисованный не перомъ какъ другіе эскизы, а тушью; на немъ ребенокъ почти въ той же позѣ какъ на картонѣ.

Позы, выраженіе и движеніе дѣтей, какъ мы видимъ ихъ исполненными на картинѣ, прелестны; ихъ освѣщеніе и гармоническое сведеніе тоновъ, рисующихся въ легкихъ контрастахъ на фонѣ платья Матери, и далеко уходящій въ даль пейзажъ съ горами и озеромъ, ласкаютъ глазъ и душу. Въ пейзажѣ Рафаэль вложилъ свою Умбрию; онъ напоминаетъ пейзажъ *Сна рыцаря*. Лицо Богоматери болѣе Леонардовское нежели лицо Св. Екатерины и Маргариты, алтарной иконы Св. Антонія. Мы видимъ болѣе полныя и развитыя формы соединенныя съ болѣе сочною окраской, но Леонардовскій флеръ, застилающій и здѣсь солнце, умѣряетъ силу тѣней, а теплый свѣтъ распространяется по всей поверхности картины. Поразительно нѣженъ переходъ блеска эмали въ холодноватые сѣрые полутоны и въ теплыя коричневатыя тѣни.

Мадонна со щегленкомъ и *Мадонна въ зелени* не были послѣднимъ словомъ идеалическаго настроенія Рафаэля. Въ то время когда онъ писалъ *Мадонну Никколини*, въ которой чуть не переступилъ черту натуралистическихъ увлеченій, онъ, какъ бы въ противовѣсъ этому направленію, создаетъ вновь Мадонну съ дѣтьми среди чуднаго пейзажа. Эта Мадонна знаменитая *Луврская Садовница**; ею завершается циклъ композицій созданныхъ подъ вліяніемъ Леонардо.

Трудно найти новыя выраженія послѣ тѣхъ которыя мы употребляли описывая *Мадонну со щегленкомъ* и *Мадонну въ зелени* и всѣ ихъ выдающіяся качества. Но не будетъ преувеличеніемъ если мы скажемъ что во всѣхъ подро-

* *La belle Jardinière*. Лувръ. На деревѣ. По краю одежды Маріа надпись: Raphaello Urb. и датѣ MDVII (1). Картина эта была куплена Францискомъ I у Filippo Sergardi, который заказалъ ее Рафаэлю и увезъ въ Сиену. По словамъ Вазари, Рафаэль предъ отъѣздомъ въ Римъ оставилъ ее неоконченною, что подтверждаютъ нѣсколько нарисованныя складки мантии Маріи и ея непріятный голубой цвѣтъ. Окончаніе картины приписывается *Ридольфо Гирландайо*.

стать *Луерской Садовницы* мы видимъ еще большую тонкость какъ въ замыслѣ и построеніи группы такъ и въ красотѣ и гармоніи линий и формъ; видимъ большую прелесть, большую чистоту контуровъ и большую поэзію красокъ и пейзажа. Начала высокаго стиля соединены здѣсь съ самою тщательною передачей дѣйствительности, и тогда когда въ формообразованіи достигнута идеальная красота, мы можемъ различать породы травъ и цвѣтовъ нарисованныхъ на первомъ планѣ картины и восстающихъ собою эту великолѣпную композицію. Кроме того, эта Мадонна являетъ собою легко и нѣжно выраженный религіозный мотивъ, не впадающій въ старое умбрійское направленіе. Видно что въ душѣ Рафаэля стали усложняться сильныя впечатлѣнія флорентійскаго натурализма; снова вступаетъ въ свои права идеальная сторона изображеній Мадонны; свѣжесть естественности и непосредственная жизненность удержаны, но ослаблена сила ихъ выраженія. Все что пріобрѣтено Рафаэлемъ во Флоренціи становится уже теперь основаніемъ на которомъ зиждется новый идеальный образъ.

Богоматерь изображена и здѣсь сидящею на возвышеніи; Она смотритъ не на обоихъ дѣтей, а на одного Христа, который протягивая ручку къ лежащей на ея колѣнахъ книгѣ, вопросительно смотритъ на Мать, какъ бы допрашивая ее о значеніи написаннаго въ книгѣ и креста; предъ этимъ онъ слѣдилъ за чтеніемъ Матери, но вдругъ увидалъ крестъ въ рукахъ подошедшаго и преклонившаго предъ нимъ свое колѣно маленькаго Крестителя. Поза Крестителя также естественна какъ и поза Христа, примкнувшагося къ колѣнамъ Матери, которая нѣжно положила ему одну руку на плечо, а другою любовно взяла за руку. Очень красиво придано Христу болѣе возвышенное положеніе: онъ сталъ своею ногой на ногу Матери, мотивъ встрѣчаемый нами и прежде.

Не останавливаясь на этотъ разъ на подготовительныхъ для этой картины рисункахъ, мы не можемъ не упомянуть о превосходномъ эскизѣ Лувра. На немъ Марія нарисована сидящею на скамьѣ и любующеюся дѣтми; одною рукою она поддерживаетъ гибкое тѣло Христа, другою обнимаетъ его; книга которую она читала лежитъ закрытою; ручка Христа осталась между ея листовъ; Онъ обернулся къ паущему къ нему Крестителю, увѣчанному вѣнкомъ изъ листьевъ.

Прежде чѣмъ приступить къ исполненію картины Рафаэль нарисовалъ въ величественныхъ очертаніяхъ фигуру Христа и тутъ же въ пяти различныхъ положеніяхъ рисунокъ Его лѣвой ноги; этотъ превосходный этюдъ сохраняется въ Оксфордѣ.

На картинѣ, лицо Богоматери выражаетъ трогательное счастье съ примѣсю трагической ноты; чувствуется желаніе постичь тайну будущаго. Дѣтское участіе къ пассивно почувствованной ими грустной нотѣ видится во взорѣ Христа и Крестителя. И все это такъ очаровательно, формы и черты такъ милы, выраженія столь пріятельны, что мы врядъ ли можемъ себя представить что-либо болѣе совершенное. Волосы Богоматери раздѣлены по срединѣ и перевиты тонкимъ покрываломъ падающимъ капризными складками на Ея грудь и шею, красный корсажъ съ черною оторочкой охватываетъ Ея юную грудь, составляющую совершенство моделировки; золотыя вышивки по черной оторочкѣ, зелено-желтые рукава, желтый поясъ, все это возвысило бы гармоническое впечатлѣніе цѣлаго еслибы не голубой плащъ, оставленный не нарисованнымъ и столь слабо исполненный Радольфомъ Гурлаандайо. Но все-таки этотъ плащъ служитъ хорошимъ фономъ, на которомъ рисуются дѣти. По силѣ свѣтовъ, живости освѣщенія, прозрачности глубокихъ тѣней и гармоническихъ полутоновъ ни одно изъ произведеній Рафаэля того времени не можетъ сравниться съ этою Мадонной: близко къ ней подходит развѣ *Св. Георгій* нашего Эрмитажа. Равновѣсіе отдѣльныхъ партій, широко расположенныхъ, однихъ—освѣщенныхъ, другихъ—утопающихъ въ полутонахъ, нарушается мѣстами яркимъ пятномъ окраски. Холмистый пейзажъ оживленъ любимыми Рафаэлемъ тонкими граціозными деревьями; на первомъ планѣ разнообразная растительность; тутъ и камышъ, и трава, и кустарники, и полевые цвѣты, породы коихъ очень легко узнать. Вдали озеро, по берегамъ его видны поселенія съ церковью, увѣнчанною кулодомъ и колокольней; за ними цѣль отдаленныхъ горъ, а надо всѣмъ разстилается сводъ постепенно темнѣющаго въ высотѣ неба, по которому красиво бѣгутъ легкія облачка.

Къ этимъ тремъ картинамъ Рафаэля, композиція коихъ почти тождественна, примыкаютъ: *Мадонна со спящимъ Младенцемъ* и небольшая *Мадонна Эстергази*.

Мадонна со спящимъ Младенцемъ, къ сожалѣнію, не дошла до насъ въ оригиналѣ, но, судя по большому количеству

сохранившихся копій и репродукцій, надо думать что она очень нравилась современникамъ. Лучшею копіей считается находящаяся въ Мюнхенѣ у г. Вросса. Другія копіи находятся въ Пештѣ (у гр. Эстергази), въ Лондонѣ (Grosvenor Gallery), и наконецъ у насъ въ Эрмитажѣ. Пассаванъ считаетъ послѣднюю лучшею, приписывая ея исполненіе одному изъ учениковъ Рафаэля.

Сохраняющійся картонъ этой композиціи во Флорентійской Академіи тоже, по мнѣнію Кавальказелле, требуетъ тщательнаго изслѣдованія чтобъ убѣдиться въ его подлинности. Въ извѣстномъ письмѣ къ дядѣ своему Сиага (о которомъ мы будемъ говорить ниже) Рафаэль упоминаетъ объ одной картинѣ, за которую разчитываетъ получить 300 дукатовъ. Можно предположить что здѣсь идетъ рѣчь о *Мадоннѣ со спящимъ Младенцемъ*.

Сравнивая всѣ дошедшія до насъ копіи этой картины, мы убѣждаемся что онѣ срисованы съ одного оригинала. Богоматерь изображена присѣвшею на лужайкѣ, среди широкаго пейзажа; Она приподымаетъ покрывало надъ заснувшимъ Христомъ. Рядомъ съ Маріей на колѣняхъ юный Креститель. Вмѣстѣ Они составляютъ прелестную группу. Христосъ лежитъ на разостланной на камняхъ простынкѣ, опираясь спинкой на возвышеніе, и чтобъ удержаться въ этомъ положеніи, придерживается локоткомъ правой руки, тогда какъ лѣвая лежитъ свободно на Его колѣнѣ. Приподымая осторожно покрывало, Богоматерь любитъ своимъ Своимъ Младенца; юный Креститель, прижимаясь къ Ней, пальцемъ указываетъ на Христа, а взглядомъ какъ бы приглашаетъ зрителя принять участіе въ ихъ наслажденіи. Отроческое сложеніе Крестителя, трогательное выраженіе счастливой Матери и сонъ Младенца слились въ прелестную, очаровательную группу. Пейзажъ роскошенъ; съ одной стороны, сквозь деревья видны горы; у деревьевъ ластухъ ласетъ стадо, далѣе видна рѣка съ перекинутымъ черезъ нее мостомъ; у подножья горъ городъ съ укрѣпленіями. Съ другой стороны, холмы поросшіе деревьями и кустарниками; близъ нихъ видна фигура задумчиво идущаго Иосифа, а далѣе женщина направляющаяся къ видимому въ дали монастырю. Найдется ли когда оригиналъ этой превосходной композиціи? Да и былъ ли онъ когда написанъ? Очень можетъ быть, эти многочисленныя копіи были сдѣланы прямо

съ картона Рафаэля, такъ какъ на эту композицію нашлось много охотниковъ, и ученики Рафаэля, подъ его руководствомъ, спѣшили удовлетворить ихъ требованія.

Мадонькую *Мадонну Эстергази* * по ея безупречной композиціи можно также считать одною изъ драгоценныхъ жемчужинъ коллекціи флорентійскихъ мадоннъ Рафаэля. Богоматерь, стоя на колѣнахъ, поддерживаетъ Христа сидящаго на скалѣ, обернувшись къ подошедшему Крестителю, олуствившемуся на колѣна; въ одной его рукѣ тростниковый крестъ, въ другой легенда съ надписью: *Ecce agnus Dei*. Христость, желая присоединиться къ пришедшему товарищу, старается спуститься со скалы и въ то же время вглядывается въ слова легенды; чувствуется что смыслъ написанныхъ словъ становится для него понятнымъ. За этою группой тянется пейзажъ, волнистыя линіи котораго покрыты роскошною растительностью. Слева озеро окруженное лѣсомъ, развалины напоминающія храмъ Веспасіана въ Римѣ; за ними башни, а немного правѣ высокимъ конусомъ подымается гора.

Къ сожалѣнію, исполненіе этой превосходной композиціи неудовлетворительно. Вѣроятно, это была одна изъ тѣхъ мадоннскихъ картинокъ для которыхъ Рафаэль рисовалъ только контуръ, а дальнѣйшее исполненіе поручалъ своимъ ученикамъ.

Нѣсколько отступая отъ схемы пирамидальной композиціи и какъ бы пробуя другія комбинаціи, Рафаэль пишетъ *Мадонну съ безбородымъ Іосифомъ* и *Мадонну подъ пальмой*. Въ этихъ картинахъ Креститель олущенъ и замѣненъ Іосифомъ. Характеръ самой композиціи мѣняется; это не изображенія Матери любящейся на ребенка и мадоннского товарища, но первыя самостоятельныя изображенія Святаго Семейства.

Мадонна съ безбородымъ Іосифомъ ** была вѣроятно тою другою Мадонной которую, по свидѣтельству Вазари, Рафаэль нарисовалъ для Таддео Таддеи. Типомъ она напоминаетъ

* Мадонна Эстергази находится въ Пештѣ. На деревѣ. Высоты 3", широты 8".

** *Мадонна съ безбородымъ Іосифомъ* находится въ Эрмитажѣ. Переведена съ дерева на полотно. Высоты 0,72 метра, шир. 0,57 метра. Принадлежала прежде герцогу Ангулемскому. Въ Эрмитажъ поступила изъ коллекціи Crosat.

Мадонну Орлеанскую. Она изображена сидящею; на колынах Ея Христосъ, положившій Ей на грудь руку и повернувшійся лицомъ къ подошедшему Иосифу. Особый интересъ этой картинѣ придаетъ безбородое лицо Иосифа. Этотъ типъ очень занималъ въ это время Рафаэля; онъ встрѣчается опять и въ *Мадоннѣ подѣ пальмой* *. Съ рѣдкимъ искусствомъ размѣстивъ Рафаэль эту послѣднюю композицію въ пространствѣ круга; всякая линія такъ разчитана что соответствуетъ этой формѣ и вполне заполняетъ данное пространство. Святое Семейство остановилось для отдыха подѣ тѣнью пальмы. Иосифъ, опираясь на посохъ, сталъ на одно колено и предлагаетъ Младенцу букетъ цвѣтовъ; сидя на колынахъ Матери и поддерживаемый ею за обвязанный вокругъ Ея тѣла поясъ, онъ тянется къ цвѣтамъ. Богоматерь сидитъ на возвышеніи подѣ тѣнью пальмы. На ней простое платье со свѣтлыми рукавами, въ которомъ цвѣта переливаются изъ темнолиловыхъ тоновъ тѣней въ желтоватыя свѣтоты. На Иосифѣ темнолиловая туника и желтый плащъ. Рафаэль тщательно работалъ надъ этою картиной. Въ Луврѣ сохраняется рисунокъ на которомъ изображена Мадонна и втюдъ безбородого Иосифа. Послѣднее лицо — одно изъ лучшихъ этюдовъ Рафаэля; оно напоминаетъ своею законченностью лучшіе рисунки Леонардо, особенно уныбкой отражающеюся въ его старческихъ чертахъ. Что было ямочкой на молодомъ лицѣ, тутъ сдѣлалось морщиной, но это не мѣшаетъ всему лицу выражать преисполняющее его счастье и отеческую нѣжность. Этотъ рисунокъ, которымъ Рафаэль не воспользовался для *Мадонны подѣ пальмой*, онъ перенесъ на *Мадонну съ безбородымъ Иосифомъ*, нашего Эрмитажа.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ картинахъ мы видѣли какое значеніе придавалъ Рафаэль правильной, само-ограничивающейся группировкѣ, хотя все-таки большее значеніе въ нихъ имѣло для него ихъ внутреннее содержаніе. Но, по мѣрѣ сближенія съ Фра-Бартоломео, только обдуманная схема дѣлалась одно время какъ бы главною цѣлью художника. Это выразилось въ двухъ картинахъ — *Мадоннѣ съ ягненкомъ* и *Мадоннѣ изъ дома Канидусани*.

* *Мадонна подѣ пальмой* въ Лондонѣ, у лорда Элиасмира (Bridge-water House). Круглой формы; переведена съ дерева на полотно. Диаметръ 3', 4".

Мадонна съ ягненкомъ *, при первомъ на нее взглядѣ, дѣлаетъ впечатлѣніе написанной подъ вліяніемъ известнаго картона Леонардо да-Винчи, изображающаго „Св. Анну, сидящую у ней на колыскахъ Богоматерь и Младенца играющаго съ ягненкомъ“. Дѣйствіе начавшееся у Леонардо закончено Рафаэлемъ. Тамъ Марія помогаетъ Христу сѣсть на ягненка, здѣсь уже онъ взобрался на него, поддерживаемый Матерью. Несмотря на это сходство, композиція *Мадонны съ ягненкомъ* представляетъ вдохновенное, самостоятельное созданіе мастера. Тонкое исполненіе придаетъ этой маленькой картинкѣ удивительную прелесть: не говоря о прелестной фигурѣ улыбающейся Матери, любящейся на Младенца, твердо усѣвшагося на спину покорнаго ягненка, одинъ пейзажъ, и цвѣтами и травами перваго плана, озерами и зданіями вдаль, съ синѣющею цѣлью горъ, съ развѣсистыми деревьями, въ тѣни которыхъ видны развалины и голова ослика, все это представляетъ индивидуальски задуманную и превосходно исполненную художественную вещицу. Но, несмотря на это впечатлѣніе, не индивидуальское изображеніе семейнаго счастья было главною цѣлью художника, а схематическое построеніе группы, хотя эта цѣль и скрыта здѣсь подъ свѣжими, взятыми изъ дѣйствительной жизни, образами. Всмотриваясь въ главную группу, мы видимъ ясно очерченный треугольникъ, основаніемъ котораго служитъ фигура Іосифа, а вершиной голова Христа, и этотъ правильный треугольникъ вырисованъ только съ тѣми отклоненіями которыхъ требовало устраненіе рѣдкостей и всего механическаго. Этимъ отличается эта прекрасно сохранившаяся картинка отъ большей по размѣру и замыслу, но не столь совершенной *Мадонны* изъ дома *Камиджани*. **

Въ этой *Мадоннѣ Камиджани* архитектурное построеніе группы проведено съ педантичною строгостью,

* *Мадонна съ ягненкомъ* находится въ Мадридѣ. Отыскала ее такъ давно въ складахъ Эскуриала. Выс. 0,30 метра, шир. 0,20 метра.

** *Мадонна Камиджани* находится въ Мюнхенѣ. Она попала въ Баварію по случаю бракосочетанія Анны Медичи, дочери Козьмы III, съ Іоанномъ Вильгельмомъ, пфальцграфомъ Рейнскимъ, какъ свадебный подарокъ. На деревѣ. Высот. 4', шир. 3' 3½". По краю плаща Мадонны подпись Raphael Urbina. Современная съ нею копія во Флоренціи въ гал. *Корсини*.

и внешняя линия главной группы явственно выказывают форму трехугольника. Эта правильность указывает на то что Рафаэль не вполне овладел своею задачей; свободное ей разрѣшеніе требовало чтобы внешняя схема вполне обняла созданіе фантазіи, а не являлась бы въ глазах зрителя какъ бы ограничивающею чертой, за предѣлы которой не смѣетъ выступить ни одна линия. А это именно и случилось съ разсматриваемою нами картиной. Христосъ, Креститель и поддерживающія ихъ Матери представляютъ основаніе трехугольника, а стоящій надъ ними Іосифъ—его вершину.

Какъ дѣти, такъ и Матери, стоящія другъ противъ друга, нарисованы въ симметрическихъ, очень схожихъ позахъ. Матери присѣли на ковшна; между ними дѣти; Христосъ беретъ изъ рукъ Крестителя легенду, на которой написано: *Ecce agnus Dei*. Эта симметрия и холодное построеніе не такъ бросались бы въ глаза еслибы цѣлы были ангелы изображенные въ небѣ; они исчезли, благодаря реставраціи, и вообще сохраненіе картины очень печальное.

Но эта Мадонна имѣетъ и другія стороны на которыхъ мы должны остановиться, не говоря уже о прекрасной головѣ Богоматери, напоминающей Мадонну съ безбородымъ Іосифомъ и принадлежащей къ лучшимъ типамъ флорентійскихъ мадоннъ Рафаэля.

Сохранившіеся рисунки доказываютъ какъ много трудился художникъ при исполненіи этой картины; тутъ есть этюды съ нагихъ моделей, этюды драпировокъ, анатомическихъ подробностей, повторенія фигуръ въ различныхъ позахъ и нѣсколько разъ измѣненныя положенія лицъ, въ отношеніи другъ къ другу. Эти занятія Рафаэля совпадаютъ со временемъ его сближенія съ Фра-Бартоломео, картины коего написанныя въ это время доказываютъ также что онъ обязаны своимъ происхожденіемъ одинаковымъ занятіямъ обоихъ мастеровъ и одинаковому ихъ направленію.

Въ то же время Рафаэль былъ занятъ и подготовительными этюдами для своей иконы долженствовавшей изобразить *Положеніе во гробѣ*, и изучалъ приемы Микель-Анжело, присматриваясь къ его способу наложенія красокъ. Это и видно на исполненіи какъ *Мадонны Камиджани* такъ и *Положенія во гробѣ*. Онъ переноситъ на нихъ прозрачность окраски и добивается дать своимъ картинамъ зеркальную гладкость поверхности; онъ не забываетъ и того эффекта который

вызывалъ Микель-Анжело переливами различныхъ цвѣтовъ. Онъ сѣдуетъ за нимъ въ вырисовкѣ рукъ, ногъ и сочлененій и въ его любимыхъ сопоставленіяхъ свѣтовъ и тѣней, избегая при этомъ нѣкоторой холодности, естественнымъ послѣдствіемъ доведеннаго до зеркальной гладкости исполненія. Все это вполнѣ выразилось при исполненіи *Мадонны Каниджани*.

Въ матери Крестителя, Елисаветѣ, воспроизведена реальная фигура, прямо взятая изъ дѣйствительной жизни; съ открытымъ, беззубымъ ртомъ, морщинистыми щеками, прикрытая бѣлымъ платкомъ, она воспроизводитъ типъ часто встрѣчаемый потомъ у флорентійскихъ живописцевъ, особенно у Андреа дель-Сарте. Какъ живо было впечатлѣніе этого чисто флорентійскаго типа, видно изъ того что Рафаэль повторилъ его еще нѣсколько разъ въ послѣдствіи: въ *Сивиллѣ S. Maria del Pace* и *Мадоннѣ del Impanato*.

Разнообразный пейзажъ занимаетъ дальній планъ *Мадонны Каниджани*; эффектъ неба потерявъ, ибо оно зарисовано реставраторами вмѣстѣ съ находившимися на немъ ангелами. Ангелы сохранились на современной коліи, находящейся въ галлерей Корсини.

Въ сферѣ обоюдныхъ вліяній Рафаэля и Фра-Бартоломео создавалась и послѣдняя флорентійская Мадонна Рафаэля, *Мадонна подъ балдахиномъ*. *

По показанію Вазари, она была написана по заказу флорентійскаго кулца Dei. При отъѣздѣ въ Римъ Рафаэль оставилъ ее неоконченною въ своей мастерской. Оттуда она перешла во владѣніе Бальтазара Турини, который пожертвовалъ ее въ церковь своего роднаго города Пешы. Вѣроятно кто-нибудь изъ учениковъ Рафаэля дорисовалъ ее предъ тѣмъ какъ выдать ее владѣльцу.

Мадонна подъ балдахиномъ завершаетъ собою циклъ флорентійскихъ Мадоннъ Рафаэля. Это не картина, а обширная алтарная икона. Вѣроятно Рафаэль не былъ свободенъ въ выборѣ сюжета и подчинился требованіямъ заказчика назначавшаго эту икону для одного изъ алтарей S. Spirito. Эта икона, воспроизводя такъ-называемую *Santa Conversazione*, примыкаетъ къ писаннымъ Рафаэлемъ для Перуджии

* *Мадонна подъ балдахиномъ* находится въ гал. Питти. На дѣрзвѣ. Высот. 10', шир. 6'.

иконамъ. Но тамъ мы видимъ еще конвенціональныя умбрійскія иконы; здѣсь же свободную и величественную композицію, несмотря на обязательную форму. Случай или сознательное убѣжденіе привлекли художника отъ изображенія идеалическихъ мадоннъ наслаждающихся семейнымъ счастьемъ къ изображенію мадонны во славу, возсѣдающей на престолѣ, окруженной ангелами и святыми. Завершая собою флорентійскій циклъ, эта Мадонна открываетъ собою новую перспективу въ развитіи гениа Рафаэля, являясь провозвѣстницей тѣхъ *Madonna Gloriosa* которыя вознесутъ славу имени художника превыше всѣхъ именъ на вѣчныя времена.

Съ того времени когда Рафаэль еще въ мастерской Перуджино писалъ *Внѣчаніе Богоматери Царицей Небесною* для Магдалины де-Одди, ему не приходилось исполнять иконы такого размѣра и создавать композицію изъ такого числа лицъ. Въ глубинѣ полукруглой ниши, на возвышенномъ, богато убранномъ престолѣ, надъ которымъ сверху виситъ бадахинъ, - раздвинуты занавѣсы коего держатъ два парящіе въ воздухѣ ангела, возсѣдаетъ Богоматерь; на рукахъ ея Младенецъ-Христосъ. Въ этой группѣ Матери и Младенца отразилась вся прелесть флорентійскихъ Мадоннъ Рафаэля. Богоматерь не имѣетъ строгаго церковнаго тѣла; въ томъ движеніи коимъ она придерживаетъ одною рукою ручку Христа, а другою нѣжно его обнимаетъ, а Онъ заигрывая правою рукою со своею ножкой, а лѣвою добираясь до груди Матери, съ улыбкой оборачивается къ стоящему у стулеи престола Петру, выразилось то идеалическое настроеніе съ которымъ Рафаэлю трудно было разстаться даже въ иконѣ. Волосы Богоматери раздѣлены проборомъ на двѣ пряди и перевиты покрываломъ, концы котораго падаютъ на ея плечи; платье схвачено у груди поясомъ, а ноги прикрыты широкою драпировкой укутывающаго ихъ плаща. Слѣва у престола стоитъ монахъ въ бѣлой расѣ бенедиктинца; онъ держитъ въ одной рукѣ раскрытую книгу, а другою обращается съ выразительнымъ жестомъ къ Петру, который, тоже съ книгой въ рукахъ и ключемъ, обращенный корпусомъ къ зрителю, повернулъ лицо свое къ монаху, внимательно вслушиваясь въ его рѣчи. На Петрѣ коричневый хитонъ и голубая мантия. Съ другой стороны престола, Св. Іаковъ, опирающійся на длинный посохъ, и Августинъ въ епископской одеждѣ.

Два голые ангельчика у нижней ступени престола наполняют пространство между стоящими по сторонамъ святыми; одинъ изъ нихъ держитъ въ рукахъ легенду, которую другой, положивъ первому свою руку на плечо, старается прочесть. Если мы скажемъ объ этихъ ангельчикахъ что они очаровательны, что позы и движенія ихъ переданы превосходно и т. д., то мы ничего не скажемъ. Въ нихъ проявилась въ высшемъ своемъ развитіи та идеальная красота которой Рафаэль достигалъ долгимъ изученіемъ дѣйствительности. До сихъ поръ мы видали много дѣтей нарисованныхъ Рафаэлемъ, но по гармонической правдѣ, свободѣ выраженныхъ ими движеній и широтѣ исполненія, эти два ангела превосходятъ все нарисованное до сихъ поръ въ этомъ родѣ Рафаэлемъ, и мы при видѣ ихъ чувствуемъ и сознаемъ что теперь должны ожидать отъ художника еще болѣе величественныхъ и благородныхъ образовъ. И мы ихъ увидимъ въ ангелахъ Мадонны да-Фолиньйо и Сикстинской Мадонны.

Вся верхняя часть картины окончена однимъ изъ учениковъ Рафаэля. Парящіе въ воздухѣ ангелы указываютъ на другую эпоху дѣятельности художника, ибо они видимо срисованы съ ангеловъ фрески S. Maria del Pace. Общее впечатлѣніе этой иконы таково что ее съ перваго взгляда можно принять за произведеніе Фра-Бартоломео. Общее расположеніе, позы стоящихъ у престола святыхъ, форма складокъ ихъ одеждъ, все это совершенно соответствуетъ приемамъ Фра-Бартоломео; но когда всмотримся въ подробности, не говоря уже о стоящихъ у престола ангелахъ, взглянемъ на Младенца-Христа, на его движеніе—привычнымъ жестомъ руки отыскивающего грудь Матери, а другою рукой играющего со своею ножкой, на Его смѣющийся, ясный взглядъ, съ которымъ онъ оглядывается на Петра, и другія особенности, станетъ ясно что никто кромѣ великаго Рафаэля не могъ написать подобной картины.

Мы кончили описаніе мадоннъ исполненныхъ Рафаэлемъ въ продолженіе четырехлѣтняго періода его жизни съ 1504 до 1508 года. Такъ какъ главные вліянія подѣ которыми онъ развивался въ это время исходили изъ Флоренціи, то этотъ періодъ его дѣятельности обыкновенно называютъ Флорентійскимъ, или его *второю манерой*. Предоставленнымъ самому себѣ, не насилуемый требованіями заказчиковъ и

другими условіями обязательныхъ работъ, Рафаэль былъ свободенъ въ выборѣ сюжетовъ, и онъ останавливается преимущественно на изображеніяхъ Мадоннъ и Святаго Семейства. Несмотря на сильныя вліянія болѣе его опытныхъ и прославленныхъ мастеровъ, мастеровъ гениальныхъ, каковы Леонардо да-Винчи и Микель-Анджело, несмотря на вліянія совместной работы съ Фра-Бартоломео, Рафаэль остается оригинальнымъ и самобытнымъ. Все что онъ воспринимаетъ, онъ перерабатываетъ въ горнилахъ своего духа, и каждая начертанная имъ линия, каждый взмахъ кисти его, носитъ на себѣ отпечатокъ его гения. То что было добыто усиліями многихъ поколѣній, въ продолженіе двухсотлѣтняго развитія италіанской живописи и пластики, онъ воспринимаетъ въ себя какъ свое законное наслѣдство; онъ широко открываетъ любознательный свой взоръ на окружающую его дѣйствительность, изучая ея явленія, всматриваясь въ приемы современныхъ ему великихъ мастеровъ, и беретъ у нихъ то чего требуетъ органической ростъ его гения и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не теряетъ изъ вида того идеала образъ коему онъ былъ призванъ.

Разсмотрѣнныя нами Мадонны отражаютъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, развивающуюся постепенно силу его гения. Если дѣятельность его въ Урбино и Перуджіи отразила въ себѣ его отрочество и юность, то Флорентійская эпоха рисуетъ намъ его молодость. Это возрастъ въ которомъ Шекспиръ писалъ своего Ромео. У Рафаэля этотъ возрастъ выразился не вдохновенною пѣснью любви, съ ея страданіями и увлеченіями, а цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ образовъ изъ міра любви Матери къ своему ребенку, міра играющихъ, смѣющихся, ласкающихся дѣтей, и только изрѣдка прозвучить въ этомъ свѣтломъ мірѣ нота предчувствія чего-то неизбежнаго и грознаго. И въ этотъ міръ вливалась вся природа съ ея безконечнымъ небомъ, съ роскошью растительнаго царства, со всѣмъ богатствомъ своихъ формъ и красокъ. Освободившись отъ мистическихъ представленій умбрійскаго міросозерцанія, Рафаэль всею силой своей молодой души погружается въ этотъ міръ красоты, не боясь перейти черту за которою начинаются матеріализмъ и чувственность. Мало дошло до насъ біографическихъ данныхъ о жизни Рафаэля которыя дали бы намъ право изобразить его личность, но изучая его флорентійскія Мадонны мы невольно

думаемъ что онъ былъ именно такимъ какимъ отразился въ этихъ очаровательныхъ, бесконечно прелестныхъ, земныхъ, любящихъ и счастливыхъ созданіяхъ своего гениа.

Въ описаніи флорентійскихъ Мадоннъ Рафаэля мы не придерживаемся хронологическаго порядка: за неимѣніемъ многихъ данныхъ, этотъ порядокъ можно было бы возстановить лишь приблизительно. Раздѣливъ ихъ на группы по ихъ содержанію, мы думаемъ что даемъ возможность лучше понять ихъ значеніе и тѣ вліянія подъ которыми они были созданы. Приступая теперь къ описанію портретовъ и картинъ Рафаэля исполненныхъ имъ въ то же время мы измѣнимъ нашъ пріемъ и постараемся связать ихъ описаніе съ тѣми данными которыя мы имѣемъ о внѣшней жизни Рафаэля, что конечно дополнить все недосказанное прежде.

Въ началѣ своего пребыванія въ Флоренціи, Рафаэлю приходилось испытывать свои силы на различныхъ поприщахъ. Кромѣ Мадоннъ и картинъ религіознаго содержанія, онъ писалъ и портреты. Въ усиліяхъ оживотворить идеалъ Мадонны онъ изучалъ окружающую его дѣйствительную жизнь; въ его подготовительныхъ этюдахъ мы видѣли много срисованнаго непосредственно съ натуры, и точность этихъ этюдовъ такова что отъ нихъ не отказался бы самый крайній реалистъ; но эти этюды перерабатывались и одухотворялись по мѣрѣ того какъ созрѣвала въ творческомъ духѣ художника задуманная имъ картина. Рисуя портреты съ извѣстныхъ личностей, гдѣ первымъ условіемъ было сходство, Рафаэль не имѣлъ права жертвовать многими подробностями, отъ которыхъ онъ могъ легко отказаться при свободномъ творествѣ. Притомъ, надо было иногда уступать требованіямъ заказчиковъ. Но и тутъ художественное чувство говорило Рафаэлю что одно физическое сходство еще не дѣлаетъ портрета если при этомъ не схваченъ характеръ изображаемаго имъ лица.

Портреты писанные Рафаэлемъ въ Флоренціи не представляютъ того величественнаго воспроизведенія историческихъ личностей какое мы видимъ у него въ послѣдствіи въ Римѣ, но они еще болѣе нежели Мадонны указываютъ на вліянія подъ которыми онъ развивался, и когда онъ желалъ быть самостоятельнымъ и стремился освободиться отъ вліянія Леонардо, изображенія его выходили слабѣе и не столь живы.

Написанная Леонардомъ *Mona Lisa*, для ея супруга, дѣлается преимущественно предметомъ изученія Рафаэля. Авьйоло Доми, одинъ изъ первыхъ его покровителей, съ которымъ онъ сошелся у Баччіо д'Авьйоло, заказалъ Рафаэлю свой портретъ и портретъ жены своей *Маддалены* рожденной Строцци. Оба эти портрета сохранились и находятся въ настоящее время въ Уффицияхъ.

Сначала Рафаэль сталъ писать портретъ Маддалены. Она не была красавицей и представляла, несмотря на свое аристократическое происхожденіе, довольно обыкновенный типъ. Приступая къ этому портрету, Рафаэль былъ преисполненъ впечатлѣніемъ которое произвела на него *Mona Lisa*; онъ не могъ забыть ея загадочной улыбки, ея таинственнаго взора и того загадочнаго освѣщенія которое выдѣляетъ ее на фонѣ романтическаго пейзажа, съ его долинами, водами, лѣсами и скалами.

Въ первоначальномъ эскизѣ, нѣсколькими характерными линіями Рафаэль набросалъ молодую и просто одѣтую женщину съ гладко причесанными волосами, лежащими на затылкѣ роскошною косою, съ бархатнымъ взглядомъ, въ которомъ свѣтятся счастье и радость и то довольство собою которое умѣлъ выражать одинъ Леонардо. Полныя руки положены одна на другую, какъ у *Mona Lisa*, скромная шемизетка защищаетъ грудь, и весь костюмъ преисполненъ той простоты которой требовалъ великій Флорентинецъ какъ необходимаго слутника красоты. Таковъ первоначальный эскизъ сохраняющійся въ Луврѣ.

При исполненіи портрета красками многое измѣнилось во не къ лучшему. Явились различные аксессуары и украшенія, которыхъ можетъ-быть потребовала сама Маддалена. Волосы прикрылись красивою свѣткой, но изъ-подъ нея высвободились локоны и легли вдоль ея щекъ; роскошную грудь охватилъ корсажъ изъ толстой шелковой матеріи съ голубыми широкими каймами; рукава съ роскошными буфами; на рукахъ драгоценныя кольца; на шеѣ золотая цѣпь съ медальйономъ осыпаннымъ брилліантами и грушевидный, жемчужный подвѣсокъ. Фигура Маддалены рисуется на свѣтломъ небѣ; вдали синѣютъ горы; сѣвѣ холмъ съ тонкими граціозными деревцами.

Несмотря на богатство украшеній, отъ которыхъ такъ предостерегалъ Леонардо, въ исполненіи этого портрета

Рафаэль слѣдовалъ его принципамъ. Свѣтъ и тѣни распределены совершенно такъ какъ онъ училъ; они не принужденно и незамѣтно сливаются въ общемъ колоритѣ; передано движеніе воздуха; вѣтерокъ шуршащій въ листьяхъ деревьевъ легко шевелитъ выбившіяся изъ-подъ свѣтки пряди волосъ. Лицу Магдалены не достаетъ только улыбки *Mona Lisa*. Но какъ Рафаэль ни подчинялся Леонарду, онъ все-таки и здѣсь выказалъ свою самостоятельность. Онъ не доводитъ до крайности *sfumato* Леонарда; моделировка его широка, но и тщательна. Ясный тонъ карнаціи сливается съ жемчужно-сѣроватыми переходными тонами, незамѣтно утоляющими въ теплыхъ тѣняхъ зеленоватой умбры. Гладкость эмали, прозрачность тѣней и яркіе, но гармоническіе цвѣта одежды охвачены контурами удивительной точности и чистоты, а широкое письмо складокъ наломиваетъ Мазаччо.

Портретъ мужа Магдалены, Аньоло Доли, тоже хорошъ, но нѣсколько бездѣтеленъ. Это изображеніе человѣка сидящаго въ самоувѣренной позѣ, прилично одѣтаго въ темное шелковое платье, черная шалочка на головѣ, какъ любилъ одѣваться серьезные Флорентинцы. Онъ смотритъ какъ бы сошедшимъ съ одной изъ фресокъ Гирландайо. У него длинные, падающіе на плечи волосы; бѣлый воротничекъ и манжеты нѣсколько нарушаютъ однообразную, темную окраску его костюма. Одна рука лежитъ на колѣнѣ, другая свободна. Въ общемъ тѣ же приемы какъ и въ портретѣ жены его: пейзажъ, освѣщеніе и моделировка; только контрастъ свѣтовъ и тѣней выраженъ энергичнѣе и самыя краски сочнѣе.

Исполненіе этихъ портретовъ вѣроятно относится къ тому времени когда Рафаэль писалъ *Мадонны Терри, del Cardellino* и *im Grünen*, то-есть ко времени своего увлеченія Леонардомъ.

Въ Уффицияхъ, рядомъ съ описанными портретами, висятъ еще два женскіе портрета неизвѣстныхъ намъ особъ, но по стилю несомнѣнно принадлежаще Рафаэлю и исполненные имъ въ тотъ же періодъ своего художественнаго развитія. Одинъ изъ нихъ носитъ названіе *La donna gravida* (беременная женщина), а другой портретъ *Неизвѣстной*. Рисунокъ *Donna Gravida* увѣренный; поза ея вполне естественна. Сильные контрасты въ цвѣтахъ (красные рукава и бѣлый фартукъ). Карнація свѣжа, тѣни прозрачны, и все исполненіе отличается большею широтой и свободой нежели исполненіе портретовъ *Дони*.

Портретъ *Неизвѣстной* написанъ вѣроятно позднѣе. Надо думать что оригиналомъ было лицо близкое Рафаэлю. Въ этомъ лицѣ много лоззвн, и вмѣстѣ съ видимымъ вѣшнимъ сходствомъ художникъ сумѣлъ воспроизвести и душевную сторону оригинала создавъ изъ индивидуальныхъ чертъ типическій образъ. Въ исполненіи Рафаэль является уже вполне овладѣвшимъ своими средствами, и этотъ портретъ достоинъ кисти Леонардо. Въ лицѣ этой загадочной незнакомки выражается глубокая грусть; неизлѣчимое горе легло тяжелымъ камнемъ на ея молодое сердце. Опершись руками на балюстраду, она смотритъ на зрителя своимъ меланхолическимъ взглядомъ. Удивительно изящный костюмъ, несмотря на его простоту, выдѣляетъ красивыя формы ея тонкой груди, ея благородныхъ, аристократическихъ рукъ и симпатичнаго лица. Золотая цѣлочка на груди и кольцо на тонкихъ пальцахъ выдѣляются блестящими латнами на яркой зелени ея корсажа съ темными широкими рукавами, рисующимися на бѣлизнѣ ея фартука. Всѣ эти цвѣта сливаются въ гармоніи врядъ ли превзойденной Рафаэлемъ въ его портретахъ римской эпохи. Узнаемъ ли мы когда имя этой таинственной незнакомки, написанной Рафаэлемъ съ такою любовью и съ такимъ мастерствомъ?

Прибывъ во Флоренцію, Рафаэль остается въ ней нѣсколько мѣсяцевъ; въ 1505 году мы его видимъ снова въ Перуджии, гдѣ онъ проводитъ большую часть этого года. Въ это время онъ занятъ окончаніемъ алтарной иконы для монастыря Св. Антоніа (начатой имъ предъ отъѣздомъ во Флоренцію) и приступаетъ къ исполненію фрески S. Severo. Мы видимъ выше что 29 декабря 1505 года онъ заключилъ контрактъ съ монахинями Monte Luce, коимъ обязался написать Вѣщаніе Богоматери. Мы знаемъ что Рафаэль не исполнилъ этого обязательства. Мы знаемъ также что въ Перуджии онъ пользуется славой лучшаго мѣстнаго живописца. Вѣроятно въ это же время онъ получаетъ заказъ отъ семьи Ansidei, написать имъ алтарную икону и заказъ Аталянты Бальйони, тоже иконы, съ изображеніемъ *Положенія во гробъ*, которую онъ и исполнитъ черезъ два года, то-есть въ 1507 году.

Въ 1506 году мы видимъ Рафаэля въ Урбино, гдѣ въ концѣ 1505 года свирѣпствовала чума. Герцогъ Гвидобальдо, находившійся въ Римѣ при исполненіи своихъ обязанностей главнокомандующаго латскихъ войскъ, прибылъ въ Урбино

въ февралѣ 1506 года; вѣроятно и Рафаэль посѣтилъ родной городъ въ то же время. Здѣсь онъ встрѣтилъ родныхъ и друзей, направившихъ его первые шаги, любимаго имъ перваго своего учителя Тимотео делла-Вите и расположеннаго къ нему герцога и его окружающихъ. Теперь Гвидобальдо болѣе не ждали прежде „осчастлививалъ тѣхъ кто ему служить“, какъ говорили его современники. Время было мирное, и онъ, окруженный своими друзьями, могъ свободно предаваться своимъ занятіямъ, сколько позволяло ему сильно пошатнувшееся здоровье. Душу и умъ возвышающіе разговоры, диспуты, художественныя представленія, охоты, военныя упражненія чередовались другъ съ другомъ, и жизнь текла спокойно, полная великихъ помысловъ и платоническихъ увлеченій. Художественныя коллекціи и библіотека разрастались, и самъ герцогъ, знавшій наизусть Гомера и Вергилія, и его высокообразованная супруга, и гости подавали рѣдкій примѣръ нравственной жизни.

Кромѣ того, Урбинскій дворъ занимало въ это время особенное событіе, имѣвшее вліяніе и на Рафаэля. Англійскій король Генрихъ VIII прислалъ герцогу Гвидобальдо орденъ Подвязки. Торжественное возложеніе ордена совершено было двумя уполномоченными Англійскаго короля, Гластонбери и Гильбертомъ Тальботомъ, 23 апрѣля, въ день праздника патрона ордена, Св. Георгія, въ Урбино. Отблагодарить короля за такую милость посланъ былъ герцогомъ въ Англію графъ Кастильоне, который вмѣстѣ съ Франческо ди-Баттиста Чечи выѣхалъ изъ Урбино 10 іюня 1506 года; онъ везъ съ собою великолѣпные подарки, лошадей, соколовъ, различныя драгоценныя вещи, произведенія флорентійскихъ ювелировъ. и между этими подарками была небольшая картинка написанная Рафаэлемъ, *Св. Георгій поражающій копьемъ дракона*. Кастильоне прибылъ въ Дувръ 20 октября, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ и сопровожденъ въ Лондонъ. Онъ возвратился въ Урбино въ 1507 году.

Долго эта картина, посланная въ подарокъ королю, сохранилась въ королевскихъ коллекціяхъ. Она значится въ инвентаряхъ Генриха VIII и Карла I. При распродажѣ коллекціи Карла I она была куплена неизвестнымъ за 150 ф. стер. Затѣмъ мы видимъ ее въ коллекціи маркиза de Sourdis въ Парижѣ, потомъ у г. de la Noue. Наконецъ послѣ многихъ превратностей она попала въ нашъ Эрмитажъ.

За два года до поѣздки Кастильйоне въ Англію, Рафаэль, подготовая рисунокъ для *Св. Георгія*, написаннаго имъ тогда для того же герцога Урбинскаго, пробовалъ иначе расположить композицію, изображая коня не скачущаго впередъ, какъ это видно на картинѣ, но назадъ отъ зрителя, въ глубь дальняго плава; подобный рисунокъ сохранился въ Оксфордѣ. Но Рафаэль затруднялся найти сидящему на конѣ Георгію подходящую позу, и этотъ рисунокъ былъ оставленъ. Всматриваясь болѣе въ извѣстный барельефъ Донателло, онъ находитъ наконецъ нужное положеніе скачущему мимо пораженнаго дракона Георгію, и маленькій картонъ, въ которомъ онъ обработалъ эту новую композицію, принадлежитъ къ самымъ прелестнымъ и оживленнымъ его произведеніямъ. При этомъ вспомнимъ что уроки Леонарда выразились и здѣсь въ болѣе правдивомъ изученіи формъ лошади и ея движеній. Этотъ картонъ сохраняется въ Уффицияхъ. Съ него была исполнена картина посланная герцогомъ Урбинскимъ королю Англійскому.

Какъ въ картинѣ, такъ и въ картонѣ фигура Св. Георгія написана превосходно; въ движеніяхъ коня и всадника самообладаніе, сила и упругость. Георгій только что далъ сильный ударъ плорами коню, и тотъ ринулся, высоко поднявъ переднія ноги, храля и озираясь на страшнаго дракона. Плащъ рыцаря развѣваетъ вѣтеръ, и черты прекраснаго юнаго лица его оживляются радостью совершаемаго подвига. Пораженное чудовище, еще сильное въ заднихъ ногахъ, въ страшной судорогѣ старается передними лапами удерживать все болѣе и болѣе проникающее въ грудь его копьё... Еще моментъ, и драконъ съ ревомъ испуститъ духъ свой. Красивымъ контрастомъ этой энергической оживленной сцены является прелестная колѣнопреклоненная царевна на заднемъ планѣ. Дикая мѣстность гдѣ жилъ драконъ навѣдывшій страхъ на всю окрестность, его лещера подъ скалою поросшею деревьями и кустарниками, сѣва; позади царевны деревья и кустарники, а далѣе обширный пейзажъ съ возвышающеюся колокольней далекаго монастыря. Золотой шлемъ рыцаря, блескъ стальныхъ его латъ, бѣлый конь и его голубая съ золотомъ сбруя, общій тонъ картины разчитанный на то чтобы выдѣлать бѣлизну и переливы шелковистой шерсти лошади, все это исполнено мастерски и съ тщательностью миниатюриста. Время не особенно пощадило эту превосходную картину, но все-таки она сохранилась

настолько что можно вполне насладиться удивительнымъ исполненіемъ, блескомъ окраски, живою силою моделировки, абсолютною чистотою формъ и общою гармоніей тоновъ. Это былъ дѣйствительно царскій подарокъ. Самый заказъ, названный такимъ особеннымъ случаемъ, доказываетъ насколько цѣнился Рафаэль при дворѣ герцога Урбинскаго. * Вѣроятно въ это же время онъ написалъ для Гвидобальдо тѣ двѣ Мадонны о которыхъ говоритъ Вазари. По мнѣнію Пассавана, это были *Мадонна съ безбородымъ Іосифомъ* и *Мадонна Орлеанская*.

Кромѣ того, до насъ дошли свѣдѣнія о другихъ исполненныхъ Рафаэлемъ въ это время работахъ. Такъ Бембо, въ письмѣ къ кардиналу Santa Maria in Portico отъ 19. апрѣля 1516 года, упоминаетъ о портретѣ герцога Гвидобальдо сдѣланномъ Рафаэлемъ. По показанію Antonio Beffa Negrini, у Кастильоне былъ портретъ Елизаветы, жены герцога, написанный нашимъ художникомъ. Морелли описываетъ портретъ Бембо, долго сохранявшійся въ домѣ Бембо въ Падуй: „Маленькій портретъ П. Бембо въ его молодости, когда онъ находился при Урбинскомъ дворѣ, работы Рафаэля чернымъ карандашомъ“. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ этихъ портретовъ не дошелъ до насъ.

Но, къ счастью, сохранилось одно сокровище, это собственный портретъ Рафаэля, написанный имъ самимъ въ то время, вѣроятно по просьбѣ друзей или родственниковъ. Этотъ превосходный портретъ долго находился въ Урбино, потомъ онъ перешелъ въ академію Св. Луки въ Римъ и оттуда уже въ Уффици, гдѣ составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній коллекціи портретовъ живописцевъ, писанныхъ ими самими.

На этомъ портретѣ мы видимъ Рафаэля двадцати-трехлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. Онъ написалъ себя въ темномъ плащѣ съ черною шалочкой на головѣ. Лицо съ тонкими, красивыми чертами взято въ три четверти. Правильная голова, могущая привести въ восторгъ френолога, украшена густыми каштановаго цвѣта волосами. Они лежатъ на тонкой

* *Св. Георгій*. Находится въ Петербургскомъ Эрмитажѣ. Переведенъ съ дерева на полотно. Выс. 10 $\frac{3}{4}$ '' , шир. 8 $\frac{3}{8}$ '' . На нагрудникѣ кока надпись—Raphael; на подвязкѣ Георгія—*Ноллі*, какъ известно, первое слово девиза ордена Подвязки.

граціозной шеѣ. Отдѣльныя части лица правильны, тонки и красивы; прямой носъ, довольно полныя губы, брови рисующіяся правильною дугою, большіе каріе глаза съ ихъ яснымъ и чистымъ выраженіемъ, тѣ глаза въ которыхъ отразится красота всего существующаго. Предъ нами тотъ образъ который представляется каждому при мысли о Рафаэлѣ, и дѣйствительно онъ долженъ былъ быть такимъ когда рисовалъ своихъ флорентійскихъ Мадоннъ. Этотъ портретъ не пощадили ни время, ни реставраторы, но онъ все-таки даетъ правильное понятіе о вѣнности великаго художника.

Мы не знаемъ навѣрно былъ ли еще Рафаэль въ Урбино, когда проѣзжалъ черезъ него папа Юлій II, отправлявшійся въ Болонью смирить ее и подчинить своему владычеству. Для пріема папы были сдѣланы большія приготовленія: воздвигались триумфальныя арки и различныя эмблематическія сооруженія; соборъ и дворецъ украшались коврами и дорожными матеріями; по улицамъ разсыпались цвѣты.

Юлій II прибылъ 25 сентября 1506 года въ сопровожденіи двадцати двухъ кардиналовъ и цѣлаго сонма прелатовъ. Сто блестящихъ рыцарей и триста алебарщиковъ папской свиты предшествовали ему. Самые значительные граждане Урбино вышли на встрѣчу. Папа остановился за милю отъ города, въ монастырѣ бернардинцевъ; оттуда онъ могъ видѣть всю живописную панораму окружающей Урбино мѣстности. Вечеромъ, верхомъ на великолѣпно-убранномъ конѣ, лодъ багдахиномъ, папа вступилъ въ городъ и остановился у собора гдѣ прочелъ литію. Затѣмъ уже онъ отправился во дворецъ.

Въ Урбино грозный папа пробылъ три дня, былъ въ отличномъ расположеніи духа, любезенъ и привѣтливъ со всѣми. Можетъ-быть въ это время онъ могъ во дворцѣ герцога увидѣть одно изъ произведеній Рафаэля и пожелалъ узнать лично молодого художника. Можетъ-быть его проникательный взоръ уже тогда угадалъ великое будущее значеніе этого красиваго молодого человѣка, и папа тогда же рѣшилъ призвать его въ Римъ.

Въ концѣ 1506 года Рафаэль возвратился во Флоренцію. Предполагаемое нѣкоторыми біографами посѣщеніе Болоньи и нѣкоторыхъ Умбрійскихъ городовъ, по коимъ могъ разѣзжаться Рафаэль во время своихъ переездовъ изъ Флоренціи въ Перуджію, оттуда въ Урбино и обратно, можно отвести

къ этому году. Но это все предполагаемые факты, ожидающіе документальныхъ подтвержденій. Знакомство Рафаэля съ произведеніями Синьйорсали, все болѣе и болѣе скрѣпляемая дружба съ Франческо Франчией, сношенія съ Лоренцо Костой могутъ быть объяснены и безъ личнаго пребыванія его въ тѣхъ городахъ гдѣ жили названные художники. Скорѣе они могли пріѣзжать во Флоренцію, этотъ центръ художественной дѣятельности Италіи.

По возвращеніи во Флоренцію Рафаэль, кромѣ описанныхъ выше Мадоннъ, занялся подготовительными этюдами для исполненія заказанной ему Аталантой Бальбони иконы *Положенія во гробъ*. Вѣроятно въ это же время написаны дѣтъ *Аполлонъ и Марсіясъ* и *Св. Екатерина Александрійская*.

Аполлонъ и Марсіясъ пріобрѣтена въ прошломъ году Лувромъ у его прежняго владѣльца, г. Мура. Рѣдкая картина возбуждала столько противорѣчивыхъ толковъ и такую страстную полемику, въ наши дни возгорѣвшуюся съ новою силой. Слабая сторона тѣхъ кто видятъ въ этой картинѣ произведеніе не Рафаэля состоитъ въ томъ что ими выставляется множество именъ художниковъ которымъ приписывается картина. Такъ одни называютъ Мантенью, другіе Беллини, третьи Тимотео делла-Вите, четвертые Пинтуриккіо и наконецъ пятые Перуджино. На послѣднемъ имени остановились Фриццини и Морелли (Лермольевъ); послѣдній, впрочемъ, видѣлъ прежде въ ней произведеніе Тимотео делла-Вите, и это было однимъ изъ его аргументовъ при доказательствахъ того что Рафаэль прежде нежели вступить въ мастерскую Перуджино учился у Тимотео делла-Вите. Всѣ же, какъ считающіе, такъ и не признающіе эту картину произведеніемъ Рафаэля, единогласно признаютъ ея высокія достоинства и считаютъ ее за одно изъ значительнѣйшихъ произведеній итальянской живописи начала XVI вѣка. Мы, со своей стороны, будучи далеки отъ мысли что наше личное мнѣніе можетъ повліять на рѣшеніе этого спора, присоединяемся къ мнѣнію Корнедіуса, собственноручное письмо котораго намъ случилось видѣть у бывшаго владѣльца этой картины, достопочтеннаго г. Мура. Въ этомъ письмѣ была слѣдующая фраза: „если эту картину писалъ не Рафаэль, то слѣдовательно существовалъ другой Рафаэль котораго мы не знаемъ.“

Говоря выше о вѣяніи древности на Рафаэля, мы указали на двѣ его картины античнаго содержанія. Первою, одною изъ

самых ранних его картинъ, былъ *Сонъ рыцаря*, созданный совершенно въ духѣ литературнаго, гуманистическаго направленія. Другая, *Три грации*, гдѣ уже являлось не одно желаніе намекнуть на античный міръ, но точно изобразить античныя формы, хотя и тутъ была громадная разниця между живописнымъ изображеніемъ и пластическимъ оригиналомъ.

Въ *Аполлонъ и Марсіясъ* Рафаэль тоже не копируетъ пластическихъ античныхъ формъ, но своимъ художественнымъ прозрѣніемъ создаетъ образъ, красота коего въ живописномъ изображеніи можетъ стать рядомъ съ лучшими произведениями греческаго рѣзца. Въ головѣ Аполлона мы видимъ первое проявленіе того воссозданія античнаго міра которое явится въ позднѣйшихъ произведенияхъ Рафаэля— въ тѣлахъ боговъ Фарнезины, въ лучшихъ мифологическихъ композиціяхъ,—которыя награвировуетъ Маркамтонио Раймонди. Поэтому врядъ ли какой другой художникъ, кромѣ Рафаэля, могъ написать что-нибудь подобное *Аполлону и Марсіасу* въ началѣ XVI столѣтія. Стоитъ только сравнить эту прелестную картину съ *Побѣдой цѣломудренности* Перуджино, написанную почти въ то же время, чтобъ убѣдиться что въ произведеніи бывшего учителя Рафаэля нѣтъ ни малѣйшаго намека на то новое формообразование которое вознесетъ Рафаэлевскія произведенія античнаго содержанія на высоту произведеній великихъ художниковъ Аттики и блестящее начало котораго ярко свѣтитъ въ *Аполлонъ и Марсіясъ*.

Композиція этой картины очень проста; мы видимъ среди пейзажа только двѣ фигуры, на первомъ планѣ справа стоитъ Аполлонъ, подпершись правою рукою въ бокъ, а лѣвою опираясь на высокій посохъ; онъ гордо, самоувѣренно, но въ то же время и внимательно слѣдитъ за игрой Марсіаса, который сидитъ противъ него на небольшомъ возвышеніи и играетъ на свирѣли. Съ обѣихъ сторонъ тонкія деревца распространяютъ свои вѣтви; сзади Марсіаса еще дерево: за нимъ дорога и рѣка протекающая по долинѣ; черезъ рѣку перекинутъ мостъ. На другомъ берегу укрѣпленный городъ съ башнями; за городомъ продолженіе долины съ озеромъ и отдаленная цѣль горъ. Въ ясномъ небѣ коршунъ преслѣдуетъ какую-то птицу.

Фигура Аполлона чрезвычайно красива; это образецъ совершеннаго мужа, юнаго и прекраснаго; голова его въ сравненіи съ головой обыкновеннаго смертнаго, Марсіаса,

божественна. Все его тѣло, ноги и руки моделированы и исполнены съ неподражаемою тонкостью. Рѣдко кто рѣшительнѣе выражалъ нравственное превосходство, какъ это видимо въ Аполлонѣ при сравненіи его съ Марсіасомъ. Аполлонъ является совершеннымъ богомъ. У Марсіаса, простаго смертнаго, заурядныя черты лица, нѣкоторая полнота тѣла, курчавые волосы и вывороченныя ноги, выдающія простаго ластика. Чувствуешь невольную симпатію и къ этому самому себя обманывающему невѣждѣ, до такой степени увлекающемуся своею игрою. Не случайно у ногъ Марсіаса нарисованы листья ядовитой беладоны. Ландшафтъ чисто умбрійскій; онъ встрѣчался намъ и на хоругви въ Citta di Castello, и въ Луврскомъ Георгіи. Точность контуровъ, тонкость моделировки, тщательно выловленная свѣтлая карнація и удивительная гармонія колорита, вотъ качества которыми отличается эта превосходная картина.

Когда Рафаэль рисовалъ своихъ *Трезъ грацій*, онъ еще не усвоилъ себѣ вполнѣ закона выбора формъ. Въ *Аполлонѣ и Марсіасѣ* онъ дѣлаетъ громадный шагъ впередъ въ этомъ усвоеніи; онъ творитъ совершенно въ духѣ античныхъ Грековъ и видимо преисполняется основными началами античнаго искусства. Для сюжета онъ могъ вдохновиться какимъ-нибудь древнимъ произведеніемъ, напримѣръ знаменитымъ камеемъ бывшимъ славою коллекціи Медичи (онъ теперь въ Неаполѣ), на которомъ изображена почти та же сцена. Но типы Аполлона и Марсіаса—самостоятельныя созданія художника, а для того чтобы создать эти типы въ живописи съ такимъ совершенствомъ что они могутъ стать рядомъ съ типами Фидія и Праксителя нуженъ былъ универсальный гений Рафаэля. Аполлонъ разсматриваемой нами картины представляеть именно такой типъ. Совершенно самостоятельно исполненный въ предѣлахъ условій живописи, онъ столь же выражаетъ свою божественную олимпійскую натуру какъ и Аполлонъ Бельведерскій. Онъ первое начало тѣхъ типовъ олимпійскихъ боговъ которыми Рафаэль населилъ въ послѣдствіи живописный Олимпъ плафона Фарнезины. Ни Маттеи, ни Пинтуриккю, ни Перуджино, ни Тимотео делла Вите никогда не были въ состояніи проявить подобную силу творчества, что доказываютъ всѣ ихъ произведенія мифологическаго содержанія. Образы Маттеи, взятые имъ изъ античнаго міра, проявились совершенно въ другихъ формахъ

и очертанияхъ; они скорѣе ближе къ Риму нежели къ Афинамъ. Какъ ни мощенъ былъ его талантъ, но онъ не поднимался ни разу до созданія тѣла коего безусловная божественная красота могла бы вызвать восторженное наслажденіе какое вызывается произведеніями Фидія или Праксителя. А Аполлонъ Рафаэля принадлежитъ къ той же божественной семьѣ. И въ этомъ, по нашему мнѣнію, главное право этой спорной картины носить имя великаго Рафаэля. Тѣ же вѣншіе признаки которые однимъ напомнимають Тимотео дела-Вите, другимъ Пинтуриккіо, а третьимъ Перуджино, легко объясняются еще не забытыми художникомъ вліаніями. Когда Рафаэль окончателно освободится отъ нихъ въ своихъ вдохновенныхъ созданіяхъ Римской эпохи, сюжеты которыхъ онъ возьметъ въ античномъ мірѣ, тогда конечно имена его первыхъ учителей никому не придуть въ голову. Сохраняющійся рисунокъ *Аполлона и Марсіаса* въ Венеціанской академіи врядъ ли принадлежитъ Рафаэлю*.

За то рѣдко даютъ намъ рисунки и подготовительные этюды такую возможность слѣдить за внутреннею работой и развитіемъ мысли великаго художника какъ сохранившіеся рисунки послѣднихъ двухъ картинъ Рафаэля его флорентійской эпохи, *Св. Екатерины* и *Положенія во гробъ*.

Въ началѣ художникъ хотѣлъ нарисовать цѣльную фигуру Св. Екатерины, какъ она, скрестивъ ноги, стоитъ опершись на колесо, и набросалъ эскизъ на одномъ листѣ (сохранившійся въ Оксфордѣ), гдѣ кромѣ этой фигуры мы видимъ еще срисованную съ фрески Гирландаіо дѣвушку льющую изъ кувшина воду. Фигура Святой красива, но въ ней нѣтъ еще того опредѣленнаго выраженія которое она должна принять и наклонъ головы ея нѣсколько жеманенъ. Рафаэль перерисовываетъ фигуру Святой, но только до коленъ; взоръ ея обращенъ на зрителя, жестъ правой

* *Аполлонъ и Марсіасъ*. На деревѣ. Выс. 0,399 метра шир. 0,399 метра. Эта картина находилась сперва въ Англіи, въ Гринвудѣ, въ коллекціи *J. Bernard*, проданной въ 1787 году. Затѣмъ она поступила во владѣніе *M. Dugovegaу*, по смерти коего была продана съ аукціона, гдѣ и купилъ ее 2 марта 1850 года сравнительно за небольшую цѣну извѣстный любитель г. Муръ; тогда она считалась произведеніемъ Мавтенъ. Г. Муръ первый назвалъ великое имя. Лувръ купилъ ее въ 1883 году за 200.000 франковъ.

руки не ясенъ (въ Оксфордѣ). Слова Рафаэль ищетъ настоящее положеніе головы и дѣлаетъ тщательный этюдъ одной шеи и именно такъ какъ она будетъ исполнена въ картинѣ, а на другой сторонѣ того же листа окончательно выработываетъ одну голову, давъ ей тотъ художественный ракурсъ который мы знаемъ по окончательно созрѣвшей композиціи. Таковою она выразилась въ сохраняющемся въ Луврѣ картонѣ. Тутъ уже мы видимъ Св. Екатерину прижимающую правую руку къ груди; другою же, опираясь на колесо, она поддерживаетъ край широкой мантии ниспадающей съ ея плечъ и красивыми складками облекающей ея ноги. Вверхъ смотрящее лицо одухотворено выраженіемъ вѣры, любви и восторженной вѣжности.

Къ очарованію вдохновеннаго выраженія и красоты, стоивъ счастливо совокупившихся уже въ картонѣ, исполненная красками картина придаетъ новую прелесть гармоніи аркихъ цвѣтовъ кодорита. Въ напряженномъ взорѣ Святой отражается блескъ зари занимающейся въ небѣ; между губъ вишневаго цвѣта бѣлѣютъ зубы. Грація позы и наклона назадъ шеи и лица, выдержанный въ мастерскомъ ракурсѣ, сильно схваченная рукой складки ярко-красной мантии съ ея оранжевою подкладкой, жемчужно-сѣроватый цвѣтъ хитона съ его зелеными рукавами, цвѣты и кустарники близь перваго плана, гладь неподвижнаго озера, отдаленный городокъ, граціозныя деревья и синѣющія горы вдали, все это отличаетъ праздничнымъ блескомъ, а надо всѣмъ небо освѣщенное золотыми лучами льющимися изъ-за облака. *

Теперь намъ остается описать самое замѣчательное произведеніе Рафаэля исполненное имъ въ разсматриваемый Флорентійскій, періодъ его дѣятельности; это *Положеніе во гробѣ*. Среди написанныхъ имъ въ эти четыре года *Мадонна* и картинъ *Положеніе во гробѣ* занимаетъ то же мѣсто какое занимаетъ *Sposalizio* среди произведеній перваго періода его художественнаго развитія. Въ картинѣ *Положеніе во гробѣ*, работая надъ ея трудною и сложною композиціей, Рафаэль какъ бы желалъ совмѣстить все что было имъ приобретено среди новыхъ и разнообразныхъ вліяній.

* *Св. Екатерина Александрійская*. Лондонъ. Національная галерея. На деревѣ. Выс. 2'4", шир. 1'9½". Изъ собранія Альдобрандини въ Римѣ.

До сих пор онъ ни разу не употреблялъ столько усилій и труда приступая къ исполненію картины какъ предъ исполненіемъ этой иконы. Большое количество сохранившихся рисунковъ вводитъ насъ въ этотъ міръ исканія внезапныхъ вдохновеній, новыхъ образовъ и, наконецъ, совершенна новой концепціи. Взглядываясь въ нихъ, мы являемся свидѣтелями труднаго и упорнаго процесса творчества.

Положеніе во гробъ было заказано Рафаэлю какъ икона для церкви Св. Франциска въ Перуджіи. Не одно благочестіе руководило заказчицей; она остановилась на темѣ „Положенія Спасителя во гробъ“ желая чтобы это изображеніе напоминало ей о страшныхъ дняхъ пережитыхъ ею вѣскольکو лѣтъ предъ тѣмъ. Въ первой части нашей статьи мы рассказали кровавый эпизодъ народныхъ волненій и междоусобій происходившихъ на улицахъ Перуджіи въ 1500 году. Мы рассказали о смерти Гриффоне, сына Аталанты, и о томъ какъ эта безстрашная, но любящая мать, узнавъ о катастрофѣ, прибѣжала къ истекавшему на улицѣ кровью сыну, убѣждая его предъ смертью простить своимъ убійцамъ. Гриффоне умеръ на рукахъ ея, взявъ ея молябамъ, и почтительно разступилась предъ ней еще вчера бушевавшій народъ когда она локрытая кровью сына возвращалась по площади домой. Заказывая Рафаэлю икону изображающую „Положеніе во гробъ“ она желала, съ одной стороны, увѣковѣчить воспоминаніе о своемъ убитомъ сынѣ, съ другой же, надѣялась найти утѣшеніе въ созерцаніи болѣе глубокаго горя другой Матери.

Мы знаемъ что юный Рафаэль могъ быть личнымъ свидѣтелемъ описанной нами катастрофы, и въ его воспоминаніяхъ могла рисоваться видѣнная имъ сцена, обнаженное красивое тѣло Гриффоне и надъ нимъ скорбный образъ Аталанты. Это воспоминаніе могло быть зерномъ предстоящей теперь ему композиціи.

Заказъ состоялся въ бытность Рафаэля въ Перуджіи въ 1505 году. Два года готовился Рафаэль, прежде нежели приступилъ къ исполненію иконы. Рисунки и картоны изготовлялись имъ во Флоренціи, сама же икона написана въ Перуджіи въ 1507 году.

Относящіеся къ *Положенію во гробъ* рисунки находятся въ коллекціяхъ Лувра, Уффиций, Альбертины, Британскаго

Музея, Оксфорда, и у гг. Malcolme, Bale, Birchall, Gay, и др. Г. Робинзонъ (A critical Account of the drawings by Michel Angelo and Raffaello in the University Galleries, Oxford), изучая эти рисунки, первый установилъ тотъ фактъ что Рафаэль сначала желалъ написать Тѣло Христа только снятое со Креста и олакиваемое близкими (Depositio), и затѣмъ уже измѣнилъ композицію остановившись на изображеніи момента *Положенія во гробъ* (Tumulacio).

Естественно что Рафаэль желая изобразить Depositio не могъ не остановиться предъ извѣстнымъ произведеніемъ Перуджино, находившимся тогда въ монастырѣ Св. Клары во Флоренціи. Эта знаменитая икона, изображавшая „Плачь надъ Тѣломъ Христа“, была написана еще въ 1495 году и, несмотря на появленіе новыхъ произведеній такихъ гениальныхъ мастеровъ каковы Леонардо да-Винчи и Микель-Анжело, все еще находила многочисленныхъ поклонниковъ въ Флоренціи. Какъ ни сильно заявляло себя новое направленіе, какъ ни самоувѣренно, почти презрительно смотрѣлъ Микель-Анжело на Перуджино, большинство и вмѣстѣ съ нимъ все что окружало Рафаэля во Флоренціи сохраняли еще къ „патріарху“ (какъ тогда звали Перуджино) полное уваженіе, а воспримчивыя сердца, сторонившіяся отъ слишкомъ шумныхъ проявленій натурализма, съ умиленіемъ молились предъ этою полною живою и задушевною поэзію иконы. Чувство молящихся ей какъ бы приобщалось къ горю изображенныхъ на иконѣ лицъ, этой Богоматери, всматривающейся въ дорогое ей лицо Сына, Магдалины и Никодима, у которыхъ на колѣнахъ покоилось теперь это дорогое тѣло, этихъ рыдающихъ и ломающихъ себя въ отчаяніи руки женщинъ и учениковъ, разнообразно выражающихъ свое участіе. А краски и линіи этой прелестной композиціи, сливаясь въ одно цѣлое, дышали такою нѣжною, трогательною скорбью что она проникала въ сердце зрителя глубже нежели самое реалистическое изображеніе подобной сцены.

Первая серія сохранившихся рисунковъ доказываетъ что Рафаэль, приступая къ композиціи своей иконы, началъ съ изученія произведенія Перуджино. Такъ на одномъ рисункѣ (въ Оксфордѣ) мы видимъ Тѣло Христа покоящееся на колѣнахъ Маріи и Магдалины; женщины утѣшаютъ плачущую Богоматерь; Никодимъ, Іоаннъ и др. ученики также какъ у

Перуджино. На другомъ рисункѣ той же коллекціи мы видимъ этюды съ натуры для Христа и четырехъ учениковъ. Къ этой серіи принадлежитъ и всаикольный рисунокъ въ Луврѣ, столь законченный что, повидимому, оставалось только перевести его на картину. Но Рафаэль думалъ иначе.

Изучая упомянутые рисунки, обязанные своимъ происхожденіемъ одному изъ самыхъ выдающихся произведеній Умбрійской школы, мы видимъ какъ Рафаэль постележно и не безъ сожалѣнія расстаётся съ ея особенностями вступая въ область Флорентійскаго стиля. Въ Луврскомъ рисунокѣ, при всемъ его мастерствѣ, видимъ еще воспоминанія и симпатіи юности, но кромѣ понятныхъ для насъ умбрійскихъ вліяній выступаютъ тутъ другіе элементы, можетъ-быть только теперь вполне понятые и оцѣненные развивающимся художникомъ. Мы говоримъ о мотивахъ Мантеньи и Синьорелли, на которыхъ Рафаэль долго не обращалъ вниманія; видѣныя имъ прежде ихъ произведенія только теперь, во Флоренціи, стали получать для него извѣстное значеніе, и онъ понялъ что многое изъ созданнаго этими художниками достойно изученія. Въ знаменитой гравюрѣ Мантеньи, изображающей „Положеніе во гробъ“, мы видимъ Богоматерь падающею въ обморокъ на руки окружающихъ ее женщинъ; одну изъ Марій на колѣнахъ, въ отчаяньѣ сложившею руки, и Иоанна судорожно выражающаго свое горе. Въ *Распятіи Синьорелли—объ Маріи поддерживаютъ упавшую въ обморокъ* Богоматерь, а Иоаннъ смотритъ на небо своимъ отчаяннымъ взоромъ. Въ Борго (Синьорелли)—Богоматерь въ обморокъ лежитъ на рукахъ одной изъ женщинъ, которая *поправляетъ платъ на Ея* головѣ; въ *Castiglione Aretino* (Синьорелли)—Магдалина поддерживаетъ ноги Спасителя, а Богоматерь и одна изъ Марій *подымаютъ его руку*. Все эти мотивы видѣнные Рафаэлемъ влпомнились ему и вмѣстѣ съ мотивами Перуджино слились въ одно цѣлое съ магистральнымъ давленіемъ вліянія Леонарда—собирать воедино, направляя къ одной цѣли, изображаемыхъ дѣйствующихъ лицъ; а цѣль эта—выраженіе разнообразно ощущаемаго горя. На этихъ данныхъ Рафаэль создаетъ ту превосходную композицію которую представляетъ намъ Луврскій рисунокъ. Тѣло Христа лежитъ на колѣнахъ сидящей Магдалины, опираясь головой на колѣно Богоматери падающей въ обморокъ на руки окружающихъ женщинъ; одна изъ

этихъ женщинъ поправляетъ пласть на Ея головѣ. За этою группой стоитъ Никодимъ, въ сокрушеніи подымавшій руки, а Іоаннъ нарисованъ въ сторонѣ. Видимо, всѣ эти метивы навѣяны воспоминаніями произведеній Мантеньи, Сивьолорелли и Перуджино.

Но какъ ни хорошъ Луврскій рисунокъ, въ позахъ Никодама и Іоанна оставалось то умбрійское; оно же чувствуется и въ нѣкоторомъ преувеличеніи выраженія, несоотвѣтствующемъ мѣроположнымъ требованіямъ Леонарда. Въ складкахъ одеждъ нѣтъ свободы и ясности флорентійскихъ драпировокъ.

Вдумываясь далѣе въ свою задачу Рафаэль увидѣлъ недостатки этой композиціи и воздержался отъ исполненія ея въ картинѣ. Въ воображеніи его сталъ рисоваться теперь другой моментъ событія, именно *момента поднятія съ земли тѣла Христа* для погребенія. Пока оно еще лежало на землѣ, предстоящимъ казалось что моментъ послѣдней разлуки можетъ еще продолжаться.... Но когда тѣло уже поднято съ земли и его понесли для окончательнаго погребенія, неизбежность вѣчной разлуки очевидна. Эта новая концепція иллюстрируется сѣдующими сохранившимися рисунками. Въ Оксфордѣ: двое сильныхъ учениковъ подняли съ земли тѣло Христа, одинъ держитъ его у головы, охватывъ его грудь обѣими руками, вслѣдствіе чего верхняя часть тѣла Спасителя сильно приподнята; другой ученикъ, ставъ на колѣна, поддерживаетъ ноги. Этотъ рисунокъ служитъ переходною ступенью къ другому, на которомъ уже яснѣе выразилась композиція искомой группы. При ея разработкѣ Рафаэль, пребывая еще подъ вліяніемъ тѣхъ же воспоминаній, подъ которыми рисовались эскизы Deposito, вводилъ теперь новый элементъ—энергіи и силы. Повятно это желаніе испытать себя на новомъ полрищѣ при видѣ недавно оконченнаго Микель-Анджело картона, гдѣ такъ могущественно изображалось человѣческое тѣло съ его разнообразными движеніями, съ его изумительно-смѣлыми ракурсами, съ недостижимымъ до сихъ поръ знаніемъ анатомическаго строенія, законовъ сокращенія мускуловъ и самыхъ разнообразныхъ моментальныхъ положеній. Кромѣ картона приводившаго въ изумленіе и восторгъ всю Флоренцію, Микель-Анджело написалъ еще Мадонну, въ коей всѣхъ поразила изумительно свободная поза Богоматери, прісѣвшей на колѣна и

верхнюю часть своего тѣла обратившейся назадъ. Наконецъ, Рафаэлю долженъ былъ быть извѣстенъ снимокъ или рисунокъ мраморной группы, изображавшей Pieta, которую Микель-Анджело сдѣлалъ въ Римѣ. Положеніе тѣла Христа, особенно его ногу, Рафаэль переноситъ на свои эскизы; а съ Мадонны Буонаротти беретъ ноги и позу той женщины которая, сядя на землѣ и внезапно повернувшись бюстомъ назадъ, распростертыми руками старается поддержать падающую въ обморокъ Богоматерь.

Въ разработкѣ новой композиціи Рафаэль слѣдуетъ и Мантеньи. Онъ останавливается на изображеніи того момента когда тѣло Христа приподнято двумя учениками, и они несутъ его къ могилѣ. То же и у Мантеньи, только художественный инстинктъ Рафаэля заставляетъ его сдѣлать нѣкоторыя измѣненія. Такъ тѣло Христа несутъ головой впередъ (а не назадъ, какъ у Мантеньи), и кромѣ того онъ придаетъ большую напряженность усиліямъ носильщиковъ, заставивъ ихъ, прежде нежели они достигнутъ могилы, подняться на нѣсколько каменныхъ ступеней. Это очень сложное движеніе, особенно у того ученика что стоитъ въ головахъ и съ усиліемъ подымается на ступени задомъ; вся тяжесть тѣла сосредотчивается на немъ, ибо поддерживающему ноги Спасителя ученику вдвое легче. Эта сложная комбинація была оригинальнымъ измышленіемъ Рафаэля. Кромѣ того, онъ избѣгъ слишкомъ реалистическаго выраженія и тѣхъ изысканныхъ подробностей которыми отличается гравюра Мантеньи.

Въ нѣсколькихъ эскизахъ Рафаэль постоянно старается найти нужное положеніе дѣйствующимъ лицамъ столь сложно задуманной группы, и наконецъ, въ рисунокѣ сохраняющемся въ Уффицияхъ, мы находимъ окончательно установившуюся композицію главной группы; группа же Богоматери и окружающихъ ее женщинъ олуцена.

Вотъ какъ установилась композиція главной группы. Взавшись обѣими руками за верхніе концы полотна на которомъ приподнято тѣло Спасителя, стоящій въ головѣ ученикъ, съ выраженіемъ крайняго усилія, осторожно подымается задомъ на ступени ведущія въ пещеру; рядомъ съ нимъ Никодимъ; между ними видна голова Иоанна Магдалина, приподнявъ лѣвую руку Спасителя (мотивъ прежнихъ композицій), съ выраженіемъ глубокаго горя смотритъ на успокоившіяся черты Его лица; около нея другая женщина выражающая

участіе. Ученикъ поддерживающій ноги Спасителя охватилъ ихъ у колынь.

Но Рафаэль не могъ писать *Положеніе во гробѣ* безъ традиціонной группы Богоматери окруженной утѣшающими ее женщинами; врядъ ли согласилась бы на это и Аталанта, заказавшая икону.

И вотъ къ описанной нами группѣ онъ прибавляетъ и группу Богоматери, помѣщая ее въ нѣкоторомъ отдаленіи. Пресвятая Дѣва, истомленная горемъ окончательной разлуки, падаетъ въ обморокъ на руки окружающихъ ее женщинъ; одна изъ нихъ, полусидя, полустоя на колынахъ, тѣломъ обращенная къ зрителю, повертывается бюстомъ и лицомъ къ Богоматери, стараясь поддержать ее; другая прижалась къ Ней лицомъ; третья, поддерживая ее сзади, слѣдитъ взоромъ за уносимымъ въ могилу Спасителемъ.

Чтобы собрать эти двѣ группы въ одну, пришлось сдѣлать нѣкоторыя измѣненія. Рафаэль удалилъ женщину стоящую (на рисункѣ въ Уффиціяхъ) около Магдалины и присоединилъ ее къ группѣ Богоматери, чѣмъ было выиграно мѣсто для пейзажа, но она взоромъ своимъ и выраженіемъ всей фигуры не можетъ оторваться отъ Спасителя, и ея одушевленное лицо, обращенное не къ Богоматери, а туда гдѣ совершается послѣдній актъ погребенія, служитъ соединительнымъ звеномъ обѣихъ группъ.

Мы не останавливаемся на другихъ рисункахъ служащихъ дополненіемъ описанныхъ; сохранились этюды съ натуры головъ, лицъ, анатомическія подробности и пр. и пр. Наконецъ, Рафаэль почувствовалъ что матеріалъ готовъ, и вотъ онъ беретъ съ собою всѣ эти эскизы и этюды и ѣдетъ въ Перуджію, гдѣ и исполняетъ икону.

Положеніе во гробѣ находится въ настоящее время въ Римѣ, въ галлерей Боргезе; картина написана на деревѣ; величина ея около 6 фут. въ квадратѣ. На ступенькѣ сабва написанъ: Raphael Urbinas MDVII. До 1787 года эта икона находилась въ капеллѣ Бальйони, церкви Св. Франциска въ Перуджіи. Она была въ Парижѣ и оттуда въ 1815 году возвращена въ Ватиканъ; какимъ образомъ она попала къ Боргезе, мы не знаемъ. Много пострадала отъ времени и реставрацій, благодаря коимъ общее впечатлѣніе этой картины нѣсколько холодно.

Но внимательно изучая ее, приходишь къ другимъ замечаніямъ. Удивительное впечатлѣніе производитъ это сѣяніе

умбрійскаго чувства ощущаемаго въ нѣжномъ теченіи линій съ тѣми флорентійскими приѣмами которые выказываются въ рельефности фигуры, въ энергіи ихъ движеній и въ складкахъ ихъ одеждъ. Присущей Рафаэлю нѣжности и чувству легкаго пониманія формы здѣсь придана какая-то желѣзная сила; мѣстами даже чувствуется что-то рѣзкое и утрированное. Такъ фигура юнаго ученика поддерживающаго ноги Спасителя не свободна; слишкомъ усиленно выражено движеніе назадъ отступающаго носильщика и наконецъ неестественъ громадный шагъ дѣлаемый Никодимомъ. За то фигура усопшаго Спасителя, спокойныя черты лица котораго столь же красивы какъ выработанная моделировка всего его тѣла со тщательно вырисованными конечностями рукъ и ногъ, прелестный образъ Магдалины цѣдущей его руку, благородная чистота всей группы Богоматери представляютъ великія проявленія генія Рафаэля. Въ нѣкоторыхъ лицахъ замѣчается неподвижность мраморныхъ изваяній, но искусство живописца оживляетъ ее неудовимыми подробностями выраженія, иногда усиленнымъ блескомъ взора или едва замѣтнымъ движеніемъ губъ. Особенно изящна прелесть въ разнообразныхъ украшеніяхъ женскихъ головъ, въ волнистыхъ линіяхъ волосъ, въ легкихъ колеблющихся складкахъ одеждъ и воздушныхъ покрывалъ. Точность и чистота исполненія выше всякихъ похвалъ, но одни мѣста исполнены лучше другихъ, почему нѣкоторые предполагали участіе Доменико Альфани. Приѣмы Микель-Анджело особенно замѣтны въ группѣ Богоматери; они тѣ же на которые мы указывали при описаніи *Мадонны Каниджани*. Восторгъ Вазари, выказанный имъ при видѣ этой картины, совершенно понятенъ; онъ называетъ ее божественною. Правда, когда онъ ее видѣлъ, еще не было трещинъ и реставрацій, которыя теперь нарушаютъ общее впечатлѣніе. Но и теперь при видѣ блеска и мраморной гладкости тщательно исполненныхъ, неприкрытыхъ одеждой частей тѣла, при видѣ прелестныхъ женскихъ головъ, при видѣ разнообразныхъ одеждъ съ нейтральными тонами красныхъ и желтыхъ цвѣтовъ, мѣстами усиленныхъ сѣроватыми тѣнями или чудесною силой зеленой краски, деспрованной битюмомъ, нельзя не восхищаться этою картиною и ея чуднымъ колоритомъ. Пейзажъ задняго плана, съ его небомъ, на которомъ рисуются изображенныя фигуры, еще болѣе возвышаетъ прелесть общаго

впечатлѣнія. Это конечно лучший пейзажъ изъ всѣхъ нарисованныхъ доселѣ Рафаэлемъ. Умбрійскій въ линияхъ, онъ исполненъ съ полною флорентійскою свободой. Слѣва могла въ видѣ пещеры, вырытой въ скалѣ, воздымается темною массой; горизонтъ ограниченъ рядомъ холмовъ; справа надъ ними господствуетъ Голгофа съ тремя крестами. Пейзажъ богатъ подробностями: башни, развалины, легкія, граціозныя деревца, листва коихъ едва рисуется на голубомъ небѣ.

Что почувствовала Атаманта увидя на этой иконѣ изображеніе сцены наминавшей ей пережитое! Утѣшеніе было въ томъ что здѣсь умершій, котораго подняли съ земли и несли для погребенія, былъ Сынъ Божій, а горе Атаманты какъ бы преображалось въ болѣе глубокомъ, но и болѣе очищающемъ душу горѣ Матери Божіей. Атамантѣ, какъ смертной, оставались на свѣтѣ: вѣра, надежда и добрыя дѣла. Рафаэль видимо понималъ это, и на предѣлѣ иконы написалъ монохромныя, аллегорическія изображенія этихъ добродѣтелей, присоединивъ къ каждой по два генія. Въ этихъ аллегоріяхъ изображающихъ *Spes*, *Fides* и *Charitas* онъ не пошелъ по слѣдамъ Умбрійцевъ, а придавъ пластическимъ формамъ Микель-Анджело идеальное выраженіе, прекрасное и здоровое тѣло, столь подходящее къ этимъ вѣчно юнымъ существамъ; тонкая прелесть Леонарда соединилась съ легкою свободой кисти Фра-Бартоломео, и все это возвышено неизреченною нѣжностью и ясностью. Въ этихъ женскихъ аллегорическихъ фигурахъ геній Рафаэля проявился какъ въ величии замысла такъ и въ удивительной прелести исполненія.

Spes молится въ упоеніи, возведя взоръ къ небу; она изображена въ профиль. *Fides* изображена съ сосудомъ въ рукахъ. Трудно вообразить себѣ болѣе идеальныя существа; въ нихъ какъ будто коснулась Рафаэля сила великаго Джотто, духъ тѣхъ вдохновенныхъ аллегорій, которыя начерталъ на стѣнахъ *Capella Scrovegni* отецъ итальянской живописи, но только Рафаэль сумѣлъ придать имъ еще все что двигало искусство впередъ въ продолженіе двухсотъ лѣтъ протекшихъ со дня смерти Джотто.

Charitas съ двумя близнецами прижимающимися къ ея груди, съ ребенкомъ желающимъ взобраться къ ней на колѣна и еще другимъ усѣвшимся на плечи, образуетъ художественную группу расположенную съ большимъ искусствомъ

въ ограниченномъ пространствѣ круга. Лицо „Любви“, еще молодое, какъ бы подернуто таинственнымъ полусвѣтомъ, въ которомъ выраженіе состраданія борется съ участіемъ. Подобно сказочнымъ гениямъ стоятъ около этихъ аллегорическихкихъ изображеній крылатые мальчики (*putti*); двое со стороны Вѣры держатъ дощечку съ подписью; двое сопровождаютъ Любовь; у одного въ рукахъ курительница, другой сылетъ изъ чаши деньги. Эти гении столь же хороши какъ и тѣ что стоятъ у престола *Мадонны подъ балдахиномъ*, предвозвѣстники ангеловъ, *Мадонны Фолиньйо* и *Сикстинской*.

Верхнюю часть иконы въначало изображеніе Бога Отца окруженнаго ангелами. Эта часть, исполненная учениками, осталась въ Перуджіи.

Къ послѣднему времени пребыванія Рафаэля во Флоренціи мы въ правѣ отнести превосходный рисунокъ, изображающій Св. Семейство, который онъ исполнилъ для друга своего въ Перуджіи, Доменико Альфани. Этотъ рисунокъ онъ переслалъ ему въ Перуджію въ 1508 году при слѣдующемъ письмѣ: „Доменико, не забудь прислать мнѣ тѣ стихи Ричардо въ которыхъ онъ описываетъ застигшую его на пути бурю (намекъ на одию изъ эпизодовъ *Morgante Maggiore* Пульчи); наломни еще Cesarino * о проловѣди которую онъ хотѣлъ мнѣ прислать и кланяйся ему отъ меня. Еще прошу наломнить сивьорѣ Аталантѣ чтобъ она мнѣ высылала деньги, постарайся получить золотомъ. Полпроси и Cesarino наломнить ей объ этомъ и поторопиться. Пиши если что нужно!“

Этотъ рисунокъ (сохраняется въ коллекціи Викара) такъ понравился Доменику что онъ написалъ съ него картину, находящуюся и теперь въ галлерей Перуджіи.

Мы знаемъ очень мало о личныхъ обстоятельствахъ Рафаэля предъ его отъѣздомъ въ Римъ; во всякомъ случаѣ вѣрно то что онъ былъ довольно обезпеченъ заказами и не нуждался въ деньгахъ. Вазари упоминаетъ о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ, а недавно открытый *Sign. Aliprio Alipri* документъ (въ 1881 году) дополняетъ нѣсколько это приведенное вскользь показаніе Вазари. Изъ этого документа

* Упоминаемый въ этомъ письмѣ Cesarino, по мнѣнію Пассавана, знавшій золотыхъ дѣлъ мастеръ въ Перуджіи *Cesare di Francesco Rossetti*, работавшій вмѣстѣ съ Рафаэлемъ въ мастерской Перуджино.

мы узнаемъ что Рафаэль купилъ себѣ домъ въ Урбино у наследниковъ *Serafino Servasi* за сто гульденовъ, которые обязывался уплатить въ послѣдствіи; продавецъ же выдалъ ему квитанцію въ томъ что деньги сполна уплачены; но вдругъ, вслѣдствіе какой-то внезапной нужды, потребовалъ чрезъ нотариуса немедленной уплаты. Рафаэль находился въ это время въ Перуджіи; не теряя времени, онъ слѣшитель въ Урбино и улаживаетъ это дѣло, переведя часть долга на казначея герцога Урбинскаго и обязуясь другую часть уплатить послѣ Рождества. Вѣроятно, долгъ переведенный на казначея покрывался тѣми картинами которыя Рафаэль писалъ для герцога Урбинскаго. Этотъ документъ помѣченъ 11 октября 1507 года.

Въ послѣднее время своего пребыванія во Флоренціи, Рафаэль, сознавая свое первенствующее положеніе среди мѣстныхъ мастеровъ, безмолвно признавшихъ его главенство, страстно жаждетъ получить заказъ общественной монументальной работы. Онъ чувствовалъ свои вполнѣ развитыя силы, и тѣсными становились ему условія станковой картины... Въ воображеніи его рисовались обширныя пространства фрески, гдѣ онъ могъ показать себя во всемъ величіи сознаваемыхъ имъ въ себѣ, еще невѣдомыхъ другимъ, творческихъ силъ. Такъ какъ ни Леонардо да-Винчи, ни Микель-Анджело не было во Флоренціи, то Рафаэль могъ вполнѣ разчитывать на вниманіе Содерини. Онъ не упустилъ случая напоминать ему о себѣ, ибо отъ него зависѣли общественные заказы, а голыя стѣны *Palazzo Publico*, казалось, ждали художника; но надеждамъ Рафаэля не суждено было сбыться во Флоренціи, къ счастью для него самого и всего человечества. Судьба готовила ему въ таинственномъ будущемъ болѣе обширное и болѣе славное поприще.

Положеніе Рафаэля въ послѣднее время пребыванія его въ Тосканской столицѣ рисуется въ письмѣ его къ любимому имъ дядѣ *Ciaglia*, которое мы и приводимъ въ подстрочномъ переводѣ. Это интересное письмо помѣчено 21 апрѣля 1508 года.

„Дорогой дядя, котораго я чту какъ отца,—Я получилъ ваше письмо, изъ котораго узналъ о смерти нашего славнаго герцога* ; да смилостивится Господь надъ душой его!

* Герцогъ Гвидобальдо умеръ 11 апрѣля 1508 года въ Фоссомброне;

Я не могъ читать вашего письма безъ слезъ. Но transeat—мы ничего не въ силахъ измѣнить... Надо покориться волѣ Божіей!

„Въ прошедшій разъ я писалъ къ дядѣ-священнику *, прося его прислать мнѣ маленькую картинку служившую покрышкой Мадонны написанной мною для жены префекта **, но онъ мнѣ ее не прислалъ. Напомните ему чтобъ онъ мнѣ ее выслалъ при первой оказіи, я долженъ скорѣе удовлетворить желаніе этой дамы. Вы знаете что въ настоящее время мнѣ очень нужно ея расположеніе. ***

„Я васъ также прошу, мой милый дядя, сказать дядѣ-священнику и тѣтѣ Santa что если къ вамъ заѣдетъ Флорентинецъ Таддео Таддеи, тотъ о которомъ я вамъ часто говорилъ, чтобъ они приняли его получше и не жалѣли издержекъ. Вы тоже, любя меня, постарайтесь быть ему полезнымъ, ибо я ему обязанъ болѣе нежели кому-нибудь.

„Я не назначалъ цѣны картинѣ и вѣроятно не назначу, такъ какъ для меня выгоднѣе если ее назначать другіе. Поэтому я не писалъ вамъ объ одномъ обстоятельстве, о которомъ, впрочемъ, я и самъ до сихъ поръ ничего не зналъ; даже и теперь я знаю врядъ ли болѣе. Судя по словамъ владѣльца картины, онъ мнѣ закажетъ на 300 дукатовъ золотомъ картину какъ для Флоренціи, такъ и для Франціи. Послѣ праздниковъ я можетъ-быть сообщу вамъ цѣну картины, для которой уже готовъ картонъ, но писать ее я начну послѣ Пасхи.

„Мнѣ бы хотѣлось получить рекомендательное письмо отъ префекта къ гонфалоньеру Содерини. Я писалъ нѣсколько дней тому назадъ дядѣ и Джакомо Римскому (?) чтобъ они тоже постарались достать это письмо; оно мнѣ необходимо,

въ послѣднія минуты находились при немъ его супруга Елизавета и всѣ тѣ имена которыхъ украшали его знаменитый дворъ: Кастильоне, Бембо и др.

* Дядя-священникъ Д. Бартоломео—братъ отца Рафаэля.

** Префектъ — это Франческо Марія делла-Рovere, усыновленный герцогомъ Гвидобальдо и еще при его жизни объявленный его наследникомъ.

*** Жена Франческо была дочь Федерико, герцога Урбинскаго, та самая Юанна которая дала Рафаэлю рекомендательное письмо къ Содерини.

ибо мнѣ желательно получить известную залу (per l'interesse de una certa Stanza da lavorare, la quale tocha sua Signoria de alocage), что вполнѣ зависитъ отъ его милости. Я прошу, если это возможно, доставить мнѣ это письмо. Я думаю, если вы попросите префекта отъ моего имени, то онъ не откажетъ. Передайте ему мое уваженіе какъ его покорнѣйшаго слуги, ему известнаго. Больше въ настоящее время писать нечего... Кланяйтесь... и Ридольфо (двоюродный братъ Рафаэля Ridolfo. Zaccagna, сынъ Луціи Ciarla) и всѣмъ другимъ. XXI, апр. MD VIII.

„Вашъ Рафаэль, живописецъ изъ Флоренціи.“

Это драгоценное для насъ письмо рисуетъ намъ Рафаэля совершенно довольнымъ своимъ положеніемъ. Видимо, онъ оцѣняетъ вполнѣ; иностранцы платятъ большія деньги за его картины, но ему хочется только большаго простора для своей дѣятельности и стѣны de una certa Stanza представляются для него самою желательною цѣлью. Приглашеніе папы Юлія II прибыть въ Римъ и принять участіе въ работахъ Ватикана было для Рафаэля неожиданнымъ призывомъ.

Въ 1508 году ему исполнилось только двадцать пять лѣтъ. Годы ученія должно теперь считать оконченными, хотя и въ будущемъ, на вершинѣ своей дѣятельности, воспріимчивая и синтетическая его натура не останется нечувствительною къ новымъ приемамъ если таковые онъ встрѣтитъ въ какомъ-нибудь вновь появившемся художникѣ. Больше пятидесяти стариковыхъ картинъ, одна фреска и безчисленное количество рисунковъ уже свидѣтельствовали о неисчерпаемой силѣ его творчества и всюду гдѣ онъ ни появлялся, въ своемъ ли родномъ Урбино, въ Перуджіи, и наконецъ во Флоренціи, онъ, подчиняясь вліяніямъ мѣстныхъ школъ и воспринимая лучшія и самыя здоровыя ихъ стороны, скоро дѣлался соперникомъ, а наконецъ переросталъ мѣстныхъ мастеровъ и своихъ учителей. Старый Перуджіино и толпа учениковъ его: Пинтуриккіо, Тимотео делла-Вите, Франція, всѣ флорентинскіе мастера, начиная съ Фра-Бартоломео, склоняли предъ выросающимъ его гениемъ свои увѣчанныя лаврами головы. Оставались только двое. Леонардо да-Винчи и Микель-

Анджело, но и съ вами скоро вступить молодой художникъ въ солерничество и своими созданіями явить міру что ему, а не имъ суждено было найти искомый образъ идеаламъ, образъ неясно представлявшійся еще художникамъ катакомбъ, образъ страстно желаемый въ продолженіе всего искусства Среднихъ Вѣковъ, наконецъ намѣченный общими чертами великимъ Джотто и только Рафаэлемъ завершенный.

Флоренція молча и безропотно признала Рафаэля своимъ, но никто еще не могъ подозрѣвать того что вызоветъ изъ этого феноменальнаго существа универсальный Римъ и тѣхъ обширныхъ задачъ которыя предстанутъ ему въ этой столицѣ міра.

А. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ.

Г Л А В А

ИЗЪ ИСТОРИИ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

II.

Черезъ десять лѣтъ послѣ *Философическаго письма* Чаадаева появилась переписка (*Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями*) Гоголя. Какъ встрѣчена была эта книга литературною критикой и какъ отнеслась къ ней читающая публика, это постараемся мы изслѣдовать и сопоставить съ тѣмъ впечатлѣніемъ которое было въ свое время произведено статьей Чаадаева. Но прежде мы должны отдать себѣ ясный отчетъ въ умственномъ и духовномъ состояніи какъ тогдашнихъ литературныхъ кружковъ, такъ и тогдашняго общества.

Въ короткій срокъ десятилѣтія отношенія между литераторами и тѣмъ что принято называть обществомъ измѣнились у насъ существенно, и это обстоятельство кажется намъ очень важнымъ, хотя едва ли на него было кѣмъ-либо указано. Въ прежнія времена, въ періодъ открываемый Карамзинымъ и Жуковскимъ и заключаемый Пушкинымъ, Баратынскимъ, кн. Вяземскимъ, Козловымъ, писатели выходили изъ среды „общества“; „общество“ снабжало литературу дѣятелями. Исключенія бывали конечно, какъ напримѣръ Каченовскій, Полевой, выступавшіе въ качествѣ *parvenus*,

* Продолженіе. См. *Русск. Вѣсти.* № 11.

но взаимодѣйствіе нашего общества и нашей литературы въ Карамзинско - Пушкинскій періодъ есть фактъ неоспоримый. Писатель, особенно получившій нѣкоторую извѣстность (а приобрести извѣстность было весьма не трудно), если даже онъ и не принадлежалъ къ обществу по своему рожденію и связямъ, стремился въ него проникнуть и былъ охотно въ немъ принятъ; примѣръ тому Плетневъ, Шевыревъ, Гоголь. То же замѣчаемъ мы, но уже отчасти лишь, въ началѣ занимающаго насъ десятилѣтія, особенно въ Москвѣ. Веневитиновъ, Языковъ, Кирѣевскіе, Аксаковъ (отецъ), Хомяковъ—всѣ они имѣли родственныя и иные связи въ Москвѣ и въ провинціи, всѣ они были помѣщики, иные проводили ежегодно многіе мѣсяцы въ своихъ имѣніяхъ, а слѣдовательно находились въ сношеніяхъ съ сосѣдями-помѣщиками же, съ сельскимъ духовенствомъ, съ уѣздными чиновниками и купцами, наконецъ съ сельскимъ міромъ и его членами. Очевидно, такія встрѣчи, такія постоянныя сношенія съ представителями не только различныхъ отбѣлковъ нашего общества, но всего Русскаго народа, не допускали человѣка предаться исключительно грезамъ и теоріямъ, сдѣлаться исключительно книжнымъ человѣкомъ. Отдавшись преимущественно предъ прочими членами того же общества наукѣ, искусству, идеалу, слѣдя ближе другихъ за умственнымъ и вообще духовнымъ движеніемъ наиболее цивилизованной части человѣчества, литературные дѣятели прежняго времени вліяли своими сочиненіями на русское общество, но въ то же время и сами подвергались его воздѣйствію. Результатомъ же такого взаимодѣйствія была нѣкоторая общность интересовъ между литературой и публикой, солидарность ихъ и взаимное пониманіе. Распространившійся на Западѣ скептицизмъ въ дѣлѣ религіи коснулся, какъ извѣстно, Державина, Фовъ-Визина и Карамзина (въ пору его молодости), а Пушкинъ даже въ сильной степени проникнуть былъ такъ-называемымъ вольнодумствомъ, байронизмомъ и теоріями жирондистовъ. Но навѣянное на нихъ извѣстное мало-малу отпало: почему? Потому что вокругъ нихъ, въ той средѣ гдѣ они обращались, ничто не раздѣляло насмѣшливаго скептицизма Вольтера, лессимизма Байрона и политическихъ воззрѣній Жиронды.

Но въ началѣ тридцатыхъ годовъ появляются признаки новыхъ отношеній между пишущими и не пишущими, но

образованными людьми; литературные кружки начинают обособляться, отдѣляться от общества. Это замѣчается прежде всего въ Москвѣ, главнымъ образомъ между университетскою молодежью. Нѣсколько студентовъ, а отчасти не студентовъ, но инициативѣ Станкевича и по указаніямъ его, съ увлеченіемъ набросались на нѣмецкую философію; нѣсколько другихъ студентовъ сгруппировались вокругъ Герцена для чтенія книгъ политическаго и социологическаго содержания. Уже одни эти занятія отклоняли горячо предававшихся имъ людей от общественныхъ связей, а иные или вовсе не имѣли этихъ связей, какъ напримѣръ Бѣлинскій, или имѣли, какъ Герценъ, причины тяготиться ими. Притомъ, въ это время начала открываться возможность жить, хоть и не роскошно, литературнымъ трудомъ, * не прибѣгая къ помощи родственниковъ и заручившись покровителемъ не въ общественныхъ, какъ прежде, а въ литературныхъ или ученыхъ сферахъ. Но все-таки главное что способствовало обособленію новыхъ литературныхъ кружковъ, были ихъ занятія, самое содержаніе этихъ занятій. Логика, метафизика, трансцендентальная философія, несомнѣнно развиваютъ и укрѣпляютъ умъ, приучаютъ его къ работѣ, заставляютъ его витать въ самыхъ высокихъ сферахъ мышленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляютъ человека отъ почвы и уже конечно не готовятъ къ простому и непосредственному воспринятію дѣйствительности, къ правильному ея пониманію. То же самое саждаетъ сказать о теоріяхъ касательно наилучшаго устройства человѣческихъ обществъ, нормальныхъ отношеній людей между собою и основанныхъ на абсолютной справедливости функціяхъ власти. Всѣ эти абстракціи должны быть знакомы человѣку претендующему имѣть вліяніе на общественное устройство; но если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не знакомъ глубоко съ дѣйствительностью или отрицаетъ ее сознательно, то безъ сомнѣнія онъ додумается до того что посоветуетъ послѣднѣе открытіемъ университета въ странѣ Зулуевъ и будетъ настаивать на вооруженіи ружьями Шасло дикарей, не употреблявшихъ другаго оружія кромѣ дубины.

* Такъ именно жилъ Бѣлинскій по выходѣ изъ университета, см. біографію его, составленную г. Пыпинымъ, т. I, гл. II. Сотрудника петербургской Библиотеки для чтенія получали постоянно и краткое гонораръ за свои труды.

Герцень съ его кружкомъ и пошелъ именно по тому пути который приводитъ къ такимъ выводамъ. Никогда, начиная съ самаго ранняго дѣтства, онъ не испытывалъ на себѣ ни вліянія традиціи, ни вліянія той національной атмосферы которою естественно долженъ бы дышать ребенокъ. Прочтите *Былое и Думы* и *Воспоминанія Т. П. Пассекъ**, и вы убѣдитесь въ этомъ. Отецъ Герцена, мизантроль, вольтеріанецъ и эгоистъ, жилъ въ Москвѣ, правда, но старался „устроиться въ ней на иностранный ладъ“. У него былъ камердиверъ вывезенный изъ Пруссіи, у сына—дадыка Нѣмецъ. Старикъ Яковлевъ жилъ по барски, но крайне уединенно, а потому и сынъ его росъ почти безъ сверстниковъ, чрезъ которыхъ нередко за самыя высокія стѣны проникаетъ воздухъ улицы. За то у мальчика былъ французскій учитель который объяснилъ ему что Лудовикъ XVI былъ казненъ какъ „*traître à la patrie*“, и прежде чѣмъ въ воспоминаніяхъ самого Герцена или въ воспоминаніяхъ о немъ встрѣтитесь съ заглавіями русскихъ книгъ и именами русскихъ писателей, мы встречаемся съ именами Шиллера, Гёте, Руссо, Викторъ Гюго и Скриба. Мы узнаемъ что въ комнатѣ его находилась бюстъ Наполеона; но чтобы въ этой комнатѣ находилась бюстъ Петра Великаго, Суворова или Екатерины II, этого мы не видимъ. Изъ тѣхъ же источниковъ мы узнаемъ что Герцень былъ страшно избадованъ своимъ отцомъ, котораго по этому самому (какъ и бываетъ обыкновенно) онъ не уважалъ и не любилъ, напротивъ, „удалялся отъ отца и даже велъ противъ него маленькую войну, соединяясь со слугами и служанками“, что вообще онъ проникнуть былъ съ отроческихъ лѣтъ духомъ оппозиціи, бравяды, вызова; гжа Пассекъ приводитъ нѣсколько выходовъ его, доказывающихъ это, также какъ рѣзкое остроуміе ея „Саша“. Она свидѣтельствуешь что съ раннихъ лѣтъ его возмущала всякая несправедливость и что онъ сердечно сочувствовалъ всѣмъ угнетеннымъ. Вѣримъ, но не знаемъ, изъ инстинктовъ ли благости и любви это происходило, или изъ того же духа оппозиціи и бравяды... Мы узнаемъ даже что будучи въ университетѣ, Герцень, благодаря все тому же духу оппозиціи, смѣлости, остроумію и увлекаемости, собралъ вокругъ себя цѣлый кружокъ который, хотя и изучалъ Шеллинга и

* *Воспоминанія гжи Пассекъ, въ Русской Старинѣ, т. XVI.*

Океан, предпочиталъ однако метафизикъ сферу политическихъ и социальныхъ соображеній, что члены этого кружка увлекались Сенъ-Симономъ и Фурье, что во время военныхъ дѣйствій въ Польшѣ (1830—1831 года) они „радовались какому-нибудь поражению Дибича“ и соображали „какъ начать въ Россіи новый союзъ по образцу декабристовъ“. Гжа Пассекъ разказываетъ дальше что Герценъ однажды возмутилъ аудиторію противъ профессора Павлова, котораго впрочемъ высоко цѣнилъ, а самъ Герценъ сообщаетъ можетъ-быть по поводу этого же возмущенія что онъ уговорилъ своихъ товарищей, дабы избавиться отъ отвѣтственности, „лгать отчаянно, запирается во всемъ“. Изъ трусости ли, или вслѣдствіе болѣе благородныхъ побужденій, одинъ студентъ уларался. Но, говоритъ Герценъ, я сказалъ ему: „За то что вы шумѣли и за то что джете много-много васъ посадятъ въ карцеръ; а если вы проболтаетесь, да кого-нибудь при мнѣ запутае, я разкажу въ аудиторіи и мы *отравимъ вамъ ваше существованіе*.“ *

Замѣтимъ что это черта изъ жизни не школьника, не гимназиста младшихъ, да хоть бы и старшихъ классовъ; это черта изъ жизни студента, человѣка почти совершеннотѣлаго, готовившагося не сегодня-завтра вступить въ дѣйствительную жизнь въ качествѣ полноправнаго гражданина, то есть распорядиться чѣмъ-либо, вліять на что-либо или на кого-либо. Въ этомъ молодомъ студентѣ который радуется что льется русская кровь и наносится поражение русскому знамени, который смѣло джетъ и приучаетъ другихъ лгать для достиженія извѣстной цѣли, который для успѣха своей шутки или шалости грозитъ отравить существованіе человѣка,—въ этомъ студентѣ, говоримъ, обнаруживается не сочувствіе ко всемъ угнетеннымъ и страдающимъ, какъ говоритъ гжа Пассекъ, а замашка самаго деспотическаго свойства и рѣдкая въ то время развязность въ сферѣ нравственныхъ понятій. „Лгать отчаянно, запирается во всемъ“, это приѣтъ бывшій конечно не новымъ въ нашей уголовной практикѣ и тогда, но ново было то что человѣкъ прибѣгавшій къ лжи и запирательству объявляетъ о томъ во всеуслышаніе, до доброй воли, съ подчеркиваньемъ, съ ухарствомъ, какъ бы приговаривая; „вотъ какой я молодець!“ Про такого чело-

* *Былое и Думы (Полярная Звѣзда 1856).*

вѣка необходимо заключить что онъ находится въ сферы нашихъ обыкновенныхъ понятій о нравственности, что у него особый нравственный кодексъ. Это и дѣйствительно было такъ; нашъ общій христіанскій нравственный кодексъ, — Евангеліе, былъ не въ ходу въ домѣ родителей Герцена, да и вообще „нигдѣ религія не играетъ такой скромной доли въ дѣлѣ воспитанія какъ въ Россіи“, справедливо замѣчаетъ издатель *Полярной Звѣзды*, усматривая въ этомъ конечно великое преимущество наше предъ Западною Европой. Мы узнаемъ, правда, изъ собственныхъ словъ Герцена что въ 1834 году онъ читалъ „съ восторгомъ Четы-Миссеи“ и что во время пребыванія въ Вяткѣ извѣстный Витбергъ, лиетистъ и мистикъ, возымѣлъ было на него сильное вліяніе; но, говорить Герценъ, „реальная моя натура взяла все-таки верхъ“. Онъ окончательно примкнулъ къ идеямъ Сень-Симона и Жоржъ-Санда объ освобожденіи женщины и свободной связи людей различнаго пола вообще, о „réhabilitation de la chair“. Онъ зачитывался Фейербаховымъ *Wesen des Christenthums* и находилъ что „новый міръ толкается въ дверь“, что „открывается міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья (1), міръ духа (2), міръ естественно-нравственный и потому нравственно чистый“... „Религія жизни шла, говорилъ онъ, на смѣну религіи смерти“, * религія, прибавимъ мы, въ которой вѣянія давной минуты замѣняли вѣру, а требованія плоти — нравственность... Но такая „религія“ озадачивала наивныхъ людей тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ. Хомяковъ, который конечно былъ не изъ числа наиболе наивныхъ, почувствовалъ себя озадаченнымъ безусловною развязностью Герцена въ этой сферѣ понятій.

— Какъ можете вы принимать, сказалъ онъ на тогдашнемъ философскомъ жаргонѣ, — эти страшныя имманенціи, и въ вашей душѣ ничто не возмущается?

— Могу, отвѣчалъ любѣдновсно Герценъ, — потому что выводы разума независимы отъ того, хочу я ихъ или нѣтъ.

— Ну, вы по крайней мѣрѣ послѣдовательны. Однако, какъ человѣку надо свихнуть себѣ душу чтобы примириться съ этими печальными выводами вашей науки и привыкнуть къ нимъ! **

* *Былое и Думы* (Полярная Звѣзда 1856).

** Тамъ же, 1858 года.

Но въ томъ-то и дѣло что у Герцена душа была свихнута. Вслѣдствіе многообразныхъ причинъ это былъ одинъ изъ провозвѣстниковъ и въ то же время изъ типовъ той смутной, той тревожной эпохи которую осуждены мы переживать. Его занимали неразрѣшимые вопросы, на которые иногда натывается жизнь; подобно тому какъ Викторъ Гюго въ своей *Marion Delorme* поставилъ вопросъ слѣдуетъ ли женщину выкупить жизнь любимаго человѣка цѣной собственной чести, Герценъ спрашивалъ *Кто Виноватъ* въ такой коллизіи, отъ которой произошло общее несчастіе трехъ человѣкъ и въ коемъ ни безусловно виновныхъ, ни правыхъ не имѣется? Въ молодости онъ задается мыслию что на свѣтѣ нѣтъ нормальнаго человѣка, что всякій болѣе или менѣе маниакъ,* а позднѣе доходилъ до убѣжденія что виноватыхъ собственно нѣтъ и быть не можетъ, что человѣкъ вообще невмѣняемъ и отвѣтственности не подлежитъ за свои дѣйствія**,—теорія которая, какъ извѣстно, не мѣшала ему однако находить виноватыми всѣ правительства міра, всѣхъ власть имѣющихъ на свѣтѣ, осылать ихъ проклятіями и требовать ихъ низложенія.

Влекомый прирожденнымъ ему инстинктомъ оппозиціи, Герценъ съ раннихъ лѣтъ выскочилъ изъ сферы обычныхъ понятій и сразу лопалъ въ тотъ умственный водоворотъ который образовала философія XVIII вѣка и Французская революція; этотъ водоворотъ вынесъ его въ передніе ряды тогдашнихъ *новыхъ людей*, но и окончательно лишилъ его почвы, что не замедлило отразиться на его значеніи и вліяніи уже въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, по справедливому замѣчанію вовсе не ожесточеннаго противъ Герцена критика его***; *Колокола* въ Россіи никто уже не читалъ бы еслибъ онъ и не былъ запрещенъ. Это съ одной стороны, а съ другой,—за свою безпочвенность, за свою отрѣшенность отъ русской дѣйствительности, за свое витаніе въ мірѣ грезъ и умозрѣній, Герценъ лопался и собственнымъ счастьемъ. Въ его *Быломъ* и *Думамъ* и *Съ*

* См. *Докторъ Крупновъ*.

** Этимъ прищипкомъ проникнуты всѣ сочиненія Герцена,—въ Россіи и за границей писанныя, беллетристическія, полемическія, публицистическія, научныя.

*** *Борьба съ Западомъ*, Н. Страхова.

того берега есть страницы исполненные самых мрачныхъ сѣтованій, самаго горькаго разочарованія относительно Западной Европы. Недавній ненавистникъ Россіи за ея слишкомъ малое сходство съ Западомъ, нашъ бѣглець накидывался съ проклятіями на Францію, охладѣвшую къ революціямъ, на Швейцарію и Сардинію, откуда высылаютъ безо всякой церемоніи его, — одного изъ виднѣйшихъ членовъ всесвѣтвой эмиграціи, — на тулую буржуазію, на оскотинившуюся чернь, на „лоловъ“ всѣхъ исповѣданій, на правительства всѣхъ странъ, наконецъ на своихъ сотоварищей-эмигрантовъ, на членовъ всемірной революціи, даже на своихъ „illustres amis“, Ледрю-Родена, Кошута, Мадзини, Ворцеля и tutti quanti. * Читаешь это и вспоминаешь замѣчаніе

* Такъ какъ сочиненія Герцена, особенно заграничныя, одними забыты въ настоящее время, а другимъ неизвѣстны, не лишнимъ будетъ, кажется, привести въ подтвержденіе нашихъ словъ нѣсколько выдержекъ изъ *Былаго и Думъ* о положеніи дѣлъ въ Западной Европѣ.

...„Во время февральской республики образовались (въ Парижѣ) три-четыре дѣйствительныя тайныя полиціи и нѣсколько явнотайныхъ. Была полиція Ледрю-Родена и полиція Коссидьера; была полиція Мараста и полиція временнаго правительства, была полиція порядка и полиція безпорядка, полиція бонапартистская, полиція орлеанистская“, причѣмъ представители этихъ полицій, и даже изъ числа высшихъ, заставляли автора сожалѣть о генералѣ Дубельтѣ и о московскомъ полицеймейстерѣ Миллерѣ. Главное же — эти различныя полиціи и представляемыя ими различныя политическія партіи результатъ многочисленныхъ пережитыхъ страной революцій, естественно привели къ „нравственному равнодушію“ и „шаткости мыслей“... „Люди привыкли считать сегодня то за героизмъ и добродѣтель за что завтра посылаютъ въ каторжныя работы“. (*Полярная Звѣзда* 1858 года). Въ одномъ изъ обращеній къ своимъ московскимъ друзьямъ Герценъ говоритъ: я нашедъ „такое нравственное растаеніе о которомъ вы не имѣете никакого понятія“.

...„Въ современной Франціи, говоритъ Герценъ въ другомъ мѣстѣ, вся нравственность свелась на то что немощій долженъ всѣми средствами приобрѣтать, а имущій — хранить и увеличивать свою собственность... Съ одной стороны, скупость, а съ другой — зависть“. А „такъ какъ нравственнаго начала во всемъ этомъ нѣтъ, то и мѣсто лица... опредѣляется внѣшними условіями состоянія, общественнаго положенія. Одна воля оппозиціи за другой достигаетъ побѣды, то-есть собственности или мѣста, и естественно переходитъ со стороны

Хомякова о „свихнутой душѣ“, и слово укора и насмѣшки смѣняется вздохомъ сожалѣнія о погибшемъ даровитомъ братѣ...

Другой, подобно Герцену соскочившій съ рельсовъ, современный и весьма даровитый писатель, это Бѣлинскій. Онъ былъ еще болѣе теоретикъ и доктринеръ чѣмъ Герценъ. Герценъ водился съ людьми всякаго сорта; у него были знакомцы и родня въ московскомъ обществѣ, у него бывали сношенія съ лицами официальными, съ духовенствомъ, безъ сомнѣнія также съ кулаками и ремесленниками; онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ провинціи, и сочиненія его доказываютъ что онъ обладалъ большимъ умѣніемъ наблюдать, когда этому не мѣшала предвзятая мысль.

зависти на сторону скулости. Для этого перехода ничего не можетъ быть лучше какъ неплодная качка парламентскихъ преній; она даетъ движеніе и предѣлы, даетъ видъ дѣла и форму общихъ интересовъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей“. Парламентаризмъ— „самое колоссальное бѣличье колесо въ мірѣ. Можно ли величественнѣе стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ продавъ себѣ видъ торжественнаго марша, какъ оба англійскіе парламента (палаты)?!“

А вотъ что говоритъ Герценъ о принципѣ всеобщей подачи голосовъ: „Увѣренные въ своей побѣдѣ, они (французскіе буржуа) провозгласили основой новаго государственнаго порядка всеобщую подачу голосовъ. Это арифметическое знамя было имъ симпатично; истина опредѣлялась сложениемъ и вычитаніемъ; ее можно было прикинуть на счетахъ и мѣтить булавками“ (*Полярная Звѣзда*, 1856 года). Такъ поражаетъ Герценъ своихъ недавнихъ идоловъ одного за другимъ; такъ мститъ онъ, по собственнымъ его словамъ, обманувшимъ его богамъ. Конституція 1793 года, говоритъ онъ промчавши, декретировала возстановленіе правъ челоуѣка, забытыхъ и утраченныхъ. Государственный бытъ — преступный плодъ узурпаціи, послѣдствіе злодѣйскаго заговора тирановъ и ихъ сообщниковъ половъ и аристократовъ. Ихъ слѣдуетъ казнить какъ враговъ отечества, достоиніе ихъ возратить законному государю, которому теперь ѣсть нечего и который теперь называется поэтому *санктюлотомъ*. Пора возстановить его старыя неотъемлемыя права. Но, возражаетъ Герценъ (подчеркнувшій послѣдній эпитетъ) отъ имени какого-то фантастическаго лица: „Гдѣ они были (эти права)? Почему пролетарій *государь*? Почему ему принадлежитъ все достоиніе награбленное другими?... А! вы сомнѣваетесь, вы подозрительный челоуѣкъ! Баишній-*государь* сведетъ васъ къ гражданскому-суду, а тотъ пошлетъ къ гражданскому-палачу, и вы больше сомнѣваться не будете“.

Напротивъ того, Бѣлинскій провелъ всю жизнь свою среди книгъ и небольшого числа людей съ которыми онъ по поводу этихъ же книгъ спорилъ или этими же книгами восхищался. Чужилъ людей, такихъ которые не принадлежали къ числу его обыкновенныхъ собесѣдниковъ, не состояли членами извѣстнаго кружка, Бѣлинскій, какъ извѣстно, дичился и избѣгалъ. Откуда же слѣдовательно было ему взять вѣрное предствленіе о русской реальности? Единственно развѣ изъ впечатлѣній своего отрочества, протекшаго въ Чембарѣ и Пензѣ. Правда, онъ ѣздилъ однажды на кавказскія воды, а позднѣе, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Щелкинымъ, въ малороссійскія губерніи. Но Бѣлинскій рѣшительно лишень былъ способности наблюдать живую дѣйствительность, хотя онъ всю жизнь писалъ о ней, требовалъ ея отъ литературы, а въ послѣдніе годы подчинялъ ей самое искусство. Объ этомъ отсутствіи чуткости къ дѣйствительности, пока она не прошла чрезъ типографію и не изобразилась рядами буквъ, мы находимъ чрезвычайно характеристическія указанія въ *Воспоминаніяхъ* Тургенева.* Бѣлинскій, этотъ страстный поклонникъ Запада и искусства, полавъ наконецъ не мысленно, а en chair et en os въ Западную Европу, оказался къ ней очень равнодушнымъ. Онъ не согласился пробыть нѣсколько часовъ лишнихъ въ Кельнѣ чтобы видѣть знаменитый тамошній соборъ. Въ Парижѣ Тургеневъ привелъ его на Place de la Concorde.

— Не правда ли, это одна изъ красивѣйшихъ площадей въ мірѣ? спросилъ Бѣлинскій и, продолжаетъ авторъ *Воспоминаній*, „на мой утвердительный отвѣтъ онъ воскликнулъ: „Ну, и отлично“ и заговорилъ о Гоголѣ. Я ему замѣтилъ что на самой этой площади отрубили голову Лудовику XVI. Онъ посмотрѣлъ вокругъ и сказалъ: „а!“ и вспомнилъ сцену Остаповой казни въ *Тарасъ Бульба*“.

Въ этихъ немногихъ словахъ Бѣлинскій обрисованъ вполне какъ *книжный человекъ*, какъ исключительно книжный человекъ. Онъ былъ боленъ въ описываемое время, правда; но проѣхать чрезъ Кельнъ и не взглянуть на тамошній соборъ, стоять на мѣстѣ политомъ кровью, и притомъ кровью въ такихъ исключительныхъ, такихъ высокотрагическихъ условіяхъ, и вспомнить аналогическую сцену изъ романа,—

* *Литература и житейскія воспоминанія*, въ т. I сочиненій Тургенева, изд. 1874 года.

это возможно только человѣку совершенно лишенному чутъ къ реальному, только исключительно книжному человѣку, аскету своего рода!

Но чѣмъ менѣе чутокъ былъ Бѣлинскій къ явленіямъ живой дѣйствительности, тѣмъ болѣе чуткости онъ обнаруживалъ въ отношеніи къ жизни литературной. Мы охотно признаемъ въ немъ это огромное для литературнаго критика достоинство. Отъ его зоркой наблюдательности въ мірѣ книгъ не ускользала ни проблескъ едва обнаруживающагося таланта, ни легкое дрожаніе пера которое обличаетъ начинающую старѣть руку. Съ другой стороны, эта чуткость Бѣлинскаго къ книжной жизни, его впечатлительность къ явленіямъ этой жизни были причиной того что онъ безусловно и всѣмъ существомъ своимъ подчинялся проявленіямъ жизни выражавшимся въ книгахъ. Какъ иной практическій человѣкъ подчиняется своему секретарю, своему прикащику, своей женѣ, такъ Бѣлинскій подчинялся иной книгѣ, иной теоріи въ книгѣ изложенной, иной идеѣ въ книгѣ развитой. Измѣнчивость, даже противорѣчіе возрѣвій Бѣлинскаго въ различныя эпохи его жизни есть фактъ достаточно извѣстный; извѣстно что владѣя способностью подхватить идею на лету, онъ страстно увлекался ею, самостоятельно развивалъ ее, бился за нее до изнеможенія; но являлась другая идея, и Бѣлинскій отдавался ей всѣмъ существомъ своимъ, а къ прежней начиналъ относиться съ тѣмъ большею неприязнью чѣмъ страстнѣе онъ былъ прежде въ нее влюбленъ. Все это, повторяемъ, извѣстно, и мы не имѣемъ надобности на этомъ настаивать; но мы настаиваемъ на томъ что перемѣны въ возрѣвіяхъ Бѣлинскаго совершались не вслѣдствіе наблюденій надъ живою дѣйствительностью, а вслѣдствіе бесѣдъ съ пріятелями или чтенія. Бѣлинскій былъ отъ головы до пятокъ *книжный человекъ*, теоретикъ, доктринеръ. Онъ выступилъ на литературное поприще не безъ задора и не безъ разрушительныхъ замашекъ. Это было, по мнѣнію его тогдашнихъ пріятелей, результатомъ вліянія на него Надеждина.* Замѣтимъ, впрочемъ, что задоръ былъ свойственъ Бѣлинскому по самой его натурѣ, по его темпераменту. Но вотъ „философскій его другъ“ сообщаетъ ему что по натурфилософской системѣ „все выходитъ изъ одного общаго лона которое есть

* *Бѣлинскій* и пр., Пылъца, I, 92—96.

Богъ, самъ себя открывающійся въ твореніи“. * Тотъ же „другъ“, или кто-то другой, объясняетъ что по Гегелю „все существующее разумно“,—и Бѣлинскій со „страданіемъ“, съ пожертвованіемъ „самыхъ душевныхъ чувствъ“, „цѣнной слезъ, воллей души“, по собственнымъ словамъ его, „усвоилъ себя эти мысли“. Не заласшись религіознымъ чувствомъ ни изъ семьи своей, ни изъ пребыванія среди православной Москвы, и вопреки догмату что общечеловѣческое выше національнаго, онъ вдругъ, по указанію Гегеля или по комментаріямъ на него „философскихъ“ и иныхъ друзей, принимается писать патріотическія статьи, а въ частной перепискѣ говорить о „міродержавномъ Промыслѣ“ и благодати, проповѣдуетъ смиреніе и покорность, ссылается на „великаго Іоанна, любимѣйшаго ученика Христова“; въ историческихъ судьбахъ Россіи видитъ дѣйствіе одного лишь правительства, отрецивается во имя Русскаго народа отъ парламента, отъ заговоровъ, ото всякихъ политическихъ обществъ и всхвалаетъ цензуру... И все это не потому чтобы Бѣлинскій замѣтилъ между Москвичами и вообще Русскими отсутствіе стремленій къ парламентаризму, чтобы дѣла, опыты жизни, короткое знакомство съ дѣйствительностью выдвинули въ немъ консервативныя инстинкты, чтобы имъ въ самомъ дѣлѣ овладѣло религіозное настроеніе. Нѣтъ; этого требовала доктрина, такъ выходило по Фихте и Гегелю... Книжки, а не другое что-нибудь вращало Бѣлинскаго въ ту или другую сторону; онъ говоритъ это самъ. Въ періодъ своего примирительнаго настроенія онъ такъ объяснялъ задоръ своихъ первыхъ литературныхъ опытовъ: „Разбойники (Шиллера) и Коварство и любовь вкупѣ съ *Фіеско*... наложили на меня дикую вражду къ общественнымъ порядкамъ во имя абстрактнаго идеала общества“...

Въ началѣ сороковыхъ годовъ совершился въ Бѣлинскомъ еще новый переворотъ. Онъ начинаетъ отрециваться и отъ Гегеля, да и вообще отъ философіи. Онъ

* Ibid. 172—183 и 297. „Философскимъ другомъ“, а также буквами М. Б. г. Пыпинъ означаетъ извѣстнаго анархиста Бакукина, много занимавшагося философіей въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ. Зачѣмъ нужно было нашему автору окружать его ореоломъ таинственности, это пусть рѣшаетъ читатель.

снова начинаетъ говорить о дѣйствительности и спеціально о дѣйствительности русской. Журналъ, пишетъ онъ къ одному пріятелю, „поставилъ меня лицомъ къ лицу съ обществомъ“; * но это выраженіе которому біографъ Бѣлинскаго придаетъ большое значеніе не имѣетъ его вовсе, по нашему мнѣнію, ибо ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ и вообще никогда и нигдѣ Бѣлинскій не имѣлъ хоть сколько-нибудь послѣдовательныхъ сношеній ни съ кѣмъ кромѣ своихъ литературныхъ друзей. Поэтому и тотъ новый поворотъ который совершался въ Бѣлинскомъ въ началѣ сороковыхъ годовъ объясняется, кажется намъ, не вышесприведенными его словами, а слѣдующими: „съ Французами я помирился совершенно; не люблю ихъ, но уважаю. Ихъ всемірно-историческое значеніе велико“. А чтобы понять важность этихъ словъ, надо припомнить что „Нѣмцы“ были знаменемъ московскаго кружка Бѣлинскаго и Станкевича, а Французы—знаменемъ кружка Герцена. Не вліяніе общества и дѣйствительности заставило Бѣлинскаго отказаться отъ своего примирительнаго образа мыслей и признанія разумности всего существующаго, а олять-таки книжныя вліянія: „Французы“ побѣдили „Нѣмцевъ“. В. П. Боткинъ доказалъ Бѣлинскому неоспоримо что не правая сторона гегелианства „права“, а лѣвая, ** и философія уступила мѣсто политикѣ и социологіи; Бѣлинскій примкнулъ къ Герцену. Въ промежуткѣ 1840—1843 годовъ, пишетъ г. Анненковъ, сочиненія французскихъ социалистовъ были въ рукахъ „у всѣхъ“ въ Петербургѣ. „Бѣлинскій (переселившійся туда изъ Москвы) пристрастился къ общему настроенію“. Эти сочиненія „служили Бѣлинскому... средствомъ отыскивать первыя сѣмена социализма, заброшенныя переворотомъ восемьдесятъ девятаго года на европейскую почву“. И, заключаетъ цитируемый авторъ, „такое было дѣйствіе французской культуры на добрую половину русскаго міра“. ***

Нужно ли еще новыхъ доказательствъ что всѣ эволюціи и перевороты совершавшіеся во внутреннемъ мірѣ Бѣлинскаго

* Бѣлинскій и пр. Пыпина. I, 109. Ibid, II, 47, 49 и вообще въ XVII глава.

** Бѣлинскій и пр. Пыпина, II, гл. VII.

*** Замѣчательное Десятилетіе, см. Вѣстникъ Европы 1880, № 2ѣ, 507—9.

имѣли источникомъ не живую дѣйствительность, а увлеченія книжныя, теоретическія, умозрительныя? Эта умозрительность не представляла особыхъ неудобствъ пока ея дѣйствіе ограничивалось исключительно сферой искусства, науки философіи. Но въ началѣ сороковыхъ годовъ „Французы побѣдила Нѣмцевъ“, а это значитъ что мысль Бѣлинскаго спустилась изъ отвлеченій въ дѣйствительность, занялась вопросами практическими, что однако отнюдь не значитъ чтобъ она сама сдѣлалась болѣе практичною. Бѣлинскій прочелъ въ это время Сень-Симова, Фурье, Луи Блана, Прудона, или его литературные друзья познакомили его съ сочиненіями этихъ социальныхъ реформаторовъ, и онъ увлекся ими какъ нѣкогда увлекался нѣмецкими мыслителями и принялся проповѣдывать ихъ теоріи (насколько допускала цензура) съ обычною своею страстностью, не заботясь впрочемъ узнать, * есть ли у насъ люди существующіе подневнымъ трудомъ, совмѣстимо ли понятіе о пролетаріатѣ съ основаніями крѣпостнаго права, много ли у насъ женщинъ рвущихся къ независимости соединенной съ трудомъ и необезпеченностью существованія и т. д. Какъ бы то ни было, на этой почвѣ, въ лагерѣ „Французовъ“, Герценъ и Бѣлинскій сошлись, или точнѣе, послѣдній примкнулъ къ первому. Тутъ-то, говоритъ Герценъ о своемъ новомъ другѣ, „начинается его живое, мѣткое, оригинальное сочетаніе идей философскихъ съ революціонными“, выражавшееся—все по тому же свидѣтельству—въ статьяхъ Бѣлинскаго о Пушкинѣ и Державинѣ, о *Тарантасѣ* графа Соллогуба, о *Парашѣ* Тургенева. Разумѣется, то что Герценъ называетъ революціоннымъ элементомъ не могло бить въ глаза при существованіи предварительной цензуры. Но онъ чувствовался, угадывался и многими съ жадностью поглощался. Выхода книжки *Отечественныхъ Записокъ*, гдѣ въ это время писалъ Бѣлинскій, молодежь ожидала съ замираніемъ сердца, караулила, накидывалась съ азартомъ, прочитывала, проглатывала—„и трехъ-четырехъ вѣрованій и уваженій какъ не бывало“, говоритъ лютарая рука Герценъ.

Мы могли бы отыскать въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго страницы о коихъ говоритъ Герценъ. Но эти страницы налицаны отчасти такъ-называемымъ рабымъ *языкомъ*, столь усовершенствованнымъ въ послѣднее время Щедринымъ, и во

* *Полярная Звѣзда*, 1855, *Былое и Духи*.

всякомъ случаѣ мысли автора высказаны на этихъ страницахъ сдержанно, не вполне. Поэтому мы обратимся къ частной перепискѣ Бѣлинскаго, поскольку счелъ нужнымъ сдѣлать ее извѣстною г. Пылину. * Едва переселившись въ Петербургъ изъ Москвы Бѣлинскій начинаетъ относиться ко всему окружающему проиически и желчно. „Родная дѣйствительность ужасна“, пишетъ онъ; онъ возводитъ въ принципъ, ставитъ себѣ въ обязанность протестъ противъ „гнусной *русской* дѣйствительности“, которую начинаетъ отнынѣ называть не иначе какъ *русской*. Вотъ почему сатирическій, отрицательный элементъ въ литературныхъ произведеніяхъ начинаетъ въ это время пользоваться полнымъ и исключительнымъ его сочувствіемъ. Присутствіе этого элемента въ произведеніяхъ только что пробовавшихъ свои силы молодыхъ писателей радовало его, какъ видно изъ его отзывовъ о *Бѣднягахъ* Достоевскаго и объ *Антонь Горемыкѣ* г. Григоровича. Къ Тургеневу, по свидѣтельству приведеннаго г. Пылинымъ современника, Бѣлинскій благовоилъ между прочимъ „за нѣсколько стиховъ отрицательнаго и демоническаго свойства“; въ Лермонтовѣ его восхищала не столько необыкновенный талантъ поэта сколько его

Съ небомъ гордая вражда“. **

И на этомъ именно основаніи, то-есть въ виду „враждебныхъ“ отношеній Лермонтова къ Богу, Бѣлинскій, въ письмѣ отъ 17 марта 1842 года, наполняетъ нѣсколько страницъ горячими похвалами только что погибшему поэту, усматриваетъ въ немъ „дѣвину юную натуру“, говоритъ что онъ „шагнулъ бы дальше Пушкина“. Вслѣдствіе того же овладѣвшаго Бѣлинскимъ поклоненія отрицанію, онъ съ увлеченіемъ говоритъ о Гоголѣ и его *Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ* и *Сортъ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ*, о *Ревизорѣ* и о I томѣ *Мертвыхъ Душъ*.

Но уже лирическія мѣста „поэмы“ Гоголя выразившія пламенное сочувствіе автора нѣкоторымъ „некультурнымъ

* *Бѣлинскій* и пр. II, главы VII и VIII.

** *Бѣлинскій* и проч., Пылина, II, 179. Бѣлинскій вѣроятно не оказалъ бы этого въ печатной статьѣ не только цензуры ради, но и ради здраваго смысла. Лермонтовъ могъ назвать „враждою“ отношенія къ Богу демона какъ принципа зла, но сказать что Лермонтовъ имѣлъ личные счеты съ Богомъ—это ужь совсѣмъ пошло...

сторонамъ“ русской жизни заставили Бѣлинскаго поморщиться. На основаніи этихъ лирическихъ мѣстъ иные, и въ томъ числѣ Бѣлинскій, предчувствовали что въ слѣдующихъ частяхъ своей „поэмы“ Гоголь, пожалуй, выведетъ на сцену личности которымъ чего добраго читатель будетъ сочувствовать—а существовать въ Руси по теоріи ничему не слѣдовало. Ужь и безъ того были люди находившіе что Иваны Ивановичи и Иваны Никифоровичи, что Сквозники-Дмухановскіе и Держиморды суть каррикатуры а не портреты и что повѣсти и комедіи Гоголя—суть сатиры на существующую у насъ дѣйствительность, а не снимки съ нея... Еслибы Бѣлинскій оставался попрежнему въ предѣлахъ чисто художественной критики онъ безъ сомнѣнія былъ бы и самъ на сторонѣ такого воззрѣнія на Гоголя. Но въ это время онъ уже мнилъ себя публицистомъ, писателемъ политическимъ; Гоголь какъ художникъ стоялъ уже въ его соображеніяхъ на заднемъ планѣ. Прежде всего въ *Мертвыхъ Душахъ* било въ глаза что Гоголь любилъ горячо, страстно любилъ эту самодержавную, эту отсталую, несовершенствою ни одной революціи, эту православную, да еще притомъ и крѣпостную Россію. Значитъ онъ находить въ ней много достойнаго любви, больше хорошаго чѣмъ дурнаго; значитъ правы тѣ кто называютъ Гоголя сатирикомъ; а не дагерротипистомъ; значитъ—horribile dictum!—теорія ошибается!.. А такъ какъ Бѣлинскій уже становился въ это время и самъ на почву „гордой вражды съ Богомъ“, то не послѣдовательно было бы не быть ему во враждѣ и съ земною властію. Протестъ противъ всего существующаго и стремленіе къ обновленію во всѣхъ сферахъ, соединенное съ вѣрой въ прогрессъ *, такова была тогдашняя программа Бѣлинскаго. И онъ съ честностью искренняго фанатика „считалъ своимъ жизненнымъ призваніемъ поставить содержаніе *Мертвыхъ Душъ* въѣ возможности предполагать что въ немъ таится что-нибудь другое кромѣ художественной, психически и этнографически вѣрной картины (а не сатиры и не каррикатуры) современнаго положенія русскаго общества“. ** Нужды нѣтъ что самъ Гоголь не признавалъ

* Прекрасно выясняетъ эти положенія г. Страховъ въ своемъ сочиненіи *Борьба съ Зломъ*. Т. I, стр. 72 и слѣд.

** *Землемат. Десятилітіе, Вѣстникъ, Европы*. 1880, № 3, 36.

такого толкованія вѣрнымъ, о чемъ вѣроятно не безызвѣстно было въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ, да и явствовало изъ мелкихъ статей Гоголя печатавшихся въ *Москвитинѣ*. * Все это могло быть такъ, но не взирая ни на что Бѣлинскій „всѣ силы своего критическаго ума напрягалъ на то чтобъ устранить и уничтожить попытки къ допущенію какихъ-либо другихъ смягчающихъ выводовъ изъ знаменитаго романа, кромѣ тѣхъ суровыхъ, строго обличающихъ, какіе прямо изъ него вытекаютъ.“ При этомъ, говоритъ г. Анненковъ, великій поклонникъ Бѣлинскаго, сей послѣдній и устно и печатно неутомимо приглашалъ „подумать искренно и серьезно о вопросѣ—почему являются на Руси типы такого безобразія какіе выведены въ поэмѣ, почему могутъ совершаться на Руси такія невѣроятныя событія какія въ ней разказаны“...

Такова была почва на которой въ началѣ сороковыхъ годовъ сошлись Бѣлинскій и Герценъ. Въ *Отечественныхъ Запискахъ*, гдѣ Бѣлинскій работалъ и господствовалъ, Герценъ печаталъ свои философскія повѣсти и статьи научнаго содержания въ которыхъ развивалъ нѣкоторыя стороны ученія Фейербаха. Въ этихъ статьяхъ онъ широко развивалъ мысль нѣмецкаго философа что „всякое положеніе отрицается въ пользу высшаго“, что жизнь человечества есть въ сущности „рядъ переворотовъ мысли, одна другою вызываемыхъ и одна другую вытѣсняющихъ“. Изъ этихъ немногихъ, ничего особеннаго, повидимому, въ себѣ не заключающихъ положеній вытекало однако цѣлое міровоззрѣніе рѣзко противорѣчащее христіанскому. По новому ученію, человѣкъ являлся полнымъ властелиномъ своей судьбы; всякая зависимость человечества отъ внѣшней, надъ нимъ находящейся, силы устранялась, а вмѣстѣ съ тѣмъ на человѣка переносилось понятіе о высшей мудрости: онъ самъ, какъ объяснялъ Герценъ, ** создаетъ себѣ цѣли и изыскиваетъ путь для ихъ достиженія. Словомъ,

* Нѣсколько позднѣе въ *Авторской Исповѣди* Гоголь сказалъ: „Въ *Ревизорѣ* я хотѣлъ собрать въ кучу все дурное о Россіи“, а въ *Перепискѣ* (№ XVIII) мы читаемъ между прочимъ: „*Мертвые Души* задѣли за живое многихъ и насмѣшкой, и правдой, и *карикатурой*.“

** Не мѣшаетъ замѣтить что эта мысль диаметрально противоположна проповѣдуемой устами доктора Крупова.

выходило такъ что человѣкъ къ началу сороковыхъ годовъ оказывался существомъ достигшимъ совершеннѣйшаго и въ оцѣнѣ Божества не нуждающимся болѣе... Для ващаго же объясненія этой мысли Герценъ приравнивалъ наступающій историческій моментъ къ моменту паденія язычества и борьбы съ нимъ христіанства. И теперь де, точно такъ какъ безъ малаго за 2.000 лѣтъ, одно міровоззрѣніе смѣнялось другимъ, „одно положеніе отрицалось въ пользу другаго“; тогда былъ Христосъ, теперь Фейербахъ...

Охотно вѣримъ Герцену что пресвященный Филаретъ читалъ его статьи съ негодованіемъ, что онѣ раздражали его. Такое же впечатлѣніе производили и на кружокъ Хомякова и Кирѣевскихъ антирелигіозныя идеи Герцена. Изъ-за нихъ разошелся съ Герценомъ и Грановскій и, по собственнымъ словамъ перваго, многіе изъ его старыхъ единомышленниковъ, изъ членовъ его университетскаго кружка начинали хмуриться отъ его „послѣдовательности“. Но, говоритъ онъ съ гордостью, „Бѣлинскій и я, мы были послѣдовательны“. * И точно Бѣлинскій шествовалъ съ нимъ рука въ руку и нога въ ногу. Подобно Герцену, онъ видѣлъ въ сень-симонизмѣ и въ постановкѣ женскаго вопроса Жоржъ-Сандомъ справедливую „réhabilitation de la chair“, ** а о Татьянѣ Пушкина говорилъ: „съ тѣхъ поръ какъ она хочетъ вѣкъ быть вѣрною своему генералу, ея прекрасный образъ затемняется.“ *** Подобно Герцену, какъ мы видѣли, Бѣлинскій сталъ отыскивать причину безобразій указываемыхъ *Мертвыми Душами* и *Ревизоромъ* въ русской государственности, которую и начинаетъ преслѣдовать съ такимъ же ожесточеніемъ, съ какимъ защищалъ ее 3—4 года предъ тѣмъ. Приписывая такимъ образомъ государственности такое громадное значеніе, онъ однако въполнѣ отрицаетъ ее въ пользу начала дичаго. „Меня поглотила идея достоинства человѣка, писалъ онъ въ 1841 и 1842 годахъ. „Личность человѣка сдѣлалась пунктомъ на которомъ я боюсь сойти съ ума“. „Пора, писалъ онъ далѣе, освободиться личности человѣка отъ гнусныхъ оковъ неразумной дѣйствительности, мнѣнія черни и преданія варварскихъ вѣковъ“... „Я ненавижу *общее*, какъ надувателя и лапача бѣдной человѣческой личности“. „У меня нѣтъ ни *Entsagung*, ни

* *Былое* и *Думы* въ Пол. Зтзд. 1858 года.

** *Былое* и *Думы*, I, 211.

*** *Бѣлинск.* и пр., II, 149.

résignation“. Бѣлинскій переставалъ сдѣловательно быть тѣмъ что въ 60хъ годахъ называлось *постепеновецелъ*: „Я начинаю, лашеть онъ, любить челоѳчество *маратовски*; чтобы сдѣлать счастливою малѣйшую часть его, я кажется огнемъ в мечомъ истребилъ бы остальную“.

Можно надѣяться что ничего подобнаго Бѣлинскій не сдѣлалъ бы, но нельзя не согласиться что онъ выходилъ на опасный путь, на тотъ луть на которомъ находятся кинжалъ, ядъ, динамить..... и висѣлица! Энтузіасты и фанатики—самый опасный народъ когда власть доладаеть имъ въ руки. Въдъ в Марата, и Сенъ-Жюста ихъ биографы изображаютъ не тиграми, а напротивъ, друзьями челоѳчества. Герценъ уломинаеть въ *Быломъ и Думалъ* о нѣкоемъ „Собакевичѣ революціи“ который требовалъ два милліона челоѳческихъ головъ дабы сдѣлать счастливою остальное челоѳчество. И это требованіе, замѣтимъ, болѣе скромное чѣмъ требованіе Бѣлинскаго, было заявлено челоѳкомъ науки, можетъ-быть даже челоѳкомъ добра, то-есть благихъ намѣреній, не менѣе благихъ чѣмъ намѣренія Бѣлинскаго. Герценъ же разказываетъ сдѣвующій случай. Кто-то въ присутствіи Бѣлинскаго сталъ горячо осуждать Чаадаева за его *Философическое письмо*: въ образованныхъ странахъ, сказалъ онъ, есть де тюрьмы въ которыя запряютъ безумныхъ оскорбляющихъ то что цѣлый народъ читеть, и прекрасно дѣлають.

— А въ еще болѣе образованныхъ странахъ, воскликнулъ Бѣлинскій,—бываетъ гильотина, которою казнять тѣхъ которые находятъ это прекраснымъ.

Какъ далеки уже были понятія Бѣлинскаго отъ тѣхъ которыя онъ нѣкогда высказывалъ, отъ принциповъ либерализма и гуманности въ хорошемъ значеніи этихъ словъ! Какъ далекъ онъ былъ отъ заоблачныхъ высотъ нѣмецкой философіи и какъ близокъ къ клоакѣ якобинства!

Указаннаго совершенно достаточно, кажется, чтобы уяснить направленіе и образъ мыслей корифеевъ политико-литературной партіи носившей названіе западнической. Она располагала двумя журналами, *Отечественныя Записки* и *Современники*, которые положительно господствовали въ тогдашней нашей литературѣ. Такимъ образомъ, если

* *Бѣлинскій*, II, 86, 113, 117 и вообще главы VII и VIII.

дѣлать заключеніе о странѣ на основаніи ея литературы, какъ это и дѣлается слишкомъ часто, то пришлось бы сказать что Россія въ описываемый моментъ была довольно близка къ революціи, или по крайней мѣрѣ что на пути къ ней была интеллигенція страны. Такъ и думали Бѣлинскій и Герцень; это явствуетъ изъ того что писалъ и печаталъ послѣдній и изъ частныхъ писемъ перваго напечатанныхъ послѣ его смерти, въ которыхъ, говоря вообще, господствуетъ мажорный тонъ уже прозвѣвшаго побѣду человека... Но за то иногда дѣйствительность представлялась ему и въ менѣе радостномъ видѣ, какъ видно напримѣръ изъ слѣдующаго письма его къ В. П. Боткину отъ 27 іюня 1841 года.

„Дѣйствительность возникаетъ на почвѣ, а почва во всякой дѣйствительности—общество. Общее безъ особеннаго и индивидуальнаго дѣйствительно только въ чистомъ мышленіи, а въ живой, видимой дѣйствительности оно... мертвая мечта. Человѣкъ—великое слово, великое дѣло, но тогда когда онъ Французъ, Нѣмецъ, Англичанинъ, Русскій. *А Русскіе ли мы?.. Нѣтъ; общество смотритъ на насъ какъ на болѣзненные наросты на своемъ тѣлѣ, а мы на общество смотримъ какъ на...** Безъ цѣли, продолжаетъ Бѣлинскій, нѣтъ дѣятельности, безъ интересовъ нѣтъ цѣли, а безъ дѣятельности нѣтъ жизни. Источникъ интересовъ, цѣлей и дѣятельности—субстанція общественной жизни“. Но такъ какъ единства между русскимъ обществомъ и кружкомъ Бѣлинскаго не усматривалось, то онъ заключалъ слѣдующими горькими словами: *Мы люди безъ отечества,—нѣтъ, хуже чѣмъ безъ отечества; мы люди которыхъ отечество—призракъ*“....

Къ несчастію, эти трезвыя мысли посѣщали Бѣлинскаго только въ началѣ его пребыванія въ Петербургѣ; мало-помалу онъ вовсе перешелъ въ міръ „призраковъ“, среди котораго ему представлялось возможнымъ передѣлать русское общество по послѣднему образцу, заставить его жить, и не только жить, но думать согласно послѣдне-изданной теоріи. Повторяемъ судя по нѣкоторымъ признакамъ это могло казаться несбыточнымъ. Теоріи Герцена и Бѣлинскаго мало-по-малу распространялись; молодежь съ жадностью набрасывалась на книжки того журнала въ ко-

* Бѣлинскій, II, 122—23. Точки поставлены авторомъ біографіи въ замѣлъ „рѣзкихъ обличительныхъ выраженій“.

торомъ печатались его статьи и, какъ уже сказано, по прочтеніи каждой изъ нихъ, „трехъ-четырехъ вѣрованій и уваженій какъ не бывало“. Герценъ въ зиму 1845 года убѣдился что онъ „пересиливалъ Грановскаго“ * въ средѣ московскихъ студентовъ, которые начинали находить либерализмъ послѣдняго „блѣднымъ, узкимъ“. Сочиненія заграничныхъ, особенно французскихъ социалистовъ и реформаторовъ всякаго рода, вопреки нашимъ таможеннымъ, цензурамъ и полиціямъ, начинали получаться въ большомъ количествѣ и читались съ такимъ же увлеченіемъ какъ и тогда читались Гегель, †а еще раньше Шиллеръ и Гёте, а еще прежде Байронъ. „Я скорѣй откажусь отъ салоговъ нежели отъ книгъ одного изъ апостоловъ Фурье“, ** писалъ одинъ юный энтузіастъ изъ провинціи въ Петербургъ, и такіе страстные поклонники французскаго социализма въ концѣ *Замѣчательнаго Десятилѣтія* насчитывались сотнями; они были и въ столицахъ и въ провинціи, въ самыхъ различныхъ общественныхъ сферахъ. *** Литература, принимавшая тонъ отъ *Современника* (куда Бѣлинскій перебрался съ началомъ 1847 года), слегка разчищала почву для новыхъ теорій и располагала умы къ ихъ принятію; настоящая же пропаганда чинилась путемъ устныхъ сношеній; „я уже въ 1846 году, пишетъ Достоевскій, былъ посвященъ во всю правду этого грядущаго „обновленнаго міра“ и во всю святость будущаго коммунистическаго общества еще Бѣлинскимъ“. † Казалось, найдемъ наконецъ философскій камень. Нѣтъ, найдено нѣчто несравненно лучшее — секретъ сдѣлать счастливымъ все человѣчество. „Всѣ эти убѣжденія, продолжаетъ Достоевскій, о безнравственности самыхъ основаній (христіанскихъ) современнаго общества, о безнравственности религіи, семейства, о безнравственности права собственности; всѣ эти идеи объ уничтоженіи національностей во имя всеобщаго братства людей, о презрѣніи къ отечеству какъ

* Былое и Думы (въ *Полярной Звѣздѣ* 1855).

** Отрывокъ изъ Дѣла 1849 года о Петрашевскомъ (письмо Кайданова), въ *Полярной Звѣздѣ* 1862 года. Часть, но очень небольшая, этого дѣла напечатана въ июльской книжкѣ *Русской Старины* 1872 года.

*** Соч. Достоевскаго, т. X, 153, а также *Отрывокъ изъ Дѣла*.

† Соч. Достоевскаго, тамъ же 154. Курсивъ и въносные знаки, а также объяснительныя слова въ скобкахъ, поставлены Достоевскимъ.

къ тормозу во всеобщемъ развитіи и пр. и пр.,— все это были такія вліянія которыхъ мы * преодолѣть не могли и которыхъ захватывали, напротивъ, наши сердца и умы во имя какого-то великодушія"... И если кто-нибудь осмѣливался возразить пламеннымъ энтузіастамъ не по существу ихъ теорій—гдѣ ужъ!— а съ точки зрѣнія практичности, что, молъ, вѣдь васъ, господа, горсть, а противъ васъ горы, массы людей, что, молъ, тѣ самые крестьяне, Русскіе, на которыхъ непосредственно обращены ваши заботы, что они въ случаѣ чего перевяжутъ васъ и сдадутъ начальству,—если, говоримъ, кто-нибудь осмѣливался возражать въ такомъ смыслѣ, ему зажимали ротъ словами: Вы ничего не знаете; нашъ народъ вовсе не таковъ какимъ его изображаютъ Греки и Булгаринны, Хомяковы и Аксаковы: „приглядитесь попристальнѣе, и вы увидите что это по натурѣ глубоко-атеистическій народъ“; ** вы де привыкли думать что нашъ народъ считаетъ царя земнымъ богомъ: разувѣрьтесь; „простой народъ принципомъ зла непременно понимаетъ государя“; *** столь непоколебимая повидимому императорская власть, объявляли свѣпцы-фанатики, есть въ сущности фикція: „у нея нѣтъ корней въ народности (sic); она не русская и не славянская“... † Да и вообще вся Россія есть де вовсе не то что воображаютъ; это страна революціонная по преимуществу, отчасти по духу ея народа, отчасти потому что въ ней еще нѣтъ ничего прочнаго, установившагося, окрѣпшаго, окостенѣвшаго какъ въ Западной Европѣ: „у насъ все такъ еще шатко, неопредѣленно, насильственно безъ нашего спроса, не по нашей мѣркѣ“; †* Россія слѣдовательно наиболѣе между всеми странами Европы способна воспринять и усвоить радикальныя теоріи. Что же касается нашей интеллигенціи, то образованные Русскіе—самые свободные люди: „мы несравненно дальше пошли въ отрицаніи чѣмъ, напримѣръ, Французы“. †**

Сколько сознательной лжи, а еще болѣе наивнаго само-

* Мы—юные адепты.

** Бѣлинскій, письмо его къ Гоголю (*Полнрн. Зв.* 1855).

*** *Отрывокъ изъ Дули* и проч.

† *Былое и Дули* (*Полнрн. Зв.* 1856).

†* *Ibid.*, 1858, *отъ Издателя*.

†** *Былое и Дули* 1861 (письмо къ Печерину 21 апрѣля 1853 года).
Замѣчаніе Герцена о свободности русскаго образованнаго человѣка

обольщенія во всѣхъ только что приведенныхъ словахъ! Юные пленцы, образовавъ кружокъ и видя только другъ друга, обмѣниваясь мыслями лишь другъ съ другомъ, естественно должны были придти къ убѣжденію что весь Петербургъ съ ними заодно. То же самое казалось и тѣмъ *Петрашевцамъ* которые находились въ Москвѣ, Тамбовѣ, Ревелѣ. Имъ казалось что вся Россія ждетъ лишь сигнала къ возстанію, вслѣдствіе чего каждый Петрашевецъ давалъ вступая въ общество обязательство „по извѣщенію отъ комитета... быть въ назначенный день, въ назначенный часъ, въ назначенномъ мѣстѣ... вооружившись огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ“. * А между тѣмъ современники печальной катастрофы 1849 года свидѣлствуютъ что въ самомъ Петербургѣ никто ни о какомъ заговорѣ не зналъ и что Петербургъ былъ очень изумленъ когда проснувшись въ одно туманное осеннее утро узналъ что на Семеновскомъ плацу прочитанъ былъ нѣсколькимъ десяткамъ политическихъ преступниковъ приговоръ,—для иныхъ смертный **.

И вотъ, въ самый разгаръ соціально-атеистической пропаганды, когда литература начинала,—такъ по крайней мѣрѣ казалось пролагандистамъ,—окрашиваться извѣстнымъ оттенкомъ, когда изъ всѣхъ концовъ Россіи юные революціонеры присылали радостныя вѣсти: „всѣ де порядочные люди съ нами“—„сочувствіе полное“—„предержащая власти ненавидима“,—въ этотъ моментъ раздвѣтанія самыхъ розовыхъ надеждъ появляется книга подъ заглавіемъ *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*, проповѣдующая не только христіанство, но и ортодоксальное православіе, проповѣдующая повиновеніе предержащимъ властямъ и смиреніе, указывающая на нравственное совершенствованіе какъ на единственно вѣрный путь къ прогрессу и возможному для человѣчества счастью..

(Окончаніе будетъ.)

П. ЦЕБАЛЬСКІЙ.

напоминаетъ намъ разказъ Тургенева объ отзывѣ одного Англичанина о Чичиковѣ.—„Я понимаю теперь, сказалъ онъ по прочтеніи *Мертвыхъ Душъ*, почему Россіи боится вся Европа. Если у васъ много такихъ какъ Чичиковъ людей не признающихъ никакихъ нравственныхъ сдержекъ, то чего же не можете вы сдѣлать!..

* *Обязательная подписка* въ приложеніяхъ къ *Отрыску* изъ дѣла и проч.

** Никто однако, какъ извѣстно, не подвергся смертной казни.

БЫЛЬ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ

I.

Въ сороковыхъ годахъ Алексѣй Аванасьевичъ Меркуловъ жилъ въ своемъ помѣстьѣ, Порѣчьѣ, на берегахъ Оки, въ сѣверной части Тамбовской губерніи. Онъ былъ богатый помѣщикъ: его домъ отличался отъ сосѣднихъ комфортомъ, мебелью новѣйшаго фасона, чистотой. Убранство комнатъ было холодно, не изящно, но обличало привычки человѣка воспитаннаго. Паркъ простирался на долверсты, и въ оранжеяхъ собирали много фруктовъ. Въ конюшнѣ Порѣчья стояло двѣнадцать каретныхъ лошадей, одна другой дороднѣе. Сосѣди не любили Меркулова, однако напрашивались на его знакомство.

Ему уже минуло пятьдесятъ лѣтъ, когда начинается мой разказъ. Высокій и худой, Меркуловъ къ этому времени вытянулся какъ спаржа и сгибался дугой, вслѣдствіе болѣзни спинной кости. Маленькихъ размѣровъ голова и лицо, съ густыми рыжеватыми усами, придавали его наружности своеобразный, но крайне не симпатичный характеръ. Его воспитывалъ Французъ, гордившійся памятью отца, одного изъ святелей девяносто третьяго года. Алексѣй Аванасьевичъ остался до старости вѣрнѣе теоріямъ привитымъ французскимъ либераломъ: онъ постоянно толковалъ о свободѣ, а на фактъ былъ варваръ.

Подъ сорокъ лѣтъ онъ овдовѣлъ, и дѣтей своихъ воспитывалъ по *Эмилю Жанъ-Жакъ Руссо*. У него было два сына и дочь. Одинъ изъ сыновей вѣучился столярному, другой рѣзному мастерству, но читать и писать ихъ не учили, въ ожиданіи чтобъ они обнаружили желаніе знать грамоту. Изъ гувернерамъ, Французу и Нѣмцу, было вѣрно бесѣдовать съ ними, но не переспоривать природы и предоставить мысли и разуму свободное развитіе. Но мальчики бесѣдовать не любили и вышли лѣнтяи и недоросли. Французъ не ужасался съ дѣтьми, ни съ отцомъ, и перешелъ на другое мѣсто, а Нѣмца постигла несчастная участь. Его ученики поймали волчонка, котораго держали дома на веревкѣ. Алексѣй Аванасьевичъ не воспротивился этой прихоти: по его мнѣнію, дѣти должны были убѣдиться на опытъ что волкъ не ручной звѣрь; они и убѣдились: волченокъ перегрызъ свою веревку и искусалъ бѣднаго Нѣмца до полусмерти. Это обстоятельство позабавило дѣтей, они смѣялись надъ трусостью Карла Карловича, который хотѣлъ жаловаться губернатору.

Угроза нѣсколько смутила Алексѣя Аванасьевича, который смѣялся также, но тайкомъ. Онъ былъ не въ ладахъ съ губернаторомъ и боялся „придирки“ съ его стороны. Во избѣжаніе непріятностей онъ отправилъ Нѣмца въ Москву, сдавъ ему цѣнный подарокъ.

Дѣти однако не были запы, но возненавидѣли Карла Карловича за то что онъ требовалъ отъ нихъ нѣкотораго рода дисциплины. Онъ не мирился съ раслуценностью, съ беспорядкомъ вообще, а дѣти природы не любили порядка, ѣли не дожидаясь завтрака и обѣда, засыпали въ пріемныхъ комнатахъ не раздѣвшись, а въ своихъ бросали какъ полено ружья, инструменты, платья. Карлъ Карловичъ ворчалъ и заставлялъ ихъ убирать разбросанныя вещи. Дѣтямъ доставалось иногда отъ родителя, но не за какую-нибудь вину, а когда онъ былъ раздраженъ. Разъ его старшій сынъ Дмитрій разбилъ нечаянно его карманные часы, и Алексѣй Аванасьевичъ выскѣкъ мальчика на славу.

Дочь свою Грушу онъ держалъ иначе: женщина, говорилъ онъ, надо съ малыхъ лѣтъ приучать къ послушанію и къ заботамъ, и какъ скоро она стала на ноги, онъ возложилъ на нее всю тяжесть деревенскаго хозяйства: она толковала съ ключникомъ, со скотницей, съ ловарами, сводила всѣ

счета, выдавала провизию; съ ранняго утра ее видѣли въ кладовой, въ погребѣ, въ кухнѣ, на скотномъ дворѣ, словомъ, она была не хозяйка, а работница въ своемъ собственномъ домѣ. Однако Груша не закружилась, не зачерствѣла въ этой жизни. До двѣнадцати лѣтъ ее воспитывала нѣжно любившая ее мать. Покойная Меркулова знала французскую литературу несравненно лучше отечественной и читала съ дочерью творенія гжи Жанлисъ и Флоріана. Эти чтенія не могли конечно развить литературнаго вкуса въ дѣвочкѣ, но за то развили въ ней благородныя понятія объ отношеніяхъ мужчинъ къ женщинамъ дѣтей къ родителямъ. Съ годами она перешла къ Валтеру - Скотту и другимъ писателямъ. Ихъ творенія она добывала или у оубѣдей, или украдкой выписывала изъ Москвы на деньги которыя ей скупо выдавалъ отецъ для ея собственныхъ расходовъ. Рано въ ней началась та нравственная борьба въ которой вырабатывается личность. Грубость среды развивала до экзальтаціи ея стремленія къ другимъ цѣлямъ жизни. Въ Порѣчьѣ цѣль жизни ограничивалась мелочными, дневными заботами. Охота была главнымъ развлеченіемъ Алексея Аванасьевича, а охотникамъ въ этой мѣстности раздолье. Осенью гоняють зайцевъ, зимой охотятся на волка и медвѣдя; лѣтомъ мѣстность изобилуетъ пернатою дичью, и несмотря на плохое здоровье, Алексѣй Аванасьевичъ нерѣдко устраивалъ охоты, въ которыхъ его сыновья принимали горячее участіе.

II.

Въ то время у Меркулова гостилъ его крестникъ, Григорій Антоновичъ Лавровъ, двадцатилѣтній молодой человекъ. До тѣхъ поръ никто его не зналъ въ семействѣ, и въ Порѣчьѣ онъ пріѣхалъ не по приглашенію, а самъ просилъ письменно у крестнаго отца позволенія провести нѣсколько времени у него въ деревнѣ для поправленія здоровья. Наружность Лаврова изобличала южное происхожденіе: у него были черные глаза подъ густыми бровями, угольный цвѣтъ волосъ и бѣлые зубы, цвѣтъ лица золотисто-желтый; наружность обѣщала много энергіи. Онъ попалъ сиротой къ небогатай

теткѣ, воспитывался кое-какъ съ ея дѣтьми и служилъ въ Москвѣ, въ Межевомъ Отдѣленіи, за скудное жалованье. Частые уроки давали ему возможность одѣваться прилично и сводить концы съ концами. Онъ едва зналъ своего крестнаго отца, который его принялъ благосклонно, но Лавровъ, послѣ недѣли проведенной въ Порѣчьи, не могъ еще свыкнуться ни съ личностью хозяина, ни съ его семейнымъ бытомъ. Молодой человѣкъ дичился всѣхъ; Груша была единственное существо въ которое онъ всматривался съ возрастающею симпатіей.

Разъ утромъ она слушала чтеніе своего младшаго брата Вани. Тринадцатилѣтній мальчикъ читалъ только-что не по складамъ и Груша его поправляла почти на каждомъ словѣ.

— Будешь, сказалъ онъ, закрывая книгу, скучно!—И направилась къ дверямъ.

— Ваня, Ваня, остановила его Груша,—перечти пять разъ страницу. Не лѣньсь, слышишь, непременно перечти.

— Да, тебѣ легко говорить. Ты я чай не помнишь когда тебя читать-то учили, а я только теперь принялся и то чтобы люди въ глаза не смѣялись.

— Ваня, ты слышалъ? Перечтешь страницу? честное слово?

— Честное слово, перечту. А вы рано читать научились? обратился онъ къ Лаврову.

— Рано, отвѣчалъ Лавровъ.

— То-то, Митя говоритъ: одни мы дураками росли.

— А развѣ братъ вашъ тоже не учился? спросилъ Григорій Антоновичъ.

— Тоже. Недавно сталъ читать, а ему двадцать лѣтъ. Гулянька его стыдила и выучила. Онъ на Волгу уѣхалъ.

— Заѣмъ?

— Захотѣлось проѣхаться. Онъ охотникъ рыбу ловить.

Ваня вышелъ, а „Гулянькѣ“ какъ онъ звалъ сестру, стыдно было взглянуть на Лаврова. Она закрыла расходную книгу, которая лежала предъ нею, и сказала:

— Никогда я съ этими счетами не покончу сегодня! Совсѣмъ не то въ головѣ.

— Позвольте вамъ помочь, отозвался Лавровъ, подходя къ ней.

— Да какъ же это?... совѣстно, право, васъ этимъ обременять... начала она.

— Пожалуста, не совѣстите. Покажите только какіе счета надо вести, и къ обѣду я вамъ принесу эту книгу. Отдохните.

— Какой же вы добрый! отозвалась Груша.—Ну хорошо, спасибо вамъ.

Она протянула ему руку, которую Григорій Антоновичъ пожалъ съ чувствомъ, и тутъ въ первый разъ молодая дѣвушка поняла что между ними было что-то общее, что они сойдутся. До тѣхъ поръ они обмѣнивались лишь пустыми словами.

— Гляжу я на васъ, день денской заняты вы мелочнымъ хозяйствомъ, сказалъ онъ.

— Да, иногда даже тяжело бываетъ, отвѣчала Груша.

— Какъ это вашъ отецъ при своемъ состояніи не освободитъ васъ отъ такихъ заботъ?

— Вы думаете что онъ это изъ расчета? О, нѣтъ! Это дѣлается по системѣ. Онъ того мнѣнія что женщина создана для хозяйства и ничѣмъ другимъ заниматься не должна.

— Понятіе-то дикое, вырвалось у Лаврова.

Груша немного смутилась, посмотрѣла въ сторону и заговорила о братѣ.

— Валя очень добрый мальчикъ и слособный. Мнѣ бы такъ хотѣлось приохотить его къ ученью; къ несчастью, кажется, время ушло.

— О нѣтъ! Я самъ только въ пятнадцать лѣтъ принялся за книги и такъ усердно что отъ напряженія у меня жилака болнула въ глазу. За то въ восемнадцать ходилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ.

— Прошу васъ, разкажите это Ванѣ. Бѣда въ томъ что я сама невѣжда и не могу даже внушить ему любви къ занятіямъ. Помогите мнѣ.

— Ото всей души, отвѣчалъ Лавровъ.

— Почему вижу я васъ здѣсь въ первый разъ?

— Я бы и не собрался сюда, да обстоятельства заставили пріѣхать.

— Здоровье?

— Здоровье у меня крѣпкое; я только усталъ отъ трудовой жизни... Не здоровье заставило меня пріѣхать въ эту сторону, добавилъ Лавровъ,—это только предлогъ; я пріѣхалъ къ дѣлу очень важному для меня, въ которомъ Алексѣй Авансеевичъ можетъ мнѣ помочь.

— Онъ навѣрно поможетъ. Вы ему говорили объ этомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ еще. Я въ него всматриваюсь и не рѣшаюсь обратиться къ нему. Признаюсь, я не могу къ нему приворожиться. Онъ какъ-то странный...

— Да... все это время онъ не въ духѣ... и болѣзнь тоже, знаете... Слава Богу, онъ сегодня повеселѣлъ, получилъ письмо отъ дяди Струйскаго, дядя сюда ѣдетъ.

— Кто же этотъ дядя?

— Онъ единственный человѣкъ котораго лала любитъ, отвѣчала она необдуманно. — Они двоюродные братья и не видались уже нѣсколько лѣтъ. Вотъ душа человѣкъ! Я была ребенкомъ когда знала его, и забыть не могу. Онъ насъ навѣстилъ послѣ кончины мамы.

— Вашъ отецъ былъ огорченъ тогда? спросилъ, помолчавъ, Лавровъ.

— Да, огорченъ... она не договорила; да слишкомъ поздно, но молодой человѣкъ поваялъ и продолжалъ разспрашивать.

— Ваша матушка была долго больна?

— Три мѣсяца. Пала стояла на томъ что не нужно совѣтоваться съ докторами; говорилъ, природа переработается. Онъ и тогда не измѣнилъ своей системы, что надо вѣрить только силамъ природы, замѣтила она съ горечью. — Ну такъ вотъ, тогда-то, въ это несчастное время къ намъ пріѣхалъ дядя. Это было глухою осенью, сердце разрывалось отъ тоски, и по мнѣ какъ онъ насъ ласкалъ и какъ я его полюбила.

— И мало семейнаго сходства между имъ и вашимъ отцомъ? спросилъ Лавровъ, слушая съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Между ними нѣтъ вовсе сходства. Помаю, они все спорили, какъ заговорятъ, такъ и заспорятъ, однако лала на него не сердилась. Я знаю что они воспитывались въ совершенно разныхъ условіяхъ, и не сходятся въ своихъ помятияхъ ни въ чемъ.

— Когда же вы ждете вашего дядю? спросилъ Лавровъ.

— Сегодня или завтра. Пала выслала подставу на послѣднюю станцію. Я жду его съ нетерпѣніемъ. Мнѣ кажется что его вліяніе всѣмъ намъ принесетъ пользу.

— Какого рода пользу?

— Какъ вамъ сказать! отвѣчала она заливаясь; — можетъ быть онъ добьется чтобы для брата взяли порядочнаго гувер-

нера; чего-нибудь добьется и для меня. А какъ мы съ вами разговорились! Теперь вы не будете меня дичиться? спросила Груша.

— Какое вы чудное существо! подумалъ вслухъ Лавровъ.

III

Въ сороковыхъ годахъ повъздка изъ Москвы въ Тамбовъ была тяжелымъ путешествіемъ. Тогда и мысли не было о желъзныхъ дорогахъ, а переезды на лошадяхъ продолжались нѣсколько дней. Благодаря затрудненіямъ пути, московскій гость былъ рѣдкое явленіе въ Тамбовской губерніи. Не только близкіе ему люди, но и чужіе ждали его какъ диковину. По разказамъ Алексѣя Аванасьевича, многие изъ сосѣдей уже знали что Александръ Ивановичъ Струйскій служилъ въ гвардіи, былъ любимецъ женщинъ и повѣса, но служилъ отлично и вышелъ въ отставку полковникомъ. Алексѣй Аванасьевичъ любилъ анекдотическіе разговоры и вспоминалъ съ удовольствіемъ о проказахъ своего двоюроднаго брата. Въ день его ожидаемаго пріѣзда Меркуловъ такъ разакомился его анекдотами что разказывалъ ихъ за обѣдомъ, не стѣсняясь присутствіемъ дѣтей; онъ громко смѣялся и топалъ ногой по паркету. Его рыжіе усы приходили въ движеніе, кошачье лицо морщилось отъ смѣха. Ему вторилъ гость-помѣщикъ, но Лавровъ сдвинулъ брови и упорно смотрѣлъ въ тарелку, боясь встрѣтить взглядъ Груши которая безпрестанно краснѣла, отчасти понимая, отчасти угадывая еще неясный для нея смыслъ склбрезныхъ разказовъ отца, который не обращалъ вниманія ни на серіозность своего крестника, ни на смущеніе своей дочери.

— А что Александръ Ивановичъ остался весельчакомъ или остепенелася съ годами? спросилъ гость.

— Года его очень измѣнили. У него тутъ не совсѣмъ... лунктикъ, отвѣчалъ Алексѣй Аванасьевичъ, щелкнувъ себя въ лобъ.— Помѣшался на мистицизмъ. Вѣрить въ таинства, въ чудеса, идолопоклонничаетъ, но я съ нимъ объ этомъ не люблю говорить.

Гость нашелъ такой отзывъ о религіи крайне неприличнымъ, но не возражалъ, опасаясь компрометтировать себя въ

глазахъ такого просвѣщеннаго человѣка какъ Алексѣй Аванасьевичъ. Лавровъ, какъ юноша своего времени, признавалъ лишь доктрины Гегеля, но и его возмущало глумленіе надъ чужими вѣрованіями. Что же касается Груши, ее до боли оскорбляло безбожіе отца. Покойная мать приучила къ молитвѣ, и она ходила въ церковь со своею няней. Алексѣй Аванасьевичъ такъ мало занимался дочерью что не стѣснялъ ее свободы въ этомъ отношеніи.

Вечеромъ Груша пригласила Лаврова пойти вмѣстѣ съ нею на встрѣчу дяди.

— Вы меня побаловали сегодня, сказала она,—освободили отъ счетовъ; благодаря вамъ, я успѣла приготовить съ утра комнату для дяди, побывала на кухнѣ, и теперь я свободна.

— Развѣ Алексѣй Аванасьевичъ требуетъ чтобы вы сами стирала? спросилъ Лавровъ, съ отѣвкомъ ироніи.

— Нѣтъ, но поваръ не обойдется безъ моей помощи. Оая не умѣетъ приоровиться ко вкусу паша, а я приоровилась. Вы не думайте что я пренебрегаю этимъ обязанностями, но, правду сказать, не хотѣлось бы сдѣлать изъ нихъ главную заботу жизни. Не уморить въ себѣ воображенія и сердца! И на что они были намъ даны? спросила она тономъ въ которомъ сказывалось что нелегко съ ними уживаются въ Порѣчѣ.

— Они намъ даны на борьбу, отвѣчалъ Лавровъ.—Такъ всегда было и будетъ всегда, а въ борьбѣ человѣкъ крѣпнеть.

— Или изнемогаетъ.

— Не надо изнемогать, надо осилить. Вы давно здѣсь поселились?

— Мы отсюда не выѣзжали послѣ кончины моей матери, цѣлыхъ семь лѣтъ.

— А вамъ бы хотѣлось отсюда?

— Хотѣлось бы въ Москву, къ моей родной теткѣ, къ сестрѣ мамы. Она зоветъ меня къ себѣ.

— И что же, васъ къ ней не пускаютъ?

— А какія теперь знаменитости въ Москвѣ! продолжала Груша, уклоняясь отъ отвѣта.

— Да, подтвердилъ Лавровъ, и въ театрѣ, и на кафедрѣ, и въ литературномъ мирѣ.

— О, въ Москвѣ, заговорила дѣвушка, — тамъ люди избранные, а безъ нихъ жизнь не въ жизнь.

— Какихъ людей вы называете избранными?

— Какихъ людей?... Тѣхъ какихъ я встрѣчала до сихъ поръ только въ книгахъ.

Лавровъ не разъ ошибался въ людяхъ, и подумалъ: лишь бы она не приняла за героя романа первого негодяя который заговорить о возвышенныхъ чувствахъ.

— Мнѣ страшно за васъ, сказалъ онъ.—Сердце легко дается на обманъ.

— О, вѣтъ! Сердце вѣщуетъ, возразила Груша.

Онъ окинулъ ее ласковымъ взглядомъ. Она была мило-видна и стройна.

— Ваша тетюшка много принимаетъ? спросилъ онъ.

— Много. У нея бываютъ эти избранные люди. Между ними есть и свѣтскіе, и ученые, и литераторы. Ея дочь Оленька пишетъ мнѣ что ихъ кружокъ составленъ изъ за-ладниковъ. Сначала я этого слова не поняла, но она мнѣ его объяснила.

— Какіе люди между ними!.. изъ ряду вонъ!.. отозвался Лавровъ.

Мѣсяць уже освѣщаль поляну когда они спохватились что пора домой, и удвоили шагъ. Въ концѣ аллеи примы-кающей къ усадьбѣ они остановились, прислушиваясь къ отдавленному звуку колокольчика.

— Это вашъ гость, сказалъ Лавровъ.

— Я его дождусь здѣсь, отозвалась Груша.

У нея забилось сердце. Многого она ожидала отъ этого гостя, котораго едва знала. Дорожная коляска быстро приближалась; кучеръ, узнавъ барышню, осадилъ лошадей.

— Дядя! крикнула Груша.

Изъ коляски вышелъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, въ поношенномъ сюртукѣ и въ полярковой шапкѣ съ широкими полями какъ у квакеровъ. На его длинной худой шеѣ былъ небрежно повязанъ лѣтній галстукъ.

— А, Груша! Здравствуй, душечка, отозвался онъ обнимая племянницу.

IV

Александръ Ивановичъ Струйскій былъ воспитанъ иезуитами. Въ Петербургѣ ихъ общество уже начинало распадаться въ началѣ царствованія императора Николая, но еще

держалось, и нѣкоторые свѣтскіе люди отдавали имъ на воспитаніе своихъ сыновей съ условіемъ не преподавать ученикамъ католической вѣры. По словамъ Александра Ивановича, іезуиты имѣли огромное вліяніе не только на своихъ воспитанниковъ, но даже на женщинъ высшаго петербургскаго круга, которыя пріѣзжали къ нимъ тайкомъ. Что касается вѣроисповѣданія дѣтей, Богъ знаетъ всегда ли добросовѣстность было исполнено обѣщаніе данное родителямъ, но вѣрнѣе то что Струйскаго мы знали строгимъ православнымъ: онъ соблюдалъ посты и говѣлъ три раза въ годъ. Первые стѣмена вѣры брошенныя въ его душу залази такъ глубоко что уцѣлѣли въ разгульной петербургской жизни и не поколебались ученіемъ матеріалистовъ. Въ тридцать шесть лѣтъ онъ замѣнилъ блестящій гвардейскій мундиръ изношеннымъ сюртукомъ; а почему изъ ловѣсы щеголя онъ вдругъ обратился въ аскета; какъ его перебросило изъ одной крайности въ другую, это можно объяснить развѣ только врожденными свойствами русскаго человѣка, составленнаго изъ крайностей. Ему досталось послѣ родителей хорошее состояніе, но онъ давалъ такъ много бѣднымъ людямъ что самому приходилось иногда нуждаться въ деньгахъ: лишенія онъ переносилъ съ философскимъ равнодушіемъ. Оставивъ свѣтъ, Струискій сошелся съ пожилымъ мартинистомъ, который посвятилъ его во всѣ тайны мистицизма. Нерѣдко онъ отыскивалъ духовныхъ или простолюдиновъ жившихъ въ Богѣ, любилъ бесѣдовать съ ними и учиться у нихъ божьей правдѣ. До вступленія въ военную службу онъ занимался въ Казанскомъ университетѣ древними языками. Библію и Евангеліе онъ читалъ въ греческомъ и еврейскомъ текстѣ. Онъ любилъ толковать о религиозныхъ вопросахъ, въ особенности съ молодежью.

Алексѣй Аванасьевичъ бесѣдовалъ со своимъ гостемъ за чашкой чая, между тѣмъ какъ остальные члены семейства сидѣли вдали, кто въ углу кто у окна, прислушиваясь къ разговору. Лампа покрытая бѣлымъ колпакомъ освѣщала правильный овалъ лица Струйскаго. Глубокая морщина между бровями придавала ему когда онъ молчалъ нѣсколько странный видъ, но обыкновенно выраженіе было пріятное. Онъ говорилъ отрывисто и рѣзко.

— А я сегодня вспоминалъ твои похождения, сказалъ и началъ смѣяться.

- Какія похождения?
- Въ лоаку. Помнишь исторію съ капиталшей?
- Ну, братецъ ты мой, объ этомъ сѣдуетъ забыть подъ пятьдесятъ лѣтъ.
- Да, вѣдь ты теперь богомоль.
- Богомоль такъ богомоль; это мое дѣло.
- Правда ли что въ выстихъ сферахъ логовариваютъ объ увольненіи крестьянъ?
- Правда.
- Наконецъ лора и намъ въ Европейцы. А дальше что?
- Объ этомъ неизвѣстно. Что будетъ увидимъ.
- Ты, кажется, очень равнодушно относишься къ этому вопросу?
- Что опредѣлено, то и будетъ, настояль Струйскій.— Мы съ тобою ничего не подвинемъ и не устранимъ. А пока каждый знай свое дѣло.
- Какое дѣло? Dans un pays esclave и голоса не подашь о дѣлѣ, загорячился Алексѣй Аванасьевичъ.
- Твое дѣло обязанности отца семейства, а у меня, человека одинокаго, другое назначеніе.
- Ты судишь какъ эгоисты. Вѣдь вы, христіане, извини, всѣ эгоисты. Для васъ человѣчество не существуетъ. Вы хлопчете только о спасеніи своей души.
- Христіанское ученіе все основано на любви къ ближнему, возразилъ Александръ Ивановичъ.
- Знаемъ мы это. Изъ десяти тысячъ одинъ такъ понимаетъ христіанство.
- По моему, любовь къ человѣчеству, не основанная на Евангеліи, это комедія, выдуманное чувство. Ты имъ и не задавайся. Еслибы тебѣ пришлось его доказать на дѣлѣ, ты бы не выдержалъ перваго толчка. Куда тебѣ толчка!—щелчка не выдержишь.
- Я былъ съ дѣтства пропитанъ либеральными понятіями и съ ними сойду въ могилу, отвѣчалъ Алексѣй Аванасьевичъ.— У меня ихъ не вышибла изъ головы царская служба. Его маленькое лицо сжалось, онъ стиснулъ зубы. Струйскій не хотѣлъ его сердить и заключилъ слоръ шуткой:
- Тебѣ и книги въ руки. Вели вырѣзать на своемъ надгробномъ камнѣ: „я любилъ человѣчество, нигдѣ не служилъ, жилъ въ Порѣчѣ и выстроилъ прекрасный домъ“... Кромѣ шутокъ, домъ прелестъ! Планъ ты самъ дѣлалъ?

Алексѣй Аванасьевичъ часто повторялъ съ любовью что онъ родился архитекторомъ. Въ этомъ отношеніи онъ отличался дѣйствительно замѣчательными способностями и хваталъ ими. Его слабая сторона была затронута; отъ задорнаго тона онъ перешелъ въ миролюбивый.

— Разумѣется самъ сдѣлалъ планъ. Печки удались; смотри, безъ душниковъ. А печи дѣло не маловажное въ Россіи, только печника порядочнаго нѣтъ: насуесть ихъ всюду и безъ толку. Не гораздо ли лучше, спрашиваю тебя, узнать по высотѣ сколько печь нагреваетъ кубическихъ саженъ и тутъ ее и ставить, соображаясь съ пространствомъ? Ни одинъ печникъ не умѣетъ вывести отношеніе между печью и комнатой. Вотъ тебѣ домъ довольно большой, а не увидишь ни одного душника, и температура вездѣ одинакова по термометру. У меня было два плана для этого дома. Покажу тебѣ первый. Лавровъ, принеси-ка мнѣ большую книгу въ сафьянномъ переплетѣ, лежитъ на моемъ письменномъ столѣ. Первый планъ былъ сдѣланъ по образцу англійской фермы, но мой мнѣ показался болѣе приспособленнымъ и къ климатическимъ условіямъ, и къ моимъ привычкамъ.

— А который-нибудь изъ твоихъ сыновей занимается архитектурой?

— Старшій, Дмитрій, могъ бы, да не занимается. Время не пришло.

— Пожалуй уйдетъ.

— Ничего, природная наклонность возьметъ свое.

— Гдѣ же Ваня? спросилъ Струйскій.— Я его видѣлъ только вскользь.

— Гдѣ Ваня? повторилъ Алексѣй Аванасьевичъ, оглядываясь.— Э! да вотъ онъ спитъ на диванѣ, набѣгаясь. Оставь его, не трогай, сказалъ онъ Грушѣ, которая подошла къ брату чтобъ его разбудить.

— Папа, вѣдь онъ такъ проспится до утра, замѣтила она.

— Ну и проспится, тѣмъ лучше.

— Груша, лодка-ка сюда, тебя что-же не видать, сказалъ Струйскій.

Она подошла, Лавровъ тоже подошелъ къ столу, но ихъ стѣсняло присутствіе хозяина и разговоръ не сдѣлался общимъ. Послѣ ужина молодые люди разошлись, а хозяинъ крикнулъ: „Ташка, трубку!“ Малый лѣтъ тридцати, съ голыми

лицомъ и вздернутымъ кверху носомъ, подавъ барину трубку.

— Какимъ табакомъ ты набилъ трубку? спросилъ Алексѣй Аванасьевичъ.

Этотъ вопросъ озадачилъ Тихона. Онъ покраснѣлъ какъ ракъ и сдѣлалъ шагъ въ сторону, и не подымая газъ промолвилъ:

— Не могу доложить-сь.

— Дуракъ, отозвался Алексѣй Аванасьевичъ.—Мнѣ прислали недавно нѣсколько фунтовъ табаку въ ящикахъ. Тамъ что ли ты взялъ новый пакетъ?

— Точно такъ-сь.

— Хорошо, ступай.

— Постои-ка, братецъ, сказалъ Александръ Ивановичъ,—ты, что ли, будешь мнѣ служить?

— Какъ прикажете-сь, отвѣчалъ Тихонъ и сдѣлалъ шагъ въ сторону.

— Приготовь ты мнѣ пожалуйста на ночь холодной воды со льдомъ.

— Слушаю-сь, отозвался Тихонъ и вышелъ.

— Ну, ужъ онъ тебѣ приготовить, замѣтилъ Алексѣй Аванасьевичъ.—Гауль какъ пробка!

— Ничего, за мною уходъ не сложенъ.

— Всмотрись въ эту физиономію. Такой физиономіи не встрѣтишь въ странѣ свободной. Отсутствие мысли и тупой страхъ.

— Залуганъ, замѣтилъ Струйскій.

— Кто его залуганъ? Ты знаешь что мои люди на хорошемъ содержаніи, сыты, но ничто не облагородитъ рабовъ.

— Отпусти ихъ на волю.

— Слуга покорный! Пока правительство не оградитъ помѣщика отъ произвола крестьянъ, пустить ихъ на волю невозможно. Что имъ представляетъ слово воля? Пьянство, буйство, лѣнь. Скоты, рабы!

— Да ты съ ними не обращай какъ со скотами.

— А какъ же съ ними обращаться? Какъ съ ровными себѣ? Оли мнѣ не ровня. Между нами лежитъ пропасть, образованіе.

Онъ ожидалъ возраженій, но Струйскій взглянулъ на его

тщедушную особу въ которой было такъ мало залоговъ жизни, и промолчалъ. Съ христіанской точки зрѣнія Алексѣя Аванасьевича можно было пожалѣть скорѣи чѣмъ осуждать. Онъ потянулся, крякнулъ и сказалъ:

— А завтра дождикъ будетъ или гроза. Спина разбалливается. Плохъ я сталъ. Ноги саабы, безъ лапки ходить не могу. Скоро умирать придется.

— Часъ неизвѣстенъ, отвѣчалъ Струйскій.—Я слава Богу здоровъ, а ты можешь меня пережить многими годами, но все-таки наготовѣ быть не мѣшаетъ.

— Я и готовъ, мое духовное завѣщаніе написано. А ты намекаешь на постъ и молитву что ль? Нѣтъ, вѣрить въ это мнѣ не дано.

— Ты никогда не позавидовалъ тѣмъ кто въ это вѣрить? спросилъ послѣ минутнаго молчанія Струйскій.

— Правду сказать, позавидовалъ не разъ. Хоть бы тебѣ. И жить-то вамъ, богомоламъ, привольно, и умирать-то легко.

— Такъ ты хотѣлъ бы вѣрить?

— Хотѣлъ бы, да голова моя такъ устроена что въ нее побасенки не вкладываются.

— И ты никогда не сказалъ себѣ: ну, а если ошибаюсь-то я? Если богомолы правы?

— Не сказалъ, но можетъ-быть и скажу. Чтò же будетъ послѣ?

— Будетъ страшно, но вѣра не дается сразу. Одинъ старецъ, духовникъ мой, говорилъ такому скептику какъ ты: сдѣлай хоть одно доброе дѣло и можетъ-быть увѣруешь.

Алексѣй Аванасьевичь пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Сдѣлай хоть одно доброе дѣло, повторилъ Струйскій.

— Я сдѣлалъ много добрыхъ дѣлъ на своемъ вѣку, отвѣчалъ Меркуловъ.

— Ты дома строишь, планы чертишь и складывалъ печи безъ душачиковъ, а ты сдѣлай-ка доброе дѣло, настаивалъ Александръ Ивановичъ.

— Отстань ты отъ меня! кой чортъ! Хоть бы старецъ твой объяснилъ чтò онъ называетъ добрымъ дѣломъ. Я не понимаю.

— Поймешь, голубчикъ. Рано или поздно вопросъ этотъ тебѣ западетъ въ голову: „а если ошибаюсь-то я?..“ Хорошо

тебѣ хорохориться телерь, а когда въ самомъ дѣлѣ умирать придется... Смерть страшна вблизи.

Алексѣй Аванасьевичъ нахмурился, и взглянувъ на часы простился на ночь съ гостемъ.

V.

Лавровъ не ушелъ отъ обаянія которое внушала личность Александра Ивановича, несмотря на различіе убѣжденій рѣзко обозначавшееся между ними при первой встрѣчѣ. Въ какіе - нибудь три - четыре дня они были друзьями и спорили до изнеможенія когда хозяинъ отдыхалъ или чертилъ планы, придумывая новыя постройки для украшенія Порѣчья. Въ эти дни Лавровъ успѣлъ сдержать обѣщаніе давнее Грушѣ; и занялся Ваней. Мальчикъ во время прогулокъ слушалъ съ удовольствіемъ его разказы изъ русской исторіи и привязался къ нему. Удача первой попытки такъ обрадовала Грушу что въ ея головѣ родился новый планъ; она послѣшила предложить молодому человѣку остаться въ деревнѣ до зимы чтобы давать уроки ея брату. Условія, какія бы они ни были, зависѣли отъ Лаврова.

— Это она отлично придумала, вмѣшалась Александръ Ивановичъ.

— Отецъ будетъ на все согласенъ, продолжала Груша, — лишь бы никто изъ насъ въ это дѣло не вмѣшивался. Ваня долженъ самъ изъявить желаніе учиться у васъ; а я берусь его такъ направить что папа не замѣтитъ нашего вліянія и въ его желаніи учиться увидитъ торжество своей системы. Григорій Антоновичъ, вы согласны?

— Благодарю васъ за довѣріе, но согласиться на это я не могу, отвѣчалъ Лавровъ.

— Возможно ли? Вы отказываетесь?

— Я въ своихъ дѣйствіяхъ не воленъ. Обстоятельства могутъ не сегодня завтра вызвать меня отсюда. Если я вамъ дамъ слово остаться, я буду вынужденъ ему измѣнить.

А Груша не сомнѣвалась въ его согласіи. Она успѣла вѣрится въ его дружбу и не предвидѣла близкой съ нимъ разлуки.

— А я надѣялась что Ваня переродится отъ вашего вліянія. Митя, тотъ погибъ. Отоларъ и больше ничѣмъ не будетъ. Отъ скуки охъ...

Она не договорила что Митя отъ скуки сошелся съ бездѣльниками и не разъ возвращался домой въ пьяномъ видѣ.

— А Ваня васъ такъ полюбилъ, продолжала она раскраснѣвшись и со слезами на глазахъ.— Неужели невозможно этого устроить?

Лавровъ не ожидалъ такого горячаго довѣрія къ себѣ со стороны Груши. Охъ былъ очень тронутъ, даже смущенъ.

— Еслибы вы знали, сказалъ охъ,—какъ мнѣ тяжело вамъ отказать, вы бы пожалѣли обо мнѣ. Времена измѣнились, я уйду, но можетъ-быть вернусь.. Ахъ, Александръ Ивановичъ, мнѣ нужно съ вами кое о чемъ поговорить, докончилъ охъ обернувшись къ Струйскому, и увелъ его въ садъ.

— Александръ Ивановичъ, началъ охъ,—подайте мнѣ совѣтъ. Обстоятельства такъ сложились что мнѣ необходимо обратиться съ великою просьбой къ Алексію Аванасьевичу.

— Ну такъ что же? спросилъ Струйскій.

— Вы понимаете что чрезвычайно трудно обратиться въ такомъ случаѣ къ человѣку почти незнакомому. Я его видалъ очень рѣдко и зналъ только со словъ тетки которая меня воспитала. Покойница была не дальновидна: она утверждала что мы „во многомъ“ сойдемся съ Алексѣемъ Аванасьевичемъ и предъ кончиной благословила меня ѣхать къ нему. Тетка, надо вамъ сказать, меня постоянно журила за мое *вольномудрство* и говаривала: „не даромъ Алексій Аванасьевичъ тебѣ крестный отецъ, должно-быть охъ тебя своею дурыю окрестилъ“. Эти-то слова меня и убѣдили что между имъ и мной найдутся симпатичныя струны. Но съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, я въ немъ не замѣтилъ и тѣмъ либеральнѣе полагалъ. Охъ крѣпостникъ до мозга костей, охъ деспотъ, охъ циникъ, охъ...

Лавровъ не кончилъ.

— Что дѣлать? Оно такъ, отозвался Струйскій;—но какого же рода ваша просьба? Вотъ главное.

— Этого я вамъ сказать не могу, не моя тайна. Все-таки можетъ-быть деспотизмъ не исключаетъ въ немъ нѣкоторыхъ уважительныхъ сторонъ характера.

Молодой человекъ остановился приискивая выраженія.

— Еслибы дѣло шло о чести, напримеръ... положимъ что въ такомъ именно случаѣ мнѣ нужно его содѣйствіе? Могу ли я на него разчитывать?

— Вы говорите загадками. Какой случай? Какое дѣло? Политическое что ли?

— Хоть бы политическое, подхватилъ Лавровъ.

— Онъ васъ оправдаетъ, даже одобритъ, лишь бы его личность и его собственные интересы остались въ сторонѣ.

— Я такъ и думалъ. Но есть вопросы которые касаются частной жизни: еслибы имя Алексѣя Аеанасьевича было случайно связано съ вопросами такого рода... словомъ, до-сказалъ Лавровъ который не хотѣлъ говорить прямо,—онъ неспособенъ на теплое чувство, но можетъ ли онъ по крайней мѣрѣ его понять въ другихъ, хоть умомъ если не сердцемъ.

— Это не ясно и отвѣчать навѣрняка я не берусь. Одно вѣрно: все зависитъ отъ его настроенія, отъ случая. Надо выбрать удобную минуту. Онъ можетъ одинаково или отказать невотрѣвъ, или неожиданно согласиться на все. Онъ во всемъ перемѣнчивъ, даже въ чувствахъ отца. Сначала его фаворомъ былъ старшій сынъ, потомъ Алексѣй Аеанасьевичъ къ нему охладѣлъ и сталъ баловать Ваню. Дочь же онъ любилъ когда она была малымъ ребенкомъ, затѣмъ сталъ къ ней совершенно равнодушенъ.

— А какая дѣвушка Аграфена Алексѣевна! Въ ней кажется нѣтъ и капли его крови.

— Да, вся въ мать. Я больше изъ-за нея-то сюда и пріѣхалъ.

— Я съ нимъ ни въ чемъ не сойдуся, заговорилъ Лавровъ какъ бы отвѣчая на свою мысль.— Вотъ съ вами мы во многомъ не сходимся, а какая разница! Около васъ сердце отогрѣешь.

Не онъ одинъ, всѣ въ домѣ полюбили Струйскаго, даже залуганский Тихка слушая его приказанія не бросался въ сторону, а говорилъ развязно, и Александръ Ивановичъ охотно бесѣдовалъ съ нимъ.

— Что бы вы, батюшка, началъ разъ Тихонъ,—изволили посоветовать барину за докторомъ послать.

— Баринъ твой упрямъ, не послушается, отвѣчалъ Александръ Ивановичъ.—Развѣ ты очень любишь барина?

Тихонъ призадумался.

— Какъ бы мнѣ вамъ, батюшка, не соврать: любить-то его я не люблю, да ужь больно его жадко. Спину-то ему въ бараній рогъ согнуло, и на всѣхъ онъ сердится.

— Это ты, братъ Тихонъ, премудро рассудилъ что о немъ жалѣть надо, замѣтилъ Струйскій.—А что по твоему, почему о немъ надо жалѣть?

Тихонъ подошелъ къ нему и понизивъ голосъ промовлялъ:

— Потому это не проста-сь. Ни онъ въ церковь заглядеть, ни онъ лба не перекрестить. Бабушка Ульяна такъ про него и говорила; что, молъ, это онъ не проста.

— А кто она, бабушка Ульяна?

— А во дворѣ была. Помнила какъ ихнюю маменьку крестили. Такъ она мнѣ заказывала за барина молиться. На томъ свѣтѣ, говорить, ему ужь очень тяжело будетъ, вражья сила опутала.

— Чему же еще тебя бабушка Ульяна учила? спросилъ Струйскій, который любилъ разказы о Божьихъ людяхъ.

— Да чему учила? Бывало скажетъ: „Тиха, терли да молчи; что увидишь, либо услышишь, все молчи. Взялъ—молчи, далъ—молчи, нашель—молчи, потерялъ—молчи.

— Ты такъ и живешь какъ она тебѣ завѣщала?

— Такъ и живу-сь. И самому легче, и людей во грѣхъ не вводишь.

— И давно бабушка умерла?

— Великимъ Постомъ два года будетъ. Все она Бога молила чтобъ ей помереть въ Свѣтлое Воскресеніе. По молитвѣ ей Господь смерть и послалъ. Въ субботу это она приобщилась, всю заутреню выстояла и раннюю обѣду. Пришла домой, и на лавку сѣла: барышня ей чаю прислала, сахару, да кусокъ кулича. Ну, чай матушка заварила, налила чашку, поставила на столъ, бабушка не беретъ. Глядь—она Богу душу отдала. Никто отъ нея дурнаго слова не слыжалъ. Ея звѣрь слушался. Побредеть, бывало, одна въ лѣсъ, осенью, за рыжиками, волковъ не боится. Разъ, съ ней кучеръ Спиридонъчъ пошелъ, такъ вотъ страху-то набрался: зашли они въ лѣсъ, а къ нимъ откуда ни возьмись, медвѣдь идетъ. Бабушка махнула на него рукой, да сотворила молитву, а онъ ничего, назадъ повернулъ. Спиридонъчъ разказывалъ. И всѣмъ-то она съ нищими дѣлалась: грошемъ ли, кускомъ ли, и мнѣ заказывала всегда нищимъ подавать.

— Стара она была?

— До ста лѣтъ дожила-сь. Больно я по ней тосковалъ, и какъ она Богу душу отдала, захотѣлось мнѣ въ монастырь; словно она меня туда зоветъ.

— Что жь, тебя Алексѣй Аванасьевичъ не пускаетъ?

— Я у нихъ и не просился, мать не пускаетъ. На кого, говорить, ты меня оставишь? Дождись, говорить, чтобы меня въ могилу опустили, а тамъ, Богъ съ тобой, ступай въ монахи.

— Тебѣ который годъ?

— Тридцатый пошелъ.

Разговоръ все продолжался; Груша и Лавровъ, гуляя въ саду, вошли къ Струйскому съ террасы, которая примыкала къ его комнатѣ.

— А я съ Тихономъ бесѣдовалъ, сказалъ онъ.

— О какихъ же такихъ предметахъ вы бесѣдовали? спросилъ Лавровъ.

— Вы, голубчикъ, Тихономъ-то не шутите. Онъ премудрость постигъ, отвѣчалъ Струйскій.

— Я, Александръ Ивановичъ, давно вижу что онъ замѣчательный человекъ, вотъ и любопытствую. Какой вопросъ онъ рѣшалъ? О конечныхъ цѣляхъ что ли? Либо о произвольномъ зарожденіи организмовъ?

— Это по вашей части, а у него своя часть. Вотъ вы еще не знаете какою дорогой пойдете, и много вѣроятно накуралесите прежде чѣмъ до какой-нибудь истины доберетесь, а онъ идетъ себѣ попросту, прямымъ путемъ, живетъ по Божьему.

— Григорій Антонычъ скептикъ, дядя, замѣтила Груша.— Онъ посмѣется надъ бѣднымъ Тихономъ, какъ сейчасъ смѣялся надо мной.

— Позвольте, возразилъ Лавровъ.—Я никогда себѣ не позволю смѣяться надъ вашею религіозностію. Дѣло вотъ въ чемъ: Аграфена Алексѣевна на меня прогнѣвалась за то что я не вѣрю въ ея сны.

— Не правда ли, дядя, вѣдь есть пророческіе сны? спросила Груша?

— Есть, отвѣчалъ Александръ Ивановичъ,—но такіе сны не всегда посланы Богомъ или святыми угодниками. Они идутъ иногда отъ нечистой силы.

— А по вашему, эта сила можетъ всѣ формы принимать? спросилъ Лавровъ.

— Всѣ-съ, отвѣчалъ утвердительно Александръ Ивановичъ,—за исключеніемъ образа Божіей Матери. Этого образа она принять не можетъ.

— Кто же это рѣшилъ? спросилъ Давровъ.

— А это, голубчикъ, рѣшили люди поумнѣ насъ, и рѣшили не произвольно. Имъ то было сообщено свыше.

— Какъ же разобратъ, дядя, отъ какой силы приславъ сонъ? спросила Груша.

— Волервыхъ, по послѣдствіямъ. Сказано: хорошее дерево не приноситъ дурныхъ плодовъ. Да и цѣль-то пророчества не бываетъ пустая когда она свыше идетъ. Ты, я чай, слышала исторію Мценскихъ? Нѣтъ? Ну, вотъ какъ дѣло было: мы со Мценскими состояли въ родствѣ. Одинъ изъ нихъ, Петръ Васильевичъ, былъ человѣкъ крутой, самодуръ, женился онъ на прекрасной дѣвушкѣ, и въ первый годъ женитьбы у нихъ родился сынъ. Богъ знаетъ приему, ни съ того, ни съ сего, онъ залодозривъ жему въ неферности, сталъ пресѣдовать ребенка, и когда ему минуло два года, выгналъ его изъ дому. Его приютила одна родственница, и мальчикъ выросъ, не зная ни отца, ни матери. Да мать-то и не долго прожила: горе ее извело, сынъ ея записался въ военную службу, прослужилъ вѣскольцо лѣтъ въ Петербургѣ, и отлучился въ 1812 году. Отрядъ его пресѣдовалъ войска Наполеона. Это было около Березины. Онъ расположился почевать въ большомъ сараѣ, и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ видитъ: стоитъ предъ нимъ монахъ и говоритъ ему повелительно: „вставай сейчасъ, разбуди солдатъ, садитесь на коней, и уѣзжайте отсюда.“ Мценскій проснулся, не придавъ значенія сну, и одеть задремалъ. Видитъ опять монахъ стоитъ предъ нимъ, и ведетъ ему выбираться изъ сараѣ. Тутъ ужъ онъ, не разсуждая, вскочилъ, поднялъ всѣхъ на ноги, и вышелъ въ поле. Только что они успѣли отойти, пламя взвилось надъ крышей, и огонь обхватилъ весь сараѣ. Мценскій не могъ забыть лица своего избавителя, хотя видѣть не встрѣчалъ его, ни до чуднаго сна, ни послѣ. Онъ жилъ въ Петербургѣ. Получаетъ онъ разъ письмо отъ отца. Петръ Васильевичъ писалъ: „Я опасно боленъ, желаю предъ смертию видѣть тебя, и покаяться въ своей винѣ; я согрѣшилъ и предъ тобой и предъ твоею матерью. Не теряя времени пріѣзжай.“ Мценскій тутъ же собрался. Отецъ его жилъ въ деревнѣ. Когда Мценскій пріѣхалъ, его встрѣтилъ старый сауга и

заплакалъ: „пожалуйте, говорить къ палаткѣ, въ спальню, онъ ужь съ постели не сходитъ“. И повелъ его рядомъ приемныхъ комматъ. Въ одной изъ нихъ висѣлъ портретъ стараго монаха. Мценскій такъ и вскрикнулъ узнавъ монаха: тотъ самый который явился ему во снѣ. Оказалось что этотъ монахъ былъ его родной дѣдушка по отцу. Сомъ свой и все что я вамъ разказываю онъ записалъ и завѣщалъ своему потомству молиться за упокой души старика.

— Я никакъ не позволю себѣ усумниться въ правдивости Мценскаго, оказалъ Лавровъ,—но признаюсь вамъ, на его мѣстѣ я бы все приписалъ случайности или воображенію.

— Это такъ и должно быть, голубчикъ, замѣтилъ Струйскій.—Христось сказалъ: „если Моисей и пророковъ не слушаютъ, то если кто изъ мертвыхъ воскреснетъ и тогда не повѣрятъ“.

— Дядя, а этотъ монахъ былъ праведной жизни? спросила Груша.

— Самой праведной жизни. Недавно я былъ въ Симоновомъ монастырѣ и зашелъ къ архимандриту. Всѣ въ монастырѣ уважаютъ память отца Василия. Странно что причина которая заставила его постричься въ монахи осталась тайной для всѣхъ.

— А развѣ онъ пошелъ въ монастырь не по призванію? спросила Груша.

— Въ томъ-то и дѣло что призванія никто въ немъ не подозревалъ, да оно никогда и ни въ чемъ не высказывалось. Отецъ Василій былъ человекъ свѣтскій, веселый, совершенно счастливый въ семейной жизни. Разъ онъ вернулся домой съ бала, съ женой и дочерью: жена легла спать, а онъ остался одинъ въ своемъ кабинетѣ. Утромъ къ нему вошли, комната пуста, а на столѣ лежитъ залечтанное письмо. Онъ его напечаталъ къ женѣ, благодарилъ и за счастливые дни которые они провели вмѣстѣ, благословлялъ ее и дѣтей и убѣждалъ ихъ не искать случая его видѣть и даже не дознаваться гдѣ онъ скрывается. Но они были въ отчаяніи, не послушались и узнали наконецъ что онъ жилъ въ Симоновѣ. Какъ ни умоляли они отца Василия принять ихъ хотя на одинъ часъ, не добились ничего. Онъ имъ отвѣчалъ чрезъ настоятеля что боится измѣнить своему обѣту если уступить ихъ просьбѣ. Свиданіе состоялось только чрезъ

десять лѣтъ. Тогда онъ уже былъ совершенно преданъ Богу и свѣтъ-то принималъ какъ жилецъ другаго міра. А что его побудило пойти въ монастырь, видѣніе ли какое, сонъ ли ему чудный приснился, объ этомъ они не узнали.

— По моему, онъ не честно поступилъ что бросилъ жену и дѣтей, замѣтилъ Лавровъ.

— Этого, голубчикъ, намъ съ вами рѣшать не подобаетъ, отвѣчалъ Александръ Ивановичъ, — а вотъ вы мнѣ скажите почему вы по ночамъ не спите? Сегодня въ четыре часа меня разбудилъ комаръ, я открылъ окно и загаланулъ въ садъ, а вы бродите по аллеѣ.

Лавровъ покраснѣлъ, словно его удичали въ грѣхѣ.

— Это я Гамлета зачитался, отвѣчалъ онъ.

„Гамлетъ Гамлетомъ, подумалъ Струйскій, а кромѣ Гамлета его безпокоитъ какой-то невидимый комаръ.“

Дѣйствительно, молодой человекъ похудѣлъ за послѣднее время, мало ѣлъ и мало спалъ, но ни съ кѣмъ не дѣлался тайной, которая отымала у него и сонъ и аппетитъ.

— Какое гениальное произведеніе! заговорилъ онъ: — Я увѣренъ что каждый изъ насъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ находитъ въ себѣ Гамлета.

— Шекспиръ былъ знатокъ людей, философъ, мыслитель былъ, отозвался Александръ Ивановичъ, — не то что современные поэты. Они не мыслители, а мечтатели.

— А какъ Мочаловъ король въ Гамлетѣ? продолжалъ Лавровъ. — Мы когда-нибудь увидимъ его вмѣстѣ, обратился онъ къ Грушѣ.

Эти слова пробудили въ ней всѣ желанія которыя она еще не высказала Струйскому и всѣ надежды которыя возлагала на него.

— Дядя, сказала она съ живостью, — мнѣ надо переговорить съ вами.

— Я васъ оставляю вдвоемъ, сказалъ Лавровъ.

VI

Груша рвалась къ жизни въ новый міръ. Изъ этого міра доходили въ глушь степей и стихи Лермонтова, и вальсъ Штрауса. Пушкинъ только что сошелъ въ могилу, но его стихи повторялись наизусть, и въ Москвѣ и въ Петербургѣ

раздались гласы цѣлой фаланги молодыхъ ласочковъ; лозвизъ была въ воздухѣ, и Груша, въ своемъ уединеніи, начинала задыхаться этимъ раздражающимъ воздухомъ. Оставшись вдвоемъ съ дядей, она описала яркими красками свою скучную жизнь, обреченную на мелочныя и ненужныя обязанности, и умоляла дядю замолвить объ этомъ слово ея отцу. Александръ Ивановичъ пожималъ плечами и говорилъ: „Будь покойна, поговори съ твоимъ отцомъ.“

— Но у меня еще другая просьба до васъ, такая просьба... вся моя будущность... Дядя! продолжала она, бросаась къ нему на шею,—упросите дядя отпустить меня въ Москву на зиму къ тетѣ Полоцкой. Она меня зоветъ къ себѣ.

Струйскій усложнилъ ее обещаніемъ склонить ея отца и на эту просьбу, и смотрѣлъ съ доброю улыбкой на ея сіяющее отъ радости лицо.

— Ты, душечка, въ обществѣ жить собираешься, а Жоржъ-Санда романъ читаешь, сказалъ онъ вдругъ.—Вчера я видѣлъ у тебя на столѣ ея романъ.

— Это мнѣ Лавровъ далъ. А вы какого же мнѣнія о ней спросила Груша.

— Вреть, дребедень лишеть, отрѣзалъ Струйскій.

Этотъ приговоръ произнесенный такимъ человѣкомъ ошеломилъ дѣвushку.

— Какъ, дядя? какъ? отозвалась она:—да вы прочли ли эту книгу? *Валентину*?

— Прочелъ, прочелъ, именно эту книгу, мнѣ ее навязала одна знакомая. Героиня влюбилась въ мужика.

— Бенедиктъ?... Но онъ былъ образованъ.

— Да, вѣрь этому, видалъ я французскихъ мужиковъ. Этотъ Бенедиктъ, душечка, не что иное какъ пустой болтушка, а вѣтъяй, ничего не дѣлаетъ и злитса на всѣхъ отъ скуки. А героиня вышла замужъ за порядочнаго человѣка, да въ мужика влюбилась. Вздоръ!

— Мужъ ее бросилъ на другой день свадьбы, возразила Груша.

— Почему онъ ее бросилъ?

— Потому что она его не любила.

— Если онъ не олухъ, онъ и до свадьбы зналъ что она его не любила. Дѣло въ томъ что онъ во всякомъ случаѣ увезъ бы ее въ столицу, а тамъ она не только бы забыла о

своимъ мужикѣ, да и вспомнить о немъ бы поговѣщалась, а принялась бы кокетничать съ гвардейцами. Вотъ какъ оно въ жизни бываетъ. Помыслы твоей Жоржъ-Сандъ не чисты, не честны: баба сама вдалась въ развратъ и другихъ за собой тавать, молодежь съ толку сбиваетъ. А книга написана заманчиво, неопытная голова и закружится: и я, молъ, буду искать образованнаго мужика. Ну, а когда мужикъ-то броситъ, надо позволютъ обратиться къ маркизу.

Груша возразила съ жаромъ:

— Богъ съ вами, дядя! Впервыкъ, сердце не можетъ ошибиться въ выборѣ, и если полюбить, то разъ навсегда...

— Какъ, какъ! засмѣялся Александръ Ивановичъ (смѣхъ его былъ похожъ на сухой камень).— Сердце, душечка, высокая вещь, но въ дѣлѣ любви только глупостямъ научить. Мушца станетъ ухаживать за женщиной, рассылается предъ ней. У женщины сердце вѣжное, она и воображаетъ что онъ по ней погибаетъ; сама мечтаетъ о вѣчной любви, а онъ уѣхалъ, и другую лакомить тѣми же небылицами. Всѣ мушцы такovy: ихъ любовь—капризъ, дуры! Ей подавайся не надо, тогда и будешь жить честно.

Въ его словахъ скрывалась несомнѣнно доля истины, но облеченная въ такую рѣзкую, даже грубую форму, что прозвучала въ ушахъ Груши какъ курioзный образецъ оригинальнаго склада его ума. Не такъ принимала она горячія теоріи Лаврова, въ которомъ горячо сказывался духа того времени. Онъ повалилъ на всю ея будущность,—хорошо или дурно, трудно рѣшить.

Вліяніе было честное, теплое, благородное, но придавало молодой душѣ направление неприможимое ни къ дѣятельности, ни къ законнымъ требованіямъ общества. Жизнь по сердцу могла ее завлечь далеко за тѣ предѣлы которыми общество держится. Идеалъ жизни сосредоточился для нея въ образѣ любимаго человека, и такъ высоко стоялъ этотъ идеалъ въ ея воображеніи что врадъ ли было возможно встрѣтить его въ жизни.

Посредничество Струйскаго между ею и ея отцомъ увѣчалось успѣхомъ. Изъ многочисленныхъ должностей пожалованныхъ на Грушу, за ней осталася лишь надзоръ надъ кухней. Алексѣй Аванасьевичъ былъ склоненъ къ пристрастію, и въ настоящую минуту предметъ пристрастія былъ Струй-

екій, который его развлекалъ своимъ умомъ, разказами, воспоминаніями о старинѣ. Коснулся даже поѣздки въ Москву.

Калривый старикъ отклонился отъ положительнаго отвѣта, но далъ однако полусогласіе сказалъ: „почему же нѣтъ? Но объ этомъ еще подумаемъ!“

Груша начала жить; въ ней пробуждались женскіе инстинкты заглушенныя до сихъ поръ работами стельной ховайки. Струйскій ей замѣтилъ разъ что молодой дѣвушкѣ не годится носить измятое платье и вообще пренебрегать внимательностью. Это замѣчаніе она поймала на лету, заказала домашней портнихѣ новые наряды, по образцу платья присланнаго изъ Москвы теткой Полоцкой, и послѣшила показаться въ своей обновкѣ. Струйскій сказалъ:

— А ты, душевка, прехорошенькая сегодня.

Дѣвушка жокраснѣла отъ удовольствія. Если дада нашелъ ее хорошеенькою, то нѣтъ причины чтобъ и другой не нашелъ того же. Въ тотъ же день, гуляя въ паркѣ, она сѣла у пруда, и воткнула въ косу цвѣтокъ который сорвала мимоходомъ. Въ неизвѣіемъ зеркала она нагнулась надъ водой чтобъ убѣдиться пристало ли къ ней новое украшеніе и увидѣвъ неправильный, но миловидный образъ, думала: „поправлюсь ли я ему?“ Но кто онъ? гдѣ онъ?

Скрылъ шаговъ по песчаной дорожкѣ заставилъ вздрогнуть и покраснѣть. Она быстро обернулась и поднесла руку къ волосамъ чтобы снять цвѣтокъ.

— Зачѣмъ вы хотите снять эту розу? сказалъ Лавровъ;— она такъ пристала къ вамъ.

— Я не знала куда ее дѣвать, заговорила было Груша.

— Вы словно извиняетесь, замѣтилъ онъ и сѣлъ рядомъ съ ней.

— Знаете о чемъ я сейчасъ думала, Григорій Антоновичъ? Мнѣ кажется что я поумнѣла съ тѣхъ поръ какъ вы здѣсь. Вы научили меня думать

— Коли такъ, я въ правѣ гордиться и вами, и собой. А если вы поѣдете къ вашей теткѣ, прибавилъ онъ, помолчавъ,—и будете въ свѣтѣ, вы меня не забудете?

— Ваше сомнѣніе обидно!

— И то правда! Александръ Ивановичъ говоритъ что вы вся въ мать.

Груша разобрала въ этихъ словахъ его непріязненное чувство къ Алексѣю Аванасьевичу и не отозвалась на нихъ.

— А вы помните вашихъ родителей? спросила она.

— Отца очень помню, а мать не совѣмъ ясно. Она была больна и уѣзжала за границу; я ее видѣлъ въ послѣдній разъ наканунѣ ея отъѣзда. Мы лыжи черезъ Воугу, на ларомѣ, я глядѣлъ въ рѣку, а она схватила меня за руку, притянула къ себѣ и цѣловала меня. Я помню ея слова: „да погляди же на меня“, потомъ она сказала отцу что-то по-французски. Помню какъ она вышла на берегъ и сѣла въ дорожную карету, а я остался на ларомѣ. Около меня было много незнакомаго народа, но все это маѣ представляется какъ во снѣ.

Груша слушала его съ участіемъ, а онъ смотрѣлъ въ даль и вдругъ повернулъ голову къ ней и сказалъ; „кажется я бы далъ иногда десять лѣтъ жизни за одну ласку матери.“

— Я тоже, промолвила она.

— Такъ вы меня не забудете? спросилъ онъ и взявъ ея за руку крѣпко сжалъ въ своей.—Вы отъ меня не отречетесь ни въ какомъ случаѣ?

Грушѣ стало немного страшно.

— Какъ вы говорите загадочно! отозвалась она.— Въ какомъ случаѣ могу я отречься отъ васъ, измѣниться къ вамъ?

— Все можетъ случиться. Вѣрно однако то чего мы не предвидимъ.

— Все-таки неволью строишь планы. Вы обѣщали вернуться сюда?

— Я это сказалъ надвое, припомните.

Онъ всталъ и удалился.

Въ немъ что-то странное, подумала Груша, провожая его глазами.

VII.

Вскорѣ послѣ этого разговора, Александръ Ивановичъ собрался навѣстить своего пріятеля, игумна Н—скаго монастыря, который находился въ тридцати верстахъ отъ Порѣчья. Лавровъ вызвался ѣхать съ нимъ, и въ ихъ отсутствіи произошло слѣдующее.

За нѣсколько дней предъ тѣмъ Алексѣй Аванасьевичъ вынималъ изъ шкатуки старинные часы, въ драгоценной оправѣ, показывалъ ихъ Струйскому, проси взять ихъ съ собой въ Москву и отправить въ Парижъ для починки. Затѣмъ онъ заперъ шкатуку и забылъ ключъ въ замкѣ. Когда ему пришлось зачѣмъ-то ее открыть, часовъ не оказалось. Потеря Брегета и присутствіе вора подъ его кровомъ взбѣсили хозяина дома. Поднялся гвалтъ. Камердинеръ Терентій каялся въ своей невнимости, но на его клятвы баринъ отвѣчалъ что если часы не найдутся, то воѣ будутъ отвѣчать за пролажу. Много въ одинъ сутки было потрачено толковъ и перебранки между дворовыми, много было бѣготни и возни: выдвигали ящики изъ столовъ, подымали ковры, надеясь что баринъ какъ-нибудь обронилъ часы, обшарили вездѣ, но все напрасно. Група видѣла надвигавшуюся бурю и не смѣла приступить къ отцу.

Жена Терентія, Маланья, была зла какъ змѣя; даже мужъ боялся ея до смерти. Давно она придиралась къ матери Тихона, но возненавидѣла окончательно и ее, и ея сына съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ въ почетѣ у Александра Ивановича. Среди всей суматохи, поднятой пролажей, Терентій таинственно ввелъ Маланью къ барину, который ей оказывалъ почему-то особенныя милости. Она была худенькая, сутуловатая молодая женщина, съ розовымъ цвѣтомъ лица и огромными глазами, безжизненными какъ у рыбы. Маленькіе, каріе, они плавали на синеватомъ фонѣ бѣлковъ и смотрѣли фальшивымъ неопредѣленнымъ взглядомъ. Она переступала тихими шагами, выставляя на показъ ноги не закрытыя короткою юлкой.

— Вотъ и жена, доложилъ Терентій.

Она стала предъ баринкомъ, опустивъ глаза и сложивъ руки подъ клѣтчатую косынку, заколотою булавкой на груди.

— Терентій говоритъ что ты можешь назвать вора? спросилъ Алексѣй Аванасьевичъ.

— Могу, баринъ, да духа не хватаетъ, промолвила кроткимъ голосомъ и слегка покраснѣвъ, Маланья.

— Это почему духу не хватаетъ? воръ значитъ негодяй, щадить его нечего.

— Я не про то-съ, а страшно какъ бы они со мной чего не причинили... Матвѣевну они тоже по злобѣ испортили: какъ заложитъ Херувимскую, лѣтухомъ кричить.

— Дура! отозвался Алексѣй Аванасьевичъ.—Говори кто украдъ чѣмъ?

— Тихонъ украдъ-съ.

— Почему ты знаешь что онъ?

— Третьяго дня никакъ-съ, да, какъ есть въ субботу, я принесла чистое бѣлье въ гардеробную и стала въ комодъ укладывать, а Тихонъ былъ въ кабинетѣ. Онъ меня не видитъ, а я его вижу, дверь-то растворена. И что-то мнѣ чудно показалось что онъ тамъ возится; гляжу, онъ держитъ часы и рассматриваетъ. Я себя думаю: это онъ такъ, по глупости, баринковы часы взялъ посмотреть, и стала опять бѣлье въ комодъ укладывать.

— Какіе они были, эти часы?

— Большіе, золотые-съ и бусами обсыпаны, отвѣчала Маланья, повторяя что она слышала ужъ десять разъ отъ мужа.

— Такъ и есть, подхватилъ Алексѣй Аванасьевичъ,—въ какое же это время было?

— Вы только что изъ-за стола изволили встать, кофе кушали на балконѣ, неустрашимо отвѣчала Маланья.

— Позвать сюда Ташку! приказалъ Алексѣй Аванасьевичъ

— Баринъ, вы явите Божескую милость, меня не выдавайте, не то отъ его матери бѣда мнѣ будетъ.

— Вадоръ! ничего не поспѣеть. Ты должна его уличить при мнѣ что онъ воръ. Терентій, осмотрѣть ихъ сундуки.

— Въ сундукахъ, пожалуй, ничего не найдешь, отвѣчалъ Терентій.—Они, небось, кражу въ вѣрное мѣсто скоронили.

— Ташка скажетъ куда дѣвалъ мои часы, позови его.

На бѣду Тихонъ всталъ рано къ заутрени и спалъ когда его позвали къ барину; съ просонья онъ совершенно растерялся при первомъ вопросѣ.

— Ты входилъ сюда третьяго дня, послѣ обѣда? Что ты здѣсь дѣлалъ? спросилъ Алексѣй Аванасьевичъ.

Тихонъ бросился въ сторону и глупо смотрѣлъ на барина.

— Слышишь ли? Что ты здѣсь дѣлалъ?

— Не могу доложить-съ, отвѣчалъ онъ.

— Не можешь? Такъ я тебѣ доложу. Ты украдъ мои часы.

Мнимый воръ вынулъ глаза. Кровь бросилась ему въ лицо.

— Украдъ часы? повторилъ онъ, и затрясся всѣмъ тѣломъ.—Признавайся куда ты ихъ дѣвалъ. Маланья ихъ видѣла въ твоихъ рукахъ.

Тихонъ обернулся къ ней.

— Ты видѣла?

— Да. Ты приходилъ сюда въ субботу, сказала Маланья, — табакъ курительный привезъ.

— Привезъ.

— Слава тѣ, Господи! Припомнилъ. Ну и часы взялъ, у окна ихъ разглядывалъ, вотъ у этого у самаго окна, аль забылъ?

Тихонъ, ошеломленный ея нагаостью, не могъ опомниться.

— Чтò, братъ, вспомнилъ? спросилъ Алексѣй Аванасьевичъ.

— Напраслина, очернила меня! Это твое злобствіе, Маланья Петровна. Богъ тебѣ судья! сказалъ Тихонъ дрожащимъ голосомъ.

— Признавайся, гдѣ часы?

— Я вашихъ часовъ не бралъ.

Алексѣй Аванасьевичъ вышелъ изъ себя и крикнулъ:

— Признавайся или я велю тебя отодрать.

— На то воля ваша.

— Терентій, отведи его къ управляющему, чтобъ его съкли лока онъ не признается куда дѣвалъ часы.

— Батюшка! Алексѣй Аванасьевичъ! помилуйте! взмолился Тихонъ.

— Ахъ ты, мошенникъ! отозвался баринъ. — А посмотришь, водой не замутить.

— Батюшка, помилуйте! не озоруйте!

И Тихонъ бросился ему въ ноги.

— Будетъ, рѣзко сказалъ Алексѣй Аванасьевичъ, которому эта сцена раздражала нервы.

Онъ всталъ и направился къ дверямъ. Вдругъ у Тихона развязался языкъ.

— Грѣшно вамъ, баринъ! крикнулъ онъ ему вслѣдъ. — Васъ Богъ поставилъ надъ вами правду чинить, а вы неповинныхъ обижаете.

Алексѣй Аванасьевичъ приостановился на секунду.

— Еще грубить выдумалъ. Терентій, уведи его, приказалъ онъ.

Груша, узнавъ отъ своей няни какъ Тихонъ пострадалъ за возведенную на него клевету, себя не вспомнила.

Няня принялась ее успокоивать.

— Чтò ты, чтò ты, моя красавица! Вотъ, запомни мое слово: Маланью Богъ накажетъ что барина во грѣхъ введетъ. Кто ее знаетъ? Можетъ она съ больной головы, да на здоровую.

Тихонъ смиренный малый, и за его матерью ничего не замечалъ. Ужь она, бѣдная, голосить надъ сыномъ голосить, такъ и убивается.

— Сказали отцу что онъ не покаялся въ воровствѣ? спросила Груша.

— Терентій докладывалъ, барынь еще лучше осерчалъ, а его, говорить, въ солдаты отдамъ.

— Въ солдаты! повторила Груша. — Нѣтъ, этому не бывать.

— Его бѣдѣ не поможешь. Звать такъ Богу угодно, рѣшила няня.

— Не бывать этому, не бывать! твердила Груша.

Тутъ только они замѣтили присутствіе третьяго лица и испугались. Ваня сидѣлъ въ углу на табуреткѣ, опираясь локтями въ колѣни и нагнувъ голову.

— Ваня! позвала его сестра.

Онъ обернулся къ ней. Слезы стояли въ его глазахъ.

— Чтò съ тобой? спросила Груша.

— Тихона жаль! промолвилъ мальчикъ.

VIII.

Монастырь, куда поѣхалъ Александръ Ивановичъ, стоялъ одиноко, у берега рѣки, окруженный деревьями. Не вдалекѣ шумѣлъ боръ. Тихо было тамъ. Большая часть обитателей монастыря, испытанные мірскими страстями, ушли изъ-подъ ихъ власти и смотрѣли въ прошлое со спокойствіемъ отжившихъ, а впередъ съ упованіемъ вѣрующихъ.

По распоряженію игумена, его гости помѣстились въ упрямной кельѣ. Всѣ уже улеглись въ монастырь, а Александръ Ивановичъ и Лавровъ еще сидѣли въ маленькомъ цвѣтничкѣ на дворѣ. Ночь была свѣтлая и душная.

— Должно-быть вы тоже когда-нибудь, а можетъ и скоро переселитесь сюда, сказалъ Лавровъ.

На это замѣчаніе Струйскій отвѣчалъ своимъ смѣхомъ похожимъ на кашель.

— Нѣтъ, голубчикъ, мнѣ еще до монастыря далеко. Я только по складамъ читаю, а монастырь литература. Вотъ сегодня я у игумена былъ, у него какая-то барыня сидитъ, жалуется что любить лѣшкомъ ходить, да нога у ней по

временамъ разбаливается отъ долгихъ прогулокъ; такъ говорить какъ будто въ самомъ дѣлѣ объ испытаніи. Игумень выслушала. „И у меня тоже, говоритъ, ноги болѣли, даже въ постели лежала“. — „А долго вы, батюшка, пролежали?“ — „Пятнадцать лѣтъ.“ Барыня моя и замолчала.

— Желалъ бы я знать какъ это люди себя представляютъ рай? спросилъ Лавровъ. — Хоть видѣніе, хоть сонъ кому-нибудь изъ нихъ открылъ что ихъ тамъ ожидаетъ?

— Я со многими говорилъ, но ни отъ кого не слыхивалъ чтобъ это кому было открыто, отвѣчалъ Александръ Ивановичъ. — Видѣніе было послано апостолу Павлу, и онъ видѣлъ то что умъ человѣческой постичь не можетъ.

— А я себя не могу представить царства небснаго иначе какъ съ любимой женщиной, отозвался Лавровъ.

— Глулость какая! Какъ вамъ не стыдно! Что такое *эта* любовь? Самая прозаическая фантазія. Женщина только предлогъ. Не даромъ же дурная полюбится иногда больше красивой. Вы думаете что я влюбленъ не былъ? Сто разъ. Говорю вамъ по опыту: *эта* любовь выдѣнаго аица не стоить.

— Ухъ, Александръ Ивановичъ, какъ вы объ этомъ! возразилъ Лавровъ, — и слушать-то, право, мочи нѣтъ.

Однако Струйскій говорилъ еще въ этомъ тонѣ, пересылая рѣчь рѣзкостями, на которыя молодой человѣкъ не возражалъ. Онъ даже пересталъ слушать и, отвѣчая на свою собственную мысль, замѣтилъ ни съ того, ни съ сего:

— А какъ Алексѣй Аванасьевичъ-то крутъ!

— Да. А будь онъ вѣрующій, не то бы было.

— Есть и не вѣрующіе мягкіе сердцемъ и добрые, возразилъ Лавровъ.

— До поры, до времени. Только вѣра, настоящая, теплая, словомъ, христіанская вѣра, помогаетъ переносить со смиреніемъ нѣкоторыя испытанія: болязнь, напимѣръ, или заключеніе. Я знаю человѣка который провелъ двадцать пять лѣтъ въ казематѣ: еслибы вѣра его не спасла, онъ бы сошелъ съ ума или наложилъ бы на себя руки.

Лавровъ что-то промолвилъ.

Онъ говорилъ нехотя, думая о другомъ.

— Александръ Ивановичъ, началъ онъ вдругъ, — вы можете мнѣ помочь.

— Во всякомъ случаѣ располагайте мной.

— Помогите. Подайте мнѣ совѣтъ.

Онъ обернулся къ Струйскому и сказалъ съ усиленіемъ:

— Вы знаете ли что я сынъ Алексѣя Аванасьевича?

Александръ Ивановичъ удивленно взглянулъ на молодого человѣка.

— Знаю. А до васъ-то какимъ путемъ это дошло?

— А вы знаете кто моя мать? спросилъ онъ, схвативъ его руку.

— Нѣтъ, отвѣчая наотрѣвъ Александръ Ивановичъ.

Лавровъ замолкъ на минуту.

— Вы спрашиваете какъ это до меня дошло. Этѹ тайну мнѣ открыла недавно, предъ смертью, женщина у которой я воспитывался, Лизавета Петровна Погорѣцкая; она меня выдавала за своего племянника. Она же открыла мнѣ что мать моя жива, но не могла сказать ни кто она, ни гдѣ она. А у меня теперь одно желаніе: отыскать ее, видѣть ее. Сюда я прѣхалъ для того только чтобы спросить имя моей матери у Алексѣя Аванасьевича. Вотъ скоро три недѣли какъ я здѣсь; легко сказать сколько времени пролало, а какъ приступить къ нему? Я выжидаю удобной минуты, и не рѣшаюсь, трушу, а я не трусь, да боюсь не такъ скажу, не въ поладъ, и все дѣло испорчу, онъ наотрѣвъ откажетъ... Онъ, пожалуй, отъ меня откажется, онъ и знать не хочетъ что я его сынъ! И какой онъ мнѣ отецъ! Онъ меня бросилъ чужимъ... Александръ Ивановичъ, перебилъ самъ себя Лавровъ, — я предъ вами не солгу: онъ мнѣ антипатиченъ.

— Да, къ несчастью, вы другъ на друга не похожи.

— Чтѹ же мнѣ дѣлать? Посоветуйте. Сначала я въ него всматривался: какими путями добратъся до него, и этихъ путей не нашель. Обратиться къ его сердцу? У него нѣтъ сердца. Къ его совѣсти? Онъ понимаетъ только казенную честность. Сколько разъ совѣмъ было рѣшался войти къ нему, и вдругъ придетъ въ голову: а ну какъ откажетъ! Какой онъ мнѣ отецъ! повторилъ Лавровъ.—Одно обстоятельство меня съ толку сбиваетъ: Лизавета Петровна получала ежегодно пятьсотъ рублей на мое воспитаніе, пока я не записался на службу. Эти деньги она получала отъ неизвѣстнаго. Кто присылалъ ихъ? Онъ или мать моя? Если онъ, стало-быть онъ меня признаетъ за сына. Къ чему же такая тайна?

— Это не безъ причины, голубчикъ, отвѣчалъ Струйскій. — Я могу вамъ сказать навѣрное что ваше рожденье чуть было не подало повода къ большому скандалу. Тогда-то Алексѣй и уговорилъ Погорѣцкую васъ признать за племянника.

— Скандалъ? Но съ тѣхъ поръ прошло двадцать шесть лѣтъ! Онъ навѣщалъ Погорѣцкихъ, хоть очень рѣдко, и никогда я не видалъ отъ него не только ласки, но и тѣни участія.

— А добрая была женщина Лизавета Петровна?

— Добрая. Алексѣй Афанасьевичъ хотѣлъ чтобы меня отдали въ ученье къ машинисту, но она меня отстояла и воспитала какъ умѣла, со своими дѣтьми. Время дорого, я больше откладывать не могу. Я упрекаю себя за каждый пропавшій часъ. Мнѣ кажется что мать моя можетъ умереть пока я медлю. Что дѣлать?..

— Я не скрою отъ васъ, голубчикъ, сказалъ Струйскій, — что онъ объ этомъ говорить не любитъ. Вотъ двадцать лѣтъ онъ слова не пророчилъ даже со мной. Вы единственный человекъ у котораго ему нельзя отнять права дотронуться до этого дѣла, а вмѣшайся посторонній, пожалуй онъ взбѣсится, и тогда конецъ, ничего не добьетесь. Попытайтесь сами да помягче; гордость-то отбросьте. Если даже онъ васъ жестко приметъ, перетерпите. Все-таки отецъ. !

— Я не могу смотрѣть на него какъ на отца, онъ мнѣ чужой, въ томъ-то и бѣда, отозвался Лавровъ.

— А все-таки онъ вамъ отецъ. Въ законѣ не сказано: *люби*, сказано: *чти* отца и мать. А отъ закона не уйдешь. Во всякомъ случаѣ рѣшитесь, попытайтесь. А если онъ вамъ откажетъ, увидимъ; я попытаюсь.

Не оставалось сомнѣнія что Струйскому были извѣстны всѣ подробности старой драмы, но онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность молчать о нихъ.

IX.

Тихонъ твердо перенесъ наказаніе, хотя управляющій безлощадно исполнялъ приказанія барина; Тихонъ не просилъ лошады, не крикнулъ, и послѣ экзекуціи добрался черезъ садъ до флигеля гдѣ онъ жилъ съ Александромъ Ивановичемъ. Честному Тихону стыдно было пройти дворомъ, гдѣ

всякій мальчишка могъ указать на него пальцемъ. Во дворѣ любили его, но многіе все-таки разспрашивали у Маланьи подробности: какъ было дѣло? когда? И она не скупилась на отвѣты. Тихонъ понималъ что онъ былъ предметомъ общихъ толковъ и потому скрылся во флигель, куда, вслѣдъ за нимъ, пришла его мать Домна. Оставшись наединѣ съ ней, онъ опустился на сундукъ и разразился громкими рыданіями.

— Голубчикъ ты мой бѣлый, безталанный ты мой, глосила она, — согрѣшили мы знать предъ Господомъ что онъ такую напраслину попустилъ. Заступись ты за насъ, Господи!

— Домна Ивановна, а Домна Ивановна, позвала ее въ окно дѣвочка, заглядывая съ любопытствомъ въ комнату.

— Чего тебѣ? спросила сердито Домна.

— Обѣдать идите.

— Ну тебя съ обѣдомъ, не до обѣда!

И она захлопнула окно.

Мать и сынъ были такъ погружены въ свое горе что не слышали какъ подѣхала ко крыльцу коляска Александра Ивановича. Онъ вошелъ во флигель и остановился предъ рыдающимъ Тихономъ.

— Это чтѣ? спросилъ онъ.

Тихонъ всталъ молча.

— Батюшка! отецъ родной, заговорила Домна: — бѣда надъ нами стряслась, олозорили насъ, оклеветали! Высклаи его. Злодѣй-то этотъ, Кузьма Петровичъ, до крови сѣкъ.

— За чтѣ тебя сѣкли? спросилъ Александръ Ивановичъ у Тихона, который стоялъ предъ нимъ, олутивъ свои олушкіе отъ слезъ глаза.

— Часы, часы, началъ было онъ, но рыданія олять подступили ему къ горлу, и онъ не могъ заговорить.

— У барина часы пропали, подсказала Домна. — А Теретьева жена, Маланья, можетъ изволите знать, барину показала что Тихонъ ихъ укралъ. А онъ, батюшка Александръ Ивановичъ, вѣрьте Богу, на чужое добро никогда не польстится.

— Какіе это часы? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Ихніе золотые часы, бусами обсыпанные, изъ шкатулки пропали, промолвилъ Тихонъ, обтирая лицо платкомъ.

— Какъ пропали? Да они у меня вотъ здѣсь въ бюро. Алексѣй Аванасьевичъ мнѣ передалъ ихъ на дняхъ.

— Батюшка нашъ! крикнули разомъ Тихонъ и его мать. Домна на радости бросалась то къ сыну, то къ Струйскому и хватала его руки чтобъ поцѣловать. Струйскій былъ блѣдень. Рѣдко онъ выходилъ изъ себя; за то въ минуты гнѣва не владалъ собой. Ни воспитаніе, ни годы не одолѣли въ немъ горячей крови.

— Какъ же Маланья доказывала что ты ихъ укралъ? спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

Тихонъ передалъ весь утренній допросъ.

— Подите, объявите ей что пропала у меня, сказалъ Струйскій,—а барину я самъ объявлю.

Онъ вынулъ часы изъ бюро и пошелъ въ домъ.

Его такъ оскорбила двойная обида нанесенная Тихону, который въ его глазахъ былъ почти праведникъ, что во глубинѣ его сердца шевельнулось чувство ненависти къ Алексѣю Аванасьевичу.

— Здравствуй, голубчикъ, началъ онъ.—Я слышалъ, ты ищешь свои часы: вотъ они. Ты самъ мнѣ ихъ отдалъ въ Парижъ послать.

Алексѣй Аванасьевичъ ударилъ себя въ лобъ.

— Совершенно забылъ, сказалъ онъ.

— Твоя плохая память дала тебѣ по крайней мѣрѣ поводъ обнаружить либеральныя понятія, сказалъ Струйскій, не возвышая голоса.—Тихона обвинили въ воровствѣ и до крови отодрали.

Алексѣй Аванасьевичъ былъ очень сконфуженъ, но не хотѣлъ выдать себя, и отвѣчалъ съ подыграннымъ равнодушіемъ:

— Да, вообрази, Ташка-то бѣдный, даромъ пострадалъ. Негодная эта Маланья ввела меня въ заблужденіе. Шельма! Съ какою увѣренностью она разказывала, и знаешь, съ подробностями, что видѣла часы въ его рукахъ...

— Не даромъ у тебя все на языкѣ *les droits de l'homme*, продолжалъ Александръ Ивановичъ.— Ты ужь не тамъ ли вычиталъ что твое право людей до крови драть и позорить ихъ на основаніи бабьей слатни? Ай-да Алексѣй Аванасьевичъ, молодецъ, голубчикъ!

Онъ его потрепалъ по плечу.

— Нечего сказать, Ташка въ тебѣ нашелъ горячаго защитника, отозвался Алексѣй Аванасьевичъ, сдерживая себя.— Горячій защитникъ!

— Ташкѣ защитника не нужно, а ты вотъ нуждаешься въ защитникѣ, возразилъ Струйскій.— Вся твоя дворянскія слушаетъ теперь оправданіе Ташки и гаумится надъ тобой. Ты Ташкина стараго салоба не стоишь! сказалъ онъ, нагабаясь къ нему.— Ташка чистъ предъ Богомъ и своею совѣстью, а ты?... Хоть бы ты подумалъ о смертномъ часѣ, каково тебѣ будетъ умирать съ мыслью что тебя всѣ проклинаютъ! Хоть бы ты вовремя оломился, кому бы нибудь добро сотворилъ!

Алексѣй Аванасьевичъ согнулся въ три погибели и крикнулъ: — Замолчишь ли ты, сумазбродъ!

— Подлинно, сумазбродъ! Кто, кромѣ сумазброда, отважится тебѣ слово правды сказать? Я - то отъ тебя обидѣ не принимаю, а кого ты не обидѣлъ? Кого пощадилъ? Истинный ты либералъ восемьдесятъ четвертаго или девяносто третьяго года, ученикъ всей той либеральной швали! Продай мнѣ Тихона и его мать; что за нихъ возьмешь?

— Замолчишь ли ты? крикнулъ олять Алексѣй Аванасьевичъ.— Я не плантаторъ, я людьми не торгую. Je ne trafique pas de chair humaine.

И тутъ же въ его головѣ блеснула мысль, которая могла его выручить изъ неприятнаго положенія.

— Я людьми не торгую, повторилъ онъ съ презрительнымъ выраженіемъ,—но могу ихъ отлустить на волю.

— Вотъ это хорошо, отозвался Струйскій.— Коли такъ, ищи сейчасъ вольную,

— Не безлокойся, это мое дѣло.

Онъ побрелъ къ письменному столу.

— Тебѣ тяжело писать, я вольную напишу.

— Пиши.

Этотъ окрикъ, который съ ранней молодости впервые теперь слышалъ Алексѣй Аванасьевичъ, ошеломилъ его и какъ будто залугалъ. Этотъ жесткій человекъ струсилъ предъ мірскимъ судомъ, и обрадовался возможности возстановить себя въ глазахъ тѣхъ самыхъ людей на которыхъ смотрѣлъ съ высока. Онъ сказалъ поучительно Ванѣ:

„это тебѣ урокъ. Вотъ какъ надо искупать свои ошибки. Я невольно провинился предъ Тихономъ, и за то отпустилъ его на волю.“

Злобу свою онъ выместилъ на Малань (о которой впрочемъ никто не пожалѣлъ) и объявилъ что накажетъ ее по закону: законъ приговариваетъ ложныхъ донощиковъ къ ссылкѣ; Малань вѣдливо было собраться въ Вологодское имѣніе чтобы ходить за домашнею птицей и сверхъ того заплатить двадцать лѣтъ рублей Тихону, въ видѣ вознагражденія.

Х.

Груша была чрезвычайно довольна неожиданнымъ исходомъ исторіи Тихона, и сказала Лаврову:—Какъ лала привала къ сердцу это дѣло! Я этого не ожидала, я виновата предъ нимъ.

Лавровъ промолчалъ и подумалъ: это все устроилъ на вѣрное Александръ Ивановичъ.

Что касается Тихона, то онъ землѣ подъ собою не слышалъ. Струйскій бралъ его къ себѣ въ услуженіе, хотя онъ былъ плохой слуга, а мать въ кухарки, хотя она была плохая кухарка. Домна чтобы показать свое кулинарное искусство испекла пирогъ съ грибами, который ему пришеялся по вкусу. „Такой пирогъ, да щей, да каши—чего лучше?“ приговаривалъ отжившій сибаритъ.

— Привелъ васъ сюда Господь молитвами бабушки Ульяны, повторилъ Тихонъ.—Я, батюшка Александръ Ивановичъ, словно одурѣлъ. Даже въ толкъ не возьму что съ вами въ Москву поѣдемъ.

— А я думалъ, ты о Порѣчьѣ пожалѣешь, отвѣчалъ, лукаво улыбаясь, Струйскій.—Москва все-таки чужой городъ.

— Бабуша Ульяна еще до Француза въ Москвѣ была, сказывала, куда ни взглянешь, милосердіе Божіе на тебя сіяетъ. Церквей не перечтешь, и угодники тамъ лежатъ.

Мать и сынъ ликовали; наоборотъ, другіе жители Порѣчья всѣ пріуныли. Между хозяиномъ и его любимымъ гостемъ пробѣжала черная кошка; исторія пролажи сильно раздражила нервы Алексѣя Афанасьевича; онъ держалъ на сердцѣ оскор-

бительныя слова на которыя не поскулился Струйскій, видимо охладѣвъ къ нему и тяготивъ его присутствіемъ. Александръ Ивановичъ это понималъ.

— Кажется, мнѣ пора выбираться отсюда, сказалъ онъ разъ.

— А что? спросилъ Алексѣй Аванасьевичъ.

— Что намъ другъ предъ другомъ комедію-то разыгрывать.

Я погорячился, ты обидѣлся и не можешь мнѣ простить.

— Правду сказать, я не люблю чтобы вмѣшивались въ мои дѣла.

Струйскій зналъ что онъ могъ быть полезенъ и Грушѣ, и Лаврову, и что они разчитывали на него. Ради добраго дѣла, ему хотѣлось помириться съ Меркуловымъ, и онъ даже попробовалъ подольститься къ нему.

— Какъ тебѣ не стыдно! Умный человекъ какъ ты стоитъ выше мелочнаго самолюбія. Я упрекалъ тебя въ деспотизмъ, ты доказалъ что умѣешь при случаѣ поступить либерально; послѣднее слово осталось за тобой. Старые пріатели могутъ поссориться, но непременно должны помириться.

— Совсѣмъ я не дуюсь, возразилъ Алексѣй Аванасьевичъ,— но эта гаулая исторія раздражила мои нервы.

— Будетъ объ этой исторіи, и самъ ты себя не раздражай. Ты меня слушайся и здоровъ будешь.

Меркуловъ усмѣхнулся.

— И вотъ это выпрямишь? спросилъ онъ, ударивъ себя ладонью по спинѣ.

— Пріѣзжай-ка ты въ Москву, съ хорошимъ врачомъ посоветуйся.

— Не вѣрю я имъ. Шарлатаны!

— Во всякомъ случаѣ я возьму у здѣшняго доктора описаніе твоей болѣзни и самъ отвезу Оверу; хочешь?

— Пожалуй, отвѣчалъ, какъ бы снисходя на его просьбу, Алексѣй Аванасьевичъ, хотя въ сущности былъ доволенъ предложеніемъ посоветоваться съ московскою знаменитостью.

— Впрочемъ, врядъ ли Оверъ согласится подать совѣтъ заочно; онъ позоветъ тебя въ Москву. Соберись-ка ты къ намъ на зиму. Говорятъ: на людяхъ и смерть красна. Квартиру я тебѣ пріищу. Вотъ вѣдь и Грушу пора пристраивать.

„Э! такъ это ты вотъ къ чему, братъ“, подумалъ Алексѣй Аванасьевичъ и отвѣчалъ сухо:

— Спасибо за предложеніе. Я вѣроятно соберусь въ Москву, но только одинъ, недѣли на двѣ, и остановлюсь въ гостиницѣ. А Грушу туда не отпущу, она останется здѣсь. Ея прямая обязанность ходить за больнымъ отцомъ.

— Но обязанность отца не въ томъ чтобы держать дочь подъ замкомъ, возразилъ Струйскій.—Здѣсь она и замужъ не выйдетъ. Знаешь что, сказалъ онъ раздосадованный неудачей своихъ дипломатическихъ соображеній,—если ей вздумается убѣжать отсюда, я буду готовъ ей помочь. Моли только Бога чтобъ я помогъ, а не другой.

— Сумазбродъ! Я говорю что ты сумазбродъ! крикнулъ Алексѣй Аванасьевичъ.

— Что не дается добрымъ словомъ, то берется силой. Смори, пожалѣешь, да поздно будетъ.

Алексѣй Аванасьевичъ раскричался, но все-таки потомъ призадумался. Если въ самомъ дѣлѣ болѣзнь его сломить, тяжелая ожидаетъ его доля: Дмитрій, его старшій сынъ, скучаетъ дома. Ему на мѣстѣ не сидится: что же его удержитъ у постели больного отца? Ваня сапшкомъ молодъ, а дочери своей Алексѣй Аванасьевичъ не любилъ. Ужъ въ самомъ дѣлѣ не придется ли ему остаться на рукахъ крѣпостныхъ?... Его коробило отъ одной этой мысли. Въ концѣ концовъ Александръ Ивановичъ былъ единственный человѣкъ на кого онъ могъ еще разчитывать. Меркуловъ то съ уныніемъ, то съ озлобленіемъ смотрѣлъ въ будущее, и мысли его не остановились ни на минуту на томъ забытомъ сынѣ который жилъ подъ его кровлей какъ чужой.

XI.

Хилый, раздраженный хозяинъ Порѣчья часто удалялся въ свой кабинетъ, и никто безъ зова не смѣлъ къ нему войти; но однимъ утромъ Лавровъ тихо отворилъ дверь, вошелъ и залеръ ее на ключъ. Замокъ щелкнулъ, Алексѣй Аванасьевичъ спросилъ съ изумленіемъ: „что ты это дѣлаешь? Зачѣмъ ты залеръ дверь?“

Лавровъ, не отвѣчая, сѣлъ противъ своего отца, и былъ такъ смущенъ что въ первую минуту голосъ ему измѣнился.

— Что это значить? Что тебѣ нужно? спросилъ Меркуловъ,

вглядываясь съ возрастающимъ удивленіемъ въ бронзовое, совершенно блѣдное лицо своего посѣтителя. „Его кто-нибудь обидѣлъ“, подумалъ онъ.

— Я пришелъ спросить у васъ то что вы одни можете открыть мнѣ, тихо сказалъ Лавровъ.

— Что я могу открыть тебѣ?

— Имя моей матери.

Старикъ былъ пораженъ, и даже растерялся. Онъ нагнувъ голову, и концомъ пальцевъ перебиралъ листы открытой книги которая лежала у него на колѣняхъ. Вдругъ онъ подвинулъ глаза и нахально спросилъ:

— На что тебѣ?

Этотъ вопросъ вызвалъ горькую улыбку на уста Лаврова.

— На что? повторилъ онъ.—Она моя мать, а я ее сынъ, другой причины нѣтъ.

— Ты о своей матери понятія не имѣешь, на что тебѣ ея имя? Ты не можешь желать ее видѣть.

— Объяснить вамъ это я не берусь, но умоляю васъ, не отвергайте моей просьбы. Гдѣ моя мать? Я ее отыщу гдѣ бы она ни была, вы только ее назовите.

Никогда еще Алексѣй Аванасьевичъ не былъ такъ озадаченъ. Кто поднялъ эту старую исторію въ которую когда-то вмѣшался оскорбленный мужъ и чуть было не убилъ своего солерника? Неужели Александръ Ивановичъ?..

— Я требую чтобы ты мнѣ сказалъ отъ кого ты это все слышалъ? спросилъ онъ.

— Лизавета Петровна предъ смертью разказала.

Меркуловъ крѣпился и старался отвѣчать спокойно.

— Я не могу исполнить твоей просьбы. Неужели ты не понимаешь что заставишь покраснѣть твою мать подъ съдыми волосами?

— Покраснѣть! повторилъ Лавровъ.—О! объ этомъ вы не безлокоитесь. Мои отношенія къ матери касаются меня и ея.

— Вотъ какъ! Положимъ ты не дозволяешь мнѣ стать между вами, но ты не понимаешь что я не въ правѣ тебѣ выдать чужую тайну. Это тайна ея; она одна могла бы открыть ее тебѣ.

— Я все обдумалъ, отвѣчалъ Лавровъ. — Положитесь на мою честь. Разрѣшите мнѣ войти къ ней отъ вашего имени какъ къ постороннему лицу которому все извѣстно; тогда она или назоветъ себя или скажетъ, какъ вы, что чужой тайны выдать не можетъ.

Онъ не много подождать отвѣта и продолжалъ:

— На такомъ условіи отказъ съ вашей стороны будетъ необъяснимъ; а скажу болѣе: вы не въ правѣ отказать.

— Въ самомъ дѣлѣ? Докажи что не въ правѣ.

— Алексѣй Аванасьевичъ, началъ молодой человѣкъ, пре-возмогая свое негодованіе.—Вы меня за сына не признаете, вы меня бросили въ чужое семейство, я не видалъ отъ васъ отцовской ласки. Я отъ васъ и не жду, я ничего не прошу у васъ, но за то не лишайте меня счастья котораго я въ правѣ требовать.

Меркуловъ взбѣсился. Чтò за судья сидитъ предъ нимъ и допрашиваетъ его! Стыдить его за прошлое! Обвиняетъ въ преступной холодности, вмѣсто того чтобы благодарить за милости!

— Ты требуешь? Требуешь? возразилъ онъ съ ирониче-скимъ смѣхомъ,—да кто ты здѣсь чтобы требовать? Тебя не бросили въ чужое семейство, а платили за твое воспитаніе. Еслибы тогда тебя отдали въ саложники, ты бы теперь не хорохорился.

Независть мелькнула въ глазахъ Лаврова. Онъ скрестилъ руки и смѣло посмотрѣлъ на отца.

— Алексѣй Аванасьевичъ, не доводите меня до изступле-нія, сказалъ онъ.—Я не уйду пока вы не исполните моей просьбы.

Старикъ всталъ и крикнулъ:—Ступай вонъ!

— Я не выйду, отвѣчалъ Лавровъ, вставая въ свою оче-редь,—и вы не выйдете.

Меркуловъ подвинулъ руку чтобъ его ударить, но молодой че-ловѣкъ, не вспомнивъ себя, оттолкнулъ отца, который улялъ навзничь.

„Я убилъ его!“ пронеслось въ головѣ Лаврова.

Онъ нагнулся къ безжизненному тѣлу лежавшему у его ногъ и содрогнулся.

— Неужели убилъ?

Онъ бросился къ дверямъ и созвалъ людей. Барина пере-несли на кровать и лоскакали за врачомъ.

ХІІ.

Меркуловъ не скоро пришелъ въ себя. Его поразилъ лег-кій первый ударъ. Докторъ объявилъ что давно слѣдовало ожидать такого исхода и что больной не надеженъ. На

вопросъ какъ это случилось, Меркуловъ отвѣчалъ что непомнитъ, а по словамъ Лаврова, онъ всталъ съ кресель и упалъ.

Въ общей суматохѣ никто не замѣтилъ смущенія Лаврова; поздно въ ночь онъ пришелъ къ Струйскому и сѣлъ противъ него у стола.

— Александръ Ивановичъ, какъ вы его находите? спросилъ онъ.

— Плохъ. Докторъ говоритъ что врядъ ли встанетъ.

— Что докторъ! Доктора такъ часто ошибаются.

— Однако, Сокольскій хорошій докторъ и изучилъ его организмъ.

Лавровъ облокотился и нагнувъ голову на ладонь.

— Что вы? спросилъ Струйскій.

— Александръ Ивановичъ, а вѣдь это я его убилъ.

— Какъ убилъ?

— Онъ хотѣлъ меня ударить, у меня позеленѣло въ глазахъ, я его оттолкнулъ, и онъ упалъ.

— За что онъ хотѣлъ васъ ударить?

— Вамъ я все разкажу какъ было. Я только теперь понялъ что онъ мнѣ отецъ. Будь онъ мнѣ чужой, меня бы не мучила совѣсть. Чужой хотѣлъ меня ударить, я защитился. Какъ я ни готовился къ этому разговору, не совладалъ таки съ собой. Неужели онъ ничего не помнитъ?

„А если встанетъ да вспомнить, подумалъ Струйскій, чего добраго отдастъ сына подъ судъ.“

Онъ ошибался. Память не измѣнила Алексѣю Аванасьевичу, но Богъ знаетъ что шевельнулось въ его душѣ. Страхъ ли смерти вызвалъ въ немъ хорошее чувство, или сознание своей вины предъ покинутымъ ребенкомъ? То что онъ перечувствовалъ въ это время, осталось тайной. Онъ спросилъ у Груши которая почти не выходила изъ его спальни: гдѣ Лавровъ?

— Здѣсь, отвѣтила она, прикажите его позвать?

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно.

Только вопросы врача вызывали его изъ узорнаго молчанія; онъ нехотя принималъ лѣкарство, тосковалъ и по видимому ожидалъ конца. Струйскій попытался предложить священника. Не разъ онъ видалъ что невѣрующіе въ послѣднія минуту обращались къ Богу; но Меркуловъ махнулъ рукой и проговорилъ:

— Посредничество пола тутъ ни къ чему.

Однако чрезъ нѣсколько дней ему стало лучше. Онъ выпилъ чашку бульона и могъ сѣсть въ кресло.

Лавровъ хотѣлъ во что бы то ни стало видѣть его, и Александръ Ивановичъ взялся устроить свиданіе. Попытка удалась гораздо легче чѣмъ думали. Алексѣй Аванасьевичъ согласился.

Враждебное чувство которое его личность внушала молодому человѣку было заглушено раскаяніемъ. Съ недоумѣніемъ и страхомъ онъ подошелъ къ спальнѣ: больной могъ все припомнить при первомъ взглядѣ на невольнаго убійцу, и что тогда? Прогонитъ ли онъ его, или дастъ ему время покаяться предъ нимъ? Лавровъ нетвердою рукой отворилъ дверь и заперъ ее на ключъ. Тогда Алексѣй Аванасьевичъ повернулъ голову и спросилъ спокойно:

— Или хочешь покончить со мной сегодня?

Вопросъ ясно доказывалъ что онъ ничего не забылъ.

Сынъ опустилса на колѣни и сказалъ:

— Простите, я себя не помнилъ, я никогда...

— Довольно, перебилъ слабымъ голосомъ больной.—Я самъ не правъ предъ тобой.

Это признаніе такъ тронуло Лаврова что онъ взялъ руку отца и поцѣловалъ ее, но тотъ ее высвободилъ, указалъ на столъ и велѣлъ себѣ подать листъ бумаги и перо. Онъ начерталъ съ трудомъ нѣсколько строкъ и подалъ Лаврову промолвивъ:—Читай.

„Молодаго человѣка который вамъ подастъ эту записку зовутъ Григорій Антоновичъ Лавровъ. Онъ жаждетъ знать (слово жаждетъ было подчеркнуто) кто его мать, и я отъ него не скрылъ что ея имя извѣстно вамъ. Отъ васъ зависитъ его сказать или утаить. Я лежу на смертномъ одрѣ.

„*Меркуловъ.*“

Лавровъ, прочитавъ, записку, вложилъ ее въ конвертъ и запечаталъ. Алексѣй Аванасьевичъ продиктовалъ адресъ: Марья Васильевна Суходольской. Петербургъ, Сергіевская, свой домъ.

— Теперь поди, я тебѣ прощаю.

Но Лавровъ стоялъ предъ нимъ и чего-то ждалъ. Пахло смертью въ этой комнатѣ, гдѣ они видѣлись можетъ-быть въ послѣдній разъ; но больной, взглянувъ безучастно на своего сына, повторилъ:

— Пооди, я усталъ.

Тотъ поклонился и вышелъ. Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ Александра Ивановича, бросился къ нему на шею и сказалъ:

— Простишь и назвешь мою мать.

Къ вечеру Алексѣй Аванасьевичъ почувствовалъ себя хуже. Онъ ослабѣвалъ съ каждымъ днемъ. Домашніе указывали на предзнаменованія его кончины: кто-то стучался въ двери по ночамъ, помы трещали безъ видимой причины. Лавровъ отиѣнилъ свой отъѣздъ. Отправили гонца за Дмитриемъ Меркуловымъ. Часто больной высылалъ всѣхъ изъ комнаты, не исключая и дочери, и допускалъ до себя охотно только Струйскаго. Разъ онъ какъ будто задремалъ, но вдругъ открылъ глаза, и остановивъ ихъ на Александрѣ Ивановичѣ промолвилъ:

— А въ Бога я вѣрю... Оно, пожалуй, и хуже; умирать тяжело.

— А ты надѣйся на его милосердіе, отвѣчалъ Струискій.

— За что онъ меня помилуетъ?

— Хоть бы за то что ты простишь.

Больной опять замолчалъ, потомъ приподнялся и сказалъ:

— Передай отъ меня Дмитрію и Грушѣ что я завещаю Лаврову двадцать тысячъ. Олекуномъ я назначаю тебя.

Эти слова были изъ послѣднихъ которыя произнесъ Алексѣй Аванасьевичъ. На другой день онъ умеръ. Гробъ поставили въ обширной залѣ, и только Ваня, балованный сынъ покойника, плакалъ надъ нимъ. Дворовые и домашніе собрались на лаввахиду. Когда лѣтніе началось, въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, красивой наружности, полный и бѣлокурый. Его одежда и нерасчесанные волосы обличали ярвычки неряшливости и раслуцченности. Всѣ взглянули на молодаго барина. Дмитрій Меркуловъ поклонился тѣлу отца, и когда замолкло лѣтніе поздоровался съ сестрой и братомъ и привѣтливо обнялъ дядю. Перешли въ гостиную.

— Тебя это поразило, Митя? спросила его сестра.

— Не могу сказать. Вѣдь онъ уже давно былъ плохъ. Тарантасъ мой сломался, и я ѣхалъ цѣлыя сутки въ телѣгѣ, не останавливаясь, а все-таки опоздалъ. Усталъ очень. Расскажи какъ же это случилось?

Никто бы не угадалъ что онъ говорилъ о родномъ отцѣ. Полное безучастіе звучало въ каждомъ его словѣ, хотя выраженіе лица было грустное. Онъ долго бесѣдовалъ съ дадею,

который увѣщевалъ его пріискать себѣ какую-нибудь дѣятельность.

— На что я годенъ? отвѣчалъ онъ.—Развѣ въ рядовые? Приняться за азбуку, поздно. Мнѣ двадцать лѣтъ. Куда отецъ меня готовилъ? Прости ему Господь! Остаться здѣсь, да жениться на такой же безграмотной какъ я самъ, вотъ моя будущность.

Лавровъ, узнавъ что Алексѣй Аванасьевичъ ему завѣщалъ двадцать тысячъ, былъ тронутъ, но отказался отъ нихъ наотрѣзъ.

— Что вы, голубчикъ! возразилъ Александръ Ивановичъ:— это излишняя гордость.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что не возьму этихъ денегъ, повторялъ Лавровъ.—Я не изъ гордости, да и какая тутъ гордость! Развѣ съ мертвыми считаются? Но я ускорилъ его смерть и не имѣю права воспользоваться его благодѣяніемъ. Нѣтъ, нѣтъ, сохрани Богъ! Здѣсь вы замѣнили мнѣ отца и друга, мнѣ больше ничего не нужно. А еслибы Груша признала меня за брата, я былъ бы совершенно счастливъ. Мы съ ней тѣсно сблизились въ послѣднее время.

Въ день похоронъ, посавъ обѣда, онъ гулялъ въ саду. Ни одного не встрѣтилъ онъ печальнаго лица. Напротивъ, всѣ ходили смѣлѣе, говорили громче; казалось всѣ зажили новою жизнью. Присмирѣвшая Маланья уже успѣла броситься въ ноги молодому барину съ просьбой отмѣнить ссылку въ Вологду и получила разрѣшеніе остаться въ Порѣчьѣ. Груша, возвращаясь съ кладбища, сказала своему пріятелю:

— Мнѣ страшно за себя. Я бы должна быть убита горемъ, а горя не чувствую. Такъ ли я оплакивала мать?

Лавровъ ее встрѣтилъ въ саду. Она сидѣла на скамейкѣ, погруженная въ думу; онъ хотѣлъ пройти мимо, но Груша увидала его и позвала. Выраженіе ея лица и голоса обнаруживало сильное волненіе. Она проговорила: „дядя мнѣ сказалъ... сказалъ... и какъ я не угадала съ первой минуты!“ Она протянула обѣ руки.

— Груша, обнимите меня какъ брата, сказалъ Лавровъ.

XIII.

Было рѣшено что Груша поселится у тетки, а Валя у Александра Ивановича и будетъ воспитываться подъ его надзоромъ. Пока дѣвушка переносилась мысленно въ Москву, Лавровъ собирался въ Петербургъ. Наканунѣ отъѣзда онъ бесѣдовалъ со Струйскимъ и смутился не на шутку узнавъ отъ него, между прочимъ, что Марья Васильевна Суходольская была свѣтская женщина.

— Вздоръ какой, голубчикъ! возразилъ Струйскій,—что за предубѣжденіе противъ свѣтскихъ женщинъ? Между ними есть и дурныя, и хорошія, какъ вездѣ.

— А вы были знакомы съ нею лично? спросилъ молодой человекъ.

— Да, встарину. Я ужь давно всѣхъ потерялъ изъ виду. Ваша мать была красивая блондинка...

— Блондинка! Стало-быть я на нее не похожъ?

— Нисколько. Милая была женщина! Ей не посчастливилось въ замужествѣ. Я слышалъ что она наконецъ овдовѣла.

— Вотъ счастье! подхватилъ Лавровъ.—Стало-быть она теперь живетъ одна? Безъ семейства?

— Дочь ея умерла ребенкомъ, но у нея осталася сынъ. Малый, говорятъ, не удался: онъ теперь сосланъ на Кавказъ за дуэль.

— Дуэль преступленіе предъ закономъ, но въ вашихъ глазахъ конечно это не грѣхъ?

— Грѣхъ-то грѣхъ, но я не сужу о фактѣ, а причина дуэли не дѣлаетъ ему чести. Тутъ примѣшано имя дѣвушки средняго круга. Я самъ проказничалъ, но молоденькихъ дѣвушекъ не безчестилъ. Онъ часто огорчаетъ мать, а она говорить въ немъ души не слышитъ.

Эта послѣдняя подробность пробудила въ сердцѣ Лаврова чувство ревности. О, еслибъ онъ могъ ей замѣнить этого неудавшагося сына!

— Какъ мнѣ жутко думать что она меня не узнаетъ! сказалъ онъ.

— Что дѣлать? Вотъ вы, голубчикъ, толкуете о Жоржъ-Сандовскихъ теоріяхъ, сами видите легко ли ихъ проводить

въ жизни, примѣръ на глазахъ: женщина попробовала жить сердцемъ: что же вышло? Съ одной стороны мужъ, да двое дѣтей, да скандалъ; съ другой, человекъ который къ ней охладѣвъ какъ скоро обольстил ея. Вѣдь мы все такіе, вставилъ между прочимъ Александръ Ивановичъ.—Алексѣй Аванасьевичъ въ молодости могъ нравиться. Умень былъ какъ чортъ, и бывало поставитъ на своемъ.

— Онъ и виноватъ, не она, рѣшилъ Лавровъ.—Одного я боюсь: она вѣроятно впечатлительна, и мое неожиданное появленіе можетъ слишкомъ сильно на нее подѣйствовать. Какъ вы думаете?

— Право не знаю, голубчикъ. Чужая душа потемки.

Этотъ уклончивый отвѣтъ ему не понравился.

— Александръ Ивановичъ, вы чего-то не досказали, замѣтилъ онъ.

— А что?

— У васъ что-то на умѣ.

— Видите, столько лѣтъ она не искала случая сблизиться съ вами; вы, пожалуй, слишкомъ многого ожидаете отъ нея...

— Что мудреного! Женщину залугали скандаломъ, вѣроятно шпионили за ней... Съ кѣмъ она могла подѣяться своими чувствами?

— Я на себя и не беру отговаривать васъ. Не буду становиться между матерью и сыномъ. Теперь она свободна, живетъ одна ивольна въ своихъ дѣйствіяхъ. Во всякомъ случаѣ, уваженіе къ родителямъ угодно Богу.

Лавровъ выбрался изъ деревни въ половинѣ августа.

Дожди испортили дорогу, и путешествіе ему показалось безконечнымъ. Смутное безпокойство овладѣло имъ когда онъ въѣхалъ въ чужой большой городъ. Было поздно, и онъ послѣдилъ лечь спать. Слово камень тяготѣлъ на его сердцѣ.

„Марья Васильевна Суходольской, Сергіевская, свой домъ...“ мелькало у него безпрестанно въ головѣ. Онъ долго вертѣлся въ постели, и наконецъ, разбитый усталостію, заснул мертвымъ сномъ.

Онъ проснулся въ десять часовъ и подумалъ: „тѣмъ лучше, въ ней нельзя раньше двѣнадцати. Вѣроятно, она поздно встанетъ.“

Но нетерпѣніе смѣнилось въ немъ другимъ чувствомъ:

теперь онъ робѣлъ предъ этимъ свиданіемъ, о которомъ мечталъ такъ страстно. Ему было бы легче идти къ ней еслибы между ними былъ посредникъ, еслибы общій другъ приготовилъ ее къ этому посѣщенію, а то такъ, вдругъ! Страшно и за себя и за нее.

Въ одиннадцать часовъ онъ вышелъ; утро было осеннее, туманное петербургское утро, однако пасмурная погода пришла къ душѣ Лаврову. Въ туманѣ онъ былъ меньше на виду; онъ почему-то воображалъ что всѣ прохожіе замѣчали его и угадывали цѣль его пріѣзда. Отъ гостиницы до Марьи Васильевны было далеко, и онъ не разъ лутался въ незнакомыхъ улицахъ. Но вотъ и Сергіевская, вотъ и ея домъ. Стоило только позвонить, и дверь отворится предъ нимъ. Но Лавровъ не рѣшался.

Онъ вдругъ почувствовалъ что между имъ и этимъ домомъ нѣтъ ничего общаго, и что всякій посторонній человѣкъ имѣеть право войти въ него смѣлѣе чѣмъ онъ. Онъ крѣпко вѣрилъ въ то что Французы называютъ: „la voix du sang“. Не пустая же фантазія воображенія привела его сюда; нѣтъ, сердце его требовало материнской ласки. Однако прошло около получаса такого мучительнаго недоумѣнія что онъ чуть было не вернулся въ гостиницу, но вдругъ, безъ видимой причины, перешелъ отъ недоумѣнія къ рѣшимости: онъ совершенно овладѣлъ собою, и позвонилъ. Швейцаръ отворилъ дверь; молодой человѣкъ отдалъ ему свою карточку и велѣлъ доложить Марьѣ Васильевнѣ что принесъ письмо которое обязался ей предать изъ рукъ въ руки. Его попросили войти и провели въ гостиную. Тамъ ему пришлось ждать довольно долго.

Суходольская занимала небольшое отдѣленіе въ своемъ домѣ; въ убранствѣ комнатъ преобладалъ стиль рококо. Глаза разбѣгались по старинной мебели и саксонскимъ куколкамъ, разставленнымъ на этажеркахъ. Но единственною вещью которая обратила на себя вниманіе раняго посѣтителя былъ портретъ молодого гвардейца, написанный Брюловымъ. Нельзя было не узнать въ немъ неудавшагося и нѣжно любимаго сына Марьи Васильевны.

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ на Лаврова этотъ портретъ. Глаза, улыбка, поза, выражали безлечность человѣка избалованнаго судьбой и ласками, но въ закинутой назадъ головѣ прглядывалъ баринъ привыкшій смотрѣть свысока. Вотъ

онъ хозяинъ, а Лавровъ непрощенный гость, который не смѣетъ показаться ему на глаза. И такъ уже между нимъ и скромнымъ чиновникомъ Межеваго Отдѣленія лежала цѣлая бездна. Чиновникъ взглянулъ на свой двухгодовалый сюртукъ, на свои нелакированные сапоги, и всѣмъ существомъ своимъ повялъ что онъ лишний подъ чужою кровлей.

Въ комнату вошла горничная и обратилась къ нему.

— Марья Васильевна приказали у васъ просить письмо которое вы принесли. А сами онъ одѣваются, скоро выйдутъ.

Лавровъ отдалъ письмо и остался опять одинъ. Его судьба рѣшалась. Чтò шевельнулось въ ея сердцѣ?... Пробудила ли въ немъ строки которыя она читала чувство скрытое, заглохшее, къ этому сыну, такъ мало похожему на ея любимца?..

Ни одной между нами общей черты, подумалъ онъ. Онъ вѣроятно похожъ на нее. Она блондинка, а я? Въ кого же я родился араломъ? Она во мнѣ не узнаетъ своей породы. И подумалъ почти со стыдомъ о своихъ черныхъ, какъ уголь, волосахъ, о крупныхъ чертахъ лица, хотя ихъ можно было предпочесть тонкимъ линиямъ и безлечному выраженію физиономіи Владиміра Суходольскаго. Посмотритъ ли она на пришельца съ материнскимъ происхожденіемъ, какъ смотрѣла когда-то на смуглаго ребенка котораго поцѣловала въ послѣдній разъ на Волгѣ? Но почему же она неидетъ? Почему она хочетъ оправиться отъ перваго смущенія, оломиться, одуматься, вмѣсто того чтобъ отдаться душевному порыву и броситься на шею сыну?..

Наконецъ дверь изъ уборной тихо отворилась.

Шаховской давно минуло за сорокъ лѣтъ, но съ перваго взгляда ее принимали за молодую женщину. Она была отлично сложена и одѣвалась съ большимъ тактомъ, не отставая отъ моды, но и не слѣдуя за ней рабодѣльно. Волосы ея сохранили густоту и прекрасный бѣлокурый цвѣтъ. На нихъ былъ наколочъ маленькій челчикъ, украшенный большимъ лиловымъ бантомъ. Морщинки миловиднаго лица скрывались подъ пудрой, и ихъ можно было разглядѣть лишь вблизи. Она вошла, шурша своимъ чернымъ платьемъ, и протянула руку Лаврову. Онъ ее поцѣловалъ съ сильнымъ бивіемъ сердца. Марья Васильевна слегка покраснѣла, опустила на диванъ, и остановила на своемъ гостѣ небольшіе, но необыкновенно прелекательные глаза.

— Вы долго ждали, извините, сказала она.—Алексѣй Аванасьевичъ скончался?

— Скончался.

— Давно?

— Недѣли двѣ.

— Старые мы были друзья. Онъ кажется оставилъ большое семейство?

— Дочь и два сына.

— Но они уже взрослые, обезпечены, не правда ли?

— Обезпечены, повторилъ машинально Лавровъ.

— Алексѣй Аванасьевичъ былъ долго боленъ? продолжала она спрашивать такъ спокойно какъ будто рѣчь шла о предметѣ совершенно постороннемъ.

— Онъ былъ уже давно боленъ, но предъ смертью не долго страдалъ. Онъ писалъ къ вамъ дня за три до своей кончины и съ большимъ усиленіемъ.

— Оно и замѣтно, почеркъ нетвердый...

Какой пріемъ! Молодой человѣкъ весь сжался, ушелъ въ себя, лицо его окаменѣло. Лакей принесъ подносъ съ кофеемъ. Лавровъ отказался, а Марья Васильевна взяла чашку и стала пить съ ложечки. Тогда только Лавровъ замѣтилъ что рука его матери дрожала. Но какъ искусно эта мать скрывала все что подвинулось въ ея душѣ!

„Шевельнулось же въ ней что-нибудь“, подумалъ Лавровъ. Да, только не материнская любовь пробудилась въ ней, а нестерпимая недовѣчность которую она старалась превозмочь. Когда-то она любила своего ребенка, и наша возможность повидаться съ нимъ подѣ величайшею тайной, но это было такъ давно! Больше двадцати лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ. Онъ воспитывался, выросъ, возмужалъ вдали отъ нея, въ другой средѣ: она отвыкла отъ мысли что онъ ея сынъ, и всю свою материнскую нѣжность перенесла на другаго, съ которымъ не разлучалась никогда. Она не узнавала въ этомъ незнакомцѣ частицу себя. Его плебейская наружность бросилась ей въ глаза и оскорбляла ее. Когда ей подали его карточку, ей надо было очувствоваться, приготовиться на все, сочинить себѣ приличную физиономію, изучить роль; но записка Алексѣя Аванасьевича все сласла. Онъ указалъ эту роль, которая одна могла выручить Марью Васильевну изъ самаго ложнаго драматическаго положенія.

— Графъ Сергѣй Николаевичъ, доложилъ лакей.

— Bonjour ma tante, сказала молодой джентльменъ цѣлуя ея руку.—Я думалъ что вы меня къ себѣ не пустите такъ рано; mais j'étais décidé à briser les portes.

— Ого! что это значитъ? спросила, улыбаясь, Марья Васильевна.

— Это значитъ что я вамъ привезъ хорошее извѣстiе, угадajte.

— Ахъ! говори, Сережа, не пытай меня. Je n'aime pas cela, отвѣчала она съ нетерпѣнiемъ, догадываясь смутно въ чемъ дѣло.

— Я сейчасъ отъ Дубельта. Государь разрѣшилъ Володѣ возвратиться съ Кавказа.

— Боже мой, какое счастье!

Этотъ крикъ вырвался у ней, и въ порывѣ безотчетной радости она обняла племянника.

Судьба какъ нарочно сдѣлала Лаврова свидѣтелемъ этой сцены. Глухая боль защемила его сердце; онъ чуть было не всталъ чтобъ уйти.

— Вчера государь былъ очень въ духѣ, продолжалъ графъ,— и великая княгиня этимъ воспользовалась чтобы замолвить слово о Володѣ. Дубельтъ поручилъ мнѣ васъ поздравить. Вы позволите? продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана сигарочницу:—et après cela je me sauve, я къ вамъ на минутку.

Марья Васильевна уже успѣла овладѣть собой, словно застыла. Вопросы, которыми она готова была закидать племянника, замерли на ея губахъ. Невольное чувство помѣшало ей излить свою радость въ присутствiи Лаврова. Она обратилась къ нему и спросила:

— А вы курите?

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчалъ онъ.

— Неужели вовсе не курите? Кажется, Москвичи вообще воздерживае Петербуржцевъ, благоразумиѣе, и взглянула вскользь съ улыбкой на графа.

Лавровъ промолчалъ.

— А мнѣ бы хотѣлось видѣть Москву, продолжала она,— московскiя древности такъ любопытны. Вы всѣ гордитесь ими, не правда ли?

— Ma tante, сказала графъ, который не слушалъ разговора и не обращалъ никакого вниманiя на незнакомаго гостя,—вы будете у татап сегодня?

— Непремѣнно, я приѣду обѣдать.

— Je vous annoncerai.

Онъ всталъ, Марья Васильевна встала тоже и проводила его въ сосѣдную комнату, гдѣ они говорили въ полголоса нѣсколько минутъ. До Лаврова дошли слова: государь... Дубельтъ... великая княгиня...

Шехонская вернувшись заняла прежнее мѣсто на диванѣ.

— Марья Васильевна, началъ Лавровъ, у котораго клокотала кровь въ жилахъ,—вы прочли записку Алексѣя Аванасьевича?

— Какой вопросъ! Конечно.

— И знаете... почему я здѣсь?

— Знаю... отвѣчала она вслыхнувъ.

— Вы меня держите на горячихъ угольяхъ, мы говоримъ о лустякахъ, да сжальтесь же надо мной!

Онъ возвысилъ голосъ, не въ силахъ болѣе владѣть собой.

— Потихе, не волнуйтесь, отвѣчала она мягко, положивъ свою руку на его.—Постарайтесь меня выслушать спокойно: вы требуете чтобъ я вамъ выдаю чужую тайну? Я этого сдѣлать не-мо-гу. Я этого не сдѣла-ю, и прошу васъ не настаивать понапрасну.

Лавровъ молчалъ, потому вѣдругъ заговорилъ:

— Понапрасну? Неужели мать меня знать не хочетъ? Неужели она забыла то что я помню? Мнѣ было четыре года когда я ее видѣлъ въ послѣдній разъ на Волгѣ, она ласкала меня, велѣла мнѣ назвать ее матерью. Я бы не узналъ ее теперь конечно, но ласки ея мнѣ такъ памяты! И я лѣврю что она все это забыла? Никогда!

Сердце ея дрогнуло отъ страха и можетъ-быть отъ невольной жалости.

— Мы напрасно мучаемъ другъ друга, начала она,—я не говорила на вѣтеръ. Я не имѣю права назвать имя вашей матери и удивляюсь что Алексѣй Аванасьевичъ подалъ вамъ совѣтъ обратиться ко мнѣ. Или предъ смертью онъ не соображалъ что дѣлалъ?...

Она остановилась на мгновеніе, и вдругъ нашлась:

— Вашей матери нѣтъ на свѣтѣ, сказала она рѣзко,—на что вамъ ея имя? Оставьте его въ покоѣ.

Лавровъ былъ такъ пораженъ что не промолвилъ слова и опустилъ голову. Затѣмъ взглянулъ на эту женщину, но она избѣгала его взгляда. Онъ всталъ и поклонился.

— Итакъ прощайте! промолвилъ онъ и хотѣлъ выйти, но вмѣсто замы зашелъ ошибкой въ уборную и остановился въ

дверяхъ. Противъ него, на стѣнѣ, висѣлъ большой портретъ не молодой женщины съ угольнымъ цвѣтомъ волосъ и черными глазами подъ густою бровью.

— Вы ошиблись, не туда зашли, сказала за нимъ хозяйка дома.

Но Лавровъ смотрѣлъ пристально на портретъ.

— Марья Васильевна, спросилъ онъ,—кто это?

— Мать моя, отвѣчала она удивленная вопросомъ.

Глаза Лаврова перенеслись на зеркало, которое стояло на туалетномъ столѣ, потомъ обратно на портретъ. Суходольская пошла и лобѣдила.

— Не бойтесь, сказалъ онъ, нагнувшись къ ней,—вы никогда не услышите моего имени.

И послѣшво вышелъ.

ОЛЬГА Н.

ВОСПОМИНАНІЯ О СКОБЕЛЕВѢ

И

ЗАНЯТИ ЮЖНОЙ БОЛГАРИИ*

VI.

Выступление. — Демотика. — Сады дворца Александра Македонскаго. — Подземный городъ. — Сдача города Туркамъ. — Восстаніе населенія и убійство адъютанта паши. — Умиротвореніе. — Выступление. — Харманли. — Передача Адрианополя Туркамъ.

Подойдя къ вокзалу, лодкъ сдѣлалъ небольшой привалъ въ ожиданіи поѣзда; я воспользовался этимъ поучасомъ чтобы съ вершины прибрежнаго обрыва еще разъ взглянуть на покидаемый городокъ. На этотъ разъ картина была много интереснѣе чѣмъ при нашемъ вступленіи сюда: рѣчка Эргень, благодаря снѣгу выпавшему въ горахъ и дождямъ въ долинахъ, представляла уже не узенькую ленточку зигзагами извивавшуюся по долинѣ, а громадное, сплошное, версты двѣ въ ширину, озеро; весь мостъ погруженъ былъ почти до самаго верха арокъ въ воду своими устоями; но поверхность этого озера не была гладкая и зеркальная, а крутилась безчисленными водоворотами, взбивая цѣлые плавучіе острова грязно-желтой пѣны. Очень уже теплое

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 1 и 3.

веселее соловышко услѣло вызвать на поверхность земли молодую, свѣжую, ярко-изумрудную травку и лодернуть за мѣтвымъ зеленовато-желтымъ налетомъ вершины и сучья деревьевъ и кустарника. Освѣщенный косыми лучами восхода, Узунъ-Кѳри выглядѣлъ за площадью воды какъ-то уютнѣе и веселѣе, и вѣроятно сталъ бы кокетливо смотрѣться въ народившееся водяное зеркало еслибъ это зеркало было почище.

Между тѣмъ барабаны увѣдомили о посадкѣ въ вагоны, и векорѣ локомотивъ, пыхтя и свистя, потащилъ длинный поѣздъ по направленію къ Кулили-Бургаса. Едва обогнули мы продолговатую возвышенность, какъ предъ нами сверкнуло въ лучахъ солнца цѣлое море: то разгулялась Марица разлившись версты на пять въ ширину; переѣздъ былъ по громадной насыпи, перерывавшейся четырьмя длинными мостами, архитектурой своею сразу наломившими мнѣ конструктору Ардизкаго моста подъ Адрианополемъ, который такъ коварно угостилъ меня непрошеною ванной въ концѣ декабря. Я прильнулъ къ открытому окну, любуясь на могучій бѣгъ этой массы воды и стараясь разглядѣть, сквозь легкій туманъ стоявшій отъ водяной пыли во всю ширь разлива, огромное, темное конусообразное очертаніе горы, гдѣ находилась Демотика. Понятно что это былъ трудъ почти напрасный; благодаря водяной полумгли и дальности разстоянія, очеркъ горы, очень наломившей усѣченную сахарную голову, хотя и рѣзко выдѣлялся на яркой бирюзѣ горизонта, но даже слабого слѣда города рассмотреть было невозможно.

Послѣ недолгой остановки на станціи Кулили-Бургась, локомотивъ, собравшись съ духомъ, перешелъ на задній конецъ поѣзда и влѣвшись въ него двинулъ ленту вагоновъ, сперва берегомъ Марицы, обходя крутые холмы, а потомъ дощиной ихъ пересѣкавшею, и чрезъ три четверти часа вылетѣвъ олять на поляну, среди которой грузно подымалась скалистая масса горы, олоясанная и испещренная мѣстами по своимъ ребрамъ весело глядѣвшими домами, съ нѣсколькими десятками торчавшихъ вверхъ тонкими, прямыми иглами минаретовъ города Демотики, мѣрно подкатилъ нашъ поѣздъ къ станціи. Выгрузка изъ вагоновъ и приведеніе полка въ порядокъ заняли добрые часа два; въ три часа мы вступали въ городъ, отстоящій отъ станціи версты на полторы, по прекрасному

поссе, прямою линейкой протанувшемуся къ городу отъ желѣзнодорожнаго вокзала.

Городъ Демотика стоитъ при свѣтлой и быстрой, довольно широкой рѣчкѣ, владающей версты три ниже въ Марицу; бѣольшая часть города расположена у подошвы скалистой, громадной горы, чуть ли не состоящей изъ одного сплошнаго гигантскаго гранитнаго куска, около версты въ діаметрѣ основанія и болѣе восьмисотъ футовъ высоты; эта гора омывается на три четверти круга обѣгающею ее рѣчкой; на многихъ улицахъ мостовая природная, изъ цѣльнаго гранита составляющаго часть скалы и во многихъ мѣстахъ выдающагося голою плитой изъ-подъ наноснаго грунта. Гора на половинѣ своей высоты обрамлена довольно широкимъ уступомъ по которому вѣлятся стѣны, ворота и башни очень древней крѣпости, полуразвалившейся подъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ вѣковъ промчавшихся надъ ея зубцами и бойницами; внутри крѣпости, съ сѣверной стороны, уступъ расширяется довольно обширною площадью, сплошь занятую домами: это такъ-называемая цитадель; здѣсь находится конакъ лаши-губернатора, домъ и церковь Греческаго митрополита, управленія каймакама, полиции и другихъ присутственныхъ мѣстъ. Затѣмъ, вершина горы поднимается страшными крутизнами до площадки лежащей на ея усѣченной вершинѣ, съ развалинами фундамента какого-то обширнаго зданія которое было не что иное, по преданію, какъ дворецъ царя Македонскаго Филиппа, гдѣ явился на свѣтъ первый будто бы славянскій витязь наполнившій міръ своею славой, Александръ Македонскій. Что онъ былъ царемъ отрасли обширнаго народа славянскаго называемой Македонянами, объ этомъ толкуютъ нѣкоторые ученые слависты. Къ крайнему сожалѣнію, я не принадлежу къ числу этихъ ученыхъ, но все же подмѣтилъ, во время короткой стоянки въ Демотикѣ, что имена Филиппа, Александра и многихъ болѣе извѣстныхъ лицъ ихъ времени сохранились въ памяти окрестныхъ Болгаръ, тогда какъ греческое населеніе вовсе не знаетъ объ ихъ существованіи.

Съ вершины горы открывается великолѣпный видъ на городъ, расположенный внизу въ видѣ скоролиснаго большаго Г, и на окрестности; свѣтлая, спокойная, но быстрая рѣчка блестящею лентой огибаетъ этотъ громадный конусъ,

и, заворачивая вправо, образуетъ полуостровъ съ бѣлѣющими на немъ турецкими казармами, сливаясь немного далѣе съ озеромъ разлива Марицы.

Населеніе города составляютъ въ большинствѣ Евреи, затѣмъ Болгары, большею частью огреченные, потомъ настоящіе Греки и наконецъ самая меньшая часть населенія, Турки. Городъ очень оживленъ множествомъ кафанъ, магазиновъ и лавокъ; здѣсь превосходный македонскій табакъ, за который мы платили по четыре звонкіе рубля за око (три фунта).

Квартира мнѣ была отведена въ еврейскомъ домѣ. Когда я вошелъ на чистый, испещренный цвѣточными клумбами дворъ, въ концѣ котораго подымались стѣны бѣлаго двухэтажнаго дома, съ красивою верандой внизу и просторною террасой во второмъ этажѣ, меня встрѣтила хозяйка, уже пожилая Еврейка, ея служанка-помощница и двое дѣтей, но это было далеко не все семейство: едва я успѣлъ разложиться въ большой, свѣтлой и недурно отдѣланной, разумѣется въ турецкомъ вкусѣ, комнатѣ, едва Макаръ справился съ самоваромъ, какъ въ мою комнату вошелъ самъ хозяинъ, а за нимъ его жена, дочь, пять сыновей и еще кто-то.

Хозяинъ мой, Аронъ, очень почтенный торговецъ, высокій, представительный, съ роскошною рыжеватою бородою, поднесъ мнѣ въ видѣ привѣтствія жестяную коробку наполовину полную превосходнымъ табакомъ, вмѣстимостью око въ два съ половиною; затѣмъ, представивъ мнѣ на ломаномъ русскомъ языкѣ жену и дѣтей, расположился на одномъ изъ дивановъ, потурецки, поджавъ ноги; его семья окружила его со всѣхъ сторонъ. Я поблагодарилъ его за любезный привѣтъ и разумѣется пригласилъ всѣхъ выпить чаю.

Чашки были принесены, а вслѣдъ за ними явился Шанатъ, тринадцатилѣтній сынъ хозяина, неся хрустальный графинъ ракіи и кувшинъ съ мѣстнымъ виномъ; когда онъ вошелъ, то неплотно притворилъ дверь. „Шанатъ! Сѣре ля портъ!“ сказалъ ему отецъ; представьте мое изумленіе: вижу Шанатъ вернулся и притворяетъ дверь; что жъ это значитъ? Давно ли я сталъ понимать по-еврейски? Тутъ я узналъ что гамоншіе Евреи говорятъ на языкѣ отличномъ отъ русско-вроейскаго жаргона тѣмъ что къ нему примѣшаны слова всѣхъ нарѣчій Средиземнаго побережья, особенно араб-

скія, итальянскія и испанскія; послѣднихъ всего болѣе, ибо главнѣйшая масса южно-балканскихъ Евреевъ потомки выжитыхъ изъ Испаніи ужасами инквизиціи. По окончаніи чаелитія мой хозяинъ пригласилъ меня осмотрѣть свое хозяйство. Между прочимъ, я поинтересовался, есть ли у насъ что-либо въ родѣ погребовъ или вообще прохладныхъ помѣщеній для храненія хозяйственныхъ запасовъ отъ 40градусной лѣтней жары. Мое любопытство было немедленно удовлетворено самымъ неожиданнымъ и интереснымъ для меня образомъ: меня повели по корридору нижняго этажа упиравшемуся въ заднюю стѣну, лютно прислоненную къ скалѣ, и отворили небольшую дверь. При свѣтѣ принесенныхъ ламп мы вошли въ какое-то очень прохладное, темное пространство; оглядѣвшись въ темнотѣ, я замѣтилъ что нахожусь въ просторной залѣ, шаговъ двадцать въ длину и одинадцать въ ширину, стѣны которой сливались со сводчатымъ потолкомъ; какъ стѣны, такъ и потолокъ покрыты были сплошь какою-то рябью. Я подошелъ къ стѣнѣ, и вообразите мое изумленіе: вся комната оказалась просто-на-просто высѣченною въ цѣльной скалѣ, и рябь эта была ясные слѣды кирокъ или иного орудія которымъ производилась эта, по истинѣ, гигантская работа! Кто же совершилъ этотъ изумительный трудъ и во сколько времени? Мнѣ сказали что ни то, ни другое неизвѣстно, и что только неясное преданіе гласитъ будто эти высѣчки въ горѣ были еще до царя Исхандера (Александра), причемъ указали что не только все покое горъ изсѣчено подобными залами, но и вся гора, съ самой вершины; что не только многія верхнія подземныя залы соединены съ нижними подземными галереями, и что эти галереи тянутся подъ землею чуть ли не на двадцать верстъ.

Это открытіе было для меня сущимъ кладомъ, и я тутъ же обратился съ просьбой къ моему хозяину указать мнѣ какого-нибудь проводника знающаго всѣ эти подземныя злы. что онъ и обѣщалъ мнѣ исполнить завтра же. Разстались съ хозяевами, я не утерпѣлъ и пошелъ на вершину горы.

Пройдя въ ворота цитадельной стѣны и оставивъ ее осмотрѣть до слѣдующаго дня, ибо солнце уже спускалось къ горизонту и свѣтлаго времени оставалось не болѣе какъ часа на полтора, я повернулъ въ короткій и узенькій про-

улокъ который и привелъ меня къ одной изъ многочисленныхъ тропинокъ вившихся по скалистымъ ребрамъ горы къ самой ея вершинѣ.

Тропинка была крута и порой шла надъ такими обрывами что просто голова кружилась, и я чуть не до крови обломалъ себѣ ногти на рукахъ цѣпляясь за камни чтобы не оборваться; восхождение это заняло добрыхъ три четверти часа; но за то какъ я былъ вознагражденъ когда поднялся на площадку вершины! Тутъ, почти въ самомъ центрѣ площадки, подымался неправильный бугоръ: подойдя къ его подошвѣ я увидѣлъ что это сафиды фундамента выложеннаго изъ солидныхъ мраморныхъ глыбъ, потемнѣвшихъ въ теченіе вѣковъ. Мѣстами видѣлись и частички стѣнъ, почти до тла разрушенныхъ временемъ и непогодами; при внимательномъ разсматриваньи мнѣ удалось найти въ этой безалаберной массѣ мраморныхъ и гранитныхъ обломковъ очертанія лаана трехъ большихъ комнатъ.

Итакъ, я можетъ-быть стоялъ на развалинахъ того царственнаго жилища гдѣ появился на свѣтъ покоритель и владыка почти всего извѣстнаго современнаго ему міра.

Солнце на половину окрылось за туманнымъ горизонтомъ когда я очулся отъ созерцанія. Еще разъ окинулъ я взглядомъ и городъ, лестрѣвшій у ногъ моихъ, и свѣтлую дугу рѣки, и окрестные ближайшіе холмы которые рѣшилъ обойти потомъ чтобы осмотрѣть гору со всѣхъ сторонъ, отшибъ гранитнымъ обломкомъ кусочекъ бѣлаго мрамора отъ глыбы фундамента, на память, и послѣднимъ засвѣтло спуститься съ горы, что мнѣ и удалось исполнить счастливо, благодаря другой, выбранной мною тропинкѣ поудобнѣе, которая привела меня сквозь широкій проломъ въ развалинахъ крѣпостной стѣны прямо въ нижній городъ, къ большому ресторану, помѣщавшемуся на перекресткѣ двухъ улицъ, кажется главныхъ и лучшихъ въ Демотикѣ.

Я проснулся въ семь часовъ утра; яркіе лучи весеннаго солнца врывались въ комнату, заливая ее ослабительнымъ свѣтомъ, а въ открытыя окна лилось благоуханіе цвѣтущихъ фруктовыхъ деревъ сада.

Такъ какъ обѣщанный мнѣ проводникъ долженъ былъ явиться только къ двумъ часамъ, то я рѣшилъ пока обойти окрестные холмы. Шанать вызвался мнѣ солугствовать и напившись чаю мы отправились въ путь. Продавъ весь го-

родъ по главной улицѣ, огибавшей сѣверную часть горы, мы вышли какъ разъ къ подошвѣ перваго хома и взобрались на него. Что за прелестный видъ открылся предъ нами! Весь уголъ горы, вѣроятно разрушенный временемъ, съ этой стороны отвалился во всю почти высоту, и гора отвѣсною каменною стѣною обрывалась къ блестящей золотомъ лентѣ омывавшей ее рѣчку; мѣстами верхи скалъ даже какъ бы нависли надъ водой; и вся эта гигантская стѣна была испещрена темными лапами пещеръ, вѣроятно залъ, половины коихъ отвалились; зубцы развалившейся стѣны фантастическою короной отдѣлялись на ребрахъ горы; бѣлыя иглы минаретовъ серебрились на голубомъ фонѣ яснаго неба; вся долина рѣчки, всѣ хома весело зеленѣли молодою травой, уже испещренною пятнами яркихъ весеннихъ цвѣтовъ, между коими особенно эффектно выдѣлялся алый мохъ; а деревья всѣ сплошь, какъ инею, покрыты были бѣлыми цвѣтами; воздухъ чудно мягокъ и прозраченъ и наполненъ благоуханіемъ. Знакомыя трели жаворонковъ звонко дребезжали въ салфировой вышинѣ, контрастомъ напоминая далекую родину, гдѣ въ это время не лѣсъ жаворонка раздавалась надъ помертвѣлыми, покрытыми бѣлымъ снѣжнымъ саваномъ полями, а съ воемъ и стономъ крутилась снѣжная бури и метели.

Налюбовавшись вдосталь видомъ окрестностей, мы перешли послѣдовательно на три соотвѣстныя хома и обойдя кругомъ Демотику вернулись домой. Въ два часа явился проводникъ, оказавшійся лаеманникомъ моего хозяина.

Въ половинѣ третьаго мы уже шагали съ нимъ по улицѣ окаймлявшей самую подошву горы и безпрестанно заходили въ разные дворы съ просьбой показать подземныя комнаты; такихъ залъ мы осматрѣли болѣе сорока; нѣкоторыя изъ нихъ поражали своею обширностью и грандіозностью труда употребленнаго на ихъ выстѣлку. Въ одной подобной залѣ, въ сѣверной части города, оказалась узкій подземный ходъ выстѣченный въ камнѣ до самаго верха горы; онъ былъ открытъ недавно и совершенно случайно: изъ десятка козъ ласшихся по обрывамъ этой стороны горы пролазъ козленокъ, болѣе сутокъ о немъ не было слуха, какъ вдругъ, уже на третій день, хозяйка дома войдя въ свою подземную кладовую услышала слабое блѣянье: оказалось что въ стѣнѣ было отверстіе въ аршинъ въ діаметрѣ, заваленное камнями, и

звукъ слышался оттуда; камни разобрали и извлекли несчастнаго козленка, ослабѣвшаго и шибко поцарапаннаго, вѣроятно объ острые камни; онъ набрелъ на скрытое отверстие выхода на вершинѣ горы и свалился въ проходъ, по которому наконецъ и добраася до нижняго его конца. Я было сунулся туда, но грязь, сырость и темнота остановили меня; тѣмъ не менѣе я рѣшилъ принять всѣ мѣры чтобъ освидѣтельствовать путь открытый козленкомъ.

Такъ какъ уже за вечерѣло, то я отложилъ дальнѣйшіе осмотры до завтра. Съ восходомъ солнышка я уже былъ на ногахъ ожидая своего проводника. На этотъ разъ мы отправились въ цитадель для осмотра катакомбъ втораго яруса.

Пройдя послѣдніе дома, мы вышли вдоль развалинъ крѣпостной стѣны и вышли на южной сторонѣ горы двѣ громады залы, куда входъ казался просто сводчатымъ входомъ пещеры: такъ онъ былъ низокъ, вѣроятно вслѣдствіе возвышенія почвы отъ вѣковыхъ наносовъ; пришлось сильно согнуться чтобы проскользнуть внутрь; первая зала была больше и имѣла въ длину шаговъ сорокъ. Какъ я ни старался открыть слѣды чего-либо живаго во всѣхъ этихъ подземельяхъ, увы! рука времени, а скорѣе всего руки человѣческія не оставили ничего кромѣ голыхъ, изрытыхъ рабинами стѣнъ. Мнѣ пришлось прыгнуть черезъ какой-то камень, и представьте мое изумленіе: отъ удара ноги моей объ грунтъ пола этой залы послышался такой звонкій гулъ подъ землею что въ существованіи тамъ большой пустоты нельзя было и сомнѣваться; мой проводникъ также удивился открытію и заявилъ что о существованіи въ этомъ мѣстѣ какого-либо подземелья мѣстными жителямъ ничего не было до сихъ поръ извѣстно. Мысль объ открытіи и можетъ-быть весьма интересномъ такъ овладѣла мною что я рѣшилъ просить разрѣшенія командира лодка воспользоваться ничего недѣланіемъ людей и взять солдатъ 1й стрѣлковой роты, къ которой я былъ прикомандированъ, для произведенія раскопокъ. Но къ несчастію, на обратномъ пути, почти у самаго дома, у меня подвернулась нога, и я вытянулъ жилу; встрѣчные солдатики на рукахъ донесли меня до квартиры гдѣ Макаръ уложилъ меня въ постель. Обида была страшная! Вотъ тебѣ и раскопки! Вскорѣ пришелъ нашъ полковой врачъ, осмотрѣвъ мою ногу, велѣлъ наложить холодныя компрессы и осудилъ на цѣлую недѣлю лежанія.

Какъ разъ въ первый день, когда мнѣ было разрѣшено пройтись по комнатамъ на костыляхъ, писарь принесъ полковой приказъ. Въ немъ значилось что завтра подходить къ Демотикѣ турецкія войска и прѣзжаетъ паша, которому мы и должны были передать городъ со всѣмъ его управленіемъ; Демотика, какъ и многіе другіе города, включая сюда и Адрианополь, несмотря на большинство болгарскаго населенія, по волѣ Европы, должна была остаться за Турціей. Вѣсть объ этомъ мгновенно облетѣла городъ, и населеніе заволновалось; къ бригадному командиру, генералъ-майору Юргенсону, снаряжались депутаціи съ просьбой не отдавать Демотику Туркамъ. Бѣдныя! Да развѣ русскому сердцу любя была эта передача?

Въ томъ же приказѣ значилось что полкъ выступитъ чрезъ два дня, 26 февраля, въ городъ Харманлы, вторую станцію отъ Адрианополя на сѣверъ. На слѣдующее утро мой слухъ поразилъ, вопервыхъ, какой-то непривычный и рѣзкій звукъ рожковъ; я выбрался на веранду, съ которой открывался видъ на луговину, гдѣ бѣжали казармы: вижу, движеніе какое-то тамъ; взялъ бинокль: оказалось, выстраивались только-что пришедшія турецкія войска. Является Макаръ и увѣряетъ что жители города стовариваются не пускать къ себѣ Турокъ.

Воленіе въ населеніи въ самомъ дѣлѣ разыгралось не на шутку, и результатомъ его было нападеніе на прибывшаго пашу. Дѣло было такъ. Паша, остановившійся въ цитадели, въ домѣ Греческаго митрополита, оглянувшись часу въ первомъ со своимъ адъютантомъ пѣшкомъ къ генералу Юргенсону съ визитомъ; едва жители узнали объ этомъ выходѣ, какъ цѣлая толпа начала собираться у вутреннихъ воротъ цитадели. Паша не засталъ генерала и, походивъ по лавкамъ въ городѣ, возвращался назадъ; но едва онъ прошелъ въ ворота, какъ тысячная толпа съ женщинами во главѣ окружила обоихъ съ криками, бранью и угрозами. Бѣдовыя существа эти женщины на Востокѣ! Уже кажется болѣе забытымъ существомъ и быть нельзя, а чуть какой-либо серіозный гвалтъ, онѣ непремѣнно впереди и оглушать не на животъ, а на смерть. Паша вздумалъ было угрозить, но вышло еще хуже: градъ каменьевъ осыпалъ и его, и его адъютанта; Турки подобрали полы и пустились бѣгомъ на утекъ; толпа преслѣдовала ихъ тѣми же криками и камнями; поладившіеся навстрѣчу солдаты наши попро-

бояли остановитъ толпу, куда! ихъ чуть не смаяли самихъ. Два казака помчались немедленно къ генералу Юргенсову и подполковнику Черкасову; генералъ только-что вернулся съ прогулки и намѣревался заплатить визитъ пашѣ; разумеется, онъ тотчасъ послѣдшилъ въ цитадель, повернувъ туда попявшаюся на пути роту. Между тѣмъ, бѣглецы достигли дома митрополита; адъютантъ попытался было задержать толпу, пригрозивъ револьверомъ; толпа приостановилась на секунду, что дало время пашѣ вбѣжать на крыльцо; но адъютантъ не успѣлъ продѣлать этого маневра; толпа его сбила съ ногъ и такъ помаяла что подбѣжавшая въ это время къ дому команда успѣла спасти ему развѣ лишнія десять минутъ жизни. Народъ ворвался и въ домъ, но какъ ни шарилъ, а пашу не нашал; говорили что митрополитъ спряталъ его въ своей церкви. Черезъ какіе-нибудь полчаса, цѣлый баталіонъ занялся приведеніемъ города въ порядокъ; человекъ сорокъ арестовали и засадили подъ арестъ въ полицейскомъ домѣ въ городѣ. Но населеніе не успокаивалось; кучки людей безпрестанно подходили къ полиціи съ требованіемъ выпустить арестованныхъ и переговаривались съ ними въ окна; цѣлая рота охраняла зданіе со всѣхъ сторонъ отгоняя подходившихъ близко. Положеніе подполковника Черкасова, какъ коменданта, да и вообще всѣхъ Русскихъ, какъ офицеровъ такъ и солдатъ, было затруднительно и нелѣпо до крайности. Приходится обращать оружіе на тѣхъ за кого сражались, кого освободили, и за что?... За то что они молятъ насъ не уходить, хотаять быть нашими, не желаютъ господства недавнихъ изверговъ!

На слѣдующій день общее напряженіе дошло до максимума; громадная толпа жителей съ утра собралась предъ полицейскимъ домомъ; 1я рота Суздальскаго полка, выстроившись фронтомъ къ толпѣ, отдѣляла ее отъ зданія гдѣ помѣщались арестованные; толпа напирала; женщины хватали руками направленные на нихъ штыки и, приставляя къ груди или горлу, кричали: „Коли, братушка! Лучше смерть отъ твоей руки чѣмъ лоруганіе отъ поганого Турка!“ Толпа свирѣлѣла; солдатъ начинала прошибать слеза сожалѣнія: вѣдь не врагъ предъ нами. Моментъ былъ критическій: одна шальная команда, одно неосторожное слово, и Богъ знаетъ что могло бы выйти. Въ эту минуту прискакалъ подполковникъ Черкасовъ. Вѣрный взглядъ

честнаго, стараго Николаевского рубаки сразу оцѣнилъ по-
ложеніе.

— Смирно! раздалась его команда.

Напряженная тишина повисла надъ ротой и толпой.

— Рота кру-гомъ!

Рота, держа ружье у ноги, повернулась къ толпѣ спиной.

— Назадъ, равняйся, маршъ! раздалось вновь.

Рота стройно стала ляться назадъ; огорошенная толпа
невольно отступала предъ солдатскими затылками; смотре-
ніе со стороны офицеры чуть не захолили находчивости
Черкасова; въ три минуты площадь была очищена; свирѣ-
лое выраженіе лицъ въ толпѣ стало смѣняться улыбкама.

— Рота, стой! Кру-гомъ! Со-стави!

Солдаты составили ружья; Черкасовъ подошелъ къ раз-
давшейся толпѣ, сказалъ что доложить генералу и аресто-
ванныхъ вѣроятно тотчасъ освободить съ условіемъ больше
не демонстривовать, и приказалъ разойтись, что тотчасъ и
было исполнено съ почтительными поклонами. Арестован-
ныхъ конечно освободили чрезъ часъ.

Сколько помнится, кажется, высшее начальство не оцѣни-
ло заслугу подполковника Черкасова, находящагося теперь
уже въ отставкѣ, а заслуга его въ этомъ случаѣ была немн-
оловажная.

По поводу этихъ волненій, выступленье наше замедлилось
дня на два. Турецкіе офицеры рѣшились показаться въ
городъ.

28 февраля полкъ выступилъ изъ Демотики; мнѣ было
разрѣшено отправиться по желѣзной дорогѣ прямо въ городъ
Харманлы, гдѣ долженъ былъ расположиться полкъ.

Желѣзнодорожная станція отстоитъ отъ Харманлы версты
на полторы, хотя рельсовый луть проходить совсѣмъ влѣсть
у городка. Меня всталили на какую-то каруду и привезли въ
городъ; квартиреровъ нашихъ еще не было, войскъ въ го-
родъ тоже не было, а потому я безъ труда выбралъ себѣ
первый попавшійся домъ, гдѣ и основалъ свою квартиру.

На второй день моего пріѣзда проходилъ чрезъ Харманлы
Владимірскій полкъ, только что сдавшій Адрианополь Тур-
камъ. Отъ владимірскихъ офицеровъ я узналъ нѣкоторыя по-
дробности передачи Адрианополя Скобелевымъ Реуфъ-пашѣ.

Генералъ-губернаторъ или вали Адрианопольскаго вилайета,
Реуфъ-паша, прибылъ по желѣзной дорогѣ изъ Константино-

поля; на станціи встрѣтилъ его Скобелевъ, во главѣ русскихъ властей находившихся въ городѣ, и почетный караулъ отъ Владимірскаго полка; при выходѣ лошади изъ вагона случился казусъ, впрочемъ, не обратившій на себя вниманіе Турокъ. Музыканты, вмѣсто турецкаго марша, встрѣтили его національнымъ болгарскимъ „Шуми, Марица“. Войска взяли на караулъ и весело отвѣчали на привѣтствіе лошади; не думаю однако чтобы видъ бойкихъ и хоть сейчасъ олять готовыхъ въ бой русскихъ полковъ былъ особенно приятенъ Реуфу.

При отъѣздѣ Скобелева, городскимъ духовенствомъ торжественно отслужено было напутственное молебствіе; Реуфъ почиталъ его парадомъ; массы населенія, христіанъ и магометанъ, усылали путь русскаго героя. Даже мусульмане напутствовали его молитвой, имѣя во главѣ своихъ муллу, наместника шейх-уль-ислама, маститаго восьмидесятилѣтняго старца, вторично на своемъ вѣку видѣвшаго лобѣдоносное воинство русское въ стѣнахъ второй столицы Оттоманскаго царства.

И не удивительны были любовь и уваженіе турецкаго населенія: ласковое обращеніе Скобелева, дружественное отношеніе его солдатъ къ жителямъ (послѣ перехода Бакаря имя Скобелева рѣшительно затмилъ въ мысляхъ мусульманъ всѣ другія имена, и потому всѣ русскія войска, по ихъ мнѣнію, были его) заставляли Турокъ приписывать именно ему всѣ распоряженія русскихъ властей, хотя и по справедливости слѣдуетъ сказать что большая часть распоряженій по инициативѣ принадлежала ему. Религію не только не стѣсняли, но оказывали ей уваженіе: во время Рамазана, напримѣръ, поклонники Магомета имѣютъ обычай освѣщать свои мечети иллюминаціонными огнями, обвивая минареты разноцвѣтными фонарями, надписями и шкаликами; на протанутыхъ между башнями минаретовъ веревкахъ или проволокахъ также красуются фантастическія разноцвѣтныя нити подобныхъ фонарей; дворы и ограды мечетей пылаютъ кострами, и видъ на турецкій городъ во время подобной иллюминаціи дѣйствительно фантастически очарователенъ; по занятіи Адрианополя, большинство достаточныхъ мусульманъ города бѣжало отъ русскихъ войскъ, напуганное предупрежденіями своего правительства о жестокости и свирѣдости Русскихъ, а оставшаяся, за неимѣніемъ возможности

бѣжать, бѣдная часть населенія съ весьма попятнымъ горемъ смотрѣла на свои минареты, печально прятавшіеся во тьмѣ южной безлунной ночи. И вотъ послѣдовало распоряженіе объ отпускѣ на время праздника по три тысячи звонкихъ рублей на освѣщеніе мечетей, въ помощь мусульманскому населенію. Затѣмъ производившаяся раздача веиумцимъ и нуждающимся жителямъ хлѣба; подарокъ бѣдному турецкому населенію громаднѣхъ продовольственныхъ складовъ въ Адрианополь и другихъ мѣстахъ; новенькіе щегольскіе лазаретные бараки по линіи Адрианополь - Константинопольской желѣзной дороги, оставленные также Туркамъ и немедленно обращенные ими въ казармы; наконецъ, исправность пересылки писемъ и посылокъ отъ лѣтнннхъ изъ Россіи ихъ семьямъ въ Турцію: все это конечно только способствовало упроченію въ Турецкомъ народѣ добраго чувства къ великодушнымъ побѣдителямъ. Прибавьте къ этому восторженныя отзывы о Россіи бывшихъ тамъ въ паѣну, и каждому станутъ попятны прощальныя слова адрианопольскаго муалы къ русскимъ войскамъ что лучше Русскихъ нѣтъ подъ луной народа, и что имъ не достаетъ только стать правовѣрными, о чемъ де онъ день и ночь молитъ Аллаха и его пророка.

VII.

Харманлы.—Дѣятельность Скобелева.—Комитетъ для содѣйствія переселенію христіанъ.—Моя командировка въ Узунъ-Кѣпри.—Генералъ Шниткѣвъ.—Адрианополь безъ Русскихъ.—Реуфъ-паша.—Отъѣздъ въ Узунъ-Кѣпри.—Столкновенія съ турецкими властями.—Ховрефъ-мирза.—Возвращеніе въ Харманлы.—Сѣнки.

Мѣстечко Харманлы, обращенное вслѣдствіе своего важнаго положенія почти на самой турецкой границѣ, въ окрѣпленный, то-есть окруженный городъ, расположено на правомъ берегу рѣчки Олу-Дере, въ полуверстѣ отъ ея впаденія въ Марицу. Мы застали его еще въ очень незавидномъ положеніи: болгарскіе домики ничѣмъ не отличались отъ сельскихъ: турецкій кварталъ представлялъ только слѣды развалинъ бывшихъ домовъ. Одна мечеть, хотя и порядкомъ ободранная, гордо высила свой красивый остовъ, уткнувъ въ небо

все еще граціозный минаретъ съ полуобвалившимся балкончикомъ; да громадный караванъ-сарай, на которомъ не осталось и слѣда крыши, своими толстѣйшими стѣнами просто изумляяъ всѣхъ имѣвшихъ повятіе объ архитектурѣ. Дѣйствительно, эти стѣны выведены въ два ряда и выложены изъ тесаныхъ плитъ какого-то крѣпкаго камня въ два аршина длины, потора ширины и аршинъ высоты, а промежутки набиты болѣе мелкимъ камнемъ, залитымъ цементомъ; прочность поразительная! Не мудрено что четыре столѣтія не оставили никакого слѣда на наружности этихъ стѣнъ. Православная церковь, какъ всѣ болгарскія описанныя выше, развѣ только еще любѣдѣ, и только домъ училища похожъ на домъ. Единственная сохранившаяся замѣчательность Харманлы, это мостъ перекинутый черезъ Олу-Дере при выѣздѣ изъ города по шоссе въ Хаскію; онъ состоитъ изъ одной громадной, сажень въ тридцать, арки упирающейся въ насыпи береговъ и съ боку имѣетъ видъ тулаго треугольника образуемаго откосами перилъ изъ цѣльнаго камня; самый мостъ сдѣланъ изъ громадныхъ тесаныхъ глыбъ того же грязно-желтаго камня; мостовая настилка, выложенная изъ мѣстнаго песчаника, хотя и крута, но не представляетъ трудности подъема. У праваго выѣзда, на мостѣ, красуется сторожевая башенка-бойница со вдѣланною въ стѣну мраморною бѣлою доской, на которой красиво высѣчена причудливыми арабесками надпись о постройкѣ моста. Къ сожалѣнію, въ Харманлы я не могъ найти никого кто могъ бы мнѣ прочесть ее; хотя всѣ Греки и Болгары знаютъ турецкій языкъ хорошо, но арабскій доступенъ только высшей интеллигенціи, а надпись сдѣлана такъ давно и такою цвѣтистою арабскою вязью что никто и изъ интеллигентныхъ не брался ее прочесть.

Городокъ стелется и въ долинѣ, и дѣлится по плоскогорью, но за то къ югу подымаются высокіе обрывистые холмы, пересѣкаемые оврагами и узелкими долинами которыя орошаются горными рѣчками и потоками, и наконецъ, перекинувшись черезъ рѣчку Пендекли, переходятъ въ суровыя горы Родолскія; рѣчка Олу-Дере, въ верховьяхъ своихъ орошающая Хассобасскую и Саръ-юртскую долины, около селенія Чомурау врѣзывается въ скалистые, обрывистые холмы покрытые молодымъ лѣсомъ, и прыгаетъ по камнямъ узкаго ложа своего вплоть до самаго Харманлы, гдѣ сплѣккойно уже и медленно катится по долинѣ вплоть до Марицы.

Какъ грандіозно и живописно Олу-Дерское ущелье! Какія фантастическія, невозможныя сочетанія и несообразности устроила тутъ природа изъ этихъ гигантскихъ скалъ и каменьевъ! Три водныя мельницы въ этомъ ущельѣ были любимыми мѣстами прогулокъ по особой красотѣ ихъ мѣстоположенія.

Расположеніе городка всего въ двѣдцати верстахъ отъ станціи Тырново-Семенлы, гдѣ сходятся три желѣзные пути: изъ Ямболя, Адрианополя и Филиппополя, дѣлало этотъ городокъ важнымъ и въ стратегическомъ отношеніи.

Намъ, Русскимъ, особенно Суздаальцамъ, овъ остался памятникъ Демотики, памятникъ даже Узунъ-Кѳпри: вопервыхъ, тутъ была самая долгая стоянка, а вовторыхъ, съ приходомъ сюда начиналась собственно оккупация Южной Болгаріи, уже официально утвержденной Берлинскимъ конгрессомъ въ ея новомъ, ни съ чѣмъ несообразномъ названіи Восточной Румелии.

На оккупации остались два русскіе корпуса: 4й и 9й; первымъ командовалъ генералъ Скобелевъ 2й, вторымъ генералъ Столыпинъ,—оба вполне достойные возложенной на нихъ важной миссіи. Оккупация эта отнюдь не была похожа на занятіе Франціи Прусаками; налримеръ, она не играла роли прессы поставленнаго для того чтобы выдавить скорѣе контрибуцію, продержать войско на чужихъ хлѣбахъ подольше и слѣдовательно стать ненавистною населенію занимаемой страны: цѣль нашей оккупации,—какъ понимали мы ее, не дипломатически, а чувствомъ русскихъ людей,—было, вопервыхъ, обезпечить вполне прочное основаніе жизни вновь народившемуся политическому тѣлу, вовторыхъ, закрѣпить хорошія отношенія съ нимъ и сумѣть сдѣлать такъ чтобы имя Россіи стало и для нашихъ освобожденныхъ братьевъ на вѣки такъ же свято какъ оно свято для каждаго истиннаго Русскаго; третьихъ, сколько возможно, сгладить эту внезапную перемѣну ролей въ странѣ, гдѣ недавніе рабы стали выше своихъ господъ; а ненависть къ вѣковымъ угнетателямъ съ одной стороны, восточная надменность и фанатизмъ съ другой, дѣлали весьма труднымъ примиреніе обѣихъ сторонъ; наконецъ, вчетвертыхъ, надо было не оставить дурной памяти и въ любѣженныхъ.

Что касается 9го корпуса, свидѣній дать я не могу, да и была ли возможность армейскому оберъ-офицеру, прикованному

къ своей ротѣ, расширять свой кругозоръ по желанію? Одно могу сказать, уже на основаніи лоздавшихъ наблюденій много спустя послѣ ухода 9го корпуса въ Россію, что имя генерала Столыпина увѣковѣчено въ Южной Болгаріи и оставленными имъ о себѣ памятниками, и главное, тою восторженною, сердечно-признательною памятью которая такъ глубоко засѣла въ сердцахъ освобожденнаго народа что не умретъ въ нихъ никогда.

Итакъ, о 4мъ корпусѣ и его командирѣ, безсмертномъ и по смерти.

Четвертый армейскій лѣхотный корпусъ состоялъ изъ двухъ дивизій: 16й и 30й. Первою командовалъ генералъ Рихтеръ, второю—генералъ Шнитниковъ, уже сошедшій въ могилу, почти за два года до смерти своего корпуснаго командира, въ то время когда Скобелевъ и въ Азіи доказывалъ что онъ тотъ же Скобелевъ какимъ былъ въ Европѣ. Начальникомъ корпуснаго штаба былъ уважаемый генералъ Духовинъ, правая рука Скобелева. Имена ихъ не умрутъ въ памяти Болгарской.

Центромъ пребыванія генерала Скобелева былъ городъ Сливно на сѣверѣ области, у подошвы Балканъ,—Москва Южной Болгаріи.

Скобелевъ не далъ пройти даромъ мирному и спокойному времени занятія Восточной Румелии; все что возможно было сдѣлать въ это короткое время, было имъ сдѣлано, несмотря на то что это кажущееся спокойствіе въ дѣйствительности было также надежно какъ отдыхъ на крышѣ пороховаго погреба, гдѣ не потухъ еще остатки придавленнаго ногой фитиля. Скобелевъ стремился къ двумъ цѣлямъ: продолжать сколько можно обезсиленіе Турціи мирнымъ путемъ и обезпечить безопасность освобожденныхъ отъ новыхъ покушеній со стороны ихъ бывшихъ влстелинцовъ, путемъ возрожденія въ нихъ древняго воинственнаго духа, придавленнаго многолѣтнимъ тяжкимъ рабствомъ; при этомъ была у Скобелева и третья, можетъ-быть даже главнѣйшая цѣль, понятная каждому Русскому: создать такъ-сказать въ самыхъ воротахъ Турціи такую внушительную силу на которую могла бы въ будущемъ смѣло опереться Россія, не выжимая изъ себя и половины тѣхъ жертвъ какія она принуждена была принести въ эту славную войну.

Первая цѣль могла быть достигнута привлеченіемъ христіанскаго населенія Турецкой Румелии къ выселенію въ Болгарію; Турки такъ тяжелы и алатичны что выселеніе сотенъ тысячъ христіанскихъ рабочихъ рукъ изъ страны дадо бы Константинополю окончательный мать; переселеніе это началось, какъ я упоминалъ выше, еще во время нашего отступленія отъ Константинополя. Теперь Скобелевымъ были приняты мѣры дабы урегулировать это переселеніе, оказать ему возможное содѣйствіе. Особый комитетъ учрежденный для содѣйствія переселенію христіанъ на сѣверъ, въ предсѣдательствѣ генерала Шнитникова, дѣятельно и горячо занялся своею задачею; даже и послѣ передачи Адрианополя Туркамъ, на многихъ за-адрианопольскихъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ находились бѣлковые книги, по которымъ должны были отпускаться бесплатно не только отдѣльные вагоны, но и цѣлые поѣзда для переселенцевъ.

Понятно что турецкія власти видѣли всю непріятную для себя перспективу этого выселенія, но трактаты и условія связывали имъ руки. Адрианопольскій генераль-губернаторъ Реуфъ-паша болѣе чѣмъ кто-либо вглядывался въ эту перспективу и улолребилъ всю свою энергію и весь свой далеко не дюжинный умъ чтобы не только остановить это лагубное для Турціи переселеніе, но и сдѣлалъ все возможное чтобы возвратитъ ушедшихъ; такъ, напримѣръ, къ оставшимся виноградникамъ и засѣяннымъ кое-гдѣ полямъ ушедшихъ приставилъ онъ караулы, обѣщая сохранить ихъ до ихъ возвращенія, и т. п. Словомъ, между турецкими и русскими властями завязалась гордая шахматная игра. Наконецъ Турки рѣшились перейти отъ слова къ дѣлу, такъ какъ убѣжденія не помогали; и вотъ Скобелеву было сообщено что переселенцы изъ Узунъ-Кѣпри, заявившіе со своими семьями, скарбомъ и скотомъ нѣсколько вагоновъ, были остановлены турецкими властями города, выгнаны изъ вагоновъ и препровождены въ свое покинутое селеніе. Немедленно Скобелевъ поручилъ генералу Шнитникову лично отправиться въ Адрианополь для объясненій съ Реуфомъ и въ Узунъ-Кѣпри чтобы удостовѣриться въ фактъ. Они вмѣстѣ пріѣхали въ Харманлы.

Утромъ, 10 марта, вошелъ ко мнѣ прапорщикъ Г*** и объявилъ что меня требуетъ командиръ лодка и что мнѣ хотять

дать довольно важное порученіе, благодаря моему знанію французскаго и нѣмецкаго языковъ; я немедленно пошелъ. Оказалось что генералу Шнитникову, отправившемуся по порученію Скобелева въ Адрианополь по дѣлу о задержкѣ христіанъ-переселенцевъ, необходимъ былъ офицеръ знавшій иностранныя языки; я засталъ генерала съ командиромъ полка на верандѣ небольшого ресторана содержамаго какимъ-то Французомъ, на единственной харманлійской площадкѣ, среди которой три раскидистыя дерева огороженныя зеленою рѣшеткой весело подымали къ небу свои ярко-зеленѣющія вершины. Полковникъ Эрнъ представилъ меня генералу, который и предлагалъ мнѣ поскорѣе собраться и прійти на квартиру полковника гдѣ онъ будетъ меня ожидать.

Вскорѣ мы отправились въ купе 1го класса.

Начальникъ 30й дивизіи, генералъ Шнитниковъ, былъ человѣкъ уже не молодой, лѣтъ пятидесяти, съ сѣдою бородой; онъ былъ крайне деликатенъ и добръ, конечно когда такимъ быть слѣдуетъ; на груди у него былъ академическій значокъ.

Я любовался все время пути, съ одной стороны, зубчатымъ гребнемъ горъ у подошвы которыхъ вилась дорога, а съ другой — роскошною долиною Марицы, усыпанною какъ гигантскими бѣлыми букетами цвѣтущими фруктовыми, ореховыми и миндаальными деревьями, ярко выдѣлявшимися на фонѣ свѣжей, молодой, зеленой травы. Но вотъ поѣздъ медленно потянулся черезъ Ардинскій мостъ; за рѣкой вдали обрисовались остовы разрушенныхъ казармъ; домики Карагача заперѣли чаще и чаще въ молодой зелени распускавшихся деревьевъ и кустовъ; поѣздъ круто завернулъ вправо, и вся прекрасная панорама Адрианополя открылась предо мною, какъ въ рамкѣ, въ пространствѣ вагоннаго окна. Еще нѣсколько минутъ, и мы вышли изъ вагона.

Благодаря порядочнымъ лошадямъ и выучкѣ Русскими турецкихъ арабаджи ѣздить по-русски, Карагачъ и шоссе промелькнули незамѣтно, и колеса экипажа загремѣли по первому мосту черезъ Марицу; начинался городъ. Мы проѣхали второй мостъ и очутились на главной улицѣ города. Меня, привыкшаго еще такъ недавно видѣть на улицахъ Адрианополя чуть не столпотвореніе Вавилонское, во время занятія города русскими войсками, прежде всего поразила пустота, тишина, какая-то мертвенность: изрѣдка показывалась гдѣ-нибудь каруца

или косяка и быстро скрывалась въ переулки; гдѣше-ходовъ, какъ бурный потокъ наводившихъ улицы, не было и сада. А безчисленные магазины, казино и отели? Куда все это дѣвалось! Въмѣсто яркой пестроты вывшенныхъ товаровъ, по сторонамъ улицъ грустно чернѣли заплата наглухо-заколоченныхъ досками оконъ и дверей; отели также были забиты, а тѣ изъ нихъ которые еще не окончили свое существованіе были почти пусты; только „Америка“ и „Византія“ подавали еще слабые признаки жизни. Еще мнѣ бросалось въ глаза то обстоятельство что по крайней мѣрѣ съ десятокъ изъ попадавшихся на дорогѣ минаретовъ лишены были своихъ верхушекъ, своихъ граціозныхъ иглъ; мѣстами даже и балкончиковъ не было, точно кто сплилъ или сломалъ половину минарета. Я немедленно спросилъ объ этомъ нашего извозчика, и онъ пояснилъ мнѣ что на третій день послѣ окончательнаго ухода Русскихъ, страшный ураганъ пронесся надъ городомъ, разрушивъ между прочимъ нѣсколько десятковъ минаретовъ, что и было принято мусульманами за знакъ недовольства Магомета уходомъ Русскихъ, и что въ силу его святой воли они должны въ недалекомъ времени вернуться въ Адрианополь опять.

Мы остановились въ гостиницѣ „Америка“, гдѣ въ прежнее время нельзя было достать нумера; теперь же всѣ галереи обеихъ этажей были пусты, и нумера тщетно распахивали свои гостеприимныя двери: хоть шаромъ локати. Неудивительно что мы заладили за нумеръ по рублю, когда прежде и тремя бы не отдѣлались.

Я переодѣлся съ дороги и тотчасъ поскакалъ къ Реуфъ-пашѣ съ порученіемъ моего генерала узнать когда паша можетъ принять его.

Реуфъ жилъ въ домѣ который прежде занималъ генералъ Тотлебенъ; я остановился у воротъ, прошелъ мимо двухъ часовыхъ драгулъ, вошелъ направо на крыльцо и спросилъ встрѣтившихъ меня жандармовъ гдѣ я могу найти Реуфъ-пашу. Мнѣ знакомъ указали комнату направо; я вошелъ въ небольшой покой; три кровати стояли у стѣны; комната была пуста. Минуть чрезъ пять дверь отворилась и показалась личность уже немолодая, но довольно хорошо сохранившаяся, съ рыжеватыми усами и бородой съ просѣью, въ длинноволомѣ пальто и фескѣ; я началъ рекомендоваться на французскомъ языкѣ, но онъ прервалъ меня

фразой: „добро пожаловать!“ Я удивился и спросилъ, долго ли онъ былъ въ Россіи и какъ могъ такъ чисто научиться говорить по-русски, предполагая что это одинъ изъ бывшихъ въ лагерь въ Россіи: но оказалось что онъ уроженецъ Киевской губерніи, Піотровскій, въ данный моментъ—бимбаши (майоръ турецкой службы) Мехмедъ-бей. Послѣ нѣсколькихъ отвѣтовъ на его вопросы о Россіи, я объяснилъ ему цѣль моего прѣзда; онъ просилъ меня подождать нѣсколько возвращенія Реуфъ-лаши, котораго ждали съ минуты на минуту съ прогулки, и очень любезно предложилъ мнѣ кофе, палирость, коньяку и пр. Мы разговорились; онъ участвовалъ въ послѣдней Сербской войнѣ, и мы вспоминали мѣстности, событія и дѣятели того времени, извѣстныхъ намъ обоимъ. Вскорѣ на вымощенномъ плитами дворѣ послышалось звяканье подковъ, и Реуфъ, сойдя у крыльца съ превосходнаго сѣраго арабскаго коня, прошелъ на верхъ; ему доложили обо мнѣ, и адъютантъ его, Ахмедъ-бей, войдя въ комнату и раскладываясь со мною, сказалъ мнѣ: „Генералъ васъ ожидаетъ!“ Опять русскій языкъ! Вотъ, думаю, посчастливилось мнѣ. Ахмедъ-бей служилъ прежде въ конвоѣ Его Величества, потомъ на Кавказѣ: онъ былъ Русскій Черкесь. Я пошелъ за нимъ по лѣстницѣ.

Реуфъ-лаша принялъ меня въ чемъ-то среднемъ между кабинетомъ и приемною, стоя у стола освѣщеннаго лампой, ибо гардины на окнахъ были уже слущены; на другомъ кругломъ столѣ стоявшемъ предъ угольнымъ диваномъ видѣлись приготовленія къ обѣду; мебель была на половину въ европейскомъ, на половину въ азіатскомъ вкусѣ.

Имѣя уже ранѣе понятіе о его распоряженіяхъ и о мнѣніи составлявшемся о немъ среди христіанъ его вѣдѣта, я съ большимъ вниманіемъ взглянулъ на эту личность.

Реуфъ-лаша, стройный, высокій брюнетъ, лѣтъ за сорокъ, и чрезвычайно красивый; его портреты, помѣщенные во *Всемирной Иллюстраціи* и другихъ русскихъ и иностранныхъ иллюстрированныхъ журналахъ, очень вѣрны и похожи, только они не въ состояніи передать то умное и энергичное выраженіе которое такъ и сквозило на живомъ лицѣ лаши. Кстати упомяну и о его семьѣ. Супруга генерала была въ молодости безспорно красива (молодость женщины на Востокѣ можно класть отъ 13 до 23 лѣтъ). Вполнѣ и строго сѣдуя магометанскимъ законамъ и обычаямъ, въ

своей домашней жизни, она дѣлаетъ отступленія въ пользу европейскаго туалета и обращенія единственно на время визитовъ къ европейскимъ дамамъ; дома же она истая магометанка. Дочь ихъ, въ то время дѣвочка лѣтъ двѣнадцать, цѣла всѣ шансы быть красавицей; да и неудивительно: вѣдъ отецъ кровный Черкесъ. О братѣ его, полковникѣ Хозревъ-бей, лосаѣ придется поговорить, ибо судьбѣ въ близкомъ будущемъ угодно было столкнуть насъ довольно тѣсно.

Реуфъ-паша встрѣтилъ меня очень любезно и протянулъ руку; хотя мнѣ очень сдавалось что онъ понимаетъ и говорить по-русски не хуже адъютанта Ахмедъ-бея, во или я ошибаюсь, или онъ просто не хотѣлъ этого показать, разговоръ завязался на французскомъ языкѣ. Реуфъ отвѣтилъ что если генералу будетъ угодно, то онъ проситъ его пожаловать около восьми часовъ вечера.

По возвращеніи я передалъ генералу отвѣтъ паша; времени оставалось еще часа полтора; мы зашли въ пустынную залу ресторана чтобы заказать обѣдъ. Я взялъ карточку и былъ пораженъ уменьшеніемъ цѣны: супъ стоившій при насъ 1½ франка порція былъ теперь только 2 гроша или піастра, что составляетъ всего копѣекъ 12 звонкихъ; котлетка вмѣсто двухъ франковъ—три гроша и такъ даѣе. Значитъ Русскіе ушли и обдирать уже некого!

Въ восемь часовъ мы уже выходили изъ экипажа у подъѣзда Реуфовой квартиры; на дворѣ былъ выставленъ почетный караулъ изъ сѣрыхъ съ малиновыми свурками драгунъ. Генералъ отправился наверхъ, а я остался внизу. Пошли тары-бары. Оказалось что Ахмедъ-бей зналъ на Кавказѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей по выпуску изъ Юнкерской Школы, въ Нижегородскомъ и Тверскомъ драгунскихъ полкахъ. Я почти не замѣтилъ какъ прошелъ часъ.

— Вы завтра должны ѣхать въ Узунъ-Кѣспри, сказалъ мнѣ генералъ на обратномъ пути.—Реуфъ отрицаетъ что турецкія власти задерживаютъ христіанъ-переселенцевъ, а между тѣмъ мы имѣемъ свѣдѣнія что именно въ Узунъ-Кѣспри недавно задержаны шесть вагонъ овъ; наведите справки какъ знаете, и если это окажется вѣрно, вы отправитесь къ кадыкаму (окружный начальникъ) города и скажите ему мою просьбу и приказаніе Реуфа-паша чтобъ этого впредь не было и чтобъ не смѣли никого задерживать; вернитесь, если возможно, завтра же вечеромъ и сообщите мнѣ результатъ вашего дознанія.

На другой день, въ половинѣ восьмага утра, я вышелъ изъ вагона на Узунъ-Кѳлриискон станціи и занялъ небольшую комнату въ картонной гостиницѣ близъ станціи, затѣмъ обратился за справками къ начальнику станціи, которому всего ближе должно было быть извѣстно о порученномъ моему дознанію дѣлѣ.

Начальникъ станціи, г. Меркель, очень милый и образованный молодой человекъ изъ австрійскихъ Нѣмцевъ, съ которымъ я знакомъ былъ ранѣе, во время стоянки въ Узунъ-Кѳлри нашего полка, и подробно разказалъ мнѣ что дѣйствительно, недавно, шесть вагоновъ наполненныхъ переселенцами изъ Болгаръ и Грековъ и ихъ имуществомъ уже были готовы къ отправленію, какъ вдругъ явилась, по распоряженію каймакама, турецкая полиція, остановила ихъ, выгнала изъ вагоновъ и разослала по деревнямъ.

Такъ какъ экипажей на станціи не было, г. Меркель предложилъ мнѣ верховую лошадь, и вызвался проводить меня, что мнѣ было весьма на руку, потому, вопервыхъ, что онъ зналъ хорошо турецкій и греческій языки, слѣдовательно переговоры мои съ турецкими властями не могли быть искажены, а вовторыхъ, мнѣ казалось удобнѣе имѣть свидѣтелемъ „Европейца“ въ моемъ обращеніи съ этими властями. Въ 10 часовъ мы сѣли на коней и направились въ Узунъ-Кѳлри. Едва мы выѣхали за холмъ, предъ нами открылись долина и ландшафтъ города; „вотъ когда бы стоять здѣсь полку!“ невольно подумалъ я, окидывая взглядомъ освободившуюся отъ воды и покрытую яркимъ зеленымъ ковромъ долину, лестрѣвшую бѣлыми пятнами цвѣтущихъ деревъ и краснофіолетовыми пятнами мака и фіалокъ, и городъ, весело выглядывавшій изъ густой массы свѣжей зелени. Жаворонки звонко дребезжали въ лазурной вышинѣ; громадные стаи дикихъ утокъ и баклановъ носились надъ свѣтлыми водами Эргени и, опускаясь внизъ, какъ темною сѣткой покрывали и ея зеркальную поверхность, и зеленые бархатые берега. Громадное бѣлое пятно испещренное чѣмъ-то краснымъ и чернымъ, видѣвшееся по скату холма впереди, почти вплотъ къ шоссе по которому мы ѣхали, были аисты. Когда мы подѣхали къ нимъ шаговъ на шестьдесятъ, эта красивая, съ гордою осанкой птица стѣсненно посмотрѣла на насъ, не слѣша двинулась въ сторону, и стая штукъ въ двѣсти лѣживо поднялась на воздухъ, бросая на землю фантастическія тѣни своими громадными крыльями.

• Мы проѣхали мостъ, направились къ дому занимаемому управленіемъ каймакама, и что же? Это оказался тотъ самый домъ гдѣ помѣщался нашъ полковой лазаретъ.

Насъ привела не въ управленіе, а въ собственную—какъ это сказать?—гостиную что ли каймакама, и почтительно доложили что сію минуту каймакамъ явится, а пока появился на столъ кофе и шербетъ, непремѣнное угощеніе на Востокъ въ турецкомъ домѣ. Вскорѣ явился каймакамъ плотный, невысокій, лѣтъ тридцати лати, красивый Турокъ, съ окаядистою темно-каштановою бородою и хитрыми, не много залынившими карими глазами, въ жакеткѣ и фескѣ наголовѣ. Послѣ взаимныхъ представленій, Джамиль-эфенди, такъ звали каймакама, предложилъ мнѣ сѣсть. Я объяснилъ ему черезъ Меркеля сущность моего порученія; каймакамъ началъ сперва оправдываться говоря что задержки поѣздовъ никогда не бывало, и что сами поселяне раздумали увѣзжать, а затѣмъ прибавилъ что еслибъ и случилось что-либо подобное, то въ этомъ ничего не было бы страннаго, ибо никакихъ особыхъ по этому предмету распоряженій свыше онъ не получалъ и что несомнѣнно всякое правительство въ правѣ удержать своихъ поданныхъ. Не вступая съ нимъ въ пренія, я всталъ, и сказавъ что передалъ ему только приказаніе его же паши, взялся за шалку. Провожая меня съ почтительными поклонами, Джамиль выразился что ему желательно было бы имѣть приказанія паши на бумагѣ во избѣжаніе недоразумѣній. Онъ былъ вполне правъ.

Завъхавъ проѣзжать моего бывшего хозяина, старика Сулеймана, мы вернулись на станцію. Къ 4 часамъ телеграфный звонокъ извѣстилъ объ отходѣ поѣзда съ ближайшей станціи, и мы отправились на платформу. Не могу не уломянуть что меня поражала въ Турціи полная патріархальность даже и на желѣзныхъ дорогахъ. Вотъ весь составъ персонала станціи: начальникъ станціи, онъ же и телеграфистъ, надсмотрщикъ пути и нѣчто въ родѣ его помощника, который въ то же время и стрѣлочникъ, и два работника, которые и подають звонки, и свидѣтельствуютъ колеса вагоновъ, и таскають дрова, и накачивають воду и наконецъ катають на дрезинѣ начальника пути, услѣвая притомъ исполнять и домашнія работы у начальника станціи; никакихъ шлагбаумовъ на пересѣченіи рельсовымъ путемъ простыхъ и шоссированныхъ дорогъ и въ ложи нѣтъ; и ни одного несчастнаго случая на желѣз-

ныхъ дорогахъ за все время жизни въ Турціи я не заломлю. По всей вѣроятности, не особенно оживленное движеніе по дорогамъ, какъ желѣзнымъ такъ и простымъ, устраняетъ эти случайности. Ардинскую катастрофу 1878 года я въ счетъ не ставлю, ибо это былъ случай выходящій изъ ряда вонъ, и отнюдь не касающійся желѣзнодорожнаго персонала станцій.

Въ шесть часовъ я пріѣхалъ въ Адрианополь и передалъ генералу Шнитникову о результатѣ моей поѣздки; генералъ поѣхалъ къ пашѣ одинъ, и вернувшись передалъ мнѣ пакетъ на имя каймакама, заявивъ что въ ономъ Реуфъ предписываетъ каймакаму не только не противиться моимъ распоряженіямъ, но всячески имъ содѣйствовать.

Вмѣстѣ съ пакетомъ, генералъ передалъ мнѣ двѣ тетради желѣзнодорожныхъ бланковъ для пассажирскихъ и товарныхъ вагоновъ и вмѣстѣ и приблизительно свѣдующія инструкціи: по возможности избѣгать всякихъ столкновеній съ турецкими властями, распространить въ христіанскомъ населеніи свѣдѣнія о моемъ назначеніи, разумѣется не официально, а подъ рукою; всячески способствовать свободному переселенію и направлять поѣзда переселенцевъ по моему усмотрѣнію, для чего и поселиться не въ городѣ, а на станціи, и наконецъ, ограждать этихъ переселенцевъ отъ произвола турецкихъ властей.

Утромъ 12го я отправился въ Узунъ-Кѣлри.

Сидя въ вагонѣ я началъ приводить въ порядокъ мои мысли и сводить итоги моимъ впечатлѣніямъ за послѣдніе два дня. Горячка по поводу лестнаго назначенія поулеглась, и я трезвѣе началъ вглядываться въ то что мнѣ неминуемо предстояло. Теперь только я сообразилъ всю ненормальность моего положенія, чтобы не сказать болѣе. И въ самомъ дѣлѣ: я долженъ поселиться въ турецкомъ городѣ одинъ, и въ присутствіи турецкихъ властей распоряжаться какъ власть самостоятельная, въ дѣлѣ прямо враждебномъ этимъ властямъ. На покорность ихъ въ этомъ случаѣ разчитывать конечно было немислимо. Оставимъ великимъ и знаменитымъ дипломатамъ вѣрить въ добрыя намѣренія Турецкаго правительства и въ искреннее его желаніе приводить ихъ въ исполненіе. Самую же трудною частью моей миссіи оказывалась послѣдняя: ну, какъ это я, совершенно одинъ, буду въ состояніи оградить переселенцевъ отъ произвола турецкихъ властей, и гдѣ же? въ самой Турціи, сидя на станціи и окруженный этими властями!

Въ чадѣ такихъ размышленій, я не замѣтилъ какъ добрался до Узунъ-Кѣсприѣской станціи.

Разложась въ номерѣ рестораника, я переодѣлся и въ сопровожденіи Меркеля, которому шутя объявилъ что рѣшительно прикомандировываю его къ себѣ въ качествѣ безсѣннаго ординарца-переводчика на все мое пребываніе, отправился къ каймакаму съ пакетомъ паша. Что было въ немъ написано—не знаю, но по прочтеніи бумаги каймакамъ сдѣлалъ едва замѣтный знакъ присутствовавшимъ, всѣ поднялись съ нимъ одновременно, заявили съ почтительнымъ поклономъ свой „селямъ“, и каймакамъ объяснилъ что я могу распоряжаться какъ самъ паша, и что онъ, Джамиль-эфенди, и его сослуживцы отдають себя въ полное мое распоряженіе.

Оглушенный каскадомъ набора словъ въ восточномъ вкусѣ, добросовѣстно и до потѣшности буквально переданный мнѣ Меркелемъ, я отвѣчалъ что вполнѣ удовлетворенъ такою постановкой нашихъ отношеній, что ни въ какомъ случаѣ не употреблю во зло обѣщаннаго мнѣ содѣйствія, и что прошу только каймакама немедленно дать знать въ ту деревню жители которой были задержаны что прелатствій къ ихъ выѣзду не имѣется. Каймакамъ тотчасъ приказалъ написать о томъ кмету селенія подписалъ бумагу, приложилъ печать и отдалъ конному жандарму съ приказаніемъ немедленно доставить конвертъ въ означенное селеніе. Выразивъ мое удовольствіе по поводу столь быстрого распоряженія, я простился съ каймакамомъ и присутствующими, и мы сѣли на лошадей. Меркель, видя мою улыбку, замѣтилъ что не рано ли я радуюсь успѣху; но я объяснилъ ему что улыбаюсь только хитрости каймакама, что я замѣтилъ какъ вслѣдъ за жандармомъ какъ бы невзначай, по знаку каймакама, вышелъ чиновникъ, и что подойдя къ окну, якобы бросить палироску, я видѣлъ какъ онъ что-то говорилъ жандарму съ энергичными жестами. Захвативъ по дорогѣ къ нѣкоторымъ изъ знакомыхъ Грековъ и Болгаръ, я между прочимъ упомянулъ о цѣли моего пріѣзда и просилъ ихъ при случаѣ, напримѣръ, въ базарный день, сообщить сельчанамъ что кто желаетъ выселиться, пусть обращаются прямо ко мнѣ на станцію.

Въ 10 часовъ утра 13 марта прибѣгаетъ ко мнѣ Меркель: пріѣхалъ, видите ли, каймакамъ ко мнѣ по дѣлу. Отправляясь на станцію, каймакамъ съ тѣмъ же почтеніемъ заявляетъ

что жители деревни сами не желаютъ никуда ѣхать, что онъ вытребовалъ кмета и старшинъ въ свое управленіе и теперь пріѣхалъ за тѣмъ чтобы, вопервыхъ, засвидѣтельствовать мнѣ свое почтеніе, а вовторыхъ, просить меня лично пожаловать въ управленіе чтобы удостовѣриться въ правдивости его словъ и самому спросить означенныхъ поселявъ. Нечего дѣлать: сѣли мы съ Меркедемъ въ экипажъ каймакама и поѣхали.

Комедія разыгравшаяся въ каймакамскомъ управленіи была мнѣ до того противна что не пробывъ тамъ и четверти часа и довольно сухо раскланявшись съ Джамиль-эфенди, я вышелъ, и мы уѣхали на первой ползавшей каруцѣ. Несчастный старикъ кметъ, видимо залуганный, дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ, на вопросы смотрѣвшаго на него въ упоръ каймакама, что дѣйствительно часть селенія хотѣла уѣхать, но что онъ отъ имени остальныхъ жителей самъ просилъ остановить уѣзжающихъ и что ѣхать теперь никто не желаетъ, ибо всѣ образумились; на два мои вопроса старикъ отвѣчалъ залутанно, вяло, не подымая на меня глазъ, да я и самъ не смотрѣлъ на него, и слушая переводъ Меркеля, внимательно всматривался въ одного изъ вызванныхъ поселявъ ухитрившагося остаться за спинами всѣхъ; онъ дѣлалъ мнѣ такіе выразительные знаки указывая глазами и пальцами на каймакама, кмета и собственную шею что не понять было невозможно: Русскихъ уже нѣтъ, ясно, значить, пляши по турецкой дудкѣ. Въ тотъ же день поздно вечеромъ, я уже собирался спать, стукнули ко мнѣ въ дверь; отворяю—давешній, знаками говорившій поселянинъ и съ нимъ еще трое; четвертый оказался стоявшимъ на караулѣ внизу у входной двери. Мѣшая русскій съ болгарскимъ, они объяснили мнѣ что кмету шибко бы досталось еслибъ онъ смѣлъ говорить иначе, то-есть не такъ какъ было велѣно на словахъ, а не въ бумагѣ присланной съ жандармомъ, и просили меня пріѣхать въ ихъ селеніе, гдѣ мнѣ всѣ жители заявятъ о своемъ желаніи уѣхать. Я сказалъ что постараюсь попасть къ нимъ если это будетъ возможно, и отпустивъ ихъ, вмѣсто спанья успѣлъ писать рапортъ генералу Шнитникову о всемъ мною испытанномъ и перечувствованномъ и просилъ положительныхъ инструкцій для дальнѣйшихъ моихъ дѣйствій, сообразно обрисовавшемуся положенію вещей. Утромъ я сдалъ пакетъ Меркелю съ просьбой переслать его съ кондукторомъ

Константинопольскаго полъзда въ Харманлы, на имя нашего бригаднаго командира, генераль-майора Юргенсона; затѣмъ, напившись чаю, я намѣревался подъ видомъ прогулки пройти въ селеніе куда меня звали; но обстоятельства сложились иначе. Съ полъздомъ изъ Адрианополя пріѣхалъ братъ Реуфъ-паша, полковникъ Хозревъ-бей со взводомъ драгунъ своего полка. Онъ занялъ нумеръ въ томъ же рестораничкѣ; а еще сидѣлъ за чаемъ какъ ко мнѣ постучали въ дверь, и вошелъ Хозревъ-бей. Мы взаимно отрекомендовались другъ другу.

Хозревъ-бей хотя моложе Реуфа, но тотъ пожалуй и красивѣе, и молодежавѣе; у этого болѣе суровости въ чертахъ лица, что его немного старитъ. Онъ мнѣ сказалъ что братъ поручилъ ему отправиться въ Узунъ-Кѣпри чтобы оказывать мнѣ содѣйствіе, а взводъ своихъ драгунъ взять имъ для моего почетнаго конвоя, ибо при моихъ экскурсіяхъ одному небезопасно въ странѣ едва успѣвшей стать на мирное положеніе; я возразилъ что подобное распоряженіе его хотя и лестно для меня, но совершенно излишне, ибо я знаю и убѣжденъ что меня здѣсь никто не тронетъ. „Христiane, да; но отъ турецкаго населенія, вы сами поймете, можно ожидать иныхъ проявленій“, пояснилъ онъ мнѣ. „О, полковникъ! относительно Турокъ поселяяъ я еще покойнѣе, ибо знаю по фактамъ что Русскіе оставили въ нихъ далеко не дурное впечатлѣніе.“

Хозревъ-бей немного поморщился отъ этой любезности, но тѣмъ же не менѣе заявилъ что конвой вообще, помимо оласности, необходимъ и для моего почета. „То-есть чтобы я шагъ не могъ сдѣлать безъ соглядатаевъ“, подумалъ я. Выйдя ту же минуту въ корридоръ чтобы приказать откупорить сардинки и бутылку, я съ изумленіемъ увидалъ около моей двери двухъ драгунъ съ саблями наголо; при моемъ появленіи они отдали мнѣ честь; далѣе у одной изъ дверей стоялъ еще одинъ драгунъ, сдѣлавшій то же самое. Это было уже слишкомъ; меня взорвало. „Suis-je aux arrêts, mon colonel?“, строго спросилъ я Хозревъ-бея, возвращаясь въ комнату. Хозревъ вскочилъ со стула и рассыпался въ успокоеніяъ и увѣреніяъ что все это ради почета. Я тѣмъ же тономъ заявилъ что, вопервыхъ, не имѣю правъ на подобные почеты, а вовторыхъ, еслибы даже имѣлъ таковыя, то прошу меня отъ нихъ уволить, иначе я сочту это желаніемъ заставить меня

уѣхать. Хозревъ отдалъ приказъ моимъ часовымъ удаляться; стоявшій у его двери остался конечно на мѣстѣ. Пробывъ у меня около получаса, Хозревъ ушелъ, прося меня отложить всѣ церемоніи и обращаться съ нимъ по товарищески.

Послѣ обѣда у Меркеля, Хозревъ предложилъ мнѣ прогулку верхомъ; я отказался подѣ предлогомъ охоты; онъ тотчасъ же выразилъ желаніе мнѣ сопутствовать. Я рѣшился помучить его хорошенько, и дѣйствительно, мы вернулись когда уже стало темнѣть. Послѣ ужина мы разошлись.

Я всталъ съ разсвѣтомъ и, взявъ ружье, отправился въ направленіи къ деревнѣ которую хотѣлъ посѣтить. Всѣ спали на станціи, даже сторожъ, и я рассчитывалъ сходить и вернуться незамѣтно, ибо деревня была всего верстахъ въ трехъ; но я не прошелъ и четверти дороги какъ моя нога такъ заявила что волей-неволей пришлось вернуться.

Хозревъ уѣхалъ въ городъ и вернулся къ вечеру въ сопровожденіи двухъ командировъ баталіоновъ стоявшихъ тамъ. Я получилъ приглашеніе на кофе, и оба Турка были мнѣ представлены. Послѣ кофе Хозревъ предложилъ прогулку на дрезинѣ, и Турки, уѣзжая вечеромъ въ городъ, просили меня пожаловать къ нимъ завтра на обѣдъ вмѣстѣ съ Хозревъ-беємъ; какъ я ни отговаривался, волей-неволей пришлось общаться. На слѣдующій день мы поѣхали въ экипажѣ съ Хозревъ-беємъ, и я настоялъ на томъ чтобы Меркель былъ приглашенъ съ нами.

Прожилъ я въ моемъ рестораникѣ до 23 марта. Не могу пожаловаться, Хозревъ-бей былъ со мною вѣжливъ и предупредителенъ, но я чувствовалъ что связанъ невидимыми путами; желающихъ переселиться не являлось, мое присутствіе теряло всякій смыслъ. Не получивъ отвѣта на мой первый рапортъ, я послалъ другой, объясняя генералу всю щекотливость и безполезность моего дальнѣйшаго пребыванія въ Узунъ-Кѣпри, отвѣта опять не было.

22го, вечеромъ, во время прогулки Хозревъ-бей въ самой задумчивой бесѣдѣ высказался наконецъ такъ: „Но это ужасно! Война давно кончена, а мы не имѣемъ какъ будто права распоряжаться у себя дома. Вотъ я отъ души бы желалъ чтобы ваше присутствіе, какъ добраго товарища, продолжалось здѣсь подольше, но согласитесь что назначеніе въ которомъ вы здѣсь находитесь неволяно поселяетъ между нами разьединеніе!“ Этого было довольно.

Утромъ, 23го, я сказалъ Меркею что уѣду вечеромъ на одинъ день въ Харманлы, просилъ его присмотрѣть за моими вещами въ номерѣ и сохранить пакеты, если такіе будутъ на мое имя, и съ повѣдомъ уѣхалъ въ Адрианополь. Мое положеніе дѣйствительно стало невыносимымъ. 24го я прѣхалъ въ Харманлы, явился къ генералу Юргенсону и сообщилъ ему все подробно. Онъ мнѣ сказалъ что генералъ Шнитниковъ уѣхалъ въ Одессу и донесъ обо всемъ Скобелеву, который и сдѣлалъ распоряженіе выѣхать мнѣ изъ Узунъ-Кѣпри. Приходилось опять ѣхать туда за вещами. Но командиръ лодка поручилъ мнѣ сдѣлать неотложную съемку части Харманлійскаго округа, и повѣдку въ Узунъ-Кѣпри пришлось отложить.

Съемка мѣстностей занятыхъ 4мъ корпусомъ было также одно изъ серьезныхъ и предусмотрительныхъ распоряженій покойнаго генерала. Надо сказать что карты Турціи выданныя въ лодки предъ войной оказались далеко не точными; теперь представлялась возможность занести на карту каждый камешекъ, каждую рывину. И надо правду сказать, офицеры горячо отнеслись къ мысли своего общаго начальника; съемки были произведены съ замѣчательною чистотой, точностью и даже порядностью; особенно потрудились офицеры Углицкаго полка; имъ выпала самая трудная мѣстность: горы Родопскія. Мнѣ назначенъ былъ участокъ отъ Харманлы до Курашли, и я началъ мою работу со вторника Вербной недѣли. Какъ разъ въ пятницу вечеромъ я закончилъ черновую работу въ Курашли, гдѣ и остался ночевать.

Утромъ я отправился къ обѣднѣ въ мѣстную церковь; все населеніе приобщалось въ этотъ день; обѣдню служилъ полковой священникъ Углицкаго полка отецъ Петръ. Я изумлялся его неутомимости. Онъ приобщилъ Святыхъ Таинъ по крайней мѣрѣ тысячи полторы поселянъ и поселянокъ. Въ числѣ прочихъ подошелъ къ чашѣ старикъ высокаго роста, еще статный, но уже ста пяти лѣтъ, и прежде чѣмъ приступить ко Св. Причастію, вынулъ изъ-за пазухи большой пергаменный листъ и подалъ его священнику; оказалось что это формальное разрѣшеніе Іерусалимскаго патріарха подателю приступить ко Св. Причащенію безъ исповѣди, такъ какъ ему уже прощены всѣ грѣхи прошлые и будущіе. Отецъ Петръ въ первый разъ узналъ о существованіи на

Востокъ подобныхъ индальгенцій въ православной церкви, но Болгарскіе священники объяснили ему что конечно этотъ листъ данъ ему вслѣдствіе его глубокой старости, что онъ имъ уже извѣстенъ и что они приобщали его безпрелютственно. Кстати сообщу что всѣ Греки или Болгары побывавшіе на поклоненіи Гробу Господню, подобно мусульманамъ ходившимъ въ Мекку, называются *хаджи*, и это прилагательное нераздѣльно съ ихъ прозваніемъ: Хаджи-Бояджіевъ, Хаджи-Базевъ и пр.

Окончивъ передѣлку снятаго плана на бѣло, я во вторникъ Страстной недѣли возвратился въ Харманлы.

Приближалось Свѣтлое Христово Воскресенье, праздникъ столь радостный и веселый на матушкѣ Руси; каковъ-то онъ будетъ здѣсь? думалось многимъ. Болгары не имѣютъ понятія о пасхѣ изъ творогу. Мнѣ случилось видать какъ ее дѣлаютъ въ Россіи; немедленно заказалъ я форму, затѣмъ призвалъ на совѣтъ мою хозяйку, и поручилъ ей заластись творогомъ, сметаной, яйцами и сливочнымъ масломъ. Фисташекъ, американскихъ орѣховъ, миндаля, ванили, равно какъ превосходный окорокъ, привезли мнѣ изъ Адрианополя. Мы съ хозяйкой занялись крашеніемъ яицъ и дѣланіемъ пасхи, между тѣмъ какъ Макаръ приводилъ въ чистоту всю мою комнату.

Суббота приходила къ концу, а въ городкѣ и тѣни нѣтъ оживленія; только, солдатики наши усиленно и послѣдно шмыгали взадъ и впередъ съ узелками и корзинками. Вотъ приблизился и часъ полночи, глухо раздался въ ночной тишинѣ ударъ церковнаго била. Я отправилась въ церковь. Разряженные сеструшки всѣхъ возрастовъ, разукрашенные цвѣтами, толпились на ярко освѣщенномъ церковномъ дворѣ, скромная церковь пылала внутри отъ множества свѣчъ, службу совершалъ нашъ полковой священникъ отецъ Алексѣй и Екатеринославскаго драгунскаго отецъ Моисей въ сослуженіи старшаго настоятеля церкви, протоіерея отца Константина, и его помощника, отца Павла; лѣвѣе были полковые съ участіемъ многихъ офицеровъ. Радостно зазвучало подъ ласкимъ потолкомъ храма: „Христось Воскресе!“ Но торжественное лѣвіе не сопровождалось веселымъ трезвономъ русскихъ колоколенъ. чувствовалось что чего-то не достаетъ и праздникъ точно не былъ настоящій. За то самая торжественность богослуженія по-русски (въ чинѣ болгарскаго

богослуженія вошло много греческихъ обрядностей, дѣлающаго его во многомъ отличнымъ отъ нашего) привела въ восхищеніе Болгаръ, тѣмъ болѣе что и относительно облаченія, бѣдныя, короткія ризы болгарскія были замѣнены русскими ризами съ золотыми крестами по зеленому шелковому подю, подаренными Харманлійской церкви Суздальскимъ и Екатеринославскимъ драгунскими полками. Одинъ вскадронъ этого полка стоялъ вмѣстѣ съ нами въ Харманлы.

Разговаривались у командира полка, а за тѣмъ начались усердные визиты, тѣмъ болѣе усердные что они наполнили собою время которое не знали какъ убитъ.

VIII.

Полковыя занятія.—Тревога въ Главани.—Формированіе сельскихъ друществъ.—Мое назначеніе въ Хосарлы.—Занятія съ братушками. Скобелевъ и дружба.—Парадъ 17 апрѣля.—Епископъ Гервасій.—Несторъ Марковъ и Мулковскій.—Встрѣча генерала Обручева въ Тыргови-Сеженѣ:

Обращусь теперь ко второй цѣли Скобелева, безопасности освобожденнаго народа, цѣли которую покойный преслѣдовалъ съ особенною любовью и настойчивостью.

Какъ извѣстно, отчасти изъ газетъ того времени, хотя война вообще прекратилась съ заключеніемъ Санъ-Стефанскаго мира, но въ частности столкновенія Турокъ съ русскими войсками не прекращались: остатки войскъ Сулейманъ-паша, застрявшіе въ горахъ Родопскихъ, частенько тревожили нашихъ, дѣлая совмѣстно съ баши-бузуками набѣги изъ-за Арды, и это еще во время стоянки нашихъ войскъ подъ Константинополемъ и по берегу Мраморнаго Моря; съ очищеніемъ же Турецкой Румелии, не только родопскіе рыцари подаяли голову, но и на другихъ пунктахъ границы между Турціей и новою областью баши-бузуки начинали лопалывать. Такъ, напримѣръ, въ апрѣлѣ 1879 года, на селеніе Главанъ напали ночью эти разбойники; хотя ихъ оказалось всего пять человекъ и въ село они конечно не посмѣли войти, а только хотѣли ложиться стадомъ ласшамся близъ селенія, но напуганные ластухи произвели такой переполохъ что поджали на ноги расположенную въ Главани вторую роту

нашего полка и взводъ Екатеринославскихъ драгунъ. Это все бы ничего, но переломленные жители, уже обзаведшіеся оружіемъ, подняли въ темнотѣ изъ-за своихъ заборовъ такую безпорядочную палубу что могли надѣлать серьезныхъ бѣдъ. Этотъ случай далъ Скобелеву превосходный предлогъ для исполненія его заветной мечты, зародившейся еще до перехода Балканъ, организовать солидную мѣстную силу, вооруживъ и ознакомивъ съ военною дисциплиною весь Болгарскій народъ.

Генералъ Скобелевъ волею судьбы поставленъ былъ теперь въ положеніе почти тождественное съ положеніемъ генерала Черняева въ Сербіи: разница была лишь въ томъ что у послѣдняго была народная армія, но не было нужнаго ему русскаго корпуса; у перваго же, наоборотъ, былъ русскій корпусъ, а не было народной арміи. Скобелевъ, какъ и многія лыкія и честныя головы не хотять вѣрить въ униженіе своего отечества, не могъ допустить прочности ненормальнаго порядка вещей за Балканами; толки о занятіи Балканскихъ проходовъ турецкими гарнизонами все настойчивѣе повторялись въ дипломатическихъ сферахъ, а сдѣлавъ Турки только шагъ, не миновать бы въ Забалкань новой рѣзни. И тутъ опять выступаетъ тождественность положенія обоихъ полководцевъ; только вмѣсто храбрыхъ, но нестройныхъ и плохо вооруженныхъ отрядковъ добровольцевъ явились бы такіе же нестройные и еще хуже вооруженные отряды Болгарь-братушекъ.

Скобелевъ помнилъ своего учителя; при этомъ, какъ истинный геній, онъ сознавалъ въ себѣ способность и мощь вдохновить цѣлый народъ, и онъ вдохновилъ его. Мысли и распоряженія высшихъ властей конечно были недоступны намъ, оберъ-офицерамъ: поэтому я не берусь догадываться какъ это случилось, но въ одинъ прекрасный день все населеніе Области вдругъ обзавелось нашими Крынковскими ружьями съ соотвѣтствующимъ количествомъ патроновъ. Говорили что населеніе области купило ихъ у нашего правительства; можетъ-быть. „Европейцы“ думали было подтрунить надъ Болгарами по поводу этого приобрѣтенія, ибо, какъ извѣстно, Крынковскія ружья не заслужили хорошей репутаціи за время войны, но братушки скромно отвѣчали что вѣдь Русскіе дошли же до самаго Константинополя съ этими „крынками“.

Всѣмъ затѣмъ вышло распоряженіе по оккупационнымъ войскамъ „учредить по всей пограничной линіи Восточной Румелии такъ-называемые *сельскіе караулы*, для того чтобы по уходѣ русскихъ войскъ съ передовой линіи, обезпечить ее отъ насильственныхъ вторженій баши-бузуковъ и даже регулярныхъ турецкихъ войскъ. При этомъ предписывалось соединить жителей извѣстнаго числа селеній въ отдѣльныя сотни для услѣпности обученія; главное вниманіе при этомъ должно было обращать на правила строя и прицѣльную стрѣльбу, а также и на отправленіе сторожевой службы въ сельскихъ караулахъ. Въ районѣ расположенія нашего полка образовались пять участковъ для удобства организациі этихъ сотенъ: Харманлійскій, Хасарлійскій, Ифлаанлійскій, Алвандерскій и Главаньскій. Каждый участокъ составлялъ дружину четырехсотеннаго состава, а сотня въ дѣйствительности была ротой въ 250 человекъ. Начальниками сотенъ назначались русскіе офицеры, которые въ послѣдствіи должны были передать командованіе тѣмъ изъ жителей кои будутъ къ тому признаны способными; въ распоряженіе обучающаго офицера предоставлялось отъ полка извѣстное число унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ для услѣпнаго хода дѣла. Къ приказу были приложены самыя подробныя инструкціи.

Въ моихъ *Запискахъ о Восточной Румелии*, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1883 году, разказано о дружествахъ этихъ довольно подробно, почему распространяться о нихъ здѣсь считаю излишнимъ. Какое впечатлѣніе произвело это распоряженіе на жителей Области, видно уже изъ того что поселяне, вопервыхъ, содержали данное имъ оружіе въ такомъ порядкѣ какъ дай Богъ и русскимъ солдатамъ; вовторыхъ, почти не было примѣровъ чтобы селянинъ манкировалъ выходомъ на ученье. Въ городахъ, правда, бывали такіе случаи потому что кулцу не хотѣлось отрываться отъ торговли; но ставшіе во главѣ округовъ окружныя начальники (гражданскіе изъ Болгаръ) постановили такія чувствительныя наказанія несправно являвшимся на ученья что и эти стали аккуратны.

Мнѣ выпало на долю обученіе Хосарлійскаго участка. Болгары-поселяне чрезвычайно ревностно занялись военнымъ дѣломъ, несмотря на то что у нихъ ежедневно

отнимали отъ сельскихъ занятій на полтора часа утромъ и вечеромъ; въ деревнѣ Селя-Кіой мнѣ даже пришлось вступиться за одного Болгарина, уличеннаго своими односельчанами въ умысленной порчѣ ружейнаго замка чтобъ улизнуть отъ ученья: ему готовились отлустить приличную порцію „макарони“ (такъ изображалось Болгарами, и не безъ нѣкоторой доли остроумія, руссiйское слово „выдрать“), и лишь мое заступничество избавило несчастнаго братушку отъ этого вовсе не лакомаго блюда. Сотенныя ученья происходили по деревнямъ, а разъ въ недѣлю вся дружина сводилась въ Хасарлы для общаго ученья. Повятаивше Болгаръ я не встречалъ: въ какія-нибудь неполныя четыре недѣли они узнали фронтovou службу не хуже русскаго солдата; стрельба давала при залахъ, исполнявшихся притомъ чрезвычайно дружно, отъ 75 до 80 пудъ изо ста на триста шаговъ; особенно полюбились братушкамъ окопныя ученья, и тутъ выказалась сметка Болгарина: стали просить обучавшихъ офицеровъ производить ученья окапыванья на мѣстахъ якобы свободныхъ отъ полеваго хозяйства, и вышло такъ что самые нужные пункты для укрѣпленія селеній были окопаны и селенія становились готовыми къ оборонѣ. Черезъ мѣсяць обученья, дружества имѣли уже людей способныхъ замѣнить унтеръ-офицеровъ вполнѣ. Самъ Скобелевъ съ любовью и увлеченіемъ занимался обученіемъ поселявъ въ Сливенской губерніи * и сводилъ ихъ не только по дружинамъ, но и въ большіе отряды и производилъ маневры въ обширныхъ размѣрахъ; сборы сливенскіе доходили иногда до восемнадцати тысячъ человекъ. Братушки были въ восторгѣ. Слова Скобелева обращенныя къ поселянамъ во время одного изъ самыхъ большихъ сборовъ: „если нужно, отдайте женъ, дѣтей, имѣнье, но берегите ваши лушки (ружья)“, сдѣлались девизомъ населенія. Глава сливенскихъ патриотовъ, хаджи-Димитаръ Баяджіевъ, упросилъ Скобелева набросать планъ укрѣпленія города Сливно на случай турецкаго нашествія, и сливенскій кумиръ съ радостью ухватился за эту просьбу, собственноручно начерталъ планъ и даже кажется услѣлъ сдѣлать съ братушками репетицію отраженія предполагаемаго

* По хѣрѣ занятія Турціи, страна разбивалась на губерніи по русскому образцу; теперь понадѣлади департаментовъ: это слово пріятнѣе должно-быть было въ Бершиѣ.

непріятеля. Видавшіе Скобелевскіе маневры съ болгарскимъ населеніемъ говорили что лучшаго желать невозможно и что эта импровизованная армія пожалуй и безъ Русскихъ сумѣетъ остановить и прогнать Турокъ, въ особенности если во главѣ ея станетъ самъ ея создатель. Когда стройные ряды дружествъ проходили пестрыми колоннами подъ звуку своего народнаго гимна: *Шуми Марица окрасена*, съ припѣвомъ передѣланнымъ въ Сливно такъ: *Маршъ, маршъ, Скобелевъ нашъ!* на каждомъ отдѣльно взятомъ лицѣ можно было ясно прочесть что вторая строчка припѣва: „маршъ, маршъ, маршъ! Царьградъ будетъ нашъ!“ пожалуй можетъ оказаться и не миеомъ.

Наступилъ день 17 апрѣля, день теперь уже одинаково дорогои какъ освободителямъ такъ и освобожденнымъ. Утро было ясное, теплое, чудное; солнце свѣтило по-праздничному; всѣ харманлійскіе хаты и домики пестрѣли сплошными вереницами тихо и торжественно развѣвавшихся флаговъ. Литургію совершалъ въ городской церкви преосвященный Гервасій епископъ Левкійскій, въ сослуженіи съ нашимъ полковымъ и мѣстнымъ болгарскимъ духовенствомъ. На нижней базарной площадкѣ города были выстроены квадратомъ 1й баталіонъ нашего полка и ряды только-что зародившагоса Харманлійскаго дружества; стройно равняясь стояли посѣдніе, но пестрота и неуклюжесть національнаго костюма невольно вызывали улыбку. Вотъ богатый купецъ въ курткѣ и широчайшихъ шароварахъ изъ темносіянаго тонкаго сукна, молодцоватый и стройный, съ русскою лихостью заломившій свою барашковую съ краснымъ верхомъ шалку; рядомъ съ нимъ въ сѣрой жакеткѣ и черныхъ узкихъ брюкахъ, низенькій, коренастый Болгаринъ, должно-быть изъ мѣстныхъ чиновниковъ городского управленія, ибо уже щеголяетъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ à la Руссъ *, а далѣе бѣдный поселянинъ, то-есть попроще, ибо нищихъ, въ русскомъ значеніи этого слова, между Болгарами нѣтъ, — въ уродливой курткѣ и безобразныхъ гаштахъ (шаровары) изъ грубаго коричневаго сукна, въ лортыякахъ и опанкахъ (вѣчто въ родѣ кожаныхъ далтей), подтянутыхъ до самаго колѣна перекрещенными веревками; подлѣ него какая-то длинная фигура въ

* Любопытно что въ простомъ Болгарскомъ народѣ употребляютъ такіа выраженія: à la Франка, à la Турка и т. п.

болгарскомъ коллѣкѣ (шалкѣ) и длиннѣйшемъ сюртукѣ съ туфлями на ногахъ и такъ далѣе; ранжиру никакого: рядомъ съ двѣнадцативершковымъ молодцомъ фигурируетъ низенькій каралузъ. Но среди русскихъ солдатъ замѣтны только добродушныя улыбки и ни одной злой насмѣшки не слышать; оно и понятно: чуткое солдатское сердце сознаетъ что это дружество рискнуло явиться на парадъ единственно для того чтобы показать русскимъ властямъ что оно цѣнитъ даръ Русскаго Царя и что отъ этого дружества не обучавагося еще и трехъ дней требовать ничего невозможно.

Въ срединѣ квадрата былъ приготовленъ анзалой, а далѣе длинный столъ на которомъ красовались сосуды съ водкой и краснымъ виномъ и груды хлѣба и жаренаго мяса.

Но вотъ раздались команды: „Смирно! На плечо! На караулъ!“ То прибылъ командующій 16ю дивизіей генералъ-майоръ Рихтеръ. Весело и звонко отвѣчали баталіонъ и дружество на его привѣтъ; генералъ остановился у дружества, во главѣ котораго стоялъ Несторъ Марковъ харманліійскій окружной (околийный) начальникъ, въ послѣдствіи старо-загрскій (Эски-Загра) префектъ, а за нимъ предсѣдатель окружнаго суда Милковскій съ ружьемъ въ рукѣ. Обѣ эти личности замѣчательны, какъ истинные патріоты, и я считаю своею обязанностью посвятить имъ нѣсколько строчекъ.

Какъ лучше обрисовать наружность Нестора Маркова? А вотъ какъ: это человѣкъ-буря: и коротко и ясно. Вообразите себѣ брюнета лѣтъ 30—40, вершковъ тринадцати росту; съ густыми черными бровями, съ черными огненными глазами, аршина полтора въ плечахъ, съ рѣзко энергичными чертами лица. Баталіонъ такихъ бурь не задумался разнести цѣлую дивизію любого войска, но этого мало; душа его, воля его — такая же буря, энергія способна преклонить все и растолтать въ прахъ. Милковскій по своей фигурѣ представляетъ совершенную противоположность: невысокаго роста, довольно полный, блондинъ съ русою бородой, добрыми сѣрыми глазами, человѣкъ лѣтъ за тридцать. Но оба одинаково умны, оба равно воодушевлены любовью къ своему народу, оба готовы были становиться въ ряды дружества простыми рядовыми лишь бы примѣромъ своимъ возбудить и поощрить своихъ собратій; оба сознавали что чѣмъ

скорѣе и ревностнѣе населеніе области займется военнымъ обученіемъ, тѣмъ скорѣе народъ Болгарскій пріобрѣтетъ то значеніе и силу предъ которыми придется призадуматься и не одной Турціи.

Вслѣдъ за прибытіемъ генерала Рихтера, по спуску улицы, подымающейся отъ площади въ гору, показала крестный ходъ съ фонарями на шестахъ, замѣняющими въ Турціи хоругви, и иконами, и духовенство съ преосвященнымъ Гервасіемъ во главѣ. Войска взяли вновь на караулъ; крестный ходъ окружилъ аяалой. „На молитву! Шалки до-аол!“ раздалась команда.

По окончаніи молебна съ колѣнопреклоненіемъ и многолѣтіемъ Государю Императору, Царю-Освободителю, преосвященный Гервасій просилъ солдатъ и дружество придвинуться ближе и сказалъ прочувствованное слово тѣмъ и другимъ; первымъ онъ говорилъ о глубокой, вѣчной признательности освобожденнаго ихъ кровью народа Болгарскаго къ великому Царю Русскому и Славянскому, его побѣдоносному воинству и всей далекой, но родной Россіи, принесшей столько великихъ жертвъ для братскаго народа, угнетеннаго и придавленнаго многолѣтнимъ и тяжкимъ рабствомъ; дружество онъ убѣждалъ со рвеніемъ и любовью заняться предлагаемымъ имъ обученіемъ и тѣмъ дать хотя слабое доказательство того что народъ сознаетъ доброе пожеланіе о своей будущности русскихъ властей вообще и Скобедева въ особенности; онъ объяснялъ что не могутъ же Русскіе, два года уже оторванные отъ своего отечества и отъ семей своихъ, оставаться въ Болгаріи вѣчно; что Болгары теперь свободны и уже должны сами заботиться о себѣ и воскресить въ себѣ древній духъ, оушевлявшій ихъ предковъ, предъ которыми дрожала даже могущественная и славная Византійская имперія. Рѣчь свою достойный архипастырь закончилъ такъ: „Мы не знаемъ от куда произошло названіе этого города, Харманлы; самое слово это ничего не означаетъ и оно не болгарское; а потому, граждане, я предлагаю вамъ въ память и увѣковѣченіе великаго торжества бросить это названіе и съ вынѣшняго дня именовать вашъ городъ—Александровъ градъ.“ Радостное согласіе и громовое ура всѣхъ присутствовавшихъ было отвѣтомъ преосвященному.

Генераль Рихтеръ вмѣстѣ съ епископомъ подошелъ къ столу и, зачерпнувъ чарку вина, поздравилъ солдатъ и жителей со днемъ рожденія Государа Императора: опять ура могучимъ взрывомъ поднялось въ воздухѣ; второй тостъ предложенный преосвященнымъ за весь Императорскій Домъ и любвдоносное воинство Русское былъ принятъ съ такимъ же энтузіазмомъ. Затѣмъ солдаты баталіона и дружество рука объ руку двинулись къ столу, весело чокаясь и изобрѣтая самыя разнообразныя тосты, ясно свидѣтельствовавшіе что кровь сѣверныхъ и южныхъ братьевъ спозналась и заговорила.

Вскорѣ столъ опустѣлъ; всѣ стали расходиться, но въ городѣ повсюду были слышны веселыя хоровыя пѣсни и начали составляться „хоро“, хороводы болгарскіе, въ которыхъ принимали живое участіе и солдатики, выдѣлывая такія колабца что братушекъ такъ и подмывало научиться лихому трелаку, и многіе добились-таки этого. Мамички и молодыя *булки* разряженныя въ лухъ, засыпанныя цѣлыми ворохами цвѣтовъ отъ годовы до пятокъ, съ нѣсколькими рядами золотыхъ монетъ вокругъ открытыхъ шей, съ увлеченіемъ оттопыривали тактъ прилѣва, звеня своими украшеніями; выискался одинъ *мамре* (парень), который перенялъ у солдатиковъ русскія прибаутки, передѣлавъ ихъ на болгарскій ладъ и пустилъ въ ходъ; мушныны участвовавшіе въ „хоро“ и даже серіозные старики сидѣвшіе въ сторонкѣ у кафанъ не могли держаться отъ смѣха, а мамички иной разъ съ хохотомъ и визгомъ прикрывались своими рукавами, но ухитрились продѣлывать это такъ ловко что хотя одинъ глазокъ все же имѣлъ возможность кидать лукавый и веселый взглядъ туда гдѣ это требовалось.

Не успѣвъ я отобѣдать какъ за мною явилася посланный отъ отца Константина, съ которымъ я очень сошелся еще ранѣе. Я отправился къ нему и засталъ тамъ преосвященнаго Гервасія.

Преосвященный Гервасій, епископъ Левкітскій и Хассковскій, высокій, красивый и статный Болгаринъ, лѣтъ подъ сорокъ, получилъ прекрасное образованіе; юность свою провелъ онъ въ тяжелыхъ испытаніяхъ аеонскаго монашества, и достигнувъ наконецъ, лѣтъ за шесть до войны, епископскаго сана, сразу сталъ въ ряды главныхъ дѣятелей въ освобожденіи

Болгарскаго народа и однимъ изъ ревностныхъ поборниковъ самостоятельности Болгарской церкви, недавно только вырвавшейся изъ-подъ гнета греческой іерархіи и до сихъ поръ тѣснимой ею. Ласка и добродушіе, умъ и энергія такъ и свѣтятся въ его выразительныхъ хотя и близорукихъ глазахъ, такъ и пробиваются въ каждой чертѣ его симпатичнаго лица.

Преосвященный, благословивъ меня, сказалъ мнѣ привѣтливо что узнавъ о моей повѣздкѣ въ Сербію во время миновавшей Сербско-Турецкой войны и слыша добрые отзывы о моихъ занятіяхъ въ Хосары, онъ пожелалъ узнать меня покороче и поговорить со мной. Я ушелъ отъ него почти убѣжденный посвятить мою дѣятельность воскресшему народу. Въ послѣдствіи отношенія наши закрѣпились въ истинную дружбу.

Наступилъ май, а съ нимъ примчалась въ Южную Болгарію чудовищная вѣсть о томъ что она отрѣзана отъ Сѣверной Болгаріи, сдѣланной княжествомъ, и остается подъ властью султана подъ названіемъ Восточной Румелии, въ формѣ автономной области; почему именно ее назвали „Восточная“—неизвѣстно. Тяжка была эта вѣсть для населенія области, но что же дѣлать! Такъ заблагоразсудилъ всемогущій Берлинскій конгрессъ! Противъ него въ этомъ случаѣ ничего нельзя было сдѣлать.

Но въ чемъ этотъ пресловутый конгрессъ, или, лучше сказать, Беконсфильдъ, съѣлъ грибъ, это въ разрѣшеніи занять Туркамъ балканскіе проходы.

Оставимъ дипломатамъ доказывать якобы напряженныя усилія дипломатіи не допустить Турцію воспользоваться этимъ правомъ; пусть толкуютъ это тѣмъ кто не знаетъ Турокъ и кто не былъ въ Турціи въ послѣднее время оккупации и первое время послѣ нея. Мы же, оставшіеся тамъ, считаемъ это право столь драгоценнымъ и важнымъ для Турціи что никакія дипломатическія ухищренія, по нашему мнѣнію, не могли бы воспрепятствовать Туркамъ двинуть войска къ Бакавамъ; но дѣло въ томъ что Турція послѣ войны не была въ состояніи двинуть къ Бакавамъ ни одного табора. Ободранные и заштопанные остатки арміи, вопервыхъ, вовсе упали духомъ, вовторыхъ, просто отощали отъ голода: солдатскій обѣдъ и ужинъ состояли изъ куска

кукурузнаго хлѣба и двухъ печеныхъ луковицъ; офицерамъ жалованье не выдавалось, а поставщики правительства отпускали по бланкамъ провизію офицерамъ буквально только съ боя. Можетъ быть правительство султана и понатужилось бы какъ-нибудь для сформированія балканскихъ гарнизоновъ, но... Вотъ это-то „но“ и помѣшало осуществленію этой мечты, а никакъ не дипломатія, и это „но“ заключалось въ томъ что населеніе области оказалось вооруженнымъ и обученнымъ, то-есть между Турціей и Балканами нежданно-негаданно выросли двѣсти тысячъ штыковъ. Было Турціи надъ чѣмъ призадуматься; на стараго друга ей надежда была плоха, тѣмъ болѣе что этотъ другъ стаскивалъ у нея же въ это время Кипръ; да и силы могли служить пугаломъ развѣ лишь дипломатамъ, а никакъ не народу бодро воспрянувшему изъ-подъ вѣковаго ига и сразу заразившагося отъ своихъ освободителей отвагой и храбростью.

Рѣшеніе Берлинскаго конгресса возродило въ южно-болгарскихъ городахъ повсемѣстно такъ-называемыя тайныя комитеты, которые горячо принялись за поощреніе дружествъ, какъ силы долженствовавшей стать оплотомъ противъ насильственнаго вторженія турецкихъ войскъ внутрь Области. И надо отдать справедливость усиліямъ и стараніямъ вожаковъ народа: они увѣнчались полнымъ успѣхомъ, что доказано было самымъ блестящимъ образомъ въ Тырново-Семенѣ при встрѣчѣ генерала Обручева.

Дѣло въ томъ что при первомъ извѣстіи о своей участи южно-болгарское населеніе заволновалось серьезно, ибо хотя и стало извѣстнымъ что сочиненная Берлинскимъ конгрессомъ „Восточная Румелия“ будетъ областю автономною, но во первыхъ, большинство не понимало значенія этого слова, а во вторыхъ, тѣ кому оно было знакомо знали по горькимъ опытамъ что на уваженіе Турками этой автономіи положиться трудно. Къ тому же, такое безобразное развѣненіе народа казалось просто чудовищнымъ.

Въ Бозѣ лочившій Царь-Освободитель, въ неусыпномъ отеческомъ попеченіи своемъ объ освобожденномъ народѣ Болгарскомъ, въ тяжкую минуту своего собственнаго испытанія не забылъ о немъ, и посланецъ Его Величества, генералъ Обручевъ, прибылъ за Балканы съ Высочайшимъ словомъ утѣшенія и ободренія „отрѣзаннымъ“.

Въ началѣ мая 1879 года всѣ жители Харманлітскаго округа должны были собраться на Тырново-Семенлітской станціи желѣзной дороги (12 верстъ отъ Харманлы) для встрѣчи генерала Обручева. Поселяне рѣшили отправиться туда въ дружинныхъ составахъ съ оружіемъ и полнымъ снаряженіемъ, то-есть въ полной походно-сельской формѣ. Но въ виду опасенія турецкаго вторженія всѣ селенія расположенныя на границѣ не могли явиться, и такимъ образомъ только около пяти тысячъ вооруженнаго дручества явилось въ назначенный пунктъ, не считая конечно безоружныхъ. Двое сутокъ пришлось ожидать поселянамъ; наконецъ генералъ прибылъ съ филиппопольскимъ полкомъ въ двѣнадцать часовъ дня, если не ошибаюсь, 12 мая.

Чрезвычайно пеструю и оживленную картину представляла въ этотъ день желѣзнодорожная станція, вся изукрашенная флагами, цвѣтами и зеленью; вдоль рельсовъ, вѣтви отъ вокзала, выстроились въ три линіи дручества; первая линія состояла изъ Харманлітцевъ и Хосарлітцевъ, явившихся въ бѣлыхъ кителяхъ-рубашкахъ и шароварахъ, съ патронташами черезъ оба плеча, и почетнаго караула отъ Курашлітцевъ, подъ командой поручика Углицкаго полка Булгаревича, въ обыкновенныхъ сельскихъ костюмахъ; олоясаныхъ красивыми пестрыми кушаками; вторая и третья линіи также въ сельскомъ платьѣ, на всѣхъ были маленькія черныя мѣховыя шалочки.

Уже мѣсяцъ прошелъ съ начала обученія друществъ, и они поражали своею выправкой, ранжировкой, равенствомъ и молодцоватостью.

Всѣ мало-мальски возвышенные пункты и хомики заняты были разряженными поселянками. Генералъ Рихтеръ, во главѣ командировъ полковъ и офицеровъ своей дивизіи, и епископъ Гервасій, ожидали генерала Обручева, обходя ряды друществъ и любуясь ими. Русскихъ унтеръ-офицеровъ уже не было въ этихъ рядахъ, ибо изъ братушекъ услѣли образоваться прекрасно исполнявшіе ихъ должность, но офицеры, обучавшіе сотни, стояли въ ихъ главѣ.

Когда полкъ подходилъ къ станціи, дручества взяли на караулъ, и оглушительнымъ ура встрѣтили генерала Обручева, показавшагося у вагоннаго окна. Братушки рады были показать посланцу своего Освободителя что не пролали даромъ его заботы о нихъ.

Проходя рядами и останавливаясь по временамъ, генералъ Обручевъ объяснялъ поселянамъ ихъ новое значеніе свободныхъ гражданъ автономной области, утѣшалъ, давалъ совѣты, и рѣчь свою окончилъ слѣдующимъ воззваніемъ: „Если на васъ нападутъ, отразите нападеніе, такимъ молодцамъ не трудно справиться не только съ баша-бузуками, но и съ настоящими турецкими войсками; но свято наблюдайте границу чтобы васъ не могли въ свою очередь обвинить въ ея нарушеніи.“

Генералъ, послѣ даннаго ему обѣда, уѣхалъ весьма довольный видомъ дружествъ, а генералъ Рихтеръ воспользовался этимъ сборомъ чтобы устроить маневръ à la Скобелевъ.

Едва распущенные на отдыхъ дружества локончили съ обѣдомъ, какъ ударили тревогу. Моментально всѣ стали въ ружье и чрезъ десять минутъ всѣ дружества собрались у станціи; генералъ, епископъ Гервасій, Несторъ Марковъ и свита съѣли на коней. Генералъ сдѣлалъ диспозицію атаковать гору между станціей и селеніемъ Тырново, а самъ съ вершины горы наблюдалъ за ходомъ маневра.

Всѣ построенія и движенія исполнялись превосходно; на пути Харманійскаго и Хосардійскаго дружествъ попался не глубокой, но чрезвычайно обрывистый оврагъ, который братушки перешли положительно съ ловкостью русскихъ солдатъ. Маневръ окончился блестящею общою атакою съ огушительнымъ ура.

Пролутивъ мимо себя дружества церемоніальнымъ маршемъ, генералъ благодарилъ всѣхъ въ самыхъ душевныхъ выраженіяхъ. Преосвященный Гервасій въ свою очередь сказалъ дружествамъ рѣчь, въ которой указалъ что они не должны увлекаться благодарностію генерала, а стараться заслужить ее еще болѣе, и что усиленіе рвенія ихъ къ военнымъ занятіямъ будетъ залогомъ полнаго блага ихъ отечества. По окончаніи маневра дружества были распущены по селеніямъ.

Итакъ, завѣтная мечта Скобелева почти исполнилась; онъ создалъ это народное войско, онъ вдохнулъ въ него желанную энергію; еще бы два мѣсяца обученія, и народная сила изъ внушительной сдѣлалась бы грозною. Не онъ виноватъ что пришлось внезапно прекратить занятія съ дружествами и ранѣе предполагаемаго срока вернуться въ Россію, бросивъ на произволъ судьбы ошалѣвшее отъ этой неожиданности Южно-Болгарское населеніе.

IX.

Возвращеніе турецкихъ бѣглецовъ и переселенцевъ христіанъ.—
Передача управленія болгарскимъ властямъ.—Проведеніе границы.—
Выступленіе полка въ Россію.—Карабумаръ.—Нова-Загора.—Керне-
ли.—Ямболь.—Прощанье съ полкомъ.

Многіе говорятъ что человекъ съ сильною волей и энергіей не зависитъ отъ обстоятельствъ, а напротивъ, подчиняетъ ихъ себѣ: едва ли это такъ. Трудно найти большую силу воли, характера и энергіи чѣмъ у покойнаго М. Д. Скобелева; а судьба, или обстоятельства, и его осилили. Бернаскій конгрессъ, по первому абцугу, сломилъ половину его золотыхъ мечтаній и безцѣнныхъ трудовъ.

Южная Болгарія, отрѣзанная отъ сѣвернаго княжества, стала автономною Восточною Румеліей, областью оставшеюся въ прямой зависимости отъ султана. Правда, послѣдствія показали что эта зависимость была и есть чисто-призрачная, но тогда думалось не такъ. Я выше упоминалъ что Болгары или не понимали слова „автономія“, или не доверяли ему; Турки также поняли его по своему, то-есть чисто по-турецки: результатомъ этого пониманія было возвращеніе участвовавшихъ во время бѣгства, Турокъ въ Восточную Румелію. Турецкое правительство всѣми силами стало помогать этому возвращенію, въ тѣхъ видахъ что усиленіе турецкаго элемента въ населеніи Области могло дать солидный шагъ на увеличеніе вліянія Порты, а затѣмъ питало надежду вполнѣ подчинить себѣ Область. Порта оказывала всевозможную помощь возвращавшимся, даже принимала для нихъ денежную повѣзда. Но первые опыты этихъ возвращеній потерпѣли самое фiasco: харманлійскому начальству было приказано пропускать ни одного вагона съ возвращавшимися Турками и направлять ихъ обратно въ Адрианополь. Распоряженіе это было вполнѣ логично въ виду того что Южную Болгарію не предполагалось отрывать отъ Сѣверной, причемъ конечно мусульмане не вернулись бы, ибо земли и усадьбы ихъ занимались христіанскими переселенцами изъ Турціи, и во всякомъ случаѣ, остатокъ османлійской гордости не допустилъ

подчиненія гяурамъ. Но въ данный моментъ такое распоряженіе казалось болѣе чѣмъ страннымъ; тѣмъ не менѣе повѣзда поворачивались волатъ, и подъ Адрианополемъ явилось великое скопленіе голодныхъ таборовъ этихъ бѣглецовъ, что по всей вѣроятности было причиною голода и страшнаго вздорожанія воѣхъ жизненныхъ припасовъ въ этомъ городѣ (хлѣбъ доходилъ до двухъ франковъ око).

Между тѣмъ, слухъ о возвращеніи турецкаго населенія промчался по всей Области, и христіанскіе переселенцы, перебравшіеся сюда, стали подумывать о своей будущности: действительно, что приходилось имъ дѣлать есаибы Турки вернулись? остаться и безъ земли и безъ крова? Между тѣмъ не дремали и агенты Реуфъ-паши, они распространяли среди переселенцевъ молву что посѣвы и виноградники ихъ сохранены въ цѣлости, и что вернувшись на свои мѣста они больше выиграютъ чѣмъ оставаясь въ области которую не сегодня-завтра падишахъ все же приберетъ опять къ рукамъ. Болгарскія власти сумѣли бы распорядиться хорошо, но у нихъ руки были связаны. И вотъ началось обратное передвиженіе христіанъ на югъ, мусульманъ на сѣверъ. Сколько денегъ переплатило Русское правительство турецкимъ желѣзнымъ дорогамъ за эти безалаберные переѣзды!

Между тѣмъ управленіе Области передавалось русскими властями, только что выбраннымъ властямъ болгарскимъ, съ лихорадочною послѣдствіемъ, хотя дѣла Области далеко еще не были приведены въ желанный порядокъ; даже граница съ Турецкою Румеліей не была опредѣлена въ точности. Когда мѣ, въ послѣдствіи, по окончательномъ очищеніи края войсками русскими, пришлось объѣхать эту границу въ качествѣ начальника Харманлійскаго округа, то не только тамошнія гражданскія власти, но и Мехмедъ-паша, губернаторъ соѣднаго турецкаго округа, не могли дать мнѣ ея точнаго указанія: значилось, напримѣръ, что линія границы идетъ отъ такого-то холма, черезъ такую-то гору, а горъ этого названія оказывалось двѣ; черезъ которую изъ нихъ должна продегать граница, было покрыто мракомъ неизвѣстности. Далѣе, цѣлыя селенія оказывались разрѣзанными: одна часть оставалась въ Турціи, другая причислена къ Области, что конечно вело къ лутаницѣ при уплатѣ окладныхъ сборовъ, а еще болѣе при поимкѣ какого-нибудь преступника: стоило ему

перемахнуть изъ болгарской части селенія, через ручей, въ турецкую, и ужь его схватить было нельзя, хотя бы она разлеяся слать на противоположномъ берегу, на газахъ у всѣхъ; дѣло должно уже было въ такомъ случаѣ начинаться чуть не дипломатическимъ путемъ, ибо простой переходъ на ту сторону могъ быть раздуть въ нарушение границы. Наконецъ, самый главный промахъ, это была прирѣзка къ Восточной Румелии Кирджалийскаго и части Черменскаго округовъ, съ чисто мусульманскимъ населеніемъ, между тѣмъ какъ Мустафалашайскій, сплошь заселенный христіанами, остался во власти Турціи. Тутъ уже масло прямо подливалось въ огонь; кто мало-мальски знаетъ Турокъ, тотъ пойметъ что разчитывать на добровольное подчиненіе бывшихъ властителей недавнимъ рабамъ было нельзя. Развѣ допустить аггіе-репсѣе европейскихъ членовъ пограничной комиссіи, оставить Туркамъ лазейку къ занятію Филиппополя, а съ нимъ и всей области въ посабдствіи, подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ? Но чего же въ такомъ случаѣ смотрѣли члены этой комиссіи изъ Русскихъ и къ чему Родолскія ущелья оглашались хорами трубачей Лубенскаго гусарскаго и Екатеринославскаго драгунскаго полковъ? Молодые власти болгарскія, несмотря на неолытность свою, начали сразу распорядиться дѣльно: воспрелятствовать возвращенію турецкихъ бѣженцевъ онѣ не могли конечно, но за то распорядились осматривать всѣхъ возвращавшихся, на самой границѣ, и отбирать оружіе если таковое у нихъ найдется; вторымъ распоряженіемъ было запрещеніе вывоза и выгона въ Турцію зерна, муки и скота; оба эти распоряженія исполнялись строго, при горячемъ содѣйствіи пограничныхъ постовъ выставленныхъ отъ селеній. Такъ, напримѣръ, одинъ Грекъ, попытавшійся провести чрезъ границу близъ села Ибичева, въ темную ночь, подъ прикрытіемъ грозы и дождя, нѣсколько десятковъ лошадей въ Турцію, былъ остановленъ зоркимъ и внимательнымъ карауломъ ибичевского сторожеваго поста, связанъ вмѣстѣ со своими помощниками и представленъ обратно въ Харманлы. Отъ поѣздовъ отстегивались цѣлые вагоны съ хлѣбомъ и тому подобнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ возвратившихся принимали если не радушно, то съ лодною о нихъ заботаювостью; такъ какъ брошенныя усадьбы турецкія были почти вездѣ сметены

съ лица земли, то переселенцамъ оказана была помощь для устройства временныхъ пріютовъ и отпущался хлѣбъ на пропитаніе, а въ послѣдствіи и зерно для посѣвовъ.

19 мая я получилъ приказъ содержащій предложеніе желающимъ, какъ офицерамъ такъ и солдатамъ, остаться въ области по уходѣ Русскихъ. Въ приказѣ значились также льготы и преимущества предлагавшіеся тѣмъ кто пожелаетъ остаться.

Мысль эта была блестящая. Болгары уже доказавшіе свои воинскія способности, при дальнѣйшихъ занятіяхъ, въ какіе-нибудь два мѣсяца достигли бы того чего большія и сильныя европейскія державы не могутъ достигъ въ цѣлый рядъ десятилѣтій; а именно, весь народъ Болгарскій поголовно былъ бы вооруженъ, снаряженъ, обученъ, словомъ, во всякій часъ готовъ къ бою, имѣя во главѣ людей и хорошо ознакомленныхъ съ мѣстными условіями, недавнимъ великимъ опытомъ, и заявившихъ себя предъ лицомъ цѣлаго свѣта. Такое положеніе народа было бы для него величайшимъ благомъ; ему не пришлось бы безцѣльно отъснять себя уменьшеніемъ числа рабочихъ рукъ, то-есть содержать постоянную армію, отрывая людей отъ дѣла и отъ семействъ, единственно ради маршировокъ и упражненій; въ случаѣ же нужды эта армія могла явиться изъ народа, въ одинъ день, особенно при тѣхъ порядкахъ аваштостной службы которые заведены были въ южно-болгарскихъ дружествахъ. На самомъ возвышенномъ посту каждаго селенія, который помѣщался именно такъ чтобы видны были два сосѣдніе поста ближайшихъ селеній, водруженъ былъ высокій шестъ, обязанный насмотренною соломою: въ случаѣ какого-либо серьезнаго вторженія чрезъ границу, замѣтившій этотъ постъ долженъ былъ зажечь свой шестъ, часовые сосѣднихъ постовъ немедленно слѣдовали его примѣру, передавая такимъ образомъ сигналъ далѣе; вмѣстѣ съ зажиганьемъ сигнала, конникъ, постоянно находившійся при постѣ, долженъ былъ скакать въ свое селеніе, гдѣ въ главномъ караулѣ немедленно дѣлалась тревога, по которой всѣ различные поселане обязаны были становиться тотчасъ въ строй; такимъ образомъ весь народъ Южной Болгаріи былъ бы подъ ружьемъ не далѣе какъ черезъ четыре часа послѣ перваго сигнала съ любого пункта турецкой границы, безо всякаго участія телеграфа.

Что касается Россіи, выгоды ея отъ такой организаціи освобожденнаго ею народа излишне я думаю пересчитывать; укажу одно: безъ колѣвки расхода она содержала бы за Балканами нѣсколько тысячъ своихъ отборныхъ солдатъ съ офицерами, такъ какъ Болгары съ радостію принимали и обмундировку ихъ, и жалованье, и содержаніе на свой счетъ.

Вызовъ желающихъ остаться въ Южной Болгаріи не могъ не порадовать каждаго здравомыслящаго, но должно-быть на Руси самому благому начинанію въ концѣ концовъ суждено бываетъ сводиться къ нулю, а пожалуй и къ минусъ единицъ. Какъ это случилось, не знаю; приказъ ли запоздалъ или какія-либо непонятныя намъ, профанамъ, политическія комбинаціи припутались тутъ, но только въ самый этотъ день объявленія о вызовѣ, почти слѣдомъ явился другой приказъ: немедленно готовиться полку къ походу въ Россію, и выступленіе назначено было чрезъ три дня, на 14 часо. Это была подлѣйшая неожиданность, и вызовъ пропалъ даромъ, ибо полкъ былъ раскинутъ кромѣ города по селеніямъ, и вызовъ дошелъ въ отдаленныя части одновременно съ приказомъ о выступленіи: желающихъ остаться оказалось много, особенно изъ нижнихъ чиновъ, но полковое начальство заявило что теперь это исполнить невозможно, ибо канцелярія уже начала укладываться, слѣдовательно переписку начинать было нельзя, и что полкъ уже отвѣтилъ высшему начальству что желающихъ оставаться—нѣтъ. Считаю назидательнымъ упомянуть до какой степени служебная рутина иногда заглушала здравый смыслъ: находились разные командиры (къ счастью, не многіе) которые прямо задавали гонку своимъ лучшимъ унтеръ-офицерамъ и солдатамъ за выраженное ими желаніе остаться въ Области.

Но кто положительно озадачился, это Болгары, которые, сидя наканунѣ вечеркомъ со своими инструкторами въ кафанахъ за флажкой ракіи (мѣстная водка) или чашкой турецкаго кофе, никакъ не ожидали что завтра же учителей этихъ отнимутъ у нихъ внезапно, негаданно. При всей однако послѣдственности сборовъ полкъ могъ тронуться только 15 мая. Выступленіе совершилось безъ меня, потому что мнѣ пришлось снова отправиться въ Узумъ-Кѣпри.

Я догналъ полкъ на бивуакахъ у Карбунарской станицы, первой отъ Тырново-Семенликъ къ Ямболу, въ ожиданіи поѣзда, съ которымъ онъ долженъ былъ отправиться даѣе.

Карабунаръ—большое, богатое болгарское селеніе, при рѣчкѣ Сарле-Дере, рѣзко выходящая причудливыми серебристыми изгибами въ прекрасной долинѣ. Поездъ простоялъ здѣсь пока солдаты размѣстились по вагонамъ и затѣмъ, почти не останавливаясь на станціи Йени-Махалеси, часовъ въ шесть вечера прибылъ къ станціи Йени-Загра, Ново-Загра по-болгарски. Здѣсь мы вышли изъ вагоновъ и направились въ городъ, гдѣ была назначена полку дневка.

Утромъ я пошелъ посмотрѣть этотъ городъ, такъ много пострадавшій отъ Турокъ послѣ перваго, лихаго перехода генерала Гурко за Балканы. Дѣйствительно, разореніе было страшное: едва ли четвертая часть города уцѣлѣла. Я направился къ полуразрушенной церкви; расположена она на предѣльномъ мѣстѣ, но какъ оно исковеркано разрушеніемъ! Что ни камень, что ни дерево, вездѣ слѣды вѣщадныхъ рукъ башки-бузюка. Скоро выступили по шоссе по направленію Керменли, послѣдней станціи къ Ямболу. Въ этомъ селеніи мы ночевали, и утромъ продолжали луть на Ямболъ вдоль рельсовъ желѣзной дороги, куда и прибыли часовъ около двухъ.

Ямболъ, окружный городъ, довольно обширный, красиво расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Тунджи, этой страдальческой рѣки, волны коей были недавно совсѣмъ багровыми отъ разбавлявшей воду мученической крови. Полюкъ расположился на квартирахъ въ нижней части города, на правомъ берегу; предполагалось простоять здѣсь не менѣе недѣли.

На четвертый день стоянки въ Ямболѣ, меня позвали къ начальнику дивизіи, генералу Рихтеру. Я засталъ его въ обществѣ командира нашего полка, ямбольскаго окрѣпленнаго (окружнаго) начальника и еще двухъ высшихъ офицеровъ. Генералъ привѣтливо отвѣтилъ на мой поклонъ и сказалъ мнѣ:

— Калитанъ Яшеровъ, я вамъ долженъ сказать что предъ самымъ отъѣздомъ моимъ сюда въ Ямболъ, преосвященный Гервасій и Несторъ Марковъ, теперь уже Хасскіойскій префектъ (губернаторъ), заявили мнѣ отъ имени въззарха Болгарскаго Іосифа и другихъ жителей Болгаріи о той пользѣ которую вы пренесли по обученію сельскихъ дружествъ военному дѣлу, и просили меня объ оставленіи васъ на службѣ въ Восточной Румеліи; желаете вы остаться?

Извѣстіе въ самомъ дѣлѣ было для меня болѣе чѣмъ лестно; я съ радостью отвѣчалъ генералу что готовъ остаться.

— Обдумайте хорошенько. Вѣдь это шагъ очень серьезный: это не командировка которая требуетъ пунктуальнаго исполненія: вамъ придется употребить всѣ усилія чтобъ оправдать оказанное вамъ довѣріе цѣлаго населенія Области, замѣтилъ мнѣ генералъ на мое слѣпное согласіе.

Я отвѣчалъ что еще въ 1876 году, при первомъ шагѣ на землю Сербскую въ качествѣ добровольца, рѣшился посвятить себя славянскому дѣлу считая его нашимъ роднымъ, русскимъ дѣломъ; что въ бытность мою въ Сербіи и затѣмъ въ Болгаріи, я старался выкинуть въ положеніе и нужды этихъ народовъ, особенно послѣдняго, который мнѣ и удобнѣе было изучать внѣ военной сумятицы, и что съ большою охотою готовъ посвятить мои труды и силы этому истинно Славянскому народу.

— Въ такомъ случаѣ помогай вамъ Богъ! отвѣчалъ генералъ:—значить это дѣло рѣшеное; потрудитесь зайти завтра утромъ ко мнѣ, а прикажу приготовить вамъ отпусковой билетъ. Что касается меня, мнѣ очень пріятно было это желаніе Болгаръ и довѣріе къ офицеру командуемой мною дивизіи, и я считаю излишнимъ выражать надежду что вы оправдаете довѣріе и своего начальства.

24 мая Суздаальскій полкъ съ музыкой и пѣснями выступилъ изъ Ямбола въ Бургасъ, по шоссе, хотя и очень разбитому, но наполовину уже исправленному; я проводилъ полкъ до перваго притока за городомъ, куда долженъ былъ подтянуться полковой обозъ. Когда наконецъ ударили подъемъ и настала минута прощанья, какое-то особенное чувство закралось въ сердце. Еще года не прослужилъ я въ этомъ полку, но походная жизнь и истинно товарищеское отношеніе ко мнѣ моихъ сослуживцевъ тѣсно услѣди сроднить меня съ нимъ. Когда арьергардъ полка сталъ скрываться за холмикомъ шагахъ во ста отъ меня, слезы приступившія къ горлу хлынули изъ моихъ глазъ; что-то родное, кровное отрывалось отъ сердца; была минута когда я подумалъ, не догнать ли полкъ, не бросить ли всѣ дорогія мечты, всѣ казавшіяся мнѣ грандіозными планы? Но вотъ послѣднее бѣлое пятно гимнастической рубашки какъ будто стояло на линіи саженія небосклона съ гребнемъ холмика; послѣдній разъ аркою звѣздочкой блеснулъ солнечный лучъ на кончикъ свѣтло отчищеннаго штыка; вотъ и звѣздочка эта пропала...

Я кинулся въ коляску, перекрестился и поѣхалъ обратно въ Ямболь.

X.

Пріѣздъ Алеко-паши. Фициллополъ, генералъ Виталисъ и полковникъ де Тустевъ.—Юсифъ II экзархъ Болгарскій.—Митрополитъ Парларетъ.—Неурядицы безъ Русскихъ, формировавіе Харманлійской дружины.—Моя повѣдка къ генералу Столыпину.—Савмо.—Теплая вода.—Бургасъ.—Отъѣздъ въ Россію послѣднихъ войскъ оккупационнаго отряда.—Моя болѣзнь, смотръ моей дружинѣ.—Мехмедъ-паша.—Отлускъ въ Россію.—Заключеніе.

Скобелевъ давно уже былъ въ Одессѣ; какія причины заставили его уѣхать ранѣе своей любимой 16й дивизіи, мнѣ неизвѣстно. Можетъ-быть высшія соображенія ускорили отъѣздъ любимца Южной Болгаріи изъ края начинавшаго волноваться не на шутку; да оно и понятво: освобожденный народъ услѣлъ уже вздохнуть полною грудью на свободѣ; онъ уже не могъ помириться съ мыслію о противоестественномъ теперь положеніи дѣлъ въ его странѣ. А можетъ-быть и самъ Скобелевъ хотѣлохъ уѣхать, побуждаемый весьма понятнымъ чувствомъ. Знаю только что уѣзжая изъ Южной Болгаріи онъ сказалъ бывшимъ при этомъ представителямъ и депутатамъ народа что если онъ понадобится ему, то откажется на первый зовъ и немедленно пріѣдетъ стать во главѣ Болгарскаго народа противъ какого бы то ни было врага, и съ радостью положить жизнь свою за него.

Но еще не всѣ русскія войска отбыли на родину; еще часть 9го корпуса генерала Столыпина оставалась въ Восточной Румеліи, а потому доведу свой разказъ до конца, то-есть до отъѣзда съ оккупации послѣдняго русскаго солдата.

Пока 16я дивизія садилась на суда въ Бургасъ, генералъ Столыпинъ въ Фициллополѣ передавалъ управленіе Восточною Румеліей только что прибывшему Алеко-пашѣ или князю Александру Богориди, назначенному, съ согласія европейскихъ державъ, главнымъ правителемъ автономной области.

Черезчуръ послѣшное очищеніе края Русскими породило въ населеніи не мало самыхъ тревожныхъ толковъ, какъ бы подтверждавшихся упорными слухами о скоромъ вступленіи въ Область турецкихъ отрядовъ, для занятія Балканскихъ проходовъ. Народъ рѣшался воспротивиться этому; тайные комитеты усиленно работали; по линіи Адрианопольской

железной дороги заготовлены были динамитные патроны для взрыва главныхъ мостовъ въ случаѣ движенія турецкихъ войскъ по этому пути; всякому слуху жадно вѣрилось; всякая мелочь возводилась въ форму серьезнаго вопроса и готовилась отпоръ. Къ подобнымъ мелочамъ надо отнести и исторію фески Алеко-паши.

Сама по себѣ, феска головной уборъ очень удобный и практичный для жаркаго южнаго каимата, гдѣ вдобавокъ почти не принято и въ домѣ ходить съ открытою головою; даже въ храмахъ не всѣ снимаютъ ее съ головы. Но дѣло въ томъ что Болгары уже надѣли свои колпаки (шалки—по-болгарски) изъ черной мерлушки съ краснымъ верхомъ, а князь Богориди вѣхалъ въ фескѣ. Болгарскіе представители осадили генерала Столыпина представленіями о возмутительности такого поступка, вида въ немъ первое попятное къ отурченію края или по меньшей мѣрѣ посягательство на его автономію: пріѣхалъ, дескать, управлять Южною Болгаріей (название „Восточная Румелия“ — претило всѣмъ), такъ носи и шалку болгарскую. Говорили что генераль Столыпинъ предупредилъ объ этомъ князя Богориди телеграммой; тѣмъ не менѣе, князь, не заласпійся болгарскою шалкой въ Константинополь, гдѣ о ней ней не знали еще и понятія, продолжалъ путь въ фескѣ. Но на послѣдней станціи къ столицѣ Области, Станимакѣ, его встрѣтила депутация болгарской интеллигенціи Филиппополя или, какъ его стали теперь называть по-болгарски, Пловдива и, привѣтствуя прибытіе князя, торжественно поднесла ему болгарскій колпакъ, который князь Богориди и привужденъ былъ тутъ же обновить.

25 мая, какъ разъ въ то время когда генераль Столыпинъ уже перебирался въ Сливно, отводя свои войска къ берегу Чернаго Моря, я выѣхалъ изъ Ямболя въ Пловдивъ. Ямбольскій поѣздъ уходилъ въ 7 часовъ утра и въ 12 прибылъ на станцію Тырново-Семенли, гдѣ приходилось ждать два часа прибытія адрианопольскаго поѣзда, на который должны были пересаживаться ямбольскіе пассажиры. Я воспользовался временемъ чтобъ осмотрѣть железнодорожный мостъ черезъ Марицу по Ямбольскому пути; онъ остался, къ счастью, невредимымъ единственно благодаря тому что наши войска перешли Марицу предъ Филиппополемъ въ бродъ во время ледохода, и отбросивъ Сулеймана къ Родолскимъ горамъ

черезчуръ уже быстро заняли всю территорію отъ Филиппополя до Харманлы и такимъ образомъ, благодаря своему лаваическому бѣгству, Турки не успѣли разрушить мостъ. Это дѣйствительно одно изъ фундаментальнѣйшихъ и вмѣстѣ граціознѣйшихъ желѣзнодорожныхъ мостовыхъ сооруженій какія мнѣ случилось видѣть; онъ перекинутъ черезъ Марицу на крѣпкихъ устояхъ изъ громадныхъ тесаныхъ каменныхъ глыбъ, не прямою линіей, а дугой обращенною своею выпуклостью противъ теченія и отдалая положительно какъ игрушка.

Въ два часа мы двинулись въ путь, проѣхали станціи Каяджикъ (Хаскѳюй), Хаджи-Исаеяъ и Станимакъ; дорога отъ Тырново-Семенли вилась вплоть у самой Марицы, мѣстами вдоль совершенно отвѣсныхъ скалъ, но не доходя версты трехъ до Каяджика, рельсовый путь вступалъ въ широкую долину по которой разливалась Марица и шелъ этою долиною до самаго Пловдива. Какъ хороша эта долина и какъ она плодородна, а фруктовымъ и тутовымъ деревьямъ и счету нѣтъ! Мое вниманіе обратили маленькія канавки; онѣ были расположены квадратами на довольно обширныхъ пространствахъ, а промежутки между ними оставались невоздѣланными: оказалось что это рисовыя плантаціи уничтоженныя по распоряженію русскихъ властей, ибо застоившаяся въ пространствѣ между валиками вода до такой степени дѣлала воздухъ сырмъ что даже служила причиною болѣзни, такъ и называвшеюся филиппопольскою лихорадкой. Мнѣ случилось потомъ испытать эту болѣзнь, и хотя она меня не уложила въ гробъ, несмотря на самое добросовѣстное стараніе, но года три напоминала о себѣ въ извѣстный годичный періодъ.

Изъ Станимака поѣздъ шелъ все время среди садовъ и тутовыхъ плантацій, и только верстахъ въ пяти отъ Филиппопольскаго вокзала кругозоръ расширился: Пловдивъ предсталъ глазамъ во всей красотѣ своего оригинальнаго мѣстоположенія.

Представьте себѣ, на чисто изумрудномъ коврѣ безпредѣльной долины, четыре громадныхъ рядомъ стояція и сходящіяся подошвами гранитныя скалы, изъ которыхъ лѣвыя три конусообразны, а правая продолговатая, версты въ $1\frac{1}{2}$ длиною, съ утѣченною наискось вершиною; эта правая и есть главная часть города, который огибаетъ ея совершенно отвѣсную,

саженъ сорокъ вышиной, стѣну, по гребню коей высятся трехъ и четырехъэтажные дома, эффектно рисуясь своею яркою свѣтлорозовою, голубою и желтою окраской; греческая церковь съ затѣливою колокольней, башенками и лавальонами дѣлится чрезвычайно красиво на узенькой площадкѣ, въ видѣ выступла на самой серединѣ гранитной стѣны, соединяясь съ верхомъ и низомъ пріотившей ее скалы, причудливыми дѣсенками, высѣченными въ камень и коегдѣ какъ бы висащими въ воздухѣ.

Между этою скалою и сосѣднею, называемою Саать-Теле (Часовая гора отъ высокой часовой башни, торчащей на самой ея вершинѣ) и составляющею турецкую часть города, пролегаетъ главная улица съ юга на сѣверъ чрезъ весь городъ и чрезъ главную площадь отъ окончанія Адрианопольскаго шоссе до Столыпинскаго моста черезъ Марицу. Столыпинскимъ мостъ названъ потому что его возобновилъ ил, вѣрнѣе, почти вновь соорудилъ генералъ Столыпинъ, по разрушеніи его Турками для задержанія ничѣмъ незадержимыхъ доблестныхъ русскихъ войскъ.

Еще дѣвѣ, громадною сахарною головой высится Бунарджикъ, на ребрахъ коего дѣлится нѣсколько рестораничковыхъ. Эта гора, одно изъ любимыхъ мѣстъ гулянья лавандскихъ жителей, хотя на нее приходится буквально карабкаться по обрывистымъ дѣсенкамъ и тропинкамъ. Наконецъ, крайняя скала еще дѣвѣ; построекъ по ея ребрамъ не замѣтилъ я, кромѣ низкаго и длиннаго зданія военнаго госпиталя при самой ея подошвѣ; за то верхняя половина ея конуса высѣчена какими-то фантастическими террасами, стѣнками и чѣмъ-то похожимъ на бастионы, что позволяетъ догадываться что она была укрѣплена въ глубокой древности. Неможно впереди ея, совершенно отдѣльно, торчитъ пятая скала въ видѣ небольшого колачка.

Повѣздъ подошелъ къ вокзалу ровно въ шесть часовъ. Я взялъ фаэтонъ и поѣхалъ въ городъ по шоссированной дорогѣ, проведенной изъ станціи до начала главной улицы. Пустырь по обѣ стороны дороги между городомъ и станціей, версты въ двѣ, раскулался участками на расхватъ, и на немъ уже высились нѣсколько очень красивыхъ домовъ, съ прекрасными цвѣтниками и фонтанами, выходящими на шоссе и обнесеными затѣливыми рѣшетками.

Остановась въ Hôtel Luxembourg, а тотчасъ же справилась гдѣ находится генералъ Виталисъ, только-что назначенный

начальникомъ Восточно - Румелийской милиціи и недавно еще пріѣхавшій въ Пловдивъ; хозяинъ гостиницы, милѣйшій Французъ Босси, сообщилъ мнѣ что генераль стоитъ пока здѣсь же въ номерахъ, равно какъ и начальникъ штаба милиціи, полковникъ баронъ де-Тустень-дю-Мануаръ, но что теперь никого изъ нихъ нѣтъ дома.

Утромъ я всталъ въ 9 часовъ и вышелъ въ общую залу, въ концѣ которой, на небольшомъ возвышеніи, помѣщался буфетъ; тамъ я увидѣлъ слѣдующую сцену: Босси и съ нимъ какой-то господинъ съ усами и всланьйолкой à la Napoléon III, оба безъ сюртуковъ, прилежно оципывали цыплятъ, видимо предаваясь этому развлеченію отъ нечего дѣлать; подойдя ближе, я съ удивленіемъ замѣтилъ генеральскіе лампы у сотрудника Босси; тотъ не замедлилъ разрѣшить мое недоумѣніе:

— Monsieur le général Vitalis, monsieur le capitaine Yachegoff! провозгласилъ онъ, поздоровавшись со мною и подводя меня къ господину съ лампасами.

— Vive la milice! A bas les poulets! серьезно воскликнулъ я, раскланиваясь съ оригинальнымъ начальникомъ милиціи, не знавшимъ, какъ оказалось потомъ, ни слова ни по-болгарски, ни по-русски. Генераль смѣясь поздоровался со мною, и придвинувъ мнѣ табуретъ подлѣ себя, пригласилъ меня присѣсть; но я извинился слѣшнымъ дѣломъ и спросилъ только когда могу видѣть его по дѣламъ службы; онъ вопросительно взглянулъ на меня, но вѣроятно понялъ въ чемъ дѣло и отвѣтилъ что чрезъ часъ будетъ ожидать меня въ своемъ номерѣ. Я откланялся и ушелъ къ себѣ пить чай.

Въ назначенный часъ я постучался въ дверь номера генерала Виталиса. На этотъ разъ костюмъ генерала былъ дополненъ генеральскимъ мундиромъ русскаго покроя, съ такими же погонами. Я объяснилъ генералу причину моего пріѣзда; онъ отвѣчалъ что очень радъ видѣть меня, какъ русскаго офицера, въ милиціи, но заявилъ что не знаетъ обо мнѣ рѣшительно ничего и спросилъ какую рекомендацію могу я представить ему. Я отвѣчалъ что не только онъ, но почти никто въ Филиппололѣ меня не знаетъ, ибо четыре дня тому назадъ я еще и самъ не зналъ что останусь въ Восточной Румелии; что касается рекомендаціи, то заявилъ что могу представить таковую отъ экзарха Іосифа. „Это самая лучшая рекомендація, пусть экзархъ напишетъ мнѣ только два слова о васъ!“

сказалъ мнѣ любезно генералъ. Я было хотѣлъ удалиться, но онъ удержалъ меня пить вмѣстѣ кофе съ превосходнымъ кофьякомъ; дверь отворилась, и вошелъ небольшого роста человекъ съ тараканьими усиками закрученными книзу, брюнетъ лѣтъ тридцати, съ румянцемъ во всю щеку и съ намеками на эспаньолку, въ какомъ-то полузуавскомъ, полуболгарскомъ и полурусскомъ мундирѣ, съ русскимъ золотымъ эксельбантомъ и погонами. То былъ начальникъ штаба милиціи, баронъ де-Тустень-дю-Мануаръ; генералъ насъ познакомилъ.

Покончивъ съ кофеемъ, я простился съ моимъ будущимъ начальствомъ, и отправился къ экзарху, котораго по счастью засталъ дома. Иосифъ II экзархъ Болгарскій, еще далеко не старыи, лѣтъ сорока, высокій, стройный и красивый, съ великолѣпною темно-каштановою бородою, умный и высокообразованный человекъ, принялъ меня очень радушно и подавъ благословеніе поцѣловался со мною три раза. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ тотчасъ же съ большою готовностію направился къ письменному столу и написалъ письмо Виталису, прося его назначить меня командиромъ долженствовавшей формироваться вновь 9й, Харманлійской, дружины. Онъ тотчасъ отправилъ это письмо къ Виталису съ курьеромъ, приказавъ привести отвѣтъ теперъ же, а меня просилъ остаться и дожидаться этого отвѣта; послѣдовало неизбежное на Востоку угощеніе ракіей, вареньемъ, кофеемъ и шербетомъ. Не прошло получаса, курьеръ вернулся и привезъ отвѣтъ что желаніе экзарха будетъ исполнено. Дѣйствительно, 1 іюня послѣдовалъ отъ князя Богориди приказъ по Области, въ которомъ я назначался командиромъ вышеозначенной дружины. Поблагодаривъ экзарха за его доброе содѣйствіе, я сдѣлалъ визитъ другому іерарху Болгарской церкви, старѣйшему по лѣтамъ, митрополиту Панарету.

Этотъ восьмидесятилѣтній, убѣленный свѣдѣніями старецъ, своимъ добрымъ и энергичнымъ видомъ, огнемъ своихъ выразительныхъ и строгихъ глазъ, сразу производитъ впечатлѣніе человека не дюжиннаго; онъ высоко уважаемъ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ какъ мыслитель и горячій патриотъ. Послѣ довольно продолжительнаго разговора, онъ отпустилъ меня съ благословеніемъ и пожеланіемъ мнѣ успѣха.

Получивъ предписаніе и нужныя мнѣ инструкціи, я лѣхалъ 6 іюня въ Харманлы ожидать прибытія частей

Ябмольской, Хасковской и 2й Пловдивской дружинъ, изъ которыхъ должна была формироваться моя, Харманлійская. Но прождавъ нѣсколько дней, вернулся въ Пловдивъ узнать почему назначенныя части не являются. Въ штабѣ я нашелъ страшную путаницу: ни Витались, ни де-Тустевъ не знали болгарскаго языка на которомъ велась вся переписка, и распоряженія перевирались, нумера дружинъ смѣшивались. Я засталъ въ Пловдивѣ нѣсколько дружинныхъ командировъ, прибывшихъ вслѣдствіе тѣхъ же недоразумѣній; совокупными усилиями намъ удалось привести дѣла въ штабѣ въ порядокъ, и я уѣхалъ опять въ Харманлы, гдѣ засталъ баталіонъ Архангелогородскаго полка на пути къ Бургасу; Екатеринославскіе драгуны ушли уже въ первыхъ числахъ юня. Баталіонъ пробылъ при мнѣ всего дней шесть въ Харманлы и выступилъ къ Бургасу. Около 20го прибыла ко мнѣ рота Ябмольской дружины подъ начальствомъ поручика Порохина; оказалось что ее ошибкой отправили вмѣсто Харманлы въ противоположную сторону къ Айдосу.

Между тѣмъ Харманлійскій комитетъ, въ заботѣ своей о лучшемъ обученіи сельскихъ друществъ, обратился ко мнѣ съ просьбой послѣдшить въ Бургасъ и улросить генерала Столыпина оставить хотя сорокъ унтеръ-офицеровъ, ефрейторовъ или даже хорошихъ рядовыхъ для занятій съ друществами, причемъ представилъ мнѣ и письменное обязательство, за подписью всего околіянаго харманлійскаго начальства, слѣдующаго содержания: 1) округъ обязывается уплачивать каждому солдату по четыре полуимперіала въ мѣсяць жалованья съ готовою одеждою, лицей и квартирою; 2) срокъ службы полгода, по окончаніи котораго, буде солдатъ захочетъ вернуться въ Россію, ему выдадутъ въ награду двухмѣсячное жалованье и отправятъ до Одессы; 3) если округъ найдетъ нужнымъ отпустить солдата ранѣе срока, то жалованье выплачивается все-таки за полные шесть мѣсяцевъ, и 4) если поведеніе солдата заставитъ отказать ему, то дополнительнаго до срока жалованья онъ лишается, равно и наградныхъ. Наблюденіе за остающимися возлагается на командира дружины Харманлійскаго округа.

Я охотно согласился исполнить просьбу комитета и на другой же день поѣхалъ въ Бургасъ. Со станціи Керменды я взялъ фаэтонъ и отправился въ Сливно, не зная навѣрное выѣхалъ ли генералъ оттуда; но оказалось что

онъ уже въ Бургасѣ, а въ Сливно оставались только казаки, да и тѣ должны были выступить за утро. Городъ Сливно, это сердце Южной Болгаріи и средоточіе народнаго патріотизма; онъ расположенъ у самой подошвы горъ Бакавскихъ, которыя, поднимаясь громадными крутизнами, составляютъ грандіозный фонъ панорамы города. Разрушеніе и здѣсь оставило страшные слѣды. Изобиліе родниковъ въ горахъ такъ велико что всѣ улицы представляютъ сплошные потоки воды, и чрезъ нихъ полерекъ положены на полуаршинномъ разстояніи гладкіе камни для удобства пѣшеходовъ. Въ Сливнѣ я узналъ слѣдующую подробность: еще въ бытность въ городѣ генерала Столыпина, пріѣхалъ сюда назначенный министромъ (директоромъ) финансовъ нѣкто Шмидтъ, противъ котораго было сильно восстановлено общественное мнѣніе, какъ и вообще противъ всякаго Нѣмца въ то время. Городъ взбунтовался и не только не хотѣлъ сдать ему свою казну, но напалъ на него такъ что только генералъ, съ помощью русскихъ солдатъ и воиновъ Сливенской дружины, едва могъ оградить несчастнаго Нѣмца отъ серьезнаго побіенія и восстановить порядокъ.

Познакомившись въ Сливнѣ съ однимъ изъ самыхъ горячихъ и вліятельныхъ патріотовъ Южной Болгаріи, Хаджи-Димитаромъ Бояджіевымъ, отъ котораго я и узналъ нѣкоторыя вышеупомянутыя подробности о пребываніи въ Сливно Скобелева, я вечеромъ выѣхалъ въ Ямболъ и, переночевавъ тамъ, рано утромъ отправился на перекладныхъ въ Бургасъ. Станціи содержались еще Русскими, и духія пары домчали меня до Бургаса не болѣе какъ въ семь часовъ; включаю сюда и остановку на станціи Тѣпла Вода, послѣдней къ Бургасу.

Здѣсь горячіе источники, и я воспользовался случаемъ покушаться; бассейнъ устроенъ изъ мрамора, аршинъ девять въ квадратъ и глубиной по грудь; вода такъ горяча что сразу невозможно окунуться, и надо входить въ нее постепенно. Выбравшись изъ кулаальни, я вылилъ бутылку лива, что, какъ мнѣ сказали, обязательно сдѣлать послѣ кулаальни; затѣмъ продолжалъ путь и, менѣе чѣмъ чрезъ часъ (12 верстѣ), предо мною открылась темная синева Чернаго Моря, сливавшаяся на горизонтѣ съ небомъ рѣзкою свѣтлою линіей.

Бургась,—департаментальный городъ (губернский), единственный портъ Восточной Румелии, представляетъ большія удобства вслѣдствіе замкнутости залива при которомъ онъ расположенъ.

Я остановился въ гостиницѣ, на морскомъ берегу, и не утерпѣлъ чтобы не выкупаться, что было большою ошибкой послѣ недавно принятой горячей ванны.

Утромъ, въ 8 часовъ, я поѣхалъ къ генералу Столыпину, передалъ его превосходительству цѣль моего пріѣзда, просьбу моего округа и давное мнѣ обязательство, но генералъ уже ничего не могъ сдѣлать, ибо на завтра назначена посадка на суда. Онъ спросилъ меня, между прочимъ, вѣрны ли слухъ что Турки перешли границу и заняли Харманлы. Я отвѣтилъ генералу что только третьяго дня выѣхалъ оттуда и ничего подобнаго не было, да и быть не можетъ, и что я уже слышалъ въ Сливѣ объ этомъ недоразумѣніи; оно произошло вслѣдствіе ошибки телеграфа, который вмѣсто того чтобы передать о приходѣ въ Харманлы 18 вагоновъ Турокъ (возвращавшихся бѣглецовъ), передалъ что пришло 18 тысячъ.

Въ этотъ день городъ давалъ прощальный обѣдъ генералу и послѣднимъ войскамъ его, и генералъ пригласилъ и меня принять участіе въ обѣдѣ. По окончаніи торжества, устроеннаго за городомъ въ шатрѣ изукрашенномъ зеленью, флагами и цвѣтами, снята была общая фотографическая группа, а затѣмъ народъ выпрагъ лошадей кареты Скобелева и домчалъ ее на себѣ до его квартиры, оглашая воздухъ кликами *ура*. То же повторилось и при отъѣздѣ генерала на пристань.

Море сильно волновалось, и приготовленные для отъѣзжающихъ пароходы изрядно-таки покачивало. Все побережье было усыпано народомъ, который съ неподѣльной грустью собрался проводить послѣдніе остатки своихъ освободителей. И когда войска сѣли на суда, когда русскіе флаги рѣзво развѣваемые вѣтромъ взвились на граціозныхъ мачтахъ пароходовъ, и прощальные салюты съ судовъ гулко прокатились надъ волнующимся моремъ, прощальный крикъ тысячной толпы, въ перемежку съ громовымъ *ура*, покрылъ и выстрѣлы, и свистки снявшихся съ якорей пароходовъ, и монотонный всплескъ береговаго прибоя.

Пароходы скрылись за мысомъ залива. Поура головы расходилась толпа, оглядываясь по временамъ на море, какъ

будто оно могло возвратитъ отпавшихъ. Тѣнь какого-то неудовлетворенія и задумчивости лежала на всѣхъ лицахъ, да и было о чемъ призадуматься братушкамъ-Болгарамъ, брошеннымъ на произволъ судьбы.

Вчерашнее купанье однако начинало сказываться. Еще съ Филиппополя мнѣ не совсѣмъ здоровилось, а теперь чувствительная дрожь начала схватывать меня чаще и чаще. Боясь расхвораться въ чужомъ городѣ, я послѣдшилъ послать за лошадьми и поскакалъ въ Ямболь. До Айдоса я еще крѣпился, но выѣхавъ изъ этого города, свалился какъ камень въ моей тележкѣ. На двухъ послѣднихъ станціяхъ меня едва приводили въ сознаніе при перемѣнѣ лошадей, а по пріѣздѣ въ Ямболь положительно внесли на рукахъ въ номеръ гостиницы. Жесточайшая лихорадка, о которой въ Россіи нѣтъ и понятія, начали трепать меня. Поздно вечеромъ зашелъ ко мнѣ командиръ Ямбольской дружины, случайно узнавшій о моемъ пріѣздѣ, и ему я обязанъ первою подавкою мнѣ помощью.

На утро поѣздъ въ Тырново-Семенлы отходилъ въ шесть часовъ; я приказалъ разбудить себя въ четыре. Но встать рѣшительно не могъ, даже лишился способности повернуться. Пришлось остаться. Лихорадка распорядилась мною ровно сутки. Къ ночи стало полегче, и я воспользовался этимъ чтобы доѣхать до станціи верстахъ въ трехъ отъ города. Благодаря начальнику станціи я помѣстился на ночь въ купе I класса; я не то заснулъ, не то опять потерялъ сознаніе, но только очнулся въ Тырново-Семенлы. Лихорадка затихла, я преодолѣлъ страшную слабость, съ помощью ладарма добрался до ресторана и спросилъ себѣ бульйону, но не могъ съѣсть ни ложки. Ознобъ опять сталъ овлаживать мною; къ счастью, подошелъ поѣздъ изъ Пловдива, меня отвели въ вагонъ, и я только успѣлъ сказать кондуктору чтобы меня не забыли высадить въ Харманлы и слова впасть въ бредъ. Не помню какъ довезли меня до моей новой квартиры, которую я съ 6 юня занялъ въ верхней части города, въ домѣ добрѣйшей Болгарки, *булки* Татьяны.

Ужасная болѣзнь эта филиппопольская лихорадка, „пловдивска тряска“, какъ ее называютъ Болгары. Двѣнадцать дней я пролежалъ почти безъ лица и лишь изрѣдка переходя въ сознаніе; мои денщики, Георгій и Димо, рѣшительно сблизись съ ногъ и похудѣли за это время. Галациация

слѣдовали за галлюцинаціями, иногда во время пароксизма я, какъ здоровый, звонилъ, приказывалъ вошедшему денщику дать себѣ умыться, одѣвался, приказывалъ осѣдлать лошадь, садился и ѣхалъ, куда—рѣшительно не знаю; мнѣ мерещились ученья, маневры; проѣздивъ полчаса я возвращался, слѣзая съ лошади, но тутъ болѣзненная энергія покидала меня, и меня относили на рукахъ въ постель. Придя въ сознаніе, я не могъ пошевеливать пальцемъ отъ слабости, но ясно помнилъ все что творилъ въ бреду. Городской врачъ, Грекъ Леонидъ Георгіевъ, уже рукой махнулъ на меня и лорѣшилъ что дружинный умретъ; но сама болѣзнь спасла меня: въ одинъ изъ самыхъ сильныхъ пароксизмовъ съ крайнимъ возбужденіемъ силъ, я всталъ съ постели, и находя что очень жарко, приказалъ денщикамъ разостлать на верандѣ цѣновки и накачать изъ колодца три ушата самой холодной воды, что и было исполнено; тогда я раздѣлся, улегся на цѣновки и приказалъ окатить меня, денщики не смѣя послушаться начали лить на меня воду, но на второмъ ушатѣ я пришелъ въ сознаніе, сообразилъ что дѣлаю, приказалъ перестать, отнести меня на постель и тереть до красна байковыми одѣялами, дрожь была во всемъ тѣлѣ страшная, я приказалъ подать стаканъ чаю пополамъ съ ромомъ, жадно выпилъ его и заснулъ тепло укутанный. Прославъ ровно восемнадцать часовъ и проснувшись, я съ радостью почувствовалъ себя здоровымъ. Мнѣ страшно захотѣлось ѣсть. Обѣдалъ я сидя у стола, къ крайнему изумленію доктора, а черезъ два дня могъ поѣхать въ Филиппополь.

Къ половинѣ августа моя дружина была совершенно сформирована, а 3 сентября прибылъ въ Харманлы баронъ де-Тустевъ и сдѣлалъ ей смотръ; онъ остался вполне доволенъ, пробылъ весь остатокъ дня и вочевалъ у меня. На слѣдующее утро онъ предложилъ мнѣ соллуствовать ему къ Мехмедъ-пашѣ, мустафалашійскому губернатору. Городъ Мустафа-Паша отстоитъ отъ Харманлы верстъ на тридцать, составляя промежуточную станцію къ Адрианополю; такъ какъ лоѣздъ приходилъ въ Адрианополь только въ 2 часа дня, то мы завербовали дрезину, и шесть здоровыхъ молодыхъ въ 1³/₄ часа домчали насъ до Мустафа-Пашійской станціи, гдѣ мы увидѣли и Мехмедъ-пашу, прибывшаго сюда для прогулки; де-Тустевъ представилъ насъ другъ другу.

— Добро пожаловать, привѣтливо обратился ко мнѣ

Мехмедъ на чистомъ русскомъ языкѣ, — я вѣдь люблю Русскихъ какъ родныхъ.

Еще съ бѣльшимъ удивленіемъ замѣтилъ я что на его турецкой сабатъ навязанъ георгіевскій темаякъ. Оказалось что Мехмедъ-паша родомъ изъ нашихъ горцевъ, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, служилъ въ конвоѣ и Нижегородскомъ драгунокомъ полку до чина полковника, и выйдя въ отставку вслѣдствіе недоразумѣній съ высшими властями, съ разрѣшенія въ Бозѣ почившаго Государя Императора вступилъ въ турецкую службу. Два сына его и теперь въ Россіи, и во время войны волей-не-волей отцу пришлось сражаться противъ дѣтей.

Мехмедъ-паша очаровалъ насъ своимъ истинно русскимъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Его очень любятъ всѣ христіане губернаторства, и хотя Турки косятся на него и называютъ Московъ-пашой, но онъ твердо держится разъ принятой программы; даже жандармамъ изъ Болгаръ онъ разрѣшилъ носить вмѣсто фески колпакъ. Мы вернулись отъ Мехмедъ-паши съ утреннимъ Адрианопольскимъ поѣздомъ.

8 сентября я получилъ 28-дневный отпускъ въ Россію, куда мнѣ необходимо было съѣздить для нѣкоторыхъ распоряженій въ виду моего поселенія въ Южной Болгаріи, и 10го выѣхалъ въ Константинополь.

З а к л ю ч е н і е.

Остается сдѣлать бѣглый обзоръ результатовъ этой гигантской борьбы за возрожденіе съ одной стороны, за существованіе съ другой. Насколько она поучительна въ чисто военномъ отношеніи, къ какимъ повела умозаключеніямъ, усовершенствованіямъ, исправленіямъ относительно арміи и всего до нея касающагося, судить не берусь, это дѣло штабное; укажу лишь на подмѣченные мною результаты, выяснившіеся за Балканами. Во первыхъ, важный и повидимому противуестественный, но тѣмъ не менѣе несомнѣнный фактъ: это—уваженіе, привязанность, любовь побѣжденныхъ къ своимъ побѣдителямъ, сразу проявившіеся по окончаніи войны; гостепріимное и радужное отношеніе къ лѣтнимъ въ Россіи, съ одной стороны, а съ другой, мягкое и гуманное отношеніе русскаго военнаго начальства вообще и генерала

Скобелева въ особенности, къ турецкому населенію на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, вотъ двѣ причины этого явленія. Возвратившіеся изъ Московіи пѣвныя остались ему такъ очарованы что спяты и видятъ, ждутъ и не дождутся возобновленія войны, чтобъ уже прямо сложить оружіе и быть отосланными въ излюбленные ими мѣста пребыванія ихъ въ Россіи. Мѣстные жители со свойственною противному Турку честностью никогда не забудутъ что вѣры ихъ не только не стѣсняли, но помогали имъ исполнять ихъ религиозные обычаи; что никто не обижалъ ихъ ни единымъ словомъ, а напротивъ, не мало дѣтей турецкихъ вынаничилось, не мало усадебъ поправилось или даже строилось руками русскихъ солдатиковъ; что не только не разоряли жителей сверхсильными лоборами, но дарили сотни тысячъ лудовъ зерна и хлѣба нуждающимся. А завзятые обожатели Россіи изъ бывшихъ пѣвннхъ подбавляли энтузіазму въ своихъ соотчичахъ такими выводами и разсужденіями: „Какой это ладшахъ, Абдуль-Гамидъ? Только и окружаетъ себя Фравками да Инглевами! А вотъ кто истинный ладшахъ: это великій Бѣлый Царь Московіи! Онъ любитъ правовѣрныхъ, онъ довѣряетъ имъ даже больше чѣмъ Русскимъ, ибо и конвой его, его личная стража—правовѣрныя!“

Повѣстно что и адрианопольскій муфтіи былъ со своей точки зрѣнія правъ когда, провожая Скобелева, выразился что лучше Русскихъ нѣтъ народа, и что для достиженія полнаго совершенства ими, онъ молить Аллаха и его Пророка сдѣлать ихъ правовѣрными.

Что касается тѣхъ за кого Россія пролила кровь свою, въ ихъ искренней любви и признательности сомнѣнія быть не можетъ; правда, освободители, чѣмъ грѣха таить, зачастую помыкали ими, навязывали имъ много противнаго натурѣ Болгарина, но глубина признательности за освобожденіе ступевываетъ всѣ эти случайности. Народъ Болгарскій почувалъ свою свободу, въ немъ пробуждается духъ доблестныхъ предковъ: дайте ему волю приложить эту свободу къ дѣлу, и онъ докажетъ что не былъ недостойнъ принесенныхъ для него жертвъ. Пусть только сѣверное солнце теплѣе и энергичнѣе пригрѣветъ возрождающіяся національности славянскія, прогоняя своими могучими лучами съ горизонта славянскаго объединенія пытающіяся застлать его чуждыя тучи, и не много останется ждать когда величественное и могучее славянское свѣтило ярко воссияетъ надъ міромъ, окруженное всеми родными своими слугами.

Относительно же результатовъ Берлинскаго конгресса, оставимъ въ утѣшеніе Европѣ иллюзію какого-то пораженія Россіи на Востокѣ: Турки и Болгары думаютъ не такъ.

Турки убѣждены что конгрессъ помогъ Россіи еще болѣе довершить ихъ пораженіе; они понимаютъ что Восточная Румелия, Герцеговина и Боснія, хотя и оставлены были якобы Турціи, но на дѣлѣ она уже давно съ ними распростилась; Эссалия тоже неожиданно улетучилась; даже и Англія, завладѣвъ Кипромъ и прикрывъ рукой Египеть, разочаровала Турокъ, доказавъ ясно что если она и радѣла о чьихъ-либо интересахъ, то лишь о своихъ.

Болгары также придаютъ мало цѣны Берлинскому конгрессу; во первыхъ, они успокоились, убѣдившись что созданная имъ Восточная Румелия все же на дѣлѣ осталась почти независимою отъ Турціи Южною Болгаріей, а во вторыхъ, они хорошо понимаютъ что спастись другихъ дѣло хорошее, но что нужно и о себѣ позаботиться, и сознаютъ что Россія уже и то много сдѣлала, и что кромѣ отдыха отъ гигантскихъ трудовъ у нея много дѣла внутри.

Слѣдовательно, обаяніе Россіи на Востокѣ не только не уменьшилось вслѣдствіе уступчивости выказанной въ Берлинѣ, а напротивъ поднялось настолько выше насколько думали узнать его европейскіе друзья.

В. ЯШЕРОВЪ.

ЗАГАДОЧНЫЯ ПЛЕМЕНА

ТРИ МѢСЯЦА НА „ГОЛУБЫХЪ ГОРАХЪ“ МАДРАСА *

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПРЕДИСЛОВІЯ.

Недавно одна большая лондонская газета дѣлала саркастическія замѣчанія о томъ что русскіе ученые, а русская публика тѣмъ болѣе, имѣютъ весьма смутныя понятія объ Индіи вообще и о ея народностяхъ въ частности.

На эту новую британскую „инсинуацію“ каждый Русскій могъ бы при случаѣ задать первому встрѣчному Англо-Индійцу такой вопросъ:

„Позвольте полюбопытствовать: много ли и что именно вы сами знаете о большей части подвластныхъ вамъ народовъ Индіи? На чемъ, на примѣръ, порѣшили ваши лучшие этнологи, ваши знаменитѣйшіе антропологи, филологи и статистики свой полувѣковой споръ насчетъ словно съ неба свалившагося таинственнаго Нильгирійскаго племени Тоддовъ? Что извѣстно вашему Королевскому Обществу, — хотя члены его вотъ ужь около полу столѣтія изъ кожи лѣзутъ чтобы выяснитъ этотъ вопросъ, — о загадочныхъ племенахъ „Голубыхъ Горъ“?.. о страхѣ наводящихъ, ужасъ внушающихъ карликахъ, именуемыхъ Мулу-Бурумбами? о Янади, Кхоттахъ, Эрулаарахъ, Бададахъ: то-есть о лати племенахъ

* Письма изъ Индіи, печатавшіяся при *Русскомъ Вѣстникѣ* подъ общимъ заглавіемъ: *Изъ пещеръ и долей Индостана*, приостановились вслѣдствіе поѣздки автора въ Нильгиріи и затѣмъ въ Европу. Между тѣмъ, отъ того же автора получено нами особое сочиненіе котораго начало и помѣщается здѣсь.

Нильгирн и о десяткахъ другихъ менѣ таинственныхъ, но столь же мало приведенныхъ въ извѣстность большихъ и малыхъ племенахъ живущихъ на другихъ горахъ?..“

Въ отвѣтъ на всѣ эти вопросы, если паче чаянiя Британецъ почувствуетъ себя въ припадкѣ честной откровенности (проявленiе въ немъ весьма рѣдкое), оклеветанный русскiй ученый и путешественникъ можетъ услышать слѣдующую неожиданную исповѣдь:

„Увы, мы ровно ничего о нихъ не знаемъ. Существованiе ихъ намъ извѣстно потому что мы встрѣчаемъ ихъ, часто бьемъ и колотимъ, а подчасъ и вѣшаемъ, но съ другой стороны, мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятiя ни о происхожденiи, ни о языкѣ большинства этихъ дикарей, менѣ всего о Нильгирiйцахъ. Наши англо-индiйскiе, какъ и отечественные ученые чуть не сошли съ ума на однихъ Тоддахъ! Поистинѣ, это племя составляетъ загадку этнологовъ нашего вѣка и, какъ кажется, загадку неразрѣшимую. И не только для насъ Европейцевъ, но и для самихъ Индусовъ, прошлое этого крошечнаго численною племенемъ покрыто непроницаемою завѣсою вѣковой тайны... Все въ немъ необычайно, своеобразно, непонятно, необъяснимо! Все, какъ было съ перваго дня когда мы нежданно-негаданно наткнулись на него, такъ и осталось до сего дня загадкою сфинкса!..“

Такъ отвѣтилъ бы всякiй честный Англо-Индiецъ Русскому. Такъ отвѣтилъ мнѣ одинъ англiйскiй генералъ,—о которомъ уломяемъ еще не разъ далѣе,—на мои разспросы о Тоддахъ и Курумбахъ.

„Тодды! Курумбы! почти закричалъ онъ придя въ азартъ.—Тодды почти свели меня съ ума одно время, а Мулу-Курумбы доводили меня не разъ до бѣлой горячки! Какъ и почему, узнаете послѣ. Но слушайте. Если кто изъ нашихъ правительственныхыхъ идиотовъ (*dunces*) скажетъ вамъ что онъ хорошо знаетъ и даже изучилъ Тоддовъ, то скажите ему отъ меня что онъ хвастаетъ и лжетъ. Этихъ племенъ никто не знаетъ. Ихъ происхожденiе, религiя, языкъ, обряды, преданiя, все это *terra incognita* для ученаго какъ и для профана... А ихъ удивительная „психическая сила“, какъ ее называетъ Карлентеръ *, ихъ такъ-называемое кодовство и дьявольскiя

* У. Карлентеръ извѣстный физиологъ.

чары, кто может намъ растолковать эту силу? Это непонятное, ничѣмъ необъяснимое ихъ вліяніе на людей и звѣрей; у Тоддовъ къ добру, у Курумбовъ ко злу, кто можетъ разгадать, показать намъ что это такое, какая это сила которою они орудуютъ по своему усмотрѣнію? У себя дома мы понятно смѣемся надъ нею и ихъ претензіями. Мы не вѣримъ въ магію и называемъ вѣру въ нее туземцевъ суевѣріемъ, ерундою. Мы и не посмѣемъ ей повѣрить. Во имя нашего расоваго превосходства и всеотрицающей цивилизаціи, мы обязаны отвертываться отъ такой чепухи. И однакоже *нашъ законъ признаетъ фактически* эту силу, если не въ принципѣ, то въ ея проявленіяхъ, наказывая обвиняемыхъ въ ней подъ разными замаскированными предлогами и пользуясь многими лазейками нашего законодѣвія... Этотъ законъ призналъ и самихъ колдуновъ, повѣсивъ вмѣстѣ съ ихъ жертвами нѣкоторыхъ изъ нихъ, не только за кровавыя, но и за тѣ безкровныя, таинственныя убійства ихъ, которыя никогда еще не были легально доказаны въ тѣхъ драмахъ которыя такъ часто разыгрываются здѣсь между колдунами Нильгири, съ одной, и туземцами долины съ другой стороны...“

„Да, вы правы: вы имѣете основаніе смѣяться надъ нами и нашими тщетными усиліями, продолжалъ онъ, потому что не взирая на всѣ наши старанія, со дня открытія этихъ грязныхъ *маговъ* и колдуновъ въ тущобахъ Нильгири (Голубыхъ горъ), мы не подвинулись ни на одинъ вершокъ въ разрѣшеніи вопросовъ о нихъ. Больше всего насъ раздражаетъ эта, поистинѣ, чародѣйная въ нихъ сила, опровергнуть проявленія которой мы не въ состояніи, такъ какъ для этого намъ пришлось бы бороться ежедневно противъ неопровержимыхъ доказательствъ... Отвергая объясненія этихъ фактовъ туземцамі, мы только запутываемся въ гипотезахъ собственнаго издѣлія. Отвергая реальность такъ называемаго *колдовства* и *чаръ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣшая колдуновъ, мы просто являемся въ нашемъ противорѣчии грубыми лапачами людей чьи преступленія не только еще не доказаны, но и отрицаются нами въ самой возможности... То же самое мы можемъ сказать и относительно Тоддовъ. Мы смѣемся надъ ними и все-таки глубоко уважаемъ это загадочное племя... Кто они, что они такое? люди или гени

этихъ горъ, боги людъ засаженными доскутьями человечества? Всѣ предположенія о нихъ отокаиваются какъ речивый мячикъ отъ гравитной скалы... Такъ и знайте впередъ, ни о Тоддахъ, ни о Курумбахъ вамъ ничего вѣрнаго не скажутъ ни Англо-Индійцы, ни сами туземцы, а не скажутъ потому что они сами ровно ничего о нихъ не знаютъ; да никогда и не узнаютъ...“

Такъ говорилъ мнѣ вильгирійскій плантаторъ, отставной генералъ-майоръ и судья на Голубыхъ Горахъ, отвѣчая на всѣ мои вопросы объ интересующихъ меня давно Тоддахъ и Курумбахъ. Мы стояли противъ скалъ „Озера“ и когда онъ замолчалъ, долго еще слышали какъ горное эхо, пробужденное его громкимъ голосомъ, повторяло насмѣшливо и замирая: „не узнаютъ... не узнаютъ!“

А вѣдь дѣйствительно интересно было бы узнать! Такое открытіе касательно Тоддовъ было бы, пожалуй, позанимательнѣе даже новаго открытія о десяти потерянныхъ племенахъ Израиля, которыя „Общество Отождествленія“ * вдругъ нечаянно и негаданно открыло теперь въ Англѣчангахъ.

А теперь дадимъ пока что знаемъ. Но прежде мы должны сказать нѣсколько словъ.

Избравъ въ этихъ замѣткахъ главными героями Тоддовъ и Мулу-Курумбовъ, мы чувствуемъ что вступаемъ на опасную для себя почву, почву нежеланную и нелюбимую ни европейскими учеными, ни неучеными Европейцами, менѣе же всего желающею угодить массамъ печати. Всѣмъ намъ вѣдомо какъ упорно она чурается всего что близко ли, далеко ли напоминаетъ читателямъ о „духахъ“ и спиритизмѣ. Но, говоря о Голубыхъ Горахъ и ихъ странныхъ племенахъ, намъ совершенно невозможно умолчать о томъ что составляетъ ихъ главную и самую выдающуюся характеристику.

Нельзя, описывая совершенно своеобразный уголокъ земнаго шара, а главное его загадочныя, ни на кого другаго не похожія племена, выкидывать изъ разказа то на чемъ вся ихъ бытовая и религіозная жизнь построена. Но крайней мѣрѣ, сдѣлать это въ отношеніи къ Тоддамъ и Курумбамъ также

* *Identification Society of London*, занимающіе своимъ предметомъ вопросъ о „потерянныхъ племенахъ“; общество чрезвычайно богатое и одиакъ изъ кирововъ Англїи.

немыслимо какъ ставить на сцену *Гамлета* выкинувъ изъ лесы роль принца Датскаго. Тогда и Курумбы родятся, растутъ, живутъ и умираютъ въ атмосферѣ коловства. Если вѣрить разказамъ туземцевъ и даже старожиловъ на этихъ горахъ изъ Европейцевъ, то эти дикари находятся въ постоянномъ общеніи съ невидимымъ міромъ. Повтому, если въ этой гирляндѣ географическихъ, этнологическихъ, климатическихъ и многихъ другихъ аномалій природы нашъ разказъ станетъ, развиваясь, перемѣшиваться, какъ лешенда, съ левелами, со всяческою, извиняюсь за выраженіе, чертовщиной, или съ аномаліями человѣческой природы въ области трансцендентальной физики, то вина въ томъ право не наша. Зная какъ эта область не жалуема гг. естествоиспытателями, мы бы душевно были рады осмѣять, какъ и они, всѣ мѣста какъ далека такъ и „не столь отдаленныя“ этой нелюбимой страны; да совѣсть не допускаетъ. Нельзя братья описывать со-всѣмъ новыя племена, мало кому извѣстныя расы, не затрогивая, въ угоду скелтикамъ, самой характеристичной, рельефной черты ихъ вседневной жизни.

Факты налицо. Простыя ли они послѣдствія ненормальныхъ и чисто физиологическихъ явленій, по излюбленной теоріи медиковъ; или же результаты проявленій (навѣрное столь же естественныхъ) силъ природы которыя кажутся науцѣ (въ ея настоящемъ невѣдѣніи) невозможными и несуществующими и повтому отвергаются,—для нашего дѣла это не составляетъ ни малѣйшей разницы. Мы заявляемъ, какъ уже сказано, только *факты*. Тѣмъ хуже для науки если она еще ничего о нихъ не узнала; а не зная о нихъ *ничего*, все-таки продолжаетъ называть ихъ „дикимъ абсурдомъ“, „грубымъ суевѣріемъ“ да бабушки сказками. Къ тому же притворяться невѣрующимъ и смѣяться надъ вѣрой другихъ въ то что самъ признаешь за доказанныя реальныя явленія, недопускающія ни малѣйшаго сомнѣнія, не есть дѣло ни честнаго человѣка, ни аккуратнаго разказчика.

Насколько мы лично вѣримъ въ такъ называемое коловство и „чары“ покажутъ слѣдующія страницы. Есть цѣлыя группы явленій въ природѣ, которыя наука не въ состояніи разумно объяснить указывая на нихъ какъ только на нечто проистекающее изъ дѣйствія однихъ химическихъ и физическихъ мировыхъ силъ. Въ матерію и силу наши ученые вѣрятъ; а въ жизненный принципъ, отдѣльный отъ

матеріи не желаютъ вѣрить; хотя, когда мы учтиво просимъ ихъ объяснить намъ что такое въ сущности эта *матерія*, и что такое замѣнившая ее теперь *сила*, то наши величайшіе просвѣтители становятся въ туликъ и говорятъ намъ: „не знаемъ“.

Такъ вотъ, пока имъ еще извѣстно объ этихъ трехъ предметахъ такъ же мало какъ Англо-Индійцамъ о Тоддахъ, мы попросимъ читателя сначала вернуться съ нами за болѣе нежели полстолѣтіе назадъ. Мы предлагаемъ ему послушать нашу сказку-быль о томъ какъ впервые напали на существованіе Нильгири (Голубыхъ Горъ), нынѣ Мадрасскаго Эльдорадо. Какъ тамъ нашли никому до того неизвѣстныхъ великановъ и карликовъ, въ коихъ можетъ быть усмотрѣно русскою публикой полное сходство между ея отечественными вѣдьмами и знахарями, а можетъ кое-что еще и похуже. Въ добавокъ ко всему этому, изъ этой сказки-были читатель узнаетъ что есть въ Индійскомъ поднебесьѣ такая чудная страна гдѣ на высотѣ 8.000 футовъ, въ январѣ мѣсяцѣ люди ходятъ въ однихъ кисейныхъ покровахъ, а въ юлѣ часто кутаются въ телыя шубы, хотя эта страна находится всего въ 11 градуссахъ отъ экватора. Такъ приходилось поступать и ниже подписавшейся, тогда какъ подъ ногами у насъ на 8.000 ниже постоянно стояла (по Фаренгейту) 118 градусовъ жару въ *прохладной* тѣни самыхъ густыхъ деревьевъ.

РАДДА-БАЙ.

Уттакамандъ (Голубыя Горы) 9 июля 1883 года.

ГЛАВА I

въ которой два Немрода отправляются на охоту за „богами“, а матыкаются вмѣсто нихъ на боа-контриктора и на Бробдигаговъ и Лиллипутовъ.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ.
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ...
Пойдетъ направо—пѣсьвъ заводитъ,
Наляво—сказку говоритъ...

Ровно шестьдесятъ четыре года тому назадъ, то-есть въ концѣ 1818 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, недалеко отъ Малабарскаго берега южной Индіи и всего въ 350 миляхъ отъ Дравидскаго пекла именуемаго Мадрасомъ, было случайно сдѣлано самаго неожиданнаго характера открытіе. До такой стелени оно показалось тогда всѣмъ страннымъ, даже невѣроятнымъ, что въ первое время ему никто и не повѣрилъ. Мгновенно возникли легендоподобныя, запутанныя и совершенно фантастическія слухи, сперва въ народѣ, а затѣмъ распространились и выше. Но когда они проникли въ мѣстныя газеты и превратились въ официальную дѣйствительность, то лихорадка выжиданія перешла у всѣхъ въ полное горячее состояніе...

Въ медленно шевелящихся и, вслѣдствіе жара, почти атрофированныхъ отъ бездѣйствія мозгахъ Англо-Мадрасцевъ произошла молекулярная пертурбація, говоря языкомъ извѣстныхъ физиологовъ. Все, за исключеніемъ лимфатическихъ *жудильяровъ* соединяющихъ въ себѣ темпераменты лягушки и саламандры, заколошлось, зашевелилось и громко забредило о нѣкоемъ чудно-прохладомъ эдемѣ, въ самыхъ нѣдрахъ Голубыхъ Холмовъ, * открытомъ, будто бы, двумя удалыми охотниками. По свѣдѣніямъ послѣднихъ, тамъ земной рай: благоуханныя зефара и прохлада круглый

* Переводъ со слова „Нильгири“ составляемаго изъ двухъ санскритскихъ словъ: *Нилла* „голубой“ и *Гири* „горы“ или холмъ; такъ называемыя отъ яркаго голубаго цвѣта этихъ горъ, какъ оныя представляются глазамъ жителей изъ долины Майсура и Малабара.

годъ; страна, надъ вѣчными туманами Куимбатура, * въ которой шумятъ величественныя водопады, стоитъ отъ января до декабря вѣчная европейская весна; цвѣтутъ дикія саженыя розы и геиотропы; благоухаютъ въ кувшины величавою лиліи, ** и гдѣ свободно разгуливаютъ, суда по ихъ громадной величинѣ, доломитныя буйволы и обитаютъ Гуливеровскіе Бробдигнаги и Лилалуты. Каждая долина, каждое ущелье этой чудной индійской Швейцаріи представляетъ замкнутый отъ остальнаго міра уголокъ земнаго гая и пр.

Отъ этихъ разказовъ, у „высокоцитимыхъ“ отцовъ Остъ-Индской Компаніи проснулась сонная и не менѣе мозговъ атрофированная печень, и потекали слюнки. Въ первое время никто не зналъ гдѣ именно были открыты такіа чудеса, ни куда, ни какъ вѣхать за стоаь заманчивою въ сентябрѣ прохладой. Наконецъ „отцы“ рѣшили что слѣдуетъ подкрѣпить открытіе официальнымъ путемъ и прежде всего узнать что такое именно открыто. Охотниковъ пригласили въ Главную Комтору Президентства, и тогда узнали что близъ Куимбатура произошло слѣдующее.

Но вопервыхъ, что такое Куимбатуръ?

Куимбатуръ—главный городъ уѣзда этого имени, а самый уѣздъ находится миляхъ въ трехъ стахъ отъ Мадраса, столицы южной Индіи, и знаменитъ во многихъ отношеніяхъ.

* Какъ полагаютъ, вслѣдствіе сильнаго зноя и болотныхъ испареній мѣстности, туманъ разстилается на высотѣ отъ 3 до 4.000 футовъ надъ морскимъ уровнемъ и вдоль всей цѣпи Куимбатурскихъ горъ,—постоянный голубой туманъ чрезвычайно замѣчательнаго яркаго цвѣта, который и превращается во время муссуновъ въ дождевыя тучи.

** Это не преувеличенное описаніе самой, быть-можетъ, замѣчательной въ мірѣ флоры. Кусты розъ всѣхъ цвѣтовъ вырастаютъ въ высоту домовъ и покрываютъ крыши, какъ и родъ геиотропа который достигаетъ до двадцати футовъ; но самыя замѣчательныя изъ цвѣтовъ, это бѣлыя съ одуряющимъ запахомъ лиліи. Дѣйствительно, величиной съ графинъ, онѣ растутъ въ третицнахъ голыхъ скалахъ, отдѣльными кустами въ аршина два, три вышиной, раскуская заразъ съ дюжину цвѣтковъ. Эти лиліи не растутъ на высотахъ менѣе 7.000 футовъ и ниже ихъ нельзя найтн. Чѣмъ выше тѣмъ онѣ прекраснѣе, и на Тоддоветскомъ пикѣ (около 9.000) онѣ цвѣтутъ десять мѣсяцевъ въ году.

Волевыми, онъ былъ обитовавшею землею для охотника на слона и тигра, какъ и на болѣе мелкую дичь, такъ какъ этотъ уѣздъ, вдобавокъ къ другимъ прелестямъ, славится своими болотами и дремучими лѣсами. Почувавъ смерть, слоны, почему-то, всегда уходятъ изъ чащи лѣсной въ болото. Тамъ они зазѣваютъ въ глубокую тишу гдѣ и приготовляются спокойно къ *миреамъ*. Вслѣдствіе такой замѣчательной привычки, болото изобилуетъ ихъ клыками, и слоновая кость добывается (или скорѣе добывалась во времена *оны*) довольно легко.

Говорю „добывалась“ въ прошломъ. Увы, для бѣдной Индіи все съ той поры измѣнилось! Теперь въ ней ничего не добывается, и никто ничего не можетъ добыть, кромѣ развѣ вице-короля которому вице-королевство доставляетъ царскія почести и сумашедшія деньги, впрочемъ иногда съ примѣсю гнилыхъ яицъ отъ сердитыхъ Англо-Индійцевъ. Между „тогда“ и „теперь“ легла бездна имперскаго „престижа“, полерекъ которой стоитъ привидѣніе лорда Беконсфильда... *Тогда* „отцы Компани“ добывали, покупали, открывали и сохраняли. *Теперь*, вице-королевскій совѣтъ получаетъ, принимаетъ, отнимаетъ и ничего не сохраняетъ. *Тогда* „отцы“ были круговращательною силой въ застывающей крови Индіи которую они хотъ и сосали, но иногда и обновляли, подавая новой крови въ ея устарѣлыя жилы. Теперь вице-король съ совѣтомъ подавляютъ развѣ только желчи. Вице-король есть центральная точка огромной имперіи съ которою онъ не имѣетъ ни симпатіи, ни чего-либо общаго. „Отцы“ если и были въ одномъ смыслѣ бурьяномъ родины священной коровы, то были и сочнымъ релейникомъ, кормившимъ милліоны кроткихъ ословъ. А вице-король, это лышныи искусственно-привитый цвѣтъ къ растенію называемому Индійскою Имперіей который истощая силы медленно убиваетъ самое растеніе. По поэтическому выраженію сэръ-Ричарда Темля, „вице-король крѣпкая ось вокругъ которой должно вертѣться колесо Имперіи...“ Положимъ что это и такъ: только это колесо стало съ нѣкоторыхъ поръ крутиться съ такою бѣшеною быстротою что грозитъ ежеминутно разбиться въ дребезги...

Но какъ тогда такъ и теперь, Куимбатуръ славился не только своими лѣсами и болотами, но считался и считается

разсадникомъ проказы, лихорадокъ и *элефантіаза*. * Буимбатуръ, то-есть уѣздъ носящій это названіе, скорѣе ущеалье нежели что иное. Это миль двѣсти въ длину и двадцать въ ширину бесконечно длинная и узкая полоса земли. Расположенный между Малабаромъ и Карнатикомъ, Буимбатурскій уѣздъ врѣзывается острымъ угломъ въ Анемальскія или Слоновыя Горы ** къ югу; постепенно поднимается къ высотамъ Майсура—къ сѣверу; а затѣмъ какъ бы приплюснутый съ боку Западными „Гхатами“ *** съ ихъ дремучими почти дѣвственными лѣсами, круто обрывается и исчезаетъ въ болѣе мелкихъ *дѣсонгалахъ* лѣсныхъ племенъ. То тропическая, вѣчно зеленая отъ испареній болотъ, обитель слона, и нынѣ уже вымирающаго боа-констриктора. Со стороны Мадраса эта нагорная масса, похожая издали на прямоугольный треугольникъ, словно прицѣплена къ другому, еще болѣе громадному, треугольнику,—къ равнинамъ Декканской нагорной плоскости опирающей свою сѣверную оконечность въ Виндійскія горы (*Vindya*) Бомбейскаго президентства, а западную и восточную оконечности въ „холмы“ Сахадри Мадраскаго президентства. Эти двѣ разжалованныя Англличанами въ холмы горныя цѣли составляютъ точку соединенія между восточными и западными *гхатами* Индіи. По мѣрѣ того какъ восточныя приближаются къ западнымъ *гхатамъ*, онѣ начинаютъ постепенно утрачивать свой вулканическій характеръ. Соединясь наконецъ съ волнообразными живописными возвышенностями западнаго Майсура и словно слившись съ ними, онѣ окончательно перестаютъ считаться *гхатами* и называются просто холмами †.

Объ оконечности этого какъ бы треугольника возвышаются въ Мадрасскомъ президентствѣ по обѣимъ сторонамъ

* Эта ужасная и почти неизлѣчимая болѣзнь, которая можетъ впрочемъ длиться цѣлые годы, оставляя человѣка въ другихъ отношеніяхъ совершенно здоровымъ, весьма здѣсь обыкновенна. Начинаеть сперва лухнуть съ подошвы и до подколенного одна нога, затѣмъ другая, пока обѣ не превратятся въ настояція безформенныя ноги слона какъ видно такъ величиной.

** Отъ слова *ане* „слоны“ и потому вѣроятно что съ незапамятныхъ временъ эти горы изобилуютъ слонами.

*** *Ghats* „горы“.

† *Гхата* „гора“, а *зири*—„холмъ“.

направо и налево города Кумбатура въ видѣ двухъ воскапцательныхъ знаковъ. Словно два гиганта часовые, поставленные природой сторожить входъ въ ущелье, стоятъ эти два острокопечные дика увѣнчанные зубчатыми скалами на подошги изъ зеленыхъ лѣсовъ и съ бедрами вѣчно укутанными въ облакахъ, да сизыхъ туманахъ. То остроглавыя горы, прозванныя въ мѣстной англо-индійской географіи „Тенерифами“ Индіи, Нильгири и Муккартебетъ. Первый, то-есть Тоддабетъ, возвышается на 8.760 футовъ, другой—на 8.380 футовъ надъ морскимъ уровнемъ.

Въ продолженіе столѣтій, обѣ эти вершины, особенно отъ Равгасуами, возвышенности самаго грознаго издали вида, слыли въ народѣ за горы недосыгаемыя для простыхъ смертныхъ. Давно уже такая ихъ слава перешла въ мѣстные легенды, и вся эта страна считалась въ народномъ суевѣріи за область священную и потому закоддованную, переступить рубежъ которой, даже нечаянно, было бы святотатствомъ достойнымъ смерти. То де обитель боговъ и высшихъ *деви* (дивъ). Тамъ *сварга* (рай) и тамъ и *нарака* (адъ) полный „азуровъ“ и „пизачей“ *. Такимъ образомъ, подъ охраной религіознаго повѣрья Нильгири и Тоддабетъ оставались въ продолженіе долгихъ вѣковъ совершенно неизвѣстными остальной Индіи. Тѣмъ менѣе въ тѣ далекія времена „достопочтенной“ (*Right Honourable*) Остъ-Индской Компаніи, то-есть въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, могло прійти въ голову кому-либо изъ Европейцевъ изслѣдовать замкнутую со всѣхъ сторонъ внутреннюю мѣстность въ горахъ; не потому чтобы кто изъ нихъ вѣрилъ въ поющихъ духовъ, а потому что вѣря въ недосыгаемость ихъ высотъ, никто и не подозрѣвалъ чтобы тамъ находились столь прелестныя уголки, тѣмъ менѣе къмъ-либо обитаемые кромѣ дикихъ звѣрей да змѣй. Рѣдко бывало когда Англичанинъ *спортсманъ* или охотникъ изъ Евразіевъ, дойдя до подошвы одного изъ закоддованныхъ холмовъ, настаивалъ чтобы туземный *шикарн* (охотникъ) проводилъ его на нѣсколько сотъ футовъ выше. Проводники туземцы какъ бы створаясь съ *шикарн* очень естественно, подъ тѣмъ либо другимъ предлогомъ, отъ этого

* Азуры „духи“ лѣвцы усаждающіе уши боговъ лѣсами какъ *гандарн* тѣшатъ ихъ музыкой; *Пизачи*—духи-залири. Всѣ оны *деви* (дивы) и раздѣляются на много классовъ.

отказывались. Чаще всего они увѣряли „сааба“ что идти нельзя; нѣтъ де тамъ ни дѣсовъ, ни дичи, а есть только одна бездна, скалы до облаковъ, да труппы обитаемыя злѣйшими дѣшими—почетная стража *диов*. Поэтому ни одинъ *шикари* не соглашался ни за какія деньги идти выше известной черты на этихъ горахъ...

Что такое „шикари“? Современный представитель этого класса остался тѣмъ же чѣмъ онъ былъ и въ баснословныя времена царя Рамы. Въ Индіи всякая профессія становится наследственною, а затѣмъ переходитъ въ *касту*. Чѣмъ былъ отецъ тѣмъ будетъ и сынъ. Дѣлыя поколѣнія кристаллизуются такъ бы застываютъ въ одной и той же формѣ. *Шикари* обыкновенно одѣты въ костюмъ составленный изъ охотничьихъ вещей, пороховницъ изъ буйволяго рога, да деревяго кремневаго ружья съ девятью осѣчками на десять выстрѣловъ, на совершенно голомъ тѣлѣ. Часто онъ имѣетъ видъ драгого старика, и при встрѣчѣ съ нимъ, одаренному чувствительнымъ сердцемъ „иностраницу“ (то-есть не туземцу какъ и въ Англичанину) всегда хочется предложить ему гофманскихъ капель: до того у него влажный и словно подведенный болю животъ. Но не потому нашъ *шикари* еле ползаетъ и ходитъ сгорбившись, согнутый въ три погибели, а по долгой развившейся въ силу его профессіи привычкѣ. Пусть только подзоветь его къ себѣ *саабъ* спортсманъ, пусть покажетъ и посулитъ ему нѣсколько рупій, и *шикари* мигомъ выпрямится и начнетъ торгъ на какого угодно звѣря. Условившись, онъ олять согнется въ дугу, поползетъ осторожно, обвивъ тѣло и подошвы лапучими травами, чтобы не выдать себя звѣрю и чтобы не почувалъ тотъ „духа человѣчяго“. И просидитъ онъ нѣсколько ночей на пролетѣ, спрятавшись какъ хищный ястребъ въ густой листь древесной, среди „вампировъ“ менѣе его кровожадныхъ. Не выдавая своего присутствія и полувздохомъ, дряхлый Немвродъ готовится хладнокровно слѣдить за агоніей привязаннаго или для приманки тигра къ дереву злополучнаго козленка или младенца-буйвола. А затѣмъ, оскаливъ зубы до ушей при видѣ тигра, онъ станетъ прислушиваться, не шевеля на okamъ мускуломъ, къ жалобному блѣванію и обонять съ наслажденіемъ запахъ свѣжей крови, смѣшанный съ хорошо ему знакомымъ острымъ специфическимъ запахомъ полосатаго палача дѣсовъ. Раздвинувъ осторожно и несмѣшко вѣтви,

онъ будетъ зорко и долго наблюдать за насыщающимся звѣремъ, и когда тотъ, тяжело ступая окровавленными лапами по засохшей землѣ, облизываясь и зѣвая, обернется еще разъ по привычкѣ всѣхъ „полосатыхъ“ поглядѣть на остатки своей жертвы, тогда *шикари* выстрѣлятъ изъ своего кремневаго ружья и навѣрно положитъ звѣря на мѣстѣ съ одного разу. „Ружье шикари никогда не осѣкается стрѣлая по тигру“, древняя пословица перешедшая между охотниками въ аксіому. А если *саабъ* жеваетъ самъ позабавиться стрѣльбой въ лѣснаго „бара сааба“ (большаго господина)* то шикари, замѣтивъ съ дерева куда тигръ отправился почивать, при первыхъ лучахъ солнечныхъ тотчасъ же соскочитъ со своей вѣтки, бросится со всѣхъ ногъ въ деревню, найметъ толпу, устроитъ облаву и будетъ онъ цѣлый день, подъ лаящими, убійственными лучами солнца, бѣгать отъ одной группы къ другой, устраивать, кричать, жестикулировать и отдавать приказанія, пока „саабъ“ № 1, не ранитъ съ безопасной высоты своего слона „сааба“ № 2, когда *шикари* все-таки прійдется самому доканать звѣря изъ своего древняго ружья. Только затѣмъ уже, если не случится чего особеннаго, отправится *шикари* подъ первый попавшійся кустъ, гдѣ онъ въ одно и то же время и за одинъ разъ роскошно позавтракаетъ, полоудичаетъ, пообѣдаетъ и поужинаетъ горстью протухлаго риса и каллею болотной воды.

Такъ вотъ съ тремя такими удалыми шикарями, и какъ сказано, въ сентябрѣ 1818 года, къ концу лѣтнихъ вакаціи два Англичанина, чиновники землемѣры на службѣ Компаніи, отправясь на охоту въ Куинбатуръ, заблудились и дошли до самыхъ въ тѣ времена охотничьихъ предѣловъ, а именно до Гузехутскаго ущелья, близъ нынѣ знаменитаго водопада Колакамбе. ** Надъ ними, далеко и высоко подъ облаками, прорываясь отдѣльными пятнами сквозь сизый

* Эта клучка дается туземцами безразлично какъ всякому чиновнику или охотнику изъ Англичанъ такъ и тигру. Для невинаго Индуса дѣйствительно не представляется между двумя такого ужъ большаго различія: развѣ только что на первомъ, къ его невзаслуженному счастью, ружье злосчастнаго туземца, при каждой національной попыткѣ, всегда давало осѣчку.

** Этотъ водопадъ имѣетъ 680 футовъ высоты. Теперь подлѣ него проходитъ дорога въ Уттакамандъ.

топкій туманъ, видѣлись скалистыя горы Нильгиры и Муккартебета... То *Terra incognita*, заколдованный міръ—

....Горы таинственныя,
Обитель Дня невѣдомыхъ,
Холмовъ голубыхъ....

какъ гласитъ старая лѣсня на нѣжномъ нарѣчїи Малаялама. По истинѣ „голубыя!“ Смотрите на нихъ съ какой угодно точки и на какомъ хотите разстоянїи, снизу, сверху, изъ долины или другихъ высотъ, и пока онѣ не пропадутъ у васъ совсѣмъ изъ вида, то даже въ туманную погоду, холмы, сверкая какъ драгоценный сафиръ внутреннимъ огнемъ, словно тихо дышать передиваясь какъ волнами своими золотисто голубыми, въ отдаленїи синими лѣсами, невольно поражае своимъ необычнымъ колоритомъ....

Землемѣры, пожелавъ попробовать счастья, приказали шикарямъ вести ихъ далѣе. Но удалые шикари, „какъ того и сѣдовало ожидать“, наотрѣвъ отказались. Далѣе изъ отчета двухъ Англичанъ мы узнаемъ что это старые, опытные и храбрые охотники, истребители тигровъ и слоновъ, съ перваго слова о томъ чтобъ идти далѣе, за водопадъ, бросились бѣжать. Поиманные и приведенные назадъ, они всѣ трое повалились ницъ предъ ревущимъ потокомъ, и, по наивному сознанїю одного изъ межешчиковъ, Киндерзлея, „соединенныя усилїя нашихъ двухъ толстыхъ плетей не могли поднять ихъ на ноги“... и прежде нежели они не окончили своихъ громкихъ заклинанїй *дивалъ* этихъ горъ, мольбы богамъ не наказывать и не губить ихъ, невинныхъ шикарей, за такое преступленїе. Они трепетали какъ осиновый листъ, катались по мокрой землѣ берега словно въ припадкѣ эпилепсїи“... „Никто и никогда не переступалъ за предѣлы водопада Колакамбе“, говорили они; „и кто вступить въ эти тущобы тому никогда не вернуться живымъ!“

Такъ въ тотъ разъ, или скорѣе въ тотъ день, Англичанамъ не удалось даже и переступить за черту водопада. Водей-неводей пришлось вернуться въ деревню, изъ которой, переночевавъ наканунѣ, они вышли утромъ. Безъ проводниковъ и шикарей Англичане боялись заблудиться, а потому уступили. Но они внутренно поклялись заставить шикарей идти въ будущїй разъ далѣе. Вернувшись въ селенїе на новый ночлегъ они созвали почти всю деревню и стали

держатъ со старшинами совѣтъ. То что она услышала равно-
жело ихъ любольствство еще болѣе.

Въ народѣ ходили о закодovanýchъ горахъ самыя невѣ-
роятныя слухи; и многіе изъ мелкихъ „земледаровъ“ (зем-
левадѣльцевъ) осылались на мѣстныхъ плантаторовъ и
чиновниковъ Евразіевъ, какъ на людей которые *знаютъ*
справду о священной мѣстности и хорошо понимаютъ невоз-
можность добраться туда. „Разказывали цѣлую эпопею о вѣ-
скомъ плантаторѣ индиго имѣвшемъ всѣ добродѣтели кромѣ
вѣры въ индусскихъ боговъ. Въ одинъ прекрасный день, гово-
рили важныя брамины, мистеръ Д. въ логовѣ за звѣремъ, не
обращая вниманія на наши постоянныя предостереженія, за-
брелъ за водопадъ и пропалъ съ того дня безъ вѣсти. Только
черезъ недѣлю затѣмъ узнали власти о его вѣроятной уча-
сти: да и то благодаря старой „священной“ обезьянѣ изъ
сосѣдней лагоды. Почтенная макашка имѣла, какъ видно,
привычку дѣлать, въ свободныя отъ религіозныхъ обязан-
ностей часы, визиты въ сосѣднія плантаціи гдѣ ее угощали и
кормили набожныя *кум*. Въ одно утро она явилась съ са-
логомъ на головѣ. Салогъ оказался съ отсутствующей ногой
плантатора, а самъ хозяинъ онаго такъ никогда и не на-
шелся: „безъ малѣйшаго сомнѣнія дерзновенный былъ разор-
ванъ на куски *пизачами*“, рѣшили въ народѣ. Правда, Ком-
панія заподозрила было браминовъ лагоды которые давно
тягались съ пропавшимъ за принадлежащую ему землю....
Но вѣдь *саабы* всегда и во всемъ подозрѣваютъ этихъ свя-
тыхъ людей особенно въ Южной Индіи...

Подозрѣнію не было дано ходу. Такъ бѣдный плантаторъ
и сгинулъ съ тѣхъ поръ... Онъ перешелъ всецѣло и на вѣки
въ далекій, и въ тѣ времена еще менѣе голубыхъ горъ из-
слѣдованный властями и учеными міръ, міръ безтѣлесной
мысли; а на землѣ онъ превратился въ сонъ, вѣчная память
о которомъ лодѣ видомъ стараго сапога, стоитъ и доселѣ
за стекаомъ, въ шкалу увѣдной полиціи...

Говорили... что еще говорили? а вотъ что: по сю сторону
„дождевыхъ тучъ“ горы необитаемы; это конечно въ отно-
шеніи однихъ только простыхъ, во всемъ зримыхъ смерт-
ныхъ; а по ту сторону „сердитой воды“, водопада, то-есть
на высотахъ священныхъ вершинъ Тодабета, Муккартебета
и Рангасуами, живетъ неземное племя,—племя кудесниковъ
и полубоговъ.

Тамъ—вѣчная весна, нѣтъ ни дождей, ни засухи, ни жары, ни холода. Чародѣи этого племени не только не женятся, но и не умираютъ, даже не рождаются: ихъ младенцы сваливаются совершенно готовыми изъ поднебесья и „растутъ вверхъ“, по характерному выраженію Толси въ *Хижинѣ дяди Тома*. Ни одному смертному не удавалось еще побывать на этихъ вершинахъ; какъ никогда и не удастся, развѣ только послѣ смерти. „Тогда это явится въ предѣлахъ возможности, потому что, какъ хорошо извѣстно браминамъ,—а кому же это лучше знать?—небожители Голубыхъ Горъ, изъ уваженія къ богу Брамѣ, уступили ему часть своей горы подъ *сваргу* (рай)“, антресоли котораго, надо полагать, находились въ то время въ лочинкѣ.

Однажды нѣкій шикари, изъ ихъ села, напившись пьянымъ въ коллекторской кухнѣ, отправился ночью высматривать тигра и нечаянно забрелъ за водопадъ. На другое утро его тоже нашли подъ горой мертвымъ и пр.

Такъ гласило устное, такъ еще повторяетъ и печатное преданіе въ *Сборникъ Мѣстныхъ Легендъ, Преданій* въ переводѣ съ Тамильскаго на англійскій языкъ миссіонерами; изданіе 1807 года, которое и рекомендуется читателю.

Подстрекаемые такими разказами, а главное видимыми прелятствіями и затрудненіями экскурсіи, наши два охотника рѣшились доказать еще разъ туземцамъ что для „высшей“ властвующей надъ ними расы слово „невозможность“ не существуетъ. Британскому *престижу* необходимо было заявлять себя во всѣ времена исторіи; иначе о немъ могли бы позабыть...

Извѣстно ли у насъ, въ благодушной Россіи, чтò такое именно заключается въ этомъ магическомъ словѣ „британскій *престижъ*“? Конечно, читателю болѣе или менѣе извѣстно что въ Индіи всѣ отъ отжирѣвшаго Европейца-лавочника, Евразія-плантатора потѣвующаго съ крѣпкимъ арапникомъ въ рукѣ надъ спинами куліевъ, отъ чваннаго чиновника подъ сѣрымъ *топи* на головѣ, имѣющемъ аршинъ въ діаметрѣ и похожемъ на глубокій опрокинутый соусникъ, да рыжаго, прилизаннаго, долгоногого, раззолоченнаго по швамъ и разящаго на десять шаговъ водкой солдата Англичанина, всѣ и каждый ищутъ заявить и установить кулакомъ собственный, а равно и національный *престижъ*. Но знаютъ ли какъ именно выражается въ Индіи *политическій престижъ*? Узнать

это можно только сравнительно. Въ далекія и болѣе счастливыя времена Уорена Гастингса и его удалыхъ товарищей, престижъ британскій состоялъ въ томъ чтобъ улыбаться щедрому восточному человѣку и принимая отъ него дары и натурою, и златомъ, все-таки при случаѣ надувать его, грабить и отнимать у него наслѣдіе отцовъ. Теперь декорация нѣсколько измѣнилась, но только на первомъ планѣ, а задній планъ и вообще весь грунтъ остались тѣ же. „Престижъ“ нашель полезнымъ для поддержанія блестящей фантазмагоріи именуемой Имперскою политикою, по выраженію англо-индійскихъ сатириковъ, преподноситъ ежегодно Маммонѣ милліоны заморенныхъ голодомъ бѣдняковъ. Районтъ (землепашецъ) есть козелъ отлущенія въ Индіи за британскіе грѣхи. Районтъ—жалкое существо которое, отъ рожденія до смерти, со своимъ всегда огромнымъ семействомъ, живетъ кусочкомъ иссохшаго поля. Обязанный платить за все, отъ вице-королевскихъ охотъ даваемыхъ въ честь скучающихъ туристовъ изъ королевскаго дома, до подарковъ императрицей царькамъ Индіи, безалащный районтъ лучше всѣхъ осуществляетъ силу и значеніе этого страшнаго слова: „политическій престижъ“. Этотъ „престижъ“ наслѣдовалъ Ваалу-Пеору, въ ненасытную пасть котораго бросались ежегодно тысячами рабы и лѣвники. Британцы перещеголяли впрочемъ въ этомъ даже самихъ Ассиріянъ. Они бросаютъ въ пасть „политическаго престижа“ милліоны человѣческихъ жизней. Со дня основанія этого престижа, районтъ осуществляетъ собою великое открытіе Дарвина „борьбы за существованіе“. Умирая голодною смертію въ странѣ несмѣтныхъ богатствъ и расточительности для поддержанія „престижа“ сильнѣйшаго, районтъ сдѣлался живымъ символомъ и вмѣстѣ протестомъ противъ теоріи *survival of the fittest*.

Да не вознегодуютъ, читая это какъ и все подписанное „Радда-Бай“ въ русскихъ журналахъ, ея подозрительные и ревнивые друзья Англо-Индійцы! Пусть лучше вспоминаютъ что писалъ о нихъ и объ этихъ самыхъ вопросахъ „Али-Баба“ * остроумнѣйшій изъ ихъ писателей, каждый взмахъ пера котораго былъ злѣйшею и вмѣстѣ глубоко-правдивою сатирою на современное положеніе Индіи.

* Aberight Маскау, профессоръ въ Морарѣ владѣніи Гвалиора, умершій два года тому назадъ въ Индіи.

Какими яркими, живыми красками описана имъ эта мученица страна! Взгляните на его панораму Индіи, на обязательное теперь въ ней присутствіе легионовъ арко-пунцовыхъ солдатъ да залитыхъ въ золото вице-королевскихъ *сайсовъ* и *чупрасси*. *Сайсы*—конюхи и скороходы чиновниковъ, а *чупрасси*—официальные правительственные разсыльные ворящие ливрею „имперіи“ и состоящие при всѣхъ, большихъ и малыхъ, гражданскихъ чиновникахъ; если продать ихъ на вѣсъ золота въ ихъ ливреяхъ то они представляютъ сумму, половины которой достаточно чтобы прокормить сотни семействъ ежегодно. Прибавьте къ нимъ издержки багровыхъ отъ пьянства членовъ совѣта и разноразличныхъ комиссій, учреждаемыхъ обыкновенно *при коню* каждой повальной голодовки и докажется что политическій британскій *престижъ* убиваетъ ежегодно болѣе туземцевъ нежели взятые вмѣстѣ холера, тигры, змѣи, и даже такъ легко (и всегда такъ кстати) долающіяся индійскія селезенки... * Правда, убыль причинаемая имъ въ рядахъ чернорабочаго люда полагается прибылью все разрастающагося племени и поколѣній Евразіевъ. Эта весьма некрасивая раса „креоловъ“, одинъ

* Этотъ органъ человеческого тѣла, по-англійски *селезка* (*spleen*) дѣйствительно играетъ въ Индіи большую роль. Туземная селезенка лучшій другъ и защитникъ англійскихъ шей которымъ безъ нея неминуемо грозила бы веревка. Селезенка до такой степени саба и нѣжна во мнѣніи англо-индійскихъ судей и присяжныхъ что стобѣтъ дать туземцу щелчокъ въ животъ, дотронуться до него деликатно европейскимъ пальчикомъ чтобы тотъ вдругъ упалъ да и умеръ! Туземныя газеты уже давно, подымая гвалтъ о такой нещадности до прихода Британцевъ деликатности ихъ *селезка*. Особенно немалая селезенка у раджей, чѣмъ Англичане очень огорчаются. „Почти невозможно“, разсуждаютъ они, „чиовнику прикоснуться къ радже или даже къ собственному *кит-магару* (буфетчику) безъ того чтобы у того, какъ на вао, не лопнула селезенка!“ Вотъ наприкѣръ случилось съ какимъ-то полоумнымъ раджей припадкомъ. Подхватилъ его подъ руки „политическій агентъ“, немощко потрясъ чтобы привести въ чувство и только что посадилъ на оуддукъ какъ у того и духъ вонъ! А теперь, вотъ и возись съ этимъ штатикомъ... Ищи для него, подыскивай новаго раджу... Нечего дѣлать, приходится опять брать на себя новую обузу опеку надъ осиротѣвшимъ штатомъ! (Разумеется англо-индійской печати).

Подлинно: поданы терній извилистыя тропы по которымъ идетъ впередъ индійское правительство!

изъ самыхъ объективныхъ и удачныхъ символовъ нравственности внесенной расой цивилизованною въ расы полудикихъ рабовъ ихъ, Индусовъ. Евразіи созданы на свѣтъ Англичанами при помощи Голландцевъ, Французовъ и Португальцевъ. Они вѣнецъ и безсмертный памятникъ дѣятельности благодушныхъ „отцовъ“ Остѣ Индской Компаніи. Компанейскіе „отцы“ часто вступали въ браки съ туземками, законы какъ и незаконные (такъ какъ разница между тѣми и другими въ Индіи весьма небольшая: она основана на вѣрованіи супруговъ въ степень святости коровьяго хвоста). Но и это послѣднее звено дружескихъ сношеній между высшею и низшею расами оборвалось. Теперь, къ великой радости Индусовъ, Англичане стали смотрѣть на ихъ супругъ и дочерей съ отвращеніемъ которое превышаетъ развѣ только гадливостью туземцевъ при видѣ Англичанки болѣе или менѣе *декольте*. Двѣ трети Индіи наивно вѣрятъ въ раслуцанный браминами слухъ что „бѣлые“ обязаны своимъ цвѣтомъ проказѣ.

Но не въ этомъ вопросъ, а въ „престижъ“. Это чудовище родилось вслѣдствіе трагедіи 1857 года. Заметая метлой послѣдующихъ реформъ всѣ сады Англо-Индіи коммерческой, офиціальная Англо-Индія вырыла между собою и туземцами такую бездну что не завалить ее и тысячацѣтiami. Не взирая на грозный призракъ британскаго престижа, она расширяется ежедневно, пока не поглотитъ окончательно одну изъ породъ либо черную, либо бѣлую. „Престижъ“ поэтому есть не болѣе какъ разчитанная мѣра самосохраненія. Вслѣдствіе усиленнаго вниманія къ престижу и сталъ появляться въ послѣдніе годы голодный моръ среди туземцевъ. Въ глазахъ этой „христіанской“ націи это даже не грѣхъ. Туземецъ давно объявленъ ею не человѣкомъ, а вещью. Онъ наскоро собранная природой комбинація слабо склеенныхъ атомовъ, прямая эволюція, безъ переходныхъ стадій асцидіи въ негра, даже безъ помощи обезьяны. Этотъ новый научный взглядъ внушается всѣмъ туземцамъ: отъ залаиваемаго до полусмерти шампанскимъ и оліумомъ *радужи*, до прозрачнаго отъ худобы и голода *кули* и *ри:ота*. Первый уже такъ хорошо дрессированъ „политическими резидентами“ что готовъ, за лишній лучечный выстрѣлъ въ слѣдующемъ ему по праву салютъ, продать во имя политическаго британскаго *престижа* всю Индію, съ родными отцомъ и матерью въ придачу. Второй, то-есть

райотъ, способенъ реализовать эту великолѣпную Беконсфильдовскую идею въ своихъ изсохшихъ отъ лишения мозгахъ вполнѣ только при послѣднихъ минутахъ жизни: онъ синтезируетъ ее умирая голодною смертию...

Принося за эту диверсію челобитную, возвращаюсь къ положенію Куимбатурцевъ въ 1818 году. Попадъ между двухъ огней: *престижа* земныхъ владыкъ и суетнаго страха предъ владыками преисподней и ихъ мщеніемъ, злосчастные Дравиды почувствовали себя прищемленными между рогами ужасной дилеммы. Не прошло и недѣли англійскіе *саабы* оставившіе было жителей деревушки въ сладкой надеждѣ что миновала ихъ еще одна гроза, вернулись въ Метопаламъ у подошвы Нильгири и поразили ихъ какъ громомъ объявленіемъ что чрезъ три дня по прибытіи нѣсколькихъ гарнизонныхъ солдатъ и межевщиковъ отрядъ намѣренъ предпринять путешествіе на священныя вершины Голубыхъ Горъ.

Услышавъ страшную для нихъ новость, нѣсколько земледаровъ обрекли себя на *джарну*, то-есть голодную смерть, у дверей *саабовъ*, пока тѣ не взмилуются и не обѣщаютъ отказаться отъ намѣренія. Деревенскіе *мунсифы* разодравъ одежду, что не стоило большихъ усилій, обрили головы своимъ женамъ и заставили ихъ, въ знакъ общественнаго бѣдствія и общаго траура, царапать себѣ (конечно, женѣ) въ кровь лица. Браминны читали заклинанія и *мантры* вслухъ, посылая про себя Англичанъ съ ихъ богохульными затѣями въ *наракъ* ко всѣмъ чертямъ. *Метопаламъ* огласился волями и криками отчаянія на цѣлые три дня. Ничего не помогло. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Снарядивъ партію изъ подобранныхъ между компанейцами смѣльчаковъ, новые Колумбы рѣшились было пуститься въ путь и безъ проводниковъ. Деревня опустѣла будто послѣ военнаго разгрома; туземцы разбѣжались въ ужасъ, и межевщикамъ, ководамъ партіи, не оставалось дѣлать ничего иного какъ пойти самимъ разыскивать путь къ водопаду. Они заблудились и вернулись. Эксплораторы однако не смутились. Поймавъ гдѣ-то спрятавшихся двухъ поджарыхъ Малабарцевъ, объявили ихъ лѣнными: „Либо ведите и вотъ вамъ злато; либо отказывайтесь и все-таки пойдете, такъ какъ васъ потащутъ силой. А затѣмъ, вмѣсто злата, тюрьма.“ А въ тѣ блаженные дни кроткихъ отцовъ компанейства слово „тюрьма“ было синонимомъ, въ Мадресскомъ да и другихъ

президентствахъ, *пыткѣ*. Оно и теперь иногда случается, какъ это было еще недавно доказано; а въ тѣ времена жалобы самаго младшаго изъ писарей высшей расы было достаточно чтобы подвергнуть туземца пыткамъ. Угроза подѣйствовала. Бѣдные Малабарцы понурили головы и ни живые, ни мертвые повели Европейцевъ къ Колакамбе.

Странно, если случилось затѣмъ то что разказываютъ: а что было такъ, въ этомъ намъ лоружкой официальное донесеніе двухъ межевщиковъ. Не доходя до водопада, на привалѣ, одного изъ Малабарцевъ, не взирая на непривлекательную костлявость, увесъ тигръ, прежде чѣмъ кто-либо изъ охотниковъ замѣтилъ звѣря. Крики несчастнаго привлекли ихъ вниманіе когда уже было поздно: „выстрѣлы цац не попали, цац же убилъ жертву которая вмѣстѣ съ похитителемъ исчезла изъ глазъ, словно оба провалились сквозь землю“, сказано въ рапортѣ. А другой туземецъ, переправившись черезъ быстрый потокъ на другой, „запрещенный“, берегъ, за милю отъ водопада гдѣ партія въ первый день восхожденія заночевала, безо всякой видимой причины *внезапно умеръ*, вѣроятно всею отъ страха. Любопытно читать мѣстные очевидца касательно этого страннаго совладенія. Описывая этотъ случай (въ *Madras Courier*, 3 ноября 1818 года) одинъ изъ чиновниковъ, по имени Киндерслей (*Kindersley*), пишетъ такъ:

„Убѣдясь въ непритворной смерти втораго *арана* (*nigger*), наши солдаты, особенно суетворные Ирландцы, очень смутились. Но мы съ Ушемъ *Whish* (имя другаго межевщика) тотчасъ же рѣшились: отступить значило обезчестить себя безъ пользы, стать вѣчнымъ посмѣшищемъ товарищамъ и закрыть на вѣки входъ въ Нильгирійскія горы и къ ихъ чудесамъ (кои такіа тамъ имѣются) всѣмъ другимъ Англичанамъ. Мы положили отправиться даале безъ проводниковъ, тѣмъ болѣе что ни оба умершіе Малабарца, ни другіе живые не болѣе насъ самихъ знали дорогу по ту сторону водопада.“

Даале слѣдуетъ подробное описаніе ихъ труднаго восхожденія на горы и карабканья по совершенно перпендикулярнымъ скаламъ, пока они не очутились за облаками, то-есть за чертой „вѣчнаго тумана“ и не увидали сго волнующейся синевы подъ ногами. Такъ какъ все что они тамъ нашли описано даале и находится въ извѣщеніяхъ изъ писемъ Д. Сѣлаивана, уѣзднаго коллектора кумбатурскаго, посланнаго

послѣ правительствомъ на формальное свидѣніе, то во избѣжаніе повтореній я и ограничусь лишь поверхностнымъ, въ немногихъ словахъ, описаніемъ главнѣйшихъ локожденій двухъ межевщиковъ.

Отправляясь выше, далеко за рубежъ тумановъ, наши авантюристы наткнулись на огромнаго боа-констриктора. Одинъ изъ нихъ печально упалъ въ полу-темнотѣ на нѣчто „саизистое и мягкое“. Это „нѣчто“ зашевелилось, зашуршало, встало и оказалось тѣмъ чѣмъ оно и было, то-есть весьма неприятнымъ собесѣдникомъ. Удавъ, въ видѣ привѣтствія, обвился вокругъ одного изъ „суевѣрныхъ“ Иранцевъ и успѣлъ до полученія нѣсколькихъ пуль въ широко разинутую пасть сжать „Патрика“ въ своихъ холодныхъ объятіяхъ съ такою силой что несчастный черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого умеръ. Убивъ не безъ большихъ затрудненій чудовище и смѣривъ содранную кожу, путешественники направи, къ ужасу и удивленію, что боа имѣлъ 26 футовъ въ длину! Затѣмъ пришлось копать для бѣднаго Иранца могилу, что они совершили съ большимъ трудомъ, еле услѣвъ сласти тѣло отъ налетающихъ со всѣхъ сторонъ бѣлыхъ коршуновъ. Могилу эту показываютъ до сего дня. Она находится подъ скалой, немного выше Куннурра. Первые поселенцы Англичане сложились и украсили мѣсто приличнымъ памятникомъ въ воспоминаніе „перваго пионера погибшаго въ экспедиціи на горы“.

Надъ двумя „аралами“ не поставили ничего, хотя по праву они-то и были „первыми“ погибшими въ экспедиціи жертвами какъ и первыми, хотя и невольными, пионерами. Но если въ глазахъ Англичанина даже всегда ненавистный Иранецъ все же *нѣчто* *въ родѣ* человѣка, то туземецъ Индіи—даже и не скотина: иначе за него навѣрное бы заступилось Общество Покровительства Животнымъ, чего она, какъ всѣмъ извѣстно, не дѣлаетъ.

Потерявъ двухъ черныхъ лѣшекъ и одного бѣлаго человѣка, Англичане поѣздили далѣе и встрѣтились со стадомъ слоновъ дававшихъ другъ другу регулярное сраженіе. Слоны, къ счастью, не замѣтили ихъ, а потому и не тронули. За то они заставили разбѣжаться во всѣ стороны испуганный отрядъ. Когда отрядъ хотѣлъ снова собраться, то напелъ себя разбѣяннымъ на группы по два и по три человѣка. Пролежавъ всю ночь въ лѣсу, человѣкъ семь вернулись въ разные часы слѣдующаго дня въ деревню, изъ которой экспедиція

вышла за сутки до того съ такою заносчивостью. Три человека Европейцы исчезли безслѣдно.

Оставленные одни, Киндерлей и Уинъ бродили по склонамъ горъ въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ: то подымаясь на вершины, то снова спускаясь въ ущелья. Все время имъ приходилось питаться ягодами и грибами которые они находили здѣсь во множествѣ. Каждый вечеръ, ревъ тигровъ и словесъ заставляла ихъ искать убѣжища на высокихъ деревьяхъ и проводить ночи безъ сна, чередуясь часами и ожидая ежеминутно смерти. *Дивы* и другіе таинственные обитатели и хранители „законованныхъ“ труповъ заявили себя такимъ образомъ съ перваго же дня. Неудачные искатели нѣсколько разъ лорывались вернуться назадъ; но не взирая на всѣ усилія и хотя шли прямо внизъ, встрѣчали ежеминутно такія на пути препятствія которыя заставляли ихъ по неволѣ сворачивать въ сторону, а ища обойти скалу или холмъ, они находили себя снова въ безвыходной трупобѣ. Ихъ инструменты и даже оружіе, кромѣ висѣвшихъ на нихъ ружей и пистолетовъ, остались въ рукахъ остальной партіи. Имъ было невозможно ни ориентироваться, ни найти дороги внизъ, и оставалось одно, подниматься все выше и выше. Если сообразить что со стороны Куимбатурса, Нилгири возвышаются лѣстницей громаднѣхъ перпендикулярныхъ скалъ отъ 5.000 до 7.000 футовъ до самой долины Уттакаманда, что многія изъ такихъ скалъ образуютъ страшныя бездны и что межвщики именно и выбрали эту дорогу, то можно легко себѣ представить съ какими трудностями пришлось имъ бороться. По мѣрѣ ихъ восхожденія, природа какъ бы отрѣзывала имъ путь назадъ. Часто имъ приходилось взлѣзать на верхушки деревъ чтобы затѣмъ перепрыгивать черезъ обрывы на ближнюю скалу...

Наконецъ, на девятый день странствованія, потерявъ всякую надежду найти въ этихъ горахъ что-либо кромѣ смерти, они рѣшились попытаться еще разъ вернуться назадъ, спускаясь съ горы прямо и избѣгая сколько возможно всякихъ поворотовъ въ сторону. Вслѣдствіе такого рѣшенія, они положили сперва взобраться на самую высокую предъ ними мѣстность, чтобы разглядѣть съ нея окрестности и лучше сообразить предстоящій имъ путь. Они находились въ то время на полянѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ высокаго и лювдимому довольно отлогато холма, какъ имъ показалось, съ небольшими скалами на верху. Чтобы добраться

до послѣднихъ, казалось стоило только взбѣжать на холмъ, что, судя по его наружному виду, не представляло большихъ затрудненій. Къ ихъ удивленію, и съ потерей послѣднихъ силъ, имъ пришлось взбираться около двухъ часовъ. Густо покрытый травой которую здѣсь называютъ „атаасною“ (*satin grass*), отлогій холмъ оказался до того скользкимъ что съ первыхъ же шаговъ пришлось имъ подниматься почти ползкомъ и цѣпляясь за траву и кусты чтобы каждую минуту не скатываться назадъ. Взбираться вверхъ по такой травѣ все равно что стараться взойти на стеклянную гору. Достигнувъ наконецъ, послѣ невѣроятныхъ усилій, вершины, оба упали въ совершенномъ изнеможеніи и приготавлились, какъ пишетъ Киндерзлей, „къ худшему“.

То былъ нынѣ извѣстный по всему Уттакаманду знаменитый „холмъ гробницъ“, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, *sairns*. Такое друидское названіе всего болѣе подходитъ къ характеру этихъ памятниковъ неизвѣстной, но глубокой древности, которые межешчики сперва приняли за скалы. Этого, какъ и многіе другіе холмы Нильгирійской цѣли, весь укрываетъ подобными гробницами. Разсуждать о нихъ, впрочемъ, много не приходится. Какъ и все остальное въ этихъ таинственныхъ горахъ, ихъ происхожденіе и послѣдующая исторія покрыты непроницаемымъ мракомъ. Пока, впрочемъ, наши герои отдыхаютъ, собираясь съ новыми силами, можно поговорить и о могилахъ, на это не потребуются много времени.

Когда, лѣтъ двадцать поздне времени нашего разказа, стада производить раскопки, то въ каждой гробницѣ было найдено большое количество желѣзной, бронзовой и глиняной утвари, необычайной формы фигуры и металлическія грубаго издѣлія украшенія. Ни фигуры, — по видимому идола, — ни украшенія, ни утварь, ничѣмъ не наломиваютъ подобныхъ имъ предметовъ употребляемыхъ въ другихъ частяхъ Индіи и другими народами. Особенно глиняныя издѣлія замѣчательны своимъ видомъ: словно первообразы гадовъ (описанные Берозомъ) что ползали въ хаосъ при сотвореніи міра. Касательно самихъ гробницъ, къмъ и когда онѣ были сооружены, какой изъ людскихъ породъ онѣ послужили послѣднимъ убѣжищемъ на землѣ, также ничего нельзя ни сказать, ни даже предположить, ибо всякая гипотеза разбивается тѣмъ либо другимъ затрудненіемъ. Что означаютъ эти странныя

геометрическія фігуры, каменныя, кастяныя і гліняныя, гэты докеадры, трюгоаьнікі, пяці, шэсці і васьміугольнікі самой правільнай формы, гэты наконець гліняныя фігуркі съ бараньімі і осліньімі галавамі на лцічыхъ тѣлахъ? Гробніцы, то-есть окружающая могила стѣна, всегда овалной формы, отъ двухъ до трехъ аршинъ вышины и сложена изъ крупныхъ неотесанныхъ и безо всякаго цемента камней. Стѣна всегда обрамляетъ глубокую, иногда въ пять и шесть яровъ глубины, могила, покрытую довольно правильнымъ сводомъ и выложенную иногда, какъ скелетъ, гладкими камнями, хотя скелеты и трудно различить, — до такой степени они завалились отъ древности земель и камнями. Форма гробницъ, хотя и схожая своимъ вѣшнимъ видомъ съ такими же древними могилами въ другихъ частяхъ свѣта, мало сама по себѣ проясняетъ свѣта на ихъ происхождение. Такіе памятники находятся въ Бретани и другихъ частяхъ Франціи, въ Валлисѣ и въ Англіи какъ и въ горахъ Кавказа. Конечно, у англійскихъ ученыхъ и тутъ дѣло не обошлось безъ вездѣ-сущихъ Скиеовъ и Парейнъ. Только схороненные въ нихъ археологическіе останки ужъ совсѣмъ не скиескіе; да и скелетовъ въ нихъ еще не находилось до сей поры какъ и чего-либо похожаго на оружіе. Надписей также нѣтъ никакихъ, хотя и были вырыты каменныя доски, по угламъ которыхъ выпаралано нѣчто похожее на іероглифы, въ родѣ тѣхъ что находятся на обелискахъ Палаанки и другихъ мексиканскихъ развалинъ.

Между всѣми пятью племенами Нильгарійскихъ горъ, людьми пяти совсѣмъ различныхъ между собою породъ,* не нашлось никого кто могъ бы доставить хотя малѣйшее свѣдѣніе касательно этихъ, никому неизвѣстныхъ, могилъ. Тодды, самое древнее изъ пяти племенъ, также ничего не знаютъ о нихъ. „Не наши и не можемъ сказать чьи онѣ; наши отцы и первыя поколѣнія наши ихъ здѣсь, и никто не строилъ ихъ за наше время“; вотъ постоянный отвѣтъ Тоддовъ археологамъ. Если вспомнить при этомъ древность которую себѣ приписываютъ Тодды, то выйдетъ что въ этихъ могилахъ хоронили праотцевъ Адама и Евы. Обряды погребенія у всѣхъ пяти племенъ совершенно различные между собою. Тодды сожигаютъ своихъ покойниковъ

* См. описаніе этихъ пяти племенъ далѣе, въ III главѣ.

вмѣстѣ съ любимыми буйволами; Мулла-Курумбы хоронятъ ихъ подъ водою; Эруаллары привязываютъ ихъ къ верхушкѣ деревь, и т. д.

Еслибы, придя въ себя, заблудившіеся охотники встали и привяались бы осматривать окрестность, которая разстлалась предъ ними во всѣ стороны на много десятковъ миль, то они вѣроятно предупредили бы меня описаніемъ одной изъ великолѣпнѣйшихъ панорамъ Индіи, такъ какъ, не вѣдая еще тогда сами того, они находились на самой высокой, за исключеніемъ Тоддабетскаго *ника* *, вершинѣ этихъ горъ. Трудно представить себѣ, а еще менѣе братьея описывать чувства волновавшія въ то время двухъ Альбионцевъ лицомъ къ лицу съ такою грандіозною картиною. Вѣроятно же всего что ничего похожаго на восторгъ художника или члена „Альпійскаго Клуба“ не нашло себѣ мѣста въ ихъ усталой груди. Они были голодны и полумертвы отъ истощенія, а такое физическое состояніе всегда будетъ брать верхъ въ подобныя минуты надъ духовнымъ элементомъ бѣднаго человечества. Еслибы,—какъ то часто дѣлають теперь, шестьдесятъ лѣтъ позднеѣ, ихъ потомки,—еслибы они пріѣхали къ этому холму верхомъ или въ рессорной коляскѣ, окруженные десятками корзины съ яствами для веселаго пикника, то они вѣроятно пришли бы въ такой же энтузіазмъ какъ и всѣ мы предъ открывающимся съ этого холма какъ бы новымъ міромъ. Но то былъ критическій часъ какъ для всего Мадрасскаго президентства, какъ для нихъ, такъ и для насъ: погибли они тогда въ горахъ, не было бы теперь ежегодно спасаемыхъ сотенъ жизней, какъ и не былъ бы написанъ нами этотъ правдивый разказъ.

Такъ какъ эта мѣстность тѣсно связана съ послѣдующими событіями, то я прошу позволенія очертить ее и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить, за отсутствіемъ лучшаго описанія, свои собственные чувства. Трудно тому кто побывалъ хоть разъ на „Холмѣ Гробницъ“ забыть его въ продолженіе самой долгой жизни. А пишущая эти строки не разъ совершала Геркулесовскій подвигъ восхожденія на холмъ по этому скальзкому пути... Впрочемъ, слѣшу оговориться и вмѣстѣ покаяться: подвигъ былъ всегда совершаемъ мною въ покойномъ креслѣ-лаванкинѣ, на головахъ у дюжины алчныхъ куаисъ,

* Англичане почему-то называютъ его Доддибетъ.

всегда готовыхъ въ Индіи рисковать селезенкой изъ-за пригоршви мѣди. Въ Англо-Индіи мы легко привыкаемъ ко всему, даже обращаться въ невѣроятныхъ убійцѣ ближняго, несчастнаго меньшаго брата, прямикообразнаго и высохшаго куди. Но въ отношеніи къ Холму Могиалъ по крайней мѣрѣ мы желаемъ и требуемъ смягчающихъ обстоятельствъ, въ виду нашей тяжелой вины предъ совѣстью. Всегда ожидающій на немъ путника міръ волшебства и чудесъ природы способенъ парализовать всякую предосторожность не только касательно чужой, но даже и своей селезенки.

Постарайтесь вообразить себѣ эту картину. Взойдите на этотъ холмъ, то-есть почти на 9.000 футовъ выше уровня моря, которое, къ слову, сияетъ тонкою ниткой, въ сорока миляхъ отсюда, на горизонтѣ Малабарскихъ береговъ, и взгляните: лодъ ногами у васъ миль на двѣсти кругомъ разстилается пространство какъ на ладони! Куда ни взглянешь направо, налево ли, на югъ или на сѣверъ, предъ глазами у васъ волнуется безбрежное море зеленыхъ, алыхъ и синихъ холмовъ, остроконечныхъ, зубчатыхъ и закругленныхъ вершинъ скалъ, самыхъ фантастическихъ и капризныхъ формъ: точно изъ синя-зеленый, облитый сіяніемъ тропическаго солнца, бураивый океанъ во время циклона, покрытый мачтами утоляющихъ и утонувшихъ кораблей. Такимъ мы видимъ иногда океанъ-призракъ во время сна.

Взгляните теперь на сѣверъ. Хребетъ Нильгирійской цѣли, поднимаясь на 3.500 фут. выше нагорныхъ лоскостей Майсура перебрасывается гигантскимъ мостомъ въ 15 миль ширины, и 49 въ длину, какъ бы выростая изъ пирамидообразнаго Телламулаа западныхъ *ghats*, и стремится слома голову отлогими уступами, съ сіяющими безднами по обѣимъ сторонамъ, вплоть до утоляющихъ въ бархатистой сизой мглѣ округленныхъ холмовъ Майсура. Тамъ, наткнувшись на острья скалы Пайкара, чудовищный мостъ, кромѣ узенькой лодоски которая соединяетъ одну цѣль съ другою, вдругъ обрывается перпендикулярно внизъ, разбивается на мелкія скалы, превращается въ булыжникъ и начинаетъ шумѣть, бурлить потокомъ, бѣшено лорываясь, впередъ, будто догоняя свѣтлую рѣку вырвавшуюся изъ мощныхъ вѣдръ его горы.

А теперь бросьте взглядъ на южную сторону Холма Могиалъ. Тамъ миль на сто въ длину, во всю юго-западную область Голубыхъ Горъ, дремаютъ, во всемъ величій своей

недоступной, дѣственной красоты, темные лѣса, непроходимыя болота Куимбатура, замыкаемыя красными какъ кирпичъ холмами Кхунда. Еще далѣе, лѣвѣе на востокъ, извиваясь каменнымъ змѣемъ, уходитъ въ даль средній хребетъ *Глатъ* между двумя рядами высокихъ, вулканическихъ почти отвѣсныхъ скалъ. Увѣчавныя, словно растрепанными волосами на макушкѣ, букетами изогнутаго во всѣ стороны вѣтромъ сѣвика, эти вереницы отвѣсныхъ зубчатыхъ вершинъ представляютъ самое любопытное зрѣлище. Можно подумать будто выбросившая ихъ вулканическая сила имѣла въ виду приготовить каменную модель грядущаго человѣка, до того эти утесы имѣютъ человѣкообразную форму. Сквозь волнующійся, прозрачный какъ дыма туманъ, онѣ будто сами волнуются, двигаясь одна за другою, и мнитса будто скачуть и бѣгутъ онѣ, эти старыя, покрытыя вѣковымъ мохомъ скалы. Перелутываясь, толкая, опережая и разбиваясь другъ о друга, слѣшать онѣ какъ мальчишки школьники скорѣе вырваться изъ узкаго ущелія на просторъ и свободу... А кругомъ, высоко надъ ними, подъ самыми ногами стоящаго на Холмѣ Могилаъ туриста, разстлана на первомъ планѣ картина совсѣмъ другаго рода: тишь да гладь, да Божья благодать...

По истинѣ весенняя идиллія Виргиліа, обрамленная грозными картинами изъ *Ада* Данта. Изумрудныя, испещренные цвѣтами пригорки, разсыпанные какъ бородавки по свѣтлому лику горной долины съ ея длинною шелковою муравой и ароматическими травами. Только вмѣсто бѣлоснѣжныхъ барашковъ, да пастушковъ съ пастушками, стада громадныхъ черныхъ какъ смола буйволловъ, а вдали неподвижная, какъ бронзовая статуя, атлетическая фигура молодаго длиннокудраго *Тодды-Тиралли* или „священнодѣйствующаго“.

На этой выси царствуетъ вѣчная весна. Даже декабрскія и январскія морозныя ночи неспособны изгнать ее отсюда въ полдень. Здѣсь все свѣжо и зелено, все цвѣтеть и благоухаетъ круглый годъ, и Голубыя Горы являются здѣсь во всей прелести улыбающагося даже сквозь слезы младенца, прекраснѣе быть-можетъ во время сезона дождей нежели въ другое время года. * Да и все на этихъ высотахъ какъ будто только зараждается, появляясь на свѣтъ Божій впервые. Сердитый горный потокъ здѣсь еще въ колыбели. Онъ бьетъ

* Въ сезонъ дождей, когда у подошвы горъ льетъ проливной дождь, здѣсь онъ только накрывается по нѣсколько часовъ въ день, да и то урывками.

лока изъ-подъ роднаго камня тонкою струей, убѣгая далѣе журчащимъ ручейкомъ, на прозрачномъ днѣ котораго лежать атомы будущихъ грозныхъ утесовъ. Въ своемъ двойномъ образѣ природа является здѣсь полнымъ символомъ человеческой жизни: чистой и ясной какъ само младенчество на этихъ высотахъ; суровой и истерзанной какъ сама жизнь въ борьбѣ стихійной ниже. Но все вверху, какъ и внизу, цвѣтеть во все времена года всеми радужными красками волшебной палитры Индіи. Въ этихъ горахъ прищелцу изъ долинъ все кажется необычайнымъ, чуждымъ, дикимъ. На нихъ поджарый пряничнаго цвѣта кули превращается въ блѣднолицкаго рослаго Тодда, который какъ привидѣніе древняго Римлянина или Грека, съ гордымъ профилемъ, важно драпируясь въ бѣлую льняную тогу, подобной которой нѣтъ ничего похожаго въ Индіи, глядитъ на Индуса съ благосклоннымъ презрѣніемъ быка взирающаго задумчиво на черную жабу. Здѣсь желтоногій, пестрый ястребъ измѣнностей является могучимъ горнымъ ораомъ; а иссохшіи ковыль и обгорѣлый релейникъ кактуса Мадрасскихъ полей вырастаютъ въ гигантскую траву, въ цѣлые дѣса тростника, гдѣ слонъ можетъ смѣло играть въ прятки, не страшась людскаго взгляда. Здѣсь поетъ русскій соловей, а кукушка кладетъ яйца въ гнѣздо южной желтоватой майны вмѣсто гнѣзда своего сѣвернаго друга, глухой вороны, которая превращается въ этихъ дѣсахъ въ свирѣлаго, чернаго какъ смоль, ворона. Здѣсь всюду контрастъ: куда ни глянешь, аномалія. Изъ густой листвы дикой яблони вылетаютъ въ свѣтлый полдень мелодичные звуки, чириканье и пѣснь неизвѣстныхъ въ долинахъ Индіи пернатыхъ; а изъ темнаго бора несется подъ часъ злобѣщій ревъ тигра и читты, да мычанье дикаго буйвола... Минутами торжественная тишина, царящая на высотахъ, прерывается тихими, таинственными звуками, шуршаньемъ, порою дикимъ, сильнымъ крикомъ. Затѣмъ все снова умолкаетъ, замираетъ въ благоуханныхъ волнахъ чистаго горнаго воздуха, и опять надоло гоцаряется непрерываемое ни однимъ звукомъ молчаніе. Въ такія минуты затишья, одно внимательное, любящее природу ухо, способно уловить бѣненіе ея мощнаго, здороваго лубса, чутко угадывая его непрерываемое движеніе даже въ этомъ вѣдомомъ явленіи радостной жизни мірадами ея твореній, видимыхъ и невидимыхъ.

Нѣтъ, не легко забыть Голубыхъ Нильгири тому кто пожилъ въ нихъ! Въ этомъ чудномъ климатѣ, мать природа, собравъ свои разбросанныя силы, собрала ихъ въ одно для произведенія всѣхъ образчиковъ своего великаго творчества. Она какъ бы чередуется проявленіями то сѣверныхъ, то южныхъ полюсовъ земнаго шара. Потому-то она то оживаетъ, просыпаясь къ дѣятельности, то снова замираетъ, усталая и лѣнивая... То видишь ее полудремающую во всемъ величій облитой яркимъ солнцемъ юга красоты, убаюкиваемую стогласною мелодіей всѣхъ ея царствъ; то встрѣтишь ее гордую и дикую, напоминающую о своей мощи колоссальными растеніями тропическихъ лѣсовъ и ревомъ ея великановъ звѣрей. Еще одинъ шагъ въ другую сторону, и она снова падаетъ какъ бы изнеможенная послѣ крайняго усилія, и сладко засыпаетъ на коврѣ сѣверныхъ фіалокъ, незабудокъ и ландыша... И лежитъ наша великая, мощная мать, тихо и неподвижно обнѣваемая прохладнымъ вѣтеркомъ да нѣжными крыльями дѣлаго роя невиданныхъ, волшебна-красивыхъ мотыльковъ и бабочекъ!..

Теперь подножіе этого холма обвито тройнымъ поясомъ рошъ эвкалипта. Роши обязаны своимъ существованіемъ раннимъ Европейцамъ-плантаторамъ. * Кто незнакомъ съ этимъ прекраснымъ *Eucalyptus globulus*, австраійскимъ деревомъ которое разрастается въ три, четыре года, какъ другое не разрастается и въ двадцать, тотъ не знакомъ съ главною прелестью садовъ. Служа замѣчательнымъ средствомъ очищающимъ воздухъ отъ всякихъ миазмовъ, такіа роши дѣлаютъ климатъ Нильгири еще болѣе здоровымъ. Всѣ ошалевшіе отъ безпрестанно-горячихъ ласкъ индійской природы туземцы, какъ и представители Европы въ Мадрасскомъ президентствѣ, рвутся искать выздоровленія и отдыха въ доль ея на этихъ горахъ; и она никогда не обманываетъ этихъ ожиданій; соединивъ какъ въ одинъ букетъ всѣ климаты, всѣ флоры, зоологію какъ и орнитологію пяти частей свѣта, гений горъ подноситъ все это отъ имени своей владычицы каждому забравшемуся въ Нильгири усталому путнику.

Голубыя Горы, то визитная карточка съ полярнымъ исчи-

* Сорокъ лѣтъ тому назадъ, тремя фунтами сѣменъ этого дерева присланныхъ изъ Австраліи, генералъ Морганъ засѣялъ всѣ пустыя мѣста и долины окрестностей Уттакаманда.

свѣиємъ заслугъ и титуловъ, которую природа, злая мачиха Европейца въ Индіи, оставляетъ въ знакъ полнаго примиренія своему, ея же замученному, пасынку.

Часть такого примиренія пробилъ и для нашихъ бѣдныхъ героевъ. Совершенно разбитые, они еле могли держаться на ногахъ. Пострадавшій менѣе Уша и болѣе сильный, Киндерзлей отдохнувъ сталъ обходить пригорокъ. Онъ старался высмотрѣть съ этого хома, въ разстланшемся предъ нимъ хаосѣ скалъ и лѣсовъ, удобнѣйшій для возвращенія пути. Ему показалось будто онъ видѣлъ недалеко отсюда дымъ и послѣшнѣе вернулся къ товарищу чтобы сообщить ему новость, какъ вдругъ онъ былъ пораженъ будто громомъ... Предъ нимъ стоялъ, повернувшись къ нему въ полуоборотъ спиной, блѣдный какъ смерть и какъ въ лихорадкѣ дрожащій Ушъ. Вытянувъ руку онъ конвульсивно тыкалъ указательнымъ пальцемъ въ даль. Тогда взглянувъ по направлению пальца, всего въ нѣсколькихъ стахъ футовъ отъ нихъ, въ ложбинѣ у самаго подножія холма, Киндерзлей замѣтилъ сперва жильѣ, а немного далѣе и людей. Видъ этихъ предметовъ, который въ другое время несказанно бы обрадовалъ ихъ, поразилъ въ то время почему-то обоихъ просто ужасомъ. Правда, домъ былъ какой-то странный, невиданной имъ прежде нигдѣ архитектуры. Въ немъ не было ни оконъ, ни дверей, и онъ былъ круглый какъ башня и съ совершенно пирамидальною, хотя и закругленною сверху, крышей. Что же касается людей, то на первый взглядъ оба компанейца даже колебались принять ихъ за людей. Оба инстинктивно бросились за стоящій въ недалекѣ отъ нихъ кустъ и, раздвинувъ вѣтви, глядѣли во всѣ глаза на странныя, двигавшіяся предъ ними фигуры. То что они въ нихъ узрѣли описано Киндерзлеемъ какъ „группа великановъ, а возлѣ нихъ нѣсколько группъ страшно уродливыхъ карликовъ.“ Забывъ всю прошлую удачу и насмѣшки, они готовы было серьезно принять ихъ за гениевъ и громовъ этихъ горъ. Какъ вскорѣ оказалось, то были просто огромные Тодды, ихъ данники и обожатели Бадаги и крошечные слуги этихъ данниковъ, безобразнѣйшіе въ мірѣ дикари Мулау-Курумбы.

Истративъ весь зарядъ, потерявъ одно изъ ружей и чувствуя себя въ состояніи полнаго расслабленія неспособными противиться нападению даже такихъ карликовъ, компанейцы собирались незамѣтно скатившись кубаремъ съ хома,

узнать какъ вдругъ замѣтили подошедшаго съ тыла другаго непріятеля. Подкравшіяся къ нимъ и усѣвшіяся выше ихъ на деревѣ, обезьяны внезапно открыли по нимъ пальбу весьма непріятнымъ для нихъ снарядомъ, грязью. Ихъ стрекотаніе и воинственные крики очень скоро привлекли вниманіе пастуха въ недалеки отсюда стада огромныхъ буйволовъ. Буйволы замычали въ свою очередь, высоко поднявъ головы къ вершинѣ пригорка, а затѣмъ и Тодды, какъ видно, замѣтили ихъ. По крайней мѣрѣ, предъ ними появились черезъ нѣсколько минутъ отвратительные карлы и овладѣли безо всякаго сопротивленія двумя полумертвыми героями. Съ Киндерзелемъ сдѣлался, по его показанію, „обморокъ, отъ одного испускаемаго чудовищными дикарами зловонія“. Въ ихъ великому удивленію, однако, карлики ихъ не съѣли и даже не очень бояли: „Они только прыгали, да плясали передъ нами, хохоча во всю огромную глотку“, пишетъ Киндерзей. „Великаны, то-есть Тодды оказались совсѣмъ *дѣтскими*“ (sic). Удовлетворивъ своему весьма похвальному любопытству, при видѣ, какъ оказалось, первыхъ былыхъ когда-либо ими видѣнныхъ людей, Тодды напоили ихъ превосходнымъ буйволинымъ молокомъ, накормили похлебкой изъ грибовъ и сыромъ, а затѣмъ уложили отдыхать въ замѣченномъ ими пирамидальномъ домикѣ, гдѣ оказалось „темно, но тепло и сухо и гдѣ (они) и проспали какъ убитые до другаго утра“.

Всю ночь, какъ потомъ оказалось, Тодды просидѣли въ торжественномъ совѣтѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда мистеръ Сѣлливанъ, котораго они до сихъ поръ называютъ „отцовскимъ братомъ“, * самое почитательное у нихъ по слову „отца“ названіе, приобрѣлъ ихъ искреннюю любовь и довѣренность, разказывая ему объ этой памятной для нихъ ночи Тодды ему говорили что „они уже давно ожидали къ себѣ въ горы „людей со стороны заходящаго солнца“. На вопросъ Сѣлливана какъ это они могли знать, они отвѣчали неизмѣнно одною и тою же фразой: *такъ намъ давно объявили буйволы, а они всегда и все знаютъ*. Въ эту ночь ихъ старики рѣшили участь Англичанъ, а также и перевернули новую страницу въ книгѣ своей собственной исторіи.

* По причинамъ о которыхъ будетъ сказано далѣе, Тодды не признають никакихъ родственниковъ кромѣ отца, да и то чаще всего комичально. Для Тодды тотъ ему отецъ кто его усыновитъ.

На другое утро, вида что Англичане еле могли двигаться, Тодды приказали своимъ данникамъ снарядить для больныхъ кѣчто въ родѣ носилокъ, на которыхъ ихъ и повесил Баддаги. Англичане замѣтили что Тодды услали еще съ утра куда-то карликовъ. „Съ тѣхъ поръ, и до самаго дня возвращенія въ Нильгери, мы ихъ не видѣли и даже нигдѣ не встрѣчали“, разказываетъ Киндерзлей. Какъ узнано позднѣе, особенно изъ разказовъ миссіонера Метца, Тодды не безъ причины боялись для своихъ гостей враждебнаго присутствія карликовъ Мулла-Курумбовъ: они ихъ послали назадъ, въ ихъ лѣсныхъ тущобы, *строго запретивъ имъ глядѣть на бѣлыхъ странниковъ*. Такое, немного странное запрещеніе было ими мотивировано миссіонеру тѣмъ что „взглядъ Курумбы убиваетъ не прикоснушаго къ нему и болящаго его челостка“, а такъ какъ боязливое отвращеніе Англичанъ къ этимъ карликамъ было конечно подмѣчено Тоддами въ первую же минуту ихъ появленія, то вслѣдствіе этого явилось и запрещеніе Курумбамъ *глядѣть* на пришлецовъ.

Бѣдные, великодушные Тодды! Кто знаетъ какъ часто въ послѣдствіи расказывали ихъ старики что недоброму *глазу* Мулла-Курумбовъ они не предоставляли этихъ людей, отъ возвращенія которыхъ въ Мадрасъ и ихъ доклада зависѣла дальнѣйшая участь Нильгери!... Но „такъ давно порѣшили буйволы... а они знаютъ!“

Тихо и медленно несомые на носилакахъ Баддагами, удивляясь и конечно радуясь своему нежданному счастливому избавленію, Англичане имѣли теперь случай лучше разглядѣть дорогу и окружающія ихъ окрестности. Они были поражены громаднымъ разнообразіемъ этой растительности, которая соединяетъ въ себѣ почти всѣ породы тропиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣверныхъ климатовъ. Нерѣдко имъ попадались гигантскія старыя сосны, шероховатые стволы которыхъ совсѣмъ исчезали у корней, среди букетовъ алоя и кактуса. Фиалки цвѣли у подножія лалымъ, а бѣлостволоя береза и трепещущая осина отражались въ темныхъ тихихъ водахъ пруда, рядомъ съ царскимъ цвѣтомъ Египта и Индіи, гордымъ лотосомъ. По дорогѣ они находили фруктовыя деревья всѣхъ странъ, ягоды всѣхъ сортовъ, отъ банановъ до яблонь и отъ ананасовъ до малины и клубники. Страна изобилія, благословенная обитель! Голубыя Горы видимо избраны природой однимъ изъ пунктовъ для ея всемірной выставки!

Во все время слуска, вокругъ путниковъ журчали сотни ручьевъ; изъ трещинъ скалъ была здоровая ключевая вода, поднимались пары изъ минеральныхъ источниковъ, а всюду вѣяло прохладой, о которой они давно позабыли въ знойной Индiи.

Въ ихъ первую по дорогѣ ночь, съ ними приключилось очень смѣшное происшествiе. Баддаги, послѣ небольшого совѣщанiя, вдругъ насильно завладѣвъ ими, раздѣли до гола, и не обращая вниманiя на ихъ отчаянное сопротивленiе, окунули въ теплую минеральную воду лужи и обмыли имъ рамы и царалины. Послѣ чего, держа ихъ поочередно на скрещенныхъ рукахъ выше уровня воды и прямо надъ теплымъ паромъ, стали лѣтъ нѣчто въ родѣ заклинанiй, съ аккомпанементомъ такихъ ужасныхъ кривлянiй и дикихъ возгласовъ, пишетъ Киндерлей, „что намъ серьезно почудилось одну минуту будто они собираются насъ принести въ жертву одному изъ лѣсныхъ боговъ“.

Но Англичане ошибались, хотя лишь къ утру убѣдились въ несправедливости своего подозрѣнiя. Натеревъ имъ большыя ноги какимъ-то тѣстомъ изъ мягкой глины и сочныхъ травъ, Баддаги тепло закутали ихъ и „буквально усыпили надъ теплымъ паромъ источника“. Проснувшись на другое утро, они почувствовали необычайное облегченiе во всемъ тѣлѣ и особливо крѣпость въ мускулахъ. Всякiй слѣдъ боли въ ногахъ и сочлененiяхъ какъ бы по волшебству исчезъ. Они встали совершенно здоровыми и окрѣпшими. „Намъ сдѣлалось положительно совѣстно предъ этими залодозрѣвшими нами такъ напрасно дикарями“, рассказываетъ Уишъ въ письмѣ къ прiятелю.

Къ полудню они спустились такъ низко что имъ стало довольно жарко, и они замѣтили что перешли за черту тумановъ и находились уже на Куимбатурской сторонѣ. Уишъ пишетъ что они не могли довольно удивиться одному: при восходѣ на гору, они встрѣчали ежечасно слѣды присутствiя разныхъ дикихъ звѣрей; имъ приходилось глядѣть въ оба и окружать себя величайшими предосторожностями чтобы не лопастъ въ логовище тигра, не наткнуться на слона или на стаю читтъ... „теперь же, на возвратномъ пути, *мысз какъ бы вымере*: самыя птицы щебетали, казалось, только издали, не подлетая къ намъ... „Намъ не перебѣжалъ пути даже красный заяцъ“. Баддаги вели ихъ внизъ узенькою извилистою

и еле замѣтною, но неправильною тропой, не перестѣкаемою, видимо, никакими препятствіями.

Какъ разъ предъ заходомъ солнечнымъ, они вышли изъ лѣсу и скоро стали встрѣчать на пути Куимбатурцевъ изъ подгорныхъ селъ. Но имъ не пришлось знакомить ихъ съ проводниками. Завидя еще издали толлу возвращавшихся съ работы кулей, Бадага мгновенно исчезла, прыгая съ одной скалы на другую, словно стая испуганныхъ обезьянъ. Такъ чудесно спасенные Англичане остались снова одни. Но телерь они находились у опушки лѣса, и всякая опасность миновала.

Подозвавъ людей, они узнали отъ нихъ что находятся почти въ Малабарѣ, въ Уинди, то-есть странѣ діаметрально противоположной Куимбатуре. Цѣлая горная цѣль отдѣляла ихъ такимъ образомъ отъ водопада Колакамбе и деревни изъ которой они отправились. Малабарцы вывели ихъ на большую дорогу и къ ужину они были уже подъ гостепріимною кровлей *мунсифа* * небольшой деревушки. На другое утро они запаслись лошадьми и къ вечеру прибыли благополучно въ знакомую имъ деревню, въ ту самую откуда пускались въ путь въ закодированныя горы, ровно двѣнадцать дней назадъ.

Слухъ о благополучномъ возвращеніи богохульныхъ *саабоовъ* изъ обители боговъ разнесся по селу и его окрестностямъ съ быстротою молніи.

„*Дивы* не наказали дерзновенныхъ... они даже не тронули *Ферингоовъ* которые такъ смѣло вторглись въ ихъ, вѣками замкнутыя отъ остальнаго міра, владѣнія... Что это значитъ? Неужели они избранники *Садду?*..“ Вотъ что шепталось, сообщалось и передавалось изъ одного села въ другое, пока не сдѣлалось необычайнымъ событіемъ дня. Браминны хранили зловѣщее молчаніе. „Такова на этотъ разъ,“ говорили старики, „воля благословенныхъ *дивъ*; но что скажетъ будущее? Это однимъ имъ (сирѣчь богамъ) извѣстно“. Волненіе распространилось далеко за границы уѣзда. Цѣлыя толпы суевѣрныхъ Дравидовъ приходили простираться предъ Англичанами и отдавать имъ всѣ предписанныя для „избранниковъ боговъ“ почести...

Межевщики торжествовали. „Британскій престижъ“ пустилъ глубокіе корни и утвердился на долгіе годы у подножія Голубыхъ Горъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РАДДА-БАЙ.

* Староста.

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА

РАЗКАЗЪ

I.

Въ теплый августовскій вечеръ, по широкой аллеѣ, что вела отъ церкви къ господскому дому Залѣсья, неторопливою поступью шли двое. Одинъ—очень высокій и очень худой господинъ, съ крохотною головкой, большими на выкатѣ глазами и сѣватою бородкой, былъ владѣлецъ Залѣсья, его превосходительство Левъ Сергѣевичъ Глѣбовъ; другой—приземистый и коренастый—священникъ Залѣсья, отецъ Виталій. Левъ Сергѣевичъ шелъ подрагивающею походкой, мѣрно перестулая сухими длинными ногами, не поворачивая головы къ собесѣднику, помахивая палкой съ гутталерчевымъ наконечникомъ и выговаривая слово за словомъ съ такими гримасами, точно онъ ихъ не произносилъ, а выплевывалъ. Такъ имѣютъ привычку говорить туристы-Англичане, а Левъ Сергѣевичъ, надо замѣтить, былъ до нѣкоторой степени Англичанинъ, и даже съ супругой своею, Надеждою Федоровной, говорилъ глазъ-на-глазъ по-англійски, хотя и плохо. Отецъ Виталій шелъ, отставъ отъ „статскаго генерала“ на полшага, безъ особеннаго подбострастїа, изрѣдка щурясь смеющимися глазками и залаживая потертую шерстяную рясу. Лицо его было не то

добродушно, не то апатично; онъ все старался попасть своему лутайку въ ногу, но по причинѣ малага роста это не всегда ему удавалось. Разговоръ между ними шелъ оживленный, даже горячій. Говорили о Залѣской школѣ.

— Я съ этимъ совершенно не согласенъ, не согласенъ въ принципѣ, говорилъ Левъ Сергѣевичъ,, по моему мнѣнію, подчинять школу мѣстному духовенству немыслимо. Учителя все-таки должны быть земскіе. Я объ этомъ говорилъ тамъ, протестовалъ, доказывалъ (Левъ Сергѣевичъ махнулъ тростью по тому направаеію гдѣ долженъ былъ быть по его соображенію въ данную минуту Петербургъ); я говорилъ, но былъ подавленъ большинствомъ... Я не утверждаю что теперешнія школы *chefs-d'oeuvre*—сохрани Богъ! Реформируйте ихъ такъ чтобъ онѣ были цѣлесообразны, дайте опытныхъ педагоговъ-техниковъ, и вы увидите что будетъ... Наконецъ, контроль со стороны священника можетъ быть всегда, онъ законоучитель, онъ можетъ сѣдидить за правильностью преподаванія, за легальностью уроковъ...

— Строй жизни, ваше превосходительство, не слѣша возразилъ священникъ, выждавъ когда онъ сѣбаетъ передышку,—строй жизни народной у насъ таковъ что съ православіемъ разединить его нельзя. Мѣстный пастыръ всегда ближайшій его руководитель и преподаватель все же наиболее надежный члѣнъ отъ земства. Я пожалуй тоже оговорюсь что желательны были бы усовершенія въ нашемъ словіи и бытѣ... Но все же, ваше превосходительство, духовенство будетъ надежнѣе.

Левъ Сергѣевичъ даже остановился.

— Ахъ Богъ мой, проговорилъ онъ, подергивая плечами и смотря куда-то въ пространство,—мы съ вами стоимъ на разныхъ точкахъ зрѣнія. Я смотрю на школу какъ на средство выйти народу изъ давящаго его паулеризма.

— Паулеризма? нѣсколько удивленно повторилъ отецъ Виталій.

— Да-съ, паулеризма. Паулеризмъ можетъ быть уничтоженъ только развитіемъ среди народа техническихъ знаній. Школы въ земствахъ должны снабжать крестьянина именно знаніями прикладными. Мужикъ долженъ быть практически знакомъ съ кустарнымъ производствомъ; если у него есть способность къ столярному ремеслу, пусть будетъ столяромъ, къ сапожному—сапожникомъ... Ясно ли я выражаюсь?

— Ясно, подтвердилъ священникъ.

— Очень радъ. Представьте себѣ теперь округъ въ которомъ, положимъ, пять школъ. Въ школахъ учать чтенію, писью, Закону Божьему и кромѣ того специальность каждой—какое-нибудь ремесло. Въ одномъ селѣ—токарное искусство, въ другомъ—башмачное, въ третьемъ—еще тамъ какое-нибудь... Мальчикъ сообразно способностямъ совершенствуется въ томъ или другомъ производствѣ. Вы понимаете что изъ этого можетъ выйти?

Онъ опять остановился и торжественно махнулъ палкой по воздуху.

— Вѣдь это вся Россія (онъ подчеркнул „вся“) будетъ специализирована. Можно было бы обязать, вотъ какъ въ воинской повинности... обязать приписываться къ какому-нибудь цеху. Разъ ты не принадлежишь къ кастѣ земледѣльцевъ, не имѣешь ученаго ценза, ты долженъ быть приписанъ къ цеху... Взгляните на древній Египетъ. Вы знаете что способствовало его политической цѣлостности? Помните хорошо регулированье кастъ?

Отецъ Виталій съ безлокоиствомъ залахивалъ рясю. Ему такъ много-много хотѣлось возразить его превосходительству, но неловко было прервать. Генералъ говорилъ безъ остановки, безъ запинки и притомъ съ такою самоувѣренностью что едва ли можно было бы убѣдить его какимъ бы то ни было доводомъ.

— Въ древнемъ Египтѣ вся сила государственнаго строя, продолжалъ онъ,—заключалась въ строгой замкнутости кастъ. Переходъ изъ одной въ другую наказывался смертною казнью. Вотъ гдѣ государственная сила, вотъ тѣ краеугольные камни на которыхъ зиждется благоустройство, вотъ рамки въ которые должны быть заключены элементы политическаго быторазвитія!

При словѣ „рамка“ онъ даже сдѣлалъ очень картинный жестъ палкой по воздуху, наглядно очертивъ какія это рамки и какого размѣра.

— Но если не ошибаюсь, ваше превосходительство, не смѣло возразилъ отецъ Виталій,—въ древнемъ Египтѣ именно первенствовало жреческое сословіе.

Левъ Сергѣевичъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника какъ-то сбоку и сверху. Нижняя губа его далеко выдвинулась впередъ.

— Они доминировали, съ сожалѣніемъ сказалъ онъ,—и вотъ-причина что народъ остался въ убійственномъ 'квие-тизмѣ.

— Да и вообще мнѣ кажется, ваше превосходительство, продолжалъ священникъ,—въ древній Египетъ ходить намъ за примѣрами слишкомъ далеко. Я осмѣливаюсь противорѣчить вамъ, такъ какъ вы сами изволили потребовать отъ меня рѣшительнаго мнѣнія...

— Ахъ, я понимаю ваше уголь зрѣнія, возразилъ съ сожалѣніемъ Левъ Сергѣевичъ:—вы по своему сану и положенію и не могли отвѣтить мнѣ иначе. Вамъ это вполнѣ протитательно. Свободной шири взгляда у васъ и быть не можетъ: у васъ на первомъ планѣ: что скажетъ благочинный.

Священникъ даже обидѣлся.

— Благочинный тутъ не причемъ, ваше превосходительство: я говорю согласно моему убѣжденію. Вѣрую твердо что только въ церковной школѣ спасеніе.

— Тамъ то же говорятъ, кою усмѣхнувшись сказалъ Левъ Сергѣевичъ, махнувъ опять по направленію Петербурга.—*Итъ* не переспоришь. Я ушелъ отъ дѣлъ, меня не понимаютъ. Я отстрашился, и на время отдаюсь теченію... Посмотримъ что изъ этого выйдетъ, посмотримъ.

Теперь они были предъ высокимъ крыльцомъ, представлявшимъ собою фонарь изъ цвѣтныхъ венеціанскихъ оконъ. Отецъ Виталій остановился въ ожиданіи что генералъ предложитъ войти, но тотъ шелъ по ступенямъ постукивая резиновымъ концомъ палки о плиты не оглядываясь и полагая что собесѣдникъ несомнѣнно будетъ слѣдовать за нимъ.

II.

Однако въ комнаты они не вошли. Левъ Сергѣевичъ тутъ же въ фонарь, сбросивъ съ себя шляпу, присѣлъ на маленькій буковый диванчикъ и предложилъ священнику тоже садиться. Онъ вынулъ платокъ, надушенный чѣмъ-то сладкимъ и приторнымъ, провелъ имъ за ушами и вокругъ шеи.

— Да, сказалъ онъ, словно что-то припомнивъ,—такъ какъ же у насъ школа будетъ поставлена?

— Школа основывается вашимъ превосходительствомъ, вы полный ея хозяинъ.

— Я уже сказалъ вамъ что мнѣ желательно было бы создать именно образцовую школу съ изученіемъ прикладныхъ знаній. Но это въ будущемъ. Пока возведутъ зданіе, пока что...

Левъ Сергѣевичъ любилъ высокій стиль. Онъ никогда не говорилъ: „построить“, но всегда „возведутъ зданіе“. Онъ подписывалъ вѣкогда въ одной приостановленной газетѣ и всегда выражался „звучнымъ слогомъ“. Онъ любилъ выраженія: „замкнутый ковчегъ“, „разнузданный звѣрь“, „колебавые основы“ и „средоствѣіе.“ Его статьи, правда, прогалаживали газетные публицисты, и даже значительно. Онъ и тогда писалъ что-то объ утилитарныхъ школахъ, но его мало замѣчали; но вотъ теперь, разобиженный, удалившійся на покой, онъ рѣшилъ привести въ исполненіе свою мысль о школѣ. Фундаментъ будущаго „зданія“ былъ уже выведенъ; „зданіе“ предполагалось обширное, съ помѣщеніями для слесарни, токарни и еще чего-то. Теперь больше всего безлокоила его мысль объ учителяхъ.

— Пока я хотѣлъ бы достать такого преподавателя который бы внушилъ дѣтямъ, продолжалъ онъ,—что моя теорія имѣетъ практическую подкладку, такъ что развѣ слѣпой этого не пойметъ... Пусть учитель подготовитъ ребятъ, научитъ читать, писать, а къ веснѣ мы прищемъ что-нибудь подходящее.

— Читать да писать и я могу научить, замѣтилъ отецъ Виталій.

Левъ Сергѣевичъ уставился на него.

— Вы со звуковымъ методомъ преподаванія знакомы?

— Я обещаю что къ веснѣ ребята будутъ читать, ваше превосходительство. Звуковаго метода я не знаю, но убѣжденъ что обучу скоро.

Левъ Сергѣевичъ съ сожалѣніемъ поцокалъ.

— Но зачѣмъ же затруднять дѣтей? Звуковой методъ такъ простъ... Вы спросите вашего сына, вѣроятно онъ знаетъ... Да! чуть не забылъ—что такое вашъ сынъ?

— Онъ въ академіи. У меня на лобывкѣ.

— Слособный малый?

Отецъ Виталій залпулся.

— Со слособностями...

— Да, у него въ лицѣ, въ глазахъ есть... Я его сегодня видѣлъ мелькомъ, но у него есть... (Онъ повернулъ указательнымъ пальцемъ передъ носомъ). Онъ въ медицинскоѣ?

— Въ духовной... Но желаетъ идти по свѣтской службѣ.

— Аа!... почему же?

— Призванія не чувствуетъ.

— Прекрасно.... Что же, не можетъ ли онъ быть у насъ учителемъ?

Священникъ тряхнулъ головой.

— Я бы его не порекомендовалъ, ваше превосходительство.

— Что же?

— Слишкомъ современныхъ понятій. Матерьялизму много въ немъ.

— Что жь, это до извѣстной степени прекрасно. Онъ можетъ дѣйствовать по программѣ, вы будете слѣдить за нимъ.

— Отказываюсь, ваше превосходительство.

— Ого, вотъ онъ какой! Вы пришаите-ка его ко мнѣ. Это интересно...

Левъ Сергѣевичъ даже всталъ отъ волненія. Онъ никогда не видалъ „этихъ, молодыхъ, новыхъ“... Теперь вдругъ выходить случай познакомиться съ ними.

— Знаете, батюшка, вы его пригласите ко мнѣ... пусть придетъ завтра къ обѣду.

— Не пойдетъ, ваше превосходительство.

— Отчего?

— Скажетъ что вы ему не лара.

Левъ Сергѣевичъ вдругъ осклабился и засмѣялся совсѣмъ беззвучно.

— Мы не лара по положенію, но насъ можетъ связать общее дѣло...

— Я ему передамъ, только сомнѣваюсь.

Генералъ залустилъ руки въ карманы своей тужурки и вахмурился.

— Да...а вы ему все-таки передайте.

Онъ прошелся по фонарю, сосредоточенно что-то обдумывая. Отецъ Виталій слѣдилъ за нимъ изъ-подлобья глазами.

— Вы говорили что въ алтарѣ течетъ? внезапно сказалъ онъ.— Скажите пожалуйста, а развѣ церковныхъ суммъ нѣтъ?

— Помилуйте, ваше превосходительство, какія же у насъ церковныя суммы...

— А кружечный сборъ?

— Гроши. Я бы обратиться къ вамъ не осмѣлился есаибы же крайняя нужда.

— Удивляюсь какъ не отвесить къ земству такіа церковныя лочинки...

Онъ пожалъ плечами, и пригладивъ свои густые, свѣтлыя, коротко подстриженные усы:

— Хорошо, я пришаю рабочихъ.. Пусть работаютъ въ праздникъ послѣ обѣда... Дѣло богоугодное, лучше чѣмъ пьянствовать.

Отецъ Виталий всталъ, генералъ протянулъ ему руку.

— Очень радъ, сказалъ почему-то онъ.—Такъ пожалуйста передайте сыну приглашеніе. Скажите что въ исходѣ шестаго завтра я его жду. Можетъ-быть и поладимъ.

III.

Въ тотъ же вечеръ, когда ея превосходительство Надежда Федоровна уже легла въ постель, Левъ Сергѣевичъ вошелъ въ ея спальню. Это практиковалось ежедневно. Надежда Федоровна имѣла обыкновеніе очень долго мыться передъ сномъ. Это была чрезвычайно сложная процедура, требовавшая серьезнаго вниманія и необычнаго количества скляночекъ и лудры. Когда она, свѣжая, вымытая, вся налудренная, ложилась въ постель, къ Лёву Сергѣевичу отправлялась горячая звать къ ея превосходительству. Онъ въ той же тужуркѣ (но отнюдь не въ халатѣ) отправлялся къ супругѣ. Супруга лежала въ кофточкѣ, съ чолкой прикрученной на замшевыя лалильютки, позволяла себя цѣловать въ щеку и ручку и садиться возлѣ себя на постель. Кстати сказать, Надежда Федоровна была очень красивая женщина, лѣтъ тридцати двухъ-трехъ и совершенно была не подъ-пару съ мужемъ.

И на этотъ разъ, какъ всегда, Левъ Сергѣевичъ вошелъ къ ней, приложился осторожно, словно это была неживая женщина, а давнымъ давно высушенная мумія, подвинулъ одеяло и сѣлъ возлѣ.

— Какъ отъ тебя сигарой пахнетъ, ужасъ! сказала она, съ досадою поводя по губамъ рукой.—И потомъ ты постоянно подстригаешься, и у тебя усы оттого всегда колются.

Левъ Сергѣевичъ снисходительно улыбнулся и снова поднесъ къ губамъ ея ручку, чмокнувъ ее какъ можно осторожноѣе.

— Завтра у насъ къ обѣду гости, сказалъ онъ.

— Кто это?

— Тетушка Инна Осиповна.

Надежда Федоровна мгновенно сѣла на кровати.

— Какъ, опять? Не можетъ быть!

— Вотъ посмотри—письмо отъ нея.

Онъ передалъ женѣ маленькій конвертъ, изъ плотной рубчатой бумаги, на которомъ удивительнымъ почеркомъ было написано только:

„Въ Залѣсье, генералу“.

Въ письмѣ тетушка извѣщала что будетъ на завтра къ обѣду, „а также и почевать“.

— Нѣтъ, вѣдь это ужасно! сказала Надежда Федоровна.

Левъ Сергѣевичъ, очень довольный ужасомъ жены, хохоталъ, словно мелкою дробью сыпая.

Тетушка Анна Осиповна была глухоушная, и объясняться съ нею можно было только знаками которыхъ Надежда Федоровна не знала, или съ помощью перелиски, для чего тетушка всегда возила маленькую книжку съ карандашикомъ и надписью „Notes“. Перспектива такихъ объясненій съ тетушкой всегда повергала ее въ полное отчаяніе.

— Другой гость еще интереснѣе.

Надежда Федоровна тоскливо посмотрѣла.

— Ну?

— Видишь ли, сегодня я пошелъ къ нашему лолу по дѣлу объ этой школѣ. Только, представь себѣ, къ нему пріѣхалъ сынъ...

— Ты половича лозвалъ? Знаешь, ты просто невыносимъ!

— Дай мнѣ досказать. Представь себѣ фигуру: красная рубашка, косою воротъ, фуражка на бекремь заломана, высокіе салогі и въ очкахъ. Это преаестъ. Лицо экспрессивное, ларень здоровенный...

— Ну и что же?

— Я ему кланяюсь, а онъ всѣмъ туловищемъ качнулся и вosome ловель. Понимаешь: это изъ нынѣшнихъ. Надо логать „народникъ“. Я хочу съ нимъ лосовѣтоваться насчетъ школы.

— Ты, съ нимъ?

— Да... да. У нихъ чистота взгляда. Понимаешь: нѣтъ этого нароста, скордулы что вокругъ насъ; это дѣти природы.

— Такъ и иди къ нему, зачѣмъ же сюда его тащить. Что за мерзость! Да еще къ обѣду. Я не выйду. Ты тамъ какъ хочешь, а я скажу что у меня мигрень и запрусь у себя.

Она сердито потянула себѣ на плечо одѣяло, повернулась лицомъ къ стѣнѣ и даже закрыла концемъ простыни ухо,

желаая этимъ показать что не желаетъ даже слушать дальнѣйшаго разговора. Но это движеніе нисколько не испортило веселаго настроенія Льва Сергѣевича; напротивъ, онъ отогнувъ простыню сталъ цѣловать именно закрытое ухо и ближайшую часть душистой шейки, чѣмъ и вызвалъ граціозный протестъ со стороны дрожайшей половины.

— Ты только выслушай меня, говорилъ онъ,—приглашеніе это мотивировано двумя причинами.

Но Надежда Федоровна сразу не могла его слушать. Ея шейка ужасно боялась щекотки, особенно когда ее цѣловали жесткіе усы Льва Сергѣевича. Ей было и смѣшно, и досадно, и больно, и весело.

— Тутъ двѣ причины, продолжалъ статскій генералъ.—Во-первыхъ, этотъ половичъ—тиль. Ты знаешь этотъ тиль только по беллетристикѣ, въ жизни сталкиваться съ ними не приходилось. Вѣдь это герой, современный герой романа: сельскій учитель борющійся со средой. Какой просторъ для наблюдателя! Смотри на появленіе его въ нашемъ домѣ какъ на спектакль. Можетъ-быть онъ будетъ нести челуху и ничего путнаго изъ его разговора я не вынесу, ну, невелика бѣда! А быть-можетъ это самородокъ, если я при помощи его осуществлю свою идею школы...

— Ты мнѣ такъ надоѣлъ съ этою школою. Ну что ты понимаешь въ школѣ? Наконецъ ты самъ говоришь что тетушка пріѣдетъ...

— А это и есть вторая причина, подхватилъ Левъ Сергѣевичъ.—Я ихъ сведу за столомъ. Вообрази тетушкинъ ужасъ. Я посажу ихъ рядомъ. Онъ будетъ ѣсть руками и перегрызать мосталыги. Инна Осиповна будетъ нюхать одеколонъ и закрывать глаза... Это будетъ такой спектакль... Они васъ позабавятъ.

Мысль эта въ самомъ дѣлѣ показалась Надеждѣ Федоровнѣ забавною.

— Только ты предупреди прислугу, сказала она улыбаясь,—чтобы на него не косидись.

— Я тебя попрошу тоже быть къ нему повнимательнѣе, даже болѣе чѣмъ онъ этого заслуживаетъ. Пожалуста. Эти люди очень щелетильны, съ большимъ гоноромъ. Я знаю ихъ.

Положимъ что онъ совсѣмъ ихъ не зналъ, но это было такъ по его предположенію.

— Вообще мнѣ интересно было бы коснуться кой-какихъ

вопросовъ, узнать его взгляды. Думаю что я былъ правъ когда протестовалъ въ комиссіи...

Когда онъ вспоминалъ про Петербургъ и комиссію, лицо его всегда выражало соболъзнованіе. Пораженіе его было слишкомъ сильно, рана не могла затянуться такъ скоро...

— Въ началѣ октября, сказалъ онъ,—мы поѣдемъ за границу; тамъ на свободѣ я напишу, я окончу свои *Письма*. Я убѣжденъ что они окажутъ свое вліяніе... Хотя бы для одного этого мнѣ необходимо ознакомиться съ нашею „учащеюся молодежью“... то-есть не петербургскою, не тою что обѣдаетъ съ кокотками у Дювона и носитъ проборъ сзади, ту молодежь я знаю досканально...

Онъ довольно подробно началъ излагать предъ женой ту основную идею которая будетъ проведена чрезъ всѣ *Письма*. Надежда Федоровна сначала слушала внимательно, но потомъ вдругъ сказала:

— Ну, остальное ты мнѣ доскажешь когда-нибудь потомъ.

Левъ Сергѣевичъ, нисколько не протестуя, поднялся съ кровати.

— А жаркое на завтра ты какое заказалъ? спросила генеральша.

— Утки. Много развелось ихъ, переводить надо. Съ огурцами, это недурно.

IV.

Для тетущки приготовили комнату, вставили свѣчи въ подсвѣчники, постлали постель и огородили ее ширмочками на которыхъ были изображены амуръ стрѣляющіе изъ лука. Въ умывальникъ налили воды, развѣшали на вѣшалкахъ полотенца. Тетущка пріѣхала утромъ въ маленькой дорожной коляскѣ, заложенной четверкой впрядь, съ серебряными бубенцами. Племянника она торжественно поцѣловала въ щеку, еще торжественнѣе положивъ ему на темя ладонь правой руки, съ такимъ движеніемъ съ какимъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, израильскіе патріархи благословляли свое потомство. Потомъ она разказала ему знаками какъ у нея въ мѣннѣ былъ пожаръ—загорѣлся овинъ, какъ она выскочила изъ всего (дѣло происходило ночью), лопала со страху въ лейникъ и перецарапала себѣ икры, отчего и лѣчится вальцовою мазью. Левъ Сергѣевичъ качалъ утвердительно

головой, поддакивалъ и въ знакъ соболѣзнованія брался за щеку, закрывалъ глаза и открывалъ ротъ. Когда тетушка переодѣлась съ дороги и надѣла чепецъ съ лиловыми лентами, къ ней подѣсла Надежда Федоровна, и у нихъ началась переписка. Инна Осиповна очевидно находилась подъ сильнымъ впечатлѣнiемъ релейника, потому что первымъ долгомъ спросила Надежду Федоровну: „нѣтъ ли у тебя гдѣ ссадинъ“, и когда та отвѣтила что нѣтъ; она написала: „а то я дала бы тебѣ вазелина“. Потомъ тетушка спросила: „бросается ли коровамъ въ голову молоко?“ Надежда Федоровна отвѣтила: „объ этомъ надо спросить у скотвицы“. Тетушка не унялась и продолжала: „у моей *belle-soeur* два раза бросалось молоко въ голову“, на что та отвѣтила „да, это бываетъ часто“. Потомъ тетушка спросила почему она покупала кретовъ на платьѣ что было на ней надѣто и носить ли она филе-фронтъ. Надеждѣ Федоровнѣ очень смѣшно показалось слово *фронтъ*, ее сталъ душить смѣхъ, но Инна Осиповна посмотрѣла на нее очень серьезно и успокоилась только тогда когда ей отвѣтили что она болѣе года ихъ не носить, потому что это блажь. Тогда тетушка внезапно написала: „Пойдемъ въ садъ, я хочу понюхать цвѣты.“ И они пошли.

Тетушка заявила что завтра въ шесть часовъ утра поѣдетъ въ городъ, что она у нихъ мимоѣдомъ. Левъ Сергѣевичъ сообщилъ ей что за обѣдомъ у нихъ будетъ одинъ изъ „этихъ“. Она всполошилась, схватилась за свой мѣшечекъ въ которомъ она возила ломбардные билеты, зашурцала и объяснила что она ничего подобнаго выносить не можетъ. Успокоили ее съ большимъ трудомъ.

Обѣдъ у Глаббовыхъ представлялъ въ нѣкоторомъ родѣ священнодѣйствiе. Волевыхъ, къ нему сзывали гонгомъ, хотя бы весь персоналъ обѣдающихъ состоялъ изъ генерала и генеральши. Вовторыхъ, его превосходительство являлся къ столу во фракѣ, и только когда обѣдалъ одинъ на одинъ съ супругой, надѣвалъ англійскій сюртукъ. Третьихъ, у стола непремѣнно находилась метръ-д'отель и два лакея неслышно скользившіе за высокими слинками стульевъ. Столовая была полутемная, глубокая, съ рѣзбой въ рускомъ стилѣ, съ большимъ кiотомъ, предъ которымъ теплилась большая лампада XVII вѣка на цѣляхъ. Печка была расписана лѣтухами и цвѣточками. Скатерти, салфетки, люстры, солонки—все было выдержано въ строгомъ стилѣ. Левъ

Сергѣевичъ очень гордился своею столовой, и показывая ее гостямъ всегда говорилъ:

— Рекомендую, давай національности.

Сынъ отца Виталія не оправдалъ предсказаній родителя и къ обѣду пришелъ. Оказалось что его зовутъ Дмитрій Витальевичъ Лебедевъ. Но, увы! наружность его всѣхъ совершенно разочаровала: въ комнату вошелъ рослый, недурный собою брюнетъ, съ козлиною бородкой, червыми смѣющимися глазами, одѣтый въ очень приличный сюртукъ и прекрасно накрахмаленную рубашку. При его входѣ Левъ Сергѣевичъ вскочилъ со своего мѣста и долго трясъ обѣими руками руку гостя.

— Очень радъ, повторялъ онъ, заглядывая ему въ глаза, — вы мнѣ сдѣлали огромное удовольствіе тѣмъ что пришли. Позвольте васъ представить моей женѣ.

Надежда Федоровна была въ конецъ разочарована, и кромѣ половича такъ-таки ничего и не видѣла въ немъ. Тетуська тоже потрясла его руку и успокоила его жестами: „дескать, съ тобой ничего не сдѣлають, хоть ты и висельникъ, а не бойся!“

— А меня батюшка вашъ увѣрялъ что вы не придете, не безъ язвительности замѣтилъ Левъ Сергѣевичъ.

— Я сперва и не хотѣлъ идти, да отецъ уговорилъ меня: вамъ что-то надо касательно школы.

— Да, а съ вами посоветываться хотѣлъ, любезнѣйшій Дмитрій Витальевичъ. Вы должно-быть специалистъ по этой части? Мы пообѣдаемъ, Дмитрій Витальевичъ, и поговоримъ. Мнѣ очень дорогъ вашъ совѣтъ, Дмитрій Витальевичъ.

Дмитрій Витальевичъ посмотрѣлъ на него не безъ изумленія.

— Мы вотъ сейчасъ пойдемъ въ столовую и потралезуемъ.

— Я ужь обѣдалъ.

— Ну, я знаю, у васъ въ два часа обѣдаютъ. Теперь шесть: до тѣхъ поръ можно проголодаться. Милости просимъ.

Прежде чѣмъ усѣлись вокругъ стола на отодвинутыхъ стульяхъ, Левъ Сергѣевичъ подвелъ гостя къ закусочному столу.

— А водочки, почтеннѣйшій Дмитрій Витальевичъ? Рыбки на закуску. Какой желаете, Дмитрій Витальевичъ? Вотъ бакрѣ, вотъ токъ.

Гость посмотрѣлъ на него съ остервененіемъ. „И чего онъ, какъ сордка, мое имя заикалъ,“ подумалъ онъ.

— Макрò или тона? приставалъ хозяинъ.

— Тона, съ отчаянiемъ выговаривалъ гость.

Несмотря на недовкость, происходившую преимущественно оттого что рукава сюртука были гораздо длиннѣе манжетъ рубашки, Лебедевъ принялся за супъ и пирожки весьма рьяно, и на вопросъ: „хересу или мадеры?“ отвѣтилъ совершенно смѣло:

— Хересу.

Болѣе всего его смущала Инна Осиповна, которая не стѣсняясь смотрѣла на него черезъ столъ въ лорнетъ; онъ ясно видѣлъ ея лукавое, красноватое лицо, хотя одна щека и загоразивалась бутылкой. Порой она обращалась къ лакею-нику и дѣлала знаки, спрашивая у него:

— А что онъ судился?

Послѣ супа она вдругъ спросила „не бѣгавъ ли онъ?“ Левъ Сергѣевичъ нарочно отвѣтилъ неопредѣленно: ничего молъ навѣрно сказать не могу. Тетушка олять возилась въ него глазами.

V.

Левъ Сергѣевичъ для чего-то подаивалъ гостю весьма усердно, то лафиту, то хересу, то наливку. Въ привычной головѣ „духовнаго студента“ зашумѣло. Онъ сталъ поглядывать совсѣмъ развязно, и даже называть хозяина „ваше превосходительство“, чего до обѣда не дѣлалъ. А тотъ сталъ еще въжливѣе, еще предупредительнѣе.

— Такъ вотъ-съ, милѣйшій мой Дмитрій Витальевичъ, говорилъ онъ, — я рѣшился лобезлюковать васъ по дѣлу о моей школѣ.

— Слышалъ, возразилъ половичъ, — отецъ ужь мнѣ это докладывалъ.

— Стало-быть знаете ту програму что я намѣренъ преслѣдовать?

— Это мужичковъ-то обучать технологiи? Слышалъ и даже пзумался.

— То есть чему собственно?

— Собственно идеѣ.

Левъ Сергѣевичъ откинулся на спинку кресла. „Ага, начинается“, съ удовольствiемъ подумала Надежда Федоровна.

— Что же, вы не согласны со мной?

— Насчетъ учрежденія въ Залѣсьѣ технологическаго института? Не согласенъ.

— Что же вы находите?

— Да гауло ужъ очень.

У Льва Сергѣевича на лбу выступилъ потъ. Надежда Федоровна какъ-то лискнула надъ своею тарелкой. Но Левъ Сергѣевичъ все-таки принудилъ себя улыбаутся.

— Собственно что гауло?

— Мысль самая. Ну зачѣмъ всѣ эти ремесла мужику?

— Мнѣ желательно специализовать окрестныя силы.

— Да онѣ и такъ специализованы: лютъ залоемъ круглый годъ, да соломой съ крышъ кормать коровъ.

— Мнѣ кажется, образованіе внесетъ и благосостояніе въ край...

— Ну это вамъ кажется, закажите отцу молебень, можетъ быть мерещиться перестанетъ.

— Я знаю сельскій бытъ, изучалъ его.

— Гдѣ вы изучали? Въ Петербургѣ, сидя въ своемъ креслѣ? Съ такими знаніями, ваше превосходительство, повѣрьте, далеко не уйдетъ. Я вотъ народъ съ дѣтства тоже изучалъ, кажется вотъ какъ его знаю, на ладони онъ у меня. А спросите вы, что ему надо: я не отвѣчу. А шутъ его знаетъ что ему надо!

— Но школы-то во всякомъ случаѣ нужны?

— Зачѣмъ-съ?

— Какъ, какъ!

Левъ Сергѣевичъ отеръ ладонью лицо и пододвинулся ближе къ столу.

— Затѣмъ школы нужны что всякій образованный человекъ лучше темнаго.

— Да для кого лучше-то? для васъ лучше образованный, а для меня—темный.

— Я не зналъ что вы такой обскурантъ... Скажите пожалуйста, но выходя изъ такого положенія придется пожалуй сказать что вся цивилизація, весь прогрессъ человѣчества—нуль...

— Эхъ, ваше превосходительство, ну какое вамъ дѣло до прогресса человѣчества, на кой онъ вамъ дьяволъ, съ позволенія сказать? Что вы приставлены отъ Бога что-ли въ наблюдатели за этимъ самымъ прогрессомъ?

Онъ съ сердцемъ положилъ себѣ на тарелку два куска утки и клюквеннаго холоднаго варенья.

— Мнѣ это нравится, продолжалъ онъ,—вертится человекъ весь вѣкъ бѣлкой и кричить: я во имя прогресса..

— Ваше выраженіе болѣе рѣзко чѣмъ основательно, сохраняя тоже спокойствіе въ чертахъ возразилъ Левъ Сергѣевичъ.

— Рѣзко? Рѣзко оттого что я къ хересу не привыкъ. А оно основательно, это ужъ вы повѣрьте.

Вѣдь онъ съ удивительнымъ апетитомъ, хотя это былъ и второй обѣдъ. Глуховѣлая тетушка смотрѣла на него широко раскрытыми глазами и даже помогала ему сама, прищелкивая зубами когда онъ перегрызалъ кости. Порой она переводила глаза на Надежду Федоровну и спрашивала знаками: хорошо?

— Но позвольте, любезнѣйшій, говорилъ Левъ Сергѣевичъ,—какія выше и лучше можно ставить себѣ задачи, какъ не желаніе по мѣрѣ силъ содѣйствовать развитію человечества?

— Ну, вотъ толкуй тутъ съ вами! Да поймите вы что обо всемъ слѣдуетъ судить не по самой сущности предмета, а по результату, что онъ даетъ.

— Ну, что жь, результатъ по моему.. началъ было Левъ Сергѣевичъ.

— Да нѣтъ же! крикнулъ Лебедевъ.—Оттого что вы парня отъ сохи оторвете и космографію ему читать станете, онъ ни на волосъ счастливѣе не будетъ. Для какого ему лишшаго космографія!

— Позвольте, загорячился и генераль,—да я ему не отвѣченныя знанія хочу преподавать, а то что потребности его насущной касается.

— Насущная его потребность: борода и водка. Сумѣйте удовлетворить его вотъ съ этихъ двухъ сторонъ.

— То-есть дать ему возможно больше земли и еще больше водки, это вы хотите сказать?

— Ну нѣтъ, такими разговорами только натоцдакъ завиматься можно, окончательно осwirѣлѣвъ отрѣзалъ Лебедевъ, вливаясь не безъ ожесточенія въ утиную ножку, хрустѣвшую подъ его зубами.

— Ахъ!.. вырвалось у Надежды Федоровны, которая вспомнила про мостальгу.

Почтенный старичекъ-лакей тоже съ соболѣзнованіемъ посмотрѣлъ на молодого гостя; на его лицѣ такъ и было написано: „эхъ, тебя, братецъ, угораздило“!

VI

— Следовательно, заговорилъ послѣ небольшой паузы Левъ Сергѣевичъ,—вы окончательно не сочувствуете идеѣ моей школы и не желаете способствовать ея осуществленію?

— Отчего же не способствовать? Вѣдь вы надо полагать учителямъ деньги платитъ будете.

— Естественно. Вы имѣете право преподаванія?

— Въ академіи-то кончивши? Еще бы!

— Ну, вотъ и прекрасно.

— Только ничего прекраснаго нѣтъ: попечитель округа меня не утвердитъ, особливо въ должности законоучителя.

— Почему же?

— Рѣшить что неблагонадеженъ.

— Да вы въ самомъ дѣлѣ-то благонадежны или нѣтъ?

— А не знаю. Кажется, въ художествахъ не замѣченъ.

— Ну, я съ попечителемъ знакомъ, для меня онъ все сдѣлаетъ... Наконецъ, я могу произвести давленіе.

А тетушка обратилась къ хозяйкѣ съ вопросомъ: „Что онъ здоровъ?“. Та отвѣчала: „здоровъ“. „Отчего же онъ такъ грызеть?“—„У него отличные зубы, отвѣтилъ за жену Левъ Сергѣевичъ,—это съ его стороны качество.“

Въ концѣ обѣда Лебедевъ не заставлялъ себя просить, а самъ наливалъ и пилъ рюмку за рюмкой. Левъ Сергѣевичъ въ виду этого поторопился обѣдомъ и приказалъ скорѣе подавать полосканье.

— Вотъ вы говорите, ваше превосходительство, сказалъ Лебедевъ, слегка пошатнувшись и проходя за Львомъ Сергѣевичемъ въ курительную комнату,—вы говорите что можете произвести давленіе. Произведите-ка его на вашего соседа Кольбера.

— А что? Я его хорошо знаю.

— У него дерковъ при имѣніи, при церкви полъ Василій Крестовоздвиженскій. Кольберъ у него съ семействомъ говѣеть. У него младенцы лѣтъ по пятнадцати; онъ ихъ на исповѣдь не посылаетъ—прямо къ причастію. Полъ ему говорить, а по уставу не могу, въ послѣдній разъ нынче, а въ будущемъ году исповѣдь. А онъ опять младенцевъ невнѣцъ къ Чапѣ съ мамашей подводитъ. Мамаша навертѣла на себя всякихъ курдюковъ, а мальчики въ кудрыхъ курткахъ

съ кисточками. Полъ посмотрѣлъ на нихъ, повернулся, да въ алтарь и ушелъ. Мамаша какъ взвизгнетъ и въ обморокъ. Понимаете: нервы слабы.

— Я никогда про это и не слышалъ, проговорилъ Левъ Сергѣевичъ.

— Ну гдѣ вамъ, до того ли. Полюбуйтесь что дальше было. Кольберъ вслышалъ гдѣвомъ: рветъ и мечетъ. Заболѣлъ полъ жабой, не отслужилъ въ какой-те торжественный день обѣди, тотъ бацъ—доносъ на него. Ну, на годъ человѣка на покой и сослалъ...

— Да неужели?

— Ага! не слышали?... Да это только еще цвѣточки. Нынче у него земскую школу основываютъ. Конечно, полъ попечителемъ. А онъ сперва было позволялъ и мѣсто далъ, а потомъ чтобы полъ насолить ото всего отказался. Крестьяне лѣсъ свезли, а онъ говорить „коли построите школу, не буду выгона вамъ давать“. А безъ выгона имъ невозможно. Село большое... Красиво?... Земство къ предводителю: тотъ говорить, „я господа къ нему не поѣду: еще побьетъ чего добраго“.

— Это фактъ?

— Образъ прикажете со стѣны снять? Такъ вотъ, ваше превосходительство, чѣмъ школы для народа строить, не лучше ли прежде всего господина Кольбера обучить? Что ваши крестьяне ленокку будутъ носить, черезъ лалку прыгать, это не хитрость. А вотъ господина Кольбера въ намордникъ привести, это интересно.

Левъ Сергѣевичъ всталъ.

— Да, я вижу къ сожалѣнiю что мы не сходимся. Мнѣ остается извиниться что я васъ побезпокою.

— Охъ, помилуйте, ваше превосходительство. Да вы только не думайте что я злоредный. Я мухи не обижу. Я пришелъ къ заключенiю что самое душеспасительное дѣло—въ потолокъ плевать всю жизнь. Завирательныхъ идей никакихъ; но и дѣлать никакого дѣла я не желаю, ибо у отца гроши есть: буду плевать въ потолокъ, сирѣчь вести созерцательную жизнь индiйскаго iоги. Какой же я школьный учитель, да еще образцовой школы?

— Совершенно съ вами согласенъ.

— Всякаго благополучiя! Надѣюсь что неприятная встрѣча со мной не отразится на моемъ отцѣ?

— Помилуйте, за кого же вы меня считаете?

— Ну, и прекрасно. А впрочем, я желаю вашей школе всего хорошаго.

Они пожали другъ другу руку.

— А только еще одно слово: не думайте что вы этими школами народъ облагодѣтельствуете. Въ сущности, это просто шашъ.

Генералъ закрылъ глаза и поклонился.

— Будьте здоровы.

Онъ нахлобучилъ шапку и пошелъ съ балкона.

Левъ Сергѣевичъ, когда онъ ушелъ, долго стоялъ заложивъ руки въ карманы и смотря неопредѣленно вдаль...

— Да, въ раздумьѣ проговорилъ онъ.—Извольте тутъ образовывать страну... вы въ комъ поддержки!... Старикъ фыркаетъ, сынъ тоже... Чтò жъ я могу?... Нѣтъ, рано еще обзаводиться на Руси образцовыми школами, пусть подождутъ!...

Онъ съ негодованіемъ повернулся, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и спросилъ сельтерской воды...

П. ГНѢДИЧЪ.

Сентябрь 1884.

Мыза Кайбоа.

ПО ПОВОДУ КОНЦЕРТА ПОСВЯЩЕННАГО БЕТХОВЕНУ.

15 декабря Музыкальное Общество, при громадном стечении публики и несмокавших рукоплесканіяхъ, дало въ залѣ Дворянскаго Собранія концертъ, программа котораго пріятно поражала своею однородностію и внутреннимъ единствомъ. Весь концертъ былъ составленъ изъ произведеній великаго артиста имя коего значится въ заглавіи настоящей записки. Такіе вполнѣ однородные концерты составляютъ явленіе недавнее: въ недалекомъ прошломъ единственно извѣстный, да и нынѣ преобладающій типъ концерта есть музыкальный винегретъ, смѣсь композицій всѣхъ мастеровъ и всѣхъ школъ, чтобы не сказать всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Въ то время какъ въ нашихъ картинныхъ галлерейхъ тщательнo отдѣлены другъ отъ друга не только эпохи, національности и школы, но даже отдѣльные художники, такъ что вы, гдѣ на это есть достаточно картинъ, имѣете залу Мурильо, залу Рубенса, залу Рембрандта и т. п.,—виртуозы давнѣе концерты и по примѣру ихъ музыкальные импресарио и музыкальныя общества почти всегда боялись не набрать слушателей или уморить ихъ скукой, если не издѣлають въ программѣ настоящее столпотвореніе вавилонское. Отрадно видѣть успѣхъ прекраснаго нововведенія которымъ мы обязаны нашему времени. Можно только пожелать чтобы этотъ поворотъ сказался на всѣхъ областяхъ музыки, чтобы за вечерами Бетховенскими, особенно любя-

момъ нашимъ временемъ, какъ можно скорѣе послѣдовали вечера Моцартовскіе, Гайдновскіе, Генделевскіе и Баховскіе; чтобъ изъ-за свѣтской музыки не была забыта духовная, чтобы мы такимъ образомъ получили возможность присутствовать на вечерахъ Палестриновскихъ, Лассовскихъ и Жюскиновскихъ.

Все это конечно мечты, и по всему вѣроятію мечты довольно отдаленнаго будущаго. Въ дѣйствительности же мы имѣемъ предъ собой тотъ фактъ что на дняхъ въ Москвѣ былъ данъ концертъ весь изъ произведеній одного композитора, и что композиторомъ этимъ былъ именно Бетховенъ. Явленіе это не единичное, даже у насъ въ Россіи. Если не ошибюсь, въ Петербургѣ не такъ давно была цѣлая серія квартетныхъ или фортепьянныхъ вечеровъ исключительно составленныхъ изъ Бетховенскихъ же композицій. Ничего подобнаго не дѣлаютъ не только для Моцарта или Гайдна, отдаленныхъ отъ современной публики временемъ и кореннымъ переворотомъ стиля происшедшемъ послѣ нихъ, но и для столь близкихъ и понятныхъ намъ Мендельсона-Бартольди, Шумана и Франца Шуберта. Такое непомѣрное предпочтеніе конечно имѣетъ основаніе въ самомъ свойствѣ предмета. Дѣло въ томъ что нѣтъ композитора въ своей сферѣ болѣе разнообразнаго и болѣе свободнаго отъ манеры. Взятая въ своей совокупности, произведенія Бетховена составляютъ цѣлый громадный міръ; взятое отдѣльно, каждое сочиненіе поражаетъ своимъ индивидуальнымъ отпечаткомъ, пластически выступаетъ изъ общей массы и вслѣдствіе этого чрезвычайно легко запоминается и узнается, и это вѣрно даже по отношенію къ самымъ незначительнымъ или несимпатичнымъ его произведеніямъ. Вотъ одна изъ причинъ почему концертанту такъ легко ограничиваться на программахъ именемъ Бетховена. Эта же причина объясняетъ необыкновенное къ нему вниманіе специалистовъ, необыкновенное рвеніе съ которымъ творецъ *Fidelio* вотъ уже болѣе шестидесяти лѣтъ изучается, толкуется и комментируется. Любовь къ нему со стороны публики имѣетъ и другія причины. Такъ же какъ и драмы Шиллера, съ которымъ вообще Бетховенъ имѣетъ величайшее сходство и по духу и многимъ внѣшностямъ, композиція Бетховена соединяетъ необыкновенно горячій и искренній пафосъ съ необыкновеннымъ внѣшнимъ блескомъ, съ „эффектностью“ въ лучшемъ и благороднѣйшемъ значеніи

этого слова. Такъ же какъ и Шиллеръ, Бетховенъ увлекаетъ идеальнымъ полетомъ мысли, какимъ-то едва доступнымъ словесной передачѣ вѣяніемъ благородства и благодушія, преобладаніемъ свѣтлаго настроенія, воплощеніемъ, если можно такъ выразиться, *оптимизма* въ предѣлахъ средствъ своего искусства. Музыка—языкъ всемірный, какимъ не можетъ быть ни одинъ словесный языкъ. Еслибы Шиллеръ родился Французомъ, то и тогда, пользуясь самымъ популярнымъ въ предѣлахъ собственного отечества языкомъ, онъ никогда бы не достигъ той степени распространенія какую теперь пользуется Бетховенъ; его слава останавливалась бы тамъ гдѣ прекращается знаніе французскаго языка. Но онъ писалъ по-нѣмецки, то-есть на одномъ изъ языковъ мало-извѣстныхъ и малораспространенныхъ въ большихъ культурныхъ націяхъ. Неравенство между его славой и славой Бетховена болѣе всего объясняется этимъ неравенствомъ средствъ представляемыхъ словомъ и музыкой. Позволю себѣ добавить еще нѣсколько чертъ общихъ тому и другому художнику. Оба они, при возвышенномъ настроеніи и благородствѣ мыслей, въ высшей степени обладали вѣдшею виртуозностію или такъ-сказать *бравурностію* въ смыслѣ умѣнія достигать потрясающаго дѣйствія не только на тонкаго, знающаго цѣнителя, но и на массу. У Шиллера эта виртуозность—пышный риторическій слогъ, громкій стихъ, „ларевіе“, у Бетховена—щегольская форма (въ музыкантскомъ смыслѣ слова) и блестящая инструментовка. Слѣдуетъ прибавить что какъ у того, такъ и у другаго искренность чувства не исключаетъ частыхъ переходовъ въ сентиментальность, а вѣдшій блескъ и эффектъ иногда скрываетъ мысли заурядныя, поверхностныя, такъ-называемыя „общія мѣста“. Многіе изъ самыхъ блестящихъ монологовъ Шиллера, если въ нихъ взглянуть ближе, сотканы изъ мыслей такого разряда; у Бетховена преимущественно такъ-называемыя „побочныя партіи“, но иногда и „главныя“ принадлежатъ къ мелодіямъ незначительнымъ, зауряднымъ. Къ этой параллели я долженъ прибавить что въ отношеніи вѣдшей формы у Шиллера (по обычаю его времени) играетъ большую роль римская и греческая миеологическая номенклатура, служащая ему для метафоръ, а въ отношеніи внутренняго содержанія огромное вліяніе имѣетъ Кантова философія, которой онъ во второй половинѣ своего полнрща былъ

страстнымъ приверженцемъ. Ни того, ни другаго въ музыкѣ конечно быть не можетъ, а между тѣмъ то и другое вредить общедоступности. Здѣсь разница опять въ пользу Бетховена. И тотъ, и другой артисты популярны, но переходя отъ качественного опредѣленія къ количественному приходится сказать что Шиллеръ все-таки въ большей степени поэтъ для литераторовъ чѣмъ Бетховенъ—композиторъ для музыкантовъ.

Очень часто (между прочимъ и въ нашей русской периодической критикѣ) это очевидное и близкое соотвѣтствіе между двумя германскими художниками, почти одновременно жившими и творившими, не было замѣчаемо, а вмѣсто него говорилось что Бетховенъ—музыкальный Шекспиръ. Было бы очень любопытно прочесть подробную между ними параллель составленную на подкрѣпленіе и развитіе этого положенія. Пока такого изложенія *доводовъ нѣтъ*, я невольно буду склоняться къ мысли что въ этомъ афоризмѣ *Бетховенъ есть Шекспиръ* скрывается уравненіе, то-есть что онъ значитъ *Бетховенъ равенъ Шекспиру*. Въ нашей критикѣ, а равно и въ нашей публикѣ очень распространенъ такой ариѳметическій взглядъ на искусство. Одни художники „больше“, другіе „меньше“; этотъ „больше“, другой „меньше“. Еще болѣе ариѳметическаго дѣленія распространено дѣленіе моральное. Одни художники „хороши“, другіе „худы“; Пушкинъ „лучше Гоголя“ или наоборотъ; Рубенсъ „хорошъ“, но Рафаэль „еще лучше“ и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Естественно что если „самый лучший поэтъ“ Шекспиръ, а „самый лучший композиторъ“ Бетховенъ, то они должны быть „одинаковы хороши“, то-есть въ равномъ званіи и чинѣ. Это какъ бы канцлеры двухъ державъ. Обѣ державы великія, и вы должны оказывать почетъ обоимъ канцлерамъ.

Не буду долѣе останавливаться на этихъ ребячествахъ. Возвращаясь къ характеристикѣ моего автора, я скажу что Бетховенъ, такъ же какъ и Шиллеръ, не былъ художникомъ универсальнымъ, то-есть не брался въ равной мѣрѣ за всѣ роды искусства, какъ это дѣлали Пушкинъ и Моцартъ. Я только что говорилъ о его поразительномъ разнообразіи, но я разумѣлъ разнообразіе внутреннее, то-есть богатство *ресурсовъ* въ своей сферѣ искусства. Такъ же какъ Шиллеръ ограничивался (за весьма немногими исключениями) драмой и лирическимъ стихотвореніемъ, такъ и Бетховенъ кулъ-

тивировалъ исключительно *одинъ* родъ музыки (свѣтскій инструментальный). *Въ этомъ смыслѣ* могучій гений создавшій столько новаго въ сферѣ сонаты, инструментальнаго ансамбля, увертюры и симфоніи, былъ однимъ изъ самыхъ одностороннихъ художниковъ: цѣлыя обширныя области искусства были ему недоступны. Можно идти далѣе и сказать что доступны ему были лишь немногія области, хотя въ этихъ немногихъ онъ, конечно, выказалъ себя первокласснымъ гениемъ. Бетховенъ не могъ написать ни оперы (серіозной или комической), ни церковнаго сочиненія или вообще хора, ни фуги или вообще контралпунктической задачи. Аріи его неблагоприятны и неудобны для голоса. Романсы его незначительны и сухи въ сравненіи не только съ пышнымъ разцвѣтомъ двадцатыхъ или тридцатыхъ годовъ, но и съ романсами Моцарта, занимающими такое второстепенное мѣсто въ общемъ сомнѣ моцартовскихъ произведеній. Единственная написанная имъ ораторія не удалась, и не удалась не по излишней смѣлости гениальной концепціи, а напротивъ, по тривіальности, плоскости и казенщинѣ. Въ итогѣ выходитъ что Бетховенъ былъ великъ только тамъ гдѣ не имѣлъ дѣла ни со словомъ, ни съ голосомъ, ни съ контралпунктомъ, ни съ имитацией; его сфера ограничивалась оркестромъ, квартетомъ и фортепиано, да и то только въ двухъ формахъ: сонаты и вариаций. За всѣ остальные роды сочиненія (исключая комическую оперу и хоръ а cappella) онъ также брался, но брался изрѣдка, неудачными и по большей части единичными попытками: собственное чувство вѣрнѣе всякой посторонней критики разоблачало предъ нимъ слабыя стороны его таланта и заставляло его снова возвращаться въ свойственную ему сферу, гдѣ онъ торжествовалъ и царилъ.

Ему не доставало одного изъ главныхъ признаковъ всесторонняго музыканта: онъ, какъ я уже говорилъ, не былъ контралпунктистомъ. Взгляните на бетховенскій контралпунктъ: почти всегда первоначальная мелодія („данный голосъ“) задумана великолѣпно, полна рельефа, своеобразности, благородства, энергии, или же вѣжности и заманчивости, но она задумана *гомолфонно*, то-есть она по природѣ своей не годится для контралпункта, а должна быть сопровождена самымъ простымъ аккордовымъ или фигуральнымъ аккомпаниментомъ. Это сейчасъ же станетъ очевиднымъ какъ только вы взглянете на мелодію присочиненную къ этому данному голосу и идущую

съ нимъ одновременно („противосложение“ или „контрапунктъ“ въ тѣсномъ смыслѣ слова). Противосложение всегда поразитъ безпристрастнаго цѣнителя ничтожествомъ содержанія: оно ритмически мало разнится отъ данной мелодіи, оно мелодически очень часто идетъ съ нею параллельно, словомъ, оно не болѣе какъ замаскированный аккомпаниментъ. Ссылаюсь на фугато и фуги довольно многочисленныя у Бетховена. Причина отнюдь не въ отсутствіи школы, какъ это можно было бы сказать относительно Карла-Мари Вебера, а въ односторонности дарованія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, впрочемъ, порокъ этотъ легко можно было скрыть, и мы не имѣли бы никакого повода упрекать Бетховена въ слабости его контрапункта если бы онъ не покушался на исполненіе такихъ задачъ въ которыхъ контрапунктическое званіе и контрапунктической талантъ равно необходимы; мы не имѣли бы данныхъ для сужденія если бы онъ, какъ Гдукъ въ своихъ операхъ, тщательно избѣгалъ всякаго повода къ полифоніи. Не говоря о сочиненіяхъ его послѣдняго періода утоляющихъ въ контрапунктѣ своего рода, въ притязательныхъ, неизящныхъ и неовкихъ хитросплетеніяхъ (большая дурная соната, смычковые квартеты), сочиненія его даже въ первомъ и второмъ періодѣ изобилуютъ фигураціями, имитациями и фугато въ которыхъ неизмѣнно сказывается безсиліе контрапункта, сухость, отсутствіе гибкости и находчивости. Недостатки эти, повторяю, происходятъ не отъ невѣжества или неумѣлости: со времени капитальной книги Ноттебома *Beethoven's Studien* нельзя уже болѣе сомнѣваться въ томъ что Бетховенъ много и основательно трудился какъ у Гайдна, такъ и у Альбрехтсбергера и что ему даже не былъ чуждъ такъ-называемый строгій стиль. Фантазія его, столь неистощимая на ритмическія измѣненія темы, на модуляціи въ отдаленные тоны, на оркестровыя сочетанія инструментовъ, постоянно измѣняла ему, становилась скудною и бесплодною какъ скоро ему предстояла задача одновременно повести двѣ мелодіи или болѣе.

Ни отъ кого не тайна что этотъ пробѣлъ въ талантѣ Бетховена очень мало повредилъ ему въ глазахъ музыкантовъ и нисколько не повредилъ въ глазахъ публики. Время въ которое онъ жилъ не было склонно къ погруженію въ контрапунктическія глубины: оно напротивъ любило „мелодію“ опровожденную легко и прозрачно. Его любимцами одновре-

менно съ Бетховеномъ были Карлъ-Марія Веберъ и Россини, нѣсколько ранѣе многочисленная плеяда французскихъ композиторовъ комической оперы, этихъ завзятыхъ и крайнихъ мелодистовъ. Изъ сочиненій смѣлаго и могучаго Франца Шуберта оно игнорировало всю массу богатыхъ по содержанию и по технике вещей, а составило Шуберту извѣстность за нѣкоторые случайно выбранные нумера, въ которыхъ онъ былъ опять-таки популярнымъ мелодистомъ, хотя болѣе свѣжимъ и самобытнымъ чѣмъ его нынѣ забытые современники. Наконецъ, въ сферѣ „большой“ оперы настоящимъ героемъ былъ грубый, массивный, чувственный и неуклюжій Спонтини, который не только былъ чуждъ контрапункта, но даже и въ гармоніи плелъ дилти. Бетховену не доставало такихъ качествъ за присутствіе которыхъ никто не сказалъ бы ему особеннаго спасибо. Изъ его современниковъ этими качествами въ изобиліи обладалъ Керубини. Но Керубини всю свою жизнь былъ именно композиторомъ для музыкантовъ, въ публикѣ возбуждавшій скорѣе симпатію чѣмъ восторги и скорѣе уваженіе чѣмъ симпатію.

Въ чѣмъ же секретъ этого дѣйствительно великаго, несравненнаго искусства, этой поразительной красоты, которой мы такъ охотно прощаемъ ея односторонность, которой позволяется игнорировать цѣлыя области музыки? Кромѣ гениальнаго мелодическаго вдохновенія, бывшаго неизсякаемымъ ключемъ, Бетховенъ былъ великій мастеръ *ритма* и *формы*. Энергія крутая, непреклонная, желѣзная была едва ли не основнымъ элементомъ его музыкальной натуры; она въ лицѣ его явилась на сцѣну господствовавшей до него легкой граціи, веселости, шутовности и свѣтскаго изящества (Гайднъ, французская комическая опера, отчасти Моцартъ). Этотъ элементъ энергіи нашелъ себѣ выраженіе въ музыкальномъ *ритмѣ*. Никто не умѣлъ изобрѣтать такого разнообразія ритмовъ, никто не умѣлъ такъ заинтересовывать, увлекать, поражать и поработать ими слушателя какъ творецъ *Героической симфоніи*. Къ этому слѣдуетъ прибавить гениальность формы. Здѣсь читатель да проститъ мнѣ небольшое отступленіе съ цѣлю объяснить то особенное значеніе которое термину этому придаютъ музыканты.

Извѣстно что музыкантское употребленіе этого термина не имѣетъ ничего общаго съ его обыкновеннымъ *эстетическимъ* значеніемъ. Въ музыкѣ *форма* отнюдь не есть

вѣшная оболочка противоположаемая внутреннему содержанию. Выраженіе „квартетъ замѣчательный болѣе всего прекрасною формою“ отнюдь не должно возбуждать въ читателѣ представленія о композиціи которая улодоблялась бы, напримѣръ, элической поэмѣ написанной гладкимъ слогами и звучными стихами, но бѣдой мыслью и чувствомъ. „Форма“ въ эстетическомъ смыслѣ соотвѣтствуетъ въ музыкѣ вся совокулность техники: мелодія, гармонія, инструментовка, тематическая работа и „форма“ въ музыкантскомъ смыслѣ; „содержаніемъ“ же въ музыкѣ слѣдуетъ признать первоначальную мысль, „тему“ или „мотивъ“ или совокулность темъ или мотивовъ, когда ихъ нѣсколько. У музыкантовъ же „форма“ означаетъ послѣдованіе частей, группировку; для избѣжанія недоразумѣнія слово это всего лучше было бы замѣнить словомъ *композиція*.

Еслибы Бетховенъ былъ мастеромъ формы въ ходячемъ *эстетическомъ* смыслѣ слова, то это въ переводѣ значило бы что онъ былъ ловкимъ техникомъ, а не гениемъ, графомъ Платеномъ, а не Шиллеромъ. Но онъ былъ именно *гениемъ* формы, принимая „форму“ въ смыслѣ группировки и композиціи, то-есть въ смыслѣ концепціи цѣлаго. Очень часто на ряду съ подробностями ликавными и замысловатыми вы видите у него страницы написанныя небрежною рукою, общія мѣста, устарѣлыя пассажи и каденціи; но почти всегда васъ вознаграждаетъ впечатлѣніе *цѣлаго*, здоровый и мощный организмъ котораго плѣняетъ своею внутреннею гармоніей, закономерностью и правильностью всѣхъ своихъ функцій. *Правильность* эта отнюдь не есть подчиненіе какому-нибудь шаблону, извнѣ принесенному; никто менѣе Бетховена не подчинялся „чужому уставу“, а для него всякій уставъ былъ чужой кромѣ требованій его внутренняго голоса, неудержимо влекшаго его на путь смѣлой и небывалой новизны. Именно по формѣ произведенія его разнообразны до безконечности; разнообразіе было его потребностью, повидимому возраставшею въ немъ съ годами; такъ что подъ конецъ, въ произведеніяхъ такъ-называемаго „третьяго“ періода своего, онъ впадалъ въ экспериментъ, въ процессъ сочиненія оцуюлю, безцѣльнаго блужданія по мотивамъ, тональностямъ и видамъ такта, въ хроническій куріозъ, въ безсвязную ралсодичность.

Въ композиціяхъ для оркестра къ этимъ средствамъ присоединяется *инструментовка*. Я знаю музыкантовъ которые эту сторону Бетховена считаютъ преобладающею; до известной степени и всѣ музыканты, когда заговоришь о Бетховенѣ, прежде всего представляютъ себѣ творца семи симфоній, * увертюрь къ *Леонорѣ* и нѣсколькихъ другихъ, музыки къ *Эгмонту* и *Дюнкельскимъ развалинамъ*. Къ этому слѣдуетъ прибавить *Фиделію* и *Вторую Мессу* о которыхъ я пока умолчу, такъ какъ это сочиненія не только оркестровыя, но въ то же время и вокальныя. Таково представленіе музыкантовъ-спеціалистовъ, но не массы публики котораго далеко не вся, особенно въ нашемъ обширномъ отечествѣ, имѣетъ случай слышать симфоническую музыку въ оркестровомъ исполненіи. Для этого низшаго и обширнѣйшаго слоя меломановъ Бетховенъ всегда останется композиторомъ фортепіанныхъ піесъ и даже еще тѣснѣе: фортепіанныхъ *сонатъ*, именно потому что вариаціи и мелкія піесы для фортепіано, которыхъ у него очень много, гораздо менѣе извѣстны. Ослѣпительный эффектъ ощущаемый нами когда въ Московскомъ Дворянскомъ Собраніи исполняется *Пятая симфонія* не долженъ порождать въ насъ на этотъ счетъ иллюзій. Толпа наполняющая по субботамъ громадную залу, такъ что яблоку негдѣ упасть, все-таки не есть „толпа“ въ обширнѣйшемъ значеніи слова. Это относительно говоря даже избранные. Въ залѣ находятся нѣсколько тысячъ человекъ, но за ея стѣнами остаются десятки и сотни тысячъ до которыхъ звуки симфоническаго оркестра не долетаютъ и никогда не долетятъ. Эти сотни тысячъ не только знаютъ имя Бетховена, но даже любятъ его музыку, но *изъ* Бетховенъ композиторъ исключительно фортепіанный.

Обращаясь затѣмъ къ Бетховену *избраннымъ*, къ Бетховену оркестровому, я скажу что онъ здѣсь, какъ и вездѣ, дѣйствуетъ изобиліемъ мелодій, мощью ритма, прелестью и разнообразіемъ формы; общіе признаки его стиля конечно остаются тѣ же что и въ другихъ родахъ сочиненія. Что же

* *Семь*, а не *десяти* какъ обыкновенно считаютъ. Всѣхъ симфоній девять, но изъ нихъ первыя двѣ въ заголѣ и у насъ въ Россіи почти никогда не исполняются, да и за границей (гдѣ преобладаніе „передовой“ партіи музыкантовъ не такъ ощутительно какъ у насъ) рѣже остальныхъ. При характеристикѣ Бетховена какъ симфониста онъ едва ли когда принимаются къ соображенію.

касается инструментовки, то несомненно что въ свое время Бетховенъ произвелъ переворотъ гораздо большій чѣмъ въ сѣдующемъ поколѣніи Мейерберъ, Берлиозъ и Рихардъ Вагнеръ. Онъ не увеличилъ числа инструментовъ, не сталъ употреблять большихъ густыхъ массъ, какъ это сдѣлалъ его современникъ Спонтини; онъ страшно увеличилъ мѣру требованій отъ каждаго отдѣльнаго инструмента, отъ каждаго отдѣльнаго музыканта. Его скрипачи, его виолончелисты, его гобоисты и валторнисты—первоклассные виртуозы. Къ этой требовательности присоединяется жажда контраста, любовь ко внезапнымъ *фортиссимо* и столь же внезапнымъ *пианиссимо*, любовь къ самымъ высокимъ и самымъ низкимъ октавамъ, къ нотамъ и регистрамъ рѣдко употребляемымъ. Въ этомъ смыслѣ симфоніи и увертюры его и нынѣ, чрезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ ихъ появленія въ свѣтъ, производятъ такое же магическое дѣйствіе какъ въ свое время, или вѣрнѣе сказать производятъ дѣйствіе гораздо большее, такъ какъ онѣ теперь услѣли войти въ плоть и кровь музыкальной лубрики. Но здѣсь я опять долженъ установить различіе, причемъ снова прибѣгну ко взятому уже мною примѣру для иллюстраціи, къ лубрикѣ нашего музыкальнаго общества. Сравнительно съ провинціей это *избранные*, да, но между этими избранными есть музыканты и есть любители. На любителя инструмента бетховенской піесы, скажемъ *Эгмонта* или *Леоноры*, производить дѣйствіе самое полное и несомнѣнное. Музыканты *слушать* тоже восхищаются и никакъ не менѣе любителей, но я не всегда вѣрю въ искренность этихъ восторговъ. Они искренни у тѣхъ музыкантовъ которые имѣютъ вкусы *классическіе*, которые дѣйствительно любятъ оперы Вебера, фортепианные концерты Гуммеля, фортепианные ноктюрны Фальды и развѣ-развѣ Шопена. Такихъ музыкантовъ у насъ немного: я имѣю причины подозрѣвать что мнѣ, лично мнѣ, тѣ изъ нихъ которые живутъ въ Москвѣ извѣстны не только по фамиліямъ, но даже по именамъ и отчествамъ. Остальные у насъ музыканты (кромѣ единичныхъ чудаковъ и „независимыхъ“, какіе встрѣчаются во всякой спеціальности) или вагнеристы (сюда относятся сѣровисты, какъ подраздѣленіе или *разновидность*), или балакиревисты, на обыкновенномъ жаргонѣ именуемые *кучкистами*. Эти послѣдніе на словахъ очень строги къ Рихарду Вагнеру, на дѣлѣ же подражаютъ ему, иногда не безъ таланта, всегда

съ большимъ усердіемъ. Такимъ образомъ я не оскорблю истины если скажу что обѣ эти партіи могутъ быть слиты въ одну Вагнеровскую; особенно это вѣрно здѣсь, потому что здѣсь я говорю только обѣ инструментовкѣ, отъ подражанія же вагнеровской инструментовкѣ кучкисты вѣроатно и сами не отолрутсѣ. Но какъ совмѣстить вагнеровскую инструмен-товку на двѣхъ съ культомъ бетховенской инструментовки на словахъ? Чтѣ общаго между методой Бетховена и методой Рихарда Вагнера? Съ одной стороны, прозрачныя легкія тка-ни, обычай довольствоваться инструментами неполными (на-туральными), басы легкіе и слабые, въ фортиссимо каждый разъ заглушаемые литаврами, аккорды расположенные нерав-номѣрно (смотря по тому какіе въ мѣдныхъ инструментахъ натуральные тоны); съ другой стороны, жирная, едва плавающая масса, какъ бы медленный потокъ дымящейся лавы, инстру-менты исключительно хроматическіе, могучіе басы органаго тембра (въ *piano* бас-кларнетъ, четыре фагота, низкія ноты хроматическихъ валторнъ; въ *forte* басовый тромбонъ, ба-совая и контрабасовая трубы), въ фортиссимо гармонія такъ же безукоризненно слышна какъ въ *liano* (потому что тягу-чіе долго выдерживаемые полные аккорды мѣдныхъ въ кон-цѣ концовъ пересаливаютъ какіе угодно отрывочные акцен-ты ударныхъ), аккорды расположенные по всѣмъ законамъ акустики и съ тончайшимъ расчетомъ на матеріальный эф-фектъ. У Бетховена рѣшительно преобладаетъ смычковый квинтетъ, у Рихарда Вагнера между струнными и духовыми полная равноправность или же предпочтеніе рѣшительно от-дано духовымъ („весь оркестръ сидитъ на валторнахъ и на деревянныхъ инструментахъ!“ какъ воскликнулъ одинъ слу-шатель въ Байрейтѣ на первомъ представленіи *Siegfrida*). Бетховенъ похожъ на полководца блестятельно выигрываю-щаго кампанію съ войскомъ небольшимъ, щегольски одѣтымъ, но плохо вооруженнымъ и плохо накормленнымъ; Вагнеръ воюетъ съ помощью громадной арміи вооруженной согласно послѣднимъ изобрѣтеніямъ, везущей за собою нескончаемые парки и нескончаемые обозы. Можно признавать талантъ или „историческую“ заслугу Бетховена, но можно ли *любить* тембръ его оркестра пріучивъ слухъ, чувство и фантазію къ тембру вагнеровскому? Я говорю здѣсь совсѣмъ не за себя; я говорю о чувствѣ которое могутъ испытывать вагнеристы. Увѣряя что они восхищаются инструментовкой Бетховена,

они владають въ очевидное и безвыходное противорѣчіе съ самими собою. Доказательства налицо: въ то время какъ оркестровыя произведенія Мендельсона, Шумана, Мейербера и Бергаоза, которыхъ вагнеристы *не признаютъ*, которыя они считаютъ толченіемъ воды, исполняются въ наши дни, исполняются подъ жезломъ капельмейстеровъ-вагнеристовъ безо всякихъ поправокъ и измѣненій, въ подлинномъ и неприкосновенномъ видѣ, оркестровыя произведенія Бетховена (предъ которыми вагнеристы на словахъ падаютъ ницъ) даются не иначе какъ съ разными дополненіями и поправками въ инструментовкѣ; такія поправки дѣлались между прочимъ и самъ Вагнеръ и даже написалъ по поводу ихъ цѣлую статью, попавшую вмѣстѣ съ другими и въ полное собраніе его литературныхъ сочиненій.

Кромѣ чарующаго поета фортепiano, кромѣ гиганта симфоніи и увертюры, мы въ лицѣ Бетховена имѣемъ дѣло еще съ третьимъ музыкантомъ, съ бессмертнымъ мастеромъ смычковаго квартета. По самой природѣ вещей, смычковый квартетъ и вообще „камерное“ сочиненіе не можетъ доставить артисту такой обширной знаменитости какъ сочиненія для фортепiano и даже для оркестра. Собрать нѣсколькихъ людей для совместной игры очень легко, когда это пианисты: отъ этого такъ распространена игра въ четыре руки. Совсѣмъ другое смычковые ансамбли, сочиняемые для инструментовъ хотя благодарныхъ, но очень трудныхъ сравнительно съ фортепiano и потому мало распространенныхъ. Но трудность найти четырехъ любителей изъ которыхъ двое играли бы на скрилкѣ, третій на альту, а четвертый на віолончели—не единственная и даже не главная причина почему квартеты играютъ мало и слушаются не особенно охотно, то-есть числомъ людей весьма небольшимъ. Главная причина заключается въ *стиль* сочиненія, въ томъ среднемъ родѣ между послѣдовательно-выдержанною полифоніей и обыкновеннымъ мелодическимъ письмомъ, который господствуетъ въ музыкѣ этого рода и обуславливается составомъ инструментовъ для которыхъ она назначается. Стиль этотъ отъ слушателя требуетъ, во первыхъ, гораздо болѣе напряженнаго вниманія, а во вторыхъ, гораздо болѣе музыкальной подготовки чѣмъ фортепiанннй и даже чѣмъ симфоническій. Наконецъ, вредитъ пониманію квартетной музыки и самая звучность смычковыхъ инструментовъ, когда они играютъ

имѣть и притомъ не въ большомъ числѣ (безъ дубапрока). Звучность эту можно полюбить, и она дѣйствительно имѣетъ своихъ страстныхъ любителей, какъ имѣютъ его въ другой сферѣ самые рѣзкіе и несимпатичные цвѣта; но для большинства и особенно для непривычнаго слуха эта звучность имѣетъ нѣчто жидкое, рѣзкое, сухое, какъ бы *усушеное*; въ ней совсѣмъ недостаетъ элемента успокаивающаго и, если можно такъ выразиться, *прохлаждающаго*. Съ другой стороны, смычковые инструменты отличаются громадностью своихъ *средствъ*: они равно способны къ протяжнымъ и отрывистымъ нотамъ, къ *форте* и къ *пиано*, къ мелодіи и аккомпанименту; они безукоризненно интонируютъ самые трудные интервалы, съ легкостью переходятъ отъ высочайшаго регистра къ низкому и т. д.; кромѣ того, они имѣютъ множество различныхъ способовъ игры, мѣняющихъ тембръ и характеръ инструмента,—одна и та же скрипка такимъ образомъ способна къ нѣсколькимъ превращеніямъ. Вотъ причина почему композиторы столь же пристрастны къ сочиненію камерной музыки, какъ масса публики равнодушна къ ея красотамъ; вотъ, между прочимъ, причина того предпочтенія которое Бетховенъ оказывалъ этому роду искусства. Тогда какъ Гайднъ и Моцартъ оставили гораздо болѣе симфоній чѣмъ квартетовъ, у Бетховена всѣхъ симфоній только 9, квартетовъ же 17; особенно число ихъ растетъ къ концу его полприща. По оригинальности и смѣлости мыслей, по тщательности и точности тематической работы и по разнообразію формы, бетховенскіе квартеты составляютъ явленія первостепенной важности, неисчерпаемую сокровищницу самыхъ чистыхъ, самыхъ идеальныхъ эстетическихъ наслажденій. Только въ такъ-называемомъ „последнемъ періодѣ“, начиная съ Бедурнаго квартета посвященнаго князю Голицыну, слушатель чувствуетъ что рука мастера, недавно еще столь увѣренная и твердая, постепенно слабѣетъ, болѣе и болѣе колеблется, мѣсто прежняго здороваго и непосредственнаго вдохновенія занимаетъ какая-то болѣзненная и жеманная изысканность, какіе-то несимпатичные прыжки изъ стороны въ сторону, отъ настроенія къ настроенію, злоупотребленіе ферматой и *tempo rubato*. Тяжелое впечатлѣніе усиливается тѣмъ что при убывающей и дряхлѣющей силѣ притязанія растутъ, становятся все немощнѣе: въ Голицынскихъ и последующихъ квартетахъ чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе чувствуется желаніе

высказать нѣчто небывалое, удивить слушателя странностью и угловатостью приемовъ, писать для небольшого кружка избранныхъ, создать музыкальный *Hotel Rambouillet* съ кружковымъ языкомъ и кружковымъ жаргономъ. Такое стремленіе существовало въ современной этимъ квартетамъ литературной Германіи; его носителями были такъ-называемые романтики, считавшіе хорошимъ тономъ какъ можно больше замыкаться отъ публики и писать какъ можно недоступнѣе. О другой (контралунктической) сторонѣ этихъ произведеній я уже говорилъ раньше. Бетховенъ былъ контралунктистъ не богатый, не находчивый и жесткій, но справедливость требуетъ сказать что особенныя претензіи на контралунктиста онъ началъ предъявлять только въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни. Не могу понять удовольствія которое находятъ образованные музыканты въ музыкѣ подобнаго рода. Еслибы безчисленныя неправильности и шероховатости стиля способствовали тому чтобы придавать ему силу и остроту, угловатое и смѣлое величіе, то я первый преклонился бы предъ гениальностью новатора попирающаго ногами школьную рутину. Но ничего подобнаго въ бетховенскомъ контралунктѣ этого періода я не усматриваю. Музыканты-прогрессисты, задающіе тонъ въ современной литературѣ, привыкли относиться къ Моцарту свысока, но иная маленькая моцартовская работа со своими громадными одишь на другой острыми диссонансами содержитъ въ себѣ больше истинной красоты и истиннаго величія чѣмъ хваленая вступительная fuga въ хваленомъ Cis-мольномъ квартетѣ.

Вся заслуга Бетховена предъ исторіей и вся слава его у публики зиждется на его инструментальныхъ сочиненіяхъ. Но въ количественномъ отношеніи его вокальная музыка занимаетъ мѣсто весьма обширное, хотя все-таки второстепенное. Онъ написалъ нѣсколько кантатъ, изъ которыхъ двѣ имѣютъ форму большихъ инструментальныхъ композицій съ вокально-инструментальнымъ финаломъ—это *Фантазія* для фортепиано, хора и оркестра и неправильно такъ-называемая *Десятая Симфонія*,—одну оперу, одну ораторію, двѣ мессы, музыку къ нѣсколькимъ драмамъ и цѣлую массу романсовъ. Что касается этихъ послѣднихъ, то я чрезвычайно рѣдко слышалъ ихъ въ публичномъ исполненіи не только у насъ, но даже въ Германіи. Кромѣ немудреной и сентиментальной *Аделаиды*,

я не знаю ни одного бетховенскаго романа достигшаго настоящей популярности, какъ достигается ея иногда самая гениальная и самая площадная лѣсня, *Лѣсной Царь* и *Скажите ей*. Я полагаю что его романы для своего времени были недостаточно вульгарны, а для нашего они сажкомъ сухопары. Многие изъ нихъ весьма незначительны въ мелодическомъ отношеніи: Бетховенъ становится бѣденъ лѣніемъ именно тогда когда начинаетъ писать для лѣвія. Но говоря о *сухопарости* ихъ я имѣю въ виду не одно лѣвіе, а также и аккомпанементъ. Какъ странно звучитъ эта жидкая несимметрично и некрасиво расположенная фигурація для локлѣвія воспитаннаго на лодновзвучныхъ сочныхъ и могучихъ аккордахъ Шумана! Аккомпанементъ моцартовскихъ романсовъ (и аналогическій съ нимъ глинкинскій) звучитъ гораздо лоднѣе и красивѣе. Та же сухость мелодіи, то же отсутствіе музыкальнаго интереса въ аккомпанементѣ господствуютъ и въ болѣе слабыхъ нумерахъ единственной Бетховенской оперы, знаменитаго *Фиделіо*. Сюда, напримѣръ, относятся куплеты стараго Рокко о необходимости денегъ для житейскаго счастья, а также заключительный дуэтъ и другіе. Но къ болшей части этой партитуры отнюдь не примѣнимы такіе эпитеты какъ „бѣдный“, „сухой“ и имъ подобные. По всему видно что представленіе драматическаго событія, театральнаго сцены съ ея декораціями и костюмами и всегда готоваго на помощь оркестра сильно подѣйствовало на легко воспламеняемую фантазію Бетховена. *Фиделіо* изобилуетъ моментами сильными, патетическими, трогательными и поразительными; несмотря на явное желаніе подражать Керубини Бетховенъ остается оригиналенъ, и опера его не похожа ни на какую другую. Правда и то что эта оригинальность и эта красота всего сильнѣе въ увертюрахъ (которыхъ, какъ извѣстно, опера эта имѣетъ нѣсколько), въ маршѣ и въ антрактѣ, то-есть именно тамъ гдѣ *человѣческіе голоса молчатъ*.

Послѣднее замѣчаніе влодѣ примѣнимо къ *Демонту* и къ *Авинскимъ Развалинамъ*. Работы эти по своей формѣ сходны съ Мейрберовскимъ *Струнзе* и съ *Холмскимъ* нашего Глинки и такимъ образомъ состоятъ изъ смѣси вокальныхъ нумеровъ съ инструментальными. Вся мощь, вся прелесть, вся лодвія у Бетховена сосредоточивается въ нумерахъ оркестровыхъ: какъ только появляется лѣвіе, такъ сейчасъ мы вступаемъ въ область будничной прозы. Исключеніе

составляет хоръ дервишей въ *Авинскихъ Развалинахъ*, эта смѣлая и жгучая картина безумнаго фанатическаго изступленія.

Задаваясь преимущественно цѣлью писать для театра или для камернаго пѣвня (одноголоснаго съ аккомпаниментомъ фортепиано) и оставаясь такимъ образомъ преимущественно въ сферѣ свѣтской, Бетховенъ въ вокальной музыкѣ своей не вполнѣ чуждался и религиозныхъ цѣлей. Разъ въ жизни онъ написалъ ораторію, повидимому безъ особенной любви къ этому роду музыки и во всякомъ случаѣ безъ призванія къ нему. Но кромѣ *концертной* духовной музыки онъ также сочинялъ *богослужбную* и, какъ ни странно покажется тѣмъ кто знакомъ съ характеристикой его какъ человѣка, именно здѣсь выказалъ гораздо больше интереса къ предмету и увлеченія его идей. Казалось бы что гибкая и податливая форма ораторіи представляла гораздо большій просторъ его пылкой и полетистой фантазіи чѣмъ строго опредѣленныя, уставомъ обусловленныя формы литургіи. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Мы имѣемъ *Вторую мессу*, въ которой поклонники великаго музыканта не безъ основанія видятъ одно изъ самыхъ характеристическихъ проявленій его своеобразнаго генія. Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ объ особенностяхъ его хорового стиля.

Какъ Бахи составляли династію органистовъ, такъ Бетховены—церковныхъ пѣвчихъ. Ничто не могло быть ближе и знакомѣе двѣнадцатилѣтнему Лудвигу какъ церковное пѣніе католической церкви въ его тогдашнемъ вкусѣ и духѣ. Я уломиналъ что онъ въ послѣдствіи учился строгому контрапункту. Учился онъ ему у одного изъ знаменитѣйшихъ знатоковъ и авторитетовъ по этой части, у *самого* Альбрехтсбергера, повидимому съ большимъ рвеніемъ и стараніемъ*. Въ результатѣ слѣдовало ожидать что Бетховенъ (независимо отъ большей или меньшей мѣрѣ таланта, вдохновенія или любви къ дѣлу) во всякомъ случаѣ будетъ соблюдать элементарныя условія хорового благозвучія и хоровой удобословности *не въ меньшей мѣрѣ* чѣмъ обыкновенныя, заурядные композиторы его времени, не проходившіе такой долгой и основательной школы. Оказалось что отъ

* Писавшы имъ задачи напечатаны съ дипломатическою точностію (съ сохраненіемъ опісокъ, ошибокъ и поправокъ учителя) въ упомянутой уже превосходной книгѣ Ноттебома.

ученика превосходящихъ учителей, отъ потомка цѣлаго ряда вышколенныхъ лѣтвичъ музыкальный мѣръ услышалъ вещи странныя и невѣроятныя, что хоры Бетховена исполнены интонацій дикихъ, антивокальныхъ, словно авторъ сочинялъ за фортепиано, прегрѣшенія противъ діапазона самыя очевидныя, регистры выбраны или неблагоприятныя, или невозможныя, аккорды расположены некрасиво, письмо самое грубое и дилеттантское. Залодозрѣть подготовку и музыкальное образованіе композитора нельзя ни на минуту; остается обратиться къ его личному чувству и вкусу. Здѣсь конечно являється на помощь идеолопоклонство лагегиристовъ. Конечно де хоры *Второй мессы* и *Девятой симфоніи* неудобно пѣть, конечно де они утомительны; но хористы обязаны де не щадить себя ради возвышенной идеи, точно также какъ самъ Бетховень обязанъ былъ не щадить человѣческіе голоса, а отдаваться всецѣло и беззавѣтно потоку увлекавшаго его вдохновенія. Словомъ, хоры *Второй мессы* неудобны и неблагозвучны де отъ избытка гениальности.

Но что въ сферѣ церковной музыки можетъ быть гениальнѣе Палестриновской *Missa brevis*, его *Assumpta est Maria*, его *Aeterna Christi munera*, его *Stabat mater*, его пятиголосныхъ мотетовъ? Или, переходя въ совершенно иную сферу идей и образовъ, что можетъ быть гениальнѣе моцартовскаго *Ave verum*? Однако ни Моцартъ, ни Палестрина не нуждались въ высокіхъ нотахъ, недоступныхъ хористу, не прибѣгали къ голосоведенію неопрятному, фортепианному, не прегрѣшали противъ законовъ ритма. Скажу болѣе: *нѣкоторые* изъ тѣхъ хоровъ Бетховена въ которыхъ необходимѣйшія требованія природы человѣческаго голоса попираются ногами дѣйствительно очень интересны по музыкѣ и носятъ отпечатокъ бетховенскаго духа, но *въ большинствѣ случаевъ* именно такіе хоры очень посредственны, гораздо бѣднѣе и по мелодіи и по гармоніи чѣмъ хоры простыхъ смертныхъ неблеставшихъ пресрѣнемъ къ „низкимъ истинамъ“ діапазона. За страданія причиняемыя хористамъ насъ не вознаграждаетъ удовольствіе доставляемое слушателю, ибо такое удовольствіе болѣе чѣмъ сомнительно.

Если разсмотрѣть *Вторую мессу* независимо отъ ея отношенія къ живымъ инструментамъ для которыхъ она, какъ всякая месса, написана, то мы увидимъ произведеніе очень значительное, очень своеобразное и написанное съ величай-

шимъ тщаніемъ и любовью, но болѣзненно-изысканное, исполненное причуды и оригинальничанія (какъ весь „третій“ періодъ Бетховена за однимъ исключеніемъ, о которомъ я сейчасъ буду говорить), и потому болѣе странное чѣмъ прекрасное. Причуды и оригинальничаніе всегда несимпатичны въ искусствѣ, всегда расхолаживаютъ воспринимающаго зрителя, слушателя или читателя; но они вдвойнѣ неумѣстны въ храмѣ, ибо здѣсь они несомѣстимы съ основными требованіями культа, требованіями уважавшимися во *всѣ* цвѣтущіе періоды искусства и обязательными не только для христіанина, но и для язычника.

Мнѣ остается говорить о капитальнѣйшемъ трудѣ Бетховена, о произведеніи составлявшемъ цвѣтъ тяжести концерта 15 декабря, о *Девятой симфоніи*.

Настоящая статейка разрослась бы въ цѣлую книгу еслибъ я предпринялъ дать здѣсь хотя краткій обзоръ громадной литературы группирующейя около этой одной симфоніи. Вообще можно сказать что музыканты „передоваго“ лагеря, кнѣ преобладающаго не только въ печати, но и въ консерваторіяхъ, въ оркестрахъ, въ театрахъ, словомъ, вездѣ, считаютъ *Девятую симфонію* вѣдомъ всего творчества Бетховена, а хоровой ея финалъ—вѣдомъ всей *Девятой симфоніи*. Что касается финала, то я могу высказать свое мнѣніе двумя словами: онъ написанъ въ манерѣ *Второй мессы*. Сомнительное голосоведеніе, сбивающееся на гомофонію, страшно высокія ноты для всѣхъ голосовъ, особенно для сопрано, странная разрозненность, частыя остановки, перемѣны метра и ферматы—все это мы находимъ и здѣсь и тамъ. Въ этихъ высокихъ нотахъ, въ этихъ постоянныхъ *ла* и *си* для хорового сопрано, Бетховенъ очевидно хотѣлъ изобразить ликование и вакхическое изступленіе, но на дѣлѣ получается впечатлѣніе скорѣе противоположнаго свойства. Получается *пискъ* иногда слабый, иногда рѣзкій и пронзительный *. Надъ

* Я говорю о сочиненіи, а не объ исполненіи. Исполненіе было *необходимое* не только въ инструментальной части, но и въ вокальной. Пѣлъ справедливо-уважаемый и любимый хоръ нашей русской оперы. Но и этотъ хоръ на мѣстахъ написанныхъ не по-хоровому оказывался несостоятельнымъ; то же самое окажется и со всякимъ другимъ хоромъ во всемъ свѣтѣ. Если вы хотите чтобы было иначе, если вы хотите чтобы дѣйствительно звучалъ эффектъ задуманный композиторомъ—возьмите хористками для партіи сопрано однихъ Патти, числомъ отъ сорока до шестидесяти.

хоромъ словно высится фигура композитора-великана, держащаго надъ нимъ громадный бичъ, а бѣдныя соллранистки жалобно кричатъ публикѣ чтобъ она за нихъ заступилась. Къ этой страшной методѣ вокальнаго сочиненія, общей большинству хоромъ Бетховена, въ финалѣ *Девятой* присоединяется лорой элементъ *общаго мѣста*, особенно поражающаго насъ въ сочиненіи которое выдается намъ за послѣднее слово гениальности, смѣлости и новизны. Сюда относится такъ-называемая вторая тема (противосложеніе) финала, впервые интонируемая на словахъ *Seid umschlungen, Millionen!* Тема эта сама по себѣ общее мѣсто, но двойнѣ казенною она дѣлается при одновременномъ соединеніи съ первой темой (такъ-называемая двойная fuga, *Allegro energico* "1). Здѣсь образуется мелодико-гармоническое послѣдованіе до того заурядное и избитое что не вѣришь своимъ глазамъ: прежде чѣмъ служить міру гениальнѣйшимъ откровеніемъ, звуки эти тысячу разъ фигурировали въ сочиненіяхъ самыхъ простыхъ смертныхъ отъ деревенскихъ католическихъ *Gloria in excelsis* до фортепианной салонной музыки включительно.

Но чѣмъ менѣе я могу мириться съ *финаломъ* этой пьесы, тѣмъ болѣе я благоговѣю предъ остальными тремя ея частями. Вотъ въ этихъ трехъ частяхъ, особенно въ первомъ аллегро, Бетховенъ *дѣйствительно* раздвинулъ рамки искусства: смѣлость и глубина мысли здѣсь сочетается съ удивительною новизною и красотью техники, нѣтъ и слѣда той нездоровой изысканности, ралсодической разрозненности и мозаичности которою страдаютъ остальные произведенія послѣдняго періода Бетховена. Литературный языкъ не имѣетъ словъ чтобы передать мое восторженное поклоненіе этой царицѣ симфоній. Мнѣ кажется (и эта мысль, если не ошибаюсь, высказывалась и раньше меня) что аллегро есть музыкальная передача или музыкальное выраженіе идеи первой части гётевскаго *Фауста*, этого по духу своему *музыкальнѣйшаго* изъ всѣхъ произведеній литературы. Могу ли я высказать подобную мысль, могу ли покушаться на такое смѣлое толкованіе чисто-инструментальной композиціи, не владая тѣмъ самымъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, не измѣняя основнымъ началамъ гансликיאнизма, исповѣдуемаго мною вотъ уже двадцать лѣтъ? Можетъ ли инструментальная музыка *выразить* что-нибудь опредѣляемое? *Что-нибудь опредѣленное*—нѣтъ, но идею Фауста, именно Фауста—

да, ибо идея эта далеко заходит за предѣлы всякаго частнаго, точнаго и словеснаго опредѣленія. Желанія Фауста такъ необъятны, тоска его такъ неопредѣленна, мировая скорбь допускаетъ такъ много отдѣльных словесныхъ толкованій, каждое чувство Фауста допускаетъ такъ много переводовъ на языкъ логическаго мышленія что вся лова великаго выразителя философскаго разлада стоитъ на порогѣ двухъ искусствъ, что она дѣйствуетъ на насъ съ непосредственною силой аккордоваго послѣдованія. Отъ нея въ послѣдствіи выводъ остается лишь общее настроеніе глухого броженія, вѣчной безысходной борьбы; она есть воплощеніе *диссонанса* въ самомъ общемъ и идеальномъ смыслѣ слова. Для достиженія такого невѣроятнаго дѣйствія Гёте долженъ былъ превозмочь самое свойство языка, на каждомъ шагѣ увлекавшаго его въ сферу осязательныхъ образовъ и логически яснаго мышленія. Бетховену въ его сферѣ задача была легче, и безо всякаго виртуознаго усилія съ его стороны гениальное аллегро его мечется и плачетъ, стонетъ и бушуетъ, какъ океанъ безбрежнаго и безвыходнаго страданія.

Я не высказалъ и половины того что хотѣлъ бы сказать объ обширномъ мірѣ твореній музыканта равно поразительнаго въ своемъ удивительномъ величіи и близкаго самому простому сердцу по своей удивительной симпатичности. Я намѣтилъ лишь общія черты, настаивая (какъ любимъ дѣлать всѣ мы, рецензенты) съ особенною подробностью и удареніемъ на тѣхъ точкахъ гдѣ возрѣніе мое расходится съ общепринятымъ. Насколько я могъ, я положилъ свой взглядъ на Бетховена. Но имя его въ современномъ музыкальномъ мірѣ имѣетъ значеніе двойное: оно вызываетъ въ насъ представленіе не только о его собственныхъ композиціяхъ, но также и о литературныхъ къ нимъ комментаріяхъ, ибо они вызвали цѣлыя ученія, цѣлыя критическія или историко-философскія системы. Поклоненіе красотамъ Бетховена и справедливое сознаніе ихъ оригинальности и чрезвычайности, въ нѣкоторыхъ критикахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ породило мысль что разлчіе между Бетховеномъ и остальными музыкантами не индивидуальное а такъ-сказать родовое, *качественное*, что искусство его предшественниковъ еще не было музыкой, а музыка заговорила впервые въ его лицѣ, или наоборотъ, что предшественники Бетховена писали музыку,

а онъ творить нѣчто высшее и болѣе общее чѣмъ музыка. Какъ отдѣльные парадоксы, воззрѣнія этого рода можно прослѣдить (какъ я сейчасъ говорилъ) до тридцатыхъ и даже до двадцатыхъ годовъ, но законченную форму и обстоятельное изложеніе они получили гораздо позже. Здѣсь особенно выдаются два ученія, о каждомъ изъ которыхъ я желалъ бы высказаться отдѣльно.

Волервыхъ, намъ говорятъ что музыка до Бетховена была праздною, хотя пріятною игрой звуковъ, и что Бетховенъ далъ ей внутреннее содержаніе, какъ бы вдохнулъ живую душу въ безжизненное до него тѣло. Ученіе это, если не ошибаюсь, имѣетъ родоначальникомъ Адольфа Бернгардта Маркса; особенно подробно и цвѣтисто оно развито въ его книгѣ *Beethoven's Leben und Schaffen*.

Вовторыхъ, намъ говорятъ что инструментальная музыка отжила свой вѣкъ, что она завершила естественный циклъ своего историческаго существованія, что она дошла до своей высшей точки, что этою высшею точкой была *Десятая симфонія* Бетховена, и что сочиненіе это не только не можетъ быть превзойдено ни въ какомъ будущемъ, но и сдѣлало бесполезнымъ дальнѣйшее существованіе того рода искусства къ которому оно принадлежитъ, будучи конечною и единственною цѣлью къ которой стремилась вся инструментальная музыка съ первыхъ зачатковъ своего развитія. Теорія эта родоначальникомъ имѣетъ Рихарда Вагнера и съ особенною обстоятельностью изложена въ его книгѣ *Oper und Drama*.

Относительно первой изъ уломянутыхъ двухъ теорій прежде всего слѣдуетъ замѣтить что она устанавливаетъ музыкальную эру. Естественно было бы ожидать что между музыкой по ту и по сю сторону эры существуетъ разительный контрастъ. Такого контраста на дѣлѣ не оказывается. И не потому не оказывается чтобы самое предположеніе такого контраста было вѣдлостью. Конечно, всякое историческое развитіе идетъ непрерывнымъ теченіемъ, нигдѣ нѣтъ скачка или внезапной перемены декораций, и исторія музыки не составляетъ исключенія. Но есть точки гдѣ поверхностному взгляду можетъ казаться что короткій промежутокъ времени, что группа немногихъ лицъ или даже одно лицо произвела крутой переворотъ, внезапную революцію въ искусствѣ. Читатель предупреждаетъ меня и произноситъ имя Монтеверде. Дѣйствительно, хотя не подлежитъ сомнѣнію что реформа

Монтеверде была подготовлена незамѣтною, глубоко скрытою работою цѣлыхъ столѣтій, но для поверхностнаго взгляда во всей исторіи искусства мало такихъ рѣзкихъ переломовъ какой испытала музыка около времени Монтеверде и, какъ говорятъ, по его инициативѣ. Между музыкой до и послѣ Монтеверде дѣйствительно существуетъ глубокій контрастъ. Технические средства искусства, его духъ, самыя цѣли преслабуемые имъ—все это рѣшительно и ловидимому безвозвратно мѣняется; замѣчательнѣе всего что переворотъ этотъ происходитъ въ весьма короткое время, въ какія-нибудь двадцать, тридцать лѣтъ. Вотъ гдѣ было бы удобно установить эру новаго искусства, хотя положимъ и здѣсь было бы неаппѣльно обвинять музыку по ту сторону эры въ „отсутствіи духовнаго содержанія.“ Другой переворотъ менѣе разительный, но все еще весьма замѣтный обнаруживается въ музыкѣ съ появленіемъ первыхъ Неаполитанцевъ. Округленные періоды въ аріи, типическія формулы въ речитативѣ, не менѣе типическія фигуры аккомпанимента—все это и многое другое составляетъ признаки такъ-называемаго неаполитанскаго стиля, въ значительной степени сохранилось до нашихъ дней, но раньше второй половины XVII вѣка не было извѣстно. Какъ отъ Монтеверде, можно и отъ Александра Скарлатти, хотя въ гораздо меньшей степени, считать новую эру музыкальнаго искусства. Но теорія духовнаго содержанія говоритъ иное. Совершенно новое, небывалое въ музыкѣ слово она находитъ въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія или въ первыхъ вышшняго. Если неизвѣстенъ день когда музыка, согласно этой теоріи, перестала быть пустяками и стала дѣломъ серіознымъ, то можно съ достовѣрностью сказать что онъ находится между тѣмъ днемъ когда молодой Бетховенъ пріѣхалъ изъ Бонна въ Вѣну и тѣмъ когда онъ разорвалъ знаменитый заглавный листъ съ посвященіемъ первому консулу. Нельзя не видѣть невыгоднаго положенія въ которое ставить себя защитники теоріи. Время заключенное между этими двумя днями не есть какой-нибудь темный, малоизвѣстный періодъ исторіи искусства: отъ него кромѣ книгъ и журналовъ, писемъ, афишъ и всякаго рода документовъ сохранилась громадная масса печатныхъ сочиненій, подавляющей библиографической матеріалъ, съ которымъ одному человеку не справиться даже въ самую продолжительную жизнь. При весьма различномъ уровнѣ таланта и умѣнія, сочиненія

эти, насколько они извѣстны современному поколѣнію, поражаютъ своею тѣсною связью съ предыдущимъ періодомъ; развитіе стила идетъ непрерывною линіей, отсутствіе скачковъ полное. Не только въ технику, но и въ духъ искусства замѣтна полная солидарность съ предшедшимъ періодомъ, и эта солидарность чувствуется въ самомъ Бетховенѣ, наиболѣе смѣломъ и оригинальномъ композиторѣ періода: гораздо позже *Героической симфоніи*, почти до послѣднихъ дней его, въ немъ удержались слѣды того юмористическаго, безцеремоннаго, какъ бы *мъщанскаго* тона который придавъ музыкѣ характеръ голландской жанровой живописи и былъ введенъ Гайдномъ на мѣсто прежней торжественности и парадности. Инструментальная музыка быстро развивается, во основанія ея техники и весь духъ ея, повторяю, остаются тѣ же; въ вокальной музыкѣ наблюдается быстрый уладокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — стремленіе не утерять традиціи прошлаго и удержаться на ея высотѣ. Величавая фигура Керубини, первенствующаго опернаго композитора за это время, получаетъ истинное освѣщеніе только съ этой точки зрѣнія. Сюда же относится *Фиделіо* Бетховена, характеристику котораго я попытаюсь дать выше. Все новое появляющееся въ этомъ періодѣ, тѣсно примыкаетъ къ старому и пытается его корнями. Масса общихъ мѣстъ свойственныхъ предшедшему періоду съ любовью повторяются и твердятся въ настоящемъ. Аделтъ Марксовской теоріи повидимому допускаетъ внимательство *чуда*. У него выходитъ такъ что при коренномъ и разительномъ превращеніи музыкальнаго стила искусство сохраняетъ характеръ „безсодержательной игры звуковъ“, а затѣмъ, идя по совершенно ровному луту и оставаясь совершенно вѣрнымъ своимъ новымъ пріемамъ, оно внезапно и какъ бы мимоходомъ пріобрѣтаетъ „духовное содержаніе“. Мы видимъ одну и ту же распространенную каденцію съ тѣмъ же мелодическимъ оборотомъ, съ тою же ритмическою формулою у Моцарта и у Бетховена. Въ извѣстныхъ случаяхъ одни и тѣ же звуки служили какъ тому такъ и другому композитору; преимущество оригинальности конечно было на сторонѣ того который жилъ раньше. Но если вѣрить аделту, то эти тождественные звуки имѣютъ разныя значенія, смотря лотому напечатаны ли они до или послѣ эры, подписаны ли они именемъ Моцарта или Бетховена. Въ первомъ случаѣ они не болѣе какъ праздное

щекотанье слуха; во второмъ — они означаютъ радость или горе, любовь или ненависть, гнѣвъ или милость, слаженіе или гибель, порокъ или добродѣтель, смерть или возрожденіе. Читатель можетъ подумать что я усилилъ краски, что я съ тенденціозною цѣлью позволялъ себѣ гиперболу и карикатуру. Но пусть онъ возьметъ въ руки марксовскую книгу о Бетховенѣ и посмотритъ какъ аккуратно и увѣренно авторъ дѣлитъ сочиненія своего идола на „Tonspiel, nichts als Tonspiel“ (къ которому, по его увѣренію, Бетховенъ иногда возвращался) и на музыку духа. Точно алтекаръ наклеиваетъ ярлыки на свои баночки. Марксъ знаетъ всю подноготную въ намѣреніяхъ Бетховена: онъ до мелочей расскажетъ вамъ значеніе каждой нотки; очень часто бываетъ такъ что нотки не имѣютъ никакого значенія (nichts als Tonspiel) и когда такихъ нотокъ накопится очень много, когда двѣ, три сонаты подъ рядъ оказываются переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, Марксу дѣлается неловко, онъ принимается защищать Бетховена, придумывать для него разные затѣйливыя извиненія и „смягчающія обстоятельства“, старается разжалобить читателя и выхлопотать своему кліенту если не оправданіе, то хотя бы снисхожденіе. Я назвалъ одного Маркса, какъ родоначальника теоріи, но еслибъ я хотѣлъ составить полную бібліографію всѣхъ глупостей вызванныхъ ею, то я никогда не кончилъ бы. Ограничусь замѣчаніемъ что огромная часть панегириковъ Бетховену написанныхъ задорнымъ невѣжествомъ или фразистою бездарностью исходятъ отъ этого марковского представленія, изображающаго творца *Эрмики* сказочнымъ Русланомъ, исторгнувшимъ музыку-Людмилу изъ волшебнаго замка „игры звуковъ“ въ которомъ она томилась лѣтницами. Немудрено что такая фантастическая роль даетъ Бетховену возможность совершить кромѣ своего главнаго подвига еще и нѣсколько другихъ, болѣе легкихъ; немудрено что для него настоящимъ глупякомъ оказывается выразить своими звуками сущность міровой идеи, изложить въ мажорѣ и минорѣ систему Платоновой республики, способствовать распространенію социаль-демократіи по мнѣнію однихъ, пролагандѣ христіанской религіи по мнѣнію другихъ, немудрено наконецъ что Рихардъ Вагнеръ, съ тѣмъ глубокомысленнымъ видомъ который такъ любятъ принимать люди умственно ограбленные, провозгла-

шаетъ: „Только тотъ можетъ понять Бетховена, кто предварительно изучитъ философію Шопенгауэра!“

Такой же или еще большій успѣхъ чѣмъ на дою теоріи „духовнаго содержанія“ и „игры звуковъ“ выпалъ на дою ученія запрещающаго писать инструментальную музыку послѣ того какъ написана *Девятая симфонія*. Я уже говорилъ что родовачальникомъ этой теоріи былъ Рихардъ Вагнеръ; можно даже сказать что она составляетъ одну изъ важнѣйшихъ частей теоретическаго вагнеризма. Но слѣдуетъ прибавить что къ ней изъ сосѣднихъ полувраждебныхъ становъ примкнуло множество сторонниковъ условныхъ, такъ что общее число критиковъ поддерживающихъ запретительную систему больше числа признающихъ себя безусловными вагнеристами. Такъ, между прочимъ, упомянутый уже Адольфъ Бернгартъ Марксъ, отъ котораго по всему его предыдущему поприщу слѣдовало ожидать самаго рѣшительнаго и бойкаго отпора запретительной системѣ, на склонѣ двѣ своихъ, въ 1859 году, выпустилъ книгу *Die-Musik des XIX Jahrhunderts und ihre Pflege*, въ которой, хотя съ разными оговорками и ограниченіями, примкнулъ къ теоріи и тѣмъ доставилъ ей значительный контингентъ, говоря парламентскимъ языкомъ, „независимыхъ либераловъ“. Огромное число людей восхищающихся и невосхищающихся *Тристаномъ* и *Изольдой* находить остроумнымъ и „современнымъ“ утверждать что время сонаты и квартета прошло безвозвратно, и потому прошло что за Эммануиломъ Бахомъ необходимо *должны* были слѣдовать Гайднъ, за Гайдномъ точно также *должны* были появиться Моцартъ, послѣ Моцарта такимъ же манеромъ *должны* были прійти Бетховень, тогда какъ послѣ Бетховена Францъ Шубертъ, Шуманъ и Мендельсонъ *не должны* были прійти и если прішли, то только по собственной глупости. Въ Германіи множество людей съ философскимъ образованіемъ, скажу болѣе, съ претензіей на философскую самостоятельность, не только безъ смѣха, но даже съ полною вѣрой встрѣтили этотъ новый способъ исторической конструкторки, по которой причинная связь явленій поставлена въ зависимость отъ благопріятія историческаго лица, такъ что явленія необходимы тамъ гдѣ лицо ведетъ себя хорошо и наоборотъ становятся случайны:—какъ скоро лицо ведетъ себя предосудительно. Глядя на успѣхъ этой оригинальной философіи исторіи, по которой до 1820 года господствовалъ строжайшій

фатализмъ, безплощадная необходимость и вслѣдствіе этого все шло какъ по маслу, а начиная съ этой эры воцарилась свобода воли и личная вмѣняемость и тогда сразу все разстроилось и пошло прескверно,—глядя, говорю, на эти страннныя патологическія прыжки мысли можно подумать что находишься въ громаднѣмъ домѣ умааишенныхъ волюющихъ о томъ что дуна дѣлается въ Гамбургѣ и прескверно дѣлается. Когда жалобу эту читаешь у такого ученаго писателя какъ профессоръ Ницше, то единственное объясненіе феномена— неизлѣчимая душевная болѣзнь. Но когда масса болѣе или менѣе непросвѣщенной лублики повторяетъ эти глупости, объясненіе можно найти не причиняя себѣ тревоги за ея психическое здоровье. Та часть лублики которая имѣетъ притязанія на эстетическое образованіе и интеллектуальную развитость, любитъ когда ей подносить готовые категоріи съ помощью которыхъ можно судить и рядить не думая и придавать себѣ видъ знатока, не рискуя разоблачить свое невѣжество. Самолюбію плохенькаго диалектанта пріятно когда слушаю третью симфонію Шумана и не ловимая ничего ни въ ея гармоніи, ни въ ея тематической работѣ, онъ можетъ воскликнуть: „Какое непониманіе духа исторіи, какое толченіе воды—хотѣтъ писать симфонію послѣ того какъ послѣдняя симфонія была уже написана!“ Къ этому же удобному слободу разбирать произведенія нерѣдко прибѣгаю и музыкальнныя критики по ремеслу, особенно въ моменты дурнаго расположенія духа. Когда покойный Стрѣвъ сердился на г. Балакирева или на Антона Рубинштейна, онъ тому и другому вмѣнялъ въ вину родъ ихъ занятій, то-есть производство инструментальной музыки въ недозволенное историко-философскимъ взглядомъ время.

Не трудно видѣть что теорія эта только воображаетъ себя историко-философскою, въ дѣйствительности же имѣетъ характеръ скорѣе таможенный или акцизный, такъ какъ преслѣдуетъ чисто-практическую цѣль — запретить ввозъ или фабрикацію извѣстнаго продукта. Рецензенты Вагнеровской школы очень часто бываютъ принуждены давать отчетъ объ инструментальной композиціи нашихъ дней, о новинкѣ въ симфоническомъ, квартетномъ или фортепьянномъ родѣ. При этомъ они вдаются въ существо дѣла, стараются указать достоинства и недостатки. Ясно что здѣсь они впадаютъ не только въ противорѣчіе, но даже въ абсурдъ. Таможенному

чиновнику поручено наблюдать за тѣмъ чтобы не ввозились никакія ситцевыя матеріи. Въмѣсто того чтобы служить какъ слѣдуетъ, онъ начинаетъ руководиться вкусомъ и пропускать тѣ ситцы которые его лѣвлиаютъ хорошенькимъ узоромъ. Теорія *Девятой симфоніи* построена не на основаніи того или другаго недостатка Мендельсона, Шумана или Рубинштейна, а на основаніи (вѣрно или ложно понимаемыхъ) свойствъ самой *Девятой симфоніи* и всего предшествовавшаго ей хода истории музыки. Вотъ почему я никогда не могъ понять какое удовольствіе могъ находить Рихардъ Вагнеръ въ томъ что упрекалъ Шумана въ сухости, а Мендельсона въ сентиментальности, или какаа надобность была покойному Строну увѣрять своихъ читателей въ томъ что Антонъ Рубинштейнъ круглая бездарность. Еслибы Рубинштейнъ въ глазахъ Строна былъ громаднѣйшій талантъ, еслибы Мендельсонъ щеголялъ самою безукоризненною воздержностью чувства, даже самою каменною безсердечностью, еслибы музыка Шумана была самая сочная и даже совершенно мокрая, то и тогда музыкально-таможенная стража не имѣла бы ни малѣйшаго права пропускать ни того, ни другаго, ни третьяго композитора. И тотъ, и другой, и третій—композиторы инструментальныя, а инструментальныя композиціи тарифомъ запрещены.

Читатель видитъ что я началъ о Бетховенѣ, а кончилъ о бетховенистахъ. Если моя статейка такимъ образомъ потеряла въ отношеніи гармоніи и единства, то она по крайней мѣрѣ сдѣлалась полнымъ и правдивымъ выраженіемъ моей мысли. *Полнота* конечно очень относительная. Еслибы я написалъ не журнальную статью, а книгу въ трехъ или четырехъ большихъ томахъ, тогда и только тогда я бы сумѣлъ воздать должное исполнителю гению произведенія котораго полагаютъ такую рѣзкую грань между искусствомъ двухъ вѣковъ. Здѣсь же по необходимости изложеніе модныхъ теорій музыкальной критики заняло не подобающую имъ по ихъ внутреннему содержанію мѣсто. Благодаря изложенію этихъ теорій, очеркъ мой по необходимости принялъ характеръ полемическій. Безпристрастный судья не увидитъ въ моихъ словахъ ничего похожаго на оскорбленіе тѣни великаго человѣка. Бетховенъ-человѣкъ ничего не потерялъ отъ книги Тэера, въ которой впервые біографія *покончила* съ пошлаго и сентиментальною легендой, до сихъ поръ рисовавшую намъ

вмѣсто историческаго Бетховена какого-то героя изъ плохаго французскаго романа: напротивъ, историческій Бетховень съ этой книги сталъ намъ понятнѣе, милѣе и дороже. То же самое и съ Бетховеномъ-музыкантомъ. Если суждено когда-нибудь появиться критику который сумѣетъ одновременно покончить съ нескладными и полуграмотными восклицаніями неприванныхъ панегиристовъ Бетховена и найти удовлетворительное опредѣленіе его истинной оригинальности и истиннаго значенія, то историческій Бетховень только выиграетъ. Сладутъ мишурныя драпировки, созданныя безвкусіемъ переходной эпохи, и освобожденная отъ нихъ могучая и оригинальная фигура предстанетъ предъ нами во всемъ своемъ незыблемомъ величіи.

ЛАРОШЪ.

ИЗЪ ЧЕРНОЗЕМНОЙ ПОЛОСЫ

I

Полдневный часъ. Жара гнететь дыханье;
Глядишь прищурясь, блескъ глаза слезить,
И надъ землею воздухъ въ колебаньяхъ,
Мигаетъ быстро, будто бы килить:

И тѣни вѣтъ. Повсюду искры, блестки,
Трава слегла, до корня прожжена;
Въ ухахъ шумить, какъ будто слышны вслаески,
Какъ будто гдѣ-то подлѣ бьетъ волна!

Ужасный часъ! вездѣ оцѣпелѣнье,
Жметъ листь къ вѣтвямъ нагрѣтая верба,
Укрылся звѣрь, затѣмъ что жжетъ движенье,
По щелямъ спяты приткнувшись ястреба.

А въ полѣ трудъ! Обычной чередою
Идетъ косьба; хлѣба не будутъ ждаты!
Но это время названо страдою,
Его иначе и нельзя назвать...

Кто испыталъ огонь такого неба
Тотъ безъ труда разъ навсегда пойметъ,
Зачѣмъ игру и шутку съ крошкой хлѣба
За тяжкій грѣхъ считаетъ нашъ народъ!

II.

Какъ тутъ все просто, все разумно!
 О! если бъ вамъ, мои друзья,
 Со стороны взглянуть, безшумно,
 На правду сельскаго житья!

**

Въ трудѣ такомъ что не волнуешь,
 Отъ злобы міра отрѣшась,
 Жизнь на груди природы чуетъ
 Одну таинственную связь,

**

Одно большое таготѣнье:
 Къ землѣ кормилицѣ, къ землѣ,
 Въ неразглашаемомъ общеньѣ
 Съ святыней дремающей въ Кремлѣ.

III.

Люблю я ночью золотую,
 Когда вверху лыветъ луна,
 Идти открытою межою;
 Цвѣтутъ дурманъ и бѣлена;

**

Хлѣбъ снать. Рѣшенье роковое
 Большихъ трудовъ за круглый годъ!
 Свопы что шлемы въ мѣдномъ строѣ;
 Луна на нихъ сіянье льетъ.

**

Совсѣмъ какъ шлемы! Чередою,—
 Мнѣ полночь сказку говорить,—
 Здѣсь подъ родимую землю
 Подъ каждымъ шлемомъ витязь спить!

**

На нихъ излюбленнымъ покровомъ
 Мошь чернозема налегла,
 Питаетъ ихъ! Завѣтнымъ словомъ
 Ихъ можно вызвать на дѣла.

**

Тогда блистающею ратью
 Они взойдутъ вдоль этихъ мѣстъ,
 Чтобъ поддержать родную братью,
 Насъ, дѣлававшихъ тотъ же крестъ.

IV.

Усталъ въ поляхъ, засну солидно
 Полавъ въ деревню на харчи.
 Въ окно открытое мнѣ видно
 И садъ нашъ, и кусокъ ларчи
 Чудесной ночи! Воздухъ свѣтелъ,
 Какъ тишь тиха! Засну, любя
 Весь Божій миръ... Но, крикнулъ пѣтель!
 Иль я отрекся отъ себя?

V.

Прекрасенъ видъ бакчи нагорной!
 Плетень, сторожка изъ вѣтвей;
 Арбузъ, пустивши листь узорный,
 Окутала землю сѣтью змѣй.

* * *

Ползуть, сплелись! Назадъ съ недѣлю,
 Я помню, вечеръ наступалъ,
 По склону, вторя коростелю,
 Мѣстами перепелъ стучалъ,

* * *

Бакча сквозь сумракъ зеленѣла,
 Сквозила завязь изъ цвѣтовъ;
 Теперь, откуда что прислѣло:
 Повсюду въ кружевахъ листовъ

* * *

Глядятъ плоды... Еще такъ малы,
 Но всюду, всюду залегли,
 Какъ самоцвѣтные опалы,
 На мягкихъ сумеркахъ земли!

VI.

Утихаютъ, обмираютъ
 Сердца язвины, истома,
 Здѣсь, гдѣ мало такъ мечтаютъ;
 Гдѣ надъ мракомъ черносема,
 Въ блескѣ солнца золотого
 Надъ волнами яроваго,

Мысли ясны и спокойны,
 Не сердца, но лица знойны;
 Гдѣ царить одна природа:
 Въ ней ласка и невзгода!
 Гдѣ порядкомъ затверженнымъ
 Въ полдня чаеъ, порою жаркой,
 По дорожкамъ золоченымъ
 Блескомъ ладалицы яркой
 И потоптанной соломы
 Возять колывы точно дома!
 Вотъ по селамъ за плетнями
 Встади скирды! Острями
 Шалокъ смотрятъ внизъ на хаты.
 Такъ красивы, такъ богаты,
 Ужь куда, куда какъ выше
 Самой рослой въ хатахъ крыши!..
 Ночь! видѣются во мглѣ
 Скирды что село въ селѣ!

VII.

Заросилось. Мѣсяцъ ходить.
 Надъ левадою покой.
 Вдоль по грядкамъ колобродятъ
 Сфинксы съ мертвой головой.

* *

Выходила на леваду...
 Подъ вербою ларень ждалъ...
 Ювѣйскую цикаду
 Имъ кузнечикъ замѣнялъ.

* * *

Бадалайку ларень кинулъ,
 За плетень перемахнулъ
 И въ подсолвечникахъ сгинулъ,
 Въ конопелькѣ потонулъ.

* *

Заросилось. Мѣсяцъ ходить.
 Надъ левадою покой;
 Вдоль по грядкамъ колобродятъ
 Сфинксы съ мертвой головой.

VIII.

Взялъ я землю на долоту;
 Дѣти! ставлю я дубокъ.
 Быть для васъ тутъ мѣсту святу
 Отъ сегодня въ долгой срокъ.

Сокрушитъ меня ^{**}могила,
 Затемнится отчій ликъ,
 А дубокъ—въ немъ будетъ сила,
 Будетъ стаять и великъ.

Дѣти! въ немъ, не узнаваемъ,
 Буду я безлицый жить,
 И глубокой тѣни краемъ
 Вслазъ за солнышкомъ ходить.

Буду доброй, доброй тѣнью,
 Безоружнымъ часовымъ,
 И, по Божью повелѣнью,
 Лучше мертвымъ чѣмъ живымъ.

IX.

Выложенъ гробъ лоскутками
 Тряпочекъ, лестрыхъ платковъ,
 Въ церкви онъ на полъ поставленъ,
 Въ крайъ обычай таковъ.

Въ гробъ ютится старушка,
 Голову чуть наклоня,
 Ликъ восковой освѣщаютъ
 Поздніе проблески дня.

Колоколъ тихо ударилъ...
 Гробъ провожаетъ село...
 Пѣнье... знать конекъ дубовый
 На зиму сносить въ дуло.

Всякій идущій за гробомъ
 Молча лепечетъ мечту —
 Сказано: встанетъ старушка
 Вся и въ огняхъ и въ свѣту!

К. СЛУЧЕВСКІЙ

БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць.

Въ С.-Петербургѣ:

Историческое и археологическое описаніе первокласснаго Успенскаго женскаго монастыря въ городѣ Александровѣ. Составилъ А. Леонидъ. 160 стр. 8 д. л.

Божества древнихъ Славянъ. Изслѣдованіе А. С. Фаминцына. Выпускъ I. 331 стр. 8 д. л.

Сельднія о гемобилии въ Талмудѣ. Др. Л. Катценелевсона. 33 стр. 8 д. л.

Памятники древней письменности и искусства. Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году. Издавъ Л. Майковъ. VI+116 стр. 8 д. л.

Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія (1619—20, 1648—49 и 1651 годовъ). Василия Латкина. 288 стр. 8 д. л.

Исторія Екатерины Второй. Сочиненіе А. Брикнера, профессора русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ. Съ 300 гравюрами и украшеніями на деревѣ, исполненными лучшими иностранными и русскими граверами. Изданіе А. С. Суворина. Выпуски первый, второй и третій. 104 стр. 8 д. л.

Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Книга четвертая. X+453 стр. 4 д. л.

Колосовъ и Озерковъ. *Очеркъ исторіи ребуса*. 160 стр. 8 д. л.

Русская портретная галлерей. Собрание портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ. Выпуски I и II. Изданіе А. С. Суворина. 4 д. л.

Историческая портретная галлерей. Собрание портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ. Выпускъ VII. 4 д. л.

Савонарола. Культурно-историческій очеркъ изъ временъ возрожденія во Флоренціи и Римѣ. Съ 44 гравюрами на деревѣ. Адольфа Глазера. 324 стр. 8 д. л.

Происхожденіе войны за Испанское Наслѣдство и коммерческіе интересы Англии. Сочиненіе Я. Г. Гуревича. XXVI+183 стр. 8 д. л.

Живописная Россія. Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи подъ общею редакціей П. П. Семенова. Томъ X. Русская Средняя Азія. Съ 239 рисунками въ текстъ, 52 отдѣльными картинами и 14 схемами. 448+IV стр. 2 д. л.

М. Брашъ. *Развитіе философской мысли*. Философскія ученія отъ древнегреческаго періода до нашихъ дней. Избранныя мѣста изъ философскихъ сочиненій всѣхъ вѣковъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Т. I. Выпускъ I. Древнѣйшій періодъ греческой философіи и Сократъ. 92 стр. 8 д. л.

Родная старина. Отечественная исторія въ разказахъ и картинахъ. (Съ XIV до XVI столѣтія). Составилъ В. Д. Силовскій. Второе изданіе. 337 стр. 8 д. л.

М. И. Семеновскій. *Очерки и разказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Вильгельм Монсъ. 1692—1724*. Изданіе второе. 344 стр. 8 д. л.

Всеобщая исторія литературы. Составлено по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Начата подъ редакціей В. Θ. Корша. Продолжается подъ редакціей проф. А. Кирпичникова. Выпускъ XVI. стр. 697—856. 8 д. л.

В. В. Чуйко. *Современная русская поэзія съ ея представителями*. 210 стр. 8 д. л.

Южно-русскія былины. III—XI. Академика А. Н. Веселовскаго. 410 стр. 8 д. л.

Сочиненія П. Д. Боборыкина. Т. I. 500 стр. Т. II. 350 стр. Т. III. 418 стр. 12 д. л.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Томъ VII. 368 стр. 8 д. л.

Полное собраніе сочиненій Ю. В. Жадовской. Посмертное изданіе. Т. I Съ портретомъ. XXVI+372+IV стр. 8 д. л.

Полное собраніе сочиненій Козьма Пруткова. Съ портретомъ, fac-simile и біографическими свѣдѣніями. Второе изданіе. XVIII+253 стр. 8 д. л.

Детская бібліотека. Полное собраніе басенъ и сказокъ И. И. Хемницера. Съ біографіей и портретомъ автора. Изданіе А. С. Суворина. 160×IV стр. 12 д. л.

Ошибка. Повѣсть А. Шумилина. 93 стр. 8 д. л.

Пошехонскіе разказы. Сочиненіе М. Е. Салтыкова. 215 стр. 8 д. л.

Бертольдъ Ауэрбахъ. Убіица. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. 343 стр. 8 д. л.

Викторъ Гюго. Ганъ Исландецъ. Романъ въ двухъ частяхъ. Переводъ съ французскаго А. Соколовой. 426 стр. 8 д. л.

Скрипачъ изъ Кремоны. Съ французскаго. Переводъ М. К. Марченко. 42 стр. 8 д. л.

Монтескье. Персидскія письма. Романъ. Часть первая. 135 стр. 8 д. л.

А. Пароди. Побѣжденный Римъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Переводъ съ французскаго А. Ф. Федотова. 98 стр. 8 д. л.

Ринъ-Ринъ. Комическая опера. Переводъ А. Ф. К—ова. 95 стр. 8 д. л.

Народныя сказки собранныя братьями Гриммъ. Переводъ съ нѣмецкаго Софьи Снессоровой. Въ двухъ томахъ. Т. I. 351. Т. II 454 стр. 8 д. л.

Принцъ и нищій. Историческій романъ для юношества. Сочиненіе Марка Твена. Съ 150 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе второе. 334 стр. 8 д. л.

Маленькій герой. Сочиненіе Женена. Переводъ Е. Н. Ахматовой. 151 стр. 8 д. л.

Ариѳметика. Полный систематическій курсъ. Составилъ С. Будаевскій. XI+211 стр. 8 д. л.

Методика ариѳметики съ приложеніемъ сборника ариѳметическихъ упражненій учениковъ съ учителямъ. Составили С. В. Житковъ и С. И. Шохоръ-Троцкій. XII+355 стр. 8 д. л.

Ариѳметика для солдатъ. Составилъ К. К. Абаза. Изданіе второе. 112 стр. 8 д. л.

Курсъ аналитической геометріи. Составилъ Викторъ Стрелкаловъ. Томъ первый. 285 стр. 8 д. л.

Руководство къ древней исторіи. Составилъ И. Белларин-
новъ. 261 стр. 8 д. л.

*Я. И. Ковальскій. Сборникъ первоначальныхъ опытовъ, при
помощи которыхъ можно познакомить дѣтей съ самыми
простыми физическими и химическими явленіями.* 276 стр.
8 д. л.

Учебникъ зоологіи. Составилъ Ц. Яценскій. 132 стр. Изда-
ніе. VIII+362 стр. 8 д. л.

Лекція органической химіи. Н. Меншуткина. Ч. IV—V. стр.
449—820. 8 д. л.

Матеріалы къ изученію девонскихъ отложеній Россіи. Э. Чер-
нышева. 4 д. л.

Матеріалы для геологіи Туркестанскаго края. Выпускъ вто-
рой. Составилъ Г. Романовскій. 4 д. л.

Европейскія бури и предсказанія иль. П. И. Броунова.
63 стр. 8 д. л.

*Общіе законы термодинамики съ примѣненіемъ къ вопросу о
работѣ тепловыхъ двигателей.* Изложилъ А. Романовъ. 29 стр.
8 д. л.

*Лѣтописи главной физической обсерваторіи, издаваемые
Г. Вильдомъ.* 1883 года. Часть I. 4 д. л.

Дюны, иль образованіе, развитіе и внутреннее строеніе.
Н. А. Соколова. V+286 стр. 8 д. л.

*Млекопитающія въ описаніяхъ Карла Фохта и картинатъ
Шнегта.* Вып. 1й и 2й. 4 д. л.

*Труды Общества для Содѣйствія Русской Промышлен-
ности и Торговли, издаваемые Комитетомъ Общества.* Часть
14я. 302 стр. 8 д. л.

Взаимное земское страхованіе 1866—1876 годовъ. Изданіе
Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства
Внутреннихъ Дѣлъ. XX+439 стр. 4 д. л.

Изъ деревни. Одиннадцать писемъ. 1872—1882 годовъ. А. Н.
Энгельгардта. 563 стр. 8 д. л.

*Труды Высочайше утвержденнаго Русскаго Общества Огра-
ненія Народнаго Здравія.* VI+284 стр. 8 д. л.

*Руководство къ общей терапіи подъ редакціей Н. Ziemssen'a
Т. I. Часть четвертая.*

Руководство къ дѣятельной терапіи. М. S. Oertel'a. 707
стр. 8 д. л.

Руководство къ изученію болѣзней нервной системы. Дг. Росса

Съ рисунками. Переводъ съ англійскаго Т. П. Выпускъ третій. 353+XXII стр. 8 д. л.

Фридрихъ Завдериъ. *Руководство къ общественной гигиенѣ*. Переводъ съ нѣмецкаго К. П. Ковальковскаго, подъ редакціей профессора А. П. Доброславина. 474 стр. 8 д. л.

С. Hueter. *Общая и частная хирургія*. Т. II. Ч. третья. VIII+412 стр. 8 д. л.

Сифилисъ въ Россіи. Ч. I. Г. М. Герценштейна. 524 стр. 8 д. л.
Органонъ врачебнаго искусства или основная теорія гомеопатическаго лѣченія, Дг. Самуила Ганемана. Съ послѣдняго нѣмецкаго изданія перевелъ лѣкарь Е. Сорокинъ. XVI+X+228 стр. 8 д. л.

Систематическое лѣченіе слабонервныхъ и малокровныхъ. S. Weir Mitchell. Переводъ Дг. Я. И. Трусевича. 138 стр.

Словарь практическихъ свѣдѣній необходимыхъ въ жизни всякому. Изданіе Дг. Л. Самонова. Выпускъ второй. 8 д. л.

Положеніе о дѣтскихъ приютахъ 27 декабря 1839 года. Составилъ П. Горбуновъ. 178 стр. 8 д. л.

Сводъ узаконеній о Евреяхъ. Составилъ Е. Б. Левинъ. XLIV+641+45 стр. 8 д. л.

Сборникъ узаконеній, правительственныхъ распоряженій и циркуляровъ по устройству быта крестьянъ 1876—1882 годовъ. Т. XIV. Составленъ и изданъ, по порученію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Д. В. Чичинадзе. 8 д. л.

Руководство по гелиографному дѣлу. Составилъ капитанъ А. Максимовичъ. 82 стр. 8 д. л.

Сборникъ тактическихъ задачъ къ планамъ западнаго пограничнаго пространства со справочными свѣдѣніями и приложеніями рѣшеніями. Составили генеральнаго штаба капитаны М. Байгородовъ и Я. Преженцовъ. V+325 стр. 8 д. л.

Тактическія задачи съ рѣшеніями. Переводъ съ нѣмецкаго Бориса Тизенгаузена, подъ редакціей и съ примѣчаніями полковника Сухотина. XVII+183 стр. 8 д. л.

А. Плющевскій. *Полевое военно-инженерное искусство*. Книга I. Полевая фортификація. XVII+586 стр. 8 д. л.

Руководство къ гальванопластикѣ Дг. Бандера. Переводъ подъ редакціей С. Степанова. XII+178 стр. 8 д. л.

Практическій учебникъ гармоніи. Составилъ Буссеръ. Переводъ А. Р. Бернгарда. 204 стр. 8 д. л.

Воспоминанія объ учебной и ученой дѣятельности Аркадія Захаревича Талаковскаго. 119 стр. 8 д. л.

Отчетъ о Всероссийской Художественно-Промышленной Выставкѣ 1882 года въ Москвѣ. Подъ редакціей В. П. Безобразова. Т. I и т. VI. 8 д. л.

Венгерское торговое уложеніе 1875 года. 139+II стр. 8 д. л.

Ученіе о поручительствѣ по Римскому праву и новѣйшимъ законодательствамъ. Сочиненіе барона А. Нолькена. Томъ I. VIII+371 стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ:

О книгѣ пророка Іоны. Опытъ педагогико-экзегетическаго изслѣдованія. Законоучителя Лицея Цесаревича Николая. Священника Іоанна Соловьева. 434 стр. 8 д. л.

Лекціи философіи профессора Московской Духовной Академіи Ѳ. А. Голубинскаго. Третій выпускъ. Онтологія: ученіе о конечныхъ свойствахъ бытія конечнаго и о существѣ Абсолютномъ. Цѣна 60 к., съ пересылкой 75 к. 170 стр. 8 д. л.

Хожденіе купца Василія Позняка во Іерусалимъ и по инымъ святымъ мѣстамъ въ 1558 году. Съ предисловіемъ. И. Е. Забѣлина. 32 стр. 8 д. л.

Синодикъ и родительскій лѣтописецъ Строгановыхъ. 23 стр. 8 д. л.

Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, по опредѣленію Московской городской думы собранныя и изданныя руководствомъ и трудами Ивана Забѣлина. Ч. I. Изданіе Московской Городской Думы. 88+1.384 столбцовъ. 4 д. л.

Рязань. Матеріалы для исторіи города XVI—XVIII столѣтій. 158 стр. 4 д. л.

Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ третій. Изслѣдованіе И. И. Дубасова. 191 стр. 8 д. л.

Свидѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону. Матеріалы для обычнаго права, собранныя Михаиломъ Харузинымъ. Выпускъ первый. XXXIV+388 стр. 8 д. л.

Историческія разысканія въ южно-русскихъ архивахъ. А. С. Лебедева. 48 стр. 8 д. л.

Русскій рубль XVI—XVIII вѣка въ его отношеніи къ кнѣпшинеу. Опытъ опредѣленія мѣнновой стоимости стариннаго рубля по хлѣбнымъ цѣнамъ. В. Каючевскаго. 72 стр. 8 д. л.

Поэзія какъ главный факторъ эстетическаго развитія. В. Покровскаго. 178 стр. 8 д. л.

Куно Фашертъ. „Фаустъ“ Гёте. Возникновеніе и составъ пьесы. Переводъ И. Д. Городецкаго. 213 стр. 8 д. л.

Послѣднія произведенія графа Л. Н. Толстаго. Критическій этюдъ М. С. Громеки. 226 стр. 8 д. л.

Вечерніе огни. Выпускъ второй неизданныхъ стихотвореній А. Фета. 56 стр. 8 д. л.

Письма о Сибири. В. Михѣева. XII+196 стр. 8 д. л.

Александръ Невскій и новгородская воляница. Историческій романъ Чмырева. 247 стр. 8 д. л.

Буря въ стоячихъ водахъ. Повѣсть А. Пазухина.

Кармелитка. Романъ Э. Додэ. Переводъ съ французскаго. Въ двухъ частяхъ. Часть I, 152 стр. Часть II, 204 стр. 8 д. л.

Стокгольмскія тайны. Сочиненіе А. Бланке. Переводъ со шведскаго Л. Шаховской. Часть первая. 186 стр.

Теща. Романъ въ пяти главахъ Жоржа Оанъ. Переводъ К. А. Тарновскаго и Э. Э. Маттерна. 120 стр. 8 д. л.

Справочный словарь русскаго правописанія. Составилъ К. Покровскій. 146 стр. 8 д. л.

Краткій синтаксисъ греческаго языка. Линднера. Перевелъ П. Пехачекъ. 74 стр. 8 д. л.

Начала тригонометріи. А. Давыдова. Изданіе третье. 166 стр. 8 д. л.

Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Н. Каб лукова XXIV+299 стр. 8 д. л.

Современное назначеніе русскаго дворянства. И. Кошкарлова и П. Кошкарова. 15 стр. 8 д. л.

Наши акціонерные порядки. М. П. Щепкина. 116 стр. 8 д. л.

Земскіе взгляды на реформу лѣсного управленія. Обзоръ земскихъ отзывовъ и проектовъ. В. Ю. Скалона. 236 стр. 8 д. л.

Описаніе человѣческаго тѣла съ гигиеническими указаніями и общій обзоръ животныя и растеній. Составилъ К. Э. Ярошевскій. Изданіе третье. 189 стр. 8 д. л.

Полный учебникъ для фельдшеровъ, фельдшерницъ и фельдшерскихъ учениковъ. Въ двухъ частяхъ. Третье изданіе. 433+290 стр. 8 д. л.

Двадцатипятилѣтіе Московской частной гимназіи Ф. И. Крейжана (1858—1883). 255 стр. 8 д. л.

Годишній актъ Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи 21 ноября 1884 года.

Въ Кіевѣ:

Ученіе дванадцати апостоловъ. Новооткрытый памятникъ древней церковной литературы, въ переводѣ съ греческаго, со введеніемъ и примѣчаніями. К. Полова. 40 стр. 8 д. л.

Очерки нравственнаго православно-христіанскаго ученія. Прот. Н. Фаворова. Изданіе пятое. 189 стр. 8 д. л.

Первая унія юго-западной Руси съ католичествомъ (1247—1254). Н. Дашкевича. 46 стр. 8 д. л.

Очерки греческой исторіографіи. Выпускъ первый. Кандидата В. Шеффера. 233 стр. 8 д. л.

Максимъ Бѣлинскій. *Кіевскіе разказы.* 219 стр. 8 д. л.

Записки П. Д. Селеукаго. Часть первая (1821—1846 годы). 199 стр. 8 д. л.

Переводъ 1й и 2й книги одъ Горация. А. В. Сахарова. 120 стр. 12 д. л.

Критонъ. Сочиненіе Платона. Переводъ съ греческаго, съ примѣчаніями и словаремъ В. В. Пасхалова. 80 стр. 12 д. л.

Употребленіе знаковъ препинанія въ русскомъ письмѣ. Составилъ П. И. Богдановъ. 174 стр. 8 д. л.

Учебникъ всеобщей исторіи (со включеніемъ отечественной). Средніе Вѣка. Составилъ Ю. Функе. IV+410 стр. 8 д. л.

Основанія зоологіи. Н. Бобреукаго. Выпускъ первый. IV+372 стр. 8 д. л.

Способъ предвѣщенія солнечныхъ затмѣній. Р. Фогеля. 34 стр. 8 д. л.

Теорія потенциальной функціи и обзоръ ея приложений къ вопросамъ физики. Н. Н. Шиллера. 252 стр. 8 д. л.

Хирургическая факультетская клиника Университета Св. Владимира съ 1 ноября 1844 по май 1882 годъ подъ дирекціей профессора В. А. Караваева. Составилъ Дг. К. И. Кудевольт-Артемовскій. Съ портретомъ пр. Караваева и атласомъ 55 фототипій больныыхъ. 4 д. л.

Бактеріи и ихъ роль въ заразныхъ и эпидемическихъ болѣзняхъ. Составилъ М. И. Демковъ. 78 стр., 8 д. л.

Въ Казани:

Посланія Св. апостола Павла къ Тимоею и Титу. Священника Михаила Троицкаго. 291 стр. 8 д. л.

Расколъ Донатистовъ. Церковно-историческое изслѣдованіе Н. Кутелова. VI+285+IV стр. 8 д. л.

Александрійская школа. Очеркъ изъ исторіи духовнаго

просвѣщенія отъ 1 до начала V вѣка по Р. X. Сочиненіе
Василія Дмитревскаго. 274 + VII стр. 8 д. л.

*Блаженнаго Феофилакта архієпископа Болгарскаго толкова-
нія на посланія Св. Апостола Павла къ Галатамъ, Ефессянамъ
и Филиппійцамъ.* 242 стр. 8 д. л.

С. М. Шпаковскій. *О задачахъ дѣятельности Казанскаго
Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.* Н. Н. Золотниц-
кій *Запѣтки о названіяхъ Булгаръ, Биларъ и Моркваши.*
56 стр. 8 д. л.

И. Н. Смирновъ. *Отношенія Венеціи къ городскимъ общи-
намъ Далматіи.* Выпускъ второй. Съ 1358 до 1573 года.
230 стр. 8 д. л.

Вопросъ о классикахъ. Взглядъ на его исторію, его совре-
менное состояніе и значеніе. Сочиненіе Владиміра Плотни-
кова. 124 стр. 8 д. л.

Исторія русской словесности. Составилъ И. Порфирьевъ.
Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ II. Литература въ цар-
ствованіе Екатерины II. 411 стр. 8 д. л.

*Для стровѣхъ офицеровъ 300 тактическихъ задачъ съ при-
лѣжани устнаго и письменнаго рѣшенія ихъ.* Составилъ пол-
ковникъ Паруцкій. 136 стр. 8 д. л.

Табакъ какъ прихоть и несчастіе человека. Проф. И. М.
Казанскій календарь на 1885 годъ съ адресъ-указателямъ
города Казани и уѣзднымъ городомъ Казанской губерніи.
130 стр. 12 д. л.

Въ Харьковѣ:

Три поколѣнія. Поэма А. Бадиана. 32 стр. 8 д. л.

Въ Одессѣ:

Караимскій Календарь. 12 д. л.

К. Саллюстій Криспъ. *Заговоръ Катилины и Югуртинская
война.* Текстъ и подстрочный переводъ М. Д. Гофмана. 2е из-
даніе. 251 стр. 8 д. л.

Лажетъ. Діалогъ Платона. Подстрочный переводъ съ гре-
ческаго. 36 стр. 8 д. л.

Речь Цицерона за поэта Аргія. Переводъ со словами и
примѣчаніями. Л. Р. 44 стр. 12 д. л.

Речь Цицерона pro lege Manilia. Подстрочный переводъ
съ латинскаго со словаремъ. 31 стр. 8 д. л.

Первая книга Римской исторіи Тита Ливія. Со словаремъ
и пояснительными къ тексту примѣчаніями. 140 стр. 8 д. л.

Краткій учебникъ кристаллологіи. Выпускъ первый. Составилъ Р. Превдель. 103 стр. 8 д. л.

Въ Варшавѣ:

Наша военно-медицинская часть и ея желаемое устройство. 77 стр. 8 д. л.

Въ Архангельскѣ:

Врачебная помощь Краснаго Креста на Мурманскомъ берегу въ 1884 году. 26 стр. 12 д. л.

Въ Новгородѣ:

Сборникъ постановлений земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1883 годъ. 8 д. л.

Материалы по статистикѣ Новгородской губерніи. V. Списки населенныхъ мѣстъ и свѣдѣнія о селеніяхъ Новгородской губерніи. Валдайскій уѣздъ. Обработалъ С. П. Матвѣевъ. 4 д. л.

Въ Орлѣ:

Историческіе очерки города Брянска. Ч. I. Составилъ Г. Пясецкій. 128 стр. 8 д. л.

Въ Черниговѣ:

18й пѣхотный Вологодскій полкъ въ первомъ сраженіи подъ Плевной 7 и 8 июля 1877 года. Капитана Бачевского. 28 стр. 8 д. л.

Въ Симбирскѣ:

Наставленіе старца Симона Θεодоровича Витушкина. Изданіе второе. 14 стр. 12 д. л.

Въ Самарѣ:

Предохранительныя мѣры противъ холеры. В. О. Португалова 31 стр. 12 д. л.

Отъ скуки да съ горя. Стихотворенія А. Слюзова. Изданіе второе. 207 стр. 12 д. л.

Въ Тамбовѣ:

Первая XIX предложеній начальной геометріи Эвклида съ новымъ изложеніемъ. Составилъ И. Александровъ. 31 стр. 8 д. л.

Въ Перми:

Пагубныя послѣдствія отъ куренія табаку. Изданіе второе. Протоіерея Евгенія Полова. 31 стр. 8 д. л.

Въ Новочеркасскѣ:

Ермакъ покоритель Сибирскаго царства. Историческая повесть изъ временъ Иоанна Грознаго. (Въ стихахъ.) Сочиненіе К. К. Клаачева. Выпускъ I. 168 стр. 8 д. л.

Въ Вильнѣ:

Иерархія Северо-Африканской церкви. Преподавателя Литовской духовной семинаріи Николая Извъкова. 254 стр. 8 д. л.

Полный словарь буквы В. Собрание всѣхъ словъ русскаго языка, коренныхъ и производныхъ, которыя пишутся чрезъ ъ. Составилъ И. К. Гавъ. 188 стр. 8 д. л.

Календарь хозяйственно-коммерческой на простой 1885 годъ. 64 стр. 8 д. л.

Въ Ригѣ:

Рижскій календарь на 1885 годъ и путеводитель по Ригѣ и ея окрестностямъ. 80+XX стр. 8 д. л.

Русская хрестоматія. Составили В. И. Реймерсъ и И. Н. Малиновскій. 309 стр. 8 д. л.

Въ Тифлисѣ:

Описаніе боевой жизни 76го пѣхотнаго Кубанскаго полка въ минувшую войну 1877—1878 годовъ. Составилъ капитанъ Егоровъ. 279 стр. 8 д. л.

Исторія 45го драгунскаго Стверскаго ево величества короля Датскаго полка. Составилъ подполковникъ А. С. Коргановъ. 392+45 стр. 8 д. л.

Исторія 38й артиллерійской бригады. Составилъ поручикъ Бѣльковичъ. 325 стр. 8 д. л.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ четвертый. 8 д. л.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Нашъ уголовный кодексъ и наши суды.—Скопинскій банкъ.—Церковно-приходскія школы.—Африканскій вопросъ.—Абиссинія.

I.

Моск. Вѣд. № 353.

Вы, господа, указываете намъ на европейскую цивилизацію. Будьте же добросовѣстны, не агите на нее и не морочьте вашу публичку. Говорите лучше что вы слѣдуете доктринамъ домашняго изобрѣтенія, не имѣющимъ ничего общаго съ цивилизаціей. По вашему, суды должны не судить а миловать, не карать преступленія а укрывать ихъ, агать предъ Богомъ и людьми объявляя бывшее небывшимъ, оправдывать преступленіе или всячески притуплять и лишать силы заслуженную имъ кару, и это вы называете цивилизаціей. О смертной казни вы не хотите и слышать, и все во имя цивилизаціи. Но цивилизація уличаетъ васъ въ неправдѣ: у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ смертная казнь стоитъ во главѣ лѣстницы наказаній, сообщая грозное величіе карающему закону и сдерживая преступныя страсти сласительнымъ страхомъ. Ваши подслащенныя дешевою патокой фразы о гуманности, вы этого не видите или не хотите видѣть, находятся въ наглomъ противорѣчій какъ со всемірною практикой, такъ и съ существомъ благоустроеннаго государства и съ самыми основаніями нравственнаго порядка. Въ чемъ цивилизація, въ чемъ гуманность? Когда государство было только въ зачаткѣ,

жизнь человеческая олачивалась нѣсколькими гривнами. Гдѣ государство въ борьбѣ и опасности, тамъ оно движимо аботой охранить и утвердить себя. Гдѣ оно крѣпко въ своихъ основаніяхъ, оно переноситъ свои заботы на обезличеніе личности человеческой, ея даровъ, ея свободы, ея неприкосновенности, на огражденіе ея отъ звѣря во образѣ человѣка, который опаснѣе и хуже всякой бесловесной твари. Грозными законами ограждается жизнь и собственность. Никакая плата не признается равноцѣнною личности человеческой, и за нее взыскивается не только лишеніемъ свободы, но и жизни. Если устрашеніе признается необходимымъ въ военной дисциплинѣ, и если оно тамъ достигаетъ своей цѣли, то оно не можетъ не считаться дѣйствительнымъ и для поддержанія нравственнаго порядка. Только страхъ обуздываетъ подлые страсти и смиряетъ скотскіе инстинкты. Если солдатъ въ запальчивости ударившій своего офицера разстрѣливается безошадно, то неужели злоумышленное человѣкоубійство должно быть эманципировано ото всякаго страха калитальной кары? Неужели извергъ готовый броситься на свою жертву долженъ быть избавленъ даже отъ тѣни страха заплатить жизнью за свое злодѣяніе и можетъ оставаться въ спокойной увѣренности что въ наилучшемъ случаѣ его сошлютъ куда-то гдѣ ему быть-можетъ будетъ не хуже, и откуда пожалуй онъ уйдетъ по добру по здорову, какъ это у насъ сплошь и рядомъ бываетъ?

Бываютъ случаи когда убійца заслуживаетъ состраданія, снисхожденія, смягченія кары, наконецъ помилованія; но гроза смертной кары вездѣ виситъ надъ убійцами, хотя не надъ каждымъ разражается.

Говорятъ о судѣ „милостивомъ“. Еслибы судебные доктринеры понимали истинный смыслъ своего учрежденія, то они искали бы милостиваго суда не въ окружныхъ судахъ, не въ судебныхъ палатахъ. Суды находятся подъ закономъ, а закономъ опредѣляется только правое и неправое. Законъ только воздастъ справедливость, а не милуетъ; стало-быть и суды, долженствующие быть вѣрными органами закона, не имѣютъ права ни отступать отъ него, ни превышать его. Милостивый судъ можетъ быть только на вершинѣ судебного устройства, выше его, только у верховнаго судіи. Если въ судахъ нашихъ должна царствовать милость, то это только значитъ что они въ себѣ не замыкаются, а восходятъ къ

тому кто царствуетъ. Во главѣ судебнаго устройства, равно какъ и всѣхъ государственныхъ учрежденій страны, находится власть дающая законы и превышающая всякій законъ. Только эта власть имѣетъ священное право милости, которая изливается не изъ закона, но свыше его. Если подзаконные и подвластные суды захватываютъ въ какомъ бы то ни было видѣ право помилованія, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть признакъ отнюдь не цивилизаціи, но ненормальнаго состоянія судовъ.

Бываютъ случаи намѣреннаго убійства въ которыхъ симпатіи сердца и нравственное чувство оказываются болѣе на сторонѣ преступниковъ чѣмъ ихъ жертвъ. Въ этихъ случаяхъ, да будетъ судъ милостивъ! Но да будетъ онъ милостивъ не путемъ лжи, хищенія власти, поруганія закона, нарушенія присяги. Присяжные именуются судьями факта; ихъ дѣло не въ томъ чтобъ опредѣлять виновность или невиновность подсудимыхъ по закону, а только признать совершеніе или несовершеніе ими того дѣла въ которомъ обвиняемые обвиняются. Мы понимаемъ что живая душа не можетъ остаться безучастною ко внутреннему свойству преступнаго дѣла. Но не лучше ли, не достойнѣе ли, предоставить судьямъ факта, кождъ скорбъ таковыя имѣются, вмѣсто обычныхъ отрицаній, давать мотивированные отвѣты на вопросы,—а вопросами не сбивать ихъ съ толку? Не достойнѣе ли было бы дозволить имъ объявлять: да, виновенъ, но заслуживаетъ ходатайства о помилованіи? Ужели совѣсть ихъ не была бы этимъ усложнена? Наконецъ, можетъ ли быть терпимо чтобы милость сверхъ закона, этотъ лучшій перлъ въ царскомъ вѣдѣ, предвосхищаая какими бы то ни было учрежденіями и лицами?

Вотъ страна безъ сомнѣнія цивилизованная, безъ сомнѣнія европейская, и притомъ самая западная: мы говоримъ объ Англій, откуда взяты (по фальшивымъ шаблонамъ) наши судебные порядки.

Вотъ недавній случай: Четверо моряковъ, потерпѣвшихъ крушеніе, провели нѣсколько дней въ морѣ на шлюлкѣ, изнемогая отъ жажды подъ тролическимъ солнцемъ. Одинъ изъ нихъ, налившись морской воды, уже находился въ безпамятствѣ и агоніи; двое изъ оставшихся разрѣзали ему артерію и въ изступленіи жажды пили его кровь, а потомъ литались его тѣломъ, пока не были замѣчены проходившимъ кораблемъ, который взялъ ихъ на бортъ, гдѣ они сами рассказали

все съ ними бывшее. Ихъ судили, признали виновными и приговорили къ смертной казни. помиловала ихъ королева, замѣнивъ смертную казнь шестимѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Вотъ другой случай: 21 ноября, судили въ Ливерпулѣ (судья Дей) моряка Эрнста Эверштедта (русскаго подданнаго), который убилъ изъ ревности покинувшую его любовницу. Фактъ былъ установленъ. Въ защиту подсудимаго приводилось такое обстоятельство: прокравшись въ жилище Елизаветы Гамбликъ, онъ встрѣтилъ тамъ мушину и бросился на него съ ножомъ; но въ дракѣ, желая нанести ударъ противнику, онъ убилъ наповалъ свою прежнюю любовницу. Присяжные, послѣ нѣсколькихъ минутъ совѣщанія, вынесли приговоръ: „виновенъ“, и преступника присудили къ смертной казни. Помиловать ли его королева, замѣнивъ смертную казнь каторгой, неизвѣстно; но вотъ черезъ три дня послѣ уломянутаго приговора, 24 ноября, въ Манчестерѣ, былъ повѣшенъ нѣкто Гауартъ, который завелъ въ уединенное мѣсто хмѣльнаго кулеческаго прикащика, убилъ и ограбилъ его.

Эверштедта наши суды признали бы невиновнымъ при рукоприкладіяхъ ревнителей европейской цивилизаціи, а Гауарта судъ могъ бы приговорить только къ прогулкѣ въ Сибирь на рудники.

Рѣшайте что по вашему лучше, но не ссылайтесь, сдѣлайте милость, на европейскую цивилизацію.

Что значать приведенные выше случаи убійства за которые европейская цивилизація казнить преступниковъ смертію, въ сравненіи съ тѣми ужасными злодѣяніями за которые у насъ истые звѣри въ человѣческомъ образѣ платятся лишь нѣсколькими годами пребыванія въ рудникахъ? У насъ не только убійца изъ ревности, но отцеубійцы, дѣтоубійцы, изверги, истреблявшіе цѣлыя семейства, злодѣи не хуже и даже хуже чѣмъ Тролманъ гнусной памяти, шли однимъ путемъ съ людьми виновными, но не извергами, въ тѣ же рудники. Помните ли, — какъ не ломить этого ужаснаго дѣла? — чудовищное, адское, превышающее всякую мѣру нравственнаго одичанія, злодѣяніе судившагося въ Харьковѣ Красилына, который хладнокровно, ни за что ни про что, изрѣзалъ въ куски жену, тестя, наконецъ дѣтей своихъ, и на судѣ не обнаружилъ ни малѣйшаго человѣческаго чувства. О смертной казни такому злодѣю не могло быть и рѣчи по нашему гуманному кодексу, хотя никакая иная кара не могла

бы удовлетворить неповрежденную совѣсть, некастрированное гуманное чувство. Онъ былъ приговоренъ даже не къ пожизненной каторгѣ. Но зачѣмъ припоминать дѣла минувшихъ дней въ виду вчерашнихъ фактовъ? Въ Новгородскомъ окружномъ судѣ судили недавно того звѣря который, съ досады на начальство желѣзной дороги гдѣ онъ служилъ сторожемъ, развинтилъ гайки на шпалахъ предъ самымъ прохождомъ курьерскаго поѣзда. Сколько ужасовъ и страданій! Сколько жертвъ! Намъ случилось видѣть осколки этого поѣзда, слышать стоны изувѣченныхъ. Ради того что вы называете гуманностію, ради безопасности мирныхъ людей проезжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ отъ подобныхъ звѣрскихъ покушеній, не слѣдовало ли бы прибѣгнуть къ самымъ энергическимъ мѣрамъ устрашенія? Не требуетъ ли того же чувство справедливости? Не былъ ли бы тутъ пригоденъ полевой судъ съ расправой на мѣстѣ? Богѣ ли свисхожденія заслуживалъ этотъ негодяй чѣмъ солдатъ ударившій своего офицера? Вороновъ, такъ зовутъ злодѣя причинившаго крушеніе поѣзда на Николаевской дорогѣ, близъ Бологова, болѣе полугода находился подъ слѣдствіемъ, и приговоренъ къ семилѣтней каторгѣ. Чтобы не быть вынужденнымъ назначить этому симпатическому преступнику лишній годъ пребыванія въ рудникахъ, гуманный судъ удивительнымъ образомъ раздѣлилъ вопросы предложенные присяжнымъ: виновенъ ли подсудимый въ поврежденіи дороги? Да. Сдѣлалъ ли онъ это съ умысломъ повредить поѣзду? Да. Сдѣлалъ ли онъ это съ умысломъ повредить пассажирамъ? Присяжные залпулись и сказали „нѣтъ“. Преступникъ хотѣлъ повредить поѣзду, а не пассажирамъ! Какой добрый преступникъ! И такъ какъ сторожъ служившій на желѣзной дорогѣ и очень хорошо понимавшій какими послѣдствіями сопровождается снятіе рельсовъ, и что значитъ крушеніе поѣзда, хотѣлъ только досадить желѣзнодорожному начальству, а не имѣлъ умысла погубить или изувѣчить вѣхавшихъ въ поѣздѣ людей, то онъ отдѣлался относительно болѣе легкою карой, которая едва ли можетъ утратить людей или, вѣрнѣе, скотовъ подобнаго сорта.

Но вотъ *cause célèbre*, державшая въ продолженіе послѣднихъ дней въ волненіи и Петербургъ, и весь читающій русскій міръ. Судился челоувѣкъ по обвиненію въ убійствѣ малолѣтней дѣвочки, оказавшей сопротивление ему въ скотскомъ на нее покушеніи. Дѣло это имѣло съ самаго начала загадочный

характеръ. Дѣйствительно ли причиной смерти бѣдной дѣвочки было это гнусное на нее покушеніе? Но, — удивительный казусъ! — въ то время когда Мироновичъ находился подъ свѣдѣніемъ, явилась къ полицейскому чиновнику нѣкто Семенова, которая созналась въ убійствѣ и показала что совершила его съ цѣлю ограбленія, причемъ дѣйствительно оказались похищенныя вещи у ея любовника. Но вскорѣ затѣмъ она взяла свои показанія назадъ и заявила что вещи были даны ей Мироновичемъ дабы купить ея молчаніе о преступленіи, котораго она стала случайно свидѣтельницей. Обвиненіе такимъ образомъ опять сосредоточилось на Мироновичѣ. Доказательствъ противъ него ни предварительное, ни судебное свѣдѣніе не представило. Дѣло осталось темнымъ. Судьи и публика свѣдѣли за процессомъ ощупью, въ темнотѣ разыскивая преступника и руководясь только догадками. Судъ даже не очень, впрочемъ, заботился объ освѣщеніи дѣла. Говорятъ, особенное и быть-можетъ рѣшающее впечатлѣніе на присутствовавшихъ произвелъ призванный въ качествѣ эксперта профессоръ судебной медицины Сорокинъ, который представилъ въ лицахъ картину какъ могло на самомъ дѣлѣ совершиться злодѣяніе въ которомъ обвинялся Мироновичъ. Судъ призналъ Мироновича виновнымъ и приговорилъ его къ семилѣтней каторгѣ, принявъ въ уваженіе что онъ совершилъ убійство „въ гнѣвѣ ярости и страсти“!! Хороши „гнѣвъ, ярость и страсть“! Эти три сакраментальныя слова повторяются во всѣхъ предложенныхъ присяжнымъ вопросахъ гдѣ упоминается о преступленіи Мироновича. Или виновенъ или невиновенъ Мироновичъ; или есть полное убѣжденіе въ его виновности или такого убѣжденія у судей не было. Если извергъ совершилъ убійство въ самомъ гнусномъ изъ всѣхъ видовъ „гнѣва, ярости и страсти“, то не заслуживаетъ ни малѣйшей пощады; если же у судей оставалось сомнѣніе въ его виновности, то какъ солгать человѣка невиновнаго на каторгу? Какая же это цивилизація? Но судъ былъ вполнѣ убѣжденъ или вѣрнѣе предубѣжденъ въ виновности подсудимаго. Судъ только усматривалъ смягчающее обстоятельство: Мироновичъ совершилъ убійство не хладнокровно, но въ „гнѣвѣ, ярости и страсти“. Несчастная дѣвочка оказала ему сопротивленіе въ гнуснѣйшемъ изъ преступленій, которое по своему нравственному характеру хуже иного убійства, по крайней мѣрѣ съ точки

зрѣнія истинной гуманности и цивилизаціи. Еслибъ этотъ извергъ совершилъ свое мерзкое насиліе надъ тринадцатилѣтнею дѣвочкой, развѣ это не заслуживало бы само по себѣ каторги? Но ему не удалось это злодѣйство, дѣвочка задохлась отъ платка всунутаго ей въ ротъ и отъ удара который злодѣй въ своемъ скотскомъ раздраженіи нанесъ ей: мы говоримъ это предполагая что Мироновичъ дѣйствительно совершилъ убійство. И вотъ это-то раздраженіе неистоваго развратника, возбужденное сопротивленіемъ, вмѣнено ему нѣкоторымъ образомъ въ облегченіе его вины? Два тяжкія преступленія въ своемъ соединеніи не усилили вину, но одно послужило какъ бы къ нѣкоторому извиненію другаго. Цивилизація ли это, гуманность ли?

Если въ Ливерпулѣ приговоренъ къ смертной казни человекъ изъ ревности въ пылу драки нанесшій ударъ, и не въ того въ кого мѣтилъ; если въ Манчестерѣ на дняхъ повѣшенъ грабитель который умертвлялъ пьянаго чтобъ ограбить его; если судъ приговорилъ къ смертной казни матросовъ потерянныхъ среди пустыни Океана, которые въ изступленіи жажды прірѣзали своего и безъ того умирающаго товарища; то развѣ съ точки зрѣнія той же цивилизаціи, не заслуживаетъ висѣлицы злодѣй побужденный къ преступленію не нуждой, но самымъ гнуснымъ изъ мотивовъ,—развратомъ, глубочайшимъ развратомъ, который бросается на человека, на ребенка, и не для того чтобъ отнять у него вещь, а овладѣть имъ самимъ для удовлетворенія своей скотской похоти? Если же въ лѣстницѣ нашихъ уголовныхъ каръ скрадена смертная казнь, то развѣ этотъ злодѣй (буде онъ дѣйствительно виновель) не заслуживалъ бы одной изъ высшихъ мѣръ наказанія какія имѣются въ нашемъ Уложеніи?

Дѣло Мироновича какъ въ началѣ было темно такъ осталось и теперь когда оно окончено. Отчетливаго убѣжденія никто не могъ вынести изъ этого процесса. Одни остаются убѣжденными что злодѣяніе совершено Мироновичемъ, и если совершенно имъ, то имѣеть особенно тяжкій характеръ; другіе, напротивъ, остаются въ увѣренности что преступленіе совершено Семеновою и ея любовникомъ. Во всякомъ случаѣ Семенова оказалась укрывательницей преступленія и притомъ воровкой, готовою на всякую мерзость. И что же? Она вышла изъ суда не только оправданною и обѣденною, но съ торжествомъ героини. Ее чуть не на рукахъ вынесли. По

разказахъ, у нея на расхвать выпрашивали ея автографы не только изъ публики, но и судебныя лица. Экспертъ г. Балашевскій придумалъ для нея почетный титулъ „психопатки“. И вотъ пойдеть эта знаменитая психопатка гулять по свѣту сѣя преступленія направо и налево. Судъ ее не только помиловалъ, но и прославилъ.

Но суды наши неистощимы въ милостяхъ. Также весьма недавно судилась въ Житомирѣ крестьянка убившая своего мужа. Она изрубила его, отсѣкла голову, зарыла тѣло въ погребу, а голову бросила подъ мостикъ. Преступленіе совершено хладнокровно и обдуманно. Ее приговорили къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири. Преступницу мучила бы совѣсть на старомъ мѣстѣ. Убійца было бы неловко между своими односельчанами. И вотъ ее на казенный счетъ препроводятъ на жительство въ новыхъ привольныхъ мѣстахъ гдѣ она можетъ спокойно забыть свое кровавое дѣло и благополучно вновь выйти замужъ. Позаботились даже обезпечить ее отъ угрызеній совѣсти. Но если судъ нашелъ въ ея побужденіяхъ и обстоятельствахъ что-либо смягчающее ея вину, что-либо заслуживающее снисхожденія, то не правильнѣе ли было бы искать для ней милости (хотя, во всякомъ случаѣ, не награды) у Престола?

II.

Моск. Вѣд. № 338.

Скопинскій Банкъ не есть частное предпріятіе; это общественная черта. Это Городской Общественный Банкъ, то-есть въ существѣ своемъ, какъ ни вертитесь, учрежденіе правительственнаго характера. Его операціи и вѣренныя ему вклады обезпечивались не имуществомъ учредителей или добровольныхъ участниковъ въ предпріятіи. Это было учрежденіе которое обезпечивалось имуществомъ города и каждаго изъ городскихъ собственниковъ. Городъ Россійской Имперіи не есть акціонерное общество, и обыватели города Скопина не были добровольными акціонерами. Всѣ и каждый были закабалены въ это предпріятіе безъ спроса и своего разумія. Какая же это сила можетъ закабалить людей послѣ отмены крѣпостнаго права, когда водворилась въ Россіи для всего народа гражданская свобода? Эта сила, въ обиходѣ

нашего либерализма, именуется самоуправленіемъ. Она можетъ, независимо отъ государственной власти и не спросясь чело-вѣка, распорядиться имъ или его имуществомъ. Государство, по этой доктринѣ, должно только санкціонировать это самоуправство однихъ и эту кабалу другихъ, а затѣмъ отойти въ сторону и ни во что не вмѣшиваться. Пусть эти самоуправители дѣлаютъ что хотятъ; пусть они кормятся, какъ у насъ теперь говорятъ, земскими и городскими пирогами, пусть расхищаютъ общественную собственность, пусть подъзуются авторитетомъ который сообщается имъ чрезвычайными полномочіями, пусть забираютъ въ свои руки громадныя суммы у богатыхъ и у бѣдныхъ (впрочемъ, обращать богатыхъ въ нищихъ, это нашими адвокатами дозволяется и поощряется): это называется самоуправленіемъ, и этой святости никто коснуться да не дерзаетъ. Пусть все это дѣлается, и когда эти люди наконецъ проворуются, и подвигнутся волаи ограбленныхъ, тогда судебный ораторъ, ломаясь предъ публикой, утѣшить ихъ краснымъ словцомъ. Прокуроръ быть-можетъ вымолитъ обвинительный приговоръ у присяжныхъ, а если не вымолитъ, какъ слашъ и рядомъ бываетъ въ нашихъ судахъ, то вѣдь и суды, по доктринѣ, образуютъ также самоуправленіе не зависящее отъ государства, которое лишь обяза-но безпрекословно приводить въ исполненіе его приговоры, ка-кіе бы они ни были. Но, увы! эта доктрина самоуправленія, по-нятная и угодная фразерамъ нашихъ интеллигентныхъ сферъ, не понятна и противна здравому смыслу народа. Народъ, кото-рый еще не одичалъ подъ властію подобныхъ доктринъ, ни-когда не пойметъ чтобы могло быть какое-либо управленіе или какая-либо надъ нимъ власть независимая отъ государства и свободная въ своихъ дѣйствіяхъ. Эти бѣдные люди, скопив-шіе трудовымъ лѣтомъ колѣвку, которыхъ такъ трогательно живописуютъ судебные ораторы, несли свои сбереженія въ увѣренности что Городской Общественный Банкъ обезпеченъ всѣмъ городскимъ имуществомъ и потому не можетъ дѣй-ствовать внѣ бдительнаго надзора правительства. Они не мог-ли, и послѣ всѣхъ краснорѣчивыхъ фразъ сказанныхъ на судѣ, навѣрное и теперь не могутъ, понять чтобы какое бы то ни было общественное дѣло, въ которомъ однимъ предостав-ляется власть распорядиться другими, было въ своихъ распо-раженіяхъ отъ правительства независимо. Они не повѣрятъ чтобы правительство могло оставаться равнодушнымъ и

бесильнымъ зрителемъ злоупотребленій, безчинствъ и хищной со стороны лицъ и мѣстъ которыя отъ него же получили свою власть, отъ него имѣють полномочія судить и рядить, или держать, какъ Скопинскій Банкъ, въ кабалѣ цѣлый городъ и принимать подъ это обезпеченіе со всѣхъ сторонъ денежные вклады. Эти бѣдные люди несли свои сбереженія не въ частную банковую контору, но въ Городской Общественный Банкъ, въ твердой увѣренности что ихъ деньги будутъ тутъ въ полной сохранности. Никто, сколько мы знаемъ, не говорилъ и не могъ сказать что казна должна отвѣчать за виновныхъ, а виновные должны остаться въ отвѣтственности. Такой нечеловѣчности никто не говорилъ. Она могла причудиться только краснорѣчивому оратору явившемуся на судѣ представителемъ гражданскихъ истцовъ. Нѣтъ, только судебные софисты считаютъ своею профессіей оправдывать преступленія. Только суды наши приучили лублику видѣть воровъ, мошенниковъ и убійцъ выходящими съ торжествомъ изъ залы судебныхъ засѣданій. Люди злоумышленные, доказавно преступные, должны быть признаны виновными и по здравому смыслу, и по справедливости, и имуществу дѣйствительно виновныхъ должно пойти на удовлетвореніе ограбленныхъ. Это просто и ясно, и въ судахъ гдѣ все обстоитъ благополучно нѣтъ надобности извиваться ужомъ и прыгать жабой предъ судьями чтобы склонять ихъ къ правосудному приговору; не нужно обдавать ихъ дурманомъ фразъ дешеваго издѣвая; не зачѣмъ призывать тѣнь Императрицы Екатерины и воздѣвать руки къ лампаднику Царя-Освободителя. Достаточно изложить дѣло съ тою правдивостію, ясностію и простотой, какъ это было сдѣлано обвинителемъ, который, уступая необходимости и опасаясь скандала, долженъ былъ въ заключеніе обратиться со словомъ увѣщанія къ присяжнымъ, лампагя цѣлый рядъ процессовъ изъ которыхъ хищники, еще болѣе виновные, выходили обѣленнымъ. Но имущество виновныхъ, между которыми правый судъ не можетъ не сдѣлать различія, локроетъ ли двѣнадцать милліоновъ составляющихъ въ совокупности сумму погибшихъ при крушеніи Банка вкладовъ? Остается городское имущество. Но какъ продавать городъ? Остается собственность городскихъ обывателей, которму дозволено было Рыкову и его консортамъ обезпечить ихъ Банкъ. Но возможное ли это дѣло? Возможно ли продавать съ аукціона увѣданный городъ Россійской

Империю съ домами и земельною собственностію всѣхъ его обывателей? Эта неспособность служить подтверкою доктрины вызвавшей учрежденіе и поведеніе банковъ подобныхъ Скопинскому. Съ другой стороны, если нехотѣло продавать съ аукціона городъ и отнимать достояніе у людей невольныхъ для удовлетворенія пострадавшихъ, то развѣ разореніе вкладчиковъ, также ни въ чемъ невольныхъ, доверившихъ свои крохи кредитному учрежденію, авторитетному и уполномоченному, отъ правительства признанному достаточно обезпеченнымъ собственностію цѣлаго города,—развѣ разореніе вкладчиковъ не свидѣтельствуетъ также о вопиющей несправедливости и внутренней ажи вашей доктрины, господа софисты? Кто же вознаградитъ разоренныхъ вкладчиковъ если имущество виновныхъ на то не достанетъ, и если продажа узнанаго города оказывается неспособностію? Коль скоро рѣчь идетъ о вознагражденіи невинно пострадавшихъ, то это, конечно, могла бы сдѣлать только казна Имперіи, которой часть была закабалена лодъ Рыковскій Банкъ. Если казна оказываетъ пособіе населеніямъ пострадавшимъ отъ естественныхъ причинъ и отъ собственной непредусмотрительности, то нѣтъ ничего нехотѣлаго и несправедливаго въ томъ чтобъ она была до нѣкоторой степени отвѣтственна за разореніе людей невинно пострадавшихъ вслѣдствіе неправильной доктрины создавшей банки подобные Скопинскому и устранившей правительство отъ дѣятельнаго контроля за ихъ дѣйствіями. Мы не говоримъ что казна дѣйствительно можетъ оказать въ данномъ случаѣ пособіе разореннымъ; но мы смѣло можемъ сказать что порядокъ вещей допускающій возможность подобныхъ явленій какъ Скопинскій Банкъ и его крушеніе не можетъ быть признанъ нормальнымъ, и исторія этого банка со всѣми своими послѣдствіями служить въ маломъ видѣ примѣромъ того нестроенія въ какомъ находится вся страна вслѣдствіе доктрины улраздняющей правительство,—служить новымъ доказательствомъ какъ необходимо возвращеніе правительства къ его естественнымъ обязанностямъ. За Скопинскимъ Банкомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ *крахи* другихъ подобныхъ банковъ. И одинъ изъ банковъ *крахи* послѣдуютъ одинъ за другимъ если государственная власть будетъ считаться „постороннею силою“?

Русскія Вѣдомости приводятъ изъ рѣчи представителя гражданскихъ истцовъ слѣдующій, какъ онъ выражаются,

погсеви высокаго значенія: „Печальна та страна, разлагается тотъ народъ гдѣ люди не могутъ честно работать, гдѣ они не могутъ не красть если около каждаго имущества не посаженъ песь на цѣпи. Истинно развитое общество живетъ не приказаніями... Не на стѣнахъ должны быть начертаны скрижалы, а въ сердцахъ людей“.

Въ болѣе пространномъ видѣ этотъ погсеви напечатанъ въ другой газетѣ (*Moskovskii Listok*). *

Жаль что ораторъ не поименовалъ ту „надежную“ или ту „не печальную“ страну и такой „не вымирающей“, „не разлагающейся“ народъ, гдѣ личность и собственность не ограждаются грозными законами и гдѣ бы на стражѣ законовъ не считалось нужнымъ ставить бдительныхъ блюстителей и исполнителей, которыхъ такъ энергически именуешь онъ „лсами“. На какихъ островахъ обрѣтается Эльдorado гдѣ человеческое общество управляется законами „начертанными на скрижалахъ сердца“, гдѣ царствуетъ „любовь и миръ“, гдѣ нѣтъ ни судовъ, ни полиціи, и гдѣ стало-быть самое государство является изащитнымъ? Извѣстный психологическій фактъ: ни о чемъ люди такъ не расточительны на лухамы слова какъ о томъ чего у нихъ нѣтъ въ сердцѣ или чего они не понимаютъ. Нѣтъ, наоборотъ, только несложившіеся или разложившіеся народы находятся въ положеніи вынуждающемъ каждаго держать псовъ у воротъ своего дома и оборонять свою жизнь, свою семью и свое достоиніе вооружившись чѣмъ попало. У народовъ государственныхъ, общественная безопасность ограждается законами и тою „постороннею“, по мнѣнію оратора, силой которая именуется правительствомъ. Въ этомъ священное назначеніе правительства, и чѣмъ болѣе оно провикнуто долгомъ своего призванія, тѣмъ дѣятельнѣе и зорче заботится объ

* Вотъ какъ читается это мѣсто въ *Moskovskom Listok*:

„Нѣтъ, мил. государи, не надежна та страна, вымираетъ та народность гдѣ у каждой вещи нужно сажать пса на цѣпи, у каждаго хранилища стража на часахъ. Если безъ этого невозможна жизнь, не стоить заботъ о ней. Общество тогда только способно жить, тогда только его будущее надежно, миръ и любовь будутъ царствовать въ немъ, когда законъ будетъ не внѣшнею силой, а силой внутреннею; когда законъ будетъ написанъ не на стѣнахъ и доскахъ, а на скрижалахъ нашего сердца, когда преступники будутъ не вырываться изъ среды нашей *постороннею силой*, а будутъ выкидываться *нашею самими* какъ враждебные элементы.“

общественной безопасности и объ огражденіи лицъ отъ насилій, самоуправства и обмана, особенно объ огражденіи темнаго и бессилаго люда отъ хищниковъ и воровъ всякаго рода,—тѣмъ менѣе оно доступно софизмамъ, которые, подъ видомъ прогресса и цивилизаціи, убѣждаютъ его отдать народъ какъ бы на откупъ и предоставить какимъ бы то ни было партіямъ, корпораціямъ, большинствомъ и шайкамъ, распорядиться населеніями самоуправно, безконтрольно и независимо отъ государственной власти, каковой въ странѣ не можетъ быть двухъ или многихъ.

Моск. Вѣд. № 339.

Къ главнымъ неудобствамъ нашихъ старинныхъ банковъ относятся то что множество наличныхъ денегъ „отягощало“ и банки, и „лублику“. Мы имѣли тогда и запасъ металлическихъ денегъ, свободно обращавшихся, и значительное количество бумажныхъ денегъ, *отягощавшихъ собою и приливавшихъ въ Банкъ*, чтобы хотя такимъ путемъ превратить ихъ изъ безпроцентныхъ долговыхъ знаковъ въ процентные. *Публика все энергичнѣе и энергичнѣе старалась освободиться отъ Сизифова камня, постоянно скатывавшагося на нее деньги*, которыя расходовали правительство и помѣщики, непрерывно ихъ занимая у старыхъ кредитныхъ установленій куда торговая лублика ихъ возвращала... Деньги отъ вкладовъ, такимъ образомъ, для нашего правительства были однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ источниковъ. До какой степени былъ для правительства важенъ этотъ источникъ, можно судить по тому что на покрытие 1.374 милліоновъ рублей, которымъ равняется итогъ дефицитовъ съ 1882 по 1860 годъ, 557 милліоновъ рублей были взяты изъ вкладовъ старыхъ кредитныхъ установленій“... Только что приведенныя слова взяты нами не изъ какого-либо полшутливаго фельетона, а изъ статьи И. Кауфмана, специально посвященной „банкамъ, банковому дѣлу и банковымъ операціямъ“. Итакъ, зло нашихъ старинныхъ кредитныхъ установленій состояло въ томъ что на лублику постоянно скатывались наличныя деньги, отягощали ее собою и приливали въ банкъ, а правительство постоянно имѣло въ тогдашнихъ банкахъ источникъ на покрытие экстренныхъ расходовъ, не обращаясь къ иностраннымъ займамъ и ничего не платя иностраннымъ банкирамъ!

Въ шестидесятихъ годахъ, въ періодъ разныхъ свободъ, задумали освободить публичку, а вмѣстѣ съ нею и само правительствомъ отъ означеннаго „Сизифова камня“, и лучшимъ средствомъ для того признали „реформу“ банковъ и составили новое „нормальное положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ“. Благодѣянія этой реформы описываютъ слѣдующимъ образомъ: „До 1862 года развитіе городскихъ общественныхъ банковъ шло весьма туго, удерживаемое и тѣми общими условіями которыя не особенно содѣйствовали частной инициативѣ, и спеціальнымъ условіемъ раздѣленія банковъ и надзора за ними. Въ 1862 году городскихъ банковъ дѣйствовавшихъ на основаніи уставовъ, спеціально для каждаго изъ нихъ изданныхъ, было 40. Важнымъ событіемъ сопровождавшимъ банковую реформу 1860 года было изданіе „Нормальнаго положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ“ (6 февраля 1862 года). *Достаточно было закону только отказаться отъ прѣзвншихъ стѣсненій* и начертать основанія на коихъ онъ опредѣляетъ свободу, какъ тотчасъ же проявилась и способность пользоваться этою свободой. Въ 11 лѣтъ разрѣшено городскихъ банковъ 225. Всѣ эти банки объявили по всѣмъ городамъ и селамъ нашего обширнаго отечества что они готовы, въ видахъ удобства публички, принимать „отягощавшія“ ее наличныя деньги и притомъ за несрыханые прежде проценты. Естественно что публика массами устремилась со своими многолѣтними сбереженіями въ новые банки, которыхъ она конечно не отличала отъ прежнихъ государственныхъ. Капиталы банковъ росли не по днямъ, а по часамъ, и чрезъ какія-нибудь 7—10 лѣтъ рѣдкій изъ новыхъ банковъ не считалъ своихъ оборотовъ сотнями тысячъ и милліонами. Скопинъ, въ прежнее время почти деревня, теперь благодаря своему Банку считалъ свои обороты десятками милліоновъ. Публика получала большіе проценты; банки, въ свою очередь, считали свою чистую прибыль не иначе какъ десятками и сотнями тысячъ рублей. Въ 1870 году, Скопинскій Банкъ получалъ прибыли 750.000 рублей, Харьковскій 398.000, Воронежскій 216.000, Орловскій 151.000. Шестнадцать банковъ въ совокупности получили прибыли 3.267.000 руб. Изобрѣтатели „Нормальнаго положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ“ ликовали; да и какъ было не ликовать когда на долю простой деревни приходился кушъ въ нѣскольکو сотъ тысячъ? И все это безъ „Сизифова камня“, такъ легко и удобно!

Нѣкоторые скептики выражали сомнѣніе и даже прямо отрицали самую возможность чтобы банки, хотя бы и новые, могли творить подобные чудеса. Но имъ отвѣчали: да, „въ періодъ казенной благонамѣренности, когда пытались взять въ казну совѣсть, душу, мысль, вѣру и отпустить ихъ на пользованіе казенными размѣряемыми, патентованными лайками“, это было невозможно; государственная олека, „казенный надзоръ за банками“ подавала и стѣсняла какъ личное развитіе отдѣльныхъ лицъ, такъ и благосостояніе цѣлыхъ обществъ. „Достаточно было закону только отказаться отъ прежнихъ стѣсненій“, и вотъ личная и мѣстная предприимчивость въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ дѣйствительно создала чудеса! Не вѣрите? Поѣжайте въ Скопинъ, тамъ не останется никакого мѣста сомнѣнію. И многіе очевидцы свидѣтельствовали что Скопинъ, благодаря Банку, дѣйствительно, „изъ деревушки обратился лучше чѣмъ въ губерскій городъ, имѣвшій много разныхъ благотворительныхъ заведеній и значительную промышленность“. „Изъ прибылей Скопинскаго Банка устроены были богадѣльня, дѣтскій пріютъ, публичная бібліотека, отпускаясь деньги на содержаніе реальнаго училища, выдавалось ежегодно дополнительное квартирное содержаніе мировому судѣ, судебному приставу, исправнику, помощнику исправника, помощникамъ пристава и другимъ чиновникамъ.“ „Кредитъ въ Банкѣ былъ такъ легкокъ что брали деньги почти всѣ жители Скопина и платили изъ нихъ никого не стѣсняли.“ Вся жизнь Скопинцевъ потекла теперь широко. „Когда мы имѣли мало денегъ, свидѣтельствуютъ они сами, мы расходовали мало; а какъ стали давать изъ Банка, то и расходы стали шире, такъ что прежде бывало дашь женѣ красненькую на платье, и довольно; а стали являться, благодаря Банку, кучи денегъ въ рукахъ, ну вмѣсто прежней красненькой шла сотенная.“ „Съ 1878 года нѣкоторымъ изъ жителей самого Скопина стало казаться страннымъ что прибылей въ отчетѣ было много, а откуда онѣ брались неизвѣстно.“ Но стоило только указать на „мѣстную и личную инициативу“, и мимолетное сомнѣніе смѣнилось сѣдующею картиной: „всѣ вставали, кланялись и благодарили Рыкова“. „Дума ходатайствовала о возведеніи Рыкова въ потомственное почетное гражданство и названіи Банка „Скопинскимъ Рыкова Банкомъ“, но на послѣднее ходатайство послѣдовало лишь разрѣшеніе повѣсить въ Банкѣ портретъ Рыкова.“

Съ розовыми надеждами на силу новаго „Нормальнаго Положенія о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ“, по витиевтому выраженію одного свидѣтеля, „всѣ какъ матросы съѣли на корабль, распустили ларуса и лѣхали по указанію и вслѣдъ за своими вожаками, но... встрѣтили штормъ, вылетѣли за бортъ и неожиданно-негаданно попали на скамью подсудимыхъ“.

Возникшее „дѣло о злоупотребленіяхъ въ Скопинскомъ Городскомъ Общественномъ Банкѣ“ раскрыло со всею очевидностію откуда на самомъ дѣлѣ появились въ Скопинѣ рѣчки богатствъ и въ чемъ собственно состояла „мѣстная и личная инициатива“ Скопинцевъ, которой приписывали чудеса.

„Вкладчиковъ изъ жителей Скопина было 2—3 человека, да и вообще изъ Рязанской губерніи немного. Но чѣмъ дальше отъ Рязани, тѣмъ вкладовъ въ Скопинскій Банкъ поступало больше; главная масса съ далекихъ окраинъ, изъ Привислянскаго края, съ Кавказа, изъ Западнаго края и даже изъ Сибири.“ Мѣстной и личной инициативѣ Скопинцевъ оставалось дѣлать эти вклады между собою, соответственно близости каждаго къ Банку, заносить свои счета въ книги (которыхъ накопилось столько что потомъ двѣ недѣли перевозили ихъ на лошади въ баню для сожженія) и совершать другія подобныя же банковыя операціи. „Ежегодно, въ началѣ января, какое-либо подставное лицо совершало мнимую продажу банку извѣстнаго количества процентныхъ бумагъ которыя затѣмъ снова фиктивно покупали у того же банка, но уже по высшей цѣнѣ въ концѣ декабря, причемъ разница цѣнъ заносилась на счетъ прибылей оперирующаго кредитнаго учрежденія.“ Въ 1877 году мѣщанинъ Краснолѣвцевъ, не имѣвшій никакого состоянія, даетъ въ банкъ вкладъ въ два милліона рублей. На эти два милліона, фиктивно существовавшіе лишь на бумагѣ, фиктивно куплены были у того же Краснолѣвцева процентныя бумаги на три милліона рублей, и все это было сдѣлано въ послѣднихъ числахъ декабря и вошло въ отчетъ, а затѣмъ въ январѣ бумаги были опять фиктивно проданы тому же Краснолѣвцеву за четыре милліона рублей, и возвращенъ ему вкладъ въ два милліона рублей. „Назначеніе цѣнъ по которымъ должны были производиться фиктивные покупки и продажи зависѣло отъ того количества прибылей которое Рыковъ находилъ нужнымъ показать въ отчетѣ банка за извѣстный годъ.“ Векселей самого Рыкова

оказалось почти на 7.000.000 руб., имущества же на удовлетвореніе ихъ только на 150.000 рублей. Однажды сказали ему что пора бы и прекратить приемъ вкладовъ, но Рыковъ отвѣтилъ: „каши масломъ не испортить“.

Легкій кредитъ и даже безъ возврата занятого капитала обогатилъ ли Скопинцевъ? Свидѣтель Шамоновъ показалъ что онъ былъ поручителемъ по векселямъ Аванасова на 294.000 рублей, а Аванасовъ по его векселямъ на 82.000 рублей. Суммы, какъ видите, не маленькія и для московскихъ кулцовъ, но въ результатѣ оказалось что „легкій, свободный кредитъ изъ Банка въ Скопинѣ, вызвавшій неразумную конкуренцію между торговцами, не обогатилъ, а разорилъ всѣхъ Скопинцевъ; легко деньги доставались, легко и тратились, и всѣ не нажились, а прожились“. „Скопинѣ превратился въ пустыню.“ Конкурсомъ возбуждался вопросъ даже о продажѣ съ молотка всего города Скопина какъ отвѣтственнаго (?), по смыслу положенія о Банкѣ, поручителя за долги его общественнаго банка.

Въ № 5 *Русскаго Архива* за настоящій годъ напечатано: „На зарѣ разорившаго насъ банкобѣсія, въ засѣданіи Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, послѣ многихъ рѣчей и особенно послѣ настойчивыхъ убѣжденій секретаря того Общества Ходнева и Тарасенки-Отрѣшкова, на предложеніе предсѣдателя сказать свое мнѣніе, Н. А. Везобразовъ осанисто поднялся съ кресла, отеръ уста платкомъ, сдѣлалъ видъ будто имѣеть сказать многое, и сказалъ:—Милостивые государи, пустыми банками только кровь отворяютъ.“

Ужели и послѣ столькихъ краховъ, все еще будутъ продолжать кровопусканія?

Предъ изданіемъ „Нормальнаго Положенія о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ“ „публика все энергичнѣе и энергичнѣе старалась освободиться отъ Сизифова камня, постоянно скатывавшагося на нее деньгами“; въ настоящее время о Сизифовомъ камнѣ не осталось и воспоминанія; но за то всюду лѣвки и всякіе гады...

Моск. Вѣд. № 332.

Въ Кіевѣ разбиралось на судѣ дѣло, исходъ котораго блестятельно показываетъ какъ благополучно все обстоитъ въ нашихъ судахъ.

Киевскій священникъ, отецъ Успенскій, имѣлъ несчастіе выиграть на принадлежавшій ему билетъ внутренняго займа 75.000 руб. Его начали осаждать шантажными письмами, распускать на его счетъ гнуснѣйшую клевету; въ заключеніе, газета *Заря* пустила замѣтку повѣствующую будто злополучный билетъ, на который лаяъ выигрышь въ 75.000 руб., священникъ пріобрѣлъ путемъ *подлога*: билетъ этотъ былъ де собственностью церкви, сохранился де въ церковномъ денежномъ ящикѣ, откуда былъ де взятъ священникомъ и замѣненъ другимъ; а для сокрытія этой замѣны, онъ будто бы сдѣлалъ въ реестрѣ церковнаго имущества *подчистку*. Этому обвиненію газета предпослала басню о томъ будто тотъ же отецъ Успенскій вымогалъ у умирающаго человѣка рубль за священную потребу.

Съ появленіемъ этого мерзкаго ласквиля въ печати, чаша долготерпѣнія отца Успенскаго переполнилась.

Во всей этой мерзости не было ни одного слова близкаго къ правдѣ. Не только никакой подчистки въ церковныхъ книгахъ не было, но и никакихъ выигрышныхъ билетовъ въ церковномъ имуществѣ никогда не обрѣталось. Но гнусная, не имѣвшая никакого повода ложь была задумана такъ, чтобы бросить тѣнь и вообще на православное духовенство, противъ котораго негодная газета агитируетъ систематически.

Отецъ Успенскій рѣшился, скрѣпя сердце, прибѣгнуть къ защитѣ суда „скараго, праваго и милостиваго“, къ чему его обязывала честь его сана и духовенства которое огуломъ безчестится клеветниками.

Скорый судъ протянулъ дѣло въ стадіи судебного слѣдствія *десять* мѣсяцевъ. Наконецъ, разборъ состоялся.

Въ качествѣ обвиняемыхъ фигурировали отвѣтственный редакторъ *Зари* Андреевскій (присяжный повѣренный) и ея негласный редакторъ Кулишеръ.

На судѣ Андреевскій, взываливая отвѣтственность замѣтки лозорящей отца Успенскаго на Кулишера, для объясненія напечатанія ея представляетъ анонимное письмо, на основаніи коего была де помѣщена замѣтка объ отцѣ Успенскомъ.

Письмо это, какъ обнаружилось на судѣ, состряпано ради судебного разбирательства; при этомъ такъ неискусно что подложность его тотчасъ же объявилась. Въ немъ упоминается о повѣсти *Ангель*, которая началась печатаніемъ въ *Зарѣ* уже *послѣ* появленія въ этой газетѣ клеветы на отца Успенскаго.

Тотъ же Андреевскій, въ глауменіи надъ отцомъ Успенскимъ, позволяетъ себѣ, на судебномъ разбирательствѣ, по видимому не оставовлеваемый председателемъ, укорять священника „что тотъ не желаетъ сѣдовать примѣру алостола Павла, который заповѣдывалъ 77 разъ въ день прощать оскорбившихъ“...

Другой обвиняемый, Кулишеръ, стараясь вывернуться, даетъ *ложное* показаніе указывая какъ на автора разказа объ отцѣ Успенскомъ, на г. Піотровскаго, бывшаго репортера по желѣзнодорожнымъ извѣстіямъ *Заря*. Піотровскій энергически отрицаетъ это, заявляя что уже не разъ ему приходилось брать, по настоянію этихъ честныхъ редакторовъ, на свои плечи авторство разныхъ лозорящихъ сауховъ.

„Правый“ судъ,—замѣтите безъ участія присяжныхъ заседателей, такъ что вся слава достается коронному суду,—вынесъ обвиняемымъ оправдательный приговоръ, оказавшись „милостивымъ“ къ уличеннымъ клеветникамъ и „правымъ“ къ невинно пострадавшему, подтвердивъ клевету оправданіемъ *затѣдомо* виновныхъ.

III.

Моск. Вѣд. № 347.

Слово *реформа* понимаютъ въ смыслѣ *улучшенія* существующаго порядка. Конечно, по идеѣ предполагается что всякіе новые уставы должны быть лучше старыхъ. Зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, и сочинять новые уставы если они не лучше старыхъ? Тѣмъ не менѣе *произвести реформу и дѣйствительно улучшить положеніе дѣлъ* совсѣмъ не одно и то же. Реформа означаетъ только *измѣненіе* существующаго порядка, а обратится ли это измѣненіе къ лучшему или худшему, это иной вопросъ. И графъ Протасовъ, въ качествѣ оберъ-прокурора Св. Синода, произвелъ реформу въ духовныхъ семинаріяхъ. Для исправленія надѣланнаго этою реформой зла предпринималась реформа 1869 года, которая отчасти исправила учебное дѣло, такъ что требовалось только заботливо улучшать и усиливать его въ данномъ направленіи; но въ нынѣшнемъ году учебное дѣло въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ опять потерпѣло разгромъ, который разрушилъ въ нихъ начатки классической системы, особенно необходимой для богослова, и превратилъ ихъ учебный планъ въ бессильную поумѣру, удержавъ въ учебномъ планѣ древніе языки, но безъ должной силы, а стало-быть безъ смысла и пользы, такъ

что они фигурируютъ въ учебномъ планѣ только для вида, какъ суетная прикраса совершенно неумѣстная въ училищахъ того характера, какой должны имѣть духовно-учебныя заведенія.

Но особенно опасны небудущая реформы по отношенію къ массѣ народа, къ матеріку государства. Если съ прямого пути сойдутся лишь нѣкоторые классы общества, такъ-называемая интеллигенція, то въ благопотребное время сама жизнь еще какъ-нибудь исправитъ зло и создастъ новую интеллигенцію. Но если помутится здравый смыслъ народа и народная совѣсть, если поколебается матерікъ, то исправленіе трудно и тяжкія катастрофы станутъ неизбежны.

Во всѣ вѣка существованія Русскаго государства, народная школа сѣдовала за церковью и была неразрывно связана съ нею. Въ нашей *Литовіи* отмѣчено что „ученье книжное“ сѣдовало за построениемъ церквей: „и нача Володимерь ставити по градомъ церкви и пошы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ и даати дѣти на ученье книжное“. „И ины церкви Ярославъ ставяше по градамъ и по мѣстамъ, поставляя пошы и даа имъ отъ имѣнья своего урокъ (содержаніе), веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ.“ Министръ Народнаго Просвѣщенія въ циркулярѣ къ полечителямъ учебныхъ округовъ, отъ 24 іюля настоящаго года, засвидѣтельствовалъ несомнѣнную истину что „православное духовенство съ первыхъ временъ основанія Русскаго государства стояло во главѣ распространенія образованія въ народѣ“, и что „до начала шестидесятыхъ годовъ священно-и церковно-служители были почти *единственными* учителями сельскихъ школъ; они не только учили дѣтей, но и поддерживали школы своими скудными средствами... Сотни училищъ открыты только потому что прежде священно-и церковно-служители обучали у себя на дому дѣтей и тѣмъ подготовили грамотное населеніе“. Эта строго церковная школа, вмѣстѣ со всѣмъ ваиваніемъ церкви, создала силу и мощь нашего отечества. „Какія трудности перенесъ Рускій народъ! Онъ перенесъ трудныя времена княжескихъ междоусобій, татарскаго ига, самозванцевъ и борьбы съ Поляками, а потомъ Французами; онъ великодушно подчинился реобразовательному перелому въ началѣ XVIII вѣка и аслужилъ удивленіе сдержанностью своею послѣ объявленія оу Положенія 19 февраля 1861 года. Во всѣхъ этихъ случаяхъ,

въ теченіе 900 лѣтъ, онъ имѣлъ для всей своей массы одно училище—церковь, былъ руководимъ однимъ учителемъ—духовенствомъ. Все это конечно не вело къ тому, чтобы послѣдно перемѣнить систему народнаго просвѣщенія, которая сама собою установилась и оправдана опытомъ вѣковъ.“

Если въ этой системѣ народнаго просвѣщенія и были недостатки, то, говорилъ Филаретъ митрополитъ Московскій, „удобнѣе и благонадежнѣе исправить ихъ нежели изыскивать и вводить системы новыя, искусственныя, неиспытанныя, неоправданныя, не сильно обладаживающія успѣхомъ и сильно угрожающія въ случаѣ неудачи, потому что эта неудача протрется на всю Россію. Несовершенство сельскихъ училищъ и учителей духовнаго вѣдомства происходитъ наиболѣе отъ недостатка способствъ. Учитель имѣеть потребныя свѣдѣнія: ихъ нужно лучше приспособить къ дѣлу. Пусть дадутся способности учителю и учебныя пособія для учениковъ; онъ не затруднится усвоить себѣ благонадежную методу преподаванія, даже безъ помощи особыя педагогическихъ наставленій, посредствомъ книгъ и собственнаго опыта и совѣщаній съ людьми подобнаго занятія. Надежда сія основывается на опытѣ“.

Указывалъ знаменитый іерархъ и на другія затрудненія и опасности отъ перемѣны системы народнаго просвѣщенія. „Предполагается, говорилъ онъ, образовать особыя свѣтскіе наставники которымъ будутъ ввѣрены училища, а духовенство будетъ лишь приглашаемо, гдѣ заблагоразсудитъ свѣтское начальство, къ преподаванію Закона Божія. Не говоря уже о томъ что такіа училища будутъ дорого стоить, тогда какъ теперешнія училища, руководимыя и часто содержимыя духовенствомъ, почти ничего не стоятъ, наставниковъ требуемыхъ въ великомъ числѣ не легко избрать и приготовить, между тѣмъ какъ теперь въ священнослужителяхъ представляются люди готовые и свидѣтельствованные.“ Такъ писалъ Филаретъ, но его слово оставлено было безъ вниманія.

Изобрѣли „клерикализмъ“, у церкви отняли школу; а между тѣмъ равнѣлоось „хождение въ народъ“ чтобы учить его уму-разуму... Правительство бездѣйствовало; но самъ народъ, руководствуясь только своимъ здравымъ смысломъ, счелъ должнымъ изловить первую серію подобныхъ учителей и, связавъ, представилъ ихъ по начальству.

За ними явились другіе дѣятели которые, наученные прежнимъ опытомъ, обратились къ скрытной пропагандѣ своихъ ученій. Лучшимъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей они считали руководство народною школою. „Когда взята будетъ школа, писаль ихъ учитель Писаревъ, тогда побѣда будетъ упрочена, тараканъ будетъ пойманъ. Взятіе школы составляетъ важнѣйшій результатъ побѣды и драгоцѣннѣйшій плодъ побѣды. Взять школу, значитъ упрочить господство нашей идеи надъ обществомъ.“ Крестьянскимъ дѣтямъ стали разъяснять что „у лошади четыре ноги, а человекъ есть животное двуногое и безперее“. Начали также учить ихъ „Возагъ рѣчки“ и „Ахъ, вы сѣни мои, сѣни“... Но какъ ни занимательна эта школа казалась самимъ учителямъ, народъ инстинктивно сторовился отъ нея совершенно не понимая зачѣмъ устраивать и самыя школы если въ нихъ учать „Ахъ, вы сѣни“?

Подъ предлогомъ опасности „каерикализма“, преобладающее мнѣніе о народной школѣ предоставлено не духовенству, а „земцамъ“ и „вольвопрактикующимъ педагогамъ“. Эти послѣдніе къ прежней наукѣ что „у лошади четыре ноги“ присоединили новую подъ заглавіемъ: „душевные качества свиньи, лягушки и пивки“. Особенно же они настаивали на томъ что „ученикъ народной школы, какъ будущій членъ общества, долженъ знать свое настоящее положеніе въ обществѣ, значеніе сдѣланныхъ въ послѣднее время реформъ, что ему долженъ быть показанъ выходъ изъ его настоящаго незавиднаго положенія“. Словомъ, „ученику (крестьянскому мальчику десяти, двѣнадцати лѣтъ, который только учится грамотѣ) должны быть сообщены *нѣкоторые понятія изъ социальныхъ и экономическихъ наукъ* въ примѣненіи къ крестьянскому быту, съ цѣлью развить въ ученикахъ нравственныя и гражданскія стремленія, сообщить ему хотя общее, но правильное понятіе о правахъ и обязанностяхъ его какъ человека и гражданина.“ * „Отсюда, заключаетъ другой подобный же дѣятель, прямо вытекаетъ необходимость дать дѣтямъ *вообще знакомство съ юридическими и экономическими основаніями нашей современной жизни*, а также познакомить ихъ съ *жизнедеятельностью*. Жить въ природѣ

* Тяжелыишъ на второмъ сѣздѣ езельскихъ хозяевъ въ Москвѣ, въ 1871 году.

и не думать, почему и какъ въ ней происходитъ, свойственно животному, а не человѣку.“ Имѣя въ виду народную школу *развивающую* и съ „вѣрными идеалами“ педагога-народника изъ 720 годовыхъ учебныхъ часовъ, въ первомъ году ученія на Законъ Божій оставляли только около восьми часовъ (въ годѣ), во второмъ около 15, въ третьемъ около 30! И это въ народной школѣ!..?

Но, къ счастью, несмотря на всѣ усилія народниковъ и отчасти самого правительства, масса простаго Русскаго народа еще не сбита съ толку. Послѣ школъ съ государственными льготами по воинской повинности, съ науками о *мировѣдѣннн* и о *правахъ четвертаго сословія*, крестьяне не рѣдко отдають своихъ дѣтей для *окончательнаго образованія* отставнымъ солдатамъ, церковнымъ сторожамъ и разнымъ „начетчицамъ“.

Наконецъ, 13 іюня текущаго года Высочайше утверждены „правила о церковно-приходскихъ школахъ“. Причемъ Его Величеству благоугодно было, на всеподданнѣйшей запискѣ по этому предмету, собственноручно начертать: *„Надѣюсь что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ.“*

Церковно-приходскія школы, какъ ясно видно изъ оказаннаго выше, не составляютъ какого-либо новаго изобрѣтенія. Онѣ существовали съ начала Русскаго государства и христіанства въ Россіи. До шестидесятыхъ годовъ онѣ считались десятками тысячъ и уничтожены въ угоду „народникамъ“ желавшимъ поймать *таракана*.

Школу устроить не такъ просто какъ кабакъ открыть. Легко было уронить и разрушить школу; но устроить вновь—дѣло трудное. Въ теченіе тринадцати лѣтъ отъ 1865 по 1878 годъ, вслѣдствіе борьбы съ измышленнымъ „клерикализмомъ“, число церковно-приходскихъ школъ упало съ 21.420 до 4.680. И такой-то разгромъ народной школы выдавался за „реформу“ школьнаго дѣла. Легко сказать: *двадцать одна тысяча школъ!* Скоро ли вновь откроешь ихъ и устроишь!

Еслибы дѣло шло объ одновременномъ основаніи не десятка тысячъ, а только одной тысячи и даже одной сотни вышнихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, тогда затрудненіе оказалось бы непреодолимымъ. При послѣдней реформѣ гимназій, Министерство Народнаго Просвѣщенія должно было прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, выискивать учителей даже

изъ-за границы и спеціально готовить учителей для реформированныхъ гимназій. Трудно найти соответствующихъ наставниковъ для высшихъ учебныхъ заведеній. Но въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ не о высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а о церковно-приходскихъ *начальныхъ* школахъ. Это нужно имѣть въ виду прежде всего чтобы не измышлять какихъ-либо новыхъ „учительскихъ семинарій“ и не откладывать дѣла на неопредѣленное время.

Начальная школа должна и оставаться при началѣ. Научить дѣтей *читать, писать, считать и начаткамъ ученія православной церкви*, вотъ основная задача церковно-приходскихъ школъ. Если онѣ успѣшно исполняютъ эту задачу, то этимъ самымъ окажутъ великую услугу дѣлу просвѣщенія народа. Болѣе даровитыя и любознательныя дѣти перейдутъ въ дальнѣйшія училища. Усвоившіе себѣ только простую грамотность имѣютъ возможность съ теченіемъ времени дополнить свое образованіе самостоятельнымъ чтеніемъ книгъ, Священнаго Писанія, историческихъ, по сельскому хозяйству, географіи, гигиенѣ. Можно будетъ составить особую народную библіотеку по разнымъ отраслямъ наукъ и промышленности чтобы каждый грамотный взрослый человѣкъ могъ найти и прочесть именно то что ему нужно. Но иное дѣло народная библіотека и иное народная школа. Если церковно-приходскія школы исполняютъ свою основную задачу, онѣ дадутъ народу полную возможность пользоваться народною библіотекою; но еслибы вздумали ввести эту библіотеку въ свою программу для дѣтей учащихся грамотѣ, то ничего не достигли бы кромѣ сумбура, и сдѣлали бы невозможнымъ самое свое существованіе, потому что потребовался бы сложный штатъ учителей по разнымъ наукамъ и отраслямъ промышленности, чего не можетъ вывести никакая начальная школа.

Не измышляя никакихъ новыхъ „учительскихъ семинарій“ для подготовленія наставниковъ спеціально въ церковно-приходскія школы, обратимся къ наличнымъ средствамъ духовнаго вѣдомства. Въ 1882 году православныхъ церквей въ Россіи считалось 40.596, сверхъ того, часовень и молитвенныхъ домовъ 14.167. Всего приходскаго духовенства въ священнослужительскихъ должностяхъ состояло до 45.000; въ томъ числѣ свыше 37.000 протоіереевъ и священниковъ и 7.000 діаконовъ; кромѣ того, число псаломщиковъ и причетниковъ простиралось до 40.000.

Если изъ 45.000 священнослужителей мы исключимъ цѣлую треть, которая по разнымъ причинамъ не можетъ принять участія въ церковно-приходскихъ школахъ, все же останется 30.000 вполне способныхъ и „засвидѣтельствованныхъ“ народныхъ учителей. Къ нимъ изъ общаго числа 40.000 псаломщиковъ и причетниковъ можно присоединить по крайней мѣрѣ 10.000 пригодныхъ помощниковъ. Не забудемъ что псаломщики прошли полный курсъ ученія въ духовныхъ семинаріяхъ.

До недавняго времени воспитанниковъ прежнихъ духовныхъ семинарій можно было встрѣчать во всевозможныхъ профессіяхъ, и замѣчательно что часто прямо съ семинарской скамьи они начинали вести поручаемое имъ дѣло съ такимъ умѣньемъ какъ будто именно къ этому дѣлу специально готовились многіе годы. Такова была сила стараго, дисциплинирующаго ума ученія, которое такъ неосмотрительно замѣнено винегретомъ разныхъ свѣдѣній. Воспитанники нынѣшнихъ духовныхъ семинарій, вмѣсто того чтобы съ теченіемъ времени возрасти въ силѣ, различными *реформами* разслаблены и унижены. Во многомъ ихъ опередили гимназисты; не принимаютъ семинаристовъ безъ экзамена и въ университеты. Тѣмъ не менѣе они все же стоятъ несравненно выше воспитанниковъ такъ-называемыхъ учительскихъ семинарій; потому что въ духовныхъ семинаріяхъ ученики проходятъ хотя недостаточную для подготовленія къ высшей богословской наукѣ школу, но все же дѣйствительную и продолжительную школу, тогда какъ въ учительскихъ семинаріяхъ ничего нѣтъ кромѣ простой дрессировки. Духовная семинарія несравненно болѣе соответствуетъ требованіямъ науки въ высшемъ смыслѣ этого слова чѣмъ учительская семинарія. Воспитанникъ духовной семинаріи, по самой продолжительности пройденнаго имъ курса, можетъ съ полнымъ правомъ считаться представителемъ просвѣщенія въ средѣ народа, независимо отъ своего богословскаго характера. Онъ владѣетъ образованіемъ безспорно превосходящимъ все чего можетъ потребовать народное обученіе.

Итакъ, учителя вполне пригодные для церковно-приходскихъ школъ уже имѣются на лицо. Теперь вопросъ только въ томъ какъ лучше организовать церковно-приходскія школы и затѣмъ энергичнѣе приступить къ самому дѣлу обученія народа.

Моск., Вѣд. № 346.

Святѣйшій Синодъ, преловождая къ подлежащему исполненію Высочайше утвержденныя правила о церковно-приходскихъ школахъ, выражаетъ надежду что священники, руководствуясь 10 правиломъ седьмага вселенскаго собора, будутъ помнить что имъ „*паче всего подобаетъ учить отроковъ, читая имъ Божественное Писаніе, ибо для сего и священство получили*“. Подольскій епархіальный училищный совѣтъ входилъ въ специальное разсмотрѣніе вопроса объ учителяхъ въ церковно-приходскихъ школахъ и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: „Для того чтобы дѣло народнаго образованія въ духѣ святой вѣры могло совершаться съ желаемымъ успѣхомъ, чтобы церковно-приходскія школы могли быть открыты и существовать съ дѣйствительною пользою для народа по возможности во всѣхъ приходяхъ, прежде всего и паче всего необходимо чтобы всѣ священники глубоко сознали высоту своего призванія по отношенію къ своимъ прихожанамъ, чтобы слова Господа Спасителя, выражающія самую существенную обязанность пастырей церкви: *идите научите естъ народы* (Мѣ. XXVIII, 19) и слова седьмага вселенскаго собора ни у одного изъ нихъ никогда не переставали быть важнѣйшимъ предметомъ размышленій, желаній и стремленій, чтобы каждый священникъ всегда твердо помнилъ и глубоко сознавалъ что онъ пренебрегая священной своею обязанностию учить своихъ пасомыхъ и заботясь главнымъ образомъ о своихъ только матеріальныхъ выгодахъ (Филипп. II, 21) не только подлежитъ суду Божию и суду Св. Церкви, но и является въ самой народной средѣ предметомъ негодованія и соблазна какъ человекъ незаслуженно пользующійся матеріальнымъ вознагражденіемъ за то дѣло котораго онъ или вовсе не исполняетъ, или исполняетъ небрежно, безъ должнаго усердія“ (Иезек. XXXIV, 3—10).

Подольскій епархіальный училищный совѣтъ обсуждалъ и препятствія какія могутъ встрѣчаться при учительствѣ священниковъ въ церковно-приходскихъ школахъ,—именно такъ называемыя требы и другія церковныя дѣла, должности благочиннаго, депутата и т. д. „Въ указаніяхъ на такія препятствія, по мнѣнію епархіальнаго совѣта, нельзя не признать значительной доли правды. Не только во многолюдныхъ приходяхъ заключающихся въ себѣ отъ 1.500 до 2.000 и

болѣе душъ, но даже и въ тѣхъ которые гораздо менѣе населены, священники могутъ встрѣчать прелатствія къ аккуратному посѣщенію школы. Ученье начинается обыкновенно осенью, съ первыхъ чиселъ октября, и продолжается до 1 мая. Но въ это самое время у сельскихъ священниковъ бываетъ особенно много занятій по приходу. Во многихъ приходяхъ съ сентября до 14 ноября почти ежедневно бываетъ богослуженіе въ церкви, ланнихиды по домамъ, освященіе новоустроенныхъ или обнволенныхъ домовъ и т. п. Въ это же время, чаще всего неблагопріятное въ санитарномъ отношеніи, проявляется въ сельскомъ населеніи смертность, почему священникъ часто долженъ напутствовать и погребать умершихъ. Въ продолженіе почти всего Великаго Поста бываетъ говѣніе и почти ежедневно служеніе... Но изъ этого, предупреждаетъ подольскій епархіальный училищный совѣтъ, ни мало не слѣдуетъ заключать чтобы священники имѣли право отказываться отъ принятія на себя обязательной ответственности за безучастное отношеніе къ школѣ и за безуспѣшность обученія въ ней дѣтей. Ни въ одномъ приходѣ, какъ бы онъ ни былъ многолюденъ, священникъ не лишенъ возможности, если не ежедневно, то по крайней мѣрѣ два, три раза въ недѣлю провести по одному часу въ школѣ. Были примѣры что священники, жившіе въ подгородныхъ приходяхъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 1.000 душъ обоаго пола, въ приходяхъ съ двумя, тремя поселками на разстояніи отъ главнаго населенія въ 3—4 верстахъ, аккуратно исполняя свои обязанности по приходу, въ то же самое время исполняли должность учителей въ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыя на уроки ежедневно являлись неопустительно. Священникъ, совершивъ богослуженіе и собираясь совершать въ приходѣ требы: погребенія, ланнихиды, крещенія, освященія дома, всегда предъ такими требами можетъ удѣлать если не цѣлый часъ, то по крайней мѣрѣ полчаса, чтобы посѣтить школу, побесѣдовать въ ней съ дѣтьми и присмотрѣть какъ идетъ дѣло обученія. Должности благочиннаго и депутата не могутъ прелатствовать священникамъ быть заботливыми о школѣ. Изъ отчетовъ за 1882 годъ видно что есть благочинные, обремененные отъ епархіальнаго начальства частыми порученіями... которые своимъ усердіемъ къ школьному дѣлу поставили школы своихъ приходовъ на значительную стелень благосостоянія.“

Итакъ, по Высочайше утвержденнымъ правиламъ о церковно-приходскихъ школахъ, обязанность учить въ нихъ лежитъ на священникахъ, но обязанность эта распространяется и на всѣхъ членовъ причта. Лица не входящія въ составъ причта могутъ быть допускаемы къ учительской должности только съ утвержденія епархіальнаго архіерея и то подъ наблюденіемъ священника.

Тѣмъ не менѣе, въ церковно-приходской школѣ въ сущности не оказывается ни одного опредѣленнаго учителя который бы въ извѣстные часы непремѣнно являлся въ школу. По даннымъ сообщеннымъ подольскимъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ, священникъ можетъ не заглянуть въ школу съ сентября до 14 ноября. То же самое можетъ случиться и во весь Великій Постъ. Когда совершаетъ богослуженіе священникъ, обыкновенно при немъ находится и псаломщикъ. Діаконы же въ настоящее время имѣются только въ рѣдкихъ сельскихъ церквахъ. Спрашивается: кто же будетъ преподавать въ церковно-приходскихъ школахъ съ сентября до 14 ноября и во весь Великій Постъ? Сомнительно, чтобы при такихъ условіяхъ могла процвѣтать церковно-приходская школа. Предположимъ что священнику представится случай „два, три раза въ недѣлю провести по одному часу въ школѣ“: для церковно-приходской школы это болѣе чѣмъ недостаточно и не далеко отстоитъ отъ училищъ Корфа, гдѣ полагалось на Законъ Божій 8—15—30 часовъ въ годъ. Но тамъ имѣлись другіе учителя; здѣсь же дѣти пришедшія въ школу могутъ остаться безо всякаго учителя и будутъ представлены рѣшительно самимъ себѣ. Что же это за школа?

Для правильной постановки обученія дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ необходимо выдѣлить изъ причта опредѣленное лицо, которое, принадлежа къ церковному причту, въ то же время не было бы связано всѣми случайностями церковныхъ требъ. Такое лицо—діаконъ.

Еще задолго до изданія положенія о церковно-приходскихъ школахъ, намъ доводилось говорить объ этомъ предметѣ. Чтобы не перифразировать своихъ словъ, мы припомнимъ сказанное нами въ № 290 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1882 годъ:

„Священнослужитель, вотъ по преимуществу призванный народный учитель, и вездѣ гдѣ государство не находится въ орбѣ съ церковью стараются народную школу удерживать

сколь можно въ тѣснѣйшей связи съ религіозными учрежденіями.

„Но что́ хорошо въ идеѣ, то можетъ оказаться неудобнымъ на практикѣ. Если поручимъ народную школу священнику, то не затруднимъ ли его дѣломъ которому онъ не можетъ должнымъ образомъ посвятить себя, и не пострадаетъ ли отъ этого дѣло школьнаго обученія? Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли процвѣтать школа находясь въ завѣдываніи лица для котораго она будетъ лишь случайнымъ, какъ бы мимоходнымъ занятіемъ? На священникѣ лежатъ обязанности не всегда совмѣстныя съ регулярными учебными занятіями. Но почему же непременно только на священника возлагать обязанности школьнаго обученія? Кромѣ пресвитерства, православная церковь знаетъ еще діаконство. Званіе діакона есть апостольское установленіе, а между тѣмъ оно превратилось въ предметъ какой-то церковной роскоши, такъ что въ сельскихъ церквахъ діаконъ, въ видахъ экономіи, оказался излишнимъ. Боготѣліе богослуженія съ устраненіемъ діакона пострадало, но все существенное въ богослуженіи и всякая церковная треба можетъ совершаться безъ его участія. Неужели однако, при самомъ началѣ Христовой церкви, апостолы установили несущественную и излишнюю церковную должность? Въ апостольской церкви, какую должна быть Церковь Православная, діаконство не должно быть только роскошью, безъ которой церковь можетъ обходиться. Діаконъ учрежденъ не для однихъ только возглашеній при богослуженіи. Діаконство также не есть только стулечъ ко пресвитерству. Подчиненный іерею при богослуженіи, діаконъ имѣетъ, кромѣ того, при церковномъ дѣлѣ свое самостоятельное положеніе. Въ первоначальной церкви, вѣрующіе собирались не только для общей молитвы, но и на общую трапезу. Избраннымъ и освященнымъ апостолами лицамъ поручены были заботы объ общей трапезѣ. Первоначальнымъ происхожденіемъ опредѣляется существенное значеніе діаконства. Христова вѣра изъ малой общины распространилась по лицу всего міра; вѣрующіе не собираются на общую трапезу въ притворахъ церковныхъ, но апостольское учрежденіе не должно оставаться празднымъ. Діаконъ сохранить свое значеніе завѣдывая духовною трапезой, служа дѣлу народнаго обученія подъ свѣтло церкви. Вотъ по преимуществу призванный народный учитель. Давая священнои должности діакона такое назначеніе, мы сохраняемъ

ее для церкви, а вмѣстѣ удерживаемъ при церкви народную школу. Всѣ церковныя требы іереев исполняютъ и безъ помощи діакона, который можетъ неуклонно посвящать свою дѣятельность школъ своего прихода. Его не оторвутъ во время урока для налутствія умирающаго, для крещенія новорожденнаго и для другихъ церковныхъ требъ. Въ учебные дни онъ въ школъ, а въ воскресные и праздничные онъ сослужитъ іерею, что для прихода также не лишено важности. Трудно было содержать діаконѣвъ въ сельскихъ приходахъ; однако желательно не только для благодѣлія, но и для ясности богослуженія, чтобы діаконѣвъ возвратился и въ сельскіе храмы. Вмѣсто того чтобы учреждать во множествѣ учительскія семинаріи не лучше ли обратить расточаемыя на это средства на содержаніе діаконѣвъ, которые со своимъ священнымъ званіемъ соединяли бы обязанности учителя народной школы? Самое обученіе выиграло бы чрезъ это въ единствѣ. Одинъ и тотъ же наставникъ преподавалъ бы и Законъ Божій и все другое. Мальчики и дѣвочки приучались бы къ церкви, а не отучались бы отъ ней, и чрезъ ея горнило проходило бы все то что имъ требуется знать и что они могутъ съ пользою усвоить.“

Въ нѣкоторыхъ малочисленныхъ и бѣдныхъ приходахъ окажется недостатокъ средствъ на содержаніе діакона. Но почему же къ такимъ приходамъ не придти на помощь цѣлой епархіи и самому государству? Церковноприходскія школы имѣютъ не церковное только, но и государственное значеніе.

Еще необходимое какъ для самаго открытія церковноприходскихъ школъ, такъ и для успѣшнаго веденія въ нихъ дѣла *единенія* между нашими многоразличными вѣдомствами. Если бы всѣ представители государственной и церковной власти дѣйствовали энергически и дружно, можно бы теперь же открыть до 40.000 церковноприходскихъ школъ. Въ учителяхъ способныхъ и „засвидѣтельствованныхъ“ недостатка не было бы.

Что высказанное предположеніе не иллюзія, а удобоисполнимо и на самомъ дѣлѣ, это наглядно показываетъ тотъ общезвѣстный фактъ что вскорѣ послѣ дарованія крестьянамъ воли, по призыву Арсенія, митрополита Киевскаго, церковноприходскія школы были открыты почти во всѣхъ приходахъ Киевской епархіи не на бумагѣ только но и на самомъ дѣлѣ. Въ Киевской епархіи предварительно не пред-

принималось тогда никакихъ приготовленій. Довольно было одного призыва обращеннаго къ духовенству отъ лица митрополита Киевскаго. Осуществимое въ Киевской епархіи, осуществимо и въ другихъ епархіяхъ, была бы добрая воля и единеніе между нашими различными вѣдомствами.

Тѣмъ прискорбнѣе при самомъ же началѣ дѣла отиѣчать факты совершенно противоположнаго свойства. Вотъ священникъ убѣдилъ своихъ прихожанъ открыть училище при своей церкви, изыскалъ и средства къ построенію училищнаго зданія. Оставалось приступить къ постройкѣ зданія и открытію училища, но не такъ на самомъ дѣлѣ. Священнику потребовалось *болѣе двадцати разъ пріѣзжать изъ своего села въ консисторію чтобы хлопотать о дѣлѣ*. Говорятъ что въ консисторіяхъ дѣла рѣдко рѣшаются безъ нѣкоторыхъ приложений; но предположимъ что въ данномъ случаѣ ихъ не было, все же чего стоить двадцать разъ за десятки верстъ проѣхать въ городъ и обратно и—зачѣмъ же? Чтобы хлопотать о разрѣшеніи открыть училище. Каждый, конечно, готовъ спросить, да о чемъ же тутъ хлопотать? И однакожь мы не сочиваемъ, хотя и не называемъ именъ, имѣя въ виду дѣло, а не лица. За то какъ упрощено у насъ открытіе заведеній „расливною и на выносъ“. Вотъ и другой примѣръ подобнаго же рода: помѣщикъ на свой собственный счетъ выстроилъ зданіе для училища и обратился къ епархіальной власти съ просьбой дать ему особаго діакона который бы былъ и учителемъ въ предложенной школѣ. Но и до сего времени просьба помѣщика остается безъ удовлетворенія...

Душа не угашайте, заповѣдуетъ Апостоль.

IV.

Моск. Вѣд. № 351.

Съ легкой руки князя Бисмарка Европа принялась за Африку не на шутку. Африканскіе и вообще колоніальные интересы Европейскихъ державъ плодятся чуть не ежедневно и угрожаютъ оттѣснить на задній планъ даже интересы пресловутаго европейскаго равновѣсія. Впрочемъ, взглядъ на условія этого равновѣсія, укоренившійся было въ европейскихъ дипломатическихъ сферахъ, могъ бы теперь, кажется, измѣниться. Вслѣдъ за неудачей послѣдней Лондонской конференціи, на коей лордъ Гранвилль оказалъ своей странѣ медвѣжьью услугу, державы какъ бы рѣшились сдѣлать опытъ

что будетъ если не признать надменнаго Альбіона главною спицею въ европейской колесницѣ. Опытъ удался благополучно, и худаго пока еще ничего не видно. Французская печать увѣряетъ даже что безъ англійской опеки жить будетъ легче.

Африканскій караванъ почать съ четырехъ концовъ: на рѣкѣ Конго, въ Египтѣ, въ Аденскомъ заливѣ и въ Южной Африкѣ. Аллетить державъ, по англійскимъ отзывамъ, разыгрался въ данномъ случаѣ на счетъ утѣсняемыхъ британскихъ интересовъ. Едва ли не наиболее обиднымъ для англійскаго самолюбія является положеніе дѣлъ въ Калской колоніи, а особенно на сѣверо-востокѣ ея, со стороны Трансваала. Хотя о высадкѣ въ Келтаунѣ военно-дипломатическаго агента Великобританіи, сэръ-Чарлза Уоррена, возвѣщено чуть не съ трубами и литаврами, но Буры, покровительствуемые Германіей, измѣряютъ повидимому на своей аршинъ истинное достоинство этого, разчитаннаго на эффектъ, англійскаго шага. Они знаютъ что за импровизованнымъ полководцемъ нѣтъ иныхъ силъ кромѣ необстрѣленной дружины волонтеровъ, да и та неизвѣстно попадетъ ли въ дѣло, такъ какъ у Сентъ-Джемскаго кабинета не одна забота.. По извѣстіямъ *Times* изъ Дурбана, Трансваальскіе Буры удалились въ предѣлы установленныя Лондонскою конференціей, но агенты ихъ въ землѣ Бечуановъ продолжаютъ вербовать вооруженныя силы въ Трансваалѣ и Оранской республикѣ. Въ официальныхъ сферахъ Преторіи относятся съ недоувѣріемъ къ англійскимъ угрозамъ вооруженнаго вмѣшательства. Изъ страны Зулуевъ получены тоже тревожныя вѣсти. Буры намѣрены де отнять силой значительное пространство земли у тамошняго племени Узутовъ... Непріятное впечатлѣніе произведенное въ Лондонѣ этими извѣстіями усилилось въ особенности слухомъ будто Германія намѣрена занять бухту Делагоа, въ углу между границами Трансваала и страны Зулуевъ, а также что въ Берлинѣ готовятся основать колоніи на островахъ Южнаго Океана, Новой Ирландіи, Новой Британіи и въ сѣверовосточной части Новой Гвинеи. Вторая половина слуха объявлена сбывшеюся въ германской официальной печати.

Желая сохранить свое значеніе на Нигерѣ, Англія поступилась своими притязаніями на Конго, и державы оцѣнили ея уступчивость. Англійскій протекторатъ надъ нижнимъ тече-

ніемъ Нигера признавъ резолюціей Берлинской конференціи. Форма, однако, въ коей состоялось это рѣшеніе едва ли можетъ быть для Англіи пріятна. Поставивъ землевладѣльческія права Англіи въ зависимость отъ тѣхъ законовъ кои еще имѣютъ быть выработаны конференціей, державы присовокупаютъ: „Франція принимаетъ на себя въ той же формѣ и съ тѣми же оговорками обязательство относительно тѣхъ водъ Нигера, его рукавовъ и притоковъ кои находятся подъ ея верховенствомъ или протекторатомъ; равно и каждая изъ подписавшихся подъ симъ державъ обязывается тѣмъ же, въ случаѣ если ей придется въ будущемъ имѣть верховенство или протекторатъ надъ частію водъ Нигера, его рукавовъ и притоковъ.“ Словомъ, Англіи предоставлено дѣлать владѣніе Нигеромъ съ иными государствами и при одинаковыхъ съ ними условіяхъ.

21 декабря, дипломатическіе агенты Россіи и Германіи получили окончательный отвѣтъ египетскаго министерства на извѣстное требованіе ихъ правительства. Отвѣтъ этотъ уклончивъ, не взирая на то что правительство хедива было предувѣдомлено о твердомъ намѣреніи помянутыхъ великихъ державъ настаивать на положительномъ отвѣтѣ. Нубаръ-паша отозвался именно что Египетъ не можетъ отъ своего лица произвести измѣненія въ договорѣ о ликвидаціи, но что усматривая склонность Франціи, Австріи и Италіи уважить требованіе Россіи и Германіи, онъ готовъ удовлетворить это требованіе какъ скоро то будетъ дозволено всѣми державами подписавшими договоръ. „Это, говоритъ *Standard*, лишь небольшая пауза въ дипломатической игрѣ. Это лишь мелодраматическое указаніе на истинное развитіе дѣйствія. Г. фонъ-Деренталь (германскій дипломатическій агентъ) сказалъ Нубаръ-пашѣ свое слово. Теперь очередь за лордомъ Гранвилемъ дать надлежащую инструкцію сэръ-Эвелину Берингу, а тотъ уже направить хедива.“ Самая процедура затребованія отвѣта произошла, по извѣстіямъ *Standard*, такъ: въ субботу, 21 (9) декабря были сдѣланы шаги въ томъ смыслѣ чтобы всѣ кого это касается были въ извѣстности о намѣреніяхъ Берлина и С.-Петербурга отнестись къ дѣлу съ непреклонною серіозностью (*terribly in earnest*). Генеральные консулы обѣихъ державъ, явившись къ Нубаръ-пашѣ, повторили требованіе отвѣта на предъявленную ими ноту. Свиданіе ихъ съ министромъ длилось долго и, надо полагать, имѣло оживленный

характеръ. Нубаръ-паша, какъ и прежде, пытался отдѣлаться отъ посѣтителей завѣреніемъ что, лично симпатизируя ихъ настояніямъ, онъ не имѣетъ сдѣлать на нихъ никакого прямого возраженія. Но, въ виду обстоятельствъ настоящаго момента, даже и формальное признаніе законности требованія Россіи и Германіи становится, де для Египта невозможнымъ пока державы не произнесутъ своего мнѣнія о Египетскомъ вопросѣ, въ томъ видѣ какъ оный поставленъ англійскимъ финансовымъ проектомъ. Гг. Хитрово и фонъ-Деренталя приготовились, конечно, къ подобному отвѣту, и сводить дѣло на нѣтъ было не въ ихъ намѣреніяхъ. Они возразили поэтому напрямикъ что уклончиваго отвѣта не принимаютъ, но хотятъ слышать намѣренъ или нѣтъ хедивъ удовлетворить ихъ требованіе. Если нѣтъ, то пусть онъ отвергаетъ его и приметъ на себя отвѣтственность за послѣдствія.

Итакъ, египетскій инцидентъ снова обострился, и положеніе дѣлъ стало столь же серіознымъ какъ оно было всадъ за нарушеніемъ договора о ликвидаціи.

Недавно, по поводу газетныхъ криковъ объ упадкѣ флота кои палата общинъ прекратила щедрымъ даваніемъ на морское дѣло, въ Лондонѣ принялись было говорить о выгодахъ и невыгодахъ островнаго положенія Англій, въ связи съ ея колониальною разбросанностью. Нынѣшній моментъ какъ нельзя болѣе требовалъ бы, кажется, сосредоточеннаго раздумья англійскихъ патриотовъ о томъ вопросѣ который г. Морлей характеризовалъ выраженіемъ: „Британскій левъ не стоюжка“.

Моск. Вѣд. №№ 344 и 336.

Резолюція, принятая въ принципѣ Берлинскою конференціей, о распространеніи идеальной сферы торговаго бассейна рѣки Конго по Индійскій океанъ не замедлила найти себѣ практическое примѣненіе въ самоуправныхъ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ державъ въ Красномъ Морѣ. Споръ за Африку уже перенесенъ фактически въ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ и его сосѣдство. Тамъ сосредоточилась теперь борьба интересовъ европейской колониальной политики.

Еще недавно единственными опорными пунктами морскихъ силъ Европы были въ этихъ краяхъ Англійскій Перимъ, Французскій Обокъ, Италіанскій Ассабъ. Въ послѣднее время Англійскій приобрѣтены тамъ Бербера и Зейла, Франціей—

Таждуря; Италія, если вѣрять газетамъ, только что завладе Зуллу, городъ съ территоріей на африканскомъ берегу, между Массавой и Ассабомъ. Сходство между именами Зуллы и Английской Зейлы ввело было въ заблужденіе лондонскія и нѣвыя газеты. По этому поводу возникло даже пререканіе между двумя италіанскими органами: агентствомъ *Stephani* и газетой *Popolo Romano*. Побѣда осталась за газетой, которая удостовѣряетъ что судно италіанскаго флота *Messaggero* заняло именно Зуллу, присовокупляя что берегъ отъ этого города до Ассаба, присоединенный Италіей, имѣетъ около 107 километровъ протяженія. „Мы полагаемъ“, заключаетъ *Popolo Romano*, „что занятіе Зуллы не возбудитъ претензій, такъ какъ правительство наше безъ сомнѣнія совершило этотъ актъ съ надлежащими предосторожностями.“ Зуллѣ суждено вѣроятно, наряду съ Ассабомъ, стать краеугольнымъ камнемъ италіанскаго усиленія на Красномъ Морѣ. По свѣдѣніямъ французскихъ газетъ изъ Рима, г. Манчини видимо намѣренъ дать тамошней италіанской колонизаціи широкое развитіе вдоль по берегу и во глубь материка. Настроеніе римской печати вполне отвѣчаетъ предлагаемымъ видамъ министра. Газета *Opinione* говоритъ о вѣроятномъ расширеніи сферы занятій Берлинской конференціи и о томъ что на основаніе за могутъ поступить такіе вопросы въ которыхъ непосредственно заинтересована Италія. Нынешнему италіанскому кабинету слѣдуетъ де повтому готовиться къ твердой и рѣшительной политикѣ. *Nuova Antologia*, посвящая статью колоніальнымъ интересамъ Италіи, заключаетъ оную словами: „будущность принадлежитъ тѣмъ кто умѣетъ ее для себя приготовить, а счастливые случаи рѣдко повторяются. Если мы не воспользуемся тѣмъ случаемъ который намъ представляется теперь, то намъ останется лишь примириться съ бѣдственными результатами собственнаго бездѣйствія“. Французскія газеты намекаютъ что Англія поощряетъ Италію къ колоніальнымъ предпріятіямъ. Не намѣрена ли Англія воспользоваться этою державой какъ ширмами для своихъ замысловъ? Не въ видѣ ли взятки предлагается поощреніе?

Кромѣ занятія Зуллы Италіей, въ Бабъ-эль-Мандебскомъ проливѣ есть еще новость, а именно сдѣлка состоявшаяся между двумя торговыми фирмами, французскою и нѣмецкою, о продажѣ первую территоріи въ проливѣ, на Аравійскомъ

берегу, противъ острова Перима, съ небольшимъ въ верстахъ отъ послѣдняго. Знаменитое имѣніе фирмы Людерца, Ангра-Пеквена, надѣлаа уже столько шуму что и помянутое извѣстіе о новой покупке земли въ Африканскихъ водахъ германскою фирмой слѣдуетъ признать сенсационнымъ; такимъ и признается оно повсемѣстно. Дѣйствительно, для Ангаіи это извѣстіе есть поводъ къ возбужденію недоразумѣній между Франціей и Германіей. Франція, если судить по парижскимъ газетамъ, обнаруживаетъ нѣкоторую склонность смотрѣть косо на нѣмецкую покупку. Впрочемъ, сомнѣваясь съ одной стороны въ томъ чтобъ извѣстіе было вполне вѣрно, французская печать изливаетъ въ то же время свой гнѣвъ на несчастную марсельскую фирму *Baud, Babazin et C.*, которая якобы уже получила свои 160.000 фунтовъ стерл. Негодование Французовъ основано на томъ что помянутая территория, носящая имя *Шейхъ-Саудъ*, приходится какъ разъ насупротивъ Таджурь, и слѣдовательно Французамъ предстоитъ вѣроятно; помириться кромѣ англійскаго и съ германскимъ сосѣдствомъ; въ проливахъ же сосѣди непріятны. Нѣкоторыя газеты тѣснятъ кабинетъ Ферри занять *Шейхъ-Саудъ* отъ имени Франціи, по праву государства отчуждать въ свою пользу земли своихъ подданныхъ когда въ этомъ является необходимость; газеты усматриваютъ такую необходимость въ смиреніи Ангаичанъ на Перимѣ. „Построивъ форть на вершинѣ Бабъ-эль-Мандебскаго мыса, завѣряетъ *France*, мы могли бы командовать островкомъ который украли у насъ Ангаичане.“ *Temps* имѣетъ, впрочемъ, смѣлость не раздѣлять этихъ патріотическихъ увлеченій. Эта газета утверждаетъ что съ горы Мандебъ обстрѣливать Перимъ нельзя, и что, напротивъ того, Шейхъ-Саудъ открытъ для дѣйствія Перимскихъ орудій. Притомъ же для Франціи довольно де и Таджурь, не говоря уже о томъ что дробить свои силы въ проливѣ было бы для нея невыгодно...

Между тѣмъ, въ числѣ претендентовъ на Африканское побережье къ сѣверу и югу отъ пролива даже и не упоминается государство права коего на владѣніе этими территориями имѣютъ наибольшее основаніе. Мы говоримъ объ Абиссиніи. Завоевавъ пребрежныя магометанскія области Марасъ и Адеа (береговая полоса отъ Массавы до Зейлы) въ двадцатыхъ годахъ четырнадцатаго вѣка, абиссинскіе государи владѣли ими вплоть до англійскаго погрома, жертвой коего

сталъ король Θεодоръ. Съ тѣхъ поръ, подлавъ лишь фиктивному господству Египта, край этотъ былъ поприщемъ кровавыхъ раздоровъ между мелкими туземными владѣтелями. Вмѣшательство Англіи въ судьбы его, заключившееся неудачною миссіей адмирала Юэга, значительно ухудшило тамъ положеніе дѣлъ. Король Іоаннъ кается что, уступивъ аягліискимъ настояніямъ, согласился подписать договоръ не приблизившій Абиссиніи къ морю, но лишь взваившій ей на плечи оборону католическихъ и протестантскихъ миссій въ Керенѣ и Массавѣ противъ полудикихъ магометанскихъ племенъ въ которыхъ Англія разожгла грабительскіе инстинкты и фанатизмъ, повергнувъ ихъ въ анархію во имя отслуживающаго ей свою службу принципа: „Судавъ для Суданцевъ“. Это своего рода доктрина самоуправленія примѣняемая хищною политикою къ варварскимъ племенамъ...

V.

Моск. Вѣд. № 336.

Историческія части древней Эіоліи, составляющія нынѣшнюю Абиссинію, очень замѣчательны. Эта темнокожая нація съ кавказскимъ типомъ лица, населяя страну окруженную мусульманскими племенами, изстари считала себя лоборвицей христіанской вѣры. Государя ея считаютъ изученіе Священнаго Писанія своимъ долгомъ, любятъ религиозныя пренія и опыты въ нихъ. „Во время одной изъ аудіенцій, разказываетъ извѣстный путешественникъ Герхардтъ Рольфъ, посѣтившій Абиссинію въ 1881 году во главѣ Германской миссіи, король держалъ ко мнѣ почти двухчасовую рѣчь... Для этого племени термины: Абиссинецъ и христіанинъ тождественны. Въ глазахъ туземцевъ лишь тотъ Абиссинецъ кто христіанинъ“....

Абиссинская религія есть захудалая вѣтвь Восточной Церкви, образовавшаяся еще до раздѣленія Церкви, даже до Халкидонскаго собора. Абиссинцы отнюдь не сознательные еретики, а скорѣе отщепенцы Вселенской Церкви, къ которой возвращеніе ихъ всегда возможно, но не чрезъ Западъ, а только чрезъ Востокъ.

Вѣрно то что западная пропаганда не можетъ имѣть успѣха въ Абиссиніи. Вся духовная структура ея народа влечетъ его къ центру восточнаго христіанства и стало-быть къ Россіи. Кстата припоминаемъ сообщенное нашимъ берлинскимъ корреспондентомъ (*Моск. Вѣд. № 309*) письмо

негуса Абиссиніи, въ семидесятыхъ годахъ адресованное имъ къ „Царю Сѣвера, единственному Царю вѣрныхъ христіанъ“, письмо заклинающее Императора Всероссійскаго именемъ Православной Церкви принять Абиссинію подъ свою защиту отъ невѣрующихъ. Эти невѣрующіе съ которыми Абиссинія имѣла тогда дѣло были войска египетскаго хедива... и Англичане которые натравливали мусульманскій фанатизмъ и помогали ему противъ Абиссиніи.

Упрекая Абиссинцевъ въ жестокомъ способѣ веденія войны, какъ несогласномъ съ христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ, кое-гдѣ на западѣ пытаются тѣмъ самымъ доказать ихъ невѣроятность съ точки зрѣнія международнаго права. Чтобы усмотрѣть тщету подобнаго толкованія стоить только припомнить какъ велись въ свое время войны христіаннѣйшими королями Европы. Абиссинцы, впрочемъ, народъ далеко не дикій; имъ знакомы напримѣръ много ремеслъ и даже художествъ, но при всей своеобразности ихъ культуры сравнивать ее съ европейскою было бы, конечно, преждевременно. Что касается нравственныхъ достоинствъ этого племени, то Европейцы, кои имѣли случай ознакомиться съ нимъ, отзываются о немъ съ похвалою.

И тѣмъ не менѣе, подъ предлогомъ дикости Абиссинцевъ, ихъ лишаютъ того на что они имѣютъ законнѣйшее право; Абиссинія владая еще недавно всѣмъ протяженіемъ берега отъ Массавы до Цейлы включительно. Египетъ при хедивѣ Измаилѣ оттягалъ у Абиссиніи этотъ берегъ, воспользовавшись бѣдствіемъ этой страны вслѣдствіе Англійскихъ репрессалій. Нынѣшній Абиссинскій король Иоаннъ обращался въ 1879 году черезъ греческаго консула Мацаки съ циркулярнымъ посланіемъ къ державамъ, въ коемъ просилъ ихъ помочь ему въ восстановленіи его полнанныхъ правъ и положить конецъ волюющей несправедливости, въ силу коей Абиссинія, отдѣленная отъ Краснаго Моря узкою полосой земли, лишена всякаго доступа къ этому морю. Просьба короля Иоанна не была въ то время удостоена вниманія. Абиссинія претендуетъ именно на прекрасную Аннеслейскую бухту къ югу отъ Массавы, гдѣ нынѣ не увидишь и рыбацехъ лодки. Но не сегодня-завтра въ этой бухтѣ можетъ появиться Британская эскадра. „Не подлежитъ сомнѣнію“, пишетъ вышеупомянутый германскій агентъ г. Герхардтъ Рольфъ, „что Англія рано или поздно займетъ относительно Абиссиніи

такое положеніе, при коемъ станетъ неизбѣжнымъ рѣшеніе вопроса: долженъ ли этотъ край остаться самостоятельнымъ или подлать Британскому владычеству. Если Абиссиніи сѣдуетъ воспользоваться благами европейской цивилизаціи, то ей долженъ быть предоставленъ доступъ къ морю; безъ этого для нея не можетъ быть спокойствія, и торговля ея не разовьется. Абиссиніи нужно хотя нѣмного берега, тогда какъ безъ территорій Мензы и Богоса она могла бы и обойтись. Негусъ-негеста (царь-царей: этимъ титуломъ именуется себя Абиссинскій властитель имѣющій подъ своимъ скипетромъ коронованныхъ вассаловъ) смотритъ на возвращеніе этихъ земель какъ на вопросъ Абиссинской чести. Но отрѣзать народъ отъ моря значитъ осудить его на смерть. Спрашивается: быть ли Абиссиніи Британскою или независимою приморскою страной? Средняго исхода для нея нѣтъ!⁶

Нѣсколько словъ недавно сказанныхъ нами въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* объ Абиссиніи были уже замѣчены въ Лондонѣ. Газета *Times* удивляется зачѣмъ это мы заговорили объ Абиссиніи и недоумѣваетъ какъ это есть въ Россіи патріоты которые хотятъ основывать политическіе интересы своей страны на религиозномъ элементѣ. Въ самомъ дѣлѣ не лучше ли подражать патріотамъ которые основываютъ политическіе интересы своей страны на манчестерскихъ ситцахъ и индійскомъ оліумѣ?

При семъ номерѣ прилагаются особыя объявленія: 1) отъ издамн газетъ ГОЛОСЪ МОСКВЫ и 2) о подпускѣ на журналъ НИВА.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, а равно для учительскихъ и ученическихъ библіотекъ, учительскихъ семинарій, городскихъ и народныхъ училищъ. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ, составленный по современнымъ латинскимъ словарямъ Ананьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ и изданный П. Леонтьевымъ. Ц. 4 р., пересылка за 5 фунтовъ.

СОКРАЩЕННЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ АНАНЬЕВА, изданный П. М. Леонтьевымъ. Изданіе второе пересмотрѣнное. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 25 к.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78) ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно и для городскихъ уѣздныхъ училищъ. 1878. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ТУРЕЦКІЕ АНЕКДОТЫ. Изъ тридцатипятихъ воспоминаній Михаила Чайковскаго (Садыкъ-лаши). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ИЗЪ ПЕЩЕРЪ И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА. Письма на родикъ Рада-Бай. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

НЮМА РУМЕСТАНЪ. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

САФО. Парижскіе нравы. Романъ Альфонса Додэ. Цѣна 1 р., съ перес. 1 руб. 25 коп.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ Чарльза Диккенса. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНИЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы. Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЙ ВКЛАДЪ. Статьи, записки, чтенія, замѣтки Н. А. Любимова, профессора Московскаго Университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва. 1881. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

Открыта подписка на ежемѣсячный иллюстри-
рованный журналъ

ДВТСКІЙ ОТДЫХЪ,

1885 ГОДЪ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ. ДЛЯ ДВТЕЙ ОТЪ 9 ДО
14 ЛѢТЪ.

ДВТСКІЙ ОТДЫХЪ особенно рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ городскихъ училищъ и начальныхъ народныхъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущенъ въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ училищъ.

Четырехлѣтнее существованіе *ДВТСКАГО ОТДЫХА* достаточно опредѣлило направленіе редакціи. Признавая религію, любовь къ родинѣ и правильное развитіе художественнаго пониманія главными основами воспитанія, мы строго придерживаемся этихъ основъ въ выборѣ печатаемаго матеріала. Самое названіе журнала указываетъ что назначеніе его имѣть въ виду полезное и занимательное чтеніе въ области научныхъ фактовъ представляющихъ задачу учебной части.

За четыре года существованія *ДВТСКАГО ОТДЫХА* въ немъ между прочимъ принимали участіе: *Н. П. Боголюбовъ* (авторъ Исторіи Корабля), *И. Е. Забѣлинъ*, *Д. И. Иловайскій*, *В. П. Ключниковъ*, *А. Г. Коваленская*, *Б. М. Маркевичъ*, *А. Нольде*, *С. П. Преображенская*, графъ *Л. Н. Толстой*, *Т. Толчева*, *Евгенія Туръ*, *С. В. Флеровъ* и мн. др.

ДВТСКІЙ ОТДЫХЪ выходитъ ежемѣсячно 15 числа, книжками отъ 7 до 9 листовъ. Каждый годъ *ДВТСКАГО ОТДЫХА* состоитъ изъ ряда законченныхъ статей и представляетъ какъ бы сборники для чтенія.

Лица выписывающія *ДВТСКІЙ ОТДЫХЪ* за четыре года его существованія и прилагающія подписку на будущій 1885 годъ вносятъ 27 руб.

Подписка прививается въ *Москву*: въ редакціи журнала (Большая Дмитровка, домъ Алексѣева); въ конторѣ Университетской типографіи; въ книжныхъ магазинахъ: Васильева, „Новога Времени“, Мамонтова и Вольфа. Въ *Петербурѣ*: въ книжныхъ магазинахъ „Новога Времени“ и Фену.

Редакторъ *В. К. Истомина*; издательница *Н. А. Истомина*.

СЪ 1 ЯНВАРЯ 1885 ГОДА

ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Д. В. АВЕРКІЕВА.

ДНЕВНИКЪ будетъ заключать въ себѣ, кромѣ статей беллетристическаго содержанія (ДРАМЫ, ПОВѢСТИ, СТИХИ и пр.), отчетъ о видѣнномъ, слышанномъ и прочитанномъ авторомъ; между прочимъ, авторъ будетъ вести сравнительную хронику **ПЕТЕРБУРГСКИХЪ** и **МОСКОВСКИХЪ ТЕАТРОВЪ**.

ДНЕВНИКЪ будетъ выходить въ первое число каждаго мѣсяца; каждый выпускъ будетъ содержать въ себѣ отъ полтора до двухъ листовъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: въ Петербургѣ *Новаго Времени* (А. С. Суворина) и Медлье; въ Москвѣ—*Новаго Времени* А. Л. Васильева. Иногородные благоволятъ обращаться къ автору по слѣдующему адресу: **ДМИТРИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ АВЕРКІЕВУ, С.-Петербургъ, Николаевская, 65—А.**

Цѣна за годовое изданіе какъ внутри Имперіи, такъ и за границей **ТРИ РУБЛЯ.**

Январскій выпускъ вышелъ и розданъ подписчикамъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

- I. Съ чего я вздумалъ издавать **ДНЕВНИКЪ**.
- II. Изъ воспоминаній о прошломъ годѣ. Начало примиренія Россіи съ Польшей.—Новый университетскій уставъ.—Что такое академическая свобода.—Будутъ ли при ней студенты болѣе прилежать къ наукѣ.—Что будетъ требоваться на выпускномъ экзаменѣ.—Какъ будутъ производиться испытанія. — Значеніе установленія академической свободы.
- III. Ямбъ. (Стихотвореніе.)
- IV. Местъ ничтожнаго человѣка. Разказъ.
- V. Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ. Сентябрь—декабрь.
- VI. Мелочи. К. 12.554.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1885 г.

на иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни

НИВА.

НИВА выходит еженедельно, т. е. 52 номера в годъ (болѣе 2.000 гравюръ, рисунковъ и чертежей и 2.400 столбцовъ текста) съ особымъ даровымъ ежемѣсячнымъ приложеніемъ

„ПАРЖСЕНХЪ МОДЪ“

(до 500 модныхъ гравюръ и рисунковъ бѣлая, 400 выкроекъ въ натуральную величину и 350 рисунковъ руководящихъ работъ, русскіе узоры и пр. и пр.)

И МНОГИМИ ДРУГИМИ ПРЕМИАМИ

и будетъ издаваться въ 1885 году по той же программѣ какъ и въ прошедшія пятнадцать лѣтъ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, по Большой Морской, д. № 9.

Подписная цѣна на годовое изданіе НИВЫ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ дост. въ Москвѣ чрезъ отдѣльные конторы НИВЫ у П. Печковской съ доставкой въ Москвѣ и друг. городахъ и мѣстечкахъ Имперіи За границей	5 р.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ	5 „ 50 „		6 „ 8 „

Неустанно преслѣдуя цѣль улучшенія беллетристической стороны изданія, приглашая для этого талантливѣйшихъ представителей современной русской литературы, которые всегда украшали и впредь будутъ украшать страницы НИВЫ, мы не менѣе того заботимся и о художественной сторонѣ изданія, помѣщая произведенія лишь лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и авторовъ.

Здѣсь мы укажемъ только имена писателей, произведенія которыхъ будутъ помѣщены въ НИВЪ 1885 года:

Графъ Е. А. Салась, Я. П. Полонскій, Н. Н. Карзинъ, В. С. Соловьевъ, Д. В. Григоровичъ, Н. Д. Ахшарумовъ, В. М. Немировичъ-Данченко, П. Петровъ, П. П. Гнѣдичъ, А. Я. Максимовъ, В. Желиховская, Н. Морской, Н. Веригинъ (псевдонимъ), Н. Кирилловъ, Н. Успенскій и мн. др.

Главною нашею преміей въ 1885 году будетъ большая олеографическая картина напечатанная масляными красками, точно такого же формата какъ и въ предыдущіе 1882—1884 гг., подъ названіемъ:

ВЪ Н К И

Оригиналъ картины, написанной исключительно для НИВЫ, принадлежитъ кисти знаменитаго художника В. И. ЯКОБИЯ, профессора Имп. Акад. Худ. Картина представляетъ сцену изъ русской народной жизни: бросаніе вѣсковъ въ воду въ Троицкомъ День. Сцена въ лѣсу. Группа молодыхъ дѣвушекъ въ лодкѣ, играя, плещутся водою и бросаютъ вѣлки на воду, загадывая на нихъ. Яркіе костюмы, роскошный пейзажъ, превосходное освѣщеніе — все это выполнено съ совершенствомъ техники.

Оригиналъ картины и копія съ нея выставлены въ конторѣ редакціи НИВЫ. Копія будутъ выставлены также во всѣхъ губернахъ, Рязь городахъ Россіи.

Петербургъ.

Издатель НИВЫ А. О. МАРКСЪ.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1885.

ТРИНАДАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

1885.

Редакторъ-издатель П. Н. Полевой.

Въ 1885 году годовые подписчики „Живописнаго Обозрѣнія“ получать:

- I. 52 еженедѣльные иллюстрированные номера, каждый не мене двухъ большихъ листовъ печати, съ 5—6 рисунковъ текста.
 - II. 12 еженеѣльных книжекъ, въ 8 д., объемомъ 10—11 печатныхъ листовъ, убористаго шрифта.
 - III. 12 еженеѣльных номеровъ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ».
 - IV. Бесплатную премію — художественно-исполненную олеографию, на выборъ изъ трехъ различныхъ сюжетовъ (одинъ пейзажъ и два жанра; подробности въ № 1).
- Желающіе получить всѣ три картины доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ еще 2 руб.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою и пересылкою:		Безъ доставки и пересылки:
За годъ..... 8 р. — к.		За годъ..... 6 р. 60 к.
„ полгода..... 4 „ 50 „		„ полгода..... 4 „ — „
Подписка за границую: за годъ — 12 р., за полгода — 6 р.		

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 19.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе слѣдующіе литераторы:

Н. А. Агашарумовъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, И. Ф. Василевскій (Буква), П. П. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, П. А. Висковатовъ (профессоръ), С. И. Воскресенская, И. О. Горбуновъ, Г. С. Дестунисъ (профессоръ), Л. Звонаревъ, А. А. Иностранцевъ (профессоръ), В. А. Крыловъ (Викторъ Александровъ), В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, Н. И. Красновъ, Б. Левинъ, Александра Львова, Н. С. Ляшковъ, С. В. Максимовъ, М. Н. Мглазовъ, Е. Л. Марковъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Митуричъ, Д. Л. Михаловскій, Д. Н. Островскій, А. Н. Плещеевъ, Е. П. Пономаревъ, Л. Рускинъ, А. Соколовъ, А. Г. Сахарова, Н. И. Северинъ, Л. X. Симонова, К. И. Соборный (псевдонимъ), С. Н. Терпигоревъ (Сергій Атава), П. Троицкій, М. К. Цибрикова, Дм. Чертковъ, В. В. Чуйко, М. Н. Шелгуновъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), В. Н. Шишонко, В. Ю. Юрьевъ, А. Н. Яхонтовъ и мн. др.

К. 10.111.—2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

П. П. Г П Ъ Д И Ч А.

Издание А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстраціями въ текстѣ—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Предисловіе.—Введеніе.—Гл. I. Египетъ.—Гл. II. Индіа и Китай.—Гл. III. Вавилонъ.—Персы.—Евреи.—Гл. IV. Эллада.—Гл. V. Римъ.—Гл. VI. Древне-христіанская эпоха.—Гл. VII. Арабы.—Гл. VIII. Русь въ связи съ дѣльнѣйшимъ развитіемъ христіанства въ Европѣ.—Гл. IX. Романскій стиль.—Готика.—Гл. X. Италія эпохи возрожденія.—Гл. XI. Нидерланды.—Гл. XII. Германія.—Испанія.—Франція.—Заключеніе. Общее состояніе искусства въ Европѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за полное изданіе: брошюр. 6 руб., съ пересылкой 7 руб.; въ коленк. съ золот. сиск. переп. 7 руб., съ перес. 8 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ редакціи журнала НИВА, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9.

Книга выйдетъ въ февралѣ 1885 года.

12.090.

БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для самоучащихся, соч. **Θ. ЖУРОВА**, въ двухъ частяхъ (2 книги 520 страницъ), съ 6ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 руб. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербургѣ: у Стасюлевича, Суворина, Полова и др. Она одобрена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: „Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей“. См. *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1876 года, книга 10, стр. 103. (Таковаго одобренія и чертежей ни одна *Бухгалтерія* въ Россіи не имѣетъ.)

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЕТСЯ:

КРАТКАЯ ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРІЯ.

(68 стр.). **Θ. Журова**. Ц. 25 к. Адресующіеся за которою-либо книгой прямо къ автору: въ городъ Шую, Федору Гавриловичу Журову, за пересылку не платятъ. К. 10.691.

денія! Онъ всегда, во всё время побывалъ пророковъ каменьями!

Ни г. Лебонъ, ни кто-либо другой не могли подозрѣвать того что таилось въ этой свѣтлой и ясной душѣ которая вдругъ замутилась благодаря случайному капризу судьбы и даже сама дивилась тому что у нея есть тайна. Г. Лебону однако было извѣстно почти все о случившемся, и однажды онъ даже обратился было по этому поводу съ вопросомъ къ Оливье, но тотъ со спокойною улыбкой отвѣтилъ ему: „Мы съ кузиной вовсе не созданы другъ для друга, и г. Марескель оказалъ мнѣ большую услугу“. Г. Лебонъ подивился такой покорности судьбѣ, а вообще къ Оливье онъ относился съ большимъ уваженіемъ. Этотъ покорный судьбѣ юноша исполнялъ всё свои обязанности съ удивительною точностью; онъ вполнѣ добросовѣстно исполнялъ не только собственную работу, но порой бралъ на себя и чужую; онъ далъ себѣ слово до тонкости изучить свое дѣло, и никакія утомленія не отбивали у него охоты къ труду. Ко всему этому характеръ у него былъ кроткій, мягкій, услужливый, обращеніе милое и пріятное, единственно можно было упрекнуть его въ чрезмѣрной молчаливости. Начальникъ его въ своихъ письмахъ къ г. Марескелю чрезвычайно его хвалилъ: „Оливье неразговорчивъ“, писалъ онъ ему какъ-то, „но какой усердный и разумный работникъ, что за милый человекъ онъ вообще!“

Х.

Часто ли думалъ Оливье о свѣтлокурой Жоржинѣ? Въ своемъ равнодушіи къ прежней любви человекъ убѣждается лишь когда полюбить снова. Оливье испыталъ это на себѣ около года спустя послѣ своего водворенія въ Люксембургъ.

Онъ надорвался и началъ хирѣть. Физическое утомленіе соединенное съ нравственнымъ огорченіемъ разрушительно подѣйствовало на его здоровье; онъ терялъ сонъ и аппетитъ. Около половины іюля г. Лебонъ настоялъ на томъ чтобъ онъ взялъ отпускъ и поѣхалъ бы отдохнуть въ Спа. Въ самый день своего пріѣзда Оливье вошелъ въ казино. Давался концертъ, стеченіе публики было громадное, и Оливье

еще разъ рѣшилъ что все человѣчество, за исключеніемъ тѣхъ людей которые живутъ трудомъ рукъ своихъ, жалко и ничтожно. На всѣхъ людей благовоспитанныхъ, образованныхъ, свѣтскихъ, онъ смотрѣлъ съ глубокимъ презрѣніемъ. Ему нечего было предлагать имъ какіе-либо вопросы для того чтобы знать и видѣть каковы они. Въ казино было множество прелестныхъ иностранокъ которыя щебетали и лепетали на всевозможныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были очень красивы, но и имъ не было отъ Оливье никакой пощады—красоты ихъ онъ не признавалъ: та слишкомъ толста, эта слишкомъ худа, у одной ротъ дурень, у другой весь видъ смѣшной и напыщенный, и у всѣхъ у нихъ глаза живые. Минуту спустя онъ замѣтилъ въ дверяхъ очень смуглаую молодую женщину въ которой какимъ-то чудомъ не нашелъ ни малѣйшаго недостатка. Она была очень красива, всѣ окружающіе любовались ею. Она обводила всю залу любопытнымъ безхитростнымъ взглядомъ большихъ, прелестныхъ, черныхъ и очень подвижныхъ глазъ; жизнь ея сложилась печально, но она смотрѣла на другихъ и тѣмъ развлекалась сама; въ данную минуту взглядъ ея выражалъ непритворную веселость. Оливье не долго пришлось любоваться черноокою красавицей. Съ нею былъ маленькій человѣкъ въ золотыхъ очкахъ, нервный и безлокойный, ему не стоялось на мѣстѣ, и онъ скоро увелъ свою спутницу со словами: „Въ этомъ казино просто задыхаешься, а музыка ихъ меня раздражаетъ“.

На слѣдующій день, послѣ полудня, Оливье, которому было предписано какъ можно болѣе быть на воздухѣ, взялъ коляску и лѣхалъ кататься. На подорогѣ, на отагогомъ слускѣ горы ему вздумалось немного пройтись лѣшкомъ, онъ велѣлъ остановиться, вышелъ изъ экипажа и приказалъ кучеру ѣхать впередъ и ждать его въ Ла-Совеньерѣ. Минуты двѣ спустя съ нимъ поровнялась какая-то коляска; углубленный въ свои мысли, онъ и не замѣтилъ что въ ней вмѣстѣ со своимъ вчерашнимъ спутникомъ сидѣла поразившая его въ казино красивая брынетка. Онъ даже не замѣтилъ ея пристального обращеннаго на него взора. Коляска скоро обогнала его, но онъ снова увидалъ ее въ Ла-Совеньерѣ. Человѣчекъ въ золотыхъ очкахъ, выйдя изъ коляски, направился въ ресторанъ. Вслѣдъ за нимъ шла его черноокая спутница, но увидавъ Оливье она вдругъ вернулась и пошла или скорѣе

любѣжала къ нему навстрѣчу. Не догадываясь чего ей от него нужно и испуганный такимъ стремительнымъ на себя нападеніемъ, онъ хотѣлъ было обойти чтобы не встрѣтиться съ нею, но она заступила ему дорогу и угрожая зонтикомъ вскрикнула:

— Какъ! вы не узнаете меня?

У нея были дальновзоркіе глаза и когда она на что-либо смотрѣла вблизи, то ощущала какъ бы усталость и какъ-то полузакрывала глаза съ легкимъ дрожаніемъ рѣсницъ и ноздрей. По этому движенію, смутному цвѣту лица, открытому взгляду, свѣжему звуку голоса и легкому пришепелыванію Оливье наконецъ узналъ ее. Но какъ она измѣнилась за какія-нибудь шесть, семь лѣтъ! Тогда она была какая-то толстая неуклюжая дѣвочка съ поднятыми кверху плечами и совершенно безъ шеи, щеки у нея были ввалившіяся, носъ толстый, ротъ широкій; теперь же вся ея фигура какъ бы вытянулась, сдѣлалась тонкою, стройною, носъ не казался толстымъ, а ротъ вовсе не былъ широкъ. Она скорѣй была хорошенькая чѣмъ красивая, но въ ея подвижномъ личикѣ было что-то незаконченное, неопредѣленное, что непременно должно было нравиться тому кто предпочитаетъ эскизы картинамъ. Ея ни съ кѣмъ нельзя было сравнить, но видъ ея невольно поражалъ. Она производила впечатлѣніе видѣнія легкость ея походки, живость движеній невольно заставляли бояться что вотъ-вотъ она мгновенно исчезнетъ.

Оливье со шляпой въ рукѣ съ недоумѣніемъ глядѣлъ на нее. „Она это или не она?“ спрашивалъ онъ себя. Онъ сравнивалъ настоящее съ прошлымъ сколько это ему позволяла память; онъ спрашивалъ себя какимъ образом могло совершиться такое чудесное превращеніе куколки въ бабочку, неуклюжей дѣвочки въ такое предельное созданіе. Онъ думалъ что грезить, какъ тотъ сказочный принцъ который усыхалъ трелетаніемъ крылышекъ въ картонномъ футлярѣ, открылъ его и вдругъ увидалъ какъ изъ него выпорхнула фея.

— Рѣшаетесь ли вы наконецъ узнать меня? нетерпѣливо проговорила она.

— Кажется, я имѣю честь говорить съ моею кузиной Беатрисой.

— Наконецъ-то, слава Богу! Однако вы не очень охотно узнали меня... Вѣдь несправедливо, кузень, карать невинныхъ

за виновныхъ. Кузины не всѣ одинаковы, зачѣмъ же ихъ смѣшивать!

— Увѣряю васъ, вы ошибаетесь, я очень радъ васъ увидать. Вы сразу узнали бѣднаго хромаго, а я колебался и не могъ васъ тотчасъ же узнать... вы стали...

Она замолчала, но его выразительные глаза договорили остальное.

— Да договаривайте же! воскликнула она.—Вы никогда въ жизни не говорили мнѣ ничего лестнаго; сегодня въ первый разъ какъ будто хотѣли сказать что-то... я непременно желаю чтобы вы договорили. Вы хотѣли сказать что я прежде была дурнушка, а теперь стала... какъ бы это выразить?... почти хорошенькою. Я заранѣе это вамъ предсказывала, но вы не хотѣли мнѣ вѣрить... Такъ я вамъ нравлюсь? Тѣмъ лучше!

Потомъ вдругъ измѣнившись въ лицѣ, она продолжала:

— Боже, что это? Я вижу сѣдину въ вашихъ волосахъ... Бѣдняжка, какъ вы страдали!

— О, это все кончено, увѣряю васъ, совсѣмъ кончено, съ живостью подхватилъ Оливье.—Я даже услѣлъ все позабыть.

— Правда? въ самомъ дѣлѣ правда? Вы уже болѣе не горюете объ этой гадкой женщинѣ? Вы совсѣмъ ее позабыли?

— Я думаю о ней такъ же мало какъ о пыли на большой дорогѣ.

— Навѣрное, правда?

— Честное слово.

— Мнѣ пріятно слышать это. Но знаете ли, ей сѣдуетъ простить. Такимъ людямъ все прощаютъ, потому что они не имѣютъ яснаго понятія о добрѣ и злѣ. Нѣсколько недель тому назадъ, будучи проездомъ въ Форне, я упрекала ее за поступокъ съ вами. Она отвѣтила мнѣ что заботилась о вашемъ же благомъ, потому что была бы вамъ непосильнымъ бременемъ. Я возразила ей что зависѣло вполне отъ нея облегчить вамъ бремя. Она повернулась на каблукахъ и попросила меня уволить ее ото всякихъ правоученій. Разумѣется, въ правоученіяхъ мало забавнаго, но иногда благодаря имъ мы воздерживаемся отъ желанія огорчить другихъ... Но, слава Богу, отъ огорченія вы не умерли, Оливье, а это—главное, вотъ только сѣдина ваша... Но и въ вашемъ поведеніи кое-что меня крайне удивило и даже оскорбило. Я всегда говорила себѣ: „въ первый же разъ какъ увижу его, непременно потребую чтобы онъ

объяснилъ мнѣ какъ послѣ всего того что произошло могъ онъ принять мѣсто предложенное ему г. Марескелемъ? Я васъ всегда считала очень гордымъ, Оливье.

— Вы ошибались, я ничтожный человекъ!

— Нѣтъ, вы отъ меня такъ не отдѣляетесь. Вы должны объяснить мнѣ почему именно вы взяли это мѣсто?

— Мнѣ трудно было бы найти другое, а я не желалъ оставаться безъ дѣла. Въ этомъ мѣстѣ только и есть хорошаго что трудъ.

— Это справедливо, Оливье. Я подозреваю что, увѣряя г. Марескеля въ томъ что у васъ нѣтъ никакой злобы противъ него, вы этимъ также хотѣли показать Жоржия что она потеряла для васъ всякое значеніе. Ну что же? развѣ я не угадала?

— Не будемъ говорить объ этомъ, сказалъ Оливье.—Поговоримте лучше о васъ.

— Хорошо. Я только познакомаю васъ съ г. Курлизомъ, онъ не знаетъ куда я дѣвалась.

И взявъ его подъ руку она увлекла его въ садикъ, гдѣ они и нашли г. Курлиза; онъ, видимо взволнованный, ходилъ, чуть не бѣгалъ по бесѣдкѣ.

— Киприанъ, обратилась къ нему жена,—позволь представить тебѣ моего двоюроднаго брата, Оливье Могана.

Тотъ снялъ свои золотые очки, протеръ ихъ, снова надѣлъ себѣ на носъ и, искоса поглядѣвъ на Оливье, сказалъ:

— Такъ это вы чуть было не женились на моей свояченицѣ? Благословяйте вашу счастливую звѣзду! Какое счастье что вамъ не пришлось вступить въ ужасное семейство этихъ Вальтрѣ!

— Ахъ, Киприанъ, ты всегда преувеличиваешь, перебила его жена.—Мы вовсе не такъ ужасны какъ ты говоришь.

— Ужаснѣйшее семейство! повторилъ г. Курлиза.—Богу было угодно чтобы даже я самъ...

— Не вѣрьте ему, Оливье, снова перебила она.—Во глубинѣ души онъ меня обожаетъ... Ну, Киприанъ, скажи же скорѣе моему двоюродному брату что ты меня обожаетъ. Онъ пожалуй подумаетъ что я дурная жена, а я очень дорожу его уваженіемъ.

— Ваша двоюродная сестрица, милостивый государь, сдѣлается ангеломъ въ тотъ день когда перестанетъ быть заодно съ моими врагами.

Затѣмъ, съ жестомъ означавшимъ „оставьте меня въ покоѣ“, онъ быстро вышелъ изъ бесѣдки и направился въ огородъ чтобъ усложнить свои взволнованныя чувства прогулкой между грядками калусты.

— И это всегда такъ? спросилъ Оливье съ участіемъ глядя на свою кузину.

— Къ несчастію, не всегда. Завтра быть-можетъ онъ будетъ молчаливъ, угрюмъ и цѣлые часы будетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ; придется то бранить его, то ласкать, чтобы сколько-нибудь расшевелить его. Я предпочитаю когда онъ волнуется. Но садитесь же здѣсь на скамейку. Вы не повѣрите, Оливье, какъ я рада снова увидѣться съ вами. Я сразу помолодѣла на семь лѣтъ и снова воображаю себя маленькою дѣвочкой. Мнѣ кажется что я все еще въ томъ возрастѣ когда ловить уклеекъ въ Сенѣ. Увы, мы съ вами плохіе рыбаки! Закинули мы удочку въ глубокія волны, а что поймали? Надо бы навсегда остаться дѣтьми.

— И еще говорятъ, воскликнулъ Оливье, возвращаясь къ своей постоянной мысли,—что есть люди которые находятъ что міръ хорошо устроенъ и что общество отличная выдумка.

— Ну, что до меня касается, сказала она,—то я не имѣю права ни на кого жаловаться. Я сама сдѣлала глупость и искупаю ее. Я сама выбрала себѣ мужа. Хотите знать какъ это случилось? Въ одинъ и тотъ же день я узнала что моя крестная мать умерла оставивъ мнѣ 400.000 франковъ и что одинъ юный фатъ, котораго я терлѣть не могла, вздумалъ просить моей руки. Родители мои находили что онъ для меня прекрасная партія и что съ моей стороны было бы глупо отказать ему. Я же эту глупость сдѣлала: я попросила чтобы дали мнѣ время подумать, меня торопили отвѣтомъ, въ это самое время г. Курлизъ также сдѣлалъ мнѣ предложеніе, и я тотчасъ же приняла его чтобъ избавиться отъ перваго жениха. Сначала все было хорошо какъ вдругъ произошла катастрофа. При извѣстіи о разореніи моего бѣднаго отца г. Курлизъ впалъ въ ужаснѣйшую ярость. Помимо моего приданаго онъ разчитывалъ еще и на наслѣдство и потому считалъ что его ограбили, а нотариусу болѣе чѣмъ кому-либо обидно быть ограбленнымъ. Гнѣвъ свой онъ вымещалъ на мнѣ и каждый день дѣлалъ мнѣ упреки и сцены. Но хуже всего то что раскаяніе въ женитьбѣ на мнѣ сдѣлалось

у него какъ бы пунктомъ помѣшательства. Онъ сталъ угрюмъ, своеравенъ и раздражителенъ. Ему совѣтовали продать контору, я также на этомъ настаивала, и потому онъ обвиняетъ меня въ томъ что я въ союзѣ съ его врагами. Словомъ, я сдѣлалась сидѣлкой, и съ моимъ большимъ хлопотъ у меня не мало. Онъ очень капризенъ: что ему нравится сегодня, завтра же ему противно. Онъ захотѣлъ ѣхать въ Сла, мы прибыли сюда только вчера, а ужъ сегодня утромъ онъ рѣшилъ что здѣшнія воды ему вредны и что ему нуженъ горный воздухъ. Завтра мы ѣдемъ въ Швейцарію, она не замедлитъ ему опротивѣть, и мы кончимъ тѣмъ что вѣроятно совершимъ кругосвѣтное путешествіе. Кто недоволенъ самимъ собою тотъ нигдѣ не находитъ себѣ мѣста.

Оливье всѣмъ сердцемъ сожалѣлъ о своей кузинѣ и находилъ что она удивительно терпѣливо несетъ свой крестъ.

— У васъ больной очень безпокойный, сказалъ онъ, — но я боюсь какъ бы онъ кромѣ того не сдѣлался и опаснымъ.

— Доктора дѣйствительно предупредили меня что его меланхолія можетъ перейти въ бѣшенство.

— А вы не думаете помѣстить его въ лѣчебницу?

— Ахъ, это было бы жестоко! Я рѣшусь на это только въ случаѣ крайности. Но не безпокойтесь, если ему вздумается лишиться жизни я сумѣю защититься, я не дамъ ему задушить себя. Въ дѣтствѣ у меня были плечи и голова, а шея вовсе не было; теперь у меня есть и шея, и даже довольно изящная, я намѣрена беречь ее.

Беатриса производила на Оливье впечатлѣніе прелестнаго цвѣтка который продолжаетъ цвѣсти несмотря на всѣ невзгоды, несмотря на градъ и морозъ.

— Какъ ужасна ваша жизнь! даже съ негодованіемъ воскликнулъ онъ. — А вы еще находите возможность быть веселою.

— Веселость у меня врожденная, и я очень этимъ довольна; люди унылые ни на что не бываютъ годны. Кромѣ того, у меня всегда была склонность ко всему что трудно дается; я никогда не могла понять какъ можно жить ничего не дѣлая. На уходъ за господиномъ Курдиэ тратится очень много времени. Если мнѣ, избави Богъ, когда-нибудь придется оставить его, то я буду очень скучать безъ дѣла. Постарайтесь заболѣть къ тому времени, я буду за вами ухаживать.

Она устремила на него свои влажные, блестящіе глаза, отъ взгляда которыхъ у него такъ и таяло сердце.

— Начните ухаживать за мною съ нынѣшняго же дня, сказала онъ,—я въ этомъ сильно нуждаюсь.

— Вѣдь вы мнѣ сказали что уже совсѣмъ утѣшились? возразила она съ отѣвкомъ упрека въ голосъ.—А я еще имѣла наивность повѣрить вамъ!

Онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, и признаніе, которое ее непременно бы смутило, уже было готово сорваться у него съ языка, но онъ не находилъ для него словъ и потому сказалъ только:

— Я уже во всемъ утѣшился за исключеніемъ того горя которое мнѣ предстоитъ испытать когда разстанусь съ вами.

— Каковъ! И это тотъ самый молодой человекъ который сначала даже не хотѣлъ узнать меня! Въ былыя времена бѣдной Беатрисъ не считали нужнымъ говорить комплиментовъ, ей не придавали ни малѣйшаго значенія, съ нею всегда только и говорили что о другой, объ этой несравненной Жорживѣ, а теперь... Въ самомъ дѣлѣ я вамъ нравлюсь? Ахъ, кузень, кузень!.. Но я вамъ не скажу того что хотѣла было сказать...

Бесѣду ихъ прервалъ г. Курлисъ. Онъ съ яростнымъ видомъ подошелъ къ женѣ и объявилъ что раздумалъ обѣдать здѣсь и желаетъ немедленно вернуться въ Спа.

— Ведите скорѣе подавать коляску, сказалъ онъ.—Да Богъ знаетъ найдете ли вы еще вашего кучера! Его никогда нѣтъ, вашего кучера!

— Надобно прежде еще доказать что онъ дѣйствительно мой кучеръ! ласково отвѣтила она.

И, взявъ его за руку, она старалась усложнить его нѣжностью, ласками, но онъ ко всему оставался вполне равнодушенъ. Наконецъ, въ сопровожденіи Оливье, она отправилась разыскивать кучера. По возвращеніи они застали раздражительнаго больнаго въ горячемъ спорѣ съ хозяиномъ гостиницы. Хозяинъ доказывалъ г. Курлизу что обѣдъ который онъ заказалъ теперь готовъ и онъ обязанъ заплатить за него. Оливье уладилъ дѣло, взявъ за себя этотъ обѣдъ. Это было подвигомъ самопожертвованія съ его стороны, такъ какъ у него вовсе не было аппетита. Прежде однако чѣмъ сѣсть за столъ, несмотря на свирѣпыя взоры г. Курлиза, Оливье проводилъ и усадилъ свою кужину въ коляску. Онъ сталъ было прощаться съ нею.

— Нѣтъ, нѣтъ! шепнула она ему.—Приходите къ намъ

завтра въ гостиницу *Фландрія*. Мы будемъ вмѣстѣ завтракать.

Кучеръ тронулъ, и коляска покатилаcь, унося эту прелестную молодую женщину, обреченную ухаживать за сумасшедшимъ.

„Вотъ пріятный-то человекъ, подумалъ Оливье: женился на такомъ прелестномъ созданіи, она принесла ему въ приданое четыреста тысячъ, но онъ разчитывалъ на милліонъ, и ошибка эта лишила его послѣдней капли разсудка. Она ухаживаетъ за нимъ какъ бы за любимымъ человекомъ, а на самомъ дѣлѣ даже не можетъ уважать его. И вотъ это милое созданіе навѣки приковано къ мрачному безумцу который въ свои золотые очки только и видитъ что банковые билеты о которыхъ онъ мечталъ и которые отъ него ускользнули. Сквозь эти очки онъ даже не замѣчаетъ ни прелести, ни самоотверженности своей жены, которая посвятила ему лучшіе годы своей жизни! И сколько еще лѣтъ можетъ продолжиться этотъ ужасный союзъ? Несмотря на старческой видъ, вѣдь г. Курлизу всего съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, а говорятъ что сумасшедшіе обыкновенно живутъ очень долго... Что за будущность ожидаетъ эту несчастную молодую женщину! Какой тяжелый крестъ она осуждена нести! Что за судьба! Какъ въ самомъ дѣлѣ все прекрасно устроено въ этомъ мірѣ!“

И за обѣдомъ, и послѣ, и въ продолженіе всего вечера Оливье только и думалъ что о Беатрисѣ, объ ея удивительномъ превращеніи, объ ея очаровательной улыбкѣ, объ ея веселости несмотря на всѣ вылавшія ей на долю испытанія. И вдругъ ему показалось что онъ совершенно не въ правѣ негодовать на г. Курлизу — во всемъ виноватъ только онъ, Оливье Моганъ. „Все зависѣло отъ меня“, говорилъ онъ себѣ. „Еслибъ я только вовремя захотѣлъ, она была бы теперь моею женой, и какъ бы мы могли быть счастливы!“ При одной этой мысли сердце его наполнилось тихой и свѣтлой радостью; казалось, новая заря встаетъ надъ его жизнью. Но чудный сонъ исчезалъ, душа его снова погружалась во мракъ. Онъ доходилъ до того что упрекалъ себя за свое ослабленіе какъ за тяжкій проступокъ. Онъ предпочелъ мракъ свѣту, чаровницу небесному созданью, онъ не сумѣлъ подъ его оболочкой разгадать алмазь. Затѣмъ отъ самообвиненія онъ переходилъ къ негодованію на судьбу

полную обмановъ, на міръ полный козней. Счастье прячется, пройдеши мимо и не замѣтишь его. А несчастье такъ манитъ насъ къ себѣ, налѣзаетъ намъ ваши любимыя лѣсны, завлекаетъ насъ какъ птицеловъ неразумныхъ птицъ; погнись за приманкой и очутишься въ сѣтяхъ! „Да“, думалъ онъ, „вся наша жизнь бѣдствіе. Оно насъ влечетъ, ловитъ насъ и держитъ крѣпко“.

На другой день онъ очень рано явился въ гостиницу *Фландрия*; его попросили придти полуднѣе, такъ какъ теперь гжа Курлисъ еще не можетъ принять его. Сегодня у нея было очень много хлопотъ съ ея больнымъ. Какъ она и предвидѣла, возбужденное состояніе его миновалось; наступилъ полный уладокъ и нравственныхъ, и физическихъ силъ. Онъ не могъ шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни даже сказать слова или пожелать чего-нибудь. Жена съ помощью лакея должна была сама одѣть его, и обоимъ стоило это большого труда. Хотя Беатриса предлагала мужу продолжить ихъ пребываніе въ Слѣ, онъ упорно стремился поскорѣе вѣхать и въ то же время твердилъ что на путешествіе у него не хватитъ силъ.

Когда Оливье снова зашелъ къ нимъ, Беатриса уже ждала его.

— Боже, какъ онъ милъ, какъ любезен! проговорила она.— Кромѣ скуки я ничего не могу предложить ему, и тѣмъ же менѣе онъ здѣсь. Правда, какъ ни будь горекъ хлѣбъ, добрые родственники всегда съ охотой вѣдутъ его вѣсть.

— Увѣряю васъ, Беатриса, съ глубокимъ чувствомъ сказалъ онъ,—что такой скукъ я готовъ подвергаться всю жизнь.

Онъ рѣшилъ дѣйствовать смѣло, называть ее просто по имени, высказать ей все что было у него на сердцѣ, и цѣлое утро старался набраться храбрости.

— Знаете ли, прибавилъ онъ,—о чемъ я думалъ и засыпая вчера вечеромъ и просыпаясь сегодня утромъ?

— О чемъ же?

— Я думалъ о томъ единственномъ письмѣ которое я отъ васъ получилъ, но вы вѣроятно уже забыли о немъ.

— Напротивъ, краснѣя возразила она,—я очень хорошо помню письмо это, позоръ всей моей жизни. Безо всякаго стыда и совѣсти я сдѣлала вамъ предложеніе, я какъ дурочка написала вамъ: „Возьмите меня, я васъ очень люблю“. Но вы не были великодушны, вы даже не сообразовали отвѣтить мнѣ, я была въ страшномъ отчаяніи. Бѣдное письмо,

я очень бы желала получить его обратно. Вчера я нѣсколько разъ о немъ думала и уже собиралась съ вами заговорить о немъ, какъ г. Курлисъ подошелъ къ намъ. Я непремѣнно хотѣла сказать вамъ что теперь мы стали умѣе, умѣемъ вести себя и уже не дѣлаемъ никому признаній.

Оливье не успѣлъ отвѣтить, доложили что кушать подано.

Нужно было употребить всѣ старанія чтобъ убѣдить г. Курлизу сѣсть за столъ. Бывали дни когда онъ былъ какъ голодный волкъ, а случилось что Беатриса расточала все свое краснорѣчіе заставляя его проглотить хоть маленькій кусочекъ котлетки. Въ продолженіе всего завтрака она только и была занята тѣмъ что какъ ребенка нѣжно и ласково уговаривала его ѣсть.

Послѣ завтрака Оливье снова на нѣсколько минутъ остался съ нею вдвоемъ. Онъ было геройски приготовился раздѣловать ея ручки, однако не посмѣлъ и простеръ свою храбрость лишь до того что рѣшился сказать ей:

— Беатриса, я хочу вамъ сдѣлать одно маленькое предложеніе. Я готовъ слѣдовать за вами въ Швейцарію, въ Италію, всюду куда вы ни пойдете. Хотите взять меня съ собою?

Она вопросительно взглянула на него, какъ бы желая убѣдиться серіозно ли онъ говоритъ.

— Взять васъ съ собою! разсмѣялась она.—Зачѣмъ? Помогать мнѣ ухаживать за г. Курлисомъ или въ качествѣ другаго больного.

— Я буду стараться помогать вамъ, оказывать всевозможныя услуги.

— Не сомнѣваюсь въ вашихъ добрыхъ намѣреніяхъ, но не желаю отрывать васъ отъ вашего завода. Я хочу, Оливье, чтобы вы сдѣлались великимъ, знаменитымъ инженеромъ, а меня увѣряли что вы уже на пути къ этому. Нѣтъ, я не возьму васъ съ собою. Несмотря на свои благія намѣренія, вы бы непремѣнно мѣшали мнѣ какъ слѣдуетъ исполнять свои обязанности, развлекали бы мое вниманіе, разсѣивали бы меня.

— Нѣтъ, возьмите меня! Если г. Курлисъ вдругъ сдѣлается опаснымъ...

— Какъ онъ добръ! воскликнула она.—Если уже пошло на откровенность, то я должна сказать вамъ что г. Курлисъ считаетъ опаснымъ-то васъ. Вчера, возвращаясь изъ Ла-Совеньера, онъ твердилъ, доказывалъ мнѣ, увѣрялъ меня что вы въ меня влюблены.

Оливье вздрогнулъ.

— У г. Курлиза разсудокъ гораздо яснѣе чѣмъ я полагалъ; а что, Беатриса, если онъ сказалъ правду?..

Она отшатнулась отъ него, по своей привычкѣ полузакрываетъ глаза и своимъ лѣвучимъ голосомъ проговорила:

— Слишкомъ, слишкомъ поздно!

Затѣмъ она вся погрузилась въ приготовленія къ отъѣзду. Г. Курлиза на рукахъ вынесли въ карету. Оливье взялъ себя ѡкилажъ и поѣхалъ на станицю чтобъ еще разъ взглянуть на ту которая не хотѣла взять его съ собою. Онъ былъ въ томъ настроеніи когда человѣкъ находитъ жгучее чувство удовольствія въ продленіи своего мученія. Онъ помогъ Беатрисѣ устроиться въ вагонѣ, разложить тамъ всѣ ея вещи. Насколько было возможно онъ оттягивалъ минуту разставанія.

— А очень грустно, на прощанье сказала она ему, — имѣть кузена и не быть въ состояніи пользоваться его услугами.

Онъ стоялъ на платформѣ пока не ушелъ поѣздъ. Вотъ высунулась изъ окна вагона маленькая ручка и замахала ему носовымъ платкомъ, а вотъ выглянула и самая головка... Затѣмъ все исчезло изъ его глазъ.

— Всѣ онъ одинаковы! съ раздраженіемъ проговорила онъ. — Эта на свой ладъ такая же кокетка какъ и сестра. Мотивъ другой, а лѣсная та же.

Долго послѣ того, цѣлые недѣли и мѣсяцы, Оливье бранилъ и обвинялъ себя. Онъ проклиналъ и свою слабость, и свое увлеченіе, которое заставило его измѣнить разъ принятому рѣшенію. Онъ поклялся закалить себя, заставить окаменѣть свое сердце, и вотъ этотъ Гракъ снова попалъ въ сѣти, снова улыбка женщины вскружила ему голову. Наперекоръ всѣмъ своимъ правиламъ, наперекоръ своему стчаянному пессимизму, онъ снова полюбилъ, любовь еще съ большею силой чѣмъ его первое увлеченіе охватила его и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ заставляла его воображать что печальный земной міръ — непризнанный рай. Онъ краснѣлъ за свое заблужденіе, старался забыть о немъ, но очарованіе давалось, образъ ея носился у него предъ глазами, залечивался у него въ сердцѣ и изгнать его было вовсе нелегко. Оливье всѣми силами души старался забыть ее и вернуться къ своему прежнему состоянію. За своимъ садомъ онъ ухаживалъ не такъ какъ всѣ садовники; какъ и они, онъ лелѣвалъ

и убиралъ свой цвѣтникъ, только съ тою разницею что садовники выбираютъ изъ цвѣтника сорныя и дурныя травы, а онъ, наоборотъ, выбиралъ всѣ хорошия, старался беречь и дѣлать одиѣ дурныя. Случайно въ его цвѣтникѣ выросла роза, ему же показалось что она безчеститъ его цвѣтникъ; онъ не желалъ ни смотрѣть на нее, ни вдыхать ея аромата, старался вырвать ее; но роза защищалась и продолжала цвѣсти. Онъ былъ наивенъ, и это служило ему единственнымъ извиненіемъ; онъ воображалъ что трудится для блага людей, для счастья человѣчества. Какъ философія и религія, дикія страсти имѣютъ свой аскетизмъ: Оливье стремился сдѣлаться аскетомъ ненависти.

Между тѣмъ мѣсяцы шли за мѣсяцами, ничего не измѣняя въ его судьбѣ, не доставляя и даже не общая ему того случая котораго онъ такъ жаждалъ. Г. Марескель не подавалъ и признаковъ жизни и, казалось, совершенно забылъ о своемъ уговорѣ съ Оливье. Неужели онъ никогда не вызоветъ его въ Форне? Неужели ему вѣчно суждено прозябать въ Люксембургѣ, гдѣ онъ чувствуетъ себя какъ въ изгнаніи. Лаванси говорилъ ему что слѣдуетъ вѣрить въ судьбу, онъ въ этомъ начиналъ сомнѣваться; онъ даже нѣсколько начиналъ сомнѣваться и въ дружбѣ самого Лаванси, которому онъ написалъ три письма и ни на одно изъ нихъ, несмотря на всѣ свои просьбы, не получилъ отвѣта. Онъ чувствовалъ какъ съ каждымъ днемъ имъ все болѣе и болѣе овладѣвають щемлящая грусть и отчаянная тоска. Не одной только любви вѣдомо чувство тоски вслѣдствіе вѣчной разлуки. Сознать себя осужденнымъ никогда не видать ненавистнаго лица, оставаться съ краской лощечины на своемъ лицѣ безъ надежды отомстить—вотъ истинная пытка.

Лаванси былъ правъ говоря что иногда слѣдуетъ отдаваться на волю судьбы, въ свои добрыя минуты она иногда безъ нашего вѣдома помогаетъ намъ. Произошелъ случай приведшій Оливье въ ужасъ, но онъ-то и послужилъ ему избавленіемъ. Обвалплась мѣнная галерея и засыпала двадцать человѣкъ рабочихъ. Двое задохлись, восемнадцать были спасены благодаря энергіи Оливье. Въ теченіе тридцати часовъ онъ не сходилъ съ мѣста гдѣ произошло несчастье; взволнованный и измученный, онъ тѣмъ не менѣе отлично распорядился расколкой; забывая усталость, сонъ, вѣду, онъ былъ всюду, слѣдилъ за всѣмъ, и на этотъ разъ въ дѣйстви-

тельности работалъ на пользу человѣчества. Имъ восхищались, его хвалили, его поздравляли.

Послѣ спасенія погибавшихъ началось сѣдствіе. Обвалившаяся галлерей частью шла чрезъ весьма хрупкій глиняный пластъ земли. Глина дала трещины, сводъ нѣсколько опустился. Оливье донесъ объ этомъ г. Лебону; было рѣшено остановить работы и заняться укрѣпленіемъ галлерей. Помощникъ директора, которому Оливье передалъ это распоряженіе, заявилъ что опасаться нечего, такъ какъ деревянныя подпорки вполнѣ надежны, онъ за нихъ отвѣчаетъ. Онъ не исполнилъ переданнаго ему чрезъ Оливье приказанія и оставилъ въ галлерей двадцать человѣкъ продолжать работу. Онъ былъ хорошій человѣкъ, Оливье его любилъ и даже оказывалъ ему кое-какія услуги. Послѣ катастрофы изъ страха ея послѣдствій онъ выказалъ большое малодушіе, объявлялъ г. Лебону что онъ не виноватъ въ случившемся, такъ какъ г. Моганъ плохо или даже вовсе не передалъ ему распоряженія господина директора. Зная однако что онъ не будетъ въ состояніи поддержать своей жи предъ правдивымъ показаніемъ Оливье, онъ тайно отправился къ нему и со слезами сталъ умолять не губить его. Оливье стало жаль несчастнаго который былъ обремененъ большимъ семействомъ и теперь видѣлъ какъ гибнетъ вся его будущность; къ жалости можетъ-быть присоединилась еще и мысль о самопожертвованіи, увлеченіе нѣсколько горделиваго великодушія, а можетъ-быть также и то странное удовольствіе которое испытываетъ [человѣкъ обиженный: у него является желаніе погрузиться въ еще большее бѣдствіе, отнять у себя и послѣднюю надежду; доказать человѣческому правосудію всю его несостоятельность. Нравится же иногда запачкать некрасивое лицо для того чтобы сдѣлать его еще безобразнѣе; пессимисту доставляетъ удовольствіе прибавлять къ своимъ незаслуженнымъ несчастіямъ еще новыя, вольныя бѣдствія для того чтобы быть въ правѣ сказать: „Вотъ что такое жизнь, я не клеветалъ на нее!“

Дѣло однако въ томъ что Оливье не задумываясь отвѣтилъ молившему его человѣку:

— Я могу оправдать васъ только взявъ вину на себя. Хорошо, я сдѣлаю это.

И онъ дѣйствительно взялъ на себя всю вину. Г. Лебонъ, зная какъ онъ всегда и во всемъ точенъ и исполнителенъ,

не хотѣлъ ему вѣрить; но онъ продолжалъ обвинять себя, утверждая что онъ не полагалъ, не думалъ что несчастье можетъ случиться въ такомъ близкомъ будущемъ и потому, какъ говорилъ и помощникъ, не потребовалъ немедленнаго исполненія сдѣланнаго распоряженія. Во время всѣхъ этихъ переговоровъ г. Лебонъ получалъ письмо изъ Форне. Г. Марескель въ такихъ случаяхъ шутить не любилъ, а всякихъ катастрофъ боялся лучше всего на свѣтѣ, такъ какъ изъ-за нихъ всегда приходилось имѣть дѣло съ полиціей и кромѣ того платитъ крутые штрафы. Онъ писалъ чтобъ его подробно увѣдомили обо всемъ случившемся, а къ виновному отнеслись бы безъ малѣйшаго снисхожденія. Г. Лебонъ отвѣтилъ ему что отчасти въ случившемся несчастіи виновать Оливье, но что онъ имѣетъ полное право на всякое снисхожденіе, такъ какъ вполне искупилъ свою олошность прекраснымъ поведеніемъ во время раскопокъ.

Г. Марескель на всякую олошность, на малѣйшую разсѣянность смотрѣлъ какъ на смертный грѣхъ и не допускалъ и мысли объ искупленіи какой бы то ни было вины. Подъ первымъ впечатлѣніемъ гнѣва онъ послалъ г. Лебону слѣдующую телеграмму: „Выгнать болвана со службы немедленно и прислать его ко мнѣ тотчасъ же для вразумленія.“

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

XI.

— А вотъ и вы, господинъ искусникъ! Сдѣлайте одолженіе садитесь, весьма счастливъ васъ видѣть! Я съ нетерпѣніемъ жаждалъ поздравить васъ съ вашими подвигами... Въ самомъ дѣлѣ я восхищаюсь твоимъ спокойствіемъ! Готовъ биться объ закладъ что ты совершенно доволенъ собою, гордъ своимъ подвигомъ и вполне счастливъ имѣя на плечахъ такую благородную, мудрую голову, которую я цѣню столько же какъ разбитую гремушку. Странный у тебя способъ приносить пользу людямъ у которыхъ находишься на службѣ! Твои услуги дѣйствительно блестящи! Да, разумеется, ты можешь гордиться и самимъ собою, и своимъ обвадомъ! Онъ твое собственное созданіе, его нельзя у тебя ослаживать,

ты его скрѣпилъ своею подписью. Обвалъ, это также своего рода путь къ славѣ; ты имѣлъ случай съ восторгомъ прочесть свое имя въ газетахъ. Г. Лебонъ истощилъ все свое многословное краснорѣчіе доказывая мнѣ что нѣсколько ударовъ киркой наудачу въ дѣлѣ спасенія погибающихъ совершенно искупаютъ твой чудовищный промахъ, что ты теперь сталъ великимъ человѣкомъ и что я обязана тебѣ по почтѣ послать лавровый вѣнокъ. Между нами будь сказано, твой Лебонъ ужасный простофиля, и я доставилъ себѣ удовольствіе ему это высказать. Если ты жаждешь лавровъ, то слѣзи ихъ искать гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, а же могу предложить тебѣ только терни моего сада. Судя взглянувъ на дѣло сквозь пальцы и, по моему мнѣнію, ужь слишкомъ снисходительно отнесся къ нему. А, мы родились филантроломъ! Мы отличаемся въ спасеніи погибающихъ! Превосходно. Но вѣдь двое людей задохлось, и не ты конечно залаетишь за нихъ. Чтѣ же дѣлать? Г. инженеръ разсѣивъ, съ нимъ случаются помраченія, онъ слышитъ только однимъ ухомъ то что ему говорятъ и затѣмъ повторяетъ слышанное какъ разъ наоборотъ. Онъ не умѣетъ повелѣвать, заикается, мамлитъ, скупъ на слова, они у него по золотому каждое! Желаетъ ли чтобъ я вполнѣ откровенно съ тобою высказался? Будь я на твоёмъ мѣстѣ, я постарался бы и самъ погибнуть въ обвалѣ. Но такъ какъ ты дорожишь своею жизнью, то тебѣ остается только одно: откажись отъ своего дѣла, отъ своей специальности, и поѣзжай въ Парижъ проѣдать свои доходы, или же скройся въ какую-нибудь трущобу чтобы жить тамъ сложа руки, ничего не дѣлая. Этимъ ты истинную услугу окажешь человѣчеству, такъ какъ ты повидимому обладаешь несчастнымъ даромъ разрушенія: при одномъ твоёмъ приближеніи обваливаются и разсыпаются мивныя галереи. Это даръ удивительный и, кажется, единственный которымъ ты обладаешь, но старайся не изощрять его. Великій витязь, ты столько же создавъ инженеромъ сколько я чтобы чистить твои салоги! Оливье Моганъ, вѣрь мнѣ что сынъ твоей матери всегда останется разгильдяемъ и ослаомъ.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ, съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ, лорывисто и широко шагая по кабинету обратился г. Марескаль къ Оливье, какъ только тотъ вошелъ въ комнату. Съ поникшею головой, но безстрастно смотрѣлъ на

него Оливье и сосредоточенно слушалъ его. Чѣмъ оскорбительнѣе становились упреки, тѣмъ болѣе онъ уливался ими; г. Марескаль какъ бы солью посыпалъ его затагивавшіяся раны; она оживляла, терзала и цемпила ихъ, а страданіе это извлекало его изъ продолжительнаго оцѣлѣнія въ которомъ онъ находился, и было для него истиннымъ наслажденіемъ. Съ минуты на минуту взглядъ его все болѣе оживлялся, при каждомъ оскорбленіи кровь съ новою силой бросалась ему въ голову, блѣдное лицо его покрывалось яркими красными пятнами. При видѣ драгоценнаго предмета своей ненависти онъ чувствовалъ что оживаетъ и говорилъ своему судѣ: „Продолжайте, удвойте приѣмъ, осыпайте меня оскорбленіями и упреками, сдѣлайте милость, дайте блаженство моей пытки“.

Г. Марескаль былъ слишкомъ горячаго нрава чтобы всегда владѣть своимъ разсудкомъ; когда страсти овладѣвали имъ, желаніе или гнѣвъ, онъ не отказывалъ имъ ни въ чемъ; объ этомъ кое-что знали и его подчиненные которыхъ онъ обрывалъ, и молоденькія работницы которымъ онъ бросалъ свой платокъ. Но по удовлетвореніи своихъ страстей онъ весьма скоро усложивался, становился самимъ собою, возвращался къ своей обычной насмѣшливости; въ сущности онъ презиралъ свои слабости и вспышки, и то что онъ называлъ политикой дѣлъ, въ концѣ концовъ всегда брало верхъ, торжествовало надъ его бурными капризами. Теперь, когда онъ уже сорвалъ свое сердце, ему вдругъ показалось что Оливье слишкомъ ничтоженъ, что онъ гремѣлъ надъ былинкой, и онъ разомъ утихъ. Онъ забралъ себѣ въ голову что надо воспользоваться случаемъ чтобы избавиться и отъ этого глупца, и отъ обязанности заботиться о немъ. Но въ виду соблюденія приличій ему хотѣлось чтобы его кредиторъ самъ объявилъ ему что ихъ счета кончены и порвалъ бы подписанныя имъ обязательства. Видя что Оливье съ покорностью принимаетъ всѣ его рѣзкіе выговоры и не моргнувъ глазомъ позволяетъ обращаться съ собою какъ съ дуракомъ, онъ пересталъ шагать по комнатѣ, сѣлъ верхомъ на уголь стола и посмотрѣлъ на молодаго человека съ выраженіемъ снисходительнаго состраданія. Тѣмъ не менѣе онъ не отрекся отъ своихъ словъ, не смягчилъ и не измѣнилъ въ нихъ ничего; онъ всегда представлялъ жертвѣ, которую онъ поглаждалъ своею когтистою палкой, самой зализывать свои раны.

— Ты можешь похвалиться тѣмъ, началъ онъ нѣсколько смягчая голосъ,—что совершилъ ужаснѣйшую глупость, и досаднѣе всего то что тебѣ придется жестоко поплатиться за нее. Ты на славу сумѣлъ испортить себѣ будущность. Во всемъ, въ каждой вещи, въ каждомъ дѣлѣ, все зависитъ отъ начала. Молодому медику который на первомъ опытѣ глупо уморилъ своего больного, не остается ничего какъ залпереть свою квартиру и бѣжать въ Америку. Я не имѣю желанія посылать тебя въ такую даль, но по совѣсти говоря, чтѣ мнѣ дѣлать съ тобою? Боюсь что ты совсѣмъ погибшій человекъ!

Наконецъ и Оливье разжалъ губы.

— Погибшій? Вы очень жестоки!

— Будущность наша, мой милый, зависитъ отъ мнѣнія какое о насъ имѣютъ люди и отъ довѣрія которое мы имъ внушаемъ, а довѣріе—растеніе весьма нѣжное; разъ увянувъ оно не зацвѣтаетъ вновь... Знаешь ли ты какія у меня были намѣренія относительно тебя? Я мечталъ о томъ что со временемъ ты сдѣлаешься начальникомъ нашихъ чугуно-плавильныхъ заводовъ или главнымъ инженеромъ нашихъ каменноугольныхъ копей. На какое же дѣло могу я тебя теперь употребить? Твоя исторія получила огласку, надѣлала шуму; всякое твое приказаніе перетоковывалось бы рабочими, они стали бы торговаться съ тобою, не слушались бы тебя. Они говорили бы: „Вотъ обвальныхъ дѣлъ мастеръ! Спасайся кто можетъ!“

— Дайте мнѣ какое хотите занятіе. Я постараюсь снова заслужить ваше довѣріе, вы знаете какъ я дорожу имъ.

— Боже мой! Разумѣется, намѣренія у тебя благія, но одна намѣренія суцая бездѣлица! Единственное мѣсто которое я могу предложить тебѣ недостойно инженера съ такимъ дипломомъ какъ твой; ты расхохотался бы мнѣ въ глаза еслицъ я вздумалъ предлагать тебѣ это мѣсто.

— Предложите, я заранѣе принимаю.

— Напрасно, всегда слѣдуетъ оставить за собою право отказа. Ты и не воображаешь о чемъ идетъ рѣчь. Мое зрѣніе годъ отъ году слабѣетъ, оно дѣлается слишкомъ дальновзоркимъ, письмо меня очень утомляетъ. Я ищу молодаго человека съ хорошимъ почеркомъ, который бы подъ мою диктовку писалъ мнѣ письма, отчеты, записки и т. д. Что

касается почерка, то онъ у тебя превосходный, твои письма служатъ этому доказательствомъ, этого достоинства никто у тебя отнять не можетъ. Но едва ли Центральная Школа проститъ мнѣ предложеніе такой ничтожной должности одному изъ ея самыхъ блестящихъ воспитанниковъ.

— Не насмѣхайтеся надо мной. Я не былъ блестящимъ и никогда блестять не буду; но въ то же время я прошу васъ вѣрить что одна ошибка еще ничего не доказываетъ и что я всѣми силами буду стараться не быть разслабленнымъ и забывчивымъ. Настаетъ день когда вы мнѣ снова возвратите все ваше ко мнѣ довѣріе и найдете мнѣ какое-нибудь другое мѣсто, болѣе соответствующее моимъ наклонностямъ... А до тѣхъ поръ я радъ быть вашимъ секретаремъ, служить вамъ моимъ хорошимъ почеркомъ, благо онъ вамъ нравится.

Г. Марескель слишкомъ легко вѣрилъ въ глупость ближняго, а это всегда ведетъ къ ошибкамъ. Смиреніе Оливье его обезоружило, внушило ему даже какое-то полуиѣжное чувство, нѣжнаго онъ никогда не испытывалъ. „Какъ это трогательно!“ подумалъ онъ, „право я начинаю думать что онъ меня обожаетъ.“

— Я долженъ предупредить тебя, мой милый мальчикъ, что предлагаемая мною тебѣ обязанность столько же безлокойны сколько и скромны. Все находятъ меня слишкомъ вспыльчивымъ, слишкомъ рѣзкимъ. Когда диктую, то повторять не люблю, а требую чтобы меня понимали съ полуслова.

— Я постараюсь понимать васъ съ полуслова.

— Но вѣдь не цѣлый же день я буду диктовать; у моего секретаря будутъ и свободные часы, онъ долженъ употреблять ихъ на то чтобы присматривать за моими благотворительными заведеніями; такіа у насъ есть, господивъ спаситель! Въ свободныя минуты и въ границахъ нашихъ скромныхъ средствъ мы занимаемся филантропіей. У насъ есть касса для вспоможенія (туда поступаютъ также и штрафныя деньги) больнымъ, раненымъ и увѣчнымъ рабочимъ. Ты долженъ былъ замѣтить еще въ Люксембургѣ, если только у тебя глаза не были завязаны, что рабочіе народъ лаской, самые честные между нами, и тѣ все лѣнницы и лгуны. Случается что нѣкоторые сказываются больными, получаютъ отлускъ и затѣмъ идутъ работать въ собственномъ садикѣ. Они

отсутствуютъ десять, пятнадцать дней и все время продолжаютъ брать тридцать процентовъ своего жалованья. Мой секретарь долженъ будетъ присматривать за этими мною больными и стараться накрывать, ловить ихъ прежде чѣмъ услужливые сосѣди успѣютъ предупредить ихъ о его приближеніи.

— Я постараюсь быть ловкимъ уже ради того чтобы доказать вамъ что сынъ моей матери...

— А, ты не можешь переварить этой пилюли, она зашла у тебя на сердца, смѣясь прервалъ его г. Марескаль.—Но что же дѣлать? Я не жалю словъ и не боюсь грубыхъ прилагательныхъ. Отъ тебя зависитъ доказать всю несостоятельность моего предсказанія и заставить меня измѣнить мое о тебѣ мнѣніе. Если я буду доволенъ твоимъ почеркомъ и усердіемъ, то помогу тебѣ снова стать на ноги съ искреннею надеждой что ты болѣе уже не надѣлаешь такихъ глупостей. Остерегайся своей склонности ко рвамъ, можетъ случиться, поладишь въ яму, да въ ней и останешься.

— О, вы увидите! Довѣрьтесь только мнѣ... Урокъ, я получилъ строгій и онъ послужитъ мнѣ въ пользу.

— Это еще не все. Если ты будешь моимъ личнымъ секретаремъ, я ужь ни разу не поручу тебѣ передавать кому-либо мои приказанія: наученный горькимъ опытомъ, я буду бояться чтобы ты половину не перезабылъ дорогой. А впрочемъ, видишь ли ты это? прибавилъ онъ, указывая на телефонъ.—Благодаря этому маленькому аппарату я могу разговаривать съ моими зрителями, лично могу отдавать имъ приказанія и провѣрять точно ли они ихъ поняли. Чудесная вещь телефонъ: сбереженіе времени, точность и устраненіе посредничества. Впрочемъ, иногда все-таки нельзя бываетъ обойтись безъ посредника. Въ прежнія времена Форне былъ мѣстомъ блаженства для директора, и я жилъ весьма спокойно. Съ тѣхъ же поръ какъ учреждены эти проклятые синдикаты, все сдѣлалось труднѣе. Рабочій толкуетъ, разсуждаетъ и требуетъ невозможнаго. Но ужь конечно не на такового вылали, не я буду имъ поддаваться. Да вотъ и на дняхъ, для примѣра, я прогналъ не давая ни минуты отсрочки, пятнадцать человѣкъ синдикальскихъ, пятнадцать болтуновъ, которые разглагольствовали по кабакамъ, возмущая рабочихъ противъ моихъ новыхъ постановленій. Но я и на этомъ не останавливаюсь, только я буду бить не иначе какъ навѣрняка.

Мой секретарь долженъ по временамъ съ безлечнымъ видомъ бродить по столовымъ рабочимъ во время ихъ завтрака, прислушиваться къ ихъ говору, и если ему случится услышать что-либо стоящее вниманія, то передать это мнѣ, а буду ему весьма признателенъ за эти маленькіе доносы. Ты можеть-быть скажешь мнѣ что я хочу сдѣлать изъ тебя агента тайной полиціи, что это должность неприятная, гадкая... А развѣ можно чѣмъ-либо управлять безъ полиціи? Надѣюсь что философія твоя выше всякихъ предразсудковъ.

Это было все равно что наплевать въ блюдо чтобъ отвратить человѣка отъ ѣды, и Оливье чуть было не высказалъ повару что онъ думаетъ о его страдѣ. Но онъ рассудилъ что полицейскій который не любитъ своей службы всегда можетъ устроиться такъ чтобы ничего не видѣть и не слышать. „Буду глухъ и слѣпъ“, подумалъ онъ,—„а если мои доносы покажутся пусты и незначительны, то свалю все на свою природную неспособность“. Онъ отвѣчалъ:

— Боюсь что у меня мало способности къ такого рода дѣлу, постараюсь замѣнить неспособность усердіемъ; я буду исполнять все что вы мнѣ прикажете.

Г. Марескель надѣялся на отказъ, но ошибся въ расчетъ, однако отнесся къ этому добродушно. Онъ хотѣлъ было отдѣлаться отъ своей собачонки, но Азоръ выказалъ столько привязанности что онъ отказался отъ своего злого умысла. „Вотъ такъ характеръ!“ говорилъ онъ себѣ, „такихъ телерь почти не встрѣчается“. Въ эту минуту онъ даже почти ласково глядѣлъ на Оливье. Дѣти любятъ варенье, а деслоты увлеченіе своихъ подданныхъ.

— Какъ это мило съ твоей стороны, шутиливо проговорилъ онъ,—ты всемъ готовъ жертвовать чтобы быть приятнымъ мнѣ! Итакъ это дѣло конченное, завтра же ты вступишь въ свою должность. Г. Лебовъ нѣкогда писалъ мнѣ что у тебя была какаѣ-то несчастная страсть къ рабочимъ, что ты гауло позволялъ имъ водить себя за носъ, что они обѣдали и обирали тебя. Я даже было опасался чтобъ изъ тебя не вышелъ социалистъ и телерь нарочно испытывалъ тебя; вижу что слѣдуетъ измѣнить о тебѣ мнѣніе, что при случаѣ ты умѣешь мирить свои правила со своими выгодами. Нечего и говорить что я избавляю тебя отъ обязанности шпіонить въ столовыхъ. Ты слишкомъ бы неловко взялся за это дѣло, а я для своей полиціи рассчитываю на

болѣе способныхъ для того дѣла людей. Я не принадлежу къ числу тѣхъ кошекъ у которыхъ звонокъ на шеѣ: мыши никогда не слышатъ моего приближенія.

— Я вамъ глубоко признателенъ, но пожалуйста не забудьте своего обѣщанія. Въ случаѣ если вы будете довольны мною...

— Это уже рѣшено, и я ненавижу повторенія. А теперь ступай въ нашъ сиротскій пріютъ и спроси тамъ начальницу. Это очень хорошенькая женщина, и тебѣ будетъ пріятно познакомиться съ нею. Она всегда сочувственно относится къ людямъ безтолковоымъ; узнавъ о приключеніи съ тобою, она заступилась за тебя и употребила всю силу своего краснорѣчія чтобы смягчить меня. Въ первомъ припадкѣ гнѣва я было поклялся навсегда лорвать съ тобою всякія отношенія, но меня очень легко разжалобить, и она такъ хорошо говорила что я обѣщала ей найти тебѣ какое-нибудь занятіе. Своимъ помилостивіемъ ты обязанъ ея лыкими рѣчамъ и прекраснымъ глазамъ. Ступай же и поблагодари ее за то что она дала тебѣ сдѣлать. Да кстати скажи ей что я просматривалъ ея счета за прошлый мѣсяць и очень ими недоволенъ; она просто разораетъ меня, тратитъ безо всякаго удержа. Пріютъ ея безспорно вещь хорошая; я смотрю на него какъ на школу которая дастъ намъ вѣсколько хорошихъ рабочихъ. Но я желаю чтобы она вела дѣло поконномѣе. Въ благотворительности роскоши не нужно; нуждающимся въ помощи слѣдуетъ давать только самое необходимое. Если она не постарается сократить своихъ расходовъ, я прогоню и ее, и всѣхъ ея ребятъ. Я готовъ быть филантропомъ, но вовсе не желаю быть дуракомъ.

Достаточно довольный и собою и своею участію, Оливье разспросилъ о томъ какъ пройти въ пріютъ. Онъ вышелъ съ завода, пробрался въ паркъ и затѣмъ вошелъ въ садъ отдѣленный отъ парка кирпичною стѣной. Во глубинѣ этого сада видѣлось длинное одноэтажное зданіе. Въ одномъ изъ его флигелей помѣщалась богатѣльня, а въ другомъ былъ устроенъ пріютъ, гдѣ кормили, одѣвали и воспитывали сыновей и дочерей рабочихъ умершихъ на службѣ Товарищества или вдовыхъ у которыхъ осталось много дѣтей на рукахъ. Между обоими зданіями помѣщалась маленькая ветхая часовня съ рѣзною колокольней.

Начальницы дома не было, какъ это часто съ нею случалось. Она любила движеніе, и нельзя было порицать ее за это;

ея поѣздки никогда не бывали безплезными. Она взяла на себя все хозяйство пріюта, предоставивъ духовное развитіе дѣтей двумъ монахинямъ, сестрѣ Клотильдѣ и сестрѣ Агатѣ, которыя впрочемъ также находились подъ ея началомъ. Что же касается лично ея занятій, то она всегда сама дѣлала всѣ нужныя для пріюта закулки, сама толковала съ поставщиками провизіи и пр.; она имѣла склонность и обладала особенною способностью къ торговымъ дѣламъ. Ее видали каждое утро, а иногда и вечеромъ, какъ она ѣздила въ городъ въ маленькой одноколкѣ, запряженной красиво убраннымъ осликомъ, которымъ она сама правила твердою и вѣрною рукой. Ея тряская одноколка давнымъ-давно разбила бы кости болѣе хрупкія, но она была крѣпкаго сложенія.

Въ ея отсутствіе обѣ сестры устроили Оливье торжественный пріемъ. Монахини очень любятъ посьтителей, которые составляютъ въ ихъ жизни событіе; расположеніе ихъ заслужить нетрудно, стоить только со вниманіемъ отнестись къ ихъ маленькимъ дѣлашкамъ, къ ихъ розказнямъ, а розказней у нихъ всегда цѣлый запасъ; о достоинствѣ своего посьтителя монахини обыкновенно судятъ по степени вниманія съ которымъ онъ слушаетъ ихъ болтовню. Сестра Клотильда предложила Оливье показать ему весь пріютъ. Она начала со школы, гдѣ въ данное время сестра Агата занималась диктовкой и эта трудная работа заставляла хмуриться не одинъ дѣтскій лобикъ. Ужаснѣйшая вещь правописаніе, тиранъ неумолимый, требующій безусловнаго повиновенія. Ребенокъ часто протестуетъ, говоря: „Къ чему это?“ Но ему объясняютъ что нѣкоторыя повидимому безплезныя вещи имѣютъ громадное значеніе въ мірѣ, что есть два разряда людей, люди знающіе правила правописанія и люди незнающіе этихъ правилъ и что это жестокое неравенство пережило всѣ другія неравенства, которыя были уничтожены 1789 годомъ.

Оливье провелъ нѣсколько минутъ въ классѣ мальчиковъ. Онъ просмотрѣлъ тетрадки, погладилъ по головкѣ лухлаго мальчугана, который прилежно писалъ и раздувая свои красныя щеки выказывалъ этимъ все свое стараніе. Затѣмъ онъ засыпалъ вопросами другаго мальчугана, который возмущалъ его своимъ самоувѣреннымъ видомъ. Ласковою улыбкой онъ ободрилъ маленькое тщедушное созданье, которое повидимому смотрѣло на жизнь какъ на вѣчто страшное, трудное и озадачивающее въ концѣ. Затѣмъ Оливье

посѣтилъ дортуары съ длиннымъ рядомъ дѣтскихъ кроватокъ, кухню, прачешную и мастерскую. Здѣсь уже взрослые дѣвочки, угрюмыя и безпокойныя, низко наклонившись надъ работою рублили салфетки, казалось заняты были только одною иголкой, а на самомъ дѣлѣ зорко слѣдили за всѣмъ что дѣлается вокругъ. По уходѣ Оливье, на котораго онѣ ни разу не взглянули, онѣ съ точностью могли опредѣлить не только цвѣтъ его глаза, но даже и то что несмотря на его молодость въ его каштановыхъ волосахъ сквозятъ серебристыя нити. Обходя свой Оливье закінчалъ домовою церковью, въ которой осматривать было рѣшительно нечего. Директоръ завода съ презрѣніемъ относился къ всему безлолезному, а церковь онъ относилъ именно къ разряду вещей вполне безлолезныхъ, и она, какъ стыдящійся своихъ лохмотьевъ бѣднякъ, смиренно ожидала чтобы кака-нибудь набожная душа сжалилась надъ ея скудостью и прикрыла бы ея наготу. Сестра Клотильда находила весьма несправедливымъ то что сироты ни въ чемъ не терпятъ недостатка, а Божія обитель всего лишена. Въ ущербъ матеріальному она желала бы обогатить духовное. Но матеріальное не поддавалось. Начальница отвѣтила: „Господь такъ милостивъ что разрѣшаетъ заботиться о себѣ прежде чѣмъ о Немъ“.

Оливье нисколько не соскучился осмотромъ пріюта и снисходительно выслушалъ всѣ докучливыя разказы сестры Клотильды. Пріютъ представлялъ рѣзкую противоположность съ соседнимъ ему заводомъ. Выбѣлѣлая стѣны, чистыя стекла школы, еловые люлитры, воротнички мальчиковъ, пелеринки и фартучки дѣвочекъ, простыни, занавѣски, все здѣсь сіяло чистотою, и одному Богу было извѣстно какихъ стоило усилій чтобы предохранять все это отъ колоты и дыма лавильныхъ печей! Было истиннымъ наслажденіемъ глядѣть на этотъ чистенькій, бѣленькій уголокъ рядомъ со всѣмъ чернымъ міромъ. Къ этой противоположности присоединялась еще и другая. Въ черномъ мірѣ день и ночь работали огромныя машины, безстрастныя въ своемъ движеніи, глухія ко всякимъ жалобамъ, онѣ изрыгали огонь и дымъ, а зіяющіе глаза ихъ смотрѣли на все ничего не видя, машины шумѣли, стучали и наводили страхъ. Въ пріютѣ же тишина нарушалась только дѣтскимъ лепетомъ и протяжнымъ голосомъ монахинь; здѣсь все дышало миромъ и спокойствіемъ, все здѣсь дѣлалось только тихое и

хорошее, чего никогда не могут дѣлать машины; потому что во все здѣсь влагалась любовь, нѣжность и нѣсколько капель того божественнаго елеса который умягчаетъ сердца. Восхищенный всѣмъ что онъ видѣлъ въ этой мирной обители любви и милосердія, Оливье подумалъ что женщины пригодны на многое и что машины съ сердцемъ гораздо лучше машинъ безсердечныхъ. Инженеръ этотъ вовсе не былъ фанатикомъ своего дѣла, пессимистъ этотъ поклявшійся ни во что не вѣрить все еще вѣрилъ во многое и далеко не былъ истиннымъ пессимистомъ.

Начальница все не возвращалась и онъ собирался уже уходить не исполнивъ возложеннаго на него порученія какъ вдругъ услышалъ крикъ осла жаловавшагося на то что его не отпугаютъ. Минуту спустя молодая женщина въ черномъ шелковомъ платьѣ быстро прошла черезъ садъ. „Вотъ она!“ воскликнула сестра Клотильда. Оливье обернулся, и овладѣвшее имъ волненіе было до того сильно что онъ любилъ дѣлать. Этотъ аскетъ ненависти узналъ ту которую онъ старался позабыть, жгучее воспоминаніе о которой упорно, какъ роза цвѣло въ крапивѣ и терніяхъ его сада. Онъ говорилъ себѣ: „Не моя вина, я ее не искалъ. Это судьба“.

Увидѣвъ его Беатриса вскрикнула, но не отъ удивленія, а отъ радости. Она послѣшвао двинулась къ нему, но затѣмъ остановилась отъ него въ двухъ шагахъ, снимая перчатки, развязывая ленты шляпы и не спуская съ него своего пристального взгляда. Онъ казался ей другимъ Оливье и въ то же время это былъ тотъ же, прежній Оливье. Бывшее съ нимъ приключеніе рисовало его ей въ совершенно новомъ свѣтѣ; она нашла что онъ измѣнился и даже какъ будто выросъ. Прежде онъ возбуждалъ въ ней чувство симпатіи и еще болѣе состраданія, теперь же она восхищалась имъ.

Глядя на него она два раза прошептала:

— Такъ вотъ онъ, этотъ странный человекъ!

Затѣмъ обратившись къ сестрѣ Клотильдѣ она сказала ей:

— Любезная сестра, не смущайтесь. Это мой двоюродный братъ, а въ нашей семьѣ всѣ родственники очень дружны между собою.

Она взяла Оливье за кончики пальцевъ, увлекла его въ амбразуру окна, пристально посмотрѣла ему въ глаза и полуполотомъ проговорила:

— Есть тайна которую я хочу выяснитъ. На дняхъ я обѣдала въ замкѣ; г. Марескель далъ мнѣ прочесть письмо

г. Лебона... Это прекрасно, вы настоящій человекъ, Оливье, въ полномъ смыслѣ слова. Одно только мнѣ кажется сомнительнымъ. Что произошло между вами и помощникомъ директора? Г. Лебонъ пишетъ что безъ вашего горячаго заступничества онъ бы прогналъ его какъ нагагаго лгуна. Вы не расставляй, Оливье, вы не вѣтренны. Мнѣ сдается что вы взяли на себя вину чтобы сласта истиннаго виновника катастрофы.

Оливье сталъ отрицать это, защищался, но вѣло. Онъ чувствовалъ что она восхищается имъ, ему не хотѣлось потерять и капли ея восхищенія, онъ смаодушествовалъ до того что пробормоталъ:

— Думайте что хотите, но пожалуста будемте говорить о чемъ-нибудь другомъ...

— Что за странный юноша! возразила она.—Вы поступили сумасбродно... Но все равно, сама я принадлежу къ семьѣ гдѣ всегда дѣйствуютъ строго разчитанно, но я вовсе не прочь отъ кузена способнаго быть сумасбродно великодушнымъ. Оливье, ваше сумасбродство мнѣ такъ нравится что, рискуя скомпрометтировать себя, я приглашаю васъ остаться со мною обѣдать.

И обращаясь къ сестрѣ Клотильдѣ:

— Любезная сестра, мой кузень будетъ со мною обѣдать, васъ я также приглашаю; ваше присутствіе осятитъ нашу маленькую трапезу. Подите пожалуста въ кухню и посмотрите чтобы позаботились о нашемъ маленькомъ лиршествѣ; я желаю чтобъ этотъ молодой человекъ остался мною доволенъ.

По /мощному дворику, подъ тѣнью лихты, она провела Оливье въ маленькій лавальионъ, служившій жилищемъ начальницы. Это не былъ дворецъ, его двѣ маленькія комнаты были до того тѣсны что въ нихъ едва можно было повернуться, мебель соответствовала комнатамъ, ее можно было принять за игрушечную. Оливье впрочемъ сумѣлъ уѣсться на стулѣ.

— Я уже не надѣялась свидѣться съ вами, говорила между тѣмъ Беатриса,—но правду говоритъ пословица „гора съ горой не сходится...“

У нея было многое передать, разказать, объяснить ему. Предсказанія докторовъ сбылись. Однажды во Флоренціи съ г. Курлизомъ сдѣлаася такой припадокъ бѣшенства что пришлось залереть его въ дѣчеблицу, а женѣ врачи запретили съ нимъ видѣться. Онъ получалъ къ ней какое-то

отвращеніе, ненависть, увѣрилъ себя что сначала разрушивъ его счастье она теперь уже посягаетъ и на самую его жизнь. Неблагодарность сумасшедшаго ее чрезвычайно огорчала. Она говорила себѣ: „что бы такое мнѣ придумать чтобы занять себя и разсвѣять?“ Г. Марескель уже давно желалъ отказать начальницѣ своего пріюта которая стоила ему очень дорого, а къ дѣлу относилась весьма небрежно. Онъ предложилъ это мѣсто свояченицѣ, и она съ радостью приняла его. Г. Марескель много выигралъ отъ этой перемѣны; новая начальница не получала ни копѣйки жалованья и кромѣ того имѣла привычку дѣлать хорошо все за что ни брались.

— Въ Форне много хорошаго, сказала она Оливье,—мнѣ здѣсь нравится. Я дѣлаю повешожку добро и мнѣ даже стыдно до чего мнѣ пріятно дѣлать добро; гдѣ есть удовольствіе, тамъ уже нѣтъ добродѣтели. Чтобы быть счастливою мнѣ необходимо кого-нибудь или что-нибудь, чѣмъ бы я могла управлять. У меня это просто манія. А затѣмъ я люблю дѣтей, особенно дѣтей простонародья. Вы знаете я съ дѣтства имѣла страсть къ животнымъ, а людей я люблю тѣхъ которые похожи на животныхъ, которые какъ ослы, быки, лошади, прямо смотрятъ въ глаза и простодушны какъ они.

— Мнѣ весьма непріятно испортить ваше хорошее настроеніе, но я обязанъ исполнить возложенное на меня порученіе. Г. Марескель приказалъ мнѣ передать вамъ что вы тратите слишкомъ много и что если вы не сократите своихъ расходовъ, то онъ будетъ принужденъ прогнать и васъ, и всѣхъ вашихъ ребятъ.

— Гадкій скряга! воскликнула она.—Не принимайте такого разстроеннаго вида, милая сестра, обратилась она вслѣдъ затѣмъ къ сестрѣ Клотильдѣ, которая накрывала на столъ.—Расходовъ своихъ мы не сократимъ; чего намъ не захотятъ дать мы дополнимъ изъ собственныхъ средствъ; увѣряю васъ, они у меня вовсе недурны... А васъ прошу передать вашему хозяину что я смѣюсь надъ его угрозами и что во всемъ мірѣ ему не удастся найти женщины, блонкурой ли, брюнетки ли, которая бы сумѣла вести счеты какъ я.

Послушница принесла супъ, и всѣ сѣли за столъ. Онъ былъ до того узокъ что сидѣвшій противъ своей кузины Оливье рѣшительно не зналъ куда ему дѣть свои копѣйки

и ноги; куда бы онъ ихъ не ставилъ онъ всюду встрѣчалъ ноги и колѣни Беатрисы, эти встрѣчи производили въ немъ какую-то дрожь, и кровь бросалась ему въ голову. Но удовольствіе взяло верхъ надъ смущеніемъ, и онъ весьма скоро освоился со своимъ положеніемъ; начальница же пріюта, вся поглощенная негодованіемъ противъ г. Марескеля, ничего не замѣчала.

— Зять мой—великій человекъ, согласна, говорила она,—но я еще болѣе вѣрила бы въ его гениальность если бы онъ былъ менѣе суровъ. Въ немъ нѣтъ той степени человеколюбія, той степени благосклонности къ меньшей братіи, которая необходима для цѣлости жизни. По моему онъ на ложномъ пути. На него ропщутъ и въ колахъ, откуда изъ-за политическихъ убѣжденій онъ прогналъ хорошихъ рабочихъ, и на заводѣ, гдѣ онъ на десять процентовъ сократилъ всемъ жалованье, ссылаясь на бельгійскую конкуренцію, отъ которой значительно уменьшился доходъ съ завода. Можетъ-быть онъ и правъ, но есть разные способы дѣйствовать, а его способъ не изъ лучшихъ. Онъ наноситъ удары безо всякаго предупрежденія, его строгія мѣры всегда бываютъ безо всякой подготовки. Я позволила себѣ кратко намекнуть ему что если бы онъ былъ помягче, то его бы болѣе любили, и онъ былъ бы отъ этого въ несомнѣнной выгодѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ насмѣшкой, объявилъ мнѣ что я глухла, что у него правило ни предъ чѣмъ не останавливаться, ни предъ стѣной, ни предъ опасностью, и затѣмъ, схвативъ меня за плечи, повернулъ меня на каблукахъ. Руки у него настоящіе когти, у меня еще и до сихъ поръ отъ нихъ остались на плечахъ знаки. Я всегда думала что истинная мудрость заключается въ умѣньѣ жертвовать частью собственныхъ убѣжденій и интересовъ, чтобы тѣмъ самымъ сохранить въ нихъ все самое дорогое. Но онъ не признаетъ никакихъ жертвъ и думаетъ что ни въ комъ не нуждается. Боже мой, какое заблужденіе! Когда наступаютъ дни бѣдствія, нуждаешься рѣшительно во всѣхъ и только тогда понимаешь цѣну истинной дружбы. Г. Марескель поставилъ себя въ необходимость испытывать однѣ удачи. Благодаря его счастливому положенію ему прощаютъ многое, но если когда-нибудь его постигнетъ несчастіе, то люди теперь благоговѣющіе предъ нимъ первые бросятъ въ него камень и первые скажутъ что онъ самодуръ и нестерпимый деспотъ.

Рѣчь эта приводила Оливье въ восхищеніе. Сидѣть за маленькимъ столикомъ противъ хорошенькой женщины, обожаемой и предрекающей всякія бѣдствія человѣку котораго всѣми силами души ненавидишь,—это истинное блаженство и чѣмъ стоить уже, тѣмъ оно сладостнѣе. Сестра Клотильда вышла до окончанія обѣда чтобы укладывать дѣтей и заставить ихъ при себѣ прочитать вечернія молитвы. Оливье чудилось что ея мѣсто еще занато кѣмъ-то, что ихъ трое въ этой маленькой комнаткѣ, куда въ открытое окно проникала вечерняя прохлада и доносился пріятный запахъ акации въ цвѣту. Невидимый гость проникъ сюда, Оливье чувствовалъ что онъ тутъ, боялся шевельнуться, перевести дыханіе, вотъ-вотъ гость этотъ отлетитъ отъ нихъ. Оливье сознавалъ что гость этотъ счастье, зналъ его непостоянство, зналъ что разъ скрывшись онъ возвращается нескоро.

Беатриса наконецъ замѣтила что Оливье забылъ все на свѣтѣ, весь отдался какому-то созерцаію, и затѣмъ ей не трудно было убѣдиться что онъ именно отъ нея не можетъ оторвать своего взора. Она встала и тѣмъ разрушила его очарованіе.

— Кузень, проговорила она,—у начальницъ очень много занятій. Уходите пожалуйста, но я вамъ не запрещаю снова навѣститъ меня. Настоятельница этой обители можно ежедневно видѣть отъ двѣнадцати до двухъ часовъ пополудни.

Онъ глубоко вздохнулъ, взялъ свою шляпу и сказалъ:

— Я еще и не поблагодарилъ васъ. Г. Марескель говорилъ мнѣ что вы ходатайствовали за меня и что если онъ оставилъ меня при себѣ, то единственно изъ угожденія вамъ.

— А хорошо ли онъ все это устроилъ? спросила она.—Онъ торжественно обѣщалъ мнѣ дать вамъ мѣсто по крайней мѣрѣ не ниже того котораго вы лишились. Если онъ сдержалъ свое слово, то я считаю его въ числѣ моихъ друзей.

Узнавъ что г. Марескель бывшему инженеру пока предложилъ должность лица, она пришла въ негодованіе.

— Какъ его чудная душа видна во всѣхъ его дѣйствіяхъ!.. Оливье простите мнѣ мою плохую услугу. Я была съ нимъ не достаточно любезна, вотъ онъ и вздумалъ отомстить мнѣ, наказавъ меня.

— Чтò это значитъ? какое же вы совершили преступленіе?

— Я не была ходатаева, а это преступленіе котораго онъ никогда не прощаетъ.

— Нѣтъ, серьезно?..

— Въ сущности вы человекъ вѣрный, на васъ можно положиться и все сказать вамъ. Третьяго дня сестра уѣхала въ Парижъ. Ея владыка и повелитель не любитъ обѣдать одинъ и радовался что я приду усладить его въ одиночество. Я же напротивъ отказалась отъ его приглашенія такъ какъ имѣла на то достаточныя причины.

— Вы боитесь его колтей, отъ которыхъ у васъ и до сихъ поръ на плечахъ знаки.

— Я болѣе боюсь когда онъ ихъ прачетъ.

— Ужь не осмѣлилась ли онъ ухаживать за вами? затрепетать отъ гнѣва восклицуя Оливье.

— О, отвѣтила она,—онъ приволокнулся за мной чуть-чуть, такъ мало что даже Жоржина ничего не замѣтила. Но я все-таки сторонюсь отъ этого Орбасана, его высокомерія и его капризовъ.

— Такъ онъ покаялся отнимать у меня все что бы я ни полюбилъ судорожно сжимая кулаки подумавъ Оливье.

Она замѣтила его движеніе, угадала его чувство, и это не могло не понравиться.

— Успокойтесь, я сумѣю защитить себя, сказала она.

Потомъ съ улыбкой, которая говорила очень многое, она прибавила:

— Оливье, вы настоящій блюститель нравственности. Похвально изъ одного чувства милосердія такъ заботиться о добродѣтели своей кухни.

Напрасно пошутила она, это придамо ему храбрости, онъ сдѣлалъ то чего не осмѣлилась сдѣлать въ Спа: онъ лорывисто схватилъ ея руки и покрылъ ихъ горячими поцѣлуями. Отчасти разсерженная, отчасти смущенная, она тотчасъ же вырвала ихъ у него.

— Кузень, проговорила она,—вы забываете гдѣ вы. Впрочемъ, нельзя слишкомъ строго относиться къ такому сумасброду какъ вы.

Онъ отступая выбрался за дверь; она затворила ее за нимъ говоря:

— Вы опасѣе г. Марескала, и я предупреждаю васъ что если вы снова будете у меня, то я попрошу сестру Клотильду не оставлять васъ одинъ.

Угроза эта однако не имѣла на него особеннаго дѣйствія. Онъ былъ столько же восхищенъ сколько и гордъ своимъ

подвигомъ; счастье не знаетъ угрызений. Проходя садомъ, онъ взглянулъ на небо, тамъ загорались первыя звѣзды; онъ взялъ ихъ во свидѣтели того что онъ касеталъ на жизнь, и изъ глубины своего вѣчнаго безстрастія онъ благоговѣяи его любовь и его ненависть.

XII.

Г. Марескель подвергалъ своего секретаря испытанію, заранѣе рѣшивъ тотчасъ же прогнать его если не найдеть въ немъ всѣхъ качествъ соответствующихъ его скромной должности. Не желая покидать Форне, Оливье до такой степени старался угождать г. Марескелю что даже тронулъ его. Онъ уломинялъ теперь объ обвалѣ не чаще одного раза въ три дня, а это значило уже весьма много и указывало на нѣкоторое расположеніе съ его стороны къ пасынку.

Малый этотъ, разсуждалъ самъ съ собою г. Марескель, очень ограниченный, но все же не дуракъ. Онъ изъ числа тѣхъ иррапорщиковъ которымъ никогда не дослужиться до капитала, но у него есть склонность къ порядку, привычка къ дисциплинѣ и весьма возможно что онъ окажется еще на что-нибудь годнымъ.

А пока онъ диктовалъ ему письма, заставлялъ его вести свою приходорасходную книгу, составлять отчетъ и т. д., бывшій инженеръ замѣчалъ ему очки и въ то же время былъ предметомъ на который онъ при случаѣ изливалъ свою желчь.

Оливье вовсе не жалѣлъ о Люксембургѣ, здѣсь онъ велъ жизнь весьма дѣятельную и почти пріятную. Не видѣвъ долгое время г. Марескеля, онъ теперь вдоволь наслаждался его обществомъ. Цѣлые часы проводилъ онъ съ нимъ съ глазами-глазъ, съ истинно ангельскою кротостью переносилъ всѣ его язвительныя шутки и такіа насмѣшки насчетъ медлительности своего соображенія и письма и только въ умѣ записывалъ на текущій счетъ всѣ получаемыя имъ оскорбленія; когда же г. Марескель поворачивался къ нему спиной, Оливье глядѣлъ на него съ усмѣшкой которая говорила: „Теперь у меня надъ тобой есть преимущество, она тебѣ нравится, ты воладишься за нею, но ты не въ состояніи

отплатъ ее у меня какъ нѣкогда отплатъ ее сестру". Въ свободныя часы онъ собиралъ разныя подробности и свѣдѣнія которыя ему были нужны, изучалъ заводъ, выискалъ въ закулисную сторону его жизни. Г. Марескаль поселилъ его въ домъ гдѣ жили холостые инженеры. Всѣ они обѣдали за общимъ столомъ и вечера обыкновенно проводили всѣ вмѣстѣ; каждый вечеръ по окончаніи работъ они сообща выливали нѣсколько бутылокъ бургонскаго, языки развязывались, всѣ свободно разсуждали рѣшительно обо всемъ и обо всѣхъ, не исключая и самого г. директора, разсказывались всевозможныя исторіи, обсуждалось то что сказалъ такой-то или сдѣлалъ такъ-то; разумѣется не обходилось также дѣло безъ сплетень и злословія. Оливье слушалъ эти разговоры, предлагалъ вопросы, проникался всѣмъ слышаннымъ и изъ всего выводилъ свои заключенія.

Но не всегда слушалъ онъ эти разговоры съ одинаковымъ вниманіемъ; порой на него находила какая-то разсѣянность, онъ забывалъ предлагать вопросы и выводить заключенія. Мысль его, какъ птичка возвращающаяся въ свое родное гнѣздышко, летѣла къ домику гдѣ мирно спали сироты охраняемая молодою женщиной, судьба и характеръ которой сложились одинаково странно. Она и замужемъ и нѣтъ, вдова и мужъ ея еще живъ, а молодость свою она посвятила серьезному, но крайне однообразному дѣлу, и занятіе этимъ дѣломъ замѣняло ей всякія удовольствія и развлеченія.

„Не можетъ быть чтобы сироты вполнѣ удовлетворяли ее, думалъ Оливье, а веселость ея навѣрное валускала. У нея есть сердце: что она съ нимъ сдѣлаетъ?“

Иногда онъ убѣждалъ себя въ томъ что это сердце принадлежитъ ему, что она сама отдала ему свое сердце и теперь напрасно старается взять обратно, что послѣ долгой и безплодной борьбы она кончить тѣмъ что признаетъ себя побѣжденною. Безъ ея вѣдома онъ дѣяныя вечера проводилъ въ бесѣдахъ съ нею; чрезъ дворъ, паркъ и стѣну отдѣлявшіе ихъ другъ отъ друга, онъ съ большою самоотверженностью говорилъ ей очень смѣлыя вещи которыя даже шепотомъ не посмѣлъ бы сказать ей въ дѣйствительности. Онъ говорилъ ей о лицемѣрїи великихъ и сильныхъ міра сего которыя доставляютъ себѣ всѣ блага жизни, ищутъ счастья въ разнузданности страстей, а меньшей братіи проповѣдываютъ сдержанность, жертвы, строгость нравовъ.

— Мы оба имѣемъ право мстить жизни, кричалъ онъ ей чрезъ раздѣляющее ихъ пространство.— Вознаградимъ другъ друга за всѣ наши страданія. Нашъ единственный долгъ любить другъ друга.

Но она не слышала его, между ними лежалъ большой черный дворъ, обширный паркъ, поднималась высокая стѣна и густая зелень кустовъ. Оливье зналъ это. Вслѣдъ за самыми безумными надеждами на счастье, заставлявшими со страшною силою биться его сердце, имъ овладѣвали мучительныя сомнѣнія, порой полное отчаяніе. Каждое утро онъ говорилъ себѣ:

— Я непременно долженъ ее видѣть.

Но ему казалось что она отъ него очень, очень далеко, гдѣ-то на краю свѣта. Длинный путь къ ней, исполненный всякихъ трудныхъ препятствій, пугалъ его; онъ боялся какой-нибудь неприятной встрѣчи и вопроса куда онъ идетъ. Несмотря на смѣлость своего ума, этотъ эманципированный юноша, свысока смотрѣвшій на общество, его обычай и нравственность, все еще обладалъ тою долей честности которая дѣлала его вполнѣ неспособнымъ къ ремеслу завоевателя. Случалось что онъ углублялся въ паркъ съ цѣлью пройти въ пріютъ, но у него до такой степени начинало биться сердце, онъ чувствовалъ такое волненіе что рѣшимость идти далѣе разомъ покидала его. Два раза, впрочемъ, у него достало духа добраться до цѣли, но утѣшенія отъ этого было мало. Въ первый разъ начальница была занята и просила извинить ее, во второй разъ она его приняла, но къ несчастію сестра Клотильда все время сидѣла тутъ же, и Беатриса не выказала ни малѣйшаго желанія хотя бы на время удалить ее. Онъ вздумалъ поддѣлаться къ этой несносной надзирательницѣ. Въ оставшихся ему послѣ матери вещахъ онъ разыскалъ прекрасное Распятіе слоновои кости; произведеніе это приписывалось Донателло. Онъ рѣшилъ предложить Распятіе своей кузинѣ для украшенія престола убогой часовни въ которой не на что было смотреть. Беатрисѣ было совѣстно лишать его такого чуднаго произведенія искусства доставшагося ему послѣ матери, но сестра Клотильда съ сіяющими отъ удивленія глазами такъ умоляла ее принять Распятіе что Беатриса наконецъ согласилась поставить его какъ бы на храненіе въ часовнѣ.

Съ этого дня сестра Клотильда стала очень благосклонно относиться къ Оливье, ласково, чуть не съ умиленіемъ глядя на него, однако всегда была налицо при его свиданіяхъ съ кузиной, а онъ не смѣлъ ей сказать: „любезная сестра, вы здѣсь совершенно лишняя“.

Преестная измѣнница, о существованіи коей Оливье едва помнилъ и встрѣчи съ которою онъ нисколько не боялся, уже около шести недѣль была въ отсутствіи. Она увѣжала довольно часто и никогда не слѣдила своимъ возвращеніемъ домой. Убѣдившись въ томъ что его тестъ человѣкъ не гаулый, г. Марескель ввѣрилъ ему управленіе своимъ агентствомъ въ Парижѣ. Жоржина подолагу гостила у своихъ родителей. Ея владыка и поведитель безъ особеннаго сожалѣнія отпуская ее веселиться. Онъ уже не былъ влюбленъ въ жену, любовь въ его сердца замѣнилась тщеславіемъ, гордостью обладателя. Онъ гордился своею женой, любилъ выставлять ее на показъ, ему хотѣлось и было пріятно чтобы всѣ знали что эта очаровательная блондинка его собственность. Какъ только онъ могъ выбрать себѣ нѣсколько свободныхъ дней, онъ ѣхалъ самъ вмѣстѣ съ ней, въ Парижъ, ѣздилъ съ нею всюду гдѣ только люди бывали и веселились, счастливыи тѣмъ что шелъ подъ руку съ такою красавицей предъ которою невольно останавливались всѣ прохожіе.

Онъ былъ довольно хорошии мужъ и прекрасный плаательщикъ; онъ умѣлъ цѣнить всякую оказанную ему услугу. Онъ былъ признателенъ женѣ за удовлетвореніе его самолюбія, но въ его глазахъ у нея была еще и другая, несравненно бѣльшая заслуга: день въ день чрезъ девять мѣсяцевъ послѣ ихъ бракосочетанія она подарила его сыномъ, котораго онъ такъ пламенно желалъ имѣть. Этотъ сильный и здоровый мальчуганъ былъ вылитый отецъ, который на него просто готовъ былъ молиться. Его лукавыя щеки казались надуваться заносчивостью не менѣе чѣмъ молокомъ; онъ родился не только съ цѣлою шапкой рыжихъ волосъ на головѣ, но даже, какъ Лудовикъ XIV, съ двумя зубами во рту; казалось онъ только и ждалъ того чтобы у него прорѣзались остальные зубы, дабы затѣмъ твердо и крѣпко вцѣплиться ими во все что только можетъ дать жизнь. Его первымъ дѣломъ было то что онъ совсѣмъ загналъ въ тѣнь

бѣдную Мелію. Благодаря печальному обороту судьбы, принцесса, такъ высокомерно относившаяся къ Оливье, теперь сама неожиданно подала въ разрядъ замарашекъ. Такъ какъ въ числѣ ея добродѣтелей не было покорности судьбѣ, то характеръ ея обострялся съ каждымъ днемъ, и дѣло кончилось тѣмъ что для того чтобъ избавиться отъ такой несносной дѣвчонки, ее отвезли въ Лилль и отдали тамъ въ пансіонъ подъ управленіемъ монахинь; имъ поручили искоренить въ бѣдной Меліи всѣ тѣ пороки которые вѣкогда такъ старались укоренять въ ней. Послѣ грустнаго отъѣзда изгнанницы, Шарло благоденствовалъ; онъ замѣтно жирѣлъ и наслаждался своимъ торжествомъ. Онъ смутно сознавалъ что его назначеніе и обязанность заключаются въ стремленіи занимать какъ можно болѣе мѣста въ мірѣ; онъ къ этому готовился заранее, его скорослѣлая поанота едва умѣщалась въ кроваткѣ, и по всѣмъ вѣроятіямъ онъ уже догадывался о томъ что заводъ принадлежитъ ему. Самая здоровая, крѣпкая и толстая кормилица была выбрана для удовлетворенія его ненасытной жадности; мать обращалась съ нимъ благосклонно-равнодушно, а отецъ готовъ былъ на всякія визости чтобы заслужить его расположеніе.

Г. Марескель не имѣлъ ничего противъ того чтобы время отъ времени жена его пользовалась полною свободой; онъ не боялся съ ея стороны какихъ-либо злоупотребленій свободой. Онъ зналъ что отчасти она любила тревожить и мучить своего повелителя, но отчасти и боялась его. Онъ зналъ также что ей наслажденіе возбуждать страсти, обманывать надежды, но что тщеславіе у нея стоитъ выше всего, что она гораздо болѣе любитъ доставлять своимъ поклонникамъ страданія чѣмъ блаженство. Эта блестящая птичка охотно предавала себя, но какъ только кто протягивалъ руку поймать ее, она быстро вспархивала, садилась на высокое дерево и оттуда насмѣшливо дразнила гонящихся за нею охотниковъ. Основательно или неосновательно, но г. Марескель былъ твердо убѣжденъ что самое кокетство Жоржины всегда спасетъ ее отъ паденія. Онъ не только разрѣшалъ ей поѣздки въ Парижъ, но даже часто и самъ ей предлагалъ подольше пожить тамъ. Ея отлучками онъ до нѣкоторой степени пользовался; въ ея отсутствіи безо всякаго стѣсненія онъ предавался мекимъ

страстишкамъ въ видѣ отдыха отъ занятій. Такъ какъ нѣтъ ничего тайнаго что не сдѣлалось бы явнымъ, то и Жоржина узнала о всѣхъ похожденияхъ своего супруга. По совету матери, она не сдѣлала ему сцены, не стала упрекать его, а съ христіанскимъ смиреніемъ покорилась судьбѣ. Въ сущности нѣтъ ничего опаснаго въ мимолетныхъ связяхъ; работница съ фабрики не солерница. Вотъ еслибы въ своемъ саду она встрѣтила свѣтскую женщину, дѣло бы не обошлось безъ шума. Но что бы ни говорилъ Лаваси, у г. Марескеля была своя нравственность, онъ самъ возлагалъ на себя извѣстныя обязанности. Онъ не забывалъ чѣмъ онъ былъ обязанъ гжѣ Марескель и далъ самому себѣ слово не причинять ей крульныхъ огорченій; онъ никогда не ухаживалъ за свѣтскими женщинами. Кромѣ того, на такія ухаживанья у него и времени не было; онъ могъ позволять себѣ только мимолетныя наслажденія. Правда, онъ было попыткаса приволокнуться за своею сводчицей, но при первой же попыткѣ потерпѣвъ поражение и сдѣлавъ видъ что отложилъ о ней всякое поличеніе. Какъ всѣ султаны, онъ не допускалъ и мысли о возможности невѣрности со стороны своей жены; что же касается всѣхъ остальныхъ женщинъ, онъ держался того мнѣнія что добродѣтель каждой изъ нихъ, будь она блондинка или брюнетка, вполнѣ зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ. О сводчицѣ своей онъ думалъ частенько и рѣшилъ терпѣливо выжидать благопріятнаго случая, не показывая вида что ищетъ и ждетъ его.

Въ одно прекрасное утро Оливье узналъ о возвращеніи отсутствовавшей красавицы подъ супружескій кровъ. Нѣкоторое время онъ колебался, раздумывая, сдѣлаетъ ли идти къ ней съ визитомъ. Г. Марескель разрѣшилъ всѣ его сомнѣнія. На другой же день по пріѣздѣ жены, не вспоминая ни слова о прошломъ, онъ увелъ молодого человѣка обѣдать въ замокъ. При встрѣчѣ съ Жоржиной, красивой попрежнему и одѣтой наряднѣе обыкновеннаго, Оливье не ощутилъ въ себѣ ни волненія, ни злобы, ни даже любопытства. Онъ раскланялся съ нею, подалъ ей руку, спросилъ ее благополучно ли она совершила свое лутешествіе, и совершенно безрелетно взглянулъ ей въ глаза. Онъ чувствовалъ себя до того далекимъ отъ нея что ему нечего было сдѣлать за собою, нечего было опасаться какой-либо меловкости съ своей стороны.

Весь обѣдъ онъ только тѣмъ и занимался что производилъ сравненія. Онъ храбро рѣшилъ что гжа Курлисъ несравненно прекраснѣе своей сестры; это была крупная ересь, но всѣ влюбленные еретики, божество открывается имъ только въ ихъ собственномъ маленькомъ храмѣ. Г. Марескель, надѣявшійся въ тихомодку посмѣяться надъ его смущеніемъ, отпустилъ телерь нѣсколько остро въ на его счетъ съ цѣлью смутить его. Оливье нисколько не смутился, отвѣчалъ весело, почти остроумно. Когда находишься въ присутствіи красивой женщины которую нѣкогда любилъ, но уже болѣе не любишь и которая незамѣтно наблюдаетъ за тобою, то разумѣется стараешься не казаться дуракомъ. Его свободное, спокойное обращеніе нѣсколько озадачило Жоржину, и къ концу обѣда она стала задумчива. У нея на умѣ было что-то чего она не высказала. Г. Марескель и не замѣтилъ задумчивости жены; ему мало было дѣла до того что по ея лицу иногда проносились легкія облачка. Какъ хорошій мужъ и какъ честный человекъ, онъ сдержалъ свое слово, доставилъ ей то пышное счастье которое обѣщалъ, но въ подробности этого счастья онъ не входилъ, разумѣя его лишь съ одной денежной стороны.

Кофе стали пить въ саду. Минуту спустя съ завода пришла за г. Марескелемъ по слѣшному, неотлагательному дѣлу. Видя что Оливье собирается идти вмѣстѣ съ нимъ, онъ обратился къ нему съ угрюмымъ видомъ какъ бы упрекая его за то что онъ не доставилъ ему ожидаемаго развлечения.

— Ну, рекрутъ, ты достоинъ получить знакъ отличія на самомъ полѣ битвы, ты шелъ въ огонь какъ старый служака. Поболтай еще минутку со своею кузиной, ей это будетъ очень полезно для лицеваренія.

Какъ только онъ удалился, Жоржина бросила свой нѣсколько величаво сдержанный видъ, въ глазахъ у нея появилась нѣжная томность, заранѣе говорившая о ея намѣреніяхъ.

— Кузень, сказала она, — надѣюсь что мы часто будемъ видѣться съ вами, пожалуйста почаще приходите къ намъ.

— Не знаю, право; вѣдь вы знаете какъ я мало располагаю своимъ временемъ.

— Она поднялась съ мѣста и сдѣлала ему знакъ послѣдовать ея примѣру. Затѣмъ она взяла его подъ руку и увлекла его вдоль аллеи. Она была съ непокрытою головою и раскрыла свой зонтикъ чтобы защититься отъ лучей заходящаго

солнца, красноватый отблескъ его игралъ у нея въ волосахъ и искрился въ брилліантахъ ея серегъ, украшавшихъ ея прелестныя, розовыя, прозрачныя ушки.

Вдругъ она остановилась, глубоко вздохнула и не глядя на Оливье, какъ бы говоря сама съ собою, прошептала:

— Мнѣ никогда не слѣдовало бы гулять въ этомъ саду; я не могу ступить здѣсь безъ того чтобы совѣсть не терзала меня. Въ этой самой аллеѣ, противъ цвѣтника съ розами, рѣшилась моя судьба. Именно здѣсь г. Марескель вырвалъ у меня обѣщаніе отказаться отъ васъ, Оливье, и отдаться ему. Именно здѣсь я стала лживою, жестокою, коварною, измѣнивъ самымъ дорогимъ своимъ воспоминаніямъ, нарушила свой обѣтъ, пожертвовала человѣкомъ который выказалъ мнѣ такую искреннюю привязанность.

Потомъ, поджавъ на своего кузена взглядъ провинившейся собачки, она проговорила:

— Оливье, у васъ доброе, великодушное сердце. Покаянитесь что вы простили меня.

— О, не сомнѣвайтесь въ этомъ! Я досадовалъ на васъ недѣли двѣ-три, а къ концу мѣсяца уже совершенно утѣшился.

— Вы говорите это совѣмъ не убѣдительно, возразила она, владая все въ болѣе и болѣе сентиментальный тонъ.—Ахъ, еслибы вы знали какъ мнѣ необходимо убѣдиться въ этомъ, какъ бы я была счастлива еслибы знала что въ сердцѣ своемъ вы сохранили хоть каплю расположенія, дружбы къ вашей маленькой Жоржинѣ!.. И право же вы не должны сердиться на меня. Еслибы вы только знали какъ ко мнѣ всѣ приставали, какъ неотступно преслѣдовали меня родители, какъ уговаривали, какъ молили!.. Ихъ участь зависѣла отъ моего повиновенія, отъ покорности ихъ волѣ. Я долго сопротивлялась, не уступала; еслибы вы были въ то время здѣсь, я была бы теперь вашею женой.

Онъ указалъ ей на одну изъ шпалеръ и проговорилъ:

— А садовникъ-то вашъ не особенно рачителенъ. Вотъ этотъ персикъ отвязался отъ подпоры.

— Кузенъ, если я и виновна предъ вами, продолжала она нѣсколько нетерпѣливо,—то вѣрьте мнѣ, уже давно искулила свою вину. Жизнь школа тяжелая, я во многомъ теперь разочаровалась. Что значать богатство, роскошь? Въ жизни значеніе имѣеть только любовь, она одна только и необходима

для счастья. А мнѣ именно и не достаетъ любви. Г. Марескель обращается со мной безукоризненно, но онъ не понимаетъ меня. Нѣтъ, я вовсе не нашла въ немъ той нѣжности, той тонкости чувствъ, которыя дѣлають сладостною жизнь вдвоемъ. Чего ему не достаетъ, то есть въ васъ, Оливье; чего онъ не способенъ чувствовать, то чувствуете вы. Нѣкогда вы отдали мнѣ свое сердце, я не сумѣла въ то время оцѣнить это сокровище.

— Не жалѣйте объ этомъ. Взавѣвъ его вы получили вотъ эти дивныя алмазныя серьги, которыхъ я никогда, сколько бы ни желалъ этого, не былъ бы въ состояннн дать вамъ. Вы помните, всѣ эти лустаки стояли у насъ въ списокѣ вещей безъ которыхъ легко и обходиться.

Въ его голосѣ ей почувался отгѣнокъ горечи, и она снова стала надѣяться на успѣхъ. Въ эту минуту они проходили мимо пруда гдѣ плавали два лебедя. Она на минуту наклонилась надъ зеркальною поверхностью чтобъ окинуть себя взглядомъ; она увидѣла въ водѣ свое отраженіе, красивый изгибъ своей шеи, свои изящныя плечи, свое платье изъ индѣйской кисеи, дѣлавшее честь и ловкой модисткѣ, и еще болѣе восхитительной женщиной надѣвшей его. Она рѣшила что красота ея неотразима и, немного помолчавъ, опустилась на каменную скамью.

— Оливье, сядьте пожалуста со мною и выслушайте меня. Несомнѣнно что г. Марескель великій дѣлецъ, но за то ужасный Довъ-Жуанъ, и одинъ Богъ вѣдаетъ до какой степени онъ неразборчивъ въ этомъ отношеніи. Еслибы вы только знали какихъ онъ мнѣ даетъ соперницъ! Прогуляйтесь-ка въ праздничный день по Форне, и вы увидите прелестныхъ угольницъ въ шелку и бархатѣ, въ шляпкахъ съ перьями Ихъ легко узнать по походкѣ, въ шаптахъ онѣ привыкли ходить согнувшись и потому всегда немного сутуловаты. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвицъ такъ разодѣты что ихъ можно принять за принцессъ крови. Можете быть увѣрены что повелитель этого округа почтилъ ихъ своимъ милостивымъ вниманіемъ.. Вы вѣроятно уже слышали объ этомъ.

— Я никогда не занимаюсь тѣмъ что меня не касается, и развлеченія г. Марескеля нисколько меня не интересуютъ.

Она обладала удивительною способностью подражать разнымъ голосамъ и интонаціямъ. И вдругъ теперь, подражая

трагическому тому одной актрисы, которою восхищалась на дняхъ, она воскликнула:

— Оливье, мѣсть сладостна сердцу женщины!

Каменная скамейка стояла подъ вишневымъ деревомъ; на него свѣз черныи дроздъ. Довольный жизнью и вишнями, онъ принялся весело распѣвать.

— Любите ли вы лѣніе дрозда, кузина? спросилъ Оливье. — Я такъ очень люблю. Это лѣніе веселаго молодца, гулаки, который ничѣмъ не печалится, ни о чемъ не заботится и сашкомъ презираетъ всякія обиды чтобы мстить за нихъ. Въ его лѣснѣ много философіи.

Она поклялась выиграть партію, восторжествовать надъ равнодушіемъ которое считала притворнымъ, что необходимо должно было рано или поздно выясниться. Она окончателно разчувствовалась, взяла руку Оливье, и такъ какъ трагизмъ не произвелъ на него желаемаго дѣйствія, то теперь она обратилась къ другому способу и какимъ-то небесно-нѣжнымъ голосомъ проговорила:

— Неужели же, злои мальчикъ, вы рѣшительно все позабыли? Увидѣвъ васъ я невольно вспомнила о множествѣ мелочей, о которыхъ считала своимъ долгомъ не думать. Увы! Вы уже забыли тѣ сладкіе часы которые мы нѣкогда проводили вдвоемъ! Вы забыли и наши давныи разговоры, и наши клятвы, и мою слабость къ вамъ, и четверостишіе которое вы мнѣ написали въ альбомъ и которое я не могу вспомнить безъ волненія. Эти четыре строчки на вѣки залечатались въ моей памяти, а часто повторяю ихъ самой себѣ. Чего бы я не дала теперь чтобы вы снова какъ въ тѣ блаженныи времена сказали мнѣ:

Que je suis pénétré! Que je la trouve belle,
Que son air de douceur et noble et naturelle
A bien renouvelé cet instinct enchanteur,
Ce sentiment si pur, le premier de mon coeur...

И прибѣгнувъ къ своему самому главному средству, она вдругъ вытѣнула голову впередъ и взглянула Оливье прямо въ глаза однимъ изъ тѣхъ убійственно-чарующихъ взглядовъ, противъ которыхъ не могло устоять еще ни одно сердце. Кто можетъ устоять противъ блеска моднии? Если не всегда смертельно, то всегда глубоко поражала она въ самое сердце этимъ взглядомъ. По Оливье же этотъ чарующій

взглядъ только скользнулъ, нимало не тронувъ его каменнаго сердца. Онъ спокойно, очень спокойно высвободилъ свою руку, всталъ и сказалъ ей:

— Вы напоминаете мнѣ эти стихи и безъ сомнѣнія заслуживаете чтобы вамъ кто-нибудь сказалъ ихъ. Но что прикажете дѣлать? Я очень измѣнился, получилъ отвращеніе ко всякаго рода чувствительности, всецѣло отдался мелочамъ жизни, личнымъ интересамъ, а такъ какъ они зависятъ отъ человѣка ревниво охраняющаго свою собственность, то надѣюсь вы не станете удивляться тому что я буду держаться отъ васъ въ отдаленіи.

Онъ говорилъ такъ увѣренно, видъ его былъ такъ спокоенъ и серіозенъ что она не могла не признать себя побѣжденною. Она завертѣла своимъ зонтикомъ, расхохоталась рѣзкимъ смѣхомъ и воскликнула:

— Вотъ что называется ловко подшутить!

Но потомъ она поправилаась.

— Нѣтъ, не особенно ловко, потому что не удалось! Вы лавры, любезный кузенъ, вы очень измѣнились. Гдѣ ваша простота, чистосердечіе? Вы теперь ужасный человѣкъ, васъ не поймашь.

Онъ послѣшилъ раскаяться съ нею и удалился. Она осталась со своею неудачей одна у пруда, слыша но не слыша глѣнне чернаго дрозда, который насмѣхался надъ кѣмъ-то или надъ чѣмъ-то. Она была страшно разсержена. Она не допускала и мысли о томъ что жертвы ея въ состояніи ускользнуть отъ предвѣстившихъ имъ мученій. Она ошиблась въ расчетѣ, ей какъ бы бросили вызовъ, какъ бы подшутили надъ нею. У нея были виды на Оливье. Она ожидала что онъ вернется изъ Люксембурга съ еще незажившею раной, а она станетъ забавляться царалаа ея своими розовыми ноготками. Ей придется три мѣсяца прожить въ Форне. Она рассчитывала что этотъ херувимчикъ поможетъ ей развлечься и позабавиться немножко въ этотъ долгій и скучный промежутокъ времени. Ей доставило бы большое удовольствіе еслибы время отъ времени онъ садился у ея ногъ и ворковалъ ей о своей любви. Она надѣялась что день ото дня онъ все болѣе и болѣе будетъ воспламеняться, собиралась сильно мучить его, держать его все время между надеждой и отчаяніемъ, между обѣщаніями и отказами, сдѣлать его несчастнымъ, но не доводить его однако до полнаго отчаянія,

держатъ его при себѣ до тѣхъ поръ пока ей не представится другой болѣе занимательный случай для той же игры. И вдругъ у кошки отняли мышку! Неужели она не была въ правѣ сердиться?

Она стала обдумывать этотъ непріятный случай. Даже въ глѣвѣ она бывала хитра и проницательна. Она начала съ того правила что всякимъ сердцемъ влюбя или напоо-вину свободнымъ овладѣть всегда можно. Оливье же, несмотря на всѣ ея ухищренія, остался твердъ, слѣдовательно онъ кого-нибудь любить. Она стала доискиваться кого именно, и вдругъ ее озарила догадка. Ей было извѣстно что въ дѣтствѣ гжа Курлизь была влюблена въ своего хромого двоуроднаго брата. Ей также было извѣстно что они встрѣтились въ Спа; она вспомнила съ какою убѣдительною эта самая гжа Курлизь ходатайствовала за несчастнаго инженера, о которомъ сначала г. Марескель и слышать даже не хотѣлъ. „Если онъ теперь здѣсь, разсуждала она, то только благодаря ея стараніямъ, благодаря ея пылакому краснорѣчію. Меня считаютъ кокеткой, но у нея кокетства не меньше моего, только она лучше скрываетъ свою игру. По всѣмъ вѣроятіямъ, во время ихъ свиданія въ Спа она наговорила ему такъ много дурнаго обо мнѣ, такъ нѣжно и ласково притрогивалась къ его сердечной ранѣ, состраданіе придавало такое трогательное выраженіе ея чернымъ глазамъ, что, освѣщенный свыше, онъ нашелъ ихъ прекраснѣе моихъ глазъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, когда я вчера по пріѣздѣ зашла къ ней въ пріютъ и спросила ее часто ли она видалась съ нимъ, она покраснѣла, а это съ нею рѣдко случается. Ужь и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ли чего между ними?“

Гжа Марескель не особенно любила свою сестру; она не могла простить ей что та вышла первая замужъ и противъ всякаго ожиданія сдѣлалась хорошенькою женщиной, такъ что даже не совѣмъ ступшевыается рядомъ съ нею. Такого рода преступленія никогда не прощаются. Она вернулась въ замокъ твердо рѣшившись выяснитъ свое подозрѣніе; она говорила себѣ:

— Тутъ что-нибудь да есть; никто не въ силахъ разувѣрить меня, навѣрное тутъ что-нибудь да есть.

XIII.

Недѣлю спустя г. Марескель говорилъ своему секретарю: — Вчера вечеромъ послѣ обѣда, гжа Курлисъ и моя жена составили маленькій заговоръ. Эти двѣ недѣльныя женщины рѣшили что стыдно жить въ двухъ шагахъ отъ каменноугольныхъ колеи и не знать что въ нихъ дѣлается, и что сегодня же онѣ непременно спустятся въ самую глубокую изъ нашихъ шахтъ. Разумѣется это одно пустое тщеславіе, чтобы послѣ говорить что онѣ спускались и расхаживали на глубинахъ слишкомъ шести сотъ метровъ подъ землею. Онѣ между прочимъ рѣшили что ты будешь сопровождать ихъ въ этомъ путешествіи. Страннаго проводника имъ вздумалось выбрать! Напрасно говорилъ я имъ что Иисусу Навину надобны были трубные звуки чтобы разрушить стѣны Иерихонскія, а тебѣ стоить только появиться, и всѣ стѣны сами собою повалятся... Ну да что же съ ними дѣлать? Да хранишь ихъ Господи! Стулай скорѣе, предложи имъ свои услуги; онѣ очень на тебя разчитываютъ.

Оливье всегда дѣлалъ все что ему говорили; онъ послѣднимъ исполнить приказаніе, но чуялъ какую-то опасность. Что такое задумала гжа Марескель выразивъ желаніе спуститься въ шахту, когда знала что возвращаются оттуда густо покрытые угольною пылью, что десяти умываній и ваннъ едва достаточно для того чтобы наполовину отмыть ее, что въ продолженіе двухъ-трехъ дней уголь не отмывается отъ глазъ, что вычищая внутренность вѣкъ, съ нихъ чуть ли не приходится сдирать кожу? Какимъ образомъ эта влюбленная въ самое себя горностайка рѣшается подвергнуть свою бѣдоснѣжную кожу столь жестокому испытанію? У нея навѣрное есть какой-нибудь тайный умыселъ; онѣ рѣшили быть крайне осторожнымъ и старательно слѣдить за собою.

Подойдя къ шахтѣ Сентъ - Люси онѣ нашли тамъ обѣихъ кузинъ ожидавшихъ его съ большимъ нетерпѣніемъ. Онѣ были уже совсѣмъ готовы къ подземному путешествію. Обѣ были въ толстыхъ башмакахъ, грубыхъ синихъ блузахъ и панталонахъ схваченныхъ у лодыжекъ, въ красныхъ галстукахъ, кожаныхъ поясахъ, стягивавшихъ ихъ стройный станъ, въ какихъ-то головныхъ уборахъ, надѣтыхъ на самый

лобъ и совершенно скрывавшихъ ихъ волосы, а поверхъ этихъ уборовъ еще въ толстыхъ кожаныхъ шалкахъ, которыя должны были предохранять ихъ отъ всякихъ ушибовъ; въ рукахъ у нихъ были лампочки. Это были очаровательные углекопы, какихъ еще не видывала шахта.

Жоржина пошла на встрѣчу своему кузену и сказала ему:

— Извините меня, какой трудъ я на васъ взваливаю! Но я сдѣлала все чтобъ онъ по возможности былъ вамъ пріятель.

И она указала на Беатрису. Онъ ей ничего не отвѣтилъ, а одну за другою усаждалъ обѣихъ сестеръ въ подъемную корзинку, указавъ имъ какъ слѣдуетъ съѣзжиться, прыгнувъ колѣни къ головѣ, попросилъ ихъ не шевелиться и не дотрогиваться руками до стѣнъ; затѣмъ ихъ начали спускать въ шахту.

Посѣщеніе шахтъ, это прогулка очень похожая на приключеніе. Нельзя не посоветовать такого путешествія туристамъ, которые не особенно любя опасныя приключенія все-таки любятъ ощущать близость опасности, такъ сказать осязать ее, дабы потомъ самодовольно говорить: „случись то-то, я былъ бы пролаціей человѣкъ“. Однако ничего не можетъ случиться, самъ хозяинъ ручается за безопасность пути. Приходится стремительно спускаться въ непроницаемую тьму, при свѣтѣ лампъ видно какъ предъ взоромъ путниковъ съ быстротой доводящею до головокруженія проносятся разныя отбѣтки по стѣнамъ. Такое путешествіе въ корзинкѣ нельзя даже назвать спускомъ, это какое-то быстрое паденіе, стремительный полетъ, отъ котораго невольно замираетъ сердце. Участъ путешественниковъ зависитъ отъ прочности канатовъ. Если канаты эти свиты изъ проволоки, то могутъ служить мѣсяцевъ десять, если же они свиты изъ волоконъ аловъ, что несравненно дороже, то служатъ около двухъ лѣтъ. Ежедневно осматриваютъ не повреждена ли толчкомъ нижняя часть канатовъ, при толчкѣ канаты легко могутъ полортиться или даже долнуть снизу; а разъ въ недѣлю обязательно осматриваютъ канаты снизу и до верху. Но вѣдь бываютъ же небрежные осмотрщики... Изучали ли вы теорію вѣроятностей? Это самое усложнительное изъ человѣческихъ знаній. Не бойтесь ничего и сидите спокойно.

— Вполнѣ ли вы увѣрены въ прочности каната? спросила гжа Марескель, тремя пальчиками дотрогиваясь до руки своего кузена; она уже начинала раскаиваться въ своей смѣлости.

— Вплоть, коротко отвѣтилъ онъ и не прибавилъ болѣе ни слова для успокоенія гжи Марескель.

Но вотъ спустились, вышли изъ корзины, ничего не разбираешь что вокругъ: вы хотѣли убѣдиться въ томъ что можно жить и подъ землей, обходясь безъ солнечнаго свѣта; вы отдались мраку, онъ охватилъ васъ и держитъ крѣпко. Подземный мiръ—мiръ весьма сложный; безъ карты здѣсь непремѣнно залаутаешься, но по счастью у васъ есть проводникъ. Вслѣдъ за нимъ вы идете извилистымъ корридоромъ, который мѣстами суживается, мѣстами расширяется. Благодаря низкимъ перекладинамъ свода вамъ приходится идти согнувшись, ноги ваши скользятъ по сланцовой почвѣ, попадаютъ въ выбоины. Вдали виднѣются огоньки, нѣкоторые изъ нихъ неподвижны, другіе наоборотъ въ постоянномъ движеніи, приближаются, удаляются, исчезаютъ. То васъ пронизываетъ страшная сырость, на васъ ладають сверху калаи воды, то васъ обдаетъ нестерпимымъ жаромъ, воздухъ становится сухъ и удушавъ; мигу спуста какая-то свистящая машина пышетъ на васъ холодомъ, и вы уже готовы сожалѣть о томъ что испытанной вами духотѣ. Къ разнообразію ощущеній тѣла присоединяется еще и разнообразіе звуковъ поражающихъ вашъ слухъ. Вотъ вы слышите грустное журчанье невидимаго ручейка, а вотъ рѣзкіе удары кирки объ утесъ, а вотъ тихій трескъ разламывающагося угля; далѣе вы слышите пронзительные свистки машинъ, крики и возгласы людей, ржавье лошадей, скриль пустыхъ и нагруженныхъ тележекъ. Попадающіеся вамъ на встрѣчу люди имѣютъ какой-то странный видъ, и подъ толстымъ слоемъ черной лыи покрывающей ихъ лица всѣ они удивительно похожи другъ на друга. Глаза и зубы у нихъ блестятъ и сверкаютъ какъ у негровъ. Вамъ и въ голову не можетъ придти до какой стелени разнообразны ихъ занятія и обязанности; вы только и видите что они двигаются, суетятся съ какими-то странными и даже дикими ухватками.

Будьте терпѣливы, скоро вы поймете все что здѣсь дѣлается, поймете смыслъ того что съ перваго взгляда вамъ показалось бессмысленною возней. Вы узнаете что подземный городъ построенъ по извѣстному научному плану, что у него есть свое правительство, свои законы, что разумъ человѣчскій дѣйствуетъ и въ этой безднѣ, что всему

онъ отводитъ здѣсь свое мѣсто, все подчиняетъ правиламъ порядка, который человѣку необходимъ столько же какъ и хлѣбъ насущный. Вы узнаете что всѣ перекрещивающіася между собою улицы имѣютъ свои особенныя названія; несмотря на множество поворотовъ, всѣмъ извѣстно куда и зачѣмъ онѣ проведены. Вотъ галереи чрезъ которыя въ шахты проникаетъ свѣжій воздухъ, эти ведутъ къ разрабатываемымъ телеръ колямъ, а тѣ ужь къ разработаннымъ, а вотъ эти корридоры служатъ для перевозки груза. Въ черномъ городѣ есть и свои переулки, и свои площади, и даже свои памятники. Вотъ въ этой глубокой разсѣлинѣ утеса день и ночь горятъ двѣ лампы предъ образомъ. Это часовенка, украшенная гирляндами стеклышекъ, серебряными шарами, разными стклянками и гипсовыми статуетками. Надпись надъ нею гласитъ: „Жертвуйте св. Варварѣ и св. Леонарду отъ чистаго сердца“. Святые покровители углеколовъ сопровождаютъ ихъ и въ шахты, дабы тѣ не вообразили себѣ что удаляясь отъ неба они могутъ прервать съ нимъ всякія сношенія; они и сами могутъ забыть небо если будутъ думать что небо забыло ихъ. Подайте св. Варварѣ, подайте св. Леонарду! Они милостивые святые, они не одни воспользуются вашимъ даяніемъ, а подѣлятся имъ со своими друзьями.

Гжа Курлиэзъ положила въ ихъ чашечку новенькій аудоръ, а гжа Марескель, увидя это, положила два аудора; она любила выставять на видъ разницу положенія и состоянія.

— Какъ это странно, обратилась къ своему кузену Беатриса,—сестра Клотильда думаетъ что углеколы ни во что не вѣруютъ.

— Углеколы, отвѣтилъ онъ,—всегда во что-нибудь вѣруютъ. Если они не вѣруютъ въ Бога, такъ вѣруютъ во святыхъ, если не въ святыхъ, такъ въ діавола, въ какихъ-нибудь фетишей, въ своихъ заблукъ которыми они выкалываютъ глаза для того чтобы тѣ лучше и ровнѣ лѣли.

Гжа Курлиэзъ любила понимать все что ей приходилось видѣть, была очень любознательна. Кузену ея не легко было удовлетворять всѣмъ ея вопросамъ, но молчаливый со всѣми Оливье съ нею былъ очень разговорчивъ, говорить съ нею казалось ему такъ же естественно какъ и молчать съ другими. Онъ объяснилъ ей что углеколы дѣлаютъ на вѣсколько разрядовъ и что у каждаго изъ нихъ есть своя

спеціальность, свое дѣло: одни ломають уголь, другіе нагружаютъ имъ тележки, третьи возятъ эти тележки, четвертые роютъ корридоры и т. д. Она желала все видѣть, все осмотрѣть. Она проползла на четверенькахъ чтобы поглядѣть какъ одинъ углекопъ, лежа на спинѣ въ узкой траншеѣ, прикрѣпивъ надъ собою фонарь, выламываетъ уголь съ боковыхъ стѣнокъ; коротенькій костылекъ служилъ ему вмѣсто изголовья. Она ото всего сердца пожалѣла его и высказала ему это. Онъ же повидимому и не слышалъ ея словъ, отъ разговоровъ онъ отвыкъ и былъ вполне доволенъ своею судьбой; этотъ плотный малый въ своей норѣ чувствовалъ себя также хорошо какъ удитка въ раковинѣ. Беатриса точно также пожалѣла и бѣлую лошадь тащившую цѣлую веревку тележекъ съ углемъ. Она очень удивилась узнавъ что лошадь эта уже цѣлая шесть лѣтъ работаетъ въ шахтѣ, и затѣмъ порадовалась что та имѣетъ бодрый видъ и въ хорошемъ тѣлѣ. Беатрисѣ между прочимъ сказали что если эта лошадь когда-нибудь возвратится на поверхность земли, то сначала неможко удивится, а затѣмъ, опять заживетъ какъ ни въ чемъ не бывало. Вдругъ во глубинѣ одного изъ корридоровъ раздалось лѣніе свѣжаго молодого голоса. Беатриса не вѣрила своимъ ушамъ: возможно ли чтобы въ шахтахъ лѣли? Но человѣкъ не похожъ на птицу, онъ поетъ всюду. Даже у полюсовъ, въ странѣ вѣчныхъ льдовъ, есть свѣгвые палаша гдѣ въ печальной и смрадной духотѣ женщины, сидя на корточкахъ, мурлычатъ старинныя лѣсны, въ которыхъ говорится о китахъ, о моржахъ и любви. Двѣ волшебницы, называемыя привычкой и надеждой, творятъ чудеса. Онѣ для людей все дѣлають выносимымъ. Одна закаляетъ наше тѣло и приучаетъ насъ къ тягости нашего бремени; другая развлекаетъ насъ въ печали, рассказываетъ намъ сказки, дѣлаетъ фокусы и забавляетъ насъ своими грешками.

Углекопъ иногда поетъ, никогда не смѣется и говорить очень мало; нравъ у него степенный, сосредоточенный, онъ веселится только въ минуты самозабвенія. Хотя онъ и незнакомъ съ теоріей вѣроятностей, но умѣетъ разчитать всякую случайность, всегда заранѣе предвидитъ опасность, ибо съ нимъ всякое несчастье можетъ случиться гораздо легче чѣмъ съ какимъ-нибудь любознательнымъ или любопытнымъ человѣкомъ который на нѣсколько часовъ

спустился въ шахту съ тѣмъ чтобъ уже никогда болѣе въ нее не возвращаться. Трудъ углекопа—трудъ тяжелей, постоянная борьба съ невидимымъ хитрымъ врагомъ, который вѣчно строитъ ему всякія козни. Есабы не было быдательнаго надзора за безопасностью углекопа, онъ непременно бы задохся или утонулъ бы въ шахтѣ. Ему стараются давать чистаго воздуха, но воздуха въ шахтѣ всегда слишкомъ мало; его стараются оградить отъ воды, но ея всегда въ шахтѣ слишкомъ много. Разсѣянности, невнимательности, одной какой-нибудь ошибки со стороны смотрителя, влодавъ достаточно для того чтобы произошло крупное несчастіе. А если углекопъ и избѣжитъ случайныхъ несчастій, то во всякомъ случаѣ ему нѣтъ возможности избѣжать вліянія жара, холода, сырости, духоты и протекающихъ отсюда болѣзней, анеміи, бронхита, истощенія силъ физическихъ и духовныхъ. Одинъ углекопъ говорилъ: „шахта поѣдомъ насъ ѣсть“. Жертвы ея легко узнать по ихъ худобѣ, земляному цвѣту лица, сторбленной сливѣ, неровной походкѣ человека привыкшаго ощупью ходить въ темнотѣ. Ихъ также всегда можно узнать по постоянно ощущаемой ими жаждѣ, которую они ничѣмъ не въ силахъ утолить. Всякое излещество вредно отзывается на ихъ разстроенномъ здоровьи, а кабакъ окончательно его подрываетъ. Въ шахтахъ люди рѣдко доживаютъ до старости, а старѣютъ они здѣсь всегда преждевременно. Въ одной древней рукописи говорится будто ангелъ открылъ людямъ тайну какъ жечь каменный уголь. Одинъ же изъ толкователей этой рукописи полагаетъ что мысль автора помята неправильно; онъ навѣрное де хотѣлъ сказать не ангелъ, а Англичанинъ. Мы держимся того же мнѣнія, ибо какъ ни прекрасно это изобрѣтеніе, трудно повѣрить чтобъ ангелы стали имъ заниматься.

— Не жалуйте о нихъ, сказалъ гдѣ Кураизъ любезный и вѣжливый начальникъ шахты Сень-Люси, который, узнавъ что двѣ изящныя красивыя дамы спустились въ его подземное царство, послѣдшилъ принять ихъ съ подобающею честью. — Нѣтъ, не жалуйте о нихъ, они вовсе не такъ несчастны какъ вы полагаете. Большинство ихъ любятъ свое ремесло, гордятся имъ; они и для дѣтей своихъ другаго ремесла не желаютъ. Здѣсь оно преемственное, отцы ихъ были углекопами, сами они углекопы и дѣти ихъ будутъ также углекопами. Къ крестьянину, къ землепашцу

они питають во глубинѣ души то же презрѣніе какое питаетъ морякъ къ человѣку живущему на твердой землѣ, а къ своей шахтѣ, къ своему труду у нихъ та же горячая привязанность какая бываетъ у матроса къ его кораблю... Да вотъ, напримѣръ, Тимоѣей Сервуа, онъ спустился въ шахту еще юношей, а теперь ему уже далеко за пятьдесятъ лѣтъ. Онъ очень хорошо сохранился, у него до сихъ поръ прекрасное зрѣніе, твердая рука и крѣпкія ноги. Спросите-ка его, есть ли въ мірѣ положеніе лучше положенія углекола, а впрочемъ нѣтъ, лучше не спрашивайте, онъ не всегда бываетъ расположенъ къ разговорамъ.

Углеколь названный былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, очень высокій, худой какъ спичка, со впалыми щеками, носъ у него былъ длинный и острый какъ лезвее ножа, поперекъ лба шла глубокая борозда, будто шрамъ, на самомъ же дѣлѣ ее врѣзала ему жизнь. На Тимоѣей Сервуа были полотняные штаны и лиловая фланелевая рубаша безъ пуговиць, грудь у него была волосатая худая; можно было пересчитать у него всѣ ребра. Въ данную минуту онъ не работалъ, а закусывалъ; въ лѣвой рукѣ у него была тыквенная бутылка, а въ правой большой лопать ситнаго хлѣба обернутый мѣшкомъ, изъ котораго онъ его вытаскивалъ по мѣрѣ того какъ ѣлъ; это была предосторожность чтобы не замарать хлѣба углемъ. Онъ поочередно то закидывалъ голову чтобы хлебнуть изъ бутылки, то наклонялся чтобы откусить хлѣба, доставшагося ему такимъ тяжелымъ трудомъ. Этотъ великій философъ находилъ его однако вкуснымъ и отнюдь не чувствовалъ его горечи.

Гжа Курдизъ подошла къ нему, онъ даже не побезлокапсился поклониться ей, а она участливо смотрѣла на него. Ему до этого не было никакого дѣла, онъ никогда ни на кого не смотрѣлъ. Онъ имѣлъ видъ стараго домашняго животнаго съ такимъ, но высокомѣрнымъ нравомъ, стараго коня, который столько видѣлъ на своемъ вѣку что теперь на него уже ничто не дѣйствуетъ, ни ласки, ни суровость. Беатриса спросила его: женатъ ли онъ, есть ли у него семья, въ которомъ часу онъ спускается въ шахту, въ которомъ часу возвращается оттуда домой. Онъ отвѣчалъ ей кивками головы, пожиманіемъ плечъ, какими-то глухими односложными словами. Онъ не любилъ чтобы его разспрашивали, входили въ его дѣла, нарушали его молчаніе и покой, чтобы къ

его работѣ прибавляли трудъ говорить. Наконецъ, не добившись ни одного лутнаго отвѣта, она хотѣла было уже уйти, какъ вдругъ онъ самъ сдѣлалъ ей вопросъ.

— Не вы ли начальница сиротскаго пріюта?

— Да, я гжа Курлицъ.

Онъ щеაკнулъ языкомъ какъ бы въ одобреніе своей прощательности и прибавилъ:

— Имени вашего не знаю, но очень хорошо знаю вашу одноколку и вашего осла.

Сказавъ это, онъ снова взялся за кирку и принялся работать.

Послѣ напрасныхъ стараній заинтересовать своими объясненіями гжу Марескель, начальникъ шахты обратился къ болѣе снисходительной Беатрисѣ.

— Вы должны быть очень польщены тѣмъ что старикъ Сервуа сказалъ вамъ нѣсколько словъ; это особенная милость съ его стороны. Вы пользуетесь доброю славой даже въ адѣ.

Онъ принесъ ей планъ всѣхъ колеи и раскрылъ его предъ нею. Онъ показалъ ей въ какомъ порядкѣ идутъ каменноугольные пласты въ саацѣ, какъ эти пласты мѣстами расположены неравномѣрно, какъ они мѣстами обрываются, мѣстами идутъ волнистою линіей и т. д. Оливье чувствовалъ усталость, отошелъ къ сторонкѣ и сѣлъ отдохнуть на опрокинутую тачку; гжа Марескель подошла къ нему и, не справляясь о томъ не стѣснить ли его, помѣстилась рядомъ съ нимъ. Она вовсе не была довольна своею прогулкой. Ей не было ни малѣйшаго дѣла до углекоповъ и до шахтъ, до плавовъ и пластовъ; она спустилась въ шахту только ради маленькаго изслѣдованія которое ее занимало, она разчитывала что въ темнотѣ влюбленные становятся смѣлѣе, свободнѣе, что во мракѣ они скорѣе выдаютъ себя неосторожнымъ словомъ или дѣйствиємъ. Она все время не спускала глазъ съ сестры и кузена, и не замѣтила ничего что бы подтвердило ея подозрѣніе.

— Оливье, что вы дѣлаете тутъ въ одиночествѣ, на тачкѣ, которая вовсе не удобна для сидѣнья? сказала она, сядя рядомъ съ нимъ.—Вы какъ будто чѣмъ-то недовольны?

— Чѣмъ же мнѣ быть недовольну?

— Вы ревнуете.

— Кого и къ кому? скажите пожалуста!

— Вы ревнуете Беатрису къ этому краснощичивому инженеру, который подъ предлогомъ посвященія ея въ великія тайны добыванія каменнаго угля, слѣшкомъ близко стоитъ къ ней. Этотъ милый ребенокъ всюду одерживаетъ побѣды. Въ дѣтствѣ ее всѣ любили за ея доброе сердце, теперь ее любятъ за ея прелестные глазки. Кто бы могъ угадать что она сдѣлается такою красивою, такою очаровательною женщиной? Сознайтесь, Оливье, что вы находите ее красивѣе меня, что вы безъ памяти влюблены въ нее... Ахъ, не краснѣйте, не смущайтесь, въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго! Зачѣмъ скрывать это чувство? Она сама призналась мнѣ что вы влюблены въ нее, что вы за нею страшно ухаживаете... Меня удивляетъ какъ это вы только и влюбляетесь что въ своихъ кузняхъ, то въ блондинку, то въ брюнетку. А вѣдь на свѣтѣ много всякихъ блондинокъ и брюнетокъ, но вы проходите мимо ихъ и не замѣчаете. Въ сущности, это понятно. Волервыхъ, кузины ваши очаровательны, а восторыхъ, онѣ сами помогаютъ вамъ, онѣ идутъ сами къ вамъ на встрѣчу и сами дѣлаютъ двѣ трети пути. Я убѣждена что въ Слѣ Беатриса кинулась къ вамъ на шею и воскликнула: „Несчастный юноша, покинутый безсердечною женщиной! Я воздамъ тебѣ за всѣ твои горести, отдамъ тебѣ все свое сердце!“ Вы не хотите дозвѣриться мнѣ? Напрасно, я очень скромна и благоразумна и всѣмъ сердцемъ сочувствую вашей любви. И право, это истинное благодѣаніе утѣшать эту бѣдную женщину, которая вышла замужъ, но не замужемъ. Правда, у нея есть сироты, но развѣ милосердіе можетъ наполнить пустоту сердца и жизни? Да и мужъ въ сумасшедшемъ домѣ насколько стѣснять ее не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, все складывается въ вашу пользу, все вамъ благопріятствуетъ... Да что же вы молчите, Оливье? отвѣтите мнѣ что-нибудь.

— Вамъ когда-нибудь случалось слышать вой вѣтра въ трубы?

— Случалось.

— А развѣ вы отвѣчали ему?

— Какъ онѣ вѣжливо! воскликнула она.—Оливье, вы начинаете портиться, вы становитесь дерзки, я васъ больше не люблю. Нѣтъ, вы стараетесь казаться хуже чѣмъ вы на

самомъ дѣлѣ. Я готова биться объ закладъ что во глубинѣ души вы очень любите меня.

— Ни капли, съ увѣренностью отвѣтилъ онъ.

Въ эту минуту, избавившись наконецъ отъ любезной предупредительности завѣдующаго колю, Беатриса подошла къ нимъ.

— Поди, поди скорѣе сюда! обратилась къ ней сестрица.— Не оставляй меня пожалуста наединѣ съ этимъ смѣлымъ молодымъ человѣкомъ, онъ обращается ко мнѣ съ такими пылкими рѣчами которыхъ я не должна, не желаю слушать! Я думала что онъ совсѣмъ излѣчился отъ своей несчастной страсти ко мнѣ, а онъ болѣе чѣмъ когда-либо влюбленъ въ меня. Можешь ли ты повѣрить этому?

— Я вѣрю тому что говорилъ мнѣ сейчасъ весьма ученый и очень любезный инженеръ, перебила ее Беатриса.— Я вѣрю, душа моя, тому что рудничныи газъ есть водородистый углеродъ или углеродистый водородъ, что онъ соединяясь съ воздухомъ легко воспламеняется, даетъ взрывъ. А одинъ изъ десятниковъ говорилъ мнѣ что въ сландѣ встрѣчаются совсѣмъ гладкія, точно зеркальныя мѣста, въ которыхъ углеколы иногда видятъ сіяющую фуражку; это одинъ изъ ихъ товарищей, погибшій въ шахтѣ: онъ приходитъ предупреждать ихъ что въ недалекомъ будущемъ готовится взрывъ. Но главнымъ образомъ я вѣрю тому что просто умираю съ голода и что завтракъ мой уже давно ждетъ меня.

— Такъ пойдемте отсюда! вскакивая сказалъ Оливье.

Онъ сталъ во главѣ шествія, и всѣ тронулись въ путь. Беатриса шла слѣдомъ за нимъ, а гдѣ Марескель за Беатрисой; но проходя мимо стояла бѣлой лошади Беатриса остановилась на минуту посмотреть свѣжъ ли ея кормъ, а гдѣ Марескель заняла ея мѣсто. Оливье этого не замѣтилъ и въ поворачивая головы вдругъ сказалъ:

— Берегитесь, Беатриса, тутъ лужа.

Ему отвѣтилъ нѣжный тихій голосъ съ легкимъ пришепетываньемъ:

— Оливье, Жоржины нѣтъ, мы одни.

Онъ быстро повернулся, какъ человѣкъ котораго вартъ зоветъ къ себѣ счастье.

— Тихе, тихе, пожалуста не цѣлуйте меня! расхохоталась Жоржина своимъ злымъ смѣхомъ.

— Что съ вами? что случилось? договая ихъ спросила Беатриса.

— Ничего, успокойся! отвѣтила ей гжа Марескель.— Кузень смѣется надо мной потому что мнѣ почудилась свѣтящаяся фуражка.

Шествіе снова тронулось въ путь, всѣ молчали. Двадцать минутъ спустя, они подыались изъ шахты и снова очутились на свѣжемъ воздухѣ, при ясномъ свѣтѣ солнца. Случается въ жизни что двѣ сестры или двѣ подруги живутъ всегда вмѣстѣ, а между тѣмъ судьба ихъ весьма различна; одной на долю выпадаетъ только все хорошее, а другой все дурное. Если онѣ, на примѣръ, путешествуютъ по горамъ, то одна сохраняетъ всю нѣжность своей кожи, а другая загораетъ и кожа у нея грубѣетъ. Если имъ случится остановиться въ плохой гостиницѣ, гдѣ только одна порядочная постель, то навѣрное эта постель достанется все той же счастливцѣ, причѣмъ ее даже нельзя упрекнуть въ томъ что она сама выбрала себѣ ложе, а другой сестрѣ придется спать какъ попало. Если опрокинется экипажъ, то одна изъ нихъ встаетъ здорова и невредима, а другая непременно сломаетъ себѣ руку или ногу. Если будетъ эпидемія, то одна изъ нихъ не заразится, а другая навѣрное заболѣетъ и даже чуть не смертельно. Надо полагать что одна владѣетъ тайной самосохраненія, или же сама судьба потворствуетъ ея самообожанію, а другая часто забываетъ себя и не заботится ни о какихъ мѣрахъ предосторожности. Эгоизмъ очень изобрѣтателенъ и дѣятеленъ. Обходя шахту гжа Курлизъ желала все видѣть и знать, даже какъ лежатъ ломаные уголь. Гжа же Марескель, вполнѣ способная заниматься разомъ двумя вещами, съ одной стороны зорко слѣдила за сестрой и кузеномъ, а съ другой стороны всецѣло была поглощена заботой какъ бы поменьше ислачкаться, она ни разу не притронулась перчаткой къ своему лицу, а потому и вышла изъ шахты только съ легкимъ угольнымъ обводомъ вокругъ глазъ, была бѣла почти также какъ и обыкновенно, имѣла вполнѣ приличный видъ, между тѣмъ какъ сестра ея была чернѣе суданской негритянки. Довольная своимъ двойнымъ торжествомъ, гжа Марескель вынула изъ кармана маленькое зеркальце и попросила сестру взглянуть на себя. Та до того испугалась своего образа что громко

вскрикнула и, повернувшись спиной къ своему кузену, со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать чтобы скорѣе вымыться. Жоржина была учтивѣе ея. Она поблагодарила Оливье за его любезность, за ученые объясненія которыя онъ давалъ имъ, и извинилась за причиненное ему безлокойство.

— Кузень, прибавила она,—какъ бы мужчина ни остерегался, все-таки кончить тѣмъ что попадетъ на удочку.

XIV.

За нѣсколько дней до того какъ муравейникъ собирается перекочевывать на новое мѣсто, внимательный наблюдатель можетъ замѣтить въ немъ непривычное волненіе. Всѣ муравьи охвачены какимъ-то безлокойствомъ, ползутъ въ разныя стороны, возвращаются и снова куда-то ползутъ. Видъ у нихъ озабоченный, а между тѣмъ они не исполняютъ обычныхъ обязанностей, а безцѣльно, бессмысленно бродятъ, ползаютъ, копошатся. Это лихорадочное ожиданіе важнаго событія которое заставитъ ихъ не мало потрудиться; они сползаются въ кучку, какъ будто о чемъ-то совѣтуются, сообщая другъ другу новости, разсуждая на какомъ-то таинственномъ языкѣ, котораго даже азбуки не могъ еще разобрать ни одинъ филологъ. Черезъ нѣкоторое время все готово, они сознаютъ что созрѣли для своего великаго предпріятія. Наконецъ подавъ условленный знакъ, все населеніе муравейника, забравъ все свое имущество, пускается въ путь. Сильные, умные, знающіе дорогу идутъ во главѣ шествія, а слабые, нерѣшительные, сѣдующіе только примѣру другихъ, позволяютъ дерзкимъ и отважнымъ увлечь себя и также плетутся вслѣдъ за другими. Муравейникъ тронулся, назадъ онъ уже не вернется.

По наружности въ Форне все было попрежнему. Заводъ былъ въ ходу, слышался свистъ, гулъ, грохотъ его машинъ. Плавильныя печи изрыгали дымъ и огонь; лама каменнаго угля, какъ медвѣдица которая облизываетъ своихъ медвѣжатъ, бродило своими неутомимыми огненными языками по красной расплавленной массѣ металла. Огромная воздушная машина съ шумомъ гнала воздухъ въ печи, тѣлѣки поднимались нагруженныя и спускались пустыя, рабочіе плыли, казалось, все шло здѣсь по старому. А между тѣмъ Форне

не былъ въ своемъ обычномъ настроеніи, въ умахъ начиналось броженіе. Многія лица казались задумчивыми, озабоченными; рабочіе вопросительно поглядывали другъ на друга, каждый желалъ по глазамъ угадать что думалъ его товарищъ. Въ столовыхъ царствовала тишина, всѣ знали что за ними слѣдятъ, и вмѣсто обычныхъ разговоровъ по временамъ здѣсь раздавалось только сдержанное шушуканье. По вечерамъ, между рядами домовъ гдѣ жили рабочіе, собирались кучки людей и о чемъ-то шелтались между собою. Повидимому ничего не было и въ то же время что-то было.

Черезъ свою усердную тайную полицію г. Марескель зналъ обо всемъ что происходитъ на заводѣ, но не придавалъ этому никакого значенія. Онъ любилъ самъ наладать, защищаться именно наладеніемъ на врага, презирать всякія угрозы, и потому началъ съ того что прогналъ съ завода нѣсколько рабочихъ на которыхъ ему указали какъ на главныхъ зачинщиковъ, какъ на воротилъ, которые стараются поджигать своихъ товарищей. На слѣдующій день онъ принялъ уполномоченныхъ пришедшихъ просить за провинившихся, а также хлопотать объ измѣненіи новыхъ правилъ для углеколовъ. Съ нимъ говорили очень учтиво, и на учтивость онъ отвѣчалъ учтивостью. Засунувъ руки въ карманы брюкъ и съ усмѣшкой на губахъ, онъ объяснилъ имъ что никогда не измѣняетъ разъ сказаннаго, никогда не измѣняетъ ни одного своего слова, ни одного своего рѣшенія, что его новыя правила могутъ не нравиться только дѣтямъ и что недовольные его распоряженіями могутъ взять разчетъ и искать себѣ другихъ мѣстъ. Разчета никто не взялъ. Муравейникъ волновался все болѣе и болѣе, но перекочевывать не рѣшался.

Однажды вечеромъ, когда г. Марескель вмѣстѣ съ женой обѣдалъ у одного изъ сосѣднихъ заводчиковъ, къ Оливье явился служитель изъ гостиницы и передалъ ему что въ мѣстечко Тулень вчера вечеромъ пріѣхалъ его школьный товарищъ и проситъ его побывать въ гостиницѣ *Золотаго Льва*, гдѣ онъ и оставовился. Отъ Форне до Тулена нѣ болѣе получаса ходьбы. Оливье воспользовался свободнымъ временемъ чтобы сходить къ этому таинственному товарищу. Какъ только онъ сказалъ свое имя, его тотчасъ же ввели въ комнату въ нижнемъ этажѣ, и сначала ему показалось что въ ней никого нѣтъ. Но ласканье

водой въ ваннѣ указывало что въ комнатѣ находится кто-то. За ширмами очень толстый молодой человекъ бралъ ванну, въ которую по его приказанію было влито нѣсколько пузырьковъ уксуса. Цѣлый день онъ пробѣгалъ по мистерлиной жарѣ, лекся подъ солнцемъ, толкая то съ тѣмъ, то съ другимъ, объясняя, доказывая и принужденъ былъ своими лухлыми, нѣжными руками, которымъ позавидовалъ бы всякій предать, жать грубыя, жесткія и зачастую грязныя руки. Чтобъ отдохнуть, успокоиться послѣ испытанной имъ усталости, ванна вовсе не была лишнею.

— Кто тамъ? громкимъ и зычнымъ голосомъ спросимъ онъ.

Оливье затрелетаъ. Онъ узналъ этотъ голосъ, столь же пріятный его сердцу, сколько призывной звукъ трубы пріятенъ сердцу новобранца, который томится въ казармѣ и жаждетъ бранной славы и подвиговъ.

Разговоръ начался черезъ ширмы.

— Сядь, устройся какъ-нибудь если только найдешь стулъ въ этой каморкѣ, говорилъ Лаванси. — Старый товарищъ, очень любезно что ты пришелъ! По первому призывному знаку ты уже здѣсь. Узнаю твой чудесный характеръ.

— А имѣлъ бы право на тебя сердиться, отвѣчалъ Оливье. — Ты пренебрегаешь мной, ты забываешь меня! Я написалъ тебѣ пять писемъ; нѣтъ отвѣта, ни словечка.

— Что же дѣлать? Такая жизнь. Можно не видѣться, не переписываться и однако помнитъ другъ друга. Приходится тянуть свою лямку, тащить свой обозъ, но это вовсе не мѣшаетъ любить своего маленькаго Оливье, думать о немъ также часто какъ Амариллида думала.... да о комъ-бишь думала Амариллида? чортъ ее знаетъ, не помню!.. Вотъ что, сынъ мой, пора и тебѣ приносить людямъ пользу. Если ты сидишь, то встань, осторожно проберись между стѣной и ширмами, только пожалуста не урони ихъ, на нихъ стоить только дунуть и онѣ полетятъ кувиркомъ, и затѣмъ подай мнѣ простыню. Всевидящій современемъ вознаградитъ тебя за это.

Минуту спустя Оливье уже былъ предъ ванной, въ которой во весь свой ростъ стоялъ Лаванси. Онъ могъ любоваться его полнотою, его лухлымъ мягкимъ тѣломъ. Оливье заботливо ухаживалъ за Лаванси, а тотъ принималъ всѣ его услуги какъ человекъ привыкшій къ тому чтобы другіе ему служили.

— Вотъ онъ, этотъ честный, этотъ добрый, достойный Оливье! Вотъ онъ! Право, я очень радъ тебя видѣть, я скучалъ по тебѣ. Что бы ни говорили, а только старая дружба не ржавѣетъ, всякая другая не въ счетъ... Постои-ка, прежде чѣмъ подать мнѣ рубашку, вотъ этою щеткой разотри мнѣ хорошенько грудь, спину и руки. Для правильнаго кровообращенія ничего нѣтъ лучше этого. Не бойся содрать мнѣ кожу, три изо всѣхъ силъ.... Хорошо ли ты мнѣ вытеръ горло? Оберни-ка его вотъ этою фланелью. Это мѣсто куда идутъ хорошіе куски и откуда выходятъ хорошія рѣчи и сильныя слова. Въ нашемъ же ремеслѣ это орудіе, поневолѣ стараешься беречь его... Кстати, знаешь ли, я нахожу что ты нѣсколько измѣнился? Какъ свѣтъ-то устроены! Я все толстѣю, а ты все худѣешь. Но это къ тебѣ идетъ; еслибъ я былъ хорошенькою женщиной, то непременно сказалъ бы: „вотъ интересный молодой человекъ!“ Навѣрное твоя невѣрная ластушка теперь жалѣетъ о случившемся; надѣюсь ты уже завладѣлъ своимъ добромъ?... Нѣтъ? Не можетъ быть! Неужели? Такъ ты уже другой отдалъ свое сердце? Этотъ Форне настоящій Магометовъ рай. Я утромъ видѣлъ одноклаку запряженную красиво убраннымъ наряднымъ осликомъ, а въ одноклаку прелестная брюнетка, ликантная, лухленькая, мякотькая, настоящій лакомый кусочекъ который невольно возбуждаетъ въ человекѣ аппетитъ. Я справился, и мнѣ сказали.... Что съ тобою? Ты покраснѣлъ какъ маковъ цвѣтъ. Развѣ?... Не стѣсняйся, мое милое дитя, у кого есть кузины, слѣдуетъ пользоваться ими. Поздравляю тебя, ты славно выбираешь себѣ утѣшенія, а у этой женщины весьма утѣшительный видъ. Ну и что же, ты доволенъ ею?... Я кажется начинаю быть нескромнымъ? Тысячу разъ прошу прощенья! Я вѣдь думалъ что у тебя нѣтъ тайны отъ твоего маленькаго Лаванси.... А затѣмъ, мой милый, спасибо тебѣ, я самъ сдѣлаю все остальное. Пока я буду кончать свой туалетъ, будь такъ любезенъ, сойди внизъ въ кухню и попроси здѣшняго мерзкаго поварышку позаботиться о моемъ обѣдѣ. А ты ужь пообедай? Весьма жаль, а то я раздѣлилъ бы съ тобою мою трапезу.

Благодаря стараніямъ и заботамъ Оливье обѣдъ былъ поданъ какъ разъ къ тому времени какъ Лаванси, въ красномъ матросскомъ кителѣ, бѣлый розовый и весь сіяющій выходилъ изъ-за ширмъ, какъ солнце изъ-за облака. Ему не составило

особеннаго труда сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ, сѣсть за столъ и развернуть свою салфетку: Оливье принявъ на себя обязанность прислуживать ему и подавъ ему супъ, который тотъ быстро поглотилъ совсѣмъ горячимъ, хотя и объявилъ что супъ этотъ невозможно скверенъ. Заморивъ червяка, онъ принялся точно и обстоятельно допрашивать Оливье обо всемъ что дѣлается, говорится, происходитъ и можетъ произойти въ Форне. Отвѣтовъ его онъ не дослушивалъ до конца, онъ все понималъ очень скоро и не любилъ чтобъ ему объясняли то что онъ уже позналъ. Онъ отрывисто стукалъ по столу рукой своего ножа и говорилъ: „довольно, давай!“ Нѣсколько разъ онъ перебивалъ рѣчь Оливье чтобы пожаловаться на гостиницу *Золотаго Льва* и на то какъ тутъ плохо кормятъ. Съ видомъ глубокаго отчаянья онъ ронялъ вианку на столъ и грустно восклицалъ: „Господи Боже мой, что за гнусная харчевня!“ Потомъ съ великодушнымъ усиліемъ надъ самимъ собою онъ снова принимался за ѣду, говоря: „вернемся же къ дѣлу“. И онъ глоталъ кусокъ за кускомъ, предлагалъ вопросъ за вопросомъ. Дѣло въ томъ что у него былъ желудокъ страуса; но будучи въ то же время обжорой и лакомкой, онъ если и переваривалъ изумительныя кушанья подаваемыя въ гостиницѣ *Золотаго Льва*, то съ отвращеніемъ, съ негодованіемъ.

Кончивъ кофе и узнавъ все что ему было нужно, онъ всталъ, швырнулъ салфетку на стулъ, закурилъ сигару и, поглаживая рукой остатки своихъ волосъ, принялся большими шагами ходить по комнатѣ.

Онъ внезапно преобразился: Это былъ Лаванси великихъ дней и событій, Лаванси прорицатель и трагикъ. Вдругъ онъ подошелъ къ Оливье и протянулъ ему руку:

— Взгляни внимательно на мою ладонь: что ты на ней видишь?

Оливье замаялся, не зная что отвѣтить.

— Развѣ ты не видишь на ней своего мщенія? Я его принесъ тебѣ; поцѣлуй меня.

Однако онъ понималъ что послѣ такого утомительнаго дня онъ не будетъ въ состояніи долго держаться на высотѣ. Онъ бросилъ высокій слогъ, открылъ кааланы своего шара и снова спустился на землю, снова сталъ добродушнымъ, милымъ Лаванси. Будь Оливье податливѣе, Лаванси теперь все не прочь былъ бы кутнуть и повеселиться. Утробогадатель

всегда радъ встрѣчѣ съ собратомъ, можно посмѣяться; они говорятъ другъ другу: „Боже, какъ люди-то глулы!“ По несчастью, Оливье вовсе не принадлежалъ къ этому братству, онъ не понималъ ихъ языка, принималъ все за серьезное, ко всему относился серьезно. Лаванси сѣлъ противъ него и хлопнулъ его по ляшкѣ.

— Старый другъ, ты малый сообразительный, ты уже навѣрное угадалъ что я прѣѣхалъ сюда вовсе не затѣмъ чтобы жевать подошвы и глотать мерзвѣйшее вино. Я прѣѣхалъ сюда какъ апостолъ или какъ миссіонеръ, какъ тебѣ больше нравится, и смѣю надѣяться что ты находишь мою физиономію подходящею къ этому дѣлу. Какъ ни хитеръ твой Марескель, онъ слишкомъ заторопился и потому дѣлаетъ глупости, неосторожности, за которыя, клянусь тебѣ, дорого заплатится. Ему мало того что онъ сбавилъ жалованья на заводѣ и ввелъ новыя правила, кромѣ всего этого онъ прѣдирается къ рабочимъ, прѣтѣсняетъ ихъ, запрещаетъ имъ сходиться и сообща обсуждать свои дѣла, прѣдерживающихся синдиката считаетъ за поджигателей, за зачинщиковъ и уже болѣе ста человекъ ни за что ни про что разчиталъ. Рѣшено устроить забастовку, но повидимому это дѣло не легкое. Въ здѣшнемъ народѣ много бельгійскаго, кровь у него густая, нравъ спокойный, страсти не скоро всплываютъ. Недѣлю здѣсь размышляютъ, обдумываютъ, на девятый день рѣшаются, а на десятый снова принимаются думать и размышлять; когда же начинаешь размышлять по поводу своего раздраженія, обыкновенно дѣло кончается тѣмъ что раздраженіе минуетъ; хочешь воспользоваться имъ, ищешь его, а его уже нѣтъ. Размышленіе, дитя мое, убиваетъ волю; это тебѣ говоритъ Лаванси. Словомъ, синдикатъ рѣшилъ разбудить этихъ соней, разжечь ихъ, воодушевить ихъ. Нуженъ былъ только ораторъ. Въ Форне и его окрестностяхъ, какъ видно, это звѣрь рѣдкостный. Обратившись въ Парижъ, я предложилъ свои услуги, и вотъ я здѣсь.

Онъ снова всталъ и высоко поднявъ голову и скрестивъ руки на груди, снова принялся шагать по комнатѣ.

— Да, вотъ я и здѣсь, повторилъ онъ.—Я не строю себѣ никакихъ иллюзій, мой милый другъ, дѣло за которое я взялся не какая-нибудь пустая дѣтская игра. Но какую бы обязанность на меня ни возлагали, я никогда не ищу случая отъ нея отдѣлаться, и когда народъ нуждается во мнѣ, я не

имѣю привычку торговаться съ нимъ... Милый мой народъ! Тебѣ стоить сказать только слово, и Аристидъ Лаванси весь къ твоимъ услугамъ; располагай имъ; онъ знаетъ какова его обязанность въ отношеніи къ тебѣ, и никакія трудности не въ состояніи уменьшить его рвенія и усердія. Хочешь его жизни? Возьми ее, она принадлежитъ тебѣ... Да кромѣ того, я уже давно всею душой ненавижу всѣхъ этихъ денежныхъ и торговыхъ тузовъ. Я вовсе не прочь дать имъ урокъ, унизить ихъ высокомеріе, дать добрую оплеуху самому дерзкому изъ нихъ нахалу. Я очень хорошо знаю что онъ будетъ защищаться; съ такимъ врагомъ шутить нельзя, трудно будетъ усмирить этого велпра и загнать его въ берлогу. Онъ будетъ обороняться отъ собакъ. Это не какой-нибудь поросенокъ, не двугодовалый кабанъ, а настоящій велпръ-пустынный, щетина у него колючая, лобъ здоровенный, клыки острые. Но не безлокойся, милашка, мы сумѣемъ съ нимъ справиться, мы свесемъ ему башку съ плечь долой. Я себя знаю, въ огнѣ я самъ горю, никто больше меня не въ состояніи наслаждаться пыломъ такой борьбы. Да, чортъ возьми! Для меня это дѣло важное, отъ него зависитъ вся моя будущность. Я хочу чтобы говорили: „Помните ли страшнаго звѣря, который на всѣхъ наводилъ ужасъ? Охотникъ Лаванси положилъ его съ одного выстрѣла.“ Горе тому кто проиграетъ свое первое сраженіе! Что касается меня, то свое сраженіе я намѣренъ выиграть и затѣмъ побѣдителемъ вступить въ Парижъ. Держитесь крѣпче, г. Марескелъ! Мы васъ не пожалѣемъ, всѣ средства будутъ для насъ годны:

A moi, comte, deux mots!... Connais-tu bien don Diégue? *

Онъ горячился и успокоивался съ одинаковою легкостью. Прорекламирававъ строчку изъ Корнеля и обведа вокругъ себя побѣдоноснымъ взглядомъ Родрига, онъ сказалъ себѣ: „Баста! дурачиться! Къ дѣлу!“ и разомъ успокоился.

Съ минуту онъ подумалъ, потомъ взялъ стулъ, перевернулъ его, сѣлъ на него верхомъ и снова обратился съ рѣчью къ Оливье:

— Сынъ мой, началъ онъ,—если ты умѣлъ читать между строкъ въ моей газетѣ (которая, къ слову сказать, расходится

* Эй, графъ, на пару словъ!... Ты полно знаешь ли донь-Диего? (Смѣхъ Корнеля).

въ количествѣ почти сорока тысячъ экземпляровъ), то ты долженъ знать что я не кровопийца, не людоедъ. Я не сочувствую крутымъ мѣрамъ для улучшенія судебъ рода человеческого, я разчитываю на краснорѣчіе болѣе чѣмъ на динамитъ и кровопусканіе. Я сейчасъ говорилъ: „мы снесемъ ему башку съ плечь долой“, но это у меня только извѣстный способъ выраженія. Я вовсе не до такой степени ненавижу богачей чтобы рубить имъ головы. Еслибы они добровольно отдали мнѣ свои головы, то я не зналъ бы что съ ними дѣлать, съ меня довольно собственной. Отъ души желалъ бы чтобы твой Марескеаль былъ благоразуменъ и своевременно рѣшился сдѣлать намъ нѣкоторыя уступки, чтобы онъ обратился къ моему посредничеству дабы избавиться отъ заключенія договора съ самими рабочими. Прежде чѣмъ начинать военныя дѣйствія я бы желалъ повидаться и переговорить съ нимъ. Я берусь доказать ему что худой миръ лучше доброй ссоры. А пока передай ему что ты видѣлся со мною и что все можетъ уладиться мирнымъ путемъ если только онъ отвесится къ дѣлу какъ слѣдуетъ. Назначаю тебя своимъ посланцемъ, своимъ герольдомъ; отъ моего имени ты предложишь ему войну или миръ.

— Въ отвѣтъ его нечего и сомнѣваться, сказалъ Оливье, которому удалось наконецъ также вставить слово.—Ты можешь заранѣе быть увѣренъ что онъ избересть войну.

— Въ такомъ случаѣ горе ему! воскликнулъ Лаванси.—Мы такъ славно поведемъ нашу осаду что не позже какъ чрезъ мѣсяць принудимъ его къ сдачѣ. Сынъ мой, я разчитываю и на тебя; намъ будетъ важно знать что происходитъ во враждебномъ лагерѣ.

И протянувъ Оливье руку, онъ прибавилъ съ преувеличенно торжественною важностью:

— Оливье Моганъ, ты мнѣ нѣкогда сказалъ что готовъ отдаться дьяволу лишь бы отомстить. А Лаванси дьяволъ добрый; но кто отдается ему, того онъ уже не выпускаетъ изъ своихъ когтей.

Нѣсколько часовъ позднѣ Оливье исполнилъ возложенное на него порученіе. Онъ договорилъ до конца все что долженъ былъ передать, не смущаясь олимпійскимъ нахмуриваньемъ бровей г. Марескеала, который глядѣлъ на него свысока, какъ только можетъ глядѣть орелъ на коноплянку осмѣливающуюся давать совѣты и болтать ему всякія гаупости.

Когда коноплянка окончила свою рѣчь, орелъ съ усмѣшкой сказалъ ей:

— Право, мой милый, ты безплодобень, а въ восторгѣ отъ тебя! Твое чистосердечіе удивляетъ и чаруетъ меня. Произнося свою маленькую рѣчь ты ловидимому относился къ ней вполнѣ серьезно, ты льстилъ себя надеждой что тебѣ удастся налугать меня или заставить расчувствоваться. О, я убѣжденъ въ томъ что ты желаешь мнѣ только добра, что ты принимаешь участіе въ моемъ благополучіи, и отъ души благодарю тебя за твои прекрасныя намѣренія. И еще разъ повторю, твое чистосердечіе радуетъ меня. Ты истинный кузень своей кухни гжи Курлуизъ, хотя, признаюсь, въ ея пѣвучей, немножко картавой болтовнѣ много увлекательнаго. Еслибы мнѣ ея слушаться, то я долженъ бы былъ снятъ предъ моими рабочими шляпу и сказать имъ: „Что вамъ нужно, друзья мои? Не стѣсняйтесь, чего бы вы ни попросили, я все готовъ исполнить. Ваше завѣтное желаніе получать какъ можно больше, работая какъ можно меньше. Ну что же такое? Я буду вамъ щедро платить, а вы ничего не дѣлайте. Я стану ѣсть вашъ черный хлѣбъ, а вы кушайте мои куличи. Считаете ли вы меня достойнымъ чистить вамъ салоги? Такъ давайте скорѣе саложныя щетки!“ Вотъ какъ, ло мнѣмю этой трещотки, слѣдуетъ вести дѣла. Но я за это на нее не сержусь; не имѣть ни капли здраваго смысла, это женское дѣло, а притомъ у нея такіе чудные глаза что невольно приходится прощать ей многое. Но меня удивляетъ что ты, не будучи хорошенькою женщиной...

— Вы не ловляли меня, прервалъ его Оливье. — На меня было возложено порученіе, и я исполнять его какъ сумѣлъ. Не думайте пожауста чтобъ у меня было притязаніе давать вамъ совѣты. Это дерзкая вольность на которую я никогда бы не рѣшился.

— Ну, слава Богу!.. Тѣмъ не менѣе ты самое удивительное въ мірѣ существо ло наивности иначе ты не взялъ бы на себя обязанность говорить со мною отъ имени Лаванси. Что мнѣ за дѣло до того что можетъ дѣлать и говорить мелкій интриганишка, проныра, который ищетъ случая и воображаетъ себѣ что можетъ вести со мной переговоры какъ равный съ равнымъ, какъ держава съ державой? Неужели ты не видишь что это лаясъ, который хочетъ построить себѣ здѣсь подмостки чтобъ удивлять зѣвакъ своими кривляньями

и прыжками? Мало же знаетъ онъ людей если воображаетъ что я буду служить ему трамплиномъ! Пусть его исполняетъ свои угрозы, пусть начинаетъ свои военныя дѣйствія, пусть надсаживается и хлопочетъ! Я не сдѣлаю ему чести даже взглянуть на него... Постои, садись къ этому столу и лиши отъ моего имени этому грозному воякѣ, этому горюховому пугалу, что какъ я ни преклоняюсь предъ его гениальностью, тѣмъ не менѣе я лишаю себя удовольствія видѣть его и что если онъ осмѣлится явиться ко мнѣ то вылетитъ отсюда изъ окошка.

XV.

Человѣкъ никогда не знаетъ чего ему хочется: ему часто бываетъ трудно даже вникнуть въ свои желанія. Оливье безусловно вѣрилъ въ даровитость, въ ловкость лаяса, горохового пугала, о которомъ г. Марескель выражался съ такимъ пренебреженіемъ; Оливье всѣмъ сердцемъ вѣрилъ въ Лаванси, и въ его счастливую звѣзду. Онъ также зналъ изъ вѣрныхъ источниковъ что если въ Форне произойдетъ забастовка, то завистливые враги г. Марескеля, которыхъ въ правленіи Товарищества у него было много, воспользуются его несчастіемъ какъ орудіемъ своей ненависти противъ него, и даже весьма возможно что они придержатся къ этому случаю чтобы сбросить съ себя тяжелое иго которое со дня на день становилось имъ все ненавистнѣе. Слѣдовательно, можно надѣяться что въ недалекомъ будущемъ сами обстоятельства придутъ на помощь его ненависти и мщенію, а между тѣмъ грядущее событіе доставляло ему больше тревоги чѣмъ радости. Онъ былъ смущенъ, озабоченъ, измученъ. Какія бы онъ ни дѣлалъ надъ собою усилія чтобы заглушить въ себѣ всѣ добрыя чувства, совѣсть тѣмъ не менѣе говорила въ немъ, даже по ночамъ будила его и неотступно приводила ему свои доводы. Онъ былъ съ нею въ разладѣ, ему не удавалось одерживать надъ нею верхъ. Лаванси сказалъ ему:

— Я разчитываю на тебя, намъ будетъ важно знать что происходитъ во враждебномъ намъ лагерѣ.

Какого же рода службы потребуютъ отъ него? Напрасно въ пылу гнѣва покаялся онъ ни предъ чѣмъ не останавливаясь для того чтобы отомстить; всякій неблагоприятный

поступокъ, всякое двусмысленное положеніе были ему отвратительны. Размышляя, онъ не могъ не сознавать что предназначенная ему роль очень походила на роль предателя. Онъ не чувствовалъ себя способнымъ на предательство. Каждое наше дѣйствіе имѣетъ извѣстный обликъ; чѣмъ болѣе всматривался Оливье въ предстоящее ему дѣйствіе, тѣмъ оно казалось ему безобразнѣе и отвратительнѣе; ему страстно хотѣлось бѣжать куда-нибудь, найти себѣ какое-нибудь приближеніе отъ искушенія, отъ преслѣдованій этого добраго или злаго демона, который во что бы то ни стало хотѣлъ взять его душу.

Онъ до того былъ измученъ что захотѣлъ объясниться съ Лаванси. Онъ воспользовался рѣдко выпадающимъ ему на долю свободнымъ временемъ и тайно отправился въ Тулеза. Онъ не засталъ Лаванси, подождалъ часа два и ушелъ домой не видавъ его. Дорога изъ Тулена тянется сначала вдоль стѣны и дворовъ завода и потому покрыта густымъ слоемъ черной пыли; далѣе она идетъ вдоль узкой долины по берегу ручья освѣннаго тѣнистыми ивами и вѣчно трелещущими осинами. Это зеленѣющій, тихій уголокъ, куда не доходить ни дымъ печей, ни стукъ машинъ. Наканунѣ шелъ дождь зелень, трава, кусты, деревья, все сіяло свѣжестью. Ручеекъ съ тихимъ журчаньемъ катилъ свои прозрачныя воды и искрился на солнцѣ. Съ противоположной стороны къ долинѣ круто спускался лугъ засѣянный медушкой, и его волнистая поверхность напоминала спящую на солнышкѣ кошку. Мотки стеблями весело рѣяли въ тепломъ, ясномъ вечернемъ воздухѣ. По гребню старой обвалившейся стѣны красовался дикій макъ; своими яркими цвѣтами онъ какъ будто молодилъ старую стѣну, какъ будто указывалъ на торжество радости и счастья надо всѣмъ грустнымъ и печальнымъ.

Оливье часто проходилъ этимъ цвѣтущимъ уголкомъ, этимъ оазисомъ черной страны, и ни разу ему не пришло въ голову остановиться отдохнуть здѣсь. Но бываютъ дни когда вещи, предметы, камни шлютъ намъ нѣмое приглашеніе; это сочувствующіе нашей жизни свидѣтели, они говорятъ съ нами, выпытываютъ у насъ тайны наши, и мы всегда отвѣчаемъ имъ на всѣ ихъ вопросы. Оливье опустился на крутомъ берегу на траву и прислонился спиной къ старой развѣсистой ивѣ; онъ снялъ шляпу, положилъ ее подлѣ себя и сталъ смотрѣть на ручеекъ, который словно нашептывалъ

ему что-то. Но скоро онъ отвелъ свой взоръ отъ ручья; поджавъ голову, онъ глядѣлъ въ пространство; ему казалось что вдали, на самомъ краю свѣта, въ какомъ-то забытомъ уголѣ, въ бѣломъ свѣтленькомъ домикѣ, онъ видитъ мужчину и женщину которые вполнѣ счастливы, потому что съ каждымъ днемъ они все болѣе и болѣе любятъ другъ друга, имѣютъ одну плоть и одну душу. Въ чемъ же заключается ихъ счастье? Въ прогулкахъ по глухимъ уединеннымъ дорожкамъ, по тропинкамъ между двухъ заборовъ, гдѣ никто не можетъ ихъ видѣть, въ тропежѣ съ глазу на глазъ, въ небольшомъ количествѣ труда и въ очень большомъ количествѣ праздности и вѣги, въ улыбкахъ, въ долгихъ разговорахъ и долгомъ молчаніи, во время котораго они въ упоеніи глядятъ другъ на друга, въ привычкахъ старыхъ, но вѣчно юныхъ, въ наслажденіяхъ давно знакомыхъ, но вѣчно новыхъ, въ повтореніяхъ того что никогда не можетъ надоесть. Это острое счастье похоже на источникъ который, сочасъ по калаѣ, производитъ впечатлѣніе что въ немъ немного воды, но онъ постоянно течетъ, никакая засуха не въ силахъ иссушить его, бочагъ въ который онъ изливается всегда полонъ до самыхъ краевъ, обиліе воды въ немъ никогда не иссякаетъ. Чета эта живетъ сокрыто и уединенно; она пренебрегаетъ всеми радостями свѣта, не думаетъ о его злословіи, о его гаулыхъ, ядовитыхъ рѣчахъ, о его дурныхъ мысляхъ, о его мудрости которая есть не что иное какъ безуміе, тщеславная пустота, факій дымъ вызывающій на глаза слезы. Этотъ бѣлый домикъ—обитель невпущности, тишины и мира. Бѣдный людъ знаетъ путь къ нему, тамъ ему оказываютъ радушный пріемъ; но для людей несносныхъ дверь домика залерта, ибо они приносятъ съ собою только безпокойство, тревогу и скуку, ихъ опасное любопытство какъ волкъ вокругъ овчарни бродитъ вокругъ счастья. Между обитателями домика можетъ возникнуть размова только о томъ кто изъ нихъ болѣе любитъ, кто болѣе любимъ; дни идутъ здѣсь за днями въ такомъ блаженствѣ что никакія слова не въ силахъ передать всей его чудной вѣги.

Звонъ бубенчиковъ и скрипъ лахо смазанныхъ колесъ вывели его изъ задумчивости. Онъ всталъ, отряхнулася, на дѣлъ шляпу, подумалъ съ минуту и наконецъ принялъ рѣшеніе. Оно было такъ важно для него что разомъ и

очаровывало, и отуманивало, и дугало его. Онъ взвѣшивалъ его посаждствія, опасенія этихъ посаждствій, колебался и слова дѣлались нерѣшительнымъ. Но наконецъ онъ пересталъ колебаться, бросился со всѣхъ ногъ, и минутъ чрезъ пятнадцать, задыхаясь отъ быстроты ходьбы и волненія, уже стоялъ у пріюта и спрашивалъ нельзя ли ему видѣть гжу Курлицъ. Узнавъ его голосъ, сестра Клотильда вышла на минуту къ нему изъ класса и сказала что начальницу теперь видѣть нельзя: тотчасъ посаѣ завтрака она де заперлась у себя въ комнатѣ чтобы привести въ порядокъ свои счета и отчеты, которые завтра же должна подать г. Марескаю.

— Составить мѣсячную вѣдомость не пусташное дѣло, прибавила она.—Вы сами знаете какъ къ намъ придираются, какія намъ дѣлаютъ неприятности. Ужасный человекъ, вы знаете его, всегда все придираетъ; онъ жалуется что мы его разораемъ, жжемъ слишкомъ много газа, ѣдимъ слишкомъ много мяса. Ему надо чтобы мы посадили нашихъ маляутокъ на хлѣбъ и воду.

Оливье нагло соглалъ; онъ сказалъ что пришелъ сюда по очень слѣпшному порученію отъ г. Марескаля къ гжѣ Курлицъ.

— Въ такомъ случаѣ я доложу ей. Идите въ павильонъ и дождайтесь тамъ; ключъ въ двери.

Оливье не стоило ни малѣйшаго труда пробраться въ павильонъ. Сердце его забилось со страшною силой при видѣ комнатки служившей гжѣ Курлицъ и гостиной, и столовою. Онъ обѣдалъ здѣсь одинъ разъ, всего только разъ; его сочли опаснымъ, присутствіе его здѣсь неприличнымъ и болѣе уже не приглашали его. Ему пришлось ждать здѣсь минутъ двадцать, но онъ нисколько ни соскучился; онъ осматривалъ самую комнату и всѣ въ ней предметы, все не загромождавшіе этого тѣснаго и узкаго помѣщенія. Это, разумѣется, зависитъ отъ умѣнья распределить все какъ слѣдуетъ; надобно только знать какъ взяться за дѣло, и на маленькомъ пространствѣ помѣстится много вещей, какъ и въ маленькой жизни много событій. Каминъ и полки съ посудой были убраны цвѣтами, которые распространяли въ комнатѣ вѣжный ароматъ и придавали ей веселый видъ. На лодоконникахъ открытаго окна стояли двѣ кавѣтки: одну братски дѣлили между собой щегленокъ и свигирь, а въ другой жилъ желтоносый скворецъ; онъ то и

дѣло бросался къ рѣшеткѣ своей клѣтки, гоняясь за мухами, которыхъ ему не удавалось однако поймать. Скворецъ этотъ былъ ученый: онъ умѣлъ и свистать и говорить.

Но всего болѣе тронула Оливье соломенная съ широкими полями шляпа, висѣвшая на оконной задвижкѣ. Беатриса надѣвала ее иногда, отправляясь работать въ своемъ маленькомъ садикѣ чтобъ отдохнуть отъ своихъ счетовъ, покулокъ и споровъ съ поставщиками. Онъ подошелъ къ этой крестьянской шляпѣ и съ любовью сталъ ее разсматривать; осторожно притронулся онъ къ выпѣвшимъ отъ солнца широкимъ ея лентамъ и потомъ нѣсколько разъ провелъ ею по своимъ пылающимъ щекамъ; ему чудилось что отъ этого прикосновенія что-то сладостное вливается ему въ сердце. Затѣмъ, обнявъ однимъ взглядомъ всю эту чистенькую миленькую мебель, всю обстановку комнаты, онъ какъ бы по мановенію волшебнаго жезла разомъ перенесъ все это въ бѣлый домикъ, который начиналъ приходить въ нетерпѣніе отъ того что они дога не приходятъ. Рѣзныя дубовыя полки, продолговато-круглый столъ съ витыми ножками, плетеные стулья, вышитое кресло, цѣпты, клѣтки, скворца, онъ ничего не забылъ тамъ; какъ и здѣсь, у окна была задвижка и на нее вѣшалась соломенная шляпа по возвращеніи съ длинной пріятной прогулки по уединенной тропинкѣ.

Едва успѣвъ онъ окончить въ своемъ воображеніи переездъ и установить всѣ предметы по мѣстамъ какъ въ комнату вошла гжа Курлузъ.

— Что случилось, Оливье? обратилась она къ нему.—Какую неприятную вѣсть принесли вы? Какой выговоръ или какое нелѣпое приказаніе поручилъ Форнейскій султанъ своему великому визирю передать мнѣ?

— Простите меня, Беатриса, тотчасъ же отвѣтилъ онъ ей,— я солгалъ. У меня нѣтъ никакого порученія къ вамъ, я пришелъ сюда чтобы говорить съ вами о себѣ и о васъ.

Она встревожилась и съ живостью обратилась къ нему:

— Какъ это дурно, кузень! воскликнула она. Я считала васъ неспособнымъ ко лжи. Съ вашего позволенія, мы поговоримъ какъ-нибудь въ другой разъ; сестра Клотильда вѣдь уже сказала вамъ какъ я сегодня занята. Итакъ до свиданія! До скорого свиданія, не такъ ли?

Она хотѣла было уйти, но онъ всталъ предъ дверью.

— Умоляю васъ, выслушайте меня. Мнѣ необходимо переговорить съ вами.

Видъ у него былъ до того озабоченный, въ голосѣ слышалось такое волненіе что Беатриса не рѣшилась отказаться въ его просьбѣ. Она стояла, онъ принудилъ ее сѣсть. Но едва успѣла она сѣсть, какъ онъ вдругъ замолчалъ, не находя словъ, не зная что ему говорить, съ чего начать. Понемногу онъ успокоился, собрался съ мыслями, и слова вдругъ хлынули у него изъ устъ такимъ неудержимымъ потокомъ что онъ невольно задыхался и путался. Въ его рѣчахъ все было такъ смутно, такъ неясно, что она рѣшительно ничего не понимала изъ того что онъ говорилъ ей о своемъ снѣ на берегу ручья, о блѣдомъ домику, о двухъ существахъ имѣвшихъ одну плоть и одну душу, и бѣжавшихъ на край свѣта чтобы тамъ скрыть свое счастье ото всякаго посторонняго взгляда... Наконецъ она поняла и сдѣлала движеніе котораго по счастью онъ не замѣтилъ. Онъ поставилъ локти себѣ на колѣни, руками держался за голову и говорилъ съ закрытыми глазами какъ бы страшась своихъ собственныхъ рѣчей и производимаго ими впечатлѣнія на его слухательницу.

Но по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, онъ становился все отважнѣе, все храбрѣе. Въ началѣ затаенную мысль онъ сталъ выражать безо всякихъ обиняковъ, прямо и ясно. То что онъ предлагалъ было не только благоразумно, но и весьма легко осуществимо! У Беатрисы столько поводовъ поскорѣе и навсегда уѣхать изъ Форне, 'этою печальнаго мѣста, гдѣ ея самопожертвованіе вовсе не цѣнится, гдѣ у нея столько непріятностей, гдѣ она находится въ зависимости отъ негоднаго человѣка который готовъ уморить сиротъ съ голоду чтобы наказать ихъ начальницу за то что она не поддается его мерзкимъ ухаживаньямъ! Пусть она уйдетъ первая; они могутъ въ послѣдствіи съѣхаться гдѣ-нибудь въ Италиі, Испаниі, словомъ, гдѣ она пожелаетъ, и съ этого дня они уже болѣе не разстанутся. Что за счастье! что за блаженство! При одной мысли объ этомъ лицо его сіяло отъ радости.

Вдругъ онъ открылъ глаза и вскрикнулъ:

— Жить вмѣстѣ, одинъ для другаго; цѣти рука объ руку, смотрѣть другъ другу въ глаза!.. Ахъ, Беатриса, еслибы вы только знали какъ я васъ люблю! Но вы этого не знаете и

никогда не можете знать. Когда я вижу васъ, мнѣ кажется я всему міру, всему человечеству, даже людямъ мнѣ ненавистнымъ желаю счастья. Да, когда вы будете моею, моею безраздѣльно, я забуду всю свою злобу, всё свои мрачныя, дурныя мысли; я буду говорить что въ мірѣ все прекрасно, а буду счастливъ счастьемъ другихъ и въ то же время буду относиться къ нему съ пренебреженіемъ, сравнивая это счастье съ моимъ личнымъ счастьемъ. Боже мой! Я знаю, отлично знаю что я самый обыкновенный, самый заурядный человекъ. Отъ меня нечего ждать и требовать гениальности; я уже давнымъ давно отказался отъ мысли сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ людей о которыхъ говорятъ, которыми восторгаются. Но если во мнѣ нѣтъ гениальности, за то у меня есть сердце, Беатриса. Когда вы будете моею, вы сами увидите насколько я способенъ жертвовать собой, повиноваться, отдать всю жизнь и ничего не оставить себѣ... Ахъ, Беатриса, Беатриса, какъ мы будемъ счастливы! И развѣ несправедливо чтобъ и я наконецъ получилъ свою долю счастья? До сихъ поръ у другихъ было все, мнѣ же не оставалось ничего. Съ тѣхъ поръ какъ я помню себя, мнѣ приходилось испытывать только печали, изнѣны, разочарованія. Мать моя меня не любила; она занималась мною раза два въ годъ и затѣмъ слѣшила позабыть о самомъ моемъ существованіи. Она не была въ этомъ виновата, она была уже такъ создана, и я все ей простилъ. Но есть вещи которыхъ я не прощаю. Со мной поступали дурно, несправедливо, меня словно какое-нибудь насекомое, какъ муравья, толтали ногами. Я можетъ-быть кончу тѣмъ что сдѣлаюсь злымъ и совершу какой-нибудь дурной поступокъ. Бываютъ очень кроткія собаки которыя отъ дурнаго съ ними обращенія кончаютъ тѣмъ что бѣсятся. Но вы здѣсь, въ васъ не только счастье, но и неизмѣримая доброта которая ничѣмъ не возмущается, которая находитъ извиненіе даже всѣмъ гадостямъ и людей, и жизни. Когда мы поселимся съ вами тамъ, я буду васъ до того любить что самъ начну походить на васъ... Бѣжимте же, вы согласны! Уйдемъ завтра же отсюда. Мы такъ хорошо сумѣемъ скрыться что никто не будетъ знать гдѣ мы, кромѣ людей бѣдныхъ, несчастныхъ которыхъ мы будемъ удивлять щедростью и ради которыхъ даже будемъ готовы на безумныя поступки. Мы имъ будемъ говорить: „Пейте, ѣшьте, берите все что есть въ домѣ!“ Ахъ, Боже мой, да

пусть они у насъ берутъ все! Пока мы вмѣстѣ, намъ ничего не будетъ нужно.

Онъ твердилъ: „Беатриса, какъ мы будемъ счастливы!“

Она была сильно взволнована и страшно смущена.

Онъ говорилъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ огнемъ, съ такимъ страстнымъ и чистосердечнымъ убѣжденіемъ что на мгновеніе даже убѣдилъ и ее. Ей вдругъ почудилось что гдѣ-то вдали она видитъ бѣлую точку, бѣлый домикъ его сновидѣнья, гдѣ обитаетъ безконечное счастье. Но присущій ей здравый смыслъ разомъ пробудилъ ее отъ этого сна, и она не знала что сказать этому больному, этому мечтателю котораго надо было излѣчить, иллюзіи котораго надо было разрушить, воткнуть ему ножъ въ самое сердце. На первомъ движеніемъ было выглянуть въ окно чтобъ убѣдиться что никто не подслушиваетъ. Она затворила окно и снова сѣла возлѣ своего кузена. Когда она проходила мимо его, онъ порывисто схватилъ ее руку, она не вырвала ее и съ озабоченнымъ лицомъ и важнымъ взоромъ проговорила:

— Умоляю васъ, Оливье, успокойтесь! Я такъ мало ожидала...

Вдругъ, потому ли что она уступила влеченію сердца, потому ли что она упрекала себя за жестокость и заранѣе желала загладить ее, но она вдругъ наклонилась къ нему и коснулась губами его волосъ, но такъ легко что онъ едва могъ почувствовать этотъ легкій поцѣлуй; тѣмъ не менѣе онъ вскрикнулъ отъ радости. Она тотчасъ же раскаялась въ своемъ неблагоразуміи.

— Оливье, высвобождая свою руку снова сказала она,— то что вы мнѣ предлагаете, невозможно.

— Невозможно? Почему жь? Когда другъ друга любишь, все возможно!

— Когда другъ друга любишь, сказала она,— то предаешь-ся мечтамъ и сновидѣніямъ, но жизнь мечтать не любить и будить васъ. Мы будемъ съ вами иногда говорить о томъ домикѣ куда вы хотѣли увести меня... Увы! боюсь что намъ никогда не придется въ немъ жить.

Онъ же упорно продолжалъ надѣяться; онъ рассуждалъ, доказывалъ. Она качала головой и кротко, но рѣшительно говорила:

— Невозможно, невозможно!

Онъ разгорячился и разсердился.

— Невозможно! воскликнулъ онъ. — Я очень бы желалъ знать почему это невозможно, я щу прелатотвѣй и не вижу ихъ. Можеть-быть вы станете мнѣ говорить объ исполненіи своего долга? Но въ отношеніи кого же у васъ есть долгъ? Ужь не въ отношеніи ли г. Марескеля который васъ эксплуатируетъ и страстно желаетъ? Или можеть-быть вы считаете себя обязанною навѣки сохранить вѣрность этому злому сумашедшему который женился на васъ разчитывая на ваше состояніе, или вѣрнѣе на ваше воображаемое имъ состояніе, и который васъ возненавидѣлъ съ той минуты какъ узналъ что его корыстолюбивыя надежды рухнули? Ужь не станете ли вы увѣрять меня въ томъ что вы не усердно ходили за нимъ, что вы ему чѣмъ-то обязаны, что совѣсть ваша велитъ вамъ жертвовать всею жизнью, всѣмъ сердцемъ чело-вѣку посаженному въ сумашедшій домъ, котораго вамъ даже запрещено видѣть, который только и мечтаетъ о томъ какъ бы васъ задушить и котораго вы имѣете полное право считать умершимъ? Но я очень хорошо вижу въ чемъ дѣло: вы боитесь свѣта и его строгаго приговора. Чтò за священное судилище этотъ свѣтъ! Какой непокупный и почтенный судья! Свѣтъ—это г. Марескель, ваша сестрица, поклоненіе золотому тельцу, ложь, лицемеріе! По мнѣнію свѣта, добродѣтель заключается въ томъ чтобы кубокъ снаружи былъ чистъ и свѣтелъ, а внутренность его можеть быть исполнена всякой мерзости. Свѣтъ—вы помните катихизисъ—это поваленный гробъ, внутри котораго только смрадъ и разложеніе. И вы хотите чтобъ этотъ самый свѣтъ предписывалъ вамъ долгъ вашъ? Вы хотите чтобъ онъ былъ вашимъ судьей?.. Да если вы боитесь свѣта, то я спрячу васъ такъ что онъ не сможетъ васъ отыскать.

— Вотъ именно этого-то я и ожидала, отвѣтила ему Бетриса,—вы всегда къ этому возвращаетесь. Въ свою очередь выслушайте меня, Оливье! Вы думаете что знаете меня; нѣтъ, вы меня очень мало знаете. У меня нѣтъ великаго ума, а не вольводумка. Я вижу жизнь въ ея истинномъ свѣтѣ; это своего рода игра съ очень стѣснительными правилами, часто имъ очень трудно слѣдовать, но я желаю играть не иначе какъ по правиламъ. Какъ и вы, я не заблуждаюсь насчетъ свѣта, я вовсе не вѣрю въ его добродѣтели; но чѣмъ я худшаго мнѣнія о свѣтѣ, тѣмъ мнѣ стыднѣе будетъ краснѣть предъ нимъ. Какъ ни будь удивительна узкая

тролинка по которой бы мы каждый вечер гуляли, мы все же можемъ на ней съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться; на самыхъ уединенныхъ дорожкахъ встрѣчаются прохожіе. Вообразите себѣ что одинъ изъ такихъ прохожихъ, зная кто мы, поклонился бы мнѣ едва притрогиваясь къ полямъ своей шляпы, съ улыбкой которая означаетъ: „Вы славные люди, но вѣдь вы не вѣнчаны...“ Оливье, такая улыбка была бы для меня убійтельна, и какъ бы сильно я васъ ни любила, я чувствовала бы себя несчастною еслибы всѣ не уважали моего счастья. Вѣрите мнѣ, я чувствовала бы себя счастливою въ вашемъ бѣломъ домикѣ день, два, а послѣ... Что же думать? Я всегда думала о томъ что послѣ! Наконецъ мнѣ необходимо самоуваженіе, я не могу безъ него обойтись и ничто не въ силахъ мнѣ замѣнить его. Вы не разъ повторили мнѣ: „мы такъ хорошо спрячемся что насъ никто не найдетъ“. Оливье, мнѣ очень больно огорчать васъ, но я не хочу счастья которое надобно скрывать.

Этотъ кроткій ювона чуть не измѣнилъ своему характеру, онъ чуть не совершилъ какого-нибудь рѣзкаго, злаго поступка. Съ искаженнымъ лицомъ и крѣпко сжатыми губами, мрачнымъ вызывающимъ взоромъ глядя на женщину которая говорила ему что любить его, но отказывалась слѣдовать за нимъ. Онъ желалъ бы покорить ее своей волей, доказать ей что онъ ея властелинъ, послѣ всѣхъ своихъ неудачъ онъ хотъ разъ желалъ бы поставить на своемъ. Но она смотрѣла на него такимъ чистымъ и спокойнымъ взоромъ что онъ скоро почувствовалъ себя обезоруженнымъ, гнѣвъ его замѣнился смущеніемъ. Она была изъ тѣхъ женщинъ чья спокойная довѣрчивость способна приводить друзей въ отчаяніе.

— Не будемъ болѣе разсуждать, сказалъ онъ.— Скажите мнѣ просто что вы не хотите.

— Нѣтъ, не вѣдую, а не могу, отвѣтила она съ грустною улыбкой.

— И вы смѣете думать что любите меня?

— Да, я люблю васъ, и съ вашей стороны будетъ несправедливо сомнѣваться въ моей любви.

— Нѣтъ, вы не любовь чувствуете ко мнѣ, а немножко состраданія какъ къ больному животному, раздавленнои колесомъ ящерицѣ или собакѣ которую переѣхала карета.

— Оливье, клянусь вамъ; узнай я сію минуту что я свободна, я тотчасъ протанула бы вамъ руку и сказала бы: „возьмите ее, я вамъ ее отдаю, она ваша на всю жизнь“.

— Ахъ, вы знаете что умалишенные живутъ долго... Умоляю васъ, подумайте день, два...

— Это будетъ совершенно напрасно. То что я говорю теперь, скажу и завтра, и чрезъ мѣсяцъ, и чрезъ годъ.

— Хорошо же! крикнулъ онъ толкнувъ ногой. — Я стану замѣнъ. Значить, судьба.

Она хотѣла потребовать у него объясненія, но не успѣла. Все время молчаливый скворецъ вдругъ закричалъ своимъ крикливымъ голосомъ: „Барыня, берегись!“ Въ ту же минуту дверь отвернулась, и въ комнату вошла гжа Марескель. Поглядѣвъ внимательно на сестру и на кузена, она весьма скоро убѣдилась въ томъ что Беатриса очень изволована, а Оливье страшно раздосадованъ.

— Вотъ какъ! Мы уже ссоримся? съ самою язвительною усмѣшкой проговорила она.

Она направилась въ противоположный конецъ комнаты положить на столъ свою шляпу которую держала въ рукахъ; когда же она снова обернулась, Оливье уже не было въ комнатѣ.

Беатриса очень долго сидѣла этою ночью. Ее занимали не счеты; тотчасъ послѣ обѣда она сѣла писать письмо. Начала одно, показалось слишкомъ нѣжно; начала другое, нашла его слишкомъ жесткимъ. Она кончила тѣмъ что сожгла оба письма, рѣшивъ что въ извѣстныхъ случаяхъ писать невозможно. Она хотѣла снова повидаться съ Оливье и объяснить, доказать ему всю безразсудность его желаній. Но въ то же время она вовсе не желала чтобъ онъ сдѣлался слишкомъ благоразумнымъ; она желала чтобъ онъ продолжалъ ее сильно и даже безумно любить, но чтобы безуміе его слушалось разумныхъ доводовъ. Но какъ это устроить? Какъ взяться за дѣло чтобы безумецъ велъ себя мудрецомъ? Она была оптимистка по своей природѣ и вѣрила что „перемелется мука будетъ“.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

XVI.

Глубоко раздосадованный и оскорбленный дерзостью съ которою были приняты его угрозы и его мирныя предложенія, Аристидъ Лаванси рѣшился примѣрно наказать такую надменность, сбить такую снѣдь и доказать г. Марескю что хвастунъ, полишивеаль, лугало къ которому отыскается съ такимъ пренебреженіемъ—врагъ опасный и что шутить съ нимъ нельзя. Слишкомъ скептический и слишкомъ умный человекъ для того чтобы кого-либо или что-либо неважнѣе, онъ смотрѣлъ на жизнь какъ на борьбу, какъ на столкновеніе противоположныхъ интересовъ, которме поочередно берутъ верхъ другъ надъ другомъ, и одинаково признавалъ какъ право самозащиты такъ и право нападена, находя ничто естественнымъ чтобы счастливицы сего міра охраняли свое благополучіе съ револьверомъ въ рукахъ. Но если у него было чувство снисходительности которое дается престолатствомъ ума, то въ то же время этотъ честолюбивый художникъ обладалъ и безкомечною жадной уснѣха и всеми страстями самолюбія, вполнѣ замѣнявшими ему чувство величести. Представился случай прославить свое имя, поклявъ міру что такое Лаванси, и онъ съ жадностью, какъ волкъ на агвенка, бросился на этотъ случай. Кусокъ казался ему лакомымъ, горе тому кто вздумалъ бы отнять у него. Онъ умѣлъ больно кусаться, хотя и безъ злости.

На другой же день послѣ разгнѣвавашаго его отказа, Лаванси началъ свои военныя дѣйствія, и его обширная артилерія разомъ наполнила весь Туленъ трескомъ, гуломъ и дымомъ. Въ трактиръ *Золотого Льва* была большая и обыкновенно сдаваемая подъ свадебные пиры и балы. На устроенномъ для оркестра возвышеніи былъ поставленъ бунтъ Республики окруженный всевозможными рудокопными орудіями, не были забыты и фонарь съ кожаной шапкой. Риз три, четыре въ недѣлю, легкимъ побѣдоноснымъ шагомъ Лаванси всходилъ на это возвышеніе и въ продолженіе двухъ часовъ къ ряду толковалъ о народныхъ правахъ, о святости

братствѣ, гремѣлъ противъ привилегій, противъ эксплуатаціи пролетаріата собственниками и капиталистами; съ логичнымъ сердечнымъ слокойствіемъ вдувалъ онъ въ сердца ярость и бѣшенство которыхъ самъ не чувствовалъ. Затѣмъ онъ переходилъ лично къ г. Марескалю, бичевалъ его на всѣ лады, крошилъ его на мельчайшія части какъ мясо для начинки пирога. Каждый вечеръ собиралось множество народа, сбѣгались издаалека чтобы послушать удивительнаго артиста. Въ этой мѣстности развлеченій было мало, и жители старались по возможности пользоваться всякимъ зрѣищемъ какое случалось. Мушны съ трубками въ зубахъ сидѣли по скамьямъ и удивленно таращили глаза. Женщины стоя толпились у дверей, нѣкоторыя приносили съ собою вязанье или приводили ребятшекъ выговаривая имъ чтобы они вели себя пристойно. Ораторъ разглагольствовалъ, жестикулировалъ. Рабочіе изъ „синдикальных“, которыхъ можно было узнать по фуражкамъ съ галуномъ и двумя золотыми буквами, рукоплескали до крайности. Но ихъ восторгъ остальному сборищу не сообщался, слушатели были сдержанны, они выжидали, и Лаванси минутами говорилъ про себя:

— Чортъ возьми! Неужто я такъ-таки ничего и не добьюсь?

Онъ не скоро падалъ духомъ. Онъ придавалъ своей рѣчи еще бѣольшую пылакость, сгущалъ краски, усиливалъ метафоры, вводилъ въ рѣчь вымысленныя лица и предметы, заставлялъ ихъ говорить и дѣйствовать, раздувалъ свои гиперболы до послѣдней стелени. Слушатели внимали ему благоговѣйно, но оставались холодны и безстрастны, развѣ кто скажетъ:

— Боже! какъ хорошо говорить!

Даже странно было видѣть такого страстнаго, пламеннаго оратора предъ такими слокойвыми невозмутимыми слушателями.

Забастовка—предпріятіе съ весьма сомнительнымъ исходомъ: она угрожаетъ столькимъ интересамъ, ставитъ въ тяжелое положеніе столькихъ людей что рабочіе способны размышлять о своихъ поступкахъ не скоро рѣшаются подвергнуть себя проистекающимъ отсюда случайностямъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ начала здѣшней своей дѣятельности Ариетидъ Лаванси писалъ издателю своей газеты письмо въ которомъ подъ псевдонимомъ восхвалялъ самого себя, курилъ

себѣ ошкіамъ, трубными звуками возвышалъ о чудесахъ произведенныхъ его краснорѣчіемъ, о своемъ удивленіи по случаю необычайной быстроты своихъ побѣдъ. Въ припискѣ же, не назначавшейся для печати, этотъ умѣйшій человекъ прибавлялъ: „Дѣти мои, дѣло идетъ еще плохо. Пока на моей сторонѣ только социалисты, политиканы и кабатчики.“

Въ Форне еще не много было социалистовъ, но они всюду есть. Такъ много толкуется о самодержавіи народа что рабочему вполне естественно помнить о томъ что на содержаніе верховныхъ владыкъ назначаются особыя суммы въ смѣтѣ государственныхъ расходовъ, что они въ правѣ хорошо одѣваться, имѣть хорошее помѣщеніе, отличную пищу, доставлять себѣ на счетъ націи всякія удовольствія и удобства жизни. Чтѣ за король который не забавляется? Чтѣ это за верховный правитель который отказывается себѣ во всемъ когда всѣ придворные то и дѣло твердятъ ему что онъ всему владыка? Если въ Форне и было мало социалистовъ, за то въ немъ было множество дѣятель. Они очень любятъ стачки, потому что стачки уполномочиваютъ ихъ ничего не дѣлать и убѣждать себя въ томъ что ихъ праздность есть добродѣтель, исполненіе гражданскаго дѣла.

Подитиканамъ стачки представляли случай выказать свои ораторскія способности, потолковать, перелить какъ можно больше изъ пустаго въ порожнее. Эти пропитательные умы, эти чудные краснобаи, эти завзятые враги буржуазіи, на самомъ дѣлѣ были тѣ же буржуа, только презирающіе всякое ремесло, кромѣ краснобаинства и разсужденія и желающіе чтобъ ихъ толки и рѣчи о политикѣ были зачтены и въ работу. Пока длится забастовка они изображаютъ изъ себя особъ, увеличиваютъ важность своего значенія, и такъ какъ въ нихъ нуждаются, то всѣ заботятся о нихъ, не допускаютъ ихъ терпѣть лишений; плохое время для всѣхъ бываетъ самымъ выгоднымъ для нихъ.

Что же касается кабатчиковъ, то они твердо знаютъ что чѣмъ меньше люди работаютъ, тѣмъ больше они льютъ, что правдоность всегда чувствуетъ жажду. Въ гостиницѣ *Золотого Льва* пила страшно много; каждый вечеръ здѣсь опоражнвалось безконечное множество кружекъ и бутылокъ. За то содержатель *Золотого Льва* смотрѣлъ на Аристеда Лаванси какъ на человека драгоценнаго, какъ на лучшую приманку для посѣтителей своего кабака. Онъ окружалъ его

всевозможными заботами и попечениями, говорилъ о немъ не иначе какъ съ удивленіемъ, считалъ его за человека несравненнаго; стоило Лаванси кашлянуть чтобы онъ весь такъ и затрелеталъ отъ безнакойства; трактирщикъ собственноручно всегда готовилъ ему всякіе удивительные валитки, которыми трибуны промачивалъ бѣбъ гораю для очистки голоса. Хозяинъ даже поднесъ ему коробочку съ леденцами и не поставилъ ее въ счетъ. „Этотъ скотъ обожаетъ меня“, писалъ Лаванси въ одной изъ своихъ пролисокъ, не предназначенныхъ для напечатанія. „Я всегда думалъ что только у собакъ есть сердце; слѣдуетъ прибавить что содержатель *Золотаго Льва* отворится къ числу псовъ которые любятъ умѣють.“

Хорошіе рабочіе, настоящіе рабочіе, которые не были ни утолистами, ни говорунами, ни политиками, испытывающіе къ великому человѣку совѣтъ чуждыя чувства чѣмъ содержатель *Золотаго Льва*.

Онъ внушалъ имъ нѣкотораго рода удивленіе, подобное тому какое испытываютъ люди при видѣ огненнаго метеора или черныхъ камнейвъ которые сплошь раскаленные и съ запахомъ сѣры падаютъ съ неба. По мнѣнію однихъ, это камни извергаемые вулканами луны; по мнѣнію другихъ, это куски блуждающихъ планетъ, внезапно притягиваемые землею. Хорошіе рабочіе не умѣли сказать откуда свалился Лаванси съ луны или съ чего иного. Но какъ явленіе необычайное, онъ очень интересовалъ ихъ. Восторгъ ихъ однако умѣрялся чувствомъ сомнѣнія и недовѣрія. Хотя весьма немногіе были вполнѣ довольны своею судьбой и большинство танало въ себѣ чувство неприязни къ необходимому суровому человѣку который управлялъ ими, тѣмъ не менѣе всѣ они были склонны терпѣливо вестн свой жребій и сомнѣвались въ волшебномъ дѣйствіи предлагаемаго имъ средства, не рѣшались очертя голову броситься въ темное неизвѣстное. Дѣльные рабочіе чувствуютъ мало расположенія къ забастовкамъ, которыя неравномѣрно распредѣляютъ страданія между лѣнливыми и трудолюбивыми, между знающими свое ремесло и тѣми которые даже не стараются изучать его, между людьми съ отважнымъ духомъ и людьми съ шаткою волей. Во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, даже и въ колахъ, есть аристократія, основанная на способностяхъ и отвагѣ, считающая вполнѣ естественнымъ что всякому должно

воздаваться по его дѣламъ; такой аристократіи протавно смѣшивать свои интересы съ интересами людей низкихъ и безумныхъ. Уравнители только понапрасну теряютъ свое время; всякая неровность сглаженная ими сверху вырастаетъ снизу. Сама природа заботится объ этомъ; она обладаетъ духомъ творчества и трудится для блага своихъ избранныхъ. Она любитъ чтобы человекъ чувствовалъ уваженіе къ себѣ, обладалъ самосознаніемъ, всякая гордость дорога ея аристократическому сердцу.

Политиканы прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ чтобы увлечь за собой упорныхъ, коихъ было много и которые удерживали нерѣшительныхъ. Упорныхъ уговаривали, старались оказать на нихъ давленіе, ослутать ихъ, залугать; часто, впрочемъ, имъ говорили и гаулости, укоряли ихъ въ безсердечіи, въ трусости. На всѣ приступы они отвѣчали тихимъ и молчаливымъ упорствомъ приводившимъ политикановъ въ полное отчаяніе; нѣтъ въ мірѣ ничего досаднѣе кроткаго, тихаго упорства. Нѣкоторые изъ нихъ отвѣчали: „Я войду въ стачку только въ томъ случаѣ если въ ней будутъ участвовать всѣ безъ исключенія“. Имъ напрасно доказывали что такое разсужденіе нехлѣбо, что они представляютъ часть дѣлаго, что они должны принять участіе для того чтобы и всѣ взялись за дѣло. Такія возраженія ихъ вовсе не трогали. На самомъ дѣлѣ у нихъ было свое убѣжденіе и вовсе не нехлѣбо. Г. Марескель не сжигалъ всего своего угля; часть излишка его онъ продавалъ, а часть приберегалъ на всякій случай. Такимъ образомъ многіе полагали что у него есть значительные запасы угля, и что даже въ случаѣ остановки работъ въ колахъ, работа на чугуно-плавильномъ заводѣ не будетъ прекращена; что г. Марескель въ состояніи держаться довольно долго, тянуть время, истощить рабочихъ и принудить ихъ сложить предъ нимъ оружіе. Стачка можетъ достигнуть чего бы то ни было лишь въ томъ случаѣ если повліяетъ на заводъ, следовательно необходимо чтобы въ ней приняла участіе металлургисты, а они, несмотря на временную убавку жалованья, повидимому вовсе не склонны къ возмущенію. Личныя вліянія всегда имѣють крупную долю участія во всякомъ событіи. Заводскіе рабочіе съ вѣсомъ находили стачку несвоевременною, и главный изъ нихъ, лудливговщикъ, имѣвшій большое вліяніе на прочихъ рабочихъ, вострѣвъ отказался участвовать въ

стачкѣ. Пудайговица этого звали Сатурнинъ Сервуа, онъ былъ сыномъ того удюмаго рудокопа, отъ котораго съ такимъ трудомъ гжѣ Курдиль удалось добиться нѣсколькихъ словъ въ шахтѣ Самъ-Люси.

Отецъ и сынъ мало походили другъ на друга. Одинъ, проводившій ежедневно восемь часовъ въ темномъ корридорѣ, гдѣ онъ не могъ выпрямиться во весь свой длинный ростъ безъ того чтобы не стукнуться головой о брусъ или выступъ скалы, былъ нрава сосредоточеннаго, степеннаго, и хотя рѣдко бывалъ одинъ, но всегда былъ одинокъ. Никто не помнилъ чтобы онъ когда усмѣхнулся; въ немъ было нѣчто державшее всѣхъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Въ его худобѣ, влажныхъ щекахъ, сгорбленной спинѣ, невѣрной походкѣ, темнокрасномъ морщинистомъ лицѣ, похожемъ на старыи пергаментъ, на которомъ жизнь начертала никому непонятныя изреченія, въ мигающихъ глазахъ, которыхъ ничѣмъ нельзя было обмануть и которые метали искры, наводившія страхъ и трепеть на всѣхъ вообще, а на дураковъ въ особенности, во всемъ его существѣ выражалось нѣчто внушавшее къ нему уваженіе съ примѣсью какой-то неловкости и тревоги. Онъ не доставлялъ себѣ никакихъ развлеченій, жертвовалъ всѣмъ своей предусмотрительности, былъ очень точенъ во всѣхъ своихъ лаатежахъ и ежегодно откладывалъ весьма значительное количество денегъ въ кассу вспоможенія для престарѣлыхъ. Его обвиняли въ скулости. Дѣло въ томъ что онъ рѣдко помогалъ кому и никогда никому не давалъ займы. Его не особенно любили, но очень уважали. Съ его живымъ и провидательнымъ взглядомъ соединялось еще и величіе молчанія, и люди простоватые считали его за колдуна. Когда къ нему обращались за совѣтомъ, онъ отвѣчалъ односложными словами или глухимъ ворчаніемъ; отвѣты такого оракула объяснять было нелегко. Но разъ навсегда было рѣшено что онъ всегда правъ. Указывали на многихъ попавшихъ въ бѣду отъ того что не послушались ворчанья Тимоея Сервуа.

Тимоеей, самъ того не подозревая, былъ великимъ философомъ. Какъ ни трудно было его ремесло, онъ любилъ свои копы, привычка къ работѣ сдѣлалась его второю природою, разстаться со своимъ дѣломъ было бы для него все равно что умереть. Неприятности, выговоры, случайныя несчастія въ колахъ имѣли на него мало вліянія; онъ очень скоро

умѣлъ мириться со всякими обстоятельствами; какъ надежнымъ кровомъ укрывался онъ своею мудростію и безстрастно смотрѣлъ на валившіеся сверху бѣды. Не всегда однако былъ онъ такимъ спокойнымъ человѣкомъ. Онъ родился горячимъ, пылкимъ, и двадцати лѣтъ отъ роду, чуть въ сердцахъ не убилъ своего товарища. Урокъ этотъ послужилъ ему въ пользу, онъ научился владѣть собою; казалась подземная работа и мракъ подземелья успокоили и усыпили всѣ его страсти. Разумѣется, не въ философскихъ книгахъ научился онъ философіи и презрѣнію всякихъ случайностей; онъ даже и читать не умѣлъ. Холоднымъ пренебрежительнымъ равнодушіемъ онъ воецѣво былъ обязанъ самому себѣ и своему здравому смыслу; онъ приобрѣлъ его благодаря усиленію собственнаго разума. Онъ подчинялся необходимости, этому желѣзному закону, который руководитъ людьми и которому мы всѣ подвластны. Жизнь для него была дворомъ смиренняго дома. Нѣкогда старался онъ глядѣть черезъ стѣны этого двора, но то что онъ видѣлъ за ними имѣло для него мало привлекательнаго. У него было бы трудно выбить изъ головы убѣжденіе что бѣдняки должны довольствоваться своею участью, что не стоить хлопотать о переимѣнѣ ея, что счастливые міра сего всѣ свидѣмы скукой и горемъ, что счастье ихъ большею частью не что иное какъ несчастье, но прикрашенное и разубраженное.

Въ жизни углекола есть свои прелести, свои наслажденія. Выйдя изъ шахты на свѣтъ Божій и войдя въ свое жилище, Тимошей ощущалъ истинное счастье когда ложился въ ванну сдѣланную какъ разъ ему по росту. Ванну эту ему готовила жена, маленькая, сморщенная старушонка, его вѣрная и преданная раба, вымуштрованная имъ до того что ему даже не приходилось отдавать ей приказаній, довольно было одного его взгляда чтобъ она угадывала всѣ его желанія. Онъ ощущалъ также истинное счастье сидя на порогѣ своей хижинѣ съ трубкой въ зубахъ и слушая пѣніе своего заблуда. Онъ выкололъ ему глаза и вовсе не раскаивался въ своей жестокости. Рокъ велѣлъ Тимошею Сервуа ежедневно спускаться въ свою шахту и тотъ же рокъ требовалъ осадленія заблуда для того чтобы тотъ научился лучше пѣть. Долгими, лѣтними вечерами, хотя углеколы и относятся съ презрѣніемъ къ человѣку работающему при солнечномъ свѣтѣ, Тимошей копалъ и поливалъ свой маленькій садикъ, насвистывая

старый приливъ какой-то лѣсенки, слова которой онъ давно уже позабылъ, и то что онъ дѣлалъ сегодня, то же самое дѣлалъ онъ и завтра, не завидуя никому, не жалѣя никого, свободный ото всякихъ страховъ и желаній, смотрѣлъ какъ вертится земля, самъ вертится съ нею, не задаваясь вопросами куда и зачѣмъ наша планета стремится. Его способъ насвистыванья лѣсенки ясно доказывалъ это.

Суда по его праву, нечего было и спрашивать его о томъ, любить ли онъ стачки. Къ г. Марескелю онъ литалъ весьма незначительную долю уваженія и никогда не произносилъ его имени которое ему не нравилось. Но краснобаевъ, „синдикальных“, которыхъ онъ звалъ „самовявыми“, онъ также не долюбивалъ. Онъ подозрѣвалъ ихъ въ томъ что подъ видомъ старанія для всего общества, они обдѣлываютъ свои собственные дѣлашки, хотя въ мутной водѣ рыбу ловить. Онъ остерегался длинныхъ рѣчей, лишннихъ фразъ, громкихъ обѣщаній, которыя никогда не сдерживаются, большихъ благополучій которыя никогда не осуществляются. На нихъ указываютъ пальцемъ какъ будто они опрометью стремятся къ людямъ, кричать: „вотъ они!“ и никто ихъ не видитъ. Если онъ разъ о комъ сказалъ „это хвастуны!“ уже ни чѣмъ нельзя было заставить его измѣнить это мнѣнiе. Простолюдинъ, если онъ честенъ и прямодушенъ, всегда бываетъ столько же строгъ въ своихъ сужденіяхъ сколько упряма въ своихъ предубѣжденіяхъ; въ его добродѣтели таится много презрѣнія.

Не имѣя личнаго честолюбія, мудрецъ этотъ былъ страшно честолюбивъ за своего Сатурнина и заставлялъ его выучиться многому, до чего самому Тимоею Сервуа было мало дѣла. Вопреки обычаю чтобы сынъ углекола былъ углеколомъ, Сатурнинъ почувствовалъ склонность къ металлургіи. Этотъ красивый, статный, щеголеватый малый съ природно вьющимися волосами сдѣлался лучшимъ лудинговщикомъ всего завода Форне. Дѣло же это требуетъ силы, вѣрности глаза и руки, особенной споровки, ремесло это разжигаетъ кровь, чугуноплавильныя печи не производятъ философовъ. Если никто не вымѣшивалъ металлы при славѣ лучше Сатурнина, за то ни у кого не было и болѣе задорнаго нрава, болѣе рѣзкаго и живаго характера. Сатурнинъ былъ вспыльчивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень силенъ, и потому всякій избѣгалъ ссоры съ этимъ лѣтучкомъ, всегда готовымъ расхорохориться и

вступить въ драку. Онъ сознавалъ свою красоту и кичился ею, онъ сознавалъ себя искуснымъ въ своемъ ремеслѣ и гордился своимъ искусствомъ; онъ сознавалъ себя гораздо образованнѣе многихъ лудинговщиковъ и смѣло разрѣшалъ самыя темныя вопросы метафизики и социологіи. Ему удалось прочесть кое-какія книги, онъ нахватался верховъ, кое-какихъ свѣдѣній, но не знаній. Онъ судилъ о жизни, объ обществѣ, обо всемъ мірѣ, по нѣсколькимъ отвлеченіямъ и аксіомамъ, не подозревая того что аксіомы ничего не объясняютъ, что отвлеченія не что иное какъ отрывки истины, и что истина не любитъ чтобы ее крошили на куски. Но его полужизнѣ поддерживаемое большою самоувѣренностью дѣйствовало на его товарищей внушительно, и они считали его за генія. Далеко не такъ внушительно дѣйствовала она на инженеровъ, которымъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло; но такъ какъ онъ оказывался очень полезнымъ и нужнымъ человѣкомъ, то его щадили; чтобы притронуться къ нему надѣвались перчатки, чтобы заговорить съ нимъ старались придать голосу мягкость, и тщеславному малому на заводѣ Форре жилось хорошо.

Есть рабочіе-мыслители идеологи; есть и такіе что находятъ всякую теорію сѣренькою и предпочитаютъ свой досугъ употреблять на гулянье по зеленымъ, жизненнымъ лажитамъ, гдѣ трава высокая, сочная и мягкая.

Сатурнивъ Сервуа не былъ серьезнымъ идеологомъ; онъ философствовалъ лишь для зрителей, чтобы рисоваться предъ ними. Съ самой ранней юности у него была страсть къ удовольствіямъ; онъ любилъ роскошныя шумныя разваженія, любилъ лускать пыль въ глаза ротозѣямъ; онъ не понималъ удовольствія безъ шума и треска. Легко было бы ему и совсѣмъ свертѣться, да по счастью отецъ былъ налицо. Безупречною собственнаго поведенія, своею величавою скромностью и тонкостью ума этотъ непросвѣщенный, отложившій полеченіе о всякой мірской суетѣ человѣкъ имѣлъ большое вліяніе на жаднаго до всякихъ наслажденій и исполненнаго всякихъ тщеславныхъ стремленій сына. Отецъ никогда ни о чемъ его не спрашивалъ; его мигающіе глазки, привыкшіе все различать и во мракѣ, безо всякихъ вопросовъ видѣли воѣ тайники сердечныя. Сатурнивъ боялся лаковической сухости отцовскихъ выговоровъ; это была единственная власть предъ которою онъ склонялъ свою будущую голову. Когда этотъ все еще бодрый старикъ, выпрямлялся

предъ нимъ во весь свой ростъ, глядя на него съ высоты своихъ пятидесяти лѣтъ прожитыхъ безъ единого лятнышка, то Сатурнинь находилъ его величественнымъ и благоговѣно склонялся предъ нимъ. Страхъ былъ началомъ его мудрости, онъ сталъ дѣльнымъ и добросовѣстнымъ рабочимъ, однимъ изъ тѣхъ которымъ хозяинъ спускаетъ многое благодаря тому что нуждается въ нихъ и знаетъ что ихъ не легко замѣнять другими.

Если по привычкѣ онъ и приносилъ въ жертву родительской власти свои вкусы и склонности и слушался поведенья грызя удила, то по временамъ вознаграждалъ себя за это безшабашными кутежами, попойками и гульбой. Разъ или два въ годъ онъ вдругъ исчезалъ неизвестно куда. На заводѣ говорили: „онъ опять въ бѣгахъ, и разумѣтся не одинъ“. Онъ уѣзжалъ въ Лиаль, Брюссель, Парижъ, гдѣ въ шаяль на бекрень, съ цѣпкомъ въ петличкѣ и тросточкой въ рукахъ, съ какою-нибудь случайною феей, праздновалъ свое освобожденіе, предавался всевозможнымъ развлечениямъ и наслажденіямъ.

Наконецъ, удовлетворившись гульбой и истративъ всѣ свои деньги, онъ съ виновнымъ видомъ возвращался домой. Съ недѣлю онъ избѣгалъ взглядовъ своего старика и съ недѣлю старикъ не говорилъ съ нимъ ни слова, затѣмъ жизнь входила въ обычную колею; каждый изъ нихъ чувствовалъ что достаточно было бы одного рѣзкаго слова, одного взрыва, одной сцены чтобы между ними произошелъ полный разрывъ: отецъ не желалъ ссориться съ единственнымъ честолюбиемъ своей жизни, сынъ—съ единственнымъ человѣкомъ который внушалъ ему уваженіе.

Но вотъ уже мѣсяцевъ шесть Сатурнинь велъ себя смиренно и не предпринималъ никакихъ поѣздокъ. У этого мѣстнаго Аполлона до сихъ поръ были только мимолетныя прихоти, минутныя связи, а теперь повидимому имъ овладѣло болѣе глубокое и прочное чувство.

Въ подумилѣ отъ Форне былъ большой стеклянный заводъ, и на этотъ-то стеклянный заводъ недавно изъ Жюме, деревни славившейся своими красавицами, пріѣхала очель хорошенькая полпировщица, Колетта Вюамень.

Она росла и разцвѣтала подъ надзоромъ своей матери, но та что-то плохо смотрѣла за ней. Сатурнинь встрѣтилъ прелестную Бельгійку на вечерникѣ; она лишила его сердце

свѣжестью своего личика, но еще болѣе своимъ чарующимъ взглядомъ, прелестью своей улыбки, своими золотистыми непослушными кудрями, которые причудливо спускались ей на лобъ и даже на самые глаза. Она была самая увлекательная вѣтренница, какую только можно себя вообразить, и молодые люди скоро любили другъ друга и сталкивались между собой. Ей было всего девятнадцать лѣтъ, но она уже прошла школу жизни, и въ нѣсколько дней научилась властвовать надъ своимъ пудинговщикомъ и по мѣрѣ возможности обирать его. Она по долгу водила его, мучила, терзала, хотя и не измѣняла ему.

Въ бѣшеной ревности онъ дѣлалъ ей сцены, грубости, а послѣ примиренія старалась загладить рѣзкія выходки щедростью, глубоко несчастный когда могъ доставить ей все что только ей вздумается пожелать.

Старикъ тоже узналъ объ этой связи, и часто, работая въ своей шахтѣ, задавалъ себя вопросъ, какъ могъ онъ произвести на свѣтъ сына который такъ неаппо тратитъ свои деньги. Кошетту онъ посылалъ ко всѣмъ чертямъ, опасаясь чтобъ она не оказалась для его сына болѣе опасною чѣмъ его прежнія лутешества и продѣлки всякаго рода. Онъ попробовалъ было заговорить по этому поводу съ сыномъ, но слова его были приняты дурно, и онъ не сталъ настаивать; предъ стѣной онъ всегда останавливался и не пытался прошибить ее лбомъ. За то, со своей стороны, желая вознаграждать отца за свой отказъ слѣдовать въ данномъ случаѣ его совѣту, Сатурнинъ объявилъ старавшимся убѣдить его „синдикальнымъ“ что если старикъ не приметъ участія въ стачкѣ, то и онъ въ ней участвовать не станетъ. Онъ жертвовалъ ему своими убѣжденіями охотнѣе чѣмъ Кошеттой.

Однакоже добились таки что отецъ и сынъ оба отправились въ Туленъ посмотрѣть диковиннаго звѣря, послушать великаго виртуоза. Послѣ своей рѣчи Лаванси отвелъ Сатурнина въ сторону и очень обладалъ его, но ваялся за дѣло недовѣко. Онъ хлопалъ его по плечу и называлъ его своимъ дорогимъ, своимъ милымъ другомъ. Сатурнинъ вовсе не былъ другомъ всѣхъ и каждаго, а такое безцеремонное обращеніе ему, привыкшему къ почтительности со стороны всѣхъ окружающихъ, показалось просто дерзостью. На возвратномъ пути въ Форне онъ сказалъ отцу:

— Что ты думаешь объ этомъ Парижанинъ?

— Шутъ гороховый и больше ничего! пожимая своими острокопечными плечами отвѣтилъ Тимофей.

На слѣдующій день при встрѣчѣ съ политиками, желавшими убѣдить его, Сатурнинъ наотрѣвъ отвергъ всѣ ихъ предложенія и разбилъ всѣ ихъ доводы. Доводами высшей социологіи онъ доказалъ имъ что стачки никогда не приводятъ къ желаннымъ результатамъ. Объ истинной же причинѣ, мѣшавшей ему принять участіе въ стачкѣ, онъ умолчалъ. Причина эта заключалась въ томъ что Коделетта любитъ деньги, и если у него денегъ не будетъ, то она сумѣетъ добыть ихъ и въ другомъ мѣстѣ.

XVII.

Хотя благодаря своему сангвиническому темпераменту и веселому характеру Аристидъ Лаванси и легко поддавался всякимъ иллюзіямъ, однако онъ начиналъ приходить въ умніе. Черезъ двѣ недѣли послѣ его пріѣзда въ Тулень, у него явилось ослѣпленіе что онъ ничего путнаго здѣсь не добьется. Къ неудачѣ присоединялось еще и утомленіе. Ему прискучивало каждый вечеръ даромъ разставлять свои сѣти; онъ начиналъ злиться на рыбу которая не клевала. Не меньше ему надоѣдали и его вѣчные толки съ политиками, которые съ удивительною назойливостью сто разъ объясняли ему то что онъ зналъ не хуже ихъ; онъ ненавидѣлъ неаѣльные разговоры, переливанье изъ лустаго въ порожнее. „Друзья мои“, говорилъ онъ имъ, „вы толчете воду. Совершенно бесполезно намъ убѣждать другъ друга когда мы совершенно согласны въ своихъ убѣжденіяхъ. Надобно проповѣдывать тѣмъ кто еще не проникнуты истиной.“ Но людей непроникнутыхъ истиной невозможно было заставить проникнуться, а тѣ что не вступали въ дѣло пока всѣ въ него не вступать говорили: „Видите, никто не хочетъ вступать въ это дѣло.“ Общее же мнѣніе было что забастовка не состоится.

Такъ же думалъ и тотъ кого называли желѣзнымъ чело-вѣкомъ. Компания Форнейскаго завода съ нѣкотораго времени вела переговоры о пріобрѣтеніи рудниковъ на сѣверѣ Испаніи. Прежде чѣмъ окончательно рѣшить дѣло г. Марескель, полагаясь на свой здравый смыслъ несравненно болѣе

чѣмъ на знаніе инженеромъ, пожелалъ лично убѣдиться въ вѣрности ихъ донесеній, пожелалъ самъ осмотрѣть то что намѣревалось приобрести товарищество.

Открытіе всеяныхъ дѣйствій со стороны Лаванси принудило его повременить своимъ отъѣздомъ, но вкорѣ успокоившись касательно положенія дѣла на заводѣ, онъ пустился въ путь, разчитывая пробить въ отсутствіи не болѣе мѣсяца. Недѣля прошла, и онъ уже назначалъ свой пріѣздъ на послѣзавтра, какъ вдругъ какой-то рабочій съ таинственнымъ видомъ передалъ Оливье записку слѣдующаго содержанія: „Не можешь ли ты сообщить мнѣ что съ тобою? Тебя выгдѣ не видно, ты точно умеръ. Если когда-либо ты и достигнешь чего-нибудь, то не своими стараніями. Пока ты покоишься на лаврахъ, я волею, рвусь на части, тоскую, хрипаю. Два свои провожу съ людьми которые считаютъ за необходимое поучать меня тому что я отпачво и безъ нихъ знаю и никто не помогаетъ мнѣ найти то чего я ищу. Если мои братья откажутся побезпокоиться для того чтобы прійти ко мнѣ на помощь, то я брошу начатое мною дѣло, умою руки и отвыкнѣ посвящу своимъ личнымъ интересамъ „остатки падающаго голоса и гаснущаго пыла“. Это означаетъ что намъ слѣдуетъ подождать. Не зову тебя къ себѣ въ Туленъ, это могутъ загнѣтить, а компрометтировать тебя я не желаю. Завтра, въ воскресенье, я поѣду въ Вейронъ, гдѣ издается маленькая газетка могущая оказать намъ нѣкотораго рода услуги. Но издатель, несмотря на свои благія намѣренія, гауль и поетъ фальшиво; мнѣ надобно дать ему урокъ первоначальныхъ правилъ гнѣнія. Знаю что твой Марескаль въ отсутствіи. Воспользуйся же своимъ свободнымъ временемъ и пріѣзжай въ Вейронъ; мы тамъ вмѣстѣ пообедаемъ въ гостиницѣ *Парижъ*. Разчитываю на тебя, постарайся доказать мнѣ что ты можешь быть на что-нибудь годенъ.“

Хотя приглашеніе это и не отпаччалось любезностью, однако Оливье немедленно рѣшилъ принять его. На слѣдующій день, прочта газеты и выбравъ изъ нихъ всю суть, онъ умѣстилъ ее на четырехъ страницахъ письма, которое и отправилъ къ г. Марескалю въ Парижъ, гдѣ тотъ долженъ былъ остановиться на нѣсколько часовъ, затѣмъ самъ отправился въ Туленъ и оттуда по желѣзной дорогѣ въ Вейронъ.

Въ продолженіе всего пути онъ предавался самымъ грустнымъ, самымъ горькимъ размышленіямъ. Стоялъ еще

августъ мѣсяцъ, но уже чувствовалось приближеніе осени. Солнце не свѣтило уже такъ ярко, дулъ сѣверный вѣтеръ, дни становились короче, ночи холоднѣе. Серебристая дымка скрывала отъ взора даль. Минувавъ Тулень, выѣзжаешь изъ черной страны. Блѣдноголубое небо, казалось, сообщало свою томность и всей землѣ, скирды хлѣба, снопы, лауга, все въ полѣ было какъ бы погружено въ дремоту. На каждой станціи въ поѣздъ прибавлялись все новые пассажиры, рабочіе и крестьяне, которые слѣзили въ Вейронъ на праздникъ. У всѣхъ лица были веселыя, всѣ были довольны тѣмъ что послѣ цѣлой недѣли труда дождались воскреснаго отдыха, а впереди ихъ ожидали еще и праздничныя развлечения. Что же касается Оливье, то никогда не чувствовалъ онъ такъ сильно тяжелаго бремени жизни; душа его была какъ бы налита свинцомъ; она давила и тяготила его.

По привычкѣ онъ сѣлъ въ отдѣленіе для куращихъ, вынулъ сигару, но забылъ закурить ее. Онъ молча разсматривалъ трехъ незнакомцевъ которыхъ случай даль ему въ дорожныя спутанки. Вовсе не зная ихъ, онъ тѣмъ не менѣе во глубинѣ своего сердца завидовалъ ихъ судьбѣ. Ему надоѣлъ Оливье Моганъ. Онъ мечталъ о томъ какъ бы хорошо не быть собою, быть кѣмъ-нибудь другимъ, все равно кѣмъ бы то ни было, какова ни будь мѣна, во всякомъ случаѣ онъ будетъ отъ нея въ выигрышѣ. Про себя онъ обращался къ одному изъ трехъ незнакомцевъ и говорилъ ему: „Ты, мнѣ кажется, очень любишь себя, очень доволенъ собою. Готовъ биться объ закладъ, и по всѣмъ даннымъ долженъ выиграть, ты просто гаупт, но гауптность твоя тебѣ нравится, ты воображаешь себя великимъ человѣкомъ. Это сейчасъ же можно угадать по твоему лихорадочно-радостному взгляду, по твоимъ лухымъ губамъ и румянымъ щекамъ. Я же изучилъ себя, знаю себѣ точную цѣну, давно снзалъ съ себя точную мѣрку. Никакія горделивыя заблужденія, никакія тщеславныя иллюзіи не въ силахъ утѣшить меня“. Другому онъ говорилъ: „Ты мнѣ кажешься грубымъ, неотесаннымъ, матеріальнымъ человѣкомъ. Ты вѣшь исправно, льешь исправно и по всей вѣроятности не разборчивъ въ своихъ любовныхъ похожденияхъ. Твое уснувшее воображеніе никогда уже не пробудится. Ты не имѣешь способности солооставлять отвѣченныя полати и не сожалеешь о радостяхъ доставляемыхъ метафизическими

размышленіями; можно ли сожалѣть о томъ чего не знаешь? Я желалъ бы походить на тебя и какъ ты довольствоваться одними грубыми наслажденіями. Они мнѣ доступны столько же сколько и тебѣ, достаточно богаты чтобы доставлять ихъ себѣ. Наслажденіе котораго я жажду гораздо возвышеннѣе; амнѣ въ немъ отказываютъ. Недавно я его искалъ въ одномъ мѣстѣ, гдѣ навѣрное нашелъ бы его; но мнѣ отвѣтили съ гнѣвнымъ видомъ: „Нѣтъ здѣсь для васъ ничего“. Третьему своему слутнику, маленькому, живому человѣчку, который, напѣвая, читалъ газету, онъ говорилъ: „Немного нужно для твоего развлечения. Счастливы сердца легкомысленныя, безстрастныя, которыя легко забавляются и легко все забываютъ! У меня же сердце тяжелое, которому все тяжело и которое въ свою очередь тяжело всѣмъ. Ничто не въ силахъ отвлечь его отъ его мукъ и терзаній; оно само берeditъ свои раны, считаетъ свои обиды и неудачи; стыдъ какъ угрызеніе совѣсти терзаетъ его; оно стремится къ воображаемому отщепенію, которое ему не дается, и отъ одного несчастія переходитъ къ другому.“

Вскорѣ Оливье пересталъ заниматься своими сосѣдями. Углубившись въ воспоминанія, онъ еще разъ съ начала и до конца разказалъ себѣ всю свою повѣсть и съ гнѣвнымъ видомъ посмотрѣлъ на свою хроную ногу; ему показалось что жизнь его создана наподобіе его ноги, что она хромаетъ такъ же какъ и эта несчастная нога. Онъ спросилъ себя зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Вейронъ и отвѣтилъ что ѣдетъ туда изъ весьма непріятнаго долга. Съ тѣхъ поръ какъ новая любовь овладѣла имъ, онъ почти съ отвращеніемъ смотрѣлъ на свою ненависть, у него исчезъ весь пылъ и жажда мести, ему хотѣлось избѣжать своей судьбы. Но холодная, жестокая Беатриса, не умѣвшая любить, не захотѣла придти къ нему на помощь, и судьба его, заграждала путь желавшему бѣжать узнику, снова завладѣла имъ и заставила его возвратиться въ свою тюрьму. Прощайте сладкія мечты, которыя украшаютъ жизнь, заставляютъ трепетать и радостно биться сердце! Надобно возвращаться къ мрачнымъ мыслямъ, къ чернымъ замысламъ, къ мучительнымъ заботамъ, къ терзаніямъ совѣсти, къ сомнительнымъ дѣйствіямъ, которыя походятъ на измѣну и пачкаютъ сердце и руки. Но чья же въ этомъ вина? Онъ доказывалъ, умолялъ.

Беатриса ничего не хотѣла знать. Безъ сомнѣнія, она не угадала того что онъ умоляетъ ее спасти его отъ самого себя. Истинная же любовь угадываетъ все. Съ той минуты какъ онъ узналъ что она его не любитъ, онъ все себя можетъ позволить, а сѣдовательно можетъ и вѣхать въ Вейроузъ чтобы сдержать свой обѣтъ, отдать свою душу дѣволу, который въ концѣ концовъ оказывался довольно добрымъ малымъ, такъ какъ онъ противъ сильныхъ стоитъ за святое дѣло меньшей братіи, которую эти сильные презираютъ какъ прахъ земной.

Оливье только что помѣстился въ омнибусъ, который со станціи возилъ пассажировъ въ Вейроузъ, какъ въ карету вошелъ красивый статный малый; лицо его было ему знакомо, но онъ узналъ его съ трудомъ. Оливье никогда не видывалъ Сатурнина Сервуа иначе какъ предъ плавильною печью вымѣшивающимъ массу, въ полотняныхъ штанахъ, съ голою грудью, съ растрепанными волосами. На сидѣвшемъ же въ омнибусъ была щегольская шляпа, лаотно облегающій талию черныи сюртукъ, красный галстукъ съ развѣвающимися концами, кѣтъчатые овершешно новые ланталоны и лаковые ботинки; усы у него были закручены кверху кончиками и тщательно наломажены, а въ рукахъ онъ вертѣлъ свою праздничную тросточку. Съ нимъ была очень хорошенькая дѣвухка въ платьѣ цвѣта мальвы, на головѣ у нея была шляпа съ перьями, на груди красовался букетикъ розъ, на лѣвой рукѣ золотой браслетъ, въ ухахъ серьги съ гранатными подвѣсками.

Въ омнибусъ оказались еще два свободныя мѣста, и вошедшая ларочка послѣдила занять ихъ; затѣмъ, и онъ и она приняла серіозный, благонравный, скромный и вполнѣ благопристойный видъ. Онъ какъ будто говорилъ: „Я баринъ“, а она: „Я барыня“. Оба ловидимому старательно изучили какъ имъ слѣдуетъ держать себя, но производили впечатлѣніе какъ будто они играютъ на сценѣ. Носикъ кверху, губы сердечкомъ, какъ будто даже немного дуясь, Колетта, сосредоточенная и серіозная, была на верху блаженства, но дѣлала видъ что относится ко всему нѣсколько пренебрежительно. Она безмолвно сидѣла вытянувшись въ струнку и только разъ повернула свою головку чтобы бросить сердитый взглядъ на толстѣка, который сталъ ногой на оборку ея платья. Съ ней прикачилось маленькое несчастье: у одной

изъ ея перчатокъ отскочила пуговка, и потому она держала руку плашма на кофѣяхъ чтобы никто не замѣтилъ этого маленькаго, крайне досаднаго ей изъяна въ ея туалетѣ.

У Сатурнина было также что-то на душѣ; нахмуривъ брови, онъ нетерпѣливо крутилъ свои усы. При выѣздѣ изъ Форте его первою заботой всегда было не встрѣчать никого кто бы могъ считать себя выше его по своему положенію. Онъ замѣтилъ Оливье во глубинѣ омнибуса, и Оливье помидому также узналъ его. Сатурнину было страшно досадно что Оливье попался ему въ дорогѣ, и онъ нетерпѣливо ожидалъ возможности избавиться отъ такого неприятнаго сосѣдства.

По счастью омнибусъ скоро остановился. Оливье вышелъ первый; минутой спустя его обогналъ луддизговщикъ подъ руку со своею красавицей и даже снизошелъ до того что кончиками пальцевъ притронулся къ поламъ своей шляпы. Недолго однако довелось Оливье ихъ видѣть, они прибавили шагу и носились къ своимъ удовольствіямъ. На улицахъ маленькаго городка было большое оживленіе, все окрестное населеніе сбѣжалось сюда. Гремѣли трубы, развѣвались флаги направляясь къ мѣсту гдѣ должны были происходить состязанія; всѣ разступались, давая дорогу шествію, во главѣ котораго съ гордою осанкой шла толпа мальчишекъ, какъ бы указывая ему путь. Въ окнахъ видѣлись лица любопытныхъ обывателей, на балконахъ кофейныхъ также толпились зрители; всюду лица, кричали, лѣли.

Оливье позавтракалъ въ какомъ-то кабацкѣ; ему очень скоро надоѣлъ весь этотъ шумъ и гамъ. Онъ отвернулся отъ веселаго празднества и направился въ противоположную сторону; вышелъ за городъ и сѣлъ тамъ на скамеечкѣ подъ лаватами на берегу рѣчки.

Веселые прилѣвы порой доносились до него, оскорбляя его слухъ; его сердца въ другихъ легкомысленная веселость, къ которой самъ онъ вовсе не былъ способенъ. Ему хотѣлось бы чтобы у всѣхъ жителей Вейрона были назначены дѣловые свиданія, на которыя обыкновенно идутъ противъ своего желанія, только потому что иначе нельзя; ему хотѣлось бы чтобы и имъ всѣмъ судьба навязала какую-либо неприятную обязанность, печальный долгъ, чтобы ихъ сердца также дѣлались между заполучною несвободою и неизлѣчимою любовью, чтобы всѣ они имѣли достаточную

причину негодовать и жаловаться на любимую женщину за то что она не отвѣчаетъ имъ взаимностью, не имѣетъ къ нимъ той любви какой они отъ нея требуютъ. Но жители Вейрона теперь только и думали что о весельѣ; сегодня былъ одинъ изъ тѣхъ дней когда кажется что несчастныхъ на землѣ нѣтъ, что у человечества только и есть одно занятіе, одна забота—какъ бы побольше разнообразить свои удовольствія, что несчастная земля не что иное какъ мѣсто для воликихъ кутежей и веселья. Оливье хотѣлось бы заставить смолкнуть музыку, подавить веселье толпы, которая своимъ шумомъ пресѣдовала его даже въ удивленіи; ему хотѣлось сорвать съ жизни личину, которою она прикрывала свое безобразіе. Развѣ не знаютъ люди что въ дѣйствительности она безобразна, и что въ тѣ дни когда она искренна она поетъ одни мрачные напѣвы?

Въ шесть часовъ онъ направился въ гостиницу *Парижъ*. Лаваси ожидалъ его въ отдѣльной комнатѣ, которую онъ взялъ просто съ бою. Первое пріѣтствіе его было довольно холодно.

— А, вотъ и ты! сказалъ трибувъ.—Какое счастье, нестиное слово!

Шагая по узенькой комнаткѣ, какъ медвѣдь въ клеткѣ, онъ началъ бранную колючую рѣчь противъ бездѣтельности, вялости, флегматичности Сѣверянъ, людей толстокожихъ и сонныхъ, безчувственныхъ къ красотамъ краснорѣчія и прелестямъ риторики. „Боже!“ говорилъ онъ, „какъ могъ Ты создать такихъ олуховъ!“

Но изъ уваженія къ читателю мы по необходимости смягчаемъ его выраженія. Затѣмъ онъ объявилъ что дѣло которымъ уже три недѣли какъ онъ занимается ему надоѣло и опротивѣло. Онъ готовъ былъ для блага народнаго пожертвовать всѣмъ, даже своею кровью; но какъ освободить рабовъ которые ничего не хотятъ дѣлать для своего освобожденія, какъ облегчить бремя скотамъ которые даже не умѣютъ огрызнуться когда ихъ бьютъ. Онъ говорилъ что хочетъ все бросить, предоставить все собственному своему теченію, хочетъ работать только для блага частнаго, для блага маленькаго Лаваси, который разумѣется изъ всехъ бѣдняковъ, которыхъ онъ только знаетъ, самый интересный и самый достойный человѣкъ; для того чтобъ ему жилось хорошо, потрудиться по крайней мѣрѣ стоить.

Среда этихъ стѣванныхъ овъ былъ себя по абу, колотилъ въ грудь, ударялъ по бедрамъ; и всѣ свои громы и молнии приберегъ на заявленіе что у него болѣзнь гортани, что у него теперь сохранились лишь жалкіе остатки его вѣкогда могучаго голоса.

Затѣмъ овъ принялся за Оливье, не пощадилъ и его. Овъ сердился на него за то что по возмозженному на него порученію овъ не сумѣлъ достигнуть ничего путнаго, укорялъ его за эту неудачу и приписывалъ ее неисправимой его неловкости.

— Какой намъ изъ тебя толкъ? спросилъ овъ Оливье.—Право, ты чудакъ большой руки. Ради тебя трудятся, тебѣ готовятъ наслажденія. И что же? Хоть бы крошечку самъ потревожился, хоть бы пальцемъ шевельнулъ чтобы толкнуть колесо! Ничуть не бывало, смиренехонько сидитъ въ своемъ уголкѣ маля у ногъ своей Сидальзы. Да просмись же, оломившись, романтичѣйшій и многокузиннѣйшій изъ всѣхъ инженеровъ въ мірѣ! Влюбленный Брутъ не Брутъ.

Оливье вѣскольکو сухо отвѣчалъ что его положеніе довольно щекотливо, овъ невольнo долженъ быть очень осмотрителенъ; что прежде чѣмъ давать совѣты, овъ ждетъ чтобъ его спросили; по его мнѣнію, прѣхавъ въ Вейроузъ овъ уже тѣмъ самымъ доказалъ достаточное рвеніе къ дѣлу и желаетъ чтобъ ему за это были признательны. Лаванса до крайности былъ удивленъ открытїемъ что у этого безобиднаго созданія, котораго овъ считалъ за настоящаго агненка, есть свое жало которое по временамъ овъ также какъ и другіе пускаетъ въ ходъ. Съ этого мгновенія трибувъ умѣрилъ свой голосъ и постепенно началъ переходить въ болѣе мягкій тонъ. Во время всего обѣда, который подали очень скоро, овъ былъ вѣжливъ и даже минутами любезенъ, но не былъ въ своемъ обычномъ хорошемъ расположеніи духа. Чтобы быть дѣйствительно любезнымъ, ему необходимо было чувствовать себя счастливымъ; когда ему противорѣчали или чѣмъ-либо огорчали его, овъ терялъ часть своей оживленности и становился кислымъ.

— Разберемъ же еще разъ все это дѣло, говорилъ овъ Оливье. — Пунктъ первый: мы не достигнемъ ничего если металлургисты не примутъ участія въ нашей игрѣ. Пунктъ второй: лучший способъ заставить ихъ принять въ ней участіе это расположить въ нашу пользу лудайговщика, по

имени Сатурнива Сервуа. Онъ всему коноводъ, стоить ему подать знакъ, и все стадо ринется за нимъ.

— Очень возможно, отвѣтилъ Оливье.

— Судя по тому что мнѣ извѣстно, это гораздо болѣе чѣмъ возможно, это вполнѣ вѣроятно и даже вѣрно. Но сладить съ этимъ скотомъ не особенно легко, онъ упрямъ какъ оселъ. Разъ какъ-то вечеромъ я очень за нимъ ухаживалъ, ласкалъ его, и все-таки не добился отъ него ни одного слова. Надо было перемѣнить образъ дѣйствій; купимъ его.

— Его купить нельзя.

— Ты такъ думаешь? Кто-то сказалъ что нѣтъ никого въ мѣрѣ, ни одного мужчины, ни одной женщины, которыхъ бы нельзя было купить.

— Если у тебя такое прекрасное мнѣніе о человечествѣ, то зачѣмъ же ты отдалъ себя ему на служеніе?

— Чтѣ дѣлать? Это не въ моей власти, я все равно что водолазъ, у меня страсть спасать людей. Есть же люди у которыхъ склонность къ игрѣ на флейтѣ, а у меня склонность къ самопожертвованію, не говоря уже о томъ что я обожаю его, это подлое человечество. Презрѣніе не исключаетъ любви: изъ всѣхъ моихъ любовницъ я всего болѣе любилъ ту которая всѣхъ болѣе заслуживала презрѣнія. Ну, не сердись, ты видишь что я хлопочу для тебя же. И такъ ты говоришь что этотъ Сатурнивъ обладаетъ строгимъ нравственностью древняго Римлянина?

— Римлянинъ или нѣтъ, онъ вовсе не строгой нравственности, но онъ тщеславенъ. Да и во всякомъ случаѣ зарабатываетъ онъ много; а ему доставало бы только на удовольствія, до остальнаго же ему дѣла мало. У меня есть данныя полагать что онъ сейчасъ при деньгахъ.

— Знаешь ли, мой милый, что у тебя странная манера защищать своихъ друзей?

— Пудлинговщикъ этотъ вовсе не другъ мнѣ и я вовсе не защищаю его. Я желаю только избавить тебя отъ лишней хлопоты.

— Благодарю за такое прекрасное чувство. Но такъ какъ мое средство кажется тебѣ нецѣльнымъ, то сдѣлай милость укажи мнѣ иное.

— Я подумаю, я желаю бы отыскать средство которое не было бы слишкомъ дурнымъ.

— Да что съ тобой? Дурныхъ средствъ нѣтъ когда работаешь для благой цѣли!

— Такъ ты немножко іезуитъ? насмѣшливо покачивая головой сказалъ Оливье.

— Нечего привязываться къ словамъ. Іезуиты люди умные, постараемся набраться такого же ума.

Беседа велась въ томъ же духѣ до самаго конца обѣда. Они были согласны, но они мало нравились другъ другу; скрипкамъ ихъ было трудно настроиться въ одномъ тонѣ. Лаванси говорилъ себѣ: „Инженеръ этотъ всегда останется сентиментальнымъ, весьма посредственнымъ плешомъ и никогда не будетъ ничѣмъ инымъ.“ Оливье же со своей стороны находилъ что новый Лаванси слишкомъ напоминаетъ прежняго Лаванси, что сквозь его новую обложку все еще часто проглядываетъ его прежняя цыганская природа, что у этого жирнаго алостола часто вырываются слова и выраженія совершенно недостойныя устъ которыхъ коснулся очищающій огонь священнаго угля.

Трибунь взглянулъ на свои часы и ислустилъ стонъ. Въ редакціи газеты *Вейронскій Независимый* его ожидаютъ мнѣ чествованія луншемъ. Онъ позволилъ, спросилъ счетъ, заплатилъ и схвативъ Оливье за оба локтя, съ силой пошелъ ихъ.

— Прости меня, мой сынъ, проговорилъ онъ, — за то что немножко растолкалъ тебя; такова моя метода будить спящихъ. Будь проидателемъ, изобрѣтателемъ, старайся быть гениальнымъ. Занимайся нашимъ дѣломъ и не занимайся ничѣмъ инымъ. Бери примѣръ со своего стараго товарища: вотъ уже дѣлыя три ведѣла какъ я живу истиннымъ аскетомъ, лишенъ всѣхъ прелестей свѣдобныхъ, всѣхъ удовольствій умственныхъ и всѣхъ утѣшеній сердечныхъ.

Окончивъ эту краткую рѣчь, онъ отправился въ редакцію лить луншъ который оказался ему достойнымъ великому человѣку. Слѣдуетъ однако отдать этому утонченному энциклопедисту справедливость въ томъ что самому лучшему луншъ онъ предпочиталъ утѣшенія сердечныя, а ихъ въ редакціи *Независимаго* конечно не нашлось.

Оливье снова отправился на станцію желѣзной дороги, къ да послѣлъ всего за три минуты до отхода поѣзда, съ которымъ ему надо было ѣхать въ Тулень. Онъ разыскалъ свободное отдѣленіе и едва успѣлъ устыться какъ слышитъ послѣшно вторглись Сатурнинь Сервуа и Колетта Вуланъ. Конецъ праздника вовсе не бываетъ похожъ на его началъ.

День они провели весело. Затѣмъ, оглядѣвшись немножко, сказали: „Была не была! Повеселимся, удивимъ зѣвакъ!“ Они отличались на балѣ, устроенномъ на открытомъ воздухѣ, хореографическими прыжками и лируэттами, которые законъ допускаетъ, но не одобряетъ, затѣмъ съѣли изысканный обѣдъ и обильно залили его мороженымъ шампанскимъ. У Колеетты глаза блестяли, щеки горѣли, золотистые волосы растрепались, придавая ей еще болѣе увлекательности. Женское тщеславіе творить чудеса. Какъ только она замѣтила что въ вагонѣ сидитъ какой-то господинъ, то какъ бы по волшебству тотчасъ же овладѣла собою, и настоящею барыней разсыпалась на диванчикѣ, прислонилась къ стеганой подушкѣ и граціозно оправила вокругъ себя свои юбки. У Сатурнина же шумѣло въ головѣ, онъ никакъ не могъ собраться съ мыслями. Онъ бросилъ на Оливье вызывающій взглядъ, взглядъ человѣка который ищетъ ссоры. Ему даже было необходимо завязать съ кѣмъ-нибудь ссору, чтобы достойно закончить день веселья и попойки. Ссора даже входила въ программу его дѣйствій въ такихъ случаяхъ, ссора бывала необходимымъ букетомъ всѣхъ его фейерверковъ. Этотъ лудлинговщикъ во хмѣлю буянилъ.

Онъ взялъ билеты втораго класса; но вдругъ Колееттѣ пришла фантазія ѣхать въ первомъ. Это было для нея совершенно новое удовольствіе, и онъ не былъ способенъ отказать ей въ такой бездѣлицѣ. Предъ самымъ отходомъ поѣзда, дверцы вагона отворились, и кондукторъ, просунувъ въ нее голову, проговорилъ:

— У господина и у его дамы билеты перваго класса?

— Мы доплатимъ что слѣдуетъ, надменно отвѣтилъ ему Сатурнинъ. — Если мнѣ хочется ѣхать въ первомъ классѣ, то желалъ бы я посмотреть кто посмѣетъ помѣшать мнѣ исполнить мое желаніе.

Кондукторъ исчезъ, поѣздъ тронулся, и тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ Сатурнинъ, которому была необходима ссора, направился прямо къ Оливье, съѣлъ какъ разъ противъ него и едва поклонившись ему, проговорилъ:

— Вы не находите недовкимъ что я ѣду въ первомъ классѣ? Я лично не вижу въ этомъ ничего недовкаго. Но если это не нравится вамъ, то такъ и скажите! Я всегда держался того мнѣнія что одинъ человѣкъ стоитъ другаго.

— Я того же мнѣнія, спокойно отвѣтил Оливье.

— Въ такомъ случаѣ можетъ-быть обжете пожалъ мнѣ руку?

Оливье тотчасъ же исполнилъ его желаніе, но ему стоило большаго труда освободить свою руку, которую лудайговщикъ трясъ немилосердно и вовсе не торопился вынуть изъ своихъ лапъ. У людей буйныхъ во хмѣлю страсть къ повтореніямъ.

— Я говорю что одинъ человекъ стоитъ другаго, продолжалъ Сатурнинь.— Не знаю, того ли же мнѣнія держитесь вы, но таково мое мнѣніе. О, я отлично васъ знаю, вы секретарь г. Марескаля! Вы инженеръ, вы учились въ Политехнической школѣ.

— Въ Центральной школѣ, замѣтил Оливье.

— Извините меня, не желалъ васъ обидѣть. Если вы считаете себя обиженнымъ, то я готовъ дать вамъ удовлетвореніе.

— Вы ничуть меня не обидѣли, отвѣтил терпѣливый Оливье, рѣшивъ не связываться съ Сатурниномъ Сервуа.

— Такъ дайте же мнѣ руку... Но я подумалъ что такъ какъ вы инженеръ, то можетъ-быть вамъ непріятно вѣять въ одномъ вагонѣ съ простымъ рабочимъ.

При этихъ злополучныхъ словахъ, низвергнувшихъ ее съ выси на землю, Кошетта сдѣлала нетерпѣливое движеніе и проговорила:— Да сиди же смирно, Сатурнинь!

— Не мѣшай мнѣ говорить, сказалъ онъ, возвышая голосъ.— Я не привыкъ скрывать мои убѣжденія; если они не нравятся господину инженеру, онъ можетъ сказать это, я всегда сумѣю постоять за себя.

Къ счастью Оливье, на время вниманіе Сатурнина было отвлечено отъ него. Въ вагонъ вошелъ контролеръ съ требованіемъ добавочныхъ денегъ.

— Вамъ будутъ заплачены ваши добавочныя. Сколько вамъ нужно? Десять франковъ? Пятьдесятъ франковъ? Не стѣсняйтесь, у насъ недостатка въ деньгахъ нѣтъ.

— Я желаю получить лишь то что мнѣ слѣдуетъ, упрямо замѣтил контролеръ.

— Такъ по крайности будьте хоть вѣжливы, возразилъ подозрительный лудайговщикъ.— А то развѣ за вѣжливость платится отдѣльно? Ваша должно-быть не особенно дорога, она не перваго разряда.

Онъ пошарилъ у себя въ карманъ и вытащилъ оттуда цѣлую горсть серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, между которыми блестяло и нѣсколько золотыхъ.

Затѣмъ онъ протянулъ руку контролеру.

— Берите, я не стану васъ проверять.

Какъ только контролеръ взялъ по счету и, ворча себѣ подъ носъ, удалился, Сатурнинъ хотѣлъ было положить свои деньги обратно въ карманъ, но движеніе его было до такой степени неловко что половина всей горсти рассыпалась по полу.

— Не трогай, сказалъ онъ Колеттѣ.—Оставимъ это миліонерамъ которые садутъ сюда послѣ насъ.

Но Колетта думала иначе. Роли помѣнялись; несмотря на то что этотъ король запретилъ ей подбирать рассыпанные деньги, она опустилась на колѣни и не заботясь о томъ что сомнѣть платье, тщательно подобрала что было на полу и все положила себѣ въ карманъ.

А Сатурнинъ между тѣмъ вернулся къ своей первой мысли и съ удивительною настойчивостью снова началъ приставать къ Оливье.

— Я говорю что одинъ человекъ стоить другаго. Не желая оскорбить господина инженера, смѣю спросить какое вино пилъ онъ за обѣдомъ?

— Обыкновенное, недорогое бордо.

— Очень жалѣю господина инженера! А мы вотъ, моя дама и я, такъ пили шампанское, по десяти франковъ за бутылку.

— Въ такомъ случаѣ вы гораздо выше меня.

— Нѣтъ вышшихъ и низшихъ, авторитетнымъ тономъ проговорилъ Сатурнинъ.—Все равны, вотъ мое мнѣніе... А вотъ что, я лучше попрошу господина инженера хорошенько рассмотреть вотъ эту прелестную дѣвицу. Можетъ ли кто изъ вашихъ знакомыхъ похвастаться связью съ болѣе красивою женщиной?

— Никто не можетъ, отвѣчалъ Оливье, котораго ничто не могло возмутить.

— И замѣйте что эта юная дѣвица обожаетъ меня, что я могу дѣлать съ нею все что хочу, могу заставить ее пройти сквозь игальное ушко.

— Да не говори же глупостей! воскликнула Колетта, презрительно пожимая плечами.

— Потихе! Каково, ничего не понимаетъ, а тоже пускается въ разсужденія!.. Послушайте, господинъ инженеръ, если

вы думаете что я хочу обмануть васъ, что есть женщины красивѣе ея, потрудитесь взглянуть на ея портретъ.

— Совершенно бесполезно, отвѣчалъ Оливье,—когда оригиналъ у меня предъ глазами.

Колетта встала и подошла къ лампѣ, свѣтъ которой теперь прямо падалъ на ея привлекательное личико. Она устремила на Оливье до такой степени вызывающій взглядъ что скромный юноша потушилъ свои взоры.

— Говорю вамъ, раздражительно продолжалъ Сатурнианъ,— что она снималась недѣлю тому назадъ, а сегодня я захотѣлъ въ фотографію за ея карточками, и въ доказательство— вотъ онъ, цѣлая дюжина. Господи въ инженеръ доставить мнѣ большое удовольствіе, взглянувъ вотъ на эту карточку. Нельзя ли узнать какъ онъ ее находитъ?

— Мнѣ очень нравится.

— А если нравится, такъ и возьмите себѣ.

— Вы слишкомъ добры, я не хочу васъ лишать ея.

— Нѣтъ, нѣтъ, возьмите себѣ. Надѣюсь, г. инженеръ не желаетъ меня обидѣть? Я люблю дарить, таковъ ужъ мой нравъ. Но ее самое я не уступаю никому, она моя; бѣда тому кто осмѣлится коснуться хотя бы единаго ея волоска!... Притомъ, если вы охотникъ до красивыхъ женщинъ, то въ Форне въ нихъ недостатка нѣтъ. Напримеръ, жена директора; правда, она жеманница. Затѣмъ ея сестрица, гжа Курлисъ, ну, это ханжа... Говорю вамъ что ханжа... Ужъ не думаете ли вы что деньги которыя ей даютъ идутъ на сиротъ? Все идетъ Богу, въ часовню, гдѣ золота столько что хоть бочонки имъ грузи.

— Да что вы! Эта несчастная часовенка просто въ нищенскомъ видѣ, въ ней только и есть что голыя стѣны.

— Я говорю что знаю, что самъ видѣлъ. Ужъ не желаете ли вы уличить меня во лжи?

— Господи! Какъ ты глупъ когда наешься! все болѣе и болѣе раздражаясь воскликнула Колетта.

— Что такое она говоритъ?... Оставьте меня въ покоѣ, вотъ я научу тебя какъ говорить!

Частію подъ влияніемъ испуга, частію изъ кокетства она подбѣжала къ Оливье и съѣла возаъ него говоря:

— Защитите меня!

— Желалъ бы я посмотрѣть какъ это онъ защититъ тебя! громовымъ голосомъ загремѣлъ Сатурнианъ.—Я никому не

позволяю, г. инженеръ, совать носъ въ мои дѣла. Но можетъ-быть вы желаете дѣйствовать на томъ основаніи что эта дама мнѣ не законная супруга? Когда я женюсь, то обхожусь безо всякихъ нотаріусовъ и половъ. Можетъ-быть вы любите половъ? Я ихъ духу слышать не могу. У меня на это десятки причинъ. Вопервыхъ, потому что они лопы...

Онъ только что хотѣлъ перейти къ остальнымъ причинамъ какъ повздъ остановился, и они пріѣхали.

Предъ выходомъ изъ вагона Коделтта хотѣла было протянуть Оливье кончики лальцевъ, но замѣтивъ что у ея перчатки отскочила и вторая луговка, она лобоялась чтобъ эта разстегнутая перчатка не повредила ей во мѣвнїи молодого человѣка, котораго она заставила предъ собою потупить взоръ. Она удовольствовалась тѣмъ что удостоила его легкаго граціознаго поклона однимъ подбородкомъ, словно какая-нибудь эрцъ-герцогиня, которая милостиво ободряетъ юношу, ослабленнаго ея красотой и величіемъ. Поклонъ ея сопровождался обворожительною улыбкой, которая обозначала: „Я стою очень дорого; говорю это не для тебя, ты слишкомъ застѣнчивъ; но можетъ-быть между твоими друзьями и знакомыми есть какой-нибудь знатокъ, лакомка; у тебя есть моя карточка, можешь ее показать кому вздумается“.

Нѣсколько минутъ спустя она выходила со станціи подъ руку со своимъ лудинговщикомъ, которому она помогала идти прямо. Не добившись ссоры съ Оливье, онъ теперь искалъ ссоры со своею возлюбленною. Она отвѣчала ему колкостями, оба разгорячившись перешли къ брани и разстались. Когда шедшій вслѣдъ за ними Оливье потерялъ ихъ изъ виду, они шли уже врозь на значительномъ другъ отъ друга разстояніи. Оливье вернулся въ Форне сильно вадумавшись. Въ гостиницѣ Парижъ онъ оставилъ половину своихъ иллюзій, за то въ вагонѣ перваго класса онъ пріобрѣлъ фотографическую карточку. То что онъ видѣлъ и слышалъ заставило его задуматься; онъ говорилъ себѣ:

— Это было бы почти вѣрное средство, но очень гадкое.

XVIII

Оливье провелъ тревожную ночь. Онъ только что сталъ засыпать какъ вдругъ ужаснѣйшій кошмаръ пробудилъ его въ холодномъ поту. Ему чудилось что онъ въ Вааль-Фазри; онъ гуляетъ по берегу Сены съ Беатрисой, она смотритъ на него такимъ любящимъ и милымъ взоромъ что все его сердце переполняется радостью и счастіемъ. Прислонясь спиной къ ивѣ, на нихъ смотритъ Аристидъ Лаванси и насмѣшливо указываетъ пальцемъ на кого-то позади ихъ. Прежде чѣмъ Оливье успѣлъ обернуться, ему кто-то даетъ подножку, и онъ стремглавъ летитъ внизъ и непременно долженъ свалиться въ рѣчку, но ему удается уцѣпиться руками за кусты. Въ то время какъ онъ съ трудомъ поднимается съ земли, онъ слышитъ раздирающій душу крикъ и видитъ какъ предъ нимъ мелькаетъ блѣдное лицо Беатрисы; она съ мольбой простираетъ къ нему руки, а Сатурнинъ Сервуа съ искаженнымъ лицомъ и сверкающимъ взглядомъ сжимаетъ ее всю трепещущую въ своихъ объятіяхъ и мчится съ нею куда-то.

Сонъ этотъ до такой степени взволновалъ Оливье что онъ заснулъ только на разсвѣтѣ, а два часа спустя былъ уже на ногахъ, весь поглощенный одною и тою же мыслью.

— Мнѣ необходимо видѣть ее, говорить съ нею, размышлялъ онъ.—Когда я ей все выскажу, во всемъ исповѣдуюсь, можетъ-быть она и согласится наконецъ исполнить мое желаніе.

Въ пріютъ идти онъ не рѣшался; онъ боялся что его тамъ не примутъ, что для него навѣки заперты эти двери. Но онъ зналъ что та кому онъ желалъ во всемъ исповѣдаться каждый день рано утромъ ѣздитъ въ Туленъ, на мѣстѣ осматриваетъ предназначенные въ пріютъ сѣбѣстные припасы, торгуется съ поставщиками и затѣмъ уже возвращается домой. Онъ рѣшилъ пойти къ ручейку журчанье котораго навѣяло на него такіа чудныя видѣнья и тамъ ожидать когда она будетъ ѣхать мимо. Онъ ждалъ болѣе часа, то сидя на травѣ, то стоя на льдяной дорогѣ, то ходя взадъ и впередъ по берегу ручейка. Онъ только даромъ терялъ время; онъ не видалъ маленькой одноколки, которую глаза его искали съ тою жадностью съ какою человѣкъ потерпѣвшій крушеніе ищетъ на горизонтѣ спасительнаго паруса.

Пока онъ жаднымъ взоромъ смотрѣлъ на дорогу, красивая амазонка на чудномъ, ворономъ конѣ, въ сопровожденіи грума. ѣхала по противоположному берегу ручья. Сегодня она была въ пасмурномъ настроеніи. За нею давно и долго ухаживалъ молодой человекъ высшаго круга, владѣлецъ одного изъ сосѣднихъ замковъ. Они часто выдались то въ Форне, то въ Парижѣ и вели между собою тайную переписку. Недавно этотъ лыкій молодой человекъ пригрозилъ ей тѣмъ что застрѣлится если она не уступитъ его мольбамъ. О суетность всякихъ угрозъ и обѣщаній! Она сейчасъ узнала изъ вѣрнаго источника что молодой человекъ избралъ менѣе трагическій выходъ и собирается просто-на-просто жениться; это ей было большимъ разочарованіемъ, она горько досадовала на него. Она рѣдко бывала добра, даже въ свои хорошіе дни; но когда ее раздражали, когда оскорбляли ея самолюбіе, она становилась просто злою. Слѣдуя зеленымъ берегомъ, она замѣтила Оливье, съ любопытствомъ посмотрѣла на него, легко угадала что онъ кого-то ждетъ и затѣмъ еще легче догадалась кого именно.

Она лустила свою лошадь въ галопъ не переставая думать о двухъ измѣнявшихъ ей молодыхъ людяхъ, а въ сердцѣ у нея закипала злоба на обѣихъ женщинъ отягавшихъ у нея жертвы. Одна изъ нихъ находилась внѣ ея власти, и вскорѣ вся ея злоба сосредоточилась на другой, которая была ей сестрой, а когда сестру не любишь, то ее легко и ненавидѣть; изъ всѣхъ соперницъ сестра бываетъ самою ненавистною, и карать ее становится даже какою-то потребностью. Кроме того, она не вѣрила въ возможность глубокой любви. Для нея любовь была только болѣе или менѣе страстнымъ кокетствомъ, однимъ изъ самыхъ пріятныхъ препровожденій времени, заранѣе разчитанною игрой, которая тѣмъ интереснѣе что на ставку въ ней идетъ собственная личность, а отъ расплаты можно всегда какъ-нибудь отвертѣться, отдѣлаться какими-нибудь шутками. Она напрягала всѣ силы своего ума изыскивая способъ отвратить Оливье отъ гжи Курдизъ, и вдругъ рѣшила что случай представляетъ ей отличное средство достигнуть желаемого.

Вскорѣ послѣ полудня въ секретарскую явился лакей и доложилъ Оливье что гжа Марескель проситъ его къ себѣ, желая сообщить ему содержаніе полученнаго ею письма. Оливье очень охотно увернулся бы отъ этого

непріятнаго посѣщенія. Онъ не видалъ Жоржины съ того самаго дня какъ она застала его въ пріютѣ во время его бурнаго объясненія съ Беатрисой. Болѣе чѣмъ когда-либо онъ страшился остаться съ нею съ глаза на глаза; но подумавъ что можетъ-быть она получила письмо отъ г. Марескеля, который долженъ былъ пріѣхать вечеромъ и, во всей вѣроятности, давалъ ей какое-нибудь порученіе къ своему секретарю. Ему было очень тяжело повиноваться, тѣмъ не менѣе онъ повиновался и явился въ замокъ.

Для его пріема гжа Марескель выбрала самое простое изъ всѣхъ своихъ платьевъ, одноцвѣтное, довольно темное и съ высокими воротомъ. Ея лебединая шея была стянута высокими, черными бархатными воротничкомъ, который былъ до того узокъ что даже безпокоилъ ее, особенно когда она поворачивала голову. На ней не было ни лентъ, ни драгоценныхъ украшеній, она сняла даже серьги, и самая прическа ея отличалась тою же простотою и скромностью какъ и весь остальной ея туалетъ. Она шла, сидя у окна. На маленькомъ стоявшемъ возлѣ нея столикѣ лежала цѣлая груда клѣтчатыхъ платковъ, которые она, повидимому, предназначала для пріюта своей сестры. Лицо ея носило печать того серьезнаго дѣла которымъ она была занята. Видъ у нея былъ степенный, полный достоинства; грустное облачко, признакъ усиленнаго напряженія, омрачало ея прекрасное склоненное чело: ничто не было въ состояніи отвлечь ея вниманія отъ иглолки, въ которую она съ большимъ трудомъ вѣтвала нитку, такъ какъ вообще не имѣла привычки къ работѣ. Это была уже не Жоржина Вальтрѣ, а Лукреція, жена Коллатина, римская матрона, которая прядетъ, занимается хозяйствомъ и никогда не подаетъ повода къ толкамъ о себѣ, женщина глубоко проникнутая сознаніемъ долга, которая занимается своимъ ближнимъ лишь для того чтобы связать ему чулки или снабдить его подрубленными платками.

Когда кузень ея вошелъ въ комнату, она на секунду оторвалась отъ своей работы чтобы привѣтствовать его взглядомъ и любезною улыбкой; затѣмъ, принявъ свою прежнюю позу и снова принимаясь за работу, обратилась къ нему въ тихимъ и ласковымъ голосомъ сказала:

— Оливье, господинъ Марескель пріѣзжаетъ сегодня вечеромъ.

— Я это знаю, сударыня; онъ предупредилъ меня о своемъ прѣздѣ.

— Онъ прибавляетъ что прибудетъ сюда не ранѣе полуночи и просить васъ не дожидаться его.

— Это очень любезно съ его стороны, я весьма тронута его вниманіемъ, отвѣтила Оливье, съ трудомъ вѣря тому что господинъ Марескель вздумалъ позаботиться о покоѣ своихъ служащихъ вообще и своего секретаря въ частности.—Болѣе вы ничего не имѣете сообщить мнѣ, сударыня?

— Позвольте, видите ли, признаюсь, письмо было только предположеніемъ... Оливье, пожалуйста, прошу васъ, сядьте. Особа очень дорогая вашему сердцу поручила мнѣ переговорить съ вами отъ ея имени, обратиться къ вамъ съ просьбой.

Онъ поблѣднѣлъ отъ удивленія и ужаса, онъ предчувствовалъ приближеніе какого-то страшнаго несчастія. Вѣроятно гжа Курлизи имѣла сообщить ему что-нибудь очень жестокое если не рѣшалась переговорить съ нимъ лично,—но что за посредницу выбрала она! Она объявляла ему свои желанія, свои приказанія устами изъ которыхъ не могло исходить ничего кромѣ ужаснаго. Онъ сѣлъ и вытянулъ шею какъ человѣкъ приговоренный къ смерти, ожидающій роковаго удара топоромъ.

— Оливье, снова начала Жоржина умоленнымъ голосомъ человека исполняющаго любви и милосердія и всецѣло отдавающаго служенію на благо своего ближняго,—я васъ видѣла сегодня утромъ на Туленской дорогѣ. Вы надѣялись тамъ встрѣтить сестру. Развѣ вы не знали что она должна была неожиданно уѣхать къ мужу, который непремѣнно желалъ ее видѣть? Г. Курлизу лучше, гораздо лучше. Директоръ лѣчебницы начинаетъ надѣяться на его полное выздоровленіе.

И она принялась распространяться о выздоровленіи г. Курлиза, терзала сердце Оливье и радовалась дѣйствию которое производили ея слова на несчастнаго молодого человека, не умѣвшаго скрыть ни своего волненія, ни своего страданія.

— Предъ отъѣздомъ, продолжала гжа Марескель,—Беатриса просила меня переговорить съ вами кой о чемъ что ей самой было бы слишкомъ больно высказать вамъ. Она просила меня выяснитъ вамъ какого рода чувства она питаетъ къ вамъ, и увѣрить васъ....

— Гжа Курлиузъ, перебилъ онъ,—избираетъ весьма странныхъ посредниковъ.

— Вы мнѣ не вѣрите?

— Я вамъ вѣрю только на половину.

— Это очень дурно съ вашей стороны, нисколько не разсердившись проговорила она.—Такъ какъ это необходимо, такъ какъ вы сомнѣвались въ моихъ словахъ, я вамъ покажу письменное доказательство. Вотъ оно, читайте!

Она подала Оливье маленькую записку наскоро написанную въ минуту самаго отъѣзда, въ ней были только слѣдующія нѣсколько словъ: „Я получила еще письмо и рѣшила ѣхать. Не забудь что ты обѣщала мнѣ поговорить съ нимъ. Я буду очень обязана тебѣ если по моему возвращенію найду это дѣло поконченнымъ согласно моему желанію“.

Оливье старалась было усложнить себя и говорила: „Я напрасно лугаюсь; она всегда лжетъ“. Но прочтя записку онъ не могъ уже болѣе сомнѣваться, онъ узналъ дочерку.

— Милый кузень, продолжала Жоржина, серьезная подѣвътъ своему платью и попрѣжнему склонившись надъ платкомъ, глядя рубчикъ который казался ей прямымъ между тѣмъ какъ онъ шелъ и вкривъ и вкось,—милый кузень, надѣюсь васъ не слишкомъ поразить возложенное на меня неприятое порученіе. Недавно, если не ошибаюсь, у васъ вышла крупная размовака съ Беатрисой. Въ ту минуту она не хотѣла объяснить мнѣ что произошло между вами; послѣ она была со мною болѣе откровенна, но ничего новаго не сказала мнѣ. Я сразу угадала что вы просили у нея больше чѣмъ она могла дать вамъ. Любовь вашу къ ней я вполнѣ понимаю. Она очаровательное существо! У нея такіе чудные глаза, въ ней столько доброты, столько солидныхъ достоинствъ, пожалуй даже слишкомъ солидныхъ! Но вы вовсе не подходите другъ къ другу: въ васъ много романтизма, а въ Беатрисѣ романтизма никогда не было. У нея въ жизни все рассчитано, ею всегда руководить только здравый смыслъ, она идетъ всегда прямо, фонаремъ освѣщаетъ себѣ путь и ясно видитъ канавы по обѣ стороны этого пути; за нее можно быть вполнѣ спокойнымъ, она не свалится въ канаву. Воображеніе никогда не причиняло ей мученій, она никогда не извѣдаетъ бури страстей; она рождена для чувства мирнаго и спокойнаго; любовь для нея извѣстнаго рода дружба съ весьма незначительною примѣсью чего-то

еще, но, повторяю, съ весьма незначительною. Оливье, вы стиховъ не пишете, но у васъ сердце поэта, одно изъ тѣхъ сердецъ которыя поютъ, а ея сердце говоритъ, но никогда не поетъ...

— Словомъ, прервалъ ее Оливье, не въ силахъ долѣе выносить своей пытки,—какое же на васъ возложено порученіе касательно меня?

— Она просила передать, кузень, что питаетъ къ вамъ наилучшія чувства, истинную дружбу сестры, но и только; что вы начинаете ее компрометтировать, и изъ уваженія къ приличіямъ она не желаетъ болѣе видаться съ вами... Боже мой! она умоляетъ меня высказать вамъ все это какъ можно мягче, какъ можно осторожноѣе. Вы требуете отъ меня краткости, она же вѣроятно будетъ укорять меня въ томъ что я не сумѣла смягчить удара.

— Все равно, сухо и гордо проговорилъ онъ.—Вы можете передать гжѣ Курлиэзъ что приказанія ея будутъ точно исполнены и что компрометтирующій ее человекъ не станетъ искать случая видѣться съ нею.

Гжа Марескель уронила свою работу на полъ. Она сложила руки на груди, глаза ея наполнились слезами, голосъ дрогнулъ.

— Оливье, начала она,—боюсь что вы сердитесь на меня за то страданіе которое я невольно вамъ причиняю. Зачѣмъ суждено мнѣ вѣчно заставлять васъ страдать, то ло моею винъ, то ло винъ другихъ? Повѣрьте что въ данную минуту я страдаю не менѣе вашего... Но я вижу, вы не вѣрите мнѣ! и право же вы несправедливы. Воспоминанія васъ обманываютъ, вы все еще считаете меня прежнею Жоржиной... Кузень, я также какъ и вы знала Жоржину Вальтрэ, большую кокетку, злую дѣвчонку, испорченное созданіе. Свѣтъ, его обманчивыя удовольствія и льстивыя увѣренія испортили ее. Она цѣнила дашь блестящее, она искала счастья въ жизни поставленной на широкую ногу, въ радостяхъ лустаго тщеславія; она не умѣла цѣнить истинной привязанности, измѣнила данному слову, измѣнила самой себѣ!... Оливье, люди мѣняются, я также очень измѣнилась. Клянусь вамъ, ея уже нѣтъ, этой гадкой Жоржины, а та что говоритъ съ вами не имѣетъ ничего общаго съ прежнею.

Она переводила взглядъ со своего темнаго домашняго платья на грудь кавъчатыхъ платковъ и обратно, какъ будто

и то и другое брала въ свидѣтели своего перерожденія, своей склонности къ полезнымъ занятіямъ, къ однообразнымъ привычкамъ, къ сосредоточенности въ мысляхъ и тишинѣ внутренней жизни, исполненной простоты и спокойствія.

— Вплоть вѣрю, замѣтилъ онъ съ кротостью, которую она сочла за хорошей знакъ,—вплоть вѣрю тому что прежняя Жоржина никогда не подшивала платковъ.

— Благодарю васъ, Оливье! взволнованно и умиленно воскликнула она.—Ахъ, благодарю васъ! вы наконецъ назвали меня просто по имени какъ въ былые дни, въ тѣ счастливые дни когда мы съ вами были такъ близки, воспоминаніе о нихъ вѣчно преслѣдуетъ меня какъ угрызеніе... Слушайте! я вамъ все скажу, во всемъ откроюсь. Съ тѣхъ поръ какъ мы снова свидѣлись, въ тѣ рѣдкія минуты когда мы бывали съ вами вмѣстѣ, я могла казаться вамъ сухою, насмѣшливою; но вы не умѣли читать въ моемъ сердцѣ... Я угадала что вы на Беатрису перенесли ту любовь которой я оказалась такъ недостойна, и я старалась подъ маской насмѣшливости скрыть жгучую ревность. Дорогой кузень, когда люди любить другъ друга какъ нѣкогда мы съ вами, въ душѣ у нихъ навсегда остаются отголоски этой любви. Думаешь что съ корнемъ вырвалъ растеніе, а оно снова растетъ; это неизбежный рокъ. Но телерешная Жоржина любитъ васъ совсѣмъ иначе чѣмъ прежняя. Гадкая дѣвчонка, которой уже нѣтъ болѣе, была страшно себялюбива, кокетство у нея прижинилось ко всѣмъ остальнымъ чувствамъ; она думала что ее должны боготворить, она желала все получать ничего не давая сама. Ахъ! теперь я вплоть излѣчилась отъ своего отвратительнаго себялюбія. Искреннее раскаяніе приводитъ къ искреннему самопожертвованію; теперь я уже ничего не прошу сама, готова дать все что только отъ меня потребуютъ. Когда сестра возложила на меня печальное порученіе которое я такъ плохо сумѣла исполнить, я дала себѣ слово предложить вамъ въ вашемъ горѣ всѣ утѣшенія какія только въ моей власти и современемъ можетъ-быть заставить васъ позабыть это горе.

Затѣмъ съ чарующею улыбкой, которая мало согласовалась со строгостью его наряда и должна была сильно удивить кавъчатыя платки, она прибавила:

— Оливье, у меня, какъ и у васъ, есть свое горе, хотите будемъ утѣшать другъ друга? Умоляю, не огорчайте, не оскорбляйте меня отказомъ! Подойдите сюда, дайте мнѣ объѣ руки и скрѣпимъ нашъ договоръ!.. Подите сюда, прошу васъ; мнѣ нужно сказать вамъ кое-что чего нельзя говорить громко, что можно сказать только шепотомъ, почти на ухо.

Она все приготовила для сцены долженствовавшей затѣмъ послѣдовать. Тихонько, очень скромнымъ движеніемъ она немного отодкнула отъ себя красную бархатную подушку, на которой покосились ея ножки. Она поклялась себѣ что Оливье не уйдетъ отъ нея, пока не опустится предъ ней на колѣни на эту бархатную подушку, и бесѣдуя съ нимъ она въ то же время говорила самой себѣ: „быть ему тамъ! Подается!!“ На мигъ она готова была торжествовать побѣду. Оливье всталъ и приблизился къ подушкѣ, но не преклонилъ колѣнъ, а поставилъ на нее кончикъ ноги, наклонился къ своей прелестной кузинѣ и проговорилъ:

— Госпожа Марескель, вы великая актриса, мнѣ право совѣстно что вы такъ безжалостно тратите свои сценическія дарованія ради такого ничтожества какъ я. Но клянусь вамъ, я предпочитаю свое горе всѣмъ утѣшеніямъ которыя вы можете мнѣ дать.

Секунду спустя онъ уже выходилъ изъ комнаты съ горечью въ сердцѣ.

— Полазятся же они оба, и онъ и она! процѣдила сквозь зубы, покраснѣвъ отъ злости, до нельзя оскорбленная Жоржина, когда Оливье затворилъ за собою дверь.

Г. Марескель, согласно возвѣщенію, прибылъ въ ту минуту какъ часы били двѣнадцать. Жена нетерпѣливо ждала его прѣзда, не потому чтобы желала скорѣе его видѣть, но потому что ей необходимо было поговорить съ нимъ, и она не могла бы заснуть не облегчивъ своего сердца. Она не бросилась ему на шею, но пошла къ нему на встрѣчу съ самою любезною послѣдностью. Онъ же, какъ послѣ короткой, такъ и послѣ долгой разлуки, всегда одинаково былъ радъ ее видѣть; послѣ всякой разлуки онъ глядѣлъ на нее съ обновленнымъ чувствомъ восхищенія.

— Положительно, Жоржина, проговорилъ онъ оглядывая ее взглядомъ властелина, — вы самая декоративная женщина какуж я только знаю.

— Даже декоративнѣе Испанокъ? спросила она.

— Ни одна Испанка не выдержитъ сравненія съ вами, моя дорогая, любезно отвѣчалъ онъ.—Я не допускаю и мысли чтобы васъ можно было съ кѣмъ-либо сравнивать.

И обнявъ ея сталъ онъ лощиловать ея въ лобъ, затѣмъ справился о своемъ наследникѣ, о томъ прорѣзался ли наконецъ его послѣдній молочный зубокъ. Онъ попросилъ провести его къ кровати гдѣ лочивалъ богатый наследникъ и нѣсколько минутъ въ какомъ-то упоеніи не слускалъ съ него глазъ, старательно удерживая дыханіе изъ боязни нарушить его сонъ. Насладясь отеческимъ чувствомъ, онъ отвелъ жену обратно въ гостиную и попросилъ ея приготовить ему своими бѣленькими ручками чашку чая. Пока она дѣлала чай, онъ замѣтилъ спавшаго на диванѣ Робъ-Роя. Это былъ огромный черный котъ, съ длинною мягкою шерстью и съ желтыми точно червонцы глазами. Онъ взялъ его на руки и лощиловалъ въ морду. Къ этому коту онъ былъ всегда одинаково внимателенъ и ласковъ, прощалъ ему и царпанье, и хищничество. Наследникъ его и Робъ-Рой были единственными въ мірѣ существами которыхъ онъ любилъ такими каковы они были, ничего не желая измѣнять въ нихъ. Разумѣется онъ любилъ также и свою супругу, но тутъ ему приходилось предаваться трудному дѣлу называемому отвлеченіемъ, отдѣлять ея достоинства отъ недостатковъ, забывать ея характеръ и думать лишь о ея красотѣ; такимъ образомъ онъ пришелъ къ тому что сталъ смотрѣть на нее какъ на чудную статую которая можетъ не имѣть ни души, ни сердца. Даръ отвлеченія—вещь самая полезная для счастья, самая благопріятная для мира и спокойствія семейнаго.

— Что же, душа моя, ничего не случилось здѣсь особеннаго въ мое отсутствіе? спросилъ онъ.

— Ничего, рѣшительно ничего, отвѣчала она, кладя ему сахаръ въ чашку.—Заводъ, кажется, все еще на своемъ мѣстѣ.

— Вамъ это кажется, а я такъ въ этомъ увѣренъ. Ихъ знаменитая стачка оказалась просто ударомъ палки по водѣ. Фокусникъ нарочно выписанный изъ Парижа для того чтобы лустить это дѣло въ ходъ совершенно даромъ потратилъ всѣ перлы своего краснорѣчія... Какъ подумаешь, кузень-то вашъ предлагалъ мнѣ, въ моихъ интересахъ войти въ переговоры съ этимъ лаясомъ!.. Очень жаль, но кузень вашъ вѣкъ останется осломъ... Ну далѣе: заводъ на своемъ мѣстѣ, но не случилось ли чего въ замкѣ? Разкажите мнѣ лично о своихъ

дѣлахъ и обстоятельствахъ. Сколько несчастныхъ которымъ вы вскружили своею красотой голову застрѣлилось у вашихъ ногъ?

— Ни одного. У нашихъ сѣверянъ нѣтъ героизма этого рода.

— Жаль, ибо такого рода волненія непременно должны вамъ нравиться. Итакъ вамъ нечего мнѣ разказать?

— Нечего... Ахъ, впрочемъ есть. Беатриса неожиданно была принуждена уѣхать вчера вечеромъ къ своему мужу.

— Г. Курлизу хуже?

— Повидимому; но по всей вѣроятности это только припадокъ въ родѣ прошлогодняго, онъ не умретъ отъ этого. Докторъ, написавшій сестрѣ, просилъ ее пріѣхать, но не безлокуться.

— И онъ конечно думалъ порадовать ее успокаивая! Изумительны эти доктора.

— Кстати, она просила меня поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ, которое она желала бы чтобы вы рѣшили до ея пріѣзда. Я не люблю лутаться въ дѣла которыя меня не касаются, но такъ какъ она просила меня.... Гдѣ же это ея записка? А! вотъ она.

И она подала г. Марескею ту же записку которую показывала Оливье, на этотъ разъ по настоящему назначенію.

— Какъ видите, она проситъ меня ходатайствовать предъ вами за нее, она желаетъ чтобы къ ея возвращенію все было уже рѣшено. Дѣло касается весьма нужныхъ и весьма слѣшнихъ поправокъ въ ея пріютѣ. Кухонная печь тамъ никуда не годится, ее слѣдуетъ или капитально исправить, или даже совсѣмъ сдѣлать заново. Чтѣ же далѣе? Да, кромѣ того она поручила мнѣ передать вамъ смѣту предполагаемыхъ поправокъ которую сдѣлала сама.

— Мы въ свободное время просмотримъ эту смѣту. Но знаете ли вы что сестра ваша страшно докучлива? Право, можно подумать что на свѣтѣ только и есть что ея сироты... Скоро она разчитываетъ вернуться?

— При первой возможности. Вы можете быть увѣрены что какъ только она не будетъ нужна тамъ, то поторопится вернуться сюда.

— Къ своимъ милымъ лтенчикамъ? Эта прелестная филантропка съ черными глазами по временамъ положительно раздражаетъ меня. Она не пропускаетъ ни одного удобнаго

случая чтобы не проповѣдывать четырехъ главныхъ добродѣтелей: благоразумія, справедливости.... Ну забылъ остальные! По моему же мнѣнію, главная добродѣтель—умѣренность въ человѣколюбіи, а ваша сестрица часто не знаетъ мѣры въ этомъ отношеніи.

— Да, она очень любитъ своихъ сиротъ, сказала Жоржина.—Но не одно только это влечетъ ее въ Форне.

— Что вы хотите сказать?

— Здѣсь есть нѣкто сильно ее интересующій.

— Кто же? рѣзко спросилъ онъ.

— Оселъ о которомъ вы только что говорили.

Г. Марескель покраснѣлъ до края волосъ какъ отъ досады такъ и отъ удивленія. Къ нему вполнѣ была прикѣнана пословица о собакѣ на снѣгѣ. Чтобы скрыть отъ жены свое смущеніе онъ наклонился къ Робъ-Рою и противъ обыкновенія, такъ больно ущипнулъ его за ухо что, возмущенный такимъ грубымъ обхожденіемъ, Робъ-Рой спрыгнулъ на полъ и залегъ подъ кресло. Жоржина ничего не угадала. Какъ извѣстно, она вступила со своимъ мужемъ въ безмолвный договоръ закрывать глаза на всѣ его мелкія невѣрности, а онъ со своей стороны далъ себѣ слово что у нея не будетъ серьезной соперницы. Ей и въ голову не могло придти что онъ интересуется ея сестрой, надъ которою онъ вѣчно подсмѣивался, дѣлая все наперекоръ ей. Жоржина считала себя очень хитрою и тонкою, и дѣйствительно была таковою, но тонкіе люди часто вовсе не видятъ и не замѣчаютъ очень крупныхъ вещей.

— Съ чего это вы взяли, моя милая, что между вашею сестрой и Оливье есть что-нибудь такое? поднимая голову, воскликнулъ г. Марескель.—Этого не можетъ быть. Какъ можете вы это думать?

— Я вовсе не думаю, а знаю навѣрное. Какъ и у васъ, у меня есть своя полиція и притомъ очень надежная, такъ какъ я сама составляю свою полицію. Боже мой, между нами нѣтъ еще ничего особенно важнаго, но маленькіе грѣшки ведутъ къ большимъ. Они логичоньку выдаются въ пріютѣ, уговариваются встрѣтиться на большой дорогѣ или гдѣ-нибудь на уединенной тропинкѣ. Молодой человѣкъ котораго вы считаете осломъ гораздо опаснѣе, гораздо предприимчивѣе чѣмъ вы думаете. А у меня есть основаніе полагать что Беатриса неможко сожалѣть о своемъ увлеченіи которе

повидимому завело ее далѣе чѣмъ она ожидала. Она такъ добра что какъ-нибудь изъ чувства христіанскаго милосердія согласится на все. Но бѣда въ томъ что не я только одна знаю объ ихъ исторіи, о ней ужъ говорятъ, а это очень непріятно какъ разъ въ то время когда рабочіе возбуждены противъ васъ и слѣдятъ за всѣмъ что у насъ дѣлается. Я боюсь злословія, они могутъ найти весьма предосудительнымъ что въ домѣ любви и милосердія назначаются любовныя свиданія.

— Вы тысячу разъ правы, Жоржина, съ живостью отвѣчалъ г. Марескель.—Я вовсе не желаю чтобъ этотъ дуракъ и эта сумашедшая компрометтировали насъ своими неосторожными поступками и сумѣю положить конецъ всему этому.

— Что же вы сдѣлаете?

— Я или откажу моему предприимчивому секретарю, или же дамъ ему мѣсто на разстояніи сотни миль отсюда.

— Не будьте жестки, пощадите бѣднаго малаго. Помните, вы нѣкогда очень дурно поступили съ нимъ. Вамъ слѣдуетъ загладить свою вину.

— Скажите лучше что я оказалъ ему наиважнѣйшую услугу. Что бы сталъ онъ дѣлать съ такою мотовкой какъ вы?

— Боже! Какъ вы вѣжливы, какъ вы любезны!

— Вѣдь вы знаете что я обожаю мою мотовку! Но увѣрены ли вы въ томъ что сестра ваша не послѣдуетъ за этимъ хромоножкой? Я очень браню ее, но не могу не отдать ей справедливости въ томъ что она мнѣ полезна; у нея врожденная склонность быть администраторомъ, и мнѣ будетъ трудно замѣнить ее кѣмъ-либо другимъ.

— О чемъ это вы беспокоитесь? Беатриса не изъ такихъ женщинъ которыя способны терять голову. Ея сердечко любить во всемъ порядокъ, методу, въ немъ все распределено по статьямъ и номерамъ. Пріютъ занимаетъ въ ея сердцѣ первое мѣсто, а кузень второе, и если ей придется выбирать...

— Какъ бы не такъ, ея пріютъ! воскликнулъ г. Марескель, и вовсе не опасаясь противорѣчія самому себѣ, принялся изливать свою досаду на гжу Курлиузъ.—Неужели вы полагаете что она провела меня своею филантропіей? Она въ своемъ пріютѣ умерла бы со скуки еслибы не раздавала тамъ приказаній, не вела тамъ счетовъ книгъ. Ея счастье въ суетнѣ, въ хлопотнѣ, въ командованіи. Въ жилахъ Вальтрѣ течетъ хорошая кровь, но ей Богу вы страшныя созданія: и

вы, и ваша сестра. Вы объ другихъ въ грошъ не ставите; но какъ бы мало добра вы ни желали вашему ближнему, все же онъ вамъ необходимъ, ей какъ лица для ея безлокобнаго ума, вамъ какъ забавная игрушка для глазъ, слуха, жизни и сердца.

— И вы смѣете говорить что обожаете меня! проговорила она съ кисло-сладкою улыбкой, какъ и подобало жевщицѣ которая достигла желаемого скорѣе и легче чѣмъ предполагала, но не желаетъ показывать вида что она довольна чтобъ избавить себя отъ обязанности благодарить.

Онъ взглянулъ на нее и благодаря своей способности къ отвлеченію рѣшилъ что она восхитительна.

— Милая моя, отвѣтилъ онъ, поднимаясь съ мѣста,—я рѣшительно предпочитаю кокетокъ интриганкамъ.

Она хотѣла было позвонить горничную, но онъ отвелъ ея руку отъ сонетки.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! проговорилъ онъ.—Уже два часа, дайте бѣдной двушкѣ послать.

Потомъ онъ обнялъ ее обѣими руками.

— Позвольте мнѣ, милостивая государыня, проводить васъ въ ваши покои.

XIX.

Молодой человѣкъ участію котораго такъ самовольно распорядился г. и гжа Марескель спалъ эту ночь такъ же плохо какъ и прошлую. Уже не сомнѣніе, а тревога лишила его сна; на сердцѣ у него лежало тяжелое горе которому нѣтъ облегченія, отъ него ничѣмъ нельзя избавиться, оно зашло въ сердцѣ, терзаетъ и гложетъ его. Бѣдный малый потерялъ послѣднюю надежду, послѣднюю иллюзію, послѣднюю возможность спасенія и счастья. Та въ чьей любви онъ былъ увѣренъ, та на кого онъ разчитывалъ что она спасетъ его отъ него самого, эта женщина жестоко обманула его. Она даже не удостоила лично объяснить ему что болѣе не желаетъ его видѣть, а обратилась къ третьему лицу— и къ какому третьему лицу! „Ей недостаточно было огорчить меня“, думалъ онъ, „ей захотѣлось еще оскорбить меня. Она такая же Вальтрѣ, у нея какъ и у сестры глаза живые. Она не только не умѣетъ любить, но даже неслободна чувствовать ни состраданія, ни уваженія къ тѣмъ кто любитъ ее. Ей невѣдомы мягкость и нѣжность сердечная, она

только и думаетъ что о своихъ выгодахъ. Я становился неудобенъ, опасенъ, она испугалась ревности и гнѣва г. Марескеля и послѣшила пожертвовать мною. Э, что тутъ! Можетъ-быть настанетъ день когда она принесетъ ему и другія жертвы“, если ей это будетъ выгодно. Онъ бранилъ, проклиналъ ее, клеветалъ на нее, безпокойно вертѣлся на своей подушкѣ, но не спалъ; это облегчаетъ, но не излѣчиваетъ.

То онъ говорилъ себѣ: „Если я презираю ее также какъ и сестру, то мнѣ легко будетъ разлюбить ее, изгнать ее изъ своего сердца, забыть ее“. А минутой спустя онъ уже вызывалъ въ своемъ воображеніи ея образъ и помимо воли снова терялъ голову отъ прелести ея улыбки и кричалъ ей: „Неужели ты не видишь что я люблю тебя? Оправдывайся же!“ Ей было бы легко оправдаться, но ему было бы трудно повѣрить ей. Онъ находилъ какое-то жгучее наслажденіе въ своемъ заблужденіи, оно терзало его и оправдывало его пессимизмъ. Восторженные люди бываютъ какъ бы влюблены въ свои несчастія.

Послѣ того что случилось и что слутало всѣ его мысли относительно гжи Курлицъ, Оливье казалось что отнынѣ ничто уже не въ силахъ его удивить. Тѣмъ не менѣе однако его весьма удивило мягкое, пріятное и любезное обращеніе г. Марескеля, когда нѣсколько часовъ спустя онъ явился къ нему въ кабинетъ со своими отчетами. Оливье ожидалъ ѣдкихъ насмѣшекъ, незаслуженныхъ выговоровъ, острыхъ словечекъ, грубыхъ шутокъ, словомъ, всего чего только можно было ожидать отъ человѣка который убѣжденъ въ томъ что всѣ люди или плуты или дураки, но въ глубинахъ души все-таки отдастъ предпочтеніе плутамъ, потому что въ концѣ концовъ надобно только умѣть взяться и отъ плута всегда скорѣе чѣмъ отъ дурака можно добиться какого-нибудь толку. Путешествіе въ Испанію совершенно преобразило г. Марескеля. Онъ ни на что не ворчалъ, ничего не бранилъ, не жалилъ, не кусался, и въ глазахъ и въ рѣчахъ у него выражалась необычайная мягкость: онъ былъ тихъ и кротокъ, исполненъ того христіанскаго милосердія которое всегда терпѣливо, ничѣмъ не раздражается, вѣритъ всему, выноситъ все. Оливье готовился испить горькую чашу, а ему подносили сладкій напитокъ.

Но чрезъ часъ онъ узналъ разгадку этого непонятнаго поведенія. Г. Марескель откинулся на спинку своего

кресла, вытянулъ ноги впередъ и завертѣлъ большими пальцами.

— Мой милый мальчикъ, сказалъ онъ Оливье,—ты мнѣ такъ полезенъ въ Форне что мнѣ будетъ очень тяжело разстаться съ тобою, но надо быть благоразумнымъ. Не слѣдуетъ долѣе держать при себѣ лицомъ такого способнаго ивжера какъ ты потому только что у меня слабо зрѣніе. Правда, по твоей винѣ въ Люксембургѣ случилась обвалъ, но вѣдь нельзя же ставить всякое лыко въ строку и, кромѣ того, урокъ этотъ послужилъ тебѣ въ пользу. Ты знаешь что мы приобрѣли новыя колы на сѣверѣ Испаніи, ты тамъ найдешь болѣе достойныя тебя занятія. Укладывайся и поѣзжай завтра же.

Теперь г. Марескею, въ свою очередь, пришлось удивиться когда Оливье, положивъ оба локтя на столъ, также сталъ вертѣть пальцами и развязно отвѣтилъ:

— Я очень тронутъ вашими добрыми намѣреніями насчетъ меня, но предложенія вашего не принимаю и въ Испанію не поѣду.

— Почему же, молодой человекъ?

— Я не хочу больше злоупотреблять вашею свисходительностью. Какъ только подумаю о всѣхъ вашихъ милостяхъ, право, мнѣ становится совѣстно увеличивать свой долгъ; боюсь что мнѣ никогда не удастся расслабиться съ вами. Позвольте только, прежде чѣмъ мы разстанемся, предложить вамъ вопросъ, одинъ только вопросъ. Правъ ли я полагая что мысль отлратить меня въ Испанію пришла вамъ въ голову лишь по возвращеніи сюда, вслѣдствіе разговора съ гжею Марескель?

— А еслибъ и такъ? съ глухимъ приливомъ злобы спросилъ г. Марескель.

— Я радъ что не ошибся. Вы мнѣ каждый день твердите что я глулъ; какъ видите, и у меня иногда бываютъ минуты просвѣтлѣнія.

Г. Марескель въ какомъ-то остоленѣннн глядѣлъ на этого смиренника который вдругъ поднялъ голову, на этого тихоню который вдругъ оцетинился, на эту гордость которую онъ повидимому совсѣмъ задавилъ безчисленными насмѣшками и которая теперь осмѣлилась вступить съ нимъ въ бой. Еслибъ онъ наступилъ на какую-нибудь божью коровку и затѣмъ увидѣлъ бы ее здоровою и невредимую, готовую

расправитъ крылышки и улетѣть, то изумленіе его было бы не болѣе телерешаго.

— Да, ты не глупъ, выговорилъ онъ наконецъ.— Ты понялъ что посылая тебя за Пиренеи я желалъ удалить тебя отъ гжи Курлизь. Да, это истинная правда! Мнѣ, впрочемъ, сказали что твое ухаживанье мало забавляетъ ее. Но мнѣ рѣшительно все равно нравится ли оно ей, нѣтъ ли; я не о ней забочусь, а о себѣ. Я не могу допустить чтобы въ сиротскомъ пріютѣ завимались любовными дѣлами, чтобы начальница этого дома любви и милосердія подавала поводъ къ слетнямъ. Отправляйтесь, юный Донъ-Жуанъ, куда-нибудь въ другое мѣсто искать любовныхъ похожденій; я не люблю ни скандаловъ, ни ихъ виновниковъ.

Оливье пристально взглянулъ на него и отвѣчалъ:

— Понимаю, мои любовныя похожденія оскорбляютъ чистоту вашихъ правилъ, возмущаютъ строгость вашей нравственности. Но позвольте, удаляя меня отъ гжи Курлизь, вы прежде всего не желаете ли приберечь ее для себя лично?

Г. Марескель терпѣть не могъ когда его угадывали, когда понимали его игру; такая дерзость гнѣвила его больше всякихъ другихъ. Онъ съ быстротой молніи вскочилъ со своего кресла какъ бы желая схватить за горло и ударить головой объ стѣну нахала который осмѣлился его бравировать. Однако и всплывъ онъ былъ способенъ размышлять и разсудилъ что въ концѣ концовъ молодой человѣкъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ имъ, что самъ онъ дважды оскорбилъ его въ чувствахъ любви, первый разъ отнявъ у него невѣсту, а второй разъ пытаясь отнять у него любимую женщину. Да, дѣйствительно молодой человѣкъ былъ въ правѣ сердиться.

— Ступай, мой милый, сказалъ онъ ему до дерзости покровительственнымъ тономъ, и въ голосѣ его звучало скорѣе высокомеріе чѣмъ раздраженіе.— Уходи, я не хочу съ тобою связываться. Ты, что-называется, невозможный человѣкъ. Гдѣ бы ты ни былъ, ты никогда не будешь на своемъ мѣстѣ, о какомъ бы счастьи ты ни мечталъ тебѣ никогда не удастся послышать соли на хвостъ этой птицѣ. Ступай же! Душевно желаю чтобы слова Магомета оправдались и гдѣ-нибудь на рѣкахъ текущихъ млекою и медомъ нашелся въ самомъ рай гдѣ бы сострадательныя гуріи утѣшали невинныхъ въ потерѣ всѣхъ женщинъ которыхъ они прозѣвали въ сей юдоли.

Оливье надѣялся своего противника довести до бѣшенства. Истымъ бандерильеро онъ воткнулъ множество стрѣлъ въ выю быка, и все же не раздражилъ его; кровь у быка бѣшевала, но онъ не поддавался своей злобѣ. Не взбѣсивъ своего противника, Оливье самъ пришелъ въ ярость. Онъ поблѣднѣлъ, лицо его исказилось злобой.

— Да, я уйду! крикнулъ онъ.—У меня еще есть кое-какія ваши бумаги, я вамъ ихъ пришаю и вы больше меня не уподите. Но прежде чѣмъ уйти отсюда, я хочу вамъ сказать что хотя вы и великій человѣкъ, а умъ у васъ подчасъ очень коротокъ. Мы по цѣлымъ днямъ сидѣли здѣсь, работая за однимъ и тѣмъ же столомъ, и вамъ ни разу не пришло въ голову что я ненавижу васъ всѣми силами души. Вы смертельно оскорбляли во мнѣ всѣ чувства, къ оскорбленіямъ присоединяли насмѣшки, вы топтали меня ногами, и у васъ достало глупости думать что я смиренно принимаю несправедливости и оскорбленія, глотаю обиды и насмѣшки, что я все позабылъ, все простилъ... и можетъ-быть несмотря на ваше ко мнѣ презрѣніе, вы все-таки были довольны этому подлостью моего прощенія. Повѣрьте, мнѣ было очень тяжело не разомъ порвать съ вами, а до поры до времени попрежнему пресмыкаться у вашихъ ногъ. Каждый разъ какъ я входилъ къ вамъ и мнѣ предстояло положить вашу руку, я боялся измѣнить самому себѣ, боялся что неволью выкажу то отвращеніе которое я къ вамъ питаю. Но мнѣ было необходимо обманывать васъ; я ждалъ, я искалъ случая отомстить... Если вамъ когда-нибудь случится испытать жгучую неприятность, скажите себѣ: „это не могло обойтись безъ него.“ Если ваша гордость будетъ оскорблена, знайте что это по моей милости. Если ваши многочисленные враги какъ стая собакъ бросятся на васъ и заставятъ васъ визжать отъ боли, знайте что меня слѣдуетъ искать между ними и будьте увѣрены что найдете меня.

— Господи Боже мой! самымъ насмѣшливымъ тономъ воскликнулъ г. Марескель:—сегодня, право, день чудесъ! Да ты становишься краснорѣчивъ! Ты сегодня наговорилъ больше чѣмъ за всю свою остальную жизнь. Надобно бы развивать такой прекрасный даръ. Отправляйся скорѣе къ твоему другу говоруну, онъ тебѣ дастъ урокъ. А отъ меня скажи этому шутому гороховому что уступая ему тебя, я дѣлаю ему прекрасный подарокъ. Какъ знать? Нельзя пренебрегать пѣш-ками, вѣдь ими же проходишь въ дамки.

Съ этими словами онъ рѣзко хлопнулъ дверью вслѣдъ уходившему Оливье. Это было съ его стороны единственнымъ признакомъ раздраженія.

Вечеромъ ему случилось для какой-то справки взять принадлежащія Оливье бумаги; перелистывая ихъ, онъ говорилъ себѣ:

— А право жаль, славный дочерекъ былъ у моего бывшего секретаря!

Вдругъ изъ груды бумагъ выскользнула на полъ фотографическая карточка. Г. Марескель поднялъ и взглянулъ на нее; онъ былъ пораженъ не менѣе лягавой собаки, которая безъ злого умысла разгуливая по полямъ до Петрова дня вдругъ увидала бы какъ у нея лодъ носомъ поднялась цѣлая стая куролатокъ. Карточка эта очаровала г. Марескеля; это былъ портретъ очень красивой дѣвушки похожей на чертенка въ юлкѣ, а г. Марескель, какъ и Сатурнинъ Сервуа, любилъ чертовщину. Если онъ питалъ вѣжность къ своему черному коту, то именно за черную шерсть и желтые глаза Робъ-Роя указывавшіе что онъ знается съ темными силами недоступными для дураковъ.

Подъ карточкой стояла подпись: „Колетта Вюаленъ, полиовщица“.

— Какимъ образомъ могла попасть къ нему эта карточка? подумалъ г. Марескель.—Развѣ?... Положительно этотъ мальчуганъ страшно влюбчивъ. Я ему желалъ гурій, а онъ въ своихъ неудачахъ у свѣтскихъ дамъ обращается за утѣшеніями къ дѣвчонкамъ работающимъ у моего стараго друга Карреле. Непремѣнно скажу объ этомъ гдѣ Курлуизъ если она вздумаетъ упрекать меня въ жестокосердіи относительно ея кузена, котораго она приберегала на всякій случай.

За десятидневное отсутствіе у г. Марескеля накопилось много дѣла, и онъ проработалъ всю ночь. Онъ не бросилъ карточку въ корзину съ бумагами, а положилъ ее на столъ; отъ нея какъ бы вѣяло запахомъ свѣжаго тѣла, и это вовсе не было неприятно людѣду. Однако, отдавшись весь дѣлаамъ онъ скоро пересталъ думать о Колеттѣ Вюаленъ, хотя личико ея и залечатѣлось у него въ памяти. За то о ней думалъ Аристидъ Лаванси. Едва переселившись въ гостиницу *Золотаго Льва*, Оливье Моганъ сказалъ своему другу трибуну:

— Вотъ гадкое средство котораго ты искалъ. Самъ я больше ни во что мѣшаться не стану; я закинулъ удочку, твое дѣло вытаскать рыбку.

Колетта жила съ матерью въ маленькомъ домикѣ на разстояніи десяти минутъ ходьбы отъ стекающаго завода, гдѣ она работала. У гжи Вюаленъ, маленькой краснощеккой толстухи, лицо было не изъ пріятныхъ: все въ красивыхъ пятнахъ, на верхней губѣ очень замѣтные усики, вѣки съ красными по краямъ обводками. Она работала вяло и плала горькую; по этимъ двумъ причинамъ мужъ ея, очень хорошій выдувальщикъ стекала, бросилъ ее, сталъ жить отдѣльно и даже избѣгалъ встрѣчъ съ женой. Не надѣясь ни на что съ его стороны, всѣ свои упованія она возложила на Колетту. Ея правиломъ было что послѣ истинно-хорошихъ дѣвушекъ лучшія тѣ которыя умѣютъ извлекать наибольшія выгоды изъ своего красиваго личика и услаждать жизнь своихъ старыхъ бѣдныхъ матерей. Главнымъ ея занятіемъ было внушать Колеттѣ тщеславныя надежды и стремленія, любовь ко всякаго рода приключеніямъ и умѣнье изо всего для себя извлекать выгоды. Связи Колетты съ Сатурниномъ она не одобряла, боялась и его грубыхъ выходокъ и его безлокойной ревности. Но Колеттой управлять было трудно, она все дѣлала по своему. Вѣчно хныкавшая гжа Вюаленъ гаубоко вздыхала и жаловалась что жить тяжело и трудно; она находила что міръ сей ужасная труппа, гдѣ хорошимъ людямъ и передохнуть нельзя. Ее легко можно было принять за непрізнанную добродѣтель, за жертву несправедливости судьбы. Въ дѣйствительности же жалобы ея означали: „можжевеловая водка дорога, а Колетта продаетъ себя слишкомъ дешево.“

Однажды послѣ полудня гжа Вюаленъ съ очками на носу сидѣла на порогѣ своего домика и штопала лифъ своей дочери; къ ней подошла женщина бѣдная, съ грустными глазами, съ бѣлесоватыми рѣсницами, съ восковымъ лицомъ обрамленнымъ сѣдыми какъ лунъ волосами, придававшими ей вполнѣ почтенный видъ. Это была гжа Глиссаръ, особа важная; добрыя услуги ея весьма высоко цѣнились всѣми кому ей пришлось ихъ оказывать. Она долгое время жила горничной и домоправительницей въ порядочныхъ домахъ, оставила въ нихъ о себѣ память какъ объ особѣ съ очень нѣжнымъ сердцемъ, всегда готовой на всякія похождения. Съ лѣтами, когда страсти утихли, ей надобно романы, похождения и слабости, отъ которыхъ ничего не выигрываешь, и у нея вдругъ появились способности къ торговлѣ. Она ловѣсила себѣ на обѣ руки по корзинкѣ и принялась обходить сосѣдніе фабрики,

заводы и селенья, торгуя всюду англійскими иглоками, нитками, лентами, лорой шитыми воротничками и драгоценностями сомнительнаго достоинства. Къ этому ремеслу она присоединила еще одно; она дѣлательно стала заниматься извѣстнаго рода куртажемъ, и за коммиссіонную плату, которая колебалась смотря по важности дѣла, то передавала предложенія, то вносила въ свою записную книжку спросъ. Много выгодныхъ сдѣлокъ было заключено при ея посредствѣ. Чувствительная, сладкорѣчивая, она вкрадывалась въ самую душу, умилялась сердцемъ, выказывала глубокое сочувствіе благу своего ближняго. Она была очень хитра, ловка и оборотлива, умѣла тонко испробовать почву прежде чѣмъ начать какое-либо дѣло; всѣ ея дѣйствія были строго обдуманы и разчитаны; у нея всегда оставались лазейки; если ея предложенія встрѣчали упорство, удивленіе, возмущеніе, она всегда ловко вывернулась, удивлялась и возмущалась сама и незамѣтно отступала. Ее не такъ поняли; какъ можно было вообразить себѣ что гжа Глиссаръ станетъ кому-либо дѣлать двусмысленныя нескромныя предложенія? Въ такія минуты ея сѣдые волосы становились какъ бы еще бѣлѣе, глаза увлажнились слезами, вся она какъ бы преображалась. Она уже не казалась восковою, а какимъ-то чистымъ непорочнымъ существомъ; лицо ея выражало невинность и чистоту безгрѣшной жертвы.

Эта святая женщина, старая знакомка гжи Вюленъ, привѣтливо подошла къ ней, предложила ей что-нибудь купить у нея и затѣмъ попросила позволенія посидѣть немножко, такъ какъ она очень утомилась. Гжа Вюленъ лопарилла у нея въ корзинкахъ, не нашла въ нихъ ничего для себя подходящаго, затѣмъ сбѣгала за графинчикомъ и поднесла гжѣ Глиссаръ рюмочку; для нея это было разумѣется предложеномъ чтобы выпить самой.

Между ними завязался разговоръ; въ рѣчахъ матери Колетты было мало разнообразія, она принялась жаловаться на тяжкія времена, на то какъ трудно на земаѣ жить людямъ добродѣтельнымъ.

— Ужь и не знаю, говорила она,—кто это намъ такъ свѣтъ устроилъ! У однихъ все, у другихъ ничего.

— Вамъ ли жаловаться-то? сладкимъ голосомъ замѣтила торговка.—Развѣ вамъ мало вашей прелестной Колетты, такой восхитительной дочки? Кстати, какъ поживаетъ ваше милое дитяtko?

— Плохая трава растетъ споро. Что ни говорите, а дочь она дурная. Все-то по своему дѣлаетъ, вѣчно тѣшить только свою дурь, а къ матери уваженія у нея ровнехонько столько же что къ старой кофтѣ.

— Налрасно это она, наставительно замѣтила гжа Глассаръ, любившая иногда полпроловѣдывать. — Въ катехизисѣ сказано: „Чти отца и мать твою“.

— Особенно мать, подхватила гжа Вьюленъ.—Вотъ еще порода-то эти отцы! Самы никогда не знаютъ чего имъ нужно.

— И что же, все еще возится со своимъ лудайговщикомъ?

— Ахъ, и не говорите! Еслибы только отъ меня зависѣло... Слышать не могу объ этомъ Сатурниѣ.

— А вѣдь, говорятъ, онъ очень много зарабатываетъ и не скулъ.

— Да, смотря потому куда подуетъ вѣтеръ. А что за характеръ! Ужь если заломилъ шалку на бекрень, сейчасъ же подниметъ шумъ и гамъ, а вы знаете какъ я люблю тишину и спокойствіе! Ужь они тутъ ссорятся-ссорятся—бранятся-бранятся, житья отъ нихъ просто нѣтъ. Да вотъ вамъ! На возвратномъ пути съ Вейровскаго праздника они такъ между собою повздорили что лаухи такъ и сыпались; на этотъ разъ она ужъ не нашутку разсердилась. Молодца-то съ тѣхъ поръ и не видать; но объ этомъ печалиться нечего, своя собака не отобьется, всегда хозяина отыщется... Увы, гжа Глассаръ, это еще не всѣ наши горести; есть у насъ горе настоящее, тяжелое горе. Г. Карреле отказалъ Колеттѣ, чрезъ недѣлю она будетъ безъ работы.

Она говорила правду. Г. Карреле, маленькій и живой человекъ, заботился о своихъ выгодахъ больше чѣмъ объ удовольствіяхъ и рѣшилъ что понемножку разочтетъ всѣхъ своихъ работницъ. Въ мастерской, гдѣ отдѣлываютъ и шлифуютъ стеклянную посуду, дѣвушки и парни, сидя на высокихъ скамейкахъ, работали вмѣстѣ. Всегда найдется случай поразспросить другъ друга, занять другъ у друга какой-нибудь инструментъ и потому въ мастерской вѣчно велись разговоры, слышалось постоянное шушуканье. А если молодежь молчала, то глазѣла другъ на друга, а если не глазѣла, такъ толкала другъ друга локтями; въ голову лѣзли всякія глупости, а по мнѣнію г. Карреле, глупыя мысли убиваютъ всякую промышленность, работница же—это воплощенная разсѣянность, пустая трата времени. Но изъ всѣхъ работницъ

строгий и угрюмый стекольщикъ самаго худшаго мнѣнія былъ о Колеттѣ Вюаленъ. Онъ находилъ что ея присутствіе на заводѣ производитъ только безпорядокъ и нарушаетъ всякую дисциплину. Эта дерзкая дѣвчонка воображаетъ себя превыше всякихъ божескихъ и людскихъ законовъ, для нея не существуетъ никакихъ правилъ. Не говоря уже о томъ что она часто притворялась больною и опаздывала на работу, ее обвиняли еще въ томъ что у нея было слишкомъ много примаковъ, обращавшихъ на нее вниманіе всѣхъ окружающихъ. Глазами она словно изъ листолета такъ и стрѣляла во всѣ стороны, а какъ только смотритель выходилъ изъ мастерской она тотчасъ же принималась болтать и производить всеобщій безпорядокъ; начинался говоръ, смѣхъ, пѣніе, кудатавье, мяукавье. Оказалось необходимымъ по всѣмъ стѣнамъ мастерской вывѣсить объявленія о томъ что молчаніе здѣсь обязательно и что въ случаѣ нарушенія онаго налагается на виновнаго денежный штрафъ. Колеттѣ это было ни почемъ, свои штрафы она платила деньгами Сатурнина. На дняхъ г. Карреле обратился къ ней съ отеческимъ, но строгимъ внушеніемъ; она задрала предъ нимъ носъ. Тогда онъ объявилъ ей что разочтеть ее чрезъ двѣ недѣли, послѣ чего попросить ее на заводъ къ нему болѣе не показываться.

— Вотъ каково наше положеніе! воскликнула гжа Вюаленъ, разказавъ своей собесѣдницѣ эту печальную исторію.—Вотъ какова ваша Франція, гжа Глиссаръ! Совсѣмъ я въ ней разочаровалась. Я ожидала что это страна обѣтованная... а теперь у меня даже является охота вернуться къ моему старику и помириться съ нимъ.

— Вы слишкомъ горячо принимаете все къ сердцу; замѣтила услужливая торговка.—Надобно только умѣть взяться за дѣло. Повѣрите ли, бываютъ случаи, истинно диковинные случаи, не надо только улускать ихъ изъ рукъ.

— Не про насъ они, вздохнула гжа Вюаленъ, не вѣруя болѣе въ счастье.

Впрочемъ, она снова немножко начала въ него вѣровать когда гжа Глиссаръ въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ объявила ей что въ Форне живетъ очень любезный человекъ который страстно любитъ молодежь и всегда щедро относится къ тому что онъ любитъ.

— Отъ роду его не видывала, прервала гжа Вюаленъ,—почему же это его никогда здѣсь не видать?

Гжа Глиссаръ объяснила ей что г. Марескель не легкокъ на подъемъ, что когда все имѣешь у себя подъ рукою, то вѣтъ нужды за чѣмъ бы то ни было бѣгать по сосѣдямъ, но что этотъ любезный человекъ весьма друженъ съ г. Карреле, стоить ему только шелкнуть словечко чтобы тотъ взялъ обратно свой приговоръ; а у г. Марескеля душа сострадательная, онъ охотно заступится за такую прелестную дѣвушку, за бѣдную голубку которую только и можно упрекнуть что въ юношеской рѣзвости. Словомъ, она говорила такъ хорошо и такъ внушительно что когда забравъ свои корзинки удалилась, гжа Вюаленъ, раскраснѣвшись еще болѣе обыкновеннаго, стала вѣсколько примиряться съ жизнью, съ этою юдолюю скорби гдѣ только изрѣдка встрѣчаются благоприятные случаи. Хорошая женщина гжа Глиссаръ. Всюду, гдѣ она ни проходила, начинали распускаться розы и разцвѣтали надежды.

На другой день маленькая, толстенькая, приварившаяся по воскресному женщина явилась въ Форне и просила видѣть директора. Ей отвѣтили что его видѣть нельзя, но она продолжала настаивать. Ее попросили подождать, она прождала цѣлый часъ. Наконецъ ее приняли, но очень дурно. Г. Марескель говорилъ грубо и такъ насупилъ свои густыя брови что она оторопѣла и стояла предъ нимъ не будучи въ состояніи произнести ни одного слова. Это вывело его изъ терпѣнія.

— Какъ ваше имя?

Ей удалось выговорить свою фамилію, и онъ тотчасъ же вспомнилъ о карточкѣ о которой было позабылъ. Поемногу оправаясь отъ страха гжа Вюаленъ овладѣла наконецъ собою, сдѣлалась краснорѣчива и многорѣчива. Она начала съ самаго начала, изложила г. Марескелю длинную повѣсть всѣхъ своихъ страданій, разумѣется не безъ малыхъ прикрасъ, ибо того что было въ этой повѣсти интереснаго она разказать не могла, а то что можно было разказать вовсе не было интересно.

— Къ дѣлу, къ дѣлу! крикнулъ г. Марескель.— Неужели вы полагаете что у меня есть время слушать всю вашу болтовню?

Тогда она объяснила что именно привело ее къ нему и стала жаловаться на несправедливыя строгости г. Карреле.

— Кто вамъ посоветовалъ обратиться ко мнѣ?

— Добрѣйшая гжа Глиссаръ, отвѣчала она.

— Поздравляю васъ, сударыня, съ такими чудесными зна-
комыми.

Она разчувствовалась, раслакалась. Въ ея распорядкѣ слезъ было не меньше словъ. Шапозы открылись, и ничто уже не было въ силахъ удержать обильныхъ потоковъ.

— Да перестаньте же хныкать! снова крикнулъ г. Марескель.—Можно объ закладъ биться десять противъ одного что дочь ваша потаскушка и что у г. Карреле есть основательныя причины отдѣлаться отъ нея. А кромѣ того у меня привычка не соваться въ чужія дѣла, и своихъ довольно.

Она снова ударилась въ слезы и принялась казаться своею честью что Колетта дѣвушка чистая и безупречная.

— Вашею честью! воскликнулъ г. Марескель.—Вотъ такъ
* гарантія!

Понемножку онъ началъ однако уступать, карточка не выходила у него изъ ума. Ему хотѣлось знать соответствовать ли портрету самый оригиналъ; онъ говорилъ себѣ: „Посмотрѣть—вѣдь это ничего не стоить“.

— Убирайтесь сами къ чорту! вдругъ крикнулъ онъ,—и присылайте ко мнѣ дочку. Я желаю чтобъ она сама разка-
зада мнѣ о своемъ несчастіи и собственными глазами хочу убѣдиться стоить ли она чтобъ я принялъ въ ней участіе. Скажите ей что я буду ждать ее сегодня въ девять часовъ вечера.

Затѣмъ онъ объяснилъ старухѣ какъ проникнуть къ нему въ кабинетъ не проходя заводомъ. Гжа Вюамель вышла благословая своего великодушнаго благодѣтеля, первымъ дѣломъ котораго по ея уходѣ было поскорѣе открыть всѣ окна чтобъ уничтожить оставшіяся послѣ нея въ комнатѣ спиртные залахъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ завода гжа Вюамель случайно встрѣтила рассылавшую свои благодѣнія торговку и передала ей всѣ подробности своего посѣщенія. Разставшись съ нею, восковая женщина направилась въ Туленъ, гдѣ также случайно увидалась съ Аристидомъ Лаванси.

Рѣдко бываетъ чтобы въ ссорѣ не были виноваты обѣ стороны. Во время послѣдней размовки съ Сатурниномъ Колетта, обладавшая острымъ какъ жало осы язычкомъ, довела молодого человѣка до высшей степени раздраженія. Теперь она уже позабыла о всѣхъ брошенныхъ ему въ лицо оскорбленіяхъ и только помнила о его любяхъ; онъ

же со своей стороны позабылъ о побояхъ и помнилъ одни оскорбленія. Она дала себѣ слово отомстить ему; онъ же поклялся не ходить къ ней пока она не извинится предъ нимъ. О, клятвы влюбленныхъ! Ему страстно хотѣлось измѣнить своему слову, видѣть ее, но его удерживало чувство гордости. Уже съ недѣлю работалъ онъ въ ночной сменѣ и каждый вечеръ прежде чѣмъ пойти на заводъ заходилъ на часокъ въ кабакъ, гдѣ ради развлечения читалъ газету, находя ее впрочемъ очень скучною, такъ какъ въ ней ничего не говорилось о Колеттѣ. Дѣлая видъ что читаетъ, онъ выливалъ огромное количество водки, но не могъ утолить въ ней своей печали.

Сегодня вечеромъ, пока Сатурниевъ пилъ, двое „синдикальных“ которыхъ прогналъ г. Марескель и которыхъ Аристидъ Лаванси удостоивалъ своего довѣрія, спрятались за загородкой аршина полтора вышиной противъ маленькой дверки; она вела въ узкій корридоръ, а изъ него поднималась узенькая потайная лѣсенка на верхъ. Они говорили себѣ: „Придетъ ли она?“ Ровно въ девять часовъ она явилась, открыла дверку и скрылась въ корридорѣ. Одинъ изъ „синдикальных“ остался на сторожѣ, а другой выбѣжалъ къ Сатурнину.

— Побьемся на графинъ водки, сказалъ онъ ему, — что я покажу тебѣ кое-что такое что тебя удивитъ.

Закладъ состоялся. Они вылили и направились къ загородкѣ. Стоявшій на сторожѣ рабочій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нимъ на встрѣчу и сказалъ:

— Бѣдный Сатурниевъ, у тебя ее отняли, хоть и отдадутъ. Все равно, г. Марескель опоганилъ твою чарочку.

Сатурниевъ не хотѣлъ вѣрить; хотя онъ и не понималъ хорошенько въ чемъ дѣло, тѣмъ не менѣе кулаки его судорожно сжимались, онъ уже начиналъ терять голову отъ бѣшенства. Около часу спустя дверка отворилась, и въ ней показалась Колетта, закутанная въ большой платокъ, уголъ котораго былъ даже ей спущенъ на лицо. Она совсѣмъ оторопѣла когда лудайковщикъ бросился къ ней со словами:

— Гдѣ ты была, мерзавка?

Онъ непремѣнно бы задушилъ ее еслибы товарищи не схватили его за руки. Увидавъ что у нея есть помощь, Колетта мигомъ оправилась, набралась храбрости и дерзко отвѣчала:

— Я дѣлаю что хочу, хожу куда нравится.

Проговоривъ это, она какъ лань отъ стаи собакъ опростыло бросилась бѣжать. Онъ хотѣлъ кинуться за нею, но товарищамъ удалось удержать его, и они снова увлекли его въ кабакъ.

Приставленные къ Сатурнину два тѣлохранителя то раздражали, то успокоивали его, всѣми силами стараясь вовлечь его въ общее дѣло; такъ обыкновенно направляютъ потокъ въ заранѣ приготовленную ему ложбину. Время отъ времени Сатурнинъ высказывалъ намѣреніе убить кого-нибудь, сжечь, уничтожить что-нибудь. Его убѣждали не дѣлать глупостей и обѣщали ему мщеніе болѣе славное, болѣе достойное его. Часть ночи они провели блуждая по полямъ, а на другой день всѣ трое ходили изъ кабака въ кабачекъ и пьянствовали, проповѣдуя все то же самое. Народъ празднуетъ одинаково какъ радостныя такъ и грустныя событія, и повтореніе одного и того же никогда не утомляетъ его. Однако Сатурнину какъ-то удалось ускользнуть отъ своихъ сторожей, и прежде чѣмъ они его снова поймали, онъ какъ сумашедшій бросился въ домикъ Колетты, который, какъ оказалось, она уже покинула. Со свойственнымъ ей благородіемъ она переехала на другую квартиру и по возможности оградила себя отъ его бѣшенства. Гжа Вюаленъ, занятая укладываніемъ ея нарядовъ, честию поклялась что дочь ея уѣхала. Не имѣя возможности задушить измѣнницу, Сатурнинъ порывался все разнести; частью силой, частью убѣжденіями ему помѣшали исполнить ея намѣреніе и снова увлекли въ кабакъ.

Вечеромъ онъ явился въ собраніе „синдикальныхъ“. Рáзомъ, какъ по волшебству все его опьененіе исчезло, онъ совершенно пришелъ въ себя, отяжелѣвшій его языкъ развязался. Вспомнивъ нѣсколько выраженій, которыхъ онъ нахватался въ своемъ отрывочномъ чтеніи, онъ произнесъ небольшую и довольно нескладную рѣчь, въ которой на основаніи социологическихъ данныхъ доказывалъ что всему міру слѣдуетъ принять участіе въ стачкѣ и, не упоминая имени Колетты, объявилъ что покажетъ себя г. Марескелю.

XX.

На другой день изъ типографіи *Вейронскаго Независимаго* вышла прокламація напечатанная въ количествѣ десяти тысячъ экземпляровъ и какія-то таинственныя руки распространили эти экземпляры въ Форне и его окрестностяхъ. Ихъ не продавали, а раздавали даромъ; волею-неволею ихъ всовывали прохожимъ въ карманы, цѣлыя связки бросали на столы въ кабакахъ, на ковторки въ лавкахъ; ихъ наклеивали по стѣнамъ, разбрасывали по полямъ, какъ сѣмя готовое взойти и дать плодъ.

Прокламація эта была слѣдующаго содержанія:

„Народъ, сколь велико твое долготерпѣніе! Уже давнымъ давно шесть тысячъ человекъ рабочихъ на Форнейскомъ заводѣ подвергаются всевозможнымъ придиркамъ и притѣсненіямъ. Удовлетворяя своему неистовому корыстолюбію и политическому злопамятству, ихъ гнусные эксплуататоры рѣшительно на предъ чѣмъ не останавливаются. Они измѣнили систему работъ въ кояхъ, убавили на 10% заработную плату рабочихъ литейнаго завода, выгнали цѣлую сотню „синдикальных“, все преступленіе которыхъ заключалось въ томъ что они были истинными республиканцами. А рабочий все молчалъ, всему покорялся; но наконецъ его вывели изъ терпѣнія; левъ встряхнулъ своею гривой, ударилъ себя хвостомъ по бедрамъ и его рыканье поразило, испугало его угнетателей. Народъ, сколь велико твое долготерпѣніе, но какъ ты прекрасенъ въ своемъ гнѣвѣ!

„Есть директора заводовъ, тузы промышленности, которые, не довольствуясь тѣмъ что эксплуатируютъ и морятъ голодомъ рабочихъ, присоединяютъ еще и развратъ къ хищному высокоумію и страсти къ наживѣ; каждая приближающаяся къ нимъ женщина должна дрожать за свою непорочность. Вы честный работникъ, извѣстный строгою нравственностью и кроткимъ характеромъ, отецъ вашъ почтенный углеколь, сѣдины котораго глубоко уважаемы всѣми. Вы отдали ваше сердце молодой, чистой и непорочной дѣвушкѣ, которая скромно жила подъ кровомъ матери, бѣдной, но достойной старушки. Находить предлогъ и завлекать вашу невѣсту въ ловушку гдѣ она теряетъ честь и затѣмъ вынуждена

бѣжать, скрыться куда-нибудь, не смѣя явиться вамъ на глаза. Бойтесь жаловаться—это право господина!.. Но мы, не вѣрующіе въ право господина, налагаемъ запрещеніе на заводъ гдѣ саишкомъ часто повторялись подобныя преступленія. Чтобы съ завтрашняго же дня директоръ завода, не видѣвъ ни одного рабочаго въ шахтахъ и чтобы онъ былъ вынужденъ закрыть свои литейни! Всякій кто выйдетъ на работу будетъ сочтенъ за его сообщника!

„Да знаетъ Форнейское товарищество что прежде чѣмъ возобновить работы, мы требуемъ чтобы наши изгнанные братья снова были приняты въ число рабочихъ; чтобы отмѣнено было правило отдавать работы съ торговъ; чтобы рабочіе литейнаго завода получали свое прежнее жалованье. Но и этого намъ недостаточно. Мы вступимъ съ Товариществомъ въ переговоры только въ томъ случаѣ если оно прогонитъ своего директора. Товарищество обязано исполнить это требованіе для примѣра впредь, это залогъ, удовлетвореніе, это его долгъ. Пока оно не исполнитъ этого нашего требованія, всѣ его обѣщанія будутъ ничто. Пока мы зависимъ отъ этого человѣка, мы ни въ чемъ не можемъ быть увѣрены. Да исчезнетъ онъ! Мы не хотимъ его больше видѣть!

„Братья, намъ бросили лерчатку, мы подняли ее! Будемъ упорно биться, побѣда наша несомнѣнна!

„Народъ, велико твое долготерпѣніе и прекрасенъ ты въ своемъ гнѣвѣ, будь же твердъ и постояненъ въ немъ!“

Случилось такъ что совѣтъ правленія случайно долженъ былъ собраться чрезъ нѣсколько дней послѣ выхода знаменитой прокламаціи. Засѣданіе имѣло видъ вполнѣ необычайный. Директора компаніи обыкновенно собирались лишь для того чтобы выслушать отчеты, одобрить мѣры уже принятыя, покончить съ вопросами въ принципѣ уже давно рѣшенными. Сегодня же всѣ члены совѣта сидѣли выпрямившись, съ нахмуреннымъ лбомъ и строго сжатыми губами. Гжа Курлизъ правду говорила Оливье: у гна Марескеля было не мало завистниковъ и враговъ въ совѣтѣ. Его постоянныя удачи въ дѣлахъ заставляли молчать всѣхъ недруговъ, но было рѣшено воспользоваться первою же его ошибкой чтобы свергнуть это иго, которое годъ отъ году становилось невыносимѣе. Друзья также не особенно горячо были къ нему привязаны: доставляя имъ большой дивидендъ, онъ обращался съ ними страшно высокомерно; они дорожили его счастьемъ въ

дѣлахъ, но какъ только оно стало покидать его, и они были готовы также оставить его. Опасно быть любимымъ лишь подъ условіемъ никогда ни въ чемъ не ошибаться и всегда во всемъ имѣть успѣхъ. Друзья и недруги всѣ получали прокламацію, всѣ теперь разомъ вынули ее изъ кармана, и первымъ ихъ словомъ было: „Въ славное положеніе вы насъ поставили!“

Скрывая горечь своей досады, г. Марескель попытался было усложнить бурю безтрепетною самоувѣренностью. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шуточныхъ замѣчаній, но они были приняты душно. Самымъ яростнымъ изъ его враговъ былъ нѣкто г. Корню. Это былъ маленькій человѣчекъ съ зеленоватымъ цвѣтомъ лица, съ длиннымъ загнутымъ кверху подбородкомъ, съ безстрастнымъ взоромъ, въ которомъ отражалась жизнь благоговѣнно посвященная скражничеству и ростовщичеству; самъ онъ былъ вполне свободенъ отъ всякихъ сердечныхъ увлеченій и потому безо всякаго милосердія относился ко всемъ этого рода слабостямъ. Онъ безо всякихъ околичностей прямо приступилъ къ дѣлу и совершенно откровенно заявилъ что въ извѣстные годы стыдно заниматься такими пустяками, отнимать невѣсть у пудлинговщиковъ. Г. Марескель съ живостью возразилъ что ласквилъ этотъ написанъ негодами, а вѣрить ему могутъ только дураки. Онъ прибавилъ что судомъ будетъ преслѣдовать за диффамацию. Никто однако не поддержалъ его. Чтò бы ни думали о добродѣтели Колетты Вюанель, это былъ не первый случай съ г. Марескелемъ и хотя прежде на всѣ его грѣшки смотрѣли сквозь пальцы, теперь разомъ всѣ возмутились оскорбленіемъ нравственности. Когда человѣкъ подвергнется превратностямъ судьбы, свѣтъ ничего не прощаетъ ему; онъ все прощаетъ ловкимъ людямъ, но за то вдвое взыскиваетъ за оскорбленіе нравственности съ неловкихъ.

Двигая своимъ острымъ подбородкомъ, маленькій Катонъ предложилъ совѣту въ виду затруднительныхъ обстоятельствъ назначить общее собраніе акціонеровъ. Г. Марескель возразилъ что общія собранія всегда только усложняютъ дѣло, никогда не приводятъ ни къ какимъ результатамъ и выдуманы лишь для потери времени и для удовлетворенія самолюбія говорунговъ. „Въ затруднительныхъ случаяхъ“, сказалъ онъ, „лучше дѣйствовать плохо, чѣмъ вовсе не дѣйствовать; диктаторъ важнѣе сената когда нужно выйти изъ затрудни-

тельнаго положенія; десять человекъ дѣйствуютъ разумнѣе сотни, а одинъ разумнѣе десяти“.

Г. Корню продолжалъ настаивать на своемъ предложеніи.

„Да вы рѣшили, что ли, заставить меня подать въ отставку?“ закричалъ ему г. Марескель. А когда ему отвѣтили: „можетъ-быть!“, онъ разсердился, вышелъ изъ себя, напомнилъ имъ о всѣхъ своихъ заслугахъ, о постоянномъ расширеніи завода, объ усовершенствованіи издѣлій, о сталелитейныхъ и обо всемъ остальномъ. Леданое молчаніе слушателей дало ему понять насколько его положеніе компрометтировано. Онъ быстро измѣнилъ тонъ и произнесъ длинную рѣчь, въ которой даже допустилъ нѣсколько цвѣтовъ краснорѣчія; онъ увѣрялъ, подобно всѣмъ самолюбивымъ людямъ, что онъ уже много лѣтъ помышляетъ о томъ чтобы сложить съ себя свои трудныя и утомительныя обязанности и окончить свои дни на покое, который по его мнѣнію онъ уже давно заслужилъ; но что предпріятіе, во главѣ котораго онъ имѣлъ честь стоять такое продолжительное время, для него дороже личныхъ выгодъ и удобствъ; что такъ какъ авторы возмутительнаго пасквиля требуютъ его удаленія, то со стороны Товарищества было бы опасною трусостью уступить ихъ угрозамъ и что разъ позволивъ себѣ уступку оно будетъ принуждено идти до конца по этому скользкому пути и такимъ образомъ поставитъ себя въ зависимость отъ стачекъ.

— Среди брода нельзя отпрягать лошадей! воскликнулъ онъ въ заключеніе.—Потерпите же немножко, г. Корню, постарайтесь вынести мое присутствіе еще нѣкоторое время! Я считаю себя въ силахъ доставить васъ здоровыми и невредимыми на другой берегъ. Да, милостивые государи, я прошу у васъ всего три недѣли срока чтобы восторжествовать надъ стачкой, не уступая ей ни въ чемъ. А послѣ этого я самъ послѣшу подать въ отставку.

Онъ говорилъ съ такою силой, съ такою убѣдительною, и то что онъ говорилъ было такъ разумно что несмотря на вѣдкое противодѣйствіе со стороны г. Корню, совѣтъ далъ ему всѣ полномочія дѣйствовать, принявъ однако къ свѣдѣнію и его обѣщанія, и трехнедѣльную отсрочку для подавленія стачки. Но его гордости, выдержавшей такое жестокое испытаніе, предстояли и другаго рода униженія.

Когда онъ къ обѣду вернулся въ замокъ, Жоржина, небрежно раскинувшись на кушеткѣ, читала и обдумывала прокламацію,

которую кто-то имѣлъ предупредительность прислать и ей. Читателю извѣстно смѣшанное чувство страха и почтенія которое она выказывала мужу; чувство истиннаго уваженія, надежныѣ, оно переживаетъ всякія превратности судьбы. При видѣ никогда не ошибавшагося, а теперь потерпѣвшаго неудачу мужа, гжа Марескель взглянула на него сквозь рѣсницы своихъ полузакрытыхъ глазъ и сказала ему:

— Поздравляю васъ, господинъ Марескель, славное приключеніе!

— Что же дѣлать, душа моя? съ любезнымъ видомъ подходя къ ней проговорилъ г. Марескель.—Ихъ маленькая махинація была отаично задумана... Между прочимъ, прошу васъ вѣрить что писака этотъ совралъ: я и не думалъ бѣгать за этою дѣвчонкой, напротивъ, она сама пришла ко мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ значитъ курица лисицу съѣла. Я считала васъ умнѣе.

Въ продолженіе всего обѣда она держала себя молчаливо, высокомерно, почти презрительно, а ничего нѣтъ опаснѣе презрѣнія. Господину Марескелю казалось что даже наливавшій ему воду и вино лакей исполняетъ свое дѣло не съ обыкновенною услужливостію, что локти онъ держитъ какъ-то иначе, да и самыя его движенія сегодня не отличаются обыкновенною плавностію. Кофе пили въ гостиной. Какъ только супруги остались съ глазу на глазъ, любопытство взяло у Жоржины верхъ надъ сухостію, и она пожелала въ подробности знать всю исторію. Г. Марескель охотно исполнилъ ея желаніе и кончилъ такъ:

— Клянусь вамъ что я не болѣе трехъ четвертей часа поговорилъ съ этою дѣвушкой, болтовня ея меня позабавила и только. Увѣряю васъ что больше ничего почти и не произошло между нами.

Можетъ-быть онъ говорилъ и правду. Жизнь такъ устроена что послѣ того какъ человекъ безнаказанно позволялъ себѣ все на свѣтѣ, онъ вдругъ за какой-нибудь мелкій проступокъ, который даже и не совершенъ имъ, платится очень дорого.

— Бѣда въ томъ, насмѣшливо замѣтила Жоржина,—что кромѣ меня никто вамъ не повѣритъ. Но согласитесь что нашъ юный кузень вовсе не такъ гауль какъ вы воображали, что онъ ловкій малый и сыгралъ съ вами славную шутку пославъ вамъ въ бумагахъ карточку, и что по всей вѣроятности онъ теперь отъ души хохочетъ надъ вами.

— Вы жалуете что не вышли за него замужъ?

— Право, не знаю какъ вамъ сказать, отвѣчала она, обмахи-
ваясь вѣромъ изъ страусовыхъ перьевъ.— Въ настоящее вре-
мя я лучшаго о немъ мнѣнія, у женщинъ слабость ко всяка-
го рода удачѣ. И кромѣ того, еслибъ я вышла за него, у меня
былъ бы мужъ менѣ требовательный и болѣе мнѣ вѣрный.

Нѣкоторые короли, обыкновенно пренебрегавшіе своими
женами, наканунѣ битвы всегда мирились съ ними и даже
ухаживали за ними, потому ли что въ виду опасности со-
вѣсть говорить громче, потому ли что въ смутныя времена
чувствуется потребность въ мирѣ и тишинѣ хотя бы у себя
дома. Г. Марескалю вдругъ показалось что когда имѣешь
много злыхъ и валадающихъ на тебя враговъ пріятно имѣть
близъ себя любящую жену.

— Боже мой! ласково проговорилъ онъ,—до чего человѣче-
ство жако и до чего его доводитъ гаулое любопытство! Какъ
согласить что такой человѣкъ, какъ я, у котораго есть жена
такая какъ вы, сокровище, совершенство, царица блондинокъ,
сто разъ, тысячу разъ прекраснѣе всѣхъ Кошеттъ въ мѣрѣ...

— Благодарю за сравненіе! перебила она его не особенно
нѣжнымъ тономъ.

— Жоржина, хотите вы меня выслушать...

— Нѣтъ!

— Пожалуста, выслушайте меня. Я вамъ объявляю, кля-
нусь вамъ, что съ нынѣшняго же дня...

— Не стѣсняйтесь пожалуста; я васъ всецѣло уступаю
вашимъ возлюбленнымъ.

Онъ чуть не разсердился. Но онъ далъ себѣ слово что до
самаго дня своей реализаціи онъ будетъ стараться вполнѣ
владѣть собою, будетъ кротокъ, смиренъ, тихъ, снисходите-
ленъ, великодушенъ, забудетъ свою гордость, будетъ терпѣ-
ливо переносить всѣ огорченія, обиды, униженія, будетъ руко-
водиться только разумомъ, искупить свою роковую неосто-
рожность чудесами самообладанія, геройскою мудростью. Онъ
наклонился къ женѣ и хотѣлъ было взять ея руку, но она
быстро ее отдернула.

— Ну скажите же, дорогая моя, что мнѣ сдѣлать чтобы
заслужить ваше прощеніе?

Она никогда не сдавалась даромъ; у нея всегда заранѣе
уже были произведены всѣ расчеты, и никто никогда лучше
ея не умѣлъ пользоваться преимуществомъ своего положенія.

— Я получила письмо отъ мама, отвѣтила она, — и съ огорченіемъ узнала что она нездорова. Докторъ совѣтуетъ ей перемѣну климата, хоть два-три мѣсяца провести въ Біаррицѣ, гдѣ осенью погода всегда стоитъ очень пріятная. Вы должны открыть ей кредитъ; вы возьмете на свой счетъ ея поѣздку и разрѣшите мнѣ также ѣхать съ нею. Я вовсе не прочь избавиться отъ невыносимой скуки въ Форсе.

Изъ опыта г. Марескель зналъ что гжа Ваальтрѣ бывала больна только когда этого хотѣлось Жоржинѣ, что мать и дочь, какъ два плута на армаркѣ, до тонкости понимаютъ другъ друга.

— Согласенъ, моя душа. Я только попрошу васъ ѣхать отсюда не ранѣе трехъ недѣль.

— Это почему? Позвольте спросить.

— Я желаю чтобы при тѣхъ грустныхъ обстоятельствахъ въ какихъ я нахожусь теперь, вы не уѣзжали отсюда. Это шло бы видѣ что и вы бѣжите отъ меня, это было бы моимъ приговоромъ и подало бы поводъ къ различнымъ толкамъ... Жоржина, дайте мнѣ вашу руку. Великій король былъ гораздо требовательнѣе меня и несравненно чаще моего бывалъ вѣреть своей женѣ, тѣмъ не менѣе Марія-Терезія никогда на него не дулась.

— Весьма возможно, но за то великій король не попадалъ въ просакъ и не позволялъ своимъ врагамъ издѣваться надъ собою.

Эти послѣднія слова до того непріятно кольнули его слухъ что онъ послѣдовалъ уйти и заняться дѣлами. Во время забастовокъ директорамъ отдыхать нѣкогда; у нихъ всего больше дѣла въ то время когда рабочіе ничего не дѣлаютъ. До какой степени этому любѣзному человѣку хотѣлось поскорѣе исправить все случившееся, смыть съ себя нанесенное оскорбленіе, посрамить Лаванси, отодвинуть на задній планъ господъ въ родѣ Корню и снова внушить гжѣ Марескель прежнее чувство боязливаго уваженія къ его особѣ. Проходя по двору завода, онъ вполголоса говорилъ:

— До слѣдующей партіи, г. Лимузинецъ! Вы прошлая партіей въ дамки и первую партію выиграли. Держитесь крепко. мнѣ сдается что вторая партія будетъ моя.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

XXI.

Иногда самыя обыкновенныя болѣзни, проявляющіяся только единичными случаями, переходятъ въ эпидемическія, смотря по мѣсту, времени, таинственнымъ на нихъ вліяніямъ, и распространяются какъ зараза. Зараза же въ свою очередь иногда распространяется, иногда замираетъ. Почему? Нужно спросить объ этомъ микроба, но микробъ не сообщаетъ намъ своихъ тайнъ. Наравнѣ съ эпидеміями физическими имѣются также извѣстныя нравственныя болѣзни; революціонеры отлично знаютъ это. Иногда достаточно бываетъ одной искры чтобы воспламенить цѣлую толпу; иногда же случается что тщательно подготовленный пожаръ прекращается самъ собою, какъ будто огонь отказывается логотить самую подходящую для своей бурной активности пищу.

Каждый вечеръ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, ложась въ постель, Аристидъ Лаванси меланхолически говорилъ своему красному фураару, которымъ онъ ловязывалъ свою могучую главу прежде чѣмъ положить ее на подушку: „Мой прелестный другъ, не беретъ“.

Однажды утромъ съ сіяющимъ отъ радости взоромъ, со вспотѣвшимъ отъ удовольствія лицомъ, онъ обратился къ политикамъ, составлявшимъ какъ бы отрядъ его тѣлохранителей, и сказалъ имъ: „На этотъ разъ, дѣти мои, мы сласны, беретъ!“

Еслибы народные вожди могли дѣйствовать на народъ только хладнокровнымъ обсужденіемъ его нуждъ и интересовъ, то было бы мало революцій, такъ какъ всякій знаетъ бы изъ опыта что въ выгодѣ отъ революцій остаются только главные политическіе дѣятели, которые вдохновляютъ народъ и управляютъ имъ, а что трудъ людей маленькихъ, незначительныхъ, дѣйствующихъ въ качествѣ простыхъ работниковъ — каменьщиковъ, плотниковъ, носильщиковъ, весьма рѣдко оплачивается.

Несправедливо однако думать что человѣкъ способенъ дѣйствовать только изъ личныхъ выгодъ; какъ бы сидѣть

ни былъ эгоизмъ въ человѣкѣ, во глубинѣ его существа всегда таится вѣчто отнюдь не личное, радующееся справедливости и возмущаемое несправедливостью. Изъ всего живущаго на землѣ только человѣкъ способенъ съ жаромъ преслѣдовать вполнѣ бесполезныя лично, для него предпріятія, которыя, бросаая вѣкій отблескъ славы на его темную, безвѣстную судьбу, льстятъ его самолюбію. Между форнейскими рабочими было множество людей простодушныхъ, которые съ возмущеніемъ сердечнымъ узнали что г. Марескель позволилъ себѣ заманить въ ловушку цѣломудренную невѣсту одного изъ искуснѣйшихъ пудлинговщиковъ завода. Напрасно скептики твердили имъ что разказъ этотъ прикрашенъ, что цѣломудріе Колетты Вьаленъ подлежить большому сомнѣнію. Сама же героиня куда-то исчезла, никто не зналъ что съ нею стало, ея внезапное исчезновеніе придавало еще болѣе таинственности всему случившемуся и подавало поводъ ко всевозможнымъ розказнямъ. Народъ любитъ вѣрить. Простаки, давнымъ давно жаловавшіеся на то что г. Марескель ихъ эксплуатируетъ, были однако болѣе расположены противопоставлять своему несчастью терпѣніе чѣмъ силой оружія отстаивать себя и мстить за свои бѣдствія. Но ихъ легко убѣдили что стыдно работать на человѣка который воскрешаетъ помѣщицье право первой ночи, что дать ему урокъ велитъ имъ собственная честь. Имъ также давали вѣкоторую долю въ воображаемыхъ выгодахъ предпріятія въ которое ихъ завлекали, и они чувствовали себя какъ бы подятыми своею новою обязанностью карателей и судей.

Правда и то что большинство углеколовъ спрашивали себя что такое имъ Колетта и какая связь между ею и ихъ собственными дѣлами? Развѣ не всѣмъ давно извѣстно что г. Марескель любитъ позабавиться и что курочки которыхъ онъ кушаетъ сами не прочь отъ того чтобъ онъ ихъ кушалъ? Тѣмъ хуже для влюбленныхъ въ нихъ! Резонъ ли это для рабочихъ бросать копи съ оласностью оставить безъ куска хлѣба своихъ женъ и дѣтей въ угоду буянамъ? Имъ отвѣчали что углеколами было рѣшено забастовать если металлургисты выкажутъ неудовольствіе противъ г. Марескеля и что съ того дня какъ Сатурнияз Сервуа вошелъ въ стачку, три четверти металлургистовъ стали требовать своего прежняго жалованья. Перемѣна эта произошла воочію. Нѣсколько

дней тому назадъ большинство не хотѣло вступать въ стачку пока въ ней не будутъ участвовать всѣ безъ исключенія; теперь развѣся слухъ что рѣшительно всѣ вступили въ дѣло, и всѣ стали слѣдовать общему примѣру. Продолжавшіе упорствовать подвергались болѣе или менѣе открытымъ придиркамъ и преслѣдованіямъ, возвращаясь къ себѣ они встрѣчали раздраженные презрительные взгляды, а за спиной слышали брань и угрозы. Большинство уступало; въ извѣстныхъ обстоятельствахъ нужно быть героемъ чтобъ имѣть мужество отстаивать свои убѣжденія, свой здравый смыслъ. Нѣкоторые заставлявшіе себя долгое время упрашивать и уговаривать, въ послѣдствіи сильнѣе прочихъ вдавались въ крайности, громче всѣхъ кричали противъ упорныхъ и угрожали имъ кулаками. Міромъ всегда управляетъ меньшинство, а потому міръ и имѣетъ исторію; есаибы всѣмъ управляло настоящее большинство, то не случилось бы ничего выходящаго изъ ряда.

Какъ бы то ни было, несмотря на общее давленіе, нѣкоторые упорные попрежнему оставались вѣрны себѣ, кто изъ самолюбія, кто изъ любви къ своимъ ребятншкамъ, а кто и такъ изъ-за любезностей и смутныхъ обѣщаній г. Марескеля, котораго несчастье научило искусству обольщать людей. Во главѣ упорныхъ стоялъ Тимошей Сервуа котораго называли безчеловѣчнымъ отцомъ, потому что онъ отказывался слѣдовать за сыномъ. Бросивъ свою плавленную печь, Сатурниъ покинулъ и отчій кровъ и поселился въ Туленъ. Отецъ неоднократно посылалъ сказать ему чтобъ онъ пришелъ повидѣться съ нимъ; Сатурниъ отклонялъ всѣ его приглашенія; впрочемъ со старикомъ трудно было ладить. Тимошей Сервуа гналъ всѣхъ осаждавшихъ его своими упрашиваньями и увѣщаніями; онъ стойко выдерживалъ всѣ нападенія какъ гранитный утесъ, который такъ долго било теченіемъ что онъ навѣкъ съ прервѣніемъ относится и къ бурнымъ волнамъ и къ ихъ пѣнѣ. Когда ему говорили о Колеттѣ Вуаленъ, онъ отвѣчалъ что жалѣетъ тѣхъ кто ловится на такую удочку и, не имѣя привычки подбирать своихъ выраженій, прибавлялъ что сынъ его долженъ считать себя счастливымъ „избавясь отъ такой распутной твари“. Когда ему передавали какое-нибудь порученіе отъ Аристиды Лаванси, онъ отвѣчалъ что всегда

поступаетъ по своему и не долюбиваетъ шутовъ гороховыхъ. Когда же его спрашивали, чѣмъ онъ обязанъ г. Марескалю чтобы выказывать ему такую сильную привязанность, онъ отвѣчалъ пожимая плечами: „Я люблю не его, а свои копы“. Вѣрный своей любви, онъ каждый день спускался работать въ шахту, и его оставляли въ покоѣ. Внушаемое имъ уваженіе какъ ревностный жандармъ охраняло его подстриженныя ершикомъ сѣдины ото всякихъ оскорбленій.

У большинства затѣявшихъ забастовку не было ни сожалѣній, ни угрызений. Они были довольны самими собою; мужественная рѣшимость доставляла ихъ совѣсти тщеславное наслажденіе; самое ихъ настроеніе, походка, манера держать голову, ясно доказывали это. Имъ казалось что они совершили нѣчто великое, о чемъ будутъ говорить: они расхаживали какъ люди гордые тѣмъ что подали великій примѣръ, какъ рабы разбившіе свои оковы, на которыхъ съ удивленіемъ смотритъ весь міръ. Къ восторженному настроенію умовъ, къ удовлетворенію гордости, которая топорщилась и чванилась своимъ подвигомъ, они присоединяли и болѣе чистыя радости. Въ человѣкѣ всегда таится ребенокъ, который приходитъ въ восторгъ ото всякой новости, и первые дни забастовки—настоящіе праздники. Перемена въ привычкахъ, ничего недѣланіе, замѣнившее ежедневный однообразный трудъ, продолжительная праздность, тѣмъ болѣе сладостная что имѣешь право возводить ее въ заслугу и добродѣтель, ожиданіе какихъ-то непредвидимыхъ событій, ходящія изъ устъ въ уста новости, выслушиваемыя рѣчи, сладость обѣщаній, кажущіяся правдоподобными недѣлности, лихорадочная смѣна впечатлѣній, заманчивыя химеры,—все даетъ жизни видъ настоящей масляницы, и люди доходятъ до убѣжденія что вопреки пословицъ міръ устроенъ такъ хорошо что человѣкъ въ немъ можетъ питаться только духомъ времени, надеждами и музыкой. Весельчаки бѣгали изъ трактира въ трактиръ, изъ кабака въ кабакъ, шли даже и просто по большимъ дорогамъ. Честолюбивые и ротозѣи очертя голову ударились въ политику. Болѣе разумные работали у себя на огородахъ или же искали работы въ полѣ; они немножко скучали по рудникамъ, втихомолку вздыхали по нимъ; работа при дневномъ свѣтѣ казалась имъ и труднѣе, и унижательнѣе подземной.

Нужно ли называть по имени самаго счастливаго изе

всѣхъ счастливейшихъ въ мірѣ людей? Нѣтъ, ни одинъ морякъ долго задержанный штилемъ среди океана и вдругъ увидѣвшій какъ вѣтеръ надуваетъ его паруса, ни одинъ земледѣлецъ послѣ сильнѣйшей засухи услыхавшій раскаты грома предвѣщающіе ливень, ни одинъ игрокъ послѣ отчаяннаго проигрыша дожидавшійся переменъ счастья въ игрѣ, не ощущали такого волненія, такого восторга, такого упоенія, съ какими Аристидъ Лаванси послѣ продолжительнаго сомнѣнія въ своемъ счастьи могъ наконецъ воскликнуть: „теперь могу идти съ миромъ, ибо видѣли очи мои спасеніе мое“. Однимъ ударомъ и счастье и искусство его достигали апогея. Убѣжденный въ томъ что человѣкъ живъ столько же хлѣбомъ сколько и метафизикой, онъ примѣшивалъ къ ученымъ разсужденіямъ о выгодахъ громкія фразы о самодержавіи народа и о правахъ рабочихъ. То повелительно то вкрадчиво, то пылко то умилительно, онъ говорилъ на всѣ лады; его краснорѣчіе соединяло съ задушевными, мягкими звуками скрипки, и мощную силу трубы. Его хватало на всѣхъ; онъ давалъ молоко слабымъ, мясо сильнымъ. Онъ ободрялъ робкихъ, горячилъ холодныхъ, проповѣдывалъ терпѣніе нестойкимъ, всѣмъ отвѣчалъ за успѣхъ дѣла, клялся честью, давалъ на отрѣзъ голову что форнейская забастовка будетъ эпохой въ исторіи, а ужъ во всякомъ случаѣ смотрѣлъ на нее какъ на эпоху въ собственной жизни, эпоху благодаря коей онъ приобрѣтетъ не малое количество голосовъ на ближайшихъ выборахъ въ Парижѣ. Такимъ образомъ, онъ ходилъ изъ одного мѣста въ другое, отъ одного сборища къ другому съ сіяющимъ лицомъ жирнаго проповѣдника, со своимъ лѣстивымъ добродушіемъ, со своимъ молніеноснымъ взоромъ, со своею вѣчно шумною, вѣчно бурною радостью, услѣвалъ какъ-то разомъ быть всюду, можно было думать что этихъ Лаванси цѣлый десятокъ и каждый изъ нихъ работаетъ за десятерыхъ.

Но какъ бы то ни было, и въ самые лучшія плоды забираются червяки, стоить порыться въ счастьи чтобы найти несчастье. Нечего спрашивать какъ отнесся Аристидъ Лаванси къ Сатурнину Сервуа, закололъ ли онъ тучнаго телца чтобы достойно отпраздновать возвращеніе блуднаго сына. Въ первый же вечеръ онъ ввелъ его на возвышеніе съ котораго обыкновенно говорилъ къ народу, представилъ его всему собранію, братски облобызалъ и прижалъ его къ

своему сердцу при громкихъ крикахъ и восторженныхъ руко-лаесканіяхъ всей толпы. Онъ его ласкалъ, голубилъ, а роковое приключеніе молодаго человѣка доставляло ему обильный матеріалъ для ораторскихъ эффектовъ; онъ безпрестанно повторялъ его исторію, подобно тому какъ Антоній безпрестанно показывалъ народу окровавленную одежду Цезаря. Онъ обращался съ луддиговщикомъ залросто, говорилъ съ нимъ добродушно-покровительственно, называлъ его своимъ милымъ другомъ, иногда своимъ дорогимъ сыномъ; иногда же онъ обращался къ нему какъ къ герою, почему, этого никто не зналъ, но и не удивлялся. Сатурнина знали только какъ искуснаго работника и гулаку, но большинство людей находить семейное сходство между героизмомъ и дерзкою гудьбой.

Нѣкоторое время Сатурнинъ держалъ себя скромно и смиренно. Онъ какъ бы одурѣлъ и вслѣдствіе внезапно-обрушившагося на него несчастія, и вслѣдствіе сильныхъ возмѣненій въ которыхъ онъ пытался утопить свое горе. Да кромѣ того, хотя онъ и любилъ послѣ выливки разглагольствовать предъ своими товарищами, изумлять ихъ соціологическими теоріями, у него вовсе не было привычки говорить въ большихъ собраніяхъ, не было привычки къ словеснымъ состязаніямъ; этотъ прѣсноводный морякъ не отваживался лускаться въ открытое море съ его бурными волнами и высокими валами. Онъ предоставлялъ слово Лаванси, не отвѣчая на его любезности и ловидимому ни мало не заботясь о томъ что подумаютъ или скажутъ о Сатурнинѣ Сервуа. Съ угрюмымъ и дикимъ видомъ онъ, будто въ крѣпости, замкнулся въ своемъ молчаніи; его можно было принять за дикаго звѣря, который послѣ повесеннаго пораженія забрался къ себѣ въ берлогу и мрачно зализываетъ тамъ свои раны.

Но размышлять онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ, и размышленія его вовсе не были лестны для Лаванси, который со дня на день внушалъ ему все менѣе и менѣе къ себѣ уваженія. По примѣру форнейскаго директора, онъ находилъ его нѣсколько лясомъ, и полишинель въ его глазахъ портилъ трибуна. Скоро ему надоѣла и собственная скромная, молчаливая роль, ему не нравилось быть маріонеткой, которую другое лицо съ помощію ниточекъ приводитъ въ движеніе. Сверхъ того, онъ помнилъ что какъ-то между двумя лолойками ему удалось предъ сборищемъ рабочихъ „изъ

судикальныхъ“ произнести рѣчь, которая была принята ими весьма недурно. Въ концѣ концовъ, онъ пришелъ къ убѣжденію что краснорѣчіе—искусство несравненно менѣе сложное чѣмъ это обыкновенно полагаютъ, что все здѣсь заключается лишь въ рѣшимости и смѣлости начать дѣло. Однажды вечеромъ онъ и рѣшился. Лаванси былъ изумленъ и пораженъ не менѣе словеснаго вожака, у котораго словъ вдругъ бы осмѣивался самъ объяснять смотрящей его публикѣ что онъ принадлежитъ къ породѣ толстокожихъ, къ семейству хоботовосныхъ, что клыками онъ вырываетъ съ корнемъ дерева, хоботомъ устрашаетъ своихъ враговъ и не очень любитъ чтобъ его обрачали въ ручное домашнее животное. Новый ораторъ сначала немножко помаленьку, потомъ оправился, сталъ находить слова, составлять фразы и порой даже весьма удачныя. Благодаря чтенію и хорошей памяти, у него въ умѣ вдругъ поднялись старыя воспоминанія, сложились когда-то заученныя сужденія, которыя онъ кстати и не кстати сталъ вклеивать въ свою рѣчь, произносимую задыхающимся и прерывающимся отъ волненія голосомъ, волненіе же всегда бываетъ заразительно. Словъ предъ вожакомъ имѣлъ то преимущество что былъ искрененъ въ своей ненависти и въ своемъ гнѣвѣ, а гнѣвъ всегда бываетъ краснорѣчивъ. Словомъ, первый шагъ былъ вполнѣ удаченъ; ученика какъ настоящаго учителя привѣтствовали громкими и единодушными криками восторга. Нашлись даже такіе энтузіасты у которыхъ хватило дерзости утверждать что Сатурнинъ Сервуа говорить еще лучше парижскаго трибуна, этого страстующаго пропагандиста революціи. Толки эти дошли и до Лаванси и очень огорчили его.

Разъ начавъ говорить, Сатурнинъ уже не могъ замолчать. Каждый вечеръ его точно какую пружинной обрабатывало со стула, и предъ набитою биткомъ залой онъ произносилъ рѣчь; день ото дня ему становилось все болѣе по себѣ и потому онъ все болѣе приходилъ въ мѣстничество. Этотъ бѣсноватый доставлялъ Лаванси столько же безлокойства сколько и зависти; это уже былъ солерникъ ослабивавшій у него сердца и голоса людей, онъ становился опасенъ, мѣшалъ ему. Лаванси желалъ чтобы стачка окончилась примиреніемъ, вся честь коего была бы приписана лично ему, и всѣми силами старался всѣхъ

привести къ желаемому соглашенію; онъ зналъ что у г. Марскаго было много враговъ въ совѣтѣ и что если стачка продолжится, то г. Корню со своими сторонниками не замедлить воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ чтобы отрѣшиться его отъ должности. Онъ зналъ также что дабы достигнуть желаемого слѣдуетъ быть разумнымъ и не требовать луны съ неба; безпокойный же его протеже, сдѣлавшійся теперь его соперникомъ, требовалъ уже не одну луну, а цѣлый десятокъ. Лаванси проповѣдывалъ единодушіе, терпѣніе, сознаніе законности; Сатурнинъ признавалъ только одну силу. Лаванси требовалъ низложенія г. Марскаго, Сатурнинъ требовалъ его головы. Лаванси желалъ дать урокъ буржуазіи, Сатурнинъ желалъ ее вовсе стереть съ лица земли. Лаванси требовалъ только необходимыхъ измѣненій, Сатурнинъ желалъ все разрушить и уничтожить. Одинъ толковалъ о разумной республикѣ, другой утверждалъ что всякое правительство вещь невыносимая и признавалъ только полную анархію. Одинъ утверждалъ что краснорѣчіемъ можно уничтожить всѣ трудности и что здравый смыслъ необходимо одерживаетъ надо всѣмъ верхъ; другой настаивалъ на томъ что все достигается только насильственными и крутыми мѣрами, а выливъ онъ даже смѣло заявлялъ что люди мужественные сами должны мстить за себя, что правосудіе заключается въ возмездіи, что онъ непременно сожжетъ Форне и затѣмъ заставитъ царицу блондинокъ замѣнить ему Колетту. Правда, послѣднихъ рѣчей онъ съ трибуны не говорилъ, ибо положилъ себѣ закономъ не лить предъ тѣмъ какъ собрался держать рѣчь. Не менѣе вѣрно и то что при выходѣ изъ залы, гдѣ онъ до послѣдней крайности неистовствовалъ, сборщики махали своими жестяными тарелочками и кричали: „На пролаганду!“ и понижая голосъ, какъ-то сухо прибавляли: „На динамитъ!“

Вскорѣ Лаванси просто возненавидѣлъ Сатурнина котораго такъ чествовалъ сначала и который теперь постоянно становился ему поперекъ дороги. Онъ восклицалъ: „Кто избавитъ меня отъ этого животнаго, отъ этой обезьяны, отъ этой устрицы?“ Онъ отъ души желалъ ему потери голоса; увы! у Лаванси голосъ иногда хрипѣлъ, у Сатурнина же никогда. Мудрецъ старался убѣдить бѣсноватаго, доказать ему

что недокія крайности ропають значеніе всего предпріятія, мѣшаютъ успѣху всего дѣла. Несговорчивый Сатурниъ не обращалъ на него никакого вниманія. Дней чрезъ десять они окончательно разсорились и стали уже ораторствовать каждый отдѣльно. Лаванси продолжалъ произносить свои рѣчи въ гостиницѣ *Золотаго Льва*, а Сатурниъ въ одномъ изъ увеселительныхъ кафе; оно было невелико, и приходилось отказывать многимъ желавшимъ послушать новаго оратора. Лаванси уже болѣе не сдерживался относительно Сатурниа. Онъ называлъ его бѣсоватымъ дуракомъ, подтрибуномъ, пьяницей; когда же онъ бывалъ вѣсколько сдержаннѣе, то называлъ его Сатурниномъ которому никогда не придется взять Калитолій. Со своей стороны, Сатурниъ съ величайшимъ презрѣніемъ отзывался о „потогонномъ изъ солодковаго корня, которое размазываетъ этотъ продавецъ лакричной настойки“, и, что было еще важнѣе, всенародно обвинялъ Лаванси въ томъ что онъ предался оппортунизму. Больно бываетъ человѣку много лѣтъ твердившему что оппортунистовъ мало вѣшать если его вдругъ ловятъ на самомъ преступленіи оппортунизма.

Между тѣмъ, влоавѣ оправившись и вернувшись къ своему обычному веселому настроенію, г. Марескель не дремалъ. Въ отвѣтъ открывшему противъ него жаркій огонь *Вейронскому Независимому*, онъ купилъ другую маленькую газетку, называвшуюся *Безпристрастный*; она разомъ служила ему для двухъ цѣлей: въ ней онъ ходатайствовалъ за себя и предъ акціонерами, и предъ рабочими. *Безпристрастный* разказывалъ старинную поучительную сказку о баранахъ пожертвовавшихъ своими собаками для того чтобы жить въ мирѣ съ волками. Онъ объяснялъ имъ что промышленность можетъ процвѣтать лишь при условіи постоянного усовершенствованія какъ способовъ, такъ и ремесленныхъ орудій, что всякій заводчикъ не стремящійся уменьшать своихъ главныхъ расходовъ или предающійся предразсудкамъ рутины становится внѣ возможности борьбы съ иностранною конкуренціей. Неужели въ то время какъ вся Европа совершенствуется находятся люди которые желаютъ изъ Франціи сдѣлать Западный Китай? Въ то же время *Безпристрастный* предостерегалъ рабочихъ противъ ложныхъ слуховъ, клеветы, предательскихъ дѣйствій, которыми стараются провести, обмануть ихъ. Имъ рисуютъ директора

Формейскаго завода человѣкомъ жесткимъ, безсердечнымъ—какая клевета! Цѣлый нумеръ газеты былъ посвященъ подробно описанію Сиротскаго пріюта, „этого образцоваго учрежденія, во главѣ котораго стоитъ молодая женщина отказавшаяся отъ свѣта и всѣхъ его радостей чтобы всецѣло посвятить себя утѣшенію несчастныхъ“. Въ газетѣ не говорилось о томъ какъ г. Марескель постоянно жаловался что пріютъ разоряетъ его; напротивъ, въ ней давалось понять что этотъ добродѣтельный человѣкъ уже давно имѣетъ въ виду и разныя другія человѣколюбивыя учрежденія и что его можетъ-быть даже слишкомъ обширныя въ этомъ отношеніи замыслы ясно указываютъ на его вѣжную заботливость о благѣ страждущей меньшей братіи. Надобно же было случиться чтобы стачка, эта роковая стачка, помѣшала ему привести въ исполненіе всѣ его великодушныя планы.

Чтобы поправить свое положеніе, г. Марескель разчитывалъ на газету менѣе чѣмъ на междуусобицу своихъ враговъ и на роковой законъ требующій чтобы низложивъ тирановъ вожди народныя низложили и пожрали самихъ себя. Ссора между подтрибуномъ Сатурниномъ и продавцемъ лакирной мастойки Лаванси привела его въ положительный восторгъ. Онъ тотчасъ же сообразилъ всѣ выгоды которыя можетъ извлечь изъ этой ссоры, и всею душой желалъ успѣха Сатурнину. Онъ считалъ что въ сущности добрыя три четверти рабочихъ участвующихъ въ стачкѣ способны только къ самозащитѣ, что они находятся подъ вліяніемъ нѣсколькихъ политикановъ для которыхъ трудъ есть самое непріятное средство къ существованію. Изъ этого онъ заключалъ что насилія и неистовства — признаки оконченія стачки, что они неволью привлекаютъ внимательство жандармовъ и солдатъ, что арестъ нѣсколькихъ вожаковъ залугиваетъ всѣхъ остальныхъ и даетъ трусливымъ мужество избавиться отъ тиранин, тягость которой они уже давно испытываютъ. А потому на грубыхъ, неистовыхъ онъ смотрѣлъ какъ на своихъ естественныхъ союзниковъ, поддерживалъ въ нихъ возбужденіе тайными способами, посредствомъ ловкихъ лазутчиковъ которымъ щедро оплачивалъ ихъ труды. Лаванси скоро сообразилъ въ чемъ дѣло и совѣтовалъ своимъ сторонникамъ остерегаться тайныхъ агентовъ которые стараются ихъ отдалить отъ вождя и склонить на оласное рѣшеніе.

— Будемъ на сторожѣ отъ хитрыхъ гаульцовъ и шпионовъ, не разъ говаривалъ онъ имъ.

Г. Марескель обманулся въ своихъ надеждахъ, Лаванси постепенно становилась въ прежнее положеніе, и нечего было этому удивляться.

Въ его распоряженіи были денежныя средства. Съ первыхъ же дней щедрый жертвователь, бывшій никто иной какъ Оливье, передалъ ему изъ рукъ въ руки двадцать пять тысячъ франковъ, а во *Мститель* была кромѣ того открыта подписка. Касса наполнялась медленна, но все же она не была пуста, въ то время какъ на сосѣдней мельницѣ воды было мало и колесо вертѣлось съ трудомъ. Сатурнинъ весьма скоро истратилъ послѣдніе запасные гроши. Ему приходилось существовать на общій счетъ, на счетъ своихъ друзей и сподвижниковъ. Человѣкъ которому даютъ не можетъ долго бороться съ человѣкомъ который самъ даетъ. Такимъ образомъ послѣ мимолетнаго увлеченія все само собою пришло въ прежній порядокъ, искусство взяло верхъ надъ грубою силой; только гаульцы да фанатики наносили еще великому скрипачу оскорбленіе тѣмъ что предпочитали его игръ деревенскую волюнку. Каждый вечеръ Сатурнинъ повторялъ все одну и ту же рѣчь, только съ разными вариациями и прибавленіями. Его краснорѣчіе страдало однообразіемъ которое характеризуетъ всякую крайность; когда человѣкъ говорить во всю силу своихъ легкихъ, ему трудно переходить изъ тона въ тонъ, разнообразить оттѣнки своего голоса. Какъ голосъ, такъ и жестъ у Сатурнина былъ все одинъ и тотъ же. Стоя на вытяжкѣ предъ еловымъ столомъ, онъ судорожно сжималъ руку въ кулакъ, поднималъ ее къ небу и затѣмъ тяжело ронялъ ее на столъ; столъ трещалъ, и лудинговщикъ своимъ сжатымъ кулакомъ какъ молотомъ громилъ г. Марескеля, десять тысячъ буржуа, Форнейскій заводъ, жандармерію, правительство, все общество. Подъ его мощнымъ кулакомъ весь міръ разлетался въ прахъ.

Сатурнинъ отличался только дикостью и жестокостью, Лаванси постоянно разнообразилъ свою кухню и иногда замѣнялъ брань и ругательства разными лобасенками. Топа бываетъ вѣчно юною, она охотно присоединяетъ нѣкоторую долю веселости къ удовлетворенію своихъ самыхъ мрачныхъ страстей, она любитъ позабавиться даже и тогда когда сердится, и Лаванси время отъ времени забавляла своихъ

слушателей остроуми надъ г. Марескелемъ. Прочтя насмѣшливымъ тономъ выдержки изъ *Безпристрастнаго*, онъ хвалилъ издателя за то что тотъ защищаетъ противъ наглыхъ клеветъ форнейскаго директора, который представилъ столько доказательствъ своей неустрашимости и котораго смѣютъ упрекать въ томъ что съ нимъ жить нелегко. Другой разъ онъ называлъ его народнымъ уравнителемъ, ссылаясь на то что для этого великаго демократа воѣ женщины равны, что онъ ставитъ на одну доску полировщицу съ принцессой и для пополаженія своего серала готовъ слускаться даже въ самую глубь шахтъ. „Друзья и братья! воскликнулъ онъ однажды,—кричите трижды ура въ честь этого людоѣда который теперь тоскуетъ въ своей пустынѣ съ тѣхъ поръ какъ вы разомъ отягли у него весь запасъ свѣжаго мяса!“ Насмѣшка эта не отличалась тонкостью, но Лаванси умѣлъ позабавить своихъ слушателей, между тѣмъ какъ его соперникъ угощалъ свою аудиторію только своею желчью и злобой.

Надменный своимъ неожиданнымъ успѣхомъ и довольный самимъ собою, Сатурнианъ день ото дня становился все несноснѣе. Этотъ Мазаньелло, этотъ Лейденскій Іоаннъ уже ни въ чемъ не зналъ границъ. Онъ не переносилъ никакихъ возраженій, не терпѣлъ никакихъ противорѣчій, съ угрюмымъ видомъ принималъ даже любезности со стороны своихъ поклонниковъ, точно какой-нибудь богъ, который милостиво и какъ нѣчто должное принимаетъ воскуряемый ему фиміамъ. Мрачный луддигговщикъ грубо отталкивалъ отъ себя рѣшительно всѣхъ; можно было подумать что онъ влѣзъ въ кожу г. Марескеала. Чѣмъ болѣе онъ приобреталъ себѣ враговъ своимъ чванствомъ и нетерпимостью, тѣмъ болѣе Лаванси старался увеличить свою популярность обходительностью, любезностью и пріятнымъ обращеніемъ со всѣми. Онъ дѣлалъ видъ что принимаетъ совѣты всякихъ дураковъ, разумѣется въ умѣ своемъ рѣшивъ не сѣдовать имъ; выслушивалъ самыя нещлыя предложенія и дѣлалъ видъ что находитъ въ нихъ частіцу здраваго смысла, терпѣлъ несносныхъ, мало относился къ людямъ непріятнымъ, а въ глубинѣ души разумѣется всѣхъ посылалъ ко всѣмъ чертямъ. По его правиламъ, первая добродѣтель демагога заключалась въ томъ чтобъ отдавать себя на сѣденіе червямъ, заставляя ихъ думать что это дѣлаетъ ему честь и доставляетъ удовольствіе.

Кляка пудлинговщика теперь состояла лишь из запуганных имъ простячковъ, да изъ хвастуновъ желавшихъ довести его до какого-нибудь отчаяннаго поступка и надѣявшихся улизнуть если дѣло приметъ плохой оборотъ. Лаванси собралъ вокругъ себя всѣхъ остальныхъ рабочихъ, главнымъ образомъ тѣхъ которые желали прийти къ соглашенію и вовсе не желали имѣть дѣла съ жандармами. Противно желаніямъ г. Марескеля, парижскій трибуна съ своими послѣдователями все болѣе и болѣе изображалъ изъ себя церковь гдѣ проповѣдывается истинная вѣра, а Сатурнинь—сектанта, часовня котораго все болѣе и болѣе пустѣла. Всѣ здравомыслящіе люди были согласны въ томъ что Лаванси служить настоящую обѣдню, и сѣдуетъ сознаться что на этого откормленнаго святителя съ веселымъ сіяющимъ лицомъ, съ кругленькимъ миловиднымъ животикомъ, было гораздо пріятнѣе смотрѣть чѣмъ на желчнаго еретика съ изможденнымъ лицомъ, съ печальнымъ или надитымъ кровью взоромъ, со ввалившимися зеленоватыми щеками. Послушавъ обоихъ проповѣдниковъ, большинство рабочихъ вернулось къ своей первой любви, и еслибы они знали по-итальянски, то имѣли бы полное право сказать: „Ecco il vero Pulcinella“!

XXII.

Оливье Моганъ, помѣстившись въ гостиницѣ *Золотога Льва*, въ комнаткѣ смежной съ номеромъ своего друга Лаванси, съ которымъ онъ и завтракалъ и обѣдалъ ежедневно вмѣстѣ, не смѣлъ ему признаться въ томъ что ему одинаково нравятся и церковь и часовня, и что онъ охотно послушалъ бы обѣ обѣднѣ, находя и ту и другую одинаково истинными. Происшедшая ссора столько же огорчила его сколько обрадовала г. Марескеля. Безо всякаго сомнѣнія, здравый смыслъ Оливье отдавалъ должное предпочтеніе ученой политике Лаванси, но въ то же время невольная симпатія влекла его къ Сатурнину, въ которомъ онъ узнавалъ собственную ненависть и который, казалось ему, олицетворяетъ собою неистовства угнетеннаго народа. Онъ смотрѣлънисходительно на всѣ бѣшенныя выходки подтрибуна, считалъ ихъ вполне простительными и съ сердечнымъ наслажденіемъ готовъ былъ

бы завязаться примиреніемъ обоихъ соперниковъ, но объ этомъ и думать было нечего.

— Не говори мнѣ объ этомъ скотѣ, сказала ему какъ-то Лаванси.—Остерегайся, моя душа, у тебя слабость къ дуракамъ, за этимъ надобно зорко слѣдить.

Немного ранѣе этого Оливье получала денежный пактъ и при немъ слѣдующее письмо:

„Кузень, въ Женевѣ, гдѣ печальныя обстоятельства, которыя вамъ безъ сомнѣнія извѣстны, удержатъ меня еще въ теченіе нѣсколькихъ дней, я получаю извѣстія которыя удивляютъ и огорчаютъ меня и которыми я рѣшила вѣрить только на половину. Приписываемое вамъ поведеніе—поведеніе фанатика или злодѣя, а вы ни то, ни другое. Я всегда сомнѣвалась въ правдивости одной извѣстной особы, но никогда еще до такой степени, какъ въ данномъ случаѣ. Не будете ли вы добры объяснить мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ что произошло? Я вамъ буду за это весьма признательна.

„Теперь въ Форне страдающихъ несчастныхъ женщинъ и дѣтей болѣе чѣмъ когда-либо. Въмѣстѣ съ моимъ письмомъ вы получите три тысячи франковъ которыя я посылаю вамъ съ усердною просьбой отнюдь не отдавать ихъ г. Лаванси, а изъ рукъ въ руки раздать нуждающимся, страдающимъ по винѣ и расчетамъ другихъ. Никто лучше васъ не сумѣетъ войти въ мои планы и сдѣлать изъ этой маленькой денежной суммы употребленіе которое я сдѣлала бы сама. Я была бы весьма счастлива дать и больше, но не желаю дѣлать видъ будто я помогаю стачкѣ; г. Марескель имѣлъ бы право упрекать меня въ этомъ. Иногда бываетъ на этомъ свѣтѣ что думая дѣлать добро дѣлаешь зло.

„Я надѣюсь вернуться въ Форне въ концѣ этой недѣли. Я соскучилась о пріютѣ, да и присутствіе мое въ немъ будетъ не излишнимъ, если положеніе дѣлъ еще болѣе обострится. Сестра Клотильда чудеснѣйшее существо, но она легко поддается чувству страха, письма ея служатъ тому доказательствомъ. Мнѣ очень тяжело что мнѣ приходится выбирать между двумя обязанностями; дайте мнѣ по крайней мѣрѣ вѣсточку о себѣ и тѣмъ избавьте меня отъ мучительнаго любопытства которое, повѣрьте, происходитъ не отъ равнодушія.“

Оливье тотчасъ же отвѣчала.

„Будьте увѣрены, кузина, что ваше порученіе будетъ тщательно и добросовѣстно исполнено; по крайней мѣрѣ я приложу къ этому все свое стараніе, и благодарю васъ за оказанное мнѣ довѣріе. Не знаю что могли вамъ написать, но въ моемъ поведеніи нѣтъ ничего такого въ чемъ бы я могъ упрекать себя. Если подъ фанатизмомъ вы разумѣете ненависть къ несправедливости и дерзости, то, сознаюсь, я фанатикъ и горжусь этимъ. Если на справедливое мщеніе вы смотрите какъ на черное и преступное злодѣйство, то, признаюсь, я злодѣй и нисколько въ этомъ не раскаиваюсь. Но что скажете вы о жевщицѣ которую я любилъ и считалъ любящею меня, и которая вмѣсто того чтобы самой вывести меня изъ этого заблужденія поручаетъ сдѣлать это тѣмъ на кого всего болѣе имѣю право жаловаться? Сестра ваша и зять вашъ исполнили возложенное на нихъ порученіе вполне добросовѣстно и даже съ радостью. Къ глубокому огорченію, которое вы съ полнымъ сознаніемъ причиняли мнѣ, вы пожелали присоединить еще и униженіе; униженіе это было полное. Вы можете вернуться въ Форне, гдѣ отнынѣ вамъ будетъ дышаться свободнѣе. Пріютъ вашъ теперь станетъ еще дороже вашему сердцу, ибо вы не будете болѣе подвергаться опасности встрѣтить въ немъ меня. Что же касается меня, то сознаніе моей рѣдкой глупости меня сильно удручаетъ. Я два раза вдался въ обманъ, но думаю что второй разъ будетъ и послѣднимъ.“

Едва отославъ это письмо, онъ тотчасъ же отправился исполнять возложенное на него гжей Курлисъ порученіе. О слабость сердца человѣческаго! Онъ былъ счастливъ тѣмъ что могъ чѣмъ-либо услужить ей и исполнить какое-либо приказаніе женщины которую, мнилось ему, успѣлъ уже разлюбить и даже имѣть поводъ ненавидѣть. Ему казалось что она солутствуетъ ему, входитъ съ нимъ въ каждый домикъ гдѣ онъ подаетъ помощь; онъ говорилъ:

— Гжа Курлисъ поручила мнѣ передать вамъ двадцать франковъ, вотъ они!

Онъ не могъ дать себѣ отчета въ томъ сладко ли, горько ли ему произносить это имя по сту разъ на день. Эти обходы дали ему случай войти въ сношеніе со многими людьми участвовавшими въ стачкѣ; ему казалось что между ними есть люди злые, которые не отъ чистаго сердца фанатики, есть фанатики которые вовсе не родились быть злыми,

но которые начинали озабляться и множество людей влѣвшихъ въ уныніе, уставшихъ отъ долгаго напряженія, колебавшихся между надеждой и сомнѣніемъ, занятыхъ вопросомъ о томъ правы они или нѣтъ покупая невѣрный услѣхъ слишкомъ очевидными страданіями и лишеніями. Онъ старался укрѣплять въ нихъ пошатнувшееся мужество, воспламенять гаснувшія надежды. Проживъ двѣ недѣли съ людьми которые много говорятъ и жестикулируютъ, онъ и самъ принялъ привычку много говорить и немножко жестикулировать. Но прямодушіе и врожденная честность мѣшали ему выдавать догадки за достовѣрность, говорить внушительно и рѣшительно пророчествовать, тѣшить несчастныхъ обѣщаніями которыя онъ боялся не исполнить. Этотъ добрый, честный малый вовсе не былъ созданъ изъ того матеріала изъ котораго дѣлаются трибуны и вовсе не принадлежалъ къ числу врачей у которыхъ не сходитъ съ языка: „тѣмъ лучше“. Напротивъ, къ пользующимся имъ больнымъ онъ чувствовалъ такую вѣжную и теллую симпатію что часто заражался ихъ недугами. Съ людьми сѣтовавшими на свою судьбу онъ самъ также начиналъ сѣтовать, съ людьми улавшими духомъ онъ самъ начиналъ унывать. Грустный и мрачный возвращался онъ въ гостиницу *Золотаго Льва*, но въ присутствіи Аристеда Лаванси къ нему возвращались вся его вѣра и спокойствіе, а когда онъ встрѣчалъ Сатурнина съ его послѣдователями, то ему казалось что его собственная ненависть и злоба разгуливаютъ и прохаживаются предъ нимъ.

Онъ получилъ второе письмо несравненно длиннѣе перваго, и это его крайне удивило, такъ какъ онъ зналъ что обыкновенно гжа Курлизъ всегда пишетъ послѣшно и кратко. Вотъ что она писала ему изъ Форне, куда пріѣхала только наканунѣ.

„Кузень, вы не злодѣй и не фанатикъ, вы только человекъ сбившійся съ истиннаго пути, и съ вами есть возможность разсуждать. Я говорила съ сестрой и принудила ее во всемъ сознаться. Она со смѣхомъ призналась мнѣ во всемъ; она какъ милую шутку разказала мнѣ о недостойномъ злоупотребленіи сдѣланномъ ею въ мое отсутствіе изъ трехъ наскоро написанныхъ строкъ начальницей пріюта, которая прибѣгла къ посредничеству этой прелестной особы чтобы добиться у себя лочинки кухонныхъ печей. Она невмѣняема; если она проживетъ хоть сто лѣтъ еще, то умереть не утрекувъ себя рѣшительно ни въ чемъ. Но вы, неужели вы безупречны?“

Вы уступили влеченію горя и мщенія, совершили дурной поступокъ или по крайней мѣрѣ были ему причастны. Это доказываетъ что совѣсть у васъ менѣе щелетильна чѣмъ я думаю; это доказываетъ также и то что вы очень меня любите, и все это не мало заботитъ меня.

„Но можно ли извинить вамъ то что вы такъ легко позволили одурачить себя скучающей женщиной которая готова за все ухватиться для своего увеселенія и разсѣянія? Итакъ, вы чистосердечно повѣрили тому что я васъ обманула? Я въ жизни никогда никого не обманывала, я вполнѣ лишена этого дарованія. Ахъ, мой бѣдный Оливье, до чего вы недоувѣрчивы и въ то же время какъ вы легко всему вѣрите! Въ Валь-Флѣри у насъ было два лебедя, и самка никогда не высиживала дѣтенышей, потому что разъ для забавы когда она сидѣла на яйцахъ ей подложили воронье яйцо; когда изъ него вылупился черный дѣтенышъ, ей всѣ ея яйца стали казаться подозрительными. Вы похожи на этого лебедя, кузень. Нѣкогда изъ лебединаго яйца которое вы нѣжно берегли и лелѣяли вылупился вороненокъ, развѣ это причина всюду видѣть только черныхъ птицъ и предателей?

„Бѣдный милый мой мальчикъ, буду съ вами какъ съ больнымъ ребенкомъ, ласково и нѣжно выскажу вамъ нѣсколько правдивыхъ вещей. Я сижу совершенно одна въ моей маленькой, знакомой вамъ комнаткѣ. Вѣтеръ воетъ и говоритъ мнѣ сказки, но вовсе не веселыя. Уже поздно, сестра Клотильда легла спать, никто насъ не потревожитъ. Садитесь и выслушайте меня. Знаете ли чего въ васъ не достаетъ? Вы добры, у васъ даже слишкомъ много сердца, но у васъ нѣтъ ни способности распознавать вещи, ни способности обсуждать ихъ; а люди съ самымъ лучшимъ сердцемъ, но не умѣющіе разумно рассуждать, способны къ ужаснѣйшимъ нечеловѣчествамъ. Въ противоположность лебедю о которомъ я говорила, они съ одинаковою нѣжностью высиживаютъ всѣ яйца подкладываемыя имъ, и такимъ образомъ изъ яицъ являются то лебеди, то вороны. Повторяю вамъ, Оливье, смотря потому къ чему васъ влечетъ сердце и воображеніе, вы то слишкомъ недоувѣрчивы, то слишкомъ легко вѣрите. Вы относитесь недоувѣрчиво къ вашей кузинѣ Беатрисѣ и вѣрите въ мудрость, искренность, безкорыстіе и добродѣтель г. Аристиды Лаванси. Знаете ли что я ненавижу этого Лаванси. Помните какъ въ дѣтствѣ однажды

я ему всунула въ руку лягушку и была причиною того что онъ кувыркою полетѣлъ въ канаву? Я съ удовольствіемъ снова повторила бы то же самое... Посмотрите-ка ему пристальнѣе въ глаза и потомъ придите сказать мнѣ, что вы въ нихъ прочтете.

„Тутъ ли вы еще? Слушаете ли вы меня?.. Я продолжаю. Кто сдѣлалъ бѣду тотъ долженъ стараться исправить ее. Вы находите меня слишкомъ веселою; клянусь вамъ что въ эту минуту я нисколько не весела. Стачка эта мнѣ отвратительна. Пріютъ нашъ осаждаютъ жены забастовщиковъ, которыя тайно приходятъ ко мнѣ за помощію и въ то же время разказываютъ мнѣ о своихъ бѣдствіяхъ. Мужъ показываетъ кулаки, а жена протягиваетъ руку за подаваніемъ. Никому не говоря объ этомъ, я кладу въ эту руку все что могу и въ то же время упрекаю себя и за то что даю слишкомъ много, и за то что даю недостаточно. Не стачками, а разными полезными учрежденіями можно улучшить положеніе рабочихъ. Для этого необходимо согласіе рабочаго на то чтобы о немъ заботились, необходимо чтобы хозяинъ его былъ человѣкъ хорошій. Можете ли вы сказать мнѣ, кто сей счастливецъ и то заключеніемъ вашего Лаванси, счастье котораго меня нисколько не интересуетъ, который создалъ стачку? Долго дліящаяся страданія иногда доводятъ до преступленій. Вы знаете, люблю ли я народъ; настоящій народъ, тотъ народъ который трудится и добродѣтели котораго гораздо труднѣе и возвышеннѣе нашихъ, я его глубоко уважаю. Несчастье его заключается въ томъ что онъ допустилъ Лаванси обольстить себя красивыми рѣчами и позволяетъ доводить себя до неистовства когда событія разочаровываютъ его въ надеждахъ. Тотъ кто разнуздываетъ народныя страсти самъ не понимаетъ что дѣлаетъ и въ будущемъ готовитъ себѣ раскаяныя и угрызенья. Въ Валь-Флѣри сторожемъ у насъ была большая собака съ которою родители запрещали намъ играть и она всегда была на привязи. Разъ утромъ я отвязала ее и вздумала заставить ее бѣгать со мною; она выказала мнѣ свою благодарность тѣмъ что укусила меня въ лѣвую руку; у меня и до сихъ поръ остался послѣ этого укуса знакъ. Къ счастью, она была не бѣшеная. Вполнѣ ли вы убѣждены что Сатурнинъ Сервуа также не бѣшенный?

„Оливье, мнѣ говорятъ что вашъ опасный другъ выѣзжаетъ на вашихъ плечахъ, что онъ эксплуатируетъ то уваженіе

которымъ вы пользуетесь. Видя васъ постоянно вмѣстѣ, естественно что часть уваженія къ вамъ переносятъ и на него, а сами вы какъ будто одобряете и поддерживаете его во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ. Первою заботой интригана всегда бываетъ прикрыться дружбой честнаго человѣка который становится отвѣтчикомъ и порукой за него. Вы противъ воли помогаете дѣлать зло; умоляю васъ, удалитесь отсюда, найдите предлогъ чтобы выбраться изъ этого осинаго улья. Я знаю женщину которая будетъ считать себя обязанною вознаграждать васъ за это.

„Вы говорите что любите меня, Оливье; вотъ мое послѣднее слово: выбирайте между мною и Лаванси.“

Если есть искусство писать письма, то есть также и болѣе распространенное, чѣмъ это полагаютъ, искусство читать ихъ. Одни строго держатся того что написано и ничего не угадываютъ; другіе же хвастаются тѣмъ что умѣютъ читать между строкъ, предаются тщетнымъ догадкамъ и умозаключеніямъ, во всемъ ищутъ тайнаго смысла и ошибаются также грубо какъ и первые. Письмо гжи Курлиэ произвело такое сильное впечатлѣніе на Оливье, привело его въ такой восторгъ, что онъ вдругъ забылъ свое мщеніе, стачку, рабочихъ, человѣчество, угнетенныхъ и ихъ трибуновъ, Лаванси, Сатурнина, словомъ, все на свѣтѣ. Онъ сознавалъ себя любимымъ; эта блаженная увѣренность переполняла его сердце радостью и счастіемъ; онъ готовъ былъ тотчасъ же сломя голову бѣжать въ пріютъ и хотъ силой ворваться въ него. Счастіе свое пріятно выказывать той которая его доставляетъ.

Въ этотъ вечеръ онъ измѣнилъ самому священному своему долгу; онъ разрѣшилъ себѣ не являться въ собраніе гдѣ Лаванси долженъ былъ говорить. Сославшись на головную боль, онъ залерся у себя въ комнату чтобы тотчасъ же отвѣтить на восхитительное письмо, которое пролило цѣлебный бальзамъ въ его душу, разомъ излѣчило его ото всѣхъ его мучительныхъ сомнѣній, смѣшныхъ подозрѣній и огорченій. Но прежде чѣмъ отвѣчать на письмо, онъ снова нѣсколько разъ подъ рядъ перечелъ его останавливаясь на каждой запятой, вникая въ каждое слово, и вдругъ ему показалось что онъ очнулся отъ сна; восхитившее его письмо вдругъ показалось ему холоднымъ, а еще немного спустя стало казаться жестокимъ.

„Оно написано, подумалъ онъ, только для того чтобъ оторвать меня отъ Лаванси; это одно коварство, женская хитрость“. Вдругъ у него въ головѣ мелькнула мрачная догадка. „Возможно что за этимъ письмомъ скрывается другое лицо, которое не кто иной, какъ г. Марескель? Да, это письмо продиктовано имъ“. Чѣмъ болѣе онъ развивалъ эту догадку, тѣмъ правдоподобнѣе она казалась ему; тщательно высматривая лебединное яйцо, онъ высидѣлъ ворона. Послѣ этого онъ легъ спать, но не смыкалъ глазъ и на слѣдующій день рано утромъ схватилъ перо и написалъ:

„Весьма тронуть, кузина, вашу обязательною заботливостью о больномъ ребенкѣ. Боюсь что вы понапрасну расточаете свои старанія. Стоитъ ли хлопотать о бѣдномъ наломѣ, у котораго нѣтъ ни разсудка ни характера, который въ сущности не фанатикъ и не злодѣй, но можетъ сдѣлаться и тѣмъ и другимъ благодаря дурному обществу въ которомъ вращается? Ко мнѣ вы только строги, но я нахожу что къ другу моему вы нѣсколько жестоки. Бѣда въ томъ что я привязываюсь еще сильнѣе къ любимымъ людямъ когда ихъ унижаютъ. Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ мнѣ благодарить васъ за ваше письмо и за прекрасныя намѣренія внушившія вамъ его; оно было бы мнѣ еще пріятнѣе еслибъ я могъ быть увѣренъ въ томъ что вамъ никто не помогалъ писать его.“

Онъ залечаталъ было свое письмо. Но вдругъ раздумалъ, судорожно разорвалъ конвертъ и трепетною рукой прибавилъ слѣдующія строки:

„Беатриса, мнѣ необходимо васъ видѣть? Гдѣ? Когда? Вы должны рѣшить это“.

Отвѣта онъ не получилъ.

XXIII.

Стачка та же война, и побѣда остается за болѣе терпѣливою стороною, тою которая умѣетъ и можетъ выжидать. Обѣ враждующія стороны и въ Форне, и въ Туленѣ начинаютъ терять терпѣніе. Для г. Марескеля важно было ускорить ходъ дѣла, и онъ имѣлъ основаніе опасаться что борьба затянется долѣе неосторожно назначеннаго имъ срока. Что же касается забастовавшихъ рабочихъ, то положеніе ихъ

было весьма плохо: нужды велики, средства къ существованію малы, недостаточны; боевые и съѣстные запасы быстро истощались. Число жаловавшихся и падавшихъ духомъ съ каждымъ днемъ возрастало, и съ каждымъ днемъ они все менѣе и менѣе были сдержанны въ своихъ жалобахъ и сѣдали вокругъ себя неудовольствіе и тревогу. Еслибы власть и вліяніе ластуховъ не сдерживали этого стада, оно бы разсѣялось, бросилось бы въ разсылную. Подписка открытая въ *Народномъ Мстителѣ* съ большимъ шумомъ и трескомъ дала очень плохіе результаты. Враждебныя газеты, не осмѣливаясь открыто лоричать эту подписку, противодѣйствовали и вредили ей сколько могли то презрительнымъ молчаніемъ, то предательскими замѣтками. Пожертвованія являлись очень рѣдко, и Лаванси былъ неистощимъ въ упрекахъ, обличая происки и подвохи своихъ милыхъ друзей, завистливыхъ журналистовъ, которые тормозили его зарождающійся успѣхъ. „Они мнѣ полаатятся за это, говорилъ онъ Оливье, я воздамъ имъ око за око“.

Въ то же время онъ осторожно внушалъ самому инженеру, который послѣ первыхъ двадцати пяти тысячъ въ разное время передалъ ему еще тысячъ десять франковъ, что возвышенной душѣ доставляетъ удовольствіе приносить свои выгоды въ жертву своимъ убѣжденіямъ, и что отдавъ стачкѣ весь свой остальной капиталъ, онъ этимъ только исполнитъ свой долгъ. Но каковы ни были его собственные разочарованія, Лаванси продолжалъ выказывать полную увѣренность въ благополучномъ исходѣ дѣла. Огорченія свои онъ таилъ про себя, а въ сборища народныя всегда являлся съ сіяющимъ челомъ, какъ бы уже украшенный побѣднымъ вѣнкомъ. Ему ничего не стоило сылать рискованныя успокоительныя увѣренія, несбыточныя обѣщанія, тщетныя надежды. Когда онъ прибѣгалъ къ своему знаменитому жесту святаго бросавшаго сѣмена на нивы, то изъ его правой руки сыпался цѣлый дождь надеждъ предвѣщавшихъ землѣ наибольшую, наиблагодѣйшую жатву всякихъ благополучій; ротозѣи даже съ тревогой спрашивали себя хватить ли имъ мѣста въ амбарахъ чтобъ умѣстить все что они соберутъ. Лаванси обладалъ даромъ заставлятъ другихъ вѣрить себѣ, ибо въ ту минуту какъ говорилъ онъ самъ вполнину вѣрилъ своимъ словамъ. Одного ораторскаго искусства недостаточно, необходимо прибавлять еще вѣру и искренность. Порой однако

онъ утомлялся, бывали и у него свои заботы. Однажды вечеромъ когда не было собранія и говорильная мельница стояла, трибунъ не приказалъ никого принимать, закурилъ сигару и улегся на свой ободраный диванъ, казавшійся ему сегодня очень жесткимъ. Положивъ правую щеку на подушку, онъ разсѣянно бродилъ по комнатамъ большими глазами отдыхающаго льва, который сохраняетъ извѣстное величїе даже въ самыхъ непринужденныхъ позахъ. Скромно сѣда противъ него на плетеномъ стульчикѣ, Оливье предавался мечтамъ и думалъ. Онъ думалъ объ одномъ съ утра до ночи ожидаемомъ, но все еще не полученномъ отвѣтѣ; онъ сожалѣлъ о своемъ письмѣ, перечеркивалъ и передѣлывалъ его мысленно.

— О чемъ ты думаешь, мой мрачный красавецъ? спросилъ его Лаванси, пуская изо рта дымъ геометрически правильными колечками.

Оливье вздрогнулъ:

— Я думаю о томъ, отвѣтилъ онъ,—что дѣла наши подвижному туго подвигаются.

— Ну, хороши же вы все! У васъ просятъ мѣсяцъ терпѣнія, а не прошао еще и трехъ недѣль, какъ у васъ не хватаетъ уже ни силъ, ни нервовъ. Я читалъ, мой сынъ, въ старинной нѣмецкой сказкѣ, какъ однажды трое дураковъ путешествовали въ странѣ съ молочными рѣками и кисельными берегами. Жареные гуси летали у нихъ подъ носомъ, но они говорили: „Боже мой! какъ все дурно устроено! Гусямъ надо бы быть поменьше чтобы влетать намъ прямо въ ротъ“.

— Я не совсѣмъ понимаю нравоученіе твоей сказки, замѣтилъ Оливье.

— А между тѣмъ оно вполнѣ ясно; нравоученіе моей сказки заключается въ томъ что ротъ у тебя слишкомъ малъ чтобы глотать гусей. Сынъ мой, это люди не умѣютъ пользоваться случаями, упускаютъ ихъ, а случаи всегда подвертываются.

— Я готовъ былъ бы ждать, спокойно отвѣчала Оливье,—еслибы не думалъ о разныхъ бѣдѣякахъ которымъ можетъ быть сегодня нечего вѣсть, такъ какъ я слышалъ что запасы картофеля и сала приходятъ къ концу.

Трибунъ немножко поднялся на своемъ диванѣ.

— Клянусь Юпитеромъ, Магогомъ и Буддой! воскликнулъ онъ.—Что стало бы съ общественными интересами

еслибъ обращать вниманіе на всѣ частныя страданія? Твое разсужденіе просто жалко. Скажи мнѣ на милость, какой генераль рѣшился бы командовать „на конь“, еслибы заранѣе вздумалъ горевать о всѣхъ рукахъ и ногахъ которыя будутъ оторваны пушечными ядрами? Война такъ война, и воевать нельзя безъ ранъ и увѣчій. Чортъ возьми, пусть тѣмъ о комъ ты говоришь и подводитъ животы! Развѣ Аристидъ Лаванси не подаетъ имъ примѣра всевозможныхъ воздержаній и жертвъ? Ужь не воображаешь ли ты что мнѣ здѣсь очень весело, что я не тоскую по бульварамъ? Ужь не хватить ли у тебя дерзости утверждать что я торгуюсь съ народомъ за свои хлопоты, заботы и попеченія о немъ? Мнѣ кажется что въ Туленѣ я исполняю чисто адскія обязанности, рискуя потерять здѣсь и ту небольшую частичку жира которая у меня еще осталась; да, дитя мое, я положительно худѣю. Осмѣлишься ли ты утверждать что я не худѣю?

— О, я вполне признаю что ты не жалѣешь себя, замѣтилъ Оливье,—но тебѣ не приходится голодать.

— Ты очень ошибаешься. Въ гостиницѣ *Золотаго Льва* такъ скверно страдаютъ что я еще ни разу не поѣлъ здѣсь какъ слѣдуетъ. Я постоянно голоденъ, мой прекрасный другъ. Это даже и по глазамъ моимъ должно быть видно.

Онъ широко раскрылъ ихъ, и Оливье вспомнилъ что гжа Курлисъ совѣтовала ему попристальнѣе посмотрѣть Аристиду въ глаза и потомъ сообщить ей что онъ въ нихъ увидитъ. Онъ отвѣчалъ своей кузинѣ что привязывается еще сильнѣе къ своимъ друзьямъ когда ихъ унижаютъ. Онъ могъ бы также отвѣтить ей что иллюзіи намъ бываютъ всего дороже именно въ то время когда мы подвергаемся опасности разстаться съ ними, потерять ихъ. Мы не знаемъ мѣры въ заботахъ и уходѣ за этими дорогими больными; мы слѣдимъ за ихъ дыханіемъ и готовы на всякія жертвы для продленія дней ихъ жизни. Часть нашей крови смѣшана съ ихъ кровью, часть нашей жизни соединена съ ихъ жизнью. Оливье послѣдилъ переѣмъ разговоръ.

— Итакъ, ты все еще вѣришь въ благополучный исходъ?

— Вѣрю ли! Еще бы! вѣрю болѣе чѣмъ когда-либо! Дѣло приняло чудеснѣйшій оборотъ, мы держимъ волка за уши... Боже! разумѣется и у насъ есть свои заботы, свои печали. Ужь не думаешь ли ты что г. Марескель покоится на ложѣ

изъ розъ? У меня, какъ и у него, есть своя позиция: я до тонкости знаю все что происходитъ въ Форме, какъ будто я самъ тамъ нахожусь, и увѣряю тебя что бѣдлага теперь окончательно замотался, не знаетъ что дѣлать, на что рѣшиться, и не удерживай его чувство гордости, онъ давай бы началъ съ нами переговоры.... Будемъ тверды, единодушны и терпѣливы, будемъ весело переносить наши страданія кулами побѣду цѣной всевозможныхъ жертвъ.

И искоса взглянувъ на Оливье, онъ прибавилъ:

— Да сгинуть скряжничество и скряги! Надобно чтобы всѣ давали до послѣдней возможности, чтобы никто не скулился; кто еще не далъ, давай! кто далъ мало, давай еще! кто далъ много, давай еще больше! Раскошеляйтесь, господа! Великія убѣжденія не скряжничаютъ, не скарелничаютъ, не трясутся надъ каждою копѣйкой. Зачѣмъ у меня нѣтъ ста, двухсотъ, трехсотъ тысячъ франковъ! Завтра всѣ бы они были въ кассѣ.

Больше онъ ничего не сказалъ, но устремилъ на Оливье взглядъ стойвшій цѣлой длинной рѣчи. Къ счастью для послѣдняго, хозяинъ *Золотого Льва* вывелъ его изъ затруднительнаго положенія, крикнувъ въ залертую дверь что вѣзетъ какой-то господинъ просить г. Лаванси принять его.

— Къ чорту! отвѣчалъ Лаванси.—Я никого не принимаю.

Хозяинъ ушелъ, но минуту спустя снова вернулся и доложилъ что незнакомецъ настаиваетъ на свиданіи и вслѣдъ затѣмъ просунулъ въ щель карточку со слѣдующею надписью „Г. Меріанъ, начальникъ каменноугольныхъ колеи въ Форме.“ Трибунъ презрительно поднялъ съ полу карточку, но едва взглянувъ на нее, радостно подпрыгнулъ и затѣмъ передалъ ее Оливье.

— Я тебѣ говорилъ что непріятель ищетъ, жаждетъ переговоровъ!

Онъ обмахнулъ свою матросскую куртку, поправилъ развязавшійся галстукъ, бросилъ сигару въ каминъ, отодвинулъ задвижку и, отворивъ дверь, проговорилъ:

— Просите.

Затѣмъ снова вернулся на средину комнаты, съ гордою осанкой сложилъ руки на груди, подвѣлъ голову, нахмурилъ брови и сталъ ожидать.

Г. Меріанъ вошелъ со скромнымъ видомъ просителя, босящагося что его дурно примутъ. Въ его наружности было

столько приближенности что Лаванси счелъ своимъ долгомъ ободрить его милостиво-покровительственнымъ движеніемъ руки, но въ то же время онъ говорилъ себѣ: „Сень-Деву и Мюжю! какъ они посбавили слѣси-то!“

Слегка поклонившись Оливье, съ которымъ былъ знакомъ, начальникъ колеи сдѣлаалъ полуоборотъ направо и склонился чуть не до земли.

— Я имѣю честь говорить съ г. Аристидомъ Лаванси?

— Да, съ нимъ, отвѣчалъ трибунъ, предлагая ему стулъ.— Будьте желаннымъ гостемъ, г. Меріанъ, продолжалъ онъ.— Мы знакомы съ международнымъ правомъ и прибывшій къ намъ посолъ не пожалуется на то что съ нимъ дурно обошлись. Садитесь, я васъ слушаю.

Г. Меріанъ лустился въ данное предисловіе, началъ множество фразъ, но не сумѣлъ ихъ докончить. Потомъ, поемногу оправась отъ смущенія, онъ наконецъ объяснилъ что хотя и вполнѣ убѣжденный въ своей правотѣ, г. Марескель тѣмъ не менѣе сильно огорченъ страданіями народа вслѣдствіе продолжительности забастовки, что онъ былъ бы весьма не прочь прійти къ обоюдному соглашенію и тѣмъ положить конецъ стачкѣ, что мировая сдѣлка есть основаніе всѣхъ житейскихъ дѣлъ, что Форнейскій директоръ предпочитаетъ худой миръ доброй ссорѣ.

— Что за лутаница, проговорилъ Лаванси,—что же вы предлагаете намъ?

— Намъ извѣстны ваши требованія, отвѣтилъ г. Меріанъ,—но вы, разумѣется, понимаете что мы не можемъ ихъ вполнѣ удовлетворить. Мы льстимъ себя надеждой...

— Передайте г. Марескелю, загремѣвъ Лаванси,—что мы не пойдѣмъ ни на какія уступки. А, господа! вы валите грѣхъ на грѣхъ; вамъ не довольно притѣснять и эксплуатировать рабочихъ, вы соблазняете еще невинныхъ дѣвушекъ; вы понесете за это достойную кару. Откулорили вино, такъ и лейте!

Г. Меріанъ повѣсилъ голову; затѣмъ, приободрившись немножко, онъ отвѣтилъ что подсудимые имѣютъ право слова, что г. Марескель очень желаетъ поговорить нѣсколько минутъ съ предсѣдателемъ стачки.

— Какъ времена-то переувичивы въ семь міръ! усмѣхнулся Лаванси.—Нѣсколько недѣль тому назадъ я тщетно искалъ чести поговорить съ форнейскимъ директоромъ, онъ отвѣтилъ

мнѣ что если я войду къ нему въ дверь, то вылечу въ окно. А сегодня онъ просить свиданія у меня. Ну что же? Мы умѣемъ жить. Передайте ему что если онъ придетъ ко мнѣ, то выйдетъ въ дверь, а не въ окно.

— Отъ его имени благодарю васъ за вашу обязательность, отвѣтилъ г. Меріанъ; — но ни въ какомъ случаѣ не посоветую являться сюда. Увѣрены ли вы въ томъ что на улицахъ Тулена никто его не оскорбитъ, никто не станетъ угрожать ему? Мы знаемъ что забастовщики состоящіе подъ вашимъ вѣдѣніемъ слушаютъ васъ и не позволяютъ себѣ никакихъ насилій; но другіе вожди, оспаривающіе у васъ честь предводительства, менѣе васъ мягки, не владѣютъ собою и помышляютъ лишь о мести.

— Вы говорите объ этомъ скотѣ Сатурнинѣ Сервуа? опрочетчиво началъ было Лавансц, но тотчасъ же поправился. — Называя его скотомъ, я дѣлаю это такъ, изъ дружескаго расположенія, въ видѣ ласки. Этотъ бѣдный малый изъ породы гороевъ, а у гороевъ часто умъ бываетъ коротокъ. Дѣло въ томъ что поладись ему въ лапы г. Марескель, я ни за что не отвѣчаю... Вы и не подозреваете, господа, какія я вамъ оказываю услуги, какихъ невѣроятныхъ усилій стоить мнѣ сдерживать бѣсноватыхъ, которые составляютъ подонки моей партіи. Выпусти я на васъ это стадо, вамъ далеко бы не поздоровилось.

— Повѣрьте что г. Марескель вполнѣ сознаетъ чѣмъ онъ вамъ обязанъ, и отдастъ полную справедливость вашей умѣренности...

— Умѣренности относительной, смѣясь прервалъ его Лавансц.

— Разумѣется; но въ этомъ мірѣ нельзя не цѣнить относительнаго. Еще одинъ вопросъ, милостивый государь, не можете ли вы повидаться съ г. Марескедемъ гдѣ-нибудь, только не здѣсь?

— Къ чему? возразилъ Аристидъ Лавансц. — Что онъ выиграетъ отъ свиданія со мной?... Ахъ, г. Меріанъ, еслибъ я рѣшился хотя бы въ одномъ пунктѣ пойти на мировую, то здѣсь не хватило бы каменьевъ чтобы любить меня. Пусть онъ локорится своей судьбѣ! Покорность судьбѣ и философія облегчаютъ горе. Затѣмъ, если у него есть какія-нибудь основательныя предложенія, пусть онъ поручитъ вамъ передать ихъ мнѣ завтра, въ три часа, въ засѣданіи нашего комитета. Вотъ все что я могу сдѣлать ему пріятнаго.

Съ этими словами онъ поднялся и жестомъ далъ начальнику коней понять что аудіенція кончена и что его просать удалиться.

— Они въ нашихъ рукахъ, обратился Лаванси къ Оливье, какъ только г. Меріанъ вышелъ изъ комнаты.— Да, они въ нашихъ рукахъ, старый товарищъ. Сначала твой Марескель долженъ будетъ покориться намъ, а затѣмъ, къ великому своему огорченію, ему придется еще подать и въ отставку.

Г. Меріанъ явился въ назначенный часъ. Его впустили въ залу гдѣ собирався комитетъ, и онъ имѣлъ честь присутствовать при совѣщаніи. Состоявшіе здѣсь членами рабочіе въ должной мѣрѣ соединяли въ себѣ соблюденіе собственного достоинства съ уваженіемъ къ своему вождю и были горделиво скромны. Лаванси, свято хранившій всѣ парламентскія формы, не рѣшалъ ничего не обсудивъ дѣла со своимъ совѣтомъ, увѣрялъ своихъ сторонниковъ что они управляются сами собой, въ дѣйствительности же дѣлаалъ все какъ самъ хотѣлъ. Г. Меріанъ началъ объявленіемъ что во всякомъ случаѣ г. Марескель рѣшилъ подать въ отставку; что такъ какъ этотъ раздражающій личный вопросъ, бывший главнымъ препятствіемъ къ соглашенію, уже рѣшенъ, то остается только перейти ко всѣмъ остальнымъ вопросамъ; что прежде чѣмъ сдать должность, форнейскій директоръ считаетъ своимъ долгомъ добиться для Товарищества справедливыхъ условій; что дѣло это касается его чести и что онъ разчитываетъ на чувство справедливости рабочихъ, на ихъ собственное искреннее желаніе прійти къ разумному соглашенію. Начались пренія и скоро перешли въ горячій споръ. Начальникъ коней говорилъ мягко, но настойчиво, онъ былъ ловокъ, хитеръ и умѣлъ спорить. Соглашаясь въ принципахъ на все, въ частностяхъ онъ бралъ назадъ всѣ свои уступки. Наконецъ Лаванси вышелъ изъ терлѣвня, сказалъ что они толкутъ воду и предложилъ закрыть засѣданіе.

Г. Меріанъ отвелъ его въ сторону и сказалъ ему:

— Извините меня, милостивый государь, но я связанъ давными мнѣ предписаніями.

— Я вовсе и не думаю на васъ сердиться. Вы прекрасный адвокатъ, г. Меріанъ, но адвокатскія рѣчи заставляютъ терять дорогое время, а мы очень имъ дорожимъ. Послушайтесь меня, уходите и не возвращайтесь болѣе. Еслибы мы

прослорилъ съ вами цѣлые два мѣсяца, то какъ и сегодня вы на шагъ бы не подвинулись впередъ.

— Совершенно вѣрно, отвѣчалъ тотъ,—что въ получасовомъ разговорѣ наединѣ съ г. Марескелемъ вы успѣли бы сдѣлать несравненно больше. Онъ снова высказывалъ мнѣ желаніе поговорить съ вами здѣсь или въ Форне.

— Ужъ никакъ не здѣсь, съ живостью проговорилъ Лаванси,—и вы знаете почему. Вчера я самъ имѣлъ честь слышать отъ васъ что г. Марескель не можетъ свободно показаться въ Туленѣ. Для него здѣсь слишкомъ жарко, онъ обожжетъ здѣсь себя лалки, а мы можемъ за это отвѣтить. У меня разные съ вами причины заботиться о его безопасности, наша сила въ нашемъ правѣ и въ безупречности нашего поведенія; я вовсе не желаю чтобы насъ заставили выйти изъ границъ законности, вызвавъ насъ на какую-нибудь крайность... Боже праведный! еслибъ это зависѣло только отъ меня, я пожалуй утѣшилъ бы его бѣднѣгу своимъ посвѣщеніемъ. Людямъ приговореннымъ къ смертной казни не отказываютъ въ маленькихъ утѣшеніяхъ.

Затѣмъ, возвышая голосъ:

— Друзья мои, сказалъ онъ,—не смѣя самъ выѣхать изъ Форне, г. Марескель весьма желаетъ чтобъ я навѣстилъ его и поговорилъ съ нимъ нѣсколько минутъ. Уполномочиваете ли вы меня принять его любезное приглашеніе, или же находите что-либо въ этомъ недовкое?

По этому поводу поднялись новыя, еще боаѣ шумныя и бурныя пренія. Всѣ говорили разомъ; кто кричалъ *да*, кто *нѣтъ*. Предсѣдатель сильно зазвонилъ въ колокольчикъ, и какъ только тишина была восстановлена, г. Меріанъ воспользовался этимъ для того чтобъ увѣрить все собраніе что приглашеніе г. Марескеля не заключаетъ въ себѣ никакой заадавы.

— Милостивые государи, сказалъ онъ,—не оскорбляйте насъ подозрѣніемъ что г. Лаванси можетъ подвергаться какой-либо оласности въ Форне. Впрочемъ, если вы желаете зааога, я къ вашимъ услугамъ.

— Эти господа можетъ быть отвѣтять вамъ, со снисходительною улыбкой замѣтилъ ему Лаванси,—что наши головы не совсѣмъ одной и той же стоимости, что ставка не вполнѣ ровная. Но такъ какъ вы сомнѣваетесь въ моемъ мужествѣ, то я желаю вамъ доказать что меня не такъ-то легко услугать. Будьте такъ любезны, передайте гну Марескелю что

завтра между четырьмя и пятью часами я буду у него въ берлогѣ.

— Друзья мои, продолжалъ онъ какъ только Меріанъ удался,—вы знаете что я никогда ничего не предпринимаю безъ вашего разрѣшенія. Я поступаю какъ вы пожелаете, но признаюсь что я вовсе не прочь поразвѣдать самое нутро г. Марескеля.

Эта метафора произвела такое сильное впечатлѣніе на все собраніе что всѣ противившіеся посѣщенію Лаванси одинъ за другимъ взяли свои слова обратно, кромѣ Оливье, который сказалъ своему другу какъ только они остались наединѣ:

— Напрасно, Аристидъ, увѣряю тебя, напрасно хочешь ты идти къ нему.

— Ты боишься за мою жизнь, великодушный ювоша?

— Нѣтъ, но я подозреваю что г. Марескель готовится тебѣ какую-нибудь ловушку, что онъ попытается чѣмъ-нибудь подкулить тебя.

При этихъ словахъ лицо у трибуна такъ и вспыхнуло. Была ли то краска удивленія, смятенія или негодованія? Удивлялся ли онъ тому что въ умѣ Оливье сложилось такое странное соображеніе, что ему пришла въ голову такая чудная мысль какая никогда бы не пришла въ голову самому трибуну, или же, наоборотъ, не испытывалъ ли онъ того волненія какое охватываетъ насъ когда другой высказываетъ громко то что мы говорили про себя? Человѣкъ всегда волнуется когда его разгадаютъ. Какъ бы то ни было, онъ покраснѣлъ до корней волосъ и затѣмъ сказалъ Оливье:

— Въ такомъ случаѣ, старина, ты дрожишь не за жизнь мою, а за мою честь?

— Боже сохрани! Но это посѣщеніе покажется подозрительнымъ для многихъ, и твои враги воспользуются имъ чтобъ очернить тебя.

— Ты вѣчно тревожишься, совѣстисься и боишься, рѣзко замѣтилъ Лаванси и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ:

— Я сказалъ что лѣду и лѣду.

Онъ сказалъ что лѣдетъ и лѣхалъ. На другой день, ровно въ четыре часа, Лаванси былъ въ Форне. Онъ велѣлъ кучеру остановиться у рѣшетки завода, вышелъ изъ коляски, справился у сторожа какъ ему пройти и затѣмъ легкимъ побѣдоноснымъ шагомъ двинулся впередъ, высоко подвѣвъ

голову, со шляпой на затылкѣ, съ тросточкой въ рукахъ, пережевывая стебелекъ какого-то цвѣтка, въ застегнутомъ сверху до низу сюртукѣ и свѣтлыхъ лайковыхъ перчаткахъ.

Вскорѣ, къ своей радости, онъ увидалъ предъ собой длинный рядъ зданій, жилыхъ строеній и мастерскихъ гдѣ еще такъ недавно кипѣла дѣятельная лихорадочная жизнь и гдѣ внезапно воцарилась мертвая тишина, изрѣдка прерываемая какими-то заунывными обрывистыми звуками. Обширный вымощенный камнемъ дворъ производилъ впечатлѣнїе покинутого улья.

Все это было дѣломъ Лаванси; онъ сказалъ тысячамъ людей: „бросьте работу!“—и его совѣтъ былъ исполненъ какъ приказаніе. Сознаніе это было ему сладостно, тщеславіе артиста и трибуна прїятно шевелелось у него въ груди.

Когда онъ подходилъ къ дому директора, старикъ привратникъ съ посеребренною цѣпью на груди двинулся къ нему на встрѣчу, почтительно раскланялся съ нимъ, проводилъ его по каменной лѣстницѣ, ввелъ въ кабинетъ г. Марескеала, и попросивъ гостя подождать, послѣдовалъ доложить о его прїбытіи своему хозяину. Оставшись одинъ со шляпой въ одной рукѣ и подбоченившись другою, Аристидъ Лаванси подозрительно окинулъ взглядомъ всѣ стѣны и уголки обширнаго ложа въ который онъ проникъ какъ во взятую приступомъ крѣпость. Кабинетъ директора отличался простотой своего убранства, шкаль, конторка, письменный столъ, нѣсколько этажерокъ съ картонами, нѣсколько полокъ съ книгами, нѣсколько картъ и планъ завода на стѣнѣ, вотъ и все. Въ разныхъ мѣстахъ Лаванси постукалъ пальцемъ въ стѣну какъ бы съ цѣлью убѣдиться въ томъ что она глухая, а не пустая. Прямо противъ входной двери была другая меньшаго размѣра дверь; онъ прїотворилъ ее и увидѣлъ что она ведетъ въ спальню, гдѣ въ данную минуту никого не было. Окончивъ осмотръ помѣщенія, онъ надулъ щеки и съ шумомъ выпустилъ изъ себя воздухъ. Онъ какъ будто говорилъ себѣ: „Наконецъ-то я здѣсь!“ Насыщенный гордостью, онъ уже бралъ Калитодій. Такъ какъ въ глубинѣ души онъ былъ малый довольно добрый, то ему показалось что г. Марескеалъ достоинъ нѣкоторой доли сожалѣнія. „Бѣдняга, подумалъ онъ ему должно быть тяжело.“

Бѣдняга не заставилъ себя долго ждать и безъ сомнѣнія на душѣ у него было очень тяжело; лицо его носило на себѣ

печатъ пораженія. Молнія ударила въ этотъ диванскій кедръ, который подъ своею густою тѣнью ютилъ цѣлая стая акціонеровъ. Г. Марескель уже не говорилъ высокомернымъ тономъ и не принималъ дерзкаго заносчиваго вида. Это былъ уже не всемогущій глава, суровый, полиравшій всѣхъ ногами начальникъ, счастливый султанъ, которому только стоило бросить платокъ и который, соединяя съ надменностью забвенія оляненіе прихоти, каждое утро выметалъ изъ своего сердца эти страсти давшіяся только одну ночь.

Подавленный тяжестью постигшаго его удара, онъ вошелъ въ комнату неровнымъ шагомъ, съ поникшею головою. Онъ попытался однако пріосаниться и со слабою улыбкой проговорилъ:

— Милостивый государь, предъ вами побѣжденный, будьте великодушны.

Придвинувъ себѣ кресло, Лаванси помѣстилъ свою тучную особу, постучалъ пальцами по донышку своей шляпы, украсившей одну изъ его колѣнокъ, и отвѣчалъ:

— Я непоколебимъ въ нравственныхъ принципахъ, но свисходителенъ къ людямъ и неспособенъ оскорблять ихъ въ несчастіи, таковъ мой характеръ, и согласитесь, сударь, что трудно ожидать такого знанія свѣта, такой деликатности чувствъ отъ лаяса, фокусника, полшмивеля.

Г. Марескель умоляющимъ движеніемъ руки тотчасъ же остановилъ его.

— Ради Бога, не удручайте меня еще болѣе; я и такъ достаточно наказанъ и за свое презрѣніе, и за свои ошибки. Знаете ли, г. Лаванси, вы ужасный человекъ! Вы не только обладаете краснорѣчіемъ которое то возбуждаетъ, то успокоиваетъ массы, но и всѣми дарованіями главы партіи, даромъ организаціи, гениальностію великаго политика. На свою погибель я слишкомъ поздно узналъ о томъ что игра съ вами опасна.

Раздувая ноздри, Лаванси улыбался воскуряемымъ ему еміамомъ. Блуждавшая въ его устахъ неопредѣленная улыбка означала: „Да, нашъ маленькій Лаванси не глулъ!“ Лестъ единственная вещь которую мы принцаемъ, откуда бы она ни шла, не плата за нее тою же монетою.

— Г. Марескель, началъ Лаванси,—вы слишкомъ превозносите мое краснорѣчіе и мои скромныя дарованія. Если побѣда осталась за мной, то единственно потому что правда

была на моей сторонѣ, вы же запутались въ собственныхъ ошибкахъ... вотъ до какихъ поръ.

И онъ провелъ дѣвою рукой на вершокъ отъ своей головы. Какъ ни были жестки его слова, во взглядѣ его было столько благодушія что г. Марескель нѣсколько ободрился.

— Да, я запутался, вдругъ сбрасывая съ себя свой удрученный видъ, проговорилъ онъ, — но я знаю кое-кого кто мнѣ помочь запутаться. Какую вы мнѣ подстроили западню! Какъ я гауло въ нее попался! Какъ вы отлично сумѣли воспользоваться этою Кошеттой! Согласитесь, что эта непорочная дѣва, эта Іоанна д'Аркъ, просто-на-просто развратная тварь.

— Милостивый государь, сухо замѣтилъ Лаванси, — полагаю что мы видимся съ вами не для того чтобъ обсуждать добродѣтели mademoiselle Кошетты Вюалеъ и рѣшать какія у нея данныя на то чтобы быть канонизованною.

— Не сердитесь, пожалуйста, иначе я погибшій человекъ. Я старался только свискать свисходительность моего судьи высказавъ ему внушаемый имъ мнѣ искренній восторгъ, — судьба моя въ вашихъ рукахъ... Г. Лаванси, надѣюсь вы убѣдились въ томъ что нѣтъ никакого тайнаго провала подъ вашимъ кресломъ? Еслибы провалъ разверзся, то виѣсть съ вами поглотивъ бы и всю стачку.

— Я вполнѣ спокоенъ на этотъ счетъ, проговорилъ трибунъ, не доставляя себѣ труда заглянуть подъ кресло. — Если бы на ваше несчастіе я потерялъ здѣсь хотя бы единый волосъ, то сегодня же вечеромъ факелы мстителей со всѣхъ концовъ подождли бы вашъ заводъ. Это было бы своего рода разрѣшеніе вопроса, но я вовсе не того желаю... Сдѣлайте одолженіе, перейдемте къ дѣлу. Вы имѣли что-то сказать мнѣ?

— Разумѣется, и вы безъ сомнѣнія угадали что именно.

— Я никогда ничего не угадываю, милостивый государь; пусть всякій объясняется самъ за себя.

— Хорошо, если это необходимо, то я сейчасъ объяснюсь. Я желалъ васъ видѣть чтобы передать вамъ нѣсколько обстоятельствъ которыхъ никто лучше меня не сумѣлъ бы изложить вамъ... Г. Меріанъ сообщалъ вамъ что я согласенъ на первый пунктъ вашихъ требованій, что я готовъ подать въ отставку... Но вы этому не повѣрили.

— Нѣтъ, г. Марескель, этому я повѣрилъ и весьма сожалѣю что ошибся, ибо въ этомъ мы никогда съ вами не сойдемся. Вы и представить себѣ не можете того отвращенія, той ненависти... до какой степени мущины, женщины, дѣти, все населеніе... Но я воздержусь ото всякихъ рѣзкихъ словъ и скажу вамъ только что у васъ нѣтъ правительнаго, даже приблизительнаго понятія, о томъ какъ вы мало пользуетесь народнымъ расположеніемъ.

— А кто въ томъ виноватъ? Не мало вины приходится и на вашу долю. Вы уже болѣе трехъ недѣль каждый вечеръ лускаете на мой счетъ самыя злыя элиграммы, рисуете меня въ самыхъ черныхъ краскахъ...

— Это правило войны, улыбаясь прервалъ его Лаванси и затѣмъ прибавилъ мрачнымъ басомъ:—что прикажете, г. Марескель! Я даже очень сожалѣю о вашемъ печальномъ положеніи. Съ самой юности, смѣю сказать съ самаго дѣтства, я какъ Аннибалъ поклялся душой и тѣломъ посвятить себя защитѣ слабыхъ, угнетенныхъ, неумоимо и безо всякаго милосердія биться съ новыми феодалами, денежными торговыми тузами, за негибнуція права святаго равенства, святаго братства...

Г. Марескель расхабрился до того что въ свою очередь прервалъ трибуна.

— Ахъ, г. Лаванси, укоризненно проговорилъ онъ,—неужели же вы принимаете меня за цѣлую сходку?

Аристидъ сдѣлалъ было движеніе.

— Вы человекъ съ такимъ большимъ умомъ, продолжалъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.—Привнайтесь мнѣ съ глазу на глазъ что народъ, это грубый скотъ, и что торговые тузы... Ахъ, г. Лаванси, вы часто называли меня развращеннымъ до мозга костей. Сознаюсь, я конечно немножко испорченъ. Но согласитесь что и вамъ трудно понять счастье безъ нѣкоторой доли испорченности, положимъ самой ничтожной, но все же и вамъ она нужна. Слишкомъ зеленые плоды вѣжутъ ротъ... Вы слишкомъ умны, г. Лаванси, согласитесь что въ глубинѣ души вы такой же радикалъ какъ и я.

— Вы очень забавно шутите, высокомерно замѣтилъ Лаванси,—дивлюсь этому, такъ какъ въ вашемъ положеніи нѣтъ ничего забавнаго.

— Совершенно вѣрно; но правъ я или нѣтъ, я все-таки позволяю себѣ разчитывать на васъ. Будучи сначала моимъ

судей, вы сдѣляетесь моимъ спасителемъ. Вы поручили г. Меріану передать мнѣ что мудрая философія утѣшаетъ въ несчастіи. Увы! я не мудрецъ, и философія не въ силахъ меня ни въ чемъ утѣшить. Безо всякаго стыда признаюсь вамъ, я всегда предпочиталъ утѣшеніямъ счастье, хотя бы и съ примѣсью нѣкоторой испорченности, своя рубашка къ тѣлу ближе, а потому я согласенъ сдѣлать вамъ всѣ уступки относительно того что касается выгоды Товарищества, но я былъ величайшій глупецъ или слишкомъ наивный человекъ если бы ни во что не ставилъ своихъ личныхъ выгодъ. Помогите мнѣ удержаться на моемъ мѣстѣ, и во всемъ остальномъ я пойду на сдѣлку. Вы можете судить до какой степени я не боюсь компрометтировать себя, до какой степени я откровененъ съ вами, до какой степени я доверяю вашей скромности.

— Очень, очень лодыженъ, милостивый государь, и откровенность ваша поистинѣ изумительна. Но къ чему же все это ведетъ? Согласись я протянуть вамъ содоминку, весь комитетъ просто заламуетъ меня.

— Полноте, г. Лаванси! Вотъ теперь вы шутите. Я всегда считалъ что задача правительства есть управленіе, и думаю что мы съ вами въ данномъ случаѣ находимся въ одинаковомъ положеніи. Въ моемъ совѣтѣ, то-есть въ совѣтѣ Товарищества, все только дураки, я могу заставить ихъ сдѣлать почти все что захочу. Вы же еще счастливѣе меня, ваши дураки у васъ ходятъ по стрункѣ.

— Вы весьма ошибаетесь, возразилъ Лаванси.—Между вашими и моими дураками та разница что мои не поддаются никакому управленію.

Онъ привсталъ съ кресла какъ бы собираясь уходить.

— Какъ вы торолитесь! воскликнулъ г. Марескель, складывая руки и склоняя голову съ чисто кошачьею граціей.— Подарите мнѣ еще нѣсколько минутъ. Развѣ вамъ здѣсь не пріятно?

— Бисмаркъ, отвѣчалъ Лаванси,—говорилъ однажды Тьеру: „Пріятно быть съ глазу на глазъ съ цивилизаціей“. Вы ждете отъ меня такой же любезности, г. Марескель?

— Ну да, разумѣется. Развѣ мы съ вами не цивилизованные и не дѣловые люди? Какъ же можетъ быть чтобы намъ не было пріятно бесѣдовать другъ съ другомъ, несмотря на то что мы съ вами заклятые враги? Дѣлабы такъ хорошо понимаютъ другъ друга.

— Я не сержусь, но ужоу, отвѣтилъ Лаванси.

Однако онъ не ушелъ. Присловившись спиной къ камину, онъ разстегнулъ сюртукъ, заложилъ лѣвую руку за выемку жилета, правую засунулъ въ карманъ брюкъ. Онъ молчалъ, но видимо говорилъ: „Я жду, но пока ничего не вижу“.

— Какъ подумаешь, продолжалъ г. Марескель,—что человекъ съ такимъ положеніемъ какъ вы вдругъ поселился въ Туленъ и теряетъ золотое время въ толкахъ и разговорахъ съ дураками...

— Ремесло тяжелое, пробормоталъ Лаванси,—и надо сознаться что въ деспотической власти есть своя прелесть.

— Таково и мое искреннее убѣжденіе. Видите какъ намъ легко понимать другъ друга. Правда, въ вашемъ тяжеломъ ремеслѣ есть и пріятныя стороны. Вы все-таки имѣете возможность иногда отвести душу съ нашимъ общимъ другомъ, малевькимъ Оливье Моганомъ.

— Ну, это не орелъ.

— У васъ также есть и развлеченіе порой подражаться со знаменитымъ Сатурниномъ.

— Чортъ его лобери, вотъ еще скоть-то! воскликнулъ Лаванси, который не могъ безъ раздраженія слышать этого имени.

— Если только не герой.

— Очень часто это однозначаще, а мученикъ-то я.

— О, любезный г. Лаванси, если вы мученикъ, то я имѣю право считаться святымъ, проговорилъ г. Марескель.—Ну, злой клеветникъ, свалимте прегрѣшенія словомъ и прегрѣшенія плотью въ одну кучу и подлишемъ нашъ договоръ.

„Наконецъ-то!“ подумалъ Лаванси и выпрямляясь спросилъ:

— О какомъ такомъ договорѣ вы изволите говорить?

— Развѣ вы мнѣ не обѣщали?...

— Я ничего вамъ не обѣщаль.

— Ну вотъ еще, г. Лаванси! Какъ я имѣлъ уже честь вамъ докладывать, какъ только я твердою ногой стану на свое прежнее мѣсто, я заставлю свой совѣтъ пойти на всѣ сдѣлки, чрезъ три дня стачка будетъ кончена и чрезъ три же дня вы побѣдителемъ вступите въ Парижъ, гдѣ вы скажете вашимъ несговорчивымъ и отъ души васъ ненавидящимъ друзьямъ: „Я усмирилъ этого знаменитаго денежнаго, торговаго туза, этого ужаснаго Марескеля, подрѣзалъ ему ногти, подпилил зубы, ужъ теперь имъ не отрости снова“...

Съ этими словами, положивъ оба локтя на столъ, онъ взглянулъ трибуну прямо въ глаза и спросилъ:

— Г. Лаванси, сколько вамъ нужно?

Лаванси вздрогнулъ и вслыхнулъ также какъ и вчера, но на этотъ разъ это не было краской удивленія. Онъ предвидѣлъ какой оборотъ приметъ ажъ свиданіе, предвидѣлъ предложеніе которое ему сдѣлають и потому заранѣе успѣлъ обдумать и приготовить отвѣтъ. Онъ полагалъ что въ политикѣ достаточно быть честнымъ человѣкомъ, что вовсе не обязательно быть еще и честною дѣвушкой, а къ честнымъ дѣвушкамъ онъ относилъ также и олуховъ которые въ чистотѣ своей невѣжливости пренебрегаютъ собственнымъ дѣломъ занимаясь дѣлами своего ближняго, заботятся о доставленіи имъ всякихъ благъ забывая о самихъ себѣ. Онъ много размышлялъ по этому поводу, онъ точно зналъ гдѣ кончается добродѣтель и гдѣ начинается глупость. Онъ сказалъ себѣ: „Я былъ бы мошенникомъ еслибы обманувъ довѣріе моихъ забастовщиковъ, въ ущербъ имъ устроился съ г. Марескелемъ; но я не мошенникъ и не олухъ. Какъ только я добьюсь для нихъ чего они имѣютъ право требовать, все остальное будетъ касаться только лично меня. Служа имъ, я потерялъ много времени, поистратилъ свой годось; влохавъ справедливо вознаграждать меня за все это. Если форнейскій директоръ осмѣлится отстудить отъ своихъ обѣщаній, то я могу или возратить ему его деньги, или же отъ имени неизвѣстнаго жертвователя внести ихъ въ кассу забастовщиковъ“. Тѣмъ не менѣе рѣзкій и грубый пріемъ съ которымъ г. Марескель обратился къ этому вопросу показался ему неприличнымъ, его стыдливость возмущалась.

— За кого вы меня принимаете, милостивый государь? весь красный отъ негодованія воскликнулъ онъ.—Вы кажется думаете что я принадлежу къ числу людей которыхъ можно купить?

— За кого я васъ принимаю? За безконечно умнаго человѣка, послѣдшій отвѣтитъ г. Марескель,—а что касается до того чтобы купить васъ, зачѣмъ употреблять такія грубыя, гадкія слова? Какъ бы ни былъ высокъ гонораръ, все же адвоката, защитника, не покупають, какъ не покупають директора завода назначая ему жалованье. Правда, въ данномъ случаѣ есть нѣчто совершенно особенное: главный прокуроръ, говорившій противъ меня на судѣ, теперь желаетъ взять на себя мою защиту. Въ сущности тутъ ничего нѣтъ страннаго; кто можетъ лучше его знать сильныя и слабыя стороны моего дѣла?

И, Боже мой! я вовсе не прошу васъ восхвалять мои добродѣтели, ручаться за мою скромность и чистоту. Вы только укажете на смягчающія обстоятельства, вы скажете вашему комитету что видѣлись со мною, были тронуты моимъ раскаяніемъ, что чортъ вовсе не такъ страшенъ какъ его малюютъ, что несчастье сломило меня, что я готовъ искупить свои вины, любезностью и благосклонностью расположить къ себѣ сердца людей, наконецъ что буржуа за буржуа, что я не хуже другихъ, что мой преемникъ будетъ не лучше меня и что даже можетъ случиться что какимъ-нибудь чудомъ они могутъ еще проиграть съ этою перемѣной...

— Вы хвалите мое краснорѣчіе, смѣясь прервалъ его Лаванси.—А вы не менѣе меня краснорѣчивы.

— Развѣ при томъ условіи что я придамъ силы своему краснорѣчію звонкими аргументами... Любезный г. Лаванси, желаете вы получить тридцать, сорокъ, пятьдесятъ тысячъ франковъ?

При первой цифрѣ Лаванси отвернулся съ гримасой, какъ человѣкъ котораго оскорбляютъ унижительными для него предложеніями, при второй онъ состроилъ презрительную мину, при третьей, замѣтивъ, какъ быстро увеличивается цифра, онъ повеселѣлъ.

— Обратите вниманіе, любезнѣйшій г. Марескель, началъ онъ,—что дѣло ваше отвратительно и всѣ подробности протокола сильно васъ компрометируютъ. Какую кучу грязнаго бѣлья надо перестирать! Вашей прачкѣ будетъ не мало труда...

— Да благословить Небо мою прачку, отвѣчалъ г. Марескель,—но она какъ прокуроръ опытна въ дѣлахъ... Что скажетъ она о шестидесяти тысячахъ франковъ?... Или вужьно будетъ дойти до семидесяти пяти тысячъ?

— Мнѣ больше по вкусу круглая цифра, сказалъ Аристидъ, рѣшаясь на отчаянный скачокъ.—Сойдемтесь на ста тысячъ.

Г. Марескель даже вскрикнулъ: цифра оказалась ему уже очень велика. Онъ сталъ просить уступить что-нибудь, но наконецъ Лаванси воскликнулъ:

— Послушайте, г. Марескель, ведите себя какъ слѣдуетъ порядочному человѣку и не будемъ мелочны въ такихъ кружныхъ дѣлахъ. Довольно торговаться! Вы не повѣрите до чего мнѣ тошно говорить подобнымъ образомъ, этотъ разговоръ бьетъ меня по нервамъ... Сто тысячъ франковъ, вотъ моя цифра, я ее не измѣню.

Подпершись рукой и устремивъ глаза въ потолокъ, г. Марескель, казалось, размышлялъ и колебался.

— Дѣйствительно, вы не обманули меня, наконецъ проговорилъ онъ,—вы неутомимы въ принципахъ, но, по совѣсти говоря, вы слишкомъ дорого просите.

— Какъ угодно, высокомерно сказалъ Лаванси.—Переговоры кончены, мы возвращаемся къ непріятельскимъ дѣйствіямъ.

— О, я вполне сознаю всѣ послѣдствія... Дайте мнѣ сутки на размышленіе.

— Ни одной минуты!

И съ этими словами онъ медленно направился къ двери въ надеждѣ что г. Марескель одумается и удержитъ его за фалды сюртука. Но г. Марескель не одумался и удовольствовался только тѣмъ что проводилъ его до самой дѣстаицы. Онъ облизнулся какъ лисица только-что загрызшая цыпленка и отвѣсилъ трибуну глубочайшій поклонъ.

— Г. Аристидъ Лаванси, проговорилъ онъ,—моя испорченность преклоняется предъ вашею.

Проходя дворомъ завода къ своей коляскѣ, трибунъ имѣлъ разстроенный разочарованный видъ, и въ мозгу у него шевельнулась тревожная, мучительная мысль: „Не сыгралъ ли ужь онъ со мною какую-нибудь штуку? Честное слово, я не удивлюсь если въ завтрашнемъ номерѣ *Безпристрастнаго* прочту подробное описаніе нашего разговора. Чортъ возьми! надобно постараться предупредить его. Чтѣ, впрочемъ, значить его показаніе въ сравненіи съ моимъ?... А, любезный, ты хочешь войны, хорошо—будемъ воевать!“

Пріѣхавъ въ Тулень онъ наскоро пообедалъ и тотчасъ же отправился въ общее засѣданіе которое назначилъ къ восьми часамъ.

XXIV.

Никогда еще не было такого стеченія народа какъ въ этотъ вечеръ, даже никогда не бывавшіе въ залѣ *Золотога Льва* забастовщики слозаранку забрались сюда и заняли первыя скамейки, къ великой досадѣ постоянныхъ посѣтителей, которымъ пришлось примоститься на заднихъ мѣстахъ. Еще за полчаса до открытія засѣданія зала была уже биткомъ набита, и всѣ шумѣли и волновались. Здѣсь были люди знавшіе вѣчто новенькое, но они таили это про себя, боясь

высказать, а другіе спрашивали себя: „О чемъ это они думаютъ?“ Какъ важные господа, событія посылаютъ впередъ себя вѣстниковъ докладывающихъ объ ихъ приближеніи. Часто по таинственнымъ привакамъ можно угадать наступленіе чего-либо особеннаго. Даже газовые рожки принимали участіе въ общемъ волненіи; то они горѣли яркимъ, желтымъ пламенемъ, то пламя ихъ блѣднѣло и казалось гасло, омраченное густыми клубами дыма отъ трубокъ.

Члены комитета вошли въ маленькую боковую дверь и заняли свои мѣста на возвышеніи вокругъ длиннаго стола. Въ первое время рабочіе составлявшіе комитетъ имѣли видъ неловкій, неестественный, какъ бы люди нарядившіеся въ чужое, не по нимъ шитое платье. Но они скоро освоились со своимъ положеніемъ; имъ было достаточно всего нѣсколькихъ дней для упражненія и пріобрѣтенія навыка въ исполненіи своей новой обязанности, которая имъ скоро такъ понравилась что они стали желать чтобы стачка продолжалась вѣчно и питать презрѣніе ко всякому другому занятію. Въ каждомъ человѣкѣ, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, есть природная наклонность быть судьей; эта одна изъ особенностей человѣка, отличающая его ото всѣхъ другихъ животныхъ. Одинъ изъ вице-предсѣдателей, которому Лаванси почти всегда уступалъ предсѣдательское кресло, чувствовалъ такую нѣжность къ своему колокольчику что съ охотой постоянно бы носилъ его у себя на шеѣ. Еслибъ его попросили опредѣлить что такое рай, онъ отвѣчалъ бы что это мѣсто гдѣ кто-нибудь съ наслажденіемъ предсѣдаетъ въ собраніи людей которые въ восторгѣ отъ его предсѣдательства. На его несчастье каждый изъ членовъ комитета желалъ въ свою очередь предсѣдать, а это было ему весьма неприятно.

Сегодня вечеромъ ему было необходимо употреблять весь свой авторитетъ и весьма часто прибѣгать къ колокольчику для усюкоенія возбужденной толпы и для прекращенія частныхъ разговоровъ, упрековъ и брани нерасположенныхъ другъ къ другу сосѣдей, готовой перейти въ шумные крики и общее смятеніе. Однако когда онъ объявлялъ что только что явившійся въ засѣданіе гражданинъ Лаванси принесъ собранію новости и готовится сдѣлать ему любопытныя сообщенія, тишина мало-по-малу водворилась во всѣхъ уголкахъ залы. Лаванси легко справлялся со своими волненіями

и непріятностями. Какъ ни была ему горька неудача, онъ тѣмъ не менѣе казался вполнѣ увѣреннымъ въ себя и въ другихъ. Обмѣнявшись истинно братскими уныбками со всѣми членами комитета, онъ развязно прошелъ по эстрадѣ и остановился у окружавшей ее деревянной рѣшетки, которую и стиснулъ крѣпко своею правою рукою. Затѣмъ откинувъ голову назадъ и выливъ грудь впередъ, онъ окинулъ взглядомъ всю залу, гдѣ тотчасъ же не столько съ удивленіемъ сколько съ удовольствіемъ замѣтилъ нѣсколько козлицъ среди своихъ овецъ. Изъ этого онъ заключилъ что сатурнисты разсорились между собою, что партія бѣшеннаго безумца со дня на день слабѣетъ благодаря постояннымъ раздорамъ и отпаденіямъ, что сожалѣя о рождѣ истиннаго пастыря, козлица одинъ за другимъ возвращаются въ овчарню.

Откашлянувшись и прогаотивъ для очищенія голоса леденецъ, онъ началъ слѣдующимъ образомъ:

— Дорогіе друзья мои, нашъ дорогой и многоуважаемый предсѣдатель сказалъ правду, я являюсь къ вамъ съ новостями. Я намѣренъ разказать вамъ странный, поразительный случай, доказывающій что слѣдуетъ всего ожидать на этомъ свѣтѣ, что въ мірѣ нѣтъ ничего такого на что бы не былъ способенъ буржуа. Да, друзья мои, голова буржуа—вещь удивительная. Это своего рода садъ, почва котораго особенно благопріятствуетъ разведенію ядовитыхъ растений. Въ немъ произрастаютъ мысли до такой степени отвратительныя и въ то же время до того недѣльны что никогда бы онѣ не могли придти въ голову намъ, простосердечнымъ рабочимъ съ колеи и съ завода, у насъ не хватило бы духу ни выговорить, ни написать ихъ. Но то что я вамъ скажу вовсе не непріятно поразить васъ. Вы увидите до какой крайности доведенъ непріятель, къ какимъ средствамъ онъ принужденъ прибѣгать чтобы выпутаться изъ бѣды, и до какой степени я былъ правъ непрестанно твердя вамъ что ваше единодушіе, ваша удивительная твердость скоро восторжествуетъ надо всѣми преградами, надо всѣми прелѣтствіями, надъ упорствомъ и злобой. Будемъ терпѣливѣе буржуазнаго терпѣнія, упрямее буржуазнаго упрямства, и побѣда наша.

Шумъ смолкъ, настала гробовая тишина. Всѣ взгляды были устремлены на оратора; его слушали разиня ротъ, уливаясь его каждымъ словомъ.

— Вы знаете, друзья мои, продолжалъ онъ,—что форнейскій директоръ чрезъ своего посла высказалъ желаніе имѣть

со мной разговоръ и сообщить мнѣ о тѣхъ уступкахъ которыя онъ готовъ намъ сдѣлать. У насъ въ комитетѣ произошла рознь по поводу того слѣдуетъ ли мнѣ принять это приглашеніе. Нѣкоторые изъ насъ подозрѣвали заданью и опасались что я не выйду живымъ изъ логовища леопарда. Право, тиранъ вашъ оказалъ бы мнѣ слѣшкомъ много чести еслибы выказалъ желаніе посягнуть на мою жизнь. Съ его стороны это была бы величайшая лесть: чѣмъ могъ бы онъ болѣе выказать то значеніе которое онъ придаетъ моей ничтожной личности?... Я вамъ не разъ говорилъ что нѣтъ человѣка необходимаго, исчезни я, вы скоро бы сумѣли замѣстить меня другимъ.

Онъ ожидалъ что ему будутъ возражать, но всѣ съ любилствомъ ожидали что будетъ дальше и чтобы не терять времени никто ничего ему не возразилъ. Онъ сдѣлалъ видъ какъ будто ему возражаютъ, и съ оживленіемъ продолжалъ:

— Нѣтъ, друзья мои, не думайте что я вамъ необходимъ. Вы знаете, кто были Гракхи, вы позволяли мнѣ иногда говорить вамъ объ этихъ великихъ праотцахъ свободы. Нѣкто, чьи слова я боюсь исказить повторяя ихъ, говорилъ что когда послѣдній Гракхъ умиралъ, сраженный ударами патриціевъ, предъ своимъ послѣднимъ вздохомъ онъ бросилъ къ небу горсть пыли, призывая боговъ мстителей; изъ этой пыли родился Марій, который на вѣки сломилъ наглуую заносчивость римской аристократіи. Случись со мной несчастіе, я безъ труда нашелъ бы Маріа который отомстилъ бы за меня! „Ахъ, говорилъ я своимъ друзьямъ, что вы мнѣ говорите объ опасности? Существуютъ ли такія опасности которыхъ бы мы, вы и я, не презирали? Наша душа, наша жизнь принадлежать народу; онъ имѣетъ право располагать нами.“ Но я вовсе не желаю выказывать себя храбрѣе чѣмъ я на самомъ дѣлѣ: я не вѣрилъ никакой опасности и былъ вполне правъ, такъ какъ вы видите меня предъ собой... Право, я даже очень радъ что побывалъ въ Форне и очень желалъ бы и васъ всѣхъ туда свести. Форне настоящее кладбище, истинное поле смерти. Въ этомъ шумномъ оживленномъ мѣстѣ въ то время какъ вы въ немъ жили, теперь царитъ мертвая тишина, изрѣдка кое-гдѣ точно призраки, точно души изъ чистилища, бродятъ какія-то человѣческія тѣни; на мостовой между камнями уже стала расти трава. Но изо всѣхъ встрѣчаемыхъ тамъ лицъ самое печальное,

самое изможденное, самое разстроенное и мрачное лицо—несомнѣнно лицо вашего бывшего начальника. Онъ горюетъ по васъ, онъ васъ призываетъ, онъ готовъ вамъ раскрыть свои объятія. Напрасно пытался я его утѣшить; онъ объявилъ мнѣ что предпочитаетъ счастье всѣмъ утѣшеніямъ, а что счастье его состоитъ въ желаніи видѣть васъ: „Возвратите мнѣ ихъ!“ со слезами воскликнулъ онъ... Да, порой случаются чудеса. Клянусь всѣми крокодилами Египта что я видѣлъ слезы на глазахъ г. Марескеля!

Какъ неудавшійся заллъ, тамъ и сямъ слышались слабыя рукоплесканія, но тотчасъ же были подавлены повелительнымъ „ш-ш-ш! ш-ш-ш!“ Лаванси подумалъ что саушатели его недовольны тѣмъ что онъ такъ долго держитъ ихъ въ недоумѣніи, тѣмъ не менѣе онъ не слѣдилъ удовлетворить ихъ любопытство. Онъ самъ распредѣлялъ аллюры своего краснорѣчія и къ концу рѣчи приберегалъ галопъ, движенія слѣшныя и лихорадочныя. Онъ дошелъ только до *adagio* въ своей соватѣ и постепенно ускоряя темпъ, вытирая себѣ лобъ платкомъ, продолжалъ:

— Итакъ я его видѣлъ, этого нѣкогда ужаснаго человѣка, теперь уже онъ не тотъ; я говорилъ съ нимъ около часу времени. Вы думаете что знаете его друзья мои; вы его не знаете. Угадайте, прошу васъ, на что онъ осмѣлился... Я готовъ объ закладъ биться что не угадаете... Нѣтъ, и не пытайтесь... вамъ не удастся угадать. Мы прожили много недѣль вмѣстѣ. Здѣсь нѣтъ никого кто бы не читалъ въ моемъ сердцѣ, въ сердцѣ которое бьется лишь для народнаго блага и для освобожденія угнетенныхъ. Здѣсь нѣтъ ни одной руки которая бы сотни разъ не пожимала мою руку, и вы знаете что рука эта—рука человѣка честнаго! Это не рука какого-нибудь буржуа, она никогда не была причастна какимъ-либо грязнымъ интригамъ, разврату, мерзости и испорченности людской. А между тѣмъ г. Марескель осмѣлился... Право, я даже не рѣшаюсь сказать вамъ, до такой степени я краснѣю за него. Можно покупать множество вещей, можно покупать хлѣбъ, землю и повидимому можно также покупать и извѣстнаго рода людей, людскую совѣсть. Друзья мои, г. Марескель вообразилъ что и я принадлежу къ числу такихъ людей, что и у меня совѣсть продажная. Да, какъ вамъ это ни кажется непостижимо, а между тѣмъ это вполнѣ вѣрно, г. Марескель забралъ себѣ въ голову подкупить

меня. О, будемъ справедливы къ нему! Онъ былъ великодушень, онъ спустился до того что положился на меня, разрѣшилъ мнѣ самому назначить себѣ цѣну.. Да, онъ безо всякихъ околичностей сказалъ мнѣ: „Сколько вамъ нужно? Хотите шестьдесятъ, восемьдесятъ тысячъ?“ И знаете ли, друзья мои, что я ему отвѣтилъ?

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать еще слово, изъ самой середины залы раздался тонкій, дрожащій, но все же громкій голосъ:

— Вы ему отвѣтили: г. Марескель, мнѣ этого мало.

При этихъ словахъ собиравшаяся буря разразилась. Всѣ сидящіе шумно и послѣшно вскочили съ мѣстъ, и всѣ головы обратились въ сторону нахала осмѣливавшагося сказать такую неслыханную, чудовищную, ужасную вещь, всякій хотѣлъ его видѣть, поднялась толкотня, давка. Лаванси такъ и подпрыгнулъ при этомъ оскорбленіи.

— Предоставляю слово прервавшему меня! во всю силу своихъ легкихъ крикнулъ онъ. — Пусть онъ взойдетъ на эстраду, я очень желаю вблизи поглядѣть на этого шпіона.

Прервавшій оратора поднялся съ мѣста и изо всѣхъ силъ работая локтями направился къ эстрадѣ. На несчастье Лаванси, это былъ рабочій съ чугуноплавильнаго завода, по имени Константинъ Грилье, котораго можно было назвать опаснымъ фанатикомъ и сумасбродомъ, но онъ вовсе не походилъ на шпіона. Онъ былъ ярый приверженецъ Сатурнина и чувствовалъ необычайную склонность къ лисьму, почему подтрибувъ и наградилъ его рвеніе тѣмъ что назначилъ его своимъ секретаремъ. Приемы у него были настолько же мягки насколько убѣжденія крайни. Одновременно онъ былъ и чрезвычайно страстный, и весьма флегматичный человекъ; бѣшеные взоры Лаванси его не мало не утратили. Онъ приблизился къ эстрадѣ, и положительнымъ, монотоннымъ голосомъ нотариуса читающаго дѣловую бумагу, затянулъ длиннѣйшій разказъ, который ему не мѣшало бы къ-скольку сократить.

Какъ выяснилось изъ его объясненій, г. Марескель увѣдомилъ Сатурнина Сервуа о томъ что въ теченіе дня у него имѣеть быть бесѣда съ гражданиномъ Лаванси. Въ то же время тиранъ предложилъ подтрибуну отрядить къ нему двухъ вѣрныхъ людей, которымъ онъ дастъ возможность не

будучи видимыми слышать отъ слова до слова весь разговоръ. Сатурнинъ принялъ его предложеніе и избралъ въ свои уполномоченные Константина Грилье и одного рудокола по имени Лонжлье. Они тайно прибыли въ Форне, гдѣ и были весьма любезно приняты г. Марескелемъ. При этомъ Грилье ударился въ безконечныя, ничего не объясняющія въ дѣлѣ подробности. Онъ считалъ своимъ долгомъ разказать собранію что имъ предложены по рюмочкѣ мадеры и по бисквиту; что онъ, Грилье, не захотѣлъ притронуться къ угощенію, а что Лонжлье, не вида въ этомъ ничего дурнаго, мадеру выпилъ и бисквита съѣлъ. Эти бесполезныя удаляющія разказы подробности раздражали слушателей, подвигая ролоть, замѣчанія. Но Грилье не легко было смутить или сбить съ толку; онъ воспользовался первою же минутою тишины; сталъ продолжать свой разказъ и объяснилъ слушателямъ что въ кабинетѣ директора по одной изъ стѣнъ его стоитъ большой шкаль-тайникъ во всю толщину стѣны, куда и помѣстили ихъ обоихъ, его и Лонжлье; имъ было очень неловко и неудобно въ этомъ шкалу, особенно Лонжлье, такъ какъ онъ очень высокаго роста, но за то изъза тонкой перегородки, согласно обѣщанію г. Марескеля, не будучи сами видимы, они могли слышать всю бесѣду отъ слова до слова или почти все.

— Вотъ такъ великолѣпная выдумка! воскликнулъ уже не владѣвшій собою предсѣдатель.— Впрочемъ, здѣсь есть нѣкто кто можетъ дать намъ вполнѣ вѣрныя свидѣнія. Гражданинъ Оливье Моганъ долгое время жилъ въ Форне: пусть онъ скажетъ намъ, видалъ ли онъ когда-нибудь этотъ знаменитый тайникъ.

— Я его видѣлъ, глухо отвѣтилъ Оливье, мрачный какъ безлунная ночь и повидимому страдавшій сильною головною болью, только не отъ желудка.

Нѣкоторыя воспоминанія никогда не изглаживаются изъ памяти. Какъ могъ онъ позабыть этотъ знаменитый тайникъ? Однажды вечеромъ, во дни ранней юности, когда онъ еще былъ лицеистомъ, его глазамъ или воображенію представилось будто бы въ этотъ шкаль послѣднью бросилась женщина, позабывъ на столѣ свой вязаный шерстяной платокъ. Въ сущности это еще вовсе не доказывало что Константинъ Грилье свидѣтель которому можно вполнѣ вѣрить. Но люди находятъ подъ вліяніемъ своихъ впечатлѣній, хотя впечатлѣнія

ихъ и ничего еще не доказываютъ, а три слова такъ неожиданно произнесенныя Оливье произвели на собраніе сильнѣйшее впечатлѣніе. Сатурнисты ликовали; лавансисты были поражены, огорочены. Безстрашный упрямый Грилье между тѣмъ продолжалъ свое показаніе; онъ донесъ что Лаванси во время своего разговора съ г. Марескедемъ называлъ Сатурнина скотомъ, а всѣхъ членовъ комитета дураками, что затѣмъ перешли къ условіямъ договора, что неподкупный человѣкъ запросилъ сто тысячъ, а желавшій его купить человѣкъ просилъ что-нибудь сбавить, они не сошлись въ цѣнѣ, и такимъ образомъ торговая сдѣлка не состоялась.

Толпа зашевелилась, загалдѣла; Грилье сослался на свидѣтельство Лонжлье, и всѣ въ одинъ голосъ воскликнули: „гдѣ онъ?“ Насколько Грилье былъ храбръ настолько Лонжлье былъ робокъ и теперь готовъ былъ исчезнуть, провалиться сквозь землю. Онъ ежился, старался втянуть голову въ плечи, но онъ былъ двухъ метровъ вышины, а великанамъ прятаться не легко. Имъ завладѣли, схватили его за воротъ, принудили встать и протолкнули къ эстрадѣ, на которой онъ представлялъ весьма печальную фигуру. Огороченный шумомъ, смущенный тѣмъ что на него всѣ смотрятъ, онъ ершилъ своими огромными пальцами волосы, чесалъ въ затылкѣ, теръ себѣ подбородокъ и съ невозможнымъ усиленіемъ пробормоталъ наконецъ нѣсколько словъ, которыхъ никто рѣшительно не слышалъ. Одни привѣтствовали его радостными восклицаніями, другіе свистали и кричали: „Онъ пилъ вино, онъ ѣлъ бисквиты!“ Несчастному великану наконецъ удалось какъ-то увернуться и улизнуть въ боковую дверь, а затѣмъ онъ послѣдилъ поскорѣе уйти подальше, проклинаая въ душѣ роковую наклонность Грилье ко многословію и излишнимъ подробностямъ.

Наружность Лонжлье, его смущеніе, заиканье и бормотанье показали признаками нечистой совѣсти, и уничтоженныя было отвѣтомъ Оливье лавансисты тотчасъ подняли голову. Трибунъ быстро воспользовался этою перемѣной общественнаго мнѣнія. Сидя верхомъ на стулѣ, облокотившись обѣими руками на его спинку и положивъ голову на руки, онъ и бровью не повелъ слушая показанія Грилье; праведники молчаливымъ презрѣніемъ отвѣчаютъ на оскорбленія. Но вдругъ онъ стремительно кинулся на эстраду.

— Граждане, крикнулъ онъ,—нельзя сказать чтобъ эти два человека сговорились какъ два лаута на ярмаркѣ. Одинъ допался до того что потерялъ всякій стыдъ, у другаго же есть кое-какое зазрѣніе совѣсти, которое его нѣсколько стѣсняетъ. Желаете ли вы выслушать мое мнѣніе? Если Лонжль съѣлъ бисквитъ, то уже конечно не онъ прикарманилъ деньги. Ну, Грилье, будьте откровенны, скажите намъ выгодно ли ремесло подкулаеннаго г. Марескеаля? Вы негодуете? вы возмущаетесь? Я также возмущаюсь собственными подозрѣніями, до такой степени мнѣ тяжело думать что между нами есть люди подкулачные. Нѣтъ, Грилье, вы не обманщикъ, а охотнѣе долгу что вы просто простофиля. Я хочу васъ сласти, я протягиваю вамъ руку помощи... Когда вы прервали меня, я только что хотѣлъ объяснить собранію что г. Марескеаль желалъ меня подкупить и что я отвѣтилъ ему: „Милостивый государь, назначьте цифру; мнѣ необходимо не менѣе ста тысячъ“. Сидя въ своемъ тайникѣ, почтеннѣйшій Грилье разумѣется могъ слышать наши слова, но не могъ видѣть выраженія нашихъ лицъ. Надобно полагать что на лицѣ моемъ отражалась великая насмѣшка, такъ какъ г. Марескеаль, который не любитъ чтобы съ нимъ шутили, сухо возразилъ мнѣ: „Нечего сударь и хлопотать значить! Я съ такихъ цѣвъ не торгуюсь“. Предположимъ, Грилье, что вы вмѣстѣ со своимъ другомъ Лонжлье пришли бы и сказали мнѣ: „Не правда ли, г. Лаванси, что мы люди умные?“ Я бы вамъ на это отвѣтилъ: „Да, разумѣется, друзья мои! Вы только слишкомъ скромны: стоить ли вамъ говорить объ умѣ? Вы оба обладаете удивительною, рѣдкою геніальностію“. Эта риторическая фигура, называемая проіеіеі, къ которой прибѣгаютъ смотря по обстоятельствамъ чтобы поставить на надлежащее мѣсто глупца или нахала, Грилье или Марескеаль. Но Марескеали это понимаютъ, а Грилье, гдѣ бы они ни находились, въ шкалу ли, въ цюмъ ли мѣстѣ, никогда не въ силахъ этого понять.

Объясненіе это показалось слишкомъ мудренымъ. Шумъ усилился. Тогда въ какомъ-то священномъ изступленіи, со сверкающимъ взоромъ, Лаванси воскликнулъ:

— Ахъ, граждане, какъ вы способны доставлять радость своимъ врагамъ! И какой праздникъ готовите вы человѣку который сочинилъ всю эту исторію лишь для того чтобы лишить васъ моихъ скромныхъ услугъ! Разумѣется, тотъ

кто хочет трудиться ради покупки народа не долженъ заблуждаться, не долженъ имѣть иллюзій; идя къ вамъ, я былъ готовъ пожертвовать вамъ и покоемъ, и самыми завѣтными интересами. Къ усталости, утомленію, снѣдающимъ заботамъ, бессоннымъ ночамъ, вслѣдъ за лихорадочно проведенными днями, я заранѣе былъ готовъ ко всему этому, заранѣе приготовленъ къ презрѣнію, язвительнымъ насмѣшкамъ, оскорбленіямъ, крику и брани гаупцовъ которые велчаютъ вашихъ истинныхъ друзей оппортунистами и лалатскими революціонерами. Но чтобы насталъ день когда я подвергнусь гнуснымъ позорнымъ клеветамъ, когда мнѣ придется защищать свое доброе имя, свою честь отъ нападенія гаупцовъ и безумцевъ... Нѣтъ, граждане, этого я не ожидалъ, я никогда бы этому не повѣрилъ, чаша эта для меня слишкомъ горька. Пусть ее пьетъ кто хочетъ, я же ее пить не стану. Возьмите мою жизнь, она ваша; но честь моя принадлежитъ мнѣ, я не допущу чтобы кто-либо до нея коснулся.

Онъ много распространялся на эту тему, то умиляясь, то временами негодуя и возмущаясь. Со скорбно склоненною головою, съ неподвижно повисшими руками, онъ имѣлъ видъ мученика пригвожденнаго ко кресту. Но все собраніе до того шумѣло и волновалось что слова его уже не достигали отдаленныхъ частей залы. Отказавшись отъ окончанія рѣчи, онъ собралъ всѣ остатки своего голоса и во всю мочь закричалъ:

— Граждане, безъ довѣрія съ вашей стороны я безсиленъ, пла, лучше сказать, я ничто! Если я потерялъ ваше довѣріе, то прямо такъ и скажите мнѣ, и кланусь вамъ, сегодня же вечеромъ уйду въ Парижъ!

Угроза эта не имѣла того рѣшительнаго дѣйствія на которое онъ разчитывалъ. Одни руколаескали ему, другіе ворчали и шумѣли. Партія сатурнистовъ увеличилась нѣсколькими лавансистами, находившими все дѣло подозрительнымъ и требовавшими новаго разслѣдованія фактовъ. Къ нимъ же присоединились и раскаявшіеся забастовщики, измученные продолжительными лишеніями, потерявшіе всякое терпѣніе и разчитывавшіе про себя сколькокими днями отъѣзда Лаванси можетъ ускорить развязку, послѣ чего можно будетъ вздохнуть съ облегченіемъ. Члены комитета, чувствуя общее дурное настроеніе, настаивали на томъ чтобы дальнѣйшее обсужденіе и подачу голосовъ отложить на завтра. Лаванси потребовалъ чтобы судьба его была рѣшена немедленно, безо

всякихъ промедленій. Приходилось сообразоваться съ его желаніемъ. Предсѣдателю усиленнымъ звономъ колокольчика наконецъ удалось до нѣкоторой степени подворить тишину, и онъ потребовалъ чтобы тѣ изъ присутствовавшихъ которые желаютъ протестовать противъ клеветъ и обвиненій взводимыхъ на Лаванси и хотятъ выказать ему свою преданность, подняли руку.

Исходъ этого испытанія былъ сомнителенъ, перешла къ обратному, и оказалось что число усумнившихся въ Лаванси было почти одинаково съ числомъ сохранившихъ къ нему полное довѣріе. Предсѣдатель потребовалъ было повторенія подачи голосовъ, но до глубины души оскорбленный Лаванси высокомерно и рѣшительно воспротивился этому. Кроме того, все собраніе потеряло всякое хладнокровіе; можно было опасаться чтобы споръ изъ-за мнѣній не перешелъ въ драку. При мерцающемъ, колеблющемся свѣтѣ газовыхъ рожковъ, символъ народнаго непостоянства, оба враждебные лагера перебрашивались, вызывая другъ друга, руготня грозила перейти въ лобовище. Члены комитета, окруживъ трибуна, умоляли его взять обратно свое рѣшеніе. Лаванси былъ непоколебимъ; съ лѣвой у рта онъ говорилъ что ему надобно управлять скотами которые достойны того чтобы ими управляли шпіоны г. Марескеа.

Чтобы лучше выразить все свое къ нимъ презрѣніе, онъ пожелалъ выйти въ главныя входныя двери, среди брани и толкотни прошелъ всю залу, бросая направо и налево молніеносные взгляды, производившіе дѣйствіе настоящихъ петардъ. По мѣрѣ того какъ онъ двигался сквозь растулавшуюся предъ нимъ толпу, его величественный видъ внушалъ почтеніе даже самымъ неустовымъ и заставлялъ ихъ уходить въ самихъ себя. Всѣ поняли что совершилось нѣчто важное, непоправимое. Друзья и недруги, все собраніе безъ исключеній, забывъ всѣ свои шумныя распри, до мозга костей почувствовало всю важность совершившагося событія. Наивные и простаки, никогда ясно не сознававшие того что они дѣлаютъ, испытывали сожалѣніе; множество сатурнистовъ казались удивленными, смущенными, почти пристыженными. Одинъ только Грималь ликовалъ. Презирая угрозы, брань и ловошенія, блѣдный отъ волненія и счастья, онъ уливался своею славой; онъ былъ важенъ какъ дровосѣкъ срубившій могучій дубъ и говорившій своему топору:

„славно мы съ тобой пеработали, дружокъ“. Для маленькаго чловѣка нѣтъ счастья выше сознанія того что онъ причина великаго событія.

Стремительно вбѣжавъ къ себѣ въ комнату чтобъ уложиться въ дорогу, Лаванси носъ къ носу стоакнулся съ Оливье, который, будучи удрученъ смущеніемъ и стыдомъ, ушелъ со сходки еще до подачи голосовъ. Есть такіа добродѣтельная души которыа берутъ на себя чужой срамъ. Бросивъ на своего друга одинъ изъ тѣхъ взглядовъ которыа обыкновенно приберегаютъ для измѣнниковъ, для Іудъ прокариотскихъ, трибуна схватилъ Оливье за горло и закричалъ:

— Проклятая скотина! ты не могъ предупредить меня что тамъ есть тайники?

Оливье высвободился отъ этого бѣшенаго лохотья и ничего не отвѣтилъ. Стоя у окна, онъ снова принялся думать о письмѣ одной женщины, которое оканчивалось словами: „Выбирайте между мной и Лаванси!“ и вотъ, онъ выбралъ Лаванси! Тѣмъ временемъ боецъ кулачнаго права кое-какъ совалъ въ чемоданъ рубашки, фуфайки и другіе свои ложитки. Чтò не умѣщалось въ чемоданъ, онъ бросалъ на полъ, предоставляя тому кто захочетъ воспользоваться его брошеннымъ добромъ. Какъ только Лаванси уложилъ своей чемоданъ, а служитель ввзвалилъ его себѣ на плечи, трибуна вышелъ изъ комнаты говоря Оливье, но не глядя на него:

— Прошу тебя замѣтить что я ухожу не подавая тебѣ руки.

— Прошу тебя замѣтить, спокойно отвѣчалъ Оливье,— что я и не прошу тебя объ этомъ.

Весьма важная вещь умѣть ретироваться. Чловѣкъ дюжинный не сумѣетъ придать веселаго вида своему несчастію и величія побѣды своему пораженію. Лаванси принадлежалъ къ числу людей сохраняющихъ всю свою гордость въ несчастіи и умѣющихъ ретироваться съ честью. Больше двухсотъ забастовщиковъ собрались неподалеку отъ станціи; они остановили его умолая не покидать ихъ. Это тронуло его. Четверо высокаго роста рабочихъ на своихъ мускулистыхъ рукахъ подняли его высоко надъ толпой, къ которой онъ обратился съ краткою прощальною рѣчью, глубоко растрогавшею всѣ сердца. Онъ говорилъ что биваютъ оскорбленія которыхъ честный чловѣкъ не въ силахъ перенести; что онъ, Лаванси, уступаетъ мѣсто своимъ

завистникамъ, своимъ врагамъ, но въ сердцѣ своемъ не таить ни малѣйшаго чувства злобы или ненависти, что онъ болѣе чѣмъ когда-либо рѣшился посвятить себя святому дѣлу и благу народа.

— Стачка ваша, говорилъ онъ, — почти при смерти, на мой взглядъ; ей трудно будетъ оправиться отъ удара который ей нанесли безумцы, намѣренно или безсознательно сдѣлавшіеся соучастниками буржуазной тирании. Нѣтъ, я не хочу считать ихъ преступными, я считаю ихъ только безумными.. Прощайте, друзья мои! Будемъ надѣяться на будущее, на случайности, возложимъ наши надежды на лучшія времена. Разчитывайте на меня какъ я разчитываю на васъ.

Ему отвѣчали громкими единодушными криками привѣтствія, и какъ только онъ спустился со своего импровизованнаго трона на землю, его со всѣхъ сторонъ окружили, хватали и жали ему руки. Какая-то присоединившаяся къ манифестаціи старуха ударила въ слезы. Въ своемъ волненіи она утирала себѣ глаза рукавомъ трибуна и восклицала:

— Душа-человѣкъ! Не пускайте его!

Его ожидало и другое утѣшеніе. Молоденькая англійская миссъ, довольно хорошенькая, такъ какъ ее даже не портили очки, пришла на станцію проводить его. Эта любезная, съ весьма передовыми взглядами, особа съ самыхъ первыхъ дней стачки поселилась въ Туленѣ и посылала въ свою газету корреспонденціи, въ которыхъ до небесъ превозносила краснорѣчіе и гражданскія доблести Аристиды Лаванси. Она выразила ему все свое негодованіе относительно гнусной сломившей его интригѣ, затѣмъ подавая ему букетъ цвѣтовъ, которые собственноручно нарвала, просила его сохранить этотъ букетъ на память объ Англичанкѣ которая любитъ великихъ людей, и затѣмъ умоляла Лаванси дать ей на память одну изъ его перчатокъ, дабы она могла положить ее въ сундучокъ гдѣ у нея хранятся всѣ ея завѣтные драгоценности. Онъ любезно исполнилъ ея просьбу и сказалъ ей:

— Ахъ, еслибы только возможно было каждаго изъ здѣшнихъ жителей превратить въ молоденькую миссъ, социальный вопросъ былъ бы весьма скоро рѣшенъ.

Минуту спустя онъ уже сидѣлъ въ вагонѣ, и будучи совершенно одинъ въ отдѣленіи, весь остатокъ ночи употребилъ на приготовленіе для *Народнаго Мстителя* статьи, въ которой

онъ отводилъ два равные столбца, одинъ бѣшеному безумцу, а другой форнейскому директору. Но какъ онъ ни записался на нихъ, онъ еще боѣе записался на неовиннаго Оливье, и время отъ времени какъ бы терзаемый неотступною мыслью, которую ничто не въ силахъ было разсѣять, въ пологоса повторялъ:

— Тысяча чертей въ пушку! Каковъ осель! Не нашла предупредить меня что тамъ есть тайникъ!“

XXV.

Предсказанія Лаванси не могли не исполниться. Какъ лица пораженная выстрѣломъ, прежде чѣмъ упасть на землю, нѣкоторое время кувиркается въ воздухѣ, такъ и стачка пораженная докжимъ ударомъ напрасно пыталась нѣкоторое время воскресить и поддержать себя; ударъ оказался смертельнымъ, часы ея были сочтены. Въ стадѣ оставшемся безъ пастуха не замедлилъ обнаружиться страшный безпорядокъ. Не было человѣка умѣвшаго распорядиться всѣми, все предусматривать, слособнаго мирить ссоры, успокаивать зависть, учить терпѣнью, поддерживать духъ. Тайна удачныхъ революцій заключается въ дисциплинѣ и нужномъ чловѣкѣ; когда чловѣкъ исчезаетъ, дисциплина рушится сама собой. Шумное собраніе, въ которомъ рѣшилась судьба трибуна, произвело на умы самое мрачное впечатлѣніе, поселило въ нихъ зародыши горечи, смуть и раздоровъ. Всѣ предавались пересудамъ, перекорамъ, единственной утѣхѣ побѣжденныхъ всѣ наладили другъ на друга, ненавидѣли другъ друга еще сильнѣе чѣмъ своего общаго врага. Нѣсколько сотъ лавансистовъ увеличили собой лагерь сатурнистовъ, которые ихъ принимали съ отверстыми объятіями. А еще большее число лавансистовъ, хотя это и дорого обошлось ихъ гордости, говорило себѣ:

— Дѣло не выгорѣло; гауло будетъ артачиться.

Эти сорвавшіяся съ коновязи лошади, горделиво поднимавшіяся на дыбы и брыкавшія, теперь почувствовади утомленіе; вытянувъ шею, онъ смотрѣли въ сторону Форне и начинали сожалѣть о своемъ недоуздыкѣ. Г. Марескель велѣлъ передать имъ что онъ не станетъ вести никакихъ переговоровъ

съ забастовщиками, что онъ ожидаетъ всеобщаго возвращенія къ обычнымъ работамъ чтобы затѣмъ на свободъ заняться ихъ неудовольствіями, и совѣтуетъ имъ полагаться на его отеческую къ нимъ благосклонность. Рабочіе, полагаясь на его неопредѣленные обѣщанія, съ каждымъ днемъ все въ большемъ и большемъ числѣ стали появляться и на заводѣ, и въ шахтахъ.

Сатурниевъ пришелъ въ неистовый восторгъ побѣдителемъ узнавъ о паденіи парижскаго оппортуниста. Освободясь отъ своего опаснаго соперника, онъ дѣлалъ надежду что всѣ теперь примкнутъ къ нему. Онъ сашкомъ возмечталъ о своихъ дарованіяхъ, о своемъ значеніи. Онъ воображалъ себя какимъ-то Лаванси, но въ немъ далеко не было тѣхъ качествъ которыя необходимы такого рода деятелю. Кто съѣтъ вѣтеръ, поживаетъ бурю; его филиппики, столь же дикія сколько и однообразныя, имѣли весьма печальныя послѣдствія. Нѣкоторые изъ его послѣдователей осыпали ругательствами и ударами рабочихъ вернувшихся въ колѣи и чуть не дошли до убійствъ. Г. Марескаль потиралъ себѣ руки: жандармы вступились въ дѣло, наряжено было слѣдствіе, проведено нѣсколько арестовъ, и съ этого дня число крайнихъ забастовщиковъ, уже значительно уменьшившееся, порядкомъ еще болѣе. Стачка умирала.

Тщеславный Сатурниевъ не уступалъ; титанъ продолжалъ воображать что онъ въ состояніи осилить Юпитера, его громы и весь Олимпъ. Но многіе изъ его приверженцевъ уже начинали роптать на него. Господство идоловъ и крайностей всегда непродолжительно, а неудача порождаетъ раздоры и междуусобицы. Партія сатурнистовъ раздѣлилась на нѣсколько фракцій, тѣ въ свою очередь распались еще на меньшія группы, которыя скоро разлетѣлись въ лухъ и прахъ. Одни досадовали на лудлинсовщика за его невыносимое высокомеріе. Другіе утверждали что большая часть собранныхъ денегъ идетъ на содержаніе самого Сатурнива и его прислѣзниковъ. Третьи называли его хвастуномъ, который много кричитъ, но ничего не дѣлаетъ. Нѣкоторые находили его недостаточно крайнимъ и рѣшительнымъ. Въ порывѣ чрезмернаго рвенія, фанатикъ Грилье, который такъ некстати упрекнулъ Лонжлье за рюмку вина выпитую у г. Марескаля, теперь обращалъ на самого Сатурнива всѣ тѣ обвиненія какими тотъ прежде грохоталъ

Лаванси. Онъ открыто обвинялъ его въ оппортунизмъ, грубо высказалъ ему свое мнѣніе о немъ, и самъ сталъ во главѣ тѣхъ кого называлъ чистыми. Эта немногочисленная партія всего на все состояла изъ самого вожака да двухъ его помощниковъ, которые въ свою очередь пожелали стать вожаками, и въ концѣ-концовъ грильетистомъ оказался только одинъ человекъ, самъ Грилье, а нѣсколько дней спустя и этотъ маленькій раздражительный человекъ сошелъ со сцены. Онъ сдѣлался съ однимъ изъ жандармовъ, пригрозилъ ему тѣмъ что прострѣлить ему голову и вылустить кишки, былъ схваченъ и арестованъ; приключеніе это выставило его въ подозрительномъ свѣтѣ, и скоро ничего уже не стало слышно о предводителѣ партіи чистыхъ.

Какъ ни мало достоинъ былъ Сатурнинъ замѣстить Лаванси, все же это былъ не Грилье; несмотря на отпаденіе и ролоть большинства, простяки еще продолжали покоряться его вліянію, продолжали вѣрить въ него, принимать за чистую монету всѣ похвалы, всѣ приемы и жесты этого хвастуна. Онъ былъ однако саишкомъ уменъ чтобы не понимать что дѣла его плохи, что пораженіе переходитъ въ разгромъ. Онъ становился мраченъ и озабоченъ. Каждое утро, просыпаясь, онъ вспоминалъ свою прежнюю жизнь, свою лавинную лечь, значеніе которое онъ пріобрѣлъ себѣ ловкостью и силою своихъ рукъ, труды въ которыхъ его самолюбіе находило себѣ удовлетвореніе; вспоминалъ онъ также и свои гулянки, свою безшабашную удачу, веселье, кутежи, звонъ монетъ въ своихъ карманахъ, золотисто-рыжеватые, почти красные кудри Коветты Вьяленъ. Общество въ которое теперь забросила его судьба было далеко не такъ пріятно ему. Тутъ былъ всякій сбродъ; за исключеніемъ нѣсколькихъ чистосердечныхъ, ярыхъ фанатиковъ, общество это состояло преимущественно изъ людей подозрительныхъ, далеко не безукоризненной нравственности. Честный человекъ чувствуетъ влеченіе даже и къ самому тяжкому труду; ему тяжело долгое время оставаться безъ работы. Всѣ порядочные рабочіе возвращались въ Форне. Въ стачкѣ оставались только ея подонки: вотъ каковы въ настоящее время были товарищи Сатурнина. Этотъ красивый малый, охотникъ поѣсть и погулять, никогда ни въ чемъ себѣ не отказывавшій, теперь изъ гордости осудилъ себя на самое жалкое существованіе, грызъ черствый хлѣбъ и только изрѣдка разрѣшалъ себѣ выпить.

Порой онъ мечталъ не уѣхать ли ему куда-нибудь тайкомъ, не поискать ли себѣ новой работы и новой Кошетты. Но не легко разстаться со славой, ослѣпленіемъ, съ почетнымъ краснымъ шарфомъ, съ ролью главы партіи который разглагольствуетъ, жестикулируетъ, которому поклоняются и руколаещутъ. Не разъ туленскіе зѣваки, провожая взглядомъ пудачинговщика съ его прислѣзниками, восклицали: „Вотъ, вотъ онъ идетъ!“ Корреспонденты спрашивали его о малѣйшихъ подробностяхъ его жизни, фотографы просили у него позволенія снять съ него карточку, а миссъ Райвзъ, несмотря на свое поклоненіе Лавансу, не пренебрегала и подтрибуномъ и просила его о дозволеніи набросать его портретъ для одной лондонской газеты. Перчатокъ, правда, она у него не просила, потому что онъ ихъ не носилъ. Такое чествованіе льстило его тщеславію. Отказаться отъ этого нектара, отъ этой амброзіи, нѣтъ возможности! Въ минуты отрезвленія, когда одно его я говорило другому: „Бѣдемъ въ Бельгію?“ другое отвѣчало: „Не могу“. Какъ только онъ выпьетъ, ему казалось что дѣла его еще могутъ поправиться, что стачка еще не кончилась, что должна произойти какая-нибудь случайность и что, какъ бы то ни было, а несчастье съ перомъ на шпалѣ и въ красномъ шарфѣ все-таки въ тысячу разъ завиднѣе темнаго неизвестнаго счастья, о которомъ никто не говоритъ и которое никогда не видывало своего портрета ни въ какомъ иллюстрированномъ журналѣ.

Если Коріолана глубоко взволновало неожиданное посѣщеніе лагеря его матерью, Веттуріей, то Сатурнина Сервуа никакъ не менѣе взволновало неожиданное появленіе его отца, Тимофея, прервавшаго его застольную бесѣду съ нѣсколькими ярыми приверженцами. Это былъ единственный человекъ котораго онъ боялся и всѣми силами старался избѣгать. Отворивъ дверь, старикъ на минуту остановился на порогѣ, затѣмъ выпрямилъ свою сгорбленную спину, и несмотря ни на право, ни на лѣво, прямо пошелъ къ сыну, который отъ неожиданности выронилъ изъ рукъ недопитый стаканъ. Ему показалось что старикъ не менѣе шести футовъ роста, что наружность его такъ же внушительна какъ и любого императора. Никто не имѣетъ на уваженіе большихъ правъ какъ старый работникъ который, протрудившись всю жизнь, полюбилъ свою страду.

Тимошей положилъ руку на большой столъ, за которымъ сидѣлъ его сынъ, и мигая сказалъ:

— Довольно, Сатурнинъ! ты ужь и такъ надѣлаалъ много-много глупостей. Нѣтъ ничего безумнѣе упрямаго дурака. Брось весь этотъ людъ и уѣзжай въ Америку; ты вернешься оттуда богатымъ человѣкомъ.

Какъ ни благоговѣалъ Сатурнинъ предъ своимъ отцомъ, но сдвинулъ брови и нахмурился. Онъ былъ недоволенъ что тотъ къ нему обратился такъ безцеремонно въ присутствіи его приверженцевъ. Обиженный въ своемъ высокомѣріи, онъ грубо отвѣчалъ:

— Я не привыкъ бросать товарищей, а неспособенъ къ бѣгству! Когда за святое дѣло начата борьба, сѣдаеть биться до конца. Я не уѣду.

Обыкновенно скулой на слова, старикъ въ первый разъ въ жизни произнесъ настоящую рѣчь. Сердце его перелопылось, гнѣву его необходимо было излиться. Онъ вытащилъ изъ кармана носовой платокъ, придержалъ его за кончикъ зубами, шумно высморкался и воскликнулъ:

— Ты глупъ со всѣми твоими фразами! Мало еще ты наговорилъ ихъ за все это время! Чего ты добиваешься? На чтѣ надѣешься? Парижскій-то фокусникъ былъ посланъ тебѣ, однако и ему носъ утерли. Ты дуракъ, говорятъ тебѣ! И все это изъ-за какой-то Коветты, которую у тебя отняли! Изъ-за какой-то обиравшей тебя дѣвки! Слава Богу что избавилася отъ нея! Я въ волю посмѣялся про себя. Будь у тебя въ головѣ хоть столько же здраваго смысла сколько у моего зяблика, ты спокойно предоставилъ бы эту тварь г. Марескелю, славная бы вышла парочка... Но господинъ лудинговщикъ вообразилъ себѣ что онъ въ силахъ справиться со всѣми мѣщанами и кулцами въ мірѣ. Быки однако слушаются своего пастуха, хотя сами часто бываютъ гораздо умнѣе его. Ужь не думаешь ли ты что я люблю этихъ кулцовъ? Я люблю только свои коли: въ мірѣ только и есть хорошаго что трудъ; а трудъ—это гордость; тѣмъ что не трудятся, чѣмъ бы они ни занимались, не болѣе какъ переряженные нищіе... А ты вотъ въ этомъ красномъ кушакѣ похожъ на комедіянта. Тебѣ руколаескали, погоди — будутъ свистать. Не увлекайся лустаками, лѣзжай въ Америку. Я тебѣ дамъ на дорогу денегъ.

— Я не лѣду! затронутый за живое отвѣчалъ Сатурннъ.—
Начальникъ не бросаетъ своего войска.

— Хорошъ начальникъ! замѣтилъ старикъ. — Да, хорошъ начальникъ да и войско-то хорошо!.. Я вижу здѣсь только шутовъ.

И онъ удостоилъ окинуть взглядомъ все собраніе которое пересмѣиваясь слушало его.

Лица приняла было угрожающее выраженіе, но Сатурннъ сказалъ:

— Тше, смирно!

Затѣмъ прибавилъ:

— Ступай, ты можешь разсердить насъ.

— Такъ ты не хочешь уѣхать?

— Нѣтъ.

— Господи! не гауло ли разговаривать съ ними?..
пробормоталъ Тимоѣевъ.

И плюнувъ на земаю:

— Сатурннъ, я плюю на тебя и на вихъ!

При этихъ словахъ всѣ повскакали съ мѣсто и кинулись на него. Вооружась бутылкой Сатурннъ прыгнулъ черезъ столъ, бросился въ тоалу и закричалъ:

— Уложу перваго кто тронетъ старика.

Потомъ онъ шелъ отцу:

— Чтѣ же дѣлать? Приходится испить чашу до дна.

И тихонько толкая его за плечи, онъ довелъ отца до самыхъ дверей.

— Не трудись, полководецъ! съ презрительнымъ движеніемъ проговорилъ старикъ.—Я и одинъ уйду!

Былъ и еще въ Туленѣ человекъ, мучившійся еще болѣе чѣмъ Сатурннъ Сервуа. Запершись въ своей маленькой комнаткѣ въ гостиницѣ *Золотаго Льва*, Оливье Моганъ, блѣдный, измученный, съ синими кругами вокругъ глазъ, размышлялъ о своемъ ужасномъ заключеніи. Онъ находился въ такомъ же отчаяніи какъ человекъ который, считая себя великимъ архитекторомъ, выстроилъ бы себѣ домъ и затѣмъ увидѣлъ бы какъ тотъ валится у него надъ головой. Къ жгучему огорченію отъ неудачи стачки и торжества г. Марескала, у Оливье къ довершенію всѣхъ его горестей присоединилось еще и мучительное воспоминаніе о Лаванси, котораго онъ такъ любилъ и который оказался недостойнымъ его

любви. Всегда склонный къ преувеличеніямъ, теперь онъ смотрѣлъ на этого веселаго эликурейца какъ на послѣдняго лута. Кому же отнынѣ вѣрить? Онъ всюду видѣлъ только обманъ, двуличность, ложь и порокъ; онъ рѣшилъ что всѣ ходатаи за человечество, и худые и жирные, одинаково комедіанты.

Что же доводило его до крайней степени отчаянія, такъ это упрямство Сатурнива, неистовыя выходки его приверженцевъ и сѣдовавшіе за ними аресты. Оливье обвинялъ себя и во всѣхъ крайностяхъ, и во всѣхъ понесенныхъ за нихъ наказаніяхъ. Онъ говорилъ себѣ: «это твоя вина, ты этого желалъ». Какъ это ни тяжело ему было, однажды утромъ онъ явился къ подтрибуну и всѣми силами сталъ пытаться образумить его. Онъ объяснялъ ему что насилія не спасая его позорятъ дѣло, онъ умолялъ его отказаться отъ проигранной партіи, приберечь себя для лучшихъ временъ, возвратитъ слово тѣмъ кто обязались дѣйствовать съ нимъ заодно. Сатурнивъ и его друзья грубо оттолкнули Оливье. Они укоряли его дружбой съ Лаванси, называли его самогокупцомъ, подкупленнымъ человѣкомъ. Его осмѣяли, осрамили, опозорили, чуть не лобили.

Онъ вернулся въ гостиницу *Золотаго Льва* совсѣмъ убитый и оскорбленный до глубины души. Какъ ни былъ онъ суровъ къ самому себѣ, ему вдругъ показалось что несчастье его не вполнѣ справедливо, не вполнѣ имъ заслужено. Онъ съ горечью припомнилъ всю исторію своихъ ошибокъ, сравнилъ между собой причиненное имъ зло съ испытаннымъ имъ страданіемъ, и проклялъ свою жизнь. Судорожно сжавъ руки, онъ объявилъ что не должно въ семь мірѣ только одно равнодушіе, что отнынѣ онъ никого не будетъ щадить въ своихъ сужденіяхъ, что онъ изгонитъ изъ своего сердца нелѣпую жалость, что онъ весь завернется въ безстрастный пессимизмъ какъ въ толстый мѣховой плащъ, который не будетъ допускать до него страданія другихъ людей. Правда, судьба и не хвалится тѣмъ что она вполнѣ справедлива, она рѣдко соизмѣряетъ страданія съ наслажденіями, часто тяжкія преступленія остаются безнаказанными, часто вполнѣ простительныя ошибки влекутъ за собой роковыя послѣдствія, и въ семь мірѣ факты сами по себѣ часто значатъ несравненно менѣе чѣмъ то какъ они совершены. Но все это еще

не причина проклинать жизнь; ласкает ли она насъ, царялетъ или душитъ, сама по себѣ она ни добра, ни зла; она такова какова есть, и еслибы она была иномъ, то уже не была бы жизнью.

Оливье составилъ другой планъ болѣе разумный и болѣе полезный. Онъ вспомнилъ одного великаго философа сказавшаго что единственныи способъ сдѣлать жизнь себѣ сносною: это—воздѣлывать свой садъ. „Будемъ работать, трудиться“, сказалъ себѣ Оливье, „трудъ есть забвеніе“. Во время своего пребыванія въ Сиа онъ сошелся съ однимъ Шведомъ, хозяиномъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ, который относился къ нему съ большою добротой и однажды сказалъ ему что если ему придется на умъ заняться разработкой рудъ въ Швеціи, то онъ радъ быть ему тамъ полезнымъ. Оливье написалъ своему Шведу, очень скоро получилъ отъ него благоприятный отвѣтъ и затѣмъ рѣшилъ немедленно ѣхать въ Швецію: до такой степени ему хотѣлось поскорѣе отряхнуть отъ ногъ своихъ формейскую грязь и прахъ. Однако прежде чѣмъ уѣхать онъ счелъ нужнымъ исполнить еще кое-что. Каждый разъ какъ онъ бесѣдовалъ со своею совѣстью, она являлась ему въ томъ образѣ который онъ отчаивался когда-либо позабыть, даже день и ночь старалась объ этомъ; довольно сказать что она являлась ему съ черными какъ смоль глазами и волосами, со смутнымъ цвѣтомъ лица и съ румянцемъ роскошнаго плода созрѣвшаго подъ лучами лалаящаго солнца. Наканунѣ своего отъѣзда онъ отправилъ въ сиротскій пріютъ слугу и приказалъ ему передать въ собственныя руки начальницы записку слѣдующаго содержанія:

„Кузина, мы никогда больше не увидимся. Я завтра уѣзжаю въ Швецію. Простите меня, я глубоко несчастливъ.“

Часа три спустя, уже совсѣмъ уложившись, онъ сидѣлъ въ сумеркахъ предъ каминомъ, отогрѣвая всѣ свои горести. Былъ холодный, мрачный октябрьскій день; грязноватая облака какъ-то висѣли надъ землею; въ воздухѣ стоялъ туманъ, моросилъ мелкій осенній дождь. Кто-то постучалъ въ дверь. Оливье всталъ, отперъ ее и въ остобенѣнціи отступилъ шага три назадъ. Это была она, бѣгомъ прибѣжавшая сюда, вся закутанная въ грубый крестьянскій плащъ съ капюшономъ, который она заняла у кого-то чтобы защитить себя отъ сырости и дождя.

— Да, это я, сказала она.—Кому же и быть кромѣ меня?... Надобно быть очень доброю кузиной чтобы прійти навѣстить своего кузена въ такую погоду и женщиной съ очень рѣшительнымъ характеромъ чтобы, презирая всѣ правила приличія, явиться такимъ образомъ въ комнату холостяго человѣка. Тѣмъ хуже, я рискую собой. Пусть хозяинъ гостиницы *Золотого Льва* думаетъ все что ему угодно. Что же касается *Жоржины*, то намъ нечего бояться что она поймаетъ насъ; она вчера уѣхала въ *Биаррицъ*, и Богъ знаетъ когда вернется!

Онъ не находилъ словъ и въ омущеніи даже не предлагалъ ей стула. Не дожидаясь его приглашенія, она сѣла противъ него и стала смотрѣть на него своими большими глазами, которые никогда еще не казались такъ черны и велики.

— Такъ вотъ онъ, сквозь зубы проговорила она,—этотъ злой молодой человѣкъ который причиняетъ столько огорченій тѣмъ кто его любитъ; этотъ молодой человѣкъ у котораго нѣтъ разсудка, который мечтаетъ о мести и не умѣетъ справиться съ pistolетомъ; это странное существо, которое на разумное письмо отвѣчаетъ письмомъ столь же неаппетитнымъ сколько и дерзкимъ, человѣкъ который предпочитаетъ Лаваси своей кузинѣ и слускаетъ съ привази бѣшеныхъ собакъ, а потомъ кричитъ: „спасайся кто можетъ!“

— Вы жестоки, съ горечью проговорилъ онъ.—Вы думаете что говорите мнѣ что-нибудь новое?

— А! если у грѣшника есть угрызенія, если онъ сожалеетъ о своихъ ошибкахъ, раскаивается въ нихъ, то это другое дѣло, и я мѣняю тонъ... Впрочемъ, я желаю чтобы онъ зналъ какимъ неприятностямъ онъ насъ подвергаетъ. Сегодня сестра *Клотильда* чуть не умерла со страха. Войдя въ часовню, она нашла въ ней два патрона съ динямитомъ; по счастью, пристроенный къ нимъ фитиль потухъ.

— Вы меня уничтожаете! воскликнулъ онъ, ударяя себя обѣими руками по лбу.—Вы хотите чтобы я застрѣлился?

— Напротивъ, отвѣчала *Беатриса*;—я хочу доказать вашему пессимизму что несчастія случаются не всегда, что иногда они такъ и остаются въ пути... Но все равно, пожалуйте меня; благодаря вамъ я очутилась на улицѣ.

— Какъ, вы покидаете *Форне*? въ радостномъ волненіи спросилъ онъ.

— Увы! совершенно помимо собственной воли я при-
нуждена покинуть Форне. На то есть весьма основательныя
причины. Волевыми, г. Марескель до такой степени торже-
ствуетъ и ликуетъ что счастье его для меня невыносимо;
во вторыхъ, я не въ силахъ переносить человека который
даетъ всевозможныя обѣщанія своимъ рабочимъ, твер-
до рѣшивъ не исполнить ихъ; въ третьихъ, онъ намѣренъ
сдѣлать требуемыя мной поправки въ пріютъ не прежде
какъ воротать всѣ убытки причиненные ему забастовкой;
сироты у него на самомъ послѣднемъ планѣ. Затѣмъ я за-
мѣчаю что избытокъ счастья располагаетъ его къ разнымъ
нѣжностямъ, а Жоржина уѣхала. Наконецъ, онъ далъ мнѣ
понять что оставитъ меня у себя лишь на томъ условіи чтобъ
я дала обязательство не видаться съ вами, а я, какъ ви-
дите, у васъ. Развѣ я не милая кузина?

Онъ завладалъ ея обѣими руками, но поцѣловать ихъ не
смѣлъ.

— Благодарю, благодарю! пробормоталъ онъ.—Я уѣду съ
болѣе спокойнымъ сердцемъ; вы не останетесь въ Форне.

— Большое удовольствіе доставлю я вамъ этимъ?

— Нѣтъ, но этимъ вы избавляете меня отъ большого
огорченія.

— Итакъ серьезно вы оласались за мою добродѣтель? Это
очень мило со стороны добраго кузена... Добрый кузень,
это вы. Добрая кузина—это я. Мы оба совершенство... Но
что же мнѣ дѣлать теперь съ собой? Мнѣ очень хочется
напечатать въ газетахъ слѣдующее объявленіе: „Просить до-
ставить интересное занятіе бѣдной молодой женщины
которая не можетъ жить ничего не дѣлая и любить болѣе дѣ-
лать добро чѣмъ зло...“ О, не безлокойтесь за меня, я уже
почти устроилась. *Независимый* воспѣвалъ мнѣ такіе хвалеб-
ныя гимны что вѣсть о моей славѣ достигла милахъ въ де-
сяти отсюда одного богатаго заводчика, который непременно
желаетъ устроить сиротскій пріютъ. Онъ уже являлся ко
мнѣ съ просьбой заняться этимъ пріютомъ; онъ вовсе не
похожъ на моего милаго зятя и общается во всемъ и вполнѣ
полагаться на меня... Но мнѣ пришла мысль что если чрезъ
годъ, чрезъ два, отъ него отойдетъ кто-нибудь изъ его наже-
веровъ?... Ахъ кузень, это было бы такъ пріятно, мы снова
сдѣлались бы съ вами добрыми сосѣдями какъ и въ Форне.
Согласны вы на мое предложеніе?

— Нѣтъ, мрачно отвѣтилъ онъ.

— Почему?

— Потому что я ненавижу наслажденія которыя хуже пытки, и потому что я далъ себѣ слово стараться позабыть васъ.

— Неужели? А бѣленькій домикъ? Вы уже бросили всякую мысль о немъ?

— Беатриса! съ гнѣвнымъ движеніемъ воскликнулъ онъ, — я никогда не отдѣлаюсь отъ мысли что вы такая же кокетка какъ и ваша сестра.

— Что же дѣлать мой милый юноша? Это въ крови Ваальтрѣ, какъ говоритъ г. Марескель. Надобно мириться на томъ каковы мы есть; лучшая изъ двухъ, и та ничего не стѣбитъ... Но зачѣмъ же такъ послѣшно отказываться отъ моего предложенія? Дайте себѣ время подумать.

— Довольно! закричалъ онъ; — не мучьте меня... Я начинаю сожалѣть что вы ко мнѣ пришли.

Продолжать онъ былъ не въ силахъ. Послѣ столькихъ тяжелыхъ для него испытаній, женщина которую онъ любилъ еще насмѣхается надъ нимъ! Это было уже слишкомъ; онъ чувствовалъ какъ въ груди у него поднимаются рыданія и всѣми силами старался удержать ихъ. Онъ поклялся себѣ что отнынѣ сердце и глаза его будутъ сухи, что онъ заставить изсякнуть въ себѣ всякій источникъ слезъ. Закрывъ лицо руками онъ говорилъ себѣ: „Нѣтъ, я не хочу, не буду плакать, я не хочу чтобъ она видѣла мои слезы.“ Но тѣмъ не менѣе когда онъ подвигалъ голову двѣ крупныя слезы медленно катились по его блѣднымъ, изможденнымъ страданіями щекамъ. Она замѣтила эти слезы, но и виду не подавала какъ глубоко онъ ее тронули. Несмотря на то что она болѣе любила дѣлать добро чѣмъ зло, Беатриса повидимому все-таки была мстительна; ей было необходимо наказать безумца отказавшагося для нея пожертвовать Лаванси. Самыя сострадательныя женщины обладаютъ нѣкоторою долей жестокости.

— Вы въ правѣ позабыть гадкую женщину заставляющую васъ плакать, снова безжалостно весело начала она. — Вѣрьте, однако, кузенъ что я питаю къ вамъ нѣкоторую долю дружбы и принимаю искреннее участіе въ вашемъ счастіи. Мы расстаемся надолго, можетъ-быть навсегда, и прежде чѣмъ проститься съ вами, я желала бы знать ваши планы на будущее; я хочу знать что вы намѣрены дѣлать въ Швеции.

Онъ сдѣлалъ надъ собою невозможное усиліе. Онъ былъ твердъ и храбръ не менѣе того маленькаго Спартака который не жалуясь, не волнуясь, не моргнувъ даже глазомъ, далъ лисицѣ растерзать себя животою. Онъ велѣлъ молчать своему болѣзненно-вышшему сердцу, и хотя на щекахъ его еще видны были слѣды слезъ, этотъ ученикъ стоической школы спокойно, почти свободно разказаалъ ей о всѣхъ своихъ планахъ, о своемъ Шведѣ, о предложеніи ему своихъ услугъ съ его стороны, о своемъ рѣшеніи на вѣки покинуть родину и ѣхать въ Швецію искать того счастья которое можно найти въ глубинѣ рудниковъ, тѣхъ радостей и наслажденій которыя могутъ дать равнодушіе и забвеніе.

Ко всему этому она повидимому отвеслась съ полнымъ сочувствіемъ.

— Право, кузень, сказала она ему,—я не думаю чтобы вы могли поступить лучше этого. Вы хотите трудиться, это хорошо, а вамъ за это ставлю хорошую отмѣтку. Безполезные люди, это жалкая раса. Съ другой стороны, послѣ всего случившагося вамъ было бы трудно найти себѣ здѣсь какое-нибудь занятіе. Вы вѣсколько компрометтировали себя; инженеръ принимающій участіе въ стачкѣ рабочихъ и рука объ руку разгуливающій съ какимъ-нибудь Лаванси не особенно хорошо рекомендуетъ себя директорамъ заводовъ. Къ молодости надо имѣть снисхожденіе. Надѣюсь, вы теперь бросили всѣ свои проказы; когда же вы вернетесь изъ Швеціи, то будете совѣтъмъ взрослымъ человѣкомъ, а время изгладитъ воспоминаніе о вашихъ ошибкахъ. Пользайтесь скорѣй въ Швецію, это будетъ для васъ хорошею школою. Маѣ кажется что въ этихъ холодныхъ сѣверныхъ странахъ приобрѣтаются чудесныя качества—здравый смыслъ, разсудительность, способность къ размышленію, именно все то чего до сихъ поръ не доставало одному знакомому мнѣ молодому человѣку.

Затѣмъ очень серьезно и упирая на каждое слово, она прибавила:

— Во всякомъ случаѣ, не принимайте никакого мѣста на долгій срокъ... Я хочу жить во Франціи, французскимъ сиротамъ желаю быть матерью... Видите ли я до конца ногтею чувствую себя Француженкой и никогда не соглашусь покинуть свою родину.

Онъ слушалъ ее съ какимъ-то тулымъ вниманіемъ, стараясь понять и ничего не понимая.

— Оливье, да что же вы... ничего не видите? вдругъ крикнула она ему.

Съ этими словами она поднялась съ мѣста и быстрымъ движеніемъ распахнула свой плащъ; только теперь замѣтилъ Оливье что она была въ глубокомъ траурѣ. Онъ готовъ былъ закричать отъ радости, но она послѣшно обѣими руками закрыла ему ротъ.

— Шш! ни слова. Иныя радости накаиваютъ горе.

На этотъ разъ стыдъ его уже не удерживалъ, и онъ разрыдался какъ ребенокъ. Онъ бросился къ ея ногамъ и порывисто цѣловалъ край ея платья. Минутами онъ пытался заговорить, но она не позволяла ему. Она ему говорила: „Тшш! Не надо нескромныхъ рѣчей! Истинное счастье молчаливо!“

Онъ хватался за ея плащъ, умоляя ее не торопиться; полуулыбаясь, полусердясь, она тихонько оттолкнула его, и тономъ матери, выговаривающей своему ребенку за то что онъ цѣляется за ея юбки, приказала ему подняться. Въ ту минуту какъ она уже уходила изъ комнаты, онъ воротилъ ее чтобы спросить когда она уѣзжаетъ изъ Форне.

— Все еще подозрительнѣ! проговорила она.—Вижу, Оливье, что всю жизнь, всегда что-нибудь будетъ отравлять вамъ всякое счастье... Я не уѣду ни завтра, ни послѣ завтра изъ Форне; я уѣду лишь въ тотъ день когда все войдетъ въ свою обычную колею, когда Сатурнинъ Сервуа перестанетъ намъ постоянно напоминать о себѣ, когда сестра Клотильда будетъ въ состояніи предаваться своимъ мирнымъ благочестивымъ занятіямъ безъ опасенія наступить ногой на петарду съ динамитомъ... Если это вамъ не нравится, если это васъ безпокоитъ, бравите самого себя, неосторожный свѣтель проклинаящій свою жатву.

Едва окончивъ эту отповѣдь, она вышла изъ комнаты. Несмотря на то что она просила Оливье не слѣдовать за нею, онъ во что бы то ни стало желалъ проводить ее до конца извилистатаго и плохо освѣщеннаго корридора. Онъ былъ вознагражденъ за свое непослушаніе. Въ самомъ темномъ мѣстечкѣ этого темнаго корридора изъ-подъ плаща высунулась рука и обвилась вокругъ его шеи, а нѣжный голосъ прошепталъ ему на ухо:

— Ахъ, бѣдный мой хромоножка, какъ я люблю тебя!

Въ ту же минуту онъ почувствовалъ на своихъ устахъ другія горячія, почти жгучія уста. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ очнуться, оломиться отъ этой внезапности, Беатриса уже

была на дѣтвицѣхъ и легкимъ быстрымъ шагомъ спускалась внизъ. Тамъ она оставилась чтобъ обмѣняться нѣсколькими ничего незначащими словами съ хозяиномъ гостиницы *Золотаго Льва*. Оливье уже не видѣлъ ее, но до него долеталъ ея сладкій лѣвучій голосъ.

Ему страстно захотѣлось еще разъ взглянуть на нее; для него это былъ вопросъ жизни и смерти. Чтобы добраться до улицы и своего экипажа, ей нужно было пройти мощенымъ дворомъ на который выходило окно съ форточкой. Дворъ этотъ былъ невеселый, а наступающая ночь придавала ему еще болѣе печальный видъ. Мелкій осенній дождь перешелъ въ настоящій ливень, стучалъ по крышамъ, наполнял стоки и съ грохотомъ вырывался изъ водосточныхъ трубъ на мостовую. Оливье порывисто дернулъ форточку, просунулъ въ нее голову и сталъ ждать. Прямо предъ нимъ поднималась высокая, старая, мѣстами обвалившаяся кирпичная стѣна, вдоль которой шла широкая темная трещина. Навѣво, въ каретномъ сараѣ какой-то человѣкъ вооружившись фонаремъ искалъ что-то между повозками и телѣгами. Направо, въ отворенной двери амбара, подъ навѣсомъ сидѣла какая-то женщина, слѣшно вычесывая для матраца волосъ. Далѣе вдоль изгороди нѣсколько жалкихъ запоздалыхъ георгинъ, захваченныя первыми осенними морозами, грустно поникли своими почернѣлыми головками.

Наконецъ Беатриса появилась. Хозяинъ гостиницы услужливо провожалъ ее, держа надъ нею свой огромный красный дождевой зонтикъ. Она остановилась на минуту поправить свои юбки, собрала ихъ въ лѣвую руку и храбро двинулась впередъ не разбирая дороги. Оливье слышалъ какъ она ступала по камнямъ и по лужамъ; затѣмъ она вторично исчезла. Ее уже не было видно, но онъ все еще продолжалъ ее видѣть, ему казалось что унылый дворъ, по которому она только-что прошла, уже не тотъ, что съ нимъ случилось что-то необыкновенное, произошло какое-то событіе, настало какое-то празднество; ему казалось что охваченные морозомъ георгины подняли свои головки и весело покачиваютъ своими луновыми какъ зонтикъ хозяина цвѣтками, что трещина въ стѣнѣ огромный улыбающійся ротъ, что увядшая изгородь безъ цвѣтовъ распространяетъ восхитительное благоуханіе, что человѣкъ съ фонаремъ вдругъ нашелъ то чего искалъ, что лившійся потоками дождь есть дождь счастья и радости, и въ своемъ восторженномъ бреду онъ готовъ былъ закричать

старухѣ чтобъ она бросила работу и подставила бы свой фар-
тукъ дабы принять въ него и свою долю счастья которое
крупными каплями падаетъ съ неба.

XXVI.

Беатриса справедливо укоряла своего кузена тѣмъ что онъ
любитъ портить себѣ всякую радость. Кто бы могъ повѣ-
рить что послѣ такого счастья, послѣ такого упоенія, онъ
весь вечеръ станетъ предаваться тревогѣ, безпокойству и го-
рести? Правда, ему въ этомъ помогали. Онъ сошелъ въ
контору гостиницы заплатить по счету. Хозяинъ, рѣдко
имѣвшій такихъ нетребовательныхъ и щедрыхъ постояль-
цевъ, пожелалъ непременно вылить на дорожку съ пожела-
ніемъ счастливаго пути и особенно счастливаго возвращенія.
По этому случаю онъ откупорилъ бутылку сомнительнаго
шампанскаго, и Оливье никакъ не могъ отказать отъ этого
угощенія, несмотря на то что шилучія вина дѣйствовали ему
на нервы и наводили на него тоску. Но еще болѣе огорчилъ его
разговоръ поднятый хозяиномъ, который по всей вѣроятности,
думая сдѣлать ему пріятное, передалъ ему всѣ носившіеся за-
вѣщія слухи, въ родѣ того что Сатурнинъ Сервуа поклялся
совершить что-нибудь ужасное, и что отъ такого бѣшенаго
безумца можно ожидать всего; онъ вѣдь „настоящій извергъ“.

Хозяинъ гостиницы *Золотаго Льва* уже давно составилъ
себѣ теорію насчетъ забастовокъ. Забастовки, по его мнѣнію,
бываютъ двухъ родовъ: одинъ родъ ему приходится очень по
душѣ, а другой вовсе не нравится. Ему нравится забастов-
ка веселая, добродушная, которая много шумитъ и кричитъ
безо всякаго злаго умысла; ему нравилась забастовка которая
разглагольствуетъ, ораторствуетъ, поетъ и смѣется, которая
дышетъ свѣжестью начинанія, предестыю надежды и обогащаетъ
всѣхъ кабатчиковъ. За то онъ вовсе не сочувствуетъ стачкѣ
мрачной, бѣшеной, неистовой, взетрошенной, съ налиты-
ми кровью глазами какъ у дикаго звѣря, который от-
чаянно и злобно отбивается отъ наступающихъ на него
охотниковъ; онъ вовсе не сочувствуетъ стачкѣ которая
ломываетъ о злодѣяніяхъ, объ убійствахъ, объ уничтоже-
ніи всего общества гильйотиной или динамитомъ, бѣд-
ной отъ голода, которая готова кинуться и пожрать всѣхъ
буржуа вмѣстѣ со всѣми ихъ женами и дѣтьми. Добродуш-
ная, милая стачка, это—Аристидъ Лаванси; гадкая неприят-
ная стачка, это—Сатурнинъ Сервуа; хозяинъ гостиницы

Золотаго Льва питалъ такое же глубокое отвращеніе къ Сатурнину, какъ и восторгъ предъ Лаванси, въ отъѣздѣ котораго онъ до сихъ поръ еще не могъ утѣшиться.

— Чтò за очаровательный человѣкъ! восклицалъ онъ— Имѣй мы трехъ, четырехъ подобныхъ ему людей, все бы пошло какъ по маслу. Но каковъ хвастунъ тотъ-то! Показался совершить что-то ужасное, и посмотрите, вѣдь въ самомъ дѣлѣ натворить бѣдъ. Это навѣрное онъ велѣлъ подбросить петарды съ динамитомъ въ Форнейскую часовню. Будь у насъ правительство, онъ уже давнымъ бы давно былъ схваченъ и повѣшенъ; но у насъ нѣтъ правительства, и какъ-нибудь ночью сироты, сестры, начальница и пріютъ со всѣмъ чтò въ немъ есть, все влетитъ на воздухъ. Ужь это я вамъ говорю!

Вернувшись къ себѣ, Оливье далеко за полночь размышлялъ о самыхъ мрачныхъ предметахъ. Зловѣщія предсказанія хозяина гостиницы были слишкомъ правдоподобны, слишкомъ согласовались съ его собственнымъ пессимизмомъ. „Мнѣ суждено вѣчное несчастье“, думалъ онъ, „какъ только уѣду, я навѣрное получу какое-нибудь самое ужасное извѣстіе“. Онъ рѣшился отложить свой отъѣздъ, рѣшился еще на попытку образумить Сатурнина, пойти и сказать ему: „Болѣе всего вамъ слѣдуетъ жаловаться и негодовать на меня. Выместите же на мнѣ всю вашу злобу, кончите дѣло поединкомъ, а невинныхъ оставьте въ покоѣ.“ Онъ заснулъ очень поздно, а пока онъ спалъ произошло трагическое событіе.

Ливня шелъ дождь; вѣтеръ бѣшено рвалъ и гнулъ деревья; безъ грома и молніи была настоящая буря. На полѣ не далеко отъ шахты Сентъ-Люси кучками сходился народъ. Всѣ были вооружены кирками, ломами, топорами, пистолетами. Всѣ были въ высокіхъ салогахъ и медленно, съ трудомъ двигались по жидкой, доходившей чуть не по щиколку грязи. Когда всѣ они собрались, то ихъ оказалось около двухсотъ человѣкъ. Между ними, какъ и всегда, были честные, добрые люди, думавшіе что они поступаютъ хорошо; фанатики увѣренные въ томъ что въ несчастіи все позволительно; хвастуны коихъ попрекали ихъ хвастовствомъ и которые стремились доказать что нѣтъ ничего недостульнаго ихъ мужеству; трусы шедшіе лишь потому что не смѣли выйти. Были здѣсь и какіе-то странные, подозрительные люди, перереяженные рабочими, которыхъ никто никогда не видывалъ ни въ шахтахъ, ни на чугуноплавильномъ заводѣ, авантюристы, хищники, люди-волки, дерзко хватавшіеся

за случай гдѣ можно было пожитья. Усмѣхаясь они потирали себѣ руки и говорили: „дѣло подвигается, желѣзо раскалится до красна!“ Многие были пьяны. Трусы вылали для храбрости, честные люди чтобы заглушить въ себѣ послѣдніе отголоски совѣсти; фанатики не леди, злоба и возбужденіе замѣняли имъ ольвянѣніе; что же касается хищниковъ, то они льютъ лишь по окончаніи дѣла. Опоясанный краснымъ шарфомъ, жокакъ этой полульвяной, полуголодной шайки былъ честолюбецъ способный на всякія крайности. Онъ взглянулъ своему преступленію прямо въ лицо, увидѣвъ что оно не красиво, но поклялся совершить что-нибудь ужасное, и во что бы то ни стало желалъ сдержать свое слово. Было рѣшено овладѣть шахтой Сеть-Люси и уничтожить въ ней водокачалки и другія машины. Жоаки окружили своего предводителя и стали держать совѣтъ; стадо нетерпѣливо ожидало распоряженій, а дождь попрежнему продолжалъ лить какъ изъ ведра. Посланный на развѣдку Ложлье прибѣжалъ бѣгомъ и сказалъ:

— Нашъ продали! Вокругъ шахты жандармы.

Поднялись брань и проклятія, и нѣкоторые пробормотали:

— Дѣло проиграно!

Но Сатурнинъ отвѣтилъ:

— Хоть одинъ, а я все-таки пойду.

Но когда съ этими словами онъ было двинулся по направленію шахты, Ложлье ухватилъ его за рукавъ, говоря:

— Тамъ отецъ твой.

И Сатурнину почудилось будто на небѣ обрисовался силуэтъ старика любившаго свою шахту и оберегавшаго ее отъ всякихъ напастей. Быть въ присутствіи отца! встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу! Сатурнинъ обладалъ мужествомъ на все, но на это мужества у него не достало, и онъ вернулся назадъ. Вдругъ кто-то крикнулъ:

— Долой половъ! Пойдемъ грабить часовню!

Это предложеніе было встрѣчено криками восторга со стороны фанатиковъ, полагавшихъ что можно уничтожить идею, уничтожить ея символы и что Бога можно уничтожить ударами ломовъ и толоровъ. Предложеніе это улыбалось и хищникамъ, людямъ-волкамъ: обманутые лустыми розказнями, они воображали что въ часовнѣ множество всякихъ сокровищъ, что вся она блестятъ золотомъ, серебромъ и камнями, убрана дорогими картинами и цѣнными сосудами. Изступленные бараны также одобрили это предложеніе, но по

особой причинѣ; они положительно находили что дождь слишкомъ сильно льетъ, а въ часовнѣ разумѣется дожда быть не можетъ. Сатурнину предложеніе это вовсе не было по сердцу, его прельщали машины, ихъ хотѣлось ему разрушить. Несмотря на всѣ его усилія сдержать стадо, оно двинулось къ часовнѣ. Онъ сказалъ себѣ:

— Такъ какъ я ихъ вождь, то надо идти за ними.

И онъ пошелъ за ними.

Подошли къ забору, сломали его и двинулись дальше. Передовой отрядъ освѣщаль дорогу смоляными факелами. Черезъ садъ пробрались гуськомъ. Вѣтеръ ревѣлъ, огромные дубы гнулись и выпрямлялись съ ужасающимъ трескомъ котораго никто не слышалъ, ибо страсть слышать только себя. Вскорѣ толпа вошла на дворъ пріюта, выломала двери, ворвалась въ часовню и при красноватомъ свѣтѣ факеловъ увидала всю ея наготу и убожество. Милліонерка которую собирались ограбить была нищая, сама просившая подаванія. Грабителямъ показалось что ихъ самихъ ограбили, они вспыхнули злобой.

Вдругъ на порогѣ ризницы появилась полуодѣтая женщина; волосы ея были въ безпорядкѣ; шумъ толпы вмѣстѣ съ ревомъ бури подвигали ее съ постели; она наскоро накинула на себя что-то и прибѣжала узнать что случилось. Увидѣвъ ожесточенныя, злобщія лица, факелы, толоры, кинжалы и листолеты, она подумала что грезить и стояла какъ окаменѣлая. Но она владела даромъ усмирять и людей, и животныхъ. Выйдя наконецъ изъ оцѣпенѣнія, она двинулась впередъ, и съ улыбкой на устахъ, твердымъ голосомъ, заговорила:

— Друзья мои, зачѣмъ вы пришли сюда? Вы вѣроятно не разбойники, да и что вамъ взять у насъ? Если у васъ есть враги, то не ищите ихъ въ этомъ домѣ. Здѣсь одиѣ женщины которымъ нечего мѣшаться въ ваши распри. Мы воспитываемъ дѣтей потерявшихъ отца или мать, мы ихъ одѣваемъ, кормимъ, учимъ ихъ читать, писать, считать, чтобы современемъ сдѣлать изъ нихъ хорошихъ работниковъ. Увѣрю васъ, мы о нихъ очень заботимся. Уходите, умоляю васъ.

— Какова болтушка! крикнулъ кто-то изъ толпы.—Будетъ тебѣ лустословить, матушка!

— Стулай причешись, сказалъ другой, — твои черные волосы дѣзуютъ тебѣ на глаза словно Цыганкѣ.

— Все равно, замѣтилъ третій, — я не прочь взять ее себѣ такую какова она есть.

Она разсердилась и строго проговорила:

— Вы не рабочіе; тѣ которыхъ я знаю учтивы.

Она хотѣла начать новую рѣчь, но ее никто не слушалъ, слова замирали у нея на языкѣ. Сатурнинъ молча глядѣлъ на нее, колебалась между двумя желаніями. Наконецъ, онъ рѣшился: порывистымъ движеніемъ выхватилъ изъ-за своего краснаго кушака пистолеть, прицѣлился и выстрѣлилъ. Въ эту минуту Оливье, видѣвшій издали эту сцену, ринулся въ часовню. Первое что бросилось ему здѣсь въ глаза, это—переряженный рабочимъ, который взобравшись на обломки дверей писалъ углемъ на одной изъ стѣнъ часовни слѣдующія слова: „Буржуа! дорогу народному правосудію!“ Немного далѣе онъ увидѣлъ мертвенно-блѣдную женщину съ закрытыми глазами; голова ее покоилась на колѣняхъ Ловжлье, который защищалъ ее отъ нескромныхъ взоровъ и ласково какъ кормилица своему питомцу, котораго хочетъ утѣшить, говорилъ ей:

— Очнитесь, сударынька. Рана ваша пустяки и трехъ капель крови не вытекло. Никто не хотѣлъ дѣлать вамъ зла.

Въ ту же минуту мертвая открыла глаза, и указывая пальцемъ на Оливье, воскликнула:

— Это ты убилъ меня!

При этихъ словахъ часовня исчезла, и Оливье увидѣлъ что онъ въ одной рубашкѣ стоитъ среди своей комнаты, холодный потъ крупными каплями струится у него по лбу, а сердце до боли сжимается отъ ужаса и волненія. Онъ, въ томъ самомъ видѣ какъ былъ, едва не любѣжалъ въ Форне чтобъ удотовѣриться въ томъ что сонъ его дѣйствительно сонъ, что Сатурнинъ Сервуа не убилъ Беатрису. Вполнѣ убѣдился онъ въ этомъ лишь часа три спустя, когда хозяинъ гостиницы *Золотаго Льва* съ радостнымъ видомъ сказалъ ему:

— Добрыя вѣсти, г. Моганъ! Извергъ Сатурнинъ Сервуа наконецъ убрался отсюда. Отецъ предлагалъ ему денегъ чтобъ онъ ѣхалъ въ Америку, онъ отказался, а теперь взял ихъ и уѣхалъ подъ шумокъ потихонечку. Повѣрите ли, здѣсь были такіе гаулды что боялись этого хвастуна какъ какого-нибудь оборотня? Что касается меня, я всегда думалъ что онъ въ концѣ-концовъ ударитъ куда-нибудь. Не говорилъ ли я вамъ то же самое еще вчера?

„У хозяина гостиницы *Золотаго Льва* очень плохая память, подумалъ Оливье; но Беатриса, которая всегда и во всемъ бываетъ права, не ошибалась говоря мнѣ что несчастія иногда идутъ-идутъ, но не доходятъ. Въ этомъ надо отдать жизни справедливость.“

Послѣ полудня онъ отправился въ путь. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи онъ встрѣтилъ широкоплечаго человека который съ очевиднымъ наслажденіемъ самъ правилъ лошадью въ своемъ шарабанѣ по улицамъ Тулена, гдѣ нѣсколько недѣль тому назадъ онъ даже не смѣлъ показаться изъ опасенія быть побитымъ или даже убитымъ. Прохожіе почтительно снимали предъ нимъ шляпы; подаость людская всегда покланяется услѣху. Съ ласкою, исполненною прощанія, онъ поклонился Оливье; Оливье отвѣтилъ на его поклонъ, въ то же время говоря самому себѣ:

— Ахъ, бѣдныя!.. воображаетъ себя счастливымъ!

Послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ тревоженій Оливье сильно нуждался въ снѣ; онъ проспалъ восемь часовъ брѣду. Едва проснувшись, онъ принялся обдумывать малѣйшія случайности которыя могутъ ему способствовать или помѣшать жениться на черноокой жевщицѣ которую онъ любитъ. Но онъ уже не терзался сознаніемъ что ему суждено вѣчно страдать. Хотя онъ и рѣшился дорогой, хотя и не разъ стучался не въ ту дверь, но кончилъ однако тѣмъ что добрася до мирной пристани; изъ этого онъ заключалъ что, несмотря на всѣ бѣдствія, несчастія и безпорядки міра сего, жизнь иногда сама помогаетъ намъ исправлять наши ошибки. Этотъ кающійся лессимистъ, еще нѣсколько сомнѣвавшійся въ своей судьбѣ, находилъ что участь его въ тысячу разъ лучше участи Кавдида который воздѣлывалъ свой садъ чтобъ утѣшиться въ безобразіи Кунигунды и въ потерѣ своихъ овецъ изъ Эльдорадо. Оливье вспомнилъ что когда-то онъ читалъ объ одномъ старомъ поселянинѣ который, на вопросъ какъ онъ понимаетъ счастье, отвѣчалъ: „Это очагъ въ гостиницѣ гдѣ пылаетъ веселый огонекъ въ то время какъ съ дороги слышится скрипка“. Надо только вникнуть въ это. Пылающій и согревающій сердце и жизнь огонекъ, это—кто-нибудь или что-нибудь, а скрипка на дорогѣ, это—надежда.

КОНЕЦЪ.

APR 10 1941

